

Проф. Г. С. Фельдштейнъ.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ИСТОРІИ НАУКИ УГОЛОВНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

Migrant enim scientiae, non secus ac
populi.

Vaco, De augmentis scien-
tiarum, c. 4. 2.

Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1909.

Предисловіе.

Въ настоящей работѣ нами сдѣлана попытка изслѣдовать главныя теченія въ научной разработкѣ уголовного права въ Россіи и уяснить вліянія, подѣ которыми они сложились. На этомъ пути мы воспользовались въ числѣ другихъ источниковъ рядомъ рукописныхъ матеріаловъ, остававшихся до сихъ поръ въ сторонѣ отъ вниманія изслѣдователей. Прошлое нашей науки не только почва, на которой выросло ея настоящее. Это прошлое съ опредѣленностью указываетъ, какія стороны остались или незатронутыми, или недостаточно разработанными и какіе факторы задержали у насъ успѣхи науки уголовного права. Это прошлое можетъ указать, слѣдовательно, пути и для ея дальнѣйшаго развитія.

Цѣнное содѣйствіе въ работѣ намъ было оказано нѣкоторыми лицами, близко стоящими къ архивамъ, и частными владѣльцами рукописнаго наслѣдья нашихъ ученыхъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность акад. С. Ѡ. Ольденбургу, проф. Д. И. Багалѣю, хранителю рукописнаго отдѣленія Румянцевскаго музея Г. П. Георгіевскому, архивариусу Историческаго архива имп. Харьковскаго университета Е. М. Иванову, архивариусу Демидовскаго юридическаго лицея Н. Д. Назарову и Н. В. Туйкову.

Г. Фельдштейнъ.

Оглавленіе.

Предисловіе	Стр. III
-----------------------	----------

ВВЕДЕНІЕ.

Задачи настоящаго труда.—Объемъ науки уголовного права при изученіи ея исторіи въ Россіи.—Соотношеніе исторіи науки уголовного права и исторіи уголовного законодательства.—Уголовно-правовыя идеи у политиковъ и моралистовъ.—Изложеніе исторіи науки уголовного права въ Россіи по школамъ и біографическій методъ.—Періоды послѣдовательнаго развитія науки уголовного права въ Россіи	1—11
---	------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Уголовная юриспруденція дореформенной Россіи.

I. Возможность появленія науки права только при наличности писаннаго права. Вліяніе юриспруденціи на законы, какъ черта, предполагающая сравнительно высокую степень развитія законодательства, съ одной стороны, и образованности, съ другой	12—13
II. Образованность московской Руси, какъ условіе, исключаящее возможность научной обработки права	14—16
III. Законодательные сборники старой Руси и ученое правовѣдѣніе. Подъяческая юриспруденція, какъ продуктъ способа возникновенія законодательныхъ сборниковъ и суррогатъ научной школы	16—34
IV. Правоучительная литература. Домострой. Описаніе уголовно-правовыхъ порядковъ. Григорій Кошкинъ	34—39
V. Правовѣдѣніе въ до-петровской русской высшей школѣ. Иоасафъ Кроковскій. Владиміръ Каллиграфъ	39—47
VI. Общая характеристика первой эпохи въ исторіи русской криминалистики	47

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣкъ внѣшней рецепціи западно-европейской науки уголовного права, какъ составной части единой системы юриспруденціи.

I. Приемы кодификаціи до-екатерининской эпохи, какъ показатель состоянія науки уголовного права Россіи.

Уголовное законодательство, какъ показатель состоянія науки уголовного права.—Характеръ работъ законодательныхъ Комиссій первой половины XVIII в.—Приемы составленія Артикула воинскаго Петра В. и Проектовъ уложеніи 1754—1766 г.г.—Отсутствіе научныхъ приемовъ въ кодификаціонной работѣ первой половины XVIII в.

48—56

II. Русская юридическая школа XVIII в. и первые теоретики.

Главные теченія въ русской юридической школѣ XVIII в.:

A. Практическое направленіе уголовного правовѣдѣнія: посылка въ началѣ XVIII в. молодыхъ людей за границу для пріобрѣтенія практическихъ навыковъ и выиска практиковъ: школа науки аудиторскихъ дѣлъ; школа юнкеровъ при коллегіяхъ; школа для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ при Сенатѣ; практическое направленіе преподаванія права въ кадетскихъ корпусахъ; учебника практическаго дѣлопроизводства: „Юриспруденція или правосудія производство“

56—71

B. Формально-теоретическое направленіе: вліяніе Лейбница на судьбу его; училище Эрнста Глюка и Рейхмутъ; теоретическое преподаваніе юриспруденціи въ Академіи наукъ: Гроссъ; Беккенштейнъ; теоретическій характеръ преподаванія права въ Московскомъ университетѣ: Дильтей; абстрактное преподаваніе права въ кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Т. Золотницкій

71—99

III. Попытка перенесенія теоретическихъ приемовъ въ область уголовного законодательства. Наказъ Екатерины II.

Уголовно-правовыя постановленія Наказа Екатерины II, какъ

VII.

Стр.

памятникъ рецепціи теоретическихъ положеній западно-европейскихъ политическихъ писателей.—Общее вліяніе Наказа на уголовно-правовую практику и научную обработку вопросовъ уголовного права.—Уголовно-правовыя идеи Наказа и ихъ источники.—Наказъ, какъ памятникъ самостоятельнаго творчества 99—142

IV. Зачатки догматическаго направленія въ русской юриспруденціи и первые опыты научной обработки положительнаго уголовного права.

Условія, выдвигавшія на очередь догматическую обработку русскаго уголовного права. Русское уголовное право, какъ предметъ занятій западныхъ ученыхъ. Ф. Л. М. Имгофъ 143—149

Главные теченія въ догматической разработкѣ уголовного права въ Россіи:

А. Историко-догматическое направленіе: Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонтъ и Г. Ф. Федоровичъ 149—166

В. Историко-сравнительное направленіе: А. Я. Полѣновъ, К. Г. Лангеръ, А. А. Артемьевъ, С. Е. Десницкій 166—188

С. Догматическіе своды законовъ: труды Академіи наукъ, усилія частныхъ лицъ и отдѣльныхъ правительственныхъ учреждений: Сводныя уложенія, Экстрактъ изъ российскихъ законовъ, Сводъ юстицкой, Указатель наказаній и Описаніе внутренняго російской имперіи правленія 188—207

V. Эклектики.

Теод. Баузе 207—213

VI. Школа политическихъ писателей и примыкающіе къ ней по вопросамъ уголовного права духовные авторы.

Ө. В. Ушаковъ 214—223

А. Н. Радищевъ 224—232

И. В. Лопухинъ 232—241

Митроп. Гавріилъ 241—246

VII. Любители изученія русской старины.

В. Н. Татищевъ 246—251

VIII.

	Стр.
И. Н. Болтинъ	251—253
М. М. Щербатовъ	254—261

VIII. Эмпирики XVIII в., какъ представители правоучительной литературы, общенароднаго здраваго смысла и защитники классовыхъ интересовъ.

Формы проявленія уголовно-правоваго эмпиризма въ XVIII в.	261—263
„Иоика, іерополитика или философія правоучительная“ и развитыя въ ней уголовно-правовыя идеи	263—265
Ив. Посошковъ, какъ представитель общенароднаго эмпиризма	265—268
А. П. Волинскій	268—269
Общенародный и классовый эмпиризмъ въ трудахъ екатерининской Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и Депутатскихъ наказахъ	269—285

IX. Обще итоги второго періода въ исторіи науки уголовного права въ Россіи.

Углубленіе и развитіе въ наукѣ уголовного права теченій, намѣчающихся въ предыдущую эпоху.—Зарожденіе стремленія къ построенію научной догмы уголовного права.—Эклектизмъ.—Значеніе политической школы писателей по уголовно-правовымъ вопросамъ — Зарожденіе интереса къ древностямъ права.—Ростъ и развѣтвленія эмпиризма.—Рецептивный характеръ уголовно-правовой науки Россіи XVIII в.	285—292
--	---------

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Періодъ подготовки матеріала для догматической разработки русскаго законодательства, первыхъ научныхъ опытовъ выдѣленія догмы уголовного права и упадка естественно-правовыхъ ученій.

I. Научные запросы въ области уголовной юриспруденціи въ эпоху Александра I въ связи съ общими условіями юридическаго образованія въ Россіи начала XIX ст.

Основанія для выдѣленія въ самостоятельный періодъ въ исторіи науки уголовного права времени Александра I и примыкающей

къ нему до-сводной эпохи.—Условія, поставившія на очередь дѣло развитія юридическаго образованія.—Удовлетвореніе потребности въ юридическихъ знаніяхъ при помощи увеличенія числа юридическихъ школъ: университеты и спеціальныя училища; кафедры русскаго права въ окраинныхъ университетахъ.—Уголовное право въ уставахъ высшихъ учебныхъ заведеній начала XIX в. и взгляды Томазія.—Самоуправленіе ученыхъ корпорацій и вліяніе идей Мейнерса.—Реакція второй половины царствованія Александра I.—Главное правленіе училищъ и централизація надзора за преподаваніемъ.—Стѣсненіе свободы преподаванія и гоненіе на естественное право, какъ особенности, характеризующія вторую половину царствованія Александра I и эпоху, непосредственно предшествующую Своду законовъ 293—310

II. Главныя теченія въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовного законодательства.

A. Комиссія составленія законовъ и связанная съ ней догматическія работы.

Основанія уголовного права.—Проектъ уголовного уложенія 1813 г.—Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze проф. Л. Г. Якоба 310—321

B. Популярно-юридическія труды и ихъ роль въ литературѣ и академическомъ преподаваніи уголовного права.

Возникновеніе въ концѣ XVIII в. популярно-юридической литературы и ея дальнѣйшій ростъ. Характеръ этой вѣтви юридической литературы 322—324

1. Практики-собратели законовъ: Хронологическія и сводныя собранія законовъ: Л. Максимовичъ, П. и Т. Хавскіе.—Алфавитно-предметные указатели уголовныхъ законовъ: Памятникъ О. и А. Правиковыхъ и А. Фіалковскаго; Сокращенный памятникъ, Указатель И. Орлова, Ключъ А. Щербакова 325—333

2. Практики-составители руководствъ дѣлопроизводства и преподаватели „законоискусства“: Новый и полный всеобщій стряпчій.—Всеобщій стряпчій И. А. Моркова.—Полный всеобщій стряпчій С. Ушакова.—Юридическая грамматика Ф. Правикова.—И. Аничковъ.—З. А. Горюшкинъ.—Н. Н. Сандуновъ.—С. А. Смирновъ.—С. Г. Боголюбовъ.—Н. Т. Спасскій.—А. К. Бабичевъ.—А. А. Федоровъ 334—347

З. П р а к т и к и - с и с т е м а т и к и: Руководство къ познанію
россійскаго законоискусства З. А. Горюшкина.—Систематическое со-
браніе С. Халылева.—Систематическое руководство П. Соколова . 347—362

С. Научно-догматическая разработка русскаго положительнаго уголовнаго зако-
нодательства.

Условія, вызвавшія необходимость появленія научной догмы
уголовнаго права въ Россіи начала XIX в. 262—370

Дополненія къ переводу учебника П. А. Фейербаха.—Опытъ
начертанія россійскаго уголовнаго права О. Горегляда.—Россійское
уголовное право П. Н. Гуляева.—Россійское уголовное право и дру-
гіе труды Г. П. Солнцева.—Труды С. А. Протасова 370—427

Д. Опыты историко-догматическаго изслѣдованія въ русской уголовной юрис-
пруденціи.

Труды Н. М. Карамзина и Г. П. Успенскаго.—И. В. Ва-
сильевъ.—И. Е. Нейманъ и его школа: Н. М. Алехинъ, Е. В. Вран-
гель, А. ф. Рейцъ.—И. Ф. Г. Эверсъ.—И. О. Беллингсгаузенъ.—
Школа славянскихъ историковъ-юристовъ и А. С. Коровецкій.—По-
пытка возрожденія методологическихъ приѣмовъ С. Е. Десницкаго:
И. О. Тимковскій и К. Ф. Михайловскій 427—460

III. Представители философскаго направленія въ наукахъ уголовнаго права.

Оттѣнки философской разработки уголовнаго права въ русской научной лите-
ратурѣ.

Чистыя естественно-правовыя конструкціи.—Преобразование док-
трины естественнаго права въ соотвѣтствіи съ требованіями опредѣ-
ленныхъ гарантій для преступника и общества.—Уголовно-правовыя
теоріи, углубленныя на психологической основѣ.—Естественно-право-
выя ученія, ищущія опоры въ положительномъ правѣ и началахъ
смѣшаннаго характера 460—464

А. Естественно-правовыя конструкціи, черпающія свои посылки въ разумѣ и
его логическихъ заключеніяхъ.

Л. А. Цвѣтаевъ.—В. С. Филимоновъ.—Г. О. Покровскій.—
А. П. Кунцынъ.—В. О. Рейтъ.—Н. Г. Вѣдоусовъ 465—475

XI.

	Стр.
В. Уголовно-правовыя ученія, опирающіяся на естественно-правовую доктрину, стремящюся къ преобразованію общественныхъ отношеній.	
В. Титаревъ.—К. Пауловичъ	475—484
С. Сторонники психологическаго обоснованія уголовного права.	
Хр. Ю. Л. Штельцеръ.—П. Д. Лодій.—В. К. Елпатьевскій.—	
Г. С. Гордѣенко	484—505
Д. Эклектическія построенія.	
Г. Х. Финке.—Е. П. Манасейнъ.—Г. М. Лангъ.—Х. А. Шле- церъ.—И. Д. Вильке.—Л. А. Цвѣтаевъ.—М. Я. Маловъ.—И. М. Наумовъ	505—524
IV. Уголовно-правовыя ученія русскихъ полити- ческихъ писателей.	
Н. С. Мордвиновъ.—П. И. Пестель.—П. Г. Каховскій.—Н. И. Тургеневъ	525—544
V. Итоги развитія науки уголовного права въ Россіи въ первыя три десятилѣтія XIX в.	
Общій характеръ научнаго развитія начала XIX в.—Роль ко- дификаціонныхъ работъ въ догматизаціи русскаго уголовного права.— Значеніе популярно-юридической литературы для опытовъ научной догмы.—Успѣхи историческаго изученія права.—Общая тенденція теоретическихъ конструкцій въ области уголовного права.—Уголовно- политическая программа дѣятелей конца царствованія Александра I .	545—551

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

**Эпоха формальнаго завершенія кодификаціи уголов-
наго законодательства, сліянія философской и догма-
тической его обработки и развитія историческаго изу-
ченія уголовного права.**

I. Эпоха Николая I въ исторіи русской уголов- ной юриспруденціи.

Необходимость выдѣленія царствованія Николая въ самостоя-
тельный періодъ въ исторіи уголовной юриспруденціи въ Россіи.—

Общія политическія условія.—Реформа университетовъ.—Общее значеніе Полнаго собранія законовъ и Свода для развитія научно-юридической литературы.—Судьбы политической литературы.—Исчезновеніе популярно-юридической обработки положительнаго права.—Ростъ историческаго изслѣдованія права.—Характеръ философской и догматической обработки уголовнаго права 552—558

II. Главныя теченія въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовнаго законодательства.

А. Догматическія работы, связанныя со Сводомъ законовъ уголовныхъ и Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г.

Приемы составленія Свода законовъ уголовныхъ. Историческая связь ихъ съ трудами практиковъ.—Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. и характеръ работъ по его составленію 558—566

В. Главныя теченія въ философско-догматической обработкѣ уголовнаго права.

Сліяніе философской и догматической обработки права въ западной наукѣ и рецепція этихъ ученій русскими юристами 566—567

1. Криминалисты-гегеліанцы: П. Г. Рѣдкинъ.—А. И. Палюмбецкій.—Р. Шипкинъ.—Н. Полетаевъ.—Приложеніе принциповъ гегеліанской философіи къ историческому изученію уголовнаго права: Ф. Денцъ и И. А. Максимовичъ, Н. С. Власьевъ 567—585

2. Историко-философская школа уголовнаго права: И. Н. Даниловичъ.—Г. С. Гордѣенко.—Д. М. Семеновскій.—А. С. Жпряевъ.—П. Д. Колосовскій.—А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ 586—607

3. Представители эклектизма: Г. Л. Фогель.—Н. В. Ратовскій.—С. О. Богородскій.—П. Д. Калмыковъ.—Н. Маевскій.—С. И. Варшевъ 607—628

С. Историческая школа русскихъ криминалистовъ

А. Поповъ.—Н. Д. Иванишевъ.—Н. И. Ланге.—Я. И. Варшевъ.—А. М. Богдановскій.—В. А. Линовскій.—Эв. С. Тобинъ.—Н. В. Калачовъ 628—637

ХІІІ.

Стр.

Д. Судьбы научно-догматической разработки русскаго положительнаго уголовного права.

Историко-сравнительное направленіе: П. И. Дегай, А. Д. Любавскій.—Догматики-практики: П. А. Мулловъ, К. К. Арсеньевъ и др.—В. Д. Спасовичъ, какъ догматикъ-теоретикъ 638—649

ІІІ. Представители уголовно-политическихъ идей эпохи появленія Свода законовъ.

Уголовно-политическая мысль въ эпоху Николая І.—Условія, вызвавшія ея возрожденіе въ концѣ 50-хъ годовъ.—Тюрьмовѣды, статистики и писатели по вопросамъ рациональной борьбы съ преступностью 649—664

ІV. Состояніе науки уголовного права къ началу шестидесятыхъ годовъ ХІХ в.

Результаты, достигнутые въ области догматической обработки положительнаго права.—Общее направленіе уголовно-политической мысли 664—668

Указатель именъ І—Х.

В В Е Д Е Н І Е.

Задачи настоящего труда.—Объемъ науки уголовного права при изученіи ея исторіи въ Россіи.—Соотношеніе исторіи науки уголовного права и исторіи уголовного законодательства.—Уголовно-правовыя идеи у политиковъ и моралистовъ.—Изложеніе исторіи науки уголовного права въ Россіи по школамъ и біографическій методъ.—Періоды послѣдовательнаго развитія науки уголовного права въ Россіи.

По исторіи отдѣльныхъ вѣтвей юриспруденціи въ Россіи мы не находимъ въ нашей литературѣ ничего, кромѣ небольшого количества разрозненныхъ работъ ¹.

¹ Изъ трудовъ этихъ, совершенно уже въ наше время устарѣвшихъ, укажемъ на написанную въ панегирическомъ тонѣ диссертацию Joh. Heinr. Fromann'a, *Structurae de statu scientiarum et artium in imperio Russico*, Tüb. 1766; Fr. Georg v. Bunge, *Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literatur des russischen Rechts und der Rechtswissenschaft in Russland überhaupt*, помѣщ. въ *Kritische Zeitschrift f. Rechtswiss. u. Gesetzgeb. des Auslandes*, herausg. v. Mittermaier u. Zachariä, II B. Heid. 1831, S. 97—136; А. Благовѣщенскій, *Исторія методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII в.* Ж. М. Нар. Просв., ч. 6, Спб. 1835 г.; А. Станиславскій, *О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго ея направленія*, Каз. 1853; П. Дегай, *Пособія и правила изученія россійскихъ законовъ или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы россійскаго права*, М. 1831; трудъ Th. Balise, *Oratio de Russia ante hoc*

saeculum non proptus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita, Mos. 1796, не смотря на то, что онъ написанъ юристомъ, затрагиваетъ только вскользь исторію юриспруденціи въ Россіи; ср. русск. пер. этого труда подъ загл.: „Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ времени Юрика до Петра В.“, Вѣстн. Европы, 1866, янв. № 1, стр. 3—20; № 2, стр. 81—96, въ особ. стр. 10—11, 19, 90—91, 96.

Изъ работъ по исторіи юриспруденціи въ Россіи отмѣтимъ въ этомъ мѣстѣ еще монографію проф. Г. Шершеневича, *Наука гражданского права въ Россіи*, Каз. 1893, трудъ проф. М. Владимірскаго-Буданова, *Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.*, Яр. 1874 и особо цѣнную работу акад. А. Лаппо-Данилевскаго, *Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи*, составленные въ царствованіе Екатерины II, нанеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1897, январь, мартъ, май, декабрь.

Поставивъ себѣ цѣлью посильно содѣйствовать заполненію указаннаго пробѣла въ нашей юридической литературѣ, мы считаемъ умѣстнымъ уже здѣсь отмѣтить тѣ начала, которыя мы намѣрены положить въ основаніи нашего труда.

Наша задача сводится къ выясненію главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи научной обработки матеріала уголовного права въ Россіи. Мы говоримъ о главнѣйшихъ моментахъ исторіи—объ опытѣ исторіи,—а не объ исторіи въ собственномъ смыслѣ потому, что при современномъ состояніи источниковъ, когда подъ спудомъ остается еще рядъ матеріаловъ рукописныхъ, нѣтъ надежды уяснить себѣ во всей полнотѣ и общей связи всѣ, заслуживающія вниманія, явленія въ области науки уголовного права въ Россіи. Еще труднѣе допустить, что уже теперь настало время обнаружить зависимость отдѣльныхъ историческихъ моментовъ въ области науки уголовного права въ нашемъ отечествѣ отъ общихъ условій развитія въ немъ науки вообще и той массы обстоятельствъ, которыя, прямо или косвенно, отражались на успѣхахъ въ Россіи уголовного правовѣдѣнія. Такая возможность представится въ полной мѣрѣ только тогда, когда достигнетъ значительнаго развитія изученіе исторіи и другихъ, смежныхъ съ криминалистикой, областей юриспруденціи и науки вообще въ нашемъ отечествѣ, а равно будетъ выяснено значеніе разнообразныхъ факторовъ, вліявшихъ у насъ на ходъ просвѣщенія.

Не поставляя себѣ задачей написать исторію науки уголовного права въ Россіи въ собственномъ смыслѣ, мы считаемъ въ то же время необходимымъ признать, что давно уже пора сдѣлать все возможное для начала этого дѣла. Но на первой очереди можетъ стоять только наиболѣе простое и элементарное. А такимъ простымъ и элементарнымъ послѣ механическаго собиранія соответственнаго матеріала можетъ быть только критическая провѣрка и установленіе точныхъ фактовъ изъ исторіи науки уголовного права въ Россіи, классифицированіе этихъ фактовъ, изученіе тѣхъ непосредственныхъ и ближайшихъ вліяній, которымъ подверглась русская криминалистика со стороны западно-европейской науки и

выясненіе главныхъ особенностей процесса развитія этой вѣтви юриспруденціи въ нашемъ отечествѣ. Изучая разнаго рода вліянія, испытанныя наукой уголовного права въ Россіи, мы тѣмъ болѣе близко подойдемъ къ тому, въ чемъ проявилась самобытность этой дисциплины въ нашемъ отечествѣ, — въ чемъ заключаются тѣ идеи, которыя русская криминалистика привнесла въ общую сокровищницу человѣческаго знанія; вмѣстѣ съ тѣмъ мы поспособствуемъ уясненію вопроса, насколько русская наука приблизила къ разрѣшенію вѣковыхъ проблемы уголовного права.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какъ мы рисуемъ себѣ выполненіе этой сложной и отвѣтственной задачи, намъ предстоитъ еще высказаться, какъ представляемъ мы себѣ ближайшимъ образомъ предметъ, съ которымъ намъ предстоитъ оперировать.

Наука уголовного права, въ качествѣ объекта нашего изученія ея исторіи въ Россіи, предполагаетъ, прежде всего, нѣкоторое установленіе ея границъ. Намъ приходится напередъ указать съ точностью, какія формы ея проявленія мы будемъ считать за начало научнаго изслѣдованія въ области уголовного права. Придется затронуть и, связанный съ предшествующимъ, вопросъ о томъ, какое трактованіе уголовно-правовыхъ темъ мы не будемъ считать входящимъ въ область нашего изслѣдованія.

Мы не будемъ вести въ этомъ мѣстѣ рѣчи объ опредѣленіи науки уголовного права и ея границъ съ точки зрѣнія разныхъ ученій и школъ, которыя даютъ на этотъ вопросъ самые разнообразные отвѣты. Для той практической цѣли, которую ставимъ себѣ мы, эти рѣшенія не имѣютъ особаго значенія. Насъ интересуетъ, прежде всего, вопросъ, гдѣ ея границы по отношенію къ исторіи уголовного законодательства. Если исторія этого послѣдняго раскрываетъ намъ процессъ развитія отдѣльныхъ институтовъ уголовного права и *implicite* ростъ уголовно-правовыхъ идей, то необходимо выяснить, не является ли оно въ своемъ поступательномъ развитіи и въ качествѣ могучаго фактора роста научныхъ знаній такимъ объектомъ, который переплетается съ исторіей науки уголовного права.

Посвящая свое вниманіе исторіи науки уголовного права въ Россіи, мы имѣемъ въ виду выяснитъ этапы, которые криминалистика прошла въ нашемъ отечествѣ, какъ научная дисциплина, — тѣ приемы, къ которымъ прибѣгали лица, ее культивировавшіе, и общую характеристику процесса ея эволюціи и достигнутыхъ въ этой области результатовъ. Но съ наукой, даже въ самой рудиментарной формѣ проявленія ея, мы имѣемъ дѣло только тогда, когда можемъ констатировать систематическую обработку уголовно-юридическаго матеріала. Эта обработка остается научной, независимо отъ того, создается ли она для цѣлей преподаванія или для вывода только общихъ началъ, хотя бы и для цѣлей практическихъ, но безъ того, однако, условія, чтобы предполагалось непосредственное примѣненіе даннаго систематизированнаго матеріала на практикѣ безъ дальнѣйшей дополнительной переработки или безъ дополнительнаго октроирванія этого примѣненія со стороны законодателя или обычая. Съ точки зрѣнія такого масштаба, за предѣлами науки окажется изслѣдованіе исторіи кодификаціи, но пріобрѣтутъ значеніе научной работы подготовительные для нея труды. Послѣдніе могутъ ставить себѣ задачей систематизацію матеріала для переработки его въ кодексы, принимая, напр., формы объяснительныхъ къ кодексамъ записокъ, законодательныхъ проектовъ, которымъ не суждено было стать законами, и проч. Самыя элементарныя попытки къ приведенію положительнаго права въ систему, къ сопоставленію его съ другими законодательствами, къ выработкѣ, наконецъ, его нормъ путемъ изученія условій историческихъ или другого порядка, вызывающихъ необходимость опредѣленнаго закона, подойдутъ, несомнѣнно, подъ область науки уголовного права, и могутъ быть затронуты въ нашемъ изслѣдованіи. Если противъ такого расширенія области науки уголовного права и можно спорить съ точки зрѣнія строго теоретической, то занимаемая нами позиція должна оказаться терпимой въ примѣненіи къ выясненію моментовъ исторіи науки уголовного права въ Россіи. По цѣлому ряду условій, въ нашемъ отечествѣ наука права развилась не только сравнительно поздно, но шла такимъ

путемъ, что законодательство очень долгое время опереживало научное выясненіе тѣхъ вопросовъ, рѣшить которые, такъ или иначе, властно требовала сама жизнь. Между тѣмъ какъ изъ исторіи права запада мы знаемъ, что зачастую ученая дѣятельность юристовъ не только вела за собой законодательство, но влагала въ него опредѣленное содержаніе, въ русскомъ правѣ ученая разработка права играла роль вторичную. При такихъ условіяхъ дѣятельность оффиціальныхъ органовъ, направленная на выработку проекта закона, на кодификацію и проч. выступала суррогатомъ дѣятельности научной и, отражая на себѣ научныя вліянія юристовъ и законодательствъ сосѣднихъ странъ, являлась въ то же время очень часто какъ бы равнодѣйствующей опредѣленныхъ практическихъ цѣлей законодателя и научной доктрины, и въ конечномъ выводѣ должна быть, несомнѣнно, отнесена къ отдѣльнымъ этапамъ развитія въ Россіи науки права.

Но пойдѣмъ далѣе. Изученію нашему должны, конечно, подлежать, прежде всего, оригинальныя произведенія русскихъ криминалистовъ. Но здѣсь мы сталкиваемся съ фактомъ, что очень часто эти оригинальныя труды складывались подъ западными вліяніями. Подъ дѣйствіемъ этого факта намъ придется на пути изученія западныхъ вліяній, подъ которыми они находились, обращаться и къ литературѣ иноземной въ чистомъ ея видѣ или въ формѣ переводовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ область исторіи науки уголовного права придется включить цѣлый рядъ такихъ трудовъ, которые хотя и посвящены выясненію вопросовъ уголовного права, но выходятъ формально за область этой науки. Въ область нашего изслѣдованія намъ придется ввести самые разнообразныя взгляды, высказанные на институты уголовного права не въ спеціально юридическихъ трудахъ, но въ литературѣ правоучительной, политической и проч. При отсутствіи въ Россіи въ теченіе очень долгаго періода научной спеціализаціи, очень глубокіе взгляды и, притомъ, вполне самобытные и затрогивающіе предметы уголовного права, высказывались людьми, очень далеко стоявшими отъ юриспруденціи въ техническомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ

последнемъ отношеніи процессъ развитія науки уголовного права въ Россіи не представляетъ сколько нибудь значительныхъ моментовъ отличія отъ ея поступательнаго хода на западѣ. И тамъ, какъ извѣстно, эволюція въ области науки уголовного права обуславливалась нерѣдко общими идеями, выработанными политиками, отвлеченными мыслителями и вообще людьми, стоящими далеко отъ уголовно-правовой науки и практики. Въ сферѣ спеціально уголовно-правовой литературы болѣе близкаго къ намъ времени уже не придется останавливаться на всѣхъ появившихся и появляющихся въ этой, смежной съ криминалистикой, области трудахъ, и регистрировать только болѣе конкретно тѣ направленія, по которымъ протекаетъ разработка науки уголовного права въ тѣсномъ смыслѣ. Такой приѣмъ вызывается не одной только необходимостью предупредить разрастаніе труда. Намъ придется считаться здѣсь съ тѣмъ фактомъ, что значеніе этихъ изслѣдованій для развитія науки уголовного права находится еще въ той стадіи, когда нельзя съ извѣстной опредѣленностью предсказать ихъ роли для развитія науки уголовного права.

Отмежевывая себѣ въ такомъ смыслѣ область исторіи науки уголовного права въ Россіи отъ исторіи законодательства, съ одной стороны, и сферы, стоящихъ съ ней въ преемственной связи, знаній, съ другой, мы, не выходя изъ круга разсужденій о предметѣ нашего изслѣдованія, должны оговориться, что сосредоточиваемъ свое вниманіе на наукѣ уголовного права съ выдѣленіемъ изъ нея вспомогательныхъ наукъ, питающихъ въ качествѣ матеріала уголовное право, не останавливаемся на вопросахъ процессуальнаго права, какъ дисциплинѣ, которая, хотя и стоитъ, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи съ уголовнымъ правомъ, но имѣетъ въ то же время свои особыя цѣли, не совпадающія съ задачами выясненія юридической природы преступленія и наказанія и свой обособленный объектъ, составляющій непосредственное содержаніе процесса уголовного.

Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, какъ мы представляемъ себѣ самое выполненіе нашей задачи.

На этомъ пути особое значеніе для насъ пріобрѣтають отдѣльные моменты, обусловливавшіе собой поступательное движеніе науки и общія условія, прямо или косвенно, вліявшія на ея развитіе, поскольку они, конечно, поддаются изученію. Разрѣшить эту задачу мы стремимся при помощи біографическаго метода и группировки отдѣльных трудовъ по школамъ; отмѣчая отдѣльные шаги, сдѣланные въ разработкѣ уголовного права разными школами въ связи съ общей характеристикой лицъ, составлявшихъ эти школы, и ихъ твореній, мы какъ бы перебираемъ тѣ отдѣльные кирпичи, изъ которыхъ слагается общее зданіе науки, и получаемъ въ результатѣ картину цѣлаго зданія. Изложеніе самаго содержанія трудовъ лицъ, работавшихъ надъ этимъ зданіемъ, обязательно, приэтомъ, для насъ, поскольку это необходимо для полученія представленія объ общемъ ходѣ поступательнаго развитія самого процесса созиданія науки уголовного права въ Россіи. Если мы избрали бы другой путь—путь изложенія исторіи науки уголовного права въ Россіи въ систематической формѣ построенія выводовъ науки уголовного права—, то погрѣшили бы противъ правильности исторической перспективы и ввели бы ложную идею о томъ, что научный матеріаль всегда представляетъ собой тѣ формы, въ которыя онъ укладывается теперь.

Намъ предстоитъ еще высказаться по вопросу о томъ, на какіе періоды можно, въ видахъ большаго удобства расположенія матеріала, расчленить изложеніе судебъ науки уголовного права въ Россіи.

Уже а priori нужно установить тотъ фактъ, что процессъ развитія науки не можетъ быть разбитъ на такіе періоды, которые отдѣляются другъ отъ друга строго хронологическими датами. Нѣкоторыя явленія изъ жизни науки уголовного права въ Россіи, хотя и подойдутъ, по времени своего возникновенія, къ одному періоду, могутъ быть разсмотрѣны нами въ другомъ періодѣ, если относятся своими корнями къ другой эпохѣ. Такой образъ дѣйствія находитъ свое объясненіе въ томъ, что изложеніе наше будетъ вестись не въ строго хронологическомъ порядкѣ появленія тѣхъ или другихъ работъ, но въ соотвѣтствіи съ наслоеніями разнообразныхъ теченій въ области уголовно-правовой мысли.

Первымъ періодомъ въ исторіи научной юриспруденціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки уголовного права въ Россіи, является та эпоха, когда криминалистика не только не обособляется еще въ отдельную дисциплину, но не дифференцируется, съ одной стороны, изъ области нравоучительной морали, не выходитъ, съ другой стороны, еще за предѣлы простого описанія уголовно-правовой практики и отчасти отражаетъ нѣкоторыя естественно-правовыя ученія западной науки. Русская уголовная юриспруденція этого періода сохраняетъ такой характеръ вплоть до появленія на аренѣ русской исторіи Петра Великаго и начинающихъ дѣлаться около этого времени, все болѣе и болѣе энергичныхъ, попытокъ перенесенія на русскую почву началъ западно-европейской науки. Въ эту первую эпоху, играющую по отношенію къ зарожденію науки въ Россіи эмбріональную роль, уже намѣчаются, однако, нѣкоторыя теченія научной уголовно-правовой мысли въ нашемъ отечествѣ, которыя въ позднѣйшія эпохи находятъ свое дальнѣйшее развитіе.

Второй періодъ въ исторіи науки уголовного права начинается эпохой реформъ при Петрѣ Великомъ и растягивается на цѣлое столѣтіе до первыхъ годовъ 19 в., когда появляются первые труды, посвященные уголовному праву, какъ обособленному предмету изслѣдованія. Конецъ этого періода совпадаетъ съ расширеніемъ и увеличеніемъ числа высшихъ юридическихъ школъ въ странѣ. Обнимая собой цѣлый рядъ наслоеній и разнообразныхъ попытокъ обработки уголовного права, періодъ этотъ характеризуется съ внѣшней стороны тѣмъ, что уголовное право не выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго предмета ни изслѣдованія, ни научнаго преподаванія, въ то время какъ со стороны правительства дѣлаются болѣе или менѣе дѣйствительныя попытки насадить въ Россіи западно-европейскую научную мысль, поскольку это соотвѣтствуетъ его цѣлямъ. Періодъ этотъ долженъ быть въ общемъ характеризованъ какъ время внѣшней рецепціи западно-европейской науки и какъ эпоха наибольшаго распространенія уголовно-правовыхъ ученій школы естественнаго права. Нѣсколько обособленная группа политическихъ писателей усиленно интересуется въ

эту эпоху проблеммам уголовной юриспруденціи и рѣшаетъ ихъ въ духѣ освободительныхъ ученій дѣятелей времени великой французской революціи. Въ общемъ, теорія въ эту эпоху оттѣсняетъ въ глазахъ ученыхъ юристовъ на задній планъ выполненіе ихъ основной задачи, состоящей въ систематизаціи и научной обработкѣ положительнаго законодательства страны. Попытки догматическаго изученія въ эту эпоху носятъ неуклюжій характеръ сводокъ разрозненныхъ законовъ и указовъ часто въ формѣ механическихъ соединеній самаго разнообразнаго, по содержанію, матеріала. Въ эту же эпоху зарождается интересъ къ изученію историческихъ особенностей русской жизни и полагается основаніе для возможнаго въ будущемъ историческаго изученія русскаго уголовного права. Въ то же время тѣ эмпирическія теченія научной уголовно-правовой мысли, которыя зародились еще въ предшествующемъ періодѣ, продолжаютъ органически развиваться, достигая значительнаго расцвѣта.

Третій періодъ въ исторіи науки уголовного права въ Россіи открывается рядомъ болѣе глубокихъ попытокъ изслѣдованія общихъ проблеммъ уголовного права и разработки положительнаго уголовного законодательства. Ученымъ этого періода приходится выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть собиранія во едино разрозненнаго матеріала русскаго уголовного права и параллельно подвергать его обработкѣ. Такъ какъ съ этой эпохой совпадаетъ увеличеніе числа высшихъ юридическихъ школъ и создаются, въ общемъ, благопріятныя условія для научной работы въ смыслѣ расширенія права самоопредѣленія представителей ученыхъ корпорацій, то періодъ этотъ отличается небывалымъ до этого времени подъемомъ научной мысли. Въ эту эпоху продолжаетъ развиваться и крѣпнуть культивированіе уголовно-правовыхъ проблеммъ, какъ составной части ученій русскихъ публицистовъ, охотно останавливающихся на этихъ вопросахъ и трактующихъ эти проблемы въ томъ же духѣ, какъ и первые пионеры въ этой области въ концѣ 18 вѣка. Политическая реакція, наступающая во вторую половину царствованія Александра I и окончательно консолидирующаяся ко времени Николая I-го, ссздаетъ новыя препятствія для развитія

научныхъ знаній и, въ частности, уголовно-правовыхъ. Появленіе же на рубежѣ этого періода свода законовъ съ пресѣченіемъ возможности научной работы въ духѣ свободнаго изслѣдованія дѣйствующаго права налагаетъ на уголовно-правовую мысль печать застоя. Школа эмпириковъ теряетъ въ это время свое значеніе подъ вліяніемъ, между прочимъ, того, что тѣ первобытные критеріи, которыми они пользуются для рѣшенія разнаго рода уголовно-правовыхъ проблеммъ, лишаютъ ихъ усилія всякаго научнаго значенія.

Четвертый періодъ въ исторіи науки уголовного права въ Россіи открывається появленіемъ свода законовъ и принимаетъ опредѣленный характеръ въ связи съ проведеніемъ въ жизнь реформы университетовъ въ тридцатыхъ годахъ. Хотя въ эту эпоху уголовное право впервые становится самостоятельнымъ предметомъ преподаванія, періодъ этотъ одинъ изъ самыхъ бесплодныхъ для развитія криминалистики. Полное собраніе законовъ и сводъ законовъ останавливаютъ частныя работы по приведенію въ систему законовъ и обработкѣ ихъ. Реакціонный же характеръ николаевской эпохи налагаетъ на науку этого времени своеобразный отпечатокъ. Открывається входъ въ русскую науку отвлеченнымъ и чуждымъ русской жизни доктринамъ, но такимъ, которыя подходятъ къ существующей политической конъюнктурѣ. Въ русскую науку переносятся ученія философской школы въ Германіи, въ ней усиленно насаждается гегеліанство и заимствуются тѣ ученія уголовного права, которыя поддерживаютъ и охраняютъ этическую и религіозную подкладку уголовно-правового строя. вмѣстѣ съ тѣмъ, зародившаяся было на научныхъ началахъ, догматическая обработка русскаго уголовного права отодвигается на задній планъ сводомъ. Все, не удовлетворяющееся абстрактной философіей, уходитъ въ область изученія историческихъ судебъ русскаго уголовного права, открывающую сравнительно большой просмѣтръ усмѣтрѣнію изслѣдователя.

Наконецъ, пятый и послѣдній періодъ науки уголовного права въ Россіи совпадаетъ съ началомъ общественнаго возрожденія нашего отечества, — съ началомъ судебной реформы и большей свободой преподаванія, ставшей возможной съ введеніемъ универси-

тетскаго устава 1863 г. Обновленіе русской жизни оказалось въ высшей степени плодотворнымъ для науки права и въ особенности уголовнаго. Свобода критики уголовно-правовой практики создаетъ благопріятныя условія для научно догматической обработки русскаго уголовнаго законодательства. Заимствование западно-европейской уголовно-правовой доктрины, не столь стѣсненное въ своемъ выборѣ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, даетъ возможность русской наукѣ подвергнуть оцѣнкѣ и переработкѣ главнѣйшія теченія западно-европейской науки въ области уголовнаго права, которыя, на ряду съ самостоятельными успліями русскихъ криминалистовъ сказать и свое слово, придаютъ наукѣ уголовнаго права въ Россіи невиданный до того блескъ.

Несмотря на то, что послѣдній періодъ въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи далеко оставляетъ за собою всѣ предыдущіе не только по количеству трудовъ, но и по ихъ глубинѣ, онъ имѣетъ, на нашъ взглядъ, для изслѣдователя судебъ русской науки нѣсколько меньшій интересъ чѣмъ предыдущія эпохи, болѣе бѣдные положительными результатами. Это обусловливается тѣмъ, что періодъ этотъ у всѣхъ на глазахъ и матеріаль, съ которымъ приходится оперировать, не вызываетъ столько затрудненій для его установленія. Не преуменьшая тѣ трудности, которыя возникаютъ при изученіи особенностей этого новѣйшаго періода, можно безъ большой ошибки сказать, что изученіе его не привлекаетъ изслѣдователя и тѣмъ, что въ немъ менѣе темнаго и неяснаго и подлежащаго возведенію къ источникамъ своего возникновенія.

Эти соображенія подсказываютъ намъ, что представляется возможнымъ ограничиться, ближайшимъ образомъ, изученіемъ судебъ науки уголовнаго права въ Россіи въ эпохи, предшествующія началу шестидесятыхъ годовъ. Вышнимъ предѣломъ избраннаго нами для изслѣдованія періода времени служитъ университетскій уставъ 1863 года и начало судебной реформы, проведенной въ 1864 году.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Уголовная юриспруденція дореформенной Россіи.

I. Возможность появленія науки права только при наличности писаннаго права. Вліяніе юриспруденціи на законы, какъ черта, предполагающая сравнительно высокую степень развитія законодательства, съ одной стороны, и образованности, съ другой.—II. Образованность московской Руси, какъ условіе, исключющее возможность научной обработки права.—III. Законодательные сборники старой Руси и ученое правовѣдѣніе. Подъяческая юриспруденція, какъ продуктъ способа возникновенія законодательныхъ сборниковъ и суррогатъ научной школы.—IV. Нравоучительная литература. Домострой. Описаніе уголовно-правовыхъ порядковъ. Григорій Кошихинъ.—V. Правовѣдѣніе въ до-петровской русской высшей школѣ. Іосафъ Кроковскій. Владиміръ Каллиграфъ.—VI. Общая характеристика первой эпохи въ исторіи русской криминалистики.

I.

При попыткѣ прослѣдить зарожденіе научно юридической мысли и поверхностный наблюдатель не можетъ не замѣтить, что далеко не при всякомъ состояніи источниковъ права можно ожидать научной его обработки.

Юриспруденція, какъ наука, невозможна безъ консолидированія самаго матеріала права въ формѣ права писаннаго. Научная обработка права предполагаетъ, даже въ самыхъ рудиментарныхъ проявленіяхъ своихъ, собираніе соответственнаго матеріала, классифицированіе его, установленіе причинной зависимости между отдельными категоріями явленій и т. д. Въ какой формѣ не выражались бы результаты научной обработки права, идетъ ли рѣчь о

созданія *regula juris*—изреченія-афоризма,—о систематизированіи ли существующихъ порядковъ для цѣлей преподаванія въ формѣ группировки типичныхъ казусовъ,—объ извлеченіи ли изъ положительнаго права общихъ, управляющихъ имъ началъ, такая обработка всегда предполагаетъ уже существующимъ извѣстный правовой укладъ, зарегистрированный въ видѣ писаннаго закона. Наконецъ, самыя отвлеченныя построенія въ области установленія директивъ для права, имѣющаго еще быть созданнымъ, не могутъ не подсказываться стремленіемъ замѣнить существующій правовой укладъ другимъ, и, такимъ образомъ, предполагаютъ все таки исходную точку въ видѣ права, уже консолидировавшагося.

Все это, примѣнимое къ области правовѣдѣнія вообще, не можетъ терпѣть ограниченій и въ той сферѣ, которую захватываетъ криминалистика. Но, разъ возникнувъ, научная рефлексія въ области отношеній, регулируемыхъ уголовнымъ правомъ, независимо отъ того, будетъ ли она оперировать при помощи началъ, отражающихъ религіозныя убѣжденія, будетъ ли она конструировать при посредствѣ философскихъ концепцій, будетъ ли она имѣть въ виду систематизацію, подсказанную потребностями преподаванія права, или намѣчать пути развитія права, соображаясь съ условіями жизни даннаго общества,—научная мысль криминалиста, рано или поздно, начинаетъ оказывать, большее или меньшее, вліяніе на содержаніе и форму уголовного закона. Такое положеніе дѣла является, однако, силою вещей достояніемъ эпохи, когда консолидированно право положительное и когда научная мысль владѣетъ соотвѣтственнымъ методомъ и запасомъ обобщенныхъ наблюдений; другими словами, когда имѣетъ мѣсто писанное законодательство и сравнительно высокая степень культуры.

Послѣднее условіе предполагаетъ уровень образованности, не только выходящій за грань простой грамотности, но и позволяющій говорить о зарожденіи среди, хотя бы небольшого, числа лицъ интереса къ изученію правовыхъ явленій не для непосредственнаго практическаго приложенія ихъ, но для рефлексіи въ видахъ уясненія и систематизаціи.

II.

Если условіями возникновенія науки права и, въ частности, науки права уголовного является извѣстная степень образованности и консолидированіе права въ формѣ письменной, то начало ея не можетъ совпадать съ первымъ проявленіемъ уголовно-правовой мысли вообще. Для отысканія начального момента научной рефлексіи придется обратиться, съ одной стороны, къ общей оцѣнкѣ образованности старой Руси, а, съ другой, къ выясненію характера правосознанія раннихъ эпохъ нашей исторіи. Последнее предполагаетъ, прежде всего, изслѣдованіе характера, дѣйствовавшихъ на Руси, законодательныхъ сборниковъ и особенностей ея юридической практики.

Безъ такого нѣсколько длиннаго пути, безъ такой, нѣсколько, пожалуй, предрѣшенной въ своихъ конечныхъ выводахъ повѣрки, можетъ быть рѣчь о веденіи изслѣдованія въ духѣ вѣроятности, — о болѣе или менѣе достовѣрныхъ догадкахъ, но не о работѣ, стремящейся въ конечномъ результатѣ къ выводамъ, покоящимся на исторически провѣренныхъ фактахъ и только съ ними считающейся.

Сказанное нами не означаетъ, однако, того, что мы считаемъ цѣлесообразнымъ подвергнуть пересмотру чуть ли не всю исторію русской образованности съ самыхъ первыхъ ея шаговъ, отыскивая въ ней корней правовѣдѣнія, какъ науки. Относительно очень длиннаго періода такая работа была бы совершенно излишней и врядъ ли оправдываемой требованіями даже самой мелочной научной добросовѣстности. Исходя изъ прогресса образованности, достаточно остановиться на какомъ-нибудь, сравнительно позднемъ, моментѣ состоянія русской образованности и, измѣривъ ея значеніе въ качествѣ отправного пункта, исходить отъ этого момента. Въ видахъ экономіи труда, цѣлесообразнѣе, такимъ образомъ, начать съ момента сравнительно болѣе поздняго, гдѣ существуетъ больше вѣроятія отыскать проблески уголовно-правовой научной мысли.

Если мы возьмемъ въ качествѣ такого пробнаго момента ту эпоху, когда у насъ ставятся на очередь и отчасти осуществляются

болѣе или менѣе сложныя кодификаціонныя попытки, то должны будемъ отмѣтить, въ общемъ, довольно низкій уровень состоянія образованности даже въ классѣ духовенства, т. е. томъ классѣ, въ которомъ можно предполагать наиболѣе полное отраженіе культуры эпохи.

Мы читаемъ въ Стоглавѣ, что многіе, претендовавшіе на занятіе духовныхъ должностей, не знали грамоты. «А не поставити, добавляетъ Стоглавъ, ино святыя церкви безъ иѣннѣя будутъ, а православныя хрестыяне учнутъ безъ покаяннѣя умирати¹...» Такое положеніе дѣла находило свое оправданіе въ отвѣтахъ, дававшихся искателями духовныхъ должностей: «мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ..., а отцы... и мастера... и сами... мало умѣютъ»². Въ вопросахъ, предложенныхъ Стоглавому собору, мы встрѣчаемъ указаніе, что «ученики учатся грамотѣ небрегомо»³, а въ отвѣтахъ собора предписывается священникамъ и дьяконамъ учить «грамоте довольно, сколько сами умѣете»⁴...

О необразованности духовенства и его нежеланіи учиться свидѣтельствуешь и Посланіе новгородскаго епископа Геннадія⁵. Низкій уровень грамотности является, повидимому, безспорнымъ фактомъ. Но если и признать, что общія условія эти не исключаютъ образованности отдѣльныхъ лицъ и даже распространенія ими знанія по разнымъ вопросамъ, то и эти предположенія приходится отбросить, какъ не оправдывающіяся даже тѣми данными, которыя приводятъ защитники сравнительно высокаго развитія грамотности въ Россіи. Акад. Соболевскій пишетъ: «...школь, которыя бы были высшими,

¹ Стоглавъ, Каз. 1862, О дьяцехъ хотящихъ во дьяконы и въ попы ставитися, стр. 120.

² Стоглавъ, *ibid.*, стр. 121.

³ Стоглавъ, *ibid.*, стр. 53.

⁴ Стоглавъ, *ibid.*, стр. 123.

⁵ Ср. текстъ Посланія еп. Геннадія, относящагося къ концу 15 в., у В. Лешкова, Русскій народъ и государство, М. 1858, стр. 422 и сл., а оцѣнку у П. Милюкова, Очерки по ист. рус. культ. ч. 2, Спб. 1897, стр. 228. Акад.

А. И. Соболевскій представляетъ себѣ, на основаніи изученія подписей въ древне-русскихъ документахъ, въ нѣсколько менѣе безотрадномъ видѣ состояніе грамотности въ Московской Руси XV—XVII в.в. Ср. А. И. Соболевскій, Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ И. Спб. У. 8 февр. 1892 г., стр. 20 и слѣд. Здѣсь же приводятся имъ и соотвѣтственныя мѣста источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе.

московская Русь до второй половины XVII вѣка не знала». «Ученость, продолжаетъ онъ, могла быть пріобрѣтаема искателями ея исключительно при помощи ихъ личнаго самостоятельнаго труда, при помощи продолжительнаго и внимательнаго изученія книгъ какъ по содержанію, такъ и по изложенію»...¹.

Трудно думать, что при низкомъ уровнѣ грамотности и отсутствіи теоретическихъ знаній и центровъ преподаванія могли бы найти себѣ мѣсто научныя попытки обработки положительнаго права или созданіе теоретическихъ положеній для развитія законодательства. Но на такой выводъ мы получимъ, однако, право только тогда, когда прибѣгнемъ къ его провѣркѣ. Эта провѣрка можетъ быть произведена путемъ анализа законодательныхъ сборниковъ той эпохи въ смыслѣ выясненія условій ихъ происхожденія. При помощи этого пріема можно получить нѣкоторые опорные пункты для заключенія о тѣхъ путяхъ, которыми шла творческая работа въ правѣ уголовномъ. Оговоримся, однако, напередъ, что именно по этому вопросу намъ придется идти проторенной дорогой лицъ, специально посвятившихъ свои усилія выясненію условій возникновенія древнихъ сборниковъ нашего законодательства.

III.

Начнемъ съ одного изъ наиболее раннихъ законодательныхъ сборниковъ древней Руси.

Русская правда, сколько бы ни спорили о ея значеніи, условіяхъ происхожденія и проч., врядъ ли являлась памятникомъ абстрактнаго творчества. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ, повидимому, разногласія между ея изслѣдователями.

«... По общепринятому мнѣнію, пишетъ проф. М. Дьяконовъ², Русская правда возникла на почвѣ мѣстныхъ, національныхъ источниковъ, хотя и не исключительно. Первымъ по объему и важности источникомъ (ея) является обычное право. Такіе институты,

¹ Ibid.

² М. Дьяконовъ, Очерки обществен-

наго и государственнаго строя древней Руси, Спб. 1908, стр. 48.

какъ мѣсть, выкупъ, судъ послуховъ... у всѣхъ народовъ возникаютъ обычнымъ путемъ и не могутъ быть заимствованы или созданы творческой дѣятельностью законодателя; это самые древніе институты обычнаго права»¹. Этотъ источникъ Русской правды, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ безспорныхъ. «Русская правда, пишетъ проф. Филипповъ, несомнѣнно, воспроизводитъ цѣлый рядъ древнѣйшихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.... Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ доселѣ живутъ въ народѣ нашемъ... Они не изобрѣтены законодателемъ»².... Наряду съ обычаемъ, источникомъ Русской правды служили княжескіе уставы³ и судебныя рѣшенія⁴. Дальнѣйшимъ источникомъ было «византійское право, которое проникло къ намъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства», причемъ, какъ пишетъ проф. Дьяконовъ, «рѣшенія судовъ на основаніи нормъ византійскаго права, приспособленныхъ къ условіямъ древне-русскаго быта, также заносятся въ Правду»⁵.

Таковы источники Русской правды. Но не самый вопросъ объ источникахъ рѣшаетъ дѣло о характерѣ возникновенія сборника. Способъ использованія источниковъ—вотъ то, что говоритъ намъ о характерѣ работы составителя.

Общій характеръ сборника наглядно обрисовывается его системой. Если система эта выростаетъ изъ судебной практики, она пріобрѣтаетъ особый отпечатокъ. Классификація сборника сводится какъ бы къ распредѣленію предметовъ тяжбъ, а отдѣльныя постановленія пріобрѣтаютъ характеръ правилъ для судьи⁶. Но такой процессуальный характеръ можетъ получиться и въ результатѣ приведенія въ систему нормъ права на почвѣ практическихъ нуждъ. Для рѣшенія вопроса о томъ, имѣемъ ли мы въ Русской правдѣ проявленіе непосредственной процессуальности или процессуальность,

¹ Ibid., стр. 48.

² А. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, Юрьевъ, 1907, стр. 113.

³ М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 48. А. Филипповъ, *Op. cit.* стр. 116.

⁴ М. Дьяконовъ *Op. cit.* стр. 49, А. П. Филипповъ, *Op. cit.*, стр. 116.

⁵ М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 49. А. Филипповъ, *Op. cit.*, стр. 116 и сл.

⁶ М. Дьяконовъ, *Op. cit.* находитъ въ Русской правдѣ черты такого процессуальнаго сборника. *Op. cit.*, стр. 50 и сл.

такъ сказать, вторичную, важно прослѣдить, какъ заносятся въ нее судебныя рѣшенія.

Судебныя рѣшенія часто воспроизводятся въ Русской правдѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но иногда и въ формѣ, обобщенной въ юридическія нормы. Что же это за обобщенія? Проф. Филипповъ, который полагаетъ, что «источникомъ Русской правды, надо считать судебныя рѣшенія...», по большей части обобщенныя въ юридическія нормы»¹..., ссылается на статью 21 Акад. списка, которая въ пространной, болѣе поздней Правдѣ, напр. въ Троицкомъ спискѣ, ст. 10, изложена въ общей формѣ. Это обобщеніе достигается, однако, тѣмъ путемъ, что отбрасывается упоминаніе объ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ. Если къ этому присоединить то, какъ пишетъ проф. Филипповъ, что «въ цѣломъ рядѣ постановленій Русской правды... есть рѣшенія и необобщенныя, похожія на то, какое изложено въ 21 статьѣ Акад. сп. (см., напр., 29 и 40 статью того же списка)»², то мы увидимъ, что, въ общемъ, и въ болѣе позднихъ редакціяхъ Русской правды легко усмотрѣть слѣды ея происхожденія изъ простой регистраціи судебныхъ рѣшеній. Это же, въ свою очередь, убѣждаетъ насъ въ томъ, что процессуальный характеръ происхожденія Русской правды является процессуальностью, такъ сказать, первичной, а не вторичной и теоретической.

Мало того, и остальные источники Русской правды не позволяютъ догадываться объ усиѣхахъ абстрактности и обобщенности Обычное право, регистрируемое въ ней, предполагаетъ существованіе нормы, уже сложившейся и обобщившейся въ правосознаніи народа; «княжескіе уставы», какъ источникъ Русской правды, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ, только обобщенныя судебныя рѣшенія, не утратившія еще и въ Русской правдѣ своего судебно-казуальнаго характера³). Наконецъ, и византійское право, какъ источникъ Русской правды, привносилось въ нее не путемъ научнаго заимствованія, а, главнымъ образомъ, путемъ рѣшенія судовъ на осно-

¹ А. Филипповъ, *Op. cit.*, стр. 116.

² А. Филипповъ, *Op. cit.*, стр. 116.

³ Ср. нѣсколько примѣровъ у А. Н.

Филиппова, *Op. cit.*, стр. 116.

ваніи нормъ византійскаго права ¹. «Въ... этихъ случаяхъ, пишетъ проф. Филипповъ, было не простое заимствованіе изъ византійскихъ сборниковъ, а переработка ихъ путемъ судебной практики» ². Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится очевиднымъ, что Русская правда явилась сборникомъ, въ которомъ путемъ судебной практики переработаны тѣ источники ея постановленій, которыя въ ней могутъ быть прослѣжены. О научной переработкѣ этихъ источниковъ для внесенія ихъ въ нее не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи.

Но не только Русская Правда складывается подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ научнымъ творчествомъ. То-же самое обнаруживается и при изслѣдованіи законодательныхъ сборниковъ, предшествующихъ Уложенію царя Алексѣя Михайловича и въ немъ находящихъ себѣ наивысшую форму проявленія, какъ въ отношеніи полноты, такъ и технического совершенства. На пути повѣрки этого положенія намъ предстоитъ остановиться, съ одной стороны, на Судебникахъ, а, съ другой, на Указныхъ книгахъ приказовъ.

Судебники, какъ установлено уже относительно давно, являются сборниками, но преимуществу, процессуальными ³. Регулируя формы процесса, они отвѣчали, конечно, запросамъ своего времени, находя такія формы выраженія для защиты интересовъ, которыя представлялись наиболѣе цѣлесообразными. Но само то обстоятельство, что защита интересовъ достигалась регулированіемъ, главнымъ образомъ, процессуальной стороны, свидѣтельствуетъ уже въ нѣкоторой степени и о томъ, какимъ способомъ создавались самыя нормы. Къ нимъ приходили путемъ судебного рѣшенія, и практика судовъ, становясь общепризнанной, являлась тѣмъ каналомъ, по которому выдвигались въ жизнь и находили свою охрану отдѣльные правовые интересы ⁴. Конечно, понятіе процессуальнаго

¹ Ср. М. Дьяконовъ, *Op. cit.*, стр. 49.

² А. Филипповъ, *Op. cit.*, стр. 117.

³ Н. Загоскинъ, *Ист. пр. моск. госуд.*, т. I. Каз. 1877, стр. 61 и 65.

⁴ „Судебникъ 1-й очень кратокъ и обѣденъ содержаніемъ даже по сравненію съ Р. правдою...“, пишетъ проф.

М. Дьяконовъ. Его содержаніе почти исключительно процессуальное“. *Очерки обществ. и государств. строя древней Руси*, Спб. 1908, стр. 215. См. о процесс. характерѣ Судебника 1497 года у А. Филиппова, *Учебникъ исторіи русск. пр. ч. I*. Юрьевъ, 1907 стр. 257 и др.

въ эпоху Судебниковъ нужно разумѣть въ смыслѣ не современномъ. Судья творилъ право, оставаясь въ нѣкоторыхъ рамкахъ процесса, гарантировавшихъ его правомѣрность, и потому періодъ Судебниковъ не нуждается въ большомъ числѣ нормъ матеріальнаго права, внесенныхъ въ самый кодексъ. Въ томъ, что въ Судебникахъ шла рѣчь о созданіи оболочки, а не самаго ядра права свидѣлствуютъ и самыя источники судебниковъ. Цѣлый рядъ статей уголовно-правоваго содержанія заимствованъ въ Судебникѣ изъ Исковской судной грамоты ¹, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Филиппова, «по своимъ источникамъ...—памятникъ живой народной мудрости,.. отлично отразившій дѣйствительность своего времени» ²... «Источниками Судебника (перваго), пишетъ, въ свою очередь, проф. М. Дьяконовъ, являются, главнымъ образомъ, прежніе юридическіе сборники... а также княжескія грамоты, опредѣлявшія порядокъ мѣстнаго управленія и суда» ³. Однимъ изъ источниковъ Судебника являлись, притомъ, такіе памятники, которые носили, по преимуществу, формальный или даже бланкетный характеръ. Другимъ источникомъ содержанія Судебника являлось обычное право и, слѣдовательно, опять таки продукты не научнаго творчества ⁴. «Составленіе Судебника, пишетъ проф. Филипповъ, едва-ли представляло большія трудности, такъ какъ Судебникъ... лишь соединялъ въ одно цѣлое тѣ юридическія нормы, какія нашлись въ мѣстномъ законодательствѣ» ⁵...

То обстоятельство, что второй Судебникъ 1550 г., въ отношеніи источниковъ своихъ, долженъ быть сведенъ къ первому подтверждаетъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ возник-

¹ Ср. А. Филипповъ, Ор. cit. стр. 260.

² Ibid., стр. 131.

³ М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, Спб. 1908, стр. 216, Н. Загоскинъ, Исторія права московскаго государства, т. I. Каз. 1877, стр. 59.

⁴ М. Дьяконовъ, Ор. cit., стр. 217 говоритъ, какъ объ одномъ изъ важнейшихъ источниковъ Судебника 1-го

объ уставныхъ грамотахъ наместничьяго управленія, причемъ указываетъ, что содержаніе ихъ Судебникомъ далеко не исчерпано. Ср. объ источникахъ Судебника 1497 г. А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 259.

⁵ А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 258 и сл. Н. Загоскинъ, Ист. пр. моск. госуд. т. I. 1877, стр. 60.

шимъ и построеннымъ на тѣхъ же началахъ ¹. Единственнымъ серьезнымъ отличіемъ служить то, что между тѣмъ какъ, повидимому, восполненіемъ перваго Судебника могъ служить живой обычай, во 2-омъ Судебникѣ ст. 97 и 98 устанавливаются, на случай неполноты Судебника, докладъ государю и боярамъ. Но это обстоятельство указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчетливо, какимъ путемъ должны были создаваться и создавались въ дѣйствительности новыя нормы. Успѣхи юридической техники, притомъ, очень незначительны во 2-омъ Судебникѣ ². Да и самъ онъ не вполне отражаетъ нормы, опредѣлявшія, регулируемыя имъ, отношенія въ цѣломъ, и не даетъ «всесторонняго представленія о развитіи юридической мысли у насъ въ половинѣ XVI в.» ³. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не можемъ видѣть въ Судебникѣ 1550 г. памятника, составленію котораго предшествовала бы научная подготовка и обработка соотвѣтственнаго матеріала.

Нѣтъ основанія для измѣненія этого вывода и въ примененіи къ тому, что извѣстно о сборникѣ, подъ именемъ «Судебника царя Θεодора Иоанновича 1589 г.». Независимо отъ того, считать ли его оффиціальнымъ проектомъ, не получившимъ законной санціи, или частнымъ сборникомъ, несомнѣнно, повидимому, то, что въ отношеніи источниковъ его и способовъ использованія ихъ, въ немъ не проявляется еще научнаго творчества ⁴ и воздѣйствія теоріи въ смыслѣ научныхъ построеній на догму излагаемаго въ немъ права. Мы утверждаемъ это, не смотря на то, что проф. Влади-

¹ Первый Судебникъ, полагаетъ проф. М. Дьяконовъ „положенъ въ основу новаго памятника и является важнѣйшимъ его источникомъ. Даже порядокъ расположенія статей удержанъ прежній“. Ор. cit., стр. 219. Ср. также А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 266 и сл., хотя онъ и настаиваетъ на томъ, что Судебникъ 1550 г. „не относится къ своему главному первоисточнику—Судебнику 1497 года—пассивно, а внимательно перерабатываетъ, измѣняетъ и дополняетъ его постановленія съ новыми условіями

жизни“... Ibid., стр. 268. О соотношеніи I и II Судебниковъ ср. Н. Загоскинъ, Исторія права московскаго государства, т. I. Каз. 1877, стр. 66.

² Ср. по этому вопросу А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 269.

³ Ср. А. Филипповъ, Ор. cit. стр. 273.

⁴ М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, Спб. 1908, стр. 224. Сводъ мнѣній о Судебникѣ 1589 ср. у А. Филиппова, Ор. cit., стр. 284 и сл.

мірскій-Будаковъ считаетъ Судебникъ 1589 г. «памятникомъ литературнымъ»¹. Последнее, повидимому, не исключаетъ того, что онъ имѣлъ непосредственно въ виду задачи практики².

Особенно цѣннымъ указаніемъ на ходъ творческаго развитія права путемъ судебныхъ прецедентовъ являются, такъ называемыя, «Указныя книги приказовъ». Представляя собой въ значительной степени дополнительные указы, возникавшіе на основаніи 98 ст. второго Судебника³, они являлись, по существу, записями отдѣльныхъ рѣшеній. Такъ какъ, притомъ, рѣшеніе дѣла по докладу одного какаго нибудь приказа не препятствовало тому, чтобы аналогичный случай былъ рѣшенъ иначе по докладу другого приказа, то, легко видѣть, что мы имѣемъ дѣло въ «Указныхъ книгахъ приказовъ» съ записями, посвящими на себѣ непосредственные слѣды возникновенія ихъ изъ судебной практики, хотя самый способъ утвержденія ихъ и носилъ нѣсколько не чисто судебный характеръ. Въ общемъ, въ такихъ Указныхъ книгахъ мы не видимъ еще переработки судебного и законодательнаго матеріала въ общія нормы права⁴. Сборникомъ такого типа является, въ частности, и Уставная книга разбойнаго приказа⁵.

Н. Шалфѣевъ, одинъ изъ немногихъ детально изслѣдовавшихъ этотъ памятникъ пишетъ о характерѣ этой книги: «...было бы совершенно невѣрно опредѣлять точный годъ ея составленія; она не возникла вдругъ изъ готоваго уже матеріала, но составлялась постепенно, мало по малу, по мѣрѣ изданія тѣхъ или другихъ постановленій, касающихся предметовъ вѣдомства Разбойнаго приказа или производства слѣдствія и суда»⁶. «...Уставная книга

¹ А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 286.

² А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 288 и сл.

³ М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго строя древней Руси, Спб. 1908, стр. 221.

⁴ Ср. А. Филипповъ, Ор. cit., стр. 283. Онъ считаетъ, „Указныя книги“ „хронологическими сборниками или собраніями законовъ, относящимися къ

компетенціи того или другого Приказа“. Ibid., стр. 283.

⁵ См. по этому вопросу М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, Спб. 1908, стр. 223 и слѣд. А. Н. Филипповъ, Ор. cit., стр. 283, а равно Н. Шалфѣевъ, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, Спб. 1868, стр. 5 и слѣд.

⁶ Н. Шалфѣевъ, Ор. cit., стр. 6.

разбойнаго приказа, продолжаетъ Н. Шалфѣевъ, есть сборникъ указовъ по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ..., наполнявшійся по мѣрѣ изданія указовъ, поэтому въ немъ нечего искать внутренней системы. Въ Книгѣ могла быть только внѣшняя система, и именно хронологическая»...¹ По поводу самаго способа составленія Уставной книги мы читаемъ у Н. Шалфѣева: «Всѣ статьи Книги образовались тѣмъ-же путемъ, какимъ шло все законодательство того времени, т. е. путемъ частнымъ, отъ конкретныхъ случаевъ, вызывавшихъ то или другое постановленіе»². «Дьяки, которымъ, поручена была въ Разбойномъ приказѣ письменная часть и вѣроятно составленіе Уставной книги, записывая въ нее тотъ или другой боярскій приговоръ, легко могли замѣтить его неполноту или неточность, которую и отмѣчали тутъ-же, въ самой статьѣ; бояринъ, которому приказаны были разбойныя дѣла, впосилъ объ этомъ въ думу, и такимъ образомъ являлся новый законъ, который также записывался въ книгу, напр. ст. 15»³....

Мы видимъ въ конечномъ результатѣ, что ни въ одномъ изъ законодательныхъ сборниковъ, предшествующихъ Уложенію, мы не имѣемъ такой подготовительной работы, которая бы носила характеръ научный. На нашемъ пути намъ предстоитъ еще обратиться къ Соборному уложенію царя Алексѣя Михайловича и прослѣдить характеръ его структуры, поскольку это нужно для выясненія его

¹ Н. Шалфѣевъ, *Op. cit.*, стр. 8. Незначительныя отступленія отъ хронологической системы, встрѣчающіяся въ Книгѣ, Н. Шалфѣевъ совершенно правильно объясняетъ условіями вторичнаго составленія Указной книги въ Разрядѣ въ 1617 году, когда „нѣкоторыя изъ ея статей, отмѣненные или измѣненные позднѣйшими узаконеніями, были изъ нея выброшены и на ихъ мѣсто поставлены послѣднія, чрезъ что хронологическій порядокъ долженъ былъ нарушиться“. *ibid.*, стр. 9. Объ условіяхъ вторичнаго составленія Уставной книги см. между прочимъ М. Дьяконовъ, *Очерки общественнаго и государственнаго*

строю древней Руси, Спб. 1908, стр. 223. Нѣсколько иного мнѣнія держится проф. А. Филипповъ, когда замѣчаетъ, что Уставную книгу Разбойнаго приказа „можно назвать сводомъ уголовныхъ законовъ, такъ какъ въ ней видна попытка изложить въ извѣстной системѣ указы и приговоры, явившіеся въ періодъ времени отъ 1555 до 1631 годовъ“. Но и при такомъ ея пониманіи еще далеко нельзя вести рѣчи о научной переработкѣ соответственнаго матеріала законодательства и судебной практики.

² Н. Шалфѣевъ, *Op. cit.*, стр. 10.

³ Н. Шалфѣевъ, *Op. cit.*, стр. 11.

источниковъ и способа ихъ использованія. Не вдаваясь въ исторію изученія вопроса объ источникахъ Уложения и пользуясь отдѣльными трудами, которыя могутъ доставить намъ необходимыя посылки, мы можемъ отмѣтить, что весьма значительную услугу въ дѣлѣ выясненія источниковъ Уложения сыграли опубликованныя П. Забѣлинымъ «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи»¹. Послѣ этой работы стало ясно, хотя на это указывалось уже и прежде², что обширный рядъ статей Уложения взятъ въ готовомъ видѣ изъ источниковъ кодифицированнаго уже права: изъ Судебниковъ, Литовскаго статута³ и изъ книгъ разныхъ приказовъ.

¹ И. Забѣлинъ, Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, относящ. до Россіи, изд. Н. Калачевымъ, кн. 1-я, М. 1850, отд. 2-е, стр. 17 и слѣд.

² Чисто внѣшнимъ образомъ относится къ вопросу объ источникахъ Уложения 1649 г. Обзорѣніе историч. свѣдѣній о сводѣ законовъ, сост. изъ актовъ, хранящихся во II отд. С. Е. И. В. канцеляріи, Слб. 1833, стр. 8 и сл., заявляющее, что въ Уложеніи 1649 было „соединено все то, что... признано было нужнымъ сохранить въ своей силѣ съ подлежащимъ исправленіемъ и дополненіемъ. Оно есть болѣе сводъ законовъ прежнихъ нежели законъ новый“...

Я. Есиповичъ, Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г (Ж. М. Ю. 1852, ч. неоф., кн. 1-ая, отд. 1) приводитъ рядъ статей Уложения, повторяющихъ статьи Судебника ц. Іоанна Васильевича, стр. 21, а равно статей, обнаруживающихъ повтореніе статей Русской правды, стр. 22. „Источники Уложения, говоритъ Есиповичъ, одни чисто народные, безъ примѣси чуждаго элемента: прежніе судебники, указы государей, боярскіе приговоры и право обычное“.... стр. 25. „Другіе источники Уложения происхож-

денія не русскаго, но изстари дѣйствовавшіе въ Россіи... и сдѣлавшіеся національными“... ст. 26. Въ общемъ, Я. Есиповичъ смотритъ на Уложеніе какъ на памятникъ, который сложился въ результатѣ органическаго историческаго роста безъ усилій отвлекающаго и анализирующаго ума. Считая Уложеніе самобытнымъ продуктомъ русской жизни, Я. Есиповичъ не видитъ въ немъ дѣятельности научнаго ума, научнаго творчества. Онъ пишетъ: „разграниченіе частей права слишкомъ слабо, классификація невѣрна, главы слѣдуютъ однѣ за другими безъ строгаго систематическаго порядка...; все доказываетъ, что для Уложения еще не настало время отвлеченія и системы...“ стр. 23 и сл.

³ Ср. обзоръ научной разработки вопроса о Литовскомъ статутѣ, какъ источникѣ Уложения у проф. Владимірскаго-Буданова въ трудѣ „Отношенія между Литовскимъ статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Сборн. госуд. знаній, т. IV, Слб. 1877, стр. 3—38. „Уже со времени появленія сочиненія Строева: „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложения“ (1833), и особенно съ появленія знаменитой рѣчи Морошкина объ „Уложеніи“ (1839) всѣмъ стало извѣстно, пишетъ проф. В.-Будановъ, что Уложеніе, въ числѣ прочихъ своихъ источниковъ, имѣетъ и

Въ наиболѣе простой формѣ защищаетъ эту мысль Влад. Строевъ, напечатавшій въ 1833 г. свое Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 году. Онъ проводитъ мысль, что Уложеніе является простымъ сводомъ. Оно «не носитъ въ себѣ никакихъ началъ умозрительныхъ... статьи его не были покорены никакой теоріи... расположеніе не представляетъ теоретическаго единства»...

Такое рѣшеніе вопроса объ источникахъ Уложенія не можетъ, однако, насъ удовлетворить, хотя бы по тому соображенію, что составленіе свода предполагаетъ лицъ сводящихъ, стоящихъ на извѣстномъ уровнѣ юридическаго развитія; сводъ, далѣе, предполагаетъ выборку, а, слѣдовательно, и нѣкотораго рода теоретическую дѣятельность, могущую быть не лишенной научныхъ пріемовъ. Да къ тому о сводѣ въ смыслѣ сведенія только старыхъ нормъ и не можетъ быть рѣчи въ примѣненіи къ составленію Уложенія. Уже съ начала шестидесятыхъ годовъ находятъ своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ мнѣніе, что, на ряду съ составителями Уложенія, внесли въ него свою лепту и представители земли¹. Первенствующее значеніе для нашей цѣли пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, то обстоятельство,

Литовскій статутъ.... Затѣмъ Линовскій въ своемъ сочиненіи: „Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича“ (1847), довольно подробно указалъ на тотъ же источникъ Уложенія“...

¹ Ср. сводъ свѣдѣній по этому вопросу въ трудѣ проф. И. Дитятинна „Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣтій, Русская Мысль, 1888, янв.-ноябрь. Въ 1862 году, пишетъ онъ, проф. Шпилевскій оказался вынужденнымъ утверждать, что „двѣ статьи Уложенія указываютъ и на законодательную дѣятельность... Прошло еще тридцать лѣтъ... проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ второй шагъ и... насчитываетъ уже около двадцати статей, составленныхъ „почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей“, а казанскій профес-

соръ Загоскинъ черезъ четыре года послѣ проф. Сергѣевича уже опредѣлилъ количество статей, вошедшихъ въ Уложеніе при дѣятельномъ участіи выборныхъ..., цифрой 80“... И. Дитятинъ, *Op. cit.*, стр. 105 и сл., Р. Мысль, 1888, янв. Выводъ проф. Загоскина, пишетъ проф. Филипповъ, Учебн. ист. русск. права, ч. I. Юрьевъ, 1907, стр. 311, доселѣ въ литературѣ вопроса остается, въ общемъ, непоколебленнымъ“. Ср. по вопросу о статьяхъ Уложенія, составленныхъ при участіи выборныхъ людей, В. И. Сергѣевичъ, Земскіе соборы въ московскомъ государствѣ, Сборн. гос. знаній подъ ред. В. П. Безобразова, т. II. 1875, стр. 41 и сл. „Изъ 40 статей XIX гл. Уложенія „о посадскихъ людяхъ“—17 (1, 3, 5—18, 39) составлены почти буквально, пи-

какимъ образомъ были использованы составителями Уложения указанные источники. Отвѣтъ на этотъ вопросъ впервые въ формѣ остроумной догадки, а затѣмъ въ формѣ научно обоснованнаго рѣшенія мы находимъ у Кавелина, въ видѣ гипотезы, и у проф. Владимірскаго-Буданова, въ видѣ доказаннаго рѣшенія задачи. Мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ центръ тяжести лежитъ для нашей цѣли не въ томъ, какими источниками, но въ томъ, какъ воспользовались этими источниками составители Уложения.

Кавелинъ выставилъ предположеніе, что составители Уложения воспользовались той обработкой матеріала русскаго законодательства, которая была дана ему путемъ практическимъ въ Указныхъ книгахъ приказовъ¹.

Подвергнувъ научной провѣркѣ гипотезу г. Кавелина, въ частности, по вопросу о Литовскомъ статутѣ, какъ источникѣ Уложения, проф. Владимірскій-Будановъ склоняется къ слѣдующему мнѣнію: «...реценція всѣхъ или почти всѣхъ статей, вошедшихъ въ Уложение изъ Статута, сдѣлана была раньше составленія Уложения, предлежала уже готовою въ Указныхъ книгахъ приказовъ»². Самый процессъ, благодаря которому появилось въ этихъ послѣднихъ пе-

шетъ проф. Сергѣевичъ, по челобитнымъ выборныхъ людей... Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора 1649 г. и въ какой мѣрѣ вошли онѣ въ Уложение, — вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой. Но что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложения, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія...», стр. 42 и слѣд.

¹ Ср. Н. Загоскинъ, Исторія права моск. госуд., т. I. Каз. 1877, стр. 89, а равно В.-Будановъ, *Op. cit.* „г. Кавелинъ, пишетъ В.-Будановъ,.. указалъ на Указныя книги приказовъ, въ которыхъ законодательный матеріалъ былъ уже подобранъ и обработанъ вполне. Эта гипотеза, высказанная не на основаніи фактическихъ данныхъ и изслѣ-

дованій, тѣмъ не менѣе подтвердилась впоследствии“... Владимірскій-Будановъ, Отношенія между Литовскимъ статутомъ и Уложениемъ царя Алексѣя Михайловича, Сборн. госуд. зн., т. IV, Сиб. 1877, стр. 6.

² Владимірскій Будановъ, *Op. cit.*, стр. 31. Ср. также по этому вопросу А. Филипповъ, Учебн. пет. русск. права, ч. I. Юрьевъ, 1907, стр. 317. Авторъ пишетъ здѣсь: „Литовскій статутъ началъ усвояться нашею практикою гораздо раньше созданія Уложения, доказательствомъ чему служить... „Указныя книги приказовъ“... Комиссія Одовскаго... нашла нѣкоторыя части Литовскаго статута въ Указныхъ книгахъ приказовъ уже рецензированными... чѣмъ и воспользовалась“...

реработка законодательнаго матеріала проф. Владимірскій-Будановъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ: исходя изъ того, что приказамъ принадлежала, между прочимъ, инициатива законовъ и редактированіе, того или другого, указа, иногда словеснаго, въ писанный законъ, имъ приходилось прибѣгать къ рецепціи его въ формѣ, какъ бы научной. «Въ Московскомъ государствѣ, пишетъ проф. Владимірскій-Будановъ, въ распоряженіи судей—приказныхъ людей оставались... прецеденты судебной практики... При возникновеніи казуса новаго... приказные дѣльцы были безпомощны. Но вотъ въ ихъ рукахъ кодексъ, въ которомъ на большую часть вопросовъ даются подробные... законодательные отвѣты... На этой первой ступени пользованіе чужимъ источникомъ не есть еще рецепція; назовемъ такое пользованіе научнымъ; оно (хотя въ самой слабой степени) замѣняло юридическое образованіе» ¹. «Думаемъ, продолжаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, что раньше составленія Уложенія рецепція литовскаго права перешла уже въ другую стадію: въ нѣсколькихъ приказахъ (преимущественно Судныхъ и Разбойномъ) было уже усвоено изъ Статута почти все то, что вошло потомъ въ Уложеніе» ². Этотъ взглядъ проф. Владимірскаго-Буданова господствуетъ, въ общемъ, и въ наши дни ³. Еще гораздо раньше проф. Владимірскаго-Буданова ту-же мысль высказалъ въ примѣненіи къ Уставной книгѣ разбойнаго приказа Н. Шалфѣевъ, который отмѣтилъ, что XXI гл. Уложенія «представляется какъ бы послѣднею редакціею Книги» ⁴. Согласно предположенію проф. Владимірскаго-Буданова,

¹ Владимірскій-Будановъ, Ор. cit., стр. 32.

² Владимірскій-Будановъ, Ор. cit., стр. 37.

³ Проф. А. Филипповъ, Учебн. ист. русск. права, стр. 320 и сл., пишетъ: „Уложеніе обобщаетъ казуистичность Статута, старается избѣжать мотивированія закона и т. д... Но и при заимствованіи формы Статута сказывается рельефно творчество мысли авторовъ Уложенія... Юридическій анализъ

Уложенія уже выше,... хотя... справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя статьи Уложенія представляютъ въ себѣ неясности .. именно вслѣдствіе редакціонныхъ ошибокъ его составителей, немѣвшихъ почему-либо справиться съ своимъ источникомъ“.

⁴ Н. Шалфѣевъ „Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, Спб., 1868, стр. 12. Весьма важнымъ аргументомъ въ пользу такого заимствованія является, между прочимъ, слѣдующее весьма вѣроятное

заимствованіе приказовъ отъ чисто какъ бы научнаго, постепенно переходило въ рецепцію литовскаго права, къ амальгамированію его съ правомъ русскимъ, причемъ слѣды иноземнаго происхожденія въ правѣ русскомъ, путемъ постепеннаго ассимилированія въ отдѣльныхъ случаяхъ, все болѣе и болѣе сглаживались въ отношеніи того, что характеризовало съ внѣшней стороны право литовское.

Внимательное изученіе источниковъ Уложенія обнаруживаетъ, однако, далеко не одно только заимствованіе изъ Указныхъ книгъ приказовъ, Литовскаго статута и проч.;¹ оно подтверждаетъ, что Уложеніе является памятникомъ, сведеннымъ изъ отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій, воспринятыхъ въ разное время въ составъ нашего права², изъ разрозненныхъ указовъ, сборниковъ ихъ, бывшихъ ранѣе въ ходу³, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и изъ вновь написанныхъ статей, созданныхъ по указаніямъ судебной практики и челобитныхъ разныхъ классовъ населенія. Въ матеріалѣ, послужившемъ для составленія Уложенія его авторами, мы имѣемъ, такимъ образомъ, видъ свободнаго заимствованія и правовое творчество для цѣлей непосредственно практическихъ. О томъ, чтобы Уложенію была придана форма, свидѣтельствующая о систематизаціи, о классифицированіи отдѣльныхъ понятій и институтовъ, исходящемъ изъ общихъ теоретическихъ основаній, нѣтъ и рѣчи.

предположеніе, выставленное проф. В.-Будановымъ. „Можно предположить, пишетъ онъ, что и статьи, отмѣченныя въ подлинникѣ (Уложенія) заимствованными изъ Статута найдены составителями также въ Указныхъ книгахъ приказовъ, но съ указаніемъ слѣдовъ, откуда они попали въ Указныя книги“. В.-Будановъ, Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Сборн. госуд. зн., т. IV, Спб. 1877, стр. 38.

¹ Ср. по вопросу объ „Источникахъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича“ трудъ К. Верховскаго, Юрид. Вѣст. 1889, ноябрь, стр. 369—388. Работа эта представляетъ, на нашъ взглядъ,

особенную цѣнность въ виду того, что въ приложенной къ ней таблицѣ мы находимъ списокъ источниковъ отдѣльныхъ главъ и статей Уложенія (стр. 377—388), поскольку это представляется выясненнымъ, по мнѣнію автора.

² О римско-византійскомъ правѣ, какъ источникѣ уголовно-правовыхъ опредѣленій Уложенія 1649. Ср. Н. Загоскинъ, Исторія права моск. госуд., т. I. Каз. 1877, стр. 87.

³ О судебникахъ и послѣдовавшихъ за ними памятникахъ законодательной дѣятельности, какъ источникахъ Уложенія 1649 ср. Н. Загоскинъ, Ист. права моск. госуд. Каз. 1877, стр. 88.

Проф. Филипповъ правъ, когда, въ результатъ изученія источниковъ Уложенія, приходитъ къ выводу, что Уложение 1649 г. не принадлежитъ «къ тѣмъ кодексамъ, которыя двигаютъ впередъ и рѣзко видоизмѣняютъ жизненные отношенія, подчиняя ихъ своимъ новымъ началамъ»¹. Вообще, система Уложенія не является выросшей изъ какихъ нибудь другихъ соображеній, кромѣ потребностей судебной практики.

Стоитъ хотя бы нѣсколько углубиться въ систему расположенія такой основной и существенной для уголовного права главы, какъ X «О судѣ», чтобы увидѣть, что составители ея, при расположеніи матеріала, руководствовались исключительно представленіемъ о движеніи спора, предвидя, по возможности, всѣ допустимыя случайности².

И на самомъ дѣлѣ, при возникновеніи спора возникаетъ естественный вопросъ, къ кому обратиться за его разрѣшеніемъ Ст.ст. 1 и 2 дѣйствительно и отвѣчаютъ на него, устанавливая общія правила. Съ ближайшей 3 ст. начинаются уже исключенія изъ общаго правила, которыя могутъ вызываться особенностями даннаго случая. Напр., судья можетъ оказаться «отвѣтчику» «недругомъ» (ст. 4), «по посуламъ» праваго обвинить и пр. Предусматривая дальнѣйшія обстоятельства, возможные при разбирательствѣ, составители вводятъ статьи о дняхъ, въ которые допускается разбирательство, о возможномъ при разборѣ дѣла «безчестіи» (ст. 27—107), о нарушеніи судебныхъ сроковъ (ст. 108 и др.), и отсюда отъ формъ и случайностей разбирательства переходятъ къ отдѣльнымъ случаямъ самыхъ нарушеній, очевидно наиболѣе часто встрѣчающимся (ст. 194, 195 и др.).

Но если такова система кодекса, то и анализъ уголовно-пра-

¹ А. Филипповъ, Учебникъ исторіи русск. права ч. I. Юрьевъ, 1907, стр. 321. Ср. также, Н. Загоскинъ, Исторія права московск. госуд. т., I. Каз. 1877, стр. 92, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что „Уложение не создало новыхъ юридическихъ началъ и отношеній. Оно представляетъ изъ себя лишь сводъ правовыхъ началъ

и отношеній, выработанныхъ отчасти народнымъ юридическимъ сознаніемъ, а отчасти практикою предшествовавшей ему жизни русскаго народа“.

² Ср. „Указъ главамъ книги сея“ въ изд. „Уложение Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, гл. десятая, Москва, 1899. стр. 3—14.

вовыхъ институтовъ Уложенія раскрываетъ его происхожденіе изъ необходимости идти на встрѣчу практической жизни и ея потребностямъ. Наказанія Уложенія носятъ характеръ приспособленности къ уровню чувствительности преступника той эпохи, а составы преступлений строго согласованы съ практическими условіями уголовно-правового обихода. Въ нихъ всего менѣе теоретичности. Къ этому результату привело то, что обобщенія Уложенія сложились, путемъ естественнаго наслоенія, изъ отдѣльныхъ случаевъ судебной практики, при разрѣшеніи которыхъ, если и пользовались иноземнымъ правомъ, какъ источникомъ, то дѣлали это медленнымъ рецепированіемъ его въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Самая форма редакціи Уложенія отражаетъ къ себѣ его конкретность и является какъ бы обобщеніемъ отдѣльныхъ случаевъ. Въ этомъ смыслѣ вполне понятно отсутствіе въ немъ чего бы то ни было похожего на общую часть.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, характеръ источниковъ и способъ использованія ихъ въ законодательныхъ сборникахъ допетровской Руси, и должны, въ результатъ, отвергнуть существованіе въ этомъ періодѣ научной доктрины и научнаго творчества, какъ фактора развитія уголовного законодательства. Последнее прогрессировало подъ вліяніемъ школы самой жизни. Той кѣткой, изъ которой создались эти сборники являлось рѣшеніе отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ юридической практики, а проводникомъ его въ жизнь выступалъ практическій юристъ-подьячій и его опытъ, замѣнявшій теоретическую, научную школу. Такъ какъ въ болѣе позднихъ памятникахъ нельзя отрицать извѣстнаго улучшенія законодательной техники, общаго поднятія уровня юридическихъ знаній и большей цѣлесообразности отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, то становится интереснымъ остановиться на особенностяхъ той разновидности юристовъ, которые практическимъ путемъ заложили основаніе русской юриспруденціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на характерѣ пріемовъ изученія дѣйствовавшаго права.

Прежде всего, кто были эти практическіе дѣятели, изъ какого класса они рекрутировались? Это были, главнымъ образомъ,

дьяки. Именно имъ поручалась письменная часть, они являлись редакторами судебныхъ рѣшеній, боярскихъ приговоровъ и именно они, формулируя ихъ, создавали тотъ матеріаль, изъ котораго выростали законодательные сборники. Очень часто, напр. въ дѣятельности Разбойнаго приказа, дьяки, записывая боярскій приговоръ, замѣчали его неполноту или несовершенство и дѣлали соответственную отмѣтку. На основаніи ея дѣло получало дальнѣйшее движеніе, и бояринъ, стоявшій во главѣ учрежденія или вѣдавшій опредѣленную категорію дѣлъ,¹ вносилъ объ этомъ въ думу, и такимъ путемъ выросталъ новый законъ. Если и не всегда такъ оканчивалось дѣло, то во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы дьяки играли роль чисто пассивную.

Такое явленіе легко поддается объясненію, если вспомнить, что не только формулировка, но и примѣненіе опредѣленной нормы требуетъ извѣстнаго навыка, и что законовѣдѣніе, даже на первыхъ шагахъ его скромнаго развитія, какъ практической дисциплины, должно было сдѣлаться достояніемъ людей, стоявшихъ близко къ правительственной машинѣ, — достояніемъ судей, дьяковъ, подъячихъ и прочихъ представителей, отправлявшихъ дѣлопроизводство. Но, умѣя примѣнять законъ къ отдѣльнымъ практическимъ случаямъ жизни, зная, всѣ тонкости и лазейки дѣлопроизводства, эти практическіе юристы безконечно далеки были въ то-же время отъ систематизированнаго и обобщеннаго конструированія окружавшей ихъ юридической дѣйствительности. Всѣ стремленія ихъ были направлены только на такое ознакомленіе съ дѣйствующимъ законодательствомъ, которое необходимо для цѣлей приложенія его къ отдѣльнымъ случаямъ съ соблюденіемъ необходимыхъ формъ и обрядовъ дѣлопроизводства². Составной частью ихъ юридическихъ познаній было поэтому умѣнье сочинять разнаго рода судебные акты и направлять ихъ въ соответственное мѣсто, — ходатайство-

¹ Н. Шалфѣевъ, Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, Спб. 1868, о возникновеніи ст. 15 уставной книги Разбойнаго приказа, стр. 11.

² Ср. А. Благовѣщенскій, Исторія методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII в. Ж. М. Нар. Пр. ч. 6, Спб. 1835, стр. 428.

вать по дѣламъ ¹. Въ этомъ практическомъ знаніи центръ тяжести юридическаго опыта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всей юриспруденціи.

Логическимъ послѣдствіемъ такого порядка служило то, что прежде всего у юристовъ-практиковъ и можно было научиться дѣйствующему праву путемъ продолжительнаго пребыванія въ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ соотвѣтственныя дѣла. Этотъ способъ изученія сохранился далеко за предѣлами зачаточнаго развитія юриспруденціи, какъ науки, и являлся однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ юридической выучки.

Рисунъ этого рода порядки относительно болѣе поздней эпохи, Десницкій отмѣчаетъ какъ все «отсылаютъ дѣтей своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому приуготовленія, даже и безъ знанія грамматики и безъ правописанія» ².

Наряду съ дьяками юристами старой Россіи выступали ходатаи по дѣламъ. Они, въ свою очередь, проходили чисто практическую школу дѣлопроизводства. Ряды этихъ ходатаевъ наполнялись обыкновенно крѣпостными, которые отдавались ихъ собственниками въ выучку уже прославившимся ходатаямъ ³.

¹ А. Благовѣщенскій, Исторія методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII в., стр. 430.

² Цит. по А. Благовѣщенскому, *Op. cit.*, стр. 435.

³ Joh. Heinr. Fromann въ трудѣ *Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico*, Tüb. 1766, изобилующемъ рядомъ неточностей и, вообще, преувеличеній въ сторону возвышенія русской науки, даетъ интересное описаніе типа стряпчаго его времени, мало, повидимому, измѣнившагося, по сравненію съ болѣе старой эпохой. Iог. Генр. Фроманнъ былъ профессоромъ моск. унив. съ 1756 по 1765. Ср. Біограф. слов. проф. и препод. И. М. У. ч. II. М. 1855, стр. 536 и слѣд. Проф. Фроманнъ пишетъ: „Quamvis vero... ex omnibus his appareat,

fori et jurisprudentiae inter Ruthenos plane aliam hodie esse faciem, ac quidem elapsis seculis, quam L. B. de Herberstein et alii descripserunt; plurimum tamen abest, ut eadem Ictorum eruditorum patriorum gloria floreat ac quidem aliae vicinae gentes. Maxima quoque est advocatorum nostrorum Rutenicorumque diversitas. Vix enim erit aliquis ex Nobilibus qui non proprium et domesticum habeat advocatum, ipsis Streptschei dictum, eundemque e servorum ordine desumptum. Quos scil. in hoc hominum genere ceteris ingenii acumine praestare vident, illos ad advocatum, qui jam aliquam famam sibi conciliavit, deduci jubent constituto prius doctrinae pretio. Hi magistri postea tyrones exercent describendis caussis a

До-петровская эпоха законовѣдѣнія въ Россіи, въ связи съ этимъ, не дѣлаетъ попытокъ ознакомиться съ иностраннымъ законодательствомъ внѣ узко-практическихъ цѣлей и не ищетъ въ немъ теоретической основы. Если юриспруденція вступаетъ на этотъ путь, то, прежде всего, для заимствованія практическаго рѣшенія интересующихъ практиковъ вопросовъ. Примѣромъ такого пользованія могутъ служить, напр., заимствованія изъ Литовскаго статута, сдѣланныя дьяками приказовъ.

Если, такимъ образомъ, и заимствованія изъ иностранныхъ законодательствъ дѣлаются для цѣлей узко-практическихъ, то въ то же время не наблюдается въ до-петровскую эпоху научнаго обобщенія правилъ юридической практики, которыя находили бы выраженіе хоть въ формѣ юридическихъ правилъ. Мы не можемъ отрицать существованія юридическихъ пословицъ въ русской жизни, какъ продукта народной мудрости, но не замѣчаемъ въ то же время *regula juris*, какъ зачатка научнаго обобщенія правовыхъ явленій. На такую точку зрѣнія стали уже довольно рано изслѣдователи исторіи русской юриспруденціи¹.

Если бы можно было усомниться въ вѣрности той безотрадной картины состоянія научной юриспруденціи въ старой Россіи, которая открывается передъ изслѣдователемъ, то тѣ данныя, которыя мы имѣемъ о составѣ русскихъ библіотекъ до-петровскаго

se exaratis, quo notitiam legum et mandatorum Caesareorum, ad quae in his vel illis casibus provocandum est, sibi comparent. Hoc si absoluto aliquot annorum spatio animadverterit magister, discipulum didisisse; illum patrono suo reddit; qui ipsi in posterum gerendas suas causas committit. In hoc hominum genere si desideres amplos, grandes, vehementesque oratores, qui in causis forensibus praeclare consistere possint; invenies tamen quosdam subtiles, honestos et a tabularum moribus alienos“. Op. cit., p. 22 и слѣд.

¹ „...До времени царя Алексея Ми-

хайловича, ищетъ П. Дегай, нельзя указать ни на одного русскаго юриста“... П. Дегай, Пособія и правила изученія русскаго законодѣнія или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы русскаго права, Москва, 1831, стр. 118 и слѣд.—На ошибочный путь становится А. Станиславскій, О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія, Казань, 1853, стр. 5 и слѣд., когда полагаетъ, что правовѣдѣніе, какъ наука, возникло въ Россіи такъ поздно благодаря тому, что отсутствовалъ долгое время предметъ его— „законы“.

времени, составляютъ, въ свою очередь, новое доказательство убогаго состоянія науки права.

И на самомъ дѣлѣ, составъ этихъ библиотекъ не только убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы не должны полагать, что до насъ не дошли какіе то ни было намятники русской научно-юридической литературы ¹, но подтверждаетъ то предположеніе, что юриспруденція, какъ наука, совершенно была чужда духу того времени. Описи книгохранилищъ свидѣтельствуютъ, что образованіе древней Россіи носило прежде всего религіозный характеръ ². Этотъ выводъ врядъ ли можетъ быть поколебленъ тѣми неопредѣленными свѣдѣніями о знаменитой великокняжеской библиотекѣ, о которой проф. Иконниковъ сообщаетъ, со словъ Клоссіуса, что при Василии Ивановичѣ въ ней заключалось до 800 рукописей на греческомъ и латинскомъ языкахъ отчасти научнаго содержанія и что Иванъ Грозный задумалъ, между прочимъ, переводъ на русскій языкъ кодекса Юстиніана ³.

IV.

Въ ту эпоху, когда уголовная юриспруденція еще не сложилась въ обособленную дисциплину, нельзя игнорировать и тѣхъ попытокъ подойти къ проблеммамъ уголовного права, которыя дѣлаются въ трудахъ нравоучительнаго характера, отвѣчающихъ на вопросы прикладной морали.

Міръ преступленія, являясь стороною жизни общества, вызывающей къ себѣ отрицательное отношеніе моралиста, представляется этому послѣднему противоположностью желательнаго уклада жизни.

¹ Въ 17 в. мы можемъ констатировать только существованіе Сводныхъ уложений, т. е. дополненій Уложенія ц. А. М. соотвѣтственными указами, а иногда и выпиской *in extenso* его источниковъ. Повидимому, такой характеръ носило „Уложеніе и указы до 1681 г.“ въ спискѣ конца 17 в. съ приведеніемъ греческихъ законовъ, значущееся въ

Каталогѣ славяно-россійскимъ рукописямъ (погибшимъ въ 1812 году) проф. Баузе. Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс. 1862, кн. 2, стр. 69.

² В. Иконниковъ, Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія, Вѣстн. Евр. 1876, сент., стр. 161 и слѣд.

³ В. Иконниковъ, *Op. cit.*, стр. 162.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дисциплина, намѣчающая, какова должна быть жизнь,—трактующая объ устояхъ этой жизни, не можетъ не касаться явленій, которыя ихъ подтачиваютъ. Другими словами, моралисты, оставаясь даже въ строго отмежеванной ими себѣ области, не могутъ не касаться и не разсуждать о преступленіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ.

Тотъ фактъ, что на стадіяхъ, когда область преступленія и наказанія не обособилась еще въ самостоятельный предметъ вѣдѣнія, вопросы эти трактуются совмѣстно съ проблемами морали, находятъ себѣ подтвержденіе и въ фактахъ русской дѣйствительности. Для ищущаго корней русскаго уголовного правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ, справка съ взглядами литературы правоучительной представляетъ особый интересъ.

Рядомъ съ трактованіемъ проблемъ уголовно-правовыхъ, какъ составной частью правоучительныхъ разсужденій, зарождается и другая, первичная еще, по своему характеру, форма обработки вопросовъ уголовного права. Къ разрѣшенію этихъ послѣднихъ она, въ органической связи съ обусловленнымъ состояніемъ права практическимъ направленіемъ въ его изученіи, подходитъ къ систематизаціи матеріала путемъ простаго описанія существующей уголовной практики. Особенности послѣдней начинаютъ изображаться въ системѣ, неподсказанной потребностями пракческаго примѣненія права, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагается скромное начало литературѣ уголовного права.

Легко видѣть, что съ дальнѣйшимъ успѣхомъ научныхъ знаній и дифференціаціей уголовного права, какъ самостоятельнаго предмета вѣдѣнія, первичные способы обработки соотвѣтственнаго матеріала постепенно видоизмѣняются, а отчасти теряютъ свое значеніе. Но на первыхъ шагахъ развитія уголовно-правовыхъ знаній въ нихъ, по необходимости, приходится искать исходныхъ пунктовъ будущихъ научныхъ теченій. Въ свое время мы увидимъ, какъ, на смѣну правоучительному и описательному трактованію преступленія и наказанія, консолидируется эмпиризмъ, претендующій на основаніи наблюденій, подсказанныхъ здравымъ смысломъ,

давать опредѣленные уголовно-политическія директивы и освѣщать путь для реформъ.

Какъ на примѣръ общихъ разсужденій объ утилитарномъ характерѣ наказаній и взгляда на преступленіе, какъ разновидность безнравственнаго въ смыслѣ «неправеднаго житія», мы можемъ указать на извѣстный Домострой Сильвестра.

Въ Домостроѣ¹ общія разсужденія о природѣ преступленія и наказанія не идутъ дальше установленія правоучительныхъ максимумъ, регулирующихъ не только образъ нравственнаго поведенія, но приводящихъ въ пользу него основанія цѣлесообразности и грѣховности.

Сильвестръ группируетъ область недозволеннаго, руководствуясь священнымъ писаніемъ. Онъ называетъ въ ряду правонарушителей блудника, лихоимца, идолослужителя, волшебника, ругателя, пьяницу, хищника, мужеложника, татя, досадителя².

Наказаніе Домострой Сильвестра понимаетъ въ качествѣ мѣры воздѣйствія, имѣющей предостережъ отъ впаденія въ будущемъ въ порокъ и преступленіе,—въ качествѣ мѣры, въ то-же время исправляющей нарушителя и слѣдующей за его поступкомъ. Сильвестръ пишетъ: «Уча и наказуя и разсужая, рапы возлагати: наказуй дѣти во юности, покоятъ ты на старость твою»³. Наказаніе должно быть соответственнымъ винѣ и непубличнымъ.⁴ Всѣ эти максимы, легко видѣть, не могутъ быть истолкованы какъ принципы наказанія правонарушенія въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ охватываютъ собой одновременно область недозволеннаго уголовнымъ закономъ наряду съ нецѣлесообразнымъ вообще и грѣховнымъ въ частности.

Попыткой подойти къ уголовно-правовымъ проблеммамъ путемъ описательнаго приѣма является трудъ извѣстнаго Кошкина.

¹ Домострой благовѣщенскаго попа Сильвестра, изд. Д. П. Голохвастовымъ, М. 1849.

² Домострой, гл. 13, стр. 18; ср. также стр. 42 и сл., а равно перечисл. видовъ недозволеннаго поведенія— „неправеднаго житія“ въ гл. 36, стр. 63

и сл.; гл. 24, стр. 4; гл. 27, стр. 48 и сл. и др. Здѣсь идетъ, впрочемъ, рѣчь не только о нарушеніяхъ закона, но и объ области безнравственнаго и грѣховнаго.

³ Домострой, гл. 15, стр. 21.

⁴ Домострой, гл. 38, стр. 68.

Григорій Карповъ Кошихинъ, подъячій посольскаго приказа, эмигрировалъ изъ Россіи въ Польшу около 1664 года; онъ скрывался подъ именемъ Селицкаго, долго странствовалъ по Пруссіи и поселился, наконецъ, въ Швеціи, въ Стокгольмѣ, гдѣ и окончилъ жизнь на плахѣ ¹. Въ своемъ трудѣ «О Россіи», составленномъ въ 1666 — 1667 г.г., онъ даетъ описаніе своего отечества съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Не покидая описательнаго тона, онъ знакомитъ читателя и съ уголовно-правовымъ строемъ современной ему Россіи.

Кошихинъ подробно, въ частности, рисуеъ особенности русскаго процесса, останавливаясь на устройствѣ органовъ суда ², не строго различая, притомъ, производство уголовное отъ гражданскаго ³ и перемѣшивая это описаніе съ нормами матеріальнаго права ⁴. Въ общемъ, Кошихинъ даетъ яркую картину не только лѣстницы наказаній ⁵, но и того, какъ они приводились въ исполненіе ⁶. Въ лицѣ Кошихина мы имѣемъ писателя, характеризующаго современную ему юридическую практику, если не безъ всякой систематизаціи, то во всякомъ случаѣ въ такой формѣ изложенія, которая подсказывается описаніемъ цѣлаго ряда сторонъ общественной и государственной жизни современной автору Россіи и рассчитана на то, чтобы дать общее представленіе о существующихъ въ Россіи юридическихъ порядкахъ. Нельзя, конечно, видѣть въ трудѣ Кошихина научнаго трактата въ смыслѣ нынѣшнемъ, но въ то-же время работа его является одной изъ первыхъ, если и не первой попыткой изложенія особенностей дѣйствующаго

¹ См. біографическія свѣдѣнія о Кошихинѣ въ предисловіи къ изданію его сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, Сиб. 1840, стр. VII—IX.

² Ср., напр., описаніе устройства судебныхъ приказовъ Московскаго и Володимирскаго, гл. VII, ст. 32; Разбойнаго приказа, гл. VII, ст. 34.

³ Гл. VII, ст. 33, 39 и др.

⁴ Ср. въ особенности гл. VII, ст. 34, 38, 40; гл. II, ст. 14 и др.

⁵ Ср., напр., гл. VII, ст. 34.

⁶ Гл. VII, ст. 34. О способахъ совершенія смертной казни, наказанія кнутомъ, наказанійхъ изувѣчивающихъ и др., гл. IV, ст. 12 и 13 о выдачѣ головою; гл. VII, ст. 47 объ отбываніи тюремнаго заключенія, а равно, гл. I, ст. 21; о практикѣ помилованія, гл. I, ст. 22 и т. д.

уголовно-правового строя, систематизованной въ видахъ наиболѣе нагляднаго его изображенія и, притомъ, не въ порядкѣ самаго примѣненія права на практикѣ. Все это позволяетъ намъ отмѣтить въ Кошихинѣ перваго представителя того направленія въ изложеніи дѣйствовавшей системы уголовного права, которое, не имѣя за собой никакой школы, отражало только его рутину, характеризую его какъ бы фотографически.

Если мы стали бы искать въ до-петровскую эпоху какихъ-нибудь указаній на способы борьбы съ преступленіемъ путемъ его предупрежденія, то должны сознаться, что не находимъ такихъ формъ проявленія уголовно-политической мысли, которыя трактовали бы эти вопросы независимо отъ практическихъ нуждъ момента. Суровая дѣйствительность подсказываетъ дѣятелямъ той эпохи жестокія и чувствительныя наказанія, обходящіяся недорого государственной казнѣ, за преступленія уже учиненныя, и побуждаетъ для предупрежденія преступленій будущихъ искать гарантій въ дѣйствительности наказаній и строгихъ мѣрахъ механическаго удержанія путемъ надзора отъ впаденія въ преступленіе людей, своимъ прошлымъ заставляющихъ относиться къ нимъ подозрительно ¹.

¹ Въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ эпохи Уложенія мы находимъ, напр., интересныя указанія на существовавшую практику по вопросу о томъ, какія мѣры наиболѣе дѣйствительны для предупрежденія преступленій. Въ этотъ вѣкъ, кромѣ угрозы наказаніемъ, придаютъ, повидимому, рѣшающее значеніе чисто механическимъ мѣрамъ предупрежденія. Свидѣтельствомъ этихъ взглядовъ является дошедшій до насъ Наказъ, относящійся къ 1649 г. (7157). (Наказъ, до градскаго благочинія касающійся, Древняя рос. вивліюэнка, ч. 19, М. 1791, изд. 2-е, стр. 1—6).

Рѣчь въ немъ идетъ о мѣрахъ безопасности „въ Бѣломъ каменномъ городѣ“, „для береженія отъ огня и ото

всякаго воровства“. „Рѣшеточнымъ приказчикамъ, читаемъ мы здѣсь, да со всякихъ людей съ десяти дворовъ по человѣку съ рогатины и съ топоры и съ водоливными трубами“ предписывается „ѣздить въ своемъ объѣздѣ... въ день и въ ночь, въ безпрестаніи“, (Наказъ, стр. 1), „въ день и въ ночь ходить и беречь накрѣпко, чтобъ на улицахъ и въ переулкахъ бою и грабежу и корчмы и табаку и иного никакова воровства и блядни не было“ и т. д. (Наказъ, стр. 2). Механическая борьба съ возможными проявленіями преступности, наряду съ суровой карательной системой, были самыми дѣйствительными средствами въ глазахъ уголовныхъ политиковъ того времени.

V.

Мы ознакомились съ тѣми теченіями русской уголовно-правовой мысли, которыя могутъ быть подмѣчены въ характерѣ нашего стараго уголовного законодательства и литературѣ правоучительной и описательной. Вполнѣ естественно обратиться теперь къ школѣ до-петровской Руси и въ ней поискать зачатковъ уголовного права, какъ науки.

Какъ ни безспоренъ низкій уровень образованности до-петровской Руси, всякій знаетъ, что первые шаги русской школы не достаточно еще установлены исторической наукой. Здѣсь приходится часто пользоваться непровѣренными данными, которыя не могутъ дать прочныхъ опорныхъ пунктовъ для выясненія даже такихъ вопросовъ, чему учили въ этой школѣ ¹.

Проф. Морошкинъ возводитъ преподаваніе права въ русской школѣ ко временамъ Іоанна Грознаго. Онъ упоминаетъ, что уже царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный предписалъ священникамъ учредить въ домахъ своихъ училища закона божія и гражданскаго ². Врядъ ли, однако, будетъ ошибкой предположить, что первыя сѣмена научно-юридическаго изслѣдованія появляются впервые только въ юго-западной Руси въ жизни высшей духовной школы.

Въ исторіи этой послѣдней нужно различать два періода, на границѣ которыхъ стоитъ въ первой половинѣ XVII в. личность Петра Могилы ³.

¹ Данные по исторіи до-петровской русской школы мы находимъ, между прочимъ, въ совершенно устарѣвшей работѣ, проф. Баузе, Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго, Вѣстн. Евр. 1806 г., янв. № 1, стр. 3—20 и № 2, стр. 81—96. Ср. о первыхъ русскихъ училищахъ, стр. 8, 10 и слѣд. Несравненно болѣе цѣнный матеріалъ по этимъ вопросамъ сообщенъ въ трудѣ Величковскаго „Историческій очеркъ общественнаго образованія въ Россіи, съ осно-

ванія Руси, до учрежденія университета, Русск. педагогич. вѣстникъ, 1861, апр., № 4, стр. 52—81, въ особенности въ части, посвященной исторіи школъ до-монгольскаго періода, стр. 52—59. Ср. также В. Лешковъ, Русскій народъ и государство, М., 1858, стр. 413 и сл.

² Морошкинъ, Предисловіе къ переводу Рейца, стр. III.

³ О дѣятельности Петра Могилы въ связи съ исторіей кievской коллегіи ср. Н. Закревскій, Описаніе Кіева, т. I, М. 1868, стр. 153 и слѣд.

Историкъ кievской академіи Мак. Булгаковъ возводитъ ея начало къ 1589 году, т. е. ко времени появленія такъ назыв. кievской школы или училища ¹. Кievское училище, какъ видно изъ грамоты патріарха Теофана, данной кievскому братству, предназначалось къ «увѣченію побожнаго живота, въ подаванію наукъ належныхъ, гдѣ вызваня вѣры не порушно и догматы св. Вселенскими 7 соборами церкви восточной, установленныхъ неотмениѣ, хотящимся учить» ². Хотя обученіе благочестивому житію и преподаваніе потребныхъ наукъ въ предѣлахъ непротиворѣчія догматамъ церкви было широкою программою, въ которой могли находить мѣсто цѣлыя группы наукъ, трудно предположить, что это было такъ и въ дѣйствительности. Мак. Булгаковъ высказываетъ догадку, весьма вѣроятную, что «все преподаваемое въ кievскомъ училищѣ, преподавалось по методу и руководствамъ, употреблявшимся тогда въ училищахъ европейскихъ; и что такое преподаваніе, внѣ постороннихъ препятствій, было въ состояніи цвѣтущемъ» ³. Если отбросить мало обоснованное предположеніе о томъ, что преподаваніе было въ состояніи цвѣтущемъ, хотя бы по тому соображенію, что какъ новое дѣло, при отсутствіи сбезпеченнаго прилива ученыхъ, оно не могло процвѣтать, и остановиться на предположеніи, что программа преподаваемыхъ наукъ въ первую пору дѣятельности кievскаго училища совпадала съ программой школъ западно-европейскихъ, то придется признать, что врядъ ли юридическимъ наукамъ было отведено сколько-нибудь самостоятельное мѣсто. Не нужно забывать, что училище это было, главнымъ образомъ, школою духовной. Если исходить изъ того, что въ основу религіознаго образованія полагался принятый въ то время на западѣ циклъ наукъ, то придется признать, что въ учрежденіи этомъ пріютились науки, входящія въ такъ называемыя *trivium* и *quadrivium* съ перевѣсомъ первыхъ ⁴

¹ Мак. Булгаковъ, Исторія кievской академіи, Спб. 1843, стр. 13.

² Мак. Булгаковъ, Ор. cit., стр. 16.

³ Мак. Булгаковъ, Исторія кievской академіи, стр. 27.

⁴ Первый циклъ, т. е. *trivium*, обнималъ собой грамматику, діалектику и реторику. *Quadrivium* являлся математической группой наукъ, состоявшей изъ ариѳметики, геометріи, астрономіи и

и съ прибавкой философіи и богословія ¹. Правда, философія обнимала и этику, а вмѣстѣ съ тѣмъ принципы нравственной философіи, являвшейся звеномъ, соприкасавшимся съ принципами правового порядка; врядъ ли, однако, въ этой дисциплинѣ находили себѣ мѣсто, по условіямъ времени, принципы карательнаго права въ сколько-нибудь конкретной формѣ. Вообще, сужденіе о томъ, поскольку были представлены въ программѣ кіевскаго училища принципы юридическіе, лучше отложить до болѣе поздняго момента въ жизни этого учрежденія, о которомъ имѣются болѣе точныя фактическія свѣдѣнія.

О болѣе позднемъ моментѣ жизни академіи въ Кіевѣ, начинающемся съ эрой Петра Могилы въ половинѣ XVII в. можно съ болѣею увѣренностью утверждать, что юридическому элементу было въ ней отведено нѣкоторое мѣсто. Мы беремъ на себя смѣлость высказать такой взглядъ, хотя по этому вопросу есть какъ разъ противоположное мнѣніе такихъ авторитетныхъ ученыхъ въ этой области, какъ акад. П. Пекарскій ² и проф. В. Иконниковъ ³. Первый пишетъ между прочимъ: «кіевскій коллегіумъ являлся сколкомъ съ модныхъ въ Польшѣ латинскихъ академій, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и тамъ, не имѣлъ ничего общаго съ народомъ... Самые способнѣйшіе изъ представителей коллегіума растрчивали

музыки. Ср. Милуковъ, Очерки по ист. рус. культуры, ч. II, Спб. 1897, стр. 231, а равно П. Закревскій, Описаніе Кіева, т. I, М. 1868, стр. 153.

¹ Относительно гораздо болѣе поздней эпохи—1694 г., т. е. времени царствованія Петра и Иоанна Алексѣевичей, мы имѣемъ свидѣтельство о преподаваніи въ кіевской академіи „не токмо пинтики и риторики, но и философіи и богословіи ученій“ съ завѣтомъ: вести преподаваніе „не отлучаясь ни въ чемъ святыхъ восточныхъ церкви исповѣданія, ... а отступниковъ и противниковъ вѣры грекороссійской, также и еретиковъ... не допускать, и прелесть противнаго исповѣданія... весьма отсѣкать и иско-

рещать...“ Др. рос. вивл., ч. 16, изд. 2, 1791, Историч. изв. о кіевской академіи, стр. 288.

² П. Пекарскій, Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія. Отеч. записки, 1862, янв., стр. 552—594; мартъ, 196—228; 367—391.

³ Кіевская академія, полагаетъ проф. В. Иконниковъ, представляла собой сколокъ съ іезуитско-польскихъ школъ и совершенно не вносила въ свои курсы свѣтскихъ знаній. Читавшіеся въ ней курсы носили строго схоластическій и полемическій характеръ. В. Иконниковъ, Русскіе университеты, стр. 165.

свои дарованія лишь на бесплодную полемику, или на еще болѣе бесплодные панегирики. Ни одного сочиненія на пользу науки, ни одного ученаго трактата съ практическою цѣлью не произвела кievская ученость въ XVII в., да и не нуждалась въ нихъ»¹. Такой суровый приговоръ значительно теряетъ въ своей силѣ, если мы припомнимъ условія реформы преподаванія въ кievскомъ коллегіумѣ въ эпоху Петра Могилы. Этотъ выдающійся по энергіи и своимъ знаніямъ человекъ понималъ задачи возрождаемаго имъ ученаго учрежденія въ томъ смыслѣ, чтобы ввести въ преподаваніе въ немъ «науки вызволенные (т. е. свободныя) Грецимъ, Словенскимъ и Латинскимъ языкомъ... вшелякимъ такъ Духовнаго, яко и Свѣцкаго стану людемъ», въ видахъ «размноженья наукъ вызволенныхъ»; онъ видѣлъ задачу учрежденія въ томъ, чтобы «наукъ вшелякихъ школьныхъ вызволенныхъ пильновати... узычати и росширати ведлугъ потребности».² «Могила, читаемъ мы у митроп. Евгенія³, завелъ въ школахъ... полный кругъ словесныхъ наукъ отъ нижнихъ классовъ до философіи и богословія, и училище началъ именовать Коллегіею»... Весь вопросъ, однако, только въ томъ, что преподносили ученикамъ подъ именемъ свободныхъ наукъ⁴. Намъ думается, что есть полное основаніе утверждать, что кругъ ихъ обнималъ въ отдѣлѣ философіи и начатки юриспруденціи⁵.

¹ П. Пекарскій, Представители кievской учености въ половинѣ XVII столѣтія, стр. 390.

² Запись II кievопечерскаго архимандрита Петра Могилы съ кievопечерскою братіею на основаніе училищъ въ лаврѣ при большемъ Троицкомъ монастырѣ, относящ. къ 18 ноября 1631 г. и напечат. въ Описаніи кievопечерской лавры митроп. Евгенія, Кіевъ, 1826, стр. 20 и 22 въ прибавленіи № 5.

³ Описаніе кievософійскаго собора и кievской іерархіи, Кіевъ, 1825, прибавленіе къ описанію, стр. 213.

⁴ П. Пекарскій, Представители кievской учености, стр. 200, сообщаетъ, что въ одномъ стихотвореніи, озагла-

вленномъ „Геликонъ“, т. е. садъ наукъ, изъ преподаваемыхъ предметовъ упоминаются „восемь корней свободныхъ наукъ“ и указывается на грамматику, риторикку, діалектику, арифметику, музыку, геометрію, астрономію и теологію“...

⁵ 15 іюня 1631 г. Могила писалъ: „я вознамѣрился завести школы для того, чтобы юношество было оставляемо во всякомъ благочестіи, благихъ нравахъ и свободныхъ наукахъ“. П. Пекарскій, Представители кievской учености въ половинѣ XVII ст., Отеч. записки 1862, янв. стр. 579. Относительно болѣе поздняго времени справедливость нашего предположенія вытекаетъ уже изъ того, что вос-

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, начатки юриспруденціи въ духѣ изложенія началъ естественнаго права давались уже Іоасафомъ Кроковскимъ, дѣятелемъ кіевскаго коллегіума и академіи ¹ конца XVII и начала XVIII вѣка.

Іоасафъ Кроковскій († 1708) ², бывшій воспитанникомъ кіево-могилянскою коллегіи, закончилъ свое образованіе на западѣ. Побывавъ въ Римѣ, онъ изучалъ тамъ философію и богословіе, а впоследствии преподавалъ тѣ же дисциплины въ Кіевѣ ³. Есть основаніе полагать на основаніи конспекта его курса, хранящагося, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Булгаковымъ, въ бібліотекѣ кіево-печерскою лавры ⁴, что онъ понималъ преподаваемыя имъ дисци-

питанники кіевскою академіи пользовались съ 1776 г. въ качествѣ учебника Баумейстеромъ въ изданіи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Ср. митроп. Евгений, Краткое свѣдѣніе о началѣ кіевскою академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ, обыкновеніяхъ, порядкѣ и перемѣнахъ въ Описаніи кіево-софійскаго собора и кіевскою іерархіи, Кіевъ 1825, приб. 41, стр. 218. Ср. также Н. Закревскій, Описаніе Кіева, т. I, М. 1868, стр. 165.

¹ Ср. по вопросу о наименованіи кіевскаго коллегіума академіей, у митроп. Евгения, Описаніе кіевософійскаго собора и кіевскою іерархіи, приб. 41, стр. 215 и слѣд. Митроп. Евгений приурочиваетъ это переименованіе къ 26 сент. 1701 г. въ грамотѣ царя Петра Алексіевича.

² Іоасафъ Кроковскій, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ митроп. Евгениемъ, обучался въ Римѣ и съ 1693 по 1697 г. былъ ректоромъ кіевскаго коллегіума. Въ 1708 г. онъ избирается митрополитомъ кіевскимъ, а въ 1718 г. умираетъ въ Твери проездомъ въ С.-Петербургъ. Описаніе кіево-печерскою лавры, Кіевъ, 1826, стр. 120. Эти даты не безспорны, такъ какъ тотъ же митроп. Евгений въ другомъ трудѣ: Опис. кіевософійскаго собора, Кіевъ 1825, т. е. появившемся нѣсколько

ранѣе, говоритъ о 1693 и 1694 г. какъ времени ректорства Кроковскаго. Объ обстоятельствахъ смерти Кроковскаго см. Описаніе кіевософійскаго собора, стр. 215. О поѣздкѣ Кроковскаго въ Москву въ 1708 г. для возведенія на престолѣ митрополіи кіевскою, см. приб. № 34 въ Описаніи кіевософійскаго собора, Кіевъ. 1825.

Біограф. данныя о Іоасафѣ Кроковскомъ см. Д. Бантышъ-Каменскій, Слов. достоп. людей русскою земли, ч. 2, М. 1836, стр. 437—439, сост. главн. образомъ на основаніи трудовъ митроп. Евгения, Теоф. Прокоповича и VI ч. труда Голикова. Замѣшанный въ дѣлѣ царевича Алексѣя, Іоасафъ получилъ повелѣніе явиться въ С.-Петербургъ и по дорогѣ туда скончался въ Твери 1-го іюля 1718 года, по словамъ Голикова, отъ отравы. Бантышъ-Каменскій замѣчаетъ, что „смерть митрополита кіевскаго послѣдовала въ то самое время, когда дошла до Твери вѣсть: что не стало несчастнаго царевича!..“ Б.-К. Слов., стр. 438.

³ Мак. Булгаковъ, Исторія кіевскою академіи, стр. 85 и сл.

⁴ Мак. Булгаковъ, Исторія кіевскою академіи, стр. 69.

лины въ весьма широкомъ смыслѣ. *Tractatus theologicus de peccatis*, принадлежащій Кроровскому и выходящій къ 1695 году, даетъ общій матеріалъ для характеристики элементовъ преступленія. Авторъ разсуждаетъ *de pura omissione libera, de causis, subiecto et poenis peccati, de peccato theologico et philosophico, commissio- nis et omissionis etc.* ¹. Другой трудъ Кроровскаго, носящій названіе: *Tractatus theologicus de iustitia*, разбираетъ вопросы *de es- sentia iustitiae, de eius speciebus, — subiecto, — actibus, — de inius- titia* ².

О томъ, что преподаваніе въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ стояло на значительной высотѣ, свидѣтельствуя краснорѣчиво и признанія его противниковъ ³. Акад. П. Пекарскій аргументируетъ въ пользу ненаучной постановки преподаванія въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ рядомъ доводовъ, далеко не безспорныхъ. Онъ ссылается, напр., на отрицательный отзывъ о кіевскихъ ученыхъ Мелетія Смотрицкаго. Врядъ ли, однако, заключеніе послѣдняго можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ виду несомнѣнно полеми- ческаго характера этого отзыва ⁴. Не прибавляетъ убѣдительности заключенію акад. Пекарскаго и его ссылка на Александра Тыш-

¹ Мак. Булгаковъ, Исторія кіевской академіи, стр. 72.

² Мак. Булгаковъ, Исторія кіевской академіи, стр. 73.

³ Противникъ и антагонистъ Могилы Саповичъ писалъ въ своей *Eranorthosis* (стр. 113), обращаясь къ униатамъ: „меркнутъ ваши школы... передъ учрежденными въ Кіевѣ... отцомъ Могилою—эти, еслибъ въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, конечно, современемъ, имѣли бы чѣмъ утѣшить Русь“... П. Пекарскій, Представители кіевской учености, Отеч. зап. 1862, янв., стр. 590.

⁴ По словамъ П. Пекарскаго, Мелетій Смотрицкій въ 1629 г. въ своемъ „*Екзетесисѣ*“ приводитъ много примѣ-

ровъ недостаточности образованія кіевскихъ ученыхъ. Возражая Мужилловскому, Смотрицкій, между прочимъ, пишетъ: „Еще ли будешь хвалиться своими премудрыми учеными? Исполнишь ты это, когда ихъ народишь... У васъ все хвастовство, а не дѣло: въ цѣлой русской, такой обширной, землѣ не имѣете и трехъ ученыхъ...: учрежденія школъ Господь Богъ не допускаетъ ни у васъ, ни въ Москвѣ, а если и завелись кое гдѣ такія, то дымить онѣ, а не горять. Тамъ дѣти получаютъ только ту пользу, что изъ телятъ дѣлаются волами“... П. Пекарскій, Представители кіевской учености, Отеч. зап. 1862, янв., стр. 571 и слѣд.

кевича, закончившаго свое юридическое образование въ Парижѣ полученіемъ тамъ степени *magister utriusque juris* ¹.

Сѣмена юриспруденціи были заложены, однако, не только въ средѣ ученыхъ кievской академіи, но и академіи московской. Это случилось въ силу исторической необходимости, и этому не могло помѣшать отрицательное отношеніе ко всему иноземному руководящихъ представителей духовной власти ² и московскихъ книжниковъ. Исторія возникновенія московской академіи и стремленія ея дѣятелей заложить основаніе ученаго правовѣдѣнія не подлежатъ сомнѣнію.

Когда въ 1679 году, по настоянію нѣкоего іеромонаха Тимоооя, ³ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ признаетъ необходимость учрежденія въ Москвѣ греческаго училища ⁴ и вскорѣ возникаетъ мысль о преобразованіи его въ академію, имъ готовится около 1682 года грамота, дарующая будущей академіи большія привилегіи и опредѣляющая, ближайшимъ образомъ, кругъ знаній, имѣющихъ преподаваться въ ней. Въ этомъ памятникѣ благихъ намѣреній ⁵ мы видимъ въ ряду дисциплинъ, преподаваніе которыхъ допускается

¹ П. Пекарскій, Представители кievской учености, Отеч. зап. 1862, мартъ, стр. 206.

² „На изученіе иностранныхъ языковъ, на чтеніе иностранныхъ сочиненій, пишетъ акад. П. Пекарскій, московскіе книжники смотрѣли какъ на оскверненіе вѣры“. Въ 1648 г. патріархъ Іосифъ писалъ: „мнози нынѣ свой хлѣбъ и сокровища духовная во чтеніи и наученіи изобильныхъ книгъ словенскихъ оставивше, за чужій, иже смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ хапаются, а запрещенія седмаго собора не понимаютъ“. П. Пекарскій, Представители кievской учености, Отеч. зап. 1862, стр. 383.

³ Ср. Историческое извѣстіе о московской академіи, сочиненное въ 1726 г. отъ справщика Ѳедора Поликарпова, и дополненное преосв. еп. смоленскимъ Гедеономъ Вишневымъ, Древ. росс.

вѣвл., ч. 16. изд. 2-е. М. 1791, стр. 295 и сл.

⁴ Ср. Смирновъ, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, М. 1855, стр. 8 и сл.

⁵ Мы читаемъ въ этой грамотѣ, между прочимъ: „мудростью во вещьхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе...; ни о чесомъ же тако тщаніе наше сотворяемъ, яко же о изобрѣтеніи премудрости“... (стр. 399). „Хощемъ сѣмени мудрости, то есть науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, нѣгтики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсть очищенія постановити. При томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость Акадими, сирѣчь училищъ, составляется быти“... (стр. 402).

въ академіи, «ученіе правосудія духовнаго и мірскаго»¹. Царь Оеодоръ Алексѣевичъ предоставилъ для ученыхъ нуждъ академіи царскую библіотеку, содержащую и изданія, трактовавшія правовые вопросы². Есть основаніе полагать, что попытка привить съмена юридическихъ знаній въ московской академіи не была совершенно безплодной, и нетрудно привести соответственныя доказательства, по крайней мѣрѣ относительно болѣе поздняго момента жизни московской академіи.

Наставникъ философіи московской академіи въ половинѣ XVIII вѣка Владиміръ Каллиграфъ (съ 1755 г.), несомнѣнно вводилъ юридическій элементъ въ курсъ преподававшейся имъ «эоники»³. Въ его преподаваніи она захватывала отчасти и области права гражданскаго, уголовнаго и церковнаго. Въ первой части своего курса

„А отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче же магіи естественной, и иныхъ, такимъ не учити, и учителей таковыхъ не имѣти“ (стр. 408). „Блюститель училищъ со учителями во училище да судятъ... Такожде и учениковъ во всякихъ ихъ преступленіяхъ, развѣ убійственныхъ и иныхъ великихъ дѣлъ, ни въ которые приказы не имати; а судити ихъ въ тѣхъ дѣлѣхъ блюстителю училищъ съ учителями“ (стр. 410). „Государственную нашу вивліюэику въ сохраненіе предаемъ блюстителю училищъ со учителями, и оной нашей вивліюэики при томъ нашемъ училищѣ вѣчно быти утверждаемъ“ (стр. 418). Древняя русская вивліюэика, изд. 2-е., ч. VI. М. 1788, стр. 397—420.

¹ С. Смирновъ, *Op. cit.*, стр. 12.

² Сдѣланная въ 1689 г. опись книгъ Академіи упоминаетъ о трудѣ неизвѣстнаго автора на латинскомъ языкѣ: Разумъ суда римскаго. С. Смирновъ, *Op. cit.*, стр. 42. Въ описи книгъ, составленной въ 1690 году въ Законоспасскомъ монастырѣ, читаемъ мы въ трудѣ В. Иконянова, Русскіе университеты, стр. 164 и сл., попадаются изданія: „Де привилегіисъ етъ юрибусъ“,

Уложеніе польскаго королевства, Саксонское зеркало и Уложеніе магдебургскаго государства, „Юрисъ цивилісъ“, Разумъ суда римскаго.—Проф. Иконяновъ тамъ же добавляетъ, что въ описи книгъ Павла, митрополита сарскаго и подонскаго, 1676 года называется, между прочимъ, „Саксонская политика“, а въ книгахъ Епифанія Славинецкаго встрѣчаются изданія: „О правдѣ и судѣ“, латинскій экземпляръ „Пандектъ контроверсій“ и др. Сокращенный списокъ книгъ, пожертвованныхъ Епифаніемъ Славинецкимъ см. въ трудѣ Ник. Закревскаго, Описание Кіева, т. 2, М. 1868, стр. 399, гдѣ напечатано духовное завѣщаніе Епифанія Славинецкаго (†1675). Все это не можетъ не убѣждать, что къ концу 17 в. въ составѣ русскихъ библіотекъ значительно возрастаетъ количество юридическихъ трактатовъ и вообще матеріаловъ для сравнительнаго изученія законодательства.

³ Интересныя подробности объ этой личности, окончившей жизнь въ изгнаніи, см. у Смирнова, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, М. 1855 г., стр. 209 и слѣд.

Каллиграфъ трактовалъ, между прочимъ, de actionibus humanis earumque differentia, de obligatione, de lege naturae, de poenis et praemiis, de imputatione. Въ 4-ой же части затрогивалъ вопросы церковнаго права (de jure ecclesiastico). Онъ раздѣлялъ эту часть на отдѣлы: de idea ecclesiae; de potestate ecclesiastica, de potestate conciliorum, de potestate excommunicandi, de membris ecclesiae, de jure officioque docentium, de jure et officio antistitum^{1 2}. Будучи знакомъ съ лекціями Тоасафа Кроковскаго, Каллиграфъ идетъ далѣе его. Въ основаніе своего міровоззрѣнія онъ полагаетъ философію Лейбница и часто ссылается на нее.

VI.

Мы можемъ подвести нѣкоторые итоги. Какъ ни эмбрионально развитіе научной юриспруденціи въ дореформенной Россіи, въ ней намѣчаются уже нѣкоторыя опредѣленные теченія.

Одно изъ нихъ чисто практическое, являющееся непосредственнымъ суррогатомъ научной школы, вызывается условіями состоянія источниковъ нашего права и приводитъ къ системѣ подьяческой выучки дѣлопроизводству. Другое теченіе, близкое къ нему только по своему происхожденію изъ мѣстныхъ условій, вращаясь въ кругѣ доступныхъ тогдашнему русскому обществу знаній, даетъ образцы трактованія уголовно-правовыхъ проблеммъ, какъ вида жптейской морали. Еще ближе къ первому теченію, стоящее съ нимъ въ органической связи, стремленіе дать образецъ описательной обработки уголовно-правового уклада. Третье теченіе въ развитіи русской юриспруденціи въ этотъ періодъ только еще зарождается. Оно иноземнаго происхожденія и переноситъ къ намъ нѣкоторыя западно-европейскія доктрины естественно-правовыхъ ученій.

Исходные пункты этихъ теченій мало измѣняются въ потокѣ времени. Измѣняется только ширина и глубина ихъ. Въ этомъ убѣдить насъ дальнѣйшая исторія успѣховъ уголовной юриспруденціи въ Россіи на пространствѣ цѣлаго столѣтія.

¹ С. Смирновъ, *Op. cit.*, стр. 167 и сл.

² Эта попытка введенія церковнаго права въ качествѣ предмета преподаванія представляется тѣмъ болѣе инте-

ресной, что легализуется только впоследствии указомъ св. Синода въ 1798 подъ видомъ каноническаго права. Смирновъ, *Op. cit.*, стр. 296.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣкъ внѣшной рецепціи западно-европейской науки уголовного права, какъ составной части единой системы юриспруденціи.

I. Приемы кодификаціи до-екатерининской эпохи, какъ показатель состоянія науки уголовного права въ Россіи.—II Русская юридическая школа XVIII в. и первые теоретики.—III. Попытка перенесенія теоретическихъ приемовъ въ область уголовного законодательства. Наказъ Екатерины II.—IV. Зачатки догматическаго направленія и первые опыты научной обработки русскаго положительнаго права.—V. Эклектики.—VI. Школа политическихъ писателей и примыкающіе къ ней по вопросамъ уголовного права духовные авторы.—VII. Любители изученія русской старины.—VIII. Эмпирики XVIII в., какъ представители нравоучительной литературы, общенароднаго здраваго смысла и защитники классовыхъ интересовъ.—IX. Общие итоги второго періода въ исторіи науки уголовного права въ Россіи.

I.

Приемы кодификаціи до-екатерининской эпохи, какъ показатель состоянія науки уголовного права въ Россіи.

Уголовное законодательство, какъ показатель состоянія науки уголовного права.—Характеръ работъ законодательныхъ Комиссій первой половины XVIII в.—Приемы составленія Артикула воинскаго Петра Великаго и Проектовъ уложенія 1754—1766 г.г.—Отсутствіе научныхъ приемовъ въ кодификаціонной работѣ первой половины XVIII в.

Состояніе уголовного законодательства любой эпохи можетъ служить хорошимъ показателемъ степени развитія науки уголовного права въ данной странѣ въ особенности въ томъ случаѣ, когда въ странѣ этой ищутъ способовъ усовершенствовать уголовное законодательство и придать ему болѣе систематическую форму. Нельзя допустить, чтобы законодатель на случай такой потребно-

сти не постарался воспользоваться услугами, которыя можетъ оказать ему наука. Съ точки зрѣнія такого взгляда весьма поучительныя заключенія о состояніи науки уголовного права въ Россіи въ періодъ времени отъ начала реформаторской дѣятельности Петра В. до начала XIX столѣтія можно извлечь уже изъ ознакомленія съ тѣмъ, въ какомъ состояніи находилось наше уголовное законодательство. Конечно, нельзя забывать, что такой косвенный пріемъ для оцѣнки состоянія науки имѣетъ чисто симптоматическое значеніе и для достаточной степени убѣдительности долженъ быть провѣренъ и при помощи положительныхъ данныхъ, т. е. путемъ изслѣдованія матеріальныхъ слѣдовъ научнаго развитія. При типичномъ для русской науки слабомъ развитіи литературы, такой косвенный пріемъ освѣдомленія объ успѣхѣ научныхъ знаній не долженъ быть, думается намъ, отвергнутъ совершенно.

Попытки кодификаціи русскаго законодательства, хотя и неисключительно относящіяся къ области уголовного права, убѣдительно свидѣтельствуютъ о полномъ почти отсутствіи научныхъ пріемовъ работы. Внимательное изученіе этихъ попытокъ не обнаруживаетъ въ эпоху, предшествующую извѣстному Наказу Екатерины II, какихъ бы ни было болѣе широкихъ обобщеній, чѣмъ тѣ, которыя подсказываются простой сводкой матеріала и приспособленіемъ его къ практическимъ задачамъ момента.

На пути изученія попытокъ кодификаціи русскаго законодательства обнаруживается не только отсутствіе научнаго метода, но и нераздѣльное господство приказной юриспруденціи, которая собственными усиліями, хуже или лучше, создавала законодательство, имѣвшее практическую цѣнность.

Творческая сила попытокъ приказнаго характера не исчезаетъ и въ екатерининскую эпоху, когда на помощь истощившейся практической струѣ приходитъ западно-европейская теорія.

Не вдаваясь въ самую исторію кодификаціи и не останавливаясь на дѣятельности многочисленныхъ законодательныхъ комиссій, которыя прошли почти безслѣдно для систематизаціи законо-

дательства ¹⁾, можно и относительно наиболее плодотворных, по своимъ результатомъ, попытокъ кодификаціи начала XVIII в. засвидѣтельствовать, что, не смотря на разнообразныя приемы веденія работъ, онѣ все таки характеризуются общими родовыми чертами.

Компссіи 1700 и 1714 г.г., несомѣнно, выдѣляются изъ ряда другихъ своей работоспособностью. Первая, какъ извѣстно, составила своѣмъ на три главы Уложенія ²⁾, а вторая—10 главъ «Своднаго уложенія» ³⁾. Работа въ этихъ Комиссіяхъ велась приказными дѣятелями ⁴⁾ и заключалась въ механическомъ соединеніи позднѣйшихъ узаконеній съ постановленіями Уложенія ^{5) 6)}.

¹⁾ Таковы были, напр., Комиссіи 1720, 1728, 1730 и 1760 г.г. Ср. Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, составлено изъ актовъ, хранящихся во II отд. С. Е. И. В. канцеляріи, Спб. 1833, стр. 14 и слѣд. и стр. 32. О Комиссіи 1720 г. см. В. Латкинъ, Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I, Спб. 1887, стр. 21 и сл. Подробныя свѣдѣнія о Комиссіи 1728 г. см. у Д. Полѣнова во 2-мъ т. Сб. русск. ист. общ., Спб. 1868, стр. 394—405, а равно у В. Латкина, Ор. cit., стр. 45 и сл. Д. Полѣновъ признаетъ, впрочемъ, за Комиссіей этой тотъ положительный результатъ, что въ ней „совершенно устранено было иноземное начало, которое намѣревался ввести въ наши законы Петръ Вел. установленіемъ Комиссіи 1720 г. Онъ, какъ извѣстно, повелѣлъ ей составить такое уложеніе, въ которомъ были бы помѣщены и шведскіе законы“, Ор. cit., стр. 405; В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 21 и сл. О Комиссіи 1730 г., В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 56 и сл. О Комиссіи 1760 г. см. В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 91 и сл.

²⁾ Обзорѣніе, стр. 12. В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 1 и сл.

³⁾ Обзорѣніе, стр. 13. В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 18 и сл.

⁴⁾ Ср. списокъ лицъ, назначенныхъ въ Палату о Уложеніи въ Матеріалахъ для исторіи русскаго законодательства, изд. II отд. С. Е. И. В. канц., вып. I, Палата о Уложеніи, Спб. 1865, сост. Д. Полѣновъ, стр. 3 и слѣд. Только въ думномъ дьякѣ Анд. Анд. Винюсѣ можно предполагать практика, теоретически знакомаго съ правовѣдѣніемъ. См. о недошедшемъ до насъ предисловіи его къ Новоуложенной книгѣ у Д. Полѣнова, Матеріалы, стр. 47. Ср. о трудахъ этой Комиссіи В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 1 и слѣд.

⁵⁾ Ср. Д. Полѣновъ, Матеріалы, стр. 18, 26, 30, 43—46 и др. Такова, повидимому, была работа дьяка Василя Нестерова, обработывавшаго главу „О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ“, ср. Д. Полѣновъ, Матеріалы, стр. 29. О значеніи работы Д. Полѣнова, см. Ж. М. Ю. 1866 г., т. 28, отд. 4, стр. 388—390.

⁶⁾ Противъ такой системы работы не говоритъ то, что Палата требовала иногда такихъ указовъ, о которыхъ въ Уложеніи нѣтъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ. Ср. Д. Полѣновъ, Матеріалы, стр. 33 и слѣд.

О такомъ характерѣ работъ свидѣтельствуесть указъ, помѣченный 1701 г: и предназначенный для введенія въ дѣйствіе новаго Своднаго уложенія ¹. Въ Комиссіи 1714 г. работа спорилась едва ли не хуже потому, что трудность сведенія разрозненныхъ указовъ возрастала съ расширеніемъ дѣла и при неизмѣнившихся условіяхъ отсутствія переработки соотвѣтственнаго матеріала въ горнилѣ научной мысли ². Такой же канцелярской работой были и Сводныя уложенія, которыми пользовались отдѣльныя учрежденія ³, и которыя дошли до насъ въ значительномъ числѣ редакцій ⁴.

Обращаясь къ условіямъ составленія воинскихъ законовъ при Петрѣ В. мы, главнымъ образомъ, на основаніи детальнѣйшихъ изслѣдованій П. Бобровскаго и неизвѣстныхъ этому ученому трудовъ проф. Фогеля ⁵ должны признать, что при созданіи ихъ не чув-

¹ Ср. Матеріалы для Своднаго уложенія 1701 г., извлеченные изъ подлинныхъ дѣлъ Н. Калачовымъ въ Арх. ист. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, кн. 5, Спб. 1863, VI, стр. 49.

² Ср. И. Дитятинъ, Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣтій, Русская мысль, 1888, янв.—ноябрь, мартъ, стр. 64, 65, 69 и сл., а также В. Латкинъ, *Op. cit.* стр. 35 и сл., въ прил., стр. 525 и сл., къ которому напечатано предисловіе къ несуществующему Уложенію Комиссіи 1720 г.

³ Проф. Солнцевъ упоминаеть о „Сводномъ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, по указному писъму изъ Юстицъ-коллегіи отъ тайнаго совѣтника, сенатора и президента Андрея Артемьевича Матвѣева 1718 года авг. 7 дня составленномъ, „въ коемъ указанныя главы о судебныхъ и розыскныхъ дѣлахъ сведены съ новосостоявшимся Его царскаго Величества указами или съ новыми статьями, въ пополненіе къ Соборному Уложенію въ разныхъ годахъ опредѣленными и въ Канцеляріи земскихъ дѣлъ сысканными“. Росс. уголов. пр. Каз., 1820, изд. Г. Фельдштейномъ, стр. 46. Біограф. свѣд. о А. А.

Матвѣевъ († 1728) въ Слов. достои. людей русской земли, сост. Д. Бантышъ-Каменскимъ, ч. 3., М. 1836, стр. 237—290. Рѣчь здѣсь, повидимому, идетъ о трудахъ Комиссіи 1714 г. Ср. В. Латкинъ, *Op. cit.*, стр. 20 и слѣд.

⁴ Ср. рукописный экземпляръ Своднаго уложенія, хранящійся въ бібліотекѣ И. Каз. У., восходящій къ 1770 году [Рукоп. Каз. унив., № 18192, В (5)/4] и заключающій въ себѣ текстъ Уложенія съ свободными полями, на которыхъ сдѣланы соотвѣтственныя дополненія изъ указовъ. Ср., напр., л. 342, 343, 344 и мн. др. Цѣлый рядъ Сводныхъ уложеній хранится, кромѣ того, въ Рукописномъ отдѣленіи Имп. Академіи наукъ въ Спб. и Румянц. музеѣ въ Москвѣ.

⁵ Г. Фогель, Артикуль 135 Уголовнаго уложенія имп. Карла V, постановленія позднѣйшихъ, до конца XVIII ст. германскихъ мѣстныхъ законодательствъ и возрѣнія практики касательно самоубійства въ Сборн. учен. статей, напис. профессорамъ И. Каз. У. въ память 50-ти лѣтняго его существованія, т. II, Каз. 1857, стр. 310—351.

ствуется, въ свою очередь, содѣйствія научной доктрины. Заимствованные почти дословно изъ разныхъ западныхъ законодательствъ и подвергнутые цѣлому ряду передѣлокъ, вызываемыхъ практическими соображеніями, законы эти были дѣломъ самой жизни, а не теоретическихъ построений»¹. П. Бобровскій пишетъ по поводу способа составленія Артикула воинскаго. «Вводилось то, что было годно, и отбрасывалось то, что было негодно»². Уставъ воинскій, продолжаетъ онъ, «составился изъ узаконеній, постепенно входившихъ въ практику русскихъ войскъ, по мѣрѣ развитія Сѣверной войны»³ и добавляетъ: «по существу «уставъ воинскій» представляется собраніемъ европейскихъ законовъ конца XVII и начала XVIII столѣтій, съ присущими этимъ законамъ достоинствами и недостатками»⁴.... Заимствуя постановленія иностранныхъ воинскихъ уставовъ, Петръ В. совершилъ практическую пробу ихъ, и въ этомъ смыслѣ можно смѣло сказать, что въ Уставѣ воинскомъ, выросшемъ изъ

¹ Ср. П. Бобровскій, Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ (ист.-юрид. изслѣдованіе) Ж. гр. и уг. пр. 1887, I, стр. 68—103; IV, 123—153. Авторъ пишетъ о второй книгѣ Устава воинскаго—Артикулѣ, что она „разработана по плану и формѣ шведскаго военнаго артикула 1633 года, съ дополненіемъ изъ датскаго и голландскаго военныхъ артикуловъ... Въ артикулахъ по общимъ преступленіямъ встрѣчаются юридическія опредѣленія, согласныя съ текстомъ нѣмецкихъ имперскихъ военныхъ артикуловъ, замѣтно подчинявшихся тогда уголовному уложенію Карла V. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ артикуловъ выразилось вліяніе французскихъ военныхъ ордонансовъ, собранныхъ въ кодексѣ Людвига XIV—Code milit. de Louis XIV“... Журн. гражд. и уг. пр., 1887, I, стр. 73 и слѣд. Изслѣдованію военно-правовыхъ системъ западной Европы П. Бобровскій посвя-

тилъ самостоятельное изслѣдованіе. Ср. П. Бобровскій, Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (XVI, XVII и начало XVIII в.). Спб. 1881. Разборъ этого труда см. въ Юрид. вѣстн. 1881, X, 331—340.—О способѣ веденія работы при составленіи Устава воинскаго ср. *ibid.* I, стр. 75 и сл., а равно 79—95, *passim*. Ср. по вопросу о характерѣ заимствованій въ Артикулѣ воинскомъ изъ иностранныхъ источниковъ другой трудъ П. Бобровскаго, Происхожденіе Артикула воинскаго и Изображенія процессовъ, Спб. 1881, гдѣ онъ пишетъ: „всѣ заголовки шведскихъ артикуловъ—повторяются въ русскихъ и притомъ въ одной и той же редакціи. Различіе самое незначительное“, стр. 11, а также сообщаемое на стр. 28.

² П. Бобровскій, Военные законы, Ж. гр. и уг. пр. 1887, IV, стр. 141.

³ *Ibid.* IV, стр. 143.

⁴ *Ibid.*, IV, стр. 152.

этихъ отдѣльныхъ уставовъ¹, нѣтъ теоретическаго творчества. Насколько, притомъ, соотвѣтствовали нуждамъ гражданскаго оборота² эти, испытанные на войнѣ, сборники законовъ, догадаться не трудно.

О научной подготовкѣ и обработкѣ законодательнаго матеріала, подлежащаго кодифицированію, не можетъ быть рѣчи и въ позднѣйшихъ комиссіяхъ, если не считать въ томъ числѣ Комиссію екатерининскую, которой мы займемся въ соотвѣтственномъ мѣстѣ нашей работы.

Наиболѣе солидно было поставлено дѣло составленія Уложенія «по дѣламъ уголовнымъ» въ Комиссіи 1754 года³. Обширный трудъ ея «О дѣлахъ уголовныхъ» былъ законченъ въ 1755 году⁴.

¹ См. обширныя данныя по этому вопросу у П. Бобровскаго, Ор. cit. I, стр. 96, 97, 98. Объ отдѣльныхъ такихъ сборникахъ военныхъ законовъ и, въ частности, сборникѣ Ив. Кожевникова 1714 г. см. *ibid.*, I, стр. 98.— Детальное изслѣдованіе о до-петровскихъ сборникахъ, предшествующихъ Уставу воинскому ср. у П. Бобровскаго, Постоянныя войска и состояніе военнаго права въ Россіи въ XVII ст. (по русскимъ и иностраннымъ памятникамъ). П. Бобровскій констатируетъ здѣсь, между прочимъ, что „Ученіе о хитрости ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, напеч. въ 1647 г. въ Москвѣ, является переводомъ 1-го тома сочиненія Вильгаузена. Объ „Уставѣ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки“ П. Бобровскій сообщаетъ, что онъ выбранъ въ 1607 и 1621 г.г. изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ.

² На основаніи указа Сенату 10 апр. 1716 г. Уставъ воинскій велѣно принять къ руководству и правителямъ земскимъ. Ср. П. Бобровскій, *ibid.*, I, стр. 71.

³ См. данныя объ этой Комиссіи въ Обзорѣ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, составленномъ изъ ак-

товъ, хранящихся во II отд. С. Е. И. В. канцеляріи, Спб. 1833, стр. 22.

⁴ Обзорѣніе, стр. 23 и слѣд., а равно стр. 49 и сл.—Научное значеніе работъ этой Комиссіи уже достаточно вѣрно оцѣнено въ „Краткомъ обзорѣніи хода работъ и предположеній къ составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ, Спб. 1846, составителями Уложенія 1845 года. Мы читаемъ здѣсь о Проектѣ елизаветинскаго времени: „Редакторы онаго... имѣли цѣлію составить полное уголовное уложеніе... чрезъ приведеніе прежнихъ дѣйствовавшихъ... узаконеній въ одинъ систематическій порядокъ и чрезъ объясненіе и дополненіе оныхъ. Въ немъ не достаетъ яснаго изложенія главныхъ основныхъ правилъ, которое одно даетъ такъ сказать надлежащій смыслъ частнымъ постановленіямъ закона“..., стр. 17. Редакторы Уложенія 1845 года отмѣтили также, что въ елизаветинскомъ Проектѣ допущено „смѣшеніе правилъ уголовного судопроизводства съ самыми постановленіями о наказаніяхъ“... *ibid.*, стр. 17.—Вблизи, по существу своему, къ такой оцѣнкѣ и тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ о елизаветинскомъ Проектѣ проф. Н. Сергѣевскій, ср. Проекты уголовного уло-

Но и Проектъ, выработанный въ первой, а затѣмъ и во второй редакціи ¹, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что, по существу, мы имѣемъ дѣло съ работой приказныхъ ².

Составители Проекта не переходятъ отъ общихъ, выработанныхъ наукой положеній, къ случаямъ частнымъ. Въ Проектѣ нѣтъ общей части не только въ примѣненіи къ постановленіямъ о разнообразныхъ преступленіяхъ, но и къ такимъ, которыя легко допускаютъ общія разсужденія, напр., случаямъ убійства и его видамъ, тѣлеснымъ поврежденіямъ и проч. Такіе общіе вопросы какъ вина, значеніе обороны и проч. не выдѣляются въ самостоятельный отдѣлъ. Стремясь единственно къ сведенію дѣйствующихъ постановленій на началахъ практической цѣлесообразности, составители нерѣдко объединяютъ однородныя группы преступленій только вслѣдъ за Уложеніемъ и отчасти Артикуломъ воинскимъ. Система Уложенія 1649 г., подсказанная процессуальными соображеніями и распределеніемъ дѣлъ въ порядкѣ учрежденій, вѣдающихъ тѣ или другія дѣла, сохраняется и въ Проектѣ. Измѣненія, замѣчаемыя въ немъ, вносятъ только большую детальность, какъ бы раздвигаютъ старыя рамки, но и только. Иногда эти добавленія не выходятъ за предѣлы

женія 1754—1766 г.г. Новоуложенной книги часть вторая: О розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ ред. А. Востокова, пред. Н. Сергѣевского, Спб. 1882. О Проектѣ 1755 года, поданномъ 25 іюля 1755 года императрицѣ и не утвержденномъ ею, проф. Н. Сергѣевскій замѣчаетъ, что онъ является „сводомъ постановленій современнаго ему дѣйствующаго права... Положеній новыхъ по существу, т. е. такихъ, которыя могли бы составить моментъ въ исторіи того или другого института уголовного права мы находимъ въ проектѣ весьма мало“..., стр. VI. Проф. Н. Сергѣевскій указываетъ также на смѣшеніе нормъ матеріальнаго права съ

опредѣленіями судопроизводственными, отсутствіе общей части и отмѣчаетъ, что многія „опредѣленія, введенныя составителями проекта“, „несомнѣнно доказываютъ свое происхожденіе отъ какаго-либо конкретнаго судебного случая“ стр. VII. То-же, въ общихъ чертахъ, проф. Н. Сергѣевскій признаетъ и относительно второй редакціи Проекта, стр. XVI.

¹ См. о второй редакціи Проекта 1754 у проф. Н. Сергѣевского, Проектъ уголовного уложенія 1754—1766 г.г., Спб. 1882, предисл., стр. XIII и слѣд.

² Ср. по этому вопросу В. Латкинъ, Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I, Спб. 1887, стр. 144 и сл.

чисто казуистическаго перечисленія, легко могущаго быть устраненнымъ при помощи самыхъ примитивныхъ приѣмовъ обобщенія ¹.

Кодификаціонные опыты эпохи, слѣдующей за Уложеніемъ 1649 г., на пространствѣ времени вплоть до появленія извѣстной екатерининской Комиссіи свидѣтельствуютъ съ очевидностью, что они ни

¹ Нетрудно привести рядъ примѣровъ, подтверждающихъ нашу мысль. Первые 14 главъ Проекта носятъ почти исключительно процессуальный характеръ. Остальныя дѣленія примыкаютъ къ Уложенію 1649, пополняя новыми опредѣленіями старыя рубрики. За гл. 20 „Объ оскорбленіи Величества“ и 21. „О бунтѣ и измѣнѣ“, раздвоивающими содержаніе гл. 2-ой Уложенія „О государственной чести и какъ ея государственное здравіе оберегати“, слѣдуетъ глава 22 „Гдѣ и въ которое время о важнѣйшихъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ дѣлахъ доносить и о ложномъ сказываніи слова и дѣла“. Но и такой приѣмъ, въ свою очередь, только развитіе п. 16 и 17 второй главы Уложенія. Извѣстная гл. 21 Уложенія „О разбойныхъ и о татинныхъ дѣлахъ“, являющаяся результатомъ приказной практики, подвергается однородному разсѣченію. Если изъ нея выдѣляются постановленія о церковной татѣбѣ, т. е. постановленія гл. 21, п. 14, то главу эту составители Проекта помѣщаютъ вслѣдъ за гл. 33 „О ворахъ и татяхъ и мошенникахъ“, являющейся только болѣе точно озаглавленной гл. 21. Когда составители Проекта создаютъ въ гл. 45, 47, 48, 49 какъ бы самостоятельную группу плотскихъ преступленій, то они какъ бы наизыываютъ новые случаи на пункты 25 и 26, 22 гл. Уложенія, только суммарно о нихъ трактующіе и поддающіеся легко выдѣленію потому, что для случаевъ этихъ создается обособленное положеніе въ силу постановленій Артикула воинскаго, гл. 20. Если

въ Проектѣ наблюдается тенденція образовать группу преступленій противъ порядка управленія и отправленія правосудія, безъ квалифицированія ихъ въ то же время какъ посягательства на верховныя прерогативы власти, см., напр., гл. 51 „О преступникахъ указовъ и лихоимствѣ“, гл. 52 „Объ ослушникахъ указовъ и не скоромъ исполненіи по онымъ“, гл. 53 „О лжесвидѣтельствѣ“, то здѣсь нельзя видѣть ничего, кромѣ расширенія гл. 22 Артикула воинскаго съ его статьями „О лживой присягѣ“ и дальнѣйшаго развитія арт. 203, предусматривающаго случаи: „ежели кто явно прибитые указы, повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ“ и проч. Нагляднымъ примѣромъ казуистичности Проекта могутъ служить его статьи гл. 60 „О карточной и прочей игрѣ“. Мы читаемъ здѣсь: „во всѣхъ честныхъ партикулярныхъ домахъ для забавы въ карты въ деньги играть хотя и не запрещается, только не въ азартныя игры, яко то: въ ломберъ, въ кадрилю, въ сенкилю, въ шкетъ, въ трисетъ, въ комету, въ контру, въ панфиль, въ марьяжъ и въ прочія тому подобныя, а въ азартныя игры, то-есть, въ фаро, въ басетъ, въ квиндичи, въ одну, въ кости, въ бириби и тому подобную зернь, кои запрещаются, также на вещи, векселя, дворы, деревни и ни на какія имѣнія никому и ни въ какія игры и зернь отнюдь не играть“..., гл. 60, п. 2, перв. ред., стр. 202. Эта статья формулируется во второй ред. Проекта въ нѣсколько болѣе абстрактной формѣ *ibid.*, п. 1.

приемами своей работы, ни самими результатами дѣятельности не обнаруживаютъ на себѣ вліянія научной юриспруденціи. Къ факту о томъ, что юристы наши не обращаются къ юридической литературѣ въ качествѣ подспорья при выполненіи ихъ практическихъ задачъ, присоединяются и данныя, находящія подтвержденіе въ характерѣ результатовъ ихъ творчества. Типичной для этого времени является такая работа нашихъ юристовъ, которая направлена на сводку разновременныхъ постановленій при помощи простаго приписыванія ихъ къ старымъ узаконеніямъ и на заимствование, далѣе, цѣликомъ западно-европейскихъ сборниковъ съ приспособленіемъ ихъ для тѣхъ потребностей, которыя предъявляетъ практическая жизнь. Если же наши юристы первой половины XVIII в. и выработываютъ проекты кодексовъ, то дѣлаютъ это путемъ использования старой, выработанной практикой, системы, раздвигая рамки прежнихъ дѣленій и втискивая въ нихъ новый законодательный матеріалъ, созданный теченіемъ и потребностями государственной жизни, поскольку они сознаются дѣятелями того времени.

II.

Русская юридическая школа XVIII в. и первые теоретики.

Главные теченія въ русской юридической школѣ XVIII в.: А. Практическое направленіе уголовного правосудія: посылка въ началѣ XVIII в. молодыхъ людей за границу для пріобрѣтенія практическихъ навыковъ и выписка практиковъ; школа науки аудиторскихъ дѣлъ; школа юнкеровъ при коллегіяхъ; школа для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ при Сенатѣ; практическое направленіе преподаванія права въ кадетскихъ корпусахъ: учебники практическаго дѣлопроизводства: Юриспруденція или правосудіа производство.— В. Формально-теоретическое направленіе: вліяніе Лейбница на судьбу его; училище Эрнста Глюка и Рейхмутъ; теоретическое преподаваніе юриспруденціи въ Академіи наукъ: Гроссъ, Беккенштейнъ; теоретическій характеръ преподаванія права въ Московскомъ университетѣ: Дильтей; В. Т. Золотницкій; абстрактное преподаваніе права въ кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы видѣли, что кодификаціонныя попытки первой половины XVIII в. свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи, вооруженнаго

научными приемами, метода и о соответственныхъ такому положенію дѣла результатахъ систематизаціи правоваго матеріала. На исследователя исторіи научной уголовно-правовой мысли въ Россіи возлагается при этихъ условіяхъ обязанность прослѣдить, каковы формы ея проявленія въ другихъ сферахъ и, прежде всего, въ современной эпохѣ, юридической школѣ. Легко можетъ оказаться, что именно въ характерѣ этой послѣдней заключался центральный пунктъ хода научнаго развитія и та причина, которая заставляла практиковъ-приказныхъ, какъ мы увидимъ ниже, идти своимъ путемъ, не считаясь съ работой ученыхъ.

Первые шаги русской юридической школы XVIII в. чрезвычайно интересны для судебъ юриспруденціи въ Россіи. Благодаря ея особенностямъ и направленію, съ одной стороны, чисто практическому и, съ другой, формально теоретическому, въ самомъ ходѣ научнаго развитія созданъ извѣстный разладъ, задержавшій прогрессъ научной работы въ сферѣ права. Направленіе практическое было признаніемъ историческаго пути развитія русской юриспруденціи и толкало науку права на проторенный путь приказной вѣчки. Направленіе теоретическое, являясь по существу рецепціей западно-европейской науки, было новымъ и чуждымъ элементомъ русской жизни. Самое вступленіе русской науки на путь заимствованія западныхъ теоретическихъ ученій обуславливалось далеко не тѣмъ, что юристы того времени игнорировали обработку положительнаго права. Причина лежала гораздо глубже. Русскіе правовѣды первой половины XVIII в. не имѣли своихъ обобщеній, не могли ихъ дать и съ необходимостью обращались на путь заимствованій. На западѣ теоретическое направленіе являлось естественнымъ завершеніемъ извѣстнаго историческаго процесса. Тамъ раньше, чѣмъ у насъ, почувствовалась необходимость созданія отвлеченнаго синтеза права. На западѣ раньше, чѣмъ у насъ, начались попытки выработать для права руководящіе принципы, и обратились съ этой цѣлью, между прочимъ, къ изслѣдованію человѣческой природы, въ видахъ отысканія въ ней тѣхъ началъ, изъ которыхъ, какъ изъ своего источ-

ника, истекали всѣ отдѣльныя категоріи права. Такое теоретическое направленіе, будучи перенесеннымъ на русскую почву и оторваннымъ отъ среды, въ которой оно выросло, — отъ условій, при которыхъ оно явилось болѣе или менѣе совершеннымъ синтезомъ существующаго юридическаго уклада, должно было свестись въ дѣйствительности къ перенесенію абстрактныхъ формулъ, лишенныхъ живого содержанія. Заставъ западно-европейскую юриспруденцію на стадіи теоретическаго объединенія многочисленныхъ и разнородныхъ формъ проявленія положительнаго права, подъ видомъ ученій естественнаго права, молодая русская наука начала питаться такими плодами, которые совершенно несоотвѣтствовали задачамъ даннаго историческаго момента. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ конечномъ результатѣ теоретическое направленіе, увѣнчавшее на западѣ долгій рядъ усилій глоссаторовъ и легистовъ въ смыслѣ школъ, продѣлавшихъ уже извѣстный циклъ развитія на почвѣ соприкосновенія съ правовой дѣйствительностью, совершенно не подходило къ тѣмъ нормамъ, которые нужно было не только обобщить, но и установить, и разъяснить. Изысканный костюмъ западно-европейской теоретической юриспруденціи, искусно скроенный, приходился не по росту и формамъ того не ладно скроеннаго, но по своему крѣпко сшитаго цѣлаго, на которое его старались примѣрить. Получался нѣкотораго рода историческій маскарадъ, который не могъ замѣнить пріисканіе наряда, приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ. Этимъ создавалось въ то же время положеніе, которое отодвигало въ глубь далекаго будущаго не только появленіе уголовно-правовой науки, но оставляло не удовлетворенными людей практики, людей жизни.

Практическое и теоретическое направленіе въ русской юридической школѣ, то ослабѣвая, то усиливаясь, чередуются въ теченіи всего XVIII в., являя, въ общемъ, картину непроходимой пропасти между требованіями жизни и теорій. Иногда непримиримость этихъ теченій приводила къ рѣзкимъ переходамъ отъ одного къ другому, но неизмѣнной чертой ихъ всегда оставалась несоизмѣримость и невозможность ихъ взаимодействія.

Обособленность практического и теоретического течения въ русской уголовной юриспруденціи вызываетъ необходимость изучать каждое изъ нихъ отдѣльно, но весь XVIII в., поскольку идетъ рѣчь объ изученіи, проявившейся въ немъ, научной мысли, выступаетъ съ рѣзко очерченнымъ характеромъ эпохи внѣшняго усвоенія западно-европейской уголовно-правовой науки. Практическое направленіе, сильное своей реальностью, не могло конкурировать въ области науки уголовного права съ теоретическимъ въ разрѣшеніи проблеммъ научныхъ. Въ порядкѣ ближайшаго изслѣдованія этихъ двухъ теченій въ исторіи русской научной мысли намъ предстоитъ, однако, прежде всего, остановиться на направленіи менѣе плодотворномъ для научнаго развитія,—на теченіи практическомъ.

А. Практическое направленіе въ русской юриспруденціи рельефно ощущается въ цѣломъ рядѣ попытокъ организаціи преподаванія права, которыми пестритъ начало XVIII вѣка.

Именно это направленіе кажется дѣятелямъ начала XVIII вѣка наиболее плодотворнымъ. Вступивъ послѣ пережитаго кризиса въ концѣ XVII вѣка на новую историческую арену, Россія нуждалась въ интересахъ организаціи правосудія и разрѣшенія задачъ своего историческаго призванія въ практическихъ дѣятеляхъ. Ближайшимъ путемъ къ удовлетворенію этой потребности людямъ, стоявшимъ у кормила правленія, представлялось созданіе класса юристовъ-практиковъ. Юридическое образованіе должно было дать странѣ поколѣніе такихъ юристовъ, которымъ были по плечу новые юридическіе порядки. Наиболее выдающійся практикъ начала XVIII вѣка—Петръ В. чувствовалъ особенно настойчиво потребность Россія въ юридическомъ и, въ частности, уголовно-правовомъ образованіи въ смыслѣ утилитарномъ; для этого дѣла онъ не щадилъ никакихъ усилій.

Понимая духовное образованіе, какъ совокупность знаній, «яже попу или діакону надобно знать»¹, Петръ В. такимъ же об-

¹ Резолюція, положенная на прошеніе тобольскаго митрополита Филовея, ср. Владимірскаго-Буданова, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Яросл. 1874, стр. 156.

разомъ рѣшалъ вопросы и о выучкѣ «подъячнхъ ихъ дѣлу»¹, понимая подъ этимъ полученіе ими свѣдѣній по «цыфрн и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя»; тотъ-же масштабъ прилагаетъ Петръ В. и къ дѣлу созданія класса военныхъ юристовъ и, *mutatis mutandis*, къ созданію Академіи наукъ. Такима же взглядами, въ свою очередь, подсказывается рядъ, ведущихъ къ этимъ результатамъ, мѣръ и попытки созданія чисто практической юридической школы.

Самыми цѣлесообразными путями къ разрѣшенію задачъ этого рода, по условіямъ того времени, была, съ одной стороны, посылка молодыхъ людей въ чужіе края для ознакомленія съ юриспруденціей, а, съ другой, выписка, обладающихъ соотвѣтственными знаніями, иностранцевъ².

Необходимость организаціи военнаго правосудія и созданіе класса военныхъ юристовъ ощущается Петромъ В. очень рельефно, и потому онъ снѣшитъ создать соотвѣтственную школу³ «для науки

¹ Указъ 10 ноября 1721 г. П. С. З. № 3845. „Учинить школу, гдѣ учить подъячнхъ ихъ дѣлу, а именно цыфрн, и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя;.. къ сему ученію опредѣлить, а именно арифметику, формъ книгамъ, таблицы, стиль письма и прочее, что доброму подъячему надлежитъ“...

² Въ 1715 году поручается генералу Вейде вызвать изъ иностранныхъ государствъ, а также и изъ Лифляндіи, образованныхъ практическихъ юристовъ для опредѣленія ихъ въ коллегіи П. С. З. 1715 г., авг. 20, № 2928. Ср. Д. Толстой, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 г., Спб. 1885, стр. 6, а также П. Бобровскій, Развитіе способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ въ Россіи, Спб. 1881, стр. 134. 3 мая 1719 г. указомъ, невошедшимъ въ П. С. З., повелѣвается „призывать въ Его царскаго

Величества службу, въ оберъ-аудиторы изъ чеховъ, которые юристь-пруденціи, а такожъ и словенскому языку искусны, также для такого жъ обученія послать туда пять человекъ изъ русскихъ шляхетскихъ дѣтей“... Ср. Бобровскій, *Op. cit.*, стр. 135, заимствующій эти свѣдѣнія у М. Розенгейма, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи, Спб. 1878, стр. 175.

³ Выс. указ. 11 апр. 1719 г., пропущеннымъ въ П. С. З. и открытымъ М. Розенгеймомъ, Очеркъ ист. воен. суд. учрежд. въ Россіи, стр. 174 и сл., сдѣлано распоряженіе о призывѣ молодыхъ людей для „науки аудиторскихъ дѣлъ“. П. О. Бобровскій полагаетъ, что вскорѣ обязанность образованія аудиторовъ была возложена на Военную коллегію. Ср. П. Бобровскій, Развитіе способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ въ Россіи, Спб. 1881, стр. 131 и сл.

аудиторскихъ дѣлъ». Для характеристики утилитарныхъ взглядовъ Петра В. интересно, что хотя военныхъ юристовъ-аудиторовъ онъ представляетъ себѣ людьми, имѣющими наблюдать за тѣмъ, чтобы «процессы порядкомъ и надлежащимъ образомъ отправлялись» и тѣмъ дополняли военныхъ, которые «...время свое обученіемъ военнаго искусства, а не юридическаго провождаютъ»¹, на самомъ же дѣлѣ, однако, имѣлось въ виду создать не юристовъ въ собственномъ смыслѣ, но скорѣе дѣлопроизводителей, писцовъ².

Достиженіе цѣли вышняго практическаго изученія дѣлопроизводства имѣлось въ виду и въ другомъ начинаніи Петра В. по организаціи юридической школы. Мы имѣемъ въ виду попытку Петра В. приурочить обученіе дѣйствующему праву при коллегіяхъ. «Созволяетъ его Величество, читаемъ мы въ Генеральномъ регламентѣ 28 февр. 1720 г.,... дабы ежели нѣкоторые удобные люди, которые впрядь при канцеляріяхъ и конторахъ служить пожелаютъ, по пропорціи каждаго коллегія, заранѣе допущены и обучены были, чтобъ прилежнымъ списываніемъ дѣлъ въ письмѣ и въ ариметикѣ обучались... и быть имъ подъ управленіемъ секретаря, который повиненъ ихъ опредѣлять и ко всякимъ дѣламъ, въ коллегіи сущимъ, и смотрѣть, дабы оны обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ во ономъ коллегіи, дабы со временемъ могли производить въ вышніе чины по градусамъ....»³ Черезъ годъ появляется указъ 10 ноября 1721 г.⁴, коимъ возлагается на Сенатъ опредѣленіе состава образованія для дѣтей приказныхъ людей и молодыхъ дворянъ, готовящихся къ высшей гражданской службѣ, а равно законодательные акты 1722 г.: Табель о рангахъ и Инструкція герольдмейс-

¹ П. Бобровскій, *Op. cit.*, стр. 30.

² П. Бобровскій, *Op. cit.*, стр. 32, проводитъ интересныя данныя по этому вопросу. О судьбахъ аудиторскаго училища см. *ibid.* стр. 22, 38 и слѣд.

³ Гл. 36 Генеральнаго регламента 28 февр. 1720, П. С. З. № 3534. Волѣ поздній указъ 31 генв. 1724 г.

П. С. З. № 4449 добавлялъ: „смотрѣть въ коллегіяхъ накрѣпко, дабы... маны не было, и подъ видомъ ученія, гулянья, за что будутъ члены коллежскіе жестоко наказаны, ежели по сему не исполнять не будутъ“.

⁴ См. примѣч. 1. стр. 60.

теру. Въ первой ¹ кругъ наукъ для молодыхъ людей очерчивается тѣмъ, «что касается праваго суда, также торгомъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи». Предлагается, притомъ, тѣхъ, «которые обучаются вышеозначеннымъ наукамъ, посылать въ чужіе края по нѣскольку для практики той науки». Нельзя сказать, чтобы школы, учреждаемыя при коллегіяхъ, функционировали вполне удовлетворительно и достигали цѣлей, имѣвшихся въ виду. Въ 1724 году официально констатируется, что «по се время въ коллегіяхъ, для вышеозначеннаго обученія, изъ шляхетства мало что находится, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ и по одному человѣку» ². Инструкція герольдмейстеру ³, о которой мы упомянули выше, озабочивалась учрежденіемъ школы для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ при Сенатѣ.

На томъ же пути продолжаетъ оставаться дѣло юридическаго образованія и въ болѣе поздніе моменты жизни нашей юридической школы. Въ 1757 году нѣсколько точнѣе опредѣляется составъ наукъ, входящихъ въ ея кругъ юридическаго образованія ⁴. Идетъ рѣчь объ обученіи всему, «что касается до приказнаго порядка и знанія указовъ и правъ государственныхъ, уложенія и прочаго», Требования, предъявившіяся къ юнкерамъ, обучавшимся при коллегіяхъ и Сенатѣ не идутъ, впрочемъ, дальше практическихъ навыковъ и умѣнья «править по вытѣмъ» ⁵. Еще раньше въ указѣ 20 генв. 1752 г. подчеркивается, чтобы юнкера обучались «какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ съ самыхъ нижнихъ приказныхъ дѣлъ, и что касается до знанія государственныхъ правъ и быть точно въ копѣистской должности» и напоминается о пре-

¹ П. С. З. № 3890, генв. 24 1722 г. п. 14.

² П. С. З. указъ 5 февр. 1724 г., № 4457.

³ П. С. З. 5 февр. 1722, № 3896. П. 4 Инструкціи этой гласилъ: „И понеже здѣсь еще ученіи не гораздо вкоренились, паче же въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ; того ради пока академіи испра-

вятся, учинить... краткую школу; и... отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указную часть, и смотрѣть, дабы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было, чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудѣть“...

⁴ П. С. З. 6 марта 1757, № 7201.

⁵ П. С. З. указъ 20 генв. 1752, № 9928.

подаваніи имъ «арифметики, геометріи, тригонометріи, географіи и геодезіи»¹. Главное значеніе неизмѣнно признается за практическимъ прохожденіемъ службы. Резолюція Кабинетъ-министровъ 1757 г. подтверждаетъ, чтобы обучающіеся въ Сенатѣ и при коллегіяхъ «въ бытность свою при дѣлахъ... въ копійстскихъ, въ подканцеляристскихъ и канцеляристскихъ должностяхъ, хотя такими именами именоваться и не будутъ, токмо бѣ должности оныхъ исправляли»². Только въ 1801 году школа юнкеровъ при Сенатѣ преобразовывается. Указъ 19 дек. 1801 г.³ считаетъ несоотвѣтствующимъ ея значенію то преобразование, которое было предпринято въ ней по указу 22 іюля 1797 года и въ тѣхъ видахъ, «чтобы привести юнкерскую школу въ совершенство, соотвѣтствующее цѣли ея основанія», даруетъ ей названіе института и новый штатъ и предписываетъ, чтобы «въ юнкеры моложе 14 лѣтъ никого не записывать и не иначе принимать въ школу какъ по публичномъ всѣхъ учителей экзаменѣ и общемъ ихъ удостовѣреніи о первоначальныхъ знаніяхъ опредѣляющагося». «Главный предметъ юнкерской школы долженъ состоять въ преподаваніи россійскаго правовѣдѣнія и къ оному приличныхъ знаній»⁴. Инспекторъ школы не долженъ былъ терять связи съ Сенатомъ, гдѣ отправлялъ должность оберъ-секретаря и обязанъ былъ заставлять юнкеровъ до выпуска изъ школы «обрабатывать дѣла и сочиненные ими экстракты... предлагать къ слушанію».

Юнкерскія школы при Сенатѣ и коллегіяхъ существуютъ до времени Екатерины II и уничтожаются ея извѣстными законодательными актами 1763 г.⁵. Манифестъ 15 дек. 1763 г. пред-

¹ Ibid.

² Резолюція Кабинетъ-министровъ на докладъ Сената о правилахъ опредѣленія недорослей къ приказнымъ дѣламъ, марта 6 1757 г., П. С. З. № 7201.

³ П. С. З. указъ 19 дек. 1801, № 20083.

⁴ Къ этимъ знаніямъ указъ 19 дек. 1801 г., П. С. З. № 20083, относилъ, однако, по прежнему, чистоту слога, при-

стойнаго къ дѣламъ судопроизводственнымъ, логику въ особенности и частію бухгалтерію».

⁵ Ср. законодательный актъ 15 дек. 1763, П. С. З. № 11988, „О наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми“ и проч., въ которомъ указывается, что „не всегда съ надлежащимъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ опредѣлялись судящіе къ мѣстамъ

писываетъ «какъ при Сенатѣ, такъ и въ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ... юнкеровъ не имѣть и объявленный школъ не быть, почему и всѣхъ нынѣ наличныхъ юнкеровъ... распределить... въ кадетскіе Сухопутный и Морской корпусы, а не изъ дворянъ въ Московскій университетъ. А дабы впредь для штатской службы имѣть ученыхъ приличныхъ благородному дворянству наукамъ и знающихъ юриспруденцію... повелѣваемъ при кадетскомъ Сухопутномъ корпусѣ и Московскомъ университетѣ учредить классы Россійской юриспруденціи»¹.

Замѣнить юнкерскія школы при Сенатѣ и коллегіяхъ призвано было въ 1804 г., возникающее при Комиссіи составленія законовъ, «Вышшее училище правѣдвія»².

Дань практическому изученію дѣлопроизводства отдало и преподаваніе права въ кадетскихъ корпусахъ³.

Въ 1731 году Анна Иоанновна учреждаетъ «Кадетскій корпусъ», въ которомъ въ ряду прочихъ дисциплинъ имѣетъ преподаваться и «юриспруденція»⁴.

безъ всякаго званія и способности“ и предписывалось „всѣ судебныя мѣста наполнить достойными въ знаніи и честными людьми“... Манифестъ 15 дек. 1763 г., П. С. З. № 11989, давалъ рѣзкую критику школы юнкеровъ при Сенатѣ и коллегіяхъ. Въ немъ указывалось, между прочимъ: „но какъ по недостатку въ оной довольноаго числа учителей, а къ тому и обучающіеся юнкеры большею частію занимались письменными канцелярскими дѣлами по повѣстьямъ, то никогда пристойныхъ имъ наукъ совершенно обучить были не въ состояніи“.

¹ Манифестъ о постановленіи штатовъ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и проч. 15 дек. 1763 г., П. С. З. № 11989, п. 23.

² Выс. утв. докладъ главноуправляющему Комиссіей составленія законовъ 29 февр. 1816 г., П. С. З. № 26170 упраздняетъ и это училище.

³ Попытка привить юриспруденцію въ корпусахъ не можетъ въ общемъ разсматриваться какъ достигшая своей цѣли уже потому, что число кадетовъ, ей обучавшихся, всегда было незначительно. Ср. Коркуновъ, Исторія философіи права, стр. 284 и сл. Изъ рапорта о состояніи корпуса, поданнаго въ 1733 году Минихомъ, видно, что изъ 245 русскихъ кадетовъ юриспруденціи обучалось только 11 человекъ; ср. также Д. Толстой, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 г. Сиб. 1885, стр. 30 и слѣд. Въ корпусѣ, притомъ, готовили не только юристовъ, но военныхъ, педагоговъ и артистовъ. Д. Толстой, *Op. cit.*, стр. 30 и слѣд.

⁴ Выс. указъ 29 іюля 1731 года, П. С. З. № 5811 гласитъ: „А понеже не каждого человека природа къ одному воинскому склонна... того ради имѣть при этомъ учителей чужестранныхъ язы-

Въ 1748 г. Сенатъ предписываетъ ввести въ корпусъ для кадетъ слушаніе указовъ по два дня въ недѣлю ¹, чѣмъ имѣлось, повидимому, измѣнить направленіе занятій, признаваемыхъ слишкомъ теоретическими ².

Стремленіе сводить центръ тяжести при преподаваніи юриспруденціи къ практическому изученію указовъ и дѣлопроизводства было долгое время въ Россіи весьма типичнымъ для характеристики способа обученія нашихъ юристовъ. Подсказанное потребностью имѣть во что бы то ни стало практическихъ дѣятелей, стремленіе это иногда подъ вліяніемъ разочарованія замѣнялось тяготѣніемъ къ формально-теоретическому преподаванію права, но все же даетъ себя замѣтно чувствовать во второй половинѣ XVIII вѣка.

Благодаря своимъ особенностямъ, практическое направленіе въ изученіи юриспруденціи, предполагавшее преподаваніе безъ систематическаго плана, съ необходимостью приводило къ тому, между прочимъ, что изученіе дѣлопроизводства дѣлалось участіемъ особаго класса людей, посѣдѣвшихъ въ канцеляріяхъ и морально развращенныхъ. На это послѣдствіе практической организаціи преподаванія юриспруденціи безъ системы указывалъ еще С. Десницкій ³.

ковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи... и прочихъ полезныхъ наукъ"... См. о средствахъ для „новосочиняемаго“ корпуса указъ 20 дек. 1731, П. С. З. № 5915. По вопросу объ условіяхъ возникновенія кадетскаго корпуса ср. Лалаевъ, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію... (1700—1800), Спб. 1880, стр. 26 и сл. и Н. Мельницкій, Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, т. I, ч. I, Спб. 1857, стр. 8.

¹ Указъ 21 сент. 1748, П. С. З. № 9532 предписываетъ „Великороссійской націи кадетовъ, кои болѣе къ статскимъ дѣламъ по наукъ своей склонны явятся..., обучать одной юриспруденціи и ариметикѣ“.

² Чѣмъ были въ дѣйствительности занятія въ корпусѣ юриспруденціей въ

началѣ 30-ыхъ годовъ 18 в. обнаруживается въ значительной степени изъ переписки директора Шляхетскаго кадетскаго корпуса фонъ-Теттау съ Академіей и Сенатомъ по вопросу объ экзаменахъ кадетъ по юриспруденціи. Теттау отмѣчаетъ неподготовленность кадетъ для занятій послѣднею. Корпусъ, пишетъ онъ, при „учрежденіи своемъ въ кадетахъ состоялъ зѣло разныхъ лѣтъ и очень разныхъ знаній въ наукахъ, изъ двухъ націй, а именно: російскихъ, которые 20 лѣтъ отъ роду были, а ни читать, ни писать не умѣли; другіе молодые, которымъ читать и писать природнымъ своимъ языкомъ начинать надлежало“... Матеріалы для исторіи И. А. Н. т. 3, Спб. 1886, стр. 453.

³ Говоря о коллегіи юнкеровъ и указъ 1724 года С. Десницкій писалъ: „якто

О самой техникѣ такого обученія мы находимъ интересныя указанія у С. Десницкаго. Онъ пишетъ: «...препятствіемъ порядочному законоученію въ Россіи былъ принятый издревле и нынѣ продолжающійся способъ для наученія юношества сей наукѣ. Симъ средствомъ и поднесъ въ канцеляріяхъ всѣ учиться приступаютъ законознацію, начиная сперва копейстомъ, и прорываясь сквозь всѣ огромности бумагъ, выходятъ по долговременномъ изможденіи на перѣ въ канцеляристы и вышіе чины»¹.

Судьбы практическаго направленія въ русской юриспруденціи обрисованы нами до сихъ поръ только съ ви́шней стороны. Мы видѣли, какъ оно приурочено было къ изученію дѣлопроизводства разныхъ учрежденій путемъ списыванія дѣловыхъ бумагъ и какъ, временами, оно сводилось къ простому слушанію текста закона. Эта практическая выучка не могла, однако, не имѣть я своихъ руководствъ, учебниковъ съ перевѣсомъ, т. сказ., процессуальнаго характера. Предположеніе это можетъ только укрѣпляться отъ того, что практическая выучка причудливымъ, по современнымъ понятіямъ, образомъ комбинировалось съ изученіемъ наукъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ юриспруденціи и, въ частности, уживалась съ первоначальнымъ обученіемъ грамматическимъ правиламъ, канцелярскому стилю и проч. Можно догадываться о существованіи учебныхъ пособій, приспособленныхъ для практической цѣли служить одновременно и грамматиками, и учебниками дѣлопроизводства, — руководствами для составленія наиболѣе распространенныхъ дѣловыхъ бумагъ.

Намъ посчастливилось найти и фактическое подтвержденіе этого предположенія. Съ однимъ изъ такихъ руководствъ мы имѣемъ, повидимому, дѣло въ рукописи «Юриспруденція или правосу-

нетою изъ дворянъ и достаточныхъ но ниже изъ учащихя охотно не желалъ подвергнуть себя... безконечной перепискѣ громадъ бумажныхъ. Отъ чего на послѣдокъ то произошло, что господа отстали совсѣмъ отъ толь трудныя науки, вмѣсто себя опредѣляютъ теперь слугъ своихъ учиться сему зна-

нію“... Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства..., говор. апр. 22 дня, 1778 г... С. Десницкимъ, стр. 33.

¹ Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства..., говоренное апр. 22 дня 1778... С. Десницкимъ, стр. 30 и слѣд.

дія производство»¹ неизвѣстнаго автора, по характеру своего письма и упоминаемымъ въ ней законодательнымъ опредѣленіямъ, относящейся къ XVIII в.

«Юриспруденція или правосудія производство» выступая чрезвычайно оригинальнымъ, по своему замыслу, произведеніемъ, въ сущности, не что иное, какъ, приспособленная для изученія практическаго дѣлопроизводства, грамматика. Трудъ этотъ распадается на четыре части, изъ которыхъ первая посвящена «Основаніямъ сея науки»², а остальные трактуютъ «О сочиненіи предложеній»³ и «О слѣдствіи по предложеніямъ»⁴; четвертая часть этого труда названа «Рѣшительной»⁵.

Отдѣлъ «Основанія сея науки» является какъ бы общей частью всего труда и даетъ руководяція начала для составленія дѣловыхъ бумагъ. «Хотя рѣчи и періоды, пишетъ авторъ, имѣютъ грамматикою и риторикою раздѣленіе; но оное раздѣленіе къ положенію правилъ сея науки есть не удобно; ибо какъ нѣкоторые изъ древнихъ философовъ признали, что въ судебныхъ производствахъ красноглагольство не такъ вмѣстно; того ради въ сей части слѣдуетъ раздѣленіе рѣчей и періодовъ потребности къ сему производству»⁶. Приспосабливая грамматику для юридическихъ цѣлей, авторъ даетъ, прежде всего, грамматическое расчлененіе рѣчи⁷ и переходитъ къ вопросу «О самомъ въ сей наукѣ раздѣленію рѣчей»⁸. «Понеже какъ признано, пишетъ онъ, что въ производствѣ къ юриспруденціи, рѣчи происходятъ чрезъ вопросы, и по силѣ тѣхъ вопросовъ и склоненіе имѣютъ разное; того ради въ семъ къ юриспруденціи производствѣ намѣренному раздѣленію

¹ Юриспруденція или правосудія производство, скоронисъ 18 в. in. 4-0, съ пояснительными рисунками въ концѣ. Публ. Румянц. музей, № 2940.

² Юриспруденція или правосудія производство, стр. 1—64.

³ Op. cit., стр. 65—160.

⁴ Op. cit., стр. 161—260.

⁵ Op. cit., стр. 260—302. Къ послѣдней, части приложены III таблицы чертежей въ формѣ деревьевъ съ вѣт-

вями и листьями, графически изображающими послѣдовательность предметовъ, которыхъ нужно касаться при составленіи разнаго рода дѣловыхъ бумагъ.

⁶ Op. cit., гл. I первой ч., стр. 1.

⁷ Op. cit., гл. I первой ч., стр. 2.

„Общество рѣчей раздѣляется на четыре части: 1-е которыя значать дѣйствіе... 2-е имяна вещей и дѣйствій... 3-е оныя сущіе“... и т. д.

⁸ Op. cit., гл. II перв. ч.

основаніемъ полагаются вопросительныя рѣчи, которымъ употребляемыя рѣчи соотвѣтственно приписуются»¹. «Вопросовъ оныхъ главныхъ 6, изъ которыхъ (1) когда (или время), (2) како (или качество), (3) гдѣ (или мѣсто), (4) для чего (или причина), (5) koliko (или количество), (6) доколѣ (или протяженіе)». Такое расчлененіе рѣчи, какъ способъ разобраться въ юридическихъ матеріяхъ, иллюстрируется авторомъ на отдѣльныхъ указахъ, которые онъ старается истолковывать при помощи даннаго приема². Отъ разбора грамматическаго, какъ метода толкованія, авторъ переходитъ къ вопросу «О исправности періодовъ» и «О сочиненіи періодовъ»³.

Вторая часть «Юриспруденціи или правосудія производства» открываетъ собой какъ бы спеціально юридическій отдѣлъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ непосредственному составленію дѣловыхъ бумагъ. Она носитъ названіе «О сочиненіи предложеній», и авторъ пишетъ о ея содержаніи: «въ сей части полагается ученіе, какимъ образомъ въ судебныхъ дѣлахъ предложенія всякія, яко то: челобитныя, доношенія, опредѣленія, указы и прочая тому подобная сочинять. Ибо суть такія, которыя хотя не токмо въ склоненіяхъ безпогрѣшно, но и красноглагольно могутъ написать, только въ судебныхъ предложеніяхъ не исправно, яко иное къ дѣлу нимало не слѣдуетъ, а что потребно того не будетъ, что все происходитъ отъ невѣдѣнія слѣдующаго сей науки состоянія»⁴.

Авторъ выставляетъ общее начало, что бы «въ предложеніи писать только тѣ дѣйствія, которыя къ ученію требуемаго или опредѣляемаго подають причины, требуется»⁵. По отношенію къ

¹ Ор. cit., гл II, стр. 10.

² Ор. cit., гл. II пер. ч., стр. 13. Авторъ выбираетъ для примѣра „указъ 5 маія 1720 г.“.

³ Ор. cit., гл. III и IV пер. ч. Въ гл. III авторъ пишетъ: „многіе есть люди такіе, которымъ російскій языкъ и природный, когда они о чемъ на словахъ говорятъ, то кажется весьма изрядно и красовито употребленіе ихъ...,

а буде имъ рѣчи свои писать, то весьма несправности явится, яко индѣ полноты періода нѣтъ, индѣ склоненіе противное; того ради здѣ для примѣчанія въ сочиненныхъ періодахъ, основанныя на вышепредложенномъ раздѣленіи, нѣкоторыя... примѣчанія предлагаются“.

Ор. cit., стр. 24.

⁴ Ор. cit., ч. втор., стр. 65.

⁵ Ор. cit., ч. втор., стр. 66.

самому обоснованію «предложеній» авторъ «Юриспруденціи или правосудія производства» различаетъ такія, для которыхъ достаточно констатированія факта какого-нибудь нарушенія, и такія, которыя требуютъ предварительнаго установленія опредѣленныхъ данныхъ, какъ основанія ходатайства. Онъ пишетъ: «...Предложенія надвоежь яко: 1) которыя о дѣйствіяхъ такихъ, кои изъ самихъ себѣ значатъ преступленіе» и «2) которыя о дѣйствіяхъ такихъ, кои между собой противныя или возслѣдующія, напр., кому велѣно какъ учинить, а онъ учинилъ инако, или что прежде имѣлось, а нынѣ пришло въ несостояніе...»¹ «Предложенія» по дѣламъ уголовнымъ выдѣляются авторомъ «Юриспруденціи» въ особый видъ, и онъ даетъ спеціальныя указанія, какъ пишутся «предложенія слѣдственныя»². Авторъ подробно останавливается на томъ, какіе вопросы нуждаются въ нихъ въ освѣщеніи и установленіи и поясняетъ эти указанія рядомъ примѣровъ³.

Третья часть «Юриспруденціи» посвящена классифицированію уголовныхъ дѣлъ и разсмотрѣнію отдѣльныхъ моментовъ процесса⁴.

По первому вопросу мы читаемъ: «всѣ дѣла раздѣляются на двѣ части яко: 1-е партикулярныя, 2-е государственныя, и паки государственныя раздѣляются надвоежь яко: первыя, которыя о преступленіи не суть тяжкомъ или о тяжкомъ, да имѣющія доказателя къ бытію имъ... вторыя, которыя о преступленіи тяжкомъ яко: кто о немъ вѣдалъ, и не доносилъ, кольми паче кто и самъ къ дѣйствию какимъ участникомъ былъ..., или не суть тяжкія, но для познанія ради пресѣченія или изъ того какой пользы полученія потребно»⁵.

Изъ отдѣльныхъ моментовъ процесса авторъ «Юриспруденціи» останавливается на веденіи допроса, собираніи доказательствъ, при-

¹ Ор. cit., стр. 67.

² Ор. cit., гл. I втор. ч. „О предложеніяхъ слѣдственныхъ“. „О сочиненіи предложеній требовательныхъ и опредѣлительныхъ“ трактуетъ гл. II втор. ч., стр. 115—159. Рядъ примѣровъ этихъ послѣднихъ „пред-

ложеній“ см. на стр. 140—160.

³ Ор. cit., стр. 70 и 90—114.

⁴ Исключеніе составляетъ, повидимому, только гл. V трет. ч., трактующая „О утвержденіи правами“.

⁵ Ор. cit., стр. 207.

чемъ иллюстрируетъ эти стадіи многочисленными примѣрами ¹. Параллельно излагаются процессуальныя правила 15 ноября 1723 г. о судѣ по формѣ ² и дѣлахъ, переходящихъ разныя инстанціи, которыя «уже противъ предложенія или приполненія обстоятельствъ прибавляются» ³. Здѣсь же авторъ говоритъ «О слѣдствіяхъ о неизвѣстныхъ дѣйствіяхъ» ⁴ и «О утвержденіи предложеній никакого слѣдствія неимѣющихъ» ⁵.

Заключительная часть «Юриспруденціи», названная авторомъ «Рѣшительной», посвящена судебнымъ приговорамъ. Они раздѣляются на дѣла 1) «требующія слѣдствія», 2) «слѣдствія окончанныя» и «требующія какого учиненія» ⁶.

Въ этомъ интересномъ памятникѣ съ значительной долей процессуальнаго содержанія мы имѣемъ не единственную, должно быть, попытку дать въ руки человѣка, не искусившагося въ дѣлопроизводствѣ, путеводную нить, которая помогла бы ему ориентироваться не столько въ дѣйствующемъ правѣ, сколько въ составленіи дѣловыхъ бумагъ. «Юриспруденція», по своему характеру, не можетъ не принадлежать практическому юристу, близко стоявшему къ производству дѣлъ и путемъ самобытныхъ пріемовъ старавшемуся передать начинающимъ приказнымъ пріемы истолкованія закона и искусство отравлять въ соотвѣтствіи съ этимъ дѣла. Какъ комбинаціе грамматики съ правомъ «Юриспруденція или правосудія производство» представляетъ собой образчикъ труда, который выросъ на почвѣ русскихъ условій. «Юриспруденція» — логическое послѣдствіе того пракческаго направленія въ изученіи права, которое обусловлено невысокимъ уровнемъ образованности и своеобразнымъ ходомъ развитія русскаго правосознанія, подвигавшагося впередъ по пути созданія новыхъ нормъ права не при помощи научнаго творчества, но тернистой дорогой судебной практики и приспособленія къ обстоятельствамъ текущей жизни.

¹ Op. cit., гл. I трет. ч., стр. 180—206.

² Op. cit., гл. I трет. ч., стр. 163 и сл.

³ Op. cit., гл. II трет. ч., стр. 207—222.

⁴ Op. cit., гл. III трет. ч., стр. 223—240.

⁵ Op. cit., гл. IV трет. ч., стр. 241—252.

⁶ Op. cit., четв. ч., стр. 260.

Намъ предстоитъ теперь, ближайшимъ образомъ, перейти къ другому теченію въ наукѣ уголовнаго права Россіи въ XVIII в., — къ теченію, вызванному къ жизни рецепціей западно-европейской науки.

В. Между тѣмъ какъ преподаваніе права въ учрежденіяхъ, до сихъ поръ нами разсмотрѣнныхъ, стояло на узко-практическомъ пути, задачи другого характера преслѣдовались въ задуманной еще при жизни Петра В. и возникшей только послѣ его смерти Академіи наукъ, а временами и въ кадетскихъ корпусахъ, бывшихъ, въ свою очередь, разсадниками юридическихъ знаній. Если нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ начинаніяхъ, то нетрудно будетъ констатировать, что въ нихъ находило преимущественно отрженіе то теченіе научной юриспруденціи начала XVIII в. въ нашемъ отечествѣ, которое непосредственно заимствовано было на западѣ.

Геній Петра В. чувствовалъ, что однимъ изученіемъ практической стороны юриспруденціи нельзя удовлетворить потребности въ юридическихъ знаніяхъ. Петръ В. понималъ, что практика — только одна сторона дѣла. И вотъ, прямолинейный въ своихъ стремленіяхъ, не смущающійся ожидающими его затрудненіями, онъ дѣлаетъ шаги, которымъ нельзя отказать въ энергіи и рѣшительности. Такая прямолинейность способна была, однако, содѣйствовать только тому, чтобы были перенесены къ намъ одиѣ внѣшнія формы, сухая оболочка западно-европейской доктрины и совершенно пропало то внутреннее содержаніе и соотвѣтствіе жизни, которое создало на западѣ эту теорію. Мы указывали уже прежде, что, заимствуя ученія западно-европейской юриспруденціи, Петръ В. и дѣятели начала XVIII вѣка переносили на русскую почву ученія естественнаго права, выросшаго на западѣ на почвѣ стремленія внести философскій, обобщающій элементъ въ обработку положительнаго права. Но пересаживанія на русскую почву быстрой и рѣшительной рукой, эти ученія, и безъ того слишкомъ обобщенныя и стоящія въ несоотвѣтствіи съ практической жизнью, дѣлались еще болѣе бесплодными, — какъ бы стерилизованнымъ экстрактомъ, способнымъ создать пропасть между теоріей и практи-

кой, совершенно непроходимую, и затруднить оплодотвореніе практики теоріей.

Весьма вѣроятно, что мысль о развитіи, наряду съ практическимъ направленіемъ въ изученіи юриспруденціи, теченія теоретическаго зародилась у Петра В. подъ вліяніемъ его сношеній и бесѣдъ съ Лейбницемъ. Не нужно забывать, что въ своихъ письмахъ о введеніи наукъ въ Россіи Лейбницъ, въ связи съ своими теоретическими взглядами на систематизацію наукъ, обращалъ вниманіе Петра В. на «предметъ права естественнаго и государственнаго»¹. Нужно имѣть въ то-же время въ виду, что Лейбницъ исходилъ изъ извѣстной гармоніи практической и теоретической стороны преподаванія² и что разрозненіе этихъ двухъ сторонъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть возведено къ самымъ намѣреніямъ выдающагося философа, оказавшаго, въ общемъ, на судьбы юридическаго просвѣщенія въ Россіи значительное вліяніе³. Лейбницъ далекъ былъ отъ того, чтобы ограничить область изученія права разработкой однихъ его теоретическихъ началъ и свести всю юриспруденцію къ философской обработкѣ ея принциповъ. Философскій элементъ имѣетъ у него не большее право на существованіе, чѣмъ историческій и догматическій. Въ своемъ *Catalogus*

¹ Ср. П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, 1862, стр. 29.

² Лейбницъ, какъ извѣстно, проектировалъ даже учрежденіе юридическаго факультета съ двумя отдѣленіями: собственно юридическимъ или практическимъ и политическимъ для готовящихся къ занятію высшихъ административныхъ должностей. На послѣднемъ отдѣленіи Лейбницъ считалъ умѣстнымъ изученіе, наряду съ государственнымъ правомъ, и всеобщей исторіи. Ср. М. Владимірскій-Будановъ, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Яр. 1874, стр. 152.

³ Въ одной изъ раннихъ записокъ, составленной для Петра В. и относящейся къ 1708 году, ср. текстъ ея

у Герье, Отношенія Лейбница къ Петру Великому, Ж. М. Нар. Просв. 1870, ч. 147, стр. 1—48, 345—415, стр. 372—4, Лейбницъ не упоминаетъ, впрочемъ, прямо о юридическихъ наукахъ и ихъ систематизаціи. Говоря о составѣ библиотекъ для Россіи, онъ имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду математику, естественныя науки и исторію, „которая заключаетъ въ себѣ описаніе временъ и мѣстъ... описанія и исторіи государствъ и областей, сочиненія по государственному праву и особенно путешествія“, стр. 373.—Подъ 1710 годомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что Лейбницъ узнаетъ отъ Урбиха объ одобреніи проекта, представленнаго имъ Петру В. Ibid. стр. 403.

desideratorum, приложенномъ къ его *Nova methodus*, Лейбницъ проектируетъ сравнительное изученіе законовъ всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ, въ которомъ исторія, экзегезъ, герменевтика и юридическая библіографія играютъ вспомогательную роль¹. Но, наряду съ этимъ, онъ высоко ставитъ и значеніе философской обработки права, дѣлая попытку согласовать естественно-правовыя ученія древнихъ мыслителей съ доктриной естественнаго права Гуго Гроція, рекомендуя, притомъ, демонстративный методъ, сыгравшій впоследствии такую роль въ изложеніи ученія естественнаго права². Вліяніе Лейбница на судьбы изученія права въ Россіи сказалось впоследствии и косвенно черезъ ученія Томазія³.

Такъ или иначе, уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка мы встречаемся съ попыткой перенести на русскую почву принципы теоретическаго юридическаго образованія. Любопытной иллюстраціей этого факта служитъ Наказъ, составленный для лица, на которое имѣеть быть возложено преподаваніе права наследнику престола Алексѣю Петровичу. Документъ этотъ, если и не принадлежитъ лично Петру В., то составленъ во всякомъ случаѣ при его участіи

¹ Лейбницъ писалъ въ *Nova methodus*: „Quidquid ad jurisconsulti perfecti eruditionem pertinet, dividi potest ad instar theologiae in partem didacticam, seu positivam, ea continentem quae in libris authenticis expresse extant, et certi juris sunt; historicam, originem, autores, mutationes abrogationesque legum enarrantem; exegeticam, ipsos libros authenticos interpretantem, et denique apicem caeterarum polemicam, seu controversiarum, casus in legibus indecisos et ratione et similitudine deficientem“, *Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae, ex artis didacticae principiis in parte generali praeparaemissis, experientiaeque luce*, Lip. et Hal. 1748, par. II, § 2. Ср. также А. Стояновъ, Методы разработки

положительнаго права и общественное значеніе юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII ст. X. 1862, стр. 186. По вопросу о взглядахъ Лейбница на приемы историческаго изученія права ср. М. Lermnier, *Introd. génér. à l'histoire du droit*, Par. 1829, p. 147, О. Тарановскій, *Лейбницъ и такъ называемая внѣшняя исторія права*, Спб. 1906.

² Ср. Cathal. desit. въ *Nova meth.*, p. 143, А. Стояновъ, *ibid*, а также М. Lermnier, *Introduction général à l'histoire du droit*, Par. 1829, p. 145 и сл.

³ Мы увидимъ также, что на преподаваніе права въ Академическомъ университетѣ оказали вліяніе взгляды Томазія, проявившись въ тѣхъ планахъ, которые выставилъ Ломоносовъ, ср. кримъч. 6 на стр. 81 и сл.

и энергично подчеркивает необходимость теоретического юридического образования в духе учений естественного права ¹.

Съ перенесеніемъ этихъ задачъ изъ тѣсной сферы воспитанія наследника престола на почву общественнаго достоянія мы имѣемъ дѣло въ учебной программѣ училища пробста Эрнста Глюка, того самаго лица, въ домѣ котораго, когда онъ еще жилъ въ Мариенбургѣ, находилась Екатерина, впоследствии жена Петра В. ². Изъ напечатанной Глюкомъ въ 1703 году программы преподаваемыхъ въ его училищѣ наукъ мы узнаемъ, что тамъ читались, между прочимъ, «иоика» и «политика» ³. Науки эти преподавалъ Іоаннъ Рейхмутъ, о которомъ въ «Каталогѣ учителей и наукъ» говорилось, что онъ «учить географіи и изъ философіи дѣлательныя итику и политику» ⁴.

¹ „Наказъ, по которому, ему же ученіе его Высочества Государя Царевича поверенно будетъ, поступати имѣеть“, помѣченный „въ Шлиселбурхѣ въ 22 д. Апрѣля 1703“, принадлежащій неизвѣстному автору и, весьма вѣроятно, Петру В., гласитъ въ 8 статьѣ подъ § 4: „Такожъ возможно заранее Пуендорѳову малую книжицу о должности человека и гражданина, на французскій языкъ перевести и въ Голандіи напечатать велѣть, дабы оное употреблять яко введеніе вправо всенародное и яко предверіе Гроція или Пуендорѳоважъ о правѣ естественномъ и народномъ, изъ котораго основаніе всехъ правъ, а особливо права о войнѣ и миру, которое межъ Потентатами въ почтеніи, изучити возможно“. Наказъ, по которому ему же ученіе Его Высочества Государя Царевича поверенно будетъ, поступати имѣеть, напечат. въ Сынѣ отеч. и Сѣв. арх. 1830, ч. 131, № 3, стр. 181. § 5 Наказа предписываетъ: „и по томъ взять книгу имянуемую Де друа цивиль данъ ле ордъ натюрель весьма потребно, ибо въ ней основанія общихъ правъ, учить, и дѣйствовать“. Наказъ, *ibid.*

² П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, 1862, стр. 126 и сл.

³ П. Пекарскій, *Op. cit.*, стр. 128.

⁴ П. Пекарскій, *Op. cit.*, стр. 130. О судьбѣ заведеннаго Глюкомъ училища П. Пекарскій сообщаетъ, что училище это перешло въ завѣдываніе Іоанна Вернера (?) Пауза. *Op. cit.*, стр. 131. По свѣдѣніямъ, приводимымъ у Н. Коркунова, училище это просуществовало до 1715 года, Исторія философіи права, Сиб. 1898, стр. 275 и слѣд. Біографическія свѣдѣнія о Вилгелмѣ Паузе см. въ Исторіи Академіи наукъ Г. Ф. Миллера, съ пред. Штриттера въ Мат. для ист. И. А. Н., т. 6, Сиб. 1890, стр. 101. По словамъ Миллера, Паузе родомъ изъ Тюрингіи и прибылъ въ 1702 году въ качествѣ магистра философіи при содѣйствіи Паткуля. Онъ содѣйствовалъ Глюку при основаніи имъ своей школы въ Москвѣ. Послѣ смерти послѣдняго, имѣвшей мѣсто въ 1705 году, онъ продолжалъ его дѣло. Лейбъ-медикъ Блюментростъ былъ ученикомъ Паузе и, вызвавъ его въ Сиб., сдѣлалъ его первымъ переводчикомъ при Академіи, Мат., т. 6, стр. 101.

Но, несомненно, болѣе широкая попытка изученія юридическихъ дисциплинъ «изъ философіи дѣлательныхъ» предпринимается вмѣстѣ съ появленіемъ кафедры юриспруденціи въ подготовленной Петромъ В. и возникшей послѣ его смерти Академіи наукъ.

Время возникновенія Академіи наукъ должно быть приурочено къ 1725 году ¹. Наряду съ представителями наукъ естественныхъ въ нее вошли и академики-юристы. Въ актѣ учрежденія Академіи, изданномъ 28 января 1724 года ², предполагается созданіе Академіи, «въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ». Науки, входящія въ этотъ кругъ, предполагалось раздѣлить на «три класса» съ тѣмъ, чтобы «въ 1-мъ классѣ содержались бы всѣ науки математическія и которыя отъ оныхъ зависятъ, во 2-мъ всѣ части физики; въ 3-мъ гуманіора, исторія и права» ³. Третій классъ предполагалось поручить «тремъ персонамъ», изъ которыхъ «первая элоквенцію и студіумъ антик-

¹ Еще къ 11 іюня 1718 года относится резолюція, положенная Петромъ В. на записку Генриха Фика: „дѣлать академію, а нынѣ прискаты изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ также начать переводить книги юриспруденціи и прочія, кто сіе учинитъ сего году начало“. П. С. З. № 3208. Въ февралѣ 1721 г. Петръ В. отправляетъ Шумахера въ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ и другія мѣста и поручаетъ ему хлопотать „для сочиненія соціетета наукъ“. Еще нѣсколько раньше Петръ В. вступаетъ по этому вопросу въ переписку съ Вольфомъ. Мысль о созданіи Академіи пріобрѣтаетъ, однако, болѣе реальную почву только въ 1724 году по поводу доклада объ Академіи наукъ лейбъ-медика Блюментроста. На этомъ докладѣ Петръ В. кладетъ нѣсколько резолюцій, дѣлающихъ возможнымъ возникновеніе Академіи. Къ этому же времени начинается обширная переписка по вызову изъ чужихъ краевъ академиковъ. Петръ В. не дожидъ, какъ извѣстно,

до торжества непосредственнаго открытія Академіи. Къ 15 авг. 1725 г. нѣсколько приглашенныхъ академиковъ съѣзжаются въ С.-Петербургъ и удостоиваются торжественнаго приѣма у Екатерины I, а отъ 12 ноября 1725 года уже имѣется официальный протоколъ засѣданія Академіи. Ср. П. Пекарскій, Исторія императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, т. I, Спб. 1870, стр. XXVIII—XXXVI, *passim*. Ср. по исторіи Академіи наукъ, труды акад. М. Сухомлинова, акад. Г. Ф. Миллера, напеч. въ т. 6. Мат. для ист. И. А. Н., Спб. 1890, и работу, упоминаемую Г. Ф. Миллеромъ, Мат., т. 6, стр. 541, которая относится къ 1741 году. Трудъ этотъ, добавляетъ Миллеръ, хранится, можетъ быть, въ архивѣ Академіи и указаніе на него имѣется въ протоколѣ Академіи отъ 10 авг. 1740 г.

² П. С. З. № 4443, Объ учрежденіи Академіи.

³ Объ учрежденіи Академіи 28 генв. 1724 г. П. С. З. № 4443, § 7.

витатись обучала, вторая исторію древнюю и нынѣшнюю, а третья право натуры и публичное купно съ политикою и этикою (нравоученіемъ). Аще же при томъ экономія учена будетъ, то похвально и весьма полезно ¹.» На академикомъ возлагалась обязанность выработывать систематическіе курсы: «каждый академикъ обязанъ системъ или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихся молодыхъ людей приготовить» ².

Хотя юриспруденція являлась только одной изъ сторонъ научной дѣятельности Академіи, очень скоро, по открытіи этого учрежденія, послѣднее стало центромъ, отражающимъ довольно полно состояніе правовѣдѣнія въ Россіи ³. Но, культивируемая чуждыми странъ людьми, юриспруденція въ стѣнахъ Академіи должна была исключительно сосредоточиться на общихъ теоретическихъ началахъ и оставить въ сторонѣ обработку русскаго юридическаго матеріала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наука въ Россіи наталкивалась на дорогу сухого, формальнаго теоретическаго трактованія юридическихъ проблеммъ.

Представителемъ такого знанія скоро выступилъ въ Академіи Христіанъ Гроссъ. Онъ появляется въ Петербургъ въ 1725 ⁴, и вскорѣ (29 янв. 1726 г.) становится «профессоромъ философіи нравоучительныя чрезвычайнымъ» ⁵. Въ 1726 и 1727 г.г. Гроссъ

¹ Объ учрежденіи Академіи, *ibid.*, § 9. См. по вопросу объ условіяхъ, по которымъ не получили развитія въ Академіи политическія науки, А. Куникъ, Сборн. матер. для исторіи имп. Акад. наукъ въ XVIII в., ч. I, Спб. 1865, стр. IX.

² Объ учрежденіи Академіи, *ibid.*, § 11. На такую организацію Академіи наукъ оказала вліяніе записка, принадлежащая, повидимому, лейбъ-медику Блуентросту, помѣченная 22 янв. 1724 гола. Ср. Матеріалы для исторіи императорской Академіи наукъ, т. I. 1716—1730, Спб. 1885, изд. М. Сухомлиновымъ, стр. 14 и слѣд., а равно стр. 17. Записка эта также предлагала возложить на академикомъ составленіе курсовъ для учащихся. Мат., т. I, стр. 18.

³ Совершенно устарѣвшая работа Fr. Georg v. Bunge, Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literatur des russischen Rechts und der Rechtswissenschaft in Russland überhaupt, помѣщ. въ Kritische Zeitschr. für Rechtswissensch. und Gesetzgeb. des Auslandes, herausg. von Mittermaier und Zachariä, II B. Heid. 1830, S. 440 и слѣд., утверждаетъ, что кафедра юриспруденціи въ Академіи наукъ „für Natur—und Civilrecht“ ни при основаніи Академіи, ни впоследствии никогда никѣмъ не была замѣщена.

⁴ Матер. для ист. И. А. Н. т. I, стр. 130.

⁵ Ср. П. Пекарскій, *Op. cit.*, стр. 214. Матер., т. I, стр. 175. Представленіе Гросса къ профессурѣ было рѣшено уже 24 ноября 1725 г., Матер., т. I, стр. 159.

представляет нѣсколько научныхъ работъ ¹, затрогивающихъ отчасти вопросы уголовного права, трактуемые имъ въ духѣ естественно-правовой доктрины, и читаетъ лекціи по «этикѣ, по книгѣ Пуфендорфской, — яже о должности человека и гражданина» ². Труды Гросса не дошли до насъ, хотя не исключена возможность, что они продолжаютъ сохраняться въ грудѣхъ неразобраннаго архивнаго матеріала ³, оставаясь ненапечатанными. Элементы естественнаго права, преподававшіеся Гроссомъ, затрогивали, несомнѣнно, и проблемы уголовного права, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку они трактовались Пуфендорфомъ. Если въ основномъ трудѣ послѣдняго *De jure naturae et gentium* вопросы уголовного права тонуть въ общей массѣ проблемъ философскаго характера, и онъ затрогиваетъ ихъ только мимоходомъ, говоря о самоубійствѣ ⁴, необходимой оборонѣ ⁵, дѣйствіи ошибки при преступленіяхъ ⁶, о правѣ и цѣли наказанія ⁷, то область уголовно-право-

¹ Въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, прил. № 4, въ „Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ по составленію исторіи Академіи наукъ“ подъ 27 авг. 1727 г. мы читаемъ о Гроссѣ, что онъ, между прочимъ, „слѣдующія диссертаціи Академіи предложилъ: 1. О мѣрѣ добродѣтелей и злыхъ дѣлъ, и можетъ ли каковая изобрѣстися, и съ того какого плода чаять... 3. О разумѣ законовъ, и разности, и о вмѣненіи, слѣдующемъ по законамъ... 7. О разумѣ права естественнаго, права языковъ и права гражданскаго, и правдивыхъ между ними раздѣленіяхъ“. Матер., т. I., стр. 284.

² Матер., т. I, стр. 171. См. любопытныя свѣдѣнія о вознагражденіи Гросса *ibid.*, 140, 173, 189, 273, 345; О дальнѣйшей судьбѣ Гросса, окончившаго жизнь самоубійствомъ, см. Мат., т. 2, стр. 16 и 214 и сл., т. 8. Спб. 1895, стр. 488, а равно Исторію Академіи наукъ Г. Ф. Миллера съ продолж. Штриттера въ Мат. для ист.

Акад. наукъ, т. 6, Спб. 1890, стр. 60, 61, 77.

³ Гроссу принадлежитъ и рядъ трудовъ психологическаго и этико-философскаго характера. См. о нихъ Исторію Академіи наукъ Г. Ф. Миллера съ продолж. Штриттера, напеч. въ Мат. для ист. И. А. Н., т. 6, Спб. 1890, стр. 60 и 77. Миллеръ упоминаетъ, между прочимъ, о работѣ Гросса, „*von der Einbildungskraft*“, прибавляя: „*sie war philosophisch gedacht und geschrieben; ist aber so wenig, als des hrn Martini Schriften, gedruckt worden. Man beschloss, keinen philosophischen Materien in den commentarien plats zu geben*“... стр. 77.

⁴ Sam. Puffendorffii, *De jure naturae et gentium*, 1706, L. II, c. IV, § 19.

⁵ *Ibid.* L. II, c. V, §§ 6—9.

⁶ *Ibid.* L. I, c. III, § 16.

⁷ *Ibid.* L. VIII, c. III, *De potestate summi imperii in vitam ac bona civium ex causa delicti.*

выхъ отношеній выступаетъ значительно болѣе рельефно въ трудѣ Пуфендорфа *De officio hominis et civis*, служившемъ руководствомъ для Гросса. Если въ трудѣ *De jure naturae* вопросы о существѣ преступленія занимаютъ Пуфендорфа, поскольку, вообще, идетъ рѣчь о нарушении права ¹ и его послѣдствіяхъ, будутъ ли они сводиться къ вознагражденію за вредъ, возстановленію нарушеннаго права, или, наконецъ, наказанію, и если на этомъ пути Пуфендорфъ затрогиваетъ только въ видѣ рѣдкаго исключенія матеріальнаго положительнаго права ², то соотношеніе частей измѣняется въ трудѣ *De officio hominis et civis*, гдѣ уголовно-правовой элементъ не столь поглощается обще-философскимъ. То, что даетъ здѣсь Пуфендорфъ по вопросу о «дѣйствіи» ³, въ особенности въ части, гдѣ онъ разсуждаетъ о роли, которую играетъ въ немъ степень знанія ⁴ и проявленіе воли ⁵, какъ условіе отвѣтственности наряду съ другими обстоятельствами, вліяющими на вмѣненіе ⁶, имѣетъ ближайшее отношеніе и къ вмѣненію уголовному. Правда, и здѣсь понятіе правонарушенія, выводимое изъ такого общаго принципа какъ *ne quis alterum laedat* ⁷ гораздо шире, чѣмъ это постулируется понятіемъ правонарушенія уголовного, но всѣ главныя проблемы уголовного права, не выдѣляясь въ особую область вѣдѣнія, получаютъ полное, по условіямъ времени, освѣщеніе ⁸.

Преподавателемъ естественнаго права въ духѣ господствовавшихъ въ западно-европейской доктринѣ началъ былъ и другой

¹ Ibid., L. III, c. I, §§ 6—11.

² Ibid. L. II, c. V, § 6 по вопросу о времени допустимости необходимой обороны.

³ Sam. Pufendorffii, *De officio hominis et civis secundum legem naturalem libri duo*, Lips. 1734; L. I, c. I, *De actione humana*.

⁴ Ibid. L. I, c. I, напр., § 8.

⁵ Ibid. L. I, c. I, §§ 9—10.

⁶ Ibid. L. I, c. I, §§ 18—27.

⁷ Ibid. L. I, c. VI, § 2.

⁸ Ср., напр., *ibid.* о существѣ уголовныхъ законовъ, L. II, c. XII, § 4;

объ области благъ, защита которыхъ допустима при помощи наказанія, L. II, c. XIII, §§ 11—15; о преступленіяхъ коллективныхъ единицъ, L. II, c. XIII, § 19; о *dolus, culpa* и *casus*, L. I, c. VI, §§ 8—10; о необходимой оборонѣ, L. I, c. V, §§ 13—22; о понятіи наказанія и его цѣлей, L. II, c. XIII, § 4; объ основаніи наказанія, L. II, c. VII, § 3; о задачахъ наказанія, L. II, c. XIII, §§ 6—10; о цѣляхъ наказанія въ связи съ его мѣрою, L. II, c. XI, § 7; о субъектѣ карательнаго права, L. II, c. XIII, § 5;

юристъ Академіи наукъ Бекенштейнъ ¹. По сохранившимся свѣдѣніямъ, курсы его мало посѣщались, хотя и читались имъ исправно ². Будучи болѣе юристомъ чѣмъ Гроссъ, онъ останавливался въ своихъ чтеніяхъ на положеніи римскаго права, дѣлалъ попытки подойти съ точки зрѣнія ученій естественнаго права къ русскому законодательству ³, но, повидимому, безрезультатно въ виду недостаточнаго знанія русскаго языка ⁴. Несмотря на добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей ⁵, Бекенштейнъ не считалъ Россію та-

о политикѣ наказаній, Г. II, с. XIII, §§ 17—18; о наказаніяхъ, поражающихъ честь, Г. II, с. XIII, § 9 и ми. др.

¹ Бекенштейнъ былъ *doctor legens* при Кенигсбергскомъ университетѣ. Онъ былъ рекомендованъ акад. Байеромъ и въ силу контракта, заключеннаго съ нимъ 3 дек. 1725 г., принялъ на себя обязанности профессора юриспруденціи на пять лѣтъ. Матеріалы для ист. И. А. Н. т. I., Сиб. 1885, стр. 162. Біографич. свѣдѣнія о Бекенштейнѣ, въ Мат. для И. А. Н. т. 6, Исторія Академіи наукъ Г. Ф. Миллера, съ предисл. Штриттера, Сиб. 1890. Онъ прибылъ въ 1726 г. въ Сиб. Мат., т. 6, стр. 54. О трудахъ Бекенштейна по геральдикѣ, *ibid.* стр. 55 и 225, а равно 56 о работѣ его *De Helena Menelai*, упоминаемой въ *Selectis litterariis Lilienthal'я*. О рѣчи Бекенштейна, оставшейся ненапечат., *ibid.*, стр. 158; о стихотвор. Бекенштейна *ibid.*, стр. 103. Въ 1831 г. напечатана рѣчь Бекенштейна: *Sermo panegyricus in solemnī Academiae scientiarum Conventu die V Mai anni MDCCXXXI recitatus*. Біографич. данныя о Бекенштейнѣ, какъ мы увидимъ ниже, не особенно точныя, помѣщены, между прочимъ, въ Русск. біогр. слов., т. II, Сиб. 1900, стр. 664—6. Г. Ф. Миллеръ высказываетъ предположеніе, что свѣдѣнія о Бекенштейнѣ могутъ быть найдены въ *Arnold's historie der königsbergischen univ.*

² Матер., т. I., стр. 548, о запросѣ президента Академіи.

³ Подъ 27 авг. 1727 г. мы читаемъ, что на своихъ лекціяхъ Бекенштейнъ „предастъ“ „начало права изъ уставленій... держася во всемъ правилъ натуральнаго права и политики, законъ устанавлиющія“. Мат., т. I, стр. 282. Ср. также *ibid.* подъ 14 янв. 1726 г., гдѣ значится, что онъ „также и о институтяхъ права Юстиніана цесаря, буде слушателямъ полюбится, тщаніе имѣть будетъ“. Мат., т. I, стр. 170. Мат., т. 6, стр. 324.

⁴ Можно полагать, что Бекенштейнъ имѣлъ въ виду перейти къ изслѣдованіямъ въ области русскаго права. Подъ 27 авг. 1727 года сообщается, что Бекенштейнъ „...по приказу Остермана, толкованія и назначенія на російское уложеніе написалъ“ Мат., т. I, стр. 282. Эта работа его стояла въ связи съ порученіемъ Остермана „Уложеніе наше старое, російское... отдать... профессору юрисъ, которому пристойно, чтобы онъ оное высмотрѣлъ и, по своему разсужденію и искусству, что къ тому добавитъ и отмѣнитъ надлежитъ, то бѣ на то ремарки учинилъ и написалъ“. Мат., т. I, стр. 234.

⁵ Академія возбуждала ходатайство о вознагражденіи его жалованіемъ по окончаніи службы и внѣ Россіи. Мат., т. 2, стр. 159; и хотя на первое представленіе было отвѣчено отказомъ, Мат.

кимъ мѣстомъ, гдѣ можно плодотворно работать въ области юриспруденціи. Онъ отвѣчалъ на соответственныя напоминанія: «ein systema in meinem scibili zu schreiben... würde auch weil so viele theile des rechts sind, sehr schwer... Ich habe zu dem alle zeit bekannt, dass ich zum bücherschreiben nicht aufgelegt bin, insonderheit an diesem orte»¹. Характеръ занятій Бекенштейна въ Академіи со студентами и направленіе его работъ обрисовывается довольно ярко изъ его откровенныхъ признаній; въ отвѣтъ на указъ Сената, относящемся къ 1-го дек. 1732 г., онъ пишетъ: «изъ російской націи у меня въ обученіи никого не бывало, и для того ученія никто ко мнѣ не являлся-жь, а нѣкоторые дѣти отъ иноземцовъ, въ Россіи рожденные, у меня обучались²...»; «и обученія мои состоятъ въ слѣдующихъ наукахъ: натуральное право; права общія германской или нѣмецкой имперіи; описаніе, какъ въ судахъ обыкновенно поступать; причемъ я имѣлъ тщаніе и о лифляндскихъ и эстляндскихъ правахъ показаніе чинить; а о російскихъ мнѣ весьма неизвѣстно. Феудальныя права, которыя я однакоже не окончалъ, для того, что тому назадъ больше года, какъ я взятъ въ юстиць-коллегію, къ нѣмецкимъ дѣламъ, а затѣмъ вступать въ другія дѣла мнѣ ужъ невозможно было»^{3 4}.

т. 2, стр. 214 и слѣд. отъ 9 дек. 1732 г., эта мѣра все-же была проведена, ср. Мат., т. 2, стр. 732, въ свѣдѣніяхъ о іюнѣ 1735 г. Подъ 22 іюня 1747 г. мы встрѣчаемъ Бекенштейна въ числѣ почетныхъ членовъ Академіи наукъ, Мат., т. 8, Спб. 1895, стр. 487. Бекенштейнъ отказывался отъ увеличенія своего вознагражденія, ссылаясь на то, что отъ него „малая происходитъ можетъ польза“, Мат., т. 2, стр. 204 и сл. Датой его смерти биографъ Бекенштейна въ Русскомъ биографич. словарѣ, т. II, Спб. 1906, стр. 665, выставляетъ 1744 годъ, но, это, какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго, несомнѣнно, ошибочно.

¹ Мат., т. I, стр. 548 и слѣд.

² Мат., т. 2, стр. 203.

³ Мат., т. 2, стр. 204. Ср. о занятіяхъ Бекенштейна въ юстиць-коллегіи, Ист. Акад. наукъ Г. Ф. Миллера, Мат., т. 6, стр. 55, а равно 226. Г. Ф. Миллеръ говоритъ съ восхищеніемъ о его обширныхъ юридическихъ познаніяхъ въ области римскаго права и мѣстныхъ остзейскихъ законовъ, *ibid.* стр. 228.

⁴ Объ участіи Бекенштейна въ качествѣ юриста-практика въ судѣ надъ Генрихомъ Фикомъ, обвинявшемся „въ участіи въ перемѣнахъ, которыя намѣревались произвести по кончинѣ Петра II“, см. П. Пекарскій, *Op. cit.*, стр. 206; о присутствіи Бекенштейна въ Сенатѣ, Мат., т. I, стр. 558, а равно 494.

П. Пекарскій сообщаетъ, что Бекенштейнъ былъ занятъ нѣкоторое время составленіемъ «исторіи права публичнаго»¹.

По свѣдѣніямъ, имъ же сообщаемымъ, Бекенштейнъ въ маѣ 1735 года² увольняется изъ Академіи, а къ 1744 не оказывается, повидимому, въ живыхъ³. Такая дата врядъ ли, однако, можетъ быть принята, если припомнить, что еще 22 іюня 1747-го года Бекенштейнъ числится почетнымъ членомъ Академіи⁴. Оцѣнивая Бекенштейна, Г. Ф. Миллеръ добавляетъ: «ich kann dieses grossen mannes nicht gedenken, ohne den verlust; den Russland durch seine rückerreise, und dass er keine schüler erzogen, erlitten hat herzlich zu beklagen»⁵. Если и присоединиться къ этой оцѣнкѣ Бекенштейна, то во всякомъ случаѣ, на основаніи сдѣланнаго имъ для русской науки, пребываніе этого ученаго въ Россіи можно признать прошедшимъ безслѣдно.

Характеръ преподаванія юриспруденціи въ Академическомъ университетѣ въ половинѣ XVIII ст. зависѣлъ, въ общемъ, отъ хода нашего праворазвитія и страдалъ, въ частности, отъ отсутствія такихъ научныхъ работниковъ, которые могли бы воспользоваться матеріаломъ русскаго законодательства; естественно поэтому, что нельзя было ожидать серьезныхъ переменъ отъ измѣненія устава Академіи. Эта мысль не всегда сознавалась, и исторія Академіи даетъ длинный рядъ безрезультатныхъ усилій, направленныхъ не къ устраненію неблагоприятныхъ условій для развитія науки права, но къ измѣненію уставовъ⁶. Въ длинной цѣпи этихъ попытокъ Регламентъ Академіи наукъ, изданный Александромъ I, и проходящій молчаніемъ каедру

¹ П. Пекарскій, Исторія имп. Акад. наукъ въ Петербургѣ, т. I, Спб. 1870, стр. 197. Ср. Мат., т. I, стр. 282.

² Г. Ф. Миллеръ указываетъ въ своей Исторіи Академіи наукъ на 1739 годъ, какъ время увольненія Бекенштейна, не настаивая, впрочемъ, на этой датѣ. Мат., т. 6, стр. 56.

³ П. Пекарскій, *Op. cit.*, стр. 207.

⁴ Мат. для И. А. Н. т. 8, Спб. 1895, стр. 487.0.

⁵ Исторія Акад. наукъ Г. Ф. Миллера съ продолж. Штриттера въ Мат. для И. А. Н., т. 6, Спб. 1890, стр. 228.

⁶ Ср. о проектѣ „регламента, по которому всѣ учащіе и обучающіеся при академическомъ университетѣ поступать должны“, принадлежащемъ Г. Ф. Миллеру, Мат. для И. А. Н. т. 9, стр. 347. О переработкѣ этого проекта, Мат., т. 9, стр. 396.

юриспруденціи, является какъ бы заключительнымъ звеномъ въ веренищѣ тщетныхъ усилій организовать въ Академіи преподаваніе права¹.

Ученія естественнаго права въ духѣ общей теоріи уголовного права культивировались и въ Московскомъ университетѣ въ первую пору его дѣятельности.

Юридическій факультетъ Московскаго университета обнималъ собой кафедры юриспруденціи всеобщей, російской и политики². Фактически такое распределеніе оставалось не осуществленнымъ, такъ всѣ эти кафедры занималъ проф. Дильтей († 1781), который

О распределеніи наукъ въ Академич. университетѣ въ эпоху единовластія Ломоносова въ началѣ 1760-ыхъ годовъ, ср. гр. Д. Толстой, Акад. унив. въ XVIII ст., Сиб. 1885, стр. 55, а равно гр. Д. Толстой, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782, Сиб. 1885, стр. 10 и Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, Сиб. 1865, стр. 426. Ломоносовъ проектировалъ на юридическомъ факультетѣ Академическаго университета: „профессора правъ общихъ“, „правъ російскихъ“ и „исторіи и политики“. Въ самомъ фактѣ существованія Академическаго университета, какъ справедливо замѣчаетъ гр. Д. Толстой, было не мало фиктивного, ср. гр. Д. Толстой, Акад. унив., Сиб. 1885, стр. 56. Въ этихъ предположеніяхъ Ломоносова нельзя не видѣть вліянія идей Томазія, который явился лицомъ, содѣйствовавшимъ практическому осуществленію плана разработки права, намѣченнаго Лейбницемъ въ его *Nova methodus*. Стоитъ только припомнить *Catalogus desideratorum* съ той систематикой юридическихъ наукъ, которая установилась подъ вліяніемъ Томазія и исходила изъ раздѣленія всей области юриспруденціи на отдѣлы: теоретическій, практический и историческій. Ср. А. Стояновъ, Исторія разработки положительнаго пра-

ва и общественное значеніе юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII ст., Х. 1862, стр. 192.

Въ 1775 г. въ присланномъ имп. Екатерины II „планѣ университета для русскаго правительства“ высказывается мысль о введеніи на юридическомъ факультетѣ кафедры гражданскаго и уголовного судопроизводства, ср. гр. Д. Толстой, Взглядъ на учеб. часть въ Россіи, Сиб. 1885, стр. 82.

¹ Період. сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Сиб. 1804, № 4, стр. 342 и сл.

Врядъ ли возможно точное установленіе числа лицъ, вышущенныхъ изъ Академіи по окончаніи юридическаго образованія. Поучительна въ этомъ отношеніи отписка инспектора Академической гимназіи Георга Краффта на запросъ Сената въ 1740 году, Мат. для ист. Акад. наукъ, т. 4, стр. 434, 437 и сл.—См. попытку объясненія факта, почему Академическій университетъ не привлекалъ слушателей, отсутствіемъ опредѣленныхъ служебныхъ привилегій и отчасти спеціализаціи преподаванія у Г. Ф. Миллера въ его Исторіи Акад. наукъ, Мат., т. 6, Сиб. 1890, стр. 75—6.

² С. Шевыревъ, Исторія императорскаго Московскаго университета, Москва, 1855, стр. 13.

и преподавалъ всѣ науки ¹. Хотя С. Шевыревъ не безъ нѣкотораго основанія называетъ проф. Дильтея первымъ ученымъ, который сталъ примѣнять общія начала права къ изученію русскаго законодательства, врядь ли такая квалифікація его допустима въ примѣненіи къ области права уголовнаго. Печатный Каталогъ лекцій 1757 года свидѣтельствуесть, что проф. Дильтей читалъ публично курсы естественнаго и народнаго права ². Біографъ проф. Дильтея адъюн. Капустинъ добавляетъ, что уже въ этомъ году уголовное право фигурируетъ въ Каталогѣ чтеній Дильтея, но утверждаетъ, что главнымъ предметомъ его лекцій оставалось естественное право, преподававшееся имъ по руководствамъ Пуфендорфа, Неттельбладта и Винклера ³. Не будетъ ошибочнымъ предположеніе, что уголовное право не являлось, вообще, интегральной частью чтеній Дильтея. Это слѣдуетъ уже изъ того, что въ 1765 году, когда возникаетъ извѣстный процессъ университетской канцеляріи съ проф. Дильтеемъ, онъ ссылается въ свое оправданіе на неурядки университетской жизни и обѣщаетъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ проходить со студентами въ числѣ другихъ предметовъ право уголовное ⁴ и, притомъ, съ примѣненіемъ къ русскому законодательству. Этому обѣщанію врядь ли должно придавать серьезное значеніе, если даже оно формально и было осуществлено. Въ Каталогѣ лекцій за 1770—1771 г. мы встрѣчаемъ опять Дильтея съ «Начальнымъ основаніемъ естественной юриспруденціи» Неттельбладта въ качествѣ руководства. Изъ Каталоговъ лекцій 1773—1774 г.г. и 1775—1776 г.г. мы узнаемъ, что Дильтей читаетъ исторію русскаго права и толкуеть опять таки *Systema universae juris-*

¹ С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 33. Біографическія свѣдѣнія о Дильтеѣ см. Біограф. словарь И. М. У. ч. I, 1855, стр. 301—311. Русскій біограф. словарь, Дабеловъ-Дядьковскій, Спб. 1905, стр. 381—382. Справочный словарь о русскихъ пис. и ученыхъ Гр. Геннади, т. I, Берл. 1876, стр. 301—302, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митроп. Евгенія, т. I, М. 1845, стр. 180—182.

Фил. Генр. Дильтей, д-ръ правъ Вѣнскаго универс. (1753 г.), прибылъ въ Москву въ 1756 г. и умеръ въ 1781 году въ С.-Петербургѣ.

² С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 35 и слѣд.

³ Ср. Біографич. словарь проф. и преподав. И. М. У. Моск. 1855, ч. I, стр. 302.

⁴ С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 131 и сл.

prudentiae positivae Неттельбладта¹; по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ С. Шевыревымъ о періодѣ 1771—1778 г.г., мы знаемъ, что Дильтей читаетъ студентамъ «книги пандектовъ, содержащія уголовное право примѣнительно къ русскимъ законамъ». ² Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятая, не даютъ, однако, права думать, что Дильтеемъ была сдѣлана сколько нибудь серьезная попытка подойти къ разработкѣ русскаго права. Его опыты въ этомъ направленіи въ другихъ областяхъ правовѣдѣнія были слишкомъ формальны, чтобы можно было предполагать, что курсы Дильтея по уголовному праву являлись хотя бы первой попыткой научной обработки русскаго уголовного права. Рѣчь шла, повидимому, объ отдѣльныхъ случайныхъ указахъ, которые Дильтей могъ приводить въ своихъ чтеніяхъ ³.

¹ Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland v. Bachmeister, II B., 1774, S. 228, а равно IV B., 1776, S. 172.

² С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 186.

³ Трудъ Дильтея: „Диссертація о изслѣдованіяхъ юридическихъ или о дедукціяхъ судебныхъ дѣлъ (ou memoires raisonnées), сочиненная въ М. И. У. отъ Филиппа Генрика Дильтея“, Спб. 1781, стр. 32, является запиской, составленной въ защиту необходимости допущенія при разборѣ судебныхъ дѣлъ мемуаровъ, изготовленныхъ опытными юристами, въ которыхъ излагалось бы существо дѣла и подводились необходимые законы. Эти мемуары Дильтей и называетъ *deductiones juridicae*.— Гораздо интереснѣе для оцѣнки того, какое значеніе имѣли занятія Дильтея русскимъ правомъ, представляется трудъ его: „Изслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательствахъ судебномъ съ Генеральнымъ регламентомъ, съ Уставомъ главнаго магистрата и съ Instruc-

ціями городскихъ магистратовъ, Словеснаго суда и Гильдій, съ Уставомъ же таможеннымъ старымъ и новымъ съ ихъ конфирмаціями и съ Инструкціею Коммерць-коллегіи со всѣми приличными вездѣ указаніями“, М. 1779. Въ этой работѣ, посвященной судопроизводству, Дильтей старался дать общія теоретическія основы отдѣльныхъ процессуальныхъ институтовъ, почерпая ихъ въ ученіяхъ права естественнаго, а то и въ правѣ римскомъ и отчасти каноническомъ; Дильтей приводитъ вслѣдъ за теоретическими соображеніями и разрозненныя постановленія русскаго права, по большей части, въ извлеченіяхъ изъ разныхъ указовъ. Нѣкоторая цѣльность изложенія достигается только благодаря тому, что Дильтей субсидіарно пользуется данными права естественнаго, римскаго и каноническаго. Интересно, что такой пріемъ изложенія вызвалъ нареканія на Дильтея. Указывалось на то, что „онъ осмѣлился писать законы“, „что весьма вредно обществу такія книги на свѣтъ издавать, которыя читателей приводятъ въ замѣшательство, почитающихъ законами то, что ниже

Не будетъ такимъ образомъ противорѣчающимъ дѣйствительности утвержденіе, что въ основу курса уголовного права въ эпоху Дильтея въ Московскомъ университетѣ было положено руководство Неттельблада, по которому и проходили эту науку первыя поколѣнія воспитанниковъ Московскаго университета ¹.

На основаніи такихъ данныхъ приходится допустить, что нельзя видѣть въ Дильтеѣ ученаго, который положилъ основаніе догматической обработкѣ русскаго уголовного права, и что курсъ этой науки, который онъ давалъ своимъ слушателямъ, ограничивался, по всей вѣроятности, совокупностью тѣхъ свѣдѣній, которыя его слушатели извлекали изъ системы Д. Неттельблада, а отчасти Пуфендорфа и Винклера. Курсъ перваго служилъ руководствомъ и для слушателей другихъ преподавателей. Какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, тотъ-же курсъ Д. Неттельблада, вообще, оказалъ несомнѣнное вліяніе на русскихъ правовѣдовъ. При этихъ условіяхъ представляетъ для насъ значительный интересъ ознакомиться въ

вида закона не имѣетъ“ и проч. Ср. Исслѣдованіе юридическое о принадлежашемъ для суда мѣстѣ, пред. къ читателю, стр. 1. На самомъ же дѣлѣ такіе упреки находили почву въ томъ, что Дильтеѣ подставлялъ вмѣсто нормъ русскаго права опредѣленія права естественнаго. Въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, митроп. Евгенія, М. 1845, т. I, стр. 182, сообщается о Дильтеѣ: „онъ сдѣлалъ и сводъ систематическій Россійскихъ законовъ, который былъ уже и напечатанъ, но въ свѣтъ не выпущенъ“. Извѣстіе это представляется мало вѣроятнымъ. Біографъ Дильтея Капустинъ упоминаетъ, что Дильтеемъ собраны указы съ 1772 по 1775 г.г., относящіеся къ устройству и управленію Россіи и помѣщенные въ его *Essay géographique sur la Russie*, Біогр. слов. проф. И. М. У., ч. I, стр. 310.

¹ Рѣчи Дильтея: „Чего требуетъ справедливость законовъ, защищающихъ малолѣтній возрастъ, когда малолѣтвые

окажутся обманщиками, говоренная 28 іюня 1768“ и напечат., по словамъ митроп. Евгенія, Словарь, т. I, М. 1845, стр. 180 и слѣд., въ Моск. универс. типогр., намъ не удалось видѣть, но она трактуетъ свой предметъ, какъ видно уже изъ заглавія, съ точки зрѣнія теоріи права, не касаясь русскаго законодательства. Во всякомъ случаѣ, трудъ этотъ является однимъ изъ немногихъ печатныхъ трудовъ Дильтея, посвященныхъ уголовно-правовымъ вопросамъ. (Свѣдѣнія, сообщавшіяся Дильтеемъ по русскому уголовному праву, могли быть въ лучшемъ случаѣ иллюстраціями положеній естественнаго права. „У Дильтея, пишетъ его біографъ адъюн. Капустинъ, мы замѣчаемъ стремленіе создать изъ немногихъ матеріаловъ цѣлую систему; эта система была уже принесена, уже готова прежде: дожидаться собиравія фактовъ Дильтеѣ не хотѣлъ“. Біограф. слов. проф. и препод. И. М. У. М. 1885, стр. 310.

общихъ чертахъ съ характеромъ творчества Даниіла Неттельбладта и Винклера. Это поможетъ намъ не только получить приблизительно вѣрное представленіе о томъ, что читаль Дильтей своимъ слушателямъ по уголовному праву, но представить намъ въ надлежащемъ освѣщеніи и тѣ экскурсы въ область римскаго и каноническаго права, которые онъ дѣлалъ и при помощи которыхъ думалъ подойти къ изученію русскаго положительнаго законодательства.

Послѣдователь Вольфа Д. Неттельбладтъ въ своихъ ученіяхъ о правѣ былъ до извѣстной степени только систематизаторомъ догмы, дѣйствовавшей въ его время на западѣ, права. Начиная обыкновенно съ опредѣленій, которыя составляются имъ эмпирически, онъ расчленяетъ ихъ, затѣмъ математически доказываетъ, слѣдуя перенятому имъ у Вольфа демонстративному методу. Положенія, къ которымъ Д. Неттельбладтъ приходитъ путемъ вывода изъ опредѣленій, становятся, по его представленію, элементами права естественнаго. То, такимъ образомъ, что онъ преподноситъ подъ именемъ естественнаго права является, въ сущности, отвлеченіемъ нормъ положительнаго права, которое по разнымъ историческимъ условіямъ было дѣйствующимъ въ эпоху, когда онъ вырабатывалъ свою систему. Философское право, предлагаемое Д. Неттельбладтомъ,—то естественное право, которое онъ анализируетъ и складываетъ въ болѣе или менѣе сложныя комбинаціи, было въ своей существенной части разрозненными отрывками римскаго, германскаго и каноническаго права въ томъ видѣ, какъ сохранила ихъ исторія до половины XVIII столѣтія¹. Это, конечно, не значитъ, что Д. Неттельбладтъ всегда оставался въ своихъ конструкціяхъ на почвѣ положительнаго права. Онъ придавалъ значеніе естественно-правовой нормы опредѣленіямъ положительнаго права, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовавшимъ верховнымъ

¹ См. характеристику творчества Д. Неттельбладта у А. Стоянова въ „Методахъ разработки положительнаго права“, X. 1862, стр. 196 и слѣд., 200 и др.

passim, Н. Пилянкевичъ, Исторія философіи права, Кіевъ. 1870, стр. 122 и слѣд., F. Stahl, Die Philosophie des Rechts, I B., Heid. 1830, S. 112.

началамъ, которыя онъ старался положить въ основаніе понятія «правое дѣйствіе». Последнее же таково, что «никакому существенному человѣческому опредѣленію или отъ него зависящему свойству не противорѣчитъ»¹. Благодаря положительной основѣ своего естественнаго права, Д. Неттельбладтъ пользовался признаніемъ со стороны современныхъ ему практическихъ юристовъ, которымъ не могъ не быть, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Стояновъ, по сердцу апоэозъ положительнаго матеріала въ естественномъ правѣ². Систематизаторъ прежде всего, Д. Неттельбладтъ не могъ не замѣтить, что значительная часть положеній права примѣнима къ цѣлому ряду разнородныхъ юридическихъ институтовъ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно выдѣленіе въ системѣ изложенія права общей части, упрощающей усвоеніе матеріала³. Вступивъ на этотъ путь, Д. Неттельбладтъ выработалъ обыкновеніе, которое нашло сочувственный откликъ у современныхъ ему юристовъ и укоренилось въ практикѣ нѣмецкихъ руководствъ. Съ другой стороны, онъ довелъ свои дѣленія до такой степени подробности и запутанности, которая крайне затрудняла усвоеніе развиваемыхъ имъ положеній, до сихъ поръ неутратившихъ значенія въ качествѣ общихъ теоретическихъ построеній.

Для правильной оцѣнки руководства Д. Неттельбладта, которымъ питомцы Московскаго университета пользовались въ русскомъ переводѣ⁴, нужно не забывать, что оно обнимало собой всю область юриспруденціи⁵. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ раз-

¹ Д. Неттельбладтъ, Начальное основаніе всеобщей естественной юриспруденціи, М. 1770, § 33, стр. 23.

² А. Стояновъ, Методы разработки положительнаго права, стр. 201.

³ А. Стояновъ, *ibid.*

⁴ Д. Данила Неттельбладта, Начальное основаніе всеобщей естественной юриспруденціи, принаравленное къ употребленію основанія положительной юриспруденціи, Моск. 1770.

⁵ Не считая введенія, названнаго „общія предъуведомленія начальнаго осно-

ванія всеобщей юриспруденціи естественной“, книга Д. Неттельбладта распадается на три „тома“, изъ которыхъ первый озаглавленъ „Философія практическая всеобщая теоретическая“, второй—„Юриспруденція естественная теоретическая“, а третій—„Юриспруденція естественная практическая“. Подъ „Юриспруденціей практической“ Д. Неттельбладтъ понимаетъ нѣчто близкое къ современному понятію процессуальнаго права, ср. § 14, стр. 9. Что касается „юриспруденціи естественной теорети-

личные отдѣлы системы вкраплены, такъ сказать, отдѣльные вопросы уголовного права и если собрать ихъ въ одно цѣлое, то получается довольно полное изложеніе предмета, вполне соответствующее наиболѣе распространеннымъ на западѣ въ ту пору ученіямъ

Преступленіе Д. Неттельбладтъ конструируетъ, какъ внѣшнее дѣйствіе, противное естественнымъ законамъ¹. Относительно одной категоріи ихъ—«*crimina*», переведенной словомъ «пороки», Д. Неттельбладтъ допускаетъ, что они «съ коварствомъ и виной преступающаго бываютъ», т. е. *cum dolo et culpa*, а относительно другой ихъ группы признаетъ, что они бываютъ «безъ коварства и вины погрѣшающаго, и называются преступленіями «въ особенности такъ названными» (*delicta in specie sic dicta*)»². Къ послѣдней категоріи Д. Неттельбладтъ относитъ *delicta necessaria*³. *Dolus* онъ понимаетъ въ смыслѣ «коварства», лица «знающаго и хотящаго», *culpa*—въ формѣ «вины» «незнающаго и нехотящаго»⁴. Границей вмѣненія служитъ *casus*—случай. Этотъ послѣдній Д. Неттельбладтъ представляетъ себѣ какъ комбинацію, когда «никакого преодолѣваемаго недостатка не будетъ находиться въ правости дѣйствія того, въ лицѣ котораго случается»⁵. «Оскорбленія, категорически заявляетъ авторъ, по случаю причиненныя, суть недѣйствительныя»⁶. Д. Неттельбладтъ высказываетъ мысль о ненаказуемости «помышленія о преступленіи»⁷, разграничиваетъ понятіе *delictum attentatum*, а именно «попытное преступленіе», «если кто учинилъ одни токмо приуготовленія къ преступленію» отъ преступленія «начатаго»—«*inchoatum*», «если кто въ самомъ дѣй-

ческой», то она обнимаетъ собой юриспруденцію „приватную“, „публичную“ и „народную“, различаемая въ томъ смыслѣ, что первая „содержитъ въ себѣ истины о правахъ и обязательствахъ людей, внѣ общества живущихъ“; „публичная“ это та, „которая содержитъ въ себѣ истины о правахъ и обязательствахъ между подданнымъ и вышнимъ“; наконецъ, „народная“ обнимаетъ собой „истины о правахъ и обязательствахъ

народовъ между собою“, ср. § 16, стр. 10.

¹ *Op. cit.*, § 399, стр. 178, 0 дѣленіи преступленій, § 402 и 403.

² *Op. cit.*, § 403, стр. 178 и слѣд.

³ *Op. cit.*, § 404 и § 402, стр. 179 и 178.

⁴ *Op. cit.*, § 37, стр. 25.

⁵ *Op. cit.*, § 141, стр. 49.

⁶ *Op. cit.*, § 142, стр. 49.

⁷ *Op. cit.*, § 405, стр. 179.

«ствію преступленія находился, токмо онаго не исполнилъ» и, наконецъ, выставляетъ понятіе *delictum consummatum*, «если все дѣйствіе, которое заключаетъ въ себѣ преступленіе, окончано было»¹. Дѣленія эти представляютъ значительный интересъ, какъ свидѣтельство зарожденія русской терминологіи по этимъ вопросамъ. Въ другомъ мѣстѣ² Д. Неттельбладтъ развиваетъ ученіе о соучастіи вообще и уголовно-правовомъ въ частности. Касаясь этого института, главнымъ образомъ, въ отношеніи, появляющихся здѣсь впервые, русскихъ техническихъ терминовъ, мы должны отмѣтить выраженія: «виновникъ дѣла» (*auctor auctoris*), «совиновники» (*co-auctores*), «товарищъ» (*socius*)—«тотъ, кто въ дѣлѣ вспомоствуетъ», «совѣтующій»—«*consilium dans*», «сообщники преступленія»—«*complices delicti*». —Право обороны конструируется у Д. Неттельбладта весьма широко. «Всякому приличествуетъ право защищать свое тѣло, свои вещи и свою честь противъ всякаго обидчика»³. При этомъ «защититель не обязанъ ожидать перваго дѣйствія обиды» и «...имѣетъ право предупрежденія»⁴. Защита при этомъ даже другого лица является не только правомъ, но и обязанностью⁵. Названіе необходимой обороны—«*moderamen inculratae tutelae*» переведено довольно неудачнымъ терминомъ «управленіе неповиннаго покровительства»⁶. Расширяя, такимъ образомъ, самодѣятельность лица, Д. Неттельбладтъ проводитъ, однако, рѣзкую границу между «правомъ наказывать приватнымъ» (*jus puniendi privatum*) и публичнымъ (*jus puniendi publicum*), принадлежащимъ «верховному повелителю въ республикѣ»⁷.—Изъ отдѣльныхъ преступленій Д. Неттельбладтомъ предусматрѣны, прежде всего, челоукоубійство (*homicidium*), которое онъ опредѣляетъ какъ «дѣйствіе, когда кто лишаетъ другого жизни»⁸. Столь странное, на современный взглядъ, въ смыслѣ его ненужности, опредѣленіе объясняется

¹ Op. cit., § 407, стр. 179 и слѣд.

² Op. cit., § 44—52, стр. 27—29 и § 409, стр. 187. Д. Неттельбладтъ развиваетъ ученіе о соучастіи, примѣняемое, въ частности, и къ преступленіямъ.

³ Op. cit., § 421, стр. 182, § 446, стр. 188.

⁴ Op. cit., § 424, стр. 183.

⁵ Op. cit., § 425, стр. 183.

⁶ Op. cit., § 454, стр. 189.

⁷ Op. cit., § 775—786, стр. 275—278.

⁸ Op. cit., § 53, стр. 91.

тѣмъ, что Д. Неттельбладтъ стремится выдѣлить изъ понятія лишенія жизни, наряду съ человекоубійствомъ, и самоубійство¹. Кромѣ этихъ дѣяній, онъ предусматриваетъ преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности², половой чести, чести вообще³. Особымъ видомъ послѣднихъ является, между прочимъ, «вражда» (*inimicitia*), которую Д. Неттельбладтъ опредѣляетъ какъ «порокъ получать увеселеніе изъ несовершенства другого»⁴. Въ этой области авторъ идетъ даже такъ далеко, что возлагаетъ на всякаго человека обязанность «стараться о томъ, чтобы люди были между собою взаимные пріятели»⁵. Въ ряду имущественныхъ преступленій Д. Неттельбладтъ говоритъ о «помѣшательствѣ владѣнія» (*turbatio possessionis*)⁶, «сверженіи съ владѣнія» (*deiectio de possessione*), подразумѣвая подъ нимъ преступленіе, когда «кто другаго лишаетъ владѣнія, еще не доказавъ права владѣнія»⁷. Здѣсь же Д. Неттельбладтъ упоминаетъ о «унесеніи вещи» (*oblatio rei*)⁸, «убыткѣ или уронѣ въ особенности такъ названномъ» (*damnum in specie sic dictum*),—порчѣ вещи и «обманѣ или обольщеніи» (*defraudatio*)⁹.

Съ руководствомъ Д. Неттельбладта конкурировалъ въ Московскомъ университетѣ въ половинѣ XVIII ст. учебникъ вольфганца Иог. Гейн. Винклера, у котораго склонность къ классифицированію и демонстративный методъ не выступали такъ ярко, какъ у Д. Неттельбладта¹⁰.

Винклеръ строитъ естественное право на положительномъ фундаментѣ, отмѣчая, что въ немъ наблюдаются двѣ области, которыя,

¹ *Op. cit.*, § 23, стр. 84.

² „...Тѣлу другихъ ни коимъ образомъ, на пр. черезъ раны, разорванія, ломанія и черезъ вывихиваніе рукъ или ногъ вредъ причинять не позволено“, § 55, стр. 91, *Op. cit.*, а также § 444—445, стр. 187 и сл.

³ *Op. cit.*, § 57—65, стр. 92—93; ср. также § 464, 468, стр. 192 и слѣд.

⁴ *Op. cit.*, § 68, стр. 94.

⁵ *Op. cit.*, § 67, стр. 93.

⁶ *Op. cit.*, § 455, стр. 190.

⁷ *Op. cit.*, § 456, стр. 190.

⁸ *Op. cit.*, § 457, стр. 190.

⁹ *Op. cit.*, § 458, стр. 191.

¹⁰ *Institutiones philosophiae universae usibus academicis accommodatae*, ed. altera, Lips. 1742, въ которыхъ отдѣлъ *Institutionum philosophiae universae*, pars II, activa обнималъ собой *Doctrina morum generalis* и *ius naturae*.

хотя онѣ и происходятъ изъ одного источника, слѣдуетъ строго различать: первая обнимаетъ собою естественное право, соответствующее естественному порядку въ состояніи внѣгосударственномъ, вторая—естественное право, дѣйствующее въ государствѣ ¹. Сосредоточивая свое вниманіе на естественномъ правѣ въ состояніи государственномъ, Иог. Гейн. Винклеръ не выдѣляетъ уголовного права въ качествѣ обособленнаго предмета вѣдѣнія. На этомъ пути онъ характеризуетъ понятіе преступнаго, какъ видъ нечестнаго и позорнаго ². безъ обособленія его въ самостоятельный видъ неправды, нарушающей начало: «nemo laedendus est» ³. Винклеръ подробно выясняетъ, въ какихъ случаяхъ виновнаго отношенія къ нарушенію послѣднее можетъ вмѣняться ⁴ и какіе способы реакціи допустимы противъ неправды. Онъ анализируетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кругъ вопросовъ, связанныхъ съ понятіемъ обороны ⁵, останавливается на обоснованіи права наказанія и выводѣ о свойствахъ послѣдняго ⁶. Наказаніе можетъ предприниматься, съ точки зрѣнія Винклера, для цѣлей устрашенія или исправленія ⁷, причемъ конечной задачей его должно быть устраненіе преступленія въ той формѣ, какъ онъ его понимаетъ ⁸. При дѣяніяхъ, въ которыхъ нарушитель не извлекаетъ выгодъ изъ своего поступка, не проявляетъ жестокости и дѣйствуетъ не со знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, должно имѣть мѣсто смягченія наказанія ⁹. Винклеръ останавливается и на от-

¹ „In... parte quae ius naturae vocatur de obligationibus et iuribus hominum duplex est quaestio. Unum genus est, quod ad statum naturalem, alterum, quod ad civilem pertinet. In utroque autem quae dicuntur, eam habent communitatem, ut ex una lege, qua nulla potest esse cogitarique prior, tanquam fonte, fluant atque vim nanciscantur“ Op. cit., praef. ***2.

² Io. Winclerus, Op. cit., Institutionum philosophiae universae, pars II, activa §§ 19—25.

³ Op. cit., § 347.

⁴ Op. cit. §§ 160—191.

⁵ Op. cit., §§ 361—367.

⁶ Op. cit. §§ 375—380.

⁷ Op. cit., § 377. „Poena, пишетъ Винклеръ, quae ab eo, qui laesit, eum in finem expetitur, ut animum laedendi mutet, emendatrix; quae vero ad incutiendum aliis metum eosque a laesionibus absterrendos infligatur, exemplaris nominatur“.

⁸ „Poena est malum physicum, quod legislator cum actione turpi eum in finem coniunxit, ut actio intermitteretur“, Op. cit., § 68. О понятіи sanctio poenalis, .ibid., § 74.

⁹ Op. cit., §§ 394—396.

дѣльныхъ видахъ нарушенія, упоминая объ убійствѣ¹ и его от-
тѣнкахъ, половыхъ посягательствахъ², разнообразныхъ видахъ ос-
корбленія чести³ и пр.

Мы остановились такъ долго на ознакомленіи съ уголовно-
юридическимъ содержаніемъ ученій естественно-правовой школы для
того, чтобы реконструировать идею, которая была въ ходу въ ста-
рѣйшемъ русскомъ университетѣ и заполняли собой почти всю
вторую половину XVIII-го вѣка. Но наряду съ преподаваніемъ
въ Академіи наукъ и Московскомъ университетѣ уголовного права
по формально-теоретическому методу такія же попытки дѣлались,
временами, и въ кадетскихъ корпусахъ. Само собой разумѣется,
что въ этихъ послѣднихъ преподаваніе стояло, вообще, на болѣе
низкой степені. Это обусловливалось и диллетантскимъ, энцикло-
педическимъ характеромъ самаго преподаванія, которое имѣлось
въ виду въ нихъ насадить⁴, а отчасти и тѣмъ, что оно не имѣло
самостоятельнаго значенія и находилось въ зависимости отъ пре-
подаванія права въ Академіи наукъ.

Преподаваніе юриспруденціи въ корпусѣ въ 1731 году воз-
ложено было на Флюга, обучавшаго кадетъ натуральному праву⁵.
Изъ донесенія директора «Шляхетнаго кадетскаго корпуса» Ф. Теттау
мы узнаемъ, что уровень преподаванія не поднимался въ немъ высоко.
«Отъ... трудовъ чрезъ весь 1734 г., пишетъ онъ, никакого плода
не произошло». Въ 1734 году при корпусѣ создана была долж-

¹ Ср. cit., § 368.

² Ср. cit., § 373.

³ Ср. cit., §§ 369 - 372.

⁴ Ср. по этому вопросу гр. Д. Тол-
стой, Взглядъ на учебную часть въ Рос-
сиі въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Спб.
1885, стр. 31 и сл.—Въ „Морскомъ
шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ“ по
организациі, данной ему 15 дек. 1752 г.,
имѣли преподаваться: „ученіе въ шти-
лѣ... политика... толкованіе авизей...
мораль“, ср. Ѳ. Веселаго, Очеркъ исто-
ріи морского кадетскаго корпуса“ Спб.
1852, стр. 121, причемъ однимъ изъ
преподавателей этого рода наукъ былъ,

повидимому, Гейманъ. Ѳ. Веселаго, Ср.
cit., стр. 127. По новому штату Мор-
ского корпуса 18 іюня 1764 года уси-
ливается преподаваніе юридическихъ
дисциплинъ. Ibid., стр. 147.—Въ 1784
году правительственная комиссія кон-
статируетъ, что „гражданскія науки“
въ дѣйствительности не преподаются
къ корпусѣ вовсе. Ср. Мельницкій,
Сборникъ свѣдѣній о военно учебныхъ
заведеніяхъ въ Россіи, т. I, ч. I, Спб.
1857, стр. 9.

⁵ Н. Коркуновъ, Исторія философіи
права, стр. 284.

ность «оберъ-профессора», на обязанности котораго лежало, между прочимъ, преподаваніе юриспруденціи. «Часто, пишетъ Ф. Теттау, упомянутый же оберъ-профессоръ долженъ нѣкоторыхъ, къ штудированію назначенныхъ кадетовъ восемь часовъ въ недѣлю въ юриспруденціи самъ обучать»¹. Юриспруденція эта сводилась къ распространеннымъ въ то время на западѣ учебникамъ естественнаго права Гейнекція, Гундлинга, Ресслера и др., а равно руководствомъ по римскому праву того же Гейнекція и Шиллера². Такой оторванный отъ жизни курсъ преподаванія юриспруденціи оказывается, притомъ, далеко не преходящимъ. Еще въ вѣкъ Екатерины II съ преобразованиемъ кадетскаго корпуса на одномъ изъ первыхъ мѣстъ ставятся «науки предпочтительно нужныя гражданскому званію: нравоученіе, права: естественное, всенародное и государственное и экономія государственная»³. Въ тѣхъ же предѣлахъ кадеты подвергались и экзамену изъ юриспруденціи⁴.

Эти эпизоды изъ исторіи преподаванія въ Россіи юриспруденціи, которая насаждалась въ тѣхъ видахъ, чтобы создать классъ людей, могущихъ быть полезными при примѣненіи права въ практи-

¹ Матеріалы для исторіи И. А. Н. т. 3, Спб. 1886, стр. 454 и сл.

² Въ донесеніи директора корпуса Ф. Теттау Академіи наукъ, относящемся къ 1737 году, мы читаемъ: „...По требованію Академіи наукъ о авторахъ книгамъ, по которымъ кадеты обращались, спецификація при семъ сообщается“... Въ „классахъ гражданскихъ наукъ“ преподавались: „1) Гейнекціи элемента философіе рационались. 2) Ресслери Институционесъ юрисъ натурались. 3) Гейнекціи элемента юрисъ цивилесъ секундумъ ординемъ институционумъ. Которые авторы кадетамъ совсѣмъ экспликованы, и кадеты притомъ Гундлингесъ на естественное право разговоры и Глафенесъ разума и народовъ право съ малыми Гоппи о: Адъ институционесъ приватно читали. Нынѣ слушаютъ они коллегія: 1) надъ Гейнекціи

Элемента юрисъ цивилесъ секундумъ ординемъ пандектарумъ. 2) Надъ Шиллери юсъ федале съ Гундлингесъ дискурсами 3) Надъ Будден философія практика вторая часть де официесъ гоминумъ генциумъ кве интеграрумъ адлѣасъ натуре компонендисъ. 4. Гундлингесъ дискурсъ иберъ ди рейхесъ исторіяамъ. Токмо въ сей наукѣ, затѣмъ что господинъ лиценціятъ юрисъ Генпонынѣ недомогалъ, немного учинено“. Матеріалы для И. А. Н. т. 3, Спб. 1886, стр. 464.

³ Ламаевъ, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію (1700—1800). Спб., 1880, стр. 58.

⁴ Н. Мельницкій, Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, т. I, ч. I, стр. 22.

ческой жизни, наглядно свидѣтельствуя, какъ безнадежны были практиковавшіеся приемы научить основамъ дѣйствующаго законодательства. Горькія разочарованія, которымъ шли на встрѣчу организаторы такой школы, дѣлаютъ понятнымъ, почему иногда круто останавливались на этомъ пути и переходили къ испытанному средству — къ изученію дѣйствующаго права по указамъ.

Отвлеченный характеръ носило преподаваніе права и въ Пажескомъ корпусѣ, которое велось по плану, составленному академикомъ Миллеромъ въ 1765 г.,¹ и въ томъ же духѣ преподавались основанія права и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ². Здѣсь царило естественное право въ построеніи вольфіанцевъ и въ изложеніи Баумейстера. Трудъ послѣдняго со всевозможными добавленіями долгое время служилъ учебникомъ, будучи распространеннымъ въ видѣ рукописи, пока не былъ въ 1777 году изданъ Н. Бантышъ-Каменскимъ въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ³. Сюда были введены главы *de jure economico, publico et ecclesiastico*, взятая изъ Канзія и Гольманна. Въ отдѣльныхъ духовныхъ академіяхъ, напр., Казанской, читались и комментировались Кормчая книга и трудъ Пуффендорфа О должностяхъ человѣка и гражданина

¹ Мы читаемъ объ этомъ планѣ въ томъ его видѣ, какъ онъ приведенъ у акад. М. Сухомлинова, Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, стр. 543: „Для обученія пажей потребны... учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ... Учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ“...

² Преподаваніе естественнаго права въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ предполагалось еще въ Регламентѣ или уставѣ духовной коллегіи 25 генв. 1721 г., П. С. З. № 3718. П. 10 гласилъ: „Чинъ ученія таковой добрый

кажется... Политика краткая Пуффендорфова, аще оная потребна судится быть, и можетъ она привосокуниться къ діалектикѣ“.

³ M. Fr. Chr. Baumeisteri, *Elementa philosophiae recentioris...* edidit Nicolaus Bantisch-Kamenski, Mosq. 1777. Издавая этотъ учебникъ, Н. Бантышъ-Каменскій дополнилъ его цѣлымъ рядомъ пособій, которыми и до того пользовались въ качествѣ источника. Praef. edit., p. III. Логику и философію Н. Бантышъ-Каменскій дополнилъ трудами Теофана Прокоповича „о законахъ мышленія“. Нравственную философію Баумейстера онъ дополнилъ отдѣлами „*de jure economico, publico et ecclesiastico*“ и пр.

наставникомъ философіи префектомъ Борисомъ Поликарповымъ ¹.

Нравственная философія этимъ преподавателемъ понималась, какъ дисциплина, въ которой «сходятся и оканчиваются... труднѣйшіе вопросы объ устройствѣ гражданскихъ обществъ и объ основаніи правъ и законовъ» ². Въ нее входили, между прочимъ, «право естественное», «наставленія права гражданскаго повсемственнаго» и «наставленія права церковнаго» ³.

Хр. Баумейстеръ, изданный Н. Бантышемъ-Каменскимъ, является, въ общемъ, довольно полнымъ отраженіемъ того, что преподавалось въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ по естественному праву во второй половинѣ XVIII в. Издатель сообщаетъ о содержащемся въ выпускаемомъ трудѣ матеріалѣ: «*cuncta haec... non e proprio meo cerebro deprompta sed ex viris exquisitae eruditionis... nempe Thumigio, Wincklero, Krugero, Hollmanno et Canzio hausta esse putabis*» ⁴. Вопросы права уголовнаго находили себѣ въ то же время соответственное мѣсто въ общей системѣ естественнаго права. Въ согласіи съ принципами демонстративнаго метода трактовались проблемы о наказаніяхъ и вмѣненіи ⁵, умыслѣ и неосторожности ⁶.

¹ Біографическія свѣдѣнія о преподавателѣ Казанской духовной академіи Борисѣ Поликарповѣ, преподававшемъ въ 1789—1818 г.г. и умершемъ въ 1832 г., см. А. Благовѣщенскій, Исторія старой Казанской духовной академіи, 1797—1818, Казань, 1876, стр. 71.

² А. Благовѣщенскій, Исторія старой Казанской духовной Академіи, 1797—1818. Каз., 1876, стр. 92.

³ А. Благовѣщенскій, Исторія старой Казанской духовной Академіи 1797—1818, Каз., 1876, стр. 92 и сл.

⁴ M. Fr. Chr. Baumeisteri, *Elementa philosophiae recentioris*, Mosq. 1777, praef., p. VI.

⁵ M. Fr. Chr. Baumeisteri, *Elementa philosophiae recentioris*, Mosq. 1777, *Philosophiae moralis*, cap. IV „De poenis et praemiis“, §§ 37—39 и cap. VII „De imputatione“, §§ 57—61. Для иллюстраціи того, въ какую

форму отливались эти вопросы при содѣйствіи демонстративнаго метода, остановимся для примѣра на томъ, какъ рѣшался въ изданіи Н. Бантышъ-Каменскаго вопросъ о вмѣненіи сновидѣній. „Quandoquidem vero incidunt tempora, читаемъ мы, cum sensiones, si modo velimus, impedire possumus; intelligitur, imaginationem quoque non nunquam posse impediri atque adeo vobis imputari, si ei non obstitimus“. Здѣсь приводится примѣръ, какъ начитавшись *fabulas romanenses*, можно направить въ извѣстную сторону наше воображеніе, а отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ, что сновидѣнія должны вмѣняться. „Ex quo iudicare potes, qua do somnia nobis recte imputentur“, с. VII, p. 60.

⁶ M. Fr. Chr. Baumeisteri, *Elem. phil. rec. M.* 1777. *Philos. mor.* cap. VII, *Dolus* и *culpa*, § 61, p. 62 и слѣд.

Наряду съ преподаваніемъ естественнаго права въ юридической школѣ и переводной литературой, въ половинѣ XVIII в. начинаютъ зарождаться, въ качествѣ новаго фактора научнаго развитія, и полусамостоятельные опыты въ этой области. Въ нихъ авторы комбинируютъ по своему выбору ученія западныхъ правовѣдовъ и снабжаютъ ихъ въ видѣ иллюстрацій примѣрами.

Съ такой попыткой мы встрѣчаемся въ трудѣ Владиміра Золотницкаго.

Проникнутая духомъ естественнаго права государственнаго уклада, книга Владиміра Золотницкаго¹ затрогиваетъ и проблемы уголовного права.

Въ своемъ Сокращеніи естественнаго права², представляющемъ не что иное какъ выборку изъ ученій естественнаго права, В. Золотницкій пишетъ: «хотя сей плодъ моихъ трудовъ покажется еще незрѣлымъ и недовольно вкуснымъ, но сіе тѣмъ для меня простибельнѣе будетъ, что сіе знаніе еще только въ первый разъ на Россійскомъ языкѣ сообщено свѣту³...» Нѣкоторые вопросы уголовного права В. Золотницкій затрогиваетъ и въ другомъ своемъ трудѣ: «Общество разнообразныхъ лицъ», вышедшемъ въ 1766 г.⁴

¹ Біографическія свѣдѣнія о В. Т. Золотницкомъ, ср. митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. I, М., 1845, стр. 232—233. Библиогр. свѣд. о трудахъ В. Золотницкаго ср. Гр. Геннади, Справочный словарь, т. II, Берл., 1880, стр. 33.

Влад. Трофим. Золотницкій род. въ 1741 г. въ Кіевской губ. въ семьѣ священника. Онъ воспитывался въ Кіевской академіи и въ 1760 году перешелъ въ Моск. унив., былъ впоследствии преподавателемъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса и переводчикомъ Московской камеръ-коллегіи. Изъ трудовъ философскаго характера В. Золотницкимъ написаны между прочимъ: „Состояніе человѣческой жизни, заключенное въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ примѣ-

чаніяхъ, касающихся до натуральныхъ человѣческихъ склонностей“, Спб. 1763 и „Общество разнообразныхъ лицъ, или разсужденіе о дѣйствіяхъ и нравахъ человѣческихъ“, Спб. 1766. В. Золотницкимъ переведенъ съ франц. трудъ: „Духъ Сенеки или нравоучительныя разсужденія сего великаго философа“, М. 1765.

² Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы Россійскаго общества Владиміромъ Золотницкимъ, Спб. 1764.

³ Сокращеніе ест. пр., 1764, стр. V.

⁴ Вл. Золотницкій, Общество разнообразныхъ лицъ или разсужденія о дѣйствіяхъ и нравахъ человѣческихъ, Спб. 1766. По характеру своему, этотъ трудъ является сборникомъ правилъ житейской мудрости по вопросамъ воспита-

Въ отношеніи конструированія естественнаго права В. Золотницкій стоить на той ступени, которая отождествляетъ изученіе естественнаго права съ изслѣдованіемъ «натуральныхъ законовъ въ первенственномъ натуральномъ состояніи наблюдаемыхъ»¹. Отождествляя естественное право съ правомъ первобытной эпохи существованія человѣка, В. Золотницкій затрогиваетъ въ своемъ трудѣ, въ примѣненіи къ области уголовного права, только самые основные институты послѣдняго, опредѣляющіеся уже на стадіи натурального состоянія. Онъ и говоритъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, только о необходимой оборонѣ и наказуемости убійства.

Въ оборонѣ или, по выраженію В. Золотницкаго, въ «правѣ невиннаго защищенія», что является, повидимому, подражаніемъ термину *moderamen inculpatae tutelae*, его интересуетъ, прежде всего, вопросъ о границахъ этого права. Онъ рѣшаетъ его далеко не въ пользу широкой допустимости обороны. «...Сколь далеко простирается... право своего защищенія, пишетъ В. Золотницкій, о томъ вообще опредѣлить не можно, почему оно названо отъ нѣкоторыхъ «неопредѣленное». «Натуральное право дозволяетъ защищать свою жизнь, когда непріятель у тебя оную отнять хочетъ. И ежели никакими другими средствами избавить себя отъ него не можно, то употребляй такія орудія, которыми бы непріятель лишился силъ къ убивству тебя»²...

Съ той же точки зрѣнія «натуральнаго права» В. Золотницкій разрѣшаетъ и вопросъ объ убійствѣ. Онъ различаетъ убійство умышленное, «натуральному праву совсѣмъ противное», и убійство случайное, о которомъ онъ говоритъ, что оно «простительно»³. За умышленное убійство В. Золотницкій считаетъ допустимой въ качествѣ наказанія смертную казнь. Онъ пишетъ: «понеже другіе способы къ отвращенію отъ сего беззаконія людей не всегда дѣйствительны: то лучше смертію одного сохранить многихъ, что натуральное право совершенно дозволяетъ»⁴.

нія, противодѣйствія порокамъ и проч. Онъ состоитъ изъ 40 „разсужденій“ и въ концѣ каждаго изъ нихъ приводятся примѣры, иллюстрирующіе высказываемыя авторомъ моральныя истины.

¹ Сокращеніе ест. пр., 1764, стр. 2.

² Сокращеніе естеств. права, стр. 39.

³ Сокращеніе естес. пр., стр. 40 и сл.

⁴ Сокращеніе естеств. права, стр. 93 и слѣд.

Нѣсколько мыслей объ условіяхъ вмѣненія В. Золотницкій высказываетъ въ своемъ произведеніи: «Общество разнovidныхъ лицъ». «Принужденное, замѣчаетъ онъ, такъ же и безъ намѣренія случайное дѣйствіе по естественному праву не вмѣняется здѣлававшему, и не поставляется онъ довольною того причиною, почему и воздаяніа за то ожидать не имѣетъ»¹.

Таковъ былъ, въ существенныхъ чертахъ, тотъ циклъ уголовно-правовыхъ понятій, въ атмосферѣ которыхъ находились русскіе криминалисты второй половины XVIII-го столѣтія. Не смотря на то, что въ большинствѣ случаевъ естественно-правовыя конструкціи, прочно укоренившіяся въ русской юридической школѣ, носили положительно-правовой характеръ и представляли собой теоретическій синтезъ дѣйствовавшего на западѣ права, трудно было придумать менѣе удачный способъ для усвоенія принциповъ положительнаго права. Логическая стройность понятій, достигавшаяся этими укоренившимися въ ученomъ обиходѣ обобщеніями, не давала въ то же время возможности вывести изъ нихъ дедуктивнымъ путемъ опредѣленій не только русскаго, но и западно-европейскаго права. Теоретическія обобщенія, возникшія на почвѣ послѣдняго и перенесенныя къ намъ, способны были придавать, кромѣ того, отдѣльнымъ институтамъ видъ неправдоподобія и вытравливали, благодаря особенностямъ метода, не только догматическое сходство, но и присущій этимъ институтамъ историческій колоритъ. За сѣтью безпрестанныхъ «дефиницій» и «демонстрацій», убивавшихъ всякую охоту приняться за обработку догмы, не могли быть видны, такимъ образомъ, очертанія русскаго положительнаго права, поскольку они даже заключались въ формулахъ естественнаго права.

Но не скоро еще русскимъ криминалистамъ суждено было выйти на широкую дорогу обработки положительнаго права. Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи русской уголовной юриспруденціи является эпохой, когда дѣлаются попытки перенесенія теоретическихъ пріемовъ, выработавшихся при чуждыхъ условіяхъ, не только въ область юридической школы, но и законодательнаго творчества.

¹ В. Золотницкій, Общество разно- | видныхъ лицъ, Разсужденіе 27, стр. 98.

Къ этой сторонѣ вопроса намъ и предстоитъ перейти ближайшимъ образомъ.

III.

Попытка перенесенія теоретическихъ пріемовъ въ область уголовного законодательства. Наказъ Екатерины II.

Уголовно правовыя постановленія Наказа Екатерины II, какъ памятникъ рецепціи теоретическихъ положеній западно-европейскихъ политическихъ писателей.— Общее вліяніе Наказа на уголовно-правовую практику и научную обработку вопросовъ уголовного права.— Уголовно-правовыя идеи Наказа и ихъ источники.— Наказъ, какъ памятникъ самостоятельнаго творчества.

Абстрактныя пріемы, господствовавшіе въ юридической школѣ XVIII в., вытѣснили изъ нея разработку положительнаго права. Около начала второй половины XVIII в. сфера вліянія ихъ еще расширяется. Дѣлается попытка перенести ихъ и въ область законодательнаго творчества. Величайшій памятникъ этой эпохи— Наказъ Екатерины II является главнымъ рычагомъ такого опыта, окончившагося неудачей. Неумолимая дѣйствительность скоро обнаружила, что для практической задачи перестройки законодательства, Наказъ оказался совершенно бесполезнымъ. По самому существу своему, онъ былъ яркимъ проявленіемъ того общаго духа, проникавшаго состояніе уголовно-правовыхъ знаній, который отразился и на другихъ памятникахъ науки той эпохи. Оставаясь на почвѣ внѣшней рецепціи общихъ принциповъ научно-юридическихъ положеній, оторванныхъ отъ ихъ реальной почвы, Наказъ не въ силахъ былъ двинуть впередъ дѣло созданія права, отвѣчающаго практическимъ запросамъ историческаго момента. Вліяніе Наказа на наше уголовное законодательство никогда поэтому не было значительнымъ ¹.

¹ Ср. по этому вопросу Н. Чечулинъ, Наказъ императрицы Екатерины II, данный Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, Спб. 1907, стр. CXLVII и слѣд., а равно А. Городискій (Кистяковскій), вліяніе Беккариа на рус-

ское уголовное право, Ж. М. Ю. 1864, т. 21, стр. 459—470, и С. Зарудный, Беккариа, О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главой десятой Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами, Спб. 1879.

Но въ то же время Наказъ оказалъ въ высшей степени благотворное дѣйствіе на уголовную практику въ Россіи. Своими гуманными идеалами онъ оказался цѣннымъ источникомъ струи милосердія, въ которой такъ сильно нуждалась жестокая дѣйствительность. То обстоятельство, что истины, высказанныя въ немъ, прошли, по крайней мѣрѣ формально, черезъ горнило оцѣнки свыше, обезпечивало имъ признаніе цѣлесообразности ихъ для примѣненія къ отдѣльнымъ практическимъ случаямъ. Сослаться на Наказъ, такимъ образомъ, было не только безопасно, но и практически необходимо для умѣренія жестокости, которая царила въ области уголовной практики и къ ограниченію которой всегда стремилась чуткая совѣсть судьи.

Еще значительнѣе вліяніе Наказа на научную обработку вопросовъ криминалистики. Изучающему внимательно теченія въ наукѣ уголовнаго права въ Россіи въ эпоху, слѣдующую за Наказомъ, приходится каждый разъ считаться съ тѣмъ, что памятникъ этотъ фактически перенесъ на русскую почву уголовно-правовыя идеи передовыхъ мыслителей XVIII в. и не только облегчилъ ознакомленіе съ ними, но создалъ реальную почву и оправданіе для того, что долго и въ послѣдующія эпохи считалось запретнымъ плодомъ, проявленіемъ вольнодумства. Юная школа политическихъ писателей, возникающая въ Россіи въ концѣ XVIII в. въ лицѣ Ушакова, Радищева, Лопухина и отчасти митрополита Гавріила, видитъ въ Наказѣ нѣкоторую опору для пропаганды своихъ взглядовъ на проблемы уголовнаго права. И въ болѣе позднюю эпоху идеи Наказа по вопросамъ уголовнаго права проникаютъ, прямо или косвенно, въ труды криминалистовъ-теоретиковъ начала XIX вѣка. Какъ мы увидимъ въ свое время, Гореглядъ, Солнцевъ, Елпатьевскій, Пауловичъ, Гордѣенко и мн. др. находятся подъ вліяніемъ идей Наказа. Идеи эти оказываютъ дѣйствіе и на юристовъ практиковъ.

Значительное вліяніе Наказа на развитіе русской уголовно-правовой мысли вызываетъ необходимость во внимательномъ его изученіи въ смыслѣ уясненія уголовно-правовыхъ идей, въ немъ

высказанныхъ, и въ изученіи тѣхъ воздѣйствій, подъ которыми они сложились. Послѣдній вопросъ связанъ въ то же время самымъ тѣснымъ образомъ съ исторіей возникновенія Наказа.

Объ условіяхъ, вызвавшихъ къ жизни екатерининскій Наказъ, мы узнаёмъ, между прочимъ, изъ автобіографической записки Екатерины II. Императрица пишетъ: «Въ первые три года царствованія моего усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣль... неединообразныя объ едины вещи устанавливаемые правила, что законы по временамъ сдѣланныя въ соотвѣтствіи тогдашнихъ умовъ расположенія, многимъ казались законами противурѣчащими, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить направленія иного, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ комиссіи уложенія. Два года я читала, и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова... Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мной заготовленныя людямъ разнымъ всякому по его способности и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину... Наконецъ заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ, дабы лучше спознать каждый округъ и состояніе. Съѣхались оныя въ Москвѣ въ 1767 году, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ комиссіи уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали и остался Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ»¹.

¹ Ср. А. Брикнеръ, „Большая комиссія“, Ж. М. Н. II. 1881 г, ч. 217, стр. 260 и слѣд. Эти слова Екатерины относятся ко времени около

1780 года, а также И. Безгинъ, Библиографическія примѣчанія къ изданіямъ Наказа, Сиб. 1893, стр. 14 и сл.

Изъ этихъ признаній императрицы Екатерины II слѣдуетъ, прежде всего, что напечатанный Наказъ, сильно разнится отъ той его формы, въ которой онъ былъ составленъ первоначально¹. Но если существуетъ различіе между отдѣльными редакціями Наказа, то нужно въ то-же время не забывать, что только печатная оказалась той формой, въ которой Наказъ сталъ извѣстнымъ, проникъ въ широкіе круги, оказалъ вліяніе на развитіе науки права и правосознанія вообще. При этихъ условіяхъ рукописныя редакціи и варианты приобрѣтаютъ только значеніе матеріала, могущаго содѣйствовать уясненію текста печатнаго².

Но если исторія возникновенія Наказа рисуетъ намъ условія, вызвавшія къ жизни этотъ памятникъ, сыгравшій, въ частности, столь значительную роль для развитія науки уголовного права въ Россіи, то вполне естественно остановиться подробнѣе на уголовно-правовыхъ идеяхъ, въ немъ проведенныхъ, и ихъ источникахъ. Только послѣ такой работы станетъ вполне возможнымъ изученіе его вліянія на ходъ науки и заключеніе о характерѣ Наказа въ цѣломъ. Цѣлый рядъ трудовъ, существующихъ въ нашей литературѣ по вопросу о уголовно-правовыхъ постановленіяхъ Наказа и ихъ источникахъ, не даетъ, къ сожалѣнію, надежныхъ опорныхъ пунктовъ для характеристики этого памятника³.

¹ Ср. данныя по этому вопросу, сообщаемыя Д. Полѣновымъ въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“, Сборн. Рус. историч. общ., т. 4, Спб. 1869, стр. 40. О двухъ редакціяхъ Наказа, хранящихся въ Сенатѣ, и отдѣльныхъ черновыхъ отрывкахъ ср. И. Безгинъ, Библиографическія примѣчанія къ изданіямъ Наказа, 1893, стр. 9. О редакціяхъ Наказа и рукописныхъ матеріалахъ, его касающихся и хранящихся въ Акад. наукъ, въ Государственномъ архивѣ, въ Правительствующемъ Сенатѣ и Имп. публичной бібліотекѣ, Н. Д. Чечулинь, Введеніе

къ изданію „Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія“, Спб. 1907, стр. V и слѣд.

² Изданія Наказа весьма многочисленны. Ср. по этому вопросу И. Безгинъ, Библиографическія примѣчанія къ изданіямъ Наказа съ 1767 по 1893 г. въ изданіи Наказа Е. И. В. Екатерины Вторыя Л. Пантелѣва, Спб. 1893, стр. 23—31 и новѣйшее изданіе: Наказъ императрицы Екатерины II, данный Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ ред. Н. Чечулина, Спб. 1907 г.

³ Ср. обзоръ этой литературы у Г. Фельдштейна, Уголовно-правовыя

Въ Наказѣ мы встрѣчаемся съ глубоко-продуманной попыткой намѣтить директивы для построения системы успешной борьбы съ преступностью. Эти директивы касаются вопросовъ организациі уголовного правосудія, построения рациональной системы уголовного права и ближайшаго установленія цѣлесообразныхъ способовъ предупрежденія преступленій.

Предложенія, сдѣланныя Наказомъ въ области организациі уголовного правосудія, лежатъ за предѣлами поставленной нами себѣ задачи; въ нее входитъ только выясненіе уголовно-правовыхъ идей Наказа въ соотношеніи съ ихъ источниками. На этомъ пути для насъ представляетъ интересъ отмѣтить, что Наказъ отграничиваетъ область процессуальную отъ сферы матеріально-правовой. Мы читаемъ по этому вопросу въ статьѣ 468 Наказа: «не должно

идей Наказа Екатерины II и ихъ источники., Юридич. зап. 1908 г., вып. II, стр. 282 и слѣд. Въ общемъ, литература, затрогивающая уголовно-правовую часть Наказа, довольно велика. Ср., между прочимъ, N. T. Goener, Arch. f. d. Gesetzgeb. u. Reform des juristischen Studiums, 1808, Landshut, I B., N 3, S. 353—388; А. Городискій (Кистяковскій), Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право, Ж. М. Ю. 1864, т. 21, ч неоф., кн. 3, отд. I, стр. 459—470; А. Кистяковскій, Изложеніе началъ уголовного права по Наказу имп. Екатерины II, Универс. пзв., окт. 1864 г., N 10, стр. 1—21, Кіевъ; соотвѣтственные отдѣлы въ Учебн. уг. пр. А. Ф. Бернера съ дополненіями Н. Неклюдова, т. I, Спб. 1865 и въ особенности стр. 258—269; Беккарія, О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главой десятой Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами, С. Заруднаго, Спб. 1879; С. Вѣликовъ, Беккарія, О преступленіяхъ и наказаніяхъ, Харьк. 1889, прилож.; В. П. Сергѣевичъ, Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи?, Вѣстн. Евр.

1878, т. I, стр. 188—264; А. Брикнеръ, Большая комиссія, Ж. М. Н. П. ч. 217, 1881, стр. 1—23, 260—287, ч. 218, стр. 191—218, въ особ. ч. 217, стр. 267 и слѣд., а равно стр. 1—17, посвященная исторической литературѣ предмета до появленія изданія Д. Полѣнова; ср. литературныя указанія позднѣйшія у М. Липинскаго, Новыя данныя для исторіи екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, Ж. М. Н. П. 1887, ч. 251, июнь, стр. 225—301; Н. Чечулинъ, Объ источникахъ Наказа, Ж. М. Н. П., 1902.— Изъ статей, относящихся къ Наказу и только вскользь касающихся его уголовно-правовыхъ постановленій, ср. П. Щебальскій, Екатерина II какъ писательница, Заря 1869 г., П. Бланкъ, Екатерининская комиссія 1767—1769, Рус. вѣстн., т. 121, 1876; Ѳ. Тарановскій, Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II, Сборн. статей по исторіи права, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову, изд. под. редакціей М. Ясинскаго, Кіевъ, 1904, стр. 44—86.

же криминальныхъ законовъ смѣшивать съ законами учреждающими судебный порядокъ». Эта статья Наказа не заимствована ни у Монтескье, ни у Беккари и весьма вѣроятно принадлежитъ основному автору Наказа—императрицѣ Екатеринѣ II.

Цѣль борьбы съ преступностью ¹, съ точки зрѣнія Наказа, осуществляется, помимо организациі уголовнаго правосудія, при помощи созданія рационально-построенной системы уголовнаго права и мѣръ предупрежденія преступленій, состоящихъ въ цѣлесообразномъ воздѣйствіи на факторы преступности. Остановимся, въ порядкѣ изложенія взглядовъ Наказа на эти вопросы, сначала на тѣхъ принципахъ, которые должны быть положены, съ точки зрѣнія Наказа, въ основаніе рационально построенной системы уголовнаго права. ²

Дѣйствительность уголовнаго права, какъ института, успѣшно борющагося съ преступленіемъ, основывается, по мысли Наказа, на томъ, что при посредствѣ угрозы закона уголовнаго можно удержать человѣка отъ впаденія въ преступленіе. Наказъ говорить въ этомъ случаѣ о силахъ, «могущихъ злыя или слабыя души привлечь къ исполненію» ³. Урегулированіе воли человѣка дѣйствіемъ уголовнаго закона Наказъ считаетъ возможнымъ, однако, далеко не всегда. Онъ предполагаетъ, что это осуществимо только тогда, когда человѣкъ находится въ благопріятныхъ для этого условіяхъ, при отсутствіи противодѣйствующихъ факторовъ ⁴. Приэтомъ должно самое зло, нака-

¹ Ст. 225 Наказа. „Вообще стараться должно о истребленіи преступленій, а наипаче тѣхъ, кои болѣе людямъ вреда наносятъ...“ Эта статья въ значительной части заимствована у Беккари; ср. *Traité des délits et des peines par Beccaria, trad. de l'italien par A. Morelette, P. 1797, p. 111 и сл.*, но съ такой, однако, редакціонной поправкой, которая вноситъ больше определенности. Въмѣсто „l'intérêt commun des hommes est non seulement qu'il se commette peu de crimes“,

мы читаемъ въ Наказѣ: „Il faut tâcher en général, non seulement“ и т. д. Во всемъ остальномъ ст. 225 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккари.

² Ст. 225 Наказа, мѣстами дословно воспроизводящая текстъ Беккари въ лит., изд., стр. 112.

³ Ст. 225 Наказа въ части дословно воспроизв. текстъ Беккари, стр. 112.

⁴ Ст. 32 Наказа: „Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти

заіємъ «причиняемое превосходить добро ожидаемое отъ преступленія»¹.

Но если уголовное право выступаетъ въ Наказѣ съ такими задачами, то каковы тѣ общіе рациональные принципы, которые должны регулировать его.

Прежде всего, уголовное право должно на всѣхъ своихъ шагахъ опредѣляться законами естественными. Законы же «весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены»². Соотвѣтствіе естественныхъ законовъ «расположенію народа» подсказываетъ автору Наказа и дальнѣйшее развитіе этой мысли въ томъ отношеніи, что «законоположеніе должно примѣняться къ народному умствованію»³ и что на всѣхъ своихъ стадіяхъ уголовное право должно быть проникнуто началомъ законности. Последняя мысль, проведенная въ Наказѣ съ большою подробностью, заслуживаетъ того, чтобы на ней нѣсколько внимательнѣе остановиться.

Въ уголовномъ правѣ, съ точки зрѣнія Наказа, должна нераздѣльно господствовать законность. «Вольность гражданина, читаемъ мы, зависитъ во первыхъ отъ изящества законовъ кри-

его вперяютъ въ него мысли, быть злымъ, онъ однако считаетъ себя за полезнѣе не быть злымъ». Эта статья заимствована изъ Монтескье *De l'esprit des lois*, изд., 1867, т. XXI, с. 20, абз. 12, но съ редакціонными измѣненіями: „il est heureux pour les hommes d'être dans une situation où, pendant que leurs passions leur inspirent la pensée d'être méchants, ils ont pourtant intérêt de ne pas l'être“.

¹ Ст. 207, воспроизводящая дословно текстъ Беккарин, стр. 73.

² Ст. 5 Наказа. Н. Чечулинъ въ своемъ изданіи Наказа, Сиб. 1907, не находитъ источниковъ этой статьи. Она является, между тѣмъ, заимство-

ванной изъ Монтескье съ замѣной выраженія „le gouvernement le plus conforme à la nature“ словами: „les loix les plus conformes à la nature“. Ср. Монтескье, т. I, с. 3, абз. 9.

³ Эти слова являются воспроизведеніемъ мысли Монтескье, т. XIX, ст. 5, абз. 3. Становясь на сторону такого пониманія естественнаго закона, авторъ Наказа внадалѣ въ противорѣчіе съ другими частями Наказа, гдѣ онъ иначе понималъ законъ естественный, а равно рекомендовалъ другіе директивы для уголовного права въ частности. Ср. по этому вопросу В. Сергѣевичъ, Откуда неудачи екатерининской законодательной коммисіи?, Вѣстн. Евр. 1878, т. I, стр. 198.

минальныхъ»¹. Начало законности въ правѣ уголовномъ должно проявляться, прежде всего, въ торжествѣ принципа *nullum crimen sine lege*. Нужно стремиться къ тому, «чтобъ люди боялися законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися»². Та-же мысль высказана еще яснѣе въ статьѣ, гдѣ мы читаемъ: «имѣя законы о наказаніяхъ. . всякъ можетъ вѣрно выложить и знать точно непристойности худого дѣйствія, что весьма полезно для отвращенія людей отъ онаго...»³. Въ ней, кромѣ принципа *nullum crimen sine lege*, заключается и начало *nulla poena sine lege*. Если редакція этой статьи и можетъ вызывать нѣкоторыя сомнѣнія, въ отношеніи того, обнимается ли ею принципъ *nullum crimen sine lege*, то она совершенно устраняются, если принять во вниманіе текстъ Беккаріи, послужившій для нея источникомъ. Въ немъ идетъ рѣчь не о «законахъ о наказаніяхъ», но о «*lois pénales*» т. е. законахъ уголовныхъ вообще. Тотъ же принципъ высказанъ въ Наказѣ въ словахъ его: «не принадлежитъ никому кромѣ однихъ законовъ, опредѣлять наказаніе преступленіямъ»⁴. Уголовный законъ долженъ быть твердой основой судебныхъ рѣшеній по дѣламъ уголовнымъ. «Судья судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, гласитъ Наказъ, долженъ одинъ только силлогизмъ или соразсужденіе, сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе... есть общій законъ; второе предложеніе... изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оно съ законами или противное имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе

¹ Ст. 467 Наказа. Мысль эта выражена въ Наказѣ словами: „*c'est de l'excellence de loix criminelles que dépend principalement la liberté du citoyen*“, а у Монтескье мы читаемъ: „*C'est donc de la bonté des lois criminelles que dépend principalement la liberté du citoyen*“, I. XII, с. 2, абз. 2. Этотъ принципъ является прѣвѣвемъ къ праву уголовному болѣе общаго начала подзаконности государственнаго строя, выраженнаго въ ст.

224 Наказа и дословно заимствованной у Беккаріи, стр. 106.

² Ст. 244 Наказа воспроизводитъ мысль Беккаріи, стр. 175, почти дословно.

³ Ст. 156 Наказа, дословно заимствованная у Беккаріи, стр. 18.

⁴ Ст. 148 Наказа гласитъ въ французскомъ оригиналѣ: „...il n'appartient qu'aux loix seules de décerner la peine de crimes“. Она заимствована дословно изъ Беккаріи, стр. 10 и сл.

обвиняемаго»¹. Наказъ идетъ такъ далеко, что не допускаетъ толкованія «законовъ о наказаніяхъ», т. е. «loix pénales», оставляя это право только за «Самодержцемъ»². Наказъ вооружается противъ принципа «что надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова»³ и предоставляетъ «законодавцу сдѣлать иногда во словахъ закона, двойному смыслу подверженныхъ, легкія и нужныя поправки»⁴. Отъ законовъ Наказъ требуетъ, чтобы они были «писаны простымъ языкомъ», дабы избѣжать всякому зависимость «отъ нѣкотораго числа людей взявшихъ къ себѣ въ храненіе законы и толкующихъ оныя. Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей уложеніе читать и разумѣть станутъ»⁵.

¹ Ст. 152 Наказа является дословнымъ воспроизведеніемъ текста Беккари, стр. 15.

² Ст. 151 Наказа гласитъ: „...судьи судящіе о преступленіяхъ потому только, что они не законодaвцы, не могутъ имѣть права, толковать законы о наказаніяхъ, такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья; ибо должность судьи въ томъ одномъ состоитъ, чтобы изслѣдовать, такой то человекъ слѣлалъ ли, или не слѣлалъ дѣйствія противнаго закону“. Эта статья заимствована у Беккари съ значительными, однако, измѣненіями ея политической мотивировки. „L'autorité des lois, пишетъ Беккари ...n'est pas fondée sur une prétendue obligation d'exécuter des conventions anciennes qui seroient nulles... Elles empruntent leur force obligatoire, et leur autorité physique et réelle du serment de fidélité tacite ou exprés, que les volontés réunies des citoyens vivans ont fait au souverain. Quel sera donc leur interprête légitime? le souverain, c'est-a-dire, le dépositaire des volontés actuelles des tous, et non le juge dont le devoir est seulement d'exa-

miner si un tel homme a fait ou non l'action contraire à la loi“, Беккари, стр. 13—15. Статья Наказа 151 воспроизводитъ дословно текстъ Беккари, начиная со словъ „Quel (en) sera donc“, отбрасывая самую мотивировку и замѣняя ее другой.

³ Ст. 153 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккари дословно, но съ нѣкоторыми купюрами и незначительными редакціонными измѣненіями, дѣлающими ее менѣе ясной. Ср. сопоставленіе у Г. Фельдштейна, Уголовно-правовыя идеи Наказа Екатерины II и ихъ источникъ, Юрид. зап. 1908, вып. II, стр. 17 и слѣд., прим.

⁴ Ст. 154 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккари, стр. 16 и сл., съ замѣной въ концѣ словъ послѣдняго: „malheureuse licence d'expliquer et de raisonner, source de déclamations arbitraires et vénales“ выраженіемъ: „licence d'expliquer et de raisonner, qui peut devenir funeste aux citoyens“.

⁵ Ст. 158 Наказа. Она всецѣло воспроизводитъ мысли Беккари, стр. 19, съ незначительными редакціонными измѣненіями. Только въ концѣ ст. 158

Принципы для отграниченія преступленія отъ другихъ видовъ неправды намѣчены въ Наказѣ съ большей опредѣленностію. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ этомъ памятникѣ много матеріала, дающаго возможность судить о томъ, какія дѣянія должны быть разсматриваемы, какъ преступныя, и входить въ область уголовно-наказуемой неправды. Наказомъ намѣчены въ то-же время нѣкоторые критеріи для различенія видовъ преступленія.

Наказъ, прежде всего, проводитъ рѣзкую разграничительную черту между областью преступленія, какъ таковою, и безнравственностію. «Не всѣ политическіе пороки, возглашаетъ Наказъ, суть пороки моральные, и... не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки»¹.

Но отмѣтивъ, что круги охраняемаго уголовнымъ закономъ не всегда совпадаютъ съ морально недопустимымъ, Наказъ подробно останавливается на томъ, какъ должна быть очерчена самая область преступнаго. Эта послѣдняя характеризуется отчасти признаками отрицательными, т. е. перечисленіемъ случаевъ, не могущихъ быть введенными въ область преступнаго, а частью признаками положительными. Остановимся, прежде всего, на первыхъ.

Въ область преступнаго не слѣдуетъ заносить такихъ дѣйствій, которыя находятъ себѣ одобреніе въ нравахъ и обычаяхъ страны. Съ ними нужно бороться, если это будетъ признано необходимымъ, не угрозою наказанія, но путемъ «примѣровъ»².

Наказа прибавлены слова: „il faudroit donc prescrire и пр.

¹ Ст. 56 Наказа. Она всецѣло воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XIX, с. 11, абз. единств.

² Ст. 61 Наказа: „Есть способы препятствующіе вознѣздиться преступленіямъ, на то положены въ законахъ наказанія: такъ же есть способы перемѣну обычаевъ вводящіе; къ сему служатъ примѣры“. Статья эта является весьма близкимъ къ тексту Монтескье перифразомъ его мыслей, высказанныхъ въ I. XIX, с. 14, абз. 1, 2, 3. По-

ясняя свою мысль, Монтескье, между прочимъ, писалъ: „la loi, qui obligeait les Moscovites à se faire couper la barbe et les habits, et la violence de Pierre I qui faisait tailler jusqu'aux genoux les longues robes de ceux qui entraient dans les villes, étaient tyraniques; il y a des moyens pour empêcher les crimes: ce sont les peines; il y en a pour faire changer les manières: ce sont les exemples“. — Ср. также 60 ст. Наказа, гласящую: „весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что над-

Не слѣдуетъ трактовать, какъ преступленія, и «дѣйствія, слывущія у нравоучителей средними», въ виду того соображенія, что «тѣмъ не удержимъ преступленій могущихъ отъ того воспослѣдовать, но произведемъ черезъ то еще новыя»¹. Подъ дѣйствіями «средними» разумѣются, притомъ, какъ видно изъ французскаго текста Наказа, «actions moralement indifférentes».

Въ область преступнаго законодатель не долженъ вносить, наконецъ, и того, что вообще «естественно дозволено или необходимо нужно», такъ какъ этимъ путемъ только безчестными учинить совершающихъ оное»².

Наказъ, кромѣ этихъ признаковъ отрицательнаго характера, подходитъ къ опредѣленію преступнаго со стороны матеріальной и признаками положительными.

Главною чертой преступнаго, какъ таковаго, является вредное «или каждому особенно, или всему обществу»³. Не опираясь на договорную теорію происхожденія общества, Наказъ полагаетъ, что «самое тяжелое преступленіе то будетъ, которое клонится къ конечной разстройкѣ и къ непосредственному потомъ разрушенію общества, а самое легкое, малѣйшее раздраженіе, которое можетъ учиниться какому чловѣку частному»⁴. При самомъ опредѣленіи того, что вредно и что не вредно, нужно руководствоваться не произвольнымъ усмотрѣніемъ законодателя.

лежитъ перемѣнять обычаями“. Она является почти дословнымъ воспроизведеніемъ текста Монтескье, I. XIX, с. 14, абз. 2.

¹ Ст. 242 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккариі, стр. 174 съ единственной прибавкой къ выраженію „actions indifférentes“ слова „moralement“.

² Ст. 344 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XXI, с. 20, абз. 1.

³ Ст. 41 Наказа. Н. Чечулинъ совершенно ошибочно приурочиваетъ заимствованіе этой статьи къ Монтескье,

1. XXIV, ст. 14, абз. 5. Съ большою вѣроятностью можно видѣть источникъ 41 статьи Наказа въ словахъ Беккариі: „La vraie mesure de la gravité du crime est le dommage qu'il apporte à la société“, стр. 115.

⁴ Ст. 228 Наказа. Статья эта, подкрѣпляющая наше мнѣніе о заимствованіи ст. 41 у Беккариі, воспроизводитъ почти безъ перемѣнъ текстъ Беккариі на стр. 114—115 до словъ „terme au dernier“, а остальную часть статьи 228 заимствуетъ изъ конца § 23 Беккариі почти дословно.

«Законъ, гласитъ Наказъ, не происходитъ единственно отъ власти»¹. Законодатель долженъ руководствоваться въ этой сферѣ взглядами народа, которому онъ предлагаетъ законы. Наказъ рекомендуетъ «воздержаться отъ узаконеній съ общимъ народа умствованиемъ не вмѣстныхъ»² и не создавать преступленій безъ крайней необходимости³.

Преступныя дѣйствія распадаются, по Наказу, на двѣ категоріи. Одна изъ нихъ обнимаетъ собой «великое нарушеніе законовъ», другая—«простое нарушеніе установленнаго благочинія»⁴. Наказъ приводитъ рядъ примѣровъ полицейскихъ нарушеній. Мы читаемъ въ немъ о нарушеніи предосторожностей отъ пожаровъ: неисполненіи приказа «гасить огонь въ положенные часы»,— неисполненіи правилъ, предписываемыхъ для предупрежденія воровства: «запирать ворота въ домахъ»,—нарушеніи «запрещенія носить оружіе людямъ къ тому не имѣющимъ права»⁵,—нарушеніи правилъ о мѣрахъ и вѣсахъ и проч.⁶ Относительно этихъ двухъ категорій преступнаго, неправды уголовной и полицейской, Наказъ выставляетъ только общее положеніе, что «сихъ вещей въ одномъ ряду ставить не должно»⁷. Наказаніе полицейской

¹ Ст. 63 Наказа воспроизводитъ въ этой части дословно текстъ Монтескье: „La loi n'est pas un pur act de puissance“, I. XIX, с. 14, абз. 8.

² Ст. 56 Наказа, воспроизводящая почти дословно текстъ Монтескье, I. XIX, с. 11, абз. единств., а равно ст. 57, гласящая: „законоположеніе должно примѣняться къ народному умствованію“, заимствованная у Монтескье: „c'est au législateur à suivre l'esprit de la nation“, I. XIX, с. 5, абз. 3.

³ Ст. 63 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XIX, с. 14, абз. 8.

⁴ Ст. 540 Наказа воспроизводитъ въ этой части дословно текстъ Монтескье, I. XXVI, с. 24, абз. 2.

⁵ Ст. 557 Наказа. Н. Чечулинъ считаетъ эту статью заимствованной изъ труда Bielfeld'a Institutions politiques, I, 1760, VII, §§ 13, 15, 17, 26, 31. Едва ли не вѣроятнѣе относить по крайней мѣрѣ ту часть этой статьи, гдѣ идетъ рѣчь о запрещеніи ношенія оружія, къ заимствованіямъ изъ Монтескье, I. XXVI, с. 24, абз. 3.

⁶ Ст. 558 Наказа. Источникъ ея неизвѣстенъ.

⁷ Ст. 540 Наказа. Выраженіе этой статьи: „Ces choses ne doivent pas, être rangées dans la même classe“, какъ видно изъ контекста Монтескье, является передѣлкой его словъ: „ces choses sont d'un ordre différent“, I. XXVI, с. 24, абз. 2.

неправды мѣрами уголовными Наказъ считаетъ нарушающимъ «мѣру самаго правосудія»¹.

По мысли Наказа, преступленіе предполагаетъ дѣйствіе, являющееся результатомъ воли лица. Мы читаемъ въ немъ: «законы... не могутъ наказывать намѣренія». Необходимо, притомъ, дѣйствіе, «которое изъявляетъ волю стремящуюся произвести преступленіе»². Воля, проявляющаяся въ преступномъ дѣйствіи, характеризуется Наказомъ, прежде всего, какъ злая воля. Она возникаетъ подъ вліяніемъ страстей и можетъ умѣряться разумомъ³. Но злая воля не единственный источникъ преступленій. Послѣднія могутъ быть реализаціей слабой воли, или, какъ выражается Наказъ, быть дѣйствіями «слабыхъ душъ» наравнѣ съ дѣйствіями «злыхъ душъ»⁴. Анализируя формы виновности въ уголовномъ правѣ, Наказъ различаетъ обманъ—«le dol avec des circonstances odieuses», тяжкую погрѣшность—«la faute grave», легкую погрѣшность—«faute legere» и «безпримѣсную невинность»—«l'innocence entiere». Въ зависимости отъ этихъ состояній дѣятеля должна измѣняться и его уголовная отвѣтственность⁵.

Болѣе подробно, чѣмъ внутренняя, анализируется въ Наказѣ внѣшняя сторона проявленія воли въ формѣ дѣйствія, какъ элементъ состава преступленія. Для того, чтобы могла быть рѣчь о наказуемости, съ точки зрѣнія Наказа, необходимо дѣйствіе, изъявляющее «волю стремящуюся произвести самимъ дѣломъ... преступленіе»; необходимо «дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе». Наряду съ этими дѣйствіями возможны и такія, которыя обусловливаютъ «преступленіе самою вещію уже исполненное». Эти двѣ стадіи реализаціи воли вовнѣ Наказъ полагаетъ въ

¹ Ст. 541 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье съ замѣною въ приводимомъ примѣрѣ слова „empereur“—императоръ выраженіемъ „sultan“; 1. XXVI, с. 24, абз. 3.

² Ст. 201 Наказа заимствована дословно изъ Беккаріи, ст. 65 и сл.

³ Ст. 32 Наказа, объ источникахъ ея см. прим. 4, стр. 104.

⁴ Ст. 225 Наказа, объ источникахъ ея см. прим. 1, стр. 104.

⁵ Ст. 237 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Беккаріи, стр. 142.

основаніе различенія «покушенія» и «исполненнаго преступленія», и рекомендуеть «оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобъ тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія»¹.

Наказъ останавливается довольно подробно и на оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣйствій для обложенія ихъ наказаніемъ на тотъ случай, когда они совершаются «сообщниками въ беззаконіи», не являющимися «безпосредственными онаго исполнителями» и лицами, которыя выступаютъ «самыми настоящими исполнителями». Дѣйствія, совершенныя «исполнителями», подлежатъ большому наказанію, чѣмъ дѣйствія, совершенныя «сообщниками». Необходимость большаго наказанія исполнителей Наказъ видитъ въ томъ, чтобы этимъ путемъ сдѣлать болѣе труднымъ «сыскать человека, который бы захотѣлъ взять на себя совершить умышленное злодѣяніе». Сообщники уравниваются въ наказаніи съ исполнителями только тогда, когда они являются подстрекателями непосредственнаго исполнителя, отъ которыхъ послѣдній «получаетъ... особенное награжденіе». Увеличеніе наказанія сообщникамъ подсказано цѣлью «дабы законы сколь возможно меньше оставляли средствъ сообщникамъ злодѣянія согласиться между собою»². Съ той же точки зрѣнія, сообщниковъ, донесшихъ на своихъ товарищей, цѣлесообразно освобождать отъ наказанія; порядокъ этотъ слѣдуетъ регулировать «общимъ всегдашнимъ закономъ», а не «временнымъ особымъ объявленіемъ въ случаѣ какомъ особенномъ»³.

Ученіе о наказаніи, какъ институтъ уголовного права, подвергнуто въ Наказѣ гораздо болѣе детальному анализу, чѣмъ преступленіе.

¹ Ст. 201 Наказа, объ источ. ея см. прим. 2, стр. 111.

² Ст. 202 Наказа является дословнымъ переводомъ текста Беккаріи, стр. 66 и слѣд.

³ Ст. 203 Наказа. Н. Чечулинъ указываетъ, какъ на источникъ этой

статьи, на Беккарію. Но легко видѣть, что въ статьѣ 203 заимствовано только нѣсколько фразъ, основная же мысль Беккаріи совершенно противоположна тому, что опредѣляетъ эта статья. Беккарія рѣзкій противникъ покровительства доносу. Послѣ словъ на стр. 67:

Основаніе права наказанія Наказъ ищетъ и открываетъ въ существѣ законовъ. Послѣдніе требуютъ «предохраненія», и этотъ путь приводитъ къ установленію наказанія для нарушителей¹. Подъ вліяніемъ этой потребности наказаніе складывается въ опредѣленный институтъ.

Мы видѣли уже выше, что наказаніе должно характеризоваться строгой подзаконностью. Общій законъ о наказаніи издается «Самодержцемъ», «имѣющимъ въ своихъ рукахъ всю власть обороняющую все общество...; однако, онъ долженъ воздержаться..., чтобъ самому не судить»². По самому содержанию своему, наказаніе «ни что иное есть какъ трудъ и болѣзнь»³.

Каковы же, однако, цѣли наказанія?

Наказаніе, съ точки зрѣнія Наказа, какъ мы замѣтили, является способомъ предохранить законъ, стоящій на стражѣ

„Un pareil expédient a ses inconvéniens et ces avantages“ Беккариа добавляетъ: „Les inconvéniens sont que la société autorise la trahison, detestée même des scélérats entre eux; qu'elle introduit par-là des crimes de lâcheté, qui sont plus funestes à une nation, que les crimes de courage.. Le tribunal qui emploie ce moyen, découvre son incertitude, et la loi montre sa foiblesse, en implorant le secours de celui-là même qui l'offense“ и пр.

¹ Ст. 146 Наказа воспроизводитъ мысль Беккариа, стр. 8, гдѣ онъ пишетъ: „il fallait de motifs sensibles et suffisans pour empêcher le despotisme de chaque particulier de replonger la société dans son ancien cahos. Ces motifs furent les peines établies contre les infracteur de lois“... Ср. также ст. Наказа 144 и 145. Первая воспроизводитъ дословно Беккарию, стр. 5; вторая, будучи редактированной въ французскомъ оригиналѣ: „On peut appeller les loix, les moyens qui réunissent et contiennent les hommes en société, et sans lesquels

la société se détruiroit“, является видоизмѣненіемъ фразы Беккариа: „Les lois furent les conditions sans lesquelles les hommes auparavant indépendans et isolés se réunirent en société“, стр. 8. Въ общемъ, Наказъ не всецѣло становится на точку зрѣнія Беккариа, который выводитъ право наказанія изъ теории договора. Онъ пишетъ: „L'assemblage des toutes ces portions de liberté, les plus petites, que chacun ait pu céder est le fondement du droit de punir de la société“, стр. 9.

² Ст 149 Наказа, заимствованная у Беккариа, стр. 11, нѣсколько видоизмѣняетъ его мысль. Въ то время какъ Беккариа пишетъ: „le souverain qui represente la société même, ne peut que faire la loi pénale générale“, французскій текстъ Наказа гласитъ: „le souverain qui représente la société même, et qui tient en ses mains tout le pouvoir nécessaire pour la défendre, peut seul faire des loix générales sur les peines...“.

³ Ст. 84 Наказа воспроизводитъ дословно Монтескье, I. VI, с. 9, абз. 10.

общества. «Законы, чтимы мы, можно назвать способами, которыми люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось»¹. «Но не довольно было установить сии способы, кои сдѣлались закономъ, надлежало и предохранить оный; наказанія установлены на нарушителей»². Ближайшая цѣль ихъ состоитъ въ томъ, «чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впередъ не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій»³. Воспринимая всецѣло эту мысль Беккарин, Наказъ не заимствуетъ мотивировки итальянскаго мыслителя, которая подсказываетъ ему воздержаніе отъ суровыхъ наказаній. Беккарія предостерегаетъ отъ нихъ по тому соображенію, что преступленія зависятъ часто отъ существующаго строя, благопріятнаго меньшинству⁴. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Наказу мы находимъ даже мысль, что наказаніе всегда предполагаетъ изверженіе изъ общества⁵, и что оно должно противопоставляться исправленію⁶, практикуемому въ видахъ сохраненія благочинія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ модификаціей мысли Беккарія, подсказанной другимъ источникомъ и не согласованной съ основной идеей Наказа. Противорѣчіе остается непримиреннымъ и, повидимому, неразрѣшимымъ.

Основная цѣль наказанія опредѣляетъ, по Наказу, его общія свойства. Оно должно оставлять слѣдъ и запечатлѣваться «въ

¹ Ст. 145 Наказа воспроизводитъ почти дословно мысль Беккарин, стр. 8.

² Ст. 146 Наказа является воспроизведеніемъ текста Беккарин, стр. 8, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ фразъ мотивировки. Беккарія пишетъ, мотивируя рациональность наказаній: „il fallait des motifs sensibles et suffisans pour empêcher le despotisme de chaque particulier de replonger la société dans son ancien cahos“ и т. д., стр. 8.

³ Ст. 205 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Беккарин, стр. 70.

⁴ Беккарія, стр. 71.

⁵ Ст. 532, 533, 534, 542. Н. Чечулинъ относитъ эти статьи, въ общемъ, къ заимствованнымъ изъ труда Biel-

feld'a, Institutions politiques. Относительно послѣдней статьи это безусловно невѣрно, такъ какъ у Билфельда, Institutions politiques, I, 1760, с. VII, § 6, идетъ рѣчь только о „genres de châtement qui ne sont pas faits pour toutes les classes des citoyens“

⁶ Ср. также ст. 564 Наказа, настаивающую на томъ, что наказанія должны быть исправительными въ примѣненіи къ нарушеніямъ полицейскаго характера, опредѣляемымъ всетаки безъ участія судовъ. Источникъ этой статьи не указанъ у Н. Чечулина. Она заимствована, въ общихъ чертахъ, у Билфельда, I, с. VII, § 6.

сердцахъ людскихъ»¹. «Наказанію, продолжаетъ Наказъ, надлежитъ быть готовому (prompte), сходственному съ преступленіемъ и народу извѣстному (publique)»². Наказъ, далѣе, требуетъ отъ наказанія скорости, непреложности (certain) и неизбѣжности³. Нѣкоторая оригинальность мыслей въ Наказѣ, по сравненію съ французскимъ его текстомъ, объясняется часто неправильнымъ переводомъ. Передача, напр., въ данномъ случаѣ термина «publique» выраженіемъ «народу извѣстному» не соотвѣтствуетъ тому смыслу слова «publique», который ему приданъ у Беккаріи⁴. Съ другой стороны, требованіе Беккаріей, чтобы наказаніе было напередъ извѣстнымъ—«certain», каковой терминъ и воспринять во французскій текстъ Наказа, переведенъ въ немъ словомъ «непреложный». Основныя черты наказанія перечислены исчерпывающимъ образомъ въ ст. 200 Наказа, гдѣ мы читаемъ: «чтобы наказаніе не казалось насильствомъ одного или многихъ противу гражданина воставшихъ, надлежитъ, чтобъ оно было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умѣренное сколь можно при данныхъ обстоятельствахъ, уравнинное со преступленіемъ, и точно показанное въ законахъ». Эта статья является дословнымъ переводомъ заключенія Беккаріи къ своему труду⁵.

Аналізу нѣкоторыхъ изъ этихъ основныхъ свойствъ наказанія посвященъ цѣлый рядъ статей Наказа. Остановимся нѣсколько

¹ Ст. 205 Наказа, воспроизвод. въ этой части дословно текстъ Беккаріи, стр. 71.

² Ст. 220 Наказа скомбинирована изъ отдѣльныхъ фразъ Беккаріи. Онъ пишетъ: „Plus la peine sera prompte... plus elle sera juste et utile“, стр. 98; „la peine soit... analogue et relative à la nature du délit“, стр. 101; „il faut faire... la punition publique“, стр. 102.

³ Ст. 221 составлена изъ отдѣльныхъ абзацовъ § 19 у Беккаріи. Французскій текстъ ст. 221 до первой точки воспроизводитъ текстъ Беккаріи на стр. 98 Отъ словъ „j'ai dit,

que la promptitude“ и т. д.—текстъ Беккаріи на стр. 99 и 100 съ пропускомъ одной фразы. Слова Наказа: „La punition doit être certaine et inévitable“ заимствованы безъ измѣненія изъ заглавія § 20 труда Беккаріи, стр. 102.

⁴ Ср. контекстъ на стр. 102 у Беккаріи, гдѣ мы читаемъ: „Il faut... faire servir à l'instruction la punition publique des légers délits“. Въ ст. 200 Наказа терминъ „publique“ переведенъ словомъ „народное“.

⁵ Ст. 200 Наказа является переводомъ послѣдняго абзаца § 42 Беккаріи, стр. 184.

на нихъ въ виду того интереса, который онѣ представляютъ для характеристики взглядовъ Наказа на этотъ вопросъ.

Умѣренность наказанія понимается, прежде всего, въ томъ смыслѣ, чтобы они «были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ»¹. Суровость законовъ должна быть приспособлена «къ настоящему состоянію и къ обстоятельствамъ, въ которыхъ такой народъ находится»². Вообще наказаніе должно быть «кроткимъ»³; предпочтительнѣе «не... вести людей путями самыми крайними»⁴ и довольствоваться тѣмъ, что лицо, вообще, подвергается наказанію⁵. Жестокость наказанія можетъ привести къ тому, чтобы «умы народа испортились» и «пріобыкли къ насильству»⁶.

Наказаніе наилучшимъ образомъ достигаетъ своей цѣли, далѣе, «когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непре-

¹ Ст. 205 Наказа въ этой части— дословное воспроизведеніе текста Беккари, стр. 71. Ст. 82 Наказа допускаетъ даже, что „самое большое наказаніе за злое какое-нибудь дѣло въ правленіи умѣреннымъ будетъ то, когда кто въ томъ изобличится“; она воспроизводитъ почти дословно текстъ Монтескье, I. VI, с. 9 абз. 2.

² Ст. 208 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Беккари, сводя отдѣльные абзацы съ самыми незначительными въ одномъ случаѣ редакціонными поправками: напр., „les ames s'amolissent“ у Беккари и „les esprits s'éclairaient“ въ Наказѣ. Ср. Беккари, стр. 75, а равно ст. 86 Наказа, воспроизводящую дословно текстъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 2.

³ Ст. 85 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 1, а равно ст. 206 Нак., воспроизв. текстъ Беккари, стр. 71, съ незнач. редакціонными отступленіями; ст. 255 Нак., резюмируетъ смыслъ

выраженія Беккари: „Un usage barbare ne peut se soutenir par un systême constant tel que doit être la legislation“, стр. 75.

⁴ Ст. 87 Наказа, какъ видно изъ ст. 86, имѣетъ въ виду мѣру наказанія. Ст. 87 заимствована дословно у Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 4, за исключеніемъ словъ „au but qu'on se propose“. Повидимому они прибавлены для бѣльшаго конкретизированія высказаннаго общаго положенія въ примѣненіи къ наказаніямъ. Ср. также ст. Наказа 93, дословно воспроизв. въ соотв. части Монтескье, I. VII, с. 13, абз. 7.

⁵ Ст. 88 Нак. дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 4 и 5, а равно ст. 89 Наказа, дословно совпадающая съ текстомъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 6.

⁶ Ст. 91 Наказа, дословно воспроизводящая текстъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 8, съ замѣной „despotisme“ словомъ „violence“.

мѣнно будетъ наказанъ»¹, а равно подвергаются «непрерывному продолженію наказанія»².

Наказаніе должно быть справедливымъ. А такимъ оно бываетъ тогда, когда предоставляется необходимымъ для охраны закона³, когда представляется полезнымъ⁴.

Наказанія, практикуемыя въ качествѣ обычнаго средства, представляютъ опасность для государства. Явленіе это находитъ свое объясненіе въ томъ, что увеличеніе случаевъ примѣненія наказаній идетъ объ руку съ поврежденіемъ правовъ, что оказывается гибельнымъ для государства⁵.

Наказъ выставляетъ, далѣе, принципъ, что наказаніе должно быть уравнено съ преступленіемъ, такъ какъ оно является мѣропріятіемъ цѣлесообразнымъ. Развитію или, вѣрнѣе, повторенію этой мысли посвященъ цѣлый рядъ статей.

Мы читаемъ въ ст. 205: «между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя уравнены съ преступленіями»⁶. «Граж-

¹ Ст. 222 Наказа, дословно воспроизводящая текстъ Беккари, стр. 102, съ добавленіемъ словъ: „si l'on a transgressé les loix“, а равно ст. 223 Наказа, дословно заимствованная у Беккари, стр. 103, но со сведеніемъ отдѣльныхъ абзацовъ и съ добавленіемъ заключительныхъ словъ: „parce que les loix respireront elles mêmes la clémence“.

² Ст. 211 Наказа воспроизводитъ мысль Беккари, выраженную имъ: „Ce n'est pas l'intensité de la peine qui fait le plus grand effet sur l'esprit humain mais sa durée“, стр. 79.

³ Ст. 147 Наказа гласитъ: „Toute peine est injuste, aussitôt qu'elle n'est pas nécessaire à la conservation de ce dépôt“. Последнія слова въ русскомъ текстѣ переведены: „какъ скоро оно ненадобное для сохраненія въ цѣлости сего залога“. Изъ контекста видно, что идетъ рѣчь о сохраненіи законовъ, которые „можно называть способами, коими люди соединя-

ются и сохраняются въ обществѣ, ст. 145. Ст. 147 воспроизводитъ текстъ Беккари, стр. 10, отбрасывая, однако, стоящее послѣ слова „dépôt“ выраженіе „de la liberté publique“.

⁴ Ст. 150 Наказа. Она интересна потому, что въ значительной степени измѣняетъ мотивировку Беккари. Ср. сопоставленіе въ статьѣ Г. Фельдштейна, Уголовно-правовыя идеи Наказа Екатерины II, Юрид. зап. 1908, вып. II, стр. 305, прим. 4.

⁵ Ст. 509 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. VI, с. 9, абз. 4, съ замѣной выраженіемъ: „plus on à crainde pour l'état“ словъ Монтескье: „plus la révolution était prochaine“.

⁶ Ст. 205 Наказа въ этой части не отклоняется отъ текста Беккари, стр. 70 и сл. Ср. также ст. 204, воспроизводящую заголовокъ § 24 Беккари и неправильно относимую Н. Чечулинымъ къ Беккари, § 15. Ст. 198 Наказа формулируетъ вопросъ и не имѣетъ самостоятельнаго значенія.

данская волюность тогда торжествуетъ, когда законы... выводятъ всякое наказаніе изъ особливаго каждому преступленію свойства»¹. То-же гласитъ ст. 73, устанавливающая, что наказанія (за преступленія противъ безопасности гражданъ) «должны, быть производимы изъ особливаго каждому преступленію роду свойства»². Цѣлый рядъ статей Наказа иллюстрируетъ эту мысль на примѣрахъ³, а ст. 90 рекомендуетъ не назначать тяжкихъ наказаній за малыя преступленія⁴.

Въ заключеніе, Наказъ констатируетъ необходимость помилованія въ качествѣ института, гарантирующаго правосудіе. Онъ не устанавливаетъ, однако, никакихъ принциповъ для этой мѣры, указывая на то, что «сіе есть такая вещь, которую лучше можно чувствовать, нежели предписать. Когда милосердіе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны»⁵.

Наказъ не ограничивается анализомъ общихъ вопросовъ теоріи наказанія и даетъ уголовно-политическую оцѣнку отдѣльных карательныхъ мѣръ.

Остановимся, прежде всего, на взглядѣ Наказа на смертную казнь.

Наказъ ставитъ общій вопросъ, «полезна ли и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка» смертная казнь⁶ и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: «опыты сви-

¹ Ст. 67 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Монтескье, I. XII, с. 4, абз. 1.

² Ст. 73 Наказа видоизмѣняетъ только редакцію мысли Монтескье: „reine tirée de la nature de la chose“, I. XII, с. 4, абз. 8 и 12.

³ Ст. 227 Наказа, дословно воспроизвод. текстъ Беккари, стр. 112-113; ст. 226 заимствована тамъ-же, стр. 112 съ выпускомъ одной фразы Беккари; ст. 95 заимствована у Монтескье, I. VI, с. 16, абз. 6, (у Н. Чечулина невѣрно); ст. 94 заимствована дословно у Монтескье, I. VI, с. 16, абз. 4.

⁴ Ст. 90 Наказа взята дословно изъ Монтескье, I. VI, с. 12, абз. 7. У Н. Чечулина показано невѣрно.

⁵ Ст. 518 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. VI, с. 21, абз. 6.

⁶ Ст. 209 Наказа взята у Беккари, стр. 76, съ тѣмъ отличіемъ, что говоритъ о пользѣ и нуждѣ смертной казни, между тѣмъ какъ Беккари ставитъ себѣ цѣлью „examiner si la peine de mort est veritablement utile et juste“. Такая постановка вопроса у Беккари имѣетъ то значеніе, что побуждаетъ его отрицать право на смертную казнь. Онъ пишетъ: „Quel peut être ce droit que les hommes, se donnent, d'égorger leur semblable? Ce n'est certainement pas celui sur lequel sont fondées la souveraineté et les lois“ и т. д., стр. 76 и слѣд.

дѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими»¹; «смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть нужна, сирѣчь, когда онъ лишень будучи вольности, имѣеть еще способъ и силу могущую возмутить народное спокойство»². Мы находимъ въ Наказѣ цѣлый рядъ доводовъ, выставленныхъ въ доказательство положенія, что безъ смертной казни можетъ обойтись система наказаній страны при обычныхъ условіяхъ ея существованія. Мы встрѣчаемся здѣсь съ указаніемъ на то, что смертная казнь менѣе устрашительна, чѣмъ «примѣръ челоуѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезъ всю его жизнь продолжающеюся, вредъ имъ сдѣланный обществу»; отмѣчается, далѣе, и то, что наказаніе можетъ быть оправдываемо только постольку, поскольку оно достаточно для отвращенія людей отъ преступленія, а между тѣмъ смертная казнь переходитъ этотъ предѣлъ, что смертная казнь, наконецъ, бессильна противъ страстей и проч.³.

Много вниманія удѣляетъ Наказъ оцѣнкѣ тюремнаго заключенія во всѣхъ его видахъ, освѣщая его значеніе, какъ мѣры наказанія и предварительнаго задержанія.

«Тюремное заключеніе, читаемъ мы въ Наказѣ, есть слѣдствіе рѣшительнаго судьей опредѣленія и служитъ вмѣсто наказа-

¹ Ст. 210 заимствована въ этой части у Беккариа, стр. 75.

² Ст. 210 въ этой части и въ остальной всецѣло заимствована у Беккариа, стр. 77—8 съ пропускомъ трехъ фразъ, изъ которыхъ наиболѣе существенной представляется та, гдѣ Беккариа говоритъ о случаѣ примѣненія смертной казни политическаго преступника: „quand son existence peut produire une révolution dans la forme du gouvernement établi“.

³ Ст. 212 Наказа дословно заимствована у Беккариа, стр. 79, 80, 81. Наказъ выпускаетъ цѣлый рядъ мотивовъ, приведенныхъ у Беккариа. Последній указываетъ, напр., что „im-

pressions violentes“, которыя привносятъ съ собою смертная казнь, „sont capables de produire ces révolutions qui font tout-à-coup d'un homme vulgaire un lacédémonien ou un romain, стр. 80. Беккариа подчеркиваетъ, далѣе, что смертная казнь „n'est pour la plus grande partie des hommes qu'un spectacle, ou un objet de compassion ou d'indignation“, стр. 80, что, наконецъ, въ странахъ, гдѣ примѣняется смертная казнь, „tout exemple de punition suppose un nouveau crime commis. Au lieu que l'esclavage perpétuel d'un seul homme donne des exemples fréquens et durables“, стр. 82 и сл. и проч.

нія» ¹. Отъ тюремнаго заключенія Наказъ отличаетъ «содержаніе подь стражею» ². Подь послѣднимъ разумѣется предварительное задержаніе и относительно него выставляется требованіе, чтобы оно было, по возможности, краткимъ, снисходительнымъ, пресѣ- кающимъ возможность побѣга, ³ и не налагающимъ на заключа- емаго безчестія ⁴.

Нахожденіе подь стражей—«*détention*» —примѣняется по отно- шенію къ лицамъ, уличаемымъ въ преступленіяхъ,—къ «вѣроятно обвиняемымъ въ преступленіи»—къ «*accusé qui n'a contre lui que les apparences*» ⁵.

Нахожденіе въ тюрьмѣ предназначается, кромѣ того, для уличен- ныхъ уже—«*criminel convaincu*» и осужденныхъ—«*condamné*» ⁶.

Распредѣленіе заключенія на означенные три вида связано между собой въ томъ смыслѣ, что «*détention*» переходитъ въ «*emprisonnement*» на случай обвиненія. Притомъ, для всѣхъ трехъ категорій заключаемыхъ «надлежитъ быть разнымъ мѣстамъ» ⁷.

¹ Ст. 170 Наказа. Н. Чечулинъ указываетъ, какъ на источникъ ея, на гл. VI Беккари. Это ошибочно, такъ какъ Беккарія выставляетъ принципъ, что „*la prison est une peine, qui à la différence de toute autre, doit précéder nécessairement la déclaration juridique du délit,*“, стр. 22, а вмѣстѣ съ тѣмъ, допустима и въ качествѣ мѣры подслѣдственнаго содержанія.

² Ст. 167 Наказа. Какъ на источ- никъ ея, Н. Чечулинъ ссылается на гл. XIX Беккари, но это ошибочно. По- слѣдній не различаетъ понятія „*détenir*“ и „*emprisonner*“. Беккарія утвержда- етъ только, что „*parceque la perte de la liberté étant une peine, elle ne peut être infligée avant la condamna- tion, qu'autant que la nécessité l'exige*“ стр. 98. Ср. также ст. 172, ошибочно приписываемую Н. Чечулинымъ Бек- карія, гл. VI.

³ Ст. 168 Наказа дословно заим- ствована у Беккари, стр. 98 и сл., съ

опущеніемъ фразы о „*droit des plus anciens prisonniers à être jugés les premiers*“.

⁴ Ст. 169 Наказа заимствована до- словно у Беккари со введеніемъ тер- мина „*détenu*“ вмѣсто „*emprisonné*“ и замѣной слова „*magistrature*“, стр. 23. Ср. также ст. 173 Наказа, заимствую- щую мысль и отчасти редакцію Бек- карія, стр. 24.

⁵ Ст. 171 Наказа заимствуетъ въ этой части мысль Беккари, стр. 24.

⁶ Ст. 171 Наказа. Беккарія не раз- личаетъ этихъ отбѣнковъ, раздѣляя за- ключенныхъ только на двѣ категоріи: „*accusé*“ и „*convaincu*“ стр. 24 и стр. 22 и сл. *passim*.

⁷ Ст. 174 Наказа ошибочно при- писывается Н. Чечулинымъ Беккари, говорящимъ только о двухъ категоріяхъ заключенныхъ. Наказъ одновременно не заимствуетъ того мѣста Беккари, гдѣ онъ говоритъ о необходимости регу- лировать закономъ случаи предвари-

Постановленія Наказа о тюремномъ заключеніи любопытны, какъ примѣръ сравнительно свободнаго заимствованія изъ Беккаріи и попытки обосновать особый видъ «содержанія подъ стражей», не регулируемый закономъ, не позорящій, но могущій быть цѣлесообразнымъ по разнаго рода соображеніямъ. Наказъ, расширяя область примѣненія тюрьмы, не видитъ въ этомъ особенной опасности потому, по его словамъ, что по мѣрѣ того какъ тюрьма сдѣлается болѣе гуманной, «когда жалость и челоуколюбіе внидутъ и въ самыя темницы», можно не опасаться довольствоваться отдаленными уликами «se contenter d'indices» или, какъ это переведено въ Наказѣ, «довольствоваться знаками», чтобы заключить когонибудь въ тюрьму ¹.

Тѣлесныя наказанія Наказъ считаетъ вполне допустимыми ². Полагая, что нетерпимы только наказанія, «которыми тѣло челоуческое изуродовать можно», Наказъ считаетъ согласнымъ съ требованіями уголовной политики использование тѣлесныхъ наказаній вообще ³ и предостерегаетъ только отъ того, чтобы подвергать имъ «зараженныхъ порокомъ притворнаго нѣкоего вдохно-

наго задержанія,—о „ne pouvoir être infligée que dans le cas où la loi décide que le citoyen, l'a encourue“, стр. 22.

¹ Ст. 166 Наказа заимствована дословно у Беккаріи, стр. 23. Она имѣетъ у него, однако, тотъ смыслъ, что заключеніе это должно регулироваться „par la loi, et non par les juges, dont les decrets sont toujours opposés à la liberté politique“, стр. 23.

² Когда Васкаковъ писалъ 4 мая 1766 г.: „противъ положенія тѣлеснаго наказанія гѣмъ, которые насильно и явно отъемлютъ стяжанія, принадлежащія другимъ, или какъ тати крадутъ, спорить никоимъ образомъ не можно; но только нужно кажется изъяснить о

такихъ преступникахъ, которые отнимаютъ подъ разными видами скрытно и приводятъ не только многія фамиліи, но и цѣлыя иногда провинціи въ убожество и самую нищету .., что таковыя преступники весьма заслуживаютъ тѣлесныя наказанія“ Екатерина II добавляла: „Всѣхъ подробностей въ сей пьесѣ впускать нельзя было; казусы оставлены комиссіи“. Сб. Рус. ист. общ., т. 10, 1872, стр. 78.

³ Ст. 96 Наказа воспроизводитъ почти дословно текстъ Монтескье, I. VI, с. 18, абз. 2, причемъ прибавка объ изуродывающихъ наказаніяхъ отсутствуетъ у Монтескье и подсказана, повидимому, мыслию Беккаріи на стр. 71.

венія и ложной святости». «Сіе преступленіе, добавляетъ Наказъ, изъ самой боли получить себѣ славу и пищу»¹.

Вопросъ объ уголовно-политической пригодности лишенія правъ, какъ наказанія, въ свою очередь, занимаетъ Наказъ.

Содержаніе наказанія правопораженія рисуется Наказу, какъ мѣра, при помощи которой свидѣтельствуется «всенародное» о преступникѣ «худое мнѣніе», которая «лишаетъ гражданина почтенія и довѣренности, обществомъ ему прежде оказанной», и «извергаетъ изъ братства хранимаго между членами того-же государства»². Наказаніе «безчестьемъ» рекомендуется примѣнять «противу притворно вдохновенныхъ и лжесвятошъ». «Противуположивъ силы силамъ того же рода, читаемъ мы въ Наказѣ, просвѣщенными законами разсыплютъ аки прахъ удивленіе, могущее возгнѣзднися во слабыхъ умахъ о ложномъ ученіи»³. Дѣлается, притомъ, указаніе, что «безчестія на многихъ вдругъ налагать не должно»⁴.

Весьма обширное поле отводитъ Наказъ и наказаніямъ денежнымъ. Повидимому въ этихъ послѣднихъ наряду съ тѣлесными онъ усматриваетъ главныя мѣры борьбы съ преступленіями средней тяжести: «Хорошіе законы, гласитъ Наказъ, самой точной середины держатся: они не всегда денежное налагаютъ наказаніе, и не всегда также подвергаютъ и наказанію тѣлесному законопреступниковъ»⁵. Но для дѣйствительности ихъ ставки денежныхъ наказаній должны измѣняться въ связи съ перемѣной объективнаго и субъективнаго масштаба цѣнности. Первое достигается при помощи того приѣма, что сумму пени «надлежитъ по крайней мѣрѣ всякія пятьдесятъ лѣтъ вновь пересматривать»⁶. Что касается

¹ Ст. 217 Наказа въ этой части дословно воспроизводитъ текстъ Беккари, стр. 96.

² Ст. 216 Наказа въ этой части воспроизводитъ дословно текстъ Беккари, стр. 95.

³ Ст. 218 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккари, стр. 96 и 97.

⁴ 219 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккари, стр. 97.

⁵ Ст. 96 Наказа, Ср. прим. 3, стр. 121.

⁶ Источникъ этой части ст. 462 Наказа неизвѣстенъ. Ошибочно указаніе Н. Чечулина, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ изъ Монтескье.

масштаба субъективнаго, то онъ поддается опредѣленію при помощи повышенія до нормы, которая представляется чувствительной для нарушителя правопорядка. Объ этомъ принципѣ денежныхъ наказаній можно заключить изъ примѣра, приведеннаго въ Наказѣ и заимствованнаго у Монтескье ¹.

Изгнаніе рекомендуется Наказомъ въ качествѣ мѣры наказанія, главнымъ образомъ, въ примѣненіи къ иностранцамъ ², мутящимъ народное спокойствіе и не повинующимся законамъ ³. Заимствуя это положеніе у Беккарии, Наказъ, однако, не идетъ вслѣдъ за нимъ въ указанія на то, что необходимъ точный законъ, который регулировалъ бы изгнаніе политическихъ преступниковъ, а равно преступниковъ тяжкихъ, вина которыхъ не строго доказана и проч. Наказъ не дѣлаетъ у Беккарии никакихъ заимствованій и по вопросу о томъ, должно ли изгнаніе сопровождаться конфискаціей имущества ⁴.

На пути изслѣдованія институтовъ уголовного права Наказъ не только занимается вопросами общей части, но останавливается и на проблеммахъ, входящихъ въ часть особенную; мы встрѣчаемся въ немъ не только съ классифицированіемъ посягательствъ на группы и виды, но и съ попыткой установленія ученій по вопросу объ элементахъ состава отдѣльныхъ преступленій. Наказъ дѣлаетъ это, несмотря на оговорку, что не намѣренъ «вступати въ пространное изслѣдованіе преступленій и въ подробное раздѣленіе каждаго изъ нихъ на разные роды и какое наказаніе со всякимъ изъ нихъ сопряжено» ⁵.

Самымъ общимъ дѣленіемъ преступленій въ Наказѣ является расчлененіе ихъ на двѣ категоріи: «преступленія особенныя или частныя» и «преступленія народныя или общественныя». Это

¹ Ст. 462 Наказа отъ словъ: „Быль нѣкогда въ Римѣ такой сумасбродный человекъ...“ заимствована у Монтескье, I. XXIX, с. 16, абз. 6.

² Ст. 215 Наказа заимствована дословно у Беккарии, стр. 93.

³ Ст. 214 Наказа дословно заимствована у Беккарии, стр. 92 и сл.

⁴ Ср. Беккария, стр. 93 и сл.

⁵ Ст. 143 Наказа воспроизводитъ мысль Беккарии, мѣстами дословно, стр. 4 и сл.

раздвоеніе допускается, несмотря на то, что «всѣ преступленія суть народныя». Какъ преступленія частныя характеризуются тѣ, которыя касаются «больше до гражданъ между собою». «Преступленія общественныя» суть принадлежащія «болѣе къ государству въ разсужденіи союза между гражданиномъ и государствомъ хранимаго» ¹.

Всю область преступленій Наказъ подраздѣляетъ рядомъ съ этимъ на «четыре рода»: «противъ закона или вѣры», противу нравовъ», «противъ тишины и спокойства», и «противъ безопасности гражданъ» ². Отъ такого дѣленія Наказъ впоследствии отстуетъ, замѣняя послѣднюю категорію «преступленіями, касающимися прямо и непосредственно до разрушенія общества». Эта группа раздѣляется, въ свою очередь на преступленія, «клонящіяся ко вреду того, кто въ ономъ главою» ³, и преступленія, «кои стремятся противъ безопасности людей частныхъ» ⁴.

Остановимся нѣсколько на каждомъ изъ предусматриваемыхъ въ Наказѣ родовъ посягательствъ.

Преступленія противъ вѣры Наказъ стремится построить на принципѣ охраны свободы совѣсти.

Мы читаемъ въ Наказѣ: «въ толь великомъ государствѣ, распространяющимъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ» ⁵.

¹ Ст. 138 Наказа почти дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. III, с. 5, абз. 4.

² Ст. 69—72 дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 4, абз. 2 съ замѣной слова „sorte“ у Монтескье выраженіемъ „espèce“. Ср. также ст. 79, дословно воспроизводящую текстъ Монтескье, I. XII, с. 4, абз. 11.

³ Ст. 229 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккариа, стр. 122, съ замѣною выраженія „ceux qui la (société)

représentent“ словами: „celui qui en est le chef“.

⁴ Ст. 230 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккариа, стр. 123.

⁵ Ст. 494 Наказа. Источникъ этой статьи у Н. Чечулина указанъ М. XII, с. 22, абз. 1, 2. Это совершенно невѣрно, равно какъ неправильно указанъ имъ и источникъ ст. 496 Наказа, говорящей о цѣлесообразности разрѣшенія вѣрить каждому по своему закону.

На пути охраны свободы вѣры Наказъ предписываетъ, чтобы ничего не дозволять, что можетъ смутить «отправленіе службы Божіей, творимой въ мѣстахъ къ тому опредѣленныхъ, и чтобъ порядокъ и благолѣпіе были гражданами наблюдаемы при крестныхъ ходѣхъ и тому подобныхъ обрядахъ»¹. Но нарушенія этого рода не будутъ преступленіями, «касающимися до закона или вѣры». «Преступленія, которыя смущаютъ упражненіе въ законѣ, носятъ на себѣ свойства преступленій, нарушающихъ спокойствіе или безопасность гражданъ»². Религіозными преступленіями будутъ только тѣ нарушенія, которыя направлены «прямо противу закона, каковы суть прямыя и явныя святотатства»³. За эти преступленія Наказъ предлагаетъ подвергать виновныхъ «изгнанію изъ храмовъ, исключенію изъ собранія вѣрныхъ на время или навсегда» и «удаленію отъ ихъ присутствія» (*l'éloignement de leur présence*)⁴.

Для пониманія этой статьи и въ особенности рѣшенія вопроса о томъ, подводитъ-ли Наказъ подъ святотатство всю совокупность религіозныхъ преступленій, или только святотатство въ смыслѣ воровства изъ церкви, интересно, что первоначально въ рукописи значилось «святотатства или богохуліе». По совѣту извѣстнаго Баскакова, это мѣсто было измѣнено⁵. Очевидно, имъ-же было и указано одновременно, что по отношенію къ такимъ тяжкимъ преступленіемъ, какъ «богохуліе», врядъ ли цѣлесообразно ограничиваться столь легкимъ наказаніемъ, какъ изгнаніе изъ храмовъ и

¹ Ст. 552 Наказа воспроизв. мысль Вилфельда, т. I, с. 7, § 25.

² Ст. 74 Наказа дословно заимствована въ этой части изъ Монтестье, I. XII, с. 4, абз. 3.

³ Ст. 74 Наказа дословно заимствована въ этой части изъ Монтестье, I. XII, с. 4, абз. 3, причемъ терминомъ „святотатства“ переведено выраженіе Монтестье „sacrilèges simples“. Это означало у него то же, что и въ современномъ ему французскомъ правѣ, т. е. не только святотатство въ смыслѣ

воровства, но и оказаніе неуваженія къ святынямъ въ церкви и цѣлаго ряда другихъ нарушеній въ отличіе отъ „sacrilège avec effraction“, которое разсматривалось какъ *cas royal*.

⁴ Ст. 74 Наказа воспроизводитъ въ этой части текстъ Монтестье, I. XII, с. 4, абз. 4 съ замѣной выраженія Монтестье „la fuite de leur présence“, словами: „l'éloignement...“.

⁵ Наказъ, подъ ред. Н. Чечулина, 1907, стр. 15. прим. 1.

пр. Вѣроятность того, что «прямая и явная святотатства» 74 ст. Наказа, не обнимаютъ собой всей области религиозныхъ преступленій подтверждаетъ статья 75 Наказа, источниковъ которой мы напрасно стали-бы искать у Беккариа и Монтескье. Статья эта гласитъ: «Во обыкновеніи же есть употребленіе и гражданскихъ наказаній».

Въ томъ, что статья эта относится къ преступленіямъ религиознымъ убѣждаетъ, между прочимъ, исторія ея текста въ рукописи Наказа. Мы читаемъ въ послѣдней: «въ употребленіе же суть и гражданскіе наказанія, соображаемые съ вышеписаннымъ» «въ употребленіе и... свѣрхъ того и гражданскимъ наказаніемъ, соображаемыхъ съ вышеписаннымъ». Изъ этихъ неправильнымъ языкомъ отмѣченныхъ попытокъ точнѣе формулировать ст. 75 не можетъ не слѣдовать, что идетъ рѣчь объ оправданіи и «гражданскихъ наказаній» для нѣкоторыхъ категорій религиозныхъ преступленій, какъ уступкѣ существующему порядку.

Наказъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что изъ области религиозныхъ преступленій должны быть исключены обвиненія въ волшебствѣ и еретичествѣ¹, такъ какъ «обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ, и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ».

Преступленія «противу нравовъ», поскольку они должны устраняться дѣйствіемъ уголовного закона, характеризуются въ Наказѣ какъ такіа, «которыя развращаютъ нравы»², но которыя въ то же время не «нарушаютъ безопасность народную,

¹ Ст. 497 Наказа и 498. Первая воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 5, абз. 1 съ замѣной выраженія Монтескье „dans la poursuite“ словами „dans l'examen“. Ст. 498 воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 5, абз. 2, съ вставкой словъ „Empereur Grec“. Ср. также ст. 500 Наказа, заимствованную *ibid.*, абз. 4, съ

опущеніемъ словъ: „Il aurait été bon, chez les Grecs, d'être magicien, pour se justifier de la magie. Tel était l'excès de leur idiotisme...“.

² Ст. 76 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Монтескье, I. XII, с. 4, абз. 8. У Н. Чечулина источникъ ея не приведенъ.

каково есть похищеніе и насилуваніе; ибо сіи, добавляетъ Наказъ, уже вмѣщаются между преступленіями четвертаго рода»¹, т. е. противъ безопасности гражданъ. Сущность преступленій противъ нравовъ Наказъ опредѣляетъ какъ дѣйствія противъ того порядка, по которому «должно всякому пользоваться внѣшними выгодами естествомъ челоуѣку данными для нужды, пользы и удовольствія его». О такихъ нарушеніяхъ Наказъ замѣчаетъ, «что сіи всегда не столько основаны на зломъ сердцѣ, какъ на забвеніи и презрѣніи самого себя». Для этой области правонарушеній Наказъ рекомендуетъ денежное наказаніе, безславіе, изгнаніе изъ города и изъ общества и проч. «наказанія, зависящія отъ судопроизводства исправительнаго»².

Преступленія третьей категоріи, «противъ тишины и спокойства», Наказъ затрогиваетъ только суммарно. Онъ посвящаетъ имъ ст. 78, въ которой отождествляетъ ихъ со случаями, когда имѣетъ мѣсто «простое нарушеніе гражданскихъ учрежденій» — «simple lésion de Police»³.

Самой важной, по своему существу, является въ Наказѣ послѣдняя категорія преступленій, «касающаяся прямо и непосредственно до разрушенія общества»⁴. Она заключаетъ въ себѣ, прежде всего, преступленія, «клонящіяся ко вреду того, кто въ ономъ главою», о которыхъ Наказъ свидѣтельствуетъ, что «они больше всѣхъ прочихъ суть пагубны обществу»⁵. На этой категоріи Наказъ больше всего и останавливается, ограничиваясь по отношенію къ другимъ видамъ преступленій почти однимъ перечисленіемъ ихъ. Второй категоріей посягательствъ, «касающихся

¹ Ст. 77 Наказа заимствована дословно у Монтескье, 1. XII, с. 4, абз. 8. съ замѣной только выраженія „jouir des plaisirs attachés à l'usage des sens et à l'union des corps“ словами: „jouir des avantages donnés à l'homme par la nature, pour ses besoins, et son contentement“.

² Ст. 77 Наказа, объ источ. ср. предыд. примѣч.

³ Ст. 78 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, 1. XII, с. 4, абз. 10, 11, съ пропускомъ нѣкоторыхъ словъ, неимѣющихъ существеннаго значенія.

⁴ Ст. 229 Наказа, см. прим. 3, стр. 124.

⁵ Ст. 229 Наказа.

прямо и непосредственно до разрушенія общества», являются тѣ, «кои стремятся противъ безопасности людей частныхъ»¹.

Въ ряду преступленій послѣдней группы Наказъ останавливается, прежде всего, на «смертноубійствѣ».

Онъ отмѣчаетъ, что субъектомъ этого преступленія могутъ быть не только «люди изъ народа», но и «особы, какого бы происшествія и достоинства они ни были»².

Наряду съ «смертноубійствомъ» упоминается о «беззаконныхъ предпріятіяхъ противу... вольности гражданина»³, съ той же оговоркой о возможномъ субъектѣ этихъ преступленій.

Выдѣляются, далѣе, «воровства совокупленные съ насильствомъ и безъ насильства»⁴. Заимствуя эти дѣленія у Беккаріи, Наказъ не идетъ за нимъ въ предложеніи его наказывать воровство денежными наказаніями. «Преступленія этого рода, пишетъ Беккарія, совершаются большею частью бѣдными, несчастными людьми, которымъ право собственности (ужасное и можетъ быть ненужное право) ничего не оставило кромѣ существованія»⁵. Разновидностью воровства является преступленіе контрабанды и поддѣлка денегъ.

Мы читаемъ въ Наказѣ: «Тайный провозъ товаровъ есть сущее воровство у государства... Такое преступленіе заслуживаетъ важныя наказанія, какъ то суть, тюрьма и лицеимство (*saisie du corps, même la servitude*)...; «самое приличное наказаніе кажется быть работа виноватаго... въ ту цѣну, которою онъ таможенно обмануть хотѣлъ». «Тюрьма, продолжаетъ Наказъ, для тайно провозящаго товары не должна быть та же, которая для

¹ Ст. 230 Наказа ср. прим. 4, стр. 124.

² Ст. 231 Наказа.

³ Ст. 231 воспроизводитъ текстъ Беккаріи, стр. 123 и 124, съ замѣной выраженія: „par les grands et les magistrat“ словами: „par d'autres, de quelque extraction et qualité qu'ils puissent être“.

⁴ Ст. 232 Наказа сопоставляетъ два дѣленія Беккаріи, стр. 134 и 135.

⁵ Беккарія, стр. 134 и сл. Впрочемъ, Беккарія высказывается за замѣну денежныхъ наказаній за воровство безъ насилія временной уступкой обществу права на личность и трудъ виновнаго, *ibid.*

смертноубійцы или разбойника»¹. Статья эта, написанная оборотами Беккари, нѣсколько отклоняется, однако, отъ своего образца. Беккари конструируетъ преступленіе контрбанды какъ «*délit véritable contre le souverain et la nation*», Наказъ же относитъ его къ видамъ воровства.

Видомъ воровства является и поддѣлка денегъ. О поддѣльвателяхъ Наказъ пишетъ, что «они не что иное какъ воры государственные (*voleurs publiques*)»².

Къ категоріи преступленій противъ безопасности людей частныхъ принадлежатъ и посягательства на честь гражданина³. Наказъ говоритъ объ обидахъ личныхъ и наряду съ послѣдними упоминаетъ о наказаніи клеветы⁴.

Дуэль, въ свою очередь, представляется преступленіемъ, направленнымъ противъ «безопасности людей частныхъ». Лучшимъ средствомъ противъ нея является наказаніе лица, подавшего поводъ къ поединку⁵.

Къ этой же группѣ нарушеній Наказъ относитъ и преступленіе банкротства. Въ основаніе послѣдняго положено различіе неплатежа, наступившаго въ результатъ неосторожности, и — какъ дѣянія умышеннаго. «Съ проторговавшимся... безъ умысла, который можетъ ясно доказать, что неустойка въ словѣ собственныхъ его должниковъ... или неизбежное разумомъ человѣческимъ неблагополучіе лишили его стяжаній ему принадлежащихъ..., не должно... по строгости поступать». Такому неумышленному банкроту противопоставляется «выступающій съ долгами изъ торговъ

¹ Ст. 235 Наказа заимствуетъ мысль Беккари и построена его оборотами, но вноситъ и нѣкоторыя особенности. Ср. Беккари, стр. 136, 7 и 8 *passim*.

² Ст. 472 Наказа заимствуетъ обороты рѣчи Монтескье, I. XII, с. 8, кон., но самая классификація не взята у него. Монтескье подчеркиваетъ только, что поддѣлка монеты не должна быть отнесена къ преступленію оскорбленія величества.

³ Ст. 233 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккари, стр. 128, съ опущеніемъ его предложенія наказывать эти посягательства лишеніемъ чести.

⁴ Ст. 485 Наказа. Весьма вѣроятно, что источникомъ ея является Монтескье, I. XII, с. 16, абз. ед.

⁵ Ст. 234 Наказа воспроизводитъ почти дословно текстъ Беккари, стр. 134.

хитрецъ». Въ послѣднемъ случаѣ несостоятельный плательщикъ долженъ быть «вкнутъ... въ тюрьму» и лишенъ «вольности»¹.

Категорія преступленій, «касающихся прямо и непосредственно до разрушенія общества»², кромѣ преступленій «противъ безопасности людей частныхъ», заключаетъ въ себѣ, какъ мы видѣли, и преступленія, «клонящіяся ко вреду того, кто въ ономъ главою»³. Преступленія эти ст. 229 Наказа называетъ «преступленіями въ оскорбленіи величества»⁴.

Подъ нихъ Наказъ подводитъ «всѣ преступленія противныя безопасности государя и государства»⁵.

Въ примѣненіи къ преступленію оскорбленія величества, Наказъ требуетъ, чтобы оно было описано въ законѣ вполне опредѣленно⁶. Последнее остается недостижимымъ, напр., въ томъ случаѣ, когда законъ смѣшиваетъ съ оскорбленіемъ величества неоказаніе государю почтенія⁷. Дѣйствіе оскорбленія величества должно заключать въ самомъ себѣ то, что угрожаетъ безопасности государя и государства⁸. Анализу дѣйствія, какъ признака состава преступленія оскорбленія величества, Наказъ удѣляетъ боль-

¹ Ст. 236 Наказа, за исключеніемъ вводныхъ словъ: „il est nécessaire de faire mention aussi de Banqueroutiers, ou de ceux que leurs dettes obligent de quitter le négoce“ заимствуется безъ измѣненія текстъ Беккариа, стр. 138, 139, 140.

² Ст. 229 Наказа см. прим. 3, стр. 124.

³ Ср. прим. 3 и 4, стр. 124.

⁴ Ср. также ст. 464, заимствуемую у Монтескье, I. XII, с. 7, загл.

⁵ Ст. 465 Наказа. Источникъ ея не указанъ Н. Чечулинымъ. Она заимствована изъ изложенія Монтескье мнѣнія Ульціана въ словахъ: „celui qui complotte un attentat contre l'empire ou contre la vie de l'empereur“, I. XII, с. 9, абз. 3. Эта мысль выражена въ Наказѣ: „qui attentent à la sûreté du souverain et de l'Etat“.

⁶ Ст. 469 Наказа является видоизмѣненіемъ выраженія Монтескье: „с' est assez que le crime de lèse--majesté soit vague pour que le gouvernement dégénéré en despotisme“, I. XII, с. 7, кон.

⁷ Ст. 470 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 7, абз. 1 и 2 почти дословно. Вставлены слова „destruire“, „indifférent“, не измѣняющія смысла, а равно нѣсколько словъ въ послѣдней части статьи.

⁸ Ст. 471 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Монтескье, I. XII, с. 8, абз. 1, съ выпускомъ словъ: „ceux qui mettaient en question le jugement du prince“, и съ добавленіемъ „et les condamnoient par conséquent à la mort“—измѣненіями, не модифицирующими смысла.

шое вниманіе. Онъ предлагаетъ, прежде всего, почитать за такія преступленія тѣ «только, кои заключаютъ умыселъ въ себѣ противу жизни и безопасности Государя и измѣну противъ государства»¹. Наказъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, что не слѣдуетъ, вообще, расширять круга дѣйствія этого преступленія и соотвѣтственно ту тяжкую наказуемость, которую оно обусловливаетъ. Этотъ взглядъ, нашедшій себѣ выраженіе въ ст. 473 Наказа, пересказываетъ мысль Монтескье: «Porter sur un autre crime le nom de lése-majesté, n'est ce pas diminuer l'horreur du crime de lése-majesté». Монтескье ставитъ это положеніе въ видѣ вопроса; текстъ ст. 474 высказанъ въ формѣ утвержденія и гласитъ: «Qualifier de crime de lése-majesté un crime qui ne l'est pas, c'est diminuer l'horreur du crime de lése-majesté».

Но пойдѣмъ далѣе въ прослѣживаніи тѣхъ дѣйствій, которыя не должны входить, по Наказу, въ понятіе оскорбленія величества. Послѣднее не могутъ составлять дѣйствія, не прямо направленныя на свой объектъ, напр., постановленіе приговора, противнаго исходящимъ отъ главы государства законамъ², бросаніе «чего нибудь предъ изображениями императоровъ»³, предвѣщаніе смерти главы государства⁴ и высказываніе мыслей по вопросу объ оскорбленіи величества. По поводу послѣдняго Наказъ замѣчаетъ: «законы

¹ Ст. 478 Наказа. Источникъ ея указанъ у Н. Д. Чечулина невѣрно. Статья эта связана съ ст. 465 и потому источникъ ея тотъ-же. Ср. прим. 119. Что же касается словъ: „измѣну противъ государства и тому подобныя; каковымъ преступленіямъ и казни предписаны самыя жесточайшія“, то здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто приниска лицъ, редактировавшихъ Наказъ, можетъ быть, Баскакова и др. Внесеніе измѣны въ качествѣ вида оскорбленія величества не могло быть, кажется, сдѣлано Монтескье ни въ какомъ случаѣ.

² Ст. 474 Наказа воспроизводитъ почти дословно текстъ Монтескье, I. XII, с. 9, абз. 1.

³ Ст. 475 Наказа воспроизводитъ почти дословно мысль Монтескье, I. XII, с. 9, абз. 3, постановляя: „il y avoit encore une loi Romaine, qui punissoit comme criminels de lése-majesté ceux qui jettoient, même par mégarde, quelque chose contre les statues des Empereurs“, вмѣсто словъ Монтескье: „les mêmes empereurs ércivaient à Julius Cassianus que celui qui jetterait par hasard une pierre contre une statue de l'empereur ne devait point être poursuivi comme criminel de lése-majesté“

⁴ Ст. 476 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 10, абз. ед. съ опущеніемъ фразы: „le despotisme

не обязаны показывать никакихъ другихъ кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій»¹ и останавливается на выясненіи интереснаго для криминалиста вопроса, являются ли слова сами по себѣ дѣйствиємъ, достаточнымъ для наличности состава преступленія. «Слова, пишетъ Наказъ, не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию незаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное: слова должно почитать за знакъ только преступленія смертной достойнаго казни»². «Законъ никоимъ образомъ не можетъ слова подвергать смертной казни»³. Наказъ рекомендуетъ въ случаяхъ оскорбленія величества словами «простое исправительное наказаніе»⁴. Относительно того, достаточны ли для состава преступленія оскорбленія величества дѣйствія, проявившіяся въ письменной формѣ, мы читаемъ въ Наказѣ: «Письма..., когда они не приуготовляютъ ко преступленію оскорбленія Величества..., не могутъ быть вещію содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи Величества»⁵. Наказъ допускаетъ только, что «сочиненія очень язвительныя... дѣлаются предлогомъ подлежащимъ градскому управленію, а не преступленіемъ». Такое постановленіе мотивируется интересомъ развитія «разума человѣческаго»⁶. Что касается формъ дѣйствія, какъ элемента состава преступленія оскорбленія

est si terrible, qu'il se tourne même contre ceux qui l'exercent».

¹ Ст. 477 Наказа воспроизводитъ въ этой части дословно текстъ Монтескье, I. XII, 12, абз. ед.

² Ст. 480 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 12, абз. 5.

³ Ст. 481 Наказа вся воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 12, абз. 1.

⁴ Ст. 482 Наказа въ этой части, да и вся вообще, воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 12, абз. 2 и 4, съ незначительными и не измѣняющими смысла пропусками.

⁵ Ст. 483 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 13, абз. 1.

⁶ Ст. 484 Наказа написана отчасти оборотами Монтескье, I. XII, с. 13, абз. 3, но измѣняетъ его мысль: „les écrits satiriques ne sont guère connus dans les Etats despotiques, où l'abattement d'un côté, et l'ignorance de l'autre, ne donnent ni le talent ni la volonté d'en faire. Dans la démocratie on ne les empêche pas... Dans la monarchie on les défend, mais on en fait plutôt un sujet de police que de crime...“.

величества, то наряду съ содѣяніемъ можетъ выступать и бездѣйствіе подѣ видомъ недонесенія ¹. Въ качествѣ соображенія, которымъ можно оправдать требованіе донесенія объ оскорбленіи величества, приводится въ Наказѣ слѣдующее: «дѣйствія суть не ежедневныя, многіе люди могутъ оныя примѣтить: ложное обвиненіе въ дѣлахъ можетъ легко быть объяснено» ². Наказъ стоитъ, кромѣ того, на той точкѣ зрѣнія, что преступленіе оскорбленія величества допускаетъ цѣлый рядъ степеней, могущихъ отражаться на наказаніи, за это дѣяніе опредѣляемомъ ³.

Къ разряду посягательствъ, «принадлежащихъ болѣе къ государству въ разсужденіи союза между гражданиномъ и государствомъ хранимаго» или «общественнымъ» ⁴, Наказъ относитъ преступленіе взяточничества. Онъ понимаетъ его въ томъ смыслѣ, что судьямъ должны быть запрещены всякіе подарки. «Тѣ, пишетъ Наказъ, которымъ ничего не даютъ, не желаютъ ничего; а которымъ даютъ мало, желаютъ тотчасъ немного поболѣе, а потомъ много. Сверхъ сего гораздо легче доказать тому, который будучи долженъ не брать ничего, возметъ нѣчто, нежели тому, который возметъ больше, когда ему меньше взять надлежало» ⁵.

Дальше этого опредѣленія Наказъ не идетъ въ описаніи признаковъ взяточничества и круга его примѣненія. Мало того, имъ единственно онъ и ограничивается въ перечисленіи видовъ преступленій общественныхъ. Банкротство, какъ мы видѣли выше, Наказъ относитъ къ категоріи преступленій «противъ безопасности людей частныхъ». Къ разновидности воровства онъ относитъ и преступленіе контрбанды и даже поддѣлку денегъ.

¹ Ст. 486 Наказа воспроизводитъ мысль Монтескье, I. XII, с. 17, абз. 2 и 3, правильно въ отношеніи оскорбленія величества и умалчиваетъ о тѣхъ исключеніяхъ, которыя онъ допускаетъ въ этой области.

² Ст. 479 Наказа дословно воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 12, абз. 5.

³ Ст. 487 Наказа воспроизводитъ текстъ Монтескье, I. XII, с. 17, абз. 3.

⁴ Ст. 138 Наказа, ср. примѣч. 1, стр. 124.

⁵ Ст. 140 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Монтескье, I. V, с. 17, кон., съ добавленіемъ только словъ „pour sa défense“ въ самомъ концѣ.

Мы подробно остановились на изложеніи уголовно-правовыхъ идей Наказа, поскольку имъ затрогивается вопросъ о построеніи рационально-организованной системы уголовного права. Но созданіе этой послѣдней есть только одна сторона задачи государства въ борьбѣ съ преступностью. Борьба эта въ пониманіи ея Наказомъ предполагаетъ, кромѣ того, нѣкоторое воздѣйствіе на факторы, производящіе преступленія, съ одной стороны, и дѣятельность по непосредственному предупрежденію преступленій, съ другой.

Преступленіе, по мысли Наказа, является «внѣшнимъ или наружнымъ дѣйствіемъ»¹. Въ стремленіи къ «истребленію преступленій»² приходится считаться въ виду этого съ условіями, вызывающими дѣйствія человека, и вліять на нихъ такимъ образомъ, чтобы не создавалось «наружныхъ дѣйствій», вредныхъ «или каждому особенно, или всему обществу»³. Обращаясь къ вопросу, отъ чего, въ свою очередь, зависятъ эти «наружныя дѣйствія», Наказъ сталкивается съ проблеммой о факторахъ преступленія. Какъ же рисуются ему эти послѣдніе?

Наказъ отмѣчаетъ, прежде всего, реальность вліянія на человека космическихъ условій. Въ числѣ «вещей», которыя «господствуютъ надъ человекомъ», Наказъ отмѣчаетъ «климатъ»⁴. Онъ не придаетъ, однако, послѣднему сколько-нибудь рѣшающаго значенія въ качествѣ фактора, полагая, что онъ нейтрализуется другими вліяніями. Мы читаемъ: «природа и климатъ царствуютъ почти одни во всѣхъ дикихъ народахъ»⁵. Это положеніе можно истолковать въ томъ смыслѣ, что другіе факторы, проявляющіе свое дѣйствіе у народовъ культурныхъ, отодвигаютъ на задній планъ роль космическаго фактора, не имѣющаго, такимъ образомъ, характера неотвратимости. Таково, по мысли Наказа, значеніе этого фактора, въ частности, и въ области преступленій. Онъ

¹ Ст. 477 Наказа, ср. примѣч. 1, стр. 132.

² Ст. 225 Наказа, ср. примѣч. 1, 2, 3, стр. 104.

³ Ст. 41 Наказа, ср. примѣч. 3, стр. 109.

⁴ Ст. 45 Наказа заимствована дословно у Монтескье, I. XIX, с. 4, абз. 1, съ замѣной слова „manière“ выраженіемъ „coutumes“.

⁵ Ст. 47 Наказа заимствована дословно у Монтескье, I. XIX, с. 4, абз. 2.

играетъ только вторичную роль въ качествѣ условія, создающаго ихъ.

Климатъ, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, какъ вѣра, законы, «правила, принятыя въ основаніе отъ правительства», «нравы и обычаи», порождаетъ, съ точки зрѣнія Наказа, «общее въ народѣ умствованіе» — «un esprit général»¹. Это послѣднее является той почвой, на которой возникаютъ «наружныя дѣйствія». Направляя «умствованіе» въ ту или другую сторону, можно вліять на уменьшеніе преступленій. Мы читаемъ въ Наказѣ: «любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій»².

Считаясь съ характеромъ «народнаго умствованія», «стараться должно о истребленіи преступленій, а иначе тѣхъ, кои болѣе людямъ вреда наносятъ», прежде всего, при помощи наказаній³. Но эти послѣднія не единственные средства, оказывающія дѣйствіе на «народное умствованіе». Послѣднее измѣняется подъ вліяніемъ просвѣщенія. И вотъ, Наказъ выставляетъ завѣтъ: «хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми»⁴. Заимствуя этотъ афоризмъ у Беккаріи, Наказъ выбрасываетъ изъ него требованіе, чтобы просвѣщеніе шло объ руку со свободой народа. На пути борьбы съ преступленіемъ при помощи измѣненія «народнаго умствованія» Наказъ рекомендуетъ, кромѣ того, борьбу съ преступленіями при помощи «награжденія добродѣтели»⁵. Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ воздѣйствія на «народное умствованіе» является правильная постановка воспитанія. «Самое надежное, говоритъ

¹ Ст. 46 Наказа заимствована дословно у Монтескье, I. XIX, с. 4, абз. 1.

² Ст. 81 Наказа заимствована дословно у Монтескье, I. VI, с. 9, абз. 2.

³ Ст. 225 Наказа, ср. примѣч. 2, стр. 134.

⁴ Ст. 245 Наказа заимствована у Беккаріи, стр. 176, съ замѣной выраженія: „faites que les lumières accompagnent la liberté“ словами: „faites que les lumières se repandent“.

⁵ Ст. 247 Наказа дословно заимствована у Беккаріи, стр. 182.

Наказъ, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія» ¹.

Воспитаніе, какъ средство борьбы съ преступленіемъ, понимается Наказомъ двояко. Съ одной стороны, оно является средствомъ «возвратить заблудшіе умы на путь правый» ² въ видахъ исправленія, съ другой, — средствомъ, предупреждающимъ возможность впаденія въ преступленіе подростяющихъ поколѣній. Въ видахъ достиженія послѣдней цѣли, Наказъ рекомендуетъ заложить въ дѣтяхъ основы религіозной морали. «Всякій, читаемъ мы въ Наказѣ, обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія... и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ» ³. Средствомъ воспитанія должно являться также возбужденіе въ дѣтяхъ любви къ отечеству ⁴. Наказъ вмѣняетъ въ обязанность родителямъ приучать дѣтей къ воздержанію «отъ словъ клонящихся къ неправосудію и насильству» и не «дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей..., давать имъ... дурные примѣры» ⁵. Должно запретить дѣтямъ лгать

¹ Ст. 248 Наказа заимствована дословно у Беккари, стр. 183.

² Ст. 93 Наказа воспроизводитъ въ этой части мысль Монтескье, I. VI, с. 13, абз. 7.

³ Ст. 351 Наказа. Источникъ этой статьи не указанъ у Н. Чечулина. Не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что она подсказана взглядами Вилфельда. Послѣдній пишетъ въ своихъ *Institutions politiques*, I, с. 4, § 3: „Tout citoyen a droit de pretendre qu'on l'instruise de les devoirs envers l'Être suprême, envers lui même, envers la société. et qu'on lui aprenne quoiqu' imparfaitement, de certain Arts dont il ne sçavoit presque se passer dans la vie commune“.

⁴ Ст. 352 Наказа. Источникъ этой статьи неизвѣстенъ, но весьма вѣроятно, что онъ подсказанъ мыслью Монтескье, писавшаго: „l'amour de la patrie,

la honte et la crainte de blâme, sont des motifs réprimants, qui peuvent arrêter bien des crimes“. Монтескье, I. VI, с. 9, абз. 2.

⁵ Ст. 353 Наказа. Источникомъ ея является, повидимому, трудъ Вилфельда, I, с. 4, § 5, гдѣ мы читаемъ: „с'est aux parens ou á ceux qui tiennent leur place a prendre serieusement á coeur l'education de leurs enfans... un reproche, une leçon, un mot dit a propos, laisse toujours quelque impression“... Интересно, что Наказъ не идетъ за Вилфельдомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ говоритъ о воспитаніи: „... elle peut se donner, soit dans la maison paternelle, soit dans les Ecoles ou classes publiques. Il appartient au Souverain d'être attentif á ce, qu'il n'y ait point de relâchement général dans ce devoir essentiel des Pères de famille“.

и т. п. ¹). Но въ воспитаніи нуждаются не одни только дѣти. Наказъ рекомендуетъ мѣры для «цѣломудрія нравовъ», вродѣ «стѣсненія роскоши», «отвращенія пьянства», «пресѣченія запрещенныхъ игоръ», предлагаетъ «воздержать своевольство людей худую жизнь ведущихъ» и «изгнать изъ общества обольщающихъ народъ подѣ именемъ волшебниковъ, прорицателей, предзнаменователей и другихъ подобныхъ обманщиковъ» ².

Съ точки зрѣнія Наказа, предупрежденіе преступленій представляется путемъ, по которому слѣдуетъ идти неуклонно, такъ какъ, по словамъ его, «гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать» ³. Предупрежденіе это достигается, помимо указанныхъ средствъ, тѣмъ, что слѣдуетъ стремиться «приводить людей къ самому совершенному благу» ⁴. Это послѣднее заключается въ общественномъ благоустройствѣ, проявляющемся въ осуществленіи равенства гражданъ передъ закономъ ⁵, и предполагаетъ то, чтобы «дать надежное пропитаніе и лѣченіе нищимъ немощнымъ» и «заставить работать просящихъ милостыни, которые руками и ногами своими владѣютъ» ⁶. Конечный идеаль благоустроеннаго общества рисуется Наказу какъ состояніе «непрерывнаго продолженія благополучія и сладкаго спокойствія» съ введеніемъ «награжденій» ⁷.

Мы закончили изложеніе уголовно-правовыхъ идей Наказа и обслѣдованіе ихъ источниковъ. Мы старались показать въ примѣненіи къ каждому изъ интересовавшихъ насъ постановленій На-

¹ Ст. 354 и 356 Наказа. Источникъ этихъ статей намъ неизвѣстенъ.

² Ст. 553 Наказа. Источникомъ ея является трактатъ Вильфельда, изъ котораго статья эта дѣлаетъ дословныя заимствованія. Ср. въ особ. I, с. 7, § 22, о „magie.., divinations..., pronostics et de pareilles fariboles...“.

³ Ст. 240 Наказа воспроизводитъ текстъ Беккариі, стр. 173. Ср. также ст. 83 Наказа, почти дословно воспроизводящую мысль Монтескье, I. VI, с. 9, абз. 3.

⁴ Ст. 241 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккариі, стр. 173.

⁵ Ст. 243 Наказа воспроизводитъ дословно текстъ Беккариі, стр. 174. и слѣд.

⁶ Ст. 560 Наказа воспроизводитъ мысль Вилфельда, I, с. 7, § 46.

⁷ Ст. 93 Наказа въ этой части воспроизводитъ мысль Монтескье, I. VI, с. 13, абз. 7, говорящаго о „jouissance d'un bonheur constant et d'une douce tranquillite“ и „juste temperament... des recompenses“.

каза не только изъ какого источника оно почерпнуто, но и какъ онъ использованъ въ Наказѣ. Намъ предстоитъ теперь подвести нѣкоторые итоги.

Послѣ выполненной нами работы врядъ ли можетъ найти себѣ почву утвержденіе, что все уголовно-правовое содержаніе Наказа сводится къ простому механическому сопоставленію разныхъ мѣстъ изъ трудовъ Монтескье, Беккаріи и Билфельда. Въ Наказѣ чувствуется строгій подборъ уголовно-юридическаго матеріала. Наказъ не ограничивается, однако, выборкой матеріала и опущеніемъ ненужнаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ смягчаетъ рѣзкія выраженія, видоизмѣняетъ самыя мысли, высказываемыя авторами, послужившими источниками для Наказа, и вноситъ, наконецъ, существенныя дополненія.

Заимствуя такъ много у Беккаріи, Наказъ не считаетъ возможнымъ воспринять въ то же время цѣлаго ряда уголовно-политическихъ завѣтовъ великаго итальянскаго криминалиста. Напрасно искали бы мы въ Наказѣ тѣхъ преподанныхъ Беккаріей началъ, что надлежитъ регулировать точнымъ закономъ случаи при-мѣненія изгнанія политическихъ преступниковъ и недопускать конфискаціи ихъ имущества ¹. Обсуждая, далѣе, вопросы, связанные съ соучастіемъ, Наказъ не вполне становится на точку зрѣнія недопустимости поощренія доноса ². Мы не видимъ въ Наказѣ и того мудраго правила, выставляемаго Беккаріей, что недопустима оцѣнка головы преступника. «Законы вознаграждающіе измѣну, возбуждающіе къ потаенной войнѣ, пишетъ Беккарія, развивая между гражданами взаимное недовѣріе, сами препятствуютъ этой необходимой связи государственной мудрости съ нравственностью, этой связи, которая могла бы доставить людямъ счастье, государствамъ миръ, и, наконецъ, всей вселенной нѣсколько болѣе минутъ спокойствія въ сравненіи съ тѣми страданіями, которымъ она подвержена» ³. Мы не видимъ въ Наказѣ и мысли Беккаріи о не-

¹ Вес., р. 93 и сл.

² Вес., р. 67.

³ Вес., р. 111. Цитир. нами переводъ, С. Заруднаго, стр. 99, хотя и

обходимости равенства наказаній для всѣхъ сословій ¹. Въ Наказъ не восприняты и мысли Беккариа о неприравненіи самоубійства къ преступленію ², о трактованіи дѣтоубійства какъ привилегированнаго преступленія ³, равно какъ и его мнѣнія о томъ, что нельзя назвать справедливымъ «наказаніе преступленій, до того времени, пока законъ не установитъ для ихъ предупрежденія лучшихъ и притомъ возможныхъ въ исполненіи средствъ въ данныхъ обстоятельствахъ государства» ⁴.

Дѣлая щедрою рукой заимствованія у Монтескье, Наказъ въ то же время опускаетъ часто тѣ ограниченія въ проведеніи въ жизнь извѣстныхъ принциповъ, которыя рекомендуетъ Монтескье. Укажемъ, напр., на невоспринятое въ Наказъ ограниченіе у Монтескье того начала, по которому недонесеніе можетъ выступать терпимой формой совершенія преступления оскорбленія величества ⁵.

Приведенныхъ примѣровъ, думаемъ мы, достаточно для характеристик отбора, которому были подвергнуты идеи авторовъ, послужившихъ первоисточниками для Наказа.

Наказъ не только, однако, выбираетъ то, что ему кажется подходящимъ, но часто смягчаетъ редакцію заимствуемыхъ положеній. Въ большинствѣ случаевъ, онъ замѣняетъ болѣе безразличными выраженія, въ которыхъ идетъ рѣчь о произволѣ, связанномъ съ той или другою формой правленія,—мѣста, въ которыхъ упоминается о революціи и проч. Наказъ опускаетъ, далѣе,

не искажаетъ мысли Беккариа, но не вполне точенъ. Беккариа пишетъ: „La reunion de la morale et de la politique, est le fondement nécessaire du bonheur des nations: mais des lois qui récompensent la trahison, qui excitent une guerre clandestine et des soupçons réciproques entre les citoyens, s'opposent à cette réunion qui rendroit aux hommes la félicité et la paix, ou au moins des intervalles de tranquillité et de soulagement à leurs maux, plus longs que

ceux dont ils ont jusqu'à présent joui“.

¹ Вес., р. 126.

² Вес., р. 147 и сл.

³ Вес., р. 158.

⁴ Беккариа, пер. С. Заруднаго, стр. 140. Вес. р. 158.

⁵ Наказъ отбрасываетъ, напр., фразу Монтескье въ I. XII, с. 17, абз. 2, „il est très-convenable de la restreindre“, высказанную имъ въ примѣненіи къ допустимости недонесенія, какъ способа учиненія оскорбленія величества.

какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, такія мысли, которыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ русской дѣйствительности, замѣняя выраженія, могущія напомнить о нашихъ порядкахъ, терминами, имѣющими отношеніе къ жизни азіатскихъ государствъ. Но этимъ далеко не ограничиваются измѣненія, вносимыя въ Наказъ.

Прежде всего самое распредѣленіе матеріала въ уголовно-правовой части Наказа значительно удаляется отъ системы его первоисточниковъ, не смотря на то, что иногда этимъ достигается разъединеніе опредѣленій по однороднымъ вопросамъ.

Гораздо интереснѣе для характеристики способа обращенія Наказа со своими источниками тѣ болѣе или менѣе существенныя видоизмѣненія въ нихъ, которыя онъ производитъ. Въ этомъ случаѣ выступаетъ довольно ярко уже то, что можетъ быть отмѣчено въ Наказѣ, какъ проявленіе извѣстной самостоятельности его составителя.

Въ простѣйшихъ формахъ своего проявленія видоизмѣненіе доктрины источниковъ наблюдается въ Наказѣ въ случаяхъ, когда онъ подбираетъ къ тому или другому вопросу рѣшеніе, которое кажется ему болѣе соответственнымъ его ближайшимъ цѣлямъ, не смотря на то, что этимъ путемъ не достигается соглашенія съ другими воспринятыми въ Наказъ началами. Съ примѣромъ такого комбинированія источниковъ мы встрѣчались въ заимствованіяхъ Наказа по вопросу о понятіи естественнаго закона. Конструируя этотъ послѣдній въ смыслѣ закона, соответствующаго «народному умствовованію», Наказъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы рекомендовать въ качествѣ директивовъ для реформы уголовного права начала, совершенно чуждыя тому народу, о созданіи права для котораго идетъ рѣчь.

Примѣромъ такого комбинированія другъ другу противорѣчащихъ источниковъ служатъ въ Наказѣ и тѣ статьи, въ которыхъ онъ ведетъ рѣчь о цѣляхъ наказанія, а равно случаи, гдѣ Наказъ выставляетъ разныя классификаціи преступленій, не опредѣляя въ точности ихъ соотношенія. Въ конечномъ результатѣ получается,

между прочимъ, то, что отдѣльныя нарушенія заносятся въ совершенно несоотвѣтственныя имъ группы.

Иногда Наказъ перерабатываетъ исходные пункты доктрины источниковъ. Примѣромъ такого самостоятельнаго конструирования можетъ служить отношеніе Наказа къ договорной теоріи происхожденія государственнаго союза. Наказъ проходитъ ее совершеннымъ молчаніемъ въ тѣхъ конструкціяхъ, въ которыхъ пользуются ею, напр., Беккарія для обоснованія права наказанія. Наказъ не аргументируетъ, далѣе, въ пользу недопустимости жестокости наказанія тѣми доводами, которые почерпаетъ изъ договорной теоріи Беккарія. Отклоненіе доктрины Наказа отъ его источниковъ проявляется и въ томъ, что вмѣсто соображеній справедливости, на которыя ссылается, напр., Беккарія, Наказъ оперируетъ соображеніями полезности. Нѣкоторые, приводимые въ источникахъ, примѣры Наказъ часто возводитъ въ то же время на степень общихъ тезисовъ.

Наказъ вноситъ въ свои первоисточники и добавленія, въ смыслѣ введенія новыхъ понятій, чуждыхъ авторамъ, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ заимствованія. Съ измѣненіями такого характера мы имѣемъ дѣло, напр., въ томъ случаѣ, когда Наказъ предлагаетъ новую группировку видовъ тюремнаго заключенія при помощи введенія особой формы предварительнаго задержанія для лицъ, относительно которыхъ существуетъ только нѣкоторая видимость того, что они виновны въ преступленіи. Какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, Наказъ старается оправдать это новшество тѣмъ, что тюремное заключеніе будетъ поднято до той степени совершенства, когда можно будетъ предполагать, что оно не принесетъ большихъ лишеній для лицъ, ему подвергаемыхъ.

Дополненія такого характера Наказъ допускаетъ и въ статьяхъ, регулирующихъ религіозныя преступленія. Мы останавливались уже на томъ, какъ въ Наказъ была введена дополнительная статья, призванная сыграть роль *clausula salutaris* для избѣжанія слишкомъ легкихъ наказаній за религіозныя посягательства.

Не всегда дополненія Наказа носятъ, притомъ, узко-политическій характеръ. Мы встрѣчаемъ въ немъ и отличія, вносящія

больше систематичности въ трактованіе соотвѣтственныхъ вопросовъ. По правдѣ сказать, такія дополненія не часты, но имѣютъ все-таки мѣсто, какъ мы это видѣли въ примѣненіи къ статьѣ, проводящей рѣзкую границу между областью уголовного права матеріальнаго и процессуальнаго.

Нѣкоторыя отклоненія отъ первоисточниковъ попадаются иногда въ Наказѣ и случайно. Наказъ не всегда точно отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что утверждаютъ его первоисточники. Мы констатировали такое неправильное пониманіе Наказомъ источниковъ по вопросу о свойствахъ наказанія.

Наказъ, въ заключеніе, и этого не слѣдуетъ пройти молчаніемъ, вводитъ зачастую въ текстъ заимствуемыхъ имъ мѣсть редакціонныя поправки, несомнѣнно уясняющія вопросы, съ которыми онъ оперируетъ. Мы констатировали въ Наказѣ улучшение въ редакціонномъ отношеніи въ примѣненіи къ опредѣленію задачъ уголовного права и условій предупрежденія преступленій. Наказъ, далѣе, точнѣе своихъ первоисточниковъ, очерчиваетъ кругъ тѣхъ условій, при которыхъ можно ждаты успѣшнаго примѣненія наказанія въ качествѣ средства борьбы съ преступностью.

Въ результатъ нашего кропотливаго изученія источниковъ Наказа и способа использованія ихъ этимъ памятникомъ мы создали, думается намъ, положительную почву для сужденія о характерѣ уголовно-правовыхъ постановленій Наказа въ цѣломъ. Выводы наши не могутъ, кажется, быть поколебленными безъ открытія какихъ-нибудь новыхъ данныхъ о томъ, крайне незначительномъ количествѣ статей Наказа, которыя намъ не удалось возвести къ ихъ первоисточникамъ. Но, въ общей сложности, то, къ чему мы пришли, даетъ полное право отнести къ Наказу не какъ къ простому сопоставленію цитатъ изъ трудовъ великихъ реформаторовъ уголовного права, но какъ къ труду, въ которомъ индивидуальность составителя не была подавлена титанамц мысли, возвѣстившему міру истины, которыя еще долго не утратятъ своего значенія для человѣчества.

IV.

Зачатки догматическаго направленія въ русской юриспруденціи и первые опыты научной обработки положительнаго уголовного права.

Условія, выдвигавшія на очередь догматическую обработку русскаго уголовного права.—Русское уголовное право, какъ предметъ занятій западныхъ ученыхъ. Ф. Л. М. Имгоффъ.—Главные теченія въ догматической разработкѣ уголовного права въ Россіи: А. Историко-догматическое направленіе: Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонтъ и Г. Ф. Федоровичъ.—В. Историко-сравнительное направленіе: А. Я. Польшновъ, К. Г. Лангеръ, А. А. Артемьевъ, С. Е. Десницкій.—С. Догматическіе своды законовъ: труды Академіи наукъ, усилія частныхъ лицъ и отдѣльных правительственныхъ учрежденій: Сводныя уможенія, Экстрактъ изъ російскихъ законовъ, Сводъ юстицкой, Указатель наказаній и Описаніе внутренняго російской имперіи правленія.

Естественно-правовыя ученія, укоренившіяся въ русской школѣ середины XVIII в. и перенесенныя съ нѣкоторыми поправками въ духѣ историзма, между прочимъ, и въ область законодательнаго творчества въ право уголовное, не давали, какъ мы видѣли уже изъ предыдущаго, живыхъ ростковъ на русской почвѣ. Оставаясь всегда изолированными, они шли мимо самой жизни и еще больше подчеркивали необходимость, рано или поздно, приступить къ уясненію и систематизаціи дѣйствующаго уголовного права.

Практическая жизнь предъявляла къ юристамъ этого историческаго момента не только требованіе отвѣтить на вопросъ о томъ, какова догма дѣйствующаго уголовного права, но и требованіе дать, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое изложеніе началъ юридическаго строя, которое пригодно было бы для систематическаго изученія его особенностей. Уголовная юриспруденція школы естественнаго права не могла, по самому своему существу, служить этой практической цѣли. Вступленія на путь догматической обработки уголовного права жаждали, однако, не только практики, для которыхъ уясненіе и систематизація дѣйствующаго права были насущной потребностью. И для теоретиковъ, поскольку они стре-

милось создать продукты, пригодные для применения къ жизни, было желательно найти реальную опору въ нормахъ дѣйствовавшаго, а не фиктивного права. Нельзя въ то же время не признать, что уже въ эту эпоху начинаетъ смутно чувствоваться необходимость въ выработкѣ догмы, въ смыслѣ установленія уголовно-юридическихъ институтовъ, проникнутыхъ единствомъ началъ, изъ которыхъ могли бы быть выведены дедуктивнымъ путемъ указанія для отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда можно говорить о такого рода попыткахъ, мы имѣемъ, однако, дѣло скорѣе съ постановкой задачи, чѣмъ съ опытами серьезнаго ея рѣшенія.

Ниже мы познакомимся съ теченіями въ догматической разработкѣ уголовного права, наблюдающимися у насъ въ XVIII в., но уже въ этомъ мѣстѣ должны отмѣтить, что западъ на пути своего научнаго первенства предупредилъ попытки русскихъ ученыхъ. Причиной такого явленія служило, прежде всего, то, что западные ученые успѣли уже заручиться научнымъ методомъ, выработавшимся на почвѣ сравнительно долгаго упражненія, а равно и то, что все усиливавшееся общеніе Россіи съ западомъ вызывало интересъ къ русскому праву. Что касается русскихъ ученыхъ, то, прежде всего, на практическія потребности момента откликнулись ученые силы Академіи наукъ, не только повиновавшіяся инстинктивно чувствовавшемуся теченію, но реально ощущавшія потребность въ догматическомъ изученіи уголовного права, въ частности, для цѣлей преподаванія. Ко второй половинѣ XVIII в. поспѣваютъ въ Россіи дѣятели, не только побывавшіе на западѣ, но и перенявшіе тамъ научныя приемы, которые они стараются примѣнить къ своему родному праву. Назовъ момента откликаются и практики, для которыхъ фактическое состояніе права было совершенно невыносимымъ. Даже для своихъ узко-практическихъ цѣлей примѣненія права имъ нужно было установленіе догмы, отъ котораго они ждали указаній для примѣненія въ жизни соответственныхъ законовъ, бывшихъ не только неполными и неясными, но и неопредѣленными, такъ какъ

не было установлено ихъ отношеніе къ огромному числу старыхъ нормъ, формально не отмѣненныхъ. На этомъ пути практикамъ приходилось создавать собственными усиліями такія сводки, которыя, хотя и не могутъ разсматриваться какъ попытки научныя, преслѣдуютъ тѣмъ не менѣе тѣ же цѣли уясненія и систематизаціи догмы дѣйствующаго уголовного права.

Что касается попытокъ обработки русскаго уголовного права западными учеными, то онѣ осуществляются впервые подъ видомъ сопоставленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича съ правомъ германскимъ и римскимъ. Только послѣ того какъ появляется въ латинскомъ переводѣ полный текстъ Уложенія 1649 ¹ для западныхъ ученыхъ открывается возможность подвергнуть его изслѣдованію, и они не упускаютъ этого случая, затрогивая уголовное право, наряду съ другими сторонами правового уклада Россіи. Первая, насколько намъ извѣстно, попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана Ферд. Лаз. Мавр. Имгоффомъ ². Почти одновременно иностранные ученые изслѣдуютъ и другіе памятники русскаго законодательства, имѣющіе отношеніе къ праву государственному и процессуальному ³.

¹ Еще раньше былъ напечатанъ за- границей латинскій переводъ Судебника 1497 г. подъ заглавіемъ „Ordinationes a Ioanne Basilii, Magno Duce, anno mundi 7006 factae“ въ сочиненіи бар. Герберштейна „Rerum Moscoviticarum commentarij“ въ Вѣнѣ въ 1549 г., но въ формѣ извлеченія. Первымъ полнымъ переводомъ русскаго законодательнаго памятника, пригоднымъ для научной обработки, былъ переводъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича на латинскій языкъ въ трудѣ бар. Mayerberg'a „Iter in Moscoviam“, появляющійся въ 1663 г. Сравнительно скоро Уложеніе выходитъ въ французскомъ переводѣ въ Лейденѣ, а въ началѣ XVIII в. переводится на нѣмецкій и датскій языки.

² Ferd. Laz. Maur. de Imhoff въ сво-

емъ трудѣ „Specimen collationis iuris Moscovitici et communis“, Helmstadii, 1711, появляющемся вторымъ изданіемъ въ 1750 году, пишетъ: „sequemur vero translationem statutorum Domini Tzaris Alexii Michaëlidis latinam quam Augustinus liber Baro de Mayerberg in Germania edidit“. Spec. coll., 1711, Sec. pr., III, p. 7.

³ Одними изъ первыхъ въ этой области появляются работы, посвященныя изслѣдованію титула императора, принятаго Петромъ В., и связанныхъ съ нимъ правъ. Ср. рядъ библиографическихъ указаній по этому вопросу въ трудѣ Pierre le Grand dans la littérature étrangère publié... d'après les notes de M. le comte de Korff.. par R. Minzloff, St. Pet. 1872, p. 395—398.

Трудъ Ферд. Лаз. Мавр. Имгоффа: «Specimen collationis iuris Moscovitici et communis»¹ представляетъ собою диссертацию, написанную съ привлеченіемъ всего ученаго аппарата того времени²; ближайшимъ поводомъ къ ея появленію послужилъ бракъ Алексѣя Петровича съ брауншвейско-люнебургскою принцессою Шарлоттой-Христиной-Софіей³.

Ф. Имгоффъ детально сопоставляетъ уголовное право московскаго государства съ общимъ германскимъ правомъ и брауншвейгско-люнебургскимъ, а также съ римскимъ, имѣя ближайшею цѣлью регистрировать черты сходства и отличія. Въ трудѣ Ф. Имгоффа замѣтна приэтомъ тенденція находить въ большинствѣ случаевъ общія черты въ сравниваемыхъ имъ областяхъ⁴.

За этими трудами слѣдуютъ и болѣе солидныя работы, затрогивающія наряду съ правомъ государственнымъ и область процессуальную. Такимъ трудомъ была, между прочимъ, книга М. Morgenstern'a, *Dissertatio de jure publico Imperii Russorum, imperatrici Annae dedicata, Halis Salicis 1737*. Свѣдѣнія объ этомъ трудѣ мы находимъ у Fromann'a въ его *Structurae de statu scientiarum et artium in imperio Russico, Tüb. 1766*, p. 23. Фроманнъ пишетъ о трудѣ Morgenstern'a: „Tentamen hoc duabus absolvitur sectionibus I-ma quae de notitia imperii agit, cap. I de finibus; II de origine disserit: sectio posterior vero, quae justitiae iniquae scientiam pro objecto habet, c. I justitiam circa formulam; c. II justitiam circa casus fatales; c. III justitiam circa jura sistit“. Fromann, *Op. cit.*, p. 23. Изслѣдованія Моргенштерна намъ не удалось видѣть.

¹ Specimen collationis iuris Moscovitici et communis, quod auspiciis divinis, praeside Georg. Engelbrecht, Icto in hac illustri Julia, professore iuris publ. ordin., collegii Ictorum

h. t. decano, praeseptore ac hospite suo, aetatem deveniendo A. D. XXVIII Novembr. MDCCXI, in Julio maiori publicae eruditorum disquisitioni subiiciet Ferdinandus Lazarus Mauritijs de Imhoff, eques Franconicus, Helmstadii.

² Ф. Имгоффъ пишетъ: „sublimissimae nostrae devotionis testandae gratia constituimus iuris Moscovitici aequitatem, et cum jure tum commune, tum Brunsvico Luneburgico conceptum, quantum pro ingenii tenuitate angustis dissertationis academicae cancellis fieri potest, investigare“, *Spec. coll.*, Sec. pr., I, p. 4.

³ *Spec. coll.*, Sec. I, p. 4.

⁴ Ф. Имгоффъ пишетъ, напр., „Quoad praecognita jurisprudentiae, notitiam scilicet finis, descriptionis, principiorum, et divisionum juris, jus Moscoviticum etiam juri Romano, eximie concordare videtur. Finis enim jurisprudentiae, uti notum, est justitia, constans illa ac perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi. Hanc vero unice intendere Statuta Moscovitica Domini Tzaris Alexii Michaelidis, veprooemium eorundem satis prodit, verl

Ф. Имгоффъ начинаетъ съ краткой исторіи московскаго права, приче́мъ пользуется для составленія ея данными, сообщаемыми Сигизм. Герберштейномъ ¹, и сравниваетъ русское законодательство съ правомъ западнымъ, прежде всего, по отдѣламъ: «De jure personarum» ², «De jure regum» ³, «De judiciis et processu» ⁴. Отдѣлъ «de delictis» ⁵ посвященъ уголовно-правовымъ постановленіямъ московскаго права и приуроченъ къ части труда, трактующей о контрактахъ.

Въ этой послѣдней области Ф. Имгоффъ начинаетъ, прежде всего, съ «juris communis et Moscovitici harmonia» ⁶), переходя затѣмъ къ отличіямъ. Онъ отмѣчаетъ, напр., примѣнительно къ раздѣленію кражи, что «jus Moscoviticum nemesi Carolinae respondere videtur», имѣя въ виду С.С.С. art. 157, 159, 161, 162 и statuta Moscovitica, с. XXI, § 9, 10, 12 и 13, но тутъ же подчеркиваетъ онъ и отличительныя черты ⁷. Самыя наказанія за кражу по Уложенію Ф. Имгоффъ описываетъ, руководствуясь Олеаріемъ ⁸. Изъ отдѣльныхъ преступленій Ф. Имгоффъ останавливается, между прочимъ, на разбоѣ—гаріна ⁹, богохуленіи ¹⁰, государственныхъ преступленіяхъ ¹¹ и на вопросѣ о вредѣ, причиненномъ животными ¹². Въ преступленіяхъ плотскихъ Ф. Имгоффъ

bis notabilibus sine ulla prorsus supremi, vel imi status differentia jus et justitia equaliter administretur“... Sec. pr., VI, p. 13. Авторъ отмѣчаетъ также, что какъ и римское и „jus Moscoviticum in publicum, et privatum, scriptum et non scriptum haud incongrue dispesci poterit. Ita enim peculiare tribunal constitutum est Russico sermone Posolscoi Pricas vocatum, ad quod negotia statum reipublicae concernentia pertinent“. Sec. pr., VI, p. 13.

¹ Sec. pr., IV, p. 7—8.

² Sec. sec. Ф. Имгоффъ трактуетъ здѣсь „de servis“, „de patria potestate et nuptiis.“

³ Sec. ter. посвящена вопросамъ „de

rerum divisionibus et iuribus in re“, „de contractibus et delictis“.

⁴ Sec. qu.

⁵ Sec. ter., membr. II, §§ 4—9.

⁶ Sec. ter., IV, p. 49.

⁷ Sec. ter., IV, p. 49.

⁸ Sec. ter., IV, p. 50.

⁹ Sec. ter., V, p. 51 seq.

¹⁰ „Vindicatur blasphemia, пишетъ Ф. Имгоффъ, poena capitali tam jure Divino, quam civili, quin et jure imperii. Concordant Statuta Moscovitica“. Sec. ter., membr. II, IV, p. 54.

¹¹ Ibid., p. 55.

¹² Ф. Имгоффъ пишетъ: „Hodie non solum in illis locis ubi jus Saxonicum viget, sed etiam secundum uni-

констатируетъ значительныя отличія права московскаго отъ общаго ¹. Въ отдѣлѣ объ убійствѣ онъ трактуетъ и вопросы о формахъ виновности и необходимой оборонѣ. «Homicidium, пишетъ Ф. Имгофъ, aliud esse necessarium, aliud casuale, aliud culposum, aliud dolosum constat. Necessarium consistit in moderamine inculpatae tutelae, indeque extra poenam est» ². Послѣ изложенія постановленій общаго права по всѣмъ этимъ видамъ убійства Ф. Имгофъ отмѣчаетъ, что московское право въ отличіе отъ германскаго не знаетъ квалифицированныхъ видовъ смертной казни за тяжкіе случаи убійства. Онъ пишетъ: «jure veto Moscovitico indistincte poena mortis nulla exasperatione addita, tam in simplex, quam in qualificatum homicidium statuta esse videtur» ³. Но тутъ же онъ спѣшитъ добавить, что имѣются у московскаго права и соприкасающіяся съ общимъ правомъ черты: казнь беременной, напр., не подлежитъ исполненію до родовъ ⁴. Однородныя параллели Ф. Имгофъ проводитъ и по отношенію къ falsum, видами котораго считаетъ выдѣлку фальшивой монеты, поддѣлку царской печати (sigilla Tzaris), поджогъ и проч. ⁵.

Излагая постановленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ институціонной системѣ, Ф. Имгофъ впервые примѣняетъ къ русскому праву приемъ расположенія законодательнаго матеріала въ видѣ, облегчающемъ его усвоеніе. Сравнительный же характеръ изложенія разсчитанъ на то, чтобы подвести опредѣленія Уложенія подъ тѣ конструкціи институтовъ права уголовнаго, которыя хотя

versalem Germaniae consuetudinem licet pignorare pecudes alienas damnum inferentes, neque prius dimittere, quam si damnum cum alimentis a dominis pecudum fuerit restitutum, vel eo nomine cautio praestita. Quae res omnis ex antiquissimis Germaniae institutis fluxisse videtur. Concordat jus Moscoviticum, (cap. X, 208, 209). Quod si contra naturam ex lascivia, pavore, aut feritate pecudes damnum dant, actio de pauperie competit, non solum ei, qui damnum passus est;

sed et ejus heredibus adversus dominum pecudis, aut ejusdem possessores, ad id, ut aut animal noxae datur, aut damnum aestimatione ejus sarciatur...“ Sec. ter., membr. II, V, p. 52 seq.

¹ Sec. ter., membr. II, VII, p. 57.

² Sec. ter., membr. II, VIII, p. 57.

³ Sec. ter., membr. II, VIII, p. 58 съ ссылкой на С. XXII, §§ 1 и 2 и слѣд., §§ 17, 19, 23 и 26.

⁴ Ibid.

⁵ Sec. ter., membr. II, IX, p. 58 seq.

и принадлежать праву римскому, но вошли на западъ къ этому моменту въ ученый обиходъ и являлись понятіями, подъ которыми юриспруденція того времени воспринимала всѣ особенности многочисленныхъ мѣстныхъ законодательствъ. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ работѣ Ф. Имгоффа попытку не только изложить въ научной системѣ постановленія Уложенія, но и подвести ихъ подъ определенную юридическую конструкцію. Всѣ особенности Уложенія, по замыслу автора, должны были при такомъ характерѣ изложенія выступить съ значительной рельефностью. Другой, конечно, вопросъ, поскольку то, что излагалъ Ф. Имгоффъ, являлось догмой дѣйствовавшего въ Россіи уголовного права. Ко времени появленія его труда, т. е. къ 1711 году, постановленія Уложенія были въ значительной степени измѣнены позднѣйшими законодательными актами, но матеріалъ этотъ былъ недоступенъ для Ф. Имгоффа. Во всякомъ случаѣ обстоятельство это не умаляетъ значенія труда Ф. Имгоффа, составленнаго съ большою осторожностью и тщательностью.

Попытки научнаго конструированія догмы русскаго уголовного права, не достигая, въ общемъ, такой зрѣлости, какъ трудъ Ф. Имгоффа, начинаются у насъ съ половины XVIII в. Мы встрѣчаемся въ этихъ первыхъ ученыхъ опытахъ, прежде всего, съ двумя теченіями. Одно изъ нихъ стоитъ на почвѣ историческаго изученія догмы русскаго уголовного права. Оно стремится выяснить определенія дѣйствующаго права при помощи установленія тѣхъ формъ, которыя пережило оно въ прошломъ. Историческій элементъ играетъ въ этихъ попыткахъ роль пріема для лучшаго истолкованія догмы русскаго уголовного права. Другое теченіе въ догматической разработкѣ русскаго уголовного права избираетъ историко-сравнительный пріемъ изложенія. Стремясь въ конечномъ результатѣ къ систематическому расположенію дѣйствующаго права, оно старается объяснить отдѣльныя особенности русскаго уголовного права не только изъ историческихъ формъ нашего законодательства, но имѣетъ въ виду самое его содержаніе поставить въ связь съ определенными историческими условіями, вызывающими его особенности.

Третье течение в догматической разработке уголовного права было представлено трудами юристов практиков. Они избирали иногда чисто внешние признаки отдельных законодательных постановлений для систематизирования материала действующего права, иногда комбинировали хронологическое изложение разрозненных определений с разделением законодательных материй по предметам ведомств отдельных государственных учреждений. Попытки эти в научном отношении представляются, конечно, неизмеримо менее ценными; в большинстве случаев, мы имеем в них систематизацию, подсказанную чисто внешними признаками, но не нужно забывать, что труды эти являлись теми формами, в которых отливается законодательный материал для цели не только его применения, но и усвоения его практиками, а потому и сыграли значительную роль в качестве попытки подойти к изучению догмы права. В то время как первые два течения в научной разработке догмы русского уголовного права ограничивались, в большинстве случаев, одной постановкой задачи, труды юристов-практиков сослужили действительную службу в качестве приема изучения действовавшего права.

А. Историко-догматическое направление нашло своего первого представителя в недрах Академии наук, которая прилагала усилия к тому, чтобы создать первое руководство по русскому праву. Как ни скромна оказалась эта попытка, как ни печальна была судьба, постигшая ее, все обстоятельства эти не отнимают у нее известной доли значения. Приступить к разработке начатой нивы русского правоведения пришлось преемнику Бекенштейна по кафедре юриспруденции в Академии Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонту.

Этому ученому, испившему до дна горькую чашу непризнания его заслуг со стороны членов Академии, не суждено было и впоследствии получить справедливой оценки. Не только ближайшая поколения не вспоминали с благодарностью его имени, но и безпристрастный суд историков Академии, равно как и новейшие критики не отводили ему места, по праву им заслуженного.

Высоко-авторитетный историк Академии П. Пекарский не далек от

мысли, что Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонтъ былъ лицомъ, не имѣвшимъ никакого права на ученныя почести, и попалъ въ члены этого учрежденія въ силу своей близости къ всецильному въ ту пору Бирону ¹. Труды Штрубе въ области русскаго права далеко межъ тѣмъ не лишены цѣны по своему времени и, если бы не безусловно отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны членовъ Академіи, они сыграли бы болѣе значительную роль въ догматической разработкѣ нашего права.

Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонтъ ² родился въ 1704 году († 1790);

¹ П. Некарскій, Ист. имп. Академіи наукъ въ Петербургѣ, т. I, стр. LXII.

² Біографическія данныя о Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонтѣ см. Мат. для исторіи И. А. Н., т. 6, Исторія Академіи наукъ Г. Ф. Миллера съ продолж. Шриттера, Сиб. 1890, стр. 471 и сл., 493 и сл. и 608; Мат., т. 3, стр. 504 и слѣд.; Мат., т. 10, 1900, стр. 56, 151, 259, 565, 440 и др.; Мат., т. 4, 1887, стр. 207, 482, 575; стр. 242 и сл.; Мат., т. 7, стр. 215, 566, 722; Мат., т. 8, стр. 488, 142 и сл., 144 и сл., 156 и сл.; Мат., т. 9, стр. 156, 290, 615, 630, 597, 667. Г. Ф. Миллеръ говоритъ о Штрубе, что до назначенія въ Академію 4 сент. 1738 г. онъ состоялъ секретаремъ герцога курляндскаго, S. 471. 22 сент. того же года съ Штрубе заключенъ былъ контрактъ на 5 лѣтъ, S. 472. Вскорѣ, повидимому, Штрубе отправляется съ посломъ гр. Чернышевымъ въ Берлинъ съ оставленіемъ въ Академіи и съ тѣмъ, по словамъ Миллера, чтобы „dasjenige, was ihm in puncto der Wissenschaften wird auferlegt werden, mit allem fleiss thun sollte“, S. 608. Ср. также Мат., т. 7, стр. 722. Первое время Штрубе оставляется, однако, въ Петербургѣ. Въ 1739 году, напр., онъ назначается для присутствованія на экзаменѣ кадетъ, Мат., т. 4, стр. 242 и слѣд.

Подъ 23 февр. 1741 г. мы находимъ свѣдѣнія объ увольненіи Штрубе изъ Академіи, причемъ въ то же время предполагалось производить ему вознагражденіе въ размѣрѣ 200 рублей въ годъ за то, „что онъ, будучи въ Копенгагенѣ, академическія дѣла отпавлять будетъ“, Мат., т. 4, 1887, стр. 575. Онъ скоро, однако, вернулся оиять въ Берлинъ, Мат., т. 7, стр. 215. Находясь вдали отъ Академіи, Штрубе не могъ выполнить принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Это видно уже изъ того, что въ 1745 году вознагражденіе Штрубе доведено условно до 100 р., Мат., т. 7, стр. 566. 22 іюня 1747 г. Штрубе показанъ въ числѣ почетныхъ членовъ Академіи, Мат., т. 8, стр. 488. Этотъ періодъ пребыванія Штрубе въ Академіи былъ, повидимому, наименѣе плодотворнымъ для его научныхъ работъ, такъ какъ онъ былъ отвлеченъ дипломатическими порученіями. Историкъ Академіи Г. Ф. Миллеръ пишетъ о судьбѣ Штрубе въ Берлинѣ и Копенгагенѣ: „weilen der minister sich nicht über ihn beschweret, so ist zu schliessen dass er .. das seinige zum nutzen des hiesigen reichs durch seine geschicklichkeit, die er in politischen wissenschaften erworben, werde beigetragen haben“. Мат., т. 6, стр. 608.

Объ ученыхъ трудахъ Штрубе мы читаемъ въ Исторіи Академіи наукъ

онъ былъ ганноверцемъ и учился въ Гамле; въ сент. 1738 г. онъ назначается на кафедру юриспруденціи и политики въ Академіи ¹.

Первый годъ своего пребыванія въ Академіи Ф. Г. Штрубе-де-Ширмонтъ былъ отвлеченъ дипломатическою службою при гр. Чернышовъ въ Берлинъ и Копенгагенъ и принятое имъ на себя обязательство «...zum nutzen der studirenden jugend ein sistema, so in seine ihm aufgetragene profession läufft, zu schreiben...», оставалось неисполненнымъ ². Что касается его лекцій, то и онъ не пользовался успѣхомъ. Повидимому, къ этому времени относится неблагоприятный отзывъ его слушателей о его чтеніяхъ. Группа студентовъ обратилась въ Академію съ ходатайствомъ освободить ихъ отъ обязанности посѣщенія лекцій Штрубе. «Есть изъ оныхъ лекцій три, писали они, а именно: господъ профессоровъ Вингейма, Штруба и Леруи, къ которымъ мы не единой охоты, ни склонности не имѣемъ, такъ что оныя у насъ и отъ прочихъ лекцій, къ которымъ мы и склонность имѣемъ, всю охоту отнимаютъ» ³).

Г. Ф. Миллера съ продолж. Шприттера, напечат. въ Мат. для ист. И. А. Н. т. 6, Спб. 1890 г., стр. 493 и слѣд. Здѣсь упоминаются работы, „Vom nutzen der schauspiele zur mässigung der menschlichen neigungen“, „Von den stummen schauspielen bei den alten“ и „Von dem unterschiede zwischen witz und urtheil“, Мат., т. 6, стр. 493. 23 марта 1739 года Штрубе передалъ въ Академію свои „Recherches nouvelles sur l'origine et les fondements du droit de la nature“, по словамъ Г. Ф. Миллера, и въ слѣдующемъ, т. е. 1740 году, они были напечатаны на 356 страницахъ при Академіи, *ibid.*, стр. 494. Г. Ф. Миллеръ пишетъ объ ученыхъ трудахъ Штрубе, что онъ оставилъ много матеріала въ области исторіи литературы, сдѣлалъ любопытныя заключенія объ откровеніяхъ души, перевелъ на латинскій языкъ „Recher-

ches nouvelles“ со многими исправленіями и составилъ для употребленія въ академической гимназій учебникъ логики, *ibid.*, стр. 608. Ср. по вопросу объ его учебникѣ логики, Мат., т. 4, стр. 482. Мы не нашли указаній, чтобы этотъ учебникъ вышелъ въ свѣтъ и имѣемъ только свидѣтельство, что трудъ этотъ требовался гимназическимъ начальствомъ какъ раньше рекомендованій. Свѣдѣнія о научныхъ трудахъ Штрубе по естественному праву и политикѣ, ср. у П. Пекарскаго, Ист. И. А. Н. въ Петербургѣ, т. I, стр. 671.

¹ Подъ 22 сент. 1738 г. мы находимъ свѣдѣнія о замѣщеніи Штрубе „... порозжаго мѣста профессора юриспруденціи и политики“. Матер. для ист. Акад., т. 3, стр. 804 и сл.

² Мат. для ист. Акад., т. 3, стр. 804 и слѣд.

³ Мат., т. 4, стр. 207.

Болѣе плодотворной становится дѣятельность Штрубе послѣ вторичнаго его поступленія въ Академію¹ въ 1746 году. Наученная прошлымъ Академія точнѣе регламентруетъ отношенія къ ней Штрубе², возлагая на него, между прочимъ, обязанность читать лекціи, которыя опредѣлитъ Академія³. На Штрубе вскорѣ (19 апр. 1748) было возложено порученіе «изъяснить натуральныя и народныя права»⁴. Проблеммы естественнаго права мало, однако, занимали Штрубе и вскорѣ онъ предложилъ, заняться составленіемъ руководства къ россійскимъ правамъ⁵. Академія приняла предложеніе Штрубе, освободила его отъ несенія нѣкоторыхъ обязанностей и удовлетворила его ходатайство о дополнительномъ жалованіи⁶. Трудная работа, которую принялъ на себя Штрубе, если бы даже была ему по силамъ, требовала времени. Но не

¹ Мат., т. 8, стр. 142 и слѣд.

² Объ условіяхъ контракта съ Штрубе отъ 1-го іюля 1746 г., Мат., т. 8, стр. 142, 144, 156 и слѣд.

³ Мат., т. 8, стр. 144 и сл.

⁴ Подъ 19 апр. 1748 г., Мат., т. 9, стр. 156. Трудно сказать, читалъ ли дѣйствительно эти лекціи Штрубе въ 1748 году, такъ какъ въ Каталогѣ лекцій на 1748 г. мы застаемъ Штрубе, объявившимъ курсъ историческаго содержанія, Мат., т. 9, стр. 290 и 630. Объ усиѣхѣ историч. лекцій Штрубе ср. Мат., т. 9, стр. 615. Указанія на историческій характеръ чтеній Штрубе ср. М. Сухомлиновъ, Ист. Рос. Академіи, Спб. 1875, в. 2, стр. 15. По даннымъ, приводимымъ у П. Пекарскаго, Ист. И. А. Н. т. I, стр. 677 и сл., Штрубе въ объявленіяхъ къ своему курсу 1748 года писалъ: „что еще не могу пользоваться такимъ щастіемъ, чтобы правы и законы Россійской имперіи, которымъ въ рассужденіи ихъ справедливости никакихъ другихъ предпочестъ нельзя, имѣть въ одной книгѣ собранныя, и надлежащимъ порядкомъ расположенныя (чего желать весьма бы

надлежало); то между тѣмъ въ публичной аудиторіи, ... буду обучать и изъяснять первыя основанія натурального права. Ср. также Д. Толстой, Акад. унив. 1885, стр. 20.

⁵ 10 дек. 1748 г. Штрубе вошелъ въ Академію съ доношеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, что „...въ заключенномъ... съ нимъ контрактѣ точными словами изображено, что ему быть профессоромъ гражданской, и притомъ публичной и натуральной юриспруденціи. „А понеже де въ Россійской имперіи гражданского права древнихъ римлянъ или и какого другого народа юношеству публично изъяснять неприлично, и слѣдовательно положенная на него должность касается наипаче гражданской юриспруденціи, поколику она въ однихъ россійскихъ правахъ упражняется. Но сей де должности совершенно исполнять невозможно, ежели напередъ сочинено не будетъ краткое руководство къ россійскимъ правамъ, которое бы, какъ учащіе, такъ и учащіеся во основаніе ихъ упражненія полагать могли...“ Мат., т. 9, стр. 597.

⁶ Мат., т. 9, стр. 667.

отдавая себѣ отчета во всѣхъ этихъ трудностяхъ, Академія не проявляла особаго терпѣнья, и ея отношеніе къ Штрубе по вопросу о требованіи окончанія начатаго имъ труда даетъ намъ немало интересныхъ данныхъ для характеристики ея обращенія съ трудолюбивымъ научнымъ работникомъ. Академія требовала, напр., отъ Штрубе ежемѣсячныхъ отчетовъ о ходѣ работы. «А что имъ въ сочиненіи объявленнаго руководства къ російскимъ правамъ прошлаго 1748 году декабря отъ 14 числа понынѣ сдѣлано, оное объявить ему въ канцеляріи, да и впредь по прошествіи каждаго мѣсяца, что сдѣлано будетъ, въ канцеляріи объявлять неотмѣнно»¹. Къ 11-му января 1750 г. Штрубе подалъ начало своего сочиненія, хотя и въ черновомъ видѣ, въ канцелярію². Самый трудъ былъ написанъ Штрубе по нѣмецки и переводился академическими переводчиками на русскій языкъ³. Представленію окончанія труда Штрубе предшествовалъ натискъ академической канцеляріи. 18 іюня 1750 г. Штрубе категорически предписывается, «чтобы онъ то, что сочинилъ, немедленно подалъ въ канцелярію для переводу...»⁴.

Руководство, составленное Штрубе, не имѣло успѣха. Въ протоколѣ академической канцеляріи зарегистрировано постановленіе слѣдующаго содержанія: «А что имъ, г. Штрубе, того руководства сочинено... понеже при точнѣйшемъ разсмотрѣніи оказалось, что эта книга сочинена не тѣмъ образомъ, какъ онъ обѣщался и ее назвалъ, т. е. краткимъ руководствомъ, ибо въ оной ничего болѣе не учинено, какъ только что подъ краткими заглавіями расположены матеріи и содержанія указовъ, регламентовъ и прочаго во всемъ ихъ пространствѣ отъ слова до слова... почему упомянутая его книга къ тому намѣренію, для котораго приказано было ему оную сочинять, т. е. російскому юношеству вмѣсто краткаго

¹ Мат., т. 10, Спб. 1900, стр. 56.
Съ однимъ изъ такихъ сообщеній мы имѣемъ дѣло въ рапортѣ Штрубе отъ 1 ноября 1749 г., Мат., т. 10, стр. 151.

² Мат., т. 10, стр. 259.

³ Мат., т. 10, стр. 259 и 265.

⁴ Мат., т. 10, стр. 440.

руководства, явилась неспособною» и «... оную въ печать произвести за излишнее признано...»¹.

Самое руководство Штрубе хранится нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи наукъ въ спискѣ 1750 года². Последнее можно съ достовѣрностью утверждать только въ отноше- ніи къ первой книгѣ.

«Краткое руководство къ російскимъ правамъ», составленное Штрубе, распадается на двѣ книги. Первая изъ нихъ обнимаетъ общую часть и отдѣлы: «О правахъ касающихся до персонъ» и «О правахъ касающихся до имѣнія». Вторая книга посвящена вопросу «О публичномъ правѣ».

Изъ первой книги руководства Штрубе для насъ, пред- ставляетъ наибольшую цѣнность то, что онъ выдѣляетъ въ общую часть, присваивая ей названіе «О правахъ и законахъ вообще, такъ же о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ».

Въ эту общую часть Штрубе не вноситъ такихъ институ- товъ, которые присущи всѣмъ видамъ разсматриваемыхъ имъ правъ, и помѣщаетъ въ ней только вопросъ о соотношеніи законовъ и науки права и отдѣлъ о толкованіи и примѣненіи законовъ на практикѣ. Содержаніе этой части тѣмъ интереснѣе, что обнаруживаетъ намъ взглядъ Штрубе на право положительное и на догму права, а вмѣстѣ съ тѣмъ отграничиваетъ ее отъ нормъ права естественнаго.

Право и законъ выступаютъ у Штрубе синонимами. «Слово право, пишетъ Штрубе, ... значитъ сходство всякаго моральнаго или свободнаго дѣйствія со всеобщимъ человѣческимъ сохраненіемъ и благополучіемъ: и въ томъ разумѣ есть тожъ, что сходство онаго

¹ П. Пекарскій, *Op. cit.*, т. 1, стр. 683. Любопытно, что пользовав- шійся П. Пекарскимъ въ изложеніи этихъ обстоятельствъ М. Владимірскій-Будановъ, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в., Яр. 1874, стр. 185, приписываетъ составленіе означеннаго руководства Бекенштейну.

² Штрубе, Краткое руководство къ російскимъ правамъ, списано въ 1750 году in folio въ двухъ переплетахъ. Рукописное отд. библіотеки Академіи наукъ, № 98. Переводъ былъ сдѣланъ академическимъ переводчикомъ Васи- ліемъ Лебедевымъ.

дѣйствія съ законами» ¹. Въ то же время онъ добавляетъ: «черезъ слово законъ разумѣются... тѣ правила, которыя людямъ въ обществѣ живущимъ черезъ главу того общества даются..., чтобъ по нимъ располагать и вершить всѣ ихъ дѣла, какъ чтобъ оныя со всеобщимъ сохраненіемъ и благополучіемъ согласны были» ². Не вся, однако, область правъ и не всѣ законы однородны по характеру своему. Всѣ законы соединены «съ нѣкоторою силою, которая именуется обязательствомъ». Но это послѣднее бываетъ двухъ родовъ. «Ежели сіе обязательство происходитъ отъ довольнаго познанія добра, которое законы повелѣваютъ, или зла, кое оныя запрещаютъ, называется оно внутреннимъ и является черезъ совѣсть». Такой «внутренній» видъ обязательства «въ безбожныхъ многократно теряетъ свою силу». Въ виду этого возникаетъ потребность во «внѣшнемъ обязательствѣ», которое имѣетъ цѣлью «чтобъ законы внѣшнимъ побуждающимъ средствомъ произвѣсть въ дѣйство, и для того, когда они что повелѣваютъ или запрещаютъ, присоединены бываютъ строгія уложенія и наказанія» ³.

Область права и закона въ обширномъ смыслѣ и помимо этого дѣленія можетъ быть расчленена на отдѣльныя категоріи. «Законы, пишетъ Штрубе,... различаются... отчасти законодателемъ, отчасти дѣлами, до которыхъ они касаются, а отчасти и образомъ, какъ оныя объявляемы бываютъ» ⁴.

По «различію законодателей», Штрубе различаетъ право натуральное, божеское и гражданское. Натуральное право «есть общее всѣмъ людямъ». Право божеское «въ правовѣрныхъ государствахъ исполнять должно». Наконецъ, право гражданское это законы, «которые въ гражданскихъ обществахъ находятся и черезъ главы оныхъ даются» ⁵.

Что касается раздѣленія правъ и законовъ въ зависимости «отъ дѣлъ до коихъ оныя касаются», то здѣсь должно различать

¹ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. I, § 10.
гл. I, § 1.

² Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. II, § 1.
гл. I, § 2.

³ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. II, § 2.

⁴ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1,

⁵ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1,

«такіе, которые касаются непосредственно до пользы всего государства, или главы онаго» — т. е. «государственные» и такіе, которые «касаются непосредственно до собственной пользы каждаго члена общества» — т. е. «земскіе или народныя»¹.

По «образцу ихъ объявленія», Штрубе различаетъ «законы, которые... во всѣхъ добропорядочныхъ государствахъ на письмѣ... сообщаются» и «обыкновенія», которыя «за дѣйствительныя законы почитаются, для того, что оныя не только государственной пользѣ приличны, но притомъ и самими главами общества... позволяются»...².

Но если такова область «правъ» и «законовъ», то отъ нея должно отличать «юриспруденцію». Подъ послѣдней Штрубе разумѣть: «науку, которая учитъ насъ, какъ права и законы точно разумѣть и употреблять въ дѣлахъ, до которыхъ оныя касаются»³. Для достиженія этой цѣли юриспруденція пользуется услугами «тѣхъ частей философіи, по которымъ познаемъ мы силы человеческого разума и воли». Подъ ними Штрубе разумѣть логику и правовѣдѣніе, «которое заключаетъ въ себѣ натуральное право и политику». Но «юриспруденція» должна пользоваться и исторіей, «по которой намъ извѣстно бываетъ не токмо состояніе и нравы тѣхъ земель и народовъ, которымъ права и законы даются, но и самое ихъ начало и причины съ разными ихъ переменами»⁴.

Штрубе понимаетъ, такимъ образомъ, существующій правовой укладъ въ странѣ какъ проявленіе законовъ «гражданскихъ» прежде всего. Надъ ними стоитъ «натуральное право», которое дѣйствительно настолько, поскольку оно не отмѣнено «правомъ гражданскимъ». На этомъ пути Штрубе отмѣчаетъ, что тѣхъ «гражданскихъ законовъ», «которые нѣчто строгое или непріятное въ себѣ содержатъ, не должно почитать за противныя натуральному праву,

¹ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. II, § 3.

² Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. II, § 4.

³ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. IV, § 1.

⁴ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. IV, § 3.

когда сія строгость необходимо нужна, и когда отъ намѣренія и дѣйствія закона отдѣлена быть не можетъ»¹. Становясь на точку зрѣнія обязательности положительнаго закона и его преимущественнаго значенія передъ закономъ «натуральнымъ», Штрубе допускаетъ возможность примѣненія послѣдняго только въ формѣ субсидіарной. Онъ пишетъ: «какъ скоро приключатся такія обстоятельства, при которыхъ члены общества ожидаемой отъ онаго пользы получить не могутъ, то употребленіе натуральной вольности позволяется». На этомъ только основаніи онъ и допускаетъ оборону².

Наука права или «юриспруденція», съ точки зрѣнія Штрубе, подвергается обработкѣ и «право гражданское», уясняя его и систематизуя, и «право натуральное». Въ первомъ случаѣ приходится прибѣгать, прежде всего, къ исторіи для пониманія сущности закона, его причинъ и «перемѣнъ». Практически эта цѣль достигается при помощи толкованія, видами и оттѣнками котораго Штрубе внимательно занимается³. Для изученія «натуральнаго права» приходится прибѣгать къ помощи «логики» и «нравоученья».

Намѣтивъ совершенно раздѣльно эти задачи въ обработкѣ права, Штрубе посвящаетъ свое вниманіе выясненію русскаго «гражданскаго» права, т. е. права положительнаго, выставляя, притомъ, начало, что послѣднее можетъ быть объяснено и понято только при помощи историческаго толкованія его постановленій.

Говоря уже въ общей части своего труда «о законахъ», Штрубе посвящаетъ въ ней цѣлую главу вопросу «о правахъ и законахъ сея імперіи»⁴, въ которой даетъ обзорѣніе источниковъ русскаго права: Договоровъ съ греками, Судной грамоты Ярослава, Судебника, Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Новоуказныхъ статей и проч. Въ особенной же части своей системы Штрубе старается выдѣлить изъ нея то, что не является правомъ дѣйствующимъ; и объяснить настоящее прошедшимъ. Вся особенная часть проник-

¹ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. V, § 2.

² Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. V, § 3.

³ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. V, §§ 5—6, §§ 8—9, § 12.

⁴ Штрубе, Руководство, кн. I, ч. 1, гл. III.

пута у Штрубе духомъ изученія положительнаго права при помощи историческаго приѣма ¹.

Уголовному праву въ своей историко-догматической работѣ по русскому положительному праву Штрубе отводитъ весьма видное мѣсто. Чтобы понять, однако, соотношеніе уголовного права съ остальными частями системы, намъ придется нѣсколько охарактеризовать приѣмы Штрубе по расположенію матеріала права.

Какъ мы видѣли уже, въ первой книгѣ своего «Руководства» Штрубе помѣщаетъ часть общую и отдѣлы: «О правахъ касающихся до персонъ» и «О правахъ касающихся до имѣнія». Вторая книга «Руководства» посвящена всецѣло праву «публичному» ².

Первая часть послѣдней трактуетъ вопросъ «О должностяхъ касающихся до императорскаго величества», вторая — «Объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ» и пр., третья — «О военныхъ дѣлахъ» и послѣдняя четвертая — «О правахъ касающихся до суда». Вопросы матеріальнаго уголовного права входятъ у Штрубе при такомъ распредѣленіи, главнымъ образомъ, въ первую часть его «Руководства» и въ четвертую. Штрубе не выдѣляетъ уголовного права въ самостоятельный отдѣлъ и, въ согласіи со всѣмъ прошедшимъ нашего правосознанія, подходитъ къ нему со стороны процессуальной.

Опредѣляя положеніе главы государства, Штрубе полагаетъ, что въ этомъ же мѣстѣ должно помѣстить и тѣ постановле-

¹ Въ 1749 году Штрубе доноситъ въ академическую канцелярію, что онъ занимается выписками изъ сборниковъ печатныхъ указовъ, разсматриваетъ законы Ярослава и „сноситъ“ Кормчую съ Номоканономъ, П. Пекарскій, Ор. cit., т. I, стр. 679. Въ томъ же году Штрубе увѣдомляетъ академическую канцелярію, что ему „потребна исправная копія законовъ великой княгини Ольги и в. к. Владиміра изъ Степенной книги и изъ другихъ лѣтописцевъ“ и спрашивается о томъ, „извѣстны ли и имѣются ли еще какіе другіе старинные російскіе законы, изданные прежде и послѣ Судебника царя и в. к. Иоанна Васильевича“... П. Пекарскій, Ор. cit., т. I, стр. 680 и сл.

² Окончены эти книги Руководства Штрубе были, повидимому, только въ 1753 году, такъ какъ извѣстно, что только въ это время онъ присоединилъ къ своему труду „Гражданскихъ правъ часть вторую объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ коллегіяхъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ Россійской имперіи и о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ, также и о прокурорскомъ чинѣ“. Ср. П. Пекарскій, Ист. Акад., т. I, стр. 683.

нія, которыя создаютъ для него усиленную уголовную охрану. Цѣлая глава этой части посвящена нарушеніямъ правъ государя, носящимъ уголовно-правовой характеръ. Расчленяя ихъ на отдѣльныя категоріи, Штрубе придерживается системы Уложенія 1649 г. Мы встрѣчаемъ у него въ этомъ отдѣлѣ законодательныя опредѣленія, касающіяся «1) до государственнаго здоровья и чести, 2) до бунта и измѣны, 3) до поддѣльванія государственныхъ грамотъ и печатей, 4) до дѣланія воровскихъ денегъ»¹, т. е. группы дѣяній, примыкающія къ Уложенію и очень близко подходящія къ тому, что мы видѣли въ своемъ мѣстѣ въ Проектахъ уголовного уложенія 1754—1766 г.г. Такое совпаденіе приэтомъ далеко не случайно, такъ какъ Штрубе былъ не далеко отъ руководителей Комиссіи 1754 г. Въ этомъ же мѣстѣ своего руководства Штрубе помѣщаетъ отдѣлъ: «О доносахъ о великихъ дѣлахъ» съ ссылками на Уложеніе и позднѣйшіе указы².

Весь остальной уголовно-правовой матеріалъ размѣщенъ Штрубе въ четвертой части «Руководства» въ отдѣлѣ «О правахъ касающихся до суда»³, причемъ отдѣльныя преступленія группируются по ихъ подсудности.

Въ главѣ II «О разныхъ судахъ въ Россійской имперіи» Штрубе говоритъ о подсудности судовъ и тутъ же останавливается на изложеніи законодательныхъ опредѣленій о дѣлахъ «богохульныхъ, еретическихъ, раскольничьихъ, волшебныхъ, недоумѣнныхъ бракахъ..., принуждаемыхъ бракахъ» и проч. Здѣсь же онъ, въ отступленіе отъ принятой имъ системы, говоритъ о половыхъ преступленіяхъ, относимыхъ имъ къ подсудности судовъ свѣтскихъ⁴.

¹ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. I, гл. IV.

² Штрубе, Руководство, кн. II, ч. I, гл. V.

³ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. I трактуетъ „О судахъ вообще“, гл. II „О разныхъ судахъ въ Россійской имперіи, гл. III „О дѣлахъ въ судахъ судимыхъ, и особливо о обидахъ и преступленіяхъ“, гл. IV „О

таможенномъ и вексельномъ судѣ“, гл. V „О формѣ суда“, гл. VI „О рѣшеніи розыскныхъ дѣлъ“, гл. VII „О поступкахъ и о неправдахъ въ судныхъ мѣстахъ“, гл. VIII „О подозрительныхъ судьяхъ и апелляціяхъ“, гл. IX „О любовныхъ примиреніяхъ и о третейскомъ судѣ“.

⁴ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. II, § 3.

При такой системѣ изложенія Штрубе приходится сосредоточить главное ядро уголовно-правового матеріала въ отдѣлѣ о подсудности судовъ свѣтскихъ. Это и имѣетъ мѣсто въ гл. III «О дѣлахъ въ судахъ судимыхъ, а особливо о обидахъ и преступленіяхъ» четвертой части его «Руководства». Естественно, что глава эта представляетъ для насъ особый интересъ.

Въ основаніе раздѣленія преступленій на группы, имѣющія значеніе для мѣры вмѣненія, Штрубе полагаетъ не то благо, которое нарушается тѣмъ или другимъ посягательствомъ, но моменты субъективные въ смыслѣ оттѣнковъ проявленія уголовно-правовой вины: умысла, неосторожности и совершенія чего либо «подъ видомъ права».

Штрубе пишетъ: «противность правамъ или неправость бываетъ тройкимъ образомъ; либо подъ видомъ права, либо чрезъ небреженіе, либо чрезъ явную злость. И хотя еще часто случается, что дѣлается нѣчто погрѣшительно, или съ невѣдѣнія, или отъ крайней нужды, которое съ правами несогласно; однако никому не можно причитать того въ вину, или почитать за подлинную противность правамъ. Сіежь рассуждать должно и о тѣхъ недозволенныхъ дѣлахъ, которыя дураками или безумными людьми чинимы бываютъ»¹.

Въ этомъ тройномъ дѣленіи посягательствъ на виды наименѣе ясными у Штрубе представляются случаи «неправости чинимой подъ видомъ права». Онъ видитъ ихъ въ тѣхъ комбинаціяхъ, когда правонарушеніе «происходитъ... отъ такихъ поступокъ, которые сами по себѣ правамъ не противны»². Исходя изъ того, что здѣсь у Штрубе не имѣется, кажется, въ виду ни оборона, ни осуществленіе права и проч., остается предположить, что подъ этой формулой Штрубе объединяетъ комбинаціи случайнаго, казуальнаго причиненія вреда.

Подъ рубрикой «неправости чинимой отъ небреженія» Штрубе говоритъ о случаяхъ уголовно-наказуемой неосторожности. Онъ

¹ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. III, § 2.

² Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. III, § 3.

характеризуетъ послѣднюю, какъ такую, которая «происходитъ отъ такихъ правамъ . противныхъ поступокъ, которые, хотя не съ злости, но отъ такого нерадѣнія или просмотрѣнія чинятся, которое всякому легко избѣжать можно» ¹.

Наконецъ, третью категорію правонарушеній Штрубе видитъ въ «неправости происходящей отъ явной злости». Онъ опредѣляетъ сюда относящіяся дѣянія какъ «такіе противные поступки, которые вѣдѣніемъ и волею, или коварно или насильно чинятся: чего ради сіи поступки собственно вины и преступленія называются» ².

Подъ этими тремя рубриками или собственно подъ двумя послѣдними Штрубе и дѣлаетъ попытку изложить постановленія дѣйствующаго права уголовнаго.

Подъ дѣяніями совершаемыми неосторожно Штрубе упоминаетъ о случаяхъ, когда кто «небреженіемъ учинить пожаръ», о случаяхъ ответственности помѣщиковъ за вины крестьянъ и проч. Въ большинствѣ случаевъ, Штрубе излагаетъ здѣсь постановленія Уложенія 1649 г. ³.

Подъ разрядомъ дѣяній умышленныхъ Штрубе перечисляетъ массу самыхъ разнообразныхъ преступленій за вычетомъ только тѣхъ, которыя относятся до «государственнаго права» и съ которыми мы встрѣтились уже выше. Въ ряду частныхъ умышленныхъ преступленій Штрубе упоминаетъ о богохульствѣ, убійствѣ въ церкви, — поступкахъ тѣхъ, кто «больше года не исповѣдывается». «ежели кто во время пѣнія божественной литургіи учнетъ съ кѣмъ имѣти разговоръ», о расколѣ — т. е. о группѣ преступленій религіозныхъ. За этого рода правонарушеніями онъ переходитъ къ оскорбленію чести, къ бою и грабежу и случаямъ убійства, поджога, воровства и проч. ⁴. Но и эта система не выдержи-

¹ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. III, § 4.

² Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. III, § 5.

³ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. III, § 4.

⁴ Штрубе упоминаетъ и о цѣломъ рядѣ преступленій какъ прелюбодѣйство, блудное насиліе, кровосмѣшеніе, не приводя соответственныхъ законодательныхъ опредѣленій, ссылаясь на то, что о нарушеніяхъ этихъ „въ рос-

зается у Штрубе до конца, такъ какъ въ отдѣлѣ убійства онъ говоритъ, напр., о случаѣ несомнѣнной неосторожности¹; здѣсь же Штрубе упоминаетъ о «подозрительныхъ домахъ яко корчемные» и пр., постановленіяхъ о картежной игрѣ, кулачныхъ бояхъ и т. д. Нарушенія эти Штрубе излагаетъ языкомъ соотвѣтственныхъ законодательныхъ актовъ, Уложенія и указовъ.

О значеніи недонесенія, какъ формѣ совершенія преступленія, Штрубе говоритъ въ главѣ VI, трактующей «О рѣшеніи розыскныхъ дѣлъ»². Тутъ же онъ помѣщаетъ законодательныя опредѣленія, регулируюція «снаряженіе колодниковъ»³, и постановленія о лицахъ, отбывающихъ наказаніе и имѣющихъ быть казненными⁴.

Цѣлый рядъ опредѣленій матеріально-правового характера разсѣянъ у Штрубе и въ другихъ главахъ части, трактующей «О правахъ касающихся до суда». Такова, напр., гл. VII, въ которой онъ говоритъ о служебныхъ проступкахъ судей⁵, пользуясь, главнымъ образомъ, постановленіями Уложенія, а равно о случаяхъ, когда какія нибудь лица стукнутся на судѣ въ видахъ нарушенія правъ другихъ⁶. Поступая такимъ образомъ, Штрубе въ то же время оговаривается, что «...понеже о всякихъ преступленіяхъ съ стороны судящихъ .. и приказныхъ служителей надлежитъ объявить въ государственномъ правѣ, то излишно будетъ касающіеся до оныхъ статьи и указы пространнѣе здѣсь предложить»⁷.

сійскихъ правахъ точно неопредѣленно, понеже въ прежнія времена подлежали оныя до духовнаго суда», Ibid.

¹ Штрубе, Руководство, іbid. „Будетъ кто стрѣляючи изъ пищали, или изъ лука по звѣрю, или по птицѣ, или по примѣтѣ и... убьетъ кого за горою... или кто какимъ нибудь обычаемъ кого убьетъ до смерти деревомъ или камнемъ, или чѣмъ нибудь ненарочнымъ же дѣломъ...“, пишетъ Штрубе, воспроизводя такимъ образомъ статью 20, XXII гл. Улож. 1649 г.

² Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VI, § 2.

³ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VI, § 5.

⁴ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VI § 6.

⁵ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VII, § 2.

⁶ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VII, § 4.

⁷ Штрубе, Руководство, кн. II, ч. 4, гл. VII, § 3.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ своемъ «Руководствѣ» Штрубе старается создать извѣстную научную схему и подойти при ея помощи, между прочимъ, къ изложенію догмы русскаго уголовного законодательства. Последнюю онъ понималъ въ смыслѣ дѣйствующаго права, очищеннаго отъ опредѣленій отмѣненныхъ. Какого бы мнѣнія ни быть о научномъ значеніи приемовъ Штрубе, нельзя отрицать, что онъ предпринимаетъ энергичную попытку научно-догматической обработки русскаго уголовного права. Врядъ ли основательны упреки, которые дѣлаетъ Штрубе проф. Н. Коркуновъ, когда пишетъ: «автору (Штрубе) не хватаетъ высшаго общаго начала», «...онъ ограничивается изложеніемъ существующаго юридическаго строя, не объясняетъ его и не осмысливаетъ»...¹ Последний упрекъ кажется намъ тѣмъ менѣе допустимымъ, что обратившись къ исторіи русскаго права для выясненія его догмы, Штрубе сталъ на путь историческаго изученія институтовъ русскаго уголовного права. Свидѣтельствомъ этого служатъ, помимо самого метода его работы при составленіи «Руководства», и другіе его опыты въ области исторической разработки права². Самъ

¹ Ср. рец. Н. Коркунова на Русск. госуд. пр. И. Андреевскаго, Пособіе А. Романовича-Словатинскаго и Начала русск. госуд. права А. Градовскаго, Сборн. госуд. знаній, т. III, стр. 5.

² Въ 1767 году Штрубе представилъ Миллеру для передачи имп. Екатерины II трудъ, озаглавленный „Les loix de Jaroslav“, написанный имъ раньше. Онъ обѣщалъ, кромѣ того, представить другую работу, которую онъ называетъ „Introduction aux loix modernes de l'empire de Russie“. Въ 1875 г. появляется въ Петербургѣ его „Dissertation sur les anciens Russes par F. H. I. D. P.“ in 4°. 76 p. Ср. П. Пекарскій, Op. cit., т. I, стр. 687 и слѣд., а также 685. Упомянутая диссертация Штрубе появилась и на русскомъ языкѣ въ переводѣ Льва Павловскаго въ 1791 г. подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о древнихъ россіянахъ, со-

чиненное Ф. Г. Д. П.“ in 8°, 6, VIII, 192. Если существовало бы какое нибудь сомнѣніе въ принадлежности этой работы Штрубе, то достаточно было бы указать на замѣчаніе Бакмейстера, Russische Bibliothek zur Kenntniss des Gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, B. 10, 1786, S. 196: „durch jene Anfangs-Buchstaben giebt sich... Strube... hinlänglich zu erkennen. und er ist überdem als der verfasser dieser Abhandlung bekannt“. Въ Портфель бумагъ Миллера, хранящемся въ Моск. Гл. арх. мин. ин. д. № 48, папка 7, мы находимъ трудъ: Штрубе, проф. „Возраженія (на лат. яз. съ отвѣтами на оныя проф. Миллера) о происхожденіи Россіанъ“. Въ своихъ отвѣтахъ Миллеръ часто отмѣчаетъ плохую латынь Штрубе. Ср., напр., л. 19. Ближайшее отношеніе къ исторіи русскаго

Штрубе пишет о своемъ методѣ изученія русскаго права въ связи съ историческимъ его прошлымъ: «думалъ я послѣдовать нѣкоторымъ писателямъ упомянувшимъ о законахъ Россійской имперіи. Но тотъ часъ увидѣлъ, что они сами не имѣя объ нихъ достовѣрнаго понятія не могли описать ихъ ясно, почему и подражанія недостойны. Того ради долженъ я былъ поступать по учиненнымъ собственными моими трудами въ наизнаменитѣйшихъ древностяхъ сего народа изобрѣтеніяхъ»¹. Слова Штрубе оправдываются въ особенности въ примѣненіи къ области уголовного законодательства². Въ качествѣ пріема изученія исторіи русскаго уголовного права Штрубе прибѣгаетъ къ сопоставленію русскихъ законовъ съ германскими и скандинавскими правдами³ и высказываетъ взглядъ, что изученіе послѣднихъ «изъявляетъ намъ... разумъ законовъ русскихъ»⁴. Штрубе дѣлаетъ, въ частности, попытку изложить уголовно-правовыя постановленія Судебника⁵.

Во всякомъ случаѣ работы Штрубе по исторіи и догмѣ русскаго права далеко не были оцѣнены по достоинству его современниками, а ближайшимъ образомъ его оффиціальными критиками—членами Академіи. Отказавъ ему въ напечатаніи его работы, они сдѣлали невозможнымъ исправленіе его ошибокъ и отсрочили дальнѣйшее разрѣшеніе очередной задачи, которая такъ ясно поставлена была Штрубе.

Если въ трудахъ Штрубе мы имѣемъ первую попытку историко-догматической обработки русскаго права и, въ частности, уголовного, къ которой несочувственно отнеслась Академія, то не нужно вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что поставленная Штрубе задача крайне интересовала Академію.

права имѣетъ трудъ Штрубе: „Sur l'origine et les changements des lois russiennes“. Эта рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ, напечатана и по русски подъ заглавіемъ: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ“.

¹ Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ... въ публичномъ собраніи Санктпетербургской И. А. Н.

говоренное Ѳеодоромъ Штрубомъ, сент. 6 дня 1756 г. и перевод. на россійскій языкъ Сем. Нарышкинымъ, стр. 2 и слѣд.

² Слово, стр. 6 и слѣд.

³ Слово, стр. 9 и слѣд.; 13 и слѣд.; 16 и др.

⁴ Слово, стр. 11.

⁵ Слово, стр. 18 и слѣд., а равно 24 и слѣд.

Для замѣщенія кафедры, освободившейся послѣ Штрубе, она ищетъ лицъ не только теоретически подготовленныхъ, но и знающихъ русское право и могущихъ посодѣйствовать его обработкѣ¹. Замѣщая кафедру Штрубе Георгомъ Фридрихомъ Федоровичемъ, Академія полагала, что пріобрѣтаетъ знатока русскаго права. Предлагая Федоровича Ломоносовъ² указывалъ, что кандидатъ этотъ «кромѣ того, что юриспруденціи въ университетахъ обучался, былъ чрезъ много лѣтъ въ статской службѣ при медицинской канцеляріи и въ Адмиралтействѣ и сверхъ другихъ изрядно научился Россійскому языку и правъ». Федоровичъ занималъ кафедру юриспруденціи съ 1759 по 1770 г., но для уголовного права дѣятельность его прошла, повидимому, безрезультатно³.

В. Въ нѣдрахъ Академіи зародилось и другое, болѣе глубокое, теченіе по разработкѣ русскаго права—историко-сравнительное. Предвозвѣстникомъ его былъ А. Я. Полѣновъ, а лицами, намѣтившими болѣе опредѣленно его задачу, проф. Московскаго университета К. Г. Лангеръ, его ученикъ А. А. Артемьевъ и, главнымъ образомъ, проф. того же унив. С. Е. Десницкій.

¹ Въ протоколахъ 1760 г. значится: „въ юридической факультетъ профессора общихъ правъ выписать изъ-за моря ученаго юриста... профессоромъ русскихъ правъ принять.. аудитора Федоровича“... Вилярскій, Ор. cit., стр. 427.

² Ср. Мат. для біографіи Ломоносова, собр. акад. Вилярскимъ, Спб. 1865, Исторія акад. канц. Ломоносова, § 50, стр. 082.

³ Въ объявленіи о лекціяхъ въ Акад. унив. на 1761 г. за Федоровичемъ значится изъясненіе „исторій о правахъ и первыхъ ихъ основаніяхъ“. Этотъ курсъ былъ весьма вѣроятно курсомъ историко-догматическимъ, такъ какъ объявленіе на 1762 годъ говоритъ, „окончаніе исторіи европейскаго универсальнаго права“, М. Сухомлиновъ, Ист. Росс. акад., Спб., в. 2, стр.

167. Врядъ ли, однако, лекціи Федоровича могли много дать слушателямъ. Ломоносовъ свидѣтельствуеетъ, что переводчикъ А. Полѣновъ, слушавшій юридическія лекціи у Федоровича „просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не можетъ“, Ор. cit., стр. 082 и сл. О конфликтѣ Федоровича съ акад. Миллеромъ, окончившимся, по словамъ Ломоносова тѣмъ, что „Миллеръ не токмо ругалъ Федоровича безчестными словами, но и въ зашей выбылъ изъ конференціи“ см. Вилярскій, Ор. cit., стр. 083. Данныя о Федоровичѣ см. Вилярскій, Ор. cit. стр. 523 и 638. Ср. также о Федоровичѣ, М. Шугуровъ, Ученіе и ученики въ XVIII в. Русск. арх. 1866, стр. 314 и сл.

Алексѣй Яковлевичъ Полѣновъ ¹ изучалъ юриспруденцію въ Академическомъ университетѣ, слушая лекціи Штрубе и Федорича ². Свое юридическое образованіе онъ закончилъ въ Страсбургѣ и Геттингенѣ, работая надъ уголовнымъ правомъ ³ у профессоровъ Куглера и Трейтлингера. По инструкціи академической канцеляріи онъ долженъ былъ одновременно знакомиться и съ матеріаломъ русскаго законодательства ⁴. Уже въ 1765 году онъ задумываетъ обширный планъ разработки русскаго законодательства. Онъ пишетъ 3 дек. 1765 г.: «я думаю взять на первый случай образцомъ Наставленія императора Юстиніана для ихъ непосредственнаго порядка и къ каждому титулу присоединить россійскія, французскія и нѣмецкія права съ показываніемъ ихъ разности или согласія, не упуская причинъ историческихъ и политическихъ, подавшихъ поводъ къ изданію нашего закона. Съ начала невозможно и притомъ одному привести въ совершенный порядокъ такой важности и трудности дѣло и особливо для того, что прежнія узаконенія, или по крайней мѣрѣ большая оныхъ часть, смотря по нынѣшнимъ обстоятельствамъ Россіи, совсѣмъ негодны, и къ рѣшенію дѣлъ не могутъ быть употреблены» ⁵. Мы не имѣемъ свѣдѣній, приступилъ ли когда нибудь А. Я. Полѣновъ къ осуществленію своего плана, но мысли, вложенныя въ него, инте-

¹ Біографическія свѣдѣнія см. въ трудѣ Д. Полѣнова, А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII в., Русск. арх. 1865, изд. 2, стр. 587 — 608, а также М. Шугуровъ, Ученіе и ученики въ XVIII в., Русск. арх. 1866.

Алексѣй Полѣновъ (Поленовъ) воспитывался въ Академической гимназійи и въ спискахъ ся показанъ родившимся 5 окт. 1739 года. Мат. для исторіи И. А. Н. т. 10, стр. 220. 9 іюня 1749 г. Іоганнъ Фишеръ упоминаетъ его въ среди учениковъ, которые „явились достойными быть на жалованіѣ“, Мат., т. 10, стр. 15. Подъ 24 авг. 1750 мы застаемъ Полѣнова въ 3-мъ вышнемъ нѣмецкомъ классѣ и получающимъ жалованье 1 р. 50 коп. въ

мѣсяць, Мат., т. 10, стр. 539. 0 годахъ ученичества А. Полѣнова въ Академической гимназійи ср. М. Шугуровъ, Ученіе и ученики въ XVIII в., Русск. арх. 1866, стр. 305.

² М. Шугуровъ, *Op. cit.*, стр. 312.

³ Ср. донесенія А. Полѣнова въ канцелярію Академіи у Д. Полѣнова, *Op. cit.*, стр. 578 и слѣд., а равно 589, 594.

⁴ А. Полѣновъ пишетъ 13 сент. 1765 г.: „... разбираю я указы и уложенія и кромѣ безпорядка, замѣпательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу...“ Д. Полѣновъ, *Op. cit.* стр. 580

⁵ Д. Полѣновъ, *Op. cit.*, стр. 584 и слѣд.

ресны какъ попытка извлечь основанія для права *de lege ferenda* изъ положительныхъ законодательствъ западныхъ народовъ, а систему русскаго права представить въ связи съ причинами, придавшими ему ту или другую форму. Если планъ А. Полѣнова былъ бы осуществленъ, мы имѣли право говорить о его авторѣ какъ о первомъ русскомъ юристѣ, стремившемся изучать русское право съ точки зрѣнія сравнительно—исторической. А. Полѣновъ былъ убѣжденъ, что право каждаго народа носить своеобразный отпечатокъ, но что особенности эти должны быть возведены къ опредѣленнымъ условіямъ, зависимость отъ которыхъ можетъ выясняться путемъ изученія причинъ, вызывавшихъ перемѣны въ законодательствахъ другихъ народовъ. О непосредственномъ же пренесеніи формъ чуждаго права не должно быть и рѣчи ¹.

Въ А. Полѣновѣ нужно видѣть предшественника С. Десницкаго. Жизнь А. Полѣнова сложилась неблагопріятно ². Уже на старости онъ перешелъ въ Комиссію составленія законовъ, гдѣ занялся разработкой уголовныхъ законовъ. Въ 1798 году онъ представилъ свой трудъ генераль-прокурору князю Алексѣю Борисовичу Куракину, который выразилъ свое согласіе «на мысли и порядокъ, имъ предполагаемый» ³. Нѣтъ основанія думать, чтобы работа эта погибла безвозвратно.

Прослѣживая зачатки догматическаго направленія въ разработкѣ русскаго уголовного права, нельзя не остановиться на одномъ иностранцѣ, поработавшемъ въ этомъ направленіи и создавшемъ

¹ Въ своемъ трудѣ, О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи, Русскій архивъ 1865 г., стр. 530, А. Полѣновъ писалъ: „примѣры съ другихъ брать... не нужно, но единственно должно утверждаться на здоровомъ разсужденіи и на правилахъ человеколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу. Всякое государство имѣетъ свое особенное составленіе, погрѣшности и превосходство; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учрежденія какого государства можно было съ пользою при-

ложить къ другому. Введеніе римскихъ правъ во многихъ европейскихъ державахъ походить на чудовище...“

² А. Полѣновъ довольно рано былъ вынужденъ оставить Академію наукъ. Въ 1771 году онъ переходитъ на службу въ Сенатъ. Ср. М. Шугуровъ, Ученіе и ученики въ XVIII в., Рус. арх. 1866 г., стр. 322. По возвращеніи изъ заграницы А. Полѣновъ работалъ въ Академіи вмѣстѣ съ Башиловымъ надъ изданіемъ Никоновской лѣтописи, *ibid.*, стр. 323.

³ Д. Полѣновъ, *Op. cit.*, стр. 612.

первую русскую школу права, въ лицѣ своего ученика А. А. Артемьева и наиболее яркаго представителя ея С. Десницкаго. Мы имѣемъ въ виду проф. Московскаго университета Лангера.

На К. Г. Лангера въ нашей литературѣ принято смотрѣть какъ на представителя естественно-правовыхъ ученій, мало чѣмъ отличающагося, по своимъ воззрѣнїямъ, отъ проф. Дильтея ¹. Воспитанникъ Геттингенскаго и Іенскаго университета, Лангеръ читаетъ въ Москвѣ всеобщее положительное право по системѣ Неттельбладта, хотя по словамъ проф. Шевырева, съ 1765 г. онъ требуетъ для своихъ лекцій россійскіе указы ². Въ 1770—1771 г.г. мы застаемъ Лангера, читающимъ естественную юриспруденцію по первой части неттельбладтовой системы ³ и Вольфу. Этихъ общихъ свѣдѣній недостаточно, однако, для заключенїи о характерѣ трудовъ Лангера въ Моск. университетѣ и, намъ думается, что даже скудные слѣды его академической дѣятельности по предмету уголовного права, дошедшіе до насъ, позволяютъ догадываться о томъ, что онъ не былъ защитникомъ отрѣшенной отъ историческихъ условій доктрины естественно-правовыхъ ученій ⁴. Для правильной оцѣнки такого

¹ Ср. напр., П. Милоковъ, Очерки по исторїи русской культуры, ч. III, Спб. 1901—1903, стр. 260.

Біограф. свѣдѣнія о проф. Лангерѣ, ср. С. Шевыревъ, Исторія И. М. У., М. 1855, стр. 129; Біограф. слов. проф. и преп. И. М. У. ч. 1, М. 1855, стр. 447—450; митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 2, М. 1845, стр. 4; Гр. Геннади, Справочный словарь, т. 2, Берл. 1880, стр. 216.

О пробныхъ лекціяхъ Лангера „De pactis ex jure naturae“ и „De successione ab intestato ex jure civili“, ср. С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 129. О другихъ его трудахъ ср. въ Біогр. слов. проф. И. М. У. статью проф. Лешкова, стр. 447—450.

² С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 129; Біогр. слов. И. М. У. ч. 1, стр. 450.

³ С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 146 и слѣд.; Біогр. сл. И. М. У., ч. 1, стр. 447.

⁴ Ср. труды Лангера „Слово о происхожденїи и свойствѣхъ вышняго криминальнаго суда, и что употребленіе онаго разсуждать надлежитъ, по различному состоянїю гражданствъ, и по намѣренїю, которое въ наказанїи людей имѣть должно. (De ortu et indole summae jurisdictionis criminalis, deque ejus usu, ex diversa civitatum ratione poenarumque humanarum scopo djudicando) говорен... Кар. Ген. Лангеромъ“ въ день восшествїя на престолъ Государыни, 26 іюня 1767 г. и „Слово о началѣ и распространенїи положительныхъ законовъ, и о неразрывномъ

серьезнаго ученаго, какимъ былъ Лангеръ, нельзя ограничиться бѣглымъ изложеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ его рѣчей и ссылаться на его гуманность, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. Лешковъ¹.

Въ своихъ рѣчахъ, затрогивающихъ вопросы о методѣ юриспруденціи и отдѣльные вопросы уголовного права, проф. Лангеръ является сторонникомъ философско-догматическаго изученія права при помощи историко-сравнительнаго приѣма.

«...Изъ самаго... соединенія людей, замѣчаетъ Лангеръ, явствуется необходимость... учреждать свои дѣла по законамъ положительнымъ»². Но эти послѣдніе являются только формой выраженія тѣхъ условій, которыя вызываютъ ихъ къ жизни. Остановившись вкратцѣ на внѣшней исторіи законовъ до кодификаціи Юстиніана³, Лангеръ считаетъ возможнымъ перейти къ сравнительно-историческому изученію тѣхъ стадій, которыя пройдены законами уголовными въ зависимости отъ условій психологическихъ и соціальныхъ. Періодъ частной мести, констатируетъ Лангеръ, долженъ былъ отойти въ область безвозвратнаго прошлаго въ силу своей нецѣлесообразности и неприспособленности служить охранѣ права⁴. Историческая необходимость приводитъ и къ учрежденію судебной власти⁵. Эту эволюцію уголовного законодательства Лангеръ прослѣживаетъ на опредѣленіяхъ уголовныхъ законовъ объ убійствѣ, прелюбодѣянніи, воровствѣ и др. преступленіяхъ у египтянъ, евре-

союзъ философіи съ ихъ ученіемъ, въ публ. собр. И. М. У., бывшемъ для высокоррественнаго дня рожденія.. Императрицы Екатерины Алексѣевны... говоренное профессоромъ... Карломъ Генрикомъ Лангеромъ. Апр. 26 дня. 1766 году. (De origine ac progressu legum positiviarum deque cum earum studio Philosophia arctissime conjungenda).

¹ Біогр. сл. И. М. У., ч. 1, стр. 449.

² Слово о началѣ и распространеніи положительныхъ законовъ, М. 1766, стр. 4. Ср. развитіе мысли о томъ, что законы не могутъ замѣняться нормами религіи, *ibid.*, стр. 3 и сл.

³ Слово о началѣ и распространеніи

положительныхъ законовъ, стр. 7—15.

⁴ Сл. пол. зак., стр. 4. Въ своемъ Словѣ о происхожд. и свойствѣ высшаго криминальнаго суда Лангеръ отмѣчаетъ тѣ психологическія причины, которыя обезпечиваютъ извѣстную долговѣчность институту мести, ср. стр. 10. О соціальныхъ причинахъ, поддерживающихъ институтъ мести на первобытной стадіи общественности, ср. Сл. о пр. и св. вышн. к. суда, стр. 11.

⁵ Сл. пол. зак. стр. 5. Болѣе детально развиваетъ Лангеръ эту мысль въ своемъ „Словѣ о происхожденіи и свойствѣ высшаго криминальнаго суда“, стр. 6, 8, 10.

евъ, грековъ, римлянъ и древнихъ германцевъ ¹. Лангеръ выясняетъ, далѣе, какъ институтъ мщенія постепенно переходитъ въ систему выкуповъ—композицій ² и какую роль это играетъ для дѣла закрѣпленія карательной власти въ рукахъ представителей верховной власти ³. Сталкиваясь съ фактомъ, что у самыхъ разнообразныхъ народовъ наблюдаются иногда тождественныя формы законодательства, могущія навести на мысль о заимствованіи ими законовъ другъ у друга, Лангеръ даетъ этому явленію болѣе глубокое объясненіе. Онъ отмѣчаетъ, что одинакія условія быта, соображенія цѣлесообразности и нѣкоторыя другія условія могутъ произвести тотъ же результатъ, что и непосредственное заимствование ⁴.

Но одно изученіе положительныхъ законовъ въ процессѣ ихъ развитія, думаетъ Лангеръ, безплодно безъ философской обработки ⁵. Послѣдняя должна считаться съ «естествомъ вещей» ⁶, которое проявляется въ положительномъ правѣ и историческихъ условіяхъ его происхожденія. Такое пониманіе Лангеромъ задачъ юриспруденціи понуждаетъ его придавать большое значеніе исторіи, задачей которой онъ ставитъ изученіе личныхъ и социальныхъ условій, создавшихъ ту или иную форму права и необходимыхъ для пониманія законодательства, какъ его продукта ⁷.

Эти начала изслѣдованія Лангеръ прилагаетъ, въ частности, къ разрѣшенію уголовно-правовыхъ проблеммъ ⁸ въ «Словѣ о происхожденіи и свойствѣ вышняго криминальнаго суда». М. 1767.

¹ Сл. пол. зак., стр. 8 и сл. Сл. о проих. и св. вышн. крим. суда, стр. 12 и сл.

² Сл. о проих. и св., стр. 13.

³ Сл. о проих. и св., стр. 14.

⁴ Сл. о пол. зак., стр. 10.

⁵ Сл. о пол. зак., стр. 17.

⁶ Сл. о пол. зак., стр. 17, а равно 19.

⁷ Сл. о пол. зак., стр. 20.

„Яснѣ полуденнаго свѣта есть, пишетъ Лангеръ, сколь нужно званіе происшедшихъ перемѣнъ въ общежителствѣ, коего законы мы познать или изъяс-

нить стараемся... Изъ историческихъ писателей весьма изрядно усмотрѣть можно мнѣнія законодателей, причины, совѣтниковъ, страсти, сложеніе тѣла, воспитаніе, состояніе общества, нравы гражданъ и все прочее обыкновенно поводъ и начало подающее къ узаконеніямъ и учрежденіямъ, чего инако никакою остротою проникнуть бы не можно было“.

⁸ Слово о происхожденіи и свойствѣ вышняго криминальнаго суда, М. 1767, стр. 6, 8, 10, 11, 12 и сл.

Здѣсь же мы находимъ и выводы Лангера по цѣлому ряду вопросовъ уголовного права.

На преступленія Лангеръ смотритъ, какъ на явленія, которыя «зависятъ отъ воли человѣческой и суть такія дѣйствія, которыя тишину и безопасность общую нарушаютъ... О великости преступленій, добавляетъ онъ, разсуждать должно смотря на то, сколь много потревожено ими общее спокойствіе»¹. Это опредѣленіе Лангеръ дополняетъ и анализомъ матеріальнаго состава преступленія, очерчивая послѣдній рядомъ отрицательнымъ признаковъ².

Интересны взгляды Лангера на вопросъ о цѣли наказанія. Цѣлью послѣдняго, съ его точки зрѣнія, является «соблюденіе общаго благополучія».³ «Наказанія суть средства, слѣдовательно, они ни больше, ни меньше быть должны, какъ только, что къ соблюденію общаго благополучія требуется»⁴. Для достиженія этой цѣли «рачительно испытывать должно происхожденіе и свойство худыхъ дѣлъ своихъ гражданъ. Ибо къ точному опредѣленію наказанія много способствовать можетъ разсужденіе преступниковъ, ихъ умысла, времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ».⁵ Лангеръ изслѣдуетъ вліяніе, которое можетъ оказывать на наказаніе возрастъ преступника, аффекты и проч.⁶ и, въ общемъ, высказывается за умѣренность карательныхъ мѣръ, вызываемую необходимостью. «Да умолкнетъ, возглашаетъ онъ, Ульпіанъ, да умолкнутъ устрашающія книги, да умолкнутъ законы о криминальныхъ дѣлахъ и собраніе приговоровъ... послушаемъ благосклонно вѣщанія ума, никакими предпріимчивыми мнѣніями незараженнаго!... казнь необходима надобна на тотъ конецъ, дабы на истребленіе людей беззаконныхъ прочіе жить могли спокойно, строга я жъ и жестокая

¹ Слово о происх., стр. 14.

² „Никакого дѣйствія, пишетъ Лангеръ, назвать не можно преступленіемъ, которое не заключаетъ въ себѣ нравственнаго или гражданскаго обязательства, которое совсѣмъ невозможно или необходимо, или не въ нашей власти состоитъ... и которое происходитъ отъ

людей ума лишенныхъ или насильно принужденныхъ“. Слово о происхожд., стр. 15.

³ Слово о происх., стр. 16.

⁴ Слово о происх., стр. 17.

⁵ Слово о происх., стр. 17 и слѣд.

⁶ Слово о происх., стр. 18.

потому, чтобъ зрители на то смотря, уклонялись отъ преступлений»¹. Масштабъ умѣренности опредѣляется въ каждый историческій моментъ, по Лангеру, въ строгомъ соотвѣтствіи съ конкретными условіями даннаго общества, особенностями и размѣрами его территоріи. Последнія обстоятельства могутъ приводить къ тому, что одни государства должны довольствоваться болѣе легкими наказаніями, такъ какъ опасность, грозящая отъ преступника не столь велика², другія же пользоваться болѣе суровыми мѣрами. Лангеръ ничего не имѣетъ противъ извлеченія выгодъ для общества изъ труда преступниковъ³ и является противникомъ смертной казни. Онъ пишетъ: «вождедѣльную безопасность гражданъ удобно соблюсти можно и другими наказаніями, общей пользы болѣе приличественными, которыми преступники не лишаются жизни... Отъ безпрестаннаго учащенія самыхъ лютыхъ казней беззаконники не токмо не устрашаются, но еще ежедневно большее число ихъ прибываетъ... Безчисленное множество примѣровъ показываетъ, что злодѣянія случались и во время самой казни»...⁴ Само собой понятно, что Лангеръ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ пытки⁵.

Таковы взгляды Лангера на задачи разработки права и уголовного въ частности. Мы должны видѣть въ его лицѣ представителя философско-догматическаго направленія въ разработкѣ права, оперирующаго при помощи сравнительно-историческихъ данныхъ. Методъ этого ученаго и его обширныя знанія не могли, къ сожалѣнію, быть приложенными къ разработкѣ русскаго права по незнанію языка страны. Въ этомъ отношеніи ему пришлось раздѣлить участь русскихъ ученыхъ, которые хотя и знали языкъ, но по цѣлому ряду другихъ условій должны были ограничиться только намѣткой схемы разработки права въ извѣстномъ направленіи. Мы не имѣемъ, однако, права считать дѣятельность Лангера въ Московскомъ университетѣ совершенно безплодной. Помимо вліянія на слушателей, онъ первый изъ иностранцевъ, которому удалось

¹ Слово о происх., стр. 20 и сл.

² Слово о происх., стр. 21 и сл.

³ Слово о происх., стр. 21 и сл.

⁴ Слово о происх., стр. 22 и сл.

⁵ Слово о происх., стр. 24 и сл.

заложить основаніе русской школы правовѣдовъ, примѣнявшей его приемы разработки права. Для оцѣнки заслугъ Лангера въ исторіи русской науки достаточно принять во вниманіе, что вліяніе его рельефно сказалось на трудахъ его учениковъ: А. Артемьева и С. Десницкаго. Между тѣмъ какъ первый только отчасти пошелъ по пути, намѣченному Лангеромъ, С. Десницкій, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, опередилъ его и по праву долженъ считаться самымъ крупнымъ русскимъ юристомъ XVIII-го столѣтія.

Алексѣй Артемьевичъ Артемьевъ¹, воспитанникъ Московскаго университета и ученикъ Лангера, рельефно отразилъ въ своихъ работахъ вліяніе своего учителя².

Въ «Краткомъ начертаніи римскихъ и россійскихъ правъ», М. 1777³. А. Артемьевъ ставилъ себѣ, повидимому, первоначально цѣлью осуществить такую разработку положительнаго права, которая соотвѣтствовало бы всецѣло философско-догматическимъ приемамъ Лангера. А. Артемьевъ пишетъ: «надлежало бы разобрать всѣ криминальные законы и ихъ дѣйствительныя причины, отъ кото-

¹ Біографическія данныя о немъ очень скудны, см. митроп. Евгений, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 1, 1845, стр. 6; Гр. Геннади, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, называетъ А. Артемьева „студентомъ и въ послѣдствіи экзекуторомъ Московскаго университета. Онъ умеръ, по его словамъ, въ 1820 г. въ глубокой старости“, стр. 48. Русскій біограф. словарь, т. 2, Спб., 1900, стр. 326. Ср. также С. Венгеровъ, Критико-біогр. словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. 1, 1889, стр. 810; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 2, Спб., 1890, стр. 196. Краткія догадки о жизни А. Артемьева см. у Basmeister'a, Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, B. VI, 1781, s. 401 и сл. Почти ничего не прибавляетъ къ этимъ свѣдѣніямъ и то, что мы узнаемъ изъ источниковъ офици-

ціального характера. Ср. Періодич. сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 32, Спб. 1812, стр. 284.

² Другого мнѣнія митроп. Евгений, Словарь, т. 1, стр. 6, когда пишетъ о Краткомъ начертаніи римскихъ и россійскихъ правъ, что „всю сію книгу выбралъ онъ изъ юридическихъ лекцій профессора Дилтея“. Ближе къ истинѣ авторъ замѣтки объ А. Артемьевѣ въ Русскомъ біограф. словарѣ, т. 2, Спб., 1900 г., стр. 326, который говоритъ о немъ, что онъ „переработалъ самостоятельно лекціи римскаго и отечественнаго права профессоровъ Ф. Т. Дилтея и С. Е. Десницкаго“.

³ Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ съ показаніемъ купно обоихъ равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторій, сочиненное подпоручикомъ Алексѣемъ Артемьевымъ. Мос. 1777.

рыхъ они пропсходятъ; подробно исчислить наказанія виноватыхъ, равномерно, какъ и оныхъ осужденіе у разныхъ народовъ»¹. А. Артемьевъ предполагалъ воспользоваться историко-сравнительнымъ методомъ, въ томъ смыслѣ какъ его понималъ Лангеръ, но по разнымъ соображеніямъ, о которыхъ не трудно догадаться, пришелъ къ заключенію, что «свойство сего сочиненія не дозволяетъ вступить въ подробность онаго и приходится ограничиться «общими въ Римскихъ законахъ находящимися преступленій раздѣленіями, показавъ вкратцѣ cadaго преступленія свойство, равномерно какъ и наказанія за оныя съ прибавленіемъ къ каждому отеческихъ законовъ»².

Первая часть книги А. Артемьева посвящена изложенію догмы римскаго и русскаго права по вопросамъ права гражданскаго и уголовнаго; вторая часть и третья трактуютъ исторію этихъ законодательствъ³. Какъ ни отрывочны и, повидимому, случайны тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ въ исторической части своего труда А. Артемьевъ, въ нихъ не можетъ быть не замѣчена попытка про-

¹ Подъ терминомъ „осужденіе“ А. Артемьевъ понималъ *imputatio* — вѣнненіе, А. Артемьевъ, Краткое начертаніе римскихъ и руссійскихъ правъ, стр. 100.

² А. Артемьевъ, *ibid.*, стр. 100.

³ „Краткое начертаніе о исторіи права и чиноположенія руссійскаго, *Op. cit.*, стр. 120—148, даетъ на первый взглядъ чисто календарныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ князьяхъ и государяхъ съ краткою характеристикой ихъ заслугъ, характеризуетъ двумя штрихами Русскую правду, Судебникъ и, въ заключеніе, приводитъ объясненіе терминовъ, встрѣчающихся въ грамотахъ.—О Рюрикѣ, напр., говорится: „Рюрикъ первый и древній Россійскій Государь возстановилъ тишину въ городѣ и уничтожилъ всѣ злоупотребленія получившія свое начало во время бывшихъ между гражданами въ правленіе вельможное безпорядковъ. Сей Государь при освобожденіи

своего народа отъ мучительства старѣйшихъ и при введеніи великихъ между Славянами селеній утвердилъ наконецъ Самодержавную власть и положилъ начало столь великія монархіи, которой нынѣ дивится столь много свѣтъ“. *Op. cit.*, стр. 121 и сл., § 131. Для характеристики тѣхъ объясненій юридическихъ терминовъ, которыя давалъ А. Артемьевъ и которыя должны были, по его мнѣнію, облегчить обработку и пониманіе положительнаго права, укажемъ на § 169, *Op. cit.*, стр. 140, гдѣ А. Артемьевъ даетъ опредѣленіе „дворскаго“. Нечего и говорить, что объясненія эти не всегда были на высотѣ и часто заимствованы у В. Татищева и др. „Воръ“, пишетъ А. Артемьевъ, слово сарматское, тоже значитъ, что въ словенскомъ тать“, § 182, *Op. cit.*, стр. 143; „Тюрьма есть слово нѣмецкое и значитъ погребъ, темница“. § 204, стр. 147 и пр.

слѣдить общественныя условія, создавшія въ правѣ русскомъ тотъ или другой институтъ, содѣйствовавшія, напр., возникновенію самодержавной власти, обусловившія возникновеніе законодательныхъ сборниковъ въ той или другой формѣ и проч. Нечего и говорить, что эта попытка изученія генезиса юридическихъ институтовъ русскаго права удалась А. Артемьеву въ значительно меньшей степени, чѣмъ Лангеру прослѣживаніе зарожденія и смѣны укладовъ уголовнаго права въ формѣ частной мести, выкуповъ—композицій, государственнаго наказанія и проч. Но обстоятельство это не отнимаетъ у А. Артемьева заслуги перваго русскаго изслѣдователя въ области историческо-сравнительнаго изученія русскаго права въ видахъ созданія системы права, имѣющаго подъ собою историческую почву и находящагося въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ состояніемъ страны.

Несомнѣнно болѣе удалась А. Артемьеву первая часть его работы, посвященная догмѣ русскаго и римскаго права. Это не значитъ, конечно, чтобы ему посчастливилось дать, какъ онъ имѣлъ первоначально въ виду, конструкцію уголовно-правовыхъ институтовъ, опирающуюся на историко-сравнительный фундаментъ и связать ее съ послѣдней стадіей въ развитіи римскаго и русскаго права. Для характеристики тѣхъ очертаній, которыя придаетъ А. Артемьевъ отдѣльнымъ уголовно-правовымъ институтамъ, остановимся въ видѣ примѣра на развиваемой имъ теоріи соучастія.

«... Человѣкъ, пишетъ А. Артемьевъ, осуждается или какъ главнѣйшая и первая причина, *causa principalis*, или какъ вторая и послѣдующая, *causa secundaria*, или на конецъ какъ содѣйствующая причина, *causa socia*»¹. Приэтомъ, «главнѣйшая причина есть тотъ, кто... побуждаетъ другого или къ содѣланію какого дѣйствія, или къ небреженію онаго...» «Второй классъ составляютъ тѣ, кои... имѣвшаго уже отъинуда наставленіе, наставляютъ своими особенными наставленіями», «...на пр. когда кто научаетъ вора, въ которую часть дома удобнѣе можно влѣзть и проч...»². Наконецъ, третій классъ составляютъ

¹ А. Артемьевъ, *Op. cit.*, § 117, стр. 101.

² А. Артемьевъ, *Op. cit.*, § 118—119, стр. 102.

тѣ, кои вспомошествоуютъ другому произвести что либо въ дѣйство... на пр. 'подставляетъ кто лѣстницу...»¹. А. Артемьевъ не останавливается, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросѣ, какъ должны вліять отдѣльныя формы участія на вмѣненіе. Онъ выставляетъ только общее правило, «что для назначенія виноватому наказанія, и по тому для воздаянія каждому по дѣламъ его наказанія, надлежитъ весьма осторожно поступать, дабы виноватаго не оправдать и не смѣшати невиннаго съ виноватымъ...»².

Наказанія, по мысли А. Артемьева, должны опредѣляться въ соотвѣтствіи и тѣми цѣлями, которыя имѣются въ виду, но не приводить, въ то же время къ недовольству массъ и стоять на уровнѣ человѣчности. По этимъ соображеніямъ онъ высказывается противъ квалифицированной смертной казни³.

Уроки К. Лангера именно въ такой формѣ сказались на скромномъ творествѣ А. Артемьева. Ими воспользовался, однако, не онъ одинъ. Самый крупный русскій юристъ конца XVIII в. С. Е. Десницкій развилъ ихъ съ большей глубиной, и въ этомъ смыслѣ сѣмена, зароненныя Лангеромъ, пали на благодарную почву.

Семень Ефимовичъ Десницкій⁴, получающій кафедру въ

¹ А. Артемьевъ, *Op. cit.*, § 120, стр. 103.

² А. Артемьевъ, *Op. cit.*, § 120, стр. 104.

³ По поводу казни „Доміана“ А. Артемьевъ пишетъ: „сколь безчеловѣчно сіе наказаніе, всякъ усмотрѣть можетъ: ибо разрушать на части и рвать живое человѣческое тѣло на куски, возя оное по улицамъ, есть дѣло, которое чело- вѣчество, сколько бы ни было оно раздражено на виноватаго, не можетъ терпѣть. И таковыя чинимыя казни, выходя за предѣлы чело- вѣчества, поистиннѣ теряютъ свой успѣхъ,... часто ожесточаютъ сердца подданныхъ, а иногда причиною бывають великихъ смятеній и бунтовъ“. *Op. cit.*, стр. 106.

⁴ Воспитанникъ Московскаго универ- ситета С. Е. Десницкій былъ въ 1760 г.

отправленъ въ Академію наукъ, а въ 1761 году посланъ въ Англію для продолженія образованія. С. Десницкій работалъ при Глазговскомъ университетѣ, гдѣ произведенъ былъ въ магистры свободныхъ наукъ, а потомъ и удостоенъ степени доктора правъ гражданскихъ и уголовныхъ. С. Десницкій первый сталъ читать лекціи на русскомъ языкѣ. Въ 1768 г. онъ становится экстраординарнымъ профессоромъ Моск. унив., въ 1773—ординарнымъ, а въ 1787 году покидаетъ университетъ. С. Десницкій скончался 15 іюня 1789 г. См. біограф. свѣд. о С. Е. Десницкомъ, С. Баршевъ, Біограф. словарь проф. и препод. И. М. У. ч. 1, М. 1855, стр. 298—301, митроп. Евгений, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 1, М. 1845, стр. 177—179; Гр. Геннади, Справочный словарь, т. 1,

Московскомъ университетѣ съ 1768 года, читалъ пандекты римскаго права сравнительно съ правомъ россійскимъ¹. Онъ сыгралъ выдающуюся роль въ исторіи науки права въ Россіи и оставилъ видный слѣдъ и въ области уголовного права. Съ 1783 года онъ первый началъ преподавать «россійское законоискусство»².

Область созданнаго С. Десницкимъ въ русской криминалистикѣ не такъ ужъ велика, но цѣнна та положительная намѣтка путей разрѣшенія задачъ русскаго уголовного правовѣдѣнія, разработкѣ которой онъ посвятилъ немало усилій. С. Десницкій въ то же время только углубилъ то, что онъ получилъ отъ Лангера. Вліяніе послѣдняго было на него столь значительнымъ, что оттѣснило въ значительной мѣрѣ впечатлѣнія, полученныя имъ въ Англіи³.

Стремясь поставить на очередь разработку догмы русскаго права, С. Десницкій писалъ въ 1778 году: «...Римское право преподается здѣсь уже болѣе 20 лѣтъ и во всей своей полной системѣ. Когда напротивъ сему Россійское право не составляетъ въ себѣ ни какой особой науки, кромѣ практиче-

Берл. 1876, стр. 296; Влад. Калмыковъ, Русскій біографическій словарь, Дабеловъ-Дядьковскій, Спб. 1905, стр. 331—335; А. Яновскій, статья о Десницкомъ въ Энци. сл. Брокгауза-Ефрона, т. 10—а, стр. 485—6. Рѣчь Морошкина въ Зап. Моск. унив. 1834, ч. III, № 8, Н. Коркуновъ, Исторія философіи права, Спб. 1898, изд. 2, стр. 285 и слѣд.

¹ С. Шевыревъ, Исторія И. М. У., М. стр. 146 и сл. См. о спискѣ пособій къ этому курсу, Влад. Калмыковъ, Русскій біографическій словарь, Дабеловъ-Дядьковскій, Спб. 1905, стр. 333. Мы встрѣчаемъ здѣсь, „Heinessii, Institutiones, Панденты и къ нимъ комментаріи Vinii, Woetii, Noodii... Указы россійскіе, Кормчая книга, Старинное сводное уложеніе, дѣланное по послѣдней комиссіи“. Уже одинъ этотъ списокъ указываетъ какую видную роль С. Десницкій долженъ былъ отводить въ

своихъ занятіяхъ по римскому праву историческому элементу, культивировавшемуся въ трудахъ голландской школы римскаго права, унаслѣдовавшей историзмъ школы французской.

² Біогр. сл. И. М. У. ч. 1, стр. 298.

³ С. Десницкій, всегда сознававшій огромную роль историческихъ изысканій для положительно-правовыхъ построеній, уже въ первый годъ своего преподаванія въ Московскомъ университетѣ (1768) увлекается Монтеスキе. Вліяніе послѣдняго сказывается очень рельефно на его „Представленіи о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской имперіи“ приготовленномъ для передачи Екатерины II въ февр. 1768 г. въ эпоху работъ извѣстной законодательной комиссіи. Ср. изданіе этого интереснаго документа, сообщ. Ал. Успенскимъ, въ Запискахъ Имп. Акад. наукъ, т. VII, № 4.

скаго употребленія судящихъ и судящихся; хотя впрочемъ основано оное на твердомъ положеніи, и утверждено быть можетъ опытами множественныхъ вѣковъ...»¹. Однимъ изъ препятствій для научнаго изученія положительнаго русскаго права С. Десницкій считалъ «неимѣніе собраннаго изложенія правъ Россійскихъ»², но не это препятствіе является, по его мнѣнію, рѣшающимъ. Отсутствие надлежащаго метода при отсутствіи въ Россіи ученыхъ юристовъ— вотъ то условіе, которое губительно отражается на состояніи русской науки права и, въ частности, права уголовнаго.³

Разсуждая о наилучшемъ методѣ изслѣдованія русскаго права, С. Десницкій выясняетъ «какія части юриспруденціи по времени и мѣсту необходимо нужны для преподаванія въ училищахъ»⁴ и въ какомъ соотношеніи стоятъ различные способы изученія права.

С. Десницкій отбрасываетъ, какъ совершенно негодный приемъ, практическое изученіе россійской юриспруденціи въ судебныхныхъ мѣстахъ⁵, въ виду его безсистемности и трудности.

¹ Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства, и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ высокопокровительствуемыхъ училищахъ... говоренное апр. 22 дня, 1778 г. ... С. Десницкимъ, стр. 9. „Въ Россіи, пишетъ въ другомъ мѣствѣ С. Десницкій, до сихъ временъ никакого почти особливаго старанія къ отечественной юриспруденціи прилагаемо не было. Мы не имѣемъ и понынѣ никакихъ сокращенныхъ наставленій Россійскихъ законовъ“, Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 24. Здѣсь же С. Десницкій высказывается о причинахъ этого явленія, стр. 25. Систему такого руководства С. Десницкій представляетъ себѣ въ формѣ подраздѣленія „на права, происходящія отъ различнаго состоянія людей въ Россіи и на права,... отъ различныхъ и взаимныхъ дѣлъ между обывателями Россійскими. Въ первой части показывать должно прерогативы монарховъ Россій-

скихъ и права дозволенные отъ нихъ подданнымъ... Ко второй части... относить должно права вещественныя и персональныя... и сверхъ сего всѣ тяжбыныя и криминальныя дѣла“..., *ibid.* стр. 25.

² Юридическое разсужденіе, стр. 30.

³ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи..., говоренное... свободныхъ наукъ магистромъ, юриспруденціи докторомъ, римскихъ и россійскихъ правъ публичнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Семеновъ Десницкимъ, іюня 30 дня 1768 года, стр. 15.

⁴ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, стр. 10.

⁵ Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства, и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ высокопокровительствуемыхъ училищахъ..., говоренное апр. 22 дня, 1778... С. Десницкимъ, стр. 30 и слѣд., а равно стр. 33.

С. Десницкій полагаетъ, что не только люди практики не могутъ создать соотвѣтственно образованныхъ юристовъ, но что сами судьи должны пройти научную школу ¹. Но если непригоденъ практическій методъ, то столь же нецѣлесообразенъ и пріемъ ознакомленія съ правомъ при посредствѣ метода толковательнаго. Въ первоначальную эпоху разработки юриспруденціи, пишетъ С. Десницкій, имѣло мѣсто «безмѣрное и безпорядочное множество законодательныхъ примѣчаній, которыхъ прочтеніе отнимало у всѣхъ почти размышленіе, утомляло рачительную память и въ изнеможеніе приводило всю остроту разума и рассужденія» ². «Прежнихъ вѣковъ законоучители и письмоводители не столько для изъясненія вещей, къ ихъ упражненію принадлежащихъ, сколько для показанія своей должности писали. Въ такомъ преподаваніи бременномъ и непорядочномъ юриспруденція, наука впрочемъ наиблагороднѣйшая и полезнѣйшая, отъ множества пространныхъ писателей учинилась бременною, и учащихся умы обременяла и отягощала»... ³ Ни методъ практическій въ смыслѣ изученія права въ самомъ процессѣ дѣлопроизводства, ни методъ глоссаторскій, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія С. Десницкаго, не оказываются пригодными.

¹ Въ своемъ недавно открытомъ Ал. Успенскимъ „Представленіи о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской имперіи“, С. Десницкій пишетъ: „искусство и знаніе, надобное судіи, зависитъ: 1) отъ свойственности его разсужденій о томъ, что добрымъ и худымъ слыветъ въ свѣтѣ; 2) такое его знаніе несравненно еще больше усугублено можетъ быть изъ изученія премногихъ примѣровъ судебныхъ дѣлъ. Первое руководство... есть нравоучительная философія, натуральная юриспруденція, и кромѣ сихъ ученіе природы человѣческой, которая больше познается съ чтенія и примѣчаній писателей о разныхъ правленіяхъ народовъ, нежели изъ школьныхъ метафизическихъ споровъ... Почему слѣдуетъ, чтобы судіи до вступленія на

такую должность довольно управлялися въ нравоучительной философіи, натуральной юриспруденціи, въ римскихъ законахъ и кромѣ сихъ наукъ они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества“, стр. 11 и слѣд.

² Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими..., говоренное... іюня 30 дня 1775 г. юриспруденціи докторомъ и профессоромъ Семеномъ Десницкимъ, стр. 14.

³ Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества, стр. 14 и слѣд.

«...Къ щастію нашихъ временъ... пишетъ С. Е. Десницкій, возвращенъ и нашей наукѣ надлежащій способъ историческій, метафизическій и политическій, котораго употребленіемъ всякъ удобно можетъ проникать въ самыя отдаленнѣйшія, въ самыя странныя обыкновенія и установленія народныя, и можетъ оныя со сношеніемъ съ своими изслѣдывать по различному народовъ состоянію и по природѣ всего рода человѣческаго, коего знанія нѣтъ ничего на свѣтѣ смертнымъ полезнѣе и пріятнѣе»... ¹. «Для преподаванія.. Юриспруденціи россійской, говоритъ въ другомъ мѣстѣ С. Десницкій, требуется профессоръ..., котораго должность есть показывать оную порядкомъ историческимъ, метафизическимъ и политическимъ» ². Проанализируемъ тщательно этотъ завѣтъ великаго русскаго юриста и разберемъ въ его отдѣльныхъ элементахъ, не слѣдуя строго тому порядку, въ которомъ они у него перечислены.

С. Десницкій выставляетъ требованіе примѣнять къ изученію права, прежде всего, пріемъ историческій. Онъ понимаетъ его въ духѣ изслѣдованія исторіи отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ у разныхъ народовъ для выясненія законовъ ихъ смѣны. С. Десницкій говоритъ объ «истолкованіи правъ народныхъ» и «сношеніи обыкновений и законоположеній нынѣшнихъ съ первоначальными» ³; какъ ни велика заслуга С. Десницкаго въ столь ясномъ провозглашеніи необходимости историко-сравнительнаго метода въ правѣ, нельзя не вспомнить, что эта задача была уже формулирована до него А. Я. Полъновымъ и въ болѣе конкретной формѣ его современникомъ и учителемъ К. Г. Лангеромъ, изслѣдовавшимъ, въ частности, смѣну укладовъ уголовного права и указавшимъ на роль исторіи въ дѣлѣ его изученія.

С. Десницкій предъявляетъ, далѣе, къ методу изученія права требованіе, чтобы, оставаясь историческимъ, онъ былъ метафизическимъ. Весьма важно уяснить себѣ, какъ понимаетъ онъ это условіе.

¹ Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества, стр. 15. | способъ къ наученію юриспруденціи, стр. 26.

² Слово о прямомъ и ближайшемъ | ³ Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества, стр. 14.

Дошедшіе до насъ труды С. Десницкаго даютъ для этого полную возможность.

С. Десницкій предъявляетъ къ юриспруденціи требованіе, чтобы она слѣдовала «натуральному порядку въ изложеніи» ¹. Отъ профессора «Россійской юриспруденціи» онъ ждетъ, чтобы онъ сносилъ «законы Россійскіе съ натуральнымъ объ нихъ разсужденіемъ» ². Не подлежитъ сомнѣнію, что натуральную юриспруденцію С. Десницкій понималъ при этомъ въ смыслѣ теоретической части правовѣдѣнія, покоящейся на сравнительно-историческомъ основаніи. Говоря, далѣе, о томъ, «какія части юриспруденціи по времени и мѣсту необходимо нужны для преподаванія» ³, С. Десницкій упоминаетъ, прежде всего, о дисциплинахъ нравоучительной философіи и натуральной юриспруденціи. «Наше знаніе, говоритъ онъ, касающееся до правилъ истинны, зависитъ отъ свойственности нашихъ разсужденій о томъ, что праведнымъ и неправеднымъ, добрымъ и худымъ почитается у разныхъ народовъ... Руководство, показующее въ чемъ свойственность нашихъ разсужденій состоитъ, есть нравоучительная философія и натуральная юриспруденція» ⁴. Нравоучительная философія и натуральная юриспруденція должны, въ то же время носить эмпирическій характеръ, отвлекаться отъ реальныхъ фактовъ ⁵. О сторонникахъ противоположнаго взгляда С. Десницкій замѣчаетъ: «теряютъ время трудящіеся въ такихъ отъ чувствъ человѣческихъ удаленныхъ изобрѣтеніяхъ» ⁶. Самыя

¹ Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества, стр. 14.

² Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 26.

³ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 10.

⁴ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 15.

⁵ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 16 и слѣд.

⁶ Слово о прямомъ и ближайшемъ

способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 17. Критикуя системы натуральной юриспруденціи, С. Десницкій нападаетъ на нихъ постольку, поскольку онѣ оперируютъ съ не эмпирическими понятіями. О Пуфендорфѣ, напр., онъ говоритъ: „писать о вымышленныхъ состояніяхъ рода человѣческаго, не показывая какимъ образомъ собственность, владѣніе, наслѣдство и пр. у народовъ происходитъ... есть такое дѣло, которое не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему намѣренію и концу“..., *ibid.*, стр. 20. С. Десницкій здѣсь же, стр. 20, сочувственно отзываясь о естественномъ

задачи натуральной юриспруденціи С. Десницкій представляет себѣ въ томъ видѣ, что «въ сей наукѣ должно изыскивать причины, которыя дѣйствуютъ во всѣхъ государствахъ и суть основаніемъ всѣхъ законовъ и правленій»¹. Систему же натуральной юриспруденціи С. Десницкій рисуетъ себѣ распадающейся на четыре части. Первая трактуетъ «О происшествіи правленій въ разные вѣки и у разныхъ народовъ», вторая—«О правахъ, происходящихъ въ обществѣ отъ различнаго состоянія и званія людей», третья—«О правахъ происходящихъ отъ различныхъ и взаимныхъ дѣлъ между обывателями», четвертая—«О полиціи, или благоустроеніи гражданскомъ»². Вопросы уголовного права оказываются входящими въ эти общія рамки.

Въ общемъ теоретическая юриспруденція С. Десницкаго на положительномъ основаніи, изыскивающая «причины, которыя дѣйствуютъ во всѣхъ государствахъ и суть основаніемъ всѣхъ законовъ и правленій», не очень далека отъ «философіи» Лангера, какъ объединяющаго начала, считающагося съ «естествомъ вещей», и лежащаго въ основаніи положительнаго права,—не далека и отъ того преклоненія передъ сравнительно-историческимъ методомъ, которое слышится въ словахъ Лангера³, когда онъ сравниваетъ

правѣ Соссеіуса, признавая остроумно написанными тѣ части „въ которыхъ онъ писалъ о законахъ“.

¹ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 18.

² Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 20.

³ Большинство изслѣдователей о С. Десницкомъ возводитъ его научные взгляды къ годамъ пребыванія въ Англіи. Влад. Калмыковъ, Русскій біограф. слов., Дабеловъ-Дядьковскій, Сиб. 1905, стр. 332 пишетъ: „поѣздка за границу оставила неизгладимый слѣдъ на образѣ мыслей Десницкаго. Онъ подмѣтилъ тамъ проблески зарождающагося историческаго направленія въ изученіи пра-

ва и явился первымъ и смѣлымъ представителемъ въ Россіи этого еще не вполне опредѣлившагося при немъ направленія... Лекціи Адама Смита не могли не произвести впечатлѣнія на воспріимчиваго русскаго студента“. Не отрицая вліянія заграничной поѣздки С. Десницкаго на его научные взгляды, намъ кажется, что ближе къ истинѣ Н. Коркуновъ, Исторія философіи права, Спб. 1898, стр. 295, когда онъ не находитъ въ чтеніяхъ С. Десницкаго слѣдовъ вліянія Ад. Смита. Не правъ только Н. Коркуновъ, когда въ умѣнн С. Десницкаго освободиться отъ вліянія Ад. Смита онъ видитъ проявленіе особой даровитости нашего выдающагося юриста, *ibid.* стр. 295.

стремящихся изслѣдовать право безъ изученія «происшедшихъ перемѣнъ въ общежительствѣ» съ тѣми, кто «въ безлунную ночь заблуждаясь безъ свѣта, часто препинаются, часто падаютъ и часто не вѣдомо куда приходятъ, токмо не туда, куда итти намѣрены были»¹. Историзмъ С. Десницкаго находитъ себѣ, кромѣ того, опору и въ трудахъ Монтескье², а равно и въ работахъ по римскому праву голландской школы, доктрину учителей которой, унаслѣдовавшихъ и развившихъ историзмъ французской школы, онъ полагалъ въ основаніе своего курса по римскому праву.

Но пойдѣмъ далѣе въ анализъ элементовъ метода, предлагаемаго С. Десницкимъ для работъ по русскому праву. Онъ требуетъ, чтобы методъ этотъ былъ «политическимъ».

Врядъ ли есть серьезное основаніе сомнѣваться, что подъ «политическимъ» приѣмомъ изученія С. Десницкій понималъ построеніе идеаловъ права, находящихся въ согласіи съ тѣми выводами, которые подсказывались результатами приложенія приѣмовъ «историческаго» и «метафизическаго». Самое раздѣленіе приѣмовъ изслѣдованія права на изученіе дѣйствительно существующаго и долженствующаго быть «по различному народовъ состоянію» является серьезнымъ исправленіемъ методологическихъ приѣмовъ Лангера, отчетливо не

¹ Слово о началѣ и распространеніи положительныхъ законовъ и о неразрывномъ союзѣ философіи съ ихъ ученіемъ..., говоренное Карломъ Генрикомъ Лангеромъ, апр. 26 дня 1766 года, стр. 20.—Интересно провести параллель между взглядами на необходимость изученія римскаго права К. Лангера и С. Десницкаго. Первый пишетъ: „мы охотно соглашаемся съ славнымъ Гертиемъ (Comment. de jurispr. civ. sect. I, § 8, который совѣтуетъ, что не должно тѣхъ терпѣть, которые ослѣплены будучи Іустиніановою юриспруденціею, весьма презираютъ знатную... часть философіи“... Слово о началѣ и распространеніи положительныхъ законовъ..., гов. Лангеромъ.. 1766, стр. 19 и сл. С. Десницкій

отводитъ видное мѣсто преподаванію римскаго права, указывая, что оно „преподается... единственно для того, чтобъ снабдить нашъ разумъ довольными примѣрами разныхъ рѣшеній...“ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 24. „Поелику, говоритъ С. Десницкій въ другомъ мѣстѣ, кромѣ системы римскихъ законовъ другой столь подробной и полной еще нигдѣ не обрѣтается; по сей причинѣ Римскія права, послѣ натуральной юриспруденціи, должно показывать...“, *ibid.*, стр. 15 и сл.

² Ср. Представленіе о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской имперіи, Записки Имп. Акад. наукъ, т. VII, № 4, стр. 3.

различавшаго этихъ областей. Уже одна эта прибавка обезпечиваетъ С. Десницкому почетное мѣсто самостоятельнаго работника въ исторіи русской науки, которое онъ по праву и занимаетъ.

С. Десницкій раздѣлилъ судьбу многихъ русскихъ ученыхъ и, намѣтивъ путь для разработки отечественнаго права, не много сдѣлалъ для использованія его въ своихъ трудахъ, въ особенности въ области права уголовнаго. Оставленное имъ, однако, наслѣдіе въ этой области не столь незначительно, что бы не стоило на немъ нѣсколько подробнѣе остановиться.

Въ своей схемѣ разработки русскаго права С. Десницкій не отвелъ мѣста уголовному праву, какъ самостоятельной дисциплинѣ. Въ отдѣлѣ «О правахъ происходящихъ въ обществѣ отъ различнаго состоянія и званія людей» онъ трактуетъ вопросъ о правахъ, «..какія имѣетъ человекъ къ защищенію своего тѣла, имени и проч. ¹. Въ отдѣлѣ «О правахъ происходящихъ отъ различныхъ и взаимныхъ дѣлъ между обывателями» С. Десницкій говоритъ о «delictum» и «quasi delictum» или, какъ онъ выражался, о «преступленіи» и «подобномъ правѣ въ преступленіи» ². Къ области уголовнаго права С. Десницкій примѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ полной мѣрѣ положеніе, что «сіи всѣ права сколько недостаточны бываютъ у непросвѣщенныхъ народовъ, и сколько оныя ограничены и въ совершенство приведены у нынѣшнихъ, сіе историческимъ доказательствомъ должно пространно изъяснять, показывая ихъ точныя основанія» ³.

С. Десницкій строго отграничиваетъ область нравственно недопустимаго отъ неправды уголовной, влекущей за собой наказаніе. Онъ пишетъ: «истинны двоякое знаменованіе.. Исполнительная истина велитъ дѣлать все то, что только по строгости права требовано быть можетъ отъ цѣлаго свѣта и въ противномъ случаѣ она велитъ наказывать всякаго безъ изъятія... за преступленіе... Воздаятельная истина... ту имѣетъ разность, что за

¹ Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 21.

способѣ къ наученію юриспруденціи, 1768, стр. 21.

³ Ibid., стр. 21 и слѣд.

² Слово о прямомъ и ближайшемъ

неисполненіе ея люди не подвергаются наказанію, хотя впрочемъ исполненіемъ оныя заслуживаютъ себѣ и великую похвалу отъ Бога и отъ человѣкъ...»¹. С. Десницкій училъ, далѣе, что скала между областью преступнаго и морально недопустимаго подвижна, но что самое перемѣщеніе морально недопустимаго въ область преступнаго и наказуемаго можетъ совершаться только «верховною властью... съ великою благопристойностію и общимъ благоволеніемъ народа» и съ той оговоркой, что «законодавцамъ въ такихъ законоположеніяхъ премудрость велитъ весьма законоискусно поступать;... святая инквизиція въ Европѣ много мучениковъ надѣлали, однако не много святыхъ произвели во свѣтъ»². Последняя прибавка интересна, между прочимъ, какъ попытка оставаться на исторической почвѣ изслѣдованія.

С. Десницкаго занимаетъ и вопросъ объ основаніи карательнаго права государства. Онъ старается разрѣшить его въ соотвѣтствіи съ своими методологическими возрѣніями, не сходя съ исторической почвы.

Наблюденіе, что месть замѣняетъ въ первыхъ стадіяхъ общественной жизни наказаніе, подсказываетъ С. Десницкому мысль, что «Богъ... съ природы вліялъ человѣку мстительную склонность для защищенія его здравія, имени, имѣнія...»³. Государство, выросшее на почвѣ видоизмѣненія общественныхъ союзовъ, не могло не считаться съ стремленіемъ человѣка мстить. «Правленіе, говоритъ С. Десницкій, такой природной и столь сильной во всякомъ склонности къ отмщенію великое отдастъ уваженіе, отъ чего собственно происходитъ оное мздовоздаяніе зломъ за зло (jus Talionis), которое нынѣ столько въ употребленіе принято и строго наблюдается во всѣхъ почти державахъ просвѣщенныхъ...»⁴. Но если карательная власть государства коренится въ инстинктѣ

¹ Слово о причинахъ смертныхъ казней по дѣламъ криминальнымъ... говоренное... профессоромъ Семеномъ Десницкимъ апр. 22 дня 1770 г., стр. 11.

² Слово о причинахъ смертныхъ каз-

ней, 1770, стр. 13.

³ Слово о причинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 15.

⁴ Слово о причинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 16.

мести, то постепенно укрѣпляющіяся на почвѣ государственнаго общенія условія необходимости «удовлетворенія обидимыхъ», всеобщее сознание цѣлесообразности наказанія, которое С. Десницкій отождествляетъ «съ общимъ благоволеніемъ постороннихъ зрителей»¹; и, наконецъ, потребность моральнаго перевоспитанія преступника полагаютъ наказанію опредѣленные цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ его разумнымъ основаніемъ².

Таково исторически сложившееся основаніе права наказанія, обусловленное его цѣлями. Но послѣднія достигаются только тогда, когда налагаемыя кары «бываютъ умѣрены по дѣламъ, учинены безъ изъятія всякому, и не выходятъ за предѣлъ челоуѣчества».

«Сіе наипаче, добавляетъ С. Десницкій, ... должно наблюдать, чтобы учиненныя казни не выходили за предѣлъ челоуѣчества, въ противномъ случаѣ непристрастные и посторонніе зрители не будутъ благоволить и пришедши въ сожалѣніе объ виноватомъ негодовать станутъ на самыхъ судей, чрезъ что чинимыя казни теряютъ свой успѣхъ»³. Умѣренность наказаній должна, такимъ образомъ, быть соблюдена, такъ какъ «благоволеніе постороннихъ зрителей» — сознание необходимости наказанія требуетъ и удовлетворяется наказаніемъ соответственнымъ, а не превышающимъ мѣру необходимаго. Отсюда вытекаетъ, напр., что убійство должно караться смертною казнью, такъ какъ «...нѣтъ въ свѣтѣ кромѣ смертоубійства иного грѣха, который бы въ чувствованіи непристрастныхъ и постороннихъ зрителей заслуживалъ смертное наказаніе»⁴.

Самый вопросъ о допустимости смертной казни С. Десницкій не ставитъ, однако, съ точки зрѣнія отвлеченно-раціональной. Онъ разсматриваетъ его *a posteriori*, стараясь выяснить при помощи историко-сравнительнаго метода, почему «многіе въ разныхъ государствахъ и за другіе грѣхи смертно казнятся»⁵. Онъ стремится отмѣтить въ то же время, какую роль играютъ въ этомъ процессѣ, съ одной стороны,

¹ Слово о причинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 17.

² Слово о причинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 17 и слѣд.

³ Слово о причинахъ смертныхъ каз-

ней, 1770, стр. 17.

⁴ Слово о причинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 18 и слѣд.

⁵ *Op. cit.*, стр. 19.

«правленіе», а, съ другой «благоволеніе народа»¹. Другими словами, С. Десницкій не рѣшаетъ абстрактно вопроса, хороша или дурна, допустима или недопустима смертная казнь вообще. Болѣе цѣлесообразнымъ онъ считаетъ изслѣдовать тѣ причины, которыя приводятъ къ существованію смертной казни. Этимъ путемъ онъ доходитъ и до объясненія факта, почему политическія преступленія наказываются въ исторіи народовъ смертной казнью².

Таково криминалистическое наслѣдіе С. Десницкаго³ и если оно не велико, то вполнѣ вытекаетъ изъ того метода изслѣдованія права, которому онъ училъ.

С. Мы останавливались до сихъ поръ на типичныхъ попыткахъ заложить основаніе догмы русскаго уголовного права, предпринятыхъ учеными силами Россіи XVIII в. Намъ предстоитъ теперь перейти къ тѣмъ трудамъ по сведенію во едино дѣйствующаго уголовного законодательства, которыя будучи подсказаны практическими соображеніями и исходя отъ практиковъ, носятъ популярно-юридическій характеръ. Съ расцвѣтомъ этого направленія, систематизирующаго законодательный матеріалъ по внѣшнимъ признакамъ, а не по существу, мы встрѣтимся въ ближайшую эпоху развитія науки въ Россіи, когда будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ особенностями этой вѣтви юридической литературы. Ограничимся въ этомъ мѣстѣ только замѣчаніемъ, что направленіе это представляетъ для насъ интересъ какъ подготовительная стадія, предшествующая появленію научной догмы и какъ попытка

¹ Ibid., стр. 19 и слѣд.

² „Порядокъ, спокойство и возлюбленная тишина въ обществѣ, пишетъ С. Десницкій, суть благополучія, для утвержденія которыхъ правительствующіе прилагаютъ всяческое стараніе, употребляя всѣ мѣры къ пресѣченію злостворства и злоупотребленій, клонящихся къ нарушенію оныхъ. Въ семъ случаѣ правленіе часто и одно намѣреніе возстающихъ противъ цѣлости отечества принуждено наказывать смертью“, Слово о при-

чинахъ смертныхъ казней, 1770, стр. 19.

³ Отдѣльные разрозненныя заключенія о преступленіяхъ противъ религіи и духовныхъ наказаній содержатся въ приложеніи II къ „Представленію о учрежденіи, законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской имперіи“: „Управленіе духовное“. Записки Имп. Акад. наукъ, т. VII, № 4, стр. 34 и слѣд. Самая принадлежность, однако, этого приложенія С. Десницкому представляется не вполнѣ доказанной.

уяснить и систематизировать дѣйствующее уголовное право въ видахъ болѣе легкаго съ нимъ ознакомленія.

Въ теченіе XVIII вѣка у насъ становится всеобщимъ сознаніе, что неуспѣхъ научныхъ работъ въ области права обусловливается недоступностью текста законовъ и отсутствіемъ догматическихъ сводовъ ¹. Отдѣльныя узаконенія подъ самыми разнообразными наименованіями были разсыяны въ цѣлой массѣ учреждений и недоступны не только для изученія, но и обзоренія. Попытки кодификаціи оказывались, въ свою очередь, неудачными. При такомъ положеніи должны были возникнуть опыты переизданія и сведенія текста законовъ. Этому дѣлу посвящаютъ свои усилія Академія наукъ, отдѣльныя частныя лица и отчасти оффиціальныя органы правительства. Попытки эти не только многочисленны, но и весьма разнообразны по существу. Иногда они идутъ не дальше стремленія издать вновь текстъ закона, иногда ставятъ себѣ болѣе широкія задачи. Мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя преслѣдуютъ цѣли систематической сводки дѣйствующаго права.

Хотя Академія наукъ не располагала значительными юридическими силами, она очень рано откликнулась на очередную задачу момента.

Наиболѣе раннія попытки Академіи наукъ въ этомъ направ-

¹ Отсутствовали при этомъ не одни только источники русскаго дѣйствующаго права. Столь же недоступны были и иностранные сборники законовъ. Если они и появлялись въ переводѣ, то носили совершенно случайный характеръ. Таковы были сборники военно-уголовнаго права, бывшіе въ ходу еще въ эпоху до-петровскую и отчасти петровскую. Еще болѣе случайный характеръ носитъ появляющійся въ 1778—9 г.г. переводъ Алексѣя Леонтьева Китайскаго уложенія. „Китайское Уложеніе, перевелъ сокращенно съ Манджурскаго на Россійскій языкъ... Ал. Леонтьевъ, Спб. 1778, ч. I, 1779,

ч. II. О А. Леонтьевѣ (†1786) см. Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. 3, М. 1836, стр. 169—172.

Отмѣчая совершенно случайный характеръ появленія перевода Китайскаго уложенія, библиографъ того времени Бакмейстеръ съ полнымъ основаніемъ добавлялъ: „Kaum wagen wir es aus diesem Gesetzbuche etwas anzuführen; denn eines guten Commentars scheint es gar sehr zu bedürfen“. Russische Biblioth. zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausg. v. H. L. Ch. Bacmeister, VI B. 1779, s. 156.

леніи лишены значенія догматическихъ сводовъ и не подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Но не всегда поддается точному установленію характеръ самыхъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что часто онѣ остаются безрезультатными.

Въ 1735 году (2 февр.), напр., «главный командиръ Академіи наукъ» баронъ фонъ Корфъ предлагаетъ Кабинету Е. И. В. на разсмотрѣніе вопросъ объ изданіи Уложенія съ присоединеніемъ жизнеописанія царя А. М.¹, а равно переизданіе указовъ² съ переводомъ послѣднихъ на нѣмецкій языкъ³. Весьма вѣроятно, что «главный командиръ Академіи наукъ» имѣлъ въ виду изданіе Уложенія и указовъ въ формѣ Своднаго уложенія⁴. Во всякомъ случаѣ въ отвѣтномъ указѣ Е. И. В. на предложеніе бар. Корфа значится: «..велѣно прежнее Уложеніе, также Уложеніе сводное, съ указами изъ Сената выправя, отдать и велѣть печатать»⁵, а составленіе жизнеописанія поручить барону Корфу⁶. Къ изданію такого Уложенія вскорѣ и было приступлено⁷, хотя оно не появилось въ свѣтъ въ формѣ Своднаго

¹ Матеріалы для исторіи И. А. Н. т. 2, Спб. 1886, стр. 591 и сл. Историкъ Академіи Г. Ф. Миллеръ, Мат. для И. А. Н. т. 6, Спб. 1890, стр. 436 говоритъ о 4 февр. 1735 г. какъ времени, когда было сдѣлано представленіе въ Кабинетъ.

² Мат., т. 2, стр. 593 и сл.

³ Мат., т. 2, стр. 59, 594. Ср. о дѣятельности Академіи наукъ по переводу иностр. улож. на русскій языкъ, Мат., т. 3, 1886, стр. 608: т. 5, стр. 771 и 775.

⁴ Въ предложеніи бар. Корфа шла рѣчь о переизданіи „своднаго (?) уложенія“. Мат., т. 2, стр. 592.

⁵ Мат., т. 2, стр. 643. Г. Ф. Миллеръ въ своей исторіи Академіи наукъ, Мат., т. 6, Спб. 1890, стр. 436, приурочиваетъ этотъ отвѣтный указъ къ 27 марта 1735 г. Правильнѣе, однако, относить его къ 24 марта, ср. Мат., т. 2, стр. 644.

⁶ Мат., т. 6, стр. 436.

⁷ 5 марта 1735 г., Мат., т. 2, стр. 610. Ср. инт. свѣд. о собираніи матеріаловъ для жизнеописанія ц. Алексея Михайловича у Г. Ф. Миллера, Мат., т. 6, стр. 436. Миллеръ сообщаетъ о розысканіи матеріаловъ для этого изданія въ „Collegio der answartigen angelegenheiten“, въ Печатной конторѣ въ Спб., гдѣ находились „tagbücher, nachrichten von den feldzügen und die eigenhändigen briefe“ А. М.; ср. также Мат., т. 2, стр. 769 и 811 и сл., а равно о сношеніяхъ по вопросу о жизнеописаніи съ бар. Ф. Huysen'омъ. Миллеръ сообщаетъ, далѣе, что 12 апр. 1736 г. составленіе жизнеописанія ц. А. М. было поручено проф. Лоттеру, который 27 окт. 1736 г. и представилъ его Академіи въ 34 параграфахъ на 48 стр., а акад. Вауеръ присоединилъ къ нему свои примѣчанія, Мат., т. 6, стр. 436 и сл. Ср. также о собираніи матеріаловъ для этого жизнеописанія, Мат. для ист. Ак. наукъ, т. 3, Спб. 1886,

уложенія ¹. Интересно то, что и авторъ предложенія Кабинету, и указъ 24 марта 1735, данный Академіи наукъ, смотрять на составленіе Своднаго уложенія чрезвычайно легко, какъ на чисто литературную работу. Мы узнаемъ о редактированіи Своднаго уложенія, что «господину Тредіаковскому и г. Илинскому ревизія, ими повѣреніе, въ пересмотрѣніе ...вручается; а господину Араурову налагается, чтобъ на оное Уложеніе дѣлалъ обстоятельный вещей индексъ»... ² Дѣло обнаружило, однако, рядъ трудностей и есть основаніе полагать, что Академія пришла къ мысли переложить трудъ сводки на отдѣльныя вѣдомства ³. По видимому, и эта попытка окончилась ничѣмъ. По крайней мѣрѣ уже очень скоро выступаетъ на сцену другой планъ.

Академія ставитъ себѣ цѣлью «по разнымъ мѣстамъ находящіяся уставы и учрежденія въ одно мѣсто собравъ, напечатавъ и по примѣру шведскаго метода съ нѣкоторыми реестрами и въ особливья главы привести, что при сочиненіи новаго кор-

стр. 89 и сл. 25-го марта 1737 г., когда печатаніе Уложенія ц. А. М. было уже почти окончено, жизнеописаніе не было еще готово и Академія просила Сенатъ о выпускѣ его въ свѣтъ безъ жизнеописанія. Мат., т. 6, стр. 437. Печатаніе Уложенія было закончено совершенно къ 24 іюня 1737 г., Мат., т. 3, стр. 416. 1 мая 1737 г., акад. Байеръ „übergab... der academie eine schriftliche vorstellung von den schwierigkeiten bei der lebensbeschreibung des zaren“, Мат., т. 6, стр. 437, а 15 ноября 1737 г., Байеръ „legte... seinen versuch einer lebensbeschreibung des zaren der Academie vor“. стр. 437.

¹ Г. Ф. Миллеръ въ своей Исторіи Академіи наукъ сообщаетъ, что „Уложеніе это появилось въ свѣтъ въ 1737 г. подъ заглавіемъ: „Уложеніе ц. и вел. кн. Алексѣя Михайловича, изд. вт.

тисн. въ Спб.“ въ 4500 экз., Мат., т. 6, 1890, стр. 437. Уложеніе въ этомъ видѣ переиздавалось много разъ. Подъ 23 ноября 1750 года мы читаемъ объ отпечатаніи Уложенія въ 1748 г. въ 2025 экз., Мат., т. 10, 1900, стр. 640. Въ 1776 г. Уложеніе появляется въ 4-мъ изданіи. Ср. сообщ. Г. Ф. Миллера, Мат., т. 6, 1890, стр. 437.

² Мат., т. 2, 1886, стр. 644. О справкѣ напечатаннаго ср. Мат., т. 2, 1886, стр. 610.

³ Ср. доношеніе Академіи наукъ Св. Синоду отъ 21 апр. 1735 года, въ которомъ читаемъ: „... святѣйшаго правительствующаго синода академія наукъ покорно проситъ, дабы соблаговолено было, ежели что духовный регламентъ подлежитъ дополнить, то бѣ съ дополненіемъ для печатанія въ академію наукъ прислать“, Мат., т. 2, 1886, стр. 711.

пусть юрисъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ весьма полезно будетъ»¹.

Наряду съ Академіей наукъ попытки догматическихъ сводокъ предпринимаютъ и частныя лица.

Можно указать, напр., на докладъ фельдмаршала Миниха «о собраніи и изданіи всѣхъ Россійскихъ указовъ и регламентовъ, поданный 1735 г. мая 14». Въ немъ весь законодательный матеріаль предполагается «распредѣлить въ разныя статьи подъ разными жъ титулами, какъ то: А. духовныя и церковныя дѣла, В. до правленія касающіяся и полицейскія дѣла, С. судныя дѣла дѣла, D. военныя, E. морскія, F. до коммерціи касающіяся, G. таможенныя и прочія... H. почтовыя дѣла и J... такіе указы, которые ни подъ какую статью приводить невозможно, и кои особо по порядку чиселъ припечатаны быть имѣютъ»². Минихъ имѣлъ въ виду, притомъ, не собраніе законовъ, но догматическую сводку ихъ, когда писалъ: «дабы сіе дѣло не было чрезмѣрно пространно... избрать только надобное»³. Для характеристики той легкости, съ которой онъ относился къ этому дѣлу интересно, что онъ принималъ на себя обязательство «во вся дни, выключая воскресенья... по три часа трудиться, и сіе собраніе такъ заготовить чтобъ безъ дальнихъ трудовъ въ совершенство приведено и напечатано быть могло»...⁴. Мы не знаемъ дальнѣйшей судьбы этого предложенія.

¹ Мат., т. 3, 1886, стр. 661 и сл.

Врядъ ли суждено было, однако, осуществиться и этому проекту. Есть основаніе полагать, что на смѣну его появилось болѣе скромное начинаніе изданія указовъ по годамъ и царствованіямъ. Не позже 27 февр. 1738 г. въ изданіи Академіи появляются указы за 1722 г. въ формѣ перепечатки, впрочемъ, стараго изданія, Мат., т. 3, стр. 634 и слѣд., а равно 652. Указомъ 30 іюля 1739 года Сенатъ предписываетъ Академіи издать книги указовъ царствованія Екатерины I, Петра II и Анны, но сборникъ указовъ первыхъ двухъ царствованій появляется, по словамъ Г. Ф. Миллера, не раньше

1743 г., а указы императрицы Анны остаются и вовсе ненапечатанными, Мат. для И. А. Н. т. 6, Ист. Акад. наукъ Г. Ф. Миллера съ продолж. Штриттера, Слб. 1890, стр. 497 и слѣд.

² Докладъ фельдмаршала Миниха о собраніи и изданіи всѣхъ Россійскихъ указовъ и регламентовъ, поданный 1735 г. мая 14, напеч. въ Отеч. зап. 1821 г. ч. 5, стр. 274.

³ Op. cit., стр. 275.

⁴ Op. cit., стр. 277. Оригиналъ этого доклада Миниха безъ имени автора найденъ и нами на нѣмецкомъ языкѣ въ Портфель бумагъ Г. Ф. Миллера, хранящемся въ Московскомъ Главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, № 149 (III), пап. 11, л. 2.

Болѣе богаты были положительными результатами тѣ попытки, если не объединенія, то сведенія въ одно цѣлое разрозненныхъ постановленій нашего законодательства, которыя предприняты были въ формѣ Словарей. Первыми трудами этого рода были Словари законовъ Ф. Ланганса и М. Чулкова, сыгравшіе довольно значительную роль по своей общераспространенности среди практиковъ конца XVIII и начала XIX вв.

Мысль расположить русскіе не отмѣненные законы въ азбучномъ порядкѣ, по матеріямъ въ нихъ содержащимся, была впервые осуществлена у насъ Ф. Лангансомъ¹.

Въ 1788 году появляется его «Словарь юридическій»², весьма сочувственно встрѣченный практиками, выдержавшій рядъ изданій и переведенный кромѣ того вскорѣ на нѣмецкій языкъ. Совершенно, однако, ошибочно было бы видѣть въ опытѣ Ф. Ланганса нѣчто большее чѣмъ простую группировку въ алфавитномъ порядкѣ самаго разнообразнаго законодательнаго матеріала.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, уголовно-правовыя постановленія нашего законодательства, нужно признать, что попытка Ф. Ланганса ни въ какомъ случаѣ не стремится къ выработкѣ хотябы рациональной номенклатуры понятій уголовного права. Обзорѣніе словъ, по которымъ авторъ располагаетъ законодательный матеріалъ, указываетъ

¹ Біографическія свѣдѣнія о Ф. Лангансѣ у насъ отсутствуютъ совершенно. Проф. Коровецкій, Историч. обзор. рос. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 98, называетъ Ф. Ланганса „московскимъ профессоромъ“.

² Ф. Лангансъ, Словарь юридическій или сводъ російскихъ узаконеній по азбучному порядку для практическаго употребленія И. М. У. Моск. 1788. „Словарь“ этотъ былъ переизданъ въ томъ же году. Ср. Гр. Геннади, Справоч. слов., т. 2, Берл. 1880, стр. 214. Въ 1791 г. „Словарь“ переиздается въ Тобольскѣ съ добавленіями, но безъ указанія имени автора подъ заглав.: „Словарь

юридическій или сводъ російскихъ узаконеній по азбучному порядку съ приб. противъ нанечат. въ университетѣ трехъ годовъ 788, 789 и 790“, Тоб., 1791 г., стр. 210—12 стр. прибавл. По словамъ Гр. Геннади, *ibid.*, „Словарь“ въ томъ же 1791 г. переиздается въ Полоцкѣ „съ прибавл. высоч. узаконеній на Бѣлороссію и всю Великороссію“, а въ 1792 г. появляется въ Ревелѣ въ нѣмецкомъ переводѣ: „Die Russischen Gesetze ihrem Inhalte nach in alphabetischer Ordnung unter Titel gebracht zum Gebrauch der K. jurist. Facultät zu Moscau, aus d. russ. von Helwig., Rev. 1792.“

что цѣли практическія, въ смыслѣ облегченія пріисканія законодательныхъ опредѣленій, совершенно устраняли для составителя необходимость изложенія матеріала права въ порядкѣ логической связи отдѣльныхъ институтовъ ¹. Подъ рубрикой «преступленіе» Ф. Лангансъ даетъ, напр., указанія догматическаго характера по вопросу о необходимости момента воли, значеніи для вмѣненія возраста, степени совершенія и проч., но здѣсь всетаки не видно еще научной систематизаціи ². Объ этихъ понятіяхъ идетъ рѣчь только потому, что они затронуты въ соотвѣтственныхъ постановленіяхъ закона, приводимыхъ съ сохраненіемъ хронологическаго порядка. Отсутствие научнаго расчлененія еще замѣтна на матеріалѣ, который дается Ф. Лангансомъ подъ рубрикой «казнь» ³. Съ одной стороны, здѣсь дѣлается попытка собрать все относящееся къ наказанію вообще, съ другой—привести постановленія объ отдѣльныхъ наказаніяхъ, напр., о смертной казни, ссылкѣ и проч. Подъ рубрикой «каторга» мы встрѣчаемся, однако, опять съ видами ссылки и проч. Справочный характеръ изданія выступаетъ такимъ образомъ у Ф. Ланганса на первый планъ.

Тѣмъ не менѣе и такая систематизація догматическаго матеріала были для своего времени значительнымъ шагомъ впередъ. Извѣстный юристъ начала XIX ст. П. Хавскій свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о практической цѣнности изданія Ланганса: «И. М. У. есть первый, пишетъ онъ, который сдѣлалъ сильный переворотъ въ наукѣ законовѣдѣнія. Онъ издалъ книгу подъ названіемъ Словарь юридическій для своего употребленія, содѣлавшійся въ послѣдствіи необходимымъ для каждаго судебного или присутственнаго мѣста» ⁴. Этотъ отзывъ интересенъ какъ свидѣтельство безпомощ-

¹ Подъ рубрикой „измѣна и возмущеніе“ Ф. Лангансъ указываетъ на рядъ законодательныхъ актовъ, говорящихъ объ этихъ преступленіяхъ; но тутъ же рядомъ подъ рубрикой „Императорское Величество“ онъ вновь приводитъ статьи объ измѣнѣ, Ф. Лангансъ, Словарь юридическій, 1788, стр. 57.

² Ф. Лангансъ, Словарь юридическій,

1788, стр. 139 и сл.

³ Ф. Лангансъ, Словарь юридическій, 1788, стр. 70.

⁴ Лекція, чит. при публичномъ преподаваніи правилъ Россійскаго законовѣдѣнія... въ канц. 1-го стд. 6 деп. Прав. Сен. П. Хавскимъ, 16 февр., 1818 г. М., стр. 9.

наго положенія практиковъ конца XVIII в. Дѣло въ томъ, что Словарь Ф. Ланганса страдалъ цѣлымъ рядомъ недостатковъ, которые должны были быть особенно замѣтными для практиковъ. Онъ былъ, напр., прежде всего, не полонъ. Извѣстный Г. Солнцевъ писалъ: книга эта «весьма недостаточна, ибо 1) многіе законы... въ оной опущены; во 2) самыя выписки суть болѣе только указанія на узаконенія безъ объясненія ихъ содержанія»¹. Въ томъ же смыслѣ высказывались и современные Ф. Лангансу, и послѣдующіе критики².

Тѣ же практическія цѣли, что и Ф. Лангансъ, хотя въ болѣе широкомъ объемѣ, преслѣдуетъ въ своемъ «Словарѣ юридическомъ» М. Чулковъ³. Трудъ послѣдняго⁴ представляетъ собой въ пер-

¹ Г. Солнцевъ, Россійское уголовное право, Ярославль, 1907, стр. 49.

² „Собраніе сіе имѣетъ достоинство перваго въ своемъ родѣ, но исполнено погрѣшностей и недостатковъ какъ по неполнотѣ, такъ и несвойственному въ немъ расположенію законовъ“, писалъ проф. Коровецкій, Историч. обозр. россійск. гражд. и уголовного права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829 г., т. 8, № 48, стр. 98. См. о пропускахъ Ф. Ланганса у К. П(обѣдоносцева) въ его Обозрѣніи частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указныхъ словарей до изданія П. С. З. Росс. имп. въ Архивѣ ист. и практ. свѣд., относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, Спб. 1863, X, стр. 52 и слѣд. Говоря о законахъ, относящихся до морского дѣла, Ф. Лангансъ не упоминаетъ, напр., о Регламентѣ, объ управленіи Адмиралтействъ и верфи 5 апр. 1722 г. и Регламентѣ объ управленіи Адмирал. и флотовъ 1765 г. авг. 24.

³ Біограф. свѣдѣнія о М. Чулковѣ см. Митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 2, М. 1845 г., стр. 242—245.

Мих. Дм. Чулковъ, воспитанникъ Моск. унив., бывшій впоследствіи се-

кретаремъ Сената, представляетъ собой необыкновенно плодовитаго писателя. Митроп. Евгеній называетъ 18 напечатанныхъ М. Чулковымъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. Историческое описаніе россійской торговли, обнимаютъ собой 21 томъ въ 4^о, 1781—1788; кромѣ того имъ написаны Абевега или Словарь русскихъ суевѣрій, выдержавшій два изд., М. 1781 и 1786, Славянскія сказки въ 5 ч., М. 1783—1789 г.г., и цѣлый рядъ работъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній. Тамъ же см. большое число трудовъ М. Чулкова, оставшихся ненапечатанными, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе Проектъ трактата между европейскими государями для истребленія въ Европѣ войны и др. М. Чулковъ приступилъ и къ составленію Россійскаго лексикона, оставшагося не оконченнымъ. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1793 г.

⁴ Словарь юридическій, или сводъ россійскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку. Часть вторая по старшинству годовъ, мѣсяцевъ и чиселъ отъ Уложенія или съ 7157 г., собр. над. сов. Прав. Сената

вой части алфавитный указатель законовъ, въ которомъ такъ же мало научной систематичности въ предѣлахъ отдѣльныхъ рубрикъ, какъ и у Ф. Ланганса. Объ этой части труда М. Чулкова П. Хавскій съ полнымъ основаніемъ говорилъ, что авторъ составилъ ее «на подобіе словаря какого либо языка... Не предположа границъ предметамъ, наполнилъ тысячами ихъ, а многими повтореніями увеличилъ»¹. К. П(обѣдоносцевъ) приходитъ къ тому же выводу². Онъ отмѣчаетъ, что М. Чулковъ «или слишкомъ раздроблялъ предметы, или соединялъ въ одну статью то, что могло составлять отдѣльную часть». Рубрика «преступленія законовъ»³ совершенно не выдѣляетъ процессуальныхъ постановленій отъ матеріально-правовыхъ. Она пестритъ кромѣ того совершенно безразличными для выясненія догматической природы преступленія законодательными актами, напр. ссылкой на указъ 16 ав. 1764 г. «О увѣщаніи преступниковъ и о здѣланіи для того книжицы». Подъ рубрикою «юстиція» М. Чулковъ соединяетъ все то, что относится къ судопроизводству. Но не говоря о томъ, что все вошедшее въ нее размѣщено уже въ соответственныхъ мѣстахъ, здѣсь трактуются вопросы «о безчестіи»⁴, «о оскорбителяхъ Величества»⁵, «дѣлателяхъ фальшивыхъ серебряныхъ и золотыхъ вещей»⁶, «о прелюбодѣянніи», «о ябедникахъ»⁷, «изъ какихъ людей выбирать въ палачи»,⁸ перемѣшанные съ такими темами, какъ «искупленіе плѣнныхъ»⁹, «о суевѣріи», «кликушахъ»¹⁰ и проч.

секрет. Михаилъ Чулковымъ. М. 1792, ч. 2, отд. I, М. 1792; ч. 2, отд. II, б. г.; ч. 2, отд. III б. г.; ч. 2, отд. IV, б. г.

¹ Лекція, чит. при публичномъ преподаваніи правилъ русскаго законовѣдѣнія въ канц. I отд. 6 деп. Прав. Сен. П. Хавскимъ, 16 февр. 1818, М. 1818 г. стр. 10 и сл.

² К. П(обѣдоносцевъ), Обзоръ частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указныхъ словарей до изданія П. С. З. Россійской импе-

ріи въ Арх. ист. и практ. свѣд., отнес. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кв. 5, Спб., 1863, X, стр. 54.

³ Словарь М. Чулкова, ч. I, М. 1792, стр. 539 и сл. рубрика „преступленія законовъ“.

⁴ Op. cit. стр. 798.

⁵ Op. cit. стр. 805.

⁶ Op. cit. стр. 807.

⁷ Op. cit. стр. 817.

⁸ Op. cit. стр. 818.

⁹ Op. cit. стр. 826.

¹⁰ Op. cit. стр. 805.

Подъ рубрикой «юстиція» сосредоточены вообще самые разнообразные предметы.

Самъ М. Чулковъ, повидимому, далеко не сознавалъ слабыхъ сторонъ своего труда и не высоко цѣнилъ перваго труженника на этомъ поприщѣ Ф. Ланганса. Въ посвященіи къ своему «Словарю» М. Чулковъ говоритъ, что имъ исполнена работа, «какой донинѣ въ Россіи еще не бывало, изъ которой и все отечество, а особливо отдаленныя отъ столицъ обыватели почерпнуть великія пользы до изданія намѣреннаго новаго Уложенія; но и по изданіи томъ не во всемъ оная отмѣнится, а болѣе и того сохранить навсегда исторію Россійскихъ законовъ».

Вторая часть «Словаря» М. Чулкова состоитъ изъ изложенія въ хронологическомъ порядкѣ ряда указовъ¹. Эти послѣдніе приводятся съ сокращеніями. Мѣстами даются одни только оглавленія ихъ². Но еще болѣе важной погрѣшностью этой части является то, что отдѣльные указы повторяются авторомъ подъ другими мѣсяцами и числами³. Во всякомъ случаѣ скорѣе въ примѣненіи въ этой части своей книги М. Чулковъ могъ по справедливости считать себя новаторомъ, тажъ какъ никто изъ частныхъ лицъ до него не приступалъ къ составленію подобнаго указателя⁴. Но и въ цѣломъ книга М. Чулкова была незауряднымъ трудомъ по систематизаціи нашего законодательнаго матеріала, и это было подчеркнута самымъ фактомъ ея распространенности въ средѣ юристовъ-практиковъ. П. Хавскій писалъ о «Словарѣ» М. Чулкова: «...книги сии нужнѣйшія: ибо нѣтъ лучшихъ»⁵.

¹ Отд. I обнимало собой время отъ Улож. ц. Алек. Мих. по 1732 г., Отд. II—съ 1732—1775 г.г., Отд. III—съ 1755—1775 г.г., Отд. IV—съ 1775—1796 г.г.

² Проф. Коровецкій уже слишкомъ низко оцѣниваетъ значеніе сборника М. Чулкова когда заявляетъ, что въ изданіи этомъ „сокращенные указы расположены безъ всякаго порядка“, Историч. обзор. російскаго гражданскаго и

уголовнаго права, Сынъ отеч. и Сѣв. Арх., 1829, т. 8, № 48, стр. 98.

³ К. П(обѣдоносцевъ), Ор. cit., стр. 60. Здѣсь данъ длинный списокъ указовъ приведенныхъ вдвойнѣ, ср. стр. 60 и сл.

⁴ К. П(обѣдоносцевъ), Ор. cit., стр. 60.

⁵ Лекція, чит. при публ. прец. правилъ російскаго законовѣдѣнія.. П. Хавскимъ, М. 1818, стр. 11.

Усилія Ф. Ланганса и М. Чулкова по собиранію догматическаго матеріала нашего законодательства и его систематизаціи интересны, между прочимъ, и потому, что на трудъ послѣдняго, какъ появившемся позднѣе, не замѣтно вліяніе «Словаря» Ф. Ланганса. Изолированіе себя отъ трудовъ предшественниковъ характеризуетъ и попытки отдѣльныхъ учрежденій по приведенію въ систему дѣйствующаго права. Независимо отъ того, предпринимаютъ ли они эту работу въ качествѣ подготовительнаго приѣма кодификаціи, или для уясненія догмы въ интересахъ облегченія примѣненія закона на практикѣ, дѣятельность эта, очень близко подходящая къ научной работѣ, почти всегда начинается съизнова, не соображаясь съ попытками предшественниковъ. Самыя задачи этой дѣятельности, направленной часто и на созданіе пособій, которыя могли бы служить цѣлямъ преподаванія, требовали между тѣмъ совершенно другого.

Типами трудовъ, въ которыхъ проявлялось стремленіе изложить догму, различающимися скорѣе по своимъ названіямъ, чѣмъ по самому существу, были такъ называемыя «сводныя уложенія», принятая въ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, «экстракты ихъ законовъ» и разнаго рода «своды». Остановимся нѣсколько на этихъ полуоффиціальныя попытки догматизаціи русскаго уголовного права.

Простѣйшимъ типомъ такихъ работъ были «сводныя уложенія», сохранившіяся, какъ мы уже указывали прежде ¹ въ большомъ количествѣ списковъ XVIII вѣка. Это были записи новыхъ узаконеній въ дополненіе и отмѣну постановленій Уложенія царя Алексѣя Михайловича ².

Образцомъ такого труда является рукопись Своднаго уложенія, хранящаяся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ за № 1581.

¹ См. выше, стр. 51, прим. 4.

² Иногда, впрочемъ, „сводныя уложенія“ являются просто сборниками указовъ. Ср., напр., экземпляръ такого Своднаго уложенія, воспроизводящаго нѣкоторые указы первой половины XVIII в. въ извлеченіяхъ, въ рукописи, храня-

щейся въ Румянц. музеѣ за № 2802, и совпадающаго съ „экстрактомъ“ изъ законовъ; въ части первой „уголовной или криминальной“ Сводное уложеніе это трактуетъ „о судныхъ дѣлахъ“, „казняхъ“ и проч.

Она даетъ первыя 10 главъ Уложенія и присоединяетъ къ нимъ дополнительныя узаконенія, оканчивающіяся 1744 годомъ¹. Дополненія эти сдѣланы въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ видѣ глоссъ, содержащихъ въ себѣ выписки изъ указовъ, законовъ римскихъ и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ Уложенія. По существу, здѣсь дается только матеріалъ для созданія догмы и выводить ее предоставляется пользующемуся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, причѣмъ ему облечается только самое сопоставленіе.

Иногда въ «сводныхъ уложеніяхъ» изложеніе текста законовъ замѣнено только однимъ указателемъ статей Уложенія съ соотвѣтствующими добавленіями². Въ самомъ порядкѣ расположенія матеріала чувствуется система Уложенія 1649 г., но самыя законы группируются по предмету содержанія. Такая систематизація проявляется, напр., по отношенію къ преступленіямъ религіознымъ въ томъ, что сведены въ одно мѣсто постановленія Уложенія съ соотвѣтственными статьями Кормчей, постановленіями Артикула воинскаго объ идолопоклонствѣ, чернокнижничествѣ и т. п.³. Особую группу составляютъ постановленія объ убійствѣ, куда сведены законодательныя опредѣленія о похвальбѣ убійствомъ⁴, убійствѣ «нарочномъ»⁵, «ненарочномъ», «внезапномъ», «воборонѣ и дракѣ»⁶. Въ самостоятельный отдѣлъ выдѣлена кража. Рядомъ поставлены случаи «кражи платья сумершихъ телъ», «испрударыбъ», «кража и поврежденіе пчель и порча звериной и прочей привады», «кража садовъ, огородовъ и хмеля», «кража съ поля хлеба», «кража лошадей, сена, спожару», «неказеннаго», «казеннаго» и проч.⁷. Оскорбленія чести трактуются также въ видѣ отдѣльной группы. Упоминается о «безчестіи словами и на писме»⁸. Половыя преступленія, въ свою очередь, обособляются

¹ Рукопись за № 1581, напис. скороп. XVIII в. въ листъ, на 200 л., изъ собр. Бѣляева.

² Рукопись Своднаго уложенія, написанная скорописью XVIII в. въ листъ, на 94 л., Румянц. музей, № 3294, составленная около 1766 г.

³ Рум. музей, № 3294, л. 1, п. 3.

⁴ Рум. музей, № 3294, л. 31, п. 92.

⁵ Рум. музей, № 2294, л. 31, п. 93.

⁶ Рум. музей, № 3294, л. 31, п. 94.

⁷ Рум. музей, № 3294, л. 37—8, п.п. 115—124.

⁸ Рум. музей, № 3294, л. 31, п. 95.

въ отдѣльную категорію ¹. Нѣкоторыя группы преступленій, упоминавшіяся въ Уложеніи 1649 г., мѣняють въ то-же время и свое мѣсто, и формулировку. Таковы въ ряду другихъ преступленія «фальшивой монеты дѣлателей» ². Въ общемъ эта система выдерживается довольно послѣдовательно, и только въ концѣ замѣчаются приписки, относящіяся къ вопросамъ уже затронутымъ прежде ³. Такъ какъ эти приписки, въ свою очередь, сгруппированы въ самостоятельныя рубрики, то легко можно заключить, что въ нихъ устанавливаются прибавки къ отдѣламъ, рассмотрѣннымъ уже, которыя по соображеніямъ чисто техническимъ помѣщаются въ концѣ и подлежатъ сліянію съ прежними рубриками.

Есть основаніе полагать, что схема преступленій, выработанная въ Сводномъ уложеніи, нами рассмотрѣнномъ, была весьма распространенной въ цѣломъ рядѣ учрежденій, имѣвшихъ дѣло съ примѣненіемъ дѣйствовавшаго въ ту эпоху уголовного законодательства. Мы приходимъ къ этому заключенію на основаніи того, что съ очень незначительными вариантами та же схема встрѣчается и въ другихъ спискахъ «сводныхъ уложеній» ⁴.

Наряду съ «сводными уложеніями» задача систематизаціи дѣйствующаго права разрѣшалась при посредствѣ составленія «экстрактовъ изъ російскихъ законовъ». Этотъ видъ подготовки матеріаловъ для созданія догмы предпринимался иногда въ законодательныхъ комиссіяхъ для разрѣшенія ихъ непосредственныхъ задачъ.

Съ однимъ изъ такихъ «экстрактовъ» мы встрѣчаемся въ трудахъ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія въ эпоху Екатерины II. Онъ представляетъ собою «Экстрактъ изъ законовъ по Юстиць-Комиссіи, сочиненный Петромъ Вешняковымъ въ 22 гла-

¹ Рум. музей, № 3294, л. 83, п. п. 336 и слѣд.

² Рум. музей, № 3294, л. 41, п. 137.

³ Рум. музей, № 3294, л. 79, п. 315 о нужномъ обороненіи; л. 80, п. 321 о разбойникахъ; л. 82, п. 326 о воровствѣ.

⁴ Ср. напр., Сводное уложеніе, хра-

нящееся въ Рум. музей за № 2801, въ которомъ п. 1, 92, 93 и др. совершенно совпадаютъ. Отличіемъ является только то, что въ этомъ списокѣ Своднаго уложенія мѣстами выписаны и самыя законодательныя постановленія въ извлеченіяхъ.

вахъ»¹. Мы имѣемъ въ этомъ памятникѣ трудолюбія сопоставленіе отдѣльныхъ мѣстъ изъ дѣйствующаго уголовного законодательства въ сокращеніяхъ.

Весьма вѣроятно, что «Экстрактъ» Петра Вешнякова былъ составленъ для извѣстной екатерининской Комиссіи на основаніи распространеннаго въ правительственныхъ учрежденіяхъ большого экстракта «Сводъ юстицкой», который обнималъ всѣ области законодательства.

«Часть первая или криминальная» этого «Свода», относящаяся къ екатерининскому времени и дошедшая до насъ въ цѣлости, является экстрактомъ уголовныхъ законовъ, выписанныхъ подлинными словами и раздѣленныхъ на 58 главъ². По системѣ, «часть первая» примыкаетъ къ легальному порядку Уложенія 1649 г. и является, такимъ образомъ, очень близкой, по типу, къ обычному «сводному уложенію». Первая глава «Свода» трактуетъ «о богохульникахъ», вторая—«О клятвопреступникахъ», третья—«О церковныхъ мятежникахъ», четвертая—«О отступленіи отъ вѣры и превращающихъ въ иноверство», пятая—«О оскорбителяхъ величества» и проч. Последующія главы говорятъ объ остальныхъ видахъ преступленій и, въ частности, 24-я «О умышенномъ смертноубивствѣ» состоитъ изъ выписокъ изъ Уложенія 1649 г., постановленій Артикула воинскаго и др. законодательныхъ актовъ.

Часть третья того же «Свода»³, носящаго заглавіе въ одномъ спискѣ его «Сводъ юстицкой»⁴, трактуетъ вопросы дѣлопроизводства. Глава первая этой части начинается изложеніе съ вопроса «О принадлежащихъ дѣлахъ до Сената по его должности». Эта третья часть экстракта изъ разныхъ указовъ распределена на 22 главы. Въ другомъ спискѣ той же третьей части «Свода», найденномъ нами, она носитъ названіе: «Соглашеніе матеріямъ по третьей части юстиціи»⁵.

¹ Рум. музей, № 2936, т. 3 (XVII).

² Рум. музей, рукопись за № 2994. „По юстиціи, часть первая или криминальная“.

³ Рум. музей, рук. за № 3366.

⁴ „Сводъ юстицкой“, № 3366, на-

писанъ скорописью второй половины XVIII в. въ листъ и расположенъ на 68 л.

⁵ Рум. музей, рук. за № 2801. Третья часть „Свода“ соединена въ этомъ спискѣ ея съ другимъ памятни-

«Сводныя уложенія» и «экстракты» изъ законовъ уголовныхъ, съ типомъ которыхъ мы познакомились, являлись, довольно обширными трудами, въ которыхъ не всегда легко удавалось, въ особенности начинающимъ практикамъ, найти необходимыя имъ законодательныя опредѣленія. Повидимому для удовлетворенія именно этой потребности органы, примѣняющіе законы уголовные, создали особый «Указатель наказаній», найденный нами въ двухъ спискахъ. Число послѣднихъ можно предполагать было весьма значительнымъ. «Указатель наказаній», является въ общемъ въ высшей степени интереснымъ документомъ, догматизирующимъ уголовное право не по сложному моменту преступленія, но по признаку наказанія, легко поддающемуся учету.

«Въ законахъ Россійскихъ, читаемъ мы въ такомъ «Указателѣ»¹, установлены за преступленія 1, казни, 2, наказанія. Онѣ раздѣляются (на) .. А, казни смертныя, В, казни вмѣсто смерти употребляемыя..., С, наказанія тѣлесныя, Д, наказанія наносящія стыдъ и безчестіе, Е, штрафы и пѣни, служащія исправленіемъ въ погрѣшностяхъ». Каждое изъ этихъ наказаній подраздѣляется въ «Указателѣ» на отдѣльныя виды, подъ которыми и приведены соотвѣтствующія преступленія въ формѣ ссылокъ на Уложеніе 1649 г., Артикуль воинскій, Морской уставъ и проч. Подъ рубрикой, напр, «А. казни смертныя, сжечь» говорится о «богохульникахъ, превратителяхъ въ басурманство, еретикахъ и раскольникахъ» и пр. Подъ рубрикой «желѣзомъ прожечь языкъ и отсѣчь голову» упомянуты опять «богохульники» съ указаніемъ на статьи Артикула воинскаго и Морского устава. Имѣются рубрики: «колесовать и рвать клещами», «разстрѣлять» и т. д. Въ отдѣлѣ «штрафовъ и пѣней» послѣдніе распределены по ихъ суммѣ, начиная съ 1000 руб.

Наиболѣе интереснымъ памятникомъ попытокъ догматизаціи

комъ, носящимъ характеръ Своднаго уложенія, которое было нами разсмотрѣно уже выше.

¹ Самостоятельный списокъ „Указателя наказаній“ найденъ нами въ рукописи

Рум. музея за № 2995. Тожественный списокъ приложенъ къ „Экстракту изъ законовъ“ въ 22 главахъ, составленному Петромъ Вешняковымъ, Рум. музей, № 2936, т. 3 (XVII).

уголовнаго права, предпринятыхъ правительственными органами, является соотвѣтственная часть «Описанія внутренняго россійской имперіи правленія», открытаго въ концѣ 90-хъ годовъ акад. А. Лаппо-Данилевскимъ»¹. «Описаніе» законченное, повидимому, въ началѣ 1780 годовъ весьма вѣроятно было вызвано къ жизни неудачной попыткой созданія въ эпоху Екатерины II законодательства дедуктивнымъ путемъ, съ игнорированіемъ его историческихъ основъ².

«Описаніе» распадается на 11 главъ или частей³, изъ которыхъ 2-я «О правосудіи» содержитъ «Екстракты старыхъ законовъ со

¹ А. Лаппо-Данилевскій, Собраніе и своѣ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II, Ж. М. Н. Пр. 1897, янв., мартъ, май, декабрь. Ср. въ этомъ трудѣ интересныя соображенія о времени составленія „Описанія“, его авторахъ и отношеніи къ трудамъ Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Акад. А. Лаппо-Данилевскій полагаетъ, что введенія къ разнымъ частямъ „Описанія, ходъ работъ по его составленію, система изложенія и цѣль, преслѣдуемая его составителями, даютъ новый и цѣнный матеріалъ для исторіи науки русскаго права и для изученія развитія русскаго правосознанія вообще во второй половинѣ XVIII в.“ Ор. cit., янв., стр. 1 и сл.

„Описаніе, какъ убѣдительно доказываетъ акад. А. Лаппо-Данилевскій, осталось неизвѣстнымъ послѣдующимъ законодательнымъ комиссіямъ, а равно З. Горюшкину и гр. М. Сперанскому. Ор. cit., дек., стр. 387 и сл. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ мы могли бы указать, что составленіе „Описанія“ было, кажется, не неизвѣстнымъ проф. С. Десницкому, который въ своей рѣчи „Слово на высоторжественный день тезоименитства Е. И. В... Екатерины Алексѣевны... ноября 28 дня 1775 г.“, стр. 12, писалъ объ императрицѣ: „Она всевозможнымъ образомъ старалась и

нынѣ старается о прекращеніи и истребленіи злоупотребленій, неправдъ, обидъ и притѣсненій происходящихъ отъ несогласія и криводушнаго толкованія законовъ и отъ непорядка судовъ.—Къ отвращенію сихъ золъ... Ея Величество употребила... какъ дѣйствительнѣйшія, такъ и самоближайшія къ дѣлу средства, то есть изложеніе правъ Всероссійскихъ и распоряженіе судовъ“. Весьма возможно, впрочемъ, что проф. С. Десницкій разумѣетъ въ этомъ случаѣ составленіе проекта Уложенія вообще.

² Ср. по этому вопросу А. Лаппо-Данилевскій, Ор. cit., дек., стр. 366 и слѣд.

³ Въ „Предъувѣдомленіи“ мы читаемъ о системѣ и содержаніи „Описанія“: „трудъ сей расположенъ на столько главъ, сколько существо внутренняго въ Россіи правленія главныхъ частей въ себѣ заключаетъ; и такъ предложено будетъ: 1. О порядкѣ государства въ силѣ общаго права. 2. О правосудіи. 3. О народномъ просвѣщеніи. 4. О земскомъ и городскомъ благочиніи. 5. О почтахъ и большихъ дорогахъ. 6. О государственныхъ доходахъ. 7. О государственномъ изобиліи. 8. О торговлѣ. 9. О учрежденіяхъ для содержанія въ добромъ порядкѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ. 10. О правахъ и преимуществахъ государственныхъ родовъ. 11. О правѣ надъ вѣщами“, Гл. I, лл. 10 и 11.

(7)190 (т. е. 1682) по 1778 г.... сходственно историческому и хронологическому порядку собранное сочинителем Петром Поповым»¹. Главная цель, которую преслѣдовали составители «Описанія» сводилась къ уясненію и систематизаціи дѣйствующаго права. Цель, эта, по ихъ мнѣнію, можетъ быть достигнута при помощи изученія законодательства въ его историческомъ развитіи въ видахъ лучшаго устраненія неясности и противорѣчій накопившихся въ немъ. «Ни что такъ человѣческаго вниманія не достойно. пишутъ составители «Описанія», какъ состоянія царствъ земныхъ, и тѣ переменны, коимъ они въ началѣ и распространеніи своемъ бывають подвержены». И хотя препятствіемъ на пути познанія этого является то, что «разумъ законоположенія, коимъ народное правленіе было оживлено, или разными противорѣчіями затемнѣнь или же и со всемъ неизвѣстенъ»², но это не должно удерживать отъ разсмотрѣнія «всѣхъ частей внутренняго правленія. народныя державы»³. «Сіе толико достойное человѣческаго рода упражненіе, замѣчаютъ составители «Описанія», награждено будетъ совершеннымъ успѣхомъ, ежели внутреннее правленіе каждой державы, объемлющее всѣ части законоположенія, написано и любопытному читателю преподано будетъ»...⁴.

Полагая, что къ моменту составленія «Описанія» уцѣлѣли въ дѣйствующемъ правѣ только законодательныя опредѣленія эпохи Петра В., авторы этого труда начинаютъ изложеніе догмы русскаго права съ этого царствованія. «Петръ Великій, читаемъ мы въ «предъувѣдомленіи», взошедъ на родительскій престолъ тотчасъ объялъ всѣ части внутренняго правленія... далъ имъ новое образованіе. Сверхъ того насадилъ въ Россіи науки, распространилъ торговлю, положилъ основаніе для утвержденія государственнаго благоустройства... А потому и трудъ сей начало свое долженствуетъ принять отъ времени вступленія его на всероссійскій престолъ съ

¹ Рум. музей, № 2937, Гл. II „О правосудіи“, л. 2.

² Рум. музей, № 2937, Предъувѣдомленіе, гл. I, л. 4.

³ Рум. музей, № 2937, Предъувѣдомленіе, гл. I, л. 3.

⁴ Рум. музей, № 2937, Предъувѣдомленіе, гл. I, л. 4.

такимъ притомъ объясненіемъ, что кратко показаны будутъ и тѣ учрежденія, кои отъ предшественниковъ его были обнародованы»¹. Точнаго установленія догмы составители стремились достигъ при помощи пріема дословнаго воспроизведенія текста законовъ, не утратившихъ своего дѣйствія. Составители неустанно заботятся о томъ, чтобы разнести по отдѣльнымъ главамъ «Описанія» «узаконенія со всею точностью». «Читатель, замѣчаютъ они съ гордостью, не найдетъ здѣсь ни единыя изъ тѣхъ погрѣшностей, которыя отъ приверженности къ лицу или другихъ пристрастія источниковъ происходятъ». Они напоминаютъ, что «противу всякія статьи не только означены годъ и число, въ которые каждое постановленіе послѣдовало, но и показано какое имянно правительство или самъ государь заблагоразсудили»². Такъ какъ при такомъ пониманіи догмы приходилось всетаки воспроизводить множество самыхъ разнообразныхъ законовъ по одному и тому же предмету, то составители опускали только то, что, по ихъ мнѣнію, было цѣликомъ отмѣнено послѣдующими узаконеніями, а сохранившее силу по частямъ распредѣляли въ хронологическомъ порядкѣ по отдѣльнымъ царствованіямъ. Такимъ образомъ получилось, что въ предѣлахъ каждой главы, посвященной отдѣльной отрасли «сравленія», приводимые законы распредѣлялись на шесть отдѣловъ³, по числу царствованій. На тотъ случай, когда сохранившіе силу законы были связаны съ болѣе ранними, приводилось краткое вступленіе, въ которомъ эта связь вскрывалась. Система изложенія усвоенная авторами «Описанія», страдала, прежде всего, тѣмъ недостаткомъ, что не отводила должнаго мѣста Уложенію царя Алексѣя Михайловича, сохранившему частями и въ эпоху Екатерины II значеніе дѣйствующаго законодательства. Но и помимо того, стремленіе установить догму, не трогая отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій и не измѣняя ихъ формы, напо-

¹ Рум. музей, № 2937, гл. I, л. л. | Екатерины II, 3—Петра II, 4—Анны 8 и 9. | Иоанновны, 5—Елисаветы Петровны,

² Рум. музей, № 2937, гл. I, л. 11. | 6—Екатерины II, гл. I, л. 12.

³ 1 отд. царствованіе Петра I, 2—

минало попытку сшить платье изъ неразрѣзанной и нескроенной матеріи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что та догма, которая получилась при такихъ условіяхъ работы, носитъ характеръ сводки неполной въ виду произвольнаго устраненія существенной части матеріала и запечатлѣна неясностью взаимоотношенія однопредметныхъ законодательныхъ опредѣленій. Но сводка эта въ то же время и безсистемна. Это въ особенности справедливо относительно уголовно-правового содержанія «Описанія». Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно даже только слегка остановиться на затронутыхъ въ немъ вопросахъ.

«Сочинитель» заявляетъ о содержаніи 2-й главы «Описанія» — «О правосудіи»: «въ сію главу входятъ законы о порядкѣ судебномъ, о производствѣ дѣлъ и о преступленіяхъ»¹. «Сочинитель» подходит, такимъ образомъ, къ своей темѣ со стороны процессуальной какъ болѣе сродной практику. Отъ формъ разрѣшенія спора онъ переходитъ къ содержанію самого предмета спора. Но на этомъ пути возникаетъ, во первыхъ, необходимость смѣшать область правосудія гражданскаго и уголовнаго и цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ формамъ процессуальнымъ, ввести въ изложеніе въ качествѣ необходимыхъ предположеній процесса. Таковъ, напр., вопросъ о тюрьмахъ, какъ мѣстахъ, куда можетъ быть посаженъ находящійся подъ судомъ², постановленія, связанныя съ допросомъ — пыткой, заодно съ ними и порядокъ соблюденія разныхъ судопроизводственныхъ правилъ³. Видное мѣсто отведено «Описаніемъ» уголовнымъ постановленіямъ Устава воинскаго⁴, изложеніе которыхъ незамѣтно переходитъ въ исползованіе опредѣленій «Краткаго изображенія процессовъ» и отдѣла «О наказаніяхъ и казняхъ», какъ естественнаго конца уголовнаго процесса⁵. Колебанія между изложеніемъ процессуальныхъ и матеріальныхъ опредѣленій уголовно-правового характера, повторяется, при-

¹ Рум. музей, № 2937, гл. II „О правосудіи“, л. 3.

² Рум. музей, № 2937, гл. II, ст. 142.

³ Рум. музей, № 2937, гл. II, ст. 162.

⁴ Рум. музей, № 2937, гл. II, ст. 169.

⁵ Ср. *Op. cit. passim*, ст.ст. 1—243.

томъ, почти въ каждомъ отдѣлѣ, посвященномъ, согласно общему плану труда, не разнымъ вопросамъ, но тѣмъ же вопросамъ въ предѣлахъ cadaго царствованія со времени Петра В. вплоть до Учрежденія для управленія губерній 7-го ноября 1775 года.

V.

ЭКЛЕКТИКИ.

Теод. Баузе.

Мы намѣтили тѣ пути, по которымъ протекала въ XVIII в. разработка уголовного права въ Россіи. Мы видѣли какъ историческія условія роста русской уголовной юриспруденціи съ необходимостью удерживали ее на пути практическаго изученія дѣлопроизводства, съ одной стороны, и толкали, съ другой, на дорогу заимствованія западно-европейскихъ теоретическихъ конструкцій. Оба эти пути привели русскую криминалистику еще во вторую половину XVIII в. къ попыткамъ догматическаго характера болѣе или менѣе неудачнымъ. Одновременно съ этимъ не было, однако, недостатка и въ опытахъ эклектическаго характера, стремившихся примирить всѣ эти направленія и подчеркнуть въ изученіи догмы ея исторію.

Съ такой эклектической задачей правовѣдѣніе выступаетъ весьма ярко у проф. Московскаго университета Теодора Баузе. Для полученія болѣе отчетливаго представленія о томъ, что давалъ этотъ ученый въ теченіе долгихъ лѣтъ своего преподаванія въ Московскомъ университетѣ (1782—1811) намъ придется прибѣгнуть къ возстановленію читавшагося имъ на основаніи сравнительно небольшого числа данных¹.

¹ Изъ трудовъ Т. Баузе до насъ дошли немногіе въ напечатанномъ видѣ. Біографы его сообщаютъ о значительномъ числѣ работъ его приготовленныхъ для печати и оставшихся въ рукописномъ видѣ. „Всѣ его записки, замѣчаетъ митроп. Евгеній, Сл. рус. св.

пис., т. 1, стр. 30, ... въ такомъ порядкѣ, что всякимъ свѣдущимъ въ сихъ предметахъ могутъ быть употреблены въ пользу и изданы“. Ср. также Тихонравовъ въ Біограф. слов. проф. и преподав. И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 86.

Главнымъ предметомъ преподаванія Теодора Баузе¹ было римское право². Дошедшіе до насъ труды его не носятъ, однако, спеціальнаго характера. Рѣчь, произнесенная имъ въ годъ его вступленія въ Московскій университетъ 25 ноября 1782 года, представляетъ собой значительный интересъ, какъ попытка изложенія взглядовъ на задачи юриспруденціи вообще³ и уголовной въ частности. Въ этомъ трудѣ проф. Баузе даетъ себя сильно чувствовать вліяніе эклектизма Гейнекція и его стремленія къ гуманитарному образованію юриста.

Теод. Баузе различаетъ юриспруденцію теоретическую и практическую.

Теоретическая юриспруденція можетъ быть философскою и историческою или естественною и положительною. Первая включаетъ въ себя право естественное и народное «*jus naturae et gentium*», право государственное, этику и политику, а юриспруденція положительная—право гражданское въ собственномъ смыслѣ «*jus civile proprie sic dictum*» и всѣ виды положительнаго права, какъ божественнаго, такъ и человѣческаго, вытекающіе изъ него, какъ изъ своего источника.

Практическая юриспруденція имѣетъ своей цѣлью приложеніе предписаній закона «*praeserta*» и общихъ теоретическихъ началъ «*principia universalia*» къ единичнымъ случаямъ и проявляется въ разнообразныхъ формахъ заключеній, постановленій, указаній и пр.⁴

¹ Біографическія свѣдѣнія о Т. Баузе см. митроп. Евгеній, Словарь русскихъ писателей, т. 1, М. 1845, стр. 28—30; Тихонравовъ, Біограф. слов. проф. и преп. И. М. У. ч. 1, М. 1855, стр. 68—89; Гр. Геннади, Справ. слов. о русск. писат. и уч., т. 1, Берл. 1876, стр. 71; Русск. біограф. слов., т. 2, Спб. 1900, стр. 594—595; Воспоминанія И. М. Снегирева, Русск. арх., 1866, стр. 753—755. Теод. Баузе родился въ 1752 г. въ г. Триптисъ въ

Саксоніи и умеръ въ Москвѣ 25 мая 1812 г.

² Ср. Тихонравовъ въ Біограф. слов. проф. и преп. И. М. У. ч. 1, стр. 86.

³ *Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione... dicta a. c. 1782 a Theodoro Bause.*

⁴ *Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione a. c. 1782 a Theodoro Bause, p. 13.*

Для полнаго пониманія этого расчлененія правовѣдѣнія важно обратиться къ источнику, откуда черпалъ Г. Баузе и, прежде всего, къ трудамъ Иог. Гот. Гейнекція ¹.

Зданіе естественнаго права Гейнекціей возводитъ на началахъ моральной философіи ². Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ принципомъ добра, который онъ полагаетъ въ основаніи этики, Гейнекціей различаетъ добрыя и злыя дѣйствія ³ и въ естественномъ правѣ видитъ «*complexio legum ab ipso Deo immortalī generi humano per rectam rationem promulgatarum*» ⁴. Въ связи съ этимъ есте-

¹ Иог. Гот. Гейнекцій род. 11 сент. 1681 г. въ Эйденбергѣ. Въ 1708 г. онъ становится адъюнктомъ философскаго факультета въ Галле и вскорѣ, благодаря вліянію Струк'а, заинтересовывается юриспруденціей. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVIII в. Гейнекціей профессорствуетъ въ Галле, въ 1724 году переходитъ въ Франекеръ въ Голландіи, гдѣ ближе знакомится съ ученіями историческаго направленія въ изученіи римскаго права, сказавшимися рельефно на его позднѣйшихъ работахъ. Въ 1727 году Гейнекціей выступаетъ во Франкфуртѣ на Одерѣ, а въ 1733 году возвращается въ Галле, гдѣ и умираетъ 31 авг. 1741 г. Ср. Teichmann въ *Rechtswörterbuch* Fr. v. Holtzendorff'a, Leipz. 1881, 2 B. S. 308.

² Въ своемъ трудѣ *Elementa philosophiae rationalis et moralis*, ed. 1857, Гейнекціей даетъ, прежде всего, основы методологіи. Онъ пишетъ: „non solam artem syllogisticam, non solam differendi disputandique facultatem... mihi tradendam credidi, sed praecipue, quo ordine, quaque methodo progrediendam sit omnibus, qui veritatem reperire, eamque a falso discernere cupiunt, perspicue monstravi“, Praef., VIII. Отъ общихъ методологическихъ приѣмовъ онъ переходитъ къ нравствен-

ной философіи, къ области этическихъ понятій, Praef., IX. Онъ усматриваетъ въ этикѣ часть практической философіи, *Elem. philos. mor.*, c. I, § 1 и опредѣляетъ ее какъ „*cognitio boni, vel scientia, ostendens rationem, ad summum bonum eiusque fruitionem perveniendi*“, *ibid.*, § 2. Область этики Гейнекціей, однако, рѣзко отграничиваетъ отъ права, хотя добро и является тѣмъ началомъ, стремленіе къ которому положено въ основаніе естественнаго права. „*Quandoquidem, говоритъ Гейнекціей, porro ethica viam munit ad summum bonum, et coniunctam cum eo veram felicitatem: nemo amplius disciplinam hanc cum iure naturae, quod bonum, quatenus iustum, honestum, decorum est, confundet*“, *ibid.*, § 6. О понятіи bonum и malum, *ibid.*, c. III, § 152.

³ Io. Gottl. Heineccius, *Elem. iuris naturalis et gentium*, 1738, l. I, c. I, § 1.

⁴ Io. Gottl. Heineccius, *Elem. iuris naturalis et gentium*, 1738, l. I, § 12. Самую науку естественнаго права Гейнекціей опредѣляетъ, *ibid.*, какъ „*habitus practicus voluntatem supremi legislatoris ex recta ratione cognoscendi, applicandique quibusvis speciebus obvenientibus*“.

ственное право представляется Гейнекцію неизмѣняемымъ ¹. Такъ какъ естественное право «*ius naturae*», думаетъ далѣе Гейнекцій, обнимаетъ законы, которые продиктованы роду человѣческому «*per rectam rationem*», а люди входятъ въ соотношеніе между собою какъ отдѣльныя особи или какъ соединенія людей, то должно различать: «*ius, quo singulorum actiones reguntur, naturale*» и «*ius gentium*», которое «*est ipsum ius naturale, vitae hominis sociali negotiisque societatum atque integrarum gentium applicatum*» ². Дальнѣйшее различіе объектовъ подсказываетъ новый членъ этой схемы «*ius publicum*» — право государственное. Опредѣляя этику, какъ «*scientia, ostendens rationem, ad summum bonum eiusque fruitionem perveniendi*» и отграничивая ее отъ права, Гейнекцій считаетъ ее тѣмъ не менѣе началомъ, положеннымъ въ основаніе естественнаго права ³. Мало того, такъ какъ этика тѣсно связана съ практической философіей, то она, естественно, дополняется другими частями этой послѣдней — политикой и экономикой ⁴. Вся эта схема Гейнекція воспроизводится Т. Баузе въ его пониманіи «*jus naturae et gentium, jus publicum, ethicem et politicam*» ⁵. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ митроп. Евгеніемъ, Т. Баузе вводилъ въ кругъ своихъ занятій и эконо-

¹ Io. Gottl. Heineccius, *Elem. iuris naturalis et gentium*, 1738, l. I, § 17.

² Io. Gottl. Heineccius, *Elem. iuris naturalis et gentium*, 1738, l. I, § 21. „Colligimus, добавляетъ Гейнекцій, *ius naturale a iure gentium nec principio cognoscendi, nec ipsius regulis, sed solo obiecto differe*“, *ibid.*, l. I, § 22.

³ См. примѣч. 2, стр. 209.

⁴ „Quum, пишетъ Гейнекцій, *philosophia sit cognitio non veri tantum, sed et boni, eaque illius pars, quae circa posterius versatur... in ethicam, politicam et oeconomicam dividatur*“.

Elementa philosophiae moralis, c. I, § 1.

⁵ Говоря о соотношеніи этихъ частей теории права, Т. Баузе ограничивается замѣчаніемъ: что области эти „*eo diligentius et accuratius sunt tractanda, quo magis omnia reliqua jura et his repeti, et ad haec referri debent, et quo magis, sine his, leges quidem et consuetudines singulae tenentur, rationes autem legum atque adeo jus ipsum plane ignorantur. Unde enim petendae sunt rationes legum?..*“, *Oratio de jurisprudentia eiusque docendae et discendae ratione... dicta.. a. c. 1782 a Theodoro Bause, p. 16.*

номику ¹, по которой оставилъ труды, приведенные въ полный порядокъ и вполне приготовленные къ печати ².

Въ области юриспруденціи положительной Т. Баузе различаетъ «*praeter jus civile proprie sic dictum, omnia juris arbitrarii seu positivi, cum divini, tum humani, capita atque genera, quae ex illis, (т. е. изъ jus naturae et gentium, jus publicum, Ethica et Politica) tanquam ex fonte, sunt ducta*» ³. И здѣсь Т. Баузе не идетъ далѣе Гейнекція. Послѣдній противопоставляетъ «*ius naturae*» — «*ius civile*» въ широкомъ смыслѣ права положительнаго вообще. «*Ius civile*», по Гейнекцію, происходитъ, не «*ex recta ratione*», какъ естественное, но «*ex lege*» и различно въ отдѣльныхъ обществахъ ⁴. Т. Баузе отступаетъ отъ этой схемы, выдѣляя понятіе «*ius civile proprie sic dictum*» и упоминая *in expressis verbis* о другихъ вѣтвяхъ положительнаго права: правѣ уголовномъ, каноническомъ, торговомъ, морскомъ, военномъ, горномъ ⁵.

Говоря о теоретическомъ изученіи юриспруденціи, Т. Баузе отводитъ въ ней видное мѣсто элементу историческому. Изученіе исторіи права онъ считаетъ полезнымъ распространить на всю область положительнаго права. Такъ какъ, однако, всеобщую исторію права представляется труднымъ обнять, то можно ограничиться исторіей права римскаго, которое, какъ онъ подчеркиваетъ, столько вѣковъ царило въ Европѣ и слѣды котораго чувствуются повсемѣстно. Исторію права Т. Баузе понимаетъ, притомъ, не въ видѣ изложенія смѣны законодательныхъ опредѣленій, но въ формѣ изслѣдованія причинъ этихъ перемѣнъ ⁶. Въ этомъ случаѣ Т. Баузе идетъ нѣсколько далѣе Гейнекція, труды котораго, хотя и проникнуты тѣмъ же эклектизмомъ, который мы

¹ Митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 1, М. 1845, стр. 30.

² Ср. также Тихонравовъ въ Биограф. слов. проф. и преподав. И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 86.

³ *Oratio de jurisprudentia eiusque docendae et discendae ratione... dicta..*

а. с. 1782 a Theodoro Bause, p. 13.

⁴ Io. Gottl. Heineccius, *Elem. iuris naturalis et gentium*, 1738, l. I, § 18.

⁵ *Oratio de jurisprudentia eiusque docendae et discendae ratione... dicta..* а. с. 1782 a Theodoro Bause, p. 16.

⁶ *Oratio de jurisprudentia*, p. 16.

наблюдаемъ у Г. Баузе, и комбинированіемъ философской и исторической точекъ зрѣнія ¹, но понимаютъ послѣднюю самое большее въ смыслѣ исторіи догмы. Историзмъ Гейнекція не идетъ далѣе иллюстраціи догмы картинами жизни, породившей эту догму.

Въ области права положительнаго, какъ мы уже указывали, Г. Баузе намѣчаетъ для разработки отдѣльныя отрасли и въ томъ числѣ права уголовнаго, какъ сферу, заслуживающую самостоятельнаго изслѣдованія. Г. Баузе высказывается и за то, чтобы въ видахъ болѣе легкаго изученія положительнаго права выдѣлить изъ него какъ бы общую часть. Онъ полагаетъ въ тоже время, что роль этой послѣдней выполняетъ лучше всего право римское. ² Отводя первое мѣсто римскому праву въ виду его всеобщности, Г. Баузе, выдвигаетъ вслѣдъ за нимъ право греко-римское «*ius Romano-Graecum, seu Postiustineanum*», а затѣмъ и право русское, которое надлежитъ догматизировать и, по его выраженію «*ex diversis Mandatis atque Edictis collectum ad artem redigere*» ³.

Но наряду съ теоретическимъ изученіемъ права Г. Баузе отводитъ видное мѣсто и практической юриспруденціи. Проведеніе теоріи въ жизнь, полагаетъ Г. Баузе, можетъ быть достигнуто только путемъ практики. Эта послѣдняя относится къ теоріи какъ умѣніе играть на инструментѣ къ теоретическому знанію музыки. Теоретику предстоитъ претворить въ практическіе навыки то, что изучено имъ въ общей формѣ ⁴. Что касается самаго порядка направленія занятій, то Г. Баузе полагаетъ, что практика непо-

¹ Достаточно для этого сопоставить только такіе труды Гейнекція какъ его *Elementa philosophiae rationalis et moralis*, Amst. 1857 и *Elementa iuris naturae et gentium*, Halae, 1738 съ такими работами, какъ *Historia iuris civilis Rom. ac Germ.*, Hal. 1733, *Elem. iur. Germ.*, Hal. 1736, а также *Antiquitates germ. iurispr. patr. ill.*, Haffniae, 1772, 73.

² Онъ пишетъ объ отдѣльныхъ видахъ положительнаго права: „*multa inter se habent communia, ita ut, uno eorum probe cognito, reliqua facilia admodum sint, ac paene nulla*“. *Oratio de jurisprudentia*, p. 17.

³ *Oratio de jurisprudentia*, p. 17.

⁴ *Oratio de jurisprudentia*, p. 17 seq.

средственно должна слѣдовать за теоріей или изучаться одновременно съ ней ¹.

Если мы захотимъ предположить, что въ своихъ чтеніяхъ, длившихся нѣсколько десятилѣтій при Московскомъ университетѣ, Т. Баузе дѣйствительно осуществлялъ свою программу изученія юриспруденціи и останавливался на уголовномъ правѣ, какъ вѣтви положительнаго законодательства, то намъ придется допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, что излагая римское право, какъ наиболее пригодное, по его словамъ, для введенія въ изученіе другихъ правъ, онъ знакомилъ своихъ слушателей не только съ принципами римскаго уголовного законодательства въ той мѣрѣ, какъ это могло быть достигнуто историческими толкованіями Гейнекція на институціи Юстиніана, ², но и воспоминалъ эти данныя тѣми общими уголовно-правовыми ученіями, которыя тотъ же Гейнекцій давалъ въ своихъ «*Elementa iuris naturae et gentium*» ³. То, что мы видѣли до сихъ поръ въ отношеніи вліянія Гейнекція на Т. Баузе, дѣлаетъ такое предположеніе вполне правдоподобнымъ.

¹ „... Tutissimum ac commodissimum videtur, пишетъ Т. Баузе, medium quendam cursum tenere, sic, ut praxis theoriam vel statim subsequatur, vel, si fieri possit, pari gressu cum ea incedat“. *Oratio de jurisprudentia*, p. 15.

² Io. Gottl. Heinecci *Antiquitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma secundum ordinem Institutionum Justiniani*, Argentorati, 1755. Въ этомъ грудѣ, служившемъ многія десятилѣтія пособіемъ въ европейскихъ университетахъ, историзмъ Гейнекція находитъ яркое проявленіе въ примѣненіи къ институтамъ уголовного римскаго права. Мы встречаемъ здѣсь историческія справки о характерѣ практиковавшихся въ разные эпохи римскаго права наказаній и при помощи огромнаго запаса знаній изъ древне-римской жизни воспроизво-

дится то, чѣмъ были въ дѣйствительности тѣ виды преступленій, сухой перечень которыхъ мы находимъ въ источникахъ римскаго права. Ср. о aquae et igni interdictione, *Op. cit.*, I, 16, 9; IV, 4, 5 (i); о deportatio, I, 16, 11; о fustigatio, IV, 4, 2 и о другихъ наказаніяхъ, IV, 18, 5 seq. Ср. изъ отдѣльныхъ преступленій о homicidium, IV, 18, 57 seq.;—rapina, IV, 2, 1;—furtum, IV, 1, 13, 15 seq.; IV, 4, 8 и др.;—iniuria, IV, 4, 2;—calumnia. IV, 16, 3 seq., reculatus, IV, 18, 70 seq. и мн. др.

³ Io. Gottl. Heineccius, *Elementa iuris nat. et gentium*, 1738, съ большою полнотою трактуетъ теоретически институты уголовного права, затрогивая вопросы о вмѣненіи, виновности, крайней необходимости, необходимой оборонѣ, наказаніи и отдѣльныхъ правонарушеніяхъ вродѣ похищенія чужой

VI.

Школа политических писателей и примыкающіе къ ней
по вопросамъ уголовного права духовные авторы.

Ө. В. Ушаковъ.—А. Н. Радищевъ.—И. В. Лоухинъ.—Митроп. Гавріилъ.

Русская политическая литература, поскольку можно говорить о таковой въ Россіи конца XVIII в., не исключаетъ изъ области своего вѣдѣнія и проблеммъ уголовно-правовыхъ. Въ ней мы находимъ рядъ мыслей, представляющихъ чуть ли не самое цѣнное изъ всего того, что осталось отъ нея въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ. Къ вопросамъ уголовного права политики-публицисты подходятъ какъ къ той сторонѣ жизни общества, которая наиболѣе нуждается въ реформѣ въ духѣ началъ, призванныхъ оздоровить формы существованія культурныхъ народовъ.

Русскіе политики-публицисты конца XVIII в. ярко отразили въ своихъ трудахъ идеалы, выработавшіеся въ эту пору на западѣ и сказавшіеся въ трудахъ Монтескье (†1755), Ж. Ж. Руссо

собственности, оклеветанія, нарушеніи тѣлесной неприкосновенности и проч. О вмѣненіи ср. *Op. cit.*, l. I, cap. IV, § 100 и сл., § 105; о вліяніи незнанія и ошибки на отвѣтственность, l. I, cap. IV, § 107, § 108; о вліяніи на вмѣненіе *animi perturbationis, adfectus, consuetudo, iustus dolor* и т. д., l. I, cap. IV, § 110.—О вліяніи состоянія необходимости на вмѣненіе ср. l. I, cap. VI, § 155, а также § 156, 7, 8, 9, въ которыхъ рѣшаются вопросы объ основаніи *favor necessitatis*, о сущности необходимости („*per necessitatem hic intelligimus statum hominis, in quo legi sine periculo suo parere non potest*“, § 157) и выставляется начало, по которому „*leges humanae et divinae adfirma-*

tivae admittunt exceptionem necessitatis, § 159, а также мн. др., напр., § 160, 170.—О значеніи для вмѣненія правонарушенія незаконнаго приказа, l. I, cap. VI, § 168.—О необходимой оборонѣ, l. I, cap. VII, § 180—187 и др.—Опредѣленіе понятія наказанія, l. I, cap. IV, § 99 и отдѣльные вопросы, связанные съ примѣненіемъ наказанія, l. II, cap. VIII, § 158 и слѣд.; § 160 и слѣд.—167.—Не отсутствуютъ у Гейнекція и вопросы особенной части, такъ какъ онъ останавливается на преступленіяхъ *furtum* и *rapina*, l. I, cap. XII, § 321, нарушенія тѣлесной неприкосновенности, l. I, cap. VII, § 190, нападенія на честь другого, l. I, cap. VII, § 191, а также l. I, cap. VI, § 154.

(†1778), Беккарии (†1794) и отчасти энциклопедистов¹. Идеалы политических писателей вѣка Екатерины II получили кромѣ того болѣе отчетливую формулировку подъ непосредственнымъ вліяніемъ ознакомленія съ жизнью западныхъ народовъ и соприкосновенія съ западной наукой. Принципы, культивировавшіеся этими русскими пионерами свободы человѣчества въ XVIII в., принесли имъ въ большинствѣ случаевъ преждевременную смерть, навлекли на нихъ ненависть вершителей судебъ Россіи и, самое главное, прошли незамѣченными для большинства соотечественниковъ-современниковъ.

Два лица изъ числа этихъ политическихъ писателей Ѳ. Ушаковъ и А. Радищевъ принадлежали къ группѣ молодыхъ людей, отправленныхъ въ Германію въ вѣкъ Екатерины II². Они особенно интересны для насъ какъ писатели, проникшіеся сознаниемъ необходимости примѣнить къ уголовно-правовой сферѣ тѣ идеи гуманности, которыя предъявлялись въ эту пору на западѣ какъ лозунгъ возрожденія общества на началахъ правоваго уклада.

О Ѳ. Ушаковѣ и трудахъ его мы узнаемъ, главнымъ образомъ,

¹ Въ вѣкъ Екатерины II въ нашу литературу начинаютъ проникать переводы такихъ произведеній какъ статьи Вольтера о Каласѣ (пер. Ефима Рознатовскаго), 1788, Монтескье, О разумѣ законовъ (пер. В. Крамаренкова), 1775, Беккариа, Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ (пер. Карина), 1769, Серванъ, Рѣчь о производствѣ уголовного правосудія (пер. Трипольскаго), 1788 и др.

² См. данныя о молодыхъ людяхъ, отправленныхъ при Екатеринѣ II въ 1767 г. въ Германію для изученія юриспруденціи, Сборн. Русск. истор. общ., т. 10, стр. 107—131. Свѣдѣнія объ этой группѣ лицъ, посланныхъ въ Лейпцигъ, а именно Челищевъ, Радищевъ, Рубановскомъ, Яновъ, Кутузовъ, Коренковъ, князь Несвижскомъ, кв. Трубецкомъ, бр. Ушаковыхъ, Зиновьевъ, Насакинъ носятъ, главнымъ образомъ, характеръ описанія подробностей жизни посланныхъ и не

даютъ представленія о ходѣ ихъ занятій. О послѣднихъ приходится судить по тѣмъ результатамъ, которые сказались въ ихъ трудахъ. Нѣкоторое значеніе имѣютъ данныя, которыя мы находимъ у М. Лонгинова, *Соврем.* 1856, № 8; *Вспл. зап.* 1859, и Я. Грота, *Изв.* 2 отд. Ак. н., т. 9, 1860. Съ какимъ недоумѣніемъ относились къ этой группѣ молодыхъ людей можно видѣть изъ извѣстныхъ замѣчаній на сочиненія А. Радищева Екатерины II: „Сіе сочиненіе такожде господина Радищева, писала императрица, и видно изъ подчерченыхъ мѣстъ, что давно мысль его рѣшила себѣ опредѣлить въ Россію первымъ подвизателемъ. Я думаю, Щелищевъ едва ли не второй, до прочихъ добратся нужно. Изъ Франціи еще пришлютъ вскорѣ паричко“, Соч. А. Радищева, изд. П. А. Ефремова, т. I, Спб. 1872, стр. 254.

отъ А. Радищева ¹. Кромѣ жизнеописанія Ѳ. В. Ушакова А. Радищевъ первый обнародовалъ отрывки изъ трудовъ этого умершаго въ молодыхъ годахъ писателя, дающіе отвѣты на разные криминалистическіе вопросы ².

Ѳ. Ушаковъ (†1771) ³, воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, рано вступилъ на поприще служебной дѣятельности. По характеру ея, ему приходилось принимать участіе въ подготовкѣ проектовъ законовъ ⁴ и убѣдиться въ своей полной неподготовленности для рѣшенія юридическихъ вопросовъ. Онъ выразилъ поэтому желаніе быть посланнымъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей въ Лейпцигъ для обученія юриспруденціи ⁵. Инструкція, данная убѣждавшимъ, отводила много мѣста философіи ⁶, разсматривавшейся какъ необходимое предположеніе всесторонняго изученія правовѣдѣнія. Ѳ. Ушаковъ заинтересовался Гельвеціемъ (†1771) ⁷ и ревностно изучалъ произведенія Ж. Ж. Руссо, а въ особенности Беккариа. Писатели эти наложили рѣзкую печать на все міровозрѣніе его и рельефно отразились на криминалистическихъ трудахъ молодого ученаго. До насъ дошли изъ нихъ написанныя Ѳ. Ушаковымъ и воспроизведенныя у А. Радищева, «Размышленія: о правѣ наказанія и о смертной казни».

¹ Въ статьѣ Alexander Nikolaewitsch Raditschschew, Schicksale eines russischen Publicisten, Arch. f. wissensch. Kunde von Russland, herausg. v. Erman, 19 B., 4 H., Berlin, 1860 мы узнаемъ о выпускѣ А. Радищевымъ Записокъ Ушакова въ 2 т., Спб. 1789, стр. 78, независимо отъ изданія имъ труда „Житіе Θεодора Васильевича Ушакова“. А. Н. Raditschschew, *ibid.*, S. 91.

² Житіе Ѳ. В. Ушакова съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, Спб. 1789, напечатанное въ Сочиненіяхъ А. Н. Радищева, изданныхъ П. А. Ефремовымъ, т. I, Спб. 1872, стр. 1—61, представляетъ собой величайшую библиографическую рѣдкость, такъ какъ всѣ экземпляры его, предназначавшіяся

для продажи, были уничтожены. Въ нѣсколько несправномъ видѣ изданы труды Ѳ. Ушакова въ Сборникѣ П. Бартенева „Осмнадцатый вѣкъ“, кн., 1, 2-го изд. М. 1869, стр. 216—240. Сочиненія Ѳ. Ушакова переведены, повидимому, А. Радищевымъ, съ французскаго и нѣмецкаго.

³ *Op. cit.*, стр. 32.

⁴ Ѳ. Ушаковъ трудился, между прочимъ, надъ составленіемъ рижскаго торговаго устава, ср. Житіе Ѳ. В. Ушакова въ сочиненіяхъ А. П. Радищева, т. I, Спб. 1872, стр. 4.

⁵ *Op. cit.*, стр. 5.

⁶ *Op. cit.*, стр. 27.

⁷ *Op. cit.*, стр. 25.

Понимая наказаніе какъ «зло содѣлываемое начальникомъ преступнику закона» ¹, *Э. Ушаковъ* выводитъ основаніе права наказанія, цѣли наказанія и его содержаніе изъ договорной теоріи ². Эта послѣдняя побуждаетъ *Э. Ушакова* смотрѣть на «государя» какъ лицо, «которое бываетъ нераздѣльною или соборною особою, одаренною верховною властью для направленія всѣхъ единственныхъ волей и силъ къ общественному благу» ³. Какъ носитель общей воли, «государь» является и носителемъ права на наказаніе, такъ какъ «сохранность народа и содержаніе добраго порядка... безъ учрежденія наказаній и награжденій пріобрѣсти не можно» ⁴. Благодаря цѣлесообразности договора съ «начальникомъ» или «государемъ», «человѣкъ, полагаетъ *Э. Ушаковъ*, «обязуясь терпѣть зло, начальникомъ ему содѣлываемое, за преступленіе закона ничего не терпитъ» ⁵. Возводя такимъ образомъ основаніе права наказанія къ общественному договору, — къ проявленію общей воли, *Э. Ушаковъ* изъ этого же начала выводитъ и положенія о томъ, въ какихъ цѣляхъ должно предприниматься наказаніе. Общая воля не можетъ не желать «общественнаго блага» ⁶. «Цѣль законодателя при учрежденіи наказаній есть сохранность гражданъ..., приведеніе къ должностямъ уклонившихся отъ оныхъ» ⁷. Въ соотвѣтствіи съ этимъ наказаніе должно «имѣть... достаточную силу для отвращенія людей отъ злодѣянія» ⁸. Но при какихъ же условіяхъ эти цѣли могутъ быть достигнутыми, другими словами, каково должно быть содержаніе наказанія для того, чтобы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ обслуживать поставленныя ему цѣли. На этотъ вопросъ *Э. Ушаковъ* безъ колебанія отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что наказаніе должно быть исправительнымъ. Къ этому рѣшенію *Э. Ушаковъ* приходитъ путемъ отклоненія воз-

¹ *Op. cit.*, стр. 35.

² *Op. cit.*, стр. 37.

³ *Op. cit.*, стр. 38.

⁴ *Op. cit.*, стр. 38.

⁵ *Op. cit.*, стр. 38.

⁶ Въ этихъ посылкахъ *Э. Ушаковъ* особенно близко подходитъ къ ученіямъ

Ж. Ж. Руссо по вопросу о томъ „Si la volonté générale peut errer“, *J. J. Rousseau, Du contrat social*, I. II, с. 3.

⁷ *Op. cit.*, стр., 38.

⁸ *Op. cit.*, стр., 46.

раженій, дѣлающихся противъ исправительности наказанія. Наказаніе, полагаетъ этотъ писатель, не можетъ состоять въ возмездіи зломъ за зло. «Всѣ дѣйствія государства, пишетъ Ѡ. Ушаковъ, должны стремиться къ благосостоянію онаго; а награждать зломъ за зло есть то же, что невозвратное зло себѣ содѣлать. Желать себѣ зла противно существу общества и таковое дѣйствіе предполагаетъ безуміе, но безуміе права не составляетъ»¹. То же возраженіе выставляетъ Ѡ. Ушаковъ и противъ наказанія, «стремящагося къ отвращенію отъ незаконныхъ и злыхъ дѣлъ всѣхъ вѣдающихъ о болѣзняхъ злодѣями претерпѣваемыхъ»², т. е. противъ наказанія, разсчитаннаго на общее устрашеніе всѣхъ при помощи примѣненія мѣръ наказанія. Отъ всѣхъ этихъ возраженій свободно наказаніе, носящее характеръ исправленія, «которое не что иное есть, какъ средство къ приведенію преступника въ самага себя истязаніемъ; средство къ произведенію въ душѣ истиннаго раскаянія и отвращенія отъ злыхъ дѣлъ»³. Только такое наказаніе, думаетъ Ѡ. Ушаковъ, будетъ «справедливымъ» и будетъ имѣть «достаточную силу для отвращенія людей отъ злодѣяній»⁴. Но осуществимо ли исправленіе, какъ цѣль наказанія. Этотъ вопросъ тщательно взвѣшивается Ѡ. Ушаковымъ. Онъ убѣжденъ, что причиною преступленія является не злая воля, но условія жизни въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что съ измѣненіемъ послѣднихъ въ благопріятномъ смыслѣ вполне возможно и измѣненіе направленія воли преступника. «Человѣкъ рождается, пишетъ Ѡ. Ушаковъ, ни добръ, ни золъ»⁵. Утверждая противное того и другаго, надлежитъ утверждать врожденныя понятія, небытіе коихъ доказано съ очевидностію.

¹ Op. cit., стр. 39.

² Op. cit., стр. 38.

³ Op. cit., стр. 39.

⁴ Op. cit., стр. 46.

⁵ Въ этихъ словахъ Ѡ. Ушакова ясно чувствуется вліяніе на него сенсуализма Гельвеція. Ср. слова послѣдняго о челѣвѣкѣ: „Nul individu ne naît bon, nul individu ne naît méchant“, какъ основное положеніе его

философіи, Oeuvres completes de M. Helvétius, t. IV, Lon. 1776, De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation, t. II, p. 12. „L'homme naît ignorant: il ne naît point sot, et ce n'est pas même sans peine, qu'il le devient“ замѣчаетъ Гельвецій въ т. I того же труда, p. 5, Oev. compl., t. III, Lon. 1776.

Слѣдовательно, злодѣянiя не суть природны человѣку; слѣдственно люди зависятъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся, а опыты насъ удостовѣряютъ, что многіе люди повиновалися несчастному соитію странныхъ приключеній. Если же человѣкъ случайно бываетъ преступникомъ, то всякъ можетъ исправиться. Если онъ повинуется предметамъ его окружающимъ и если соитіе внѣшнихъ причинъ приводитъ его въ заблужденіе, то ясно, что, отъемля причину, другія воспослѣдуютъ дѣйствія»¹. Но Ѳ. Ушаковъ не только вѣритъ въ возможность исправленія, онъ считаетъ возможнымъ и удостовѣриться въ томъ, наступило ли оно въ данномъ конкретномъ случаѣ. Начало исправленія Ѳ. Ушаковъ рисуетъ себѣ какъ появленіе «раскаянія». Съ того момента какъ преступникъ начинаетъ себя «разсматривать» и «познавать свое злодѣянiе»² наступаетъ «отвращеніе къ дѣйствіямъ, приведшимъ въ раскаяніе»³. «Несчастный... навывшій съ ужасомъ взирать на прошедшія свои дѣла, отвращается отъ злодѣйства, а впечатлѣніе сіе, всегда и непрерывно пребывающее, столь привычно ему станетъ, что отъ единыя мысли злодѣянiя вострепещетъ»⁴. Этими доводами Ѳ. Ушаковъ отвѣчаетъ лицамъ, «отмѣтающимъ исправленіе и полагающимъ, что невозможно «судить объ ономъ и опредѣлить время, когда преступникъ придетъ въ себя», равно какъ указывающимъ на то, что судъ... объемлетъ внѣшнія токмо дѣйствія; никто не судитъ о намѣреніи и законодатель не можетъ, пещися о исправленіи»⁵.

Такіе взгляды на цѣли и содержаніе наказанія подсказываютъ Ѳ. Ушакову сочувственное отношеніе къ раціонально поставленному тюремному заключенію, повидимому, одиночному⁶,—къ такимъ,

¹ Ор. cit., стр. 39. „Если бѣдность, лишетъ въ другомъ мѣстѣ Ѳ. Ушаковъ, столь всегда близко преступленія, ввела человѣка въ заблужденіе; если стремленіе страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой, вринуло его въ преступленіе; то не побудитъ ли сіе мыслить благосклонно о

преступленіи? Слѣдовательно не можно исключить исправленіе изъ намѣреній законодателя“ Ор. cit., стр. 44.

² Ор. cit., стр. 40.

³ Ор. cit., стр. 41.

⁴ Ор. cit., стр. 41.

⁵ Ор. cit., стр. 39.

⁶ Ор. cit., стр. 40 и слѣд.

далѣе, наказаніямъ, которыя не являются познанными¹, жестокими² и вообще «соразмѣрными преступленію». Послѣдній терминъ *Э. Ушаковъ* понимаетъ въ смыслѣ соответствія наказанія индивидуальнымъ особенностямъ преступника. «А какъ чувствительность въ человѣкѣ, пишетъ онъ, возрастаетъ въ человѣкѣ по мѣрѣ крѣпости его разсудка, нѣжности тѣлосложенія или перемѣнъ его состоянія, то я заключаю, чѣмъ человѣкъ будетъ просвѣщеннѣе... тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ облегченія... Сего требуетъ правосудіе, ибо наказаніе долженствуетъ всегда быть соразмѣрно преступленію»³. Еще отчетливѣе высказываетъ эту мысль *Э. Ушаковъ*, когда пишетъ: «рѣдко, чтобъ одинаковые предметы одинаковыя на разныхъ людей имѣли дѣйствія...; если таковые люди за одинаковыя преступленія одинаково накажутся, одинъ наказанъ будетъ жестче другого и казнь вицѣ не будетъ соразмѣрна»⁴.

Отчасти по этимъ же соображеніямъ *Э. Ушаковъ* является безусловнымъ противникомъ смертной казни. Онъ не идетъ въ этомъ вопросѣ вслѣдъ за *Ж. Ж. Руссо*⁵, и отчасти непримиримѣе *Беккари*. «Смертная казнь, пишетъ *Э. Ушаковъ*, никогда долговременнаго не производитъ впечатлѣнія, и поражая сильно и мгновенно души,

¹ „Наказаніе исправившагося преступника, пишетъ *Э. Ушаковъ*, есть закланіе невинныхъ жертвы“, *Op. cit.*, стр. 44.

² „Владычество привычки, замѣчаетъ *Э. Ушаковъ*, есть всеобщее надъ человекомъ и яко веселіе исчезаетъ продолженіемъ, тако пораженіе теряетъ свою силу частымъ повтореніемъ. Избраннѣйшая казнь теряетъ свое дѣйствіе и становится, наконецъ, безплодною“. *Op. cit.*, стр. 42.

³ *Op. cit.*, стр. 47.

⁴ *Op. cit.*, стр. 47.

⁵ Основываясь на почвѣ общественнаго договора, *Ж. Ж. Руссо* не считаетъ невозможнымъ примѣненіе смертной казни по отношенію къ правонарушителю и допускаетъ, что „... quand

on fait mourir le coupable, c'est moins comme un citoyen que comme ennemi... Les procédures, le jugement, sont les preuves de la déclaration, qu'il a rompu le traité social, et, par conséquent, qu'il n'est plus membre de l'état. Or, comme il est reconnu tel... il en doit être retranché par l'exil, comme intracteur du pacte, ou par la mort, comme ennemi public...“ *Ж. Ж. Руссо* признаетъ въ то же время, что „la fréquence de supplices est toujours un signe de faiblesse... dans le gouvernement“ и что „on n'a droit de faire mourir, même pour l'exemple, que celui qu'on ne peut conserver sans danger“. *J. J. Rousseau, Du contrat social, l. II, c. 5, абз. 4 и 6.*

бываетъ тѣмъ недѣйствительною» ¹. «Дабы смертная казнь, продолжая оную, производила свое дѣйствіе, нужно, чтобы преступленія были всечасны, ибо каждое примѣрное наказаніе предполагаетъ вновь содѣланное преступленіе; желать сего есть то же, что хотѣть, чтобы самая та же вещь была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время, слѣдовательно желать противорѣчія» ². Наконецъ, противъ смертной казни Θ . Ушаковъ ссылается и на ея невознаградимость. «Со всѣми осторожностями въ сужденіи преступленія можно ошибиться и осудить невиннаго...; бываютъ случаи, коихъ истина едва чрезъ долгое теченіе времени отвергается» ³. Θ . Ушаковъ проектируетъ замѣну смертной казни «принужденною работою», полагая, что она въ отношеніи смертной казни «жесточе въ глазахъ общества, но не для терпящаго» ⁴.

Врядъ ли можетъ подлежать какому нибудь сомнѣнію, что криминалистическія воззрѣнія Θ . Ушакова навѣяны взглядами на соответственные вопросы Ж. Ж. Руссо ⁵, Беккари и отчасти Гельвеція.

Теорія договорнаго происхожденія государства, которой Θ . Ушаковъ пользуется для конструированія субъекта карательнаго права,

¹ Op. cit., стр. 42. Въ этой мысли Θ . Ушакова нельзя не видѣть воспроизведенія возраженій Беккари противъ смертной казни: „notre sensibilité est plus facilement et plus durablement affectée par des impressions foibles, mais répétées, que par un mouvement violent, mais passager...; les impressions violentes surprennent et frappent, mais leur effet ne dure pas“. Bec., *Traité des délits et des peines*, trad. de l'italien par A. Morellet. P. 1797, p. 79 и слѣд.

² Θ . Ушаковъ, Op. cit., стр. 41. Эта мысль, въ свою очередь, воспроизведеніе возраженія Беккари противъ казни, формулированнаго имъ въ слѣдующемъ видѣ: „dans une nation où la peine de mort est employée, tout exemple de punition suppose un nouveau

crime commis... La peine de mort suppose des crimes fréquens, c'est-à-dire que pour être utile, il faut qu'elle ne fasse pas toute l'impression qu'elle devrait faire“. Bec., Op. cit., стр. 82 и слѣд.

³ Θ . Ушаковъ, Op. cit., стр. 43. Ср. также Bec., Op. cit., стр. 90 и др.

⁴ Θ . Ушаковъ, Op. cit., стр. 47, Bec., Op. cit., стр. 83 и сл.

⁵ Въ своихъ трудахъ Θ . Ушаковъ становится часто на точку зрѣнія Ж. Ж. Руссо по цѣлому ряду вопросовъ, затрогивающихъ проблемы устройства государственной власти. Ср., напр., о неосуществимости истинной демократіи для большихъ и богатыхъ государствъ, „равенства имѣній“ и проч., Θ . Ушаковъ, Op. cit., стр. 42.

повидимому, подсказана взглядами Ж. Ж. Руссо ¹. Трудно полагать въ то же время, что примѣненіе теоріи договорнаго происхожденія государства къ обоснованію права наказанія въ виду послѣдствій, принимаемыхъ Э. Ушаковымъ, не должно быть отнесено въ нѣкоторыхъ подробностяхъ къ заимствованіямъ изъ Беккаріи ². Струя самостоятельности чувствуется у Э. Ушакова въ обоснованіи исправительности наказанія. Беккарія, какъ извѣстно, не всецѣло вычеркивала изъ наказанія элементъ страданія, выставляя требованіе, чтобы зло наказанія превосходило добро, которое виновный старается извлечь изъ преступленія³; онъ, кромѣ того, понималъ наказаніе какъ мѣру, направленную къ обезвреженію преступника и рассчитанную на воздержаніе общества отъ преступленія при помощи устрашающаго дѣйствія зла наказанія ⁴. Связь преступленія съ бѣдностью, которую подчеркиваетъ Э. Ушаковъ, должна быть отнесена къ заимствованіямъ изъ Беккаріи ⁵, а психологическое обоснованіе воздѣйствія на челоуѣка исправительнаго наказанія къ изученію Гельвеція ⁶ и косвенно Беккаріи ⁷:

Въ общемъ принципы, выставляемые Э. Ушаковымъ въ отношеніи наказанія, въ большинствѣ случаевъ, являются мыслями, навѣянными трудомъ Беккаріи. Но въ особенноти сказывается вліяніе послѣдняго въ вопросѣ объ оцѣнкѣ смертной казни, какъ на-

¹ Впрочемъ очень близкій къ развиваемому Э. Ушаковымъ взглядъ защищаетъ Beccaria, *Traité des délits et des peines*, trad. de l'italien par A. Morellet, P. 1797, p. 8: „la somme de toutes... portions de liberté forma la souveraineté de la nation, qui fut mise en dépôt entre les mains du souverain, en confiée a son administration“.

² Ср. Bec., *Traité des délits et des peines*, trad. de l'italien par A. Morellet, P. 1797, p. 9.

³ „Pour qu'une peine, пишетъ Беккарія, Op. cit., стр. 73, produise son effet, il suffit que le mal qu'elle cause, surpasse le bien qui revient du crime... Toute sévérité qui passe ces limites est inutile, et par conséquent

tyrannique“... Беккарія не упоминаетъ притомъ объ исправительности наказанія, какъ одномъ изъ основныхъ его свойствъ. Ср. Bec., Op. cit., p. 184.

⁴ „L'objet, de peine, пишетъ Беккарія, est d'empêcher le coupable de nuire désormais à la société et de détourner ses concitoyens de commettre des crimes semblables“. Op. cit., p. 70.

⁵ Ср. Bec., Op. cit., p. 135.

⁶ Ср., напр., по вопросу о путяхъ воздѣйствія на челоуѣка Helvetius, *De l'homme, des ses facultés intellectuelles et de son éducation*, Oeuvres compl., t. III, Lond. 1776, p. 538 и слѣд.

⁷ Ср. Bec., Op. cit., p. 79, о значеніи привычки въ экономіи челоуѣческихъ дѣйствій, p. 84 и мн. др.

казанія. Она почти всецѣло взята у этого писателя. Мы врядъ ли, однако, ошибемся, если будемъ утверждать, что въ трудахъ О. Ушакова мы встрѣчаемся не только съ непосредственными заимствованіями изъ Беккаріи во всей чистотѣ, безъ ослабленія ихъ началами, чуждыми духу книги этого послѣдняго, но съ дальнѣйшимъ развитіемъ нѣкоторыхъ мыслей въ духѣ ученій Ж. Ж. Руссо. Это имѣетъ мѣсто несмотря на несогласіе съ нимъ О. Ушакова по ряду вопросовъ. О. Ушаковъ не останавливается вообще, какъ это мы видѣли въ Наказѣ Екатерины II, передъ послѣдствіями, вытекающими изъ договорной теоріи въ области уголовно-правовыхъ конструкцій. Въ то же время О. Ушаковъ не рабски слѣдуетъ за Ж. Ж. Руссо и Беккаріей. Выдвигая на первый планъ исправительность наказанія, онъ становится на сторону предупрежденія частнаго какъ основной задачи наказанія и развиваетъ въ доктринѣ Беккаріи тѣ черты, которыя великій Фейербахъ оставляетъ въ сторонѣ, отдавшись всецѣло развитію началъ высказанныхъ Беккаріей по вопросу о значеніи наказанія какъ средства психологическаго воздѣйствія, обращеннаго не только къ преступнику, но и ко всѣмъ членамъ общества. О. Ушаковъ въ то же время не только устанавливаетъ опредѣленный теоретическій принципъ, но и старается воплотить его въ практическій образъ. Анализируя психологическое состояніе наказываемаго, подлежащаго исправленію, онъ склоняется къ мысли, что послѣднее можетъ быть осуществлено путемъ доведенія наказываемаго до раскаянія. О. Ушаковъ относится вмѣстѣ съ тѣмъ одобрительно къ мѣрамъ наказанія, которыя ставятъ себѣ задачей достиженіе именно этихъ цѣлей. Если мы припомнимъ, что время, въ которое писалъ О. Ушаковъ, не было еще въ Европѣ эпохой всеобщаго увлеченія пенитенціарными системами, хотя онѣ становились предметомъ интереса, то намъ придется признать за нимъ значеніе перваго русскаго уголовного политика, защищавшаго цѣлесообразность мѣръ пенитенціарнаго воздѣйствія на заключеннаго ¹.

¹ Труды Говарда впервые популяризировались въ Россіи Вас. Новиковымъ въ „Театръ судовѣденія“ въ 1791 г., а „Историческое описаніе о наказаніи

преступниковъ въ Филадельфій“ въ переводѣ Сем. Венечанскаго появляется въ 1799 г. въ Москвѣ.

Не менѣе рационалистиченъ въ своихъ взглядахъ на уголовно-правовые вопросы былъ близкій къ Ѳ. Ушакову по духу своихъ работъ А. Радищевъ ¹.

Александръ Николаевичъ Радищевъ родился въ Москвѣ 20 авг. 1749 г. ². Съ 1762 г. онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, около того времени было введено преподаваніе права въ томъ его теоретическомъ построеніи, которое было господствующимъ въ нашей юридической школѣ. Можно полагать, что А. Радищевъ проявилъ особенный интересъ къ юридическимъ наукамъ, такъ какъ въ 1765 году мы видимъ его вмѣстѣ съ Ѳ. Ушаковымъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые были отправлены въ Лейпцигскій университетъ для усовершенствованія въ юриспруденціи ³. Онъ слушалъ между 1767 и 1769 г.г. философію у извѣстнаго Платнера, логику, естественное и народное право, «генеральное политическое право», «универсальную исторію» и пр. ⁴. По возвращеніи въ Россію и поступленіи на службу въ Сенатъ ⁵, А. Ра-

¹ Біографическія данныя о А. Н. Радищевѣ, ср. Д. Вантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. IV, М. 1836, стр. 258 и слѣд. Біографія Радищева составлена В.-К. на основаніи данныхъ записанныхъ сыномъ А. Радищева и хранящихся у кн. П. А. Вяземскаго; М. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, напеч. въ Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, Спб. 1889, стр. 541 — 671; В. Якушкинъ, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Русск. стар. 1882, сент., стр. 457—532; Н. Барсуковъ, А. Н. Радищевъ, Русская стар. 1872 г., т. 6, стр. 573—586; Біографія А. Н. Радищева, составленная младшимъ его сыномъ Пав. Алекс. Радищевымъ, Русск. вѣстн. 1858 г., дек., кн. 1; Alexander Nikolaevitsch Raditschschew, Schicksale eines russischen Publicisten, Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausg. v. A. Erman, 19 B., 4 H. Berlin, 1860, S. 77—92.

² Н. Барсуковъ, А. Н. Радищевъ, Русск. стар. 1872, т. 6, стр. 573.

³ А. Радищевъ интересовался, впрочемъ, не одной юриспруденціей. Онъ усердно занимался въ Лейпцигѣ, между прочимъ, медициной, Д. Вантышъ-Каменскій, Словарь, ч. IV, стр. 259 и сл. О матеріальныхъ лишеніяхъ А. Радищева въ Лейпцигѣ, см. М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. I, Спб. 1889, стр. 545, а также A. N. Raditschschew въ Arch. f. wiss. Kunde Russl. 19 B., H. 4, S. 78. u f.

⁴ М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 546.

⁵ Д. Вантышъ-Каменскій, Op. cit., стр. 260. А. Радищевымъ написана была „Исторія Россійскаго Сената“, впоследствии уничтоженная имъ. Въ 1776 г. А. Радищевъ служилъ въ Коммерцъ—Коллегіи, въ 1780 г. въ вѣдомствѣ таможенъ, ibid. Ср. также A. N. Raditschschew въ Arch. f. wiss. Kunde, 19 B. 4 H., S. 79.

дищевъ приглашенъ былъ къ участию въ работахъ общества, учрежденнаго Екатериной II для перевода выдающихся произведеній съ иностраннаго на русскій. На долю его выпалъ переводъ сочиненія Мабли «*Observation sur l'histoire de la Grèce*»¹. Подъ руководствомъ А. В. Храповицкаго А. Радищевымъ было переведено кромѣ того разсужденіе Монтеスキе «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*». Главнымъ плодомъ литературной дѣятельности А. Радищева является его надѣлавшее не мало шуму въ свое время «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»². За этотъ трудъ онъ былъ преданъ уголовному суду, разжалованъ и сосланъ на 10 лѣтъ въ городъ Оленскъ Иркутской губерніи³. При Павлѣ А. Радищеву было дозволено оставить Сибирь и жить въ деревнѣ⁴, а Александръ I возвратилъ ему прежнее званіе и 6 авг. 1801 г. опредѣлилъ его членомъ Комиссіи составленія

¹ М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 564.

² „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ было въ первый разъ напечатано А. Радищевымъ въ 1790 году. Въ 1858 г. появилось лондонское изданіе А. Герцена, перепеч. въ Лейпцигѣ въ 1876 г., въ 1867 г.—изданіе Шигина съ значительными сокращеніями, а въ 1872 г. „Путешествіе“ издано подъ ред. Ефремова въ „Сочиненіяхъ А. Радищева“, уничтоженныхъ до ихъ выхода въ свѣтъ и сохранившихся въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Наконецъ, въ 1888 и въ 1906 году „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ было издано А. Суворинымъ.

³ Ср. подробности его процесса въ статьѣ А. N. Radischtschew, Arch. f. wiss. K., B. 19, H. 4, S. 82 и ff. О роли имп. Екатерины II см. *ibid.*, S. 84. Мѣстомъ ссылки А. Радищева здѣсь названъ Pimskyi Ostrog, S. 84. Ср. также Н. Барсуковъ, А. Радищевъ. Русск. стар. 1872, т. 6, стр. 580.

Въ ссылкѣ А. Радищевымъ было написано „Разсужденіе о человѣкѣ, смертности

его и о безсмертіи души“, а также „Исторія покоренія Сибири“, Д. Бант.-Каменскій, Словарь, ч. 4, 1836 стр. 263. Оставшіяся послѣ А. Радищева сочиненія, писанныя въ Сибири и въ деревнѣ по возвращеніи изъ ссылки, изданы П. Бекетовымъ въ М. въ 6—ти ч. 1807—1811. Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь, ч. 4, стр. 263; А. N. Radischtschew въ Arch. f. wiss. K., B. 19, H. 4, S. 91.

⁴ А. N. Radischtschew въ Arch. f. wiss. K. von Russland, B. 19, H. 4, S. 88. Ср. подробности возвращенія А. Радищева въ Европейскую Россію, *ibid.*, S. 88 f. Въ теченіе процесса А. Радищевъ отказывался отъ своихъ взглядовъ. Ср. „Соч. А. Радищева“, изд. П. А. Ефремова, 1872, т. 1, прил. IV, стр. 267 и прил. IX, стр. 281. А. Радищевъ показывалъ, напр., на допросѣ: „я вопрошаю самъ себя, для чего... писалъ? Глазь внутренній увѣряетъ меня, что я того не мыслилъ и что, гоняся за пустою славою, прослыть писателемъ, писалъ“, стр. 267. „Я бы самъ могъ написать.... опро-

законовъ ¹. 13 авг. А. Радищевъ вступаетъ въ присутствіе комиссіи, а черезъ годъ съ лишнимъ — 12 сент. 1802 г. его нѣтъ уже въ живыхъ ². Оставленная А. Радищевымъ библіотека представляетъ живое доказательство интереса, который онъ питалъ къ юриспруденціи ³; главнымъ памятникомъ его усилій въ этой области являются, конечно, прежде всего его труды, которые благодаря несчастно сложившимся обстоятельствамъ далеко не отражаютъ, однако, всего духовнаго богатства А. Радищева. Въ его планы входило, между прочимъ, выработать для Россіи уголовный кодексъ ⁴. Въ основаніе послѣдняго онъ думалъ положить начало равенства всѣхъ передъ закономъ, отмѣну тѣлеснаго наказанія, пытокъ, отмѣну законовъ противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ. А. Радищевъ считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ введеніе гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ, устраненіе всего того, что стѣсняетъ свободу совѣсти, признаніе свободы печати, основанной на законѣ съ точнымъ опредѣленіемъ отвѣтственности авторовъ и проч. ⁵.

Въ литературномъ наслѣдіи А. Радищева мы встрѣчаемся глав-

верженіе, добавлялъ А. Радищевъ въ своемъ показаніи С. Шешковскому, если бы разумъ не былъ въ разстройствѣ и сердце не болѣло“. Ужасъ допроса въ Тайной канцеляріи въ достаточной степени объясняетъ эти вынужденныя заявленія, противъ искренности которыхъ свидѣтельствуешь вся жизнь А. Радищева.

¹ М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 613 и слѣд., а также А. N. Radischtschew въ Arch. f. wiss. K. v. Russl., B. 19, H. 4, S. 89 f.

² М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 616, а также 634 и сл. Объ обстоятельствахъ смерти А. Радищева, принявшаго ядъ подъ вліяніемъ необоснованныхъ страховъ о вторичной ссылке его въ Сибирь, ср. А. N. Radischtschew въ Arch. f. wiss. Kunde v. Russl., B. 19, H. 4, S. 90 f.

³ М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 636 и сл.

⁴ Alexan. Nikol. Radischtschew, Arch. f. w. K. v. R., B. 19, H. 4, S. 90. А. Радищевымъ былъ разработанъ, по словамъ его сына П. Радищева, проектъ гражданскаго уложенія, М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 617, а равно А. N. Radischtschew, Arch. f. w. K., B. 19, H. 4, S. 92.

⁵ А. N. Radischtschew, Arch. f. w. K. R., B. 19, H. 4, S. 92; М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 618. Здѣсь сказывалось вліяніе энциклопедистовъ и, въ частности, Гельвеція. О свободѣ печати ср. Helvétius, De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation, Oev. compl., t. III, Lon. 1776, 1777, p. 476 и слѣд.; t. IV, Lon. 1776, p. 389 и сл. О вѣротеримости t. III, p. 222 и сл., а въ особ. 234.

нымъ образомъ съ попыткой разработки уголовно-политической системы, вытекающей изъ этихъ общихъ принциповъ. Уже извѣстный трудъ его «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» даетъ въ этомъ смыслѣ вполне опредѣленные опорные пункты ¹. Болѣе детальный матеріалъ для сужденія объ уголовно-правовыхъ взглядахъ А. Радищева представляютъ его мнѣнія, высказанныя по поводу отдѣльныхъ случаевъ уголовно-судебной практики ². Рациональныя основы своей системы А. Радищевъ устанавливаетъ, по большей части, путемъ критики существующихъ въ его время въ Россіи порядковъ.

А. Радищевъ выступаетъ сторонникомъ взгляда, что только законъ, соответствующій своему времени, т. е. гуманный, имѣетъ право на господство въ сферѣ уголовно-правовыхъ отношеній. Передъ такимъ закономъ должно отступить на задній планъ обычное право, несмотря на то, что за него говорятъ историческіе устои. «Не дерзай, пишетъ А. Радищевъ, никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона» ³. Уголовный законъ долженъ быть приведенъ, какъ мы сказали, въ соответствіе съ условіями момента, когда онъ примѣняется. Все, что въ немъ по состоянію общества обветшало, должно быть своевременно отброшено. Уголовный законъ имѣетъ быть проникнуть въ то же время началомъ челолюбія ⁴. А. Радищевъ вѣритъ въ непререкаемое существованіе только такого закона, въ который уже внесена поправка, подсказанная временемъ его примѣненія. «Когда, пишетъ А. Радищевъ, въ нынѣшнее время... дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившихся надъ Соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича... Исполненные шаги въ образованіи

¹ А. Радищевъ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, изд. 2, Сиб. 1906.

² Ср. подлинное мнѣніе А. Радищева „О цѣнахъ за людей убіенныхъ“, привед. у М. Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 629 и сл.

³ А. Радищевъ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, изд. 2, Сиб. 1906, стр. 123.

⁴ А. Радищевъ говоритъ устами одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“: „я прибѣгалъ къ закону, дабы искать въ немъ подпоры моей нерѣшимости; но часто находилъ въ немъ вмѣсто челолюбія, жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обветшалости“, стр. 83.

россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда... нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитается правильнымъ»¹.

Авторитетъ уголовнаго закона, соответствующаго своему времени, имѣетъ быть, по А. Радищеву, непререкаемымъ. Онъ долженъ господствовать надъ всякими приказами, отъ кого бы эти послѣдніе не исходили, при условіи ихъ противорѣчія закону. Принципъ первенствованія закона такъ важенъ въ глазахъ А. Радищева, что онъ соглашается на признаніе верховенства закона надъ приказомъ даже въ томъ случаѣ, когда самый законъ несовершенъ. «Законъ, каковъ ни худъ, пишетъ А. Радищевъ, есть связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, непови- нуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ, себѣ и обществу во вредъ». Этотъ принципъ А. Радищевъ считаетъ вполне совмѣстимымъ съ началомъ, что «въ Россіи Государь есть источникъ законовъ»².

Защита правъ личности путемъ широкаго допущенія необходимой обороны находятъ въ лицѣ А. Радищева восторженнаго сторонника³. Оправданіемъ для обороны служитъ у него соображеніе, что гражданинъ «противъ врага своего... защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ, или не въ сплахъ его заступитъ, или того нехочетъ, или власть его неможетъ мгновенное, въ предстоящей бѣдѣ дать вспомошествованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія сохранности, благосостоянія»⁴).

¹ А. Радищевъ, „О цѣнахъ за людей убіенныхъ“, напеч. у М. Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 629.

² А. Радищевъ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 123.

³ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 91.

⁴ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 97. Въ своихъ „Замѣчаніяхъ на сочиненіе А. Радищева“ императрица Екатерина II писала по поводу этихъ взглядовъ: „но все сіе разсужденіе легко

опровергнуть можно единымъ простымъ вопросомъ: ежели кто учинитъ зло, даетъ ли право другому и творитъ навящее зло? Отвѣтъ: конечно нѣтъ. Законъ дозволяетъ въ оборону отъ смѣрнаго удара ударить, но доказаніе при томъ требуетъ, что инако не можна было избѣгнуть смерти. И стало вся талкованіе сочинителя недѣльное, незаконное, но суетное умствование“. „Сочиненія Ал. Ник. Радищева“, изд. П. А. Ефремова, т. 1, Спб. 1872, стр. 248.

Вмѣненіе уголовныхъ дѣяній А. Радищевъ допускаетъ главнымъ образомъ въ фѣрмѣ поставленія въ вину дѣятельности умышленной. А. Радищевъ считаетъ торжествомъ правосудія тотъ порядокъ, когда подъ уголовныя наказанія не попадають люди, проявившіе «оплошливую слабость» и «нерадивую неопытность» и когда «случай во злодѣяніе не вмѣнится»¹. «Если убіеніе бываетъ неумышленно, то наказанія за него быть не можетъ»². Въ области вины умышленной А. Радищевъ различаетъ два отгѣнка: умышленность простую и «злостную» главнымъ образомъ въ примѣненіи къ преступленію убійства. Умышленные убійцы подлежатъ наказанію въ виду грозящей отъ нихъ опасности и должны быть навсегда изъяты изъ общества. Относительно ихъ А. Радищевъ считаетъ удобнымъ примѣнять ссылку, чтобы отдалить ихъ «отъ людей, которые могутъ заражаться... худымъ примѣромъ». Иначе должны обсуждаться случаи, когда лицо дѣйствуетъ въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, подъ вліяніемъ страсти. Такія лица должны быть наказаны въ случаѣ учиненія ими убійства «не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который оттого проистекаетъ обществу»; это же можетъ быть достигнуто при помощи того, что они будутъ «воздержаны и исправлены». Послѣдняя цѣль предполагаетъ наказаніе «временное». Оно представляется А. Радищеву, въ приложеніи къ преступленію убійства, какъ лишеніе свободы «на большій или меньшій срокъ»³.

Вопросы соразмѣренія преступленія съ наказаніемъ сильно занимають А. Радищева. «Несоразмѣрность наказанія преступленію, пишетъ онъ, часто извлекала у меня слезы»⁴. Эта «несоразмѣрность» происходитъ отъ того, «что законъ судить о дѣяніяхъ, не касаясь причинъ, оныя производившихъ»⁵.

Причины дѣяній А. Радищевъ понимаетъ главнымъ образомъ въ смыслѣ мотивовъ посягательства. Соразмѣрное наказаніе представ-

¹ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 81.

² А. Радищевъ, „О цѣнахъ за людей убіенныхъ“, напеч. у М. Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 632.

³ А. Радищевъ, О цѣнахъ за людей убіенныхъ, стр. 632.

⁴ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 83.

⁵ А. Радищевъ, Путешествіе, *ibid.*

ляется ему мѣрой воздѣйствія, проникнутой гуманностью. Даже на тюремное заключеніе онъ смотритъ какъ на грубую реакцію противъ посягательствъ, обреченную на вымирание¹.

Тюрьму—«смирительный домъ» А. Радищевъ понимаетъ какъ временное заключеніе, сопровождаемое «работою, соразмѣрною состоянію и свойству» преступника, приспособленною къ «воздержанію» послѣдняго въ тѣхъ видахъ, чтобы «укротить страсть и неумѣренность, и воздержаніемъ преступившаго исправить»².

А. Радищевъ, тяжело поплатившійся за попытку искренно высказать свои мысли, выступаетъ защитникомъ положенія, что вмѣняться въ вину могутъ только дѣйствія, а не помыслы и слова вообще. Онъ всецѣло присоединяется къ положенію Наказа Екатерины II, которое гласитъ: «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію незаконному»³. А. Радищевъ пишетъ по этому вопросу: «слова не всегда суть дѣянія, размышленія же— не преступленія—се правила наказа о новомъ Уложеніи». Примѣняя эти начала къ своему процессу, онъ прибавляетъ въ «повинной»: «если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается, потому что народъ нашъ книгъ не читаетъ и что писалъ слогомъ, для простого народа невнятнымъ»⁴.

А. Радищева интересуесть въ числѣ прочихъ вопросовъ уголовной политики и проблема о «послѣдствіяхъ преступленій». Институтъ наказанія, раціонально поставленный, предполагаетъ дополненіе его возмѣщеніемъ причиненнаго вреда въ особенности при наиболее тяжкихъ преступленіяхъ. «Цѣны убіенному человѣку, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно, пишетъ А. Радищевъ, ибо... потеря таковая есть всегда неоцѣнимая... Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей,

¹ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 81

² А. Радищевъ, О цѣнахъ за людей убіенныхъ, стр. 632. Здѣсь А. Радищевъ высказывается о цѣляхъ тюремнаго заключенія въ примѣненіи къ

убійцѣ умышленному по страсти.

³ Наказъ Екатерины II, ст. 480.

⁴ М. Сухомлиновъ, Исслѣдованія и статьи, т. 1, стр. 562, „повинная“, А. Радищева.

жены, то... сія статья входитъ въ общее распоряженіе о призрачїи... но доколѣ не будетъ сдѣлано о призрачїи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убїенія челоуѣка должны быть на попеченія общества того селенія или города, къ которому убїенный принадлежитъ»¹.

Таково въ общихъ чертахъ уголовно-политическое наслѣдіе А. Радищева². Большинство его идей по вопросу о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, свободѣ совѣсти и печати, въ качествѣ исходныхъ моментовъ для уголовного законодательства, навѣяны у А. Радищева ученіями энциклопедистовъ. Требованіе отміны жестокихъ наказаній, пытокъ и проч. полсказано А. Радищеву трудами Беккаріи. Проповѣдь А. Радищева о господствѣ законности, въ свою очередь, должна быть скорѣе сведена на вліяніе идей Беккаріи, чѣмъ Монтескье. Свободное отношеніе А. Радищева къ историческому прошлому народа въ дѣлѣ преобразованія уголовно-правовыхъ институтовъ подготовлено въ немъ доктринами естественнаго права, съ которыми онъ знакомился и на школьной скамьѣ, и въ періодъ пребыванія за границей и, наконецъ, обусловлено самымъ духомъ его предложеній, такъ сильно рознящихся отъ существующаго порядка. Уголовно-правовыя идеи А. Радищева, вродѣ мысли о ши-

¹ А. Радищевъ, О цѣнахъ за людей убїенныхъ, стр. 632.

² Проникновенію въ массы идей, сходныхъ съ тѣми, которыя защищаль А. Радищевъ, не говоря о Наказѣ Екатерины II, содѣйствовалъ Василій Новиковъ, издатель сборника „Театръ судовѣденія или чтеніе для судей и всѣхъ любителей юриспруденціи, содержащее достопримѣчательныя и любопытныя судебныя дѣла, юридическія изслѣдованія знаменитыхъ правоискусниковъ и прочія сего рода произшествія, удобныя просвѣщать, трогать, возбуждать къ добродѣтели и составлять полезное и пріятное времяпрепровожденіе“, ч. I, М. 1791; ч. II, 1791; ч. III, 1791; ч. IV, 1791; ч. V, 1791; ч. VI, 1792“. Этотъ весьма разнообразный, по своему

содержанію, сборникъ былъ въ значительной части собраніемъ процессовъ, преимущественно иностранныхъ, приспособленнымъ, притомъ, къ иллюстрированію идей о нецѣлесообразности пытки, необходимости рациональной тюремной реформы и проч. Ср., напр., „Дѣла, доказывающія сколь употребленіе пытокъ опасно и мало способно ко откровенію истины“, ч. I, стр. 176—217, а равно статьи: „Худые обычаи въ Англинскихъ темницахъ“, „Поправленіе, предложенное господиномъ Говардомъ, въ строеніи и управленіи темницъ“, ч. IV, стр. 94—140, „О темницахъ“, „Всеобщее изображеніе бѣдствій, претерпѣваемыхъ въ Англинскихъ тюрьмахъ“, стр. 58—93, ч. IV и др.

рокой допустимости обороны, соразмѣренія наказанія съ преступленіемъ и гуманизациа наказанія, выраженные въ большинствѣ случаевъ въ краткихъ афоризмахъ, а иногда облеченныя въ форму произведеній ненаучнаго характера, являются послѣднимъ словомъ гуманной философіи конца XVIII в. Если и не всегда А. Радищевъ выступаетъ творцомъ высказываемыхъ имъ мыслей, то во всякомъ случаѣ мужественнымъ ихъ проповѣдникомъ, а это уже, само по себѣ, при условіяхъ жизни крѣпостной Россіи конца XVIII в., было не только дѣломъ подвига, но даетъ ему право на мѣсто въ исторіи попытокъ разрѣшенія проблемъ уголовного права въ Россіи.

Рядомъ съ А. Радищевымъ, по характеру его уголовно-правовыхъ убѣжденій, долженъ быть поставленъ другъ извѣстнаго Н. И. Новикова Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ¹, стойкій и искренній проводникъ въ русскую жизнь идей Наказа Екатерины,

¹ Біографическія свѣдѣнія о И. В. Лопухинѣ см. Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. 3, М. 1836, стр. 210 - 218, съ указателемъ трудовъ И. Лопухина; митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 2, М. 1845, стр. 34 - 36; Григ. Геннадіи, Справочный словарь, т. 2, Берл. 1880, стр. 257—259 съ подр. библиограф. указаніями трудовъ И. Лопухина; Энци. слов. Брокгауза и Ефрона, т. 18, 1896, стр. 9.

А. Афанасьевъ, И. В. Лопухинъ, Арх. ист. и прак. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 1, 1860, стр. 1—60; А. Воейковъ, Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ, Новости литературы, 1825 г., май; Воспоминанія Фед. Петр. Лубяновскаго, Русскій архивъ, 1872, стр. 98—185 и 449—533, въ особ. стр. 109, 131, 135 и др. Едва ли не самымъ лучшимъ источникомъ біографическихъ свѣдѣній о И. Лопухинѣ являются „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с., сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя самимъ.“ Чт. въ имп. общ. ист.

и древн. росс. 1860, кн. 2, стр. 1—82 и кн. 3, стр. 83—172. Отрывокъ этихъ „Записокъ“ напечаталъ еще въ 1812 г. въ „Другѣ юношества“ М. Невзоровъ. Первое полное изд. „Записокъ“ И. В. Лопухина, но несправное, съ пред. А. Герцена, Лонд. 1860 г. Изъ трудовъ И. Лопухина укажемъ въ этомъ мѣстѣ на „Нѣчто на извѣстную книгу Du contrat social“, М. 1805, а также Сіонскій Вѣстникъ 1806, февр., стр. 217—231 и „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи и его же замѣчанія на извѣстную книгу Русову: du contrat social“, М. 1809. Лопухину принадлежатъ также: философско-правоучительная драма „Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья“, изд. 2-е „съ присовокупленіемъ авторомъ завѣщанія къ друзьямъ своимъ“. М. 1798; „Выписки постановленій и приказаній, данныхъ сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи въ мартѣ 1800 г.“, М. 1800; „Допль стариннаго судьи (пис. въ 1796), Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1862, кн. 2, 5, 144—155.

славный судебный дѣятель и администраторъ царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ родился 24 февр. 1756 г. Онъ рано поступаетъ на военную службу и, не смотря на ожидающіе его успѣхи на этомъ поприщѣ, оставляетъ ее, опредѣляясь въ 1782 г. въ Москву на скромную должность совѣтника уголовной палаты. Въ роли судьи И. Лопухинъ находитъ призваніе своей жизни и проявляетъ себя не только большимъ знатокомъ дѣйствующаго права ¹, но чрезвычайно гуманнымъ отношеніемъ къ подсудимымъ. Последнее обстоятельство скоро навлекаетъ на него недовольствіе цѣлаго ряда лицъ, и въ маѣ 1785 г. онъ даже вынужденъ покинуть занимаемую имъ должность ^{2 3}. Со смертью Екатерины II, 6 ноября 1796 г., для И. Лопухина открывается новая эра въ виду тѣхъ симпатій, которыя питалъ къ нему Павелъ I. И. Лопухинъ вновь переходитъ въ 1797 г. въ Москву, гдѣ опредѣляется въ 5-й деп. Сената, вѣдавшій главнымъ образомъ дѣла уголовныя ⁴. На свою дѣятельность судьи И. Лопухинъ смотрѣлъ какъ на способъ служить, по мѣрѣ силъ, «избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія» ⁵. Будучи призванъ Павломъ I въ 1801 г. на болѣе высокую должность ⁶, И. Лопухинъ пользуется первымъ благопріятнымъ случаемъ въ 1805 г., чтобы вновь вернуться къ роли уголовного судьи. Гумаанная миссія И. Лопухина навлекла на него немало гоненій, но въ концѣ концовъ ему всетаки удалось вплоть до глубокой старости остаться на избранномъ пути. Только въ 1812 году И. Лопухинъ покидаетъ Москву, а 22 іюня 1816 г. оканчиваетъ свою жизнь въ уединеніи ⁷.

¹ Зах. Горюшкинъ въ своемъ „Руководствѣ къ познанію россійскаго законоискусства, 1811, пер. I, стр. 75, пишетъ о И. Лопухинѣ: среди знающихъ „практическое россійское законоискусство есть первый... Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ“.

² А. Аѳанасьевъ, *Op. cit.*, стр. 8.

³ О литературныхъ и филантропическихъ предпріятіяхъ И. Лопухина въ

эту пору его жизни въ связи съ дѣятельностью Новиковскаго общества и увлеченіемъ масонствомъ ср. А. Аѳанасьевъ, *Op. cit.*, стр. 12 и сл. 27 и сл., 29.

⁴ А. Аѳанасьевъ, *Op. cit.*, стр. 36.

⁵ *Op. cit.* стр. 37.

⁶ *Op. cit.* стр. 51.

⁷ Последніе годы жизни И. Лопухина были омрачены денежнымъ разореніемъ,

Центръ тяжести криминалистическаго наслѣдья И. Лопухина составляютъ его воззрѣнія на политику наказаній.

Въ сферѣ уголовно-правовой, по мнѣнію И. Лопухина, должно господствовать начало *nullum crimen, nulla poena sine lege* съ широкимъ допущеніемъ толкованія закона уголовнаго. Но въ то же время И. Лопухинъ предъявляетъ къ уголовному суду требованіе, чтобы не только «преступленіе не оставалось безъ наказанія», но и «наказаніе..., сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно и общественной пользѣ... соотвѣтственно»¹.

И. Лопухинъ ставитъ, однако, задачей наказанія, далеко не одно только осуществленіе гуманности². Последняя является, съ его точки зрѣнія, средствомъ, облегчающимъ достиженіе основныхъ цѣлей наказанія. «Я думаю, пишетъ И. Лопухинъ, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій»³. «Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда бесполезное тиранство. Неадекватность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе чловѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя»...⁴. «Мщеніе, говоритъ И. Лопухинъ, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплю не должно вливаться въ

жертвою котораго онъ сталъ, благодаря, съ одной стороны, разнымъ неудачамъ, а съ другой, той щедрости, съ которой онъ приходилъ на помощь бѣднымъ. Ср. А. Аванасевъ, Ор. сіт., стр. 60. Современники по достоинству оцѣнили свѣтлую личность И. Лопухина. Ср. Другъ юности 1810 г., февр., стр. 95—101 и посвященіе Сем. Венечанскаго „Ивану Владимировичу Лопухину“ въ „Историческомъ описаніи о наказаніи преступниковъ въ Филладельфій“, пер. съ нѣмецк. яз., М. 1799, стр. 1 и слѣд. Сем. Венечанскій говоритъ о И. Лопухинѣ: „се мужъ, изъ вишеты низведшій многи роды, спасава-

шій отъ оковъ, которые свободы лишились, отъ бѣды преступниками ставъ“.

¹ Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с. сенат. И. В. Лопухина, сочинен. имъ самимъ, Чт. въ имп. общ. иет. и др. росс. 1860, кн. 2, стр. 6.

² „Всѣ казни должны быть..., пишетъ И. Лопухинъ, такъ распределены, чтобы сколько можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были“. Записки, кн. 2, стр. 7.

³ Записки, кн. 2, стр. 3.

⁴ Записки, кн. 2, стр. 3.

наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе челоѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости»¹.

Наказаніе, удовлетворяющее своей цѣли, И. Лопухинъ представляетъ себѣ, такимъ образомъ, какъ достигающее исправленія преступника. Съ этой точки зрѣнія нецѣлесообразно наказаніе уже исправившагося, что можетъ имѣть мѣсто при наказаніи пожизненномъ. «...Въ христіанскихъ правительствахъ, пишетъ И. Лопухинъ, исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ...; нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни...»².

Мѣра наказанія, по И. Лопухину, должна находиться въ строгой зависимости отъ степени развращенности преступника. Въ этомъ отношеніи для опредѣленія соотвѣтственнаго наказанія приходится считаться съ мотивами преступника какъ обстоятельствами, характеризующими особенности его личности.

Мысль о индивидуализаціи наказанія въ зависимости отъ мотивовъ правонарушителя развивается И. Лопухинымъ съ большою полнотою. Важное значеніе, которое онъ придаетъ мотивамъ преступника, побуждаетъ его допускать при безнравственныхъ мотивахъ въ преступленіи, менѣе тяжкомъ, большее наказаніе, чѣмъ въ преступленіи, самомъ по себѣ тяжкомъ, но учиненномъ не изъ безнравственныхъ мотивовъ³. Даже болѣе, съ точки зрѣнія оцѣнки мотивовъ, меньшая соблазнительность предмета посягательства будетъ преимущественно свидѣтельствовать о большей испорченности нару-

¹ Записки, кн. 2, стр. 7.

² Записки, *ibid.*, стр. 8.

³ „Если бы можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями прав-

вилъ опредѣленія казни. И тогда многія дѣла или извиняемыя, или за преступленія не считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столько-же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія“. Записки, *ibid.*, стр. 7.

шителя. «Ежели судить о преступленіяхъ, пишетъ И. Лопухинъ, по тѣмъ побужденіямъ, изъ которыхъ оныя производятся и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказанія, ...то чѣмъ меньше соблазнительнъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящій означается степень разврата въ преступникѣ...»¹. Въ оцѣнкѣ побужденія правонарушителя И. Лопухинъ видитъ, между прочимъ, главную задачу Совѣстнаго суда². Приспособленіе наказанія къ мотивамъ дѣйствующаго требуетъ опредѣленія мѣры наказанія «внутренними основаніями». Но этимъ наказаніе еще не опредѣляется конкретно. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда наказаніе соображается съ такими данными, какъ сложеніе преступника, его лѣта, состояніе здоровья и проч.³.

Таковы съ точки зрѣнія И. Лопухина тѣ элементы, которые опредѣляютъ собой мѣру наказанія, какъ средства исправленія. Но цѣлью наказанія, по И. Лопухину, является и «удержаніе отъ преступленій возможныхъ правонарушителей»⁴. вмѣсто индивидуальной мѣрки наказанія здѣсь приходится считаться съ общими условіями, и И. Лопухинъ рекомендуетъ «сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющихъ»⁵.

Эта двойственная природа наказанія побуждаетъ И. Лопухина считать необходимымъ предоставленіе уголовному суду широкаго усмотрѣнія. Последнее можетъ устранить надобность «различительности

¹ Записки, *ibid.*, стр. 7.

² „Самой приличной Совѣстному суду обрядъ сужденія былъ бы, конечно, но дѣламъ уголовнымъ, испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника и съ силой возможности въ немъ удержать,

или преодолѣть себя, и поэтому соразмѣрное опредѣлить каждому въ подлежащемъ степени наказаніе“. Записки, Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1860, кн. 3, стр. 113.

³ А. Аванасьевъ, И. В. Лопухинъ, Арх. ист. и практич. свѣд., относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 1, 1860, стр. 7.

⁴ Записки, кн. 2, стр. 3.

⁵ Записки, кн. 2, стр. 7.

и постепенности неестественныхъ» въ законѣ. ¹ Но при всемъ томъ И. Лопухинъ не вѣрить въ осуществимость полного приспособленія наказанія къ особенностямъ конкретнаго случая ². Возлагаемымъ на судью полномочіямъ должны соответствовать и обязанности. И. Лопухинъ пишетъ: «судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя челоуѣка въ уголовномъ дѣлѣ, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько-жъ самъ ее заслуживаетъ, ...если не больше...» ³.

Обращаясь къ вопросу, насколько обычныя карательныя мѣры могутъ осуществлять идеаль наказанія, И. Лопухинъ приходитъ къ выводу, что однѣ изъ нихъ недопустимы совершенно другія же—терпимы, при условіи ихъ преобразованія.

Наказаніемъ, къ которому И. Лопухинъ относится безусловно отрицательно даже при исключительныхъ обстоятельствахъ, является смертная казнь ⁴. Онъ пишетъ о ней: «она, по моему мнѣнію, ... бесполезна... Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ... исправленія наказуемыхъ, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣянія, если еще не больше, какъ смертная казнь...» ⁵ «Могутъ

¹ Записки, кн. 3, стр. 113.

² И. Лопухинъ пишетъ: „недостаетъ челоуѣческой проницательности на точность... испытаній и соображеній... Не бываетъ... двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности сообразить ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ. Отъ сего нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различествующіе по внутреннему расположенію къ одинакому по внѣшнему своему виду преступленію, подвергаются равномерному наказанію закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ отбѣнковъ различить и степени опредѣлить невозможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидящій Праведный Судія...“ Записки, кн. 3, стр. 113.

³ Записки, кн. 2, стр. 8.

⁴ Когда въ 1807 г. И. Лопухину поручается вмѣстѣ съ другими сенаторами организація милиціи, и онъ узнаетъ о снабженіи главнокомандующаго чрезвычайными полномочіями, И. Лопухинъ доноситъ государю: „я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни въ Россіи, гдѣ мечь ся прежде всѣхъ странъ отринуть былъ... Государь!... когда устрашала она злодѣевъ?... пламеннымъ сердцемъ любви къ тебѣ и отечеству... говорю! будь только всегда Александръ, великій благостью; она все преодолѣетъ!...“ Записки, кн. 3, стр. 144.

⁵ Записки, кн. 2, стр. 8.

сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семь рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, случаѣ строгое заключеніе можетъ отвратить эту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее...»¹ И. Лопухинъ сомнѣвается и въ томъ, можно ли, вообще, нравственно оправдать смертную казнь. «Одному только Творцу жизни, пишетъ онъ, извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія»².

О тюремномъ заключеніи осужденныхъ и подвергаемыхъ судебному задержанію И. Лопухинъ высказываетъ, въ свою очередь, рядъ мыслей, заслуживающихъ вниманія. Онъ пишетъ: должно «стараться наирачительнѣйше, чтобъ мѣста содержанія колодниковъ въ наилучшемъ были состояніи со стороны того, что потребно къ сокращенію здоровья ихъ и жизни... Такое же... попеченіе имѣть и о ихъ продовольствіи. Не должно обременять ихъ оковами безъ крайней нужды и безъ причинъ законныхъ; ибо несправедливо облегчать стражу, по званію своему на бдѣніе обязанную, паложеніемъ казни на людей, узаконеніями непредписанной»³.

Въ основаніе вмѣненія уголовнаго И. Лопухинъ полагаетъ свободную волю человѣка. «Законы... человѣческіе, пишетъ онъ, не могутъ налагать обязанностей, кромѣ такихъ, которыхъ исполненіе не превосходитъ натуральныя силы, и зависитъ отъ свободной воли человѣка»⁴.

Этотъ критерій вмѣняемости служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, масштабомъ для опредѣленія границъ вмѣняемости. Состоянія, позволяющія говорить о несвободной волѣ, являются обстоятельствами, устраняющими вмѣняемость и вмѣненіе. Въ ряду этихъ обстоятельствъ И. Лопухинъ упоминаетъ, между прочимъ, «о бреду въ

¹ Записки, кн. 2, стр. 9.

² Ibid.

³ Выписка постановленій и приказаній, данныхъ г.г. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи въ мартѣ 1800 г.,

цит. по А. Аванасьеву, *Op. cit.*, стр. 40.

⁴ И. Лопухинъ, *Вопль стариннаго судьи*, Чтенія въ имп. общ. ист. и др. росс. 1862, кн. 2, стр. 149.

горячкѣ», «о проказахъ въ сумасшествіи» и отчасти «пьянствѣ»¹. «Пьянство» И. Лопухинъ разсматриваетъ, какъ «болѣзнь произвольную» и предлагаетъ наказывать «за самое пьянство... а не за слѣдствія»².

Въ области формъ вины И. Лопухинъ считаетъ нужнымъ строго различать состоянія умысла хладнокровнаго и страсти, когда кто либо дѣйствуетъ «разсерженный будучи», и, кромѣ того, дѣйствія «неумышленныя»³.

По вопросу о составѣ отдѣльныхъ преступленій И. Лопухинъ проводитъ взглядъ, что для вмѣненія необходимы «дѣйствія». Слова, какъ таковыя, не являются еще дѣйствіями. И. Лопухинъ пишетъ, напр., по вопросу о составѣ богохульства, что опасно ограничивать его произнесеніемъ опредѣленныхъ словъ⁴. Онъ предлагаетъ считаться, далѣе, при вмѣненіи дѣяній съ самой почвой, на которой они возникаютъ. Говоря о богохульствѣ, совершенномъ подъ вліяніемъ религіозныхъ убѣжденій и фанатизма, И. Лопухинъ указываетъ на необходимость устраненія самыхъ причинъ, порождающихъ тѣ или другія правонарушенія. «...Когда замѣчаетъ онъ, ...есть раскольники и толпами, то неестественно, чтобы не вырвалось иногда у нихъ словъ противныхъ; жестоко ихъ за то наказывать то же, что больного горячкою наказывать за то, что онъ бредитъ. Вылечи горячку, и бреду не будетъ»⁵.

Уголовно-политическіе взгляды И. Лопухина всецѣло проникнуты идеями Беккаріи и Наказа, этическими идеалами масонства, но прежде всего питаются его обширными наблюденіями надъ міромъ порока и преступленія.

Проповѣдуя словомъ и дѣломъ торжество принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, И. Лопухинъ опирался на лучшія положенія доктрины Беккаріи, весьма вѣроятно въ ихъ воспроизведеніи въ Наказѣ. На почвѣ увлеченія высокими завѣтами послѣдняго

¹ И. Лопухинъ, *Вопль стариннаго судьи*, стр. 149.

² *Ibid.*

³ Записки, *Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс.* 1860, кн. 2, стр. 8.

⁴ И. Лопухинъ, *Вопль стариннаго судьи*, стр. 148 и сл.

⁵ И. Лопухинъ, *Вопль стариннаго судьи*, стр. 148 и сл.

онъ отвергалъ, однако, историзмъ, подсказанный Наказу заимствованіями изъ Монтескье и шель въ нѣкоторыхъ вопросахъ далѣе и Беккариа, и Наказа. И. Лопухинъ, какъ мы видѣли, считалъ виоліѣ допустимымъ толкованіе уголовного закона, противъ чего были не только Беккариа и Наказъ, но и другіе выдающіеся умы конца XVIII в. ¹.

Проповѣдь И. Лопухина объ умѣренности наказаній, ненужности мщенія и цѣлесобразности удержанія отъ преступленій путемъ наказанія опирается отчасти на доктрину Наказа ². И. Лопухинъ слѣдуетъ ему и въ утвержденія, что неизбежность наказанія является болѣе дѣйствительнымъ средствомъ предотвращенія преступленій, нежели наложеніе наказаній жестокихъ и проч.

Вѣра И. Лопухина въ исправимость даже самаго закоренѣлаго злодѣя и убѣжденіе въ необходимости исправленія преступника, какъ цѣли наказанія, не заимствованы ни у Беккариа, ни въ Наказѣ, не придававшими этой сторонѣ дѣла особаго значенія. И. Лопухинъ въ этомъ смыслѣ продолжатель Ѳ. Ушакова. Онъ идетъ, однако, гораздо дальше

¹ На той же точкѣ зрѣнія ограниченія права толкованія законовъ и стѣсненія судейскаго усмотрѣнія стоялъ и другой крупный писатель XVIII в., котораго не могъ не знать И. Лопухинъ, тѣмъ болѣе, что трудъ перваго появился въ русскомъ переводѣ еще въ концѣ 80-хъ годовъ вѣка просвѣщенія. Мы имѣемъ въ виду переводъ рѣчи Сервэна (1748--1811), появившійся безъ указанія имени автора въ 1788 г. подъ заглавіемъ: „Рѣчь о производствѣ уголовного правосудія, говоренная г. главнымъ адвокатомъ въ Парижѣ“ въ переводѣ Вас. Трипольскаго. Мы читаемъ здѣсь: „Уголовные законы должны представить, какъ вѣрную опись преступленій, такъ равно и за оныя наказаній, чтобы безъ трудности и сомнѣнія можно было ихъ разобрать“, Рѣчь, стр. 127. „Наказанія въ семъ государствѣ полагаются по разсужденію судейскому, что очень постыдно и не извинительно“, Ор. cit.

стр. 131. „Судьи, ищетъ тотъ же авторъ, познавши остальные правила уголовного правосудія, не захотятъ никогда по своей волѣ полагать казни: они съ радостью пойдутъ въ слѣдъ законовъ, и возтребуютъ, ежели когда нибудь принуждены будутъ оныя дополнять“. Ор. cit., стр. 135.

² Идея экономіи наказанія могла быть, впрочемъ, внушена И. Лопухину и авторомъ „Рѣчи о производствѣ уголовного правосудія“, 1788, когда онъ писалъ: „какія изліемъ наказанія жестокимъ разбойникамъ и отцеубійцамъ! Кровь уже истощена за малыя преступленія, и не остается болѣе къ наказанію за великія. Развѣ выдумать еще жесточайшую казнь! Но это напрасно... Если переломаютъ руку..., то сямъ не учинятъ различія, долженствующаго быть между пороками...“ Рѣчь, стр. 141 и слѣд.

чѣмъ послѣдній, когда выдвигаетъ вопросъ объ индивидуализаціи исправительнаго наказанія и указываетъ, что къ этой цѣли слѣдуетъ приближаться путемъ оцѣнки мотивовъ дѣятельности правонарушителя. Опередивъ и О. Ушакова, и А. Радищева въ дѣлѣ пониманія индивидуальной психологіи преступника, П. Лопухинъ обязанъ этимъ успѣхомъ своему обширному опыту уголовного судьи¹. Нѣкоторую роль во взглядахъ П. Лопухина сыграли, впрочемъ, и воззрѣнія Сервэна съ его проповѣдью возможно полнаго приспособленія наказанія къ личности преступника². Выдвигая въ наказаніи наряду съ предупрежденіемъ частнымъ и задачи предупрежденія общаго, П. Лопухинъ оставался въ то же время на точкѣ зрѣнія Наказа. Въ осужденіи смертной казни П. Лопухинъ идетъ далѣе Беккаріи, отрицая ее безъ всякихъ оговорокъ и считая недопустимой, отчасти по нравственнымъ соображеніямъ.

Въ лицѣ П. Лопухина мы имѣемъ вообще уголовного политика, у котораго индивидуальнымъ причинамъ преступности посвящено болѣе вниманія, чѣмъ ея соціальной природѣ. Это тѣмъ болѣе интересно, что въ трудахъ Сервэна П. Лопухинъ имѣлъ источникъ, подчеркивавшій и выдвигавшій на первый планъ общественыя причины преступности³.

Къ русскимъ писателямъ по вопросамъ уголовного права, черпавшимъ свои построенія изъ политической западно-европейской литературы середины и конца XVIII в. и находившимся

¹ Авторъ „Рѣчи о производствѣ уголовного правосудія“, 1788, усматривалъ цѣль наказанія въ томъ, „чтобы такое налагать виновному наказаніе, каковое бы и обществу приносило бы пользу“.. Рѣчь, стр. 136.

² Авторъ „Рѣчи о производствѣ уголовного правосудія“, 1788, строгій сторонникъ индивидуализаціи наказанія, сурово осуждающій не удовлетворяющую этому требованію современную ему уголовную практику. Ср. стр. 133, 138 и сл. pass.

³ Въ „Рѣчи о производствѣ уголовного правосудія“, 1788, уже довольно отчетливо проведена мысль о томъ, что корень преступленія лежитъ въ цѣломъ рядѣ общественныхъ условій, что причиной преступленія чаще всего бываетъ уголовный законъ, который не считается съ состояніемъ массъ. Авторъ „Рѣчи“ вѣрнѣе, что уголовные законы „навсегда безполезными сстанутся, ежели гражданскія установленія будутъ хороши“. Ср. стр. 5 и сл.

подъ ея идейнымъ вліяніемъ нужно отнести также митрополита Гавріила ¹, духовнаго дѣятеля ² вѣка Екатерины.

¹ Біографическія свѣдѣнія о митроп. Гавріилѣ см. у М. Сухомлинова, Исторія Россійской академіи, в. 1, Спб. 1874, стр. 53 и сл., а равно А. Мартосъ, Гавріилъ, митрополитъ новгородскій, Сынъ отеч. и Сѣв. арх., т. XIII (Сынъ отеч. ч. 135, Сѣв. арх. 49), Спб. 1830, стр. 26—42; В. Полѣновъ, Жизнеописаніе митр. новгородскаго и с.-петербургскаго Гавріила, Труды Имп. Россійской Академіи, ч. 1, Спб. 1840, стр. 137—145; здѣсь приложенъ списокъ сочиненій митр. Гавріила, стр. 143—5; митроп. Евгений, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви, т. 1, Спб. 1827, стр. 81—85; Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. 2, М. 1836, стр. 1—5; Гр. Геннадіи, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 190—191; Н. Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Спб. 1772 въ изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867.

Митроп. Гавріилъ (Петровъ) род. 18 мая 1730 г., умеръ 26 янв. 1801. „Одаренный умомъ тонкимъ, пишетъ о немъ В. Полѣновъ, Ор. cit., стр. 138, образованный въ училищѣ благочестія и въ послѣдствіи ознакомленный съ наукою свѣта, Гавріилъ и въ типнѣ монастырскаго уединенія, и при блистательномъ дворѣ Екатерины являлся архиастыремъ достойнымъ сана своего“. Митроп. Гавріилъ—воспитанникъ Московской славяно-греко-латинской академіи. Онъ поступилъ въ нее въ 1841 г. и окончилъ ее въ 1753. А. Мартосъ, Ор. cit., стр. 26. Въ слѣдующемъ году онъ опредѣляется справщикомъ книгъ Московской синодальной типографіи, Ор. cit., стр. 27. По словамъ А. Мартоса, „Гавріилъ еще въ молодыхъ лѣтахъ на-

учился приказнымъ дѣламъ у одного подъячаго“, Ор. cit., стр. 29. Въ 1761 г. Гавріилъ становится ректоромъ Московской академіи, Ор. cit., стр. 30, и по выбору Екатерины II въ 1763 г. епископомъ псковскимъ, Ор. cit., стр. 31. Въ февр. 1768 г. Гавріилъ опредѣляется депутатомъ въ Комиссію о соч. проекта новаго уложенія и вскорѣ избирается въ дирекціонную комиссію, Ор. cit., стр. 33, Д. Бантышъ-Каменскій, Ор. cit., стр. 2, В. А. Полѣновъ, Ор. cit., стр. 139 и сл. Въ 1770 г. Гавріилъ становится архіепископомъ с.-петербургскимъ, въ 1775 новгородскимъ и с.-петербургскимъ, а въ 1783 г. митрополитомъ. За два года до смерти, послѣдовавшей въ 1801 г., онъ былъ отпущенъ въ Новгородъ, гдѣ и скончался, митроп. Евгений, Ор. cit., стр. 82. Гавріилъ былъ членомъ Россійской Академіи и обработалъ нѣсколько буквъ для словаря русскаго языка, А. Мартосъ, Ор. cit., стр. 35.

² Мы не включаемъ въ нашъ трудъ обзорѣнія духовной литературы, поскольку ею даже затрогиваются вопросы уголовного правосудія. Труды м. Гавріила, близко стоявшаго къ екатерининской Комиссіи, не могутъ быть, однако, вычеркнуты изъ исторіи науки уголовного права въ нашемъ отечествѣ. Они сказались и реальнымъ образомъ на судьбѣ нашего уголовного законодательства, подготовивъ почву для отмѣны тѣлесныхъ наказаній для отдѣльныхъ категорій населенія.

Въ концѣ XVIII в. мы въ общемъ наблюдаемъ въ Россіи оживленіе и въ сферѣ духовной литературы; появляются переводы нравственно-юридическихъ трактатовъ, разрѣшающихъ вопросы этики и уголовного права въ духѣ изслѣдованій отцовъ западной церкви.

Этотъ выдающійся пастырь и ученый былъ, по выраженію Екатерины II, «мужъ острый и резонабельный»¹ и притомъ глубоко интересовавшійся практической и теоретической стороною вопросовъ, связанныхъ съ уголовнымъ правосудіемъ². Митроп. Гавріилъ былъ депутатомъ въ екатерининской Комиссіи и вмѣстѣ съ Иннокентіемъ и Платономъ участвовалъ въ составленіи замѣчаній на Наказъ Екатерины II. М. Сухомлиновъ совершенно правъ, когда отмѣчаетъ, что «...его мораль отзывается идеями естественнаго права, а въ вопросахъ общественныхъ онъ является поборникомъ

Цензура энергично боролась съ занесеніемъ къ намъ этихъ западныхъ вліяній. Интересной иллюстраціи такой борьбы является судьба книги „Правосудный судія или зрѣлище политическое“, вышедшей въ 1787 г. и вскорѣ изъятой изъ обращенія. Ср. „Реестръ книгамъ въ силу Выс. Ея Имп. Вел. им. ук. изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ отобраннымъ и слѣдующимъ къ доставленію Св. Прав. Синода въ контору“, напеч. въ трудѣ М. Лонгинова, Новиковъ и московскіе мартинисты, М. 1867, стр. 047. Среди изъятыхъ книгъ мы встрѣчаемъ довольно часто труды, посвященные изложенію ученій блаж. Августина, ср. Ор. cit., стр. 037, 038 и др.

„Правосудный судія или зрѣлище политическое, въ которомъ предписывается всякому то, что дѣлать должно и чего не должно, доказанное Св. Писанія свидѣтельствами, эмблеммами, философскими мнѣніями, гіероглифами, разными исторіей достопамятностями. Пер. съ лат. М. 1787, т. I и II учителя перервинской моск. сем. Евѡима Веденскаго“ обосновываетъ необходимость господства закона въ области правосудія на словахъ бл. Августина „безъ правосудія... что суть самая царства, какъ не явныя грабительства“, I, стр. 80, и приходитъ къ выводу,

что „въ разсужденіи естества и состоянія человѣческаго полъзнѣе есть управлять общество по законамъ предписаннымъ, и онымъ повиноваться“, Правос. судія, II, стр. 51. Большинство отвѣтовъ на вопросы теоріи наказанія авторъ заимствуетъ у бл. Августина, св. Григорія, св. Ѳомы и др., Правос. судія, I, стр. 54 и сл., стр. 57. Авторъ оцѣниваетъ отдѣльные наказанія и рѣшительно высказывается противъ денежныхъ, Ор. cit., I, стр. 58. Онъ подвергаетъ изслѣдованію источники преступленія и старается показать, что преступленія происходятъ отъ „превращенія разсужденія“ подъ вліяніемъ „душевнаго смущенія“, „а имянно любви, страха, ненависти и надежды“, Ор. cit., I, стр. 59 и сл. „Любовь“ авторъ понимаетъ въ смыслѣ тѣлеснаго вожделѣнія и ревности, а „надежду“ въ смыслѣ корыстолюбія. „Правосудный судія“ былъ посвященъ переводчикомъ Веденскимъ архіепископу московскому Платону.

¹ А. Мартосъ, Гавріилъ митрополитъ новгородскій, Спб. 1830, стр. 32.

² Екатерина II посвятила м. Гавріилу переводъ книги Мармонтеля „Велисарій“, ср. Н. Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ въ изд. Ефремова, Спб. 1867, стр. 27, А. Мартосъ, Ор. cit., стр. 33.

началь, положенныхъ въ основу Наказа Екатерины»¹. Какъ писатель митроп. Гавріилъ избѣгалъ риторическихъ приемовъ и Сумароковъ имѣлъ полное основаніе сказать о немъ, что онъ «есть больше сочинитель разумнѣйшихъ философическихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ, а потому что стремленіе его больше въ диссертаціи, нежели въ фигуры риторскія..»².

Взгляды митроп. Гавріила на существо преступленія и наказанія развиты имъ, главнымъ образомъ, въ его «Словѣ о правосудіи»³.

Митроп. Гавріилъ останавливается на вопросахъ о существѣ преступленія, основаніи права наказанія, задачахъ наказанія, а равно свойствахъ наказаній.

Въ области характеристики преступленія онъ подчеркиваетъ его формальную природу. «Всѣ преступленія, говоритъ митроп. Гавріилъ, суть нарушеніе закона». Но не одной этой внѣшней стороной онъ исчерпываетъ понятіе преступленія. Онъ старается дать и анализъ его матеріальнаго содержанія. Однимъ изъ самыхъ постоянныхъ признаковъ преступнаго является элементъ вреда. «Нѣтъ преступленія, сколь бы малымъ мы его не почитали, которое бы не вредно было кому-нибудь». Элементъ вреда въ преступленіи восполняется признакомъ нарушенія общаго спокойствія, проявляющимся въ чувствѣ неудовольствія въ окружающемъ преступника обществѣ. «Нѣтъ преступленія, пишетъ митроп. Гавріилъ, сколь бы малымъ мы его не почитали, которое... не было бы непріятно для всѣхъ».

Существованіе преступленія полагаетъ основаніе праву наказанія въ смыслѣ оправданія мѣръ, ведущихъ къ устраненію тѣхъ золъ, которыя приносятъ съ собой преступленіе. На этомъ пути не слѣдуетъ стремиться къ истребленію виновныхъ, но, напротивъ,

¹ М. Сухомлиновъ, Исторія Россійской академіи, в. 1, стр. 107 и сл.

² М. Сухомлиновъ, *Op. cit.*, стр. 101 и сл.

³ Митроп. Гавріилъ, Слово въ день возшествія на престолъ имп. Екатерины II, проповѣд. въ придв. петергофской

церкви 1770: о правосудіи. Слово это перепечатано въ „Собраніи разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни на три части раздѣленное“, М. 1776, ч. 2. въ недѣлю Пѣ (13) по пятидесятницѣ, л. III. (58).

къ сохраненію ихъ въ виду того, «что виновникъ злу можетъ приведенъ быть къ раскаянію и исправленію». Истребленіе зла преступленія ставитъ наказанію и другія задачи. При посредствѣ послѣдняго нужно стремиться къ заглаженію вреда, понесеннаго потерпѣвшимъ, или какъ выражается митроп. Гавріилъ, «терпящимъ нещастіе возвратитъ щастіе, чтобъ тѣмъ уврачевать общество». При помощи наказанія нужно стремиться, далѣе, къ удержанію отъ преступности другихъ: «пресѣчь худые примѣры». Наказаніе, наконецъ, неизбежно и для возстановленія авторитета закона. Оно необходимо, чтобы «привести въ должное почтеніе законъ»...

Наказаніе, какъ мѣра, направленная къ устраненію зла преступленія, должно считаться съ особенностями этого зла. Для опредѣленія характера наказанія предстоитъ, прежде всего, рѣшить лицу, назначающему наказаніе, вопросъ о томъ, нанесенъ ли преступленіемъ вредъ «излѣчимый или неизлѣчимый». Но и въ послѣднемъ случаѣ не слѣдуетъ «врачевать... истребленіемъ человѣка». Цѣли наказанія не тождественны съ цѣлями мщенія и наказывать нужно «не для того, чтобы... истребить», но для того, чтобы улучшить людей. «Довольно наказанъ человѣкъ, пишетъ митроп. Гавріилъ въ качествѣ указанія судьѣ на мѣру наказанія, когда приведенъ въ чело-вѣчество, и находитъ въ себѣ отвращеніе отъ порока...» Наказаніе слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ индивидуализировать въ зависимости отъ особенностей преступника и сообразовать съ общими задачами наказанія. Митроп. Гавріилъ обращается къ судьѣ съ слѣдующимъ завѣтомъ въ отношеніи преступника: «сыщи степень его ожесточенія, и положи такое наказаніе, которое бѣ довольно было умножить силу совѣсти такъ, чтобъ внутреннее чувство закона и отвращеніе отъ зла изобрѣтеннымъ тобою способомъ возбуждено было»...¹ Оставаясь послѣдовательнымъ и отступая отъ Наказа Екатерины, митроп. Гавріилъ считаетъ необходимымъ допущеніе истолкованія уголовного закона. Онъ рекомендуетъ слѣдовать не буквѣ послѣдняго, но его духу². Мит-

¹ Слово о правосудіи, л. ни. (58).

² М. Сухомлиновъ, Ор. cit., в. 1, стр. 108 и сл.

роп. Гавріилъ былъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній для духовныхъ лицъ ¹. Въ то же время онъ былъ защитникомъ идеи свободы совѣсти и сторонникомъ ненужности каръ за религиозныя преступленія ².

VII.

Любители изученія русской старины.

В. Н. Татищевъ.—И. Н. Болтинъ.—М. М. Щербатовъ.

Въ XVIII в. въ русскомъ обществѣ зарождается интересъ къ російскимъ древностямъ. Появляются и энергичные искатели матеріаловъ русской исторіи. Едва ли не самымъ крупнымъ между ними былъ Василій Никитичъ Татищевъ, посвятившій много труда на собраніе въ частности древнихъ памятниковъ исторіи русскаго права. В. Татищеву, можно смѣло сказать, выпала доля піонера историческаго направленія въ изученіи русскаго права. Онъ первый дѣлаетъ попытку изысканія русскихъ юридическихъ древностей и начинаетъ собирать матеріалъ, могущій быть положеннымъ въ основаніе исто-

¹ Митроп. Гавріилъ искренно стремился къ избавленію духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній. Екатерина II одобрила соотвѣтственный докладъ Синода по этому вопросу, въ которомъ главнымъ инициаторомъ являлся митроп. Гавріилъ. М. Сухомлиновъ сообщаетъ, что при докладѣ Синода пмѣлись „особенныя митрополитановгородскаго (Гавріила) разсужденія“. М. Сухомлиновъ, Ор. cit., в. 1, стр. 385 съ ссылкой на дѣло архива св. Синода, 1796 г., № 497. Докладъ Синода былъ утвержденъ при Павлѣ I въ такой редакціи, въ которой шла рѣчь не только о „тяжебныхъ дѣлахъ“, но вообще „о судимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ“ лицахъ священнаго сана при самомъ энергичномъ участіи митроп. Гавріила. М. Сухомлиновъ, Ор. cit., в. 1, стр. 92 и сл. См. о докладѣ Синода у М. Сухомлинова, Ор. cit., в. 1, стр. 385 съ

ссылкой на дѣло арх. св. Синода, прот. 1796, № 32, л. 365. Ср. П. С. З. 17624, 9 дек. 1796, о ненаказаніи священниковъ и дьяконовъ тѣлесно. Привиллегія духовенства, пріобрѣтенная имъ благодаря митроп. Гавріилу, была опять отнята, но указомъ 22 мая 1801 г. возвращена веовъ, П. С. З. т. 26, № 19885. Ср. объ участіи митроп. Гавріила въ этомъ дѣлѣ, А. Мартосъ, Ор. cit., стр. 37 и слѣд. Ср. нѣсколько неточныя данныя у Д. Вантышъ-Каменскаго, Ор. cit. стр. 3 и сл.

² Объ этомъ можно заключить уже изъ факта посвященія ему Екатериной II извѣстной книги Мармонтеля „Велисарій“—того самаго труда, который навлекъ на себя гнѣвъ Сорбонны за защиту свободы совѣсти и проповѣдь ненужности каръ за религиозныя преступленія.

ріи догмы нашего права. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Татищеву не можетъ не быть отведено нѣкотораго мѣста въ исторіи научной разработки уголовного права ¹.

По своимъ философскимъ взглядамъ ², В. Татищевъ становится на сторону вольфіанства, по крайней мѣрѣ въ болѣе раннюю эпоху своей научной дѣятельности ³, но въ болѣе позднихъ

¹ Біографическія свѣдѣнія о В. Н. Татищевѣ, митр. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 2, М. 1845, стр. 190—203; С. Соловьевъ, Вас. Ник. Татищевъ въ Арх. ист.-юр. свѣд., относящ. до Россіи, М. 1855, кн. 2-й полов. первая, стр. 15—40; И. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ, Харьк. 1892, стр. 100 и сл. Энциклопед. слов., т. 32а, стр. 672—675, гдѣ привед. указ. лит. о В. Татищевѣ; П. Пекарскій, Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, Зап. Имп. Акад. наукъ, Сиб. 1864, т. 3; А. Куникъ, Объ изданіи сочиненій В. Н. Татищева и матеріалы для его біографіи, 1883, изд. Имп. Ак. наукъ; Н. Поповъ, Ученые и литературные труды В. Н. Татищева, Сиб. 1886; П. Миллюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, М. 1898.

В. Н. Татищевъ родился 19 апр. 1686 г. Въ 1704 г. онъ былъ посланъ за границу для продолженія образованія, откуда вывезъ знаніе нѣмецкаго и польскаго языка. В. Татищевъ вскорѣ опредѣлился на службу при Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи и многіе годы провелъ въ службныхъ поѣздкахъ по европейской и азіатской Россіи. Въ 1744 году В. Татищевъ покидаетъ государственную службу и занимаемую имъ должность астраханскаго губернатора и поселяется въ сельцѣ Болдинѣ подъ Москвой, гдѣ онъ и скончался 15 іюля 1750 года. Главнымъ

трудомъ В. Татищева является его „Исторія російская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусынными трудами чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная“. По мнѣнію Шлецера, В. Татищевъ занимался ею въ 1719—1739 г.г., ср. митроп. Евгеній, Слов. свѣт. пис., т. 2, М. 1845 г., стр. 194. Подлинная рукопись „Исторіи російской“ В. Татищева погибла и сохранилась только въ спискѣ, весьма неисправномъ. I ч. пер. кн. изд. Г. Миллеромъ въ 1768 г., II ч. въ 1769 г.; вторая кн. изд. въ 1773 г., а третья въ 1774 in 4°; четвертая книга издана по приказу Екатерины II въ 1784 г. и доведена до 1462 г.; пятая книга, по счету В. Татищева IV ч., была найдена М. Погодинымъ лишь въ 1843 г. и изд. Общ. ист. и др. рос. въ 1848 г. Часть подготовительныхъ работъ В. Татищева по русской исторіи хранится въ Гл. арх. мин. иностр. дѣлъ въ портфель бумагъ Г. Миллера.

² О характеристикѣ В. Татищева, какъ утилитариста на основаніи его труда „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ“ ср. статью въ Энциклоп. слов.

³ Въ своемъ Предъизвѣщеніи къ Исторіи російской, ч. I, 1768, стр. I, В. Татищевъ пишетъ: „причины... всякому приключенію разныя, яко отъ Бога или отъ челоуѣкъ, что здѣсь яко довольно сказанное, пространнѣе толковать оставляю, но ко изъясненію сего любопытному физика и мораль господина Вольфа могутъ достаточное изъясненіе подать“.

работахъ всегда стремится органически связать настоящее съ прошедшимъ, въ частности и въ области юридической. «Юриспруденція, пишетъ В. Татищевъ, ... учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ; слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, естли не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ, и какъ можетъ судія право дѣла судить, естли древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ премѣненіямъ неизвѣстенъ, для того ему нужно исторію о законахъ знать»¹). Къ изученію историческаго прошлаго нашихъ законовъ В. Татищевъ подходитъ путемъ собранія источниковъ русскаго права. Онъ вполне понялъ важное значеніе этого дѣла для уясненія самаго процесса развитія русскаго законодательства. Значеніе В. Татищева, какъ собирателя памятниковъ русскаго законодательства и русской исторіи, оцѣнено еще по достоинству И. Болтинымъ, когда онъ, характеризуя исторію В. Татищева, видѣлъ въ ней сводъ источниковъ². И на самомъ дѣлѣ, въ исторіи его мы находимъ текстъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего законодательства—Договоры Олега и Игоря съ греками³ и рядъ другихъ первоисточниковъ. В. Татищевъ въ роли собирателя памятниковъ русской исторіи выступилъ, однако, не только первымъ издателемъ памятниковъ русскаго за-

Въ другомъ мѣстѣ В. Татищевъ говоритъ о философіи Вольфа: „что касается до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должностей правителей и подданныхъ, оное собственно принадлежитъ до философіи въ частяхъ морали или правоученія закона естественнаго и политики, которое отъ разныхъ философовъ достаточно... описано, и по моему мнѣнію Христіанъ Вольфъ лучше прочихъ, то есть внятво передалъ“. Исторія російская, ч. I, 1768, стр. 527. В. Татищевъ принимаетъ также нѣкоторые выводы Томазія, *Op. cit.*, стр. 12 и сл., гдѣ онъ ссылается на его правоученіе.

¹ Предъизвѣщеніе къ Исторіи російской, ч. I, 1768, стр. III—IV.

² О Исторіи російской В. Татищева, И. Болтинъ писалъ, что она „не иное что есть какъ лѣтопись Нестора и продолжателей его, безъ всякой перемѣны, но токмо исправленная, пополненная изъ разныхъ списковъ, и примѣчаніями обогащенная“, Оtvѣтъ ген.-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, изд. 2-е, во градѣ св. Петра, 1793, стр. 132.

³ Исторія Російская, кн. II, М. 1773, стр. 20—24 и 29—34.

конодательства, но и первымъ истолкователемъ ихъ. С. Соловьевъ не затрудняется признать, что въ примѣчаніяхъ «къ Судебнику видимъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины»¹.

Попытку объясненія русскихъ юридическихъ терминовъ въ видахъ облегченія истолкованія нашихъ юридическихъ памятниковъ В. Татищевъ дѣлаетъ еще въ своей «Исторіи російской», написанной, повидимому, въ 1719—1739 г.г., примѣнительно къ Договорамъ Олега и Игоря съ греками.² Не всѣ примѣчанія носятъ юридическій характеръ, но всѣ они содѣйствуютъ уясненію смысла этихъ важныхъ памятниковъ и въ то же время статей, носящихъ уголовно-правовой характеръ³. Для выясненія смысла статей В. Татищевъ прибѣгаетъ, между прочимъ, къ сопоставленію опредѣленій въ «законѣ русскомъ» съ «закономъ Калмыцкимъ»⁴ и др. Еще въ «Исторіи російской» В. Татищевъ дѣлаетъ попытку объяснить такіе термины нашихъ памятниковъ законодательства какъ «тіунъ»⁵, «бояринъ»⁶, затрогиваетъ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ выступала смертная казнь,⁷ и проч.

В. Татищевъ снабдилъ примѣчаніями и Русскую правду, найдши списокъ ея въ Новгородской лѣтописи. Хотя трудъ этотъ былъ представленъ имъ въ Академію наукъ въ 1738 году, онъ былъ изданъ только въ 1786 году въ 1-ой части «Продолж. Древ. рос. вивлюэки, причемъ въ «Предъизвѣщеніи» имъ дана краткая исторія російскаго законодательства⁸. Въ самыхъ примѣчаніяхъ къ

¹ С. Соловьевъ, Вас. Ник. Татищевъ, Арх. ист.-юр. свѣд., относящ. до Россіи, М. 1855, кн. 2-й, пол. перв., стр. 39.

² Исторія Россійская, кн. II, М. 1773, примѣч. 86—92 и прим. 105—120.

³ Ср., напр., примѣч. 87, о „ротѣ“, прим. 88 о платѣ „за удареніе“, прим. 89 о представленіи „тата... суду“, прим. 90 о платѣ „въ трое“ за украденное, прим. 92 о датѣ договора;— примѣч. 111 о современныхъ Договорамъ Игоря съ Греками мѣрахъ, прим. 117

о „за убивство цѣнѣ“ и проч., Ист. рос., кн. II, М. 1773.

⁴ Ср. Ист. рос., кн. II, М. 1773, стр. 377.

⁵ Ср. Ист. рос., кн. III, М. 1774, стр. 489, прим. 495.

⁶ Op. cit., прим. 496.

⁷ Op. cit., стр. 508, прим. 581.

⁸ Законы древніе русскіе, для пользы всѣхъ любомудрыхъ, собранные и нѣсколько истолкованные тайнымъ совѣтникомъ Васильемъ Татищевымъ 1738 г., Предъизвѣщеніе, Прод. древ. рос. вивлюэки, ч. I, Спб. 1786, стр. 1 и сл.

тексту В. Татищевъ характеризуетъ подробности древне-русской жизни, проливающія свѣтъ на смыслъ статей Русской правды—¹ этого важнѣйшаго памятника нашего древняго законодательства, сопоставляя ихъ съ постановленіями права калмыцкаго, персидскаго и проч. ².

В. Татищевымъ впервые приготовленъ къ печати и Судебникъ царя Іоанна Васильевича съ дополнительными къ нему указами, изданный въ 1786 году ³ съ присоединеніемъ къ нему примѣчаній, истолковывающихъ смыслъ статей и знакомящихъ съ историческими условіями, при которыхъ появился этотъ памятникъ ⁴.

В. Татищевъ задумалъ, повидимому, и сводку воедино всѣхъ объясненій нашихъ законодательныхъ памятниковъ въ своемъ «Лексиконѣ російскомъ, историческомъ, географическомъ, политическомъ и гражданскомъ», оставшемся неоконченнымъ ⁵.

Нельзя въ общемъ выводѣ не признать огромныхъ заслугъ В. Татищева, который въ качествѣ простаго любителя русской старины заложилъ прочное основаніе не только установленію текста древнихъ памятниковъ нашего законодательства, не только сдѣлалъ доступными для научнаго изслѣдованія въ частности источники стараго русскаго уголовного законодательства, но и выступилъ первымъ комментаторомъ памятниковъ нашего права. Въ интересахъ выясненія отдѣльныхъ опредѣленій нашего права В. Татищеву приходилось сравнивать постановленія русскаго законодательства съ

¹ Ср., напр., Ор. cit., о мщеніи, стр. 9; о гривнѣ, стр. 10; о „рогѣ“, стр. 11; о „колбѣгѣ“, стр. 13; о „свободномъ мужѣ“, стр. 15; объ „огнищанинѣ“, стр. 17 и мн. др.

² Ср. Ор. cit., стр. 17.

³ Продолж. др. рос. вивліюэ., ч. 1, Спб., 1786, стр. 25 и сл.

⁴ Ор. cit., ср., напр., объясненіе термина „бояринъ“, стр. 33; „окольнічій“, стр. 34; „діакъ“, стр. 35; „наместники“, стр. 35 и слѣд.; „волостели“, „тіунъ“, стр. 36; „поле“, стр. 47; „праведчикъ“, стр. 57; „отдача

головою“, стр. 109; „губные старосты“, стр. 119 и сл.; „наказаніе... за поврежденіе межи“, стр. 173, а равно многихъ другихъ терминовъ.

⁵ Лексиконъ російскій, доведенный В. Татищевымъ до буквы Л, о которомъ упоминаетъ митроп. Евгеній въ Словарѣ рус. свѣт. писателей, т. 2, М. 1845 стр. 200, представляетъ собою трудъ, напечат. въ 3 частяхъ въ Сиб. 1793 г. и заключающій въ себѣ, между прочимъ, изъясненіе „древностей російскихъ“.

аналогичными опредѣленіями другихъ законодательствъ, напр., еврейскаго, греческаго, римскаго, германскаго и проч. Производя эту работу, В. Татищевъ смотрѣлъ на открываемыя имъ сходныя черты не какъ на результатъ заимствованія, но какъ на послѣдствіе творчества, подсказаннаго одинаковыми или сходными условіями быта ¹. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ комментаріяхъ В. Татищева къ Договорамъ съ греками, Русской правдѣ и Судебнику Ив. Грознаго мы имѣемъ не столько примѣненіе приѣмовъ историко-сравнительнаго изученія права, какъ попытку заложить основаніе исторіи догмы въ смыслѣ группированія данныхъ, освѣщающихъ дѣйствительное значеніе отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ.

Другимъ любителемъ русской старины, работы котораго по содѣйствованію уясненію и установленію фактовъ исторіи русскаго законодательства, былъ И. Н. Болтинъ. Труды его въ этой области не только не лишены значенія фактора, сдѣлавшаго возможной научную разработку исторіи уголовного права, но обнаруживаютъ въ немъ высокообразованнаго писателя, понимавшаго соотношеніе извѣстнаго состоянія уголовного законодательства не только съ условіями политическими, но и съ экономическимъ строемъ общества. Въ этомъ отношеніи И. Болтинъ, хотя и шелъ по пути, проложенному В. Татищевымъ, долженъ быть поставленъ значительно впереди его по широтѣ кругозора ².

¹ Ср. по этому вопросу И. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ, Х. 1892, стр. 100 и сл.

² Біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Никитичѣ Болтинѣ см. митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 1, М. 1845, стр. 49—54; С. Соловьевъ, И. Н. Болтинъ, Арх. ист.-юридич. свѣд., относ. до Россіи, М. 1855, кн. 2-я, полов. первая, стр. 63—74; И. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ, Харьк. 1892, стр. 101; Энциклопедич.

слов. подъ ред. проф. И. Е. Андреевскаго, статья о И. Н. Болтинѣ П. М., т. 4, стр. 320—321.

И. Н. Болтинъ родился 1 января 1735 г. и скончался въ 1792 г. Кроме его историко-полемическихъ трудовъ имъ изданъ переводъ и изъясненіе Русской правды въ 1792 г. и составлены, оставшіяся ненапечатанными „Выписки для уразумѣнія древнихъ лѣтописей, съ изъясненіемъ древнихъ словъ, изъ употребленія вышедшихъ“, а равно нѣкоторыя другія произведенія. Ср. митроп. Евгеній, Словарь рус. свѣт. писат., т. 1, М. 1845, стр. 49 и сл. passim.

Говоря о значеніи И. Болтина для русской науки, еще митр. Евгеній отмѣтилъ, что «о древностяхъ нашихъ Болтинъ... ничего ни сказалъ ни новаго, ни лишняго передъ Татищевымъ..... Но онъ сблизилъ подъ одинъ взглядъ многія такія замѣчанія, которыя у Татищева разсѣялись по разнымъ мѣстамъ.., а въ новѣйшей исторіи многое облегчилъ изъ коллежскихъ архивъ и не изданныхъ еще въ свѣтъ записокъ»¹. Съ этимъ сужденіемъ о значеніи И. Болтина, въ общемъ, соглашался и нашъ извѣстный историкъ С. Соловьевъ, когда подчеркивалъ, что И. Болтинъ имѣлъ передъ В. Татищевымъ то преимущество, что могъ воспользоваться его матеріалами и дать «трудъ..., въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи»². Миѣніе митроп. Евгенія вызываетъ развѣ только то возраженіе, что И. Болтинъ нерѣдко исправлялъ В. Татищева, поскольку имъ искажены были лѣтописныя извѣстія, касающіяся юридическаго быта славянъ³.

Особенности историческихъ трудовъ И. Болтина, по которымъ онъ пріурочивалъ изложеніе отдѣльныхъ вопросовъ къ полемическимъ цѣлямъ момента, не позволяютъ видѣть въ обработкѣ этимъ авторомъ отдѣльныхъ сторонъ юридическаго уклада славянъ чего нибудь цѣльнаго. Въ трудахъ И. Болтина разсѣяна, однако, масса замѣчаній, направленныхъ къ истолкованію нашихъ памятниковъ древняго уголовного законодательства⁴. Иногда онъ обращается и къ пересказу уголовно-правовыхъ статей такихъ старыхъ памятниковъ нашего законодательства, какъ Договоры съ Греками⁵,

¹ Митр. Евгеній, Словарь рус. свѣт. пис., т. 1, М. 1845, стр. 51.

² С. Соловьевъ, И. И. Болтинъ, Арх. ист. юрид. свѣд., относящ. до Россіи, М. 1855, кн. 2-я, полов. первая, стр. 65.

³ Ср., напр., И. Болтинъ, Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, т. 1, 1788, стр. 69 и слѣд.

⁴ Ср., напр., истолкованіе И. Болтинымъ термина „скоть“, Примѣч. на

исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, т. 1, стр. 228 и сл., выраженія „убійца господина своего“, Op. cit., стр. 325. И. Болтинъ останавливается и на выясненіи значенія терминовъ, употреблявшихся въ примѣненіи къ отдѣльнымъ наказаніямъ. Ср. Критическія примѣчанія ген.-маіора Болтина на второй томъ Исторіи князя Щербатова, Спб. 1794, стр. 263 и сл.

⁵ Примѣчанія на исторію, т. 1, стр. 449, о наказаніи за убійство, тѣлесное

Русская правда ¹, Судебникъ ², Уложение ц. Алексѣя Михайловича ³ и пр.

И. Болтинъ не только, однако, стремится уяснить смыслъ нашего древняго законодательства при помощи истолкованія. Онъ прибѣгаетъ и къ сопоставленіямъ съ законодательствами другихъ самыхъ далекихъ отъ славянъ народовъ и объясняетъ замѣчаемыя сходныя черты тождественными условіями быта и одинаковыми потребностями, вызывающими однородныя законодательныя постановленія ⁴.

Кромѣ матеріала чисто историческаго характера И. Болтинъ приводитъ въ своихъ трудахъ рядъ мыслей о связи законодательства съ общественными и политическими условіями и о измѣненіи его въ зависимости отъ послѣднихъ. При помощи этого принципа онъ пытается объяснить появленіе отдѣльныхъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ ⁵. И. Болтинъ высказываетъ между прочимъ взглядъ о соотношеніи количества имущественныхъ преступленій со степенью достатка жителей страны ⁶.

поврежденіе, татьбу и пр. И. Болтинъ дѣлаетъ, кромѣ того, попытку дать критику текста уголовно-правовыхъ статей Договоровъ. Ср. Критическія примѣчанія гев.-маіора Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, Сиб. 1793, стр. 223 и сл.

¹ Ей было посвящено отдѣльное изданіе, вышедшее въ Сиб. въ 1792 г.

² Примѣчанія на исторію, т. 1, стр. 323.

³ Примѣчанія на исторію, т. 1, стр. 459 и сл., о наказаніи судей, о безчестіи и пр. И. Болтинъ высказываетъ приэтомъ мысль, что „многія статьи по прежнимъ законамъ были лучше учреждены, разсмотрительнѣе и благороднѣе уложены, обстоятельнѣе и яснѣе истолкованы нежели во Уложеньѣ“, Ор. cit., т. 1, стр. 466.

⁴ Сравнивая русскіе законы съ китайскими, И. Болтинъ пишетъ: „не видя на ихъ крайнее сходство, извѣстное происхожденіе ихъ не позволяетъ

признать за заимствованные отъ нихъ.“ Примѣчанія на исторію, т. 2, стр. 395. И. Болтинъ находитъ возможнымъ объяснить замѣчаемое имъ сходство тѣмъ, что и тѣ, и другіе законы почерпнуты „законодавцами изъ тогожъ самаго источника... то есть изъ источника разума, согласеннаго съ опытами, съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, обстоятельствомъ, съ бывшими нѣкогда примѣрами и послѣдствіями оныхъ“, Примѣчанія на исторію, т. 2, стр. 393. И. Болтинъ объясняетъ этимъ путемъ существованіе и на Руси, и въ Китаѣ коллективной отвѣтственности „за великое преступленіе“, Ор. cit., стр. 399, наказанія за убійство дѣтей, стр. 400, насильственное блудодѣяніе, безчестіе и пр., стр. 401.

⁵ Примѣчанія на исторію, т. 1, стр. 314 и сл., а равно Критическія примѣчанія... на второй томъ Исторіи князя Щербатова, Сиб. 1794, стр. 274.

⁶ „Въ Парижѣ, пишетъ И. Болтинъ, въ

Гораздо больше, однако, сдѣлалъ для разработки уголовно-правовыхъ вопросовъ другой любитель русскихъ древностей, современникъ И. Болтина, кн. М. М. Щербатовъ ¹.

Свои взгляды на отдѣльные уголовно-политическіе вопросы и порядокъ изученія юридическихъ наукъ М. Щербатовъ изложилъ въ многочисленныхъ трудахъ, остававшихся долгое время неизданными и еще частью въ наши дни не появившихся въ печати ².

одинъ мѣсяць болѣе наказываются за воровство и убійства, нежели въ Петербургѣ и въ Москвѣ совокупно чрезъ цѣлый годъ, не взирая на то, что во Франціи плутовство, обманъ и коварство суть обходимы, яко имѣющимъ собственность; однакожь собственность сію тамъ труднѣе нажить и сохранить, нежели въ Россіи“. Примѣчанія на исторію т. 2, 1788, стр. 312.

¹ Біографическія свѣдѣнія о кн. Мих. Щербатовѣ см. Д. Вантышъ-Каменскій, Словарь достопримѣчательныхъ людей русской земли, ч. 3, Спб. 1847, стр. 551—555; С. Соловьевъ, Князь М. М. Щербатовъ, Арх. ист.-юридич. свѣд., относящ. до Россіи, М. 1855, кн. II-я, полов. первая, стр. 49—63; Г. Лучинскій, Князь М. М. Щербатовъ, Энциклоп. слов., т. 40, стр. 65—67. Здѣсь приведенъ указатель литературы о М. Щербатовѣ.

Князь М. М. Щербатовъ родился въ Архангельскѣ 22 іюня 1733 г. Молодые годы онъ провелъ на военной службѣ. Въ 1767 г. Ярославское дворянство избираетъ его депутатомъ въ Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Въ 1770 году выходитъ въ свѣтъ первый томъ его Исторіи российской. М. Щербатовъ скончался въ 1790 году.

² Ср. Сочиненія князя М. Щербатова, т. I, Спб. 1896, т. II, Спб. 1898 Программа изученія юридиче-

скихъ наукъ разработана М. Щербатовымъ въ трудѣ „О способахъ преподаванія разныхъ наукъ“, въ отдѣлѣ „О наукѣ правъ“, Соч., т. II, Спб. 1898, стр. 587 и сл. Извл. изъ рукоп. этой работы М. Щербатова, хранящейся въ подлинникѣ въ И. Пуб. библ., Эрмит. библ., № 128, были сдѣланы впервые акад. А. Лаппо-Данилевскимъ въ его „Собраніи и сводѣ законовъ российской имперіи, составленномъ въ царствованіе Екатерины II“, Ж. М. Н. II. 1897, янв. М. Щербатовъ высказываетъ взглядъ, что „надлежитъ, прежде всего обучать... праву естественному, то-есть, тому, чѣмъ онъ, потому что онъ есть человекъ, самъ себѣ и ближнему долженъ“. Онъ рекомендуетъ затѣмъ перейти къ римскому праву, которое „всѣмъ случаямъ намъ правила преподаетъ“. „Къ тому же, добавляетъ М. Щербатовъ, для лучшихъ разсужденій можно приложить „известныя сочиненія Монтескье и Беккариа... и Большой Наказъ..“ М. Щербатовъ рекомендуетъ труды Domat и Muryart de Vouglans, Les lois criminelles, Соч., т. II, стр. 590. Что касается обученія „законамъ отечества своего“, то М. Щербатовъ рекомендуетъ Уложеніе царя Алекс. Мих. „со учиненнымъ сводомъ указовъ“ до учрежденія о губерніяхъ включительно. Курсъ по русскому праву М. Щербатовъ совѣтуетъ заканчивать обзорѣніемъ дѣлопроизводства и

Созданіе цѣлесообразнаго уголовного законодательства М. Щербатовъ считаетъ возможнымъ только на почвѣ исторической. «Дабы сочинить благіе законы, надлежитъ, что бы тотъ, кто выходитъ предписывать законы, не токмо былъ знающъ въ древнихъ узаконеніяхъ страны, но такъ-же бы въ исторіи, дабы... возмогъ бы предвидѣть .., какія могутъ слѣдствія произойти»...¹.

Законы уголовные нужно создавать притомъ, думаетъ М. Щербатовъ, не только въ соображеніи съ историческимъ прошлымъ народа и историческимъ опытомъ народовъ вообще, но и въ соотвѣтствіи съ психологіей преступника и народа. М. Щербатовъ требуетъ отъ уголовного законодателя «знаніе сердца чело-вѣческаго, дабы пропикнуть внутрь и искоренить пороки въ самомъ ихъ началѣ; надлежитъ ему знать владычествующую склонность своей націи, дабы предписать жесточайшія наказанія за преступленія, къ которымъ она болѣе склонности имѣетъ»².

Но подходя къ вопросамъ законодательства со стороны исторической, М. Щербатовъ полагаетъ, что не слѣдуетъ отождествлять должнаго въ области законодательства съ унаслѣдованнымъ. Онъ высказывается за сохраненіе въ законодательствѣ только чертъ, которыя согласны съ тѣмъ, что «Законъ Божій повелѣваетъ и что представляется естественнымъ и политическимъ состояніемъ государства»³. Составленіе законовъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, должно быть возложено не на ученыхъ юристовъ, которымъ подобаетъ только совѣщательная роль⁴, и не на тѣхъ, «которые изъ дѣтства прилежатъ къ исполненію при-

въ частности гражданскаго и уголовного судопроизводства, А. Лаппо-Данилевскій, Ор. cit., стр. 31 и сл., Соч. М. Щербатова, т. II, стр. 591 и сл.

¹ М. Щербатовъ, Разныя разсужденія о правленіи, отд. 7, Чт. въ Импер. общ. ист. и др. росс. 1860, кн. 1, стр. 44.

² М. Щербатовъ, Разныя разсужденія о правленіи, отд. 7, *ibid.*

³ Ср. М. Щербатовъ, Размышленія

о законодательствѣ вообще, Соч., т. I, стр. 382; см. примѣры несоотвѣтствія этимъ условіямъ русскихъ законовъ, Ор. cit., стр. 379 и сл. Естественные законы М. Щербатовъ понимаетъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ законовъ, соотвѣтствующихъ естественнымъ условіямъ страны. Ср. примѣръ на стр. 379 и сл.

⁴ М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ, Соч., т. I, стр. 231.

казныхъ дѣлъ»¹, но на «благородныхъ». «..Дабы сочинить... законы, пишетъ М. Щербатовъ, кто удобенъ можетъ быть къ сему: не тотъ ли, который отъ сосцовъ матери своея питался благородно..., который въ предкахъ своихъ видитъ примѣры, коиъ долженъ послѣдовать, который отъ родителей и отъ родственниковъ въ юности лѣтъ... почерпнулъ знаніе законовъ и наконецъ наукою свой разумъ просвѣтилъ»...². Только въ идеальномъ государствѣ, какъ его рисуетъ себѣ М. Щербатовъ, въ виду благородства всѣхъ его членовъ, можетъ быть допущено, чтобы законы были «содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ»³. Въ такомъ идеальномъ государствѣ усиленно для всѣхъ «сообразить политическіе и гражданскіе законы съ божественными и съ естественными», разсмотрѣть «умоначертаніе народное и расположеніе страны» и проч.⁴. Законы, удовлетворяющіе вышеозначеннымъ условіямъ, М. Щербатовъ считаетъ призванными и способными предупреждать преступленія. «Ясные и полезные законы, пишетъ онъ, исправя нравы, предупреждать преступленія»⁵.

Обращаясь къ тому, въ какую форму можетъ вылиться уголовное законодательство Россіи, какъ страны, находящейся въ извѣстныхъ историческихъ и политическихъ условіяхъ, М. Щербатовъ полагаетъ, что въ ней «должны быть законы гораздо строже, ибо пространство имперіи, множество пустыхъ мѣстъ, рѣдкость селеній, происходящихъ отъ самаго климату, грубость нравовъ... крѣпчайшія узды требуютъ, дабы что вышеписанными причинами можетъ быть попущено, или дальностью мѣстъ упущено, чтобы строгостью наказанія удержено было»⁶. Вмѣстѣ съ тѣмъ, М.

¹ М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ, Соч., т. I, стр. 231.

² М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ, Соч., т. I, стр. 230 и сл.

³ М. Щербатовъ, Путешествіе въ землю Офирскую, Соч., т. I, 1896, стр. 751.

⁴ Размышленіе о законодательствѣ вообще, Соч., т. I, стр. 357.

⁵ Ср. М. Щербатовъ, Примѣчанія къ

ст. 29 XI-ой главы проекта правомъ благородныхъ, Соч., т. I, стр. 212.

⁶ М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще, Соч., т. I, стр. 392.

О томъ, какъ М. Щербатовъ понимаетъ соотвѣтствіе закона съ „божественными узаконеніями“, ср. Op. cit., стр. 372 и сл. Онъ высказывается, между прочимъ, за нерасторжимость брака лицъ, управляемыхъ въ ссылку, стр. 375.

Щербатовъ считаетъ основнымъ вопросомъ русской уголовной политики оцѣнку карательныхъ мѣръ не по общему масштабу, но съ точки зрѣнія русскихъ условій.

На этомъ пути М. Щербатовъ приходитъ, прежде всего, къ мысли о безусловной необходимости въ карательной системѣ смертной казни. Въ своемъ «Размышленіи о смертной казни»¹ М. Щербатовъ жестоко порицаетъ путь, по которому старается идти русское законодательство. «Европа, пишетъ онъ, видѣла сочиненіе господина Беккарія, воздала достойную хвалу его человѣколюбивымъ мыслямъ, но онымъ нигдѣ, кромѣ Россіи, не послѣдовали»². «Отцеубіецъ, разбойникъ, смертоубіецъ, обогранный кровью своихъ братьевъ, достоинъ ли какого милосердія?»... спрашиваетъ М. Щербатовъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно³. Онъ намѣчаетъ дополнительно рядъ категорій преступниковъ, по отношенію къ которымъ «естественное право», «сходствуя... съ божественнымъ закономъ», должно допускать смертную казнь. Онъ настаиваетъ на ней для «богохульца и развратника вѣры» и «предателя отечества»⁴. Къ этому выводу онъ приходитъ на основаніи соображенія, что смертная казнь наиболее дѣйствительное наказаніе⁵ и что трудно организовать наказанія, ее замѣняющія⁶. И эти замѣняющія наказанія, въ свою очередь, ожесточаютъ сердца свидѣтелей ихъ⁷. Къ тому и нѣтъ вообще необходимости стараться смягчать народныя сердца⁸. М. Щербатовъ находитъ, кромѣ того, что минуты, предшествующія казни, благопріятны для покаянія⁹.

Изъ другихъ мѣръ уголовного воздѣйствія М. Щербатовъ останавливается на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Онъ считаетъ ихъ до-

¹ М. Щербатовъ, Размышленіе о смертной казни, Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс. 1860, кн. 1, стр. 57—72.

² М. Щербатовъ, Размышленіе, стр. 57.

³ М. Щербатовъ, Разныя разсужденія о правленіи, отд. 9, Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс. 1860, кн. 1, стр. 47.

⁴ М. Щербатовъ, Размышленіе, стр. 59.

⁵ Ор. cit., стр. 60.

⁶ Ор. cit., стр. 62 и сл.

⁷ Ор. cit., стр. 67 и сл.

⁸ Ор. cit., стр. 70. „Римляне, пишетъ здѣсь М. Щербатовъ, ни кѣмъ, никогда ни жестокимъ, ни варварскимъ народомъ не почитались, а однако часто видѣли и казни, и въ самыхъ играхъ ихъ... убіеніе и издыханіе гладиаторовъ. Самъ народъ получалъ не жестокость, а твердость и безбоязненность смерти“.

⁹ Ор. cit., стр. 71.

пустимыми только въ отношеніи лицъ низшихъ сословіи въ Россіи и энергично протестуетъ противъ примѣненія ихъ къ дворянству, «дабы сей корпусъ не подверженъ былъ къ пятну, чтобы съ симъ достоинствомъ кто въ ономъ пытанный или наказанный находился»¹.

Особыя условія, въ которыхъ находится Россія, побуждаютъ М. Щербатова высказаться за то, чтобы получили своеобразную форму и такіе институты, какъ оборона. Онъ сторонникъ не только допустимости обороны, осуществляемой при помощи слугъ лица, на которое производится нападеніе, но настаиваетъ на правѣ помѣщика «требовать сего защищенія отъ нихъ». Онъ указываетъ, что «нынѣшнія самыя обстоятельства, показующія частую невѣрность рабовъ противу ихъ господъ, являются къ тому побуждать»².

Изъ особенной части уголовного права М. Щербатовъ затронуваетъ вопросы о привилегированныхъ случаяхъ убійства, относя сюда убійство въ дракѣ и дѣтоубійство³.

Цѣлый рядъ уголовно-правовыхъ вопросовъ занимаетъ М. Щербатова въ его утопіи «Путешествіе въ землю Офирскую»⁴. Здѣсь онъ намѣчаетъ тотъ идеальный уголовно-правовой строй, который долженъ находиться въ качествѣ образцоваго передъ глазами уголовного политика, вынужденнаго въ практической области считаться съ историческими условіями и другими фактами, сказывающимися въ дѣйствительной жизни.

Въ землѣ Офирской — идеальномъ государствѣ М. Щербатова — «законы составлены для пользы общества, они... безопасность охраняютъ, слѣдственно и нужны каждому»⁵. Законы эти «сочинены .. съ воздаяніемъ за добрыя дѣла и съ наказаніемъ за злыя»⁶

¹ Проекты и голоса, подаваемые отъ депутата яросл. двор. кн. Мих. Щербатова въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, Соч., т. I, стр. 19.

² М. Щербатовъ, Дополнительные примѣчанія къ проекту правилъ благородныхъ, Соч., т. I, стр. 215 и сл.

³ Размышленіе о смертной казни, стр. 72.

⁴ Этотъ обширный трудъ М. Щерба-

това остался неоконченнымъ и въ немъ не доведена до конца и уголовно-правовая часть. Авторъ имѣлъ въ виду остановиться, между прочимъ, и на описаніи тюремъ въ идеальномъ государствѣ. Ср. Соч., т. I, стр. 1015.

⁵ Путешествіе въ землю Офирскую, Соч., т. I, стр. 945.

⁶ *Op. cit.*, стр. 947.

и должны подлежать внимательному изученію¹. Но не одни законы уголовные стоятъ на стражѣ предупрежденія впаденія въ преступленіе. Предупрежденіе достигается тщательнымъ воспитаніемъ². На случай совершенія преступленія виновникъ помимо наказанія долженъ удовлетворить пострадавшаго отъ его дѣйствій³. Наказаніе, опредѣляемое за преступленіе, не есть нѣчто неизмѣнное. Въ зависимости отъ душевнаго состоянія отбывающаго наказаніе оно можетъ быть или сокращено, или совершенно оставлено, и преступникъ подлежитъ освобожденію⁴). М. Щербатовъ, такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ среди русскихъ политиковъ подымаетъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи на случай исправленія отбывающаго наказаніе. Последнее рисуется М. Щербатову, главнымъ образомъ, въ формѣ тюремнаго заключенія, сопровождаемаго работами⁵, причемъ на вершинѣ лѣстницы наказаній стоитъ смертная казнь⁶. Наказанія опредѣляются каждому въ зависимости отъ степени участія его въ преступленіи. Высшее наказаніе выпадаетъ на долю «зачинщиковъ» и непосредственныхъ исполнителей. На случай, если имѣетъ мѣсто преступленіе, совершенное толпой, и не удастся установить непосредственно виновныхъ, дѣло рѣшается «по жеребью» и «десятый человѣкъ» присуждается къ тяжкому наказанію, а всѣ остальные къ болѣе легкимъ, причемъ отвѣтственные не устраниются отъ уплаты вознагражденія въ удовлетвореніе пострадавшаго⁷. Наказанію на случай преступленія, учиненнаго кѣмъ либо, могутъ подлежать и отдаленные виновники, косвенно обусловившіе наступившій результатъ «яко первыя причины происшедшаго зла»⁸.

Тягчайшимъ злодѣяніемъ, влекущимъ за собой смертную казнь, является умышенное «смертноубіство». Совершившій такое преступленіе лишается, кромѣ того, и «четвертой части его имѣнія», которая отдается «оставшимся послѣ убитаго»⁹. Не-

¹ Ор. cit., стр. 953.

² Ор. cit., стр. 922.

³ Ор. cit., стр. 785.

⁴ Ор. cit., стр. 779.

⁵ Ор. cit., стр. 779 и др.

⁶ Ор. cit., стр. 779.

⁷ Ор. cit., стр. 780.

⁸ Ор. cit., стр. 785 и сл.

⁹ Ор. cit., стр. 779; ср. также стр. 950.

умышленное убійство «въ... дракъ или другимъ случаемъ» наказывается трехлѣтней работою» ¹.

«Всякое воровство и похищеніе» ведетъ къ наказанію и обязанности «воздать вдвое» за взятое. На случай несостоятельности виновный долженъ «тяжкою работою сіе заработать, хотя бы она и по конецъ жизни... продолжалась». Повтореніе ведетъ къ «вышнему наказанію» ².

Богохуленіе приравливается М. Щербатовымъ къ безумію. Виновный въ богохульствѣ «лишается... всѣхъ должностей, имѣніе его и онъ самъ отдается подъ опеку, и дѣти отъ воспитанія отъемлются». На случай, если такое лицо «будетъ, ходя повсюду, хулы на Бога возлагать...., то домъ его опредѣляется ему темницею ... дондеже исправится и принесетъ публичное признаніе въ безуміи своемъ» ³).

Оказательство распутства нетерпимо, полагаетъ М. Щербатовъ, «ибо лучшая сила и лучшее блаженство государства основано есть на добрыхъ нравахъ» ⁴. «Каждый публичный любодѣй и любодѣйница наказуются запрещеніемъ входить въ храмы Божіи, ... имѣющіе должности теряютъ ихъ, ... дѣти ихъ отнимаются отъ воспитанія» ⁵.

Такіе поступки, какъ «непочтеніе къ родителямъ», мотовство, «жестокіе поступки съ подданными своими» подлежатъ наказанію, «которое бы отняло у нихъ способы недобрыя поступки, вредныя имъ самимъ и обществу, производить» ⁶.

М. Щербатовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени ⁷, оставаясь на почвѣ опыта русской исторіи, не являлся, такимъ образомъ, противникомъ жестокихъ наказаній. Самый путь, которымъ онъ приходитъ къ своимъ выводамъ, обнаруживаетъ въ немъ послѣдователя историзма Монтескье. Способъ М. Щерба-

¹ Ор. cit., стр. 779.

² Ор. cit., стр. 950.

³ Ор. cit., стр. 811 и сл.

⁴ Ор. cit., стр. 811.

⁵ Ор. cit., стр. 810.

⁶ Ор. cit., стр. 812. Ср. о наказа-

ніяхъ за браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства, стр. 832 и сл.

⁷ Ср. С. Соловьевъ, Князь М. М. Щербатовъ, Арх. ист.-юр. свѣд., относящ. до Россіи, М. 1855, кн. 2, полов. 1-я, стр. 50.

това доказывать свои положенія путемъ данныхъ изъ исторіи русскаго народа и народовъ западныхъ не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія¹. Оцѣнивая книгу Монтескье, М. Щербатовъ ставитъ на видъ, что «господинъ Монтескье велъ ее не систематическимъ образомъ, что упоминовенія о писателяхъ часто несправедливы, и заключенія часто противны естеству и теченію вещей»². Но отъ этого еще далеко до осужденія М. Щербатовымъ того историческаго метода, который положилъ въ основаніе своего труда великій Монтескье.

Но если уголовно-политическія предложенія М. Щербатова проникнуты жестокимъ эмпиризмомъ, ищущимъ оправданія и въ отдаленныхъ эпохахъ русской исторіи, то во всякомъ случаѣ идеи, развитыя М. Щербатовымъ въ его утопіи, представляютъ его человекомъ, понимавшимъ, что чувство справедливости можетъ удовлетворяться и мѣрами болѣе идеальнаго характера, болѣе соответствующими существу человѣческой природы.

VIII.

Эмпирики XVIII в., какъ представители нравоучительной литературы, общенароднаго здраваго смысла и защитники классовыхъ интересовъ.

Формы проявленія уголовно-правоваго эмпиризма въ XVIII в. — „Иоика, іерополитика или философія нравоучительная“ и развитыя въ ней уголовно-правовыя идеи. — Ив. Посошковъ, какъ представитель общенароднаго эмпиризма. — А. П. Воляскій. — Общенародный и классовый эмпиризмъ въ трудахъ екатерининской Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и Депутатскихъ наказахъ.

Мы видѣли уже какъ въ эпоху, предшествующую XVIII в., зарождаются взгляды на уголовно-правовые вопросы, черпающіе свои выводы изъ нормъ религіозной и житейской морали, и дѣ-

¹ Ср. сопоставленія М. Щербатова казни, стр. 70.

въ области соотношенія жестокости и практики смертной казни въ Англіи и др. странахъ, Размышленіе о смертной казни, стр. 70.

² О способахъ преподаванія разныя науки, Соч., т. II, Спб. 1898, стр. 591.

лаются попытки дать образцы описанія уголовно-правового уклада. Въ качествѣ продукта творчества, вращающагося въ кругѣ знаній, бывшихъ въ ходу въ то время, это теченіе продолжаетъ развиваться и въ XVIII в. Оставаясь творчествомъ людей, не искусившихся въ наукѣ, оно въ то же время органически разрастается и принимаетъ очертанія направленія, которое можетъ быть охарактеризовано, какъ эмпирическое. Въ процессѣ роста, въ границахъ того же теченія, обособляется, съ одной стороны, эмпиризмъ, питающійся нравоучительными максимами и создавшійся на почвѣ нравоучительной литературы. Съ другой стороны, консолидируется эмпиризмъ, предлагающій опредѣленные рѣшенія, подсказанныя пониманіемъ общенародной пользы, поскольку она выясняется въ результатѣ наблюденія общественной жизни и изученія ея нуждъ безъ помощи научныхъ пріемовъ изслѣдованія при содѣйствіи простаго здраваго смысла. Такъ какъ пониманіе общественныхъ нуждъ въ виду дифференціаціи разнообразныхъ классовъ населенія съ разными интересами становится, по мѣрѣ усложненія жизни, различнымъ, то естественно, что въ глазахъ нѣкоторыхъ группъ населенія интересы классовые начинаютъ отождествляться съ интересами всего общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое положеніе дѣла начинаетъ отражаться и на отвѣтахъ, которые даются отдельными классами на очередныя задачи историческаго момента. Рядомъ съ эмпиризмомъ общенароднаго здраваго смысла появляются такимъ образомъ и защитники эмпиризма классоваго.

Обнимая собой въ общей сложности цѣлый рядъ отвѣтовъ на запросы времени, эмпиризмъ XVIII в. проявляется и въ сферѣ уголовно-правовыхъ ученій со своими оттѣнками эмпиризма общенароднаго и классоваго. Но несмотря на ростъ эмпиризма въ XVIII в., нельзя не указать, что въ качествѣ пути разрѣшенія теоретическихъ проблемъ уголовного права онъ, по своему существу, не только не играетъ сколько нибудь значительной роли, но къ началу XIX в. утрачиваетъ вообще значеніе, какъ факторъ развитія научныхъ взглядовъ на уголовно-правовые вопросы. Онъ

вытѣсняется изъ того положенія, которое онъ занимаетъ, доктринами, опирающимися на болѣе достовѣрные приемы изслѣдованія.

Что касается формъ проявленія уголовно-правового эмпиризма, то какъ кругъ понятій, отражающихъ общераспространенныя убѣжденія, онъ представленъ не въ одной только литературѣ. Оставаясь въ качествѣ извѣстной неписанной, но прочно укоренившейся истины, онъ живетъ въ сознаніи людей эпохи, и становится достояніемъ литературы обыкновенно благодаря какимъ нибудь необычнымъ условіямъ, требующимъ формулированія его ученій. Роль такого обстоятельства сыграла по отношенію къ уголовно-правовому эмпиризму XVIII в. извѣстная Комиссія Екатерины II о сочиненіи проекта новаго уложенія. И работы депутатовъ, и указы, данные имъ отдѣльными сословіями и учрежденіями, силой вещей явились отраженіемъ жившихъ въ сознаніи людей того времени взглядовъ, выраженіемъ ихъ эмпирическихъ воззрѣній.

Уголовно-правовой эмпиризмъ XVIII в. можетъ въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, по характеру своего содержанія, разсматриваться, съ одной стороны, въ формахъ его проявленія въ нравоучительной литературѣ и, съ другой, какъ эмпиризмъ общенароднаго здраваго смысла и эмпиризмъ защитниковъ классовыхъ интересовъ.

Теоретическое освѣщеніе уголовно-правовыхъ вопросовъ въ духѣ эмпиризма, черпающаго свои послыжки въ нормахъ религіозной и житейской морали, мы находимъ въ весьма распространенной въ XVIII в. книгѣ неизвѣстнаго автора ¹ «Иѳіка, іерополи-

¹ Вопросъ объ авторѣ труда „Иѳіка, іерополитика или философія нравоучительная символами и приуподобленіи изъясненна къ наставленію и пользѣ юнымъ“, 1712, долженъ, повидимому, остаться пока открытымъ. Митрэл. Евгеній, Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви, т. 1, изд. 2, Спб. 1827, стр. 59, приписываетъ этотъ трудъ Аѳанасію Миславскому, скончав-

шемуся въ Кіевѣ въ 1714 году. Акад. П. Пекарскій оспариваетъ правильность этого мнѣнія, отказываясь въ то же время опредѣлить имя автора. Ср. П. Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., Спб., 1862, т. 2, стр. 227, прим. 1. Книга эта печаталась много разъ. Въ нашихъ рукахъ было изданіе „Иѳіка, іерополитика или философія нравоучительная, Спб. 1764).

тика или философія нравоучительная». Трудъ этотъ посвященъ вопросамъ практической морали и педагогики, но не отказывается и отъ изслѣдованія проблеммъ вины и наказанія. Въ общемъ идеалы «Иоіки» не далеко ушли отъ духа Домостроя, хотя источники, на почвѣ которыхъ авторъ строитъ свои заключенія, неизмѣримо богаче. Авторъ «Иоіки» черпаетъ не только изъ книгъ священнаго писанія и тѣхъ идей о средствахъ борьбы съ порокомъ и преступленіемъ, которыя живутъ въ сознаніи народа, но и изъ запаса книжныхъ знаній, проникшихъ въ народныя массы.

Авторъ «Иоіки» не проводитъ разграничительной черты между грѣхомъ, областью безнравственнаго и преступленіемъ, но останавливается тѣмъ не менѣе на проблеммѣ вмѣненія недопустимаго въ общественной жизни. Онъ обнаруживаетъ себя, прежде всего, сторонникомъ отвѣтственности чисто личной. «Якоже..... сынъ, пишетъ онъ, не возметъ неправды отца своего, тако отецъ не возметъ неправды сына своего»¹. Источникъ вины, по «Иоікѣ», заключается въ волѣ человѣка, а не въ тѣхъ средствахъ, которыя онъ избираетъ для ея осуществленія. «Аще возритъ кто на убійства и похулитъ оружія, паче же и самыя ружья, яко тѣми сотворися убійство, не право судить есть, ниже, яко сожигаются храмы, грады, и человѣцы огонь есть»². Воля человѣка выступаетъ главнымъ двигателемъ его поведенія и источникомъ зла. «Ни на кого же, пишетъ авторъ «Иоіки», вину возлагаю, злобы бо сами навыкаемъ вси...; злобы навыкаемъ сами, а не дворъ научаетъ кого...»³. Воля, однако, направленная на зло, одинаково предосудительна, проявляется ли она въ формѣ положительной дѣятельности или недонесенія о совершающемся. «Утаевай сотворящимъ, пишетъ авторъ «Иоіки», равной подлежить казни»⁴.

На наказаніе авторъ смотритъ какъ на неизбежное и целесообразное средство улучшенія человѣка и способъ предотвращенія дурныхъ поступковъ. Онъ пишетъ о воспитательномъ значеніи наказанія: «Накажи... чадо и удивитъ тя; играй съ нимъ, и

¹ Иоіка, л. рїе (155).

² Иоіка, л. рїв (182).

³ Иоіка, л. рїе (185).

⁴ Иоіка, л. рїз (166).

сотворить тебѣ плачь» ¹. «Пребудете въ наказаніи, продолжаетъ авторъ, и будите аки злато честно искушено огнемъ» ². Наказаніе тѣлесное примѣнимо только въ молодыхъ лѣтахъ, такъ какъ съ возрастомъ «и разумъ, и память..., и силы къ пріятію наказанія не удобны суть, суетный о немъ трудъ пріемлется» ³. Но для молодыхъ тѣлесныя наказанія болѣе дѣйствительны тогда, когда они совершаются публично. «Въ... собраніи не трудно, говоритъ авторъ «Иѳіки» о малолѣтнемъ, обрящетъ врачевство...: смирится бо, тишайшій будетъ, и не велико о себѣ мудрствовать начнетъ...» ⁴. «Человѣкъ безъ наказанія, съ точки зрѣнія «Иѳіки», тварь словесная сущи, скоту подобень» ⁵.

Въ эмпиризмѣ нравоучительной литературы мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ синтезомъ книжной мудрости, проникшей въ массы и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, все таки съ взглядами, въ основѣ которыхъ лежитъ школьная ученость. Но въ Россіи XVIII в. представленъ и эмпиризмъ въ его простѣйшемъ видѣ, не имѣющій другихъ предпосылокъ кромѣ наблюденія практической жизни, руководимаго здравымъ смысломъ.

Въ ряду эмпириковъ этого отбѣнка мы остановимся на самомъ выдающемся изъ нихъ—на крестьянинѣ И. Посошковѣ и извѣстномъ русскомъ дѣятелѣ Арт. Волынскомъ.

Ив. Посошковъ ⁶ описываетъ только отчасти современную ему уголовно-правовую практику и сосредоточиваетъ главное вни-

¹ Иѳіка, л. ЫГ (53), Слова Иисуса сына Сирахова.

² Иѳіка, л. ЫД (54).

³ Иѳіка, л. ЫЕ (60).

⁴ Иѳіка, л. ЫГ (63).

⁵ Иѳіка, л. ЫВ (62).

⁶ Нѣкоторыя скудныя біографическія свѣдѣнія о Ив. Посошковѣ см. у А. Брикнера, „Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ“, Русск. вѣст. 1879, іюнь, стр. 529. Ср. также Н. Павловъ-Сильванскій, Новыя извѣстія о Посошковѣ, Изв. отд. русск.

яз. и слов. Имп. Ак. наукъ, 1904, т. 9, кн. 3, стр. 105—148. Н. Павловъ-Сильванскій приводитъ біографич. данныя о Ив. Посошковѣ, стр. 106, считаетъ его крестьяниномъ села Покровскаго, входящаго нынѣ въ черту города Москвы. Здѣсь же приведенъ рядъ новыхъ документовъ, характеризующихъ жизнь Ив. Посошкова, стр. 128—148. Изъ трудовъ о Ив. Посошковѣ ср., между прочимъ, проф. В. Лешковъ, Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи, стр. 25, 31 и др.

маніе на началахъ, могущихъ лечь въ основаніе реформы существующаго быта. Трудъ И. Посошкова представляетъ въ общемъ большой интересъ, какъ самобытная попытка лица, прошедшаго только жизненную школу¹, разобраться въ общихъ вопросахъ о преступленіи и наказаніи².

Борьбу съ преступленіемъ И. Посошковъ понимаетъ въ смыслѣ выработки точнаго и яснаго уголовного закона, цѣлесообразнаго устройства наказаній и основанной на разумныхъ началахъ системы предупрежденія преступленій.

И. Посошковъ пишетъ: «Надлежитъ для установленія самая правды первѣе соорудить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла... Чтобъ никакого дѣла не изустъ не вершить, но всякимъ бѣ дѣламъ рѣшеніе наказанія и милости ясно означено было: за что какая жесточъ и за что какая милость..»³. Составленіе «судебной книги» И. Посошковъ представляетъ себѣ въ результатѣ процесса кодификаціи не только русскаго законодательнаго матеріала, но заимствованія постановленій и иностранныхъ кодексовъ⁴.

Въ отношеніи цѣлесообразнаго устройства наказаній И. Посошковъ является сыномъ своего вѣка и поклонникомъ наказаній устрашительныхъ и дешевыхъ. Онъ сторонникъ смертной казни, которую рекомендуетъ практиковать безъ особой проволочки времени⁵. Соображенія дороговизны заставляютъ И. Посошкова относиться отрицательно къ тюремному заключенію. Относительно послѣдняго онъ высказываетъ, однако, рядъ весьма здравыхъ сужденій. Руководствуясь только личными наблюденіями, И. Посошковъ

¹ Ив. Посошковъ пишетъ о себѣ: „Мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроить.. азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинствѣ писать, ни слѣла нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есть...“ Соч. Ив. Посошкова, изд. Моск. общ. ист. и др. рос. п. ред. М. Погодина, М. 1842, стр. 46.

² Ив. Посошковъ высказываетъ и цѣ-

лый рядъ весьма интересныхъ мыслей по вопросу о реформѣ уголовного судопроизводства. Ср. напр., Ор. cit., стр. 47, 50, а равно стр. 51—54.

³ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 111.

⁴ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 75.

⁵ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 61

и слѣд. Ив. Посошковъ въ то же время не противникъ пытки и притомъ жестокой. Ср. Ор. cit., стр. 63 и 64.

предлагаетъ классифицировать заключенныхъ на группы въ видахъ избѣжанія вреднаго вліянія однихъ на другихъ и предлагаетъ помѣщать отдѣльно преступниковъ, попадающихся впервые. «Егда, пишетъ И. Посошковъ, приведутъ какого вора, а тутъ есть какой воръ давной сидѣлецъ, то новоприведеннаго отнюдь къ нему сажать не надобно не распрося, но посадить его особливо...»¹. И. Посошковъ въ то же время сторонникъ возможнаго сокращенія времени тюремнаго заключенія по соображеніямъ бережливости² и опасенія, что тюрьма не предупредитъ ни побѣговъ, ни большаго развращенія заключенныхъ³. Для надзора за тюрьмами И. Посошковъ предлагаетъ привлекать судей и проектируетъ практику условнаго отпуска обвиняемыхъ⁴.

И. Посошковъ понимаетъ, что одними репрессивными мѣрами трудно бороться съ преступленіемъ. Онъ намѣчаетъ поэтому и рядъ мѣръ предупредительнаго характера. Часть ихъ носитъ строго полицейскій характеръ и сводится къ наложенію клеймъ не только на преступниковъ⁵, но и вообще подозрѣваемыхъ⁶. При помощи клейменія преступниковъ И. Посошковъ считаетъ возможнымъ ввести институтъ, напоминающій, по нѣкоторымъ своимъ чертамъ, условное осужденіе. Онъ пишетъ: «А еще кой чело-вѣкъ нехитростной винѣ какой подпадетъ, и отъ надлежащаго наказанія и отъ казни еще надлежитъ послабить ему, то такому на рукѣ положить знакъ»⁷. Къ полицейскимъ мѣрамъ предупрежденія преступленій, а въ особенности разбойничества, предлагаемымъ И. Посошковымъ, нужно отнести и рекомендуемую имъ регистрацію отлучекъ отъ мѣстъ постоянного жительства съ предоставленіемъ права надзора за отлучающимися самимъ обществомъ⁸. И. Посошковъ высказывается, однако, въ ряду средствъ къ уменьшенію преступности не за однѣ только мѣры полицей-

¹ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 63 и слѣд.

² Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 105 и слѣд., стр. 108, 109, 110.

³ Ив. Посошковъ, стр. 154 и сл.

⁴ Ив. Посошковъ, стр. 47.

⁵ Ив. Посошковъ, стр. 65.

⁶ Ив. Посошковъ, стр. 64.

⁷ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 80.

⁸ Ив. Посошковъ, Ор. cit., стр. 155 и слѣд.

скаго характера. Онъ проектируетъ и мѣропріягїя противъ профессиональнаго нищенства и бродяжничества. Они рисуются ему не только въ формѣ обложенїя наказанїемъ профессиональныхъ нищихъ, но и подъ видомъ улучшенїя экономическаго быта семей нищенствующихъ ¹.

Какъ проявленїе житейской мудрости, эмпиризмъ не можетъ не быть крайне консервативнымъ и потому неудивительно, что въ XVIII в. мы не только встрѣчаемся съ такими ученїями, которыя вновь формулируютъ начала, пользовавшїяся признанїемъ еще въ отдаленномъ прошломъ, но вообще, очень близки другъ къ другу. Недалеко уходятъ отъ И. Посошкова въ своихъ воззрѣнїяхъ на вопросы уголовного права и позднѣйшіе русскїе эмпирики.

Лучшимъ средствомъ предупрежденїя преступленїй выставляется ими на ряду съ строгимъ наказанїемъ бдительный надзоръ за всякими подозрительными людьми и призрѣніе нищенствующихъ. Интересной иллюстраціей сказаннаго являются воззрѣнїя на вопросы борьбы съ преступленїемъ Арт. Волинскаго, одного изъ дѣятелей эпохи Петра В., кабинетъ-министра Анны Іоанновны, казненнаго при Биронѣ ², дошедшїя до насъ въ формѣ известной «Инструкціи» ³.

«Инструкція» А. Волинскаго преслѣдуетъ чисто практическія цѣли, и въ ней отчетливо отражаются общераспространенные въ эту эпоху взгляды на средства предупрежденїя преступленїй.

Разбоямъ и вообще преступленїямъ А. Волинскїй считаетъ

¹ Ив. Посошковъ, *Op. cit.*, стр. 105. | Ламбина и С. И. Турбина, *Арт. Петр. Во-*
² Біографическія данныя объ А. Во- | лынскїй, матеріалы для его біографїи,
 лынскомъ, род. 1689 г. († 1740), ср. | Русская старина, 1872, т. 5, стр.
 въ Запискѣ объ Артеміѣ Волинскомъ, | 934 и 951.
 Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс. |
 1858, кв. 2, стр. 135—170, трудъ |
 Іак. Шишкина, *Арт. Петр. Волинскїй,* |
 біограф. очеркъ, *Отеч. зап.* 1860, т. |
 128—130, стр. 447—522, 222—262, |
 90—118, 537—606 и работъ П. П. |

³ Инструкція дворецкому Ивану Нѣм- |
 чинovu о управленїи дому и деревень, |
 Москвитянинъ, 1854, янв., отд. IV, |
 стр. 11—32; февр., отд. IV, стр. |
 33—44.

цѣлесообразнымъ противопоставить, прежде всего, вооруженную силу и неослабное наблюденіе ¹. «Понеже у насъ въ государствѣ, пишетъ авторъ «Инструкціи», разбой и татбы ни отъ чего такъ много умножаются, токмо отъ несмотрѣнія и небреженія нашего, да отъ потачки и поущенія... къ тому жъ отъ неосторожности и оплошности самихъ мужиковъ... того ради надобно, чтобъ у всякаго десятскаго была пицаль...» ². Наряду съ этими механическими средствами рекомендуется бороться, какъ и въ трудахъ И. Посошкова, и съ бѣдностью, и съ нищенствомъ ³, какъ дѣятельными факторами преступности.

Едва ли не самымъ богатымъ источникомъ уголовно-правового эмпиризма со всѣми его оттѣнками являются матеріалы, связанные прямо или косвенно съ екатерининской Комиссіей о сочиненіи проекта новаго уложенія ⁴. Въ особенности въ мнѣніяхъ депутатовъ и въ наказахъ отдѣльныхъ сословныхъ единицъ мы находимъ опредѣленно-формулированныя воззрѣнія на разные уголовно-правовые вопросы, отражающія взгляды этой интересной эпохи. Мы встрѣчаемся здѣсь съ намѣткой путей борьбы съ преступлениями, подсказанной практическимъ чутьемъ. По существу дѣла, мы сталкиваемся здѣсь съ двумя разновидностями эмпиризма: съ одной стороны, съ теченіемъ, которое ищетъ оправданія въ потребностяхъ общества, какъ цѣлаго, и, съ другой, съ эмпиризмомъ классовымъ, находящимъ основаніе для своихъ выводовъ въ благѣ отдѣльныхъ группъ населенія. Оба эти теченія уголов-

¹ Интересенъ въ этомъ отношеніи VI п. „Инструкціи“, озаглавленный: „О осторожности крестьянской отъ воровъ и разбойниковъ, и о покупкѣ для раздачи по всѣмъ деревнямъ десятскимъ фузей и чтобъ всякой крестьянинъ (кромѣ престарѣлыхъ) имѣлъ у себя колье, также чтобъ имѣли въ деревняхъ по ночамъ часовыхъ“.

² Инструкція, Москвитянинъ, 1854 г., янв., отд. IV, стр. 18 и сл.

³ Инструкція, 1. с. янв., стр. 25 и

сл. „Чтобы престарѣлые... по міру не скитались, также и сироты безъ призрѣнія не бродили и не лытали, но обучались бы работать всякъ по своей возможности и по силѣ“.

⁴ Обширные матеріалы для характеристики екатерининской Комиссіи, изданные Д. Полъновымъ и проф. В. Сергѣевичемъ, помѣщены въ различныхъ томахъ Сборника Русскаго историческаго общества.

но-правового эмпиризма заслуживаютъ вниманія историка науки уголовного права.

Уголовно-правовой эмпиризмъ второй половины XVIII вѣка затрачиваетъ главныя усилія прежде всего на разрѣшеніе уголовно-политическихъ проблеммъ. Общепародное благо, какъ онъ понимаетъ его, въ примѣненіи къ сокращенію числа преступленій, должно достигаться путемъ мѣръ, рассчитанныхъ на предупрежденіе преступленій и мѣръ репрессивныхъ. Послѣднимъ эмпиризмъ склоненъ придавать, говидимому, первенствующее, рѣшающее значеніе. Онъ внимательно изслѣдуетъ въ связи съ этимъ самый характеръ наказаній, и намѣчаетъ скáлу преступленій, реагировать противъ которыхъ представляется вопросомъ первой очереди. Отъ такой схемы эмпиризмъ второй половины XVIII вѣка переходитъ и къ самой конструкціи соотвѣтственныхъ преступленій, намѣчая тѣ границы и контуры, которые имъ желательно было бы придать. Получается въ общемъ довольно законченная картина уголовно-политической программы людей екатерининскаго вѣка, стремящихся въ своихъ предложеніяхъ пойти болѣе дѣйствительнымъ путемъ навстрѣчу потребностямъ общества своего времени, интересы котораго они понимаютъ какъ благо какого-то однороднаго цѣлаго, нераздѣльнаго, — чего-то живущаго общей жизнью.

Запасъ мѣръ, предупреждающихъ преступленія и рекомендуемыхъ эмпириками второй половины XVIII в., въ общемъ не великъ. Рѣчь идетъ въ большинствѣ случаевъ о пресѣченіи бродяжничества, съ одной стороны, и огражденіи свободнаго общества отъ соприкосновенія съ лицами наказанными.

Бродяжничество, какъ факторъ преступленія, бросается людямъ екатерининской эпохи въ глаза только въ своихъ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ; имъ кажется въ виду этого необходимымъ принимать мѣры противъ такихъ классовъ населенія, не имѣющихъ осѣдлости, связь которыхъ съ ростомъ преступности не подлежитъ сомнѣнію; такой разновидностью бродягъ представляются имъ, прежде всего, не имѣющіе осѣдлости цыгане. Относительно ихъ и высказываются предложенія о необходимости «привязать

ихъ къ земледѣлію»¹ или «причислить... въ казачье общество»².

Но не одно искорененіе бродяжничества рекомендуется въ качествѣ мѣръ борьбы съ сомнительными и мало устойчивыми элементами общества. Безопасности грозятъ и лица, уже подвергавшіяся наказанію за безчестныя дѣянія и продолжающія тѣмъ не менѣе обращаться въ обществѣ. Для устраненія ихъ тлетворнаго вліянія рекомендуется подвергать ихъ регистраціи въ судебныхъ мѣстахъ и штрафовать, даже наказывать тѣлесно тѣхъ, которые входятъ съ ними въ общеніе³.

На предупрежденіе преступленій или по крайней мѣрѣ своевременное раскрытіе ихъ рассчитано и возложеніе на каждого обязанности оказывать помощь подвергающимся смертельной опасности⁴ или, по меньшей мѣрѣ, обязанности донесенія⁵.

Кромѣ того, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ преступленіямъ предлагается рядъ спеціальныхъ мѣръ предупрежденія, съ которыми мы познакомимся въ соответственныхъ мѣстахъ.

Значительно перевѣшиваютъ въ общемъ тѣ предложенія мѣръ борьбы съ преступленіемъ, которыя имѣютъ въ виду репрессію въ собственномъ смыслѣ. На этомъ пути мы встрѣчаемся съ чрезвычайно-характерными для того времени попытками поставить въ связь мѣры репрессіи съ особенностями правонарушителей въ зависимости отъ того, имѣетъ ли карательная власть дѣло съ преступникомъ случайнымъ, эпизодическимъ, или съ преступникомъ привычнымъ, профессиональнымъ. Съ детальнымъ обоснованіемъ этихъ критеріевъ мы встрѣчаемся въ мнѣніи депутата отъ города

¹ Сборникъ имп. Рус. ист. общ., 1881, т. 32, стр. 115, а также стр. 538 и сл., мнѣніе депутата Воронежской прав. отъ дворянъ Ефима Фефилова.

² Сборн. имп. Рус. ист. общ. 1881, т. 32, стр. 136, мнѣніе депут. Хоперской крѣпости Андрея Алейникова.

³ Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 364, мнѣніе деп. города Хлынова Петра Карякина.

⁴ Сборн. имп. Русск. истор. общ., т. 32, стр. 105, мнѣніе Аѳанасія Ларионова, депутата отъ города Симбирска.

⁵ Сборн. имп. Русск. ист. общ., т. 32, стр. 138, мнѣніе Мих. Глазова, депут. Обаянскаго дворянства, а равно мнѣніе Ив. Чупрова, деп. черносошныхъ крестьянъ Архангелогородской пров., т. 32, стр. 139 и сл.

Углича Ивана Сухопрудскаго, представляющемъ глубокой интересъ ¹.

Наказаніе, по мнѣнію И. Сухопрудскаго, имѣетъ своей цѣлью социальное исправленіе преступника; въ результатѣ его примѣненія къ осужденнымъ должно быть достигнуто то, чтобы послѣдніе «къ... всякой неправдѣ никоимъ образомъ не приступали, а были бы единственно... сыны всецѣлаго общества, и прежнее свое... преступленіе могли заслужить отмѣнными добродѣтелями» ². Но достойная цѣль эта можетъ достигаться различной тяжести средствами по отношенію къ разнымъ категоріямъ правонарушителей. Наказаніе не должно достигать большой степени строгости въ тѣхъ случаяхъ, когда «человѣкъ... природы и качествъ прежде хорошій, между тѣмъ по какому ни есть внезапному случаю, впадаетъ... въ малое какое погрѣшеніе, яко то касается малыхъ, но добровольныхъ подарковъ... употребленія казны, бывшей у него въ рукахъ, на свои расходы... и другіе тѣмъ подобные случаи...» ³. Такимъ преступникамъ И. Сухопрудскій противопоставляетъ категорію «злыхъ» ⁴, подъ которую подходятъ нарушители болѣе важныхъ интересовъ, — люди, «кои не точію противъ имѣнія, но часто противъ самой жизни человѣка добродѣтельнаго, нужнаго обществу устремляются» ⁵, преступники профессиональные, какъ укрыватели, пристанодержатели воровъ, разбойниковъ, убійць и «всѣхъ жестокихъ преступниковъ» ⁶.

Но различеніе самыхъ дѣяній по тяжести ихъ и особенностямъ преступнаго дѣятеля не исключаетъ необходимости въ измѣреніи преступной воли, какъ необходимомъ предположеніи большей или меньшей отвѣтственности.

¹ Мнѣніе это сохранилось въ подлинникѣ, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 555—557, прил. № 82. Это тѣмъ интереснѣе, что въ 148 дневной запискѣ мнѣніе И. Сухопрудскаго въ такой мѣрѣ искажено, что въ немъ пропадастъ наиболѣе существенное.

² Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 555 и сл.

³ Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 556.

⁴ Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 557.

⁵ Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 556.

⁶ Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 556.

Эмпирики второй половины XVIII в. отдають себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ значеніи для вмѣненія отдѣльныхъ оттѣнковъ вины.

По вопросу о значеніи видовъ виновности для вмѣненія уголовно-наказуемаго результата они проводятъ мысль о сравнительно легкомъ наказаніи неосторожныхъ нарушителей правопорядка. Но какъ только опасность неосторожнаго дѣятеля становится значительной для общества въ виду отсутствія въ такомъ дѣятелѣ способности пріобрѣтать навыкъ къ ненарушенію чужихъ, интересовъ хотя и неосторожно, эти люди жизни требуютъ для нарушителя, примѣрнаго наказанія наравнѣ съ «злоубійцами»¹. Интересно, что уголовно-наказуемая неосторожность конструируется, главнымъ образомъ, какъ дѣйствіе «въ азартѣ отъ неразсматриванія»².

Необходимость считаться при опредѣленіи наказанія со степенью опасности дѣятеля подсказываетъ эмпирикамъ требованіе одинаковаго наказанія за покушеніе и совершеніе. «Ежели которые преступники, желая кого умертвить, съ тѣмъ намѣреніемъ придуть для учиненія того злодѣйства..., но прежде исполненія... предупреждены, пойманы, изобличены будутъ, то таковымъ слѣдуетъ то же чинить, что и самимъ смертоубійцамъ. Такимъ же образомъ и въ наказаніяхъ воровъ, разбойниковъ и зажигателей, пришедшихъ учинить тѣ злодѣйства, но прежде исполненія того пойманныхъ и изобличенныхъ, поступать слѣдуетъ»...³.

Въ области политики наказаній эмпирики второй половины XVIII в., стоящіе на точкѣ зрѣнія общенароднаго интереса, выдвигаютъ вопросъ о мѣрахъ наказанія въ замѣну смертной казни, наиболее цѣлесообразной постановкѣ заключенія по гражданско-правовымъ взысканіямъ и проблему тюремнаго заключенія вообще.

Организація заключенія въ замѣну смертной казни рисуется эмпирикамъ въ формѣ использованія труда преступниковъ и на-

¹ См. мнѣніе депутата Терскаго казачьяго войска Никиты Миронова, Сб. имп. Рус. ист. общ. 1881, т. 32, стр. 109 и мнѣніе депут. Казанской провинціи отъ ясашныхъ крестьянъ Ивана Ковалева, Ор. cit., стр. 121.

² Мнѣніе Миронова, Сб. имп. Рус. ист. общ., 1881, т. 32, стр. 109.

³ Мнѣніе депут. отъ Трубчевскаго дворянства Григ. Вровцына, занесенное въ 139 дневную записку, Сб. имп. Рус. ист. общ., 1881, т. 32, стр. 112 и сл.

правленія самыхъ тяжкихъ правонарушителей для работы на казенные заводы, гдѣ они могли бы «остальное жизни своей время въ должномъ за злодѣйства свои наказанія съ пользою обществу препроводить...»¹.

Арестъ, которому могутъ подвергаться лица за неисполненіе гражданскихъ обязательствъ, вродѣ неплатежа долговъ и проч., долженъ регулироваться въ томъ смыслѣ, чтобы тѣ, по чьей просьбѣ подвергаются задержанію лицо, или сами продовольствовали его, или это продовольствіе было бы доставляемо какимъ нибудь инымъ путемъ².

Выдвигается на очередь и общій вопросъ о реформѣ тюремъ.

Предлагается «во всякомъ городѣ соорудить особливые дома и завести прядильни и всякое тканье, кирпичное и прочее ремесло, и содержать тѣхъ заключенныхъ людей въ сихъ мѣстахъ подъ стражею, выключая челоукоубійцевъ, дабы они обращались въ трудахъ и находились бы въ благообразномъ воздухѣ»³. Дѣлаются попытки поставить рационально и дѣло пересылки арестантовъ⁴.

Раздаются среди эмпириковъ голоса и за самое измѣненіе области преступнаго. Требуютъ, съ одной стороны, подведенія подъ охрану уголовно-правовой защиты такихъ интересовъ, которые раньше ею не пользовались. а, съ другой, созданія условій, при которыхъ отдѣльныя преступленія, если не исчезли бы окончательно, то, по крайней мѣрѣ, сократились бы въ числѣ. Уголовно-политическія директивы этого рода, исходящія отъ самыхъ разнообразныхъ круговъ тогдашняго общества, сказываются, главнымъ образомъ, въ предложеніяхъ придать тѣмъ или другимъ преступленіямъ новыя очертанія въ зависимости отъ характера существующихъ отношеній.

¹ Мнѣніе депут. отъ жителей Кяхтинскаго форпоста Ант. Овсянкина, Сб. имп. Рус. ист. общ., 1881, т. 32, стр. 155. | записку, депутата отъ города Симбирска Аѳанасія Ларіонова, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 148.

² Мнѣніе деп. отъ города Юрьевца-Повольскаго Петра Неустроева, Сб. имп. Рус. ист. общ., 1881, т. 32, стр. 159. | ⁴ Мнѣніе деп. отъ казаковъ Новохоперской крѣпости Андрея Алейникова, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 564.

³ Мнѣніе, занесенное въ 150 дневную

Чрезвычайно интересно, что въ области преступленій религіозныхъ мы встрѣчаемся съ требованіемъ огражденія отъ нарушенія не только основъ православной вѣры, но и другихъ религіозныхъ ученій¹. Такія заявленія возникаютъ въ результатъ предоставленія права излагать свои нужды и тѣмъ классамъ, которые были обдѣлены по сравненію съ основной массой населенія. Но если въ мысли объ охранѣ религіозныхъ интересовъ населенія, не принадлежащаго къ господствующей церкви, и можно видѣть, по существу, проявленіе правильнаго пониманія основы, на которой должны быть построены религіозныя преступленія, то все-же голоса, раздающіеся въ пользу этого мнѣнія, не даютъ еще, въ общемъ, права говорить, что здѣсь идетъ рѣчь объ идеѣ, прочно укоренившейся въ сознаніи людей того времени, какъ необходимомъ моментѣ уголовного законодательства.

Съ большимъ правомъ о такомъ положеніи дѣла можно говорить въ примѣненіи къ правонарушеніямъ, одинаково существеннымъ для всей массы населенія, какъ цѣлаго. Такого рода посягательствами всегда были нарушенія интересовъ имущественныхъ. Именно въ примѣненіи къ этой категоріи деликтовъ можно ждаты предложеній, отражающихъ назрѣвшія нужды и открывающихъ для законодательства, не вполне считающагося съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, новыя перспективы. Эти предположенія въ общемъ и оправдываются, когда мы знакомимся съ богатствомъ взглядовъ, которые развиваютъ эмпирики по вопросу объ организаціи репрессіи за имущественныя преступленія.

Представленный людьми, обращающимся въ самомъ вихрѣ жизни, эмпиризмъ второй половины XVIII в., поскольку онъ сказывается въ депутатскихъ наказахъ екатерининскаго времени, подчеркиваетъ необходимость болѣе дѣйствительнаго огражденія права собственности на предметы, которые, по самой природѣ своей, не могутъ подлежать энергичной и дѣйствительной охранѣ. Мы встрѣчаемся въ немъ съ требованіемъ болѣе строгаго наказанія для лицъ,

¹ Ср. Наказъ отъ служилыхъ | Русск. истор. общ., т. 115, стр. мурзь разныхъ дорогъ, Сбор. имп. | 319.

посягающихъ противъ отдѣльныхъ частей собственности, —лицъ, самовольно пользующихся чужимъ имуществомъ, напр., срывающихъ плоды съ непринадлежащихъ имъ деревьевъ, самовольно ловящихъ рыбу изъ прудовъ и совершающихъ другіе однородные поступки ¹. Высказываются пожеланія объ энергичныхъ мѣрахъ противъ конокрадства, проектируются приэтомъ не только мѣры карательнаго свойства ², но и предупреждающаго характера. Указывается, напр., на необходимость записей продажи лошадей въ особыя книги и выдачу владѣльцамъ соотвѣтственныхъ «писмъ» ³.

Излишняя репрессія нѣкоторыхъ видовъ кражи, унаслѣдованная отъ суровыхъ воинскихъ законовъ времени Петра В., вызываетъ требованіе понизить ставки наказанія за такіе случаи кражи казенныхъ вещей, когда идетъ рѣчь о «употребленіи казеннаго хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ на свою нужду и съ намѣреніемъ возвращенія» ⁴.

Эмпирики екатерининской эпохи интересуются въ ряду имущественныхъ посягательствъ и тѣми видами ихъ, которые съ расширеніемъ гражданскаго оборота пріобрѣтаютъ все большую и большую почву подъ ногами — т. е. имущественными посягательствами, совершаемыми при помощи обмана. Ими затрачивается много энергіи на отграниченіе понятія уголовно-наказуемаго обмана отъ области, регулируемой мѣрами гражданскаго взысканія.

Въ этой сферѣ мы находимъ попытки воспользоваться перечневой системой, хотя и не исчерпывающей, но имѣющей значеніе подбора типичныхъ примѣровъ. Высказывается мысль, что только наиболее злостныя и явно убыточныя для контрагента формы торговаго обмана должны трактоваться, какъ требующія вмѣшательства уголовнаго закона. «Буде кто продасть фальшивыя вещи и товары за подлинныя, какъ: стекло за алмазъ, глину за

¹ Наказъ ясаиныхъ татаръ Свияжскаго уѣзда, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 115, стр. 394 и 413.

² Наказъ государственныхъ крестьянъ Хлыновскаго уѣзда, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 115, стр. 224 и сл.

³ Наказъ крестьянъ Кайгородскаго уѣзда, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 115, стр. 238.

⁴ Наказъ Сената, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 43, 1885, стр. 24.

фарфоръ, мѣдь или мишуру за золото. . и тому подобнымъ съ явнымъ обманомъ, таковыхъ съчь плетми и взыскивать съ нихъ вдвое, чего тѣ вещи стоили... Тожъ не разумѣется за обманъ, когда кто продасть что въ пятнахъ или съ пробоинами и тому подобнымъ» ¹. Злостность обмана предполагаетъ, прежде всего, знаніе лица, продающаго вещь, объ ея недостаткахъ. «... Не разумѣется за обманъ, когда кто продасть что... не своихъ продуктовъ, но покушное или выписное изъ чужихъ краевъ, кое отъ воды и долговременнаго лежанія легко повредиться можетъ, чего и сами продавцы вѣдать не могутъ» ². Рядомъ съ злостнымъ обманомъ въ качествѣ товара подъ уголовно-наказуемые обманы подводятся и случаи обмѣра и обвѣса ³. Одновременно конструируется еще одинъ типъ дѣянія, хотя и уголовно наказуемаго, но не въ столь высокой степени. Это—имѣніе неклеименныхъ мѣръ и вѣсовъ ⁴.

Вопросъ о предупрежденіи имущественныхъ обмановъ занимаетъ дѣятелей екатерининскаго времени въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ направленъ въ обходъ интересовъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ. Въ этомъ направленіи проектируется заведеніе въ каждомъ городѣ исправныхъ книгъ «съ показаніемъ, кто именно и какими деревнями владѣеть» и проч. ⁵.

Весьма необходимымъ представляется людямъ жизни и установленіе строгаго наказанія для злостныхъ банкротовъ въ виду той большой опасности, которой эти дѣянія подвергаютъ экономическій бытъ общества. «Отъ... фалшивыхъ банкротовъ и капиталисты купцы, повѣря онымъ, приходятъ во изнеможеніе. И по сему на фалшиво умышленныхъ банкротовъ необходимо надобно

¹ Наказъ отъ купечества пригорода Нерехты, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 93, стр. 520 и сл.; Наказъ купеческаго общества города Суздаля, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 20 и сл. Последній наказъ повышаетъ еще штрафъ до тройного размѣра.

² Ор. cit., т. 93, стр. 521.

³ Наказъ купеческаго общества го-

рода Суздаля, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 20 и сл., говоритъ о тройномъ штрафѣ за недомѣръ.

⁴ Наказъ купеческаго общества города Суздаля, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 20 и слѣд.

⁵ Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 14, стр. 121. Имѣніе депутата дворянъ Любимскаго уѣзда Толмачева.

особое узаконеніе съ достойнымъ страхомъ и строгостью, дабы съ ними поступано было... какъ съ злоумышленниками и разорителями неповинныхъ..» ¹. Отъ такого злостнаго уголовно-наказуемаго банкротства должно отличать неоплатность, не зависящую отъ воли человѣка, которая не должна преслѣдоваться въ порядкѣ уголовномъ.«А кто... окажется въ упадкѣ по волѣ Божіей, отъ разныхъ несчастливыхъ приключеній..., то.. съ тѣми поступать наилучше милосердіемъ, и... кредиторамъ во удовольствіе отобрать оставшееся имѣніе, и по числу, почему обойдется на рубль, учинить раздѣлъ...» ². Между неоплатностью по несчастливо сложившимся обстоятельствамъ и банкротствомъ злостнымъ ставится банкротство безъ прямого умысла, которое столь же наказуемо какъ и злостное. Случай этотъ характеризуется, какъ такой, когда кто либо впадетъ въ неоплатность «отъ мотовства и тому подобнаго» ³. Банкротство является столь значительнымъ преступленіемъ, что разрѣшается «ко изысканію истины, не скрыли-ль гдѣ своего имѣнія, спрашивать съ пристрастіемъ..., а тѣхъ, кто у себя держалъ, штрафовать втрое». ⁴. Самыхъ же банкротовъ предлагается «яко обществу нетерпимыхъ и заразительныхъ людей отсылать вѣчно на каторгу, и сколько онъ проработаетъ, за то въ конкурсъ кредиторамъ получать по двѣнадцати рублевъ на годъ» ⁵.

Въ качествѣ наилучшаго пути къ огражденію чести и пресѣченію всякаго рода личныхъ обидъ эмпирическому уму екатерининской эпохи рисуется установленіе большихъ или меньшихъ денежныхъ вознагражденій за безчестье ⁶. На этой мѣрѣ сходятся самые разнообразныя слои населенія. Мѣняется только размѣръ без-

¹ Наказъ жителей города Ржева, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 411.

² Ibid., Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 411.

³ Наказъ городскихъ жителей Гжатской пристани, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 93, стр. 228 и сл.

⁴ Наказъ городскихъ жителей Гжатской пристани, Сб. имп. Рус. ист. общ.,

т. 93, стр. 228 и сл.

⁵ Съ такими же постановленіями о банкротствѣ мы встрѣчаемся въ Наказѣ купеческаго общества города Мосальска, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 36 и города Серпейска, Ор. сіт., т. 107, стр. 168.

⁶ Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 367.

честь и характер его уплаты, самый же принцип не подвергается сомнѣнію и остается неизмѣннымъ. Купечество высказывается за размѣръ уплачиваемаго «за бой и безчестье» для первой гильдіи въ 100, второй въ 50 и третьей въ 30 рублей, добавляя «за бой и увѣчье платить, что монаршая власть узаконить, сверхъ того, на излѣченіе особливо; за умышленіе жъ нападателя наказать на тѣлѣ»¹. Иногда выставляются и болѣе высокія цѣны за безчестье: 200 рублей для 1-й гильдіи, 100 р. для второй и 50 р. для третьей². Интересна самая мотивировка этихъ повышенныхъ ставокъ. «Купцы, читаемъ мы, вездѣ и всегда такъ презираемы бываютъ, что не только такіе, кои знатные характеры имѣютъ, но и послѣдній солдатъ, а еще меньше того и помѣщичьи слуги, купца, который, хотя въ казну... нѣскольکو тысячъ рублей пошлинъ въ годъ платитъ, ругать, сколько кто похочетъ, въ состояніи себя находятъ, надѣясь, что купцу безчестье положено не велико». Иногда высказывается пожеланіе ограничиваться не однимъ безчестьемъ и лѣчебными деньгами, но и наказывать оскорбленіе чести денежнымъ штрафомъ, поступающимъ въ казну³. Въ этой формѣ борьбы съ посягательствами на честь нельзя видѣть способа, присущаго какому нибудь одному классу общества, нельзя видѣть предложеній, подсказанныхъ узкими интересами одного сословія, уже потому, что не одно купечество, но

¹ Наказъ Тульскаго купечества, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 93, 1894 г., стр. 97, а также Наказъ Одоевскаго купечества, Ор. cit., т. 93, стр. 507. То же повторяетъ съ нѣкоторыми вариантами Наказъ отъ купечества пригорода Нерехты. Безчестье купцамъ третьей гильдіи опредѣляется въ 20 рублей; за бой, учпвенный рукой, безчестье уплачивается вдвое, равно какъ и на случай сѣченія купца и его увѣчья. Половина двойного безчестья идетъ обиженному, „а другая на гошпиталь“, Ор. cit., т. 93, стр. 522. Наказъ купеческаго общества посада

Соли Большой текстуально повторяетъ Наказъ купечества Нерехты. Ор. cit., т. 107, стр. 46.

² Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 360, Наказъ отъ купеческаго общества города Торжка и Холмскаго посада. Тѣ же ставки за безчестье мы встрѣчаемъ въ Наказѣ жителей города Тихвина, причемъ самая формулировка очень близка къ тексту Наказа купечества Нерехты, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 307.

³ Наказъ Любимскаго купечества, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 93, стр. 220.

и крестьянство ¹, и приказные ² настаиваютъ на той же формѣ защиты своей чести.

Намѣчаются и мѣры для успѣшной борьбы съ ябедничествомъ, этой язвой старой Россіи. Мѣры эти предлагаются въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, считается цѣлесообразнымъ идти прямымъ путемъ и назначать за ябедничество штрафы или требовать присяги отъ челобитчика въ томъ, подана ли челобитная «въ справедливости... и не затѣино» ³. Съ другой стороны, предлагаютъ созданіе института стряпчихъ, нѣчто вродѣ сословія адвокатовъ. Интересно мнѣніе по этому вопросу Ивана Сухопрудскаго, депутата отъ города Углича. Онъ представляетъ себѣ стряпчихъ, какъ представителей сословія, которые на тотъ случай, когда они «продаютъ по дѣлу разными душевредствы», должны быть наказываемы. Стряпчіе состоятъ, по его мысли, «въ каждомъ городѣ при канцеляріяхъ... безъ излишества и недостатку» ⁴. И. Сухопрудскій оставляетъ приэтомъ открытымъ вопросъ «сколько... стряпчихъ или повѣренныхъ... содержать и изъ какихъ людей, и на казенномъ ли годовомъ жалованіи, или же полученіи опредѣленныхъ съ производимыхъ ими дѣлъ доходовъ», предоставляя это «благоразсужденію господъ депутатовъ и той частной комиссіи, до которой о сей матеріи разсмотрѣніе слѣдуетъ» ⁵.

Наряду съ практиками эмпириками, стоящими на почвѣ об-

¹ Ср. Наказъ государственныхъ крестьянъ Зубцовскаго уѣзда. Мы читаемъ здѣсь: „буде кто изъ благородныхъ государственнымъ крестьянамъ обиды и нападки покажетъ, оныхъ за безчестье взыскивать по ихъ окладамъ.. ибо благородные, яко свѣдующіе законъ, наиболѣе отъ неспристойныхъ поступокъ воздерживаться должныи обстоятъ...; а протчихъ, не имущихъ ранговъ и не изъ дворянъ, за бои штрафовать наказаніями или по разсужденію взыскивать по тому-жъ положенное безчестье, дабы чрезъ то обиды и нападки уменьшить“, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 115, стр. 122.

² Ср. Наказъ отъ жителей города Углича, въ которомъ безчестья за понесенныя обиды просятъ приказные служители въ объемѣ „не менше тѣхъ окладовъ, по чему въ бытность дѣйствительно къ службѣ опредѣлено имъ быть“, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 93, стр. 577.

³ Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 569 и сл.

⁴ Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 158 и сл., а также стр. 567.

⁵ Сборн. имп. Рус. ист. общ., т. 32, стр. 568.

щенароднаго интереса, въ XVIII в. высказываютъ свои воззрѣнія на вопросы уголовнаго права и представители отдѣльныхъ сословій, стремящихся къ порядкамъ, благопріятнымъ для ихъ классовыхъ интересовъ. Сторонники этого эмпиризма высказываются обыкновенно за необходимость жестокихъ наказаній для нарушителей ихъ мира и настаиваютъ на повсемѣстномъ введеніи пытокъ и экстраординарныхъ мѣръ полицейскаго предупрежденія. Съ предложеніями такого рода мы часто сталкиваемся въ наказахъ сословныхъ обществъ, стоящихъ на стражѣ своихъ узко-понятыхъ интересовъ. Въ этихъ памятникахъ жестокости вѣка мы всегда встрѣчаемся съ противоположеніемъ лицъ, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, остальному населенію и требованіемъ принесенія въ жертву своимъ интересамъ, отождествляемымъ ими съ интересами всей страны, личныхъ правъ извѣстной части общества. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ такого классоваго эмпиризма, ярко отражающаго на себѣ принципъ неравенства положенія отдѣльныхъ членовъ общества передъ лицомъ уголовнаго правосудія. Состояніе преступности въ странѣ рисуется его защитникамъ въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ, и они предлагаютъ не стѣсняться самыми жестокими мѣрами воздѣйствія.

«Повелѣно, читаемъ мы у этой категоріи эмпириковъ, смертоубійць, воровъ и разбойниковъ, при распросахъ... увѣщевать, и когда съ первыхъ допросовъ... покажутъ справедливо, таковымъ не только пытокъ, ниже пристрастныхъ распросовъ, чинить не повелѣно..; многіе уже наказанные, получа свободу, обращаются въ таковыя же злодѣянія.. и таковаго воровства время отъ времени умножается». Въ виду такого положенія дѣль высказываются пожеланія «злodeямъ пріумножить истязанія».. ¹, «быть въ уѣздныхъ городахъ городахъ розыскамъ и езекуціямъ... для того, что подлый народъ не ученъ и не знаетъ закона, и отъ увѣщеванія истины не объявитъ» ². Эти эмпирики высказываютъ убѣжденіе,

¹ Наказъ Суздальскаго дворянства, Сб. Рус. ист. общ., т. 8, 1871, стр. 533.

² Наказъ Крапивенскаго дворянства, Сб. Рус. ист. общ., т. 8, 1871, стр. 561; Наказъ дворянства Водской пя-

что путемъ пытокъ «такіе злодѣи могутъ приведены быть въ страхъ, а обществу изъ того слѣдовать будетъ безопасность»¹. Требованіе смертной казни и наказаніе кнутомъ «въ страхъ другимъ, болшимъ и малолѣтнимъ въ память», а равно пытокъ, «чтобъ можно правосудное удовольствіе видѣть»², мотивируются часто особенностями страны и народа: «Россійскій народъ, читаемъ мы, когда который здѣлаетца злодѣемъ, то есть воръ. а паче разбойникъ, то уже такое окамененное сердце и духъ сугубый имѣеть, что... и въ розыску когда его пытаются, правды не скажетъ»...³.

Для осуществленія мѣропріятій этого рода указывается на необходимость увеличенія штата лицъ, быстро производящихъ розыски и уничтожающихъ «надежныя пристанища»,⁴ и увеличеніе числа мѣстъ, гдѣ можно производить допросы при помощи пытки.⁵ Эти эмпирики рекомендуютъ прибѣгать въ борьбѣ

тины, Сб. Рус. ист. общ., т. 14, 1875, стр. 257; Наказъ дворянства Псковской провинціи, города Опочки, Сборн. Рус. ист. общ., т. 14, 1875, стр. 265.

¹ Наказъ Вѣлозерскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 14, 1875, стр. 291 и сл. Ср. съ нѣкоторыми вариациями Наказъ дворянства Бѣжецкой пятины, т. 14, стр. 354, Наказъ Галицкаго дворянства, т. 14, стр. 493; мнѣніе депутата Зарайскаго дворянства Мих. Кондырева, т. 32, стр. 112; Наказъ Симбирскаго дворянства, т. 68, стр. 10 и сл.; Наказъ Данковскаго дворянства, т. 68, стр. 352; Наказъ Инсарскаго дворянства, т. 68, стр. 422 и сл.; Наказъ Темниковскаго дворянства, т. 68, стр. 453; Наказъ Болховскаго дворянства, т. 68, стр. 499 и сл.; Наказъ Карачевскаго дворянства, т. 68, стр. 531; Наказъ Валуйскаго дворянства, т. 68, стр. 573; Наказъ Воронежскаго дворянства, т. 68, стр. 356 и мн. др.

² Наказъ Данковскаго дворянства,

Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 352.

³ Наказъ Алаторскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 117. Какимъ то диссонансомъ съ тономъ наказовъ отдѣльныхъ дворянскихъ обществъ звучитъ мнѣніе депутата отъ дворянства Ахтырскаго провинціи, занесенное въ 126 дневную записку, въ которой онъ высказывается противъ пытки, „не приводя многихъ весьма премудрыхъ въ данномъ Коммисіи Большомъ Наказѣ подданнолюбныхъ наученій“, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 32, 1881, стр. 65.

⁴ Наказъ дворянства города Опочки Псковской провинціи, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 14, стр. 271.

⁵ Наказъ Инсарскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 422 и сл.; Наказъ Болховскаго дворянства, т. 68, стр. 499 и сл.; Наказъ Карачевскаго дворянства, т. 68, стр. 531; Наказъ Валуйскаго дворянства, т. 68, стр. 573; Наказъ Пошехонскаго дво-

съ разбоями къ посылкѣ «нерегулярной команды», ¹, не обращая вниманія на то, что масса населенія считаетъ для себя послѣднее крайне отяготительнымъ ².

Одновременно подчеркивается необходимость распространенія смертной казни не только на случаи смертоубійства и разбоя ³, но и на преступленія лихоимства ⁴ и зажигательства ⁵.

Наказаніе кнутомъ и ссылка на каторгу рекомендуются и тогда, «когда пойманъ будетъ тать въ первый разъ и обличень», причемъ предлагается «съ товарищами и пристанодержателями чинить то же наказаніе» ⁶ и не щадить подговаривающихъ помѣщичьихъ людей ⁷ къ побѣгу. На случай смерти наказываемыхъ помѣщиками людей, эмпирики требуютъ, чтобы этого, «какъ помѣщикамъ, такъ и прикащикамъ..., въ вину не ставить» ⁸. Защита

рянства, т. 4, стр. 422; Наказъ Кинешемскаго дворянства, т. 4, стр. 420; мнѣніе депут. Зарайскаго дворянства Михаила Кондырева, т. 32, стр. 112 и мн. др.

¹ Наказъ Пензенскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 14.

² Въ Наказѣ жителей города Тихвина мы читаемъ: „здѣсь... въ Тихвинѣ сыскная команда въ полномъ числѣ состоитъ уже четвертый годъ, отъ которой тихвинское купечество претерпѣваетъ немалыя притѣсненія, обиды и разные примѣтки, и многимъ и безвинные побои...“, Сб. Рус. ист. общ., т. 107, стр. 305.

³ Наказъ Кинешемскаго дворянства, Сб. Рус. ист. общ., т. 4, стр. 420; Наказъ Воронежскаго дворянства, т. 68, стр. 356; мнѣніе депут. города Пензы Степана Любавцева, т. 32, стр. 161 и сл. и мн. др.

⁴ Наказъ деп. Верейскаго уѣзда, Сб. Рус. ист. общ., т. 4, 1869 г. стр. 379.

⁵ Наказъ дворянства Исковской провинціи города Опочки, Сб. Рус. ист. общ., т. 14, стр. 265. Наказъ Ливен-

скаго дворянства предлагаетъ, впрочемъ „зажигателей въ полѣ хлѣба и сѣна причитатъ къ воровству“, Сборн. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 406 и сл.

⁶ Наказъ Пошехонскаго дворянства, Сб. Рус. ист. общ. т. 4, стр. 422. Наказъ Бѣжецкаго дворянства полагаетъ, однако, что въ татьбахъ до 10 рублей... чинить наказаніе плетьюми или батогами“, т. 4, стр. 384, а Наказъ Орловскаго дворянства устанавливаетъ: „если жъ кто своруетъ..., съ пьянства или какой страсти ради и другихъ неумышленныхъ причинъ..., а краденное меньше будетъ тридцати рублей, ...тѣхъ всѣхъ... учиня наказаніе плетьюми, отдавать по прежнему помѣщикамъ... для того, если наказаніе учинить кнутомъ, послѣ чего они, зная себя опельмованы, и нигдѣ въ сообщества между людьми не пріемлются..., то пустятся умножать многія воровства и разбои и другія худыя дѣла“, т. 68, стр. 524.

⁷ Наказъ Курскаго дворянства, т. 68, стр. 540.

⁸ Наказъ Ливенскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 411.

тѣлесныхъ наказаній идетъ притомъ объ руку съ указаніемъ цѣлесообразности послѣднихъ только для низшаго класса населенія ¹.

Эмпирики, стоявшіе въ екатерининскую эпоху на почвѣ классовыхъ интересовъ, говорятъ, однако, не только о репрессіи, но и о предупрежденіи преступленій. Что же за мѣры предлагаютъ они, напр., въ примѣненіи къ одному изъ самыхъ распространенныхъ преступленій—къ воровству?

Они стоятъ на точкѣ зрѣнія, что воровство обусловливается наличностью особыхъ классовъ населенія имущественно малообезпеченныхъ и порочныхъ. «Воровство, читаемъ мы, происходитъ по большей части, отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые при духовномъ правленіи числятся при отцахъ, а и сами отцы церковной земли... имѣютъ самую малую часть...; къ работѣ же, какъ всѣмъ извѣстно, что родъ сей лѣнивъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается, что если «безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ..., воровство чрезъ оное уняться можетъ» ². Противъ воровства рекомендуется, да и еще, бороться концентраціей разбросанныхъ поселеній однодворцевъ, дѣятельнымъ надзоромъ «десяцкихъ» и «выборныхъ» и проч. ³.

Весьма вѣроятно, что ростъ преступности ко времени, къ которому относятся высказываемые депутатскими наказами взгляды, представлялся угрожающимъ, и шла рѣчь о необходимости самыхъ энергичныхъ мѣръ замиренія страны. То теченіе уголовно-правовой мысли, которое мы характеризуемъ, какъ проявленіе классоваго эмпиризма, не возвышалось. Однако, до пониманія всей

¹ Наказъ Бѣлгородскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 657 и сл. Противъ этого возставалъ въ частности Тамбовскій депутатъ отъ однодворцевъ Василій Веденѣевъ, указывавшій на то, что „если... не подвергать благородныхъ никакому тѣлесному наказанію, то не почувствуется ли въ обществѣ народному жителству смятеніе?“..., т. 32, стр. 218. За равенство благородныхъ, въ отношеніи примѣненія къ нимъ тѣлеснаго наказанія, высказывался и депутатъ отъ города Дерпта Яковъ Урсинусъ, отмѣчая, что „различія желаютъ только тѣ, кои, вѣроятно, хотятъ сдѣлать преступленія...“, т. 32, стр. 280.

² Наказъ Пронскаго дворянства, Сб. Рус. ист. общ., т. 4, стр. 388.

³ Наказъ Ливенскаго дворянства, Сб. имп. Рус. ист. общ., т. 68, стр. 407 и сл.

сложности проблемы въ ея цѣломъ. Наблюдая явленія, которыя были тяжелы для имущихъ классовъ, представители послѣднихъ видѣли единственное спасеніе въ усиленіи репрессіи. Съ точки зрѣнія глубины уголовно-политической мысли такое направленіе было во всякомъ случаѣ одностороннимъ и не знаменовало собой шага впередъ въ разрѣшеніи сложной проблемы борьбы съ преступностью; мало того, оно послужило можетъ быть самой дѣйствительной причиной того, почему обречены были на безсиліе уголовно-политическіе идеалы, которые проводилъ эмпиризмъ общенародный, представители науки и прежде всего безсмертный Наказъ Екатерины II.

IX.

Общіе итоги второго періода въ исторіи науки уголовного права въ Россіи.

Углубленіе и развитіе въ наукѣ уголовного права теченій, намѣчающихся въ предыдущую эпоху.—Зарожденіе стремленія къ построенію научной догмы уголовного права.—Эклектизмъ.—Значеніе политической школы писателей по уголовно-правовымъ вопросамъ.—Зарожденіе интереса къ древностямъ права.—Ростъ и развѣтвленія эмпиризма.—Рецептивный характеръ уголовно-правовой науки Россіи XVIII в.

Юриспруденція дореформенной Россіи не создала уголовно-правовой литературы въ собственномъ смыслѣ. Она не шла научными путями и въ области законодательнаго творчества. Главной формой проявленія криминалистическихъ знаній служило преподаваніе этой отрасли права въ связи съ другими. Наши допетровскіе юристы прибѣгали къ подготовкѣ обучающихся при помощи введенія ихъ въ самый кругъ отправляемыхъ дѣлъ. Практическое упражненіе въ дѣлопроизводствѣ было той школой, въ которой юристы получали нужныя имъ знанія и навыкъ. Литературные опыты, затрогивающіе юридическіе вопросы до XVII в., не идутъ далѣе простого описанія уголовно-судебной практики п

трактуютъ общіе вопросы уголовного права, какъ составную часть житейской и религіозной морали. Только къ концу XVII в. появляются опыты рецепціи естественно-правовыхъ ученій западной науки.

Теченіямъ этимъ суждено было въ прогрессѣ науки уголовного права въ Россіи XVIII в. значительно расширяться и углубиться.

Преподаваніе права дѣлаеть у насъ въ этотъ періодъ значительные успѣхи. Создается цѣлый рядъ спеціальныхъ школъ, въ которыя переносится обученіе. По самымъ приѣмамъ преподаванія, такая система имѣетъ однако глубокіе корни въ прошломъ и не уходитъ далеко отъ приказной выучки. Въ то же время наша юридическая школа очень рано наталкивается на движеніе въ наукѣ уголовного права на западѣ, извѣстное подъ именемъ естественно-правового и сулившее въ строго-систематической формѣ дать начальныя основанія познанія права. Попытки перенести на русскую почву принципы западно-европейскаго теоретическаго образованія легли въ основаніе преподаванія въ Академическомъ университетѣ, привились прочно въ возникающемъ въ половинѣ XVIII в. Московскомъ университетѣ, духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а временами укоренялись и въ спеціальныхъ школахъ права. Преподаваніе это довольно полно отразило весь тотъ циклъ понятій, въ кругѣ которыхъ вращалась естественно-правовая доктрина. Наряду съ преподаваніемъ естественнаго права въ половинѣ XVIII вѣка появляется у насъ переводная литература соответственнаго характера и полусамостоятельные опыты въ этой области. Въ общемъ, не смотря на то, что въ школьномъ преподаваніи и литературѣ укоренились естественно-правовыя конструкціи, возникшія на почвѣ обобщеній положительнаго западно-европейскаго права, онѣ не давали ни малѣйшей возможности связать ихъ съ дѣйствующимъ правомъ и послужить пособіемъ его изученія.

Естественно-правовыя теченія, заслонившія въ русской наукѣ всякія другія, если и не всецѣло вытѣснившія ихъ, постепенно расплываются и перебрасываются изъ области юридической школы

въ сферу законодательнаго творчества, подвигавшагося до этого времени по пути своего медленнаго развитія при помощи созданія такихъ нормъ, необходимость которыхъ подсказывалась самой жизнью. Екатерининскій Наказъ, являющійся въ сущности ничѣмъ инымъ какъ памятникомъ рецепціи извѣстныхъ естественно-правовыхъ теченій, явился какъ бы новымъ этапомъ на пути укорененія естественно-правовой доктрины въ частности и въ сферѣ уголовно-правовой, интересующей насъ ближайшимъ образомъ. Для практической перестройки законодательства Наказъ оказался совершенно неприспособленнымъ, но отражая общій духъ, проникавшій уголовно-правовыя знанія въ ихъ наиболѣе рациональномъ построеніи, онъ сыгралъ впоследствии роль могучаго фактора развитія нашей науки. Онъ опредѣлилъ собой цѣлый рядъ трудовъ по криминалистикѣ и преподалъ тѣ теоретическія начала, при помощи которыхъ, какъ съ готовой схемой, можно было подойти къ теоретической обработкѣ дѣйствующаго права.

Наблюдавшіяся нами до сихъ поръ теченія въ юриспруденціи XVIII в., несмотря на успѣхи, которые были сдѣланы, не могли удовлетворить потребностей, къ этому времени опредѣлившихся. Ни практическое теченіе, ни естественно-правовое не въ состояніи было отвѣтить на вопросы, которые предъявляла сама жизнь къ юристамъ этого момента. Послѣдніе безсильны были разрѣшить вопросъ о томъ, какова догма дѣйствующаго уголовного права. Жизнь выдвигала потребность въ такомъ теченіи юриспруденціи, которое способно было бы создать начала, изъ которыхъ могло бы быть выведено дѣйствующее право и которыя въ то же время давали бы въ систематическомъ построеніи существующее право. Въ отвѣтъ на эти требованія должна была возникнуть научная догма права, хотя бы въ зачаточной формѣ. Осуществленія этихъ стремленій можно было ждать отъ взаимодѣйствія практическаго и теоретическаго теченія. Поскольку это въ дѣйствительности имѣло мѣсто въ XVIII вѣкѣ, мы можемъ говорить о зарожденіи въ этомъ періодѣ научно-догматическаго теченія, какъ новаго явленія.

Попытки научнаго конструированія догмы русскаго уголовного права начинаются у насъ приблизительно въ половинѣ XVIII в. Въ этой сферѣ выдѣляется три теченія. Одно изъ нихъ подходитъ къ разрѣшенію намѣченной задачи путемъ историческимъ, отбрасывая изъ общей массы существующихъ опредѣленій тѣ, которыя пережиты въ прошломъ и утратили свое реальное значеніе. Другое теченіе въ догматической обработкѣ права избираетъ путь историко-сравнительный. Стремясь къ систематическому построению дѣйствующаго права, оно объясняетъ постановленія русскаго уголовного права, разрозненныя по своимъ основаніямъ и формѣ, въ связи съ опредѣленными историческими условіями, порождающими эти особенности. Третье теченіе унаслѣдовано отъ долгаго періода обработки права путемъ приказной рутинны. Оно не старается отыскивать общія теоретическія положенія для систематизаціи и построения дѣйствующаго уголовного права и довольствуется такой обработкой, которая ищетъ опорныхъ пунктовъ во внѣшнихъ особенностяхъ дѣйствующаго права. Выступая въ большинствѣ случаевъ, какъ проявленіе популярно-юридической литературы, съ одной стороны, и системы канцелярскихъ сводокъ, преслѣдующихъ практическія цѣли, съ другой, это теченіе наиболее удалено, по своимъ особенностямъ, отъ научной догмы. Оно подготавливаетъ только матеріалъ для нея, составляетъ какъ бы инвентарь дѣйствующаго уголовного права, но преслѣдуетъ по существу тѣ же задачи, которыя наиболее совершеннымъ путемъ могутъ быть разрѣшены при помощи научной догмы.

Наряду съ этими теченіями въ самомъ концѣ XVIII в. заявляетъ себя въ области науки уголовного права въ Россіи и новый пріемъ обработки права, возможный только при условіи извѣстнаго консолидированія основныхъ направленій. Это опыты эклектическаго характера, стремящіеся примирить существовавшія теченія и отвѣтить на самыя разнообразныя требованія теоретическаго и практическаго характера. По своимъ реальнымъ послѣдствіямъ это одно изъ самыхъ небогатыхъ плодотворными результатами направленій.

Между тѣмъ какъ большинство теченій, наблюдавшихся въ области науки уголовного права въ Россіи XVIII в., представляется въ общемъ такими, которыя имѣютъ за собой довольно продолжительную исторію, въ смежныхъ съ криминалистикой областяхъ происходятъ явленія, далеко не безразличныя для этой дисциплины. Подъ вліяніемъ все усиливающагося общенія Россіи съ западомъ, а отчасти и стремленія осмыслить нѣкоторыя сложныя явленія, стоявшія до того внѣ фокуса научной мысли, у насъ возникаетъ политическая литература. Обозрѣвая стороны жизни, нуждающіяся въ реформѣ въ духѣ началъ, призванныхъ установить разграниченіе правъ личности и коллективнаго цѣлаго, общества и государства, эти писатели не могли не затронуть вопроса о положеніи преступника, проблеммъ наказанія, организациі уголовного правосудія и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были отвѣтить на рядъ самыхъ жгучихъ вопросовъ уголовной политики. Объединенные въ школу тѣмъ, что они раздѣляютъ политическіе идеалы Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Беккариі и энциклопедистовъ, русскіе политическіе писатели оставили весьма цѣнное наследіе уголовно-политическихъ директивъ, не утратившихъ и понынѣ своего значенія. Они опираются въ общемъ на прочныя устои законности, разумной цѣлесообразности и гуманности при сохраненіи для личности всей той свободы, которая только возможна безъ ущерба для общества, какъ цѣлаго. Духъ извѣстнаго радикализма, присущій этой школѣ, не особенно стѣсняющейся въ лицѣ наиболѣе горячихъ ея приверженцевъ пережитками прошлаго, не удовлетворяющими требованіямъ, выставленнымъ ими на своемъ знамени, дѣлаетъ представителей этихъ доктринъ весьма воспріимчивыми и чуткими ко всякому новому слову, раздающемуся въ области усовершенствованія способовъ реакціи противъ преступленія. Политики-публицисты выступаютъ сторонниками исправительности наказанія и пенитенціарныхъ системъ какъ путей, ведущихъ къ общей безопасности, противниками смертной казни, поборниками борьбы съ преступленіемъ при помощи рациональныхъ мѣръ предупрежденія и проч. Однородность уголов-

но-политической программы и построение ея на тѣхъ-же началахъ признанія правъ личности, свободы совѣсти, свободы выраженія мнѣній въ печати, равенства всѣхъ передъ закономъ и проч. побуждаетъ отнести въ эту же группу и тѣхъ писателей, которые, не раздѣляя въ цѣломъ политическихъ идеаловъ этой группы и отчасти по другимъ совершенно мотивамъ этико-религіознаго характера, приходятъ къ признанію цѣлесообразности тѣхъ же уголовно-политическихъ принциповъ.

Въ XVIII в. усиливается въ Россіи въ сознаніи отдѣльныхъ личностей интересъ къ изученію юридическихъ древностей. Подъ вліяніемъ стремленія къ возстановленію вѣрной картины прошедшаго юридическаго быта, отдѣльныя лица розыскиваютъ и изучаютъ памятники нашего стараго законодательства, комментируютъ ихъ, стараются возстановить условія, вызвавшія къ жизни тѣ или другіе институты, законодательные памятники и проч. Какъ представители направленія, могущаго рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда имъ достигнуто болѣе или менѣе совершенное реконструированіе минувшаго и успѣлъ сложиться опредѣленный интересъ къ этого рода теченію мысли, любители старины долгое время не получаютъ признанія. Это объясняется часто и самими условіями ихъ работы. Они вынуждены ограничиваться догадками и оперировать съ небольшимъ количествомъ точныхъ данныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не собравъ достаточнаго матеріала изъ прошлаго, не построивъ чего нибудь цѣльнаго, стараются перейти къ выводамъ въ смыслѣ предложенія опредѣленныхъ идеаловъ, находящихъ будто бы опору въ самомъ прошломъ. Естественно, что такіе изслѣдователи должны были натолкнуться не только на равнодушіе большинства, но и на рѣзкую критику подчасъ того, что по состоянію знаній того времени и не могло быть уяснено съ большею точностью. Такъ или иначе, но стремленіе изучать древности права не проходитъ безслѣдно и въ дальнѣйшемъ образуетъ основу, на которую можетъ опереться правильно понятое историческое изученіе законодательства.

XVIII в. въ исторіи науки уголовного права является, нако-

нецъ, эпохой, когда развиваются и развѣтвляются эмпирическіе взгляды на вопросы преступленія и наказанія, зарождающіеся уже весьма рано и служащіе естественными отвѣтами неискушеннаго наукой ума на то нарушеніе правового уклада жизни, противъ котораго волей неволей приходится реагировать всякому обществу. Въ то время какъ въ XVII в. для отвѣта на эти вопросы довольствуются точками зрѣнія и взглядами, взятыми изъ запаса максимумъ нравоучительной морали и житейскаго опыта, XVIII в. съ усложнившейся жизнью требуетъ иного. Комплексъ свѣдѣній, образующихъ кодексъ этой морали, расщиряется кругомъ данныхъ, введенныхъ въ него изъ философски обоснованныхъ этическихъ ученій. Съ другой стороны, общежитейская мудрость расширяется новымъ запасомъ наблюденій и свѣдѣній и консолидируется въ опредѣленный комплексъ взглядовъ на общественное благо и интересъ, диктуемыхъ здравымъ смысломъ. Такъ какъ ростъ страны и потребностей совершается довольно быстро и идетъ притомъ при помощи выполненія опредѣленныхъ функций известными слоями, известными классами общества, то возникаетъ вполне естественно разномысліе по вопросу о тѣхъ путяхъ, которыя наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ ведутъ къ благополучію общества и государства. Различное пониманіе нуждъ страны ведетъ, въ свою очередь, къ различному пониманію задачъ, поставляемыхъ отправленію уголовного правосудія, и къ различнымъ предложеніямъ въ области практической борьбы съ преступленіемъ.

Въ общемъ итогъ мы должны констатировать, что XVIII в. въ исторіи науки уголовного права является эпохой, когда исчезаетъ первобытное однообразіе, характеризующее болѣе ранніе моменты исторіи уголовно-правовой мысли. Подъ вліяніемъ усложненія жизни и стремленія отвѣтить на ея запросы мы наблюдаемъ и болѣе интензивное, хотя и не особенно глубокое заимствованіе западныхъ ученій, придающихъ этому періоду типическую окраску. Въ общемъ рисуется картина значительнаго напряженія наличныхъ силъ, направленаго не на разрѣшеніе соответствен-

ныхъ вопросовъ, но на полученіе готовыхъ рѣшеній. Въ концѣ періода люди XVIII в. становятся лицомъ къ лицу съ потребностью созданія научной догмы уголовного права. Для этого дѣла накопляется матеріаль, группируются возможные конструкціи, годныя въ большей или меньшей степени дать устойчивыя начала для разрѣшенія очередной задачи. Самое осуществленіе этого выпадаетъ, однако, на долю другого періода, когда появляются другіе исполнители, не только пользующіеся полученнымъ наслѣдствомъ, но накопляющіе новые матеріалы и создающіе новыя цѣнности въ области научнаго мышленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

**Періодъ подготовки матеріала для догматической разработки
русскаго законодательства, первыхъ научныхъ опытовъ выдѣ-
ленія догмы уголовного права и упадка естественно-правовыхъ
ученій.**

I. Научные запросы въ области уголовной юриспруденціи въ эпоху Александра I въ связи съ общими условіями юридическаго образованія въ Россіи начала XIX ст.—II. Главныя теченія въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовного законодательства.—III. Представители философскаго направленія въ наукѣ русскаго уголовного права.—IV. Уголовно-правовыя ученія русскихъ политическыхъ писателей.—V. Итоги развитія науки уголовного права въ Россіи въ первыя три десятилѣтія XIX в.

I.

**Научные запросы въ области уголовной юриспруденціи въ
эпоху Александра I въ связи съ общими условіями юри-
дическаго образованія въ Россіи начала XIX ст.**

Основанія для выдѣленія въ самостоятельный періодъ въ исторіи науки уголовного права времени Александра I и примыкающей къ нему до-сводной эпохи.—Условія, поставившія на очередь дѣло развитія юридическаго образованія.—Удовлетвореніе потребности въ юридическихъ знаніяхъ при помощи увеличенія числа юридическихъ школъ: университеты и спеціальныя училища; кафедры русскаго права въ окраинныхъ университетахъ.—Уголовное право въ уставахъ высшихъ учебныхъ заведеній начала XIX в. и взгляды Томазія.—Самоуправленіе ученыхъ корпорацій и вліяніе идей Мейнерса.—Реакція второй половины царствованія Александра I.—Главное правленіе училищъ и централизація надзора за преподаваніемъ. Стѣсненіе свободы преподаванія и гоненіе на естественное право, какъ особенности, характеризующія вторую половину царствованія Александра I и эпоху, непосредственно предшествующую Своду законовъ.

Ходъ развитія науки уголовного права въ Россіи представляетъ собой на протяженіи цѣлаго столѣтія картину сосущество-

ванія и взаимнаго вытѣсненія разработки уголовного права при помощи практическихъ пріемовъ, попытокъ непосредственной рецепціи западно-европейской науки и робкихъ самостоятельныхъ начинаній, не идущихъ дальше постановки задачи. На этомъ долгомъ пути усилій систематизирующей юридической мысли трудно найти прочные опорные пункты для различенія отдѣльныхъ эпохъ. Моменты, къ которымъ по внѣшнему виду можно было бы приурочить повороты въ исторіи науки права у насъ, оказываются обыкновенно фактами, не играющими роли условій, опредѣляющихъ то или другое направленіе. Возникновеніе Московскаго университета, хотя и представляется знаменательнымъ моментомъ въ исторіи нашего просвѣщенія, не является въ то же время событіемъ, съ котораго можно датировать созданіе новыхъ и своеобразныхъ научныхъ теченій. Еще до его возникновенія извѣстныя направленія были предопредѣлены самой организаціей преподаванія въ Академическомъ университетѣ и ходомъ развитія науки права на западѣ. Исходнаго пункта для новыхъ направленій въ разработкѣ уголовного права нельзя видѣть и въ многочисленныхъ попыткахъ кодификаціи права. Единственная сколько нибудь серьезная попытка въ этой области — извѣстная екатерининская Комиссія съ руководящимъ памятникомъ этой эпохи — Наказомъ, въ свою очередь, не является гранью, отдѣляющей различныя, по существу, эпохи. И до него, и послѣ него наблюдаются попытки трактованія уголовно-правовыхъ темъ съ точки зрѣнія общихъ началъ, реципированныхъ у западныхъ писателей.

Только съ началомъ XIX ст. мы получаемъ возможность наблюдать рѣзкій переломъ въ области уголовно-правовыхъ воззрѣній подъ вліяніемъ вполне опредѣленнаго фактора — роста и расширенія юридической школы, идущихъ объ руку съ укорененіемъ сознанія необходимости образованія въ обществѣ¹. Начавшись при благопріятныхъ условіяхъ, научное развитіе данной эпохи далеко не

¹ Извѣстный историкъ А. Пыпинъ, говоря о характерѣ общественнаго движенія въ Россіи при Александрѣ I, хотя и признаетъ, что „въ общемъ историческомъ ходѣ русскаго образованія и общественной жизни этотъ періодъ не представляетъ никакихъ особенно замѣтныхъ измѣненій“, отмѣчаетъ въ то

дало того, чего можно было от него ждать. Волна нахлынувшей реакціи отняла скоро у высшей школы возможность ея самоопредѣленія. Стремительность обратнаго движенія, къ счастью, не проявилась еще въ полной своей силѣ. Относительная свобода школы въ первую половину царствованія Александра I обезпечила благопріятную почву для культуриврованія русскаго права въ окраинныхъ университетахъ, не лишившихся одновременно съ началомъ реакціи въ странѣ тѣхъ условій работы, которыя были отняты у центральныхъ русскихъ университетовъ.

Но не одинъ только ростъ высшей школы и политическія условія, при которыхъ ей приходилось дѣйствовать, привели къ тому, чтобы нѣсколько измѣнился ходъ научнаго развитія въ частности и въ области уголовного права. Въ началѣ XIX в. начинаютъ наиболее серьезно ставиться и попытки кодификаціи русскаго права. Работы, предшествовавшія появленію Полнаго собранія законовъ и Свода, сдѣлали не только возможными эти изданія, но и сами по себѣ подали поводъ къ научной обработкѣ нашего уголовного законодательства. Состояніе послѣдняго породило кромѣ того рядъ частныхъ попытокъ по собиранію законодательнаго матеріала, оказавшихъ вліяніе на нашу научную литературу, и посодѣйствовавшихъ косвенно и созданію Свода. Появленіе послѣдняго завершило собой трансформацію научнаго развитія эпохи и вмѣстѣ съ уставомъ университетовъ 1835 г., явившимся формальнымъ закрѣпленіемъ сложившагося строя въ высшей школѣ и актомъ, узаконившимъ его, представляется гранью, позволяющей говорить о полной ликвидаціи довольно свѣтлаго періода въ исторіи науки уголовного права въ Россіи, начавшагося въ первыхъ годахъ XIX ст.

же время, что „въ томъ движеніи понятій, которое... совершалось въ образованномъ слоѣ... этотъ періодъ представляетъ большую своеобразность характера и направленія“ и что „русское общество стало въ особу тѣсныя связи съ жизнью западно-европейской... глубоко подѣйствовало на умы и въ первый разъ сообщило имъ политическія стремленія“... А. Пыпинъ. *Общ. движ. въ Россіи при Александрѣ I*, Спб. 1908, стр. 1. Тотъ же авторъ признаетъ отличительной чертой Александровскаго періода извѣстное консолидированіе стремленій общественной мысли, *Ор. сіт.*, стр. 11.

Если выдѣленіе первыхъ трехъ десятилѣтій минувшаго вѣка въ самостоятельный циклъ представляется совершенно неизбѣжнымъ, то намъ нужно уже здѣсь охарактеризовать его по существу. Періодъ этотъ является временемъ упадка естественно-правовыхъ ученій въ области уголовного права, на почвѣ которыхъ созрѣваютъ постепенно болѣе глубокія и соприкасающіяся съ правовой дѣйствительностью философскія конструкціи. Доктрины естественнаго права все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ положительный характеръ и вымираютъ, какъ естественно-правовыя и примѣняющіяся безъ различія ко всѣмъ отраслямъ права. Созрѣваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія для обособленія уголовно-правовой теоріи изъ общей теоретической системы юриспруденціи. Первые три десятилѣтія XIX в. должны быть въ то же время отмѣчены въ исторіи нашей науки уголовного права, какъ эпоха развитія популярной юриспруденціи, подготовившей почву для догматизаціи права и облегчившей работы по составленію Полнаго собранія законовъ и отчасти Свода ¹. Переходъ естественно-правовыхъ ученій въ общую теорію уголовного права и развитіе юридическихъ знаній практическаго характера дѣлаютъ впервые возможнымъ сближеніе ихъ, взаимное сплетеніе и восполненіе. Въ этомъ періодѣ возникаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такіе труды по уголовному праву, которые носятъ слѣды научной догмы и не ограничиваются, какъ это было въ прошлую эпоху, одной постановкой задачи, но даютъ наряду съ зерномъ и корнемъ догмы и живые ростки—самостоятельныя научныя руководства по положительному уголовному праву.

На ходъ развитія науки, подвигающейся по своему пути про-

¹ Эта мысль развита уже въ эпоху непосредственно слѣдующую за появленіемъ Свода законовъ, виднымъ юристомъ начала XIX ст. проф. Г. Гордѣнковымъ. Въ своемъ трудѣ „Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе въ Россіи въ настоящее время?“ Харьк. 1838, стр. 13 и сл. онъ писалъ: „... составляемые и издаваемые вмѣстѣ при собраніяхъ законовъ

алфавитные регистры онымъ, въ конхъ собиратели старались разобрать узаконенія по матеріямъ... въ позднѣйшихъ собраніяхъ доведенные до значительнаго совершенства, были всегда важнымъ пособіемъ къ пріисканію и обзорѣнію многоразличныхъ узаконеній..., и они то, пополненные и усовершенные II отд. Канц. Е. В., послужили основаніемъ при составленіи Свода законовъ“.

цессомъ медленнаго роста научной литературы, преподаванія и усовершенствованіемъ законодательнаго творчества, оказываютъ могучее вліяніе общественныя и политическія условія. Если послѣднія нельзя отождествлять съ тѣмъ отношеніемъ къ наукѣ, съ которымъ выступаетъ къ ней политическій режимъ страны, то все же область, отмежевываемая наукѣ, въ особенности въ юриспруденціи, представителями политической власти, не можетъ не играть выдающейся роли.

Мы видѣли уже какое значеніе для зарожденія научной юриспруденціи имѣлъ политическій режимъ эпохи преобразования Петра В. Юриспруденція получила особую окраску подъ вліяніемъ того, что въ насажденіи ея видѣли одно изъ средствъ къ преобразованію на иностранный ладъ русскихъ порядковъ. Какія либо иныя цѣли оставались въ сторонѣ¹. Съ другой стороны, въ вѣкъ Екатерины II на образованіе вообще и юридическое въ частности начинаютъ смотрѣть, какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, ведущихъ къ общественному благоденствію. Самымъ знаніямъ придается, однако, второстепенное значеніе. Люди этого вѣка вѣрятъ въ морализующую силу науки, но если не игнорируютъ вполне, то относятся легко къ ея содержанію. Въ томъ культурномъ кружкѣ, въ которомъ вращалась Екатерина II, считаютъ вполне возможнымъ созданіе новаго уложенія безъ содѣйствія юристовъ, своихъ или иностранныхъ. Это направленіе питается недоувѣріемъ къ первымъ, какъ неспособнымъ къ пониманію теоретической юриспруденціи, отождествляемой съ юридическими познаніями вообще, и такимъ же недоувѣріемъ къ иностраннымъ юристамъ, какъ незнающимъ мѣстныхъ русскихъ условій и кромѣ того нежелательнымъ по другимъ соображеніямъ. Существуетъ опасеніе какъ бы подъ видомъ знаній не проникли въ Россію тѣ идеи, которыя вызвали извѣстныя событія во Франціи. Передѣлка соотвѣтственныхъ мѣстъ въ Наказѣ, изъ числа заимствованныхъ у Монтескье и Беккаріи, служитъ хорошей иллю-

¹ Ср. Н. Аристовъ, Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I, Изв. ист.-филолог. института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. III, 1879, стр. 58.

страціей этихъ опасеній. Еще болѣе губительными для развитія знаній становятся общія условія жизни при Павлѣ I. Изъ стремленія предупредить распространеніе революціонныхъ идей, при немъ принимають строгія мѣры для прегражденія пути распространенію знаній. Крайнее стѣсненіе вѣзда въ Россію ¹, ввоза иностранныхъ сочиненій на какомъ бы то ни было языкѣ и даже музыкальныхъ нотъ ², стѣсненіе книжной торговли ³, не могло не играть роли тормазы для успѣшнаго развитія науки. Жестокое гоненіе на всякое знаніе, воздвигнутое Павломъ I, достигнувъ крайняго напряженія, заставляеть вершителей судебъ Россіи остановиться на этомъ пути. При Александрѣ I начинаеть реально сознаваться потребность страны въ расширеніи знаній въ качествѣ неотложной очередной мѣры. Первымъ шагомъ на этомъ пути выступаетъ отмѣна ограниченій, установленныхъ при Павлѣ I. За этими мѣрами послѣдовалъ рядъ начинаній другого характера, обращенныхъ на расширеніе научной школы. Созданіе цѣлаго ряда очаговъ высшаго юридическаго образованія въ центрѣ и на окраинахъ съ организаціей, способной обезпечить имъ успѣхъ въ предстоящей дѣятельности, предпринятое при Александрѣ I, всегда будетъ служить памятникомъ того перелома въ настроеніи правительственныхъ сферъ, который оказалъ спасительное дѣйствіе на развитіе у насъ науки ⁴.

Дѣйствіе этой мѣры было тѣмъ плодотворнѣе, что и общество, и тѣсный кругъ профессиональныхъ юристовъ чувствовали всю своевременность предпринятыхъ шаговъ. Это сознаніе было куплено дорогой цѣной полной неурядицы въ сферѣ отправленія правосудія, наблюдавшейся въ результатѣ отсутствія правильной постановки юридическаго образованія, бѣдности научно-юридической литературы и невозможнаго состоянія законодательства. Когда въ своемъ

¹ Ср., напр., П. С. З. № 19042, 20 іюля 1799 г. О увѣдомленіи пограничныхъ начальниковъ при выдачѣ паспортовъ для вѣзда въ Россію черезъ которыя мѣста получившіе таковыя паспорта проѣзжать могутъ.

² Н. Аристовъ, *Op. cit.*, стр. 61.

³ Ср., напр., П. С. З. № 19681, 10 дек. 1800 г. О запрещеніи продавать печатные календари кромѣ издаваемыхъ Академіей наукъ.

⁴ Ср. А. Пыпинъ, *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I*, Спб. 1908, стр. 106 и слѣд.

рескриптъ графу Завадовскому, поставленному во главѣ управленія Комиссіей составленія законовъ ¹, Александръ I указывалъ на «всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, обле- жащій равно судью и подсудимаго», то онъ подчеркивалъ только одну сторону того юридическаго невѣжества, которое царило почти не- раздѣльно въ странѣ. Темнота массъ и судей были только наиболее видными послѣдствіями порядка, при которомъ не существовало разви- той науки права, не было возможности разобраться въ постановле- ніяхъ дѣйствующихъ и отмѣненныхъ. Изученіе русской уголовно- судебной практики конца XVIII в. обнаруживаетъ на каждомъ шагу всю ту путаницу понятій, которая наблюдалась въ этой сферѣ. Предпринимавшіяся до этого времени попытки кодифика- ціи были настолько несовершенны, что по цѣлому ряду вопро- совъ нельзя было найти точнаго отвѣта въ законѣ. При отсут- ствіи общихъ руководящихъ началъ, которыя хотя бы нѣсколько напоминали общую часть современныхъ кодексовъ, масса самыхъ насущныхъ вопросовъ, возникающихъ на практикѣ, оставалась безъ законодательнаго опредѣленія ². Но недостатки эти ощуща- лись еще болѣе чувствительно потому, что при отсутствіи надлежащей науки права не было выработанныхъ началъ по такимъ элементар- нымъ вопросамъ, какъ правила о дѣйствіи закона во времени, и всѣ разнорѣчивыя постановленія закона, изданныя по самымъ разно- образнымъ поводамъ и въ разное время, признавались одинаково дѣйствующими ³. Представители русской юридической науки того времени полагали центръ тяжести, какъ мы видѣли это въ своемъ мѣстѣ, не въ выясненіи права дѣйствующаго, а идеаль- наго, почерпаемаго притомъ зачастую не изъ присущихъ законо- дательству того времени особенностей, но изъ отвлеченныхъ теоретическихъ воззрѣній. Если даже исходить изъ того, что

¹ П. С. З. № 19904, 5 іюня 1801 г. | скаго уголовного права XVIII в. въ
О управленіи Ком. сост. зак. | Журн. гражд. и уг. права, 1885, кн.

² Ср. прекрасное освѣщеніе этой сто- | 10, дек., стр. 4 и сл.
роны русской уголовной практики въ | ³ М. Липинскій, *Op. cit.*, стр. 12.
трудѣ М. Липинскаго, Къ исторіи рус-

законодательство всякаго народа имѣеть общечеловѣческія черты и что, слѣдовательно начала, излагавшіяся теоретиками XVIII в., не были совершенно бесполезны, то все же не сдѣлано было надлежащихъ попытокъ приспособить ихъ къ русскому законодательству и внести въ нихъ поправки, неизбѣжныя для ихъ практической пригодности. Нужно не забывать притомъ, что и такія отвлеченныя юридическія познанія были достояніемъ чрезвычайно тѣснаго круга лицъ. Лекціи въ Академическомъ университетѣ слушали единицы. То же съ нѣкоторыми незначительными поправками справедливо и относительно Московскаго университета. Такимъ образомъ, заимствованная изъ Европы наука, преподававшаяся на чужомъ языкѣ и иностранцами, не знавшими мѣстнаго права, не была поставлена въ благопріятныя условія и не имѣла никакой связи съ практической жизнью.

Правительство не могло не откликнуться на потребность юридическаго образованія, сознававшуюся вполнѣ реально, и начало царствованія Александра I отмѣчено, какъ мы уже замѣтили, небывалымъ до этого времени ростомъ высшихъ юридическихъ школъ. Имъ являлись университеты ¹ и спеціальныя училища ², или возникающіе впервые при Александрѣ I, или получающіе новые уставы, отводящіе широкое поле юридическимъ дисциплинамъ.

¹ 5 ноября 1804 г. учреждаются университеты Харьковскій (П. С. З. № 21499) и Казанскій университеты (П. С. З. № 21500) и преобразуется Московскій (П. С. З. № 21498). Ср. Выс. утв. докладъ Главн. училищъ правленія 5 ноября 1804 г., П. С. З. № 21497 объ уставахъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ. О кае. русскаго права, именуемой судопроизводственной, ср. Выс. утв. уст. И. М. У. П. С. З. № 21498, § 24; Выс. утв. уст. И. Х. У., П. С. З. № 21499, § 22; Выс. утв. уст. И. К. У., П. С. З. № 21500, § 22.—8 февр. 1819 г. учреждается университетъ Петербургскій, П. С. З. № 27675.

² 28 генв. 1805 г. утверждается уставъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища въ Ярославль, П. С. З. № 21606 съ кафедрой „права естественнаго и народнаго“ (§ 4). Въ 1804 г. учреждается при Комиссіи составленія законовъ Высшее училище правовѣдѣнія, занятія въ которомъ продолжаются до 1809 г. и упраздненіе коего состоялось 29 февр. 1816 г., П. С. З. № 26170, Высоч. утв. докладъ Главноуправ. Комиссіи составленія законовъ объ упраздненіи Вышняго училища правовѣдѣнія. Нѣсколько позднее возникаетъ Царскосельскій лицей, П. С. З. № 24325, 12 авг. 1810 г. Выс. утв. постан. о Лицеѣ, §§ 49, 70 и № 24328,

Серьезнымъ факторомъ развитія научной обработки русскаго уголовного права явилось, какъ это ни странно на первый взглядъ, созданіе кафедръ русскаго права въ окраинныхъ университетахъ, отчасти возникающихъ въ самомъ началѣ XIX ст., отчасти преобразованныхъ изъ прежде существовавшихъ уже учреждений.

Въ самомъ фактѣ сохраненія старыхъ разсадниковъ просвѣщенія и созданія благопріятныхъ условій для ихъ научной дѣятельности сказалась уже черта благопріятная для культивированія знанія. И это отношеніе было въ полной мѣрѣ проявлено Александромъ I по отношенію къ университетамъ Виленскому¹ и Дерптскому.

19 авг. 1810 г. о приведеніи въ дѣйствіе Выс. утв. постанов. о Лицеѣ. Здѣсь имѣется въ виду преподаваніе права, „начиная съ самыхъ простыхъ понятій“, и предполагается изъясненіе „права публичнаго, права частнаго и особенно права Россійскаго“. Въ 1819 году преобразовывается Главный педагогическій институтъ въ духъ введенія въ немъ усиленнаго преподаванія юридическихъ наукъ, П. С. З. № 26573, 23 дек. 1816 г., Выс. утв. новое образованіе Главн. педагогич. инст., и въ частности преподаваніе уголовного права (§ 39). Въ 1817 году появляется Ришельевскій лицей въ Одессѣ, П. С. З. № 26827, 2 мая 1817, ср. также Период. соч. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 44, 1819, стр. 38—116 и 87 и сл.

¹ Высшая школа въ Вильнѣ возникаетъ еще въ XVI в. (7 іюля 1578 г.) по привиллегіи польскаго короля Стефана Баторія и на основаніи буллы папы Григорія XIII отъ 29 окт. 1579 г. Въ 1781 г. извѣстная Эдукаціонная комиссія обратила на него свое вниманіе, выработала для него новый уставъ—*Ustavy komissyi edu-*

kasji obozga narodow dla stanu akademickiego i na szkoly w krajach R. P. P. przepisane. Ср. О Виленскомъ университетѣ, Улей, 1811, ч. II, стр. 197 и сл. Въ своей исторіи, предшествовавшей концу XVIII в., Виленскій разсадникъ высшаго просвѣщенія развился подъ вліяніемъ привилегій польскихъ королей, былъ нерусскимъ учрежденіемъ и извѣстенъ подъ именемъ Виленской академіи, а затѣмъ Главной школы великаго княжества литовскаго. 6 февр. 1797 г. въ рескриптѣ управляющему литовской губерніей князю Н. В. Репнину она названа университетомъ, а „въ 1797 г. 17 маія... Имп. Павелъ I, удостоивъ сей университетъ своимъ посѣщеніемъ, повелѣлъ оставить его на такомъ положеніи“, *ibid.*, стр. 195. Управляясь въ концѣ XVIII в. на основаніи устава, выработаннаго Эдукаціонной комиссіей, Виленскій университетъ наряду съ факультетами физическимъ и медицинскимъ располагалъ отдѣленіемъ „моральнымъ“ или „нравственныхъ наукъ“, на которомъ преподавались „право естественное, народное, гражданское и церковное“, *ibid.*, стр. 195 и слѣд.

4 апр. 1803 г. Виленскій университетъ подвергается реформѣ. На основаніи обнародованнаго Акта утвержденія для имп. унив. въ Вильнѣ признается за нимъ право «сдѣлать частныя и подробнѣйшія постановленія касательно разныхъ предметовъ внутренняго его устройства»¹ и заявляется, что въ немъ «будутъ преподаваемы всѣ науки, изящныя искусства и свободныя художества»². Самый Уставъ Виленскаго университета, утвержденный 18 мая 1803 г. широко поощряетъ въ немъ преподаваніе юридическихъ наукъ. Наряду съ кафедрой «правъ: естественнаго, политическаго и народнаго» въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ учреждаются кафедры «правъ: гражданскаго и уголовнаго знатнѣйшихъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ» и «правъ: гражданскаго и уголовнаго въ Россійской имперіи и въ преждебывшихъ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи»³.

Въ первую четверть XIX ст. мы наблюдаемъ учрежденіе кафедры русскаго права и въ Дерптскомъ университетѣ, оказавшейся чрезвычайно плодотворной для развитія науки русскаго права. Кафедра «теоретическаго и практическаго русскаго правовѣдѣнія»⁴, существовавшая независимо отъ предусмотрѣнной Уставомъ Дерптскаго университета отъ 12 сент. 1803 г. кафедры «римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части»⁵,

¹ Ср. текстъ Акта въ Періодич. сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 1, Спб. 1803, стр. 35 и сл. п. 3, стр. 37.

² П. 4, стр. 38.

³ Уставъ Вил. унив., напеч. въ Періодич. соч., № 2, Спб. 1803, гл. II и III, стр. 121. П. С. З. № 20101, 18 мая 1803 г.

⁴ Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за столѣтъ его существованія (1802—1902), Историч. очеркъ Е. В. Пѣтухова, Юрьевъ, 1902, стр. 403. Историческія свѣдѣнія о Дерптскомъ университетѣ, касающіяся пре-

имущественно внѣшней его исторіи см. въ трудѣ М. Хотинскаго „Очеркъ исторіи имп. Дерптскаго университета со времени основанія его въ 1802 г., Ж. М. Н. Просв. 1853, ч. 77, отд. 3, стр. 35—48 и ч. 79, отд. 3, стр. 13—28. Свѣдѣнія, даваемыя М. Хотинскимъ, заимствованы имъ изъ книги Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens, 1852. Ср. стр. 40 и сл., а равно 20 и сл.

⁵ Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 4, Спб. 1804, стр. 415, § 84.

была занята такими выдающимися учеными как П. Нейманъ, а въ болѣе позднюю эпоху Александромъ фонъ-Рейцемъ (1825—1840) и Эв. Тобиномъ (1844—1860). Они, можно безъ преувеличенія сказать, поставили впервые на научную почву исторію русскаго уголовного права.

Косвенно отразилась на научной разработкѣ русскаго права и реформа при Александрѣ I Варшавскаго университета ¹, труды представителей котораго, какъ, напр., В. Мацѣевскаго, оказали несомнѣнное вліяніе на разработку исторіи русскаго права ².

Созданіе большаго числа юридическихъ школъ естественно повело къ оживленію науки и въ частности къ развитію уголовно-правовыхъ знаній. Главными рассадниками юридического образованія предназначались служить университеты. но и спеціальныя школы несли полезную работу. Въ то время, какъ въ университетахъ Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ мы замѣчаемъ каедры «правъ гражданскаго и уголовного судопроизводства въ Россійской имперіи», существующія рядомъ съ каедами «правъ естественнаго (политическаго и народнаго)» и «правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ» ³, въ спеціальныхъ

¹ Существовавшую съ 1808 г. въ Варшавѣ юридическую школу по образцу французскихъ факультетовъ Александръ I преобразовалъ 7/19 ноября 1816 года въ университетъ. Юридическій факультетъ его былъ раздѣленъ на чисто юридическое и камеральное отдѣленія. Ср. по этому вопросу Fr. G. v. Bunge, Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literatur des russischen Rechts und der Rechtswissenschaft in Russland überhaupt, напеч. въ Kritische Zeitsch. für Rechtswiss. und Gesetzgeb. des Auslandes, II B. Heid. 1830, s. 448 и сл., а также W. A. Maciejowski, Ueber das juridische Studium in Polen in F. C. K. Schunsk's Jahr-

bücher der juristischen Literatur, V. VIII, Erl. 1828, 8, S. 343—354.

² Изъ окраинныхъ университетовъ наименьшее вліяніе на подъемъ юридическихъ знаній въ Россіи оказалъ университетъ Гельсингфорскій, преобразованный 10/22 февр. 1811 г. Александромъ I, въ которомъ, повидимому, никогда не разрабатывалось русское право. Ср. данныя объ университетѣ въ Або, основанномъ въ 1640 году, и расширеніи въ немъ преподаванія юридическихъ наукъ послѣ 1811 года у F. Bunge, Op. cit., S. 448.

³ Ср. Уставъ 5 ноября 1804 г., напечат. въ Період соч. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 10, Спб. 1805, § 22, стр. 231 и 345.

училищахъ, какъ напр., въ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ², въ Ришельевскомъ лицѣѣ, мы замѣчаемъ кафедры «права естественнаго и народнаго»; въ Царскосельскомъ лицѣѣ преподаются права: естественное, публичное, гражданское; въ Главномъ педагогическомъ институтѣ—права положительные: уголовное, римское, російское, и порядокъ російскаго судопроизводства.

Поскольку можетъ быть рѣчь о единствѣ плана въ распредѣленіи преподаванія, легко обнаружить, что въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподается, главнымъ образомъ, естественное право, какъ общая теоретическая дисциплина. Но въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя должны были давать спеціально юридическое образованіе, уголовное право вмѣстѣ съ гражданскимъ выдѣляется въ самостоятельный предметъ, причемъ самыя кафедры носятъ названіе судопроизводственныхъ. Исключеніе представляетъ только Главный педагогическій институтъ, гдѣ отдѣляется право матеріальное отъ процессуальнаго и *in expressis verbis* преподается русское уголовное право.

Это явленіе приходится объяснять, съ одной стороны, тѣмъ, что къ вопросамъ матеріальнаго права по старинной привычкѣ подходили со стороны судопроизводственной, но, весьма вѣроятно, что оно находитъ свою причину и въ другихъ вліяніяхъ.

Мы считаемъ не невозможнымъ видѣть здѣсь воздѣйствіе той схемы распредѣленія юридическихъ наукъ, которая была болѣе или менѣе принята около этого времени на западѣ и покоится въ сущности на переработкѣ схемы Лейбница, данной Томазіемъ.

Дѣятельность высшей юридической школы времени Александра I, которую нужно признать, по достигнутымъ ею результатамъ, стоящей на высокой степени развитія, обладала рядомъ особенностей, въ которыхъ отчасти и надо искать объясненія плодотворности ея вліянія на развитіе юридическихъ дисциплинъ у насъ. Мы не можемъ въ то же время разсматривать эти особенности безъ связи ихъ съ общественными условіями, выразивши-

² Периодич. сочин. о успѣхахъ народн. | просвѣщенія, № 12, стр. 459, § 4 Устава.

мися въ стремленіи общества къ знанію, — въ жаждѣ образованія, въ частности юридическаго.

Успѣшность дѣятельности русскихъ университетовъ, центральныхъ и окраинныхъ, въ Александровскую эпоху, въ смыслѣ оживленія научной литературы и поднятія уровня преподаванія, объясняется, на нашъ взглядъ, отчасти тѣми началами, которыя были положены въ ихъ основаніе. Когда въ началѣ XIX ст. въ Россіи ищутъ образцовъ для имѣющихъ быть созданными высшихъ школъ, то заинтересовываются типомъ протестантскихъ университетовъ Германіи съ ихъ свободой преподаванія и ученія. Роль посредника, уяснившего лицамъ, стоявшимъ во главѣ просвѣтительныхъ начинаній въ Россіи, все значеніе самоуправленія, какъ могучаго фактора научнаго успѣха, былъ извѣстный проф. Мейнерсъ — историкъ германскихъ и европейскихъ университетовъ. Акад. М. Сухомлиновъ совершенно справедливо усматриваетъ связь, существующую между трудами Мейнерса и первоначальнымъ устройствомъ русскихъ университетовъ ¹.

Но если есть основаніе утверждать, что для нашего научнаго развитія принципы, положенные въ основаніе организаціи русскихъ университетовъ начала XIX ст., были весьма плодотворны, то не долго быль, сравнительно, періодъ времени, на который они удержались. Очепь скоро эти начала должны были уступить мѣсто другимъ принципамъ, другимъ построеніямъ и другимъ мѣропріятіямъ.

Политическія событія, имѣвшія мѣсто въ началѣ XIX в. въ Европѣ вообще и отчасти въ Россіи, привели, можетъ быть совершенно неожиданно, къ извѣстнаго рода мистической реакціи. Потрясеніе Европы, перенесенное сю въ вѣкъ Наполеона I, подор-

¹ Акад. М. Сухомлиновъ пишетъ: „нельзя не отмѣтить связи между трудомъ Мейнерса и первоначальнымъ устройствомъ русскихъ университетовъ ... отъ свободы преподаванія до положенія попечителей, которыя, по мнѣнію Мейнерса, должны быть желанными гостями, но не постоянными и докучными жильцами университетовъ, и до студентовъ, которыхъ университетъ не можетъ считать совершенно посторонними для себя лицами, но и не долженъ держать взаперти и водить на помочахъ“. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. 1, Спб., 1889, стр. 46.

вало вѣру въ прочность существующаго порядка, убѣжденіе въ надежности положительнаго знанія и подготовило почву для мистицизма, для туманныхъ стремленій въ область сверхъестественнаго міра, къ вытѣсненію знанія—вѣрой. Этотъ переломъ въ настроеніи, объясняющій отчасти явленія, связанныя съ актомъ Священнаго союза, сказался не менѣе рѣзко не только на западѣ, но и въ Россіи, и отразился на направленіи политики народнаго просвѣщенія ¹.

Все крѣпнувшая реакція ², проявившаяся во вторую половину царствованія Александра I во многихъ областяхъ, начала искать новыхъ образцовъ для реформы университетовъ и не могла ихъ не найти въ тѣхъ учрежденіяхъ западной Европы, которыя проникнуты были недоувѣріемъ къ научному знанію, придавали преувеличенное значеніе религіозному образованію и воспитанію въ своихъ питомцахъ нравственно-религіозныхъ настроеній во что бы то ни стало, не смущаясь даже тѣмъ, если послѣднія покупались цѣной лицемернаго исповѣдыванія воспитываемыми опредѣленныхъ взглядовъ и соотвѣтственнымъ внѣшнимъ поведеніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ настроеніяхъ и стремленіяхъ пришлось отказаться отъ типа протестантскихъ университетовъ, подвергнуть его рѣзкому осужденію и избрать для подражанія католическія учебныя заведенія и клерикальную систему воспитанія, свившую себѣ прочное гнѣздо во Франціи и Австріи.

Такія попытки, доведенныя до крайности, нашли себѣ послушный органъ для ихъ перенесенія въ жизнь университетовъ въ лицѣ Главнаго правленія училищъ, осуществлявшаго свою программу, не обращая вниманія ни на упадокъ искренняго религіознаго и нравственнаго чувства, ни на научный застой и рабство, къ которымъ она неминуемо приводила. Главное правле-

¹ Ср. интересную характеристику этого кризиса міропониманія въ Европѣ и Россіи и его вліяніе на судьбы русскаго просвѣщенія у акад. М. Сухомлинова, Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. 1,

Спб. 1889, стр. 160 и слѣд.

² Ср. по этому вопросу А. Пыпянь, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, Спб. 1908, стр. 345 и сл.

ніе училищъ не остановилось на этомъ пути и передъ тѣми средствами, которыя вели непосредственно къ осуществленію его стремленій. Оно начало черезъ посвященныхъ въ его цѣли людей устранять массами преподавателей, стоявшихъ на стражѣ свободного научнаго знанія, пополнять университеты послушными креатурами, объявлявшими себя благонамѣренными и сочувствующими задачамъ Главнаго правленія училищъ. Эти попытки, нашедшія своихъ наиболѣе послѣдовательныхъ исполнителей, а отчасти и вдохновителей, въ лицѣ М. Магницкаго и Д. Рунича оказались гибельными для научнаго духа русскихъ университетовъ. Осуществленіе программы Главнаго правленія училищъ, въ которомъ получали рѣшеніе всѣ существенные вопросы по народному образованію, требовало централизаціи надзора за преподаваніемъ и, подвергая его постоянному контролю, отнимало у него свойственную живому организму эластичность и подвижность. Регламентируя методъ преподаванія, самыя начала преподаваемыхъ наукъ, устраняя науки подозрительныя въ отношеніи искушенія для преподавателя выйти изъ опредѣленнаго круга идей, снабжая университеты безконечными инструкціями, Главное правленіе училищъ методически разрушало почву для начавшаго укореняться въ Россіи прогресса научныхъ знаній. Связанная съ такой политикой народнаго просвѣщенія система строгаго наблюденія за тожествомъ преподаваемаго и изображаемаго въ отчетахъ поощряла систему доноса на преподавателей и дѣлала невозможнымъ пребываніе въ университетахъ для сколько нибудь независимыхъ людей, высоко ставившихъ результаты научнаго знанія и не желавшихъ ими поступаться изъ какихъ бы то ни было видовъ. Жертвами такого режима сталъ рядъ выдающихся преподавателей, которые при тогдашнихъ условіяхъ были совершенно незамѣнимы. Достаточно назвать въ этомъ мѣстѣ имена А. Куницына, Г. Солнцева, М. Плисова, чтобы понять какихъ силъ лишала русскую юриспруденцію политика Главнаго правленія училищъ¹.

¹ Ср. рядъ интересныхъ данныхъ о | ненію преподавателей и преобразованію
дѣятельности М. Магницкаго по устра- | преподаванія естественнаго права въ

Стремленіе упорядочить науку, характеризующее дѣятельность Главнаго правленія училищъ, сыграло вдобавокъ въ исторіи русской юриспруденціи своеобразную роль фактора, устранившаго философскую обработку юридическихъ понятій и ускорившаго упадокъ естественно-правовыхъ ученій.

Какъ доктрина, гдѣ почти всегда приходилось имѣть дѣло съ извѣстными идеальными построеніями и противопоставленіемъ ихъ печальной дѣйствительности, естественное право навлекло на себя гоненіе Главнаго правленія училищъ, не давшее ему возможности органическимъ путемъ стать на положительную почву и перейти въ здоровый историзмъ, сопровождающійся комбинированіемъ началъ идеальнаго и реальнаго.

Гоненіе на естественное право выразилось, между прочимъ, въ запрещеніи цѣлаго ряда книгъ, посвященныхъ этому предмету. Осужденію подверглись «Логическія наставленія» П. Лодія, запрещено было «Естественное право» А. Кунцины, «Всеобщая мораль», трактовавшая объ обязанностяхъ человѣка, основанныхъ на его природѣ, и даже книга Пуфендорфа «О должностяхъ гражданина и человѣка», введенная въ научный обиходъ Россіи ¹ времени Петра В. Но одними запрещеніями дѣло не обходилось. Нѣкоторое время Главное правленіе училищъ делѣяло мысль о созданіи нормальнаго учебника естественнаго права, причемъ, одна часть его

Казанскомъ университетѣ въ статьѣ Н. Попова, Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 г., Русск. вѣстн., 1859, т. 23, стр. 52—98. Въ одномъ изъ своихъ обращеній къ профессорамъ Казанскаго университета послѣ устраненія большинства преподавателей М. Магницкій писалъ: „каждый изъ васъ замѣнилъ съ избыткомъ выбывшихъ преподавателей, комитеты и даже цѣлые факультеты. Разсматривая дѣла ваши, преподаванія и экзамены, я забылъ число ваше.... Взоры имперіи, а можетъ

быть и вниманіе Европы устремлены на васъ“, Ор. cit., стр. 86. Взглядъ М. Магницкаго на преподаваніе естественнаго права изложенъ, между прочимъ, въ его Мнѣніи о наукѣ естественнаго права, Чт. въ Моск. общ. пет. и др. росс. 1861, 4, стр. 157 и сл. Ср. также Θεоктистовъ, Магницкій, Русск. вѣстн., 1864, т. 52, стр. 14 и сл. и Г. Фельдштейнъ, Гав. Ил. Солнцевъ въ пред. къ Росс. уг. праву Г. Солнцева, Яр. 1907, стр. XIX и сл.

¹ Ср. по этому вопросу М. Сухомлиновъ, Ор. cit., стр. 202.

должна была быть «обличительной», а другая «изложительной»¹. Кроме того, экзамены по естественному праву подлежали строгому контролю². Неудача этих попыток, доходящих до 1835 года, окончилась решительным запрещением преподавания естественного права вообще³.

Возникнув в переходный момент царствования Александра I, реакция нашла вполне благоприятную почву и распространилась далеко за пределы этого царствования. В периодъ

¹ М. Сухомлиновъ, *Op. cit.*, стр. 214 и сл. Ср. тамъ же о проектѣ курса естественнаго права графа Лавалля. Къ этому курсу очень близко подходило то, что читалось, напр., въ эту пору въ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ Герасимомъ Покровскимъ. Въ духѣ программы Главнаго правленія училищъ былъ составленъ курсъ естественнаго права казанскаго профессора Г. Городчанинова, *Изложеніе естественнаго права въ обличительномъ смыслѣ, по вопросамъ и отвѣтамъ*, Каз. 1823.

Во что превратилось преподаваніе естественнаго права въ Казанскомъ университетѣ въ результатъ дѣятельности М. Магвицкаго, можно судить изъ рѣчи послѣдняго, сказанной 15 сент. 1825 г., въ которой онъ съ гордостью отмѣчалъ, что „воспитанники... твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ“... Н. Поповъ, *Общество любителей отеч. слов. и періодич. литерат. въ Казани съ 1805 по 1834 г.*, *Русск. вѣстн.* 1854, т. 23, стр. 90.

² Ср. *Описаніе экзамена по естественному праву въ 1821 году въ попечительство Д. П. Рунича въ Запискѣ проф. М. Плисова*, Прил. къ цит. выше труду акад. М. Сухомлинова, стр. 337—345.

³ 23 апрѣля 1833 года появляется по этому вопросу особое Высоч. повелѣніе. Въ немъ санкціонуется мнѣніе, что преподаваніе естественнаго права „едва ли даже возможно, доколѣ наши университеты не будутъ снабжены отъ Правительства особымъ на сей конецъ руководствомъ“ и предлагается „для начертанія руководства по части естественнаго права, съ общимъ обзорѣніемъ энциклопедіи и литературы юридическихъ наукъ, составить особый комитетъ изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ г. Статсъ-секретаря Балугьянскаго“. Составленіе такого руководства было возложено на профессоровъ Главнаго педагогическаго института Бессера, Фишера и Штекгардта. Одновременно „озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ преподаваніе сего предмета... не могло вкрадываться что либо несоотвѣтственное существующему въ Государствѣ порядку вещей, Управляющій Министерствомъ предписалъ попечителямъ учебныхъ округовъ... приостановить преподаваніе естественнаго права впредь до изданія надлежащаго по сей части руководства“. Комитетъ для составленія такого руководства былъ упраздненъ только 8 октября 1835 г. на томъ основаніи, что по силѣ устава университетовъ 26 іюля 1835 г. уничтожена вообще кафедра естественнаго права. Ср. *Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв.*, т. 2, отд. I, стр. 369.

времени, предшествующій появленію Свода, послѣ котораго реакція консолидируется въ опредѣленный режимъ, въ высшей школѣ чувствуется то же давленіе, и представителямъ науки этой эпохи приходится работать при тяжкихъ условіяхъ.

II.

Главные теченія въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовного законодательства.

А. Комиссія составленія законовъ и связанная съ ней догматическія работы. — В. Популярно-юридическіе труды и ихъ роль въ литературѣ и академическомъ преподаваніи. — С. Научно-догматическая разработка русскаго положительнаго уголовного законодательства. — D. Опыты историко догматическаго изслѣдованія въ русской уголовной юриспруденціи.

А. Комиссія составленія законовъ и связанная съ ней догматическія работы.

Основанія уголовного права.—Проектъ уголовного уложенія 1813 г.—Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze проф. Л. Г. Якоба.

Первое тридцатилѣтіе XIX в. выгодно отмѣчается отъ предыдущей эпохи богатствомъ попытокъ разработки положительнаго уголовного законодательства. Русскіе криминалисты этого времени подходят къ разрѣшенію очередной задачи самыми разнообразными путями. Значительную лепту въ это дѣло вносятъ труды, связанные съ кодификаціонными работами, усилія и представителей академической науки и практическихъ юристовъ. Труды послѣднихъ, выразившіеся въ развитіи популярно-юридической литературы, играютъ въ общемъ довольно значительную роль. Намъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ остановиться подробно на каждомъ изъ этихъ теченій со всѣми ихъ развѣтвленіями.

Подготовка матеріала уголовного законодательства для цѣлей кодификаціи далеко не бѣдна въ этотъ періодъ разнаго рода попытками научнаго характера. На почвѣ ихъ выросъ не только рядъ редакцій Проекта уголовного уложенія, но и нѣкоторое ко-

личество трудовъ по уголовному праву догматическаго характера, вродѣ работы проф. Л. Г. Якоба, съ которой мы ознакомимся ниже. Къ трудамъ Комиссіи составленія законовъ примыкаетъ самымъ тѣснымъ образомъ и весьма цѣнная попытка изложенія дѣйствующаго уголовного права, сдѣланная О. Гореглядомъ. Последняя работа, использовавшая отчасти теоретическія конструкціи Наказа, послужила непосредственнымъ началомъ научно-догматическихъ трудовъ по русскому уголовному праву, сдѣлавши возможнымъ появленіе труда Г. Солнцева. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что самая исторія кодификаціи уголовныхъ законовъ въ Комиссіи составленія законовъ только слегка затронута въ нашей литературѣ и ждетъ еще своихъ изслѣдователей ¹.

¹ Въ общемъ количество трудовъ, изданныхъ Комиссіей составленія законовъ, весьма значительно. Ср. Труды Комиссіи составленія законовъ, т. 1, 2-е изд. Сиб. 1822, гдѣ въ „Обзрѣніи“ упоминается о томъ „Свода существующихъ законовъ о уголовномъ правѣ“, и 3-мъ томъ Трудовъ, содержащемъ въ себѣ Проектъ уголовного уложенія законовъ, Сиб. 1813.

Комиссія составленія законовъ издавала, кромѣ того, начиная съ 1801 года въ теченіи 20 лѣтъ „Журналь законодательства“, который былъ въ сущности сборникомъ законодательныхъ постановленій, съ хронологическими и азбучными къ нимъ реэстрами.

Главная масса трудовъ, изданныхъ Комиссіей относится, однако, болѣе къ гражданскому праву.

Въ періодъ съ 1801 по 1821 г., по словамъ проф. А. Коровецкаго, Историч. обзор. рос. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, вышло 25 книгъ Систематическаго свода существующихъ законовъ и въ томъ числѣ по уголовному праву „одна только, объемлющая преступле-

нія противъ вѣры и государственныя“, стр. 101. Ср. также Г. Гордѣнковъ: „Въ чемъ должно состоять учное уголовное законовѣдѣніе въ Россіи въ настоящее время“, Харьк. 1838, стр. 9 и сл., гдѣ онъ пишетъ: „существовавшая при Госуд. сов. Комиссіи составленія законовъ, по требованію онаго, начавъ въ 1815 г. Систематическій сводъ существующихъ законовъ, издала 15 частей или тетрадей по гражданскому праву, и одну часть, въ 1821 г. по уголовному праву, „О государственныхъ и общественныхъ преступленіяхъ“, — заключающую въ себѣ правильный сводъ изданныхъ до того года узаконеній только о наказаніяхъ за преступленія противъ св. православныя вѣры и противъ первыхъ двухъ пунктовъ, съ помѣщеніемъ въ концѣ подлинныхъ узаконеній. Къ сожалѣнію полезный трудъ Комиссіи на семъ и остановился“. О трудахъ Комиссіи составленія законовъ по уголовному праву сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и П. Майковъ, О сводѣ законовъ российской имперіи, Сиб. 1906, стр. 6.

Общее направлѣніе работъ Комиссіи составленія законовъ при Александрѣ I характеризуется до извѣстной степени уже тѣмъ рескриптомъ, который былъ данъ въ 1801 г. графу Завадовскому, поставленному во главѣ управленія ею¹. Здѣсь подчеркивалась необходимость предварительнаго составленія общаго руководящаго плана работъ по различнымъ отраслямъ законодательства и выборъ въ члены Комиссіи людей, вполне способныхъ и подготовленныхъ².

При такомъ пониманіи задачи можно было ждаты, что отдѣльныя области законодательства будутъ выдѣлены. Это, какъ видно, и случилось по отношенію къ уголовному праву. Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи Комиссіи составленія законовъ, утв. 28 февр. 1804 г.³, раскрываетъ передъ нами планъ выработки уголовного кодекса, предполагающаго сложную предварительную научную работу. Имѣется въ виду выработать не только уголовное уложеніе⁴, но и дать изложеніе общихъ началъ права уголовного.

¹ Ср. П. С. З., № 19904, 5 іюня 1801 г., О управленіи Комиссіи составленія законовъ.

² Въ числѣ членовъ Комиссіи въ эту эпоху мы видимъ предсѣдателя графа Завадовскаго и членовъ Ананьевскаго, Пшеничнаго, Прянишникова, Радищева и Ильинскаго. Ср. М. Сухомлиновъ, Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, Спб. 1889, стр. 615.

³ Ср. статью *Gesetzgebung in Russland unter Alexander dem Ersten*, въ *Arch. für die Gesetzgebung und Reforme des juristischen Studiums* von N. Th. Gönner, II B., Landshut, 1809, H. 1. Мы находимъ здѣсь переводъ *Memorial'a des Justizministeriums über die Errichtung einer neuen Kommission zur Redaktion der Gesetze, und über den Plan und die Grundlage der Gesetzgebung*, представленнаго Александру I кн. Лопухи-

нымъ и Новосильцевымъ, *ibid.* S. 1—58; ср. табл. раздѣл. преступл. на классы, S. 43—48.

⁴ Законы уголовные согласно Выс. утв. докладу 28 февр. 1804 г. должны были составить самостоятельную четвертую часть книги законовъ; часть эта, въ свою очередь, должна была распасться на два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ былъ содержать „Уставъ уголовный“, второй—„Уставъ благочинія и все, до полиціи относящееся“, Труды Ком. сост. законовъ, 1822, ч. I, вт. изд. Спб. стр. 33. „Уставъ уголовный“ предполагалось разбить на два отдѣленія, соотвѣтствующія какъ бы частямъ общей и особенной. Первое должно было затрогивать вопросы: 1) о преступленіи и наказаніи вообще, 2) отличительныя свойства разныхъ злодѣяній и преступленій, 3) нравственное и законное изслѣдованіе всѣхъ степеней преступленія: явное намѣ-

Что касается началъ, положенныхъ въ основаніе распредѣленія содержанія уголовнаго уложенія, то они должны быть, съ одной стороны, охарактеризованы, какъ разрывъ съ системой Уложенія царя Алексѣя Михайловича, а съ другой, какъ распредѣленіе преступленій въ зависимости отъ тяжести наказанія. Къ этому сдѣлана еще попытка выдѣлить изъ уложенія самостоятельную общую часть. Намѣткой такого плана дѣятели Комиссіи составленія законовъ вступали, въ сущности, на путь построения по-

рение, винаость, неосторожность, а остальные девять рубрикъ вопросы покушенія, соучастія, наказанія и проч. Труды Ком., стр. 60 и слѣд. Отдѣленіе второе предусматривало распорядокъ преступленій и наказаній. Особенностью распредѣленія въ этой части служило то, что преступленія разбивались на двѣ категоріи: 1) противъ благосостоянія государства и 2) противъ благосостоянія частнаго лица. Первая группа дѣлилась на три степени: 1) преступленія противъ вѣры, противъ особы государя и злоупотребленіе противъ государства и имп. фамиліи, 2) преступленія противъ внешней безопасности государства, противъ внутренней тишины, сопротивленіе властямъ и 3) противъ частныхъ правъ государства, противъ государственныхъ чиновниковъ и вины чиновниковъ въ отиравленіи должностей, на нихъ возложенныхъ, Труды Ком., стр. 61. Вторая группа „преступленій противъ благосостоянія частнаго лица“ раздѣлялась на дѣянія „общепасныя“ и такія, „когда нарушается оными права частныхъ людей, безъ возмущенія общей тишины“, Труды Ком., стр. 63. Общепасныя раздѣлялись, въ свою очередь, на три степени: 1) „зажигательство, разбой, ночное воровство, воровство со взломомъ и похищеніемъ и смертоубійство“; 2) „подлогъ или злоумышленный обманъ въ отношеніи къ об-

ществу“, „угрозы, подвергающія опасности жизнь многихъ“ и „возмутительныя слова, порицаніе мѣръ правительства, съ оскорбительными выраженіями для Государя императора и Власти“ и 3) „всякія недозволенные дѣленія, производящія въ обществѣ смятеніе“, „нарушеніе общей тишины при отиравленіи богослуженія“, „сопротивленіе полиціи“ и „умышленное банкротство“, Труды Ком., стр. 64 и сл. Случай, „когда нарушаются... права частныхъ людей, безъ возмущенія общей тишины“, въ свою очередь, раздѣлялись на три степени: 1) „поврежденіе физическихъ и нравственныхъ качествъ, насильствованіе, бой и увѣчые, поношеніе“..., 2) „злоупотребленіе домашней власти, многоженство, прелюбодѣяніе, подлогъ или лживые поступки, лишеніе собственности плутовствомъ и коварствомъ“ и 3) „мошенничество и преступленія, стремящіяся къ развращенію нравовъ“, Ор. cit., стр. 65 и слѣд. Наказанія должны были опредѣляться по соображенію со степенями преступленія, причемъ при соответственныхъ статьяхъ проектировалось не только указаніе наказанія, но и изложеніе „судебныхъ обрядовъ“. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвалось, по видимому, указаніе подсудности, такъ какъ для правилъ судопроизводственныхъ предполагался особый отдѣлъ въ „полицейскомъ уставѣ“.

ваго уложенія, которое не является синтетическимъ построениемъ дѣйствующаго права, но воплощеніемъ въ реальныя формы теоретическихъ конструкцій, унаслѣдованныхъ отъ эпохи господства естественно-правовыхъ ученій. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ нѣкоторыхъ частяхъ задуманнаго дѣятелями Комиссіи составленія законовъ плана чувствуется вліяніе Наказа. Таково, напр., основное дѣленіе преступленій на посягательства противъ благосостоянія государства и противъ благосостоянія частнаго лица. Вліяніе Наказа можетъ быть прослѣжено и въ дѣленіи преступленій «противъ благосостоянія частнаго лица» на «общеопасныя» и нарушенія «безъ возмущенія общей тишины». По существу, однако, весь планъ, развитый въ Докладѣ 1804 г., представляется, какъ всякій оторванный отъ реальныхъ отношеній, неосуществимымъ. Преступленія государственныя и религіозныя поглотили главное вниманіе составителей, остальные нарушенія не только отодвинулись на задній планъ, но раздѣлены были на отдѣльныя, различныя по наказуемости группы, не только безъ достаточнаго основанія, но и безъ приведенія какихъ бы то ни было объясненій. Совершенно непонятно, напр., почему «ночное воровство» является преступленіемъ, общеопаснымъ, а «насильствованіе», «бой и увѣчье» нарушеніями «безъ возмущенія общей тишины», равно какъ «лишеніе собственности плутовствомъ и коварствомъ». Въ нѣкоторой степени, далѣе, неясна разница между послѣднимъ нарушеніемъ и «мошенничествомъ», отнесеннымъ въ отдѣльную группу. Но помимо этихъ сторонъ, по самому существу своему, планъ, предусмотрѣнный въ Докладѣ 1804 г., представлялся попыткой конструировать отдѣльныя преступленія въ соотвѣтствіи съ завѣтами Наказа и нѣкоторыми чертами западно-европейскихъ кодексовъ.

Развитія основныхъ положеній имѣющаго быть созданнымъ уложенія можно было ждаты отъ изложенія «общихъ началъ» права уголовнаго, которыя стремились формулировать дѣятеля Комиссіи. Въ самомъ изложеніи «общихъ основаній права» (*principia juris*) авторы Доклада 1804 г. видѣли выполненіе существенной части предстоявшей работы, связанной съ созданіемъ уложе-

нія. «Изложивъ, писали они, въ систематическомъ порядкѣ и въ надлежащей полнотѣ основанія права, безъ всякаго затрудненія къ онымъ примѣнять можно всѣ случаи, въ общежитіи встрѣчающіеся: ибо каждое изъ сихъ началъ по существу своему должно показывать предѣлы своего очертанія или сфѣры, а по сему и не трудно будетъ рѣшить, какіе случаи могутъ входить въ сфѣру одного или другого начала» ¹. «Основаніямъ права» придавалось, такимъ образомъ, чисто практическое значеніе. Въ «Глазномъ расположеніи книги законовъ» ² Комиссіей указывалось, что «вторая часть содержитъ въ себѣ Основанія права (principia juris), на коихъ утверждаются законы гражданскіе, уголовные и судебные обряды. Они будутъ изложены въ такомъ же порядкѣ, какъ и законы общіе». Къ составленію такого рода «основаній права» было приступлено ³, и они появились не только въ примѣненіи и сферѣ уголовно-правовой ⁴, но и гражданской ⁵.

«Основанія уголовного права» рисовались дѣятелямъ Комиссіи составленія законовъ, какъ «...первыя простыя чистѣйшія истины, утвержденныя на здравыхъ заключеніяхъ человѣческаго разума, на долговременныхъ опытахъ и наблюденіяхъ строго изслѣдованныхъ» ⁶, а на самомъ дѣлѣ оказались укоренившимися въ литературѣ естественнаго права общими понятіями, съ которыми

¹ Труды Комиссіи составленія законовъ, 1822, ч. I, вт. изд. Спб., стр. 25.

² Op. cit., стр. 50 и сл.

³ Въ Рапортѣ отъ 1 мая 1804 г. указывается, напр., что „Присутствіе разсматривало содержанія статей для введенія въ книгу основаній права, которое при надлежитъ конечно къ труднѣйшимъ частямъ Россійскаго законоположенія; потому что должно заключать въ себѣ самыя ясныя и чистыя понятія о правѣ вообще, также и главнѣйшія раздѣленія онаго. При начертаніи содержанія статей сего введенія .. соблюдаема была всевозможная осторожность въ выборѣ, изложеніи и объ-

ясненіи предметовъ, какіе въ оное входятъ“, Труды Ком. сост. зак. 1822, ч. I, вт. изд., стр. 81 и слѣд.

⁴ Труды Коммис. сост. зак., 1822, ч. I, вт. изд., стр. 32. „Основанія уголовного права помѣщены были въ первой части Проекта уголовного уложенія Россійской имперіи, 1813, Спб. 1813, стр. 1—49.

⁵ „Основанія права“ примѣнительно къ сферѣ гражданского права были составлены и переиздавались неоднократно.

⁶ Труды Ком. сост. законовъ, 1822, ч. I, 2-ое изд., стр. 23. Ср. также извлеченія изъ Рапорта отъ 4 іюня, стр. 84 и сл.

мы встрѣчались въ изобиліи въ предыдущую эпоху преподающимися съ академической кафедры и которыя не имѣли прямого отношенія къ дѣйствовавшему русскому законодательству ¹. Разница заключалась только въ томъ, что эти принципы уголовного законодательства были выдѣлены въ самостоятельную область и что часть «основаній уголовного права», въ которой шла рѣчь о наказаніяхъ, старалась предусматривать мѣры не идеальнаго характера, а такія, которыя казались пригодными для карательной системы Россіи ².

Увлеченіе возможностью конструировать принципы уголовного права на почвѣ общихъ ученій естественнаго права было вснышкой угасающихъ и потерявшихъ кредитъ ученій, почти не отразившейся на созданныхъ Комиссіей составленія законовъ редакціяхъ Проекта уголовного уложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ редакцій, задолго еще до начала суммированія Комиссіей дѣйствовавшего въ разное время уголовного законодательства въ формѣ «Свода существующихъ законовъ о уголовномъ правѣ» ³, отразили на себѣ внимательное изученіе постановленій дѣйствующаго права.

То, что мы видимъ въ Проектѣ 1813 года во всякомъ случаѣ не

¹ Ср. напр., Основанія уголовного права, Спб. 1813, § 1, опредѣленіе преступленія; § 7, обстоятельства, дѣлающія преступленіе умышленнымъ и неумышленнымъ; §§ 12—14, опредѣленіе содѣяннаго и несодѣяннаго преступленія, опредѣленіе покушенія; § 17, кого почитать участниками; § 19, что почитать законною обороною и проч.

² Основанія уголовного права, Спб. 1813, § 35, о числѣ ударовъ кнутомъ; § 36, причины облегченія каторжной работы; §§ 81—82, наказаніе лишеніемъ права и привилегій, въ которомъ предусматривалось „лишеніе правъ собственности на крѣпостныхъ людей“ и проч.

³ Начиная съ 1810 года, когда, по

образованіи Государственнаго совѣта, Комиссія составленія законовъ была обращена въ учрежденіе, при немъ состоящее, ср. Обзорѣніе ист. свѣд. о Сводѣ законовъ, сост. изъ актовъ, хранящ. во II отд. с. Е. И. В. Канцеляріи, Спб. 1833, стр. 36, она склоняется къ мысли о необходимости уясненія дѣйствующаго права. Съ 1815 г. ею дѣйствительно и издается Сводъ законовъ существующихъ, Обзор., стр. 39, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Ср. Систематическій сводъ существующихъ законовъ Россійской имперіи, изд. Ком. сост. законовъ, Спб. 1815, Предъувѣд., стр. I.

такъ далеко отъ русской дѣйствительности, какъ предположенія Доклада 28 февр. 1804 года. Распредѣленіе отдѣловъ, формулировка статей и весь духъ Проекта свидѣтельствуютъ, что онъ опирается на положительную почву¹). Это же заставляетъ предполагать, что труду по изготовленію Проекта предшествовали работы, носящія характеръ догматической сводки. Предположенія эти вполнѣ подтверждаются тѣмъ, что мы узнаемъ отъ одного изъ непосредственныхъ участниковъ трудовъ Комиссіи составленія законовъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую появленію Проекта 1813 года.

Въ трудахъ проф. Якоба мы находимъ весьма достовѣрную картину работъ по подготовкѣ Проекта 1813 года.

Мы узнаемъ отъ него, что въ періодъ времени до 1810 г. Комиссія не старалась опереться на положительный матеріалъ западно-европейскаго законодательства. Хотя она и запаслась, пишетъ проф. Якобъ, нѣмецкимъ трудомъ ф. Глобига, представлявшимъ собой «ein ganzes tabellarisch abgefasstes System der Civil—, Criminal und Policey-Gesetzgebung»² и Проектомъ баварскаго уголовного уложенія Фейербаха, но оставляла ихъ неиспользованными. Комиссія располагала въ то же время, по словамъ проф. Якоба, довольно полнымъ собраніемъ указовъ и обширнымъ из-

¹ Если въ качествѣ введенія къ Проекту уголовного уложенія 1813 г. фигурируютъ „Основанія уголовного права“, то это не измѣняетъ существа дѣла. Въ немъ за то отсутствуетъ общая часть, предполагавшаяся въ Докладѣ 28 февр. 1804 г. и самое распредѣленіе статей производитъ впечатлѣніе компромисса между системой Уложенія 1649 г. и распредѣленіемъ въ духѣ Наказа. Часть „О наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія обнимаетъ собой гл. I, О наказаніяхъ за преступленія противъ святыя православыя вѣры; гл. II, Наказанія за оскорбленія Императорскаго Величества; гл. III, Наказанія за государственную измѣну; гл. IV, Наказанія за преступленія, нарушающія внут-

ренную общественную безопасность и тишину; гл. V, О наказаніяхъ за вредныя дѣянія, нарушающія благосостояніе общества и здоровье обывателей въ селеніяхъ, городахъ и округахъ и т. д. Часть О наказаніяхъ за частныя преступленія посвящаетъ гл. I вопросу О наказаніяхъ за смертоубійство, гл. II—О наказаніяхъ за раны и другія опасныя тѣлесныя поврежденія, гл. III—Объ обидахъ и гл. IV—О наказаніяхъ за преступленія противу собственности.

² L. H. Jakob, Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich mit Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze. Halle, 1818, Vor., S. VI.

влеченіемъ изъ нихъ, приведеннымъ въ порядокъ по рубрикамъ, установленнымъ Комиссіей ¹. На основаніи этого матеріала была составлена уже ко времени приглашенія проф. Якоба общая часть уголовного кодекса и обширная объяснительная къ ней записка повидимому какимъ то нѣмецкимъ сотрудникомъ Комиссіи ².

Изъ этихъ матеріаловъ, бывшихъ въ рукахъ Комиссіи, наибольшій интересъ для насъ можетъ представлять извлеченіе изъ Уложенія и указовъ, расположенное по рубрикамъ, какъ проявленіе попытки систематизировать уголовно-правовыя постановленія и уяснить догму дѣйствующаго права. Какъ видно изъ отзыва проф. Якоба, эти матеріалы были, однако, обычными канцелярскими сводками одно-предметныхъ указовъ, съ которыми мы встрѣчались въ концѣ XVIII в., можетъ быть только нѣсколько подновленными и приспособленными для цѣлей Комиссіи частями Свода юстицкаго и другихъ подобныхъ памятниковъ ³. Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Комиссія пользовалась и такими трудами какъ «Указатель» Л. Максимовича.

Такъ или иначе, на основаніи этого матеріала былъ выработанъ проектъ уголовного кодекса, который повліялъ въ большей или меньшей степени на Проектъ 1813 г., представлявшій переработку проекта проф. Якоба ⁴.

¹ Op. cit., Vor., VI.

² Op. cit., Vor., VI. Проф. Якобъ замѣчаетъ о рукописи начала уголовного кодекса, что она „mit deutschem Fleiss gearbeitet“, а объ объяснительной запискѣ добавляетъ, что въ ней подробно развита была доктрина, положенная въ основаніе проекта.

³ Объ этомъ извлеченіи по рубрикамъ проф. Якобъ пишетъ: „es waren zwar, nach den angegebenen Rubriken, die angedeuteten Ukasen und Gesetzstellen abgeschrieben; aber die Meisten passten gar nicht, viele nur zum Theil unter ihre Titel... Die vielen Foliobände eine blosse Hand-

werksarbeit von Copisten waren... Vollkommene Belehrung über das, was die russische Gesetze über die verschiedenen Fälle verordnet hatten... war nicht darin zu finden“.

Op. cit., Vor., VII.

⁴ Проектъ 1813 года былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ сыномъ проф. Луд. Ген. Якоба Л. А. ф. Якобомъ въ 1818 г. и изданъ подъ названіемъ: Criminal-Codex für das Russische Reich von der Kaiserlichen Gesetzgebungs-Commission entworfen... aus dem Russischen übersetzt, Halle, 1818. Ср. исторію проекта 1813 г. переработаннаго изъ проек-

Оставляя въ сторонѣ самый ходъ кодификаціонныхъ работъ, какъ вопросъ выходящій изъ рамокъ настоящаго труда, и останавливаясь на немъ, поскольку положенныя въ основаніе его работы носятъ научный характеръ, намъ предстоитъ отмѣтить, что проф. Якоба для успѣшнаго разрѣшенія его задачи интересовали главнымъ образомъ положительныя основы русскаго уголовного права. Найдя недостаточными извлеченія изъ законовъ, находившіяся въ распоряженіи Комиссіи, онъ задался цѣлью самостоятельно обработать матеріалъ русскаго уголовного права и написать, какъ онъ выражается, «eine Art von Russischen Institutionen und Pandecten auf das Criminalrecht»¹. Въ результатъ этихъ усилій явился проектъ проф. Якоба и его «Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze», которые имѣютъ въ общей сложности нѣкоторое значеніе, какъ попытка систематическаго изложенія русскаго уголовного законодательства. Мы не остановимся приэтомъ на самомъ проектѣ², выработанномъ имъ, такъ какъ онъ является памятникомъ, отразившимъ не одну только догму русскаго уголовного, но сосредоточимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на «Anmerkungen» проф. Якоба, какъ попыткѣ изложенія догмы русскаго уголовного права.

«Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze» проф. Якоба составлены имъ на основаніи обзрѣнія имѣвшихся въ его распоряженіи указателей, т. наз. «памятниковъ изъ законовъ» и подлинныхъ актовъ. Эти источники не могли, конечно,

товъ проф. Якоба въ его трудѣ Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich mit Anmerkungen über die bestehende Russischen Criminalgesetze, Halle, 1818, Vor., S. XII u. f.

¹ Ср. L. H. v. Jakob, Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich mit Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze, Halle, 1818, Vor., S. VIII.

² Въ трудѣ проф. Якоба Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches и проч. мы имѣемъ вторую редакцію выработаннаго имъ проекта уже послѣ паденія М. М. Сперанскаго и безъ измѣненій, внесенныхъ въ этотъ проектъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ результатъ которыхъ возникъ и появился въ 1813 г. на русскомъ языкѣ Проектъ уголовного уложенія, являющійся, такимъ образомъ, третьей редакціей первоначальнаго проекта проф. Якоба.

отличаться ни исчерпывающей полнотой, ни совершенной точностью ¹, и все это неминуемо должно было отразиться на составленных по нимъ «Anmerkungen».

Послѣднія расположены въ видѣ добавленій къ отдѣльнымъ статьямъ проекта, и подъ видомъ краткихъ формулъ стремятся выразить сущность уголовно-правовыхъ постановленій нашего стараго законодательства. Слабымъ пунктомъ ихъ было, прежде всего, то, что онѣ представляли собою смѣсь исторіи и догмы дѣйствующаго права, въ виду трудности для проф. Якоба разобраться въ характерѣ нормъ, съ которыми приходилось ему имѣть дѣло. Въ извѣстной степени лишены, далѣе, значенія его попытки формулировать общія начала объ умыслѣ, покушеніи и соучастіи ². Онѣ представляли собою въ сущности произвольное обобщеніе порядка, преподаннаго въ одномъ какомъ нибудь законодательномъ памятникѣ. Въ отдѣлѣ наказаній проф. Якобъ приводитъ подробныя историческія свѣдѣнія о разныхъ карательныхъ мѣрахъ, касаясь исторіи смертной казни ³, тюремнаго заключенія, ссылки ⁴, тѣлесныхъ наказаній ⁵. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, носятъ на себѣ въ то же время слѣды непосредственнаго изученія источниковъ.

По вопросу о преступленіяхъ государственныхъ мы находимъ у проф. Якоба изложеніе дѣйствующей догмы не только на основаніи соотвѣтственныхъ постановленій памятниковъ нашего законодательства, но и судебной практики ⁶. Относительно кратокъ и неполонъ отдѣлъ, посвященный религіознымъ преступленіямъ ⁷. Это явленіе легко находить свое объясненіе въ томъ, что проф. Якобу трудно было разобраться въ вопросахъ духовной и свѣтской подсудности. По цѣлому ряду преступленій, какъ, напр., поддѣлкѣ монеты и проч. мы не находимъ у проф.

¹ Самъ проф. Якобъ писалъ: „Ich würde zu viel sagen wenn ich behaupten wollte, dass diese Arbeit nur eine vollständige Uebersicht dieses Theiles der russischen Gesetzgebung verschafft hätte“, ср. Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches, S. VIII.

² L. H. v. Jakob, Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches, S. 4, 52 u. f.

³ Op. cit., стр. 11 u. f.

⁴ Op. cit., стр. 14 u. f.

⁵ Op. cit., стр. 26 u. f.

⁶ Op. cit., стр. 82—91.

⁷ Op. cit., стр. 112 u. f.

Якоба никакихъ замѣчаній¹. Трудно въ то же время полагать, что опредѣленія, введенныя имъ въ проектъ, являлись въ его представленіи тождественными съ догмой дѣйствовавшаго права. Это объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ его «*Anmerkungen*» отсутствуютъ постановленія объ убійствѣ по русскому праву² и приведены только краткія замѣчанія о наказаніи самоубійства по русскому праву³. Къ тому же убѣжденію приводитъ и отсутствіе изложенія у проф. Якоба дѣйствующаго права по вопросу о преступленіи кражи и, вообще, посягательствахъ имущественныхъ. Относительно преступленій противъ чести проф. Якобъ ограничивается замѣчаніями преимущественно историко-догматическаго характера⁴.

Вообще нельзя не сознаться, что попытка догматической обработки русскаго уголовного права, которую дѣлаетъ проф. Якобъ, полна пробѣловъ, находящихъ свое объясненіе въ недостаточности тѣхъ данныхъ, съ которыми ему приходится оперировать.

Работы Комиссіи составленія законовъ представляются, какъ мы уже замѣтили, недостаточно еще выясненными въ нашей научной литературѣ и, въ особенности, въ отношеніи къ кодификаціи уголовного законодательства. Поскольку, однако, о нихъ можно судить по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, относительно болѣе позднихъ моментовъ существованія Комиссіи можно полагать, что она стремилась не терять связи съ положительными основами уголовного законодательства, не уклонялась отъ догматизаціи его, и однимъ изъ остатковъ ея работъ, можетъ быть наименѣе цѣннымъ, является трудъ проф. Якоба, о которомъ мы говорили выше. Изъ того же источника вышла несравненно болѣе значительная обработка нашего уголовного права—трудъ О. Горегляда, но по его общему характеру онъ будетъ разсмотрѣнъ нами въ ряду работъ, съ которыми имѣетъ болѣе сродства.

¹ Op. cit., стр. 125 u. f.

² Op. cit., стр. 147 u. f.

³ Op. cit., стр. 162 u. f.

⁴ Op. cit., стр. 179 u. f.

В. Популярно-юридическіе труды и ихъ роль въ литературѣ и академическомъ преподаваніи уголовного права.

Возникновеніе въ концѣ XVIII в. популярно-юридической литературы и ея дальнѣйшій ростъ. Характеръ этой вѣтви юридической литературы.—1. Практики-собиратели законовъ.—2. Практики-составители руководствъ дѣлопроизводства и преподаватели „законоискусства“.—3. Практики-систематики.

Разработка положительнаго уголовного права, предпринятая въ Россіи конца XVIII и начала XIX в. въ видахъ кодификаціи, часто ограничивалась использованіемъ частныхъ и полу-оффиціальныхъ, иногда для этой цѣли специально созданныхъ, сводокъ дѣйствующаго права. Стремясь объединить послѣднее на почвѣ сборниковъ въ формѣ экстрактовъ, историческихъ сводовъ и проч., кодификаторы пользовались матеріаломъ, который былъ введенъ въ обиходъ юристами, не имѣвшими теоретическихъ знаній и систематизировавшими матеріалъ права только по внѣшнимъ признакамъ.

Уже въ концѣ XVIII в. тѣ же приемы переносятся въ доступную для массы литературу, а въ началѣ XIX в. такіе труды въ формѣ разнаго рода сборниковъ, словарей, «памятниковъ» и другихъ сходныхъ произведеній разрастаются въ богатую вѣтвь юридической литературы. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся и на западѣ въ образѣ популярно-юридической литературы, рассчитанной на широкій кругъ лицъ, совершенно неподготовленныхъ для занятія правомъ ¹.

Популярно-юридическая литература возникла на западѣ подъ вліяніемъ сложныхъ причинъ, коренившихся отчасти въ ходѣ праворазвитія, но роль непосредственнаго фактора ея появленія не могла не играть потребность созданія наряду съ непонятнымъ мас-

¹ Ср. объ особенностяхъ популярно-юридической литературы, какъ приемы подойти къ ознакомленію съ римскимъ и каноническимъ правомъ въ Германіи конца XV в. и начала XVI ст., R. Stintzing, Geschichte der populären Literatur des römisch-kanonischen Rechts in Deutschland, Leipz. 1867, S. XXXVIII. О потребностяхъ, вызвавшихъ эту отрасль разработки права въ Германіи, Op. cit., S. I.

самъ римскимъ правомъ болѣе доступнаго изложенія законодательныхъ опредѣленій, регулировавшихъ правовую жизнь страны. Обращая главное вниманіе на удобство пріисканія соответственныхъ законодательныхъ постановленій, представители популярно-юридической литературы избирали исходнымъ моментомъ внѣшнія черты юридическихъ институтовъ, не изучая ихъ со стороны ихъ сущности и очерчивая ихъ легко уловимыми для всякаго признаками. При помощи такихъ пріемовъ, какъ распредѣленіе матеріала права въ алфавитномъ порядкѣ, въ системѣ отдѣльныхъ дѣлопроизводственныхъ инстанцій, при помощи всякаго рода практическихъ указаній, касающихся внѣшней формальной стороны, практики, представители этой вѣтви юридической литературы, старались ввести непосвященныхъ въ тайны дѣйствующаго права ¹.

Въ трудахъ нашихъ практиковъ-собрателей законовъ, издателей хронологическихъ и сводныхъ собраній указовъ, алфавитно-предметныхъ указателей, составителей руководствъ дѣлопроизводства, «законоискусства» и проч., мы также имѣемъ дѣло съ проявленіемъ популярно-юридической литературы. И у насъ всѣ эти труды рассчитаны на лицъ, лишенныхъ спеціальной научно-юридической подготовки; и у насъ они прибѣгаютъ иногда къ чисто механическому расчлененію юридическаго матеріала. Въ то же время укорененіе и развитіе популярно-юридической литературы въ Россіи начала XIX в. далеко не является простой случайностью. Оно находитъ себѣ глубокое основаніе и въ существующихъ потребностяхъ, и въ невозможности удовлетворить ихъ дру-

¹ Ср. о формахъ проявленія популярно-юридической литературы въ Германіи о разнаго рода Flores и Margarita, Vocabularius juris utriusque и др. трудахъ, различныхъ по своему содержанию и плану и приближающихся къ типу нашихъ юридическихъ словарей и памятниковъ, у R. Stintzing'a, Geschichte der populären Literatur des römisch-kanonischen Rechts in Deutschland, Leipz. 1867, S. 121 и f. Под-

робно описывая ихъ, Штинцингъ отмѣчаетъ, что они „zur gelegentlichen Aushilfe durch Nachschlagen bestimmt sind. Sie enthalten Sammlungen von mehr oder minder ausführlich behandelten Rechtssätzen und Worterklärungen, und verbreiten sich bald über das gesammte Gebiet beider Rechte, bald nur über einzelne Theile derselben“, Op. cit., S. 121.

гимъ путемъ. Теоріи права въ смыслѣ синтеза дѣйствующаго законодательства у насъ въ это время не существовало. Потребность же въ ознакомленіи съ дѣйствующимъ правомъ была во все времена велика. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія было расположеніе и систематизація права, приурочивавшаяся къ внѣшнимъ чертамъ и признакамъ. Если на западѣ въ результатѣ сознанія, что труды ученыхъ юристовъ не могутъ въ достаточной степени обслуживать потребности практики, возникла вѣтвь популярно-юридической литературы, оставившая замѣтный слѣдъ и на судьбахъ ученой юриспруденціи, то тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто при русскихъ условіяхъ. Приемы популярно-юридическихъ работъ были перенесены у насъ и въ область академическаго преподаванія, получивъ цѣлый рядъ представителей на университетскихъ кафедрахъ. Популярно-юридическіе приемы прочно укоренились въ общемъ въ нашей юриспруденціи, и можно безъ преувеличенія сказать, что наша научная догма развилась подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ представителей популярно-юридическаго теченія.

Для того, чтобы объять русскую популярно-юридическую литературу по предмету права уголовнаго, по возможности во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, мы считаемъ цѣлесообразнымъ остановиться на отдѣльныхъ трудахъ этого рода въ порядкѣ возрастающей сложности признаковъ, полагавшихся авторами ихъ въ основаніе систематизаціи дѣйствующаго права. На этомъ пути мы начнемъ съ несложныхъ формъ популярно-юридической литературы, какъ, напр., простого собранія законодательныхъ памятниковъ въ порядкѣ хронологическомъ и алфавитномъ, и будемъ постепенно переходить къ болѣе сложнымъ ея проявленіямъ. Мы коснемся трудовъ составителей руководствъ дѣлопроизводства, т. наз. «законоискусниковъ» и, наконецъ, усилій практиковъ-систематиковъ, какъ такой стороны проявленія популярно-юридическаго теченія, которая стоитъ на границѣ теоретическаго трактованія вопросовъ уголовнаго права.

1. Практики-собратели законовъ.

Хронологическія и сводныя собранія законовъ: Л. Максимовичъ, П. и Т. Хавскіе.—Алфавитно-предметные указатели уголовныхъ законовъ: Памятникъ Ѳ. и А. Правиковыхъ и А. Фіалковскаго; Сокращенный памятникъ, Указатель П. Орлова, Ключъ А. Щербакова.

При состояніи уголовного законодательства, которое характеризуетъ начало XIX ст., усилія практиковъ выразились, прежде всего, въ содѣйствіи собранію законовъ, сведенію во едино разныхъ, другъ друга отмѣняющихъ и измѣняющихъ законодательныхъ опредѣленій, а равно въ стремленіи къ нѣкоторой систематизаціи законодательныхъ постановленій. Практикамъ пришлось исполнить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ работу, которая безъ надежды на полный успѣхъ, въ виду разбросанности матеріала, была тѣмъ не менѣе неизбѣжной. Постепенно совершенствуясь, по сравненію съ опытами конца XVIII в., труды практиковъ въ изданіяхъ Л. Максимовича, П. и Т. Хавскихъ, Ѳ. и А. Правиковыхъ, А. Фіалковскаго и др. начинаютъ приближаться къ полнотѣ и достовѣрности. Хронологическій порядокъ восполняется въ этого рода изданіяхъ алфавитной и предметной системой, оставаясь въ общемъ чисто внѣшней классификаціей матеріала.

Одну изъ болѣе значительныхъ попытокъ группированія законодательныхъ постановленій русскаго права въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, съ устраненіемъ законовъ недѣйствующихъ, за періодъ времени по 1803 годъ далъ въ началѣ XIX в. Максимовичъ¹. Высокія достоинства его «Указателя» засвидѣтельствованы и творцомъ Свода законовъ М. Сперанскимъ².

Обнимая собой 14 книгъ, «Указатель» Л. Максимовича далеко не исчерпываетъ предмета. Еще П. Хавскій, одинъ изъ

¹ Указатель російскихъ законовъ, временныхъ учрежденій суда и расправы... Льва Максимовича, М. и Спб. 1803—1812, 1—14 ч. Біографическія свѣдѣнія о Л. Максимовичѣ ср. Гр. Геннади, Справочный, словарь, т. 2, Берл. 1880, стр. 280 и сл.; Г. Солян-

цевъ, Рос. уг. пр., Яр. изд. 1907, стр. 47.

² Мы читаемъ въ Обзорѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, сост. изъ актовъ, хранящ. во II отд. Соб. Е. И. В. канц., Спб. 1833, стр. 133, что изъ разныхъ собраній „...при-

лучшихъ знатоковъ права начала XIX в., отмѣтилъ этотъ недостатокъ задолго до появленія Полнаго собранія законовъ¹. Трудъ Л. Максимовича не безупреченъ и въ смыслѣ вѣрности текста и допускаетъ неточности въ хронологіи отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ.² Еще составители Свода засвидѣтельствовали, что у Л. Максимовича «въ разныхъ томахъ помѣщены, подъ именемъ указовъ, выписки изъ оныхъ, или просто оглавленія»³. Но если съ этими недостатками приходилось считаться, какъ съ чѣмъ то неизбѣжнымъ при первомъ серьезномъ опытѣ, то въ «Указателѣ» попадаются промахи и другого характера. Многіе тексты напечатаны вдвойнѣ въ полной и неполной редакціяхъ⁴, многія опредѣленія не являются по существу законодательными актами и проч.⁵ Всѣ эти промахи въ «Указателѣ» были тѣмъ печальнѣе,

мѣчательнѣе...—Указатель Максимовича..., какъ потому, что оно другихъ обширнѣе, такъ и потому, что для многихъ изъ нихъ оно служило единственнымъ источникомъ... Указатель Л. Максимовича далеко не оцѣненъ по достоинству проф. А. Коровецкимъ, ср. Историческое обозрѣніе Россійскаго гражданскаго и уголовнаго права, Сынъ отечества и Сѣв. арх., 1829, т. 8, № 48, стр. 99. Ближе къ истинѣ изъ старыхъ критиковъ „Указателя“ Л. Максимовича П. Хавскій, когда пишетъ: „Г. Максимовичъ превзошелъ всѣхъ подробными изложеніями законовъ въ порядкѣ хронологическомъ“, Лекція, чит. при публич. преподаваніи Россійскаго законовѣдѣнія... въ канц. I отд. 6 деп. Прав. Сената... П. Хавскимъ, 16 февр. 1818, М. 1818, стр. 10.

¹ П. Хавскій, Ор. cit., стр. 12, писалъ объ „Указателѣ“ Л. Максимовича: „...г. издатель, издавая исторію законовъ по старшинству времени, пропускалъ многіе указы въ самыхъ годах... и не показалъ изъ какихъ почерпалъ источниковъ; сдѣлалъ интервалы или промежутки; издавая не по порядку

годы, именно не помѣстилъ и не издалъ полныхъ книгъ слѣдующихъ годовъ: 1735—1739, 1745—1755, 1773—1765, 1767—1770, 1775—1779, 1782 и съ 1783 по 1801, а съ 1802 года прекращено изданіе“. Ср. также по этому вопросу, Обозрѣніе историч. свѣд. о Сводѣ законовъ, стр. 133.

² Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ законовъ, стр. 133.

³ Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ законовъ, стр. 134. Ср. о погрѣшностяхъ въ текстѣ указовъ, приведенныхъ у Л. Максимовича; К. П(обѣдоносцевъ), Обозрѣніе частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указныхъ словарей до изданія П. С. З. Росс. имп., Арх. историч. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 5, Спб. 1863, стр. 65—73.

⁴ Ср. Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ законовъ, стр. 134, П. Хавскій, Лекція, стр. 12, К. П(обѣдоносцевъ), Ор. cit., стр. 65 и слѣд.

⁵ Ср. П. С. З., пред, т. 1, стр. XIII и XIV.

что имъ суждено было стать хроническими недостатками подобнаго рода изданій. Авторы разныхъ собраній часто перепечатавали другъ у друга текстъ законовъ, не стараясь о точномъ установленіи его ¹.

Если «Указатель» Л. Максимовича преслѣдовалъ, прежде всего, цѣли хронологическаго распредѣленія содержанія законовъ и уясненія права дѣйствующаго, поскольку это можетъ быть достигнуто устраненіемъ законодательныхъ постановленій недѣйствующихъ, то въ болѣе позднихъ изданіяхъ подобнаго рода мы встрѣчаемся съ попытками сосредоточить главное вниманіе на сопоставленіи однопредметныхъ опредѣленій законовъ и указовъ, не отступая въ то же время отъ хронологическаго порядка. Эти приемы интересны, какъ послѣдовательные этапы на пути къ уясненію догмы права.

На такой ступени по отношенію къ догматизаціи уголовного права стоятъ П. и Т. Хавскіе ². Они ставятъ себѣ задачей «законы о преступленіяхъ уголовныхъ вообще собрать въ хронологическомъ порядкѣ... ибо раздѣленіе преступленій на роды ихъ составляло бы уже сочиненіе о законахъ, а не собраніе ихъ» ³. Хронологическое собраніе П. и Т. Хавскихъ, по сравненію съ трудомъ М. Максимовича, является болѣе систематизованнымъ уже потому, что издатели не смѣшиваютъ въ одну массу самыхъ разнообразныхъ законодательныхъ постановленій и располагаютъ матеріалъ хронологически «по предметамъ». Такимъ образомъ въ ихъ «Собраніи», наряду съ отдѣломъ «Уголовное уложеніе», группируются законы «О наследствѣ», «О дворянахъ» и проч. ⁴. Распредѣ-

¹ Ср. правильныя по существу указанія въ Обзорѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, стр. 135.

² Собраніе законовъ, заключающихъ въ себѣ предметъ: Уголовное уложеніе, съ присовокупленіемъ Свода Уложенію царя Алексѣя Михайловича, Военскому Уставу, Артикуламъ Военскимъ, Уставу Морскому имп. Петра I и другимъ законоположеніямъ по уголовной части съ 1649 по 1753 г. Составили Петръ и

Тимошей Хавскіе, Спб. 1825, ч. 15.— Уголовнымъ законамъ съ 1753 по 1825 г. посвящена ч. 16 Собранія П. и Т. Хавскихъ.

³ Собраніе законовъ П. и Т. Хавскихъ, ч. 15, вступл., стр. II.

⁴ Съ 1818 по 1828 годъ П. и Т. Хавскіе въ сотрудничествѣ съ Ив. Пестовымъ и Ег. Петровымъ издали въ общей сложности 22 части.

ляя законодательный материалъ въ хронологическомъ порядкѣ по предметамъ, П. и Т. Хавскіе не упускаютъ изъ виду и цѣлей свода. Къ послѣднимъ они подходятъ путемъ отмѣтки при отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ параллельныхъ, соответственныхъ по предмету, мѣстъ изъ другихъ актовъ, дополняющихъ ихъ¹. Этимъ какъ бы глоссированіемъ нашего законодательства П. и Т. Хавскіе оказали большую услугу дѣлу сведенія однопредметныхъ мѣстъ уголовного законодательства. Но это, однако, далеко еще не равносильно было созданію ими, по ихъ выраженію, «уголовнаго уложенія». Они писали о своемъ «Собраніи»: «законы, опредѣляющіе преступленія всѣхъ родовъ, подлежащихъ суду уголовному, составляютъ Уголовное уложеніе»². Нужно, притомъ, не упускать изъ виду, что П. и Т. Хавскіе воспроизводили текстъ законовъ по Л. Максимовичу и такимъ образомъ впадали въ тѣ же ошибки, что и онъ³. Въ общемъ, однако, нельзя отрицать того, что по сравненію со своимъ первоисточникомъ они создали собраніе болѣе полное⁴.

Въ лицѣ П. и Т. Хавскихъ русская юридическая литература имѣетъ юристовъ-практиковъ, которые своимъ глоссирова-

¹ П. и Т. Хавскіе пишутъ о своей системѣ: „читая статьи Уложенія царя Алексѣя Михайловича, можно видѣть какіе изданы были законы послѣ сего въ Воинскихъ артикулахъ о сухопутной и морской службѣ; въ артикулахъ же сихъ учинены обратныя ссылки, не опущены при томъ указы, дополняющіе или отмѣняющіе какой либо пунктъ или артикулъ“, Собраніе законовъ П. и Т. Хавскихъ, ч. 15, вступл., стр. II.

² Собраніе законовъ П. и Т. Хавскихъ, ч. 15, вступл., стр. I. П. и Т. Хавскіе понимали, впрочемъ, подготовительный характеръ ихъ работъ и указывали, что юристамъ нашимъ предстоитъ еще обработка отдѣльныхъ институтовъ права уголовного при помощи общихъ теоретическихъ началъ и историческаго приѣма изученія. П. Хавскій

писалъ: „не будемъ завидовать тѣмъ, которые не брегутъ о теоретическихъ наукахъ законодательства, и надѣясь на давность службы почитаютъ себя искусными въ наукѣ законовѣдѣнія“, Лекція, М. 1818, стр. 6. О значеніи историческаго изученія законовъ ср. Ор. сіт., стр. 7 и 15.

³ Ср. указанія по этому вопросу у К. П(обѣдоносцева), Обзорніе частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указныхъ словарей до изданія П. С. З. Росс. имп. въ Арх. ист. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, изд. П. Калачовымъ, кн. 5, Слб. 1863, Стр. 76.

⁴ Ср. А. Коровецкій, Историческое обзорніе російскаго гражданскаго и уголовного права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 100.

ніемъ законодательнымъ опредѣленій, разбитыхъ по отдѣльнымъ областямъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и систематизированныхъ по отдѣльнымъ вопросамъ, заложили солидное основаніе для научной обработки догмы.

Наряду съ собраніями законовъ въ порядкѣ хронологическомъ и предметномъ къ догматизаціи права уголовного стремятся и при помощи изданій того типа, которыя входятъ въ употребленіе уже въ концѣ XVIII в., благодаря попыткамъ Ф. Ланганса и М. Чулкова.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ трудовъ этого рода былъ «Памятникъ изъ законовъ» Ѳ. Правикова¹, не представляющійся, однако, чистымъ типомъ предметнаго юридическаго словаря, въ виду того, что разъ принятая въ немъ система не строго выдержана.²

¹ Біограф. свѣд. о Ѳ. Правиковѣ (†1803 г.) ср. митроп. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. 2, М. 1845, стр. 137 и сл.

Памятникъ изъ законовъ, руководствующій къ познанію приказнаго обряда, собранный по азбучному порядку трудами... Ѳедора Правикова. Изданіе это состоитъ изъ четырехъ частей: ч. I, „содержащей въ себѣ внутренней обрядъ канцелярскаго управленія“, 1798, вт. изд. 1803, тр. изд. 1806, четв. изд. 1811; ч. II, заключающей „все принадлежащее къ должностямъ каждаго, въ статской службѣ обрѣтающагося“, выдержавшей, въ свою очередь, четыре изданія, причемъ первое появляется въ 1799 г.; части III и IV посвящены „внѣшнимъ узаконеніямъ“, „обязывающимъ безъ изъятія всякаго вѣрноподданнаго..... въ Россійскихъ предѣлахъ обитающаго“ и выходятъ третьимъ изд. въ 1800—1802 г., а четвертымъ въ 1813 году. Въ общей сложности первыя четыре части заключаютъ въ себѣ законы по 1801 годъ. Продолженіемъ этого изданія слу-

жить „Памятникъ изъ законовъ, съ дополненіемъ всѣхъ значущихся въ прежнихъ четырехъ частяхъ матерій вновь состоявшимися узаконеніями и другими нужными обстоятельствами начатой трудами... Ѳед. Правикова, а оконченной сыномъ его... Александромъ Правиковымъ“. Третье изд. V ч. появилось въ 1819 г., вт. изд. VI ч. въ 1814 г., перв. изд. VII ч. въ 1815—1816 въ двухъ отд., ч. IX въ 1819 г., ч. X 1820 г., ч. XI въ 1823 г., ч. XII въ 1823 г. Начиная съ V ч., мѣняется характеръ изданія. Оно перестаетъ быть предметнымъ юридическимъ словаремъ и служитъ „какъ къ познанію... новыхъ, такъ и нѣкоторыхъ старыхъ въ упомянутыя части (т. первыя четыре) не вошедшихъ узаконеній“. Ср. ч. V, Предъувѣдомл., стр. I. Матеріаль законодательства располагается безъ всякой системы подъ составленными издателемъ рубриками.

² Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ первыя части сборника Правиковыхъ появляются у насъ труды, посвященные отдѣльнымъ памятникамъ нашего

Начало этого изданія восходитъ еще къ самому концу XVIII в., но заканчивается оно въ началѣ XIX в., послѣ цѣлаго ряда изданій отдѣльных частей¹.

Типичнымъ для «Памятника» О. Правикова являлось размѣщеніе матеріала дѣйствующаго права въ алфавитно-предметномъ порядкѣ. Въ этой схемѣ авторъ давалъ изложеніе указовъ, мѣстами—словами закона, мѣстами—въ свободной передачѣ. Проф. А. Коровецкій справедливо отмѣчаетъ въ своемъ «Историческомъ обзорѣниі россійскаго гражданскаго и уголовнаго права»², у что О. Правикова «заглавія... часто не соотвѣтствуетъ содержанію самыхъ предметовъ». Алфавитный порядокъ соблюденъ въ «Памятникѣ» О. Правикова только въ первыхъ четырехъ частяхъ, относящихся «до внутренняго обряда канцелярскаго управленія», и «внѣшнихъ узаконеній», «обязывающихъ безъ изъятія всякаго вѣрноподданнаго... въ Россійской имперіи обитающаго». Въ остальныхъ частяхъ, составленныхъ А. Правиковымъ, наблюдается переходъ къ сокращенному изложенію актовъ законодательства въ порядкѣ хронологическомъ³. «Памятникъ» О. и А. Правиковыхъ былъ

законодательства. Они излагаютъ обыкновенно матеріалъ права въ алфавитно-предметной системѣ. Такимъ трудомъ былъ, напр., «Новый памятникъ и словарь изъ Уложенія ц. Алексѣя Михайловича, соч. по азбучному порядку, для удобнѣйшаго пріисканія матерій въ фундаментальномъ узаконеніи Россійскомъ. Необходимо нужный для всѣхъ имѣющихъ судныя дѣла», М. 1804. «Новый памятникъ» страдаетъ обычными недостатками этого рода изданій. «Предметы» указаны въ немъ по большей части подъ названіями, нетипичными для ихъ содержанія. Статьи Уложенія о стрѣльбѣ на царскомъ дворѣ, гл. 3, п. 6, показаны, напр., подъ литерой В., такъ какъ рубрика носитъ названіе «во дворѣ царскомъ», стр. 4. Цѣлый рядъ статей о воровствѣ и другихъ преступленіяхъ размѣщенъ безъ

соблюденія и такого алфавитнаго порядка. Ср. напр., рубрику «блудъ» и слѣдующую за ней «безъ поличнаго»... и проч.

¹ Ср. прим. 1 на стр. 329. К. П. (объ доносцевѣ), Обзорѣниі частныхъ трудовъ по собранію законовъ и по составленію указанныхъ словарей до изданія П. С. З. Россійской имперіи, Арх. историч. и практ. свѣд., отн. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 5, Спб., 1863, стр. 62. Объ оцѣнкѣ «Памятника» О. Правикова ср. у П. Хавскаго, Лекція, М. 1818, стр. 9.

² Сынъ Отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 99.

³ Съ попыткой изложенія русскаго законодательства въ хронологическомъ порядкѣ и алфавитно-предметной системѣ мы встрѣчаемся въ «Указателѣ россійскихъ законовъ, или краткомъ

переработанъ въ духъ первоначальнаго плана *Θ. Правикова* *А. Фіалковскимъ*¹. Послѣдній ведетъ изложеніе по азбучному порядку и придаетъ всему труду законченный видъ, располагая его въ девяти частяхъ съ обширными дополненіями².

Трудъ *А. Фіалковскаго* былъ, по признанію нашихъ практиковъ, выполненъ съ большей точностью и полнотой и оказался виднымъ подспорьемъ для дѣятелей начала XIX в. *К. П(обѣдоносцевъ)*, видитъ въ немъ «... лучшее руководство для познанія законовъ, къ практическому судопроизводству служащихъ, нежели всѣ прочіе частные труды по собранію законовъ»³.

Если обширные труды *Θ.* и *А. Правиковыхъ* и *А. Фіалковскаго* преслѣдовало, главнымъ образомъ, цѣли практическія, то не было недостатка и въ менѣе подробныхъ изданіяхъ, стремившихся дать при помощи алфавитно-предметной системы общую картину русскаго законодательства по эпохамъ.

Съ такимъ трудомъ мы встрѣчаемся въ «Сокращенномъ памятникѣ россійскаго законодательства *Н. И. Х.*»⁴. Въ немъ каждому вѣку русскаго законодательства посвящена отдѣльная глава, въ предѣлахъ которой располагаются постановленія закона въ свободномъ изложеніи по алфавитно-предметной системѣ. Уголовному праву отведено въ ряду прочихъ отраслей права видное мѣсто, причемъ послѣдовательно отдѣляются процессуальныя постановле-

словарѣ главнымъ матеріямъ, содержащимся въ узаконеніяхъ съ 1801 по 1825 годы, сост. *А. Спасскимъ*», М. 1825. Трудъ *А. Спасскаго* разбитый на три книги, содержитъ въ первыхъ двухъ изложеніе узаконеній съ 1801 по 1825 годы въ порядкѣ хронологическомъ, а въ третьей даетъ алфавитно-предметный указатель типа Словаря *М. Чулкова*. Ср. *А. Спасскій*, *Ор. cit.*, пред. II.

¹ Новый памятникъ законовъ имперіи Россійской, 20 ч., составилъ *А. Ф. Фіалковскій*, изд. Глазунова, 1826—1829.

² Части XI—XVII посвящены узаконеніямъ съ 1819 по 1825 г. и распо-

жены въ хронологическомъ порядкѣ. Ср. приложенное къ „Новому памятнику“ Историческое обзорѣніе россійскаго законоположенія, стр. IV.

³ *К. П(обѣдоносцевъ)*, Обзорѣніе частныхъ трудовъ по собранію законовъ, *Арх. истор. и практ. свѣд.*, относ. до Россіи, изд. *Н. Калачовымъ*, кн. 5, Сиб. 1863, стр. 83. Ср. также отзывъ проф. *А. Коровецкаго*, *Истор. обзор. рос. гражд. и угол. пр.*, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 100.

⁴ Сокращенный памятникъ россійскаго законодательства, составленный *Н. И. Х.*, Спб. 1829.

нія отъ матеріально-правовыхъ ¹. «Сокращенный памятникъ» преслѣдовалъ, гвидимому, прежде всего цѣли популяризаціи опредѣленій уголовного права въ ихъ историческомъ наслоеніи. Издатель этого «Памятника» Олинъ писалъ въ своемъ введеніи: «я съ тѣмъ большимъ усердіемъ поспѣшилъ напечатать сію ручную книгу, что почитаю оную подаркомъ самымъ полѣзнымъ и занимательнымъ для читателей. Каждый обязанъ имѣть понятіе о законодательствѣ своего государства; и въ семъ то именно отношеніи книжка сія можетъ служить для всѣхъ съ пользою, преимущественно по части исторической ².

Съ спеціальнымъ выдѣленіемъ уголовно-правовыхъ опредѣленій и съ изложеніемъ ихъ въ предметно-алфавитномъ порядкѣ мы встрѣчаемся въ трудѣ И. Орлова ³.

Обособленіе уголовно-правовыхъ постановленій закона является главной цѣлью И. Орлова. «Донынѣ, пишетъ онъ, не было еще такой книги, въ которой бы отдѣльно собраны были всѣ законы къ сему предмету относящіеся» ⁴. Эти слова И. Орлова справедливы, поскольку имъ впервые дается алфавитно-предметный указатель матеріала уголовного права въ изданіи, обнимающемъ спеціально уголовно-правовыя постановленія. Трудъ И. Орлова отличается отъ попытки П. и Т. Хавскихъ «Уголовное уложеніе», главнымъ образомъ, системой расположенія матеріала. «Нерѣдко, пишетъ И. Орловъ, встрѣчается немалое затрудненіе въ скоромъ пріисканіи какого-либо приличнаго по содержанію дѣла закона; ибо хотя въ Памятникѣ изъ законовъ и находятся нѣкоторыя, но въ разныхъ по матеріямъ книгахъ...; въ другихъ же

¹ Ср. напр., Сокращенный памятникъ, стр. 8 и слѣд., гдѣ сгруппированы процессуальныя опредѣленія Русской правды по рубрикамъ: доносъ, свидѣтели, испытаніе желѣзомъ и водою и вслѣдъ затѣмъ затронуты постановленія объ убійствѣ, зажигателяхъ, татѣ коневомъ, пеняхъ за насиліе и слѣд

² Сокращ. памятникъ, Отъ издателя.

³ Краткая выписка изъ законовъ по уголовной части, служащая для руководства всякому дѣлопроизводителю, къ удобнѣйшему и скорѣйшему пріисканію относящихся по приличію до нижеслѣдующихъ расположенныхъ по азбучному порядку матерій... сост., Иваномъ Орловымъ, М. 1826.

⁴ Краткая выписка, Предъувѣдомл. отъ издателя.

книгахъ расположены таковыя по годамъ ихъ совокупно съ гражданскими, и потому неудобно въ нихъ приискать скоро потребнаго закона»¹. И. Орловъ преслѣдовалъ, кромѣ того, довольно успешно и цѣль пополненія прежнихъ «памятниковъ» и «собраній»².

Какъ бы общимъ сводомъ всѣхъ вышедшихъ до 1821 года трудовъ этого рода является «Ключъ на книги законовъ» А. Щербакова³, бывшій простымъ алфавитнымъ указателемъ предметовъ съ ссылкой на общераспространенные сборники М. Чулкова, О. и А. Правиковыхъ и др., а равно и вышедшія къ этому времени части «Систематическаго свода законовъ», издававшася Комиссіей составленія законовъ.

«Убѣждаясь, пишетъ А. Щербаковъ, не удобствомъ и затрудненіемъ въ приисканіи законовъ по книгамъ до нынѣ вышедшимъ, изобрѣлъ я, весьма легкой способъ, показывающій по алфавиту каждое порознь названіе въ разныхъ книгахъ законовъ явствуемое»⁴. «Съ нынѣшняго времени, гордо заявлялъ А. Щербаковъ, по оному способу постигнуть можно все, что только въ обрядѣ, завѣденіи и законномъ порядкѣ существуетъ»⁵. При составленіи своего «Ключа» А. Щербаковъ, повидимому, усиленно пользовался алфавитнымъ указателемъ Юридическаго словаря М. Чулкова.

Въ качествѣ справочнаго труда «Ключъ» А. Щербакова представляетъ извѣстную цѣнность и для нашего времени. Нельзя въ то же время не признать, что онъ какъ бы соединилъ въ себѣ всѣ тѣ ошибки и промахи отдѣльныхъ изданій, на основаніи которыхъ составленъ⁶.

¹ Краткая выписка, *ibid.*

² Краткая выписка, *ibid.*

³ Ключъ на книги законовъ, изобретенный... Александромъ Щербаковымъ, ч. I., Спб. 1820 и 1821 г., ч. II 1820 г.

⁴ А. Щербаковъ, Ключъ, вступленіе, стр. I.

⁵ А. Щербаковъ, Ключъ, вступл., стр. II.

⁶ Совершенно отрицательно относится къ „Ключу“ А. Щербакова К. П(обѣдоносцевъ) въ своемъ Обзорѣніи частныхъ трудовъ по собранію законовъ, стр. 77. Игнорируя то обстоятельство, что онъ долженъ былъ играть роль ука-

2. Практики-составители руководствъ дѣлопроизводства и преподаватели „законоискусства“.

Новый и полный всеобщій стряпчій.—Всеобщій стряпчій П. А. Моркова.—Полный всеобщій стряпчій С. Ушакова.—Юридическая грамматика Ф. Правикова.—И. Аничковъ.—З. А. Горюшкинъ.—Н. Н. Сандуновъ.—С. А. Смирновъ.—С. Г. Боголюбовъ.—Н. Т. Спасскій.—А. К. Бабичевъ.—А. А. Федоровъ.

Руководства дѣлопроизводства, рассчитанныя на широкое пользованіе всѣхъ вообще имѣющихъ надобность въ знаніи закона для своихъ дѣлъ, составляютъ въ началѣ XIX вѣка излюбленный типъ изданій тогдашнихъ практиковъ. Выступая съ болѣе спеціальной задачей, чѣмъ практики-собратели законовъ, авторы этихъ трудовъ посвящаютъ свое вниманіе, по самому характеру преслѣдуемыхъ ими цѣлей, распредѣленію матеріала права въ связи съ разграниченіемъ круга вѣдомства различныхъ органовъ судебной власти. Они полагаютъ поэтому въ основаніе своей системы, главнымъ образомъ, моментъ подсудности. Общей чертой такихъ изданій является вмѣстѣ съ тѣмъ то, что вопросы уголовного права трактуются въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ проблемами уголовно-процессуальными. Мы постараемся иллюстрировать особенности этихъ трудовъ на нѣсколькихъ наиболѣе распространенныхъ руководствахъ дѣлопроизводства.

Именно съ такими чертами выступаетъ «Новый и полный всеобщій стряпчій, или судебный обрядникъ»¹. Въ основаніе его раздѣленія положено не различеніе отдѣльных матеріально-правовыхъ понятій, но органы, вѣдающіе тѣ или другія дѣла. Исто-

зателя къ вышедшимъ сборникамъ, К. П. пишетъ: „предполагаемый Щербаковымъ легкій способъ состоитъ въ томъ, что обязываетъ имѣть передъ собою 44 книги законныя и тѣ неполныя, что по Ключу или Словарю должно справляться также съ Словаремъ (Чулкова) ..“.

¹ Новый и полный всеобщій стряпчій, или судебный обрядникъ, показывающій подробное руководство къ познанію хода и производства дѣлъ всякаго рода, въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и по какимъ узаконеніямъ и правамъ оныя должны производиться; въ какихъ случаяхъ и на какомъ основаніи могутъ быть апелляціонныя жалобы и т. д. Въ четырехъ частяхъ, М. 1811.

рическая часть представлена въ «Новомъ и полномъ всеобщемъ стряпчемъ», хотя и подъ громкимъ названіемъ «Историческаго обзорѣнія россійскаго законодательства отъ древнихъ временъ до нынѣ»¹, но сводятся, въ виду ближайшей задачи этого руководства, къ перечисленію должностей и чиновъ старой Руси съ указаніемъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ. Существенной частью такой системы расположенія матеріала выступаетъ изображеніе «обрядовъ суда» и приведеніе формъ дѣловыхъ бумагъ. Въ концѣ концовъ получается не только изложеніе, въ которомъ процессуальный элементъ выдвинутъ на первый планъ по сравненію съ матеріально-правовымъ, но и изложеніе, приспособленное къ тому, чтобы дать указанія, куда обратиться для разрѣшенія дѣла, и гдѣ можно найти соотвѣтственные матеріально-правовыя опредѣленія. Въ такой системѣ нужно видѣть признаніе начала, что способъ юридической защиты, какъ признакъ внѣшній, предпочитается по своей удобораспознаваемости другимъ существеннымъ элементамъ права.

Съ той же системой по существу мы встрѣчаемся въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ изданій этого рода въ «Всеобщемъ стряпчемъ или повѣренномъ», составленномъ И. Морковымъ² и выдержавшимъ съ 1810 по 1821 годъ шесть изданій³. Вопросы уголовного права предоставлены въ этомъ изданіи отдѣлу, трактующій о «дѣлахъ слѣдственныхъ».

Введеніемъ ко всему труду служитъ историческій очеркъ русскаго законодательства, являющійся перечнемъ существовавшихъ въ разное время на Руси учрежденій и должностныхъ лицъ⁴. Догматическая часть, въ свою очередь, представляетъ

¹ Новый и полный всеобщій стряпчий, ч. I, стр. 1—42.

² Біографическія данныя объ Иванѣ Алексѣевичѣ Морковѣ ср. Гр. Геннади, Справочный словарь, т. 2, Берл. 1880, стр. 344; Энциклопедич. слов., т. 19а, Спб. 1896, стр. 859.

³ Всеобщій стряпчий или повѣренный... собранный и сочиненный... Ив. Морковымъ, ч. 1—8, Спб. 1820, ч. 9—16, Спб. 1821.

⁴ Всеобщій стряпчий или повѣренный, ч. I, стр. 1—95.

«обозрѣніе... разныхъ чиновъ и присутственныхъ мѣстъ...», ¹ дополненное характеристикой способа разбирательства дѣлъ. Уголовно-правовыя опредѣленія матеріальнаго характера, въ свою очередь, только дополняютъ часть, «содержащую въ себѣ обряды слѣдственныхъ и апелляціонныхъ дѣлъ и также производимыхъ въ министерствахъ» ². Не воспроизводя дословно текста закона, И. Морковъ описываетъ, главнымъ образомъ, разные процессуальныя правила и практическую сторону процесса. Къ матеріально-правовой сторонѣ онъ подходит со стороны процессуальной, выдвигая на первый планъ формальныя способы защиты того или другого права и формальныя гарантіи раскрытія того или другого правонарушенія. Въ такой системѣ изложенія И. Морковъ видитъ лучший путь для ознакомленія съ дѣйствующимъ правомъ ³.

Такой же характеръ носитъ и «Полный всеобщій стряпчій» С. Ушакова ⁴. Въ основаніе системы и этого труда положено то же начало распредѣленія дѣлъ по ихъ подсудности тѣмъ или другимъ учрежденіямъ. С. Ушаковъ даетъ, прежде всего, «описаніе всѣхъ присутственныхъ, судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ и вѣденій... съ показаніемъ завѣдываемыхъ ими дѣлъ, дабы всѣ занимающіеся хожденіемъ по дѣламъ и вообще всякаго рода дѣлопроизводствамъ, могли знать къ какому мѣсту, или лицу принадлежитъ разсмотрѣніе и рѣшеніе сочиняемыхъ ими бумагъ». Вторая часть труда С. Ушакова даетъ въ алфавитномъ порядкѣ законы, касающіеся практическаго дѣлопроизводства, а третья «общее обозрѣніе производства судныхъ... и апелляціонныхъ дѣлъ во всѣхъ инстанціяхъ», на основаніи, главнымъ образомъ, узаконеній послѣдняго времени, т. е. начала двадцатыхъ годовъ ⁵.

¹ Всеобщій стряпчій, ч. II.

² Всеобщій стряпчій, ч. V, стр. 5—152.

³ Всеобщій стряпчій, ч. I, Увѣдом., стр. 1.

⁴ Полный всеобщій стряпчій или словарь практическаго гражданскаго дѣлопроизводства, изд. вт., т. 1, 1822;

т. 2, 1822; т. 3, 1825—1826 г.г. собранъ С. Ушаковымъ.

⁵ Полный всеобщій стряпчій, т. 1, изд. вт., стр. XV и сл.

Весьма близкимъ къ изданіямъ, разсмотрѣннымъ выше, служитъ „Собраніе законовъ и постановленій, съ присовокупленіемъ различныхъ формъ, служа-

Руководства дѣлопроизводства, не теряя своего характера трудовъ, описывающихъ отдѣльныя учрежденія, ихъ компетенцію и порядокъ вершенія въ нихъ дѣлъ, иногда принимаютъ своеобразную форму «юридической грамматики». Мы видѣли уже какъ въ XVIII в., за отсутствіемъ пригодной теоретической схемы, по которой могло бы быть изучено и систематизировано дѣйствующее право, наши юристы прибѣгали къ расчлененію матеріала, подсказанному простымъ приложеніемъ пріемовъ грамматическаго разбора текста закона. Съ новой попыткой воспользоваться логическими категоріями грамматики для лучшаго описанія отдѣльныхъ учрежденій и дѣлопроизводства въ нихъ мы встрѣчаемся въ трудѣ Ф. Правикова «Грамматика юридическая»¹.

Обычная схема руководствъ дѣлопроизводства съ перечисленіемъ разнаго рода «присутственныхъ мѣстъ», — описаніемъ того, «какія дѣла отправляются въ оныхъ», каковъ въ нихъ «порядокъ судопроизводства»² и проч., дана Ф. Правиковымъ въ его «Грамматикѣ» въ другомъ построеніи. Вводя традиціонный матеріалъ, авторъ, въ видахъ болѣе легкаго усвоенія его, пользуется грамматическими пріемами и располагаетъ свое изложеніе въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, «предложеній и рѣшеній». Ф. Правиковъ пишетъ: «... сочинилъ я сію книгу подъ заглавіемъ Юридической

щихъ къ скорому познанію оныхъ и канцелярскаго порядка, сочин. и собран. Алексѣемъ Щедринымъ», 3 ч., 1823. Объ этомъ изданіи съ полнымъ правомъ писалъ К. П(обѣдносцевъ) въ своемъ «Обозрѣніи частныхъ трудовъ по собранію законовъ», Арх. ист. и практ. свѣд., относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 5, Спб. 1863, стр. 78: «Это Собраніе ни хронологическое, ни систематическое, ни по азбучному порядку расположенное». Часть первая носитъ, по преимуществу, процессуальный характеръ, хотя постепенно переходитъ къ вопросамъ уголовного права. Такъ, параграфъ 22

посвященъ общадамъ и оскорбленіямъ. Часть вторая и третья трактуютъ вопросы дѣлопроизводства. Элементомъ связующимъ въ Собраніи А. Щедрина вопросы процессуальные и матеріально-правовые, является взглядъ, что судебная защита опредѣленныхъ правъ предполагаетъ и выясненіе матеріальнаго содержанія ихъ.

¹ Грамматика юридическая или начальныя правила російскаго правовѣдѣнія, сочиненная въ пользу юношества, обучающагося въ разныхъ училищахъ... Фед. Правиковымъ, М. 1817.

² Грамматика юридическая, М. 1817, стр. 1.

грамматики, соразмѣрно прочимъ разнымъ грамматикъ правиламъ»¹. Такое примѣненіе грамматическихъ приѣмовъ для подведенія постановленій права подъ опредѣленную категорію сближаетъ опытъ Ф. Правикова съ трудами, образецъ которыхъ мы видѣли въ «Юриспруденціи или правосудія производствѣ».

Популярно-юридическое теченіе привилось у насъ не только въ области литературы, но укоренилось, какъ результатъ одинаковыхъ условій—непосильности научной разработки догмы уголовного права—и въ сферѣ академическаго преподаванія. Мы можемъ видѣть, какъ тѣ же приѣмы ознакомленія съ догмой, при помощи изученія ея со стороны дѣлопроизводства отдѣльныхъ учреждений, переносятся на университетскія кафедрѣ.

Практическое дѣлопроизводство, представленное въ Московскомъ университетѣ «законоискусниками» П. Аничковымъ, З. Горюшкинымъ, Н. Сандуновымъ и С. Смирновымъ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ—С. Боголюбовымъ, въ Казанскомъ—А. Оедоровымъ, въ Харьковскомъ—А. Бабичевымъ и Н. Спасскимъ, является, по самому существу своему, ничѣмъ инымъ, какъ попыткой привить и въ области академическаго преподаванія «популярно-юридическіе» приѣмы. Тщательный анализъ характера преподаванія «законоискусства» только подтверждаетъ это предположеніе. Правда, мы увидимъ ниже, что нѣкоторые изъ «законоискусниковъ» старались въ своихъ литературныхъ трудахъ возвыситься надъ чисто «популярными» приѣмами, но они долго не отказывались отъ нихъ въ преподаваніи, а большинство и въ своихъ научныхъ опытахъ.

Однимъ изъ первыхъ преподавателей «законоискусства» въ Московскомъ университетѣ былъ П. Аничковъ². О курсѣ замѣ-

¹ Op. cit., стр. I, Пред.

² Въ періодъ времени съ 1783 по 1786 г. онъ „упражнялся“ въ показаніи практической Россійской юриспруденціи и судопроизводствѣ студентамъ юридическаго факультета“. Ср. Біограф. слов. проф. и преподав. П. М. У., ч. 1,

дополн., стр. 481, а также Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausg. v. H. L. Vacmeister, B. 10, S. 326; Гр. Геннадіи, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 32; С. Венгеровъ, Критико-біографическій

нившего его З. Горюшкина ¹ (1786—1811) мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія отъ И. Тимковскаго ². Послѣдній пишетъ о характерѣ занятій З. Горюшкина: «двухъ-лѣтній курсъ его преподаванія имѣлъ четыре вида: 1-й по запискамъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о правительствѣ, присутственныхъ мѣстахъ, чинахъ, должностяхъ, и хронологически о законныхъ книгахъ; 2-й по такимъ же запискамъ о порядкѣ судопроизводства, о существѣ и формахъ записныхъ книгъ, судебныхъ и актовыхъ бумагъ и сообщеній; 3-й экзегетическое чтеніе нужнѣйшихъ главъ изъ уложенія, артикуловъ и уставовъ, съ приведеніемъ новѣйшихъ по нимъ законовъ...; 4-й практика производства дѣлъ на разные задачи, гдѣ раздавались роли истцовъ, отвѣтчиковъ, судей, секретаря, а въ слѣдственныхъ дѣлахъ роли допросовъ свидѣтелей, очныхъ ставокъ и проч...» Въ своемъ «Краткомъ разсужденіи о нуждѣ всеобщаго знанія російскаго законоискусства» ³, З. Горюшкинъ, въ свою очередь, говоритъ о важности выясненія при преподаваніи того, «какъ должно поступать при произвожденіи дѣлъ въ дѣйство; о правахъ и должностяхъ мѣсть, учрежденныхъ для отиравленія всего нужнаго къ благосостоянію государства, и особъ къ тому опредѣленныхъ», обрядѣ «какой должно наблюдать при сочиненіи всякихъ писемъ, касающихся до оныхъ дѣлъ», и порядкѣ, по которому должно «.... отиравлять производство самыхъ дѣлъ...». Эта область знанія, по плану З. Горюшкина, относится «къ Російскому (практическому) дѣятельному законоискусству» ⁴. Последнее, не отличаясь по самому содержанію, отъ теоретической части, является какъ бы другимъ путемъ, ведущимъ къ познанію права. Характеристической особенностью послѣдняго пути, намѣ-

слов., т. 1, Спб 1889, стр. 579; Энцикл. слов., дополн. 1 т. Спб. 1905, стр. 121.

¹ Указ. лит. біографич. свѣд. о З. Горюшкинѣ ср. ниже, стр. 347 и сл.

² Біограф. слов. проф. и препод. И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 248.

³ Руководство къ познанію російскаго законоискусства, М. 1811, перепл.

пер., стр. X, воспроизвод. „Краткое разсужденіе о нуждѣ знанія російскаго практическаго законоискусства“.

⁴ Руковод. къ познанію росск. законск., пер. пер., стр. XI, воспроизводящая „Краткое разсужденіе о нуждѣ знанія російскаго практическаго законоискусства“.

чаемаго З. Горюшкинымъ въ его «Описаніе судебныхъ дѣйствій», служить изученіе дѣлопроизводства при посредствѣ изслѣдованія функцій отдѣльныхъ учреждений ¹.

На томъ же пути стоитъ и Н. Сандуновъ ², занявшій въ 1811 году кафедру З. Горюшкина и создавшій школу въ лицѣ ряда учениковъ, преподававшихъ «законоискусство» въ русскихъ университетахъ первой трети XIX ст.

Науку права Н. Сандуновъ понимаетъ въ качествѣ практической дисциплины, имѣющей своей задачей научить примѣненію права. «Существо дѣла. пишеть Н. Сандуновъ, выводъ заключенія и подтвержденіе ихъ силою закона составляютъ все искусство опытнаго знанія законовѣденія» ³. Вся область законовѣденія, отождествляемаго имъ съ «законоискусствомъ», распадается именно на тѣ части, потребность въ усвоеніи которыхъ имѣется у лица, желающаго научиться праву. «Учащій законоискусству, пишеть Н. Сандуновъ, долженъ знать состояніе своего ученика: учить ли онъ его, какъ частнаго гражданина..., или какъ готовящагося служить по опредѣленію отъ правительства и по выборамъ, или какъ желающаго быть въ свое время законоискусникомъ;... въ первомъ случаѣ долженъ онъ показать ученику своему подчиненность его власти, кругъ состоянія его..., права въ наслѣдствахъ, сдѣлкахъ и обязательствахъ; во второмъ сверхъ вышеозначенныхъ свѣдѣній долженъ дать знаніе объ обязанности судьи...; въ третьемъ случаѣ... обязанъ онъ предуготовить... въ знаніи исторіи законодательства Россійскаго и древностей къ оному относящихся, и потомъ уже отверсть обширный храмъ право-

¹ См. ниже, стр. 352.

² Ср. біографическія данныя о Ник. Ник. Сандуновѣ профессорѣ гражданскаго и уголовного судопроизводства въ Россійской имперіи въ статьѣ проф. О. Морошкина, Біограф. слов. профес. и препод. И. М. У. ч. 2, М. 1855, стр. 388—397; Энциклопедич. слов., т. 28а, Спб. 1900, стр. 259. Н. Сандуновъ

пользовался именемъ выдающагося практическаго юриста. Онъ умеръ 7 іюня 1832 г., на 64 году.

³ Слово о необходимости знать законы гражданскіе и о способѣ учить и учиться Россійскому законовѣдѣнію... іюля 6 дня 1820 г. произнес... Ник. Сандуновымъ, М. 1820, стр. 19.

судія:... изъяснить... всю систему государственнаго правленія,... учрежденныя правительственныя... судебныя, хозяйственныя и исполнительныя мѣста, ихъ обязанности, чины ихъ занимающіе и ихъ должности...; затѣмъ уже ввести его въ сіе святилище закона, для усмотрѣнія занятій по дѣламъ въ немъ производимымъ, разобрать дѣла сіи по роду ихъ, какъ-то: вотчинныя, долговыя, исковыя, уголовныя и слѣдственныя; изъяснить порядокъ производства ихъ; сроки для подачи прошеній...»¹ и проч.

Полагая въ основаніе раздѣленіе права не характеръ его по существу, но вѣдѣніе его тѣмъ или другимъ учрежденіемъ и запросы лица, желающаго приспособить свои знанія для службы въ этихъ учрежденіяхъ, Н. Сандуновъ являлся принципиальнымъ отрицателемъ необходимости изученія права внѣ его примѣненія на практикѣ и расчлененія его на такія отдѣльныя категоріи, которыя опредѣляются разнообразными общими началами. Известный проф. Θ. Морошкинъ былъ на правильномъ пути, когда писалъ объ этомъ выдающемся практикѣ: «... метода Сандунова не подвигала науку впередъ, а приготавлила для службы людей, секретарей и стряпчихъ. Онъ понималъ науку, какъ законоискусство»². Въ соотвѣтствіи со своими воззрѣніями Н. Сандуновъ полагаетъ, что полнота знанія «законоискусства» дается изученіемъ дѣлъ на опытѣ. Онъ требуетъ, чтобы «желающій быть въ свое время законоискусникомъ» далъ себѣ трудъ «читать дѣла подлинныя, сочинять изъ нихъ выписки»³; бралъ «для производства, разбора и рѣшенія дѣла, взятые изъ хранилищъ правительства, окончанныя вышними судами и приведенныя въ исполненіе»⁴.

Область уголовного законодательства представляется, въ связи съ этимъ, Н. Сандунову, какъ одна изъ разновидностей функцій правительственныхъ учрежденій. Подобно тому, какъ существуютъ дѣла вотчинныя, долговыя, исковыя и проч., возможна и категорія дѣлъ «уголовныхъ и слѣдственныхъ». II при изученіи

¹ Н. Сандуновъ, Слово, стр. 19 и сл.

² Θ. Морошкинъ, *Op. cit.*, стр. 393.

³ Н. Сандуновъ, Слово, стр. 21.

⁴ Н. Сандуновъ, Слово, стр. 24.

этой отрасли нужно знакомиться съ соответственными опредѣленіями законодательства, съ установленными формами дѣлопроизводства и проч. Но не отличая «дѣлъ уголовныхъ» отъ другихъ, по началамъ, съ точки зрѣнія которыхъ они обсуждаются и подлежатъ рѣшенію, Н. Сандуновъ подчеркиваетъ только, что здѣсь больше, чѣмъ во всякой другой области нужно заботиться о томъ, чтобы они отправлялись въ строгомъ соответствіи съ закономъ. «Если уголовное производство, пишетъ Н. Сандуновъ, должно ствующее по законамъ получить утвержденіе свое отъ чиновника къ сему уполномоченнаго, будетъ разсматриваемо человекомъ къ дѣламъ неприготовленнымъ, въ нихъ неопытнымъ, въ законахъ не свѣдущимъ, приговоръ уголовный дѣлается не возмездіемъ виноватому законами опредѣленнымъ, но истязательною казнію для невиннаго страдальца»¹. Можно полагать, что Н. Сандуновъ, отводившій столь важную роль строгой подзаконности въ сферѣ уголовной, останавливался въ своемъ преподаваніи на истолкованіи соответственныхъ законодательныхъ постановленій, прибѣгалъ, на случай неясности и спорности примѣненія конкурирующихъ законовъ, къ приему историческаго толкованія. Его указанія на необходимость для «законоискусника» «знанія исторіи законодательства Россійскаго и древностей»² могутъ только подтверждать это предположеніе.

Одновременно съ Н. Сандуновымъ практическое дѣлопроизводство преподавалъ въ Московскомъ университетѣ С. Смирновъ³. Въ основаніе его занятій⁴ было положено его руковод-

¹ Н. Сандуновъ, Слово, стр. 12.

² Н. Сандуновъ, Слово, стр. 24.

³ Сем. Алексѣевичъ Смирновъ, воспитывался въ Московской духовной академіи, а затѣмъ и Московскомъ университетѣ, въ которомъ въ 1805 году былъ удостоенъ степени магистра философіи. Чувствуя влеченіе къ практическимъ занятіямъ юриспруденціей, онъ вскорѣ переходитъ въ Сенатъ, а въ 1807 становится докторомъ юриспруденціи. Въ 1811 г. С. Смирновъ за-

нимаетъ должность адъюнкта по теоріи Россійскаго законоискусства, въ 1828 становится экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1834 году покидаетъ кафедру. Ср. біографическія свѣдѣнія о С. Смирновѣ въ Біограф. слов. профес. и препод. И. И. У. ч. 2, М. 1855, стр. 418—420.

⁴ Ср. рукописные матеріалы о веденіи С. Смирновымъ преподаванія въ Московскомъ университетѣ за 1829—1833 Румянц. музей, № 2773.

ство ¹, построенное на началах популярно-юридических приемов изложения ².

Въ «Легчайшемъ способѣ къ познанію російскихъ употребительнѣйшихъ законовъ» С. Смирновъ дѣлаетъ попытку созданія самостоятельной системы расположенія матеріала русскаго уголовного и гражданскаго права для цѣлей юридической практики и обученія, но по существу не идетъ далѣе обычныхъ приемовъ построения руководствъ дѣлопроизводства, съ которыми мы встрѣчались выше.

«По общей методѣ Юристовъ, читаемъ мы у С. Смирнова, сперва надлежало бы предложить о лицахъ, потомъ о вещахъ, наконецъ, о обязательствахъ и о дѣлопроизводствѣ; но я почелъ за нужное расположить совсѣмъ иначе, а именно: сперва дать краткое понятіе о законахъ и ихъ раздѣленіи, потомъ предложить объ Исторіи Россійскаго законодательства, О Присудственныхъ мѣстахъ по части гражданской и уголовной, ... о званіи и обязанностяхъ лицъ, мѣста сіи занимающихъ, потомъ о прошеніяхъ и жалобахъ и, наконецъ, о производствѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ» ³. Ошибочно было бы представить себѣ, что это руководство имѣло въ виду исключительно процессуальное право. Оно считало послѣднее только путемъ, ведущимъ къ уясненію содержанія матеріальнаго законодательства, и въ этомъ его интересъ.

¹ Легчайшій способъ къ познанію російскихъ употребительнѣйшихъ законовъ, съ прил. таблицы о присудственныхъ мѣстахъ, изд. С. Смирновымъ М. 1821.

² Научная дѣятельность С. Смирнова не была одностороння и въ частности, ояъ особенно близокъ былъ къ историческимъ занятіямъ русскимъ правомъ. Памятникомъ работъ С. Смирнова въ этомъ направленіи служитъ, между прочимъ, его „Рѣчь о началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духъ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи въ Рѣчахъ, произн. въ торж. собр. И. М. У. іюля 8 дня 1832“, М. 1832. Этотъ

трудъ представляетъ собой бѣглый обзоръ данныхъ вѣшней исторіи русскаго права, сопровождаемый рядомъ догадокъ, свидѣтельствующихъ въ общемъ объ отсутствіи исторической перспективы. С. Смирновъ не видитъ никакихъ затрудненій для сближенія самыхъ разнородныхъ учрежденій по числу вѣшнимъ признакамъ. Ср. напр. о судищѣ изъ 12 мужей, Ор. сіт., стр. 17, Объ отсутствіи „присудственныхъ мѣстъ“ въ эпоху Русской правды, Ор. сіт. стр. 19 и сл.

³ С. Смирновъ. Легчайшій способъ, Отъ изд.

Достигнувъ своего высшаго развитія въ преподаваніи Н. Сандунова, «законоискусство», большей частью при посредствѣ учениковъ этого даровитаго практика, переносится и въ другіе очаги просвѣщенія. Петербургскій университетъ приглашаетъ для преподаванія «законоискусства» ученика Н. Сандунова С. Г. Боголюбова, Харьковскій — посылаетъ на выучку московскому практику своего питомца Н. Т. Спасскаго. Въ томъ же духѣ ведутъ преподаваніе въ Казани А. А. Оедоровъ и въ Харьковѣ А. К. Бабичевъ.

Въ такую форму отливается въ русской школѣ первой трети XIX ст. практическое преподаваніе правовѣдѣнія, — то теченіе, которое имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ приказную юриспруденцію, пережившую послѣдовательно нѣсколько фазисовъ своего развитія и застывшую на пріемахъ популярно-юридическихъ конструкцій.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ перенесенія пріемовъ Н. Сандунова въ другіе русскіе университеты.

Профессоръ «законоискусства» въ Петербургскомъ университетѣ С. Боголюбовъ¹ вышелъ изъ московской школы Н. Сандунова. Преподавая съ 1824 по 1832 г., онъ, по словамъ историка Спб. университета П. Плетнева, «не владѣя отлично даромъ слова и не получивши рано привычки къ систематическому объему науки, ... для слушателей замѣняли то и другое практическимъ ихъ руководствомъ»². Въ строго практическомъ характерѣ его курса убѣждаетъ и общее направленіе его работъ. С. Боголю-

¹ Біографич. свѣдѣнія о С. Боголюбовѣ см. Первое двадцатипятилѣтіе Имп. Спб. университета, историческая записка, чит... П. Плетневымъ, Спб. 1844, стр. 41 и сл., а также В. Григорьевъ, Имп. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія, Спб. 1870, стр. 49 и 69.

Воспитанникъ Благороднаго пансіона Московскаго университета и юристъ — практикъ, прослужившій долгое время

въ Комиссіи составленія законовъ, С. Боголюбовъ въ 1824 году опредѣляется профессоромъ Россійскаго гражданскаго и уголовнаго права и судопроизводства и занимаетъ кафедру до половины 1832 г. С. Боголюбовъ скончался въ февралѣ 1842 г. Ср. Григорьевъ, *Op. cit.*, стр. 69.

² П. Плетневъ, Первое двадцатипятилѣтіе Имп. Спб. университета, Спб. 1844, стр. 41 и сл.

бовъ былъ однимъ изъ участниковъ переработки «Памятника» Правиковыхъ въ 20-ыхъ годахъ XIX ст. ¹.

Изъ школы Н. Сандунова вышелъ и Н. Спасскій ², преподававшій до начала 30-хъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ русское публичное и уголовное право. Будучи командированъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія, онъ поручается Н. Сандунову ³. Переписка, возникшая между послѣднимъ и Харьковскимъ университетомъ по поводу занятій Н. Спасскаго, представляетъ извѣстный интересъ, какъ бросающая свѣтъ на приемы преподаванія Н. Сандуновымъ «законоискусства». Онъ писалъ по поводу занятій Н. Спасскаго: «Харьковскій университетъ вѣрно болѣе двухъ трехъ лѣтъ не дастъ ему времени пробыть здѣсь. Время для теоріи довольно, а для практики очень малое: Россійское правовѣдѣніе обширно и ото дня на день безпрестанно распространяется» ⁴. Съ своей стороны Н. Спасскій находить, что «способъ преподаванія Россійскаго практическаго правовѣдѣнія, принятый г-мъ профессоромъ Сандуновымъ... есть самый лучший и удобнѣйшій, какой только можно употребить къ

¹ Ср. Историческое обозрѣніе російскаго законоположенія, Сиб. 1826 стр. II, Отъ изд.

² Біографич. свѣдѣнія о Н. Спасскомъ ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2, passim; Юридич. факультетъ И. Х. У. за первыя сто лѣтъ его существованія, X. 1908, стр. 14 и сл., 219—221.

Ник. Тимоѳ. Спасскій род. въ 1802 г. Уже въ первый годъ по окончаніи имъ университета (1823) Н. Спасскому поручается чтеніе лекцій по русскому публичному и уголовному праву. Въ 1824 году университетъ направляетъ его въ Московскій университетъ, гдѣ онъ работаетъ, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ Н. Сандунова. По возвращеніи, Н. Спасскій продолжаетъ преподаваніе до начала тридцатыхъ годовъ. Ср. Д. Багалъй,

Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2, стр. 496.

³ Н. Спасскій слушалъ и лекціи проф. Л. Цвѣтаева. Ср. Раниортъ его отъ 16 сент. 1824 г. Дѣло Совѣта И. Х. У. 1824, № 33, л. I, Шлецера и Васильевскаго. Ср. Дѣло относ. отправленія Н. Спасскаго, 1827, № 6, л. 29 и 30. Н. Спасскій находился, однако, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Н. Сандунова. Ср. „Объясненія“ Н. Спасскаго въ Дѣлѣ относ. проф. Спасскаго, 1827, № 6, л. 18, 19, 23 и др. Ср. отзывъ Н. Сандунова о способностяхъ Н. Спасскаго, Дѣло канц. попеч. Х. Уч. Окр., 1822—1829, по арх. № 946, карт. № 51, л. 38.

⁴ Дѣло Совѣта И. Х. У. 1824, № 33, л. 2.

изъясненію и изученію сего предмета»¹. Методъ этотъ состоялъ въ «безирерывномъ упражненіи въ практической части права во всей его обширности»² безъ допущенія, какъ мы уже выше видѣли, распредѣленія матеріала по отдѣльнымъ категоріямъ и въ изученіи, главнымъ образомъ, обычныхъ формъ дѣлопроизводства примѣнительно къ практикѣ нашихъ старыхъ учрежденій.

Практическая сторона выдвигалась, повидимому, на первый планъ и въ преподаваніи въ Харьковскомъ университетѣ—А. К. Бабичева и въ Казанскомъ—А. А. Оедорова.

Первый читалъ въ началѣ 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія русское публичное право и уголовное судопроизводство³. Лекціи А. Бабичева⁴ носили своеобразный отбѣнокъ, свидѣтельствующій о полномъ отсутствіи теоретической школы⁵. Поскольку можно судить по его послѣдующей дѣятельности, А. Бабичевъ представлялъ собой чистаго практика⁶.

Что касается практическихъ приѣмовъ А. А. Оедорова⁷, чи-

¹ Дѣло Совѣта И. К. У. 1824, № 33, л. 4.

² Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьковского университета, т. 2, стр. 665.

³ Краткій очеркъ исторіи К. У. за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), сост. проф. Д. Багалъемъ, Н. Сумцовымъ и В. Бузескуломъ, Х. 1906, стр. 113; Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьковского университета, т. 2, стр. 587.

⁴ Біографич. свѣдѣнія о А. К. Бабичевѣ ср. Д. Багалъй, Опытъ, т. 2, стр. 496, а также 616 и слѣд. и П. Майковъ, О Сводѣ законовъ Россійской имперіи, Спб. 1906, стр. 247; Юридическій факультетъ Харьк. унив. за первыя сто лѣтъ его существованія, Х. 1908, стр. 221—222, 8, 15 и др.

А. К. Бабичевъ род. въ 1792 г., въ 1830 г. назначается адъюнктомъ въ К. У. и современемъ переходитъ въ Спб., гдѣ и умираетъ въ 1859 г., по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ П. Майковымъ, въ должности

совѣтника губернскаго правленія. Ср. Ор. cit., стр. 247.

⁵ Ср. по этому вопросу Краткій очеркъ ист. К. У., 1906, стр. 63, 71 и сл.; Д. Багалъй, Опытъ, т. 1, стр. 616.

⁶ Въ своемъ трудѣ „О редакціонномъ управленіи Свода законовъ“, напечат. вносѣдствіи въ Чтен. въ имп. общ. ист. и др. росе. М. 1865, кн. 4, стр. 222—241, А. Бабичевъ называетъ себя практикомъ, который „слѣдилъ Сводъ законовъ... по дѣйствительному примѣненію законовъ къ разнороднымъ дѣламъ,... по опытному наблюденію за производствомъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и вѣдомствахъ“..., Ор. cit., стр. 222.

⁷ Біографическія свѣдѣнія о Алексѣѣ Алексѣевичѣ Оедоровѣ, родившемся въ 1800 г. Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей И. К. У. ч. 2, Каз. 1904, стр. 94, а также Н. Загоскинъ, Ист. Каз. унив., т. 3, 1904, стр. 418.

тавшаго въ періодъ времени между 1822—1824 г.г. русское уголовное право и судопроизводство въ Казанскомъ университетѣ, то близость его преподаванія къ тому, что подносилось подъ видомъ «законоискусства» во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно. Въ основаніе своихъ чтеній онъ полагалъ, прежде всего, популярно-юридическія руководства, бывшія въ то время въ обиходѣ ¹.

3. Практики-систематики.

Руководство къ познанію російскаго законоискусства З. А. Горюшкина.— Систематическое собраніе С. Ханылева.—Систематическое руководство П. Соколова.

Труды практиковъ начала XIX в. не всегда пользуются одними вышними приѣмами для систематизаціи матеріала права. Наряду съ хронологическими, многочисленными предметными собраніями и разнаго рода руководствами дѣлопроизводства мы встрѣчаемся и съ болѣе сложными схемами построенія дѣйствующаго права, свидѣтельствующими не только съ известной глубиной обобщенія, но и о приѣмахъ, которые стоятъ какъ бы на границѣ между популярно-юридическими и научными. Схемы эти вырабатываются обыкновенно практиками по соображенію съ особенностями нормъ, подлежащихъ систематизаціи и практическими запросами. Последнее условіе, придающее всѣмъ этимъ попыткамъ своеобразный отпечатокъ, позволяетъ намъ относиться къ нимъ, какъ трудамъ, рассчитаннымъ на практическое примѣненіе.

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ практиковъ-систематиковъ заявилъ себя въ началѣ XIX в. Захарій Аникѣвичъ Горюшкинъ ². Онъ не прошелъ теоретической школы и значитель-

¹ Ср. Catalogus Praelectionum in Universitate litterarum Caesarea Casanensi, 1822, 1823, „Alexius Fedorov... jus criminale Rossicum et Processum criminalem juxta selectiores, qui in lingua rossica hac de re egerunt, auctores tradet“, p. 4. Catal. Praelect. 1823, 1824, p. 6.

² Біографическія данныя о З. А. Горюшкинѣ ср. Отеч. записки 1821, ч. 8, стр. 269 и слѣд.; Воспоминанія И. М. Снигирева, Русск. арх. 1866, стр. 513—

ную часть своей жизни посвятилъ практической дѣятельности ¹. Многолѣтняя служба дала ему кромѣ опытности въ дѣлопроизводствѣ обширныя познанія въ области дѣйствующаго права, позволившія ему пополнить нѣсколько несовершенныя собранія указовъ, бывшія въ то время въ ходу ². З. Горюшкина выдѣляетъ, однако, изъ ряда его предшественниковъ не одно это. Онъ представляетъ интересъ, какъ авторъ «Руководства къ познанію російскаго законоискусства», въ которомъ дѣлаетъ попытку ввести матеріаль законодательства въ систематическія рамки по своеобразной схемѣ. З. Горюшкинъ писалъ о своемъ трудѣ, въ которомъ цѣнилъ болѣе всего его систематическое построеніе: «не льщу себя, чтобъ... мои... наставленія были такого совершенства, какъ прочія науки..., надъ которыми... трудились во многіе вѣка ученѣйшіе мужи;... однакъ... для рождающейся въ нашемъ отечествѣ науки, они не недостойны вниманія» ³. Система расположенія матеріала имѣетъ, по З. Горюшкину, первенствующее значеніе. «... Порядочное и по правиламъ разположенное ученіе есть ближайшій путь къ познанію» ⁴, замѣчаетъ онъ. Систематическое

562; 735—760, въ особ. стр. 552 и сл., а равно стр. 755—760; Воспоминанія Ѳедора Петровича Лубяновскаго, Русск. арх. 1872, стр. 116; Ѳ. Морозкинъ, Уч. зап. И. М. У. 1834, № 8; Н. Коркуновъ, Исторія философіи права, изд. вт., Спб. 1908, стр. 311 и сл.; ст. И. Бѣляева въ Біограф. слов. проф. и преп. И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 247—254; Гр. Геннаді, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 247; Энциклопед. слов., т. 9, стр. 383 и сл.

З. Горюшкинъ род. 5 сент. 1748 г. († 1821). По «славѣ» своей, пишетъ авторъ его некролога, Отеч. зап. 1821 г., ч. 8, стр. 269 и сл., онъ въ качествѣ извѣстнаго практика былъ призванъ въ 1786 г. въ Московскій университетъ. Въ 1811 году З. Горюшкинъ покидаетъ кафедру.

¹ Слушатель З. Горюшкина Ѳ. Лубяновскій, Воспом., стр. 116, свидѣтельствуетъ, что учитель его славился „въ Москвѣ всеобъемлющимъ законовѣдѣніемъ, разумомъ въ сочиненіи прошеній и практическимъ знаніемъ примѣнять законъ къ данному случаю“.

² П. Хавскій, Лекція, М. 1818, стр. 9 замѣчаетъ: „способствовалъ и г. Горюшкинъ собраніемъ узаконеній, которыхъ мы не видимъ ни въ Словарѣ, ни въ Памятникѣ“. Рѣчь здѣсь идетъ, повидимому, о трудахъ М. Чулкова и Ѳ. и А. Правиковыхъ.

³ Руководство къ познанію російскаго законоискусства, М. 1811—1816, переп. пер., стр. IX.

⁴ Руководство, переп. пер., стр. VIII.

расположеніе русскаго права во всѣхъ его подробностяхъ совпадаетъ въ глазахъ З. Горюшкина съ разрѣшеніемъ задачи уясненія дѣйствующаго законодательства. Путемъ сопоставленія накопившихся въ процессѣ нашего праворазвитія законодательныхъ актовъ З. Горюшкинъ думаетъ обнаружить соотношеніе ихъ и получить въ результатѣ то, что представляется опредѣляющимъ то или другое отношеніе. «Отвергнуши многихъ заключеніе о томъ, пишетъ З. Горюшкинъ, что никакъ невозможно привести Россійскіе законы въ систему, стремительно опуцался въ глубину исторической древности нашего отечества и законовъ онаго, и проходя ихъ постепенно, собралъ нужныя къ сему намѣренію правила»¹. Путь, такимъ образомъ, которымъ З. Горюшкинъ пытается приблизиться къ уясненію догмы, сводится къ приему соотвѣтственнаго размѣщенія новѣйшаго законодательства въ общей связи съ его близкимъ и отдаленнымъ прошлымъ.

Систематическое расположеніе предполагаетъ конечно, прежде всего, классификацію, и З. Горюшкинъ дѣйствительно старается установить ее въ соотвѣтствіи съ особенностями постепеннаго происхожденія тѣхъ правъ, которыя образуютъ собою въ совокупности зданіе правопорядка и должны, такимъ образомъ, найти отраженіе въ «наукѣ россійскихъ законовъ».

Историческая постепенность подсказываетъ З. Горюшкину порядокъ раздѣленія дѣйствующаго права «на разныя части, роды и виды и ихъ раздробленія»². Такъ какъ существуетъ время, когда человѣкъ мыслится «однѣмъ, безъ всякой взаимности его съ другими», и только постепенно наступаютъ состоянія, когда человѣкъ «видится... въ связи общественной или общешительной, какъ то... семейной или домашней,.. сосѣдской,.. сельской,.. уѣздной,.. городской, . губернской,.. государственной и.. народной..»³, то именно эти стадіи и должны, по мнѣнію З. Горюшкина, лечь въ осно-

¹ Ср. Всобщее обозрѣніе книги Руководства къ познанію россійскаго законоискуства или краткое начертаніе онаго, прилож. ко вт. перепл., стр. II.

² Ор. cit., переп. вт., стр. III, а также переп. пер., стр. 3.

³ Ор. cit., переп. вт., стр. III.

ваніе систематизаціи права дѣйствующаго. Эти категоріи не исчерпываютъ, однако, всей области права. «.. Человѣкъ, продолжаятъ З. Горюшкинъ, ... самъ себѣ и прочимъ вещамъ бытія дать не въ состояніи, то по сему заключаемъ, что все оное произведено отъ.. Высочайшаго Существа... Сіе самое и обязываетъ человека относить къ нему почитаніе... и дѣлать все, что угодно святой Его волѣ»¹. Эти условія создаютъ необходимость существованія на ряду съ «правомъ человѣческимъ» «права Божественнаго». Но къ этимъ двумъ категоріямъ должна быть присоединена еще и третья: «о законахъ, касающихся до прочихъ животныхъ»².

Въ этомъ тройственномъ раздѣленіи права на божеское³, человѣческое и право животныхъ⁴, право человѣческое выступаетъ у З. Горюшкина центральнымъ пунктомъ его «Руководства» и распадается на два «члена»: «1-е на законы въ разсужденіи человека особенно отъ другихъ, 2-е на законы, въ разсуж-

¹ Руководство къ познанію россійскаго законоискуства, переп. пер., стр. 76.

² Руководство, переп. четв., стр. 2207 и сл.

³ „Право Божественное“, какъ его называетъ З. Горюшкинъ, распадается на два „члена“: „0 правѣ закона Божія, или святаго вѣры“ и „0 правѣ церковныхъ обрядовъ, на вѣрѣ основанныхъ“, пер. пер., стр. 76—78.

⁴ Праву животныхъ З. Горюшкинъ посвящаетъ заключительное 3-ье „Раздѣленіе“, — „0 законахъ касающихся до прочихъ животныхъ“. Въ этомъ „Раздѣленіи“ онъ не излагаетъ законодательныхъ опредѣленій и приводитъ однѣ только рубрики. Нельзя не сознаться, что эта часть „Руководства“ З. Горюшкина является одной изъ самыхъ слабыхъ и послужила поводомъ къ осмѣянію автора. З. Горюшкинъ имѣетъ въ виду помѣстить въ этомъ „Раздѣленіи“ по-

становленія, ограждающія права на животныхъ и иногда косвенно ихъ жизнь, что слѣдуетъ уже изъ его указанія, что „Россійскіе законы содержатъ и особенныя правила, обязывающія людей, дабы имъ поступать и съ прочими животными такъ, чтобы и они, поскольку возможно, чувствовали собственное свое благосостояніе“, переп., пер., § 91, стр. 76. На самомъ дѣлѣ при осуществленіи своего плана З. Горюшкинъ отступилъ отъ первоначальнаго намѣренія и внесъ въ этотъ отдѣлъ, несмотря на его незначительные размѣры, рубрики и опредѣленія, не имѣющія ни теоретическаго, ни пракческаго значенія. З. Горюшкинъ писалъ, напр., „законы о прочихъ животныхъ можно раздѣлить по роду ихъ, какъ то имѣемъ: 1-е, законы о скотахъ, 1-е законы о звѣряхъ, 3-е законы о птицахъ, 4-е о насекомыхъ, 5-е о рыбахъ... Законы о

деніи взаимности его съ другими»¹. Содержаніе перваго «члена» и является тѣмъ, что З. Горюшкинъ квалифицируетъ, какъ права того состоянія, когда человекъ выступаетъ «одинъ, безъ всякой взаимности его съ другими», какъ право естественное. Содержаніе втораго «члена» образуетъ право «общественное или общезыательное»². Право, регулирующее дѣятельность единичнаго человека, считается, по З. Горюшкину «съ естествомъ человѣческимъ» и раздѣляется на «составы»: «О правѣ тѣла», «О правѣ жизни», «О правѣ разума». Всѣ эти разновидности права, въ общей сложности, должны быть изучены, поскольку они «положены въ установленіяхъ нашего отечества»³. При этомъ самое изложеніе З. Горюшкинъ считаетъ необходимымъ вести «по точной силѣ и словамъ Россійскихъ правъ, законовъ, учрежденій»⁴. З. Горюшкинъ полагалъ, что этимъ путемъ ему удастся дать основные принципы русскаго законодательства въ той ихъ части, которая никогда не можетъ существенно измѣниться⁵.

Такое изложеніе законодательства въ его историческомъ раз-

скотахъ раздѣляются... о дикихъ,... о домашнихъ... законы о звѣряхъ раздѣляются по свойству ихъ права, какъ-то: иныя изъ нихъ суть хищныя, а иныя не суть такія..., законы о птицахъ по таковому же ихъ свойству равное раздѣленіе имѣютъ... Насѣкомыя суть или приносящія пользу, или вредныя... насѣкомыя приносящія пользу суть пчелы... насѣкомыя приносящія вредъ суть саранча... Рыбы суть водныя животныя употребляемыя въ пищу... Руководство, перепл. четв., стр. 2207 и сл.

¹ Руководство, перепл. пер., стр. 79.

² Руководство, *ibid.*

³ Руководство, перепл. пер., стр. 5, а равно 75.

⁴ Руководство, перепл. пер., стр. 3. Зах. Горюшкинъ различаетъ „законы“, какъ „установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣняться“, — „временныя учрежденія“, какъ „порядокъ,

которымъ всѣ дѣла должны отиравляемы быть“, и — „указы“, какъ то „что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній... и можетъ со временемъ перемѣниться“, Руководство, перепл. пер., стр. 74 и слѣд.

⁵ „Система сія, писалъ З. Горюшкинъ, надобности своей не лишится и по изданію сочиняемаго вновь Уложенія; ибо основанія, по которымъ законы донынѣ выходили, по существу своему никогда перемѣнѣ подвержены быть не могутъ“. Во вновь составляемомъ Уложеніи помѣщено будетъ... или то же, что и въ прежнихъ законахъ было; только нынѣшними изреченіями, или нѣкоторые изъ древнихъ возобновлены, или перемѣнены, или дополнены будутъ: то желающимъ имѣть надлежащее познаніе о Россійскихъ законахъ, останется всеъмъ онымъ сію систему дополнить...“ Руководство, перепл. вт., стр. IV.

вѣтъ З. Горюшкинъ считаетъ входящимъ въ «теоретическую часть» «науки россійскихъ законовъ». Кроме «теоретической» существуетъ, однако, по его взгляду, и «практическая» или «дѣятельная» часть, посвященная «отправленію дѣлъ касающихся до правосудія»¹. Ошибочно будетъ представлять себѣ эту дисциплину, какъ посвященную судопроизводству. Элементъ процессуальный входитъ и въ «теоретическую» часть. «Практическая», «дѣятельная наука россійскихъ законовъ» является какъ бы «догматической частью системы З. Горюшкина, вѣдающей технику примѣненія права въ практикѣ отдѣльныхъ учрежденій. Въ виду этого въ ней затрогиваются и вопросы права, разсмотрѣнные уже въ первой части, въ качествѣ матеріала, съ которымъ приходится оперировать отдѣльнымъ учрежденіямъ»². Послѣднія, по своему существу, являются тѣми вѣхами, примѣняясь къ которымъ приходится изучать ту или другую область права въ процесѣ ея приложенія къ жизни. Что касается способа изложенія этой «дѣятельной» части, то З. Горюшкинъ избираетъ для нея форму діалога. Влагая соотвѣтственныя рѣчи въ уста отдѣльныхъ лицъ, занимающихъ должности въ «присудственныхъ мѣстахъ», З. Горюшкинъ не только знакомитъ съ движеніемъ процесса и формами дѣлопроизводства, но изъясняетъ и отдѣльные вопросы положительнаго права.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ основному для насъ вопросу о томъ, какое мѣсто въ системѣ З. Горюшкина было отведено постановленіямъ и расположенію законовъ уголовныхъ.

Расчленяя всю область законодательства какъ бы на отдѣль-

¹ Руководство, перен. вт., стр. III. Ч. I, 1807. ч. II, 1815, изд. второе, М. 1808.
Обработка этой части дана въ трудѣ З. Горюшкина „Описаніе судебныхъ дѣйствій или легчайшій способъ къ полученію въ краткое время надлежащихъ познаній къ отправленію должностей въ судебныхъ мѣстахъ, особливо тѣмъ, которые, не имѣя случая упражняться въ отечественныхъ законахъ, употреблены будутъ въ гражданскую службу“. М. ² Трудъ З. Горюшкина, „Описаніе судебныхъ дѣйствій“ выросъ изъ практическихъ упражненій его со своими учениками. „Дѣйствія сіи, пишетъ З. Горюшкинъ, происходили отъ 1791 г. въ Благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при И. М. У.“... Описаніе судебныхъ дѣйствій, ч. I, стр. III.

ные концентрическіе круги, въ которыхъ проявляется дѣйствіе права, З. Горюшкинъ долженъ былъ прійти къ положенію, что сфера интересовъ, защищаемыхъ правомъ уголовнымъ, представлена, въ извѣстной степени, въ каждомъ изъ тѣхъ постепенно расширяющихся круговъ, изъ которыхъ слагается, въ его глазахъ, организмъ права. Центромъ, около котораго группируется самый тѣсный кругъ правъ, отождествляемый З. Горюшкинымъ съ правомъ естественнымъ, представляются права единичнаго человѣка, раздѣляющіяся, какъ мы уже видѣли, на три «состава»: «О правѣ тѣла», «О правѣ жизни», «О правѣ разума». Подъ этими рубриками сосредоточенъ рядъ постановленій, имѣющихъ отношеніе къ праву уголовному. Въ отдѣлѣ «О правѣ тѣла» З. Горюшкинъ говоритъ о случаяхъ нанесенія вреда своему тѣлу, лишеній себя членовъ и даже «притвореніи себя больнымъ». Отсутствіе соответственныхъ постановленій въ законодательствѣ побуждаетъ его, не довольствуясь указами, уставами и проч., обращаться къ мѣстамъ изъ священнаго писанія¹. Въ отдѣлѣ «О правѣ жизни» З. Горюшкинъ переноситъ постановленія «О самоубійствѣ», «О собственной оборонѣ», о запрещеніи «снискиванія нужнаго къ жизни постыдными и законами запрещенными способами... прошеніемъ милостыни, ... ненотребствомъ, ... обманомъ, ... воровствомъ и мошенничествомъ, ... насильствомъ»². Въ отдѣлѣ «О правѣ разума» З. Горюшкинъ помѣщаетъ постановленія о запрещеніи сочиненій и писаній, противныхъ законамъ Божіимъ и гражданскимъ, а равно законодательныя опредѣленія о богохульствѣ, расколѣ, волшебствѣ. Сюда же приурочены постановленія о ябедничествѣ, умысленіи противъ особы государя и его фамиліи.

Переходя отъ «законовъ въ отношеніи человѣка особенно отъ другихъ» къ «законамъ взаимности человѣка съ другими»,³ З. Горюшкинъ послѣдовательно затрогиваетъ области права «домашняго», «сосѣдскаго», «селеній», «уѣзднаго», «городскаго», «губернскаго», «государственнаго» и «народнаго». Уголовно-правовыя

¹ Руководство, перепл. пер., стр. 80.

² Руководство, перепл. пер., стр. 89.

³ Руководство, перепл. пер., стр. 79.

постановленія въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ играютъ какъ бы роль нормъ, охраняющихъ соответственныя права отъ нарушенія.

Въ отдѣлѣ «права домашняго или семейнаго» мы встрѣчаемся у З. Горюшкина съ опредѣленіями закона «о насильственныхъ бракахъ» ¹, о запрещеніи убійства дѣтей ², убійства рабовъ ³, жены ⁴, отцеубійства ⁵, братоубійства ⁶, кровосмѣшенія ⁷, о кражѣ слугами у господъ ⁸, о разбойномъ нападеніи на домъ ⁹, о тайномъ похищеніи посторонними людьми ¹⁰, «о правахъ малолѣтнихъ относительно до уголовныхъ преступленій» ¹¹ и проч. Всѣ эти отдѣльные запреты по идеѣ, положенной въ основаніе труда З. Горюшкина, выступаютъ въ качествѣ охранительныхъ постановленій къ нормамъ о степеняхъ родства, опеки и проч.

Къ отдѣлу «права сосѣдскаго» приурочены постановленія «о ненарушимости границъ» ¹², «о ненарушеніи сосѣдскаго права чрезъ неосторожность» въ смыслѣ поджога ¹³), о завладѣніи насильственнымъ путемъ ¹⁴.

Въ общемъ уголовно-правовыя постановленія убываютъ въ системѣ З. Горюшкина вмѣстѣ съ переходомъ къ болѣе обширнымъ кругамъ. Въ отдѣлѣ «О правахъ и обязанностяхъ селеній» мы находимъ чуть ли не единственное уголовно-правовое постановленіе «о созженіи селеній» ¹⁵, которое тонетъ въ массѣ законовъ о лѣсахъ, водахъ, земляхъ церковныхъ и проч. Въ отдѣлѣ «О правахъ и обязанностяхъ уѣздовъ» начинаютъ встрѣчаться постановленія процессуальнаго права ¹⁶, въ отдѣлѣ «О правахъ и

¹ Руководство, переп. пер., стр. 134.

² Ор. cit., стр. 171, а также 343.

³ Ор. cit., стр. 217 и сл.; убійство слугъ, Ор. cit., стр. 344 и сл.

⁴ Ор. cit., стр. 347 и сл.

⁵ Ор. cit., стр. 350 и сл.

⁶ Ор. cit., стр. 352 и сл.

⁷ Ор. cit., стр. 349.

⁸ Ор. cit., стр. 353.

⁹ Ор. cit., стр. 358 и сл.

¹⁰ Ор. cit., стр. 361 и сл.

¹¹ Ор. cit., стр. 232—235.

¹² Руководство, переп. вт., стр. 361 и сл.

¹³ Руководство, переп. вт., стр. 363.

¹⁴ Руководство, переп. вт., стр. 364 и сл.

¹⁵ Руководство, переп. тр., стр. 507 и сл.

¹⁶ Руководство, переп. тр., „О правахъ и обязанностяхъ нижняго земскаго суда“, стр. 731 и сл., „О правахъ и обязанностяхъ уѣзднаго суда“, „Объ отправленіи правосудія по уголовнымъ дѣламъ“, стр. 763 и слѣд. и проч.

обязанностяхъ городовъ» — постановленія строительнаго устава, финансоваго управленія и проч. съ исчезновеніемъ уголовно-правоваго элемента ¹. Въ отдѣлѣ «О правѣ государственномъ» З. Горюшкинъ подъ рубрикой «О сохраненіи въ цѣлости добраго порядка и тишины государства» различаетъ преступленія частныя и общественныя въ смыслѣ 138 ст. Наказа ², относя къ первымъ преступленія противъ вѣры или закона, оскорбленіе величества, похищеніе казеннаго или государственнаго дохода, нарушенія, направленныя противъ общей торговли, противъ общенароднаго здравія, благочинія, правосудія и пр. ³, а ко вторымъ преступленія противъ безопасности гражданъ (Нак., ст. 230), противъ правъ, противъ тишины и спокойствія (Нак., ст. 71). З. Горюшкинъ ограничивается, притомъ, однимъ ихъ перечисленіемъ, такъ какъ соответственныя преступленія были въ большинствѣ случаевъ уже разсмотрѣны въ другихъ мѣстахъ. Къ этому же отдѣлу З. Горюшкинъ приурочиваетъ упоминаніе о нѣкоторыхъ уголовно-правовыхъ началахъ общаго характера. Мы, напр., читаемъ у него: «словомъ вина обозначаютъ часто всякія преступленія, но здѣсь разумѣются чрезъ оную преступленія легкія...; вина есть обида, причиненная кому нибудь безъ намѣренія» ⁴. Въ отдѣлѣ о правахъ верховной власти З. Горюшкинъ затрогиваетъ, наконецъ, постановленія объ отдѣльныхъ наказаніяхъ ⁵.

Оцѣнка трудовъ З. Горюшкина въ нашей юридической литературѣ весьма разнообразна. Въ то время какъ нѣкоторые склонны признать за ихъ авторомъ значеніе незауряднаго юриста, знатока права, другіе относятся къ нему безусловно отрицательно ⁶.

¹ Руководство, переп. тр., стр. 859—967.

² Руководство, переп. четв., стр. 2176.

³ Руководство, переп. четв., *ibid.*

⁴ Руководство, переп. четв., стр. 2177.

⁵ Руководство, переп. четв., стр. 1593 и сл.

⁶ А. Думашевскій въ трудѣ „Наше правовѣдѣніе, что оно и чѣмъ оно должно быть“, Ж. М. Ю. 1867, т. 31, отд. 1, стр. 14 и сл., высказываетъ мысль,

„что колоссальный трудъ Горюшкина... къ стыду нашихъ юристовъ по сіе время мало оцѣненъ“. Безпристрастную попытку оцѣнки научнаго значенія З. Горюшкина сдѣлалъ сравнительно въ недавнее время Н. Коркуновъ. Признавая въ конечномъ выводѣ, что „сложную и запутанную систему Законоискусства нельзя назвать удачной“, Н. Коркуновъ, Исторія философіи права, 1898, стр. 334, онъ подчеркиваетъ, что не только

Намъ думается, что оцѣнка значенія З. Горюшкина въ исторіи нашей науки права зависитъ, главнымъ образомъ, отъ достоинствъ своеобразной системы, положенной имъ въ основаніе своего «Руководства къ познанію російскаго законоискусства». Въ значительной части трудъ этотъ является воспроизведеніемъ текста закона, и оригинальность его сказывается, прежде всего, въ расположеніи матеріала.

Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что помимо своей системы расположенія матеріала трудъ З. Горюшкина лишень всякаго значенія. Если русскому «законоискуснику» нельзя поставить въ особую заслугу того, что абстрактныя естественно-правовыя ученія замѣщены у него положительнымъ закономъ, такъ какъ З. Горюшкинъ всегда по существу оставался практикомъ, исходящимъ изъ конкретнаго примѣненія права, то не нужно забывать, что онъ выступилъ первымъ практикомъ, старавшимся теоретически обосновать изученіе положительнаго права и объединить, такимъ образомъ, и практику, и теорію права. Обоснованіе своей точки зрѣнія З. Горюшкинъ нашелъ отчасти въ трудѣ Д. Неттельбладта, сближавшаго положительное и естественное право, и въ томъ конструированіи источника положительнаго закона, которое можно наблюдать у Беккари. Въ теоріяхъ послѣдняго З. Горюшкинъ

„самая личность этого самоучки, изъ подъячихъ сыскаго приказа сдѣлавшагося профессоромъ Московскаго университета стоитъ того, чтобы обратить на нее серьезное вниманіе“, Ор. cit., стр. 312, но и признаетъ за З. Горюшкинымъ значеніе ученаго, лекціи котораго „рѣзко отличались отъ лекцій его коллегъ, нѣмецкихъ профессоровъ факультета. Но различіе это заключалось не въ томъ, что Горюшкинъ отвергалъ значеніе научнаго знанія, а въ томъ, что онъ этому знанію указывалъ другія задачи и другіе пути“, Ор. cit., стр. 321. Сравнительно высокая оцѣнка заслугъ З. Горюшкина представляетъ собой продуктъ новаго времени. Ученые, сто-

ящіе близко къ эпохѣ, когда появился трудъ З. Горюшкина, или обходятъ его молчаніемъ, какъ, напр., Г. Солнцевъ въ своемъ Російскомъ уголовномъ правѣ, 1820 г., или, какъ П. Хавскій, ограничиваются признаніемъ трудолюбія З. Горюшкина, Лекція, М. 1818, стр. 12, или, наконецъ, какъ проф. А. Коровецкій, признаютъ, что въ трудѣ З. Горюшкина „не сохранено никакого порядка..., сочинитель, желая подражать нѣмецкимъ законовѣдцамъ, мелочными подраздѣленіями затмилъ свою книгу, и сдѣлалъ ее совершенно неупотребительною“. Ср. Истор. обзор. рос. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣверн. архивъ, 1829, т. 8, № 48, стр. 103.

видитъ подтвержденіе мысли, что подъ закономъ слѣдуетъ разумѣть «дѣйствительное дѣламъ разположеніе по общей всѣхъ волѣ, чтобъ быть имъ по сему, когда ихъ въ дѣйство производить надлежитъ. Изъ чего заключается, что когда государь представляетъ весь народъ: то и государева о законахъ воля вообще цѣлаго народа, или воля всѣхъ и каждаго изъ его подданныхъ»¹.

Если мы можемъ, такимъ образомъ, объяснить то обстоятельство, почему З. Горюшкинъ, какъ практикъ, искалъ у писателей, могущихъ навести и на другіе взгляды, оправданія изученія положительнаго закона по его сходству съ закономъ естественнымъ, то еще легче понять, какимъ путемъ З. Горюшкинъ долженъ былъ прійти къ внесенію въ свой трудъ историческаго матеріала нашего законодательства. На этотъ путь онъ былъ направленъ совершенной недостаточностью новѣйшихъ законовъ для подведенія подъ нихъ всего многообразія практической жизни. Пониманіе положительнаго права, изъ котораго онъ исходилъ, заставляло приэтомъ З. Горюшкина считать одинаково обязательными и законы неотмѣненные *in expressis verbis*.

Въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, совершенно не было объяснено происхожденіе той теоретической схемы, которую положилъ З. Горюшкинъ въ основаніе своего расположенія матеріала права. Если такія попытки и дѣлались, то обыкновенно безуспѣшно. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія проф. А. Жоровецкій писалъ о системѣ З. Горюшкина, что онъ подражаетъ «нѣмецкимъ законовѣдцамъ»², а въ 50-хъ годахъ И. Бѣляевъ «склоненъ былъ объяснять систему З. Горюшкина тѣмъ, что онъ «много читалъ и много слышалъ о разныхъ системахъ законовѣдѣнія, но ни одной изъ нихъ не изучилъ надлежащимъ образомъ»³. Источ-

¹ Руководство, перепл. пер., стр. 6. | вещь слово законъ значитъ; однако изъ
Справедливость нашего предположенія | четвертой и пятой его статей догадаться
слѣдуетъ уже изъ словъ З. Горюшкина | можно, что онъ чрезъ законъ разумѣетъ“..
о томъ, что источникомъ является для |
него „неизвѣстный авторъ италіанской |
книги о штрафахъ и наказаніяхъ“⁴, ко- |
торый „хотя точно и не толкуетъ, какую |

² Ср. прим. 6, на стр. 355 и сл.

³ И. Бѣляевъ, Біограф. слов. проф. и препод. И. М. У., М. 1855, ч. 1, 1855, стр. 251.

никъ системы З. Горюшкина былъ, однако, на дѣлѣ не такъ далеко отъ обрѣжавшихъ его условій.

Система, положенная З. Горюшкинымъ въ основаніе его «Руководства къ познанію россійскаго законоискуства», въ самыхъ существенныхъ ея частяхъ, подсказана Генераль-прокурорскимъ наказомъ при Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. Основныя рубрики схемы З. Горюшкина намѣчены вполне опредѣленно въ этомъ памятникѣ екатерининской эпохи. Категорія «права Божественнаго» съ ея подраздѣленіемъ на «право закона Божія или святыхъ вѣры» всецѣло взята изъ п. 1, ст. 3 Ген.-прок. наказа¹. Категорія «естественнаго права» заимствуется въ качествѣ таковой также изъ этого источника и различается только въ расчлененіи на право тѣла, жизни и разума. Отдѣльные виды «общественнаго» права, придающіе своеобразный характеръ труду З. Горюшкина, должны также быть возведены къ Ген.-прок. наказу. Въ послѣднемъ мы впервые находимъ рубрику «права домашняго»², правда, безъ дальнѣйшихъ дробныхъ дѣленій права «уѣзднаго», «городского» и проч., которыя З. Горюшкинъ такъ настойчиво проводитъ и оставляетъ неосуществленнымъ свой планъ только тогда, когда для нѣкоторыхъ дѣленій истощается матеріаль. Добавочнымъ, по сравненію съ Ген.-прок. наказомъ, является и раздѣлъ, посвященный у З. Горюшкина праву животныхъ. Въ результатѣ этихъ сопоставленій выступаетъ довольно отчетливо та бѣдность конструктивной способности, которая проходитъ красной нитью черезъ весь трудъ З. Горюшкина, избилующій приемами классификаціи, покоящейся на чистовѣйшихъ признакахъ, не затрогивающей самой сущности понятій, а потому и не достигающей той непосредственной цѣли, для которой она была создана.

То, что можетъ быть сказано относительно системы З. Горюшкина вообще, вполне примѣнимо, въ частности, къ распо-

¹ Ср. текстъ Генераль-прокурорскаго наказа въ трудѣ Н. Чечулина, Наказъ императрицы Екатерины II, Спб. 1907, стр. 167.
² Ibid., ст. 3, п. 9.

женію матеріала уголовно-правового. Не говоря уже о томъ, что существенный моментъ различія между правомъ матеріальнымъ и формальнымъ, установленный и воспринятый къ этому времени въ нѣкоторыя русскія работы, совершенно игнорируется З. Горюшкинымъ и ставится въ зависимость отъ какихъ то територіальныхъ дѣленій. Вообще система З. Горюшкина совершенно стираетъ всякое различіе между самыми разнообразными категоріями права, если разсматривать послѣднія по характеру интересовъ, ими ограждаемыхъ, и способу ихъ защиты. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ ставить сколько нибудь высоко опытъ систематизаціи, предпринятой З. Горюшкинымъ, и оправдываетъ въ полной мѣрѣ тотъ неуспѣхъ, который постигъ его и у практиковъ, и у теоретиковъ начала XIX вѣка.

Систематизацію законовъ, въ смыслѣ расположенія ихъ въ такомъ порядкѣ, который подсказанъ одной какой нибудь идеей, могущей служить руководящей нитью при отысканіи дѣйствующихъ законодательныхъ опредѣленій, преслѣдуетъ наряду съ З. Горюшкинымъ и С. Хапылевъ въ своемъ «Систематическомъ собраніи російскихъ законовъ»¹.

С. Хапылевъ²—практикъ въ томъ смыслѣ, что стремится, прежде всего, къ облегченію пользованія закономъ для практическихъ цѣлей. Къ разрѣшенію своей задачи онъ старается подойти путемъ систематизаціи законовъ на началахъ теоретическихъ. С. Хапылевъ относится отрицательно къ тѣмъ, которые «старались услужить соотечественникамъ собраніемъ законовъ, помѣщая оныя въ своихъ книгахъ по годамъ и числамъ ихъ изданія». «Читатель, пишетъ С. Хапылевъ, пріискавъ о какомъ либо нужнѣйшемъ ему предметѣ законъ, не видитъ тѣхъ, которые изданы къ нему въ дополненіе или нѣ котораго въ отмѣну...

¹ Систематическое собраніе російскихъ законовъ съ присовокупленіемъ правилъ и примѣровъ изъ лучшихъ законоучителей, ч. I, Спб. 1817, ч. II, 1817, ч. III, 1818, ч. IV, 1818, ч. V, 1819, ч. VI, 1819, расположенное трудами Сергея Хапылева.

² Біограф. свѣдѣнія о немъ у насъ отсутствуютъ совершенно.

и остается также не свѣдущъ, какъ и преждѣ...»¹. Для устраненія этого недостатка С. Хапылевъ старается расположить весь матеріаль въ опредѣленной схемѣ, источникомъ которой служить естественное движеніе спора за нарушенное право, и стремится дать въ этомъ порядкѣ сопоставленіе другъ друга дополняющихъ законовъ. «Въ предлагаемой мной книгѣ, пишетъ онъ,... соединены пользы и для справокъ и для общаго обзорѣнія такъ, что читая перво помѣщенной руководствующій къ начальному предмету познанію законъ въ тоже время прежде бывшіе о семъ и послѣдующіе въ пополненіе, подтвержденіе или нѣкотораго въ отмѣну законы, читать удобно подѣ замѣчаніями къ сему...»². Последовательно идя по пути, имъ намѣченному, С. Хапылевъ силой вещей долженъ былъ прійти къ полному смѣшенію матеріальнаго и формальнаго права и размѣщенію отдѣльных постановленій въ порядкѣ возникновенія вопросовъ при практическомъ дѣлопроизводствѣ. Матеріаль уголовно-правового характера С. Хапылевъ помѣщаетъ, главнымъ образомъ, въ трехъ послѣднихъ частяхъ своего собранія. Начиная уголовно-правовую часть своей системы отдѣленіемъ «О обидахъ или оскорбленіяхъ»³, С. Хапылевъ останавливается одновременно на судебныхъ формахъ защиты этого рода правонарушеній. С. Хапылевъ даетъ не только законодательныя постановленія, но дополняетъ ихъ «правилами и примѣрами изъ лучшихъ законоучителей», причемъ у него фигурируютъ въ большинствѣ случаевъ выписки изъ Наказа. Уголовно-правовыя постановленія распределены у С. Хапылева въ системѣ, подсказанной группированіемъ дѣлъ въ современной ему практикѣ. Наиболее часто встрѣчающіеся случаи сосредоточены въ одномъ мѣстѣ и представляютъ извѣстнаго рода историческую цѣнность, какъ вѣрное отраженіе теченія дѣлъ въ нашей старой практикѣ. По основному принципу распределенія матеріала, «Систематическое собраніе» С. Хапылева уступаетъ, такимъ

¹ С. Хапылевъ, Системат. собр., ч. I, | ч. I, стр. 4 и слѣд.
стр. 4.

³ С. Хапылевъ, Op. cit., ч. IV, 1818,

² С. Хапылевъ, Систематич. собр., | стр. 1—20.

образомъ, «Руководству» З. Горюшкина, но за то стоитъ несравненно выше его въ смыслѣ практической пригодности ¹.

Съ попыткой систематизаціи постановленій дѣйствующаго русскаго права мы встрѣчаемся и въ «Систематическомъ руководствѣ» П. Соколова ². Объединяющее начало, внесенное послѣднимъ въ построеніе уголовно-правовыхъ нормъ, сводится къ признанію за послѣдними значенія постановленій, охраняющихъ всѣ остальные законы. Въ общемъ, практическій элементъ перевѣшиваетъ въ «Систематическомъ руководствѣ» всѣ остальные.

«Систематическое руководство» П. Соколова осталось неоконченнымъ, но въ появившейся въ печати части намѣчена схема труда и очерчено положеніе уголовного законодательства. «Подъ уголовными (законами), пишетъ П. Соколовъ, разумѣются такіе, кои имѣютъ предметомъ разсматриваніе преступленій поданныхъ противъ законовъ гражданскихъ и наказанія за сіи преступленія». ³ Терминъ «законы гражданскіе» обнимаетъ собой и область права публичнаго, какъ, напр., «обязанности и должности въ отношеніи къ верховной власти» и проч. ⁴. Разсматривая уголовные законы, какъ разрядъ нормъ охранительнаго порядка, П. Соколовъ для того, чтобы ввести въ свое «Руководство» преступленія противъ вѣры, излагаетъ ихъ въ дополненіе къ рубрикѣ «Общія обязанности гражданъ.. въ отношеніи къ святой вѣрѣ» ⁵.

¹ Проф. Г. Солнцевъ очень цѣнитъ въ своемъ Россійскомъ уголовномъ правѣ, Каз. 1820, ярос изд. 1907 г., стр. 48, „Систематическое собраніе“ С. Ханылева. „Въ семь собраніи, пишетъ онъ, замѣтитъ должно V и VI части, въ коихъ содержатся касательно уголовного судопроизводства общія познанія. Сочиненіе сіе имѣетъ свои достоинства и имѣетъ свою пользу для занимающихся Россійскимъ законодательствомъ“, Ср. также проф. А. Коровецкій, Историч. обзор. росс. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣв арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 100.

знанію російскаго законовѣденія, ч. I, собр. трудами Павла Соколова, М. 1819, in 4°.

³ П. Соколовъ, Систематич. руковод., стр. 3.

⁴ Ibid.

⁵ Онъ объединяетъ здѣсь постановленія Указа 29 ноября 1809 г.: „возлюбиши Господа Бога твоею всею душою, всемъ сердцемъ, всею мыслию, сіе есть первая и большая заповѣдь“, Маниф. 1782 г. іюня 28, ст. 1, гдѣ предписывается „сохранять свято всѣ постановленія христіанской церкви“, Указа 27 окт. 1755 года и др., въ которыхъ предписывается „исповѣды-

² Систематическое руководство къ по-

Преступленія противъ особы государя и его фамилиі П. Соколовъ излагаетъ вслѣдъ за законами, опредѣляющими характеръ верховной власти ¹. Постановленія объ убійствѣ, обманѣ, поединкахъ, пристаннодержательствѣ П. Соколовъ помѣщаетъ подѣ раздѣломъ: «Общія обязанности гражданъ... въ отношеніи къ другимъ», гдѣ цитируетъ Матоея, гл. 22, ст. 3.; Марка, гл. 12, ст. 3, 29; Лук., гл. 10, ст. 27 въ др. вмѣстѣ съ Маниф. 21 апр. 1807 года, какъ опредѣленія, въ которыхъ предписывается любить ближняго и творить добро ненавидящимъ ². Подѣ рубрикой обязанностей къ самому себѣ П. Соколовъ упоминаетъ объ обязанности «любить самого себя», «беречь свое здоровье и усовершенствовать себя въ наукахъ и ремеслахъ, прощать обиды другимъ», какъ нормахъ, предписанныхъ въ Маниф. 21 апр. 1787, Указѣ 24 генв. 1712 г. и рядѣ другихъ актовъ, а равно въ Кормчей книгѣ. Въ ряду законовъ, охраняющихъ эти нормы, упоминается о запрещеніи самоубійства, «притворять себя безумнымъ» «снискивать пропитаніе.. ворвствомъ.. насильствомъ.. всякаго рода обманомъ», о педозволенности пьянства и запрещеніи «быть въ собственномъ дѣлѣ судьей» ³.

С. Научно-догматическая разработка русскаго положительнаго уголовного законодательства.

Условія, вызвавшія необходимость появленія научной догмы уголовного права въ Россіи начала XIX в.—Дополненія къ переводу учебника П. А. Фейербаха.—Опытъ начертанія русскаго уголовного права О. Горегляда.—Русскаго уголовного права П. Н. Гуляева.—Русскаго уголовного права и другіе труды Г. И. Солнцева.—Труды С. А. Протасова.

Популярно-юридическая литература усиліями практиковъ собрала обширный матеріалъ русскаго уголовного законодательства

ваться и причащаться Св. Тайнъ всякой годъ ⁴ , Маниф. 21 апр. 1787 г., ст. 17, въ которомъ предписывается „во время службы Божіей стоять чинно и спокойно и проч., Сист. рук., стр. 10.	стр. 11 и слѣд, ² П. Соколовъ, Систематич. руковод., стр. 12 и слѣд. ³ П. Соколовъ, Систематич. руковод., стр. 14. Ср. примѣры однороднаго характера на стр. 63 и слѣд. и мн. др.
¹ П. Соколовъ, Системат. руковод.,	

и доступными ей чисто внѣшними приѣмами систематизировала его. Академическая наука и кодификаторы шли, въ свою очередь, тѣми же путями для удовлетворенія потребности въ уясненіи буквы дѣйствующаго законодательства. Но все это, вмѣстѣ взятое, не могло замѣнить необходимости въ научномъ конструированіи уголовного права. Академическое преподаваніе не давало дѣйствительныхъ обобщеній и систематизации уголовно-правовыхъ постановленій. Проекты кодексовъ, выходящіе изъ подъ пера кодификаторовъ, не полно отражали дѣйствующее право, представляя его въ искаженномъ видѣ и съ примѣсью чуждыхъ ему элементовъ. Гипертрофія популярно-юридической литературы, наблюдающаяся въ этотъ моментъ и обуславливающаяся недоступностью другихъ приѣмовъ изслѣдованія, хотя и привела къ болѣе или менѣе удовлетворительному консолидированію законодательнаго матеріала, но достигла этой цѣли безъ выдѣленія уголовного законодательства изъ всей области права вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ, популярно-юридическая литература воплотила дѣйствующее право въ формы, если не совершенно произвольныя, то не соотвѣтствующія во всякомъ случаѣ природѣ институтовъ права уголовного.

Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія могло быть созданіе научной догмы права, способной найти формы для выраженія обобщеній, подсказанныхъ особой природой отдѣльныхъ областей права. Опыты научно-догматической обработки уголовного права въ эпоху, предшествовавшую XIX в., какъ мы видѣли, не возвышаются еще до выдѣленія уголовного права въ самостоятельный предметъ вѣдѣнія. Таксе выдѣленіе—продуктъ болѣе поздняго времени и ждать его можно только въ ту пору, когда созрѣваетъ матеріалъ для сведенія отдѣльныхъ чертъ уголовно-правовыхъ постановленій въ такія общія начала, изъ которыхъ дедуктивнымъ путемъ могутъ быть получены, въ свою очередь, уголовно-правовыя постановленія дѣйствующаго права.

Юридическая литература и академическое преподаваніе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. до извѣстной степени оправдываютъ эти ожиданія. Мы присутствуемъ въ эту эпоху при за-

рожденіи научной догмы уголовного права именно въ этомъ смыслѣ. Такое направленіе уголовно-правовой мысли сдѣлалось вообще возможнымъ благодаря усиліямъ практиковъ по консолидированію матеріала нашего уголовного права. Но оно подготовлено и рядомъ другихъ факторовъ. Далекое послѣднюю роль среди нихъ играетъ доктрина Наказа, дающая въ руки русскихъ догматиковъ цѣлый рядъ принимаемыхъ ими масштабовъ для конструированія соответственныхъ понятій. Но вмѣстѣ съ этимъ оказываетъ свое дѣйствіе и то, что нашимъ правовѣдамъ давно уже было знакомо теченіе въ разработкѣ естественнаго права, питавшееся отвлеченіями и обобщеніями положительнаго права, хотя и не русскаго. Въ такому теченію всегда чувствовалось у насъ тяготѣніе на почвѣ подражанія опытамъ западныхъ юристовъ, переживавшихъ аналогичныя потребности при болѣе благопріятныхъ шансахъ на успѣшное разрѣшеніе соответственной задачи.

На Западѣ и, въ частности, въ Германіи мы наблюдаемъ въ XVIII в. значительное развитіе естественно-правовыхъ теченій, освѣщавшихъ съ общей точки зрѣнія уголовно-правовыя вопросы, и рядомъ съ этимъ школу комментаторовъ и, вообще, практиковъ, детально разработавшихъ положительное уголовное право. Недоставало только того, чтобы слить воедино эти области съ выдѣленіемъ уголовного права, какъ дисциплины, требующей, въ виду своихъ особыхъ задачъ, спеціальнаго разрѣшенія входящихъ въ ея кругъ проблеммъ. Когда Томазіи († 1728) полагаетъ начало выдѣленію уголовно-правовой области въ самостоятельный предметъ вѣдѣнія¹ и когда онъ перестаетъ трактовать уголовно-пра-

¹ Ср. по этому вопросу Chr. Jul. Steltzer, Lehrbuch des deutschen Criminalrechts, Halle, 1793, § 5, S. 3. Онъ замѣчаетъ о прошломъ уголовно-правовой юриспруденціи, что хотя уже весьма рано стали комментировать въ отдѣльныхъ трудахъ уголовно-правовыя постановленія законодательствъ, „so blieb doch noch immer die... peinliche Rechtsgelehrsamkeit in der allgemeinen Lehre des Rechts versteckt. Der grosse Christian Thomasius schöpfte die erste Idee, die peinliche Rechtsgelehrsamkeit in eigene Schranken zu weisen“. Ср. о значеніи Хр. Томазія для науки уголовного права Ed. Henke, Grundriss einer Geschichte des deutschen peinlichen Rechts und der peinlichen Rechtswissenschaft, 2 Th., Sulzbach, 1809, S. 298 и слѣд.

вовые вопросы въ порядкѣ пандектъ, то скоро появляются и Кеммерихъ и Юг. Сам. Фр. Бемеръ, которые подыскиваютъ и специально приспособленную систему изложенія для уголовно-правовыхъ постановленій ¹. Созданіе новаго способа изложенія и расположения матеріала на почвѣ пониманія внутренняго существа излагаемаго матеріала, являясь само по себѣ скромнымъ прогрессомъ ², неудержимо влечетъ за собой дальнѣйшее усовершенствованіе и оплодотвореніе формъ выраженія дѣйствующаго права общими философскими понятіями. Появляется цѣлый рядъ блестящихъ представителей криминалистики, какъ обособленной вѣтви юриспруденціи, среди которыхъ можно назвать имена Штельцера ³, Клейншрода ⁴, Штюбеля ⁵, Грольмана ⁶, Фейербаха ⁷ и

¹ Ср. о трудѣ Kemmerich'a Synopsis criminalis, Jena und Leipz. 1731 и Ю. Сам. Фр. Böhmer'a Elementa jurispr. crim., Hal., 1732, Ch. Steltzer, Op. cit., § 6, S. 3 и Ed. Henke, Op. cit., S. 306 u. f., и о введенной Кеммерихомъ и Бемеромъ системѣ раздѣленія на общую, особенную и процессуальную часть.

² Ed. Henke, Op. cit., S. 306 u. f.

³ Ср. о Штельцерѣ его трудъ Lehrbuch des teutschen Criminalrechts, Halle, 1793, гдѣ онъ понимаетъ „die objective peinliche Rechtsgelehrsamkeit“, какъ „eine systematische Sammlung der aus dem peinlichen Gesetz fließenden Wahrheiten“, § 1, S. 1 u. f. и добавляетъ, что беретъ „die peinliche Rechtsgelehrsamkeit einzig in ihrer objectiven Bedeutung“, § 3, S. 2. О началахъ, на которыхъ Штельцеръ примиряетъ изученіе положительнаго права и философскую его обработку, ср. Op. cit., § 10, S. 5; § 11, S. 6. Еще раньше сходные взгляды были высказаны Штельцеромъ въ его трудѣ Allgemeine Grundsätze des peinlichen Rechts, I Th., Erf. 1788, но впервые они осуществлены въ его Lehrbuch'ѣ. Ср. его ученія въ общей части въ особ. S. 38

u. f. и 75 u. f. Теоретическая обработка положит. угол. права меньше всего удалось Штельцеру въ особенной части, S. 128—408, причемъ онъ сознается, что „die Legislation hat bis jetzt noch keine Ordnung unter den Geschlechtern der Verbrechen gemacht. Wolte ich diese Ordnung bewerkstelligen, so würde ich das Studium des Gesetzes selbst verwirren.. und endlich die Strafe modificirt sich ja nicht nach dem Geschlecht der Verbrechen“. Vorr., S. III. Ср. о роли, сыгранной Штельцеромъ въ дѣлѣ философской обработки положительнаго права, его трудъ: Ueber den Willen, eine psychologische Untersuchung für das Criminalrecht, Leipz. 1817, Vorr., S. III. Въ этомъ же трудѣ Штельцеръ даетъ опытъ приложенія психологическихъ данныхъ къ конструированію формъ виновности въ уголовномъ правѣ.

⁴ Гораздо дальше Штельцера пошелъ въ теоретической обработкѣ положительнаго права Клейншродъ не только въ отношеніи вопросовъ общей, но и особенной части. Ср. Gal. Al. Kleinschrod, Abhandlungen aus dem peinlichen Rechte, 3 Th., Erl. 1797, 1798, 1805, 1806, Ueber den Begriff, das

Титмана ⁸, закладывающихъ своими трудами прочный фундаментъ научной догмы германскаго уголовного права.

Wesen und die Bestrafung des Diebstahls, Th 2, S. 63—132, въ которомъ наряду съ трактованіемъ вопроса по римскому и германскому праву мы встрѣчаемся съ общими разсужденіями о природѣ этого преступленія и его элементахъ. Въ своихъ Beiträge zur Lehre von Ehebruche, Op. c. t., Th. 1, S. 273—328, Клейншродъ старается установить общее ученіе о прелюбодѣяннн, поскольку оно подается конструированію на почвѣ мойсеева, римскаго и каноническаго права; то же мы встрѣчаемъ въ трудѣ: Noch etwas über das Verbrechen des Wilddiebstahls, Th. 2, S. 408—415; мѣстами исчезаетъ у Клейншрода раздвоеніе конструкціи стдѣльныхъ институтовъ уголовного права „nach der Natur der Sache“ и „nach dem positiven Rechte“. Еще съ болѣе опредѣленно выраженнымъ намѣреніемъ слить воедино область изученія положительнаго и теоретическаго уголовного права выступаетъ Клейншродъ въ другомъ своемъ трудѣ; Systematische Entwicklung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechts nach der Natur der Sache und der positiven Gesetzgebung, 3 Th., Erl. 1805, dritte Aufl. „Meines Wissens, писалъ здѣсь Клейншродъ, noch kein Werk existiert, welches die philosophischen und positiv rechtlichen Grundsätze des peinlichen Rechts in sich vereinigte“, Vor., S. VII. Такое слияніе Клейншродъ понимаетъ, однако, въ смыслѣ опредѣленія взаимнаго соотношенія этихъ областей и выясненія тѣхъ пробѣловъ и недостатковъ, которые обнаруживаются въ законѣ. Онъ не выставляетъ обобщающихъ началъ, которыя пригодны были бы не только для изложенія въ систематическомъ порядкѣ положительнаго законодательства, но и вывода изъ

нихъ его опредѣленій. Въ своей философской части Клейншроду удается оставить въ сторонѣ аппаратъ кантовской философіи, ср. Vor., S. VIII, но въ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ онъ продолжаетъ еще оперировать съ такими понятіями какъ „angeborene Rechte“, ср. Definition eines Verbrechens nach practischen Grundsätzen, § 8. S 14 u. f., „natürlich Unerlaubte“ въ смыслѣ естественно преступнаго, § 49, S. 119 u. f. и проч. Теорія уголовного права у Клейншрода остается, словомъ, теоріей естественнаго права, а не положительнаго.

⁵ Ch. C. Stübel въ трудахъ: System des allg. peinlichen Rechts, 2 Th., Leipz. 1795, Grundsätze zu der Vorlesung über den allgemeinen Theil des Deutschen und Chursächsischen Criminalrechts, Witt., 1803, Ueber den Thatbestand der Verbrechen, die Urheber derselben... nach gemeinen in Deutschland geltenden und Chursächsischen Rechten, Witt., 1805, выступаетъ строгимъ сторонникомъ созданія теоріи уголовного права на почвѣ обобщенія постановленій дѣйствующаго права. Догматизмъ поглощаетъ у него философію и теорію, съ которой онъ не считаетъ нужнымъ соображаться. „In der strengen Anwendung der Gesetze, пишетъ Штюбель въ своемъ трудѣ Ueber den Thatbestand, auf die denselben unterworfenen Gegenstände besteht ebenfalls die Gerechtigkeit. Diese ist niemals hart und noch weniger grausam! Ich schrieb nicht als Philosoph sondern als Ausleger der positiven Gesetze und suchte hauptsächlich den wahren Sinn derselben darzustellen“, Vor. VI u. f. Ср. О Штюбелѣ Ed. Henke, Grundriss einer Geschichte des peinlichen Rechts und

Русскіе криминалисты начала XIX ст. благодаря, съ одной стороны, создавшимъ запросамъ на продукты научно-юридической

der reinlichen Rechtswissenschaft, 2 Th., Sulzbach, 1809, S. 322 и слѣд.

⁶ У Карла ф. Грольмана въ его Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft, 1 Aufl. 1797, 4 Aufl., Gies. 1825, мы встрѣчаемся съ опредѣленной попыткой конструировать на научныхъ началахъ догму положительнаго уголовного права, воспользовавшись для этого философскими приемами, поскольку это нужно для созданія общихъ понятій, соответствующихъ реальной природѣ преступленія и наказанія, и логически правильнаго процесса установленія взаимоотношенія отдельныхъ принциповъ. Грольманъ видитъ зло современной ему науки въ „das viele seichte und vage Räsonniren und Deräsonniren über Gegenstände der Philosophie des Criminalrechts und der Criminalgesetzgebung“, 4 Aufl., Vor. IV., указываетъ на неопредѣленность и преподаванія, и практики, которая получается отъ введенія въ нихъ началъ. „welche aus dem allgemeinen Criminalrechte und der Philosophie der Gesetzgebung abgeleitet werden“, Vor., S. VII, и предлагаетъ „den Geist der Criminalgesetze und Criminalgesetzgebung... zu entwickeln, durch die aus diesem Geiste geschöpften Grundsätze einen sicheren Leitfaden für das richterliche Ermessen aufzustellen“, Op. cit., S. VII и. f. Ср. о значеніи Грольмана, какъ теоретика уголовного права, Ed. Henke, Grundriss einer Geschichte des deutschen reinlichen Rechts und der reinlichen Rechtswissenschaft, 2 Th., Sulz. 1809, S. 346 и. f., 357 и. f., 359 и. f. и др.

⁷ Только А. Фейербаху удается въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ его современникамъ, созданіе теоріи положитель-

наго права, объединенной однимъ общимъ руководящимъ началомъ. Онъ открываетъ его въ психологическомъ принужденіи, оказываемомъ дѣйствіемъ уголовного закона и формулируетъ въ видѣ положенія, что „jede rechtliche Strafe im Staate ist die rechtliche Folge eines durch die Nothwendigkeit der Erhaltung äusserer Rechte begründeten, und eine Rechtsverletzung mit einem sinnlichen Uebel bedrohenden Gesetzes“, Lehrb. des gem. in Deutschl. gültigen reinlichen Rechts, Giessen, 1847, 14-e Aufl., § 19, S. 41 Изъ этого высшаго принципа А. Фейербахъ выводитъ начала „nulla poena sine lege“, „nulla poena sine crimine“, „nullum crimen sine poena legali“, Op. cit., § 20, S. 41, понятіе преступленія, § 21, S. 45, субъекта преступленія, § 28, S. 52, вѣннемости и вѣнненія, § 84, S. 153 и. f. и проч. Понимая науку уголовного права, какъ философію положительнаго права, А. Фейербахъ не всегда точенъ въ истолкованіи отдельныхъ законодательныхъ памятниковъ и старается постоянно подводить ихъ подъ общую принципиальную норму. Еще Миттермайеръ замѣчалъ, что „unverkennbar... kann Feuerbach nicht von dem Vorwurfe freigesprochen werden, dass er die Quellen des gemeinen Rechts willkürlich nach seinen philosophischen Ansichten auslegte und nach der vorgefassten Meinung benutzte... Vorw. zur XII Ausg., S. III. Стремленіе, кромѣ того, построить и классификацію преступленій, и карательную систему въ строгемъ соответствіи съ его теоріей психологическаго принужденія приводило А. Фейербаха и къ противорѣчіямъ, и къ жестокости наказанія. О заслугахъ А. Фейербаха по кон-

мысли, а, съ другой, въ связи съ содѣйствующимъ научной дѣятельности устройствомъ нашихъ университетовъ этой эпохи, были вовлечены въ общій потокъ уголовно-правовой науки и разрѣшенія ея очередныхъ задачъ. Имъ въ конечномъ результатѣ и удалось посодѣйствовать примѣненію теоретическихъ началъ, выработанныхъ западными криминалистами, къ окружавшей русскихъ ученыхъ дѣйствительности. Курсу А. Фейербаха¹ было суждено

структурированію понятій уголовного права, ср. Ed. Henke, Grundriss einer Geschichte des deutschen peinlichen Rechts. und der peinlichen Rechtswissenschaft, 2 Th., Sulz., 1809, S. 331 u. f., 357, 362, 381 и сл. и мн. др.

⁸ Одновременно съ Клейншродомъ, Штюбелемъ, Грольманомъ и Фейербахомъ откликнулся на проблему слиянія уголовно-правовой теоріи и положительнаго права Карль Августъ Титманъ. Уже въ своемъ трудѣ: Versuch über die wissenschaftliche Behandlung des peinlichen Rechts, Leipz. 1798, § 3, S. 6 u. f., Титманъ указывалъ, что то, что понимается въ его время подъ „Peinliche“ или „Criminalrechtswissenschaft“ представляется простымъ скопленіемъ самыхъ разнородныхъ началъ, ждущихъ еще объединенія. Къ разрѣшенію этой задачи онъ стремится въ цѣломъ рядѣ трудовъ. Въ своихъ Grundlinien der Strafrechtswissenschaft und der deutschen Strafgesetzkunde, Leipz. 1800, S. VI, Титманъ ставитъ себѣ цѣлью „allgemeine Grundsätze mit den positiven in der engsten Verbindung anzustellen und weder jene über diese, noch diese über jene zu vernachlässigen“. Фактически онъ не идетъ далѣе сопоставленія опредѣленій Strafrechtswissenschaft и данныхъ Gesetzkunde. Тѣ общіе вопросы, которые Титманъ считаетъ присущими обѣимъ этимъ формамъ проявленія уголовного права, онъ ограничиваетъ jus praeventionis, jus

defensionis, jus indemnisationis и jus puniendi, Op. cit., § 8, S. 4 и f. Титманъ оставляетъ области науки уголовного права и законодательства непримиренными, ср. § 14, S. 8 u. f., утверждая въ то же время, что „die philosophischen Erkenntnisse“ haben „über die historischen ein ganz besonderes Uebergewicht“, § 21, S. 16. Въ своемъ трудѣ Ueber die Natur der Strafrechtswissenschaft, Leipz. 1802, Титманъ считаетъ уже возможнымъ говорить о единой наукѣ уголовного права—Strafrechtswissenschaft, причемъ объединяющимъ ее принципомъ выставляетъ положеніе, „dass der Mensch zur Sicherstellung eines Freiheitsgebietes gewisse Zwangsrechte besitze“, Op. cit., S. 26, а науку уголовного права понимаетъ, какъ „systematischen J. begriff gewisser, bei der Ausübung des Rechtes zu strafen, gültigen Grundsätze“, Op. cit., S. 28. Развитію этого взгляда Титманъ посвящаетъ свой основной трудъ Handbuch der Strafrechtswissenschaft und der deutschen Strafgesetzkunde, 2 Ausg. Halle, 1822—1824, 3. В. Хотя онъ по прежнему говоритъ отдѣльно объ „allgemeinen“ и „positiven Grundsätze“, B. I, Vor. V, § 7, S. 7, но фактически его анализъ отдѣльныхъ уголовно-правовыхъ вопросовъ незамѣтно переходитъ къ конструированію теоріи на почвѣ догмы германскаго права.

¹ Еще въ 1810 г. появляется переводъ учебника А. Фейербаха подъ заголов-

сыграть рѣшающую роль въ примѣненіи къ русской наукѣ. Именно этимъ трудомъ былъ данъ толчекъ къ развитію научно-догматической обработки нашего уголовного права ¹. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго хода научно-догматическихъ работъ, у насъ завѣты А. Фейербаха, что «положительное правовѣдѣніе (юриспруденцію) можетъ философія только объяснить, но обладать онымъ не должна» ² и «что можно философствовать свободно, не нарушая тѣмъ правъ положительной юриспруденціи» ³, нашли себѣ убѣжденныхъ послѣдователей.

Но помимо того, чисто моральнаго вліянія, которое оказали труды Фейербаха на начало научно-догматической разработки русскаго уголовного права, переводъ его учебника на русскій языкъ ⁴ послужилъ и фактически путеводною нитью, которая помогла русской наукѣ выбраться изъ лабиринта «памятниковъ» и собраній

комъ: Уголовное право. Сочиненіе доктора Павла Анзельма Фейербаха, Сиб. 1810. Въ 1811 г. появляется „книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права: съ приложеніемъ російскихъ уголовныхъ законовъ, къ каждому преступленію порознь относящихся“ и только въ 1827 г. выходитъ „книга третія, содержащая дѣлопроизводство уголовного права, то есть: изслѣдованія и суды“. Въ промежутокъ времени между первой и второй книгой учебника въ 1812 году выходитъ въ свѣтъ переводъ монографіи А. Фейербаха о государственной измѣнѣ подъ заглавіемъ: „Философически-юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и преступленія противъ Величества съ краткимъ начертаніемъ исторіи законодательства о семъ преступленіи, сочиненное Д. П. И. А. Фейербахомъ“, Сиб. 1812.

¹ Ср. по этому вопросу А. Коровецкій, Историческое обозрѣніе рос. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх., 1829, т. 8, № 48, стр. 102; Г. Гордѣенко, Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе въ Россіи въ

настоящее время? Х. 1838, стр. 9.

² Философически-юридическое изслѣдованіе государственной измѣны, Сиб. 1812, стр. IV и сл.

³ *Op. cit.*, стр. V.

⁴ Переводъ первой книги учебника А. Фейербаха выполненъ проф. П. Лодіемъ, если вѣрить указанію проф. В. Григорьева, Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, Сиб. 1870, стр. 49. Третья книга, посвященная процессу, переведена въ 1827 г. Петромъ Полонскимъ. Переводчикъ второй книги, заключающей въ себѣ особенную часть уголовного права намъ неизвѣстенъ, хотя можно съ большою вѣроятностью утверждать, что переводъ и дополненіе не сдѣланы П. Лодіемъ. Fr. G. v. Bunge, Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literat. des russischen Rechts und der Rechtswiss. überh. въ Kritische Zeitschrift f. Rechtswis. und Gesetzgeb. des Ausl. Heid. 1830, II B., S. 456, называетъ переводчиками труда А. Фейербаха Лодія, Цебрикова и Полонскаго.

указовъ на равнину научно-догматическаго построенія уголовного законодательства. Говоря это, мы имѣемъ въ виду дополненія, сдѣланныя къ учебнику А. Фейербаха, представляющія собою первую попытку въ области догмы особенной части русскаго уголовного права.

Неизвѣстный авторъ догматическихъ добавленій къ учебнику А. Фейербаха, бывшій, повидному, одновременно и его переводчикомъ, писалъ о своей работѣ: «теперь.. издастся въ свѣтъ... книга систематическая, то есть, описывающая по разнѣ всякія между людьми случающіяся преступленія и постановленныя за то въ силу положительныхъ законовъ наказанія, съ примѣненіемъ по возможности нашихъ Россійскихъ уголовныхъ законовъ»...¹. Авторъ этихъ скромныхъ по внѣшнему виду прибавленій далъ въ дѣйствительности первую систематизацію нашихъ уголовно-правовыхъ постановленій въ такомъ расположеніи, которое считалось съ ихъ внутренней сущностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ научное построеніе матеріала нашего положительнаго уголовного законодательства. Какъ бы нанизывая его на научныя понятія А. Фейербаха, авторъ прибавленій дѣлалъ этимъ самымъ первый шагъ къ научной обработкѣ нашего уголовного законодательства². Правда, добавленія къ учебнику А. Фейербаха сдѣланы языкомъ законодательныхъ актовъ³, но въ то же время они сопровождаются изложеніемъ принциповъ нашего законодательства по большинству вопросовъ⁴. Переводчику и ав-

¹ Уголовное право. Сочиненіе доктора Павла Анзельма Фейербаха, кн. вт., Сиб. 1811, Предъувѣдом., стр. IV и сл.

² Г. Солнцевъ, Россійское уголовное право, Каз. 1820, впервые изд. въ Яр. въ 1907 г., стр. 52, а также Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе въ Россіи въ настоящее время? дисс. Г. Гордѣвкова Х. 1838, стр. 9.

³ Ср. Уголовное право. Сочиненіе доктора Павла Анзельма Фейербаха. Сиб. 1811, кн. вт. о государственной измѣнѣ, стр. 9 и сл.; о наказаніи фальшивыхъ монетчиковъ, стр.

22 и сл.; о дуэли, стр. 32 и сл.; о „смертоубійствѣ“, стр. 63 и сл., стр. 73 и сл.; объ изнасилованіи, стр. 106; о святотатствѣ, стр. 170 и сл.; о воровствѣ, стр. 177 и сл.; о грабежѣ, стр. 187 и сл., 191 и сл.; о зажигательствѣ, стр. 195 и сл.; о наказуемомъ неисполненіи договоровъ, стр. 201 и сл.; о прелюбодѣяніи, стр. 209; о подлогѣ, стр. 242 и сл., въ особ. 244 и сл.; о лжеприсягѣ, стр. 251 и сл.; объ угрозахъ, стр. 268 и сл. и мн. др.

⁴ Ср., напр., Ор. cit., стр. 9, 22, 32 и сл., 63, 73 и сл. и мн. др.

тору добавленій пришлось приэтомъ выносить на своихъ плечахъ трудность созданія русской терминологіи для понятій, съ которыми оперируетъ А. Фейербахъ. Мы встрѣчаемся въ переводѣ съ терминами «похищеніе»¹, «присвоеніе»², «подлогъ»³, «сводничество»⁴, «подкупъ и лихоимство»⁵ и мн. другими, если и не созданными всецѣло переводчикомъ, то избранными изъ цѣлаго ряда другихъ и укоренившимися въ нашей уголовно-правовой литературѣ до нашихъ дней.

Дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ расположенія нашего уголовного законодательства въ научной системѣ дѣлаетъ въ 1815 году О. Гореглядъ⁶. Вліянія, подъ которыми сложился «Опытъ начертанія россійскаго уголовного права» — эта первая попытка научной догмы⁷ общей части, чрезвычайно поучительны. Трудъ этотъ выросъ фактически на почвѣ работъ Комиссіи составленія законовъ, въ которыхъ принималъ участіе О. Гореглядъ⁸, а слѣдовательно подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ, съ одной стороны, трудовъ популярно-юридической литературы, которые лежали въ основѣ работъ Комиссіи и, съ другой стороны, подъ замѣтнымъ вліяніемъ доктрины Наказа. Прежде чѣмъ рѣшить, однако, вопросъ о степени этихъ вліяній остановимся нѣсколько подробнѣе на самомъ характерѣ труда О. Горегляда.

Стремясь представить въ научной системѣ догму русскаго уголовного права, О. Гореглядъ⁹ говоритъ о своей задачѣ: «я старался, собравъ... узаконенія, привести ихъ въ порядокъ по ро-

¹ Ор. cit., стр. 142 и др.

² Ор. cit., стр. 147 и сл. и др.

³ Ор. cit., стр. 240 и мн. др.

⁴ Ор. cit., стр. 306.

⁵ Ор. cit., стр. 314.

⁶ Опытъ начертанія россійскаго уголовного права, ч. I, О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще, соч. Осипа Горегляда, Спб. 1815.

⁷ Трудъ О. Горегляда, Опытъ начертанія россійскаго уголовного права, совершенно не оцѣненъ по достоинству А. Коровецкимъ, который называетъ его „мало-успѣшнымъ по несвойственнымъ за-

главіямъ, недостатку въ порядкѣ и многимъ другимъ погрѣшностямъ“, А. Коровецкій, Историч. обзор. рос. гражд. и уг. права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 103.

⁸ Ср. О. Гореглядъ, Ор. cit., Посвящ.

⁹ Біографич. свѣдѣнія объ О. Гореглядѣ, къ сожалѣнію, отсутствуютъ. О немъ не упоминаетъ въ своемъ Словарѣ митроп. Евгеній, а Гр. Геннадіи въ Справочномъ словарѣ, т. 1, Берл. 1876, стр. 244 и сл. ограничивается только упоминаніемъ о его трудѣ.

дамъ содержащихся въ нихъ предметовъ...¹; нѣтъ такого сочиненія, которое бы въ надлежащемъ порядкѣ заключало въ себѣ Россійское уголовное право»...². «... Я старался изложить одно лишь существо..., но нѣтъ возможности обработать въ скоромъ времени всѣ части сего предмета, ибо представить себѣ должно разсмотрѣнїе безчисленнаго множества: указовъ, учрежденій и уставовъ, изъ коихъ... нигдѣ нѣтъ полныхъ собраній»³.

«Надлежащій» порядокъ, въ которомъ О. Гореглядъ ставитъ себѣ цѣлью изложить дѣйствующее уголовное законодательство, можетъ быть достигнутъ, по мнѣнію его, раздѣленіемъ на отдѣлы: «О преступленіяхъ вообще и послѣдствіи оныхъ», «О разныхъ родахъ наказаній» и «объ общихъ постановленіяхъ и правилахъ, при рѣшеніи уголовного дѣла и примѣненіи наказанія къ преступленію»⁴. Строго выдерживая этотъ планъ, О. Гореглядъ привлекаетъ въ качествѣ источника и Наказъ Екатерины II. Онъ даетъ опредѣленіе преступленія, его раздѣленія, останавливается на началахъ, положенныхъ въ основаніе соучастія, на отдѣльныхъ видахъ наказаній и условіяхъ примѣненія ихъ въ зависимости отъ формъ виновности, степени оконченности дѣйствія и участія въ немъ и пр. Въ результатѣ, несмотря на небольшой объемъ⁵, изъ котораго четверть посвящена историческому обзору и отчасти перечню источниковъ, книга О. Горегляда даетъ изложеніе матеріала дѣйствовавшаго права въ чисто научной системѣ. По нѣкоторымъ вопросамъ О. Гореглядъ прибѣгаетъ къ сопоставительному методу, сравнивая постановленія русскаго законодательства съ иностранными⁶.

Общія философскія разсужденія отсутствуютъ у О. Горегляда почти совершенно, и онъ наполняетъ взятыя въ научной системѣ рубрики матеріаломъ чисто догматическимъ. Философскій элементъ

¹ О. Гореглядъ, *Op. cit.*, Посвящ.

² О. Гореглядъ, *Op. cit.*, стр. XXIII.

³ О. Гореглядъ, стр. XXV.

⁴ О. Гореглядъ, стр. XXVII.

⁵ XXXI—167 стр.

⁶ О. Гореглядъ ссылается, напр., на

австрійское уложеніе 1803 г., французскій Code pénal 1810 г., уложеніе тосканское, *Op. cit.*, стр. 28 и слѣд., стр. 95, 101 и др., а равно прусское, стр. 83 и др.

внесенъ только въ вопросъ о выводѣ «начала власти наказывать» изъ права, дарованнаго природою челоуѣку, на утвержденіе своей безопасности. Сіе право, замѣчаетъ О. Гореглядъ «есть право обороны и возмездія (*jus talionis*), по коему въ случаѣ покушеній на него отвращалъ онъ ихъ силою, и въ случаѣ дѣйствительныхъ нарушеній принадлежностей его или же причиненныхъ ему обидъ, требовалъ ока за око и зуба за зубъ, то есть: мстилъ и преслѣдовалъ за оныя дотолѣ, пока такимъ же образомъ не былъ отмщенъ»¹). Выводъ о дѣйствующей нормѣ положительнаго права дѣлается О. Гореглядомъ обыкновенно въ очень краткой формѣ, и вслѣдъ за созданиемъ такой какъ бы *regula juris* слѣдуетъ цитированіе цѣлаго ряда тѣхъ статей, обобщеніемъ которыхъ она является.

Цѣнность работы О. Горегляда засвидѣтельствована отчасти тѣмъ, что по даннымъ, сообщаемымъ у проф. Н. Таганцева²), она послужила однимъ изъ источниковъ при составленіи 1-го раздѣла Свода законовъ уголовныхъ 1832 г. Трудомъ О. Горегляда усердно, повидимому, пользовался и Г. Солнцевъ въ догматической части своего курса, а равно проф. І. Л. Мютель, который въ своей работѣ по лифляндскому уголовному праву полагаетъ трудъ О. Горегляда въ основаніе ознакомленія съ догмой русскаго уголовного права, поскольку послѣднее входитъ въ качествѣ источника въ интересующую его область³.

То обстоятельство, что О. Гореглядъ усердно пользовался сводками дѣйствующаго права, представленными разнаго рода «памятниками», указателями и проч. врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гораздо интереснѣе прослѣдить на его трудѣ вліяніе Наказа.

Послѣднее представляется очевиднымъ при обзорѣ тѣхъ опредѣленій, которыя О. Гореглядъ даетъ основнымъ понятіямъ, введеннымъ въ его «Опытъ». Онъ утилизируетъ Наказъ

¹ О. Гореглядъ, Опытъ начертанія рос. уг. пр., стр. I.

² Н. Таганцевъ, Рус. уг. пр., т. 1, 1902, стр. 92.

³ Ср. I. L. Müthel, Handbuch der livländischen Criminalrechtslehre, Erste Abtheil., Dorp. 1827, S. 5, 11, 12, 15, 18, 25, 47 и мн. др.

in expressis verbis для опредѣленія покушенія ¹ и совершенія ², различенія видовъ неправды уголовной ³ и родовъ преступленій ⁴, видовъ наказаній ⁵ и пр. Но использование О. Гореглядомъ Наказа должно быть отмѣчено и тамъ, гдѣ онъ не дѣласть соответственныхъ указаній. Понятіе преступленія, которое выставляетъ О. Гореглядь, почти дословно заимствуется имъ изъ Наказа ⁶. То же должно сказать о раздѣленіи его на виды ⁷, значеніи для вмѣненія уголовного воли ⁸ и т. д.

Руководствуясь теоретической схемой Наказа, О. Гореглядь формулируетъ отдѣльныя положенія дѣйствовавшего въ его время уголовного права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ О. Гореглядь не подвергаетъ, какъ мы уже сказали, общихъ ученій философской обработкѣ, хотя и формулируетъ положенія, являющіяся общими по отношенію къ цѣлому ряду опредѣленій положительнаго права. Въ трудѣ О. Горегляда приходится видѣть, такимъ образомъ, опытъ построенія догмы уголовного права, но безъ той степени самостоятельности и глубины, которая характеризуетъ болѣе позднія попытки и, въ особенности, его современника Г. Солнцева.

Очень близокъ къ попыткамъ построенія русскаго уголовного права въ духѣ О. Горегляда П. Гуляевъ ⁹.

Въ своемъ «Россійскомъ уголовномъ правѣ» ¹⁰ П. Гуляевъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣль систематическаго изложенія постановленій дѣйствующаго русскаго уголовного права. Не-

¹ О. Гореглядь, Ор. cit., § 5, стр. 3.

² О. Гореглядь, Ор. cit., § 9, стр. 4.

³ О. Гореглядь, Ор. cit., § 11, стр. 5.

⁴ О. Гореглядь, Ор. cit., § 12, стр. 5 и др.

⁵ О. Гореглядь, Ор. cit., § 26, стр. 13 и др.

⁶ О. Гореглядь, Опытъ, § 1, Наказъ, ст. ст. 41 и 228.

⁷ Ор. cit., § 10, Наказъ, ст. ст. 540 и 138.

⁸ Ор. cit., § 8, Наказъ, ст. 201.

⁹ Біографич. данныя о Петрѣ Николаевичѣ Гуляевѣ ср. Гр. Геннадіи, Сира-

вочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 268.

¹⁰ Россійское уголовное право составленное изъ Россійскихъ государственныхъ узаконеній... Петромъ Гуляевымъ, М. 1826; втор. изд. 1833. Тотъ-же характеръ носитъ его курсъ полицейскаго права „Права и обязанности градской и земской полиціи и всѣхъ вообще жителей Россійскаго государства по ихъ состояніямъ въ отношеніи къ полиціи“. Первое изд. этой книги выходитъ въ 1824, второе въ 1827, а третье въ 1832.

большое историческое введеніе его ¹ не носить характера существенной части его работы и посвящено обзорѣнію внѣшней исторіи источниковъ русскаго уголовного права. Трудъ П. Гуляева подраздѣленъ на общую и особенную часть.

Отдѣлъ «О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще» ² посвященъ краткимъ опредѣленіямъ понятія преступленія, умысленности, покушенія, соучастія съ точки зрѣнія дѣйствующаго права. Схема общей части выработана П. Гуляевымъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Наказа ³. Это чувствуется и тогда, когда онъ не дѣлаетъ на него прямыхъ ссылокъ. По Наказу П. Гуляевъ излагаетъ и такіе институты, которые или вовсе не представлены въ правѣ того времени, или не соотвѣтствуютъ тѣмъ очертаніямъ, которыя намѣчены для нихъ въ Наказѣ ⁴. Можно безъ преувеличенія сказать, что весь теоретическій аппаратъ общей части книги П. Гуляева воспроизводитъ соотвѣтственные понятія Наказа.

Нѣсколько отдалается отъ Наказа въ ея теоретическихъ началахъ особенная часть «Россійскаго уголовного права» П. Гуляева. Это явленіе объясняется сравнительно просто. Наказъ, какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, очень суммарно и отчасти противорѣчиво намѣтилъ схему особенной части. П. Гуляеву пришлось идти въ виду этого болѣе или менѣе самостоятельнымъ путемъ, и это не могло не отразиться на научномъ достоинствѣ его схемы. Всю область преступленій П. Гуляевъ раздѣляетъ на «преступленія государственныя или общественныя» и «преступленія частныя» въ соотвѣтствіи съ началомъ, высказаннымъ въ ст. 138

¹ П. Гуляевъ, Россійское уголовное право, М. 1826, стр. 1—15.

² П. Гуляевъ, Ор. cit., §§ 1—46, стр. 17—39.

³ Ср. напр. Опредѣленіе преступленія, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 1, Наказъ, ст. ст. 138 и 41; понятіе умысленности, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 3, Наказъ, ст. 201; понятіе покушенія, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 5, Наказъ, ст. 201; понятіе соучастія, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 8, Наказъ, ст.

202; дѣленіе преступленій, П. Гуляевъ, § 9, Наказъ, ст. 138; понятіе наказанія, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 18, Наказъ, ст. 84; о тюремномъ заключеніи, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 34, Наказъ, ст. ст. 170 и 174; о преступленіяхъ „противу Имп. Величества“, П. Гуляевъ, § 12, Наказъ ст. 465 и т. д.

⁴ Ср., напр., о тюремномъ заключеніи, П. Гуляевъ, Ор. cit., § 34, Наказъ, ст. ст. 170 и 174.

Наказа, но не проведенномъ въ немъ послѣдовательно до конца. «Преступленія государственныя или общественныя» распадаются у П. Гуляева на «преступленія противу вѣры», «противу императорскаго величества», «противу тишины, правосудія и частныхъ правъ государства». Дѣленіе это, въ свою очередь, подсказано П. Гуляеву ст. 229 Наказа. Что касается «преступленій частныхъ», то П. Гуляевъ различаетъ среди нихъ «преступленія частныя, сопровождаемыя опасностью многихъ» и «преступленія частныя, лично къ кому либо относящіяся». Здѣсь можно видѣть самостоятельную попытку пойти дальше директивъ Наказа, но въ соотвѣтствіи съ началами, предусмотрѣнными ст.ст. 229 и 230 этого памятника. Но если П. Гуляевъ могъ заимствовать и приспособлять рубрики Наказа для своихъ практическихъ цѣлей, пока идетъ рѣчь объ общихъ принципахъ классификаціи преступленій, то былъ всецѣло представленъ самому себѣ въ вопросѣ о подведеніи подъ эти дѣленія правонарушеній, предусматривавшихся дѣйствующимъ правомъ. Это обстоятельство и явилось наиболее уязвимымъ пунктомъ труда П. Гуляева, въ которомъ сказалось не только незнакомство его съ приемами построенія особенной части, укоренившимся уже къ тому времени въ западной доктринѣ, но и неумѣнье избѣжать ряда несообразностей, отнимающихъ у его схемы всякое значеніе. Относя такія дѣянія, какъ тайное похищеніе—«воровство—кражу», къ «преступленіямъ частнымъ, сопровождаемымъ опасностью многихъ», П. Гуляевъ причисляетъ къ той же категоріи случаи пьянства чиновниковъ, случаи распутства, излишествъ и мотовства владѣльцевъ имѣній, мѣщанъ и казенныхъ крестьянъ¹. Но рядомъ съ тѣмъ П. Гуляевъ считаетъ возможнымъ относить, даже въ исправленномъ изданіи его труда, къ «преступленіямъ частнымъ, лично къ кому-либо относящимся», изнасилованіе—«насильство», наказываемое смертной казнью², пріѣздъ въ чужой домъ для обезчещенія хозяйки, караемый также

¹ П. Гуляевъ, Россійское угол. право, 1826, 236, § стр. 130; §§ 285—287, стр. 150.

² П. Гуляевъ, Россійское угол. право, 1833, стр. 201.

смертной казнью, и, что особенно непонятно, многоженство¹, нанесеніе ранъ въ церкви², нанесеніе побоевъ судьѣ въ присутственномъ мѣстѣ³; къ этого рода преступленіямъ П. Гуляевъ, наконецъ, относитъ и случаи, когда «кто учинитъ надъ кѣмъ мучительное надругательство, отсѣчетъ руку, ногу, носъ, ухо, губы или глазъ выколетъ»⁴.

Приведенныхъ примѣровъ, думается, совершенно достаточно, чтобы оцѣнить научное значеніе догматической попытки П. Гуляева. Если принять во вниманіе, что трудъ его такъ или иначе все же упрощалъ систематизацію дѣйствующаго права и былъ встрѣченъ весьма сочувственно⁵, то становится понятнымъ, какой существенной потребностью момента было появленіе такихъ работъ по русскому уголовному праву, которыя дали бы догматическую разработку его на дѣйствительно научныхъ началахъ. Задача эта, въ примѣненіи къ общей части уголовного права, была блестяще выполнена проф. Г. Солнцевымъ, труды котораго не выходили, однако, за предѣлы круга его непосредственныхъ учениковъ. Только въ Г. Солнцевѣ слѣдуетъ видѣть, между тѣмъ, перваго русскаго криминалиста, даващаго въ своихъ трудахъ образецъ научной догмы уголовного права.

Фактъ незвѣстности Г. Солнцева, какъ криминалиста, не только въ широкихъ кругахъ, но и среди специалистовъ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Если въ спеціальныхъ изданіяхъ и попадались кое-какія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, то они или носили чисто біографическій характеръ, или сообщали отдѣльные эпизоды изъ жизни Г. Солнцева, связанные такъ или иначе съ казанскими университетскими скандалами начала минувшаго вѣка. Даже такіе солидные, покоющіеся на непосредственномъ изученіи матеріала, труды, какъ Исторія Казанскаго университета проф. Н. Загос-

¹ Ор. cit., стр. 205.

² Ор. cit., стр. 208.

³ Ор. cit., стр. 208 и сл.

⁴ Ор. cit., стр. 209.

⁵ Проф. А. Коровецкій писалъ о трудѣ

П. Гуляева: „въ немъ система хотя и произвольна, но довольно удачна“, Историч. обоз. російск. гражд. и угол. права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх. 1829, т. 8, № 48, стр. 103.

кина, не даютъ характеристики Г. Солнцева, какъ ученаго криминалиста. Проф. Н. Таганцевъ, упоминая вскользь, что Г. Солнцевъ читалъ одно время при Казанскомъ университетѣ курсъ уголовного права, долженъ сознаться, что профессорская дѣятельность этого русскаго ученаго прошла для науки уголовного права безслѣдно ¹. Возможность такого утвержденія служить, думается намъ, уже вполне достаточнымъ доказательствомъ положенія, что Г. Солнцевъ совершенно неизвѣстенъ въ нашемъ отечествѣ, какъ криминалистъ. Такой взглядъ только укрѣпляется бѣглымъ замѣчаніемъ Н. Таганцева, что Г. Солнцевъ читалъ въ Казанскомъ университетѣ курсъ уголовного права по Грольману и, слѣдовательно, совершенно не заявилъ себя самостоятельными изысканіями или даже болѣе скромными заслугами въ этой области. Правда, проф. Н. Загоскинъ въ упомянутомъ уже нами трудѣ своемъ отмѣчаетъ, что за Г. Солнцевымъ числится тетрадь общаго уголовного германскаго права ², сокращеннаго по системѣ Грольмана, на русскомъ языкѣ. Въ изданномъ, далѣе, подъ редакціей Н. Загоскина Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета составитель статьи о Г. Солнцевѣ проф. Н. Загоскинъ указываетъ, кромѣ того, что въ дѣлахъ университетскаго архива имѣются указанія на слѣдующіе рукописные труды Г. Солнцева на латинскомъ языкѣ: «Общее уголовное право» и «Монограммы русскаго гражданскаго и уголовного права»³, но о существованіи у Г. Солнцева особаго курса русскаго уголовного права проф. Н. Загоскинъ не упоминаетъ. Изъ болѣе старыхъ писателей архим. Гавріиль, перечисляя труды Г. Солнцева, отмѣчаетъ, въ свою очередь, изъ уголовно-правовыхъ работъ этого послѣдняго только «Основанія общаго уголовного герман-

¹ Н. Таганцевъ, Русск. уг. пр., т. 1, 1902 г., стр. 31: „также безслѣдно прошелъ Солнцевъ, читавшій въ Казани общее германское уголовное право (по Грольману)“.

² Н. Загоскинъ, Исторія Казан. унив., т. 2, стр. 26.

³ Біографическій словарь профессо-

ровъ и преподавателей Имп. Каз. унив. подъ ред. проф. Н. Загоскина, ч. 2. Каз. 1904, подъ словомъ „Солнцевъ“. Ср. также Къ 100-лѣтней годовщинѣ Каз. ун. Дѣятели Имп. Каз. ун. 1805—1900. Опытъ кратк. біограф. словаря. Состав. Н. Загоскинъ, Каз. 1900, стр. 115 и слѣд.

скаго права» и «Объясненную теорію уголовного права Грольмана»¹. Всѣ эти указанія не даютъ, однако, возможности представить себѣ реальное значеніе Г. Солнцева въ русской криминалистикѣ, и дѣятельность его приходится признать въ этой области забытой. Причинъ, объясняющихъ возможность такого забвенія блестящей научной дѣятельности нашего ученаго, — забвенія, обусловливающагося, прежде всего, недостаточной оцѣнкой ученыхъ заслугъ Г. Солнцева со стороны его современниковъ, слишкомъ много.

При всѣхъ своихъ способностяхъ и огромной эрудиціи Г. Солнцевъ почти ничего не печаталъ. Нѣсколько трудовъ, даже приготовленныхъ имъ къ печати, остались неизданными. Если и приписывать такое явленіе въ нѣкоторой степени личной апатіи Г. Солнцева, то нельзя все же не признать и того, что такія личности, какъ онъ, вынуждены были оставаться маяками со свѣтильниками, обреченными только на слабое мерцаніе. Общество, окружавшее Г. Солнцева, не только не имѣло потребности въ свѣтѣ, какой источали и могли источать такіе умы, но составляло собой, въ большинствѣ случаевъ, инертную массу, парализовавшую научную дѣятельность и служившую препятствіемъ къ проникновенію знаній въ широкіе круги. Современники Г. Солнцева не возвысились и до степени пассивнаго уваженія къ его ученымъ трудамъ. Даже ближайшіе къ нему люди не проявили и такого примитивнаго интереса къ плодамъ его творчества, чтобы принять мѣры къ сохраненію большого числа рукописныхъ трудовъ, оставшихся послѣ его смерти. Большинство ихъ, по всей вѣроятности, или погребло, или хранится при такихъ условіяхъ, что извлечь ихъ изъ мрака неизвѣстности можетъ только счастливая случайность. Намъ удалось розыскать цѣлый рядъ ученыхъ работъ Г. Солнцева, остававшихся или совершенно неизвѣстными, или числящихся за нимъ на основаніи свѣдѣній, сохранившихся въ оффиціальныя документахъ.

Насколько намъ извѣстно, одна рукопись Г. Солнцева, а

¹ Архим. Гавріиль, Исторія философіи, ч. VI, 1840 г., Каз., стр. 100.

именно его курсъ естественнаго права, хранится въ архивѣ Казанскаго университета. Рукописи этой суждено было сыграть роль вещественнаго доказательства ¹ въ судѣ, устроенномъ надъ Г. Солнцевымъ М. Магницкимъ,—въ томъ судѣ, который призванъ былъ служить только внѣшней оболочкой предрѣшеннаго уже удаленія Г. Солнцева изъ Казанскаго университета ².

Къ этому остатку научнаго наслѣдія Г. Солнцева долженъ быть причисленъ еще его курсъ русскаго уголовного права ³. Совершенно случайно на нашу долю выпала возможность ознакомиться одному изъ первыхъ съ этой рукописью ⁴, а затѣмъ и съ рядомъ другихъ его работъ по уголовному праву.

Къ сожалѣнію, мы не были столь же счастливы въ розысканіи всѣхъ криминалистическихъ трудовъ Г. Солнцева. Для насъ не представляется въ виду этого возможнымъ и теперь дать вполнѣ законченный образъ Г. Солнцева, какъ криминалиста, или, выражаясь точнѣе, какъ перваго русскаго криминалиста, представшаго передъ слушателями во всеоружіи юридической науки своего времени. Намъ остается въ этомъ мѣстѣ только назвать криминалистическіе труды Г. Солнцева, оказавшіеся для насъ недоступными.

Въ архивѣ Казанскаго университета сохранились данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ 1816—1819 годахъ проф. Г. Солнцевъ читалъ слушателямъ римское право и общее уголовное германское право по своимъ тетрадамъ, а также о законахъ ев-

¹ Въ Архивѣ Казанскаго университета мы нашли и другой списокъ естественнаго права Г. Солнцева. Онъ представляетъ собой, повидимому, записи его лекцій однимъ изъ слушателей, вытребованную отъ владѣльца для уличенія Г. Солнцева его судьями.

² Ср. Н. Буличъ, Университетскій судъ надъ проф. Г. Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго, Учен. зап. Каз. унив. 1864 г. вып. I, Каз. 1866, стр. 267—288.

³ Г. Солнцевымъ былъ написанъ и курсъ русскаго гражданскаго права, обработанный съ большою тщательностью. Намъ удалось ознакомиться съ нимъ благодаря любезности М. Н. Гернета. Изданіе этого труда, озаглавленнаго: „Первыя основанія російскаго гражданскаго частнаго права“ представляетъ несомнѣнный интересъ.

⁴ Ср. подробности во вступит. статьѣ къ Російскому уголовному праву Г. Солнцева, стр. IV и сл.

реевъ и египтянъ по своимъ запискамъ ¹ на латинскомъ языкѣ ². 6 мая 1815 г. Г. Солнцевымъ было подано прошеніе объ опредѣленіи его экстраординарнымъ профессоромъ «правъ древнихъ и новыхъ знатнѣйшихъ народовъ», причемъ въ числѣ другихъ трудовъ имъ была представлена на русскомъ языкѣ тетрадь общаго германскаго уголовного права, сокращеннаго по системѣ Грольмана ³. Въ дѣлахъ университетскаго архива встрѣчаются указанія, что у Г. Солнцева имѣлся рукописный трудъ, озаглавленный: «*Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata ad usum auditorum methodo faciliori elaborata*» и, кромѣ того, на латинскомъ же языкѣ «Общее уголовное право» и «Монограммы русскаго гражданскаго и уголовного права» ⁴.

Указанные криминалистическіе труды Г. Солнцева мы должны, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, считать утраченными и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждены, характеризовать его криминалистическія возрѣнія на основаніи рукописи «Россійское уголовное право» и другихъ найденныхъ нами и указанныхъ въ своемъ мѣстѣ трудовъ его.

Самая судьба Г. Солнцева въ высшей степени интересна, какъ иллюстрація того нерѣдкаго въ исторіи нашего просвѣщенія порядка, по которому весьма цѣнныя для академической жиз-

¹ Къ 100-лѣтней исторіи Казанскаго университета. II. Историческая записка о 4 отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 г. Каз. 1899.

² Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, ч. 2, стр. 96.

³ Одновременно имъ было представлено „Краткое обозрѣніе исторіи рос. закон. вообще“, Къ столѣтней исторіи Казанскаго университета. II. Историческая записка о 4 отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 г. Каз. 1899. Трудъ Г. Солнцева „Краткое обозрѣніе исторіи російскаго законодательства вообще“ намъ удалось розыскать, благодаря любезности Н. В.

Туйкова. Небольшая работа эта представляетъ собой отрывокъ въ 22 стр. Г. Солнцевъ подраздѣляетъ въ ней исторію русскаго законодательства на періоды и дѣлаетъ указанія на дисциплины, облегчающія изученіе исторіи законодательства вообще. По своему содержанию „Краткое обозрѣніе исторіи російскаго законодательства вообще“ носитъ характеръ работы по внѣшней исторіи русскаго права.

⁴ Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго университета подъ редакціей Н. Загоскина, ч. 2, Каз. 1904.

ни единицы выбрасывались, по чисто случайнымъ поводамъ, за бортъ.

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ ¹ родился 22 марта 1786 г. въ подгородномъ селѣ Радогощъ, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи въ вотчинѣ князей Голицыныхъ ². Отець его былъ священникомъ соборной церкви города Дмитрова ³. До посвященія своего въ духовный санъ Илья Солнцевъ служилъ у князей Го-

¹ Матеріалы для исторіи кафедръ и учреждений И. К. У. (1804—1816) Каз., 1899. I; Историческая записка о 4 отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 г.г. II. Каз. 1899; Владимірскій, Историческая записка о пер. гимназій, т. 1. ч. II; Буличъ, Университетскій судъ надъ проф. Г. Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго. Уч. зап. Каз. унив. 1864 вып. I, Каз. 1866, стр. 267—288; Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, Ученые записки Казан. унив. 1890, гл. образ. 1—144, 145—276, а также за 1891 г. стр. 141—269; Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, т. 1 и 2, ср. въ посл. въ особ. стр. 12, 18, 23—32, 42, 44, 46, 58—60, 76, 77, 79, 80, 96, 109, 110, 113, 117, 118, 129, 153, 154, 156, 164, 187, 194—197, 201, 344, 439, 529, 546, 551, 568, 569, 575, 629, 630, 651, 653; а также т. 3 и 4; Двятелі И. К. У. 1895—1900, Опытъ краткаго біографическаго словаря, сост. Н. Загоскинъ, Каз. 1900; Біографическій словарь профессоръ и преподавателей И. К. У. подъ редакціей Н. Загоскина, ч. 2. Каз. 1904; П. Суворовъ, Записки о прошломъ, ч. 1. Моск. 1869; Казанская старина, изъ воспоминаній Ив. Ив. Михайлова, Рус. старина, № 10, стр. 99—113, сообщ. С. П. Кулябко; П. Пономаревъ, Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ Истор. вѣстн. 1887, т. 27). Феоктистовъ, Магницкій, Русск. вѣстн. 1864 г., т. 52; Казанскій календарь

1869 г., изданіе Тилли, стр. 53—54. Н. Агафоновъ, Справоч. листокъ г. Казани 1867, № 11 и 12 и отд. изд.: Краткія свѣдѣнія о жизни Гавріила Ильича Солнцева, Каз. 1867; статья Г. Г. (Геннаді), Еще о Г. И. Солнцевѣ въ Современной лѣтописи 1867 г., № 1; Н. Агафоновъ, Изъ Казанской исторіи, Каз. 1906, Гавр. Ильичъ Солнцевъ, стр. 40 и 48; Н. Агафоновъ, Казань и казанцы, I, Каз. 1906, стр. 102. Энциклопедическій словарь Брокгауза подъ словомъ „Солнцевъ“; Арх. Гавріилъ, Исторія философіи, ч. VI, стр. 98—114. Каз. 1840.

² Матеріалы для исторіи кафедръ и учреждений И. К. У. Каз. 1899. Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, т. 2. Въ Казанскомъ календарѣ 1869 Тилли, стр. 53—54, время рожденія Г. И. Солнцева приурочивается къ 1783. Н. Агафоновъ, О жизни Г. И. Солнцева, называетъ 1783 и 1785 г.г., какъ вѣроятныя даты рожденія Г. Солнцева. Архим. Гавріилъ въ своей Исторіи философіи, ч. VI, стр. 98, указываетъ на 1785 г., какъ время рожденія Г. Солнцева. Ни 1793, ни 1785 г. не оказываются, между тѣмъ, точной датой. Неточныя данныя приводитъ и проф. Буличъ въ своемъ трудѣ Универ. судъ и проч., стр. 268. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ, Уч. зап. Каз. унив. 1891, стр. 244, проф. Буличъ приводитъ уже дату 22 марта 1786 г.

³ Казанскій календарь 1869 г., стр. 53 и слѣд.

лицыныхъ канцельмейстеромъ крѣпостного оркестра ¹. Будущій ученый Гавріиль Солнцевъ окончилъ курсъ въ Орловскомъ народномъ училищѣ, а затѣмъ въ духовной семинаріи г. Орла. По окончаніи семинарскаго курса, онъ 24 мая 1807 г. поступилъ на службу въ Орловское губернское правленіе ². Въ скоромъ времени онъ покидаетъ, однако, провинцію и переѣзжаетъ въ Москву. Здѣсь на первыхъ порахъ, какъ можно видѣть изъ его послужного списка, онъ зачисляется слушателемъ Московскаго университета по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ. 9 сентября 1811 года Г. Солнцевъ переводится въ канцелярію 7 департамента Правительствующаго Сената въ Москвѣ. Въ тяжелый 1812 г. передъ занятіемъ Москвы французами отсюда были переведены въ далекую провинцію нѣкоторыя учрежденія. вмѣстѣ съ другими были отправлены въ Казань 6, 7 и 8 департаменты Сената. Подъ главнымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора Столыпина туда были посланы, между прочимъ, архивы и канцеляріи со всѣмъ ихъ штатомъ ³. Велѣніемъ судьбы поцалъ такимъ образомъ въ Казань и Г. Солнцевъ ⁴. Здѣсь онъ старается сблизиться съ университетскими кругами. По словамъ Г. Солнцева ⁵, онъ прослушалъ въ Казани, пользуясь служебнымъ досугомъ, курсъ юридическо-политическихъ и философскихъ наукъ ⁶. Къ апрѣлю 1814 г., отъ Г. Солнцева поступаетъ въ университетъ прошеніе объ «опредѣленіи его въ ученые чиновники» Казанскаго университета и о желаніи его подвергнуться испытанію на степень магистра правовѣдѣнія. Какихъ нибудь точныхъ и подробныхъ оффиціальныхъ данныхъ объ экзаменѣ Г. Солнцева не сохранилось. Изъ краткой автобіографіи Г. Солнцева, найденной въ его бумагахъ,

¹ Н. Загоскинъ, Ист. Каз. унив., т. 2; Н. Агафоновъ, Ор. cit., стр. 4.

² Казанскій календарь 1869 г., стр. 53 и слѣд., а равно Н. Загоскинъ, Ор. cit., Н. Агафоновъ, Ор. cit., стр. 4.

³ Интересныя подробности о сопровожденіи архива въ Казань см. у Булича, Уч. зап. Каз. унив. 1891, стр. 246.

⁴ П. Пономаревъ, Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, Историч. вѣстн., т. 28, 1887 г., стр. 114.

⁵ Н. Загоскинъ, Исторія Каз. унив. т. 2.

⁶ Ср. неопредѣленные указанія Казанскаго календаря 1869 г.

можно заключить, что испытаніе прошло блестяще. Ко 2-му дек. 1814 г. Г. Солнцевъ возводится въ степень доктора обопхъ правъ¹.

Съ момента полученія докторской степени связь Г. Солнцева съ академическими кругами и съ самымъ университетомъ становится болѣе тѣсной². Въ наступающемъ 1815 г. онъ уже принимаетъ, повидимому, дѣятельное участіе въ жизни Казанскаго университета³.

¹ Ср. исторію полученія Г. Солнцевымъ степени доктора, составленную, главнымъ образомъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. Н. Загоскинымъ въ Исторіи Казанскаго университета, Г. Фельдштейнъ, Ор. cit., стр. X и слѣд. Данные эти въ виду найденныхъ нами рукописныхъ оригиналовъ магистерской работы и докторской диссертациі г. Солнцева, равно тезисовъ къ послѣдней, оказываются не совсемъ точными. Магистерская работа Г. Солнцева носила названіе: Praelectio inauguralis circa successionem ab intestato secundum principia juris Justinianeae, respectu quoque non minus habito ad leges Rossicas, quam... pro legitime consequendis in utroque jure Magistri gradus honoribus ac privilegiis... ad diem junii 1814 proponit Gabriel Solnzew, Orlowiensis, p. 66. Написанный хорошей латынью, трудъ этотъ посвященъ наслѣдованію по законамъ XII табл., а равно и позднѣйшему римскому праву и наслѣдованію „secundum leges Wladimiri Monomachii, Joannis Basilidis III и проч. Изъ найденныхъ нами тезисовъ докторской диссертациі и оригинала послѣдней открывается, между прочимъ, что диспутъ Г. Солнцева происходилъ 1 дек. 1814 г., а самый трудъ былъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: Dissertatio inauguralis juridica de successione ab intestato secundum juris Rossici principia respectu quoque habito ad Justinianeas leges elaborata quam... pro summis

in utroque jure honoribus rite ac legitime capessendis die 1 Dec. 1814 publice defendit Gabr. Solnzew Orlowiensis... Cas. 1814. Къ этому рукописному оригиналу приложена и рѣчь, сказанная Г. Солнцевымъ передъ диспутомъ. Найденныя нами данныя представляютъ въ истинномъ свѣтѣ замѣчаніе проф. Булича, Зап. Каз. унив., Каз. 1891, стр. 215, что „Солнцевъ, не имѣя кандидатской степени, началъ съ экзамена на магистра, и этотъ экзаменъ, во время самаго производства, какимъ то страннымъ образомъ перешелъ въ докторскій, и онъ получилъ степень доктора обопхъ правъ“... Ср. также Ор. cit., стр. 248 и слѣд.

² Г. Солнцевъ уже въ 1814 году становится членомъ Общ. любит. рос. словесности и оставался имъ почти всю жизнь. Къ сожалѣнію, труды общества не даютъ обильныхъ свѣдѣній о Г. Солнцевѣ. Съ 1830 года общество это не имѣло постоянныхъ засѣданій. Въ 1830 году возобновляются его собранія и Г. Солнцевъ выступаетъ докладчикомъ. Ср. Н. Поповъ, Общ. любит. отеч. слов. и період. литер. въ Казани съ 1805 по 1834 г., Русск. вѣстн. 1859, т. 23, стр. 97 и сл. Изъ трудовъ этого общества появилась только единств. книга за сент. 1817 г. Ср. Н. Поповъ, Ор. cit., стр. 69 и сл.

³ Ср. подробности въ статьѣ Г. Фельдштейна, Г. И. Солнцевъ, Росс. уг. пр. Юр. 07, стр. XII.

6 мая 1815 г. Г. Солнцевъ выступаетъ съ ходатайствомъ объ избраніи его экстраординарнымъ профессоромъ «правъ древнихъ и новыхъ знатнѣйшихъ народовъ», подкрѣпляя его приложеніемъ, кромѣ нѣкоторыхъ трудовъ, о которыхъ мы упоминали выше, «Краткаго обзорѣнія исторіи россійскаго законодательства вообще» и историко-юрдическаго трактата, содержащаго въ себѣ «Обзорѣніе правъ древнихъ и новыхъ народовъ» на латинскомъ языкѣ. Ходатайство Г. Солнцева имѣло успѣхъ.

Къ этому времени, относится, повидимому, приготовленіе Г. Солнцевымъ къ печати русскаго перевода сочиненія проф. І. Х. Финке ¹. 1815 годъ и ближайшіе, слѣдующіе за нимъ годы, были моментомъ общаго признанія выдающихся дарованій и громадной работоспособности Г. Солнцева ².

Скоро появляется въ Казани М. Магницкій въ качествѣ лица, ревизующаго казанскій учебный округъ. Въ положеніи ревизора онъ нуждался въ толковыхъ указаніяхъ дѣятельнаго члена акаде-

¹ Естественное частное, публичное и народное право, рус. пер. соч. І. Х. Финке, пер. съ нѣмец., Каз. 1816. Казанскій календарь 1869 г. приводитъ слѣдующее искаженное заглавіе этой книги: „Естественное и частное право Финке. Пер. въ пользу русскаго юношества“, Каз. 1816 г. Если судить по свѣдѣніямъ, приводимымъ у проф. Булича, Записки Каз. унив. 1890 г., стр. 54 и 55, то участіе Г. Солнцева въ переводѣ книги Финке было весьма скромнымъ. Г. Солнцеву принадлежитъ, по мнѣнію проф. Булича, только переводъ примѣчаній. Буличъ высказываетъ предположеніе, что надъ переводомъ текста потрудились Срезневскій и Алехинъ, ср. стр. 54, прим. Арх. Гавриилъ въ своей Исторіи философіи, ч. VI, стр. 100, говоритъ о естественномъ частномъ, публичномъ и народномъ правѣ Финке, „которое Солнцевъ, по порученію начальства, направилъ и издалъ въ свѣтъ въ пользу русскихъ инвалидовъ“... Въшній обзоръ книги І. Х. Финке не обна-

руживаетъ какого-либо участія Г. Солнцева въ ея переводѣ. Въ томъ же 1816 г. появляется въ Казани Естественное право Ф. Хр. Рейнгарда въ переводѣ съ латинскаго И. Сычугова, занятіями котораго руководилъ Г. Солнцевъ. Ср. по этому вопросу Н. Загоскинъ, Ист. Каз. ун., т. 2, стр. 59.

² Ср. Г. Фельдштейнъ, Г. Солнцевъ, Росс. уг. пр., Яр. 1907, стр. XIV и сл. Ср. рѣчь, произ. въ 1819 г. Г. Солнцевымъ: *Oratio de necessariis benemeriti Jureconsulti requisitis, Oratio, quam in publico Caesareae universitatis conventu... die V Julii an. MDCCCXIX habuit Gab. Solnzew... Casani... MDCCCXIX*, р. 24. Рѣчь эта представляетъ большую библиографическую рѣдкость. Благодаря любезности Н. В. Туѣкова намъ дана была возможность воспользоваться ею. Она представляетъ интересъ, какъ единственное напечатанное Г. Солнцевымъ при его жизни произведеніе, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды на приемы разработки права.

мической коллегіи. Онъ останавливается на Г. Солнцевѣ, какъ одномъ изъ наиболѣе способныхъ членовъ университета. Вмѣстѣ съ появленіемъ М. Магницкаго, Г. Солнцевъ продолжаетъ все выше и выше подниматься по ступенямъ своей академической карьеры ¹. Эта эпоха въ жизни Г. Солнцева является въ то же время и моментомъ значительнаго расширенія его преподавательской дѣятельности ². Съ 11 февраля 1819 г. Г. Солнцевъ принимаетъ на себя «изъясненіе институцій» римскаго права. Скоро къ этому курсу присоединяется «изъясненіе конституцій представительныхъ правительствъ» ³; одновременно на Г. Солнцева возлагается и преподаваніе «правъ естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго» и «россійскихъ». Объ отношеніи М. Магницкаго къ Г. Солнцеву краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующее его донесеніе министру: «въ семь факультетѣ (правственно-политическихъ наукъ) одинъ проф. Солнцевъ преподаетъ лекціи на латинскомъ языкѣ, ... одинъ онъ занимается своей частью съ прилежаніемъ, вмѣстѣ собраніе нужныхъ для нея авторовъ, составляетъ записки и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы студенты ходили на лекціи» ⁴. Г. Солнцевъ получаетъ, кромѣ того, такую массу лекцій, что вызываетъ даже нѣсколько утрированное утвержденіе проф. Булича, что «со времени основанія университета никогда не преподавалось на юридическомъ факультетѣ столько

¹ Ср. Г. Фельдштейнъ, *Op. cit.*, стр. XVII.

² Изъ сохранившагося *Catalogus Praelectionum in Univ... Casanensi 1818—1819*, видно что Г. Солнцевъ читаетъ въ то же время по предмету „*jus criminale Germaniae communi. habito quoque ad leges Romanorum respectu... suos secturus commentarios... ling. lat*“, р. 3.

³ Нами найденъ небольшой трудъ Г. Солнцева „О правѣ политическомъ“ (23 стр.), представляющій собой этюдъ изъ 13 главъ. „Введеніе“ опредѣляетъ „право политическое“, какъ собраніе зако-

новъ, относящихся до взаимныхъ правъ и обязанностей, происходящихъ между народомъ и его начальствомъ“ (§ 1).

⁴ Ср. Буличъ, *Учен. зап. Каз. унив.* 1891, стр. 256 Въ своей запискѣ о размѣщеніи профессоровъ Казанскаго университета М. Магницкій писалъ о Г. Солнцевѣ: „по отличнымъ знаніямъ, дѣятельности и твердости характера можетъ быть употребленъ въ какомъ либо университетѣ, гдѣ управленіе ослабло, ректоромъ или директоромъ въ какое либо учебное заведеніе“, Н. Загоскинъ, *Ист. Каз. унив.*, 1904, т. 3, стр. 305.

разнообразныхъ дисциплинъ въ отдѣльности, сколько ихъ насчиталъ для себя одинъ Солнцевъ»¹.

Скоро, однако, созрѣваетъ охлажденіе между Г. Солнцевымъ и М. Магницкимъ. Весьма вѣроятно, что довѣріе къ Г. Солнцеву было подорвано уклончивымъ отзывомъ, даннымъ имъ о сочиненіи Г. Городчанинова: «Мнѣніе христіанина о естественномъ правѣ»². Подъ вліяніемъ все крѣпнущихъ сомнѣній М. Магницкаго въ томъ, что Г. Солнцевъ слишкомъ рационалистиченъ въ своемъ курсѣ естественнаго права, и что въ лекціяхъ его содержится при-скорбный «духъ вольнодумства и лжемудрїя», «опроверженіе всѣхъ основаній общества и церкви», «оправданіе самоубійства» и даже «республиканскія» и «революціонныя» начала³, М. Магницкій принялъ твердое рѣшеніе устранить Г. Солнцева изъ университета⁴. М. Магницкій не хотѣлъ, однако, придать удаленію Г. Солнцева значеніе акта личнаго произвола. Ему хотѣлось прикрыть задуманное имъ устраненіе профессора авторитетомъ академической коллегіи, авторитетомъ университетскаго суда надъ Г. Солнцевымъ⁵.

¹ Буличъ, *Op. cit.*, стр. 256.

² Ср. этотъ отзывъ, приведенный у Н. Загоскина, *Op. cit.*, т. 3, стр. 479 и сл.

³ Ср. Θεоктистовъ, Магницкій, стр. 14, 15, гдѣ приведены выписки изъ инкриминированныхъ частей курса Г. Солнцева съ примѣчаніями М. Магницкаго. Ср. также П. Пономаревъ, Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, *Истор. вѣст.*, т. 28, 1887, стр. 114. Много интересныхъ свѣдѣній о характерѣ „реформы“ Казанскаго университета, предпринятой М. Магницкимъ, можно найти въ цитированной уже нами статьѣ Θεоктистова, „Магницкій, матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, *Русск. вѣст.* 1864, т. 52. Проф. Никольскій въ своей рѣчи; произнесенной въ торжественномъ собраніи университета 17 января 1821 года, высказываетъ радость по поводу того, что управленіе университетомъ перешло въ руки М. Магницкаго „истиннаго

сына церкви и отечества“, и выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствіе, что положенъ конецъ тому порядку, когда „дымъ кладезя бездны и надменные волны лжемудрїя, отъ которыхъ всѣ вещи двинулись съ мѣстъ своихъ, коснулись и нашего университета“, Θεоктистовъ, *Op. cit.*, стр. 6.

⁴ Казанскій календарь 1869 г., стр. 53 и слѣд. Ср. мѣста изъ лекцій Г. Солнцева съ соответственными замѣчаніями М. Магницкаго; Н. Агаѳоновъ, Краткія свѣдѣнія о жизни Гав. Ильича Солнцева, Каз. 1867, стр. 15 и слѣд.

⁵ Весьма подробное описаніе перипетій суда надъ Г. Солнцевымъ дано у Булича въ трудѣ его „Университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго“, *Уч. Зап. Каз. универ.* 1864, в. I, Каз. 1866, а въ особ. Н. Загоскинъ, *Ист. Каз. ун.*, т. 3, стр. 520 и сл.

Подъ давлєніемъ М. Магницкаго вскорѣ прїостанавливается преподаваніе Г. Солнцевымъ курса естественнаго права¹. Нѣкоторые выписки изъ этого труда, хранящагося въ архивѣ Казанскаго университета, можно встрѣтить у архимандрита Гавріила², и, кромѣ того, найденъ нами списокъ «Естественнаго права», воспроизведенный по лекціямъ однимъ изъ слушателей Г. Солнцева³. Читав-

¹ М. Магницкій, какъ мы узнаемъ изъ его донесенія министру, старался преобразовать преподаваніе этого предмета и съ гордостью сообщаетъ, что естественное право читается по составленному для этой цѣли руководству проф. Городчанинова: „Изложеніе христіанской системы естественнаго права“. Ср. Θεоктистовъ, Магницкій, стр. 27.

² Арх. Гавріиль, Исторія философіи, часть VI, Каз. 1840, стр. 100 и слѣд. Выписки, дѣлаемыя указаннымъ авторомъ, отнюдь не свидѣтельствуютъ о „вольномудствѣ“ Г. Солнцева. „Были люди, пишетъ послѣдній, изъ воображенія конхъ породилось ужасное, огнемъ и мечемъ вооруженное чудовище, именуемое: народная вольность и равенство. Кто не знаетъ плачевныхъ слѣдствій французскаго революціоннаго сумасбродства, увлекшаго цѣлый народъ превратными и развратными правилами о мнимомъ равенствѣ и вольности людей въ разрушеніе не только общественныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ связей, но и въ забвеніе обязанностей къ Богу и къ себѣ самимъ...“, Ор. cit., стр. 100 и слѣд. „Многоначаліе“, — пишетъ далѣе Г. Солнцевъ, критикуя аристократическій образъ правленія и доказывая преимущество единодержавія, — „можно уподобить звѣрю, имѣющему главу многовыпуную, а тѣло многоножное; и какъ онъ въ движеніи главы своей находитъ неизчетныя затрудненія, а въ ступаніи ногъ своихъ неисчислимыя препятствія, то и движеніе его не что иное есть, какъ косное ползаніе“..., Ор. cit., стр. 107.

къ „вольномуднымъ“ взглядамъ Г. Солнцева, и то съ натяжкой, можетъ быть причислено развѣ только мнѣніе, высказываемое имъ въ § 415 о войнѣ. „Война, замѣчаетъ онъ, есть состояніе продолжительныхъ насилій, однимъ государствомъ противъ другаго употребляемыхъ, для защиты правъ своихъ“, Арх. Гавріиль, Исторія философіи, ч. VI, стр. 111.

³ Курсъ этотъ представляетъ тотъ интересъ, что воспроизводитъ въ неискаженномъ видѣ мнѣнія Г. Солнцева. Есть основаніе полагать, что незадолго до суда надъ Г. Солнцевымъ онъ старался переработать свой курсъ естественнаго права въ соотвѣтствіи съ требованіями инструкціи ректора. Ср. Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, т. 3, стр. 524. „Наука о правахъ естественныхъ, пишетъ Г. Солнцевъ, конхъ основаніемъ есть законы человѣческой природы и здраваго разума называется естественнымъ правомъ (§ 3). Первую главу первой части своего „Естественнаго права“ Г. Солнцевъ посвящаетъ (§§ 2—12) „Первоначальнымъ или врожденнымъ правамъ человѣка“. „Синъ первоначальныя права, пишетъ Г. Солнцевъ, заключаются въ правѣ личности“ (§ 2). „Писатели естественнаго права доказываютъ, что человѣку приличнѣе 1) свобода мыслей, т. е. право изъявлять свои мысли другимъ, какъ средство къ употребленію свободному душевныхъ силъ; 2) свобода совѣсти, т. е. власть дѣйствовать по нравственнымъ своимъ убѣжденіямъ и 3) свобода религіи, т. е. власть поступать сообразно

шійся имъ курсъ естественнаго права Г. Солицевъ представлялъ въ совѣтъ послѣ неоднократно предъявленныхъ къ нему требованій только 22 января 1822 г. подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго права». Этому акту предшествовало формальное преданіе Г. Солицева суду университета съ приложеніемъ тетрадокъ его лекцій, отобранныхъ отъ студентовъ.

Дѣло о судѣ надъ проф. Солицевымъ началось 10 августа 1821 г. и заключено было только черезъ два года, въ 1823 г. Проф. Г. Городчаниновъ¹ и В. Тимьянскій², которымъ поручено было судомъ разсмотрѣніе рукописи Г. Солицева по естественному праву, причемъ первый изъ нихъ былъ личнымъ врагомъ Г. Солицева, а второй профессоромъ естественной исторіи и ботаники³, предъявили къ его курсу требованія, въ высшей степени знаменательныя для того времени. Оба критика ставятъ въ вину Г. Солицеву, что онъ выводитъ положенія естественнаго права не только изъ Матѳ., гл. 7, ст. 12 и Луки, гл. 6, ст. 38, но и изъ «какого-то практическаго разума». При этомъ, добавляють они, начала, на коихъ основываются природныя права человѣка, «надлежало бы выводить не изъ здраваго разума человѣческаго, а изъ

своимъ убѣжденіямъ, касающимся до религіи. При разборѣ сихъ положеній должно быть весьма осторожнымъ. Дѣйствительно, всякій можетъ пользоваться свободою мыслей, совѣсти и религіи; но такъ, чтобы его свобода была сообразна съ здравымъ разумомъ, съ положительными законами государства и съ откровеннымъ вѣрученіемъ...» (§ 10). „Въ правѣ личности заключается также и право равенства естественнаго... По праву равенства всякій человѣкъ, независимо отъ произвола другого, можетъ и долженъ пользоваться своею личностію, ... пецись о самосохраненіи, защищеніи и самоусовершенствованіи“... (§ 11). Руководящимъ принципомъ естественнаго права Г. Солицевъ выставляетъ

начало: „чтобъ мы другому не дѣлали того, что сами себѣ не желаемъ“ (§ 5, введ.).

¹ Ср. Н. Агафоновъ, Краткія свѣдѣнія о жизни Гавріила Ильича Солицева, Каз. 1867, стр. 14, примѣч. О преподаваніи проф. Г. Городчаниновымъ естественнаго права въ Казанскомъ университетѣ „въ смыслѣ обличительномъ“ ср. Н. Поповъ, Общ. люб. отеч. слов. и період. лит. въ Казани съ 1805 по 1834 г., Русск. вѣст. 1859, т. 23, стр. 87.

² Ср. Н. Агафоновъ, *ibid.*

³ Ср. свѣдѣнія о немъ Біограф. слов. проф. и преод. имп. Каз. ун., ч. 1, Каз. 1904, стр. 509 и сл.

св. Евангелія»¹. Проф. Г. Городчаниновъ и В. Тимьянскій, въ развитіе своей мысли, полагаали, что «.. право естественное должно быть простымъ изложеніемъ обязанностей (не правъ..) человѣка, указанныхъ въ десятисловіи, еще болѣе въ Евангеліи...»². «Св. Евангеліе, продолжаютъ они, указываетъ намъ повсюду только однѣ обязанности, не поминая о правахъ; но исполненіе обязанностей сихъ, выражающихъ намъ всесвятую волю Божию составляетъ высшее единственное наше право..»³. Критики проф. Г. Солнцева полагаютъ, что «всякое дополненіе (св. Евангелія) со стороны людей, не водимыхъ духомъ Божиимъ,.. составляетъ его искаженіе»⁴ и подчеркиваютъ, что «неограниченная свобода есть химерическая идея», а «..право естественное.. надо выводить уже изъ законовъ существующихъ.., а не отыскивать его въ какомъ-то небываломъ и никому неизвѣстномъ состояніи человѣка»⁵.

Скоро М. Магницкому удалось достигнуть желаемого; судъ постановилъ относительно Г. Солнцева рѣшеніе, которое гласило: «... удалить его навсегда отъ профессорскаго званія и впредь никогда, ни въ какія должности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ не опредѣлять»⁶. 2 іюня 1823 г. состоялось окончательное увольненіе проф. Г. Солнцева изъ учебнаго вѣдомства⁷.

Вынужденный бросить академическую карьеру Г. Солнцевъ, не покидаетъ работы. Его курсъ уголовного права законченъ имъ весьма вѣроятно уже послѣ утраты университетской кафедры. Очень скоро, кромѣ того, открылась для Г. Солнцева возможность послужить дѣлу правосудія въ роли губернскаго прокурора⁸. Эту

¹ Буличъ, Унив. судъ надъ проф. Солнцевымъ, стр. 273.

² *Op. cit.*, стр. 276.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Op. cit.*, стр. 277.

⁶ *Op. cit.*, стр. 287.

⁷ Ср. Историческую записку о 4 отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 г.г. Каз., 1899.

⁸ Ср. о дѣятельности Г. Солнцева въ качествѣ Казанскаго губернскаго проку-

рора, Россійское уголовное право, вступительная статья Г. Фельдштейна, стр. XXIV и слѣд., а также Н. Агафоновъ, Изъ Казанской исторіи, Каз. 1906, стр. 46 и слѣд.; П. Пономаревъ, Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, Ист. вѣстн., т. 28, стр. 114; Изъ воспоминаній Ив. Ив. Михайлова. Казанская старина, сообщ. С. Кулябко, Русск. стар., № 10, стр. 104 и слѣд.; П. Суворовъ, Записки о прошломъ, ч. 1, М. 1899, стр. 12 и др.

должность Г. Солнцева и занималъ, повидимому, до половины 1844 г. ¹.

Около всей личности Г. Солнцева, окончившаго свою жизнь въ Казани, создавалась легенда, какъ о глубокомъ ученомъ. Молва приписывала ему и такія познанія, которыхъ онъ не имѣлъ. Увѣряли, что онъ владѣеть почти всѣми европейскими языками ². О силѣ его памяти рассказывались чудеса ³.

Г. Солнцевъ скончался въ Казани 29 ноября 1866 г. ⁴.

Самымъ цѣннымъ остаткомъ научной дѣятельности Г. Солнцева является его рукописный трудъ «Россійское уголовное право, Каз. 1820». Онъ и понынѣ не утратилъ своего значенія въ смыслѣ сводки въ научной системѣ дѣйствовавшаго въ то время права.

Г. Солнцевъ вынужденъ былъ пользоваться для составленія своего курса только рядомъ трудовъ популярно-юридической литературы, которые не выдѣляли уголовного права въ самостоятельный предметъ изслѣдованія ⁵. Изъ систематическихъ руководствъ Г. Солнцевъ

¹ Установленіе точныхъ датъ по отношенію къ жизни Г. Солнцева представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Н. Загоскинъ, даты котораго основаны на непосредственномъ изученіи архивнаго матеріала даетъ иногда, тѣмъ не менѣе, противорѣчивыя свѣдѣнія. Называя предѣломъ занятія Г. Солнцевымъ должности прокурора половину 1844 г. въ своемъ Біогр. слов., ч. 2, Каз., 1904, проф. Загоскинъ указываетъ во 2 т. Ист. Каз. унив., какъ на срокъ прекращенія прокурорской дѣятельности Г. Солнцева, на 23 мая 1845 г. и, притомъ, оба раза ссылается на архивныя данныя.

² П. Суворовъ, Записки о прошломъ, ч. 1, Моск., 1899, стр. 12; П. Пономаревъ, Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, стр. 114; Казанскій календарь 1869 г., стр. 54; Буличъ, Университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго, стр. 288.

³ Казанская старина, изъ воспоминаній И. И. Михайлова, Русск. стар., № 10, стр. 112, 104; Буличъ, Университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ, стр. 288; Казанскій календарь 1869, стр. 54. Ср. также Н. Агафоновъ, Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева, Каз. 1867, стр. 23 и сл.

⁴ Матеріалы для исторіи кафедръ и учрежденій Имп. Каз. унив. (1804—1826), Каз., 1899, I и Казанскій календарь, 1869, говорятъ о 26 ноября. Въ Біограф. словарь Н. Загоскина день смерти Г. Солнцева переносится на 29 ноября. О 29 ноября говорятъ также Н. Агафоновъ, Краткія свѣдѣнія о жизни Гавріила Ильича Солнцева, Каз. 1867, стр. 27. Ср. также Н. Агафоновъ, Изъ Казанской исторіи, Каз. 1906, стр. 48 и Казань и казанцы, I, Каз. 1906, стр. 102.

⁵ Ср. по этому вопросу Россійское уголовное право, вступит. статью Г. Фельдштейна, стр. XXXI.

могъ воспользоваться только трудомъ О. Горегляда, вышедшимъ въ 1815 г., и переводнымъ курсомъ А. Фейербаха, 1811 г., въ которомъ, какъ мы видѣли выше, въ отдѣлѣ особенной части, были сдѣланы соотвѣтственныя ссылки на русское уголовное законодательство.

«Россійское уголовное право» Г. Солнцева носить строго догматическій характеръ ¹. Историческую часть въ немъ Г. Солнцевъ доводитъ только до времени Петра I. Если онъ не говоритъ въ ней о позднѣйшей эпохѣ, то это обусловливается тѣмъ, что право эпохи, начинающейся съ Петра I, Г. Солнцевъ считаетъ правомъ дѣйствующимъ и утилизируетъ относящійся сюда матеріалъ для догматической части своего курса. При оцѣнкѣ криминалистическаго наслѣдія Г. Солнцева приходится въ основаніе полагать его «Россійское уголовное право», но принимать во вниманіе и другія болѣе мелкія работы. Намъ предстоитъ, однако, прежде, чѣмъ перейти къ этому, ознакомиться съ его трудомъ «De necessariis benemeriti jureconsulti requisitis, Cas., 1819».

Г. Солнцевъ понимаетъ въ немъ подъ именемъ «jureconsultus» лицо, не только изучившее теорію и практику права при помощи книгъ, но и примѣняющее это знаніе на общую пользу ². Знанія ученаго юриста, полагаетъ Г. Солнцевъ, должны носить, прежде всего, характеръ чисто юридическій, въ смыслѣ познанія науки законовъ положительныхъ или «права гражданскаго». Но рядомъ съ этимъ, на второмъ мѣстѣ, юристъ долженъ посвящать свое вниманіе и тому, что ведетъ къ болѣе легкому познанію самаго естества права и облегчаетъ истолкованіе

¹ О рукописи Россійскаго уголовного права ср. подробныя свѣдѣнія въ вступительной статьѣ Г. Фельдштейна, стр. ХLI и слѣд.

² Г. Солнцевъ не соглашается съ Guido Pancirolus, который подраздѣляетъ jureconsultus'овъ на „docentes, judicantes et patrocinantes seu advocatos“, Op. cit., p. 9, а равно съ опре-

дѣленіями этого понятія у Гейненція, Гелльфельда и др., p. 10 и слѣд., и принимаетъ мнѣніе Глюка, что jureconsultus'омъ является лицо, „qui non solum theoriam et praxin juris modo litterario perspectam sibi habet, sed etiam alterutram ad Dei gloriam sui que proximi felicitatem promovendum exercet“ p. 11.

и пониманіе положительнаго права ¹. Наука законовъ положительныхъ раздѣляется на теоретическую и практическую, тѣсно между собой связанныя, но первая должна предшествовать второй въ процессѣ изученія права ². Что касается наукъ теоретическихъ, ведущихъ къ познанію естества права, то въ ряду ихъ имѣетъ значеніе, прежде всего, естественная юриспруденція—«*jurisprudentia naturalis*» и философія. Первая изслѣдуетъ вопросы о справедливомъ и несправедливомъ, что тѣсно связано съ частями практической философіи: «этикой и политикой» ³. Безъ изученія естественной юриспруденціи, полагаетъ Г. Солнцевъ, трудно преуспѣть въ наукѣ права ⁴.

На всѣхъ этихъ сторонахъ изученія права Г. Солнцевъ и старался, по возможности, останавливаться въ своихъ юридическихъ работахъ. Но не эта многосторонность является сама по себѣ его главной заслугой. Для русской науки онъ долженъ быть памятенъ какъ ученый, сосредоточившійся на «наукѣ законовъ положительныхъ» и сдѣлавшій попытку созданія научной догмы русскаго уголовного права. Обработывая эту послѣднюю съ точки зрѣнія теоретическихъ ученій, высказывавшихся въ то время на западѣ, Г. Солнцевъ далъ отвѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ теоріи уголовного права, комбинированный съ изложеніемъ права положительнаго, чего тщетно ждала наша наука въ теченіи цѣлаго столѣтія.

¹ „Sunt vero scientiae jureconsulto necessariae duplicis generis: aut primariae seu juridicae, stricte sic dictae, quae circa legum disciplinam versantur et quibus ars totius juris civilis continetur; aut secundariae seu auxiliares, quae ad genuinam juris cognitionem facilius conducunt et e quibus facultas interpretandi et adjumenta potissimum petuntur“⁴, Op. cit., p. 11.

² „Scientiae, ipsam legum disciplinam spectantes, in theoreticas et practicas describi solent, quae tamen intimo nexu inter se conjunctae, nec in usu

a se invicem separandae sunt“, Op. cit., p. 11. „Ceterum in juribus ediscendis jurisprudentiae cultor... primum a theoria suam doctrinam incipere et demum ad ipsam praxin accedere debet“, Op. cit., p. 12.

³ Op. cit., p. 16.

⁴ „Sane in errorem dilabuntur atque gravissimum, qui positivae jurisprudentiae... sua studia conferunt, tamen juris naturae studium derelinquunt, sperantes, se absque hac utili scientia magnos progressus facturos“, Op. cit., p. 16 et seq.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ мы коснемся взглядовъ нашего стараго, совершенно неизвѣстнаго русскимъ криминалистамъ ученаго, на сущность и границы науки уголовного права, на задачи послѣдней и остановимся на томъ, какъ конструируетъ Г. Солнцевъ вопросы объ элементахъ преступленія, понятіе вѣнчанаго, виновность, вѣнчаніе, покушеніе, соучастіе и стеченіе преступленій; вмѣстѣ съ тѣмъ мы приведемъ и мнѣнія Г. Солнцева по нѣкоторымъ вопросамъ, входящимъ въ содержаніе ученія о наказаніи. Мы считаемъ не вездѣ умѣстной критику воззрѣній, защищаемыхъ Г. Солнцевымъ, съ точки зрѣнія современной доктрины. Многое изъ того, что казалось Г. Солнцеву непогрѣшимымъ, давно уже осуждено научной критикой, и опроверженіе этого еще лишній разъ будетъ ничѣмъ не оправдываемой тратой энергіи. Для насъ пріобрѣтаетъ, однако, сравнительно большій интересъ сопоставленіе излагаемыхъ нами взглядовъ Г. Солнцева съ воззрѣніями нѣкоторыхъ его современниковъ. Двухъ-трехъ изъ нихъ онъ открыто называетъ своими учителями. Проведеніе параллели между доктриной, развиваемой Г. Солнцевымъ, и ученіями нѣкоторыхъ корифеевъ науки уголовного права той эпохи представляется намъ далеко не бесполезнымъ. Этимъ путемъ мы предполагаемъ подойти къ выводу о степени самостоятельности взглядовъ Г. Солнцева и ихъ научномъ значеніи.

Г. Солнцевъ отличаетъ уголовное законодательство отъ уголовного права и правовѣдѣнія. Совокупность или собраніе уголовныхъ законовъ, приведенныхъ въ нѣкоторую систему, представляется Г. Солнцеву «уголовнымъ уложеніемъ» или, что то же, уголовнымъ законодательствомъ. Отъ этого комплекса законовъ должно отличать «уголовное право». По Г. Солнцеву, оно — не что иное, какъ «систематическое начертаніе истинъ, изъ самыхъ (уголовныхъ) законовъ извлеченныхъ». Самое «практическое знаніе оныхъ истинъ именуется наукой уголовныхъ законовъ или просто уголовнымъ правовѣдѣніемъ». Уголовное право распадается, далѣе, по мнѣнію Г. Солнцева, на уголовное право, въ собственномъ смыслѣ, и на уголовное судопроизводство. Содержа-

ніе перваго образують различныя дѣянiя гражданъ, противныя уголовнымъ законамъ, и «опредѣленныя за оныя различныя наказанiя». Предметомъ второго выступаютъ «правила, по коимъ судья соображаться долженъ, при примѣненiи наказанiя за каждое преступленiе, изслѣдовавъ оное законнымъ порядкомъ». Такими формальными признаками, съ точки зрѣнiя Г. Солнцева, не исчерпывается, однако, кругъ знавiй, необходимыхъ для криминалиста, и самое содержанiе уголовного права. Г. Солнцевъ считаетъ необходимымъ, какъ онъ выражается, «для безошибочнаго примѣненiя уголовныхъ законовъ», знанiе, между прочимъ, «анатомiи человеческого тѣла, судебной медицины и полицiи» и, кромѣ того, знакомство съ «логикой, психологiей...¹ и уголовной политикой». Самое изученiе матеріала положительнаго уголовного законодательства Г. Солнцевъ представляетъ себѣ далеко не въ формѣ изученiя одного только русскаго уголовного законодательства въ его историческомъ развитiи. Отводя должное историческому элементу на ряду съ догматическимъ, Г. Солнцевъ указываетъ, кромѣ того, какъ на существенную составную часть своей науки, на «вообще уголовное право». Онъ разумѣетъ подъ нимъ нѣчто въ родѣ общей теорiи уголовного законодательства. Къ такому взгляду надо прійти на основанiи сопоставленiя ученiя Г. Солнцева съ воззрѣнiями на тотъ же предметъ А. Фейербаха, въ виду несомнѣннаго влiянiя этого послѣдняго по данному вопросу на нашего криминалиста. Въ своей группировкѣ матеріала науки уголовного права Г. Солнцевъ различаетъ, такимъ образомъ, прежде всего, область положительнаго права, изученiе котораго должно вестись по историческому и, отчасти, сравнительному методу. Къ уголовному праву, «для безошибочнаго примѣненiя уголовныхъ зако-

¹ О значенiи психологiи для уголовного права мы читаемъ у Г. Солнцева въ его рѣчи „De necessariis bene meriti Jureconsulti requisitis, Cas. 1819, p. 17: „...ex psychologicis principiis factorum qualitas et delicti auctorum status rite investigatur et perspicitur, num aliquod factum sponte vel invito, per vincibilem aut invincibilem ignorantiam admissum sit, numque illud ex gradu moralitatis et aliis rerum circumstantiis in poenam alicui imputari queat“...

новъ», примыкаетъ, далѣе, уголовная политика въ качествѣ дисциплины, намѣчающей принципы *de lege ferenda*; въ основаніе, повидимому, именно этой послѣдней, кромѣ матеріала чисто юридическаго, Г. Солнцевымъ полагаются данныя психологическія, фізіологическія или, какъ онъ выражается, «медицинскія». Къ сожалѣнію, мы не находимъ у нашего криминалиста ближайшаго опредѣленія содержанія уголовной политики, но цѣли ея у него отмѣчены *implicite*. Онѣ не могутъ быть другими, чѣмъ тѣ, которыя онъ ставитъ уголовному законодательству и правовѣдѣнію, опредѣляя ихъ задачу, какъ созданіе безопасности и благоденствія государства. Возможное осуществленіе послѣднихъ условій Г. Солнцевъ усматриваетъ въ торжествѣ закона, «въ законномъ состояніи»; онъ добавляетъ, при этомъ, въ поясненіе, что «сіе состояніе есть состояніе политическаго равенства и свободы»¹.

Преступленіе представляется Г. Солнцеву, «какъ внѣшнее, свободное, положительными законами воспрещаемое дѣяніе, безопасность и благосостояніе государства или частныхъ его гражданъ, посредственно или непосредственно, нарушающее и правомѣрное наказаніе за собой для преступника влекущее». Въ этомъ опредѣленіи отчетливо выступаетъ выдѣленіе Г. Солнцевымъ изъ понятія преступленія элементовъ должнаго, въ смыслѣ обязанностей религіозныхъ и нравственныхъ. Не менѣе ярко этимъ опредѣленіемъ Г. Солнцева подчеркивается, что для наличности преступленія, въ смыслѣ уголовного законодательства, необходимо внѣшнее дѣйствіе. «Необнаруженные злые помыслы и самыя дѣянія», замѣчаетъ Г. Солнцевъ, подлежатъ суду Божію». Вводя въ свое опредѣленіе формальный признакъ о томъ, что преступленіе, какъ таковое, имѣетъ мѣсто только тогда, когда дѣйствіе,

¹ Въ другихъ трудахъ Г. Солнцева мы встрѣчаемся съ трактованіемъ вопросовъ уголовного права не въ смыслѣ научно-догматическомъ. По своему характеру, выводы его относятся къ познанію естества права уголовного и неразрывно связаны съ правомъ естественнымъ. | Поскольку ими освѣщаются научно-догматическія ученія Г. Солнцева, мы будемъ пользоваться ими въ соответственныхъ мѣстахъ для уясненія точки зрѣнія Г. Солнцева, почерпая ихъ изъ нѣкоторыхъ найденныхъ нами трудовъ нашего юриста.

его составляющее, противорѣчить уголовнымъ запретамъ и приказамъ, санкціонуемымъ наказаніемъ, Г. Солнцевъ считаетъ умѣстнымъ ввести въ свое опредѣленіе преступленія и признакъ матеріальный. Преступленіе имѣетъ мѣсто, по его мнѣнію, только тамъ, гдѣ есть «дѣйствіе, устремляемое къ нарушенію безопасности и благосостоянія или государства, или частныхъ лицъ». Въ области уголовно-наказуемой неправды Г. Солнцевъ намѣчаетъ нѣсколько видовъ, и, въ частности, неправду уголовную, въ собственномъ смыслѣ, и неправду полицейскую. Это дѣленіе онъ основываетъ на формальномъ признакѣ подсудности разныхъ видовъ противоправныхъ дѣяній. Преступленіями «уголовными», говоритъ Г. Солнцевъ, «именуются тѣ, кои большее зло въ себѣ содержатъ и, по смыслу уголовныхъ законовъ, подлежатъ собственно разсмотрѣнію уголовного суда...; преступленіи же полицейскія суть маловажные проступки или нарушеніе законовъ / полицейскихъ, за что преступники подвергаются только полицейскому суду»... Формальный признакъ отличія неправды уголовной отъ полицейской Г. Солнцевъ, какъ бы косвенно, дополняетъ, лежащимъ въ основаніи формальнаго, матеріальнымъ признакомъ большей или меньшей тяжести или важности нарушенія. Но нечего и говорить, что такую конструкцію нельзя назвать удачной. Она смѣшиваетъ два разныхъ начала и, благодаря этому, не даетъ, въ сущности, никакого разграничительнаго признака. Что должно думать, съ точки зрѣнія такой теоріи, о тяжкихъ ограниченіяхъ свободы и даже смертной казни, налагаемыхъ по постановленію административныхъ судовъ? Является ли нарушеніе, напр., карантинныхъ постановленій, съ точки зрѣнія доктрины, защищаемой Г. Солнцевымъ, неправдой уголовной или полицейской? Но перейдемъ, однако, къ анализу основныхъ реквизитовъ преступленія, какъ ихъ себѣ представляетъ Г. Солнцевъ.

Для преступленія необходимо, думаетъ онъ, какъ мы уже видѣли выше, дѣйствіе. Но дѣйствіе предполагаетъ лицо дѣйствующее. Этимъ путемъ Г. Солнцевъ и подходитъ къ ученіямъ о субъектѣ преступленія и вмѣняемости.

«Преступленіе», категорически заявляетъ Г. Солнцевъ, «можетъ дѣлать только лицо (человѣкъ), обязанное наказательными законами». Для насъ, конечно, не представляютъ интереса всѣ тѣ безспорные выводы изъ этого положенія, которые дѣлаетъ Г. Солнцевъ, и мы остановимся только, ближайшимъ образомъ, на томъ, какъ онъ разрѣшаетъ и понынѣ спорный вопросъ, можетъ ли юридическое лицо быть субъектомъ уголовнаго преступленія. При рѣшеніи этой проблемы Г. Солнцевъ обнаруживаетъ знаніе соотвѣтственной западно-европейской литературы вопроса, но, что всего цѣннѣе, и самостоятельность. Отмѣтивъ, что цѣлый рядъ выдающихся криминалистовъ разрѣшаетъ контраверзу о допустимости уголовной отвѣтственности «нравственныхъ лицъ» (*personae morales*) отрицательно и упомянувъ здѣсь имена Неттельбладта, Мальбланка, Клейна, Фейербаха ¹, а въ ряду защитниковъ допустимости уголовной отвѣтственности Гундлинга, Энгау, Кретшмера, Мейстера и др., Г. Солнцевъ подвергаетъ критикѣ и тѣ, и другія воззрѣнія. Указывая на тотъ аргументъ, что частные члены нравственнаго лица, учиняя преступленіе, «поступаютъ не яко общество, коль скоро они не для цѣли общества, а для какого особаго отъ сей цѣли намѣренія дѣйствуютъ», Г. Солнцевъ замѣчаетъ: «разумѣется, что не отвлеченное слово *общество* впадаетъ въ преступленіе, но частные члены, какое либо общество совокупно яко нравственное лице составляющіе; рассуждая о сихъ членахъ, какъ единое нравственное лице составляющихъ, и говорится, что такое-то общество, напр., полкъ, коллегія и проч. нарушило такое-то законоположеніе и слѣдовательно впадо въ преступленіе». Г. Солнцевъ считаетъ поэтому вполне возможнымъ уголовную отвѣтственность обществъ не только такихъ, которыя противозаконны «своимъ установленіемъ», но и такихъ, «кои, не

¹ А. Фейербахъ, который на ряду съ К. Грольманомъ оказалъ наибольшее вліяніе на Г. Солнцева, высказывается за невозможность совершенія моральнымъ лицомъ преступленія. См. Уголовное право П. А. Фейербаха, Спб. 1810 г. (изданіе, которымъ пользовался Г. Солнцевъ), § 28, стр 27. Въ томъ же смыслѣ, что и А. Фейербахъ, высказывается и К. Grohman; ср. Grundsätze der Criminalrechtswis, 1825, S. 25 u. f.

озираясь на дѣйствіе своего участника», поступаютъ преступно. вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Солнцевъ считаетъ допустимымъ и вполне возможнымъ подвергать «общества» въ случаяхъ необходимости правомѣрнымъ наказаніямъ.

Субъектъ преступленія для того, чтобы его преступное дѣйствіе могло быть ему вѣнено въ смыслѣ уголовного права, долженъ, по мнѣнію Г. Солнцева, обладать особыми свойствами. Свойства эти опредѣляются особенностями вѣняемаго дѣянія, которое должно быть «свободнымъ». Свобода же предполагаетъ, чтобы лицо, учиняющее «какое либо дѣяніе, преступленіемъ именуемое, имѣло разумъ и свободную волю». Какъ выражается по этому вопросу Г. Солнцевъ въ другомъ мѣстѣ, для вѣненія приходитъ очередь тогда, когда имѣетъ мѣсто дѣйствіе—*Handlung*, наступившее при опредѣленныхъ психологическихъ условіяхъ или зависящее, другими словами, «отъ внутренняго психологическаго основанія». Выставляя для наличности вѣняемости требованіе «разума» и «свободы произвола», при которыхъ дѣйствующія лица имѣютъ «возможность судить о своихъ дѣйствіяхъ и желаніяхъ», Г. Солнцевъ приходитъ къ заключенію, что далеко не всѣ индивиды обладаютъ свойствами вѣняемости. Въ ряду лицъ, не обладающихъ необходимыми для признанія за ними вѣняемости свойствами, Г. Солнцевъ упоминаетъ о «сумасшедшихъ, безумныхъ и природныхъ дуракахъ». Вѣняемостью не обладаютъ страдающіе «сильными болѣзнями», поскольку лица эти «вовсе не имѣютъ никакого употребленія разума и произвола». Г. Солнцевъ останавливается и на вліяніи на вѣняемость малолѣтства и престарѣлости. По вопросу о вліяніи на вѣненіе пьянства, Г. Солнцевъ не интересуется принципиальной стороной дѣла и излагаетъ особенности дѣйствующаго по данному предмету законодательства.

Но одной разумности и произвольности дѣянія, установленныхъ по отношенію къ дѣятелю, недостаточно, съ точки зрѣнія Г. Солнцева, для факта поставленія въ вину, для вѣненія. Это послѣднее допустимо тогда только, когда «дѣяніе, преступнымъ именуемое, было произведено въ дѣйство или по злонамѣренію,

или по небреженію, или по неупотребленію должной осторожности». «А потому», добавляет Г. Солнцевъ, «причиненіе кому либо какого зла несчастнымъ случаемъ, безъ умысла и такъ, что невозможно было имѣть какой либо осторожности, не можно вѣнчать въ преступленіе». Этими заявленіями Г. Солнцевъ намѣчаетъ границы субъективнаго вѣнченія, субъективной виновности.

Умышленность Г. Солнцевъ представляетъ себѣ проявляющейся въ тѣхъ преступленіяхъ, «кои предприняты и производятся съ злымъ умысломъ и обдуманностью намѣренія, напр., измѣна, зажигательство, воровство и проч.». Неосторожныя преступленія Г. Солнцевъ опредѣляетъ, какъ «тѣ, кои производятся въ дѣйство безъ злого умысла. по одной неосмотрительности или небреженію, ненамѣренно». Анализъ преступленія съ точки зрѣнія личности той или другой формы виновности представляется Г. Солнцеву, какъ разсмотрѣніе преступленія «по внутреннему или психологическому основанію самаго дѣянія, т. е. по различному расположенію воли и вниманія преступника». Обращаясь къ изслѣдованію составныхъ элементовъ умысла, Г. Солнцевъ въ «злумышленіи» (*dolus*) или «злонамѣреніи» усматриваетъ, съ одной стороны, «злѣбное предположеніе» и, съ другой, «направленіе воли преступника къ произведенію какого либо дѣянія, уголовнымъ законамъ противнаго». Существенной частью «злѣбнаго предположенія», въ свою очередь, Г. Солнцевъ считаетъ комбинацію, «когда кто либо вѣдаетъ, что предпріемлемое имъ дѣяніе, само по себѣ, есть зловерное и законамъ уголовнымъ противное и правомѣрное наказаніе за собой влекущее». Проанализировавъ такимъ образомъ элементы умысла, Г. Солнцевъ переходитъ къ отдѣльнымъ видамъ его и останавливается на понятіяхъ *dolus determinatus directus*, *dolus indeterminatus casualis*, *dolus indeterminatus eventualis*, *dolus praemeditatus* и *dolus repentinus*. *Dolus determinatus directus* Г. Солнцевъ видитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо замышляетъ «учинить исключительно одно извѣстное какое либо правонарушеніе». *Dolus indeterminatus casualis* имѣетъ мѣсто, «когда кто предположитъ учинить другому неопредѣленное

какое-либо зло, предвидя возможность своего дѣянiя къ произведе-
нiю вмѣсто меньшаго зла другого большаго». Третiй видъ, *dolus*
indeterminatus eventualis, наступаетъ, «когда кто либо вознамѣ-
рится причинить кому зло меньшее, но вмѣсто предполагаемаго
меньшаго зла послѣдуетъ большее, котораго послѣдствiя, впро-
чемъ, преступникъ не легко могъ предполагать». Кромѣ этихъ дѣ-
ленiй умысла, какъ мы видѣли, Г. Солнцевъ различаетъ еще *dolus*
praemeditatus, «когда кто обдуманно вознамѣрится учинить кому
какое либо зло и предположить къ тому удобнѣйшiя средства», и
dolus repentinus—«злонамѣренiе скоропостижное», «когда кто...
вдругъ совершаетъ какое либо злонамѣренное дѣянiе».

Мы уже видѣли, какъ Г. Солнцевъ характеризуетъ область
вины неосторожной, которую онъ называетъ общимъ именемъ вины
(*culpa*) или неосмотрительности. Случаи, входящiе сюда, Г. Солн-
цевъ представляетъ себѣ, какъ «упущенiе должной осторожности и
предусмотрѣнiя, по нерадѣнiю и разсѣянности или торопливости,
въ совершаемыхъ какихъ-либо противозаконныхъ дѣянiяхъ». Эту
группу формъ проявленiя виновности Г. Солнцевъ дѣлитъ на виды,
не по ихъ качественнымъ признакамъ, но по признаку количе-
ственному, на неосмотрительность величайшую, среднюю и «самую
меньшую или малѣйшую». Въ общемъ, Г. Солнцевъ считаетъ воз-
можнымъ конструировать неосторожность, «какъ неразумитель-
ность и торопливость въ сужденiи, сбивчивость въ понятiяхъ объ
уголовномъ какомъ-либо случаѣ... и вообще слабыя душевныя
способности».

Съ отдѣльными формами проявленiя вины Г. Солнцевъ свя-
зываетъ различную наказуемость. Говоря, въ частности, о русскомъ
законодательствѣ, онъ отмѣчаетъ, что «преступленiя злоумышлен-
ныя наказываются безъ ослабленiя по опредѣленнымъ законамъ;...
преступленiя же, происходящiя отъ неосторожности, торопливости
и скудоумiя, наказываются неопредѣлительно, болѣе или менѣе,
смотря по степени вины и происходящихъ отъ оной или про-
изойти могущихъ худыхъ послѣдствiй». Мотивируя этотъ взглядъ
въ отдѣлѣ о «правомѣрныхъ причинахъ къ уменьшенiю степени

наказаній, изъ подлежательныхъ основаній выводимыхъ», Г. Солнцевъ замѣчаетъ: «кто неумышленно, по неосмотрительности или неосторожности своей, впадаетъ въ какое либо преступленіе, въ такомъ преступникѣ не предвидится злой воли, стремимой прямо и непосредственно, къ нарушенію законовъ». «.... Карательные законы.... въ послѣднемъ случаѣ... опредѣляютъ гораздо меньшее наказаніе....». Г. Солнцевъ оговаривается, впрочемъ, что «за неумышленные преступленія облегчается наказаніе, смотря по степени самой неумышленности». На случай *citra majorem*, напр., наказаніе измѣняется, повидимому, весьма незначительно по сравненію съ карой за умышленное дѣйствіе. Вопросъ о томъ, какъ вліяютъ на наказуемость отдѣльные виды умысла, имъ намѣченные, Г. Солнцевъ оставляетъ открытымъ.

Переходя отъ субъективныхъ условій уголовного вмѣненія къ объективнымъ или отъ условій «подлежательныхъ» къ «предлежательнымъ», Г. Солнцевъ отмѣчаетъ, что наказаніе измѣняется въ зависимости отъ того, между прочимъ, «въ дѣйствіе ли самое произведено какое либо преступленіе, или еще дѣйствіемъ самымъ не окончено». Въ этомъ направленіи Г. Солнцевъ различаетъ преступленія «содѣянныя или совершенныя (*delicta confecta*)» и «преступленія несодѣянныя, неоконченныя, преднамѣренныя (*delicta attentata*)». *Delicta confecta* Г. Солнцевъ усматриваетъ тогда, «когда все то, что къ содѣянію преступленія способствуетъ, преступникомъ было предпринято и въ самое дѣйствіе произведено, такъ что и преднамѣренный вредъ отъ того уже воспослѣдовалъ». Напротивъ, *delicta attentata* Г. Солнцевъ называетъ тѣ, «къ дѣйствительному произведенію коихъ служащія средства еще не всѣ предприняты и употреблены, и когда преднамѣренный преступникомъ вредъ или по какому либо встрѣтившемуся препятствію, или по другимъ обстоятельствамъ, еще не воспослѣдовалъ». Г. Солнцевъ отмѣчаетъ, что оконченныя преступленія признаются, по сравненію съ неоконченными, болѣе тяжкими. Придавая рѣшающее значеніе моменту объективному, Г. Солнцевъ тотчасъ, однако, дѣлаетъ общую поправку. «... Во многихъ случаяхъ, говорить

онъ, и за преднамѣренныя, но самымъ дѣломъ неоконченныя преступленія..., преступники подвергаются одинаковому наказанію, какъ и за самыя содѣянныя; напр., въ случаѣ заговора, убійства, предварительно открытыхъ...» *Delicta attentata*, которыя у Г. Солнцева тождественны съ *conatus delinquendi*,—терминъ, къ которому онъ также охотно прибѣгаетъ,—криминалисть нашъ раздѣляетъ «на три степени» въ зависимости отъ близости къ состоянію оконченнаго преступленія (*delictum confectum*, а также *delictum consummatum seu perfectum*). Эти три степени характеризуются у Г. Солнцева, какъ «покушеніе отдаленное (*conatus remotus*)», покушеніе «менѣе отдаленное (*conatus proximus, inchoatus delicti*)» и, наконецъ, «самое ближайшее покушеніе (*summus conatus*)». *Conatus remotus* состоитъ въ томъ, «когда кто либо предпріемлетъ еще приготовительныя только дѣйствія къ совершенію преступленія». *Conatus proximus* имѣетъ мѣсто, «когда кто началъ уже главное дѣйствіе, долженствующее и могущее произвести непосредственно противозаконное послѣдствіе»; наконецъ, *summus conatus* состоитъ «въ оконченномъ предпріятіи (*in conamine perfecto*), но коего ожидаемыя дѣйствія не вослѣдовали». Тѣ случаи, въ коихъ покушеніе подлежитъ наказанію въ одинаковой мѣрѣ съ совершеніемъ, Г. Солнцевъ описываетъ какъ такіе, когда «большая предлежитъ опасность отъ замышляемаго преступленія». Въ другомъ мѣстѣ своего курса Г. Солнцевъ характеризуетъ эти преступленія, какъ «самоважныя». Обстоятельство, почему покушеніе наказуемо, по общему правилу, меньше совершенія, по Г. Солнцеву, «то имѣетъ основаніемъ, что законодатель, предваряя содѣяніе преступленій, покушающемуся на оныя даетъ нѣкоторое побужденіе, могущее служить къ отвращенію его отъ исполненія преднамѣреннаго, и что отъ покушенія не произошло такого зла, какое послѣдовало бы послѣ совѣшенно оконченнаго преступленія».

Трактуюя вопросъ о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣйствія въ отношеніи ея вліянія на наказуемость, Г. Солнцевъ не могъ не остановиться на проблеммѣ о формахъ проявленія уголовной

отвѣтственности при соучастіи нѣсколькихъ дѣятелей. Какъ бы аргументируя въ пользу спеціальнаго разсмотрѣнія этого вопроса, Г. Солнцевъ отмѣчаетъ, что «... по самому способу произведенія въ дѣйство преступленій, оныя раздѣляются на преступленія, скопомъ и заговоромъ (*ex contractu*) или безъ онаго чинимыя. Первыя гораздо важнѣйшими почитаются по причинѣ удобнѣйшаго къ произведенію оныхъ въ дѣйство и не минуя угрожаемаго зла, почему и полагаются за оныя болѣшія наказанія». Въ необходимости изученія комбинацій соучастія убѣждаетъ Г. Солнцева и то соображеніе, что возможны преступленія, «посредственно производимыя», «когда кто... черезъ другого кого совершаетъ какое либо противозаконное дѣяніе: напр., по приказанію, по найму по подговору и убѣжденію и проч.»...

Въ ученіи о соучастіи Г. Солнцевъ отмѣчаетъ, съ одной стороны, тѣ формы, въ которыхъ можетъ проявляться дѣятельность соучастниковъ, а съ другой—характеризуетъ виды самыхъ соучастниковъ въ смыслѣ опредѣленныхъ типовъ дѣятелей. Дѣленія Г. Солнцева отражаютъ на себѣ самымъ яркимъ образомъ запутанную и переполненную контраверсами доктрину криминалистовъ начала XIX вѣка по вопросу о соучастіи. Категорія, которая намѣчаетъ нашъ криминалистъ, зачастую взаимно пересѣкаются въ виду того, что Г. Солнцевъ утилизируетъ для цѣлей классификаціи разные признаки въ предѣлахъ сходныхъ явленій, не различающихся по существу. Дѣленія Г. Солнцева логически несовершенны иногда и потому, что для разграниченія феноменовъ, различныхъ по существу, Г. Солнцевъ выбираетъ признаки не типичные, а такіе, которые общи всѣмъ даннымъ феноменамъ. Изъ тѣхъ формъ, которыя входятъ у Г. Солнцева въ широкое понятіе *concursum delinquendi*, онъ отмѣчаетъ, прежде всего, слѣдующія комбинаціи: 1) когда кто либо способствуетъ «совершенію какого либо преступленія положительно или... отрицательно...»; подъ первый случай подойдетъ, напр., дача смертоноснаго орудія для убійства другого, подъ второй—*omissa denuntiatio*, а равно невоспрепятствованіе совершенію преступленія ни физическими, ни нрав-

ственными силами въ то время, когда это было возможно и сдѣлать надлежало; 2) слѣдующимъ типомъ соучастія является сотрудничество въ преступленіи, проявляемое въ формѣ *concursum physicum* (напр., дача орудія и проч.) или же *concursum intellectualis*; проявленіями послѣдняго Г. Солнцевъ считаетъ способствованіе «совѣтомъ, убѣжденіемъ, наставленіемъ, одобреніемъ, порученіемъ или приказаніемъ неправомѣрнымъ»; 3) соучастіе, далѣе, возможно или умышенное, *concursum ex dolo*, или неумышенное, *concursum ex culpa*; 4) соучастіе можетъ быть, по времени оказанія содѣйствія, *concursum concomitans*, *antecedens* и *subsequens*; 5) судя по характеру оказываемаго содѣйствія, возможно соучастіе главное (*c. principalis*) и менѣе главное или побочное (*c. minus principalis*); 6) къ тому же типу близко подходитъ соучастіе непосредственное или ближайшее (*c. immediatus sive proximus*), напр., доставленіе орудія и соучастіе посредственное, отдаленное (*c. remotus*), когда кто способствуетъ кому къ преступленію обѣщаніемъ нужной помощи или средствъ, отъ коихъ зависитъ «приступъ къ главному дѣянію». — «По изъясненному понятію о сообщничествѣ въ преступленіяхъ, замѣчаетъ Г. Солнцевъ, легко уразумѣть понятія и различіе лицъ, соучаствующихъ въ какомъ либо противузаконномъ дѣяніи...». Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ и переходитъ фактически къ перечисленію отдѣльныхъ типовъ и категорій соучастниковъ. Прежде всего, Г. Солнцевъ выставляетъ группу 1) «непосредственныхъ исполнителей, которые, по его словамъ, «въ россійскихъ законоположеніяхъ» именуются «настоящими и главными преступниками», что соотвѣтствуетъ термину «*coactores delicti*». Эти послѣдніе могутъ быть или непосредственными виновниками, т. е. производшими преступленіе «лицемъ своимъ», или «виновниками посредствующими». Послѣдніе, въ свою очередь, могутъ быть или «виновниками умодѣятельными» (*auctores delicti intellectuales*), т. е. подстрекателями или же «виновниками самодѣятельными или физическими» (*delicti auctores physici*). Сюда подходятъ «тѣ, кои производятъ самую вещь какое либо преступленіе по данному имъ приказанію или

бывъ къ оному побуждены угрозами и убѣжденіями, подкуплены деньгами или другою какою либо обѣщанною наградою заинтересованы». 2) «Соучастниками или помощниками особенными (*socii speciales*) и соучастниками по уговору (*socii ex contractu*)» Г. Солнцевъ называетъ тѣхъ, «кои въ извѣстномъ какомъ либо преступленіи, главнымъ зачинщикомъ замышленномъ, пріемлютъ... какое либо... участіе». 3) «Помощниками общими (*socii generales*)» именуются тѣ, «кои... пріемлютъ неопредѣленное участіе... не имѣвъ особеннаго предположенія оказать главному зачинщику преступленія какую либо ихъ помощь въ совершеніи сего именно, а не другого преступнаго дѣянія». 4) Особеннымъ родомъ «соучаствованія» проявляютъ себя лица, «благопріятствующія преступленіямъ и преступникамъ (*fautores delicti et delinquentis*)». Сюда относятся пристанодержатели воровъ, разбойниковъ и бѣглыхъ, а равно пріобрѣтатели завѣдомо похищенныхъ вещей и недоносители обьукривательствъ людей или вещей.

Въ противоположность соучастію, гдѣ идетъ рѣчь о множественныхъ дѣятеляхъ при наличности одного преступленія, Г. Солнцевъ характеризуетъ институтъ стеченія преступленій (*concursum delictorum*) въ качествѣ совокупности «многихъ преступныхъ дѣяній, одними и тѣми лицами въ одно или въ разныя времена учиненныхъ, не наказанными оставшихся и потѣмъ слѣдствіемъ судебнымъ мѣстомъ обнаруженныхъ». Г. Солнцевъ усматриваетъ множественность преступленій не только въ томъ случаѣ, когда преступникъ совершилъ надъ однимъ объектомъ рядъ правонарушеній, не отдѣленныхъ сколько нибудь значительнымъ промежуткомъ времени, но и тогда, когда единичный преступникъ совершаетъ рядъ преступленій надъ нѣсколькими объектами, безразлично, умышленно или неумышленно. Г. Солнцевъ отчетливо различаетъ *concursum delictorum* отъ того, что онъ называетъ «повторенными преступленіями (*reiterata delicta*)», т. е. отъ преступленій, какъ онъ замѣчаетъ, «одного или разнаго рода въ другой, третій или четвертый разъ, по наказаніи перваго преступленія», допущенныхъ. За всѣ «стеченныя и повторенныя преступленія, констатируетъ

Г. Солнцевъ, по законамъ россійскимъ, полагается обыкновенно увеличительная степень наказанія», въ зависимости отъ особенности преступленій и преступниковъ.

Перейдемъ, однако, къ изложенію взглядовъ Г. Солнцева на природу наказанія, остановившись при этомъ сначала на вопросѣ о томъ, какъ представляетъ себѣ нашъ криминалистъ самое понятіе наказанія, его цѣли и свойства.

Опредѣленіе понятія наказанія представляется Г. Солнцеву дѣломъ сложнымъ, и онъ надѣляетъ его громоздкимъ рядомъ признаковъ. Г. Солнцевъ даетъ собственно перечисленіе элементовъ наказанія и дѣлаетъ этимъ путемъ серьезную попытку подойти къ самой сущности наказанія. Въ своемъ опредѣленіи Г. Солнцевъ подчеркиваетъ, между прочимъ, что наказаніе имѣетъ быть «обратнымъ возмездіемъ преступнику», что оно должно быть «правомѣрно», должно сводиться къ психическимъ или физическимъ лишеніямъ и опредѣляться «за обнаруженные противозаконныя дѣянія» «по судебному приговору согласно уголовнымъ законамъ». Понятіе «правомѣрности» наказанія Г. Солнцевъ понимаетъ не только въ смыслѣ того, чтобы оно опредѣлялось надлежащими органами власти, но и со стороны его матеріальнаго, соответствія закону. Безъ суда, возглашаетъ Г. Солнцевъ, никто не наказывается, безъ изслѣдованія и суда ни у кого не отнимаютъ чести и имѣнія; противное тому будетъ почитаться не приговоромъ судебнымъ, но насиліемъ, гражданину учиненнымъ, и оскорбленіемъ гражданской свободы». «Наказаніе преступнику, несогласно съ законами опредѣляемое, есть оскорбленіе гражданина»¹.

¹ Въ своемъ научно-догматическомъ трактованіи русскаго уголовного права Г. Солнцевъ не затрогиваетъ вопроса объ основаніи права наказанія. Въ найденной нами рукописи „О правѣ политическомъ“, составляющей этюдъ къ его „Естественному праву“, Г. Солнцевъ высказывается за договорную теорію обоснованія права наказанія, гл. XII (§ 1).

Здѣсь-же нашъ юристъ даетъ и опредѣленіе наказанія, отмѣчая что оно „есть не что иное, какъ нѣкоторое зло, опредѣляемое закономъ за чье преступленіе, служащее побужденіемъ, какъ самаго преступника впередъ воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ, такъ и для страха другихъ, дабы никто не отваживался на подобныя поступки“, гл. XII (§ 2).

По вопросу о цѣляхъ наказанія Г. Солнцевъ устанавливаетъ слѣдующія положенія. Наказаніе есть послѣдствіе преступленія, которое должно состоять «къ законномъ воздаяніи болѣзненности преступнику за зло, имъ... причиненное»..., въ тѣхъ, однако, видахъ, «дабы оное его самого болѣзненно поражало трудомъ, болью и сожалѣніемъ о учиненномъ имъ проступкѣ, а другихъ гражданъ посредствомъ страха и поношенія, за учиненное преступленіе угрожающаго, укрощало и воздержало отъ впаденія въ подобныя преступныя дѣянія».

Самое причиненіе преступнику страданія Г. Солнцевъ понимаетъ приэтомъ не какъ самоцѣль наказанія, но какъ способъ сдѣлать преступника возможнымъ, терпимымъ въ обществѣ: «намѣреніе установленныхъ наказаній, замѣчаетъ Г. Солнцевъ, не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную..., но.. они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виновнику впредь вредить обществу»... Г. Солнцевъ, однако, не ограничиваетъ цѣлей наказанія задачами предупрежденія частнаго. Онъ, какъ мы видѣли, отчетливо формулируетъ и цѣли такъ называемаго генеральнаго, общаго предупрежденія. Болѣе подробно затрогиваетъ Г. Солнцевъ вопросъ о цѣляхъ наказанія въ рукописи «О правѣ политическомъ». «Цѣль наказанія, пишетъ онъ здѣсь, есть троякая: 1-е удовлетвореніе важности закона или достойное возмездіе за нарушеніе закона; 2-е удержаніе преступника впредь отъ подобныхъ преступленій и 3-е удержаніе другихъ согражданъ отъ оныхъ внушеніемъ страха чрезъ наказаніе» (гл. XII, § 4).

Означенныя цѣли частнаго и общаго предупрежденія постулируютъ особенныя свойства наказанія, частью сами собой вытекающія изъ принимаемой Г. Солнцевымъ конструкціи. По Г. Солнцеву, эти особенныя свойства наказанія, прежде всего, его публичность, «поколику, поясняетъ онъ этотъ терминъ, оное (наказаніе) отъ публичныхъ законовъ и государственныхъ власти зависитъ и поколику приговоры объ ономъ публично исполняемы бываютъ». На публичномъ характерѣ наказанія Г. Солнцевъ обосновываетъ исключеніе допустимости частной мести. Изъ самыхъ

цѣлей наказанія вытекаетъ нѣкоторая посрамительность его въ качествѣ существенной черты этого института во всѣхъ его видахъ. Дальнѣйшимъ качествомъ наказанія является его чувствительность для преступника. Эта послѣдняя должна быть организована такимъ образомъ, чтобы не разрушать организма правонарушителя, но вызывать въ немъ раскаяніе о совершенномъ преступленіи, и слѣдовательно содѣйствовать его исправленію.

Элементъ карательный долженъ быть притомъ такъ конструированъ, чтобы онъ пригоденъ былъ служить и цѣлямъ отвращенія лицъ, еще не впавшихъ въ преступленія, отъ возможнаго вступленія на этотъ путь. Г. Солнцевъ высказываетъ, вдобавокъ, мысль, что съ наказаніемъ должно быть связано, по возможности, и возмѣщеніе или заглаженіе преступникомъ послѣдовавшаго отъ его дѣйствій имущественнаго ущерба. Г. Солнцевъ напоминаетъ, кромѣ того, что наказаніе должно поражать только виновнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ, какъ лучшія, тѣ наказанія, которыя не поражаютъ людей близкихъ къ преступнику, напр., его родственниковъ и проч. Г. Солнцевъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наказанія, для осуществленія ставящихся имъ цѣлей не должны быть жестокими. Въ своей аргументаціи Г. Солнцевъ замѣтно опирается на Наказъ Екатерины II ¹. «Если бы жестокость наказаній, замѣчаетъ Г. Солнцевъ, не была уже отвергнута добродѣтелями, челоуѣчество милующими, то къ отриновенію оной довольно и того, что оно и бесполезно, и несправедливо». Въ связи съ этими свойствами наказанія Г. Солнцевъ требуетъ, чтобы оно было «по надлежащему скорое», «для общества потребное», т. е. не выходящее изъ мѣры необходимаго для общества, и, наконецъ, «съ преступленіемъ уравниное».

Изъ приведенныхъ взглядовъ Г. Солнцева на наказаніе можно уже видѣть, что дѣятельность уголовного судьи онъ представляетъ себѣ, какъ область строго подзаконную. Г. Солнцевъ настаиваетъ, что «если на какое либо дѣяніе нѣтъ яснаго законопо-

¹ Ср. Наказъ, ст. 150.

ложенія уголовного, а онымъ причиняется нарушеніе правъ чьихъ либо,... судья не имѣетъ права налагать произвольнаго наказанія, но въ сомнительности случая испрашиваетъ на то разрѣшеніе отъ высшаго правительства». Это строгое требованіе законности дѣйствій, предпринимаемыхъ судьей, приводитъ Г. Солнцева къ своеобразному взгляду на недопустимость толкованія закона, — взгляду весьма типичному для конца XVIII и начала XIX столѣтія. «Поелику судьи, замѣчаетъ Г. Солнцевъ, судящіе о преступленіяхъ, не суть законодавцы: слѣдовательно, они не могутъ имѣть правъ толковать законы о наказаніяхъ, но оныхъ толкователь есть Самодержецъ». На этихъ взглядахъ Г. Солнцева опять весьма отчетливо сказывается вліяніе Наказа императрицы Екатерины II¹, граничащее съ почти дословнымъ воспроизведеніемъ его текста.

Въ заключеніе обзора взглядовъ Г. Солнцева на основные вопросы уголовного права остановимся еще на томъ, какъ смотритъ онъ на обстоятельства, оказывающія вліяніе на размѣръ наказанія, и условія, наказаніе видоизмѣняющія и прерывающія.

Г. Солнцевъ различаетъ усиленіе наказанія въ зависимости отъ того, наступаетъ ли оно по «подлежательному» или субъективному условіямъ и по обстоятельствамъ «предлежательному» или объективному. Въ ряду первыхъ Г. Солнцевъ останавливается на степени умственнаго развитія человѣка. «Чѣмъ образованнѣйшій человѣкъ впадаетъ въ преступленіе, говоритъ Г. Солнцевъ, тѣмъ болѣе предполагается свобода въ его дѣйствіяхъ; а какъ онъ.... могъ бы обдумать гораздо лучше то дѣяніе, къ которому стремилась его воля,.... то, поелику дѣйствовало въ немъ сильное стремленіе воли къ противузаконному дѣянію, и вина его увеличивается, а затѣмъ и степень наказанія за оную долженъ быть усиленъ». Въ ряду субъективныхъ условій, усиливающихъ наказаніе, Г. Солнцевъ говоритъ о принадлежности къ высшему сословію, о проявленіи большей хитрости и притворства, о степени ожесточенія, упорства и нераскаянности преступника послѣ совершенія преступленія и т. д. Съ другой стороны,

¹ Ср. Наказъ, ст. 151.

въ ряду обстоятельствъ объективнаго характера, вліяющихъ на усиленіе наказанія, Г. Солнцевъ упоминаетъ о степени важности нарушеннаго права, о значеніи объема нарушенныхъ правъ; наказаніе усиливается въ зависимости и отъ того, чѣмъ чаще однородныя или разнородныя нарушенія проявлялись, и, наконецъ, отъ того, чѣмъ болѣе вреда или опасности отъ извѣстнаго дѣйствія угрожало.

Въ ряду условій, вліяющихъ на уменьшеніе наказаній, Г. Солнцевъ упоминаетъ, прежде всего, о неумышленности, а затѣмъ о малолѣтствѣ преступника. «Причина ... облегченія» въ послѣднемъ случаѣ «... основываніе свое имѣетъ на томъ, что въ малолѣтнихъ не предполагается такой степени свободы воли и такого злого умысла, какъ въ человѣкѣ возраста совершеннаго».... Здѣсь же упоминаетъ Г. Солнцевъ и о вліяніи на уменьшеніе наказуемости старческаго возраста, легкомысленности преступника, не сопровождаемой повтореніемъ, горячности преступника, его раскаянія, скудоумія, безпамятства. По поводу послѣдняго условія Г. Солнцевъ добавляетъ, что, «если безпамятство и болѣзнь будетъ въ столь высочайшей степени, что подверженный онымъ не имѣетъ ни малѣйшаго произвола, то по общему правилу о безумныхъ.... учинившій освобождается вовсе отъ всякаго наказанія». По вопросу о томъ, вліяетъ ли невѣдѣніе закона на уменьшеніе наказанія, Г. Солнцевъ высказывается уклончиво. Наказаніе подлежитъ уменьшенію, съ точки зрѣнія Г. Солнцева, и на тотъ случай, когда преступленіе совершается подъ вліяніемъ приказа и угрозъ, исходящихъ отъ лицъ начальствующихъ и обращенныхъ къ подчиненнымъ. Основаніемъ для такого взгляда служитъ неизмѣнно та же коренная причина, что въ этихъ случаяхъ «свободная воля преступника нѣкоторымъ образомъ ограничивается». Однако и Г. Солнцевъ принимаетъ, что «приказанія начальника къ учиненію преступленія должности безъ дальнѣйшихъ опасностей для подчиненнаго не составляютъ причины къ уменьшенію его наказанія».

Въ ряду условій объективныхъ, вліяющихъ на уменьшеніе

наказанія, Г. Солнцевъ говоритъ о степени важности нарушаемыхъ правъ, недоказанности нарушенія, о долгомъ предварительномъ заключеніи, опьяненіи, излишнемъ гнѣвѣ и проч. По поводу опьяненія Г. Солнцевъ замѣчаетъ: «опьяненіе не допускается въ россійскомъ законодательствѣ причиною къ уменьшенію степени наказанія потому, что пьянство, само по себѣ составляя преступленіе, увеличиваетъ виновность преступника при другихъ, содѣянныхъ имъ, преступленіяхъ, развѣ опьяненіе будетъ надъ кѣмъ либо произведено изъ умысла».

Въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, которыя ставитъ Г. Солнцевъ институту наказанія, онъ считаетъ цѣлесообразнымъ перерывъ его въ смыслѣ откладыванія, отсрочки на случай тяжелой болѣзни преступника, душевнаго его страданія и проч.

Въ своемъ трудѣ «О правѣ политическомъ»¹ Г. Солнцевъ останавливается на вопросѣ о предупрежденіи преступленій. Разсужденіе объ этомъ въ своемъ догматическомъ курсѣ онъ считалъ неумѣстнымъ.

«Наказанія, пишетъ Г. Солнцевъ, суть плодъ необходимости, которыя законодательная власть налагаетъ на преступниковъ законовъ общественныхъ... Наказанія должны быть пріятны правителямъ народовъ—отцамъ своихъ подданныхъ. Но они могутъ употреблять средства къ отклоненію... сей печальной необходимости наказаній, стараясь предупреждать преступленія гражданъ».

Средства предупрежденія преступленій представляются Г. Солнцеву въ видѣ «прямыхъ или ближайшихъ» и «непрямыхъ или отдаленныхъ»². Первые предполагаютъ предоставленіе гражданамъ «а) власть сопротивляться угрожающимъ», а равно то, чтобы «позволить подозрительныхъ людей брать и представлять къ суду, съ тѣмъ только, чтобъ доказаны были ихъ подозрѣнія» и «подавать вооруженную помощь гражданину требующему (ее) для его защиты». «Прямыми» средствами предупрежденія преступленій являются, далѣе, по Г. Солнцеву, мѣры полицейскаго характера: за-

¹ Ср. рукопись „О правѣ политическомъ“, гл. XIII, § 1.

² Рукопись „О правѣ политическомъ“, гл. XIII, § 2.

прещение азартныхъ игръ, продажи частнымъ лицамъ ядовитыхъ составовъ, регулированіе права ношенія оружія и, главнымъ образомъ, уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ. «Пьянство, пишетъ Г. Солнцевъ, часто ведетъ гражданъ къ различнымъ преступленіямъ»¹. Что касается «непрямыхъ» средствъ предупрежденія преступленій, то Г. Солнцевъ видитъ ихъ, прежде всего, въ «просвѣщеніи гражданъ». «Подъ словомъ просвѣщеніе, пишетъ онъ, я разумѣю истинное образованіе, которое просвѣщаетъ разумъ, смягчаетъ нравы и внушаетъ любовь къ добродѣтели». «Просвѣщенные граждане не имѣютъ нужды въ страхѣ наказаній къ побужденію ихъ исполнять общественныя постановленія... Сколько преступленій, восклицаетъ Г. Солнцевъ, предупредить можетъ истинное образованіе гражданъ!...»².

Покончивъ съ изложеніемъ взглядовъ Г. Солнцева на основные вопросы общей теоріи уголовного права, поскольку они находятъ отраженіе въ дѣйствовавшемъ въ его время русскомъ правѣ, интересно перейти къ разсмотрѣнію того, насколько на возрѣніяхъ нашего криминалиста отразилась царившая въ то время въ научномъ обиходѣ запада уголовно-правовая доктрина. Этимъ путемъ можно будетъ пріобрѣсти необходимый матеріалъ для заключенія о степени научной самостоятельности Г. Солнцева, какъ криминалиста.

Составляя свой курсъ уголовного права въ первой четверти XIX столѣтія, Г. Солнцевъ былъ близокъ къ эпохѣ, когда на западѣ начала особенно сильно сознаваться необходимость коренной реформы уголовного права подъ вліяніемъ разрушительной критики господствовавшей карательной системы со стороны Беккари и отчасти Монтеスキе. Непосредственныхъ слѣдовъ того, что нашъ криминалистъ пользовался ихъ трудами въ курсѣ Г. Солнцева не оказывается. Но за то трудъ его пестритъ постоянными ссылками на Наказъ, а самые взгляды Г. Солнцева замѣтно прошли, хотя, можетъ быть, и посредственно, черезъ горнило оцѣнки ихъ съ то-

¹ Рукопись „О правѣ политическомъ“, гл. XIII, § 3.

² Рукопись „О правѣ политическомъ“, гл. XIII, § 4.

чекъ зрѣнія, на которыя становились и Монтескье, и Беккариа. Принимая во вниманіе цензурныя условія времени, когда писалъ Г. Солнцевъ, и съ которыми ему, несомнѣнно, приходилось считаться, можно съ полною вѣроятностью принять, что нашъ криминалистъ, прошедшій полностью горькую школу русской дѣйствительности, съ весьма понятной цѣлью, избѣгалъ ссылокъ на иностранныхъ вольнодумцевъ, замѣняя всякія цитаты указаніемъ на Наказъ.

Такъ или иначе, курсъ Г. Солнцева, всецѣло проникнутъ гуманными идеями Монтескье и Беккари, отраженными въ Наказѣ. Ближайшимъ образомъ такое вліяніе сказывается во взглядахъ Г. Солнцева на характеръ уголовной несправды и въ особенности на оцѣнку отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ. Г. Солнцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего курса, какъ, напр., по поводу оцѣнки смертной казни и для аргументаціи своего отрицательнаго къ ней отношенія, цѣликомъ выписываетъ соответственныя статьи Наказа. Для насъ не представляетъ особаго интереса точный подсчетъ цитатъ и вообще заимствованій Г. Солнцева изъ текста Наказа, но мы не можемъ не указать, что непосредственно на авторитетъ Наказа Г. Солнцевъ обосновываетъ такія требованія, какъ начала, высказанныя въ ст. 96 его, гласящей, что отмѣнѣ подлежатъ всѣ наказанія, «которыя тѣло человеческое изуродовать можно», и какъ принципъ ст. 148, настаивающей на строгомъ проведеніи положенія *nulla poena lege*. Не менѣе энергично Г. Солнцевъ отстаиваетъ и принципы ст. 151—3 Наказа о недопустимости судейскаго толкованія законовъ о наказаніяхъ, а равно ст. 477, требующей для преступленія «внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій». Г. Солнцевъ стойко далѣе защищаетъ точку зрѣнія Наказа, высказанную въ ст. 205, по вопросу о задачахъ наказанія. Онъ присоединяется къ мнѣнію, что наказанія «на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виновному, дабы онъ впередъ не могъ вредить обществу, и чтобы отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій».

Принимая этотъ взглядъ, Г. Солнцевъ, какъ мы увидимъ ни-

же, влагаетъ въ него нѣсколько болѣе опредѣленное содержаніе. Скажемъ, въ заключеніе, что мѣстами текстъ Г. Солнцева обнаруживаетъ заимствованія изъ Наказа даже и тамъ, гдѣ у него нѣтъ на это ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній. Наказъ и его вліяніе сказываются нерѣдко у Г. Солнцева и на общемъ характерѣ языка и даваемыхъ теоретическихъ опредѣленіяхъ.

Таково вліяніе Наказа на трудъ Г. Солнцева. Перейдемъ теперь къ выясненію вліянія на его курсъ ученій нѣмецкаго криминалиста конца XVIII вѣка и начала XIX Карла Грольмана. Мы видѣли уже въ своемъ мѣстѣ, что Г. Солнцевъ преподавалъ уголовное право по К. Грольману. Повидимому, именно на этомъ строить проф. Таганцевъ свое предположеніе, что дѣятельность Г. Солнцева, какъ преподавателя науки уголовного права, прошла безслѣдно ¹. Самое тщательное изученіе курса Г. Солнцева и сопоставленіе его съ книгой К. Грольмана по существеннымъ вопросамъ не обнаруживаетъ, однако, сколько-нибудь рѣшающаго вліянія ученій упомянутаго нѣмецкаго криминалиста, на уголовно-правовыя воззрѣнія Г. Солнцева. Для насъ, ознакомившихся уже въ предыдущемъ изложеніи съ основными воззрѣніями послѣдняго, достаточно будетъ для доказательства высказаннаго нами напомнить вкратцѣ сущность доктрины, развиваемой К. Грольманомъ ².

Остановимся на этомъ пути, прежде всего, на ученіи К. Грольмана по вопросу о выводѣ имъ, такъ называемаго, основного принципа уголовного права. Право на наказаніе нарушителя правопорядка со стороны государства К. Грольманъ понимаетъ, какъ право частнаго предупрежденія такого нарушителя отъ новыхъ преступленій, а цѣль наказанія усматриваетъ въ устрашеніи нарушителя или въ воспрепятствованіи ему въ буду-

¹) Н. Таганцевъ, Русское уголовное право, Спб. 1902, т 1, стр. 31.

² Къ сожалѣнію, намъ пришлось пользоваться не однимъ изъ первыхъ изданій курса К. Грольмана, бывшихъ, по всей вѣроятности, въ рукахъ Г. Солнцева, но 4 изд. Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft К. Грольмана, Gies.

1825. Взгляды послѣдняго, защищаемые имъ въ изданіи, которымъ мы пользовались, остаются, однако, безъ перемѣны постольку, поскольку мы беремъ только основные контуры развиваемаго имъ ученія для сопоставленія со взглядами Г. Солнцева.

щемъ совершать дальнѣйшія правонарушенія. Сознание или представление наказанія, слѣдующаго за правонарушеніемъ, думаетъ, К. Грольманъ, дѣйствуетъ на каждаго, отдающаго себѣ отчетъ въ окружающихъ его запретахъ, устрашающимъ образомъ, причемъ самый процессъ дѣйствительнаго примѣненія наказанія по отношенію къ нарушителю косвенно содѣйствуетъ поддержанію и укрѣпленію упомянутаго устрашающаго представления у всѣхъ гражданъ ¹. У Г. Солнцева мы видимъ, въ отличіе отъ К. Грольмана, нѣкоторое отступленіе на задній планъ цѣли предупрежденія спеціальнаго или, точнѣе, нѣкоторое раздвоеніе задачи наказанія. Когда Г. Солнцевъ ставитъ наказанію цѣлью, «дабы оно его (правонарушителя) болѣзненно поражало».., онъ тотчасъ же добавляетъ: «.. а другихъ гражданъ посредствомъ страха и поношенія, за учиненное преступленіе угрожающаго, укрощало и воздерживало отъ впаденія въ подобныя преступныя дѣянія».... Г. Солнцевъ склоняется, такимъ образомъ, и къ допущенію, такъ называемой, генеральной превенціи, какъ цѣли наказанія. Отличіе его взгляда отъ доктрины К. Грольмана въ томъ, что послѣдній допускаетъ отклоненіе общества отъ пути преступленія въ результатѣ процесса примѣненія самаго наказанія, Г. Солнцевъ же предполагаетъ достигать отвращенія отъ преступленія не только посредствомъ «поношенія, за учиненное преступленіе угрожающаго», но прежде всего посредствомъ «страха», т. е. общей угрозы зломъ наказанія, а не одного примѣненія наказанія.

Въ своемъ опредѣленіи понятія преступленія Г. Солнцевъ почти дословно повторяетъ дефиницію К. Грольмана, говорящаго о преступленіяхъ, какъ о «solche äussere, auf Rechtsverletzung gerichtete, willkürliche Handlungen, welche eine rechtliche Strafe notwendig begründen» ². Очень близко къ доктринѣ К. Грольмана выставленное Г. Солнцевымъ ученіе о соучастіи. Послѣдній далеко не всегда, однако, слѣдуетъ за К. Грольманомъ. Это видно хотя бы изъ развиваемаго Г. Солнцевымъ ученія о формахъ виновности.

¹ Ср. К. Grolman, Grundsätze, 1825, | ² К. Grolman, Grundsätze, § 17,
§ 14, S. 13 u. f., а равно § 9 и § 7. | S. 18.

Сходясь въ общихъ чертахъ съ К. Грольманомъ въ конструированіи умысла, Г. Солнцевъ, однако, нѣсколько болѣе рѣзко подчеркиваетъ важный моментъ того, что обнимается у К. Грольмана понятіемъ böser Vorsatz, или, въ переводѣ Г. Солнцева, «злобнаго предположенія». Русскій криминалистъ нѣсколько болѣе полно, кромѣ того, анализируетъ основные моменты умысла и подчеркиваетъ въ умyslѣ сознаніе противоправности замышляемаго дѣйствія. Г. Солнцевъ гораздо детальнѣе, притомъ, анализируетъ отдѣльные виды умысла и, въ отличіе отъ К. Грольмана, останавливается на комбинаціяхъ dolus indeterminatus eventualis, а равно dolus praemeditatus и repentinus—дѣленіяхъ, которыя мы не встрѣчаемъ у К. Грольмана вовсе.

Болѣе значительны еще различія у К. Грольмана и Г. Солнцева по вопросу о видахъ вины неосторожной. Въ связи съ защищаемымъ имъ ученіемъ, К. Грольманъ различаетъ неосторожность близкую и отдаленную. Первая имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда дѣйствующій *предвидѣлъ* непреднамеренное правонарушеніе, какъ *возможное* послѣдствіе дѣйствія, которое онъ желаетъ, и, несмотря на это, не принялъ мѣръ для избѣжанія нежелаемаго послѣдствія. *Culpa* отдаленная имѣетъ, по К. Грольману, мѣсто тогда, когда дѣйствующій *не предвидѣлъ* извѣстныхъ, *необходимыхъ* или *возможныхъ*, послѣдствій его дѣйствій изъ-за необдуманности (Unbedachtsamkeit) или поспѣшности. Состояніе это не исключаетъ, думаетъ К. Грольманъ, того, чтобы дѣйствующій произвольно (willkürlich) подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ упустилъ принятіе опредѣленныхъ мѣръ, для даннаго случая необходимыхъ ¹. Г. Солнцевъ не счелъ возможнымъ послѣдовать за К. Грольманомъ въ его дѣленіи неосторожности на отдѣльные виды и, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, высказался за болѣе простое, хотя и не менѣе несостоятельное различеніе неосторожности по степени ея интензивности,—дѣленіе, которое К. Грольманъ отчасти пытается поставить въ связь съ принимаемымъ имъ и отвергаемымъ Г. Солнцевымъ качественнымъ дѣленіемъ неосторожности ².

¹ К. Grolman, Grundsätze, § 48, S. 42. | ² К. Grolman, Grundsätze, § 50, S. 44.

Г. Солнцевъ значительно отклоняется отъ взглядовъ К. Грольмана и по вопросу о допустимости толкованія судьей уголовного закона. Какъ мы видѣли уже выше, Г. Солнцевъ выступаетъ здѣсь, можетъ быть, вынужденнымъ, но все-таки очень рѣшительнымъ сторонникомъ точки зрѣнія Наказа съ его строгимъ запрещеніемъ толкованія закона. К. Грольманъ, какъ извѣстно, идетъ, наоборотъ, по вопросу о желательности толкованія такъ далеко, что допускаетъ даже такъ называемую аналогію закона въ сферѣ уголовно-правовыхъ отношеній¹. Не сходится съ К. Грольманомъ Г. Солнцевъ и по вопросу о допустимости, въ качествѣ субъекта преступленія, моральныхъ лицъ². Мы констатировали цѣлый рядъ отклоненій Г. Солнцева отъ доктрины, защищаемой К. Грольманомъ. Не нужно, однако, думать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда можно наблюдать близость взглядовъ обоихъ криминалистовъ, Г. Солнцевъ заимствуетъ механически. Мы вездѣ встрѣчаемся у него съ такой переработкой взглядовъ К. Грольмана, которая дѣлаетъ ихъ несомнѣнно болѣе цѣнными въ смыслѣ точности и ясности формулировки. Г. Солнцевъ, кромѣ того, совершенно не воспользовался системой изложенія, которой слѣдуетъ К. Грольманъ. Допускаемое этимъ послѣднимъ раздвоеніе общей части, въ смыслѣ раздѣленія ея на отдѣлы теоретическій и отдѣлы положительнаго права, совершенно отсутствуетъ у Г. Солнцева. Система послѣдняго является къ тому и болѣе близкой къ пріобрѣтшей впоследствии въ литературѣ значительное число сторонниковъ. Самый матеріалъ, подлежащій изученію и освѣщенію въ наукѣ уголовного права, Г. Солнцевъ, какъ мы это видѣли уже выше, представляетъ себѣ значительно шире, чѣмъ К. Грольманъ, отводя нѣкоторое мѣсто методу историко-сравнительному, чего у К. Грольмана незамѣтно и слѣдовъ.

Въ курсѣ Г. Солнцева не трудно найти и слѣды вліянія А. Фейербаха, котораго нашъ криминалистъ называетъ «знаменитымъ

¹ К. Grolman, Grundsätze, § 102, S. 100 u. f. Ср. также Op. cit., § 127, S. 129 u. f.

² Ср. Op. cit., § 30, стр. 25 u. f. на что было нами уже указано въ примѣчаніи 1 на стр. 398.

писателемъ во всей Германіи и въ другихъ государствахъ, наиболѣе по части уголовной прославившимся». Вліяніе А. Фейербаха сказываются на курсѣ Г. Солнцева, между прочимъ, во взглядѣ послѣдняго по вопросу о содержаніи науки уголовного права,— въ заимствованіи системы расположенія матеріала общей части,— въ заимствованіи терминовъ,—отчасти въ способѣ формулированія основной задачи наказанія и, наконецъ,—въ ученіи Г. Солнцева, выставленномъ имъ по вопросу объ отбѣнкахъ умысла и неосторожности. Къ такимъ выводамъ приходимъ мы на основаніи сопоставленія взглядовъ Г. Солнцева съ воззрѣніями А. Фейербаха, высказываемыми имъ въ томъ изданіи своего курса, которое несомнѣнно было въ рукахъ Г. Солнцева. Мы разумѣемъ русскій переводъ учебника А. Фейербаха, первый выпускъ котораго появляется въ 1810 году и цитируется Г. Солнцевымъ въ его обзорѣ литературы уголовного права.

Какъ и А. Фейербахъ, Г. Солнцевъ считаетъ вспомогательными науками при изученіи уголовного права «Судебную врачебную науку» и «Психологію (душесловіе)»¹. Какъ и А. Фейербахъ, Г. Солнцевъ упоминаетъ, далѣе, о необходимости знакомства съ «практической философіей вообще, преимущественно же съ правомъ естественнымъ и, какъ съ особенно обработанной частью онаго, «всеобщимъ уголовнымъ правомъ», очевидно—*das allgemeine reinliche Recht*². Такъ же, какъ и у А. Фейербаха, мы встрѣчаемъ у Г. Солнцева указаніе на необходимость изученія для криминалиста «уголовной политики»³.

¹ Уголовное право сочиненіе доктора Павла Ансельма Фейербаха, Спб. 1810 г., стр. 7 и 5.

² *Op. cit.*, стр. 5. Тотъ же взглядъ сохраняется и въ послѣднемъ изданіи *Lehrbuch'a des gemeinen in Deutschland gültigen reinlichen Rechts*, 14 Aufl., Gies. 1847 А. Фейербаха, переработанномъ Миттермайеромъ, § 6, S. 23.

³ Уголовное право, цит. пер. 1810 г., стр. 5. Нѣкоторый свѣтъ на то, что

подразумѣваетъ А. Фейербахъ подъ этимъ терминомъ, проливаютъ ссылки знаменитаго криминалиста на литературу, изъ которой можетъ быть почерпнуты указанія на содержаніе этой отрасли знанія. Ср. примѣч. г. русск. пер. А. Фейербаха 1810 г., стр. 6, а равно прим. 4, 14 изд. *Lehrb. А. Фейербаха*, цитированнаго нами выше, S. 24. Здѣсь мы встрѣчаемъ указанія, прежде всего, на *Beccaria, Dei deliti e delle pene*, 1764;

«Россійское уголовное право» Г. Солнцева изложено въ довольно стройной системѣ. Помимо введенія, въ которое вынесенъ обзоръ внѣшней и отчасти внутренней исторіи источниковъ русскаго права, Г. Солнцевъ раздробляетъ свой курсъ общей части на отдѣленіе, трактующее о преступленіяхъ,—о наказаніяхъ и, наконецъ, отдѣленіе третье, посвященное примѣненію уголовныхъ законовъ къ уголовнымъ дѣламъ вообще. Часть, трактующая ученіе о преступленіи, въ свою очередь, распадается на главы о понятіи преступленій и раздѣленіи ихъ, о субъектѣ преступленій, объ объектѣ и преступномъ дѣйствіи. Содержаніе послѣдняго отдѣла Г. Солнцевъ характеризуетъ, какъ «исслѣдованіе степени преступленій по ихъ психологическому основанію, по самому образу и способу начинанія и произведенія оныхъ въ дѣйство». Въ отдѣлѣ о наказаніяхъ Г. Солнцевъ трактуетъ, прежде всего, о понятіи наказаній, ихъ свойствахъ и затѣмъ объ ихъ отдѣльныхъ видахъ. Особая глава посвящена вопросу о слѣдствіяхъ наказаній. Въ послѣднемъ отдѣлѣ о примѣненіи уголовныхъ законовъ къ уголовнымъ дѣламъ, помимо общихъ правилъ о примѣненіи уголовныхъ законовъ, приведены нѣкоторыя правила судопроизводственнаго характера. *Mutatis mutandis*, съ тождественной схемой мы встрѣчаемся и у А. Фейербаха. Справедливость, однако, велитъ признать, что у Г. Солнцева мы не наблюдаемъ рабскаго слѣдованія расположенію матеріала у знаменитаго криминалиста.

Вліяніе А. Фейербаха на курсъ Г. Солнцева сказывается и въ заимствованіи нашимъ криминалистомъ фейербаховской терминологіи и, притомъ, въ формѣ, которая придана техническимъ терминамъ А. Фейербаха русскимъ переводчикомъ труда этого послѣдняго. Для доказательства такого положенія можно указать, что анализъ внутренней стороны преступнаго дѣйствія въ отноше-

Servin, De la législation criminelle. | Gesetzgebung über Verbrechen und
Basle, 1782; Filangieri, Syst. d. Ge- | Strafen, Tüb., 1785; Bentham,
setzgeb. Ansp., 1784; Brissot de War- | Traité de la législation civile et pé-
ville, Théorie des loix criminelles, Pa- | nale par Dumont, Paris, 1820 и мн. др.
ris, 1781; Gmelin, Grundsätze der

ній оттѣнковъ формъ вины Г. Солнцевъ называетъ различіемъ «по внутреннему или психологическому основанію самаго дѣянія»¹. Повидимому, опять вслѣдъ за А. Фейербахомъ и его переводчикомъ и Г. Солнцевъ говоритъ о «предлежательномъ основаніи наказательности», о «подлежательныхъ основаніяхъ» и т. д.².

Но, оставивъ въ сторонѣ эти внѣшнія формальныя заимствованія, подсказанныя вполнѣ понятнымъ желаніемъ установить неизмѣнную терминологію, у Г. Солнцева можно констатировать и болѣе глубокіе слѣды воздѣйствія на него курса А. Фейербаха. Г. Солнцевъ, какъ мы уже видѣли, нашелъ нужнымъ отступить отъ К. Грольмана въ томъ, что послѣдній съ особенной энергіей подчеркивалъ. Г. Солнцевъ формулируетъ задачи наказанія не на почвѣ теоріи, такъ называемаго частнаго предупрежденія, но становится на сторону теоріи психологическаго принужденія, защищавшейся, какъ извѣстно, А. Фейербахомъ и послужившей исходной точкой полемики К. Грольмана съ первымъ. Точка зрѣнія, на которую становится Г. Солнцевъ и которая была нами уже изслѣдована по поводу воззрѣній К. Грольмана, совпадаетъ съ соотвѣтственными мѣстами формулированія А. Фейербахомъ своей теоріи психологическаго принужденія³.

Нѣкоторое вліяніе А. Фейербаха на Г. Солнцева можно прослѣдить и по вопросу объ оттѣнкахъ умысла. *Dolus determinatus directus* Г. Солнцева соотвѣтствуетъ *dolus determinatus* А. Фейербаха. *Dolus indeterminatus casualis* и *dolus indeterminatus eventualis* Г. Солнцева являются болѣе дробнымъ расчлененіемъ того, что А. Фейербахъ именуешь «случайнымъ или неопредѣленнымъ злымъ намѣреніемъ (*dolus eventualis seu indeterminatus*)»⁴. Категоріи

¹ А. Фейербахъ говоритъ о „разности по внутреннему психологическому основанію преступленія“. Ср. Уголовное право, цит. русск. пер. 1810 г., стр. 51, § 53.

² Ср. А. Feuerbach, Op. cit., S. 80, § 84 и. а.

³ Ср. между прочимъ § 16 русск. пер. А. Фейербаха 1810 г., стр. 16. „Цѣль угроженія наказаніемъ, въ законѣ пред-

писаннымъ, есть отвращеніе страхомъ всѣхъ гражданъ, яко возможныхъ преступниковъ, отъ нарушенія правъ. Цѣль причиняемаго наказанія есть произведеніе въ дѣйство законнаго угроженія, буде безъ исполненія наказаніе оставалось бы тщетнымъ (недѣйствительнымъ) сіе угроженіе“.

⁴ А. Feuerbach, Op. cit., § 58, S. 55.

dolus praemeditatus и *dolus repentinus* заимствуются Г. Солнцевымъ также, повидимому, у А. Фейербаха изъ отдѣла особенной части по вопросу объ убійствѣ¹. При этомъ Г. Солнцеву, думается намъ, нужно поставить въ особенную заслугу, что онъ выноситъ въ общую часть нѣкоторые вопросы, касающіеся преступленій вообще и трактовавшіеся еще А. Фейербахомъ только въ отдѣлѣ преступленія убійства.

Развиваемое Г. Солнцевымъ ученіе о неосторожности находится также подъ непосредственнымъ вліяніемъ А. Фейербаха. Въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ сопоставленіе изложенія Г. Солнцева съ тѣми мѣстами учебника А. Фейербаха, гдѣ послѣдній анализируетъ понятіе «упущенія употребленія силы познанія» и различаетъ «упущеніе пріобрѣтенія свѣдѣній о законѣ», «вину по торопливости» и «вину по неразумительности»². Вслѣдъ же за А. Фейербахомъ, Г. Солнцевъ принимаетъ дѣленіе неосторожности на «три степени неосмотрительности», какъ выражается переводчикъ нѣмецкаго криминалиста³.

Мы прослѣдили отношеніе Г. Солнцева къ корифеямъ науки уголовного права его времени и получили вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о самостоятельныхъ шагахъ нашего стараго криминалиста въ области научнаго творчества. Многое, какъ мы видѣли, оказывается у Г. Солнцева заимствованнымъ и только болѣе или менѣе приспособленнымъ для тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставилъ. За предѣлами этихъ заимствованій мы встрѣчаемся, однако, у Г. Солнцева съ цѣлымъ рядомъ научныхъ положеній, опредѣленій и проч., свидѣтельствующихъ о ясности и глубинѣ научнаго мышленія нашего криминалиста. Въ сферѣ уголовного правовѣдѣнія Г. Солнцевъ обнаруживаетъ себя въ общемъ человекомъ, если и не особенно подавленнымъ эрудиціей, то не настолько легковѣснымъ; чтобы оперировать безъ знанія о томъ,

¹ Уголовное право П. А. Фейербаха, |
кн. вторая, Спб. 1811 г., § 216, стр. 58 |
и слѣд.

1810 г., § 56, стр. 54.

³ A. Feuerbach, Op. cit. § 57, S. 54
u. f.

² А. Фейербахъ, Уголовное право, изд.

что уже сдѣлано на данномъ поприщѣ другими. вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Солнцевъ съ полнымъ правомъ чувствуетъ себя довольно сильнымъ для рѣшенія нѣкоторыхъ уголовно-правовыхъ проблемъ въ опредѣленномъ направленіи наперекоръ господствующимъ мнѣніямъ корифеевъ науки.

Типичнымъ примѣромъ такого случая служитъ рѣшеніе Г. Солнцевымъ вопроса о томъ, можетъ ли юридическое лицо быть субъектомъ преступленія. Г. Солнцевъ понялъ, что истиннымъ субстратомъ юридического лица въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ выступаютъ именно физическія лица. Отсюда онъ заключилъ, что такая конструкція должна неминуемо привести къ допущенію уголовно-правовой отвѣтственности юридического лица. Для рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ онъ сумѣлъ использовать, кромѣ того, современный ему матеріалъ русскаго уголовного права, которое въ избыткѣ знало такія «общества», кои преступны были уже «по самому способу своего установленія». Фактическая сторона дѣла подсказала, такимъ образомъ, Г. Солнцеву извѣстное теоретическое рѣшеніе. Заимствуя многое у К. Грольмана и не меньше у А. Фейербаха, Г. Солнцевъ тѣмъ не менѣе не отказывается отъ самостоятельнаго научнаго мышленія и рѣшаетъ вопросы вопреки имъ, когда въ его распоряженіи оказывается матеріалъ, дающій ему основаніе для иныхъ заключеній.

Въ ученіи о покушеніи Г. Солнцевъ даетъ весьма законченную доктрину, отчетливо выдѣляющую область приготовительныхъ дѣйствій изъ сферы покушенія на почвѣ объективной теоріи. Ученіе Г. Солнцева по этому вопросу нѣсколько совершеннѣе, чѣмъ у К. Грольмана и А. Фейербаха. Мало того, Г. Солнцевъ совершенно правильно и въ современномъ смыслѣ мотивируетъ защищаемый имъ взглядъ о томъ, что при покушеніи желательна меньшая наказуемость по сравненію съ совершеніемъ.

Въ особую научную заслугу Г. Солнцева должно быть поставлено и то, что въ переживаемую имъ эпоху личнаго усмотрѣнія и произвола онъ является тѣмъ не менѣе послѣдовательнымъ защитникомъ строго публично-правоваго характера наказаній и

опредѣленія ихъ на основаніи закона судомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивается въ Г. Солнцевѣ строгій юристъ, полагающій законность въ основаніе самаго существованія государства и общества.

При всемъ томъ и на научное наследіе Г. Солнцева, какъ и на все въ мірѣ, наложило свою мощную руку время. Большинство конструкцій Г. Солнцева безнадежно отстало отъ детализированныхъ и точныхъ опредѣленій криминалистовъ нашихъ дней. Воззрѣнія Г. Солнцева ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны выдерживающими тяжесть современной критики. Возникаетъ, однако, вопросъ, можетъ ли быть это обстоятельство поставлено ему въ вину, и не должно ли для оцѣнки научныхъ заслугъ Г. Солнцева прибѣгнуть къ мѣрилу сравнительному, — къ сопоставленію его работы съ трудами его непосредственныхъ русскихъ предшественниковъ. Становясь на эту точку зрѣнія, придется признать, что ни одинъ изъ предшественниковъ Г. Солнцева не выполнилъ такъ успѣшно стоявшей на очереди работы. Ни одинъ русскій криминалистъ не далъ до него чисто научной разработки крайне разбросаннаго матеріала русскаго уголовного права и не представилъ научнаго изложенія его въ томъ состояніи, котораго достигла эта отрасль знанія на западѣ ко времени начала XIX столѣтія. До Г. Солнцева, притомъ, не было, не считая, конечно, Наказа, сдѣлано попытки провести въ догматическую систему уголовного права тѣ гуманныя начала, которыя проникли въ литературу конца XVIII в. и въ отношеніи практическомъ были такъ чужды духу дѣйствовавшаго въ то время уголовного законодательства.

Несмотря на крайне неблагоприятныя условія для его дѣятельности, Г. Солнцевъ старался, такимъ образомъ, усиленно отвѣтить на научные запросы его времени въ области криминалистики. Систему свою онъ конструировалъ притомъ не только на почвѣ слѣдованія общепризнаннымъ авторитетамъ. Онъ сдѣлалъ робкую попытку вступить на путь самостоятельнаго изслѣдованія. Правда, послѣднее идетъ зачастую не дальше эклектическаго сопоставленія обломковъ отдѣльныхъ частей, но и это слишкомъ достаточно для той мерт-

вящей среды и губительныхъ условій, среди которыхъ приходилось работать Г. Солнцеву. Въ концѣ-концовъ, онъ палъ жертвой этихъ условій. Его работа, при отсутствіи надлежащихъ пособій и источниковъ, осталась неоконченной. Боязнь высказать какую-нибудь смѣлую мысль обезличила и придавила трудъ Г. Солнцева, но и та попытка изслѣдованія, которая была сдѣлана имъ, сама по себѣ, заслуживаетъ быть извлеченной изъ мрака неизвѣстности. Такъ или иначе, курсъ уголовного права Г. Солнцева является первымъ оригинальнымъ научнымъ курсомъ русскаго уголовного права, и въ этомъ его огромное значеніе для исторіи науки въ Россіи ¹.

По пути, намѣченному Г. Солнцевымъ въ разработкѣ научной догмы русскаго уголовного законодательства, пошелъ и другой представитель этой кафедрѣ въ Казанскомъ университетѣ — Сергій Алексѣевичъ Протасовъ ², преподававшій эту дисциплину между 1825 и 1830 г.г. ³, и мы не имѣемъ никакого основанія не видѣть въ этомъ фактѣ проявленія вліянія лекцій Г. Солнцева.

Схема преподаванія С. Протасова, носившая слѣды научно-догматическихъ приѣмовъ, дошла до насъ въ видѣ «Программы для испытанія студентовъ» ⁴.

Курсъ С. Протасова распадался на общую и особенную часть. Первая изъ нихъ, носившая названіе «О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще», начиналась съ отдѣла «О преступленіяхъ вообще». Здѣсь шла рѣчь о понятіи преступленія, его видахъ и

¹ О практическомъ значеніи „Россійскаго уголовного права“, литературныхъ особенностяхъ его и значеніи общественной дѣятельности Г. Солнцева, ср. Г. Фельдштейнъ, *Op. cit.*, стр. LXXXVII и слѣд.

² Ср. біографич. свѣдѣнія о Сергѣѣ Алексѣевичѣ Протасовѣ († 1830) въ *Биографич. слов. проф. и преп. И. К. У.* ч. 2, Каз. 1904, стр. 70.

³ *Catalogus praelectionum in universitate litterarum Caesarea Casanensi 1824—1825*, р. 4, упоминаетъ, что „Sergius Protasov... Processum ci-

vilem et criminalem... tradet“. То-же мы видимъ въ *Catalogus praelectionum 1825—1826*, р. 6. Въ *Catalogus 1826—1827* за С. Протасовымъ числится „jus publicum et criminale Rossicum“, р. 4, а въ *Catal. 1829—1830* упоминается, что „Sergius Protasov... jus criminale e schedis proponet“, р. 4.

⁴ Программы для испытанія студентовъ И. К. У. по окончаніи 1829—1830 акад. года, Каз. 1830, стр. 37 и слѣд.

проч. За этимъ отдѣломъ слѣдовалъ вопросъ «О покушеніи на преступленія», въ которомъ трактовались темы «почему должно наказывать за покушенія», «о разныхъ родахъ покушеній», «какимъ правиломъ должно руководствоваться при опредѣленіи наказаній за покушенія» и въ какихъ случаяхъ «должно наказывать за покушенія, какъ за преступленіе совершенное или оконченное». Третій отдѣлъ былъ посвященъ проблемѣ «О участвованіи въ преступленіи». Четвертый отдѣлъ трактовалъ «О наказаніяхъ вообще, ихъ цѣли и видахъ, а заключительные отдѣлы этой части «О причинахъ освобождающихъ отъ наказанія», «О причинахъ, уменьшающихъ и увеличивающихъ степень наказанія» и, наконецъ, «О перемѣнѣ и отмѣнѣ наказаній». Эта схема курса С. Протасова интересна для насъ въ частности, какъ воспроизводящая почти безъ измѣненій и только съ незначительными перемѣщеніями подраздѣленія общей части «Россійскаго уголовного права» Г. Солнцева. Это сходство не могло быть случайнымъ и распространялось, повидимому, и на самое содержаніе курса С. Протасова.

Научно-догматическій характеръ курса С. Протасова—этого естественнаго преемника Г. Солнцева, еще болѣе рѣзко сказался на схемѣ особенной части, построенной на научныхъ началахъ, но въ то же время приспособленной къ особенностямъ русскаго дѣйствовавшаго права¹. На первомъ мѣстѣ С. Протасовъ ставитъ отдѣлъ «О преступленіяхъ противъ вѣры», обнимающій собой «богохуліе, церковный мятежь, отвлеченіе и отступленіе отъ православной вѣры, расколъ и ересь». За нимъ непосредственно слѣдуетъ отдѣлъ «О злоумышленіи противъ особы Его Императорскаго Величества и государственной измѣнѣ и бунтѣ», «О преступленіяхъ противъ внѣшней безопасности» съ рубриками «перѣбѣгъ къ непріятелю», «самовольная отлучка за границу» и пр., «О преступленіяхъ противъ внутренней безопасности», «О преступленіяхъ противъ государственной казны», «О преступленіяхъ противъ общаго довѣрія», какъ «подлогъ въ торговлѣ или употреб-

¹ Программы для испытанія студен- | 1830 акад. года, Каз. 1830, стр. 38
товъ И. К. У. по окончаніи 1829— | и слѣд.

леніе фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ, подлогъ въ ремеслахъ» и «О преступленіяхъ государственныхъ чиновниковъ».

Всѣ эти отдѣлы особенной части относятся С. Протасовымъ къ категоріи «преступленій государственныхъ». Второй группой посягательствъ являются «преступленія частныя»¹, куда онъ относитъ отдѣлы: «О преступленіяхъ противъ личной безопасности» въ смыслѣ «преступленій противъ жизни», «преступленій противъ здоровья», «преступленій противъ свободы» и преступленій «посредственныхъ: ложнаго доноса и клеветы»,—«О преступленіяхъ противъ собственности»² и «О преступленіяхъ противъ чести».

Д. Опыты историко-догматическаго изслѣдованія въ русской уголовной юриспруденціи.

Труды Н. М. Карамзина и Г. П. Успенскаго.—И. В. Васильевъ.—И. Е. Нейманъ и его школа: Н. М. Алехинъ, Е. В. Врангель, А. ф. Рейцъ.—И. Ф. Г. Эверсъ.—И. Θ. Беллинггаузенъ.—Школа славянскихъ историковъ—юристовъ и А. С. Коровецкій.—Попытка возрожденія методологическихъ приемовъ С. Е. Десницкаго: И. Θ. Тимковскій и К. Ф. Михаловскій.

Состояніе русскаго уголовного законодательства въ первыя десятилѣтія ХІХ в.; представлявшаго собой рядъ неприведенныхъ въ соотвѣтствіе постановленій, отразившихъ самыя разнообразныя вліянія, не внушало надежды, что догматическая разработка нашего права можеть успѣшно протекать безъ историческаго освѣщенія сложившихся въ немъ путемъ постепеннаго наслоенія институтовъ. Однѣ теоретическія конструкціи были недостаточны для этого дѣла. Использование историческаго матеріала права западныхъ народовъ могло въ лучшемъ случаѣ привести къ отыскиванію по извѣстному масштабу характеристическихъ чертъ въ нашемъ правѣ. Но самъ по себѣ этотъ путь безсиленъ былъ дать положительныя основы

¹ Ор. cit., стр. 39 и слѣд.

² Ор. cit., стр. 39. Въ отдѣлѣ „О преступленіяхъ противъ собственности“ С. Протасовъ различаетъ посягательства,

направленныя противъ собственности „движимой“ и „недвижимой“ и „мошенничество“.

для конструирования догмы русского уголовного законодательства, сложившейся при определенных исторических условиях.

Без изучения исторического прошлого народа, без исследования институтов права в связи с бытом народа, — без уяснения путей, которыми удовлетворялись его потребности, невозможно полное понимание действующего права. Если и отбросить изучение прошедшего для определения национального духа права, то все таки само собой понятно, что уяснение права в его настоящем совершенно немыслимо без предварительного анализа его исторических форм и основ. Эти общія соображения вполне приложимы, конечно, и къ созданию научной догмы права у насъ. Тотъ практической путь, которымъ шло развитие нашего уголовного законодательства, то только косвенное и эпизодическое использование началъ западнаго права, которое характеризуетъ поступательное движение нашего законодательства, дѣлаетъ необходимымъ предположеніемъ уясненія и систематизаціи его предварительное ознакомленіе съ историческими формами проявленія нашего права; только этотъ путь можетъ освѣтить и разъяснить его темные вопросы. Познаніе нормъ, опредѣляющихъ уголовно-правовыя отношенія въ нашемъ правѣ, совершенно немыслимо, словомъ, безъ историческаго уразумѣнія и критики ихъ.

На западѣ появленію научной догмы уголовного права предшествовалъ долгій періодъ изученія историческихъ особенностей того или другаго законодательства, такъ называемая исторія догмы, въ смыслѣ изученія его подробностей и чертъ, вообще древностей юридическаго быта. Съ теченіемъ времени на этой почвѣ вырастаетъ историко-догматическое направленіе Нашей науки права переживаются, въ свою очередь, соответственныя состоянія, и конецъ XVIII в. въ исторіи ея является эпохой, когда впервые интересуются подробностями нашего стараго юридическаго быта. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что было достигнуто трудами такихъ историковъ какъ В. Татищевъ, И. Болтинъ и отчасти М. Щербатовъ въ дѣлѣ уясненія нашего уголовно-правоваго

прошлаго. Но XIX вѣкъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи въ этой области и заготовляетъ въ болѣе обширномъ масштабѣ данныя, пригодныя для построенія догмы уголовного права на историческихъ основахъ. Труды Н. Карамзина, Г. Успенскаго, Ил. Васильева, а въ особенности нѣмецкой школы И. Неймана, уже въ самомъ началѣ XIX в. создаютъ новыя условія, благопріятныя для историко-юридической разработки нашего уголовного законодательства.

Роль Н. Карамзина въ дѣлѣ разработки русскихъ уголовно-юридическихъ древностей сказалась, главнымъ образомъ, въ историческомъ объясненіи нашихъ древнихъ памятниковъ законодательства¹. Если, однако, предшественники Н. Карамзина, В. Татищевъ и И. Болтинъ объясняютъ сходство постановленій Русской правды съ законодательными опредѣленіями другихъ народовъ, какъ результатъ аналогическаго творчества, вызваннаго тождественными условіями быта, то у Н. Карамзина мы наблюдаемъ нѣчто иное. Слѣдуя очень часто за А. Л. Шлецеромъ въ его утвержденіяхъ, что первыя основанія цивилизаціи среди сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ были заложены германцами, Н. Карамзинъ объясняетъ соотвѣтственныя постановленія уголовного законодательства Русской правды воспріятіемъ началъ германскаго уголовного права². Въ общемъ авторитетные изслѣдователи склонны признать, что Н. Карамзинъ сдѣлалъ такъ много для разработки историческихъ началъ русскаго права, что «на основаніи его труда можно отвѣтить на всѣ важнѣйшіе вопросы исторіи русскаго права»³. «Эверсъ, пишетъ проф. С. Шпилевскій, признаетъ за Карамзинымъ всю обширность свѣдѣній о ненапечатанныхъ источникахъ русской исторіи..., а для Рейна трудъ Карамзина былъ важнѣй-

¹ Ср. по этому вопросу И. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ, X. 1892, стр. 101 и сл., а въ особенности С. Шпилевскій, Исторія государства Россійскаго въ отношеніи къ исторіи русскаго права, Уч. зап. И. К. У. 1867, Каз. 1866, т. 3,

стр. 62—99; ср. также Θ; Тарановскій, Норманская теорія въ исторіи русскаго права, Варш. 1909.

² Ср. С. Шпилевскій, *Op. cit.*, стр. 60, 62; Θ. Тарановскій, Норманская теорія, стр. 5

³ С. Шпилевскій, *Op. cit.*, стр. 54.

шимъ и основнымъ матеріаломъ»¹. При этомъ именно для уголовного права исторія Н. Карамзина давала болѣе матеріала, чѣмъ для другихъ областей юридическаго уклада Россіи. Позднѣйшіе изслѣдователи исторіи русскаго уголовного права А. Богдановскій, Н. Ланге, В. Линовскій, И. Максимовичъ, А. Чебышевъ-Дмитріевъ по цѣлому ряду вопросовъ вынуждены восходить къ Н. Карамзину².

Не Н. Карамзину, однако, по другому изслѣдователю русскихъ юридическихъ древностей, принадлежитъ главная заслуга по собиранію и обработкѣ ихъ. И инициатива, и выполненіе въ законченномъ видѣ этого предиріятія выпало на долю другого русскаго ученаго, одного изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета, Г. Успенскаго, преподававшего въ немъ и уголовное право.

Гавріиль Петровичъ Успенскій³, выросшій въ семьѣ духовнаго лица, обучался въ Сѣвской семинаріи, а въ 1786 году поступаетъ въ Петербургскую учительскую гимназію. Вскорѣ онъ опредѣляется преподавателемъ въ Главное народное училище въ Воронежѣ. Къ этому времени его жизни относятся его первые литературные опыты: переводы съ нѣмецкаго и французскаго и составленіе руководства по латинскому языку⁴. Въ періодъ своей дѣятельности въ Воронежѣ Г. Успенскій принадлежалъ къ кружку прот. Болховитнинова, впоследствии кіевского митрополита Евгенія.

¹ С. Шилевскій, *Op. cit.*, стр. 96.
² С. Шилевскій, *Op. cit.*, стр. 98.
³ Біографическія свѣдѣнія о Г. Успенскомъ ср. въ Рукописномъ трудѣ проф. А. Рославскаго-Петровскаго, открытомъ Е. Ивановымъ, л. 107 и 108; см. также Д. Багалій, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, X. 1893—1898 т. 1. стр. 646, и въ особенности стр. 525 и сл.; т. 2, X. 1904, стр. 329, 577 и сл., 804 и сл., и мн. др.; Юридическій факультетъ Харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованія, Хар. 1908, стр. 8, 16 и сл., 27 и др.; митрон. Евгеній, Словарь рус. свѣт. пис., М. 1845, стр. 227—228; Воспоминанія сына Г. Успенскаго, напеч. въ Воронеж. губ. вѣд. №№ 27—28, 30—32; Историческій очеркъ Воронежской гимназіи отъ 1785—1835, Воронежская беседа на 1861 г., стр. 333; М. Сухомлиновъ, Мат. для ист. образов. въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I, Сиб. 1889, т. 1, стр. 87 и слѣд.
⁴ Ср. по этому вопросу Д. Багалій, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 529 и сл.

Въ 1807 г. онъ приглашается по настоянію И. Тимковскаго ¹ занять въ Харьковскомъ университетѣ кафедру исторіи, географіи и статистики ² въ виду отказа отъ нея Н. Карамзина. Время профессорской дѣятельности Г. Успенскаго было для него эпохой признанія его научныхъ заслугъ не только какъ историка, но и юриста ³. При всемъ томъ жизнь Г. Успенскаго сложилась неудачно и была одной изъ причинъ его преждевременной смерти ⁴ († 1820).

Начавши свою ученую дѣятельность въ Харьковѣ въ качествѣ историка, Г. Успенскій въ 1812 г. переходитъ на кафедру И. Тимковскаго, читаетъ «по собственнымъ запискамъ» русское гражданское и уголовное право и посвящаетъ свое вниманіе практическому судопроизводству ⁵. Въ связи съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ можно полагать, что Г. Успенскій оставилъ нѣсколько трудовъ, не увидѣвшихъ свѣта, надежда на открытіе которыхъ не велика ⁶. Характеръ преподаванія Г. Успенскимъ уголовного права обрисовывается отчасти изъ вопросовъ, которые онъ ставилъ лицамъ, стремящимся къ достиженію высшихъ ученыхъ степеней. Они носятъ обыкновенно строго догматическій характеръ ⁷.

¹ Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 646. Ср. объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ замѣщеніе Г. Успенскимъ кафедры въ Харьковскомъ унив., у М. Сухомлинова, Матер. для ист. образов. въ Россіи въ царствованіе Александра I, Спб 1889, т. 1, стр. 87 и сл.

² Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 546.

³ Ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 2, стр. 577 и сл.

⁴ Ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 2, стр. 804 и сл.

⁵ Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 562 и сл., т. 2, стр. 587. Ср. о курсахъ, читавшихся Г. Успенскимъ Л. Загурскій, Опытъ исторіи юридич. факультета И. Х. У., втор. дополн., Х. 1907, Зап. И. Х. У. 1906 и 1907,

кн. 3—4, стр. 9. Мы находимъ здѣсь рядъ выписокъ изъ каталоговъ лекцій: „Gab. Uspensky, читаемъ мы о 1813 г., Theoriam jurisprudentiae et quidem de jurisprudentiae civili praeleget... jurisprudentiam practicam... propriis scriptis“; объявленіе, что „Prof. Uspensky praeleget jus criminale Rossicum adhibita praxi juris tam civili, quam criminalis“ относится къ 1816 году, Op. cit., стр. 11.

⁶ Ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 2, стр. 809.

⁷ Ср. свѣдѣнія о магистерскомъ экзаменѣ П. Дегая 6 ноября 1813 (о преступленіяхъ противъ чести), Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 603, и В. Титарева (о государственныхъ преступленіяхъ, Д. Багалъй, Op. cit., стр. 611.

Будучи хорошимъ знатокомъ современной ему западной научно-юридической литературы¹, серьезно ознакомленный съ направленіями естественно-правовой доктрины, Г. Успенскій держался въ юридической области далеко отъ абстракціи и считалъ себя призваннымъ прежде всего къ работѣ на почвѣ уясненія исторической картины развитія догмы русскаго права. Онъ всѣми силами стремился направить вниманіе современныхъ ему русскихъ юристовъ, главнымъ образомъ, на изученіе фактовъ нашего юридическаго прошлаго. Въ своей рѣчи «О томъ, что каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества нежели другихъ государствъ»² Г. Успенскій восклицаетъ: «неужели менѣе вниманія нашего достойны Великій Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ..., нежели бѣдныя развалины Вавилона, Мемфиса, Аѳинъ...»³. Его призывъ, направленный къ развитію изученія русскихъ юридическихъ древностей, намѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ его осуществленію. Онъ рекомендуетъ использованіе съ этой цѣлью «извѣстій въ пѣсняхъ, преданіяхъ и различныхъ видимыхъ изображеніяхъ»⁴. Г. Успенскій предлагаетъ въ то же время методъ сравненія сходныхъ обычаевъ у разныхъ народовъ и пріемъ изученія быта по переживаніямъ⁵. Если Г. Успенскій и не первый вступилъ на этотъ путь въ нашей литературѣ, то, несомнѣнно, никто до него не примѣнялъ этого метода столь плодотворно и въ такомъ широкомъ объемѣ, какъ это удалось сдѣлать ему.

Въ трудѣ «Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ»,

¹ Ср. интересныя доказательства у Д. Багалѣя, Опытъ исторіи, т. 2, X. 1904, стр. 329.

² Рѣчи, произн. въ торж. собр. И. Х. У. 30 авг. 1809 г. X. 1809.

³ Рѣчи, X. 1809, стр. 43.

⁴ Г. Успенскій, Рѣчи, X. 1809, стр. 38.

⁵ Въ трудѣ „О языческомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ Египтянъ, Грековъ и

другихъ древнихъ народовъ“, Труды общ. наукъ, сост. при И. Х. У., т. 1, X. 1817, ч. 2, стр. 40—64, Г. Успенскій пользуется этими пріемами изслѣдованія, опираясь на „оставшіеся между чернью многіе суевѣрные обряды и празднества“ и ихъ сходство „съ древними Египетскими и Греческими, а частью и Германскими...“, Оп. cit., стр. 55.

вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1811—1812 г.г. ¹ до появления еще исторіи Н. Карамзина, законченной только одновременно со вторымъ изданіемъ «Опыта», и до появления извѣстныхъ *Rechtsalterthümer* Як. Гримма, 1828 г., Г. Успенскій даетъ рядъ изслѣдованій нашего древняго уголовно-юридическаго быта. Опираясь на В. Татищева, И. Болтина, М. Щербатова, Г. Г. Стригера, памятники русскаго законодательства и данныя фолклора русскаго народа, Г. Успенскій дѣлаетъ во второй части своего «Опыта» серьезную попытку представить картину древностей нашего права. Въ первомъ отдѣленіи второй части онъ даетъ приведенныя въ систему данныя о сословіяхъ, царскомъ дворѣ, правительственныхъ учрежденіяхъ ², а во второмъ касается вопросовъ «О древности и достоинствахъ русскихъ законовъ» ³, «О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ» ⁴ и другихъ чертахъ нашего стараго юридическаго быта ⁵. Отдѣлъ «О древности и достоинствахъ русскихъ законовъ» былъ введенъ Г. Успенскимъ въ его «Опытъ» послѣ предварительнаго появленія въ формѣ «Разсужденія о древности и достоинствахъ законовъ Россійскихъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Соборнаго Уложенія и сходства сего послѣдняго съ нѣкоторыми преждебывшими у насъ узаконеніями» ⁶. Въ трудѣ этомъ Г. Успенскій характеризуетъ, прежде всего, общія черты Уложенія 1649 г. Онъ видитъ его недостатки и отмѣчаетъ его казуистичность. «Только общія правила, говоритъ Г. Успенскій, приводятъ законы въ величайшее совершенство. Но для открытія и опредѣленія оныхъ потребны знанія наукъ и системъ правовѣдѣнія; а ихъ то тогда и не доставало въ Россіи» ⁷. Г. Успенскій признаетъ въ то же время, что «сія... книга законовъ всѣхъ преждебывшихъ не-

¹ Ср. Предъизвѣщеніе, прил. ко втор. изд. Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ, X. 1818, стр. IX.

² Г. Успенскій, Опытъ повѣствованія, стр. 147—399.

³ Г. Успенскій, Опытъ повѣствованія, стр. 451 и слѣд.

⁴ Г. Успенскій, Опытъ повѣствованія,

стр. 486 и сл.

⁵ Г. Успенскій, Опытъ повѣствованія, стр. 544 и сл., 707 и сл. и проч.

⁶ Рѣчи, произнес. въ торж. собр. И. Х. У. 30 авг. 1814, X. 1814.

⁷ Разсужденіе о древности и достоинствахъ законовъ руссійскихъ, стр. 34.

сравненно превосходнѣе какъ въ разсужденіи порядка, такъ и относительно точности» и останавливается на анализѣ уголовно-правовыхъ постановленій ¹ Уложенія. Попутно онъ дѣлаетъ это и относительно Русской правды ² и Судебниковъ ³. Пользуясь работами Флетчера и Корба, Г. Успенскій не принимаетъ ихъ выводовъ безъ критики ⁴, и такъ же относится къ заключеніямъ В. Татищева и И. Болтина ⁵. Въ результатѣ своего изслѣдованія уголовно-правовыхъ постановленій Уложенія Г. Успенскій приходитъ къ заключенію о несогласованности его отдѣльныхъ опредѣленій ⁶.

Въ то время какъ въ своемъ «Разсужденіи» Г. Успенскій изслѣдуетъ, главнымъ образомъ, моментъ преступленія, онъ въ другомъ отдѣлѣ «Опыта» посвящаетъ свое вниманіе вопросамъ наказанія и процесса ⁷. Эта часть «Опыта» была обработана Г. Успенскимъ, въ свою очередь, отдѣльно въ трудѣ «О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянь» ⁸. Здѣсь онъ даетъ описаніе формъ наказанія, знакомыхъ древне-русскому уголовному праву съ перечисленіемъ видовъ преступленій, за которыя они опредѣлялись, и описаніемъ ихъ обряда ⁹. Г. Успенскій пользуется для этого труда между прочимъ работами Герберштейна ¹⁰, Корба и другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи.

Въ лицѣ Г. Успенскаго наша наука имѣла не только дѣятельнаго работника, содѣйствовавшаго объясненію нашихъ уголовно-юридическихъ древностей, но ученаго, собравшаго въ своемъ трудѣ и критически освѣтившаго все сдѣланное до него. Его труды являются какъ бы заключительнымъ звеномъ въ цѣпи работъ тѣхъ любителей

¹ Разсужденіе, стр. 33 и слѣд., 35 и слѣд.

² Разсужденіе, стр. 9, 11 и слѣд., 14 и др.

³ Разсужденіе, стр. 17 и слѣд., 25 стр.

⁴ Разсужденіе, стр. 39, 6.

⁵ Разсужденіе, стр. 35 и сл.

⁶ Ср., напр., Разсужденіе, стр. 38 и слѣд.

⁷ Г. Успенскій, Опытъ повѣствованія, стр. 486—515

⁸ Г. Успенскій, О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянь, Труды общ. наукъ, сост. при И. Х. У., т. 1, X. 1817, ч. II, стр. 65—101.

⁹ Ср., напр., о смертной казни, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянь, X. 1817, стр. 88—95, объ отдачѣ головой, стр. 97.

¹⁰ Ср., напр., о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянь, X. 1817, стр. 91, 93 и мн. др.

русской старины, которые, начиная съ В. Татищева, дали образцы историческаго толкованія нашихъ законодательныхъ памятниковъ въ смыслѣ сообщенія данныхъ о подробностяхъ жизни эпохи, въ которую появились тѣ или другіе законодательныя сборники. Лица эти ставили себѣ цѣлью объяснить все то, что на взглядъ читателя другой эпохи представляется неяснымъ, и этимъ путемъ содѣйствовать правильной экзегезѣ соотвѣтственныхъ законодательныхъ памятниковъ. Въ ряду этихъ любителей старины Г. Успенскій является едва ли не самой крупной фигурой, резюмирующей въ своемъ трудѣ результаты усилій цѣлаго поколѣнія юристовъ—историковъ.

Ученымъ, посвятившимъ свое вниманіе русскимъ уголовно-юридическимъ древностямъ ¹, но стремившимся въ то же время къ истолкованію памятниковъ нашего стараго уголовного законодательства, какъ пути, ведущему къ созданію догмы права на историческихъ основахъ, выступилъ въ нашей литературѣ начала XIX в. адъюнктъ Московскаго университета Иларіонъ Васильевъ ².

Къ изслѣдованію русскихъ уголовно-юридическихъ древностей по приемамъ, освященнымъ В. Татищевымъ, И. Болтинымъ, М. Щербатовымъ, Ил. Васильевъ приступаетъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе раннихъ трудовъ: «Историческомъ обзорѣніи древняго Россійскаго законодательства» ³. Ил. Васильевъ даетъ здѣсь какъ бы

¹ Цѣлый рядъ русскихъ изслѣдователей дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, но не всегда труды ихъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ уголовному праву. Ближе подходятъ къ этимъ вопросамъ Г. Мальгинъ въ своемъ „Опытѣ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ, Сиб. 1803; ср. въ особ. О губахъ, стр. 1 и слѣд., О Разбойномъ приказѣ, стр. 47 и сл. и мн. др.; митроп. Евгеній „О уставныхъ и губныхъ грамотахъ, Вѣстн. Евр. 1813, т. VI; П. Львовъ, Примѣчаніе о древнихъ русскихъ законахъ, Сынъ отеч. 1814, №№ 33 и 46; П. Строевъ и К. Калайдовичъ, Законы в. князя Іоанна Ва-

сильевича и Судебникъ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича съ дополнительными указами, М. 1819 и др.

² Біографич. свѣдѣнія объ Иларіонѣ Васильевичѣ Васильевѣ, († 1832 г.) ср. Біографич. слов. профессоровъ и преподавателей И. М. У. ч. 1, стр. 148 и сл.; Гр. Геннади, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 133—134; М. Третьяковъ, Имп. Московскій Универс., Русск. стар. 1892, окт., стр. 129 и слѣд.

³ Иларіонъ Васильевъ, Историческое обзорѣніе древняго Россійскаго законодательства, Вѣстн. Евр. 1822, № 7, стр. 161—175.

общее введеніе къ исторіи догмы русскаго законодательства и, прежде всего, уголовнаго. Онъ сосредоточивается на перечнѣ памятниковъ русскаго законодательства въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождаемомъ указаніемъ отдѣльныхъ изданій ихъ и проч. Параллельно Ил. Васильевъ дѣлаетъ здѣсь попытку рѣшить рядъ вопросовъ по исторіи наказанія въ Россіи ¹. Въ общемъ онъ не идетъ въ этомъ трудѣ далѣе того, чтобы дать какъ бы законодательную лѣтопись въ связи съ изложеніемъ древностей уголовнаго права.

На болѣе широкой путь историческаго изслѣдованія русскаго уголовнаго права Ил. Васильевъ старается вступить въ своей магистерской диссертациі: «Разсужденіе о законахъ государства Россійскаго», М. 1823 ². Не выдѣляя отдѣльныхъ областей права, Ил. Васильевъ ставитъ себѣ цѣлью обнаружить сущность историческаго процесса развитія русскаго законодательства во всемъ его объемѣ въ связи съ изслѣдованіемъ причинъ, обусловившихъ его современное состояніе. Нельзя не признать, что въ общемъ здѣсь Ил. Васильевъ ограничивается, главнымъ образомъ, одной постановкой такой задачи и почти ничего не дѣлаетъ для ея разрѣшенія. Въ отношеніи осуществленія своей цѣли и дѣйствительной разработки историческихъ основъ русскаго законодательства онъ не идетъ далѣе простаго перечисленія источниковъ русскаго права и общаго анализа содержанія уголовнаго законодательства ³. Но выясняя догму послѣдняго на исторической почвѣ, Ил. Васильевъ старается дать въ то же время уголовно-политическую оцѣнку отдѣльныхъ институтовъ уголовнаго права и въ особенности наказаній.

Матеріалъ для такой оцѣнки онъ щедрою рукой черпаетъ

¹ Ср. Историческое обозрѣніе, стр. 165, о „казнѣ“, стр. 166, разсужденіе о времени возникновенія у насъ тѣлесныхъ наказаній и проч.

² Ил. Васильевъ, Разсужденіе о законахъ государства Россійскаго, изданныхъ отъ основанія онаго до нынѣшнихъ временъ, съ показаніемъ причинъ періодической оныхъ законовъ переменъ и постепенной образованности въ какой они нынѣ, М. 1823.

³ Ил. Васильевъ, Разсужденіе о законахъ государства Россійскаго, стр. 29, 37 и слѣд., 49 и др.

въ Наказѣ ¹. Ил. Васильевъ привѣтствуетъ, въ частности, фактъ пріостановки смертной казни при Елизаветѣ и заимствуетъ аргументы противъ этого наказанія изъ Наказа ².

Смертной казни Ил. Васильевъ посвящаетъ и отдѣльное исследование ³. Оставаясь на почвѣ установленія фактовъ изъ ея исторіи въ Россіи по законодательнымъ памятникамъ, начиная съ договоровъ Олега и Игоря съ греческими императорами, Ил. Васильевъ подвергаетъ одновременно оцѣнкѣ смертную казнь, какъ наказаніе. И въ этомъ трудѣ онъ предлагаетъ оставаться на почвѣ Наказа ⁴, высказываясь за допущеніе смертной казни въ случаѣ «гдѣ гражданинъ, лишенный вольности, имѣетъ еще способъ возмутить народное спокойствіе».

Выступить съ общей оцѣнкой соответствія русскаго уголовного законодательства цѣлямъ, которымъ оно призвано было служить, Ил. Васильевъ пытается въ трудѣ: «О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ Россійскомъ государствѣ», М. 1824 ⁵. Онъ приходитъ къ заключенію, что русскіе законы превосходятъ «своею кротостью, милосердіемъ, челоуколюбіемъ уголовные кодексы всѣхъ государствъ» ⁶ и «изображаютъ чистѣйшую нравственность, согласную съ законами божественными» ⁷. Къ такимъ выводамъ Ил. Васильевъ склоняется потому, что понимаетъ опредѣленія Наказа въ качествѣ началъ, отчасти введенныхъ уже въ наше законодательство и отчасти послужившихъ къ реформѣ русскаго уголовного законодательства ⁸, очищеннаго отъ чуждыхъ ему вліяній. Жестокія наказанія, существовавшія въ нашемъ старомъ

¹ Ср., напр., Ил. Васильевъ, Разсужденіе о зак. госуд. Россійск., стр. 64, 66. О недопустимости пытокъ ср. прилож. къ Разсужд.

² Ср. Ил. Васильевъ, Разсужд. о зак. госуд. Россійск., стр. 63.

³ Илрнъ Вельвъ, Извлеченіе изъ исторіи уголовного законодательства въ Россіи. О смертной казни, Вѣстн. Евр. 1823, № 9, май, стр. 3—14.

⁴ Илрнъ Вельвъ, Извлеченіе изъ исторіи уголовного законодательства въ

Россіи, стр. 12 и слѣд.

⁵ О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ Россійскомъ государствѣ, рѣчь..., пропзн. Ил. Васильевымъ... авг. 14 дня 1824 г., М. 1824.

⁶ О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ, стр. 19.

⁷ О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ, стр. 21.

⁸ О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ, стр. 19, 20, 21 passim.

правѣ, Ил. Васильевъ возводитъ къ татарскому игу. «Моголы, пишеть онъ въ своемъ «Историческомъ взглядѣ на правѣжи въ Россіи»¹, владычествовавъ около двухъ съ половиной вѣковъ надъ Россією,—надолго оставили въ ней грозные памятники жестокостей, свойственныхъ народамъ грубымъ, необразованнымъ...»². На пути историческаго изслѣдованія уголовно-правовыхъ порядковъ Россіи Ил. Васильевъ останавливается и на исторіи нашего уголовного судопроизводства³.

Свои историческіе труды въ области русскаго права Ил. Васильевъ имѣлъ въ виду заключить работою догматическаго характера, посвященной всѣмъ отдѣламъ русскаго права. Къ сожалѣнію, его «Новѣйшее руководство къ познанію россійскихъ законовъ»⁴ осталось неоконченнымъ именно въ части, касающейся «дѣлъ... слѣдственныхъ и собственно такъ называемыхъ уголовныхъ»⁵. Въ частяхъ, доведенныхъ до конца, трудъ Ил. Васильева даетъ догму русскаго законодательства на исторической основѣ съ указаніемъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, на которыхъ она покоится. Если припомнить, что Ил. Васильевъ является строго убѣжденнымъ сторонникомъ гуманныхъ началъ въ области уголовного правосудія и тщательно группируетъ всѣ постановленія нашего права, въ которыхъ получили признаніе эти принципы,

¹ Ил. Васильевъ, Историческій взглядъ на правѣжи въ Россіи, Труды и записки общ. ист. и др. росс., ч. 3, кн. 1, М. 1826, стр. 100—109, стр. 100.

² Къ заключенію о характерѣ вліянія „моголовъ“ на наше законодательство Ил. Васильевъ приходитъ, между прочимъ, путемъ сличенія русскыхъ уголовно-правовыхъ порядковъ съ постановленіями манджурскихъ законовъ, поскольку они сказались въ „Китайскомъ уложеніи“, переведенномъ на русскій языкъ Леонтевымъ, ч. I и II, Спб. 1778.

³ Ил. Васильевъ, Историческое обозрѣніе актовъ и бумагъ въ Россіи, Труды и лѣтописи общ. ист. и др. Рос., ч. 5, кн. 1, М. 1830, стр. 270—299. Въ

этомъ трудѣ изслѣдованы, между прочимъ, формы и виды письменныхъ актовъ въ исторіи русскаго праваго оборота на основаніи изученія соответственныхъ актовъ и приведенъ рядъ объясненій терминовъ стараго русскаго уголовного процесса, ср. стр. 296, 285, 283 и др.

⁴ Ил. Васильевъ, Новѣйшее руководство къ познанію россійскихъ законовъ, ч. 1, М. 1826 и ч. 2, М. 1827.

⁵ Ил. Васильевъ, Новѣйшее руководство, ч. 2, М. 1827, стр. VI. Авторъ успѣлъ только коснуться вопроса устройства уголовного суда, ч. 1, стр. 70 и слѣд.

то можно получить представленіе объ этомъ русскомъ ученомъ, какъ догматикѣ, пытающемся конструировать догму на историческихъ основахъ при помощи тѣхъ принциповъ, которые нашли признаніе въ нашемъ законодательствѣ въ результатѣ вліянія Наказа, съ одной стороны, и тѣхъ исконныхъ началъ нашего правового строя, которыя находятся въ согласіи съ требованіями мягкости и гуманности.

Въ лицѣ Ил. Васильева можно видѣть, такимъ образомъ, историка-юриста, который при помощи историческихъ экскурсовъ старается уяснить свойственныя праву даннаго народа черты. Разъ эти послѣднія найдены, онъ считаетъ себя въ правѣ провозгласить ихъ особенностью процесса развитія права даннаго народа и проектировать направленіе законодательства въ духѣ этихъ началъ, рассматривая ихъ, какъ основы устойчивыя и неизмѣнныя. Оставляя въ сторонѣ болѣе старыя попытки историзма въ изученіи русскаго уголовного права, оказавшіяся сѣменами, зароненными на неблагопріятную почву, въ лицѣ И. Васильева слѣдуетъ видѣть предвозвѣстника зарождающейся у насъ школы историческаго изученія права, ограничивающейся не одними только программными заявленіями, но и полагающей дѣйствительное начало изученію исторіи русскаго уголовного права въ качествѣ необходимаго предположенія созданія догмы уголовного законодательства на историческихъ устояхъ. Самое проведеніе въ жизнь этого теченія въ нашу науку совершается, однако, усиліями ученыхъ, стоящихъ въ болѣе близкомъ общеніи съ западною наукой, чѣмъ органически выросшіе на русской почвѣ представители историзма въ правѣ. Говоря это, мы имѣемъ, съ одной стороны, въ виду работы И. Е. Неймана и созданную имъ школу исторіи русскаго права въ лицѣ ея наиболѣе виднаго представителя А. Рейца и, съ другой, историческое теченіе, восходящее, по своимъ источникамъ, къ тѣмъ же западнымъ образцамъ, но питающееся непосредственно опытами славянскихъ ученыхъ.

На долю И. Неймана выпала неблагодарная роль ученаго, заложившаго основаніе школы, но не увидѣвшаго результатовъ

своей дѣятельности. Детально разработавъ планъ организаціи преподаванія русскаго права, заготовивъ для этого огромный матеріаль, И. Нейманъ не успѣлъ его обнародовать, хотя и воспиталъ на немъ рядъ учениковъ, унаслѣдовавшихъ не только его пріемы, но, повидимому, и произведенную имъ работу.

Жизнь И. Неймана ¹ въ наиболѣе плодотворную эпоху его дѣятельности прошла въ непрерывныхъ перемѣщеніяхъ. Онъ родился въ 1780 году въ г. Марбургѣ. Будучи вызванъ въ Россію въ 1807 г. ², онъ занялъ въ Комиссіи составленія законовъ вначалѣ скромное мѣсто ³, а впоследствии болѣе видное положеніе. Въ 1809 году И. Нейманъ назначается профессоромъ русскаго правовѣдѣнія въ Казанскій университетъ ⁴. На короткое время онъ перемѣщается въ Дерптъ (1811—1814) ⁵, но вскорѣ вновь появляется въ Казани профессоромъ правъ естественнаго и народнаго. И. Нейманъ остается здѣсь до 1817 г. ⁶, снова переходитъ въ Дерптъ, гдѣ и заканчиваетъ свою службу въ 1826 году. Около тридцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни И. Нейманъ, обезсиленный болѣзью, лишенъ былъ возможности плодотворно работать для науки. И. Нейманъ умеръ въ 1855 г. ⁷.

Свои взгляды на организацію преподаванія русскаго права И. Нейманъ развилъ между 1806 и 1810 г.г. Онъ выступилъ

¹ Ср. біографическія свѣдѣнія о Иванѣ Егоровичѣ Нейманѣ въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей И. К. У. 1804—1904, ч. 2, Каз., 1904, стр. 52 и слѣд.; Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей И. Ю. бывш. Дерптскаго унив. за сто лѣтъ его существованія, т. 1, Юр. 1902, стр. 582—6; Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, т. 1, гл. 3, стр. 250 и сл.; Буличъ, Уч. Зап. Каз. унив. 1890, стр. 67 и слѣд.; Г. Фельдштейнъ, Русскій криминализмъ 20-хъ годовъ XIX в. Гаврилъ Ильичъ Солнцевъ, Ж. М. Ю. 1906, апр. и май, отд. отт. стр. 31 и слѣд.

² Біограф. слов. Юрьев. унив., стр.

582. Проф. Н. Загоскинъ свидѣтельству-
етъ, что уже въ 1806 г. И. Нейманъ
находился на службѣ въ Комиссіи со-
ставленія законовъ, Ист. Каз. унив.,
т. 1, стр. 250.

³ Какъ видно изъ выписи Журн.
правл. Комисс. сост. законовъ отъ 7 апр.
1809 г., И. Нейманъ занималъ тамъ
должность „писмоводителя“, Рукоп. ма-
тер., выдѣленная изъ дѣлъ Арх. Каз. унив.

⁴ Ср. подробности у Н. Загоскина,
Ор. cit., т. 1, стр. 250.

⁵ Ср. Н. Загоскинъ, Ор. cit., т. 1,
стр. 253.

⁶ Н. Загоскинъ, Ор. cit., т. 1, стр. 254.

⁷ Біограф. слов. И. К. У., ч. 2,
стр. 53.

съ ними еще въ начальную пору своей дѣятельности въ Казанскомъ университетѣ,¹ въ которомъ съ 1810 года читалъ «курсъ уголовныхъ законовъ».

„Plan pour l'enseignement de la science du droit russe“ И. Неймана вполне оцѣниваетъ всю важность для того момента изслѣдованія русскаго права на научныхъ началахъ. Лучшимъ путемъ къ познанію русскаго законодательства является, съ точки зрѣнія И. Неймана, преподаваніе, приспособленное къ самому предмету и ученикамъ, которые имѣются въ виду². Русское правовѣдѣніе должно изучаться примѣнительно къ двумъ главнымъ областямъ его: праву гражданскому и уголовному, притомъ въ послѣдней области въ смыслѣ законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, законовъ уголовно-процессуальныхъ и регулирующихъ устройство уголовныхъ и полицейскихъ судовъ. Начинать изученіе должно съ законовъ, опредѣляющихъ основу отношеній между людьми и ихъ дѣйствіями— „qui reglent le fond des pretentions entre les hommes et leurs actions“. Эта часть юриспруденціи является тѣмъ, что называютъ правомъ уголовнымъ и гражданскимъ *sensu strictiori*. Но недостаточно знать право, нужно уметь руководить его практическимъ примѣненіемъ; этимъ занимается судопроизводство гражданское и уголовное, которое устанавливаетъ для этой цѣли опредѣленные начала³. Такіе курсы должны быть дополнены изу-

¹ 4 сент. 1809 г. И. Нейманомъ были представлены въ Казанскій университетъ: 1) Plan pour l'enseignement de la science du droit russe, concernant le cours des leçons et les autres travaux, qu'on y devra joindre; 2) Plan scientifique proposé pour les leçons sur le droit russe tant civil que criminel; 3) Краткій планъ преподаванія Россійскаго права. Ср. рукописные матеріалы, выдѣленные изъ дѣлъ Арх. Каз. унив.

² „Le premier et le plus important des devoirs imposés aux professeurs est le cours de leçons publiques... Il... est enjoint... d'enseigner la sci-

ence... de la manière la plus convenable... Celle... qui sera la plus adoptée à l'objet, qu'on veut traiter et aux écoliers, qu'on peut espérer d'avoir“.

³ Взглядъ на процессульную часть уголовного законодательства, какъ практическую, защищался къ этому времени въ германской научной литературѣ, между прочимъ, К. А. Титманомъ. Онъ писалъ: „Die Strafrechtswissenschaft enthält I) einen rein theoretischen Theil, der die Rechte selbst darstellt, welche gegen Rechtsverletzungen durch Strafe Statt finden... Sie enthält II) einen theoretisch-praktischen Theil,

ченіемъ исторіи русскаго права и литературы русской юриспруденціи. Въ виду того, что послѣдняя крайне бѣдна. И. Нейманъ проектируетъ составленіе комментарія къ русскому праву ¹, обширнаго и сокращеннаго ², и созданіе юридическаго общества.

Въ приложенномъ къ этому мемуару «Plan scientifique proposé pour les leçons sur le droit russe tant civil que criminel» И. Нейманъ раздѣляетъ свой курсъ «уголовныхъ законовъ» на отдѣлы права матеріальнаго ³, процессуальнаго ⁴, судоустройства ⁵ и тюремовѣдѣнія⁶. Отдѣлъ матеріально-правовой построенъ на выдѣленіи общей части. Въ нее введены вопросы: о преступленіяхъ вообще, о наказаніяхъ вообще, о вѣнненіи, объ отягченіи и смягченіи наказаній, о виновникахъ и соучастникахъ, о покушеніи, о погашеніи наказаній ⁷. Особенная часть построена на различеніи преступленій—«crimes» и посягательствъ менѣе тяжкихъ—«délits.» Для каждой изъ этихъ двухъ категорій дана ска́ла правонарушеній и полагающихся за нихъ наказаній. Въ отдѣлѣ «Des crimes et de leurs peines»⁸ мы встрѣчаемся съ преступленіями религіозными, противъ особы государя и основныхъ законовъ государства, противъ внѣшней безопасности государства, противъ общей безопасности внутри государства, противъ государственныхъ

der die Regeln angiebt, nach welchen bei Anwendung jener Rechte verfahren wird“. „Eigentlich, добавляетъ Титманъ, ist dieser letzte Theil als ein Theil der praktischen Rechtswissenschaft überhaupt zu betrachten und zu behandeln“, С. А. Tittmann, Handbuch der Strafrechtswissenschaft und der deutschen Strafgesetzkunde, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1806 г., 2 Aufl., Halle, 1822, В. I, § 6, S. 6 u. f.

¹ И. Нейманъ писалъ: „L'auteur de ce memoire fera le premier essai de composer un pareil commentaire pour le droit russe“...

² „Le celebre Blackstone, пишетъ И. Нейманъ, a composé un écrit semb-

lable et sous le même titre, qui contenoit les principes du droit et les principales données qu'il avait développées dans son commentaire“.

³ „Lois criminelles concernant les crimes et délits et les peines qui y sont statuées“.

⁴ „Lois sur la procédure en affaire de police et criminelle“.

⁵ „Lois reglementaires concernant l'organisation des tribunaux criminels et des autorités de police et leurs devoirs“.

⁶ „Des prisons et maisons d'arrêt“.

⁷ Sect. 1, Principes généraux.

⁸ Sect. 11, „Des crimes et de leurs peines“.

имущество. — «Des crimes contre les domaines de la couronne et contre les droits réservés», — съ преступленіями должностныхъ лицъ государства въ отношеніи исполненія ими своихъ обязанностей. — «Des crimes des employés de l'état ...relativement à leurs fonctions», — съ преступленіями противъ безопасности лицъ, имущества и добрыхъ нравовъ. Скала посягательствъ менѣе тяжкихъ ¹ обнимаетъ, въ свою очередь, преступленія противъ религіи, внѣшней безопасности государства, внутренней безопасности, противъ казны и государственныхъ имуществовъ — «Des délits contre le fisc et contre les droits réservés de la couronne», посягательства должностныхъ лицъ, посягательства противъ безопасности лицъ, имуществовъ, добрыхъ нравовъ, чести, преступленія, по особымъ обстоятельствамъ наказываемыя только какъ délits, и нарушенія временныхъ и мѣстныхъ постановленій полиціи

Та-же схема преподаванія «уголовныхъ законовъ была разработана И. Нейманомъ въ его «Краткомъ планѣ преподаванія російскаго права» ². Какъ ни суммаренъ этотъ планъ, на немъ все же отражается непосредственное вліяніе криминалистическихъ работъ Титмана ³, стремившагося дать, прежде всего, руководство, посвященное изложенію дѣйствующаго права ⁴.

Есть полное основаніе полагать, что планы И. Неймана были осуществлены имъ въ его работахъ, хотя и не доведены до конца. Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ «представленій» въ совѣтъ Казанскаго университета ⁵ И. Нейманъ писалъ: «для преподаванія о уголовномъ правѣ я употреблять буду собственное мое сочиненіе, содержащее начала уголовного права и которое обрабатываемо будетъ въ продолженіи моихъ лекцій; отъ сего со-

¹ Sect, III. „Des délits et de leurs peines“.

² Краткій планъ преподаванія Російскаго права и политической экономіи въ Рукоп. матеріал., выд. изъ дѣлъ Архива Каз. унив.

³ Ср. С. А. Tittmann, Handbuch der Strafrechtswissenschaft und der

deutschen Gesetzkunde, 2 Aufl., Halle, 1822 — 1824, Uebersicht der systematischen Anordnung, приложен. къ В. 3, S. III-VII.

⁴ С. А. Tittmann, Op. cit., В. I. Vorr., zur ersten Aufl., S. VI.

⁵ Мартъ 1810 г.

чиненія я прилагаю введеніе съ планомъ». Мы находимъ кромѣ того указанія, что въ 1809 году И. Нейманъ производитъ работы надъ нашимъ законодательствомъ «для систематическаго изложенія російскихъ законовъ»¹. Насколько онъ успѣлъ въ нихъ, можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго его «представленія» въ совѣтъ Казанскаго университета². «Извѣстно, писалъ И. Нейманъ, что еще нѣтъ въ Россіи юриспруденціи, — и, можно сказать, что даже нѣтъ дѣйствительнаго права...; я былъ принужденъ прибѣгнуть къ самымъ источникамъ, т. е. читать указы одинъ послѣ другаго и помѣстить выписки оныхъ въ особенныхъ тетрадяхъ. На сей конецъ я послѣдовалъ... плану, который въ главныхъ раздѣленіяхъ согласенъ съ планомъ уголовного уложенія, одобреннымъ директоромъ комиссіи и различается токмо въ нѣкоторыхъ частяхъ, поелику систематическое преподаваніе требуетъ другой порядокъ»³. Этотъ планъ приложенъ И. Нейманомъ *in extenso* къ его «представленію» и отличается отъ того, съ которымъ мы познакомились въ его мемуарахъ, главнымъ образомъ, въ отдѣлѣ особенной части. Здѣсь выкинуто дѣленіе на «crimes» и «délits» и весь матеріалъ особенной части помѣщенъ въ отдѣлѣ II, «О особенныхъ преступленіяхъ и ихъ наказаніяхъ» и отдѣлѣ III, «О полицейскихъ погрѣшеніяхъ (или полицейскій уставъ)»⁴; сдѣланы кромѣ того, нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи отдѣльных посягательствъ⁵. «Я составилъ выписки, продолжаетъ въ своемъ «представленіи» И. Нейманъ, изъ разныхъ указовъ, разпредѣляя ихъ по частямъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ, начиная отъ Уложенія и продолжая до 1769 г.; оставались еще указы отъ 1770 — 1809; изъ сего времени указы токмо девяти годовъ въ Указателѣ напечатаны... Тайн. Сов. Сперанскій принималъ участіе въ успѣхѣ моихъ работъ... благоволилъ мнѣ пользоваться Архивомъ Коммис-

¹ Рукоп., выдѣленная изъ дѣлъ Архива Казан. унив., личное, письмо И. Неймана отъ 30 ноября 1809 г.

² Рукоп., выдѣл. изъ дѣлъ Арх. Каз. унив., Представленіе въ совѣтъ, къ сожалѣнію, безъ даты.

³ Рукоп., выд. изъ дѣлъ Арх. Каз. унив., то же Предст. въ совѣтъ.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., напр., гл. V, отд. II трактуетъ о преступленіяхъ противъ государственной казны и довѣрія.

сіи и... я былъ въ состояніи довести мою работу до сей степени, что нѣсколько дней тому назадъ могъ кончить собраніе всѣхъ матеріаловъ, т. е. до 1809 г. Недостають еще указы 1800... 1807 и 1808 годовъ, которые еще не печатаны и для пополненія коихъ я надѣюсь получить дозволеніе пользоваться здѣшними архивами. Бумаги, содержащія сіи собранія, будутъ представлены Совѣту и сообщены... профессорамъ Фойхту и Финку».

Въ 1813 году И. Нейманъ принимаетъ на себя оффиціальное порученіе составить «учебную книгу» по русскому уголовному праву ¹ и въ 1814 году появляются его «Начальныя основанія уголовного права» ².

Въ послѣднемъ трудѣ мы встрѣчаемся съ общей разработкой принциповъ уголовного права, но далеко не права русскаго. Въ извиненіе несоотвѣтствія, которое замѣчается между предварительными предположеніями И. Неймана и его «Начальными основаніями», можно было бы принять, что онъ хотѣлъ дать въ своей книгѣ только «главныя начала, которыя служатъ основаніемъ уголовнымъ законамъ вообще и должны быть пріемлемы въ уваженіе въ каждомъ положительномъ правѣ» ³ и что исключительнымъ предметомъ его книги являлось «изложеніе сихъ главныхъ понятій и первоначальныхъ положеній» ⁴. Этотъ трудъ И. Неймана не бле-

¹ Біограф. слов. Юрьев. унив., стр. 584. Около этого времени И. Нейманомъ составлена записка: „Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze“, представленная въ началѣ 1814 г. въ Академію наукъ. И. Нейманомъ напечатаны, кромѣ того, оставшіеся отрывками: Principien der Philosophie und Moral, Dorp. 1814 и Principien der Politik, Dorp. 1814.

² Въ томъ же году выходятъ Allgemeine Grundsätze des peinlichen Rechts, aus dem Russischen übersetzt von Fr. v. Essen, herausg. mit A. merkungen

vom Verfasser, Dorp. 1814. Проф. Буличъ говоритъ также о трудѣ И. Неймана Abriss des Russischen peinlichen Rechts, 1 Th., появившемся въ Дерптѣ. Ср. Уч. зак. Каз. унив. 1890, стр. 76. Намъ не удалось видѣть этой книги И. Неймана, да и врядъ ли она представляетъ собой особый трудъ, такъ какъ проф. Буличъ называетъ его переводомъ „Начальныхъ основаній уголовного права“.

³ Ср. И. Нейманъ, Начальныя основанія уголовного права, СІВ. 1814 г., стр. 8.

⁴ И. Нейманъ, Op. cit., стр. 9.

щеть, однако, научными достоинствами, если смотрѣть на него и съ такою общей точки зрѣнія. Въ своихъ «Начальныхъ основаніяхъ» И. Нейманъ избѣгаетъ слова «вмѣщеніе» и не считаетъ нужнымъ замѣнить его другимъ, «ибо оно не необходимо для изложенія общихъ началъ уголовного права или постановленій положительныхъ законовъ и сверхъ того разныя сего слова у разныхъ писателей опредѣленія ведутъ токмо къ смѣшенію понятій»¹. И. Нейманъ не считаетъ, далѣе, нужнымъ дать опредѣленіе или даже вообще какія нибудь указанія по вопросу объ умыслѣ, неосторожности и проч. Въ одномъ—двухъ мѣстахъ онъ говоритъ только о неумышленности, какъ о чемъ-то само собою понятномъ². «Начальныя основанія» И. Неймана были, повидимому, школьнымъ конспектомъ, не отражавшимъ совершенно матеріаловъ, имъ накопленныхъ.

Когда въ 1814 году И. Нейманъ переходитъ снова въ Казань, здѣсь проявляются его работы по созданію благопріятныхъ условій для развитія русскаго правовѣдѣнія, главнымъ образомъ въ формѣ подготовки для этой цѣли соответственныхъ дѣятелей. Изъ школы И. Неймана выходятъ здѣсь Н. Алехинъ и Е. Врангель.

Дѣятельность Н. Алехина³ не была богата результатами. Онъ проходитъ школу И. Неймана уже будучи магистромъ⁴ и въ 1815—1816 годахъ составляетъ подъ его руководствомъ курсъ уголовного права⁵. Гораздо болѣе плодотворна была научная

¹ И. Нейманъ, *Op. cit.*, стр. 23 и слѣд.

² *Ср. Op. cit.* стр. 49 и др.

³ Николай Михайловичъ Алехинъ род. въ 1794. Онъ получаетъ въ 1812 году степень магистра правовѣдѣнія по выдержаніи экзамена и безъ защиты диссертациі. *Ср. Біограф. слов. проф. и препод. И. К. У. 1804—1904, Каз. 1904 г. ч. 2, стр. 5; Н. Загоскинъ, Ист. Каз. ун., т. 2, стр. 38 и 75. Къ магис-*

терскому экзамену Н. Алехинъ былъ допущенъ одновременно съ Е. Врангелемъ, Н. Загоскинъ, *Op. cit.*, стр. 39 и сл. Н. Алехинъ умеръ въ молодыхъ годахъ 4 февр. 1819 г., Н. Загоскинъ, *Op. cit.*, т. 2, стр. 43.

⁴ Біографич. слов. проф. и препод. И. К. У. 1804—1904, Каз. 1904, ч. 2, стр. 52.

⁵ Н. Загоскинъ, *Ист. каз. ун., т. 2, стр. 43.*

дѣятельность проф. Е. Врангеля, слѣдовавшаго за П. Нейманомъ въ его приемахъ работы.

Е. Врангель ¹, въ теченіи ряда лѣтъ читавшій уголовное право въ Казанскомъ университетѣ ², Александровскомъ лицей, Педагогическомъ институтѣ и Спб. университетѣ, сильно повліявшій на умственный складъ нашихъ юристовъ, вполнѣ опредѣляется уже въ періодъ своей казанской дѣятельности. «Подобно... Нейману, нишетъ о чтеніяхъ Е. Врангеля въ Казани проф. Н. Загоскинъ, (онъ).. исходитъ изъ той основной точки зрѣнія, что историческій методъ является единственно цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ созданія теоріи права, вообще, и русскаго права въ частности» ³. Въ основаніе своего курса уголовного права въ Александровскомъ лицей Е. Врангель полагалъ программу, почти совершенно совпадающую съ той, которая въ свое время была предложена въ Казани П. Нейманомъ ⁴. Замѣнивъ проф. Боголюбова въ Пе-

¹ Біограф. свѣд. о немъ см. Біограф. слов. проф. и преподав. И. К. У. 1804—1904, стр. 15—17; Н. Загоскинъ, Ист. Каз. ун., т. 3, 1904, стр. 296; Селезневъ, Историч. очеркъ Имп. бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго лицей, Спб. 1861, стр. 128; 341 и др.; Имп. Спб. унив. въ теченіи первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія, ист. зап., сост. В. Григорьевымъ, стр. 89 и 155; В—ій, Воспоминаніе о баронѣ Е. В. Врангелѣ, Отеч. Зап. 1842, т. 22, Спб. 1842, стр. 53—57; Г. Фельдштейнъ, Гав. Ил. Солнцева, пред. къ Рос. уг. праву, Яр. 1907, стр. XXXV.

Егоръ Васильевичъ Врангель род. въ 1875 г. въ г. Мейделѣ Эстл. губ. Онъ получилъ юрид. образованіе въ университетахъ Іенскомъ, Виттенбергскомъ и Вюрцбургскомъ. Къ 1809 г. онъ опредѣляется изъ Ком. сост. законовъ въ Каз. унив. адъюнктомъ правовѣдѣнія. Въ 1819 г. прекратилась его преподавательская дѣятельность въ Казани въ

виду увольненія его послѣ ревизіи М. Магницкаго. Съ 1820 г. онъ назначается профессоромъ нравственныхъ наукъ Александровскаго лицей, гдѣ оставался до 1837 г. Еще въ 1832 г., оставаясь въ лицей, Е. Врангель занялъ кафедру русскаго государственнаго и публичнаго права въ Педагогическомъ институтѣ и профессора рос. гражд. законовъ въ Спб. университетѣ. Послѣ смерти Е. Врангеля въ 1841 г. остались въ рукописномъ видѣ труды: „Исторія уголовного права“, представленная въ 1811 году попеч. Румовскому, „Теорія судопроизводства Россійской имперіи“ и „О супружествѣ“.

² Ср. о его лекціяхъ Историческая записка о 4 отд. Каз. унив. за 1814—1827 г.г., Каз. 1899. Ср также Catalogus praelectionum in Univ. lit. Caes. Casan., 1814—15, 1815, p. 3.

³ Біограф. слов. проф. И. К. У., ч. 2, стр. 16.

⁴ Ср. Селезневъ, Историческій очеркъ имп. Александровскаго лицей, Спб. 1861, стр. 75, прил.

тербургскомъ университетѣ. Е. Врангель преподавалъ въ немъ, между прочимъ, исторію русскаго права и дѣйствующее уголовное право, матеріальное и процессуальное ¹. О характерѣ его чтеній по уголовному праву мы находимъ указанія въ «Воспоминаніяхъ о бар. Е. В. Врангелѣ», написанныхъ Б—имъ ².

Научныя взгляды Е. Врангеля, пишетъ Б—ій, сводились къ тому, что единственное, истинное основаніе права есть исторія, а слѣдовательно и изученіе права должно быть исключительно основано на историческихъ изслѣдованіяхъ... Вся ученая его дѣятельность, его изустныя лекціи, оставленные имъ записки объ исторіи русскаго права, о государственномъ, гражданскомъ и уголовномъ правахъ, служатъ тому самымъ вѣрнымъ и сильнымъ доказательствомъ: философская часть его лекцій ограничивается весьма немногими, но ясными и опредѣлительными понятіями объ основаніяхъ гражданского устройства. Вообще, баронъ Е. Врангель принадлежитъ къ числу ревностнѣйшихъ послѣдователей историко-юридической школы въ Россіи» ³. «Историческое направленіе работъ Комиссіи (составленія) законовъ, замѣчаетъ Б—ій, могло способствовать къ большому утвержденію въ баронѣ Е. Врангелѣ историческаго взгляда на право и правовѣдѣніе» ⁴. Въ результатѣ академическихъ трудовъ Е. Врангеля по уголовному праву, сохранился рукописный курсъ лекцій ⁵, которымъ, однако, намъ не удалось воспользоваться.

Но ни Н. Алехинъ, ни Е. Врангель не сдѣлали столько для осуществленія идей И. Неймана, какъ его послѣдователи и ученики въ Дерптѣ.

Въ 1818 году И. Нейманъ переходитъ въ Дерптъ на кафедру лифляндскаго права и въ 1826 году занимаетъ кафедру теоретическаго и практическаго русскаго правовѣ-

¹ В. Григорьевъ, Имп. Спб. унив въ теч. перв. 50-ти лѣтъ его сущест., стр. 89.

² Б—ій, Воспоминаніе о баронѣ Е. В. Врангелѣ, Отеч. Зап. 1842, т. 22, стр. 53 и слѣд.

³ Б—ій, Воспоминаніе, стр. 54.

⁴ Б—ій, Ор. cit. стр. 55.

⁵ Ср. Б—ій, Ор. cit., стр. 54 и сл.

Ср. также Н. Таганцевъ, Русское угол. право, т. 1, 1902, стр. 31.

дѣнія, возникающую въ 1820 году ¹. Здѣсь онъ окружаетъ себя группой слушателей, интересовавшихся русскимъ правомъ. Подъ его руководствомъ ими дѣлаются выписки изъ указовъ разнаго времени, создается группа лицъ основательно изучающихъ русскій языкъ ² и применяющихъ приобретенныя знанія для истолкованій памятниковъ русскаго законодательства ³.

Съ 1825 года И. Нейманъ готовится къ печати обширный трудъ по исторіи русскаго права, котораго, однако, по цѣлому ряду обстоятельствъ ему не удалось довести до конца ⁴.

Непосредственнымъ преемникомъ работъ И. Неймана выступилъ его ближайшій ученикъ и послѣдователь А. ф. Рейцъ, занимавшій въ эпоху 1825—1840 г.г. кафедру теоретическаго и практическаго русскаго правовѣдѣнія въ Дерптскомъ университетѣ и развившій свои изслѣдованія по исторіи русскаго права не безъ вліянія И. Ф. Г. Эверса, автора труда «Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung», Dorp. 1826. По согласному мнѣнію нашихъ историковъ права, А. Рейцъ сдѣлалъ весьма цѣнную попытку научнаго изученія нашего ста-

¹ Биограф. слов. проф. и преп. Юрьевского унив., стр. 584.

² И. Нейманъ настаиваетъ на необходимости знанія русскаго языка для своихъ слушателей, ср. Имп Юрьевскій, бывшій Дерптскій унив. за сто лѣтъ его существованія (1802—1902), историч. очеркъ Е. Пѣтухова, Юр., 1902, стр. 238 и сл., стр. 243 и сл. См. о полемикѣ И. Неймана по этому вопросу, Op. cit., стр. 241 и сл.

³ Э. Андерсъ, одинъ изъ слушателей И. Неймана пишетъ о его преподаваніи: „er... war... der gründliche Kenner besonders des älteren russischen Rechts und beschäftigte sich so eingehend und vergleichend mit dem älteren slavischen Rechte, dass er auch seine

Zuhörer mit Schaffariks slavonischer Grammatik bekannt zu machen suchte, damit sie die älteren russischen Rechtsquellen verstehen können“, Baltische Monatschrift, B. 39, 1892, S. 220, цит. по Е. Пѣтухову, Op. cit., стр. 243 и сл., примѣч.

⁴ Ср. статью М. Дьяконова въ Биографич. слов. проф. и препод. Юрьевского универс., т. 1, стр. 585.

Еще въ 1824 году И. Нейманомъ выработанъ планъ для составленія подробной исторіи русскаго права, оставшійся въ рукописи, а позднѣе выпущенъ трудъ Entwicklung des Russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda, Dorp., 1830.

раго права ¹, получившую дальнѣйшее развитіе у его преемника Эв. Сигизм. Тобица (1844—1860) ².

А. ф. Рейцъ, сдѣлавшій много, въ частности, и для исторіи русскаго уголовного права, былъ намѣченъ И. Нейманомъ въ 1820 г. для преподаванія русскаго уголовного права ³. Трудъ его «*Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats—und Rechtsverfassung*», Mit., 1829, переведенный съ нѣкоторыми сокращеніями проф. О. Морозкинымъ ⁴, составилъ эпоху и въ обработкѣ исторіи русскаго уголовного права. Обнимая собой процессъ развитія нашего уголовного законодательства до времени Уложенія 1649 г. включительно, А. Рейцъ глубоко использовалъ все имѣвшіеся до этого времени матеріалы и оцѣнилъ развитіе уголовного законодательства въ связи съ ростомъ постепенно измѣнявшагося общественнаго и политическаго быта.

Мы уже указали, что «*Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats—und Rechtsverfassung*» сталъ возможнымъ, благодаря вліянію на А. Рейца не только И. Неймана, но и И. Ф. Г. Эверса.

Профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ съ

¹ Ср. Н. Загоскинъ, Исторія права русскаго народа, т. 1, Каз. 1899, стр. 88 и слѣд., замѣчаетъ, что основной трудъ А. Рейца не утратилъ „даже... для нашихъ дней... своего значенія, а еще сравнительно недалеко то время, когда его книга являлась единственнымъ руководствомъ для систематическаго ознакомленія съ нашимъ до-Петровскимъ правомъ“, Ор. cit., стр. 91, ср. также стр. 85. М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 4-е, Кіевъ, 1905, стр. 6, называетъ трудъ А. Рейца *Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats—und Rechtsverfassung* первымъ опытомъ „полнаго и систематическаго курса исторіи русскаго права, написаннымъ подъ вліяніемъ выводовъ Эверса“.

² Повидимому безслѣдной для разработки русскаго права прошла дѣятельность бар. Унгериъ-Штериберга, род. въ 1808 г., въ 1829—1830 г. закончившаго юридическое образованіе въ Гейдельбергѣ и преподававшего въ Дерптѣ до 1839 года нѣкоторые отдѣлы русскаго уголовного права и судопроизводства подъ руководствомъ А. Рейца. Унгериъ-Штерибергомъ написанъ, между прочимъ, *pro venia legendi* въ 1835 г. трудъ „*De summi supplicii justitia et necessitate*“.

³ Ср. Біограф. слов. проф. и преп. Юрьев. унив., т. 1, Юр. 1902, стр. 585. А. ф. Рейцъ род. 1799 († 1862).

⁴ Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. проф. А. Рейца, пер. съ нѣм., изд. О. Морозкинъ. М. 1836.

1810 года и юристъ въ то же время, И. Эверсъ представляетъ интересъ, какъ ученый, подвергшій критическому изслѣдованію памятники древняго русскаго права и убѣжденный сторонникъ историческаго изученія правовѣдѣнія¹. Ограничиваясь въ своемъ трудѣ «Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung dargestellt», Dorp. 1826², древнѣйшей эпохой, И. Эверсъ не могъ создать произведенія, имѣющаго значеніе для содѣйствія историко-догматическимъ работамъ, обнимающимъ болѣе поздніе моменты въ исторіи нашего права. И. Эверсу удалось, однако, отѣнить въ своей работѣ значеніе постепенныхъ смѣнъ общественнаго уклада для тѣхъ формъ, въ которыя отливало наше право.

Вліяніе изслѣдованій И. Неймана, И. Эверса и А. Рейца очень скоро отразилось на введеніи данныхъ исторіи русскаго уголовного права въ труды, посвященные разнообразнымъ криминалистическимъ проблеммамъ³.

Въ той же школѣ Дерптскаго университета зарождается попытка собранія разнаго рода матеріаловъ новѣйшаго періода изъ области законодательствъ русскаго и иностраннаго для содѣйствія догматическимъ работамъ по русскому праву.

Въ этомъ направленіи можетъ быть отмѣчена попытка, сдѣланная И. О. Беллингсгаузенемъ⁴ въ издававшемся имъ въ 1812 г.

¹ О значеніи „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованій по русской исторіи“, 1814, и „Исторіи Руссовъ“ И. Эверса въ отношеніи къ исторіи русскаго права ср. Н. Загоскинъ, Исторія права русскаго народа, Каз. 1899, т. 1, стр. 86. Ср. оцѣнку значенія „Kritische vorarbeiten zur Geschichte der Russen, Dorp. 1814 И. Эверса и его труда „Vom Ursprunge des russischen Staats, Riga und Leipz. 1805, О. Тарановскій, Норманская теорія въ исторіи русскаго права, Варш. 1909, стр. 5 и слѣд.

² Переводъ этого труда появляется въ 1835 г. подъ заглавіемъ „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“, соч. І. Ф. Г.

Эверса, Спб. 1835, пер. И. Платонова.

³ Ср. E. G. a Broecker, Maleficus ob fugam e carcere graviter puniendus est, Regiomonti, б. ч. отдѣлъ Russica legum latio, p. 44—51, гдѣ мы встрѣчаемся съ анализомъ постановленій русскаго законодательства на основаніи Русской правды, Судебниковъ, Уложенія, указовъ временъ Петра Вел. и проч.

⁴ Біографическія данныя о И. О. Беллингсгаузенѣ, род. въ 1760 и † 1820 г., бывшемъ однимъ изъ редакторовъ Комиссіи составленія законовъ, ср. Я. Лудмеръ, Княжескія, графскія и баронскія фамиліи прибалтійскихъ губерній, Мит. 1902, вып. 1, стр. 53.

«Журналъ правовѣдѣнія». Имъ былъ предпринятъ, между прочимъ, «переводъ разныхъ статей Тосканскаго уголовного устава съ объяснительными примѣчаніями и сводомъ съ російскими законами»¹ и предполагалось, кромѣ того, вообще печатаніе «историко-юридическихъ изслѣдованій», «выписокъ изъ достопамятнѣйшихъ старыхъ и новыхъ законовъ и постановленій» въ сопоставленіи съ «основаніями російскаго права»² и изложеніе судебныхъ казусовъ «съ примѣненіемъ оныхъ къ російскимъ законамъ»³.

Если мы могли констатировать, что исторія русскаго уголовного права укореняется въ Россіи на научныхъ началахъ, благодаря усиліямъ нѣмецкихъ ученыхъ и, въ частности, школы И. Неймана, то нельзя въ то же время игнорировать, что послѣдующимъ развитіемъ русская историческая литература уголовного права обязана отчасти и славянскимъ вліяніямъ. Нѣкоторые представители польской литературы, воспользовавшись уроками исторической школы въ Германіи, оказали на позднѣйшихъ русскихъ изслѣдователей несомнѣнное воздѣйствіе путемъ созданія ряда трудовъ общепризнаннаго значенія.

На почвѣ культивируемаго ими сравнительнаго изученія славянскаго права, польскіе историки-юристы не только даютъ непосредственно для области русскаго уголовного права такіе труды, какъ работы I. Rakowiecki «Prawda Ruska» (2 т.т. 1820 и 1822) и позднѣе трудъ W. Maciejowski, *Historya prawodawstw slowianskich* (4 т. т. 1832—35)⁴, но и косвенно оказываютъ свое вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей научной литературы.

Непосредственно труды исторической школы польскихъ юрис-

¹ Журналъ правовѣдѣнія, изд. И. Беллингегаузенемъ, ч. I, Спб. 1812, стр. 86—114.

² Журналъ правовѣдѣнія, 1812, стр. 190 и слѣд.

³ Журналъ правовѣдѣнія, 1812, стр. 191.

⁴ Ср. о значеніи научной разработки славянскаго и въ особенности чеш-

скаго права польскими историками-юристами К. Кадлецъ, Библиографія исторіи чешскаго права, Юрид. библиогр., изд. Д. Ю. Л., № 4 (9), 1909, стр. 188 и слѣд., а изъ болѣе старыхъ работъ Н. Загоскинъ, Исторія права русскаго народа, т. 1, Каз. 1899, стр. 99 и слѣд.

товъ отражаются на ученой дѣятельности того русскаго университета, который былъ всего болѣе подверженъ польскимъ вліяніямъ, т. е. Виленскаго. Хотя именно въ этомъ университетѣ въ началѣ XIX в. находилось, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ упадкѣ нравственно-политическое отдѣленіе ¹, но онъ далъ тѣмъ не менѣе Россіи нѣсколько позднѣе значительныхъ историковъ права въ лицѣ И. Даниловича, читавшаго въ Харьковѣ, Кіевѣ и, наконецъ, Москвѣ, и проф. Московс. унив. А. С. Коровецкаго, внесшаго свою лепту въ разработку исторіи русскаго уголовного права послѣ того, какъ онъ занималъ сравнительно долгое время въ Виленскомъ университетѣ «каѳедру россійскаго гражданскаго и уголовного права и теоріи гражданскаго и уголовного судопроизводства».

Какъ живая часть того общества, изъ котораго выходитъ трудъ И. Коровецкаго въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX в., А. Коровецкій ² работаетъ въ области исторіи русскаго уголовного права. Онъ пишетъ, большей частью, на польскомъ языкѣ и именно на немъ создалъ извѣстный трудъ свой по исторіи русскаго уголовного процесса: «Process kryminalny Rossyyski». Но въ то же время А. Коровецкій непосредственно содѣйствуетъ успѣху русской науки, приближая къ разрѣшенію вопросы обработки русскаго положительнаго права.

¹ Ср. по этому вопросу Вит. Шулгинъ, Исторія унив. св. Владиміра. Спб. 1860, стр. 17 и слѣд., и противорѣчающія его утвержденія данныя въ Рѣчи Ив. Снядецакаго 12 марта 1807 г., Періодич. соч. о усп. народн. просв., № 17, Спб. 1807, стр. 161 и сл.

² Ср. біографическія данныя объ А. Коровецкомъ въ Біографическомъ словарѣ проф. и препод. И. М. У. ч. 1, 1855, стр. 429 и сл.

Александръ Сикстовичъ Коровецкій (Коровицкій) родился въ 1797 г., былъ воспитанникомъ Виленскаго университета, въ 1821 г. становится

магистромъ, съ 1822 г. преподаетъ судопроизводство, а съ 1824 г. Россійское право. Въ 1833 г. съ упраздненіемъ Виленскаго университета, онъ переходитъ членомъ комитета при II отд. с. Е. В. канц. для ревизіи Свода законовъ западныхъ губерній и Комиссіи составленія законовъ царства Польскаго, принимаетъ въ ихъ трудахъ видное участіе, а въ 1841 году опредѣляется въ Москов. унив. по каѳ. уголовныхъ и административныхъ законовъ, гдѣ читаетъ, главнымъ образомъ, исторію законовъ Царства польскаго, уголовное право и проч., „по собственнымъ тетрадямъ“.

Въ 1828 году Виленскій университетъ объявляетъ конкурсъ на кафедру русскаго права, условіемъ занятія которой ставить представленіе на русскомъ языкѣ «разсужденія, въ которомъ (авторъ), изложивъ источники россійской гражданской и уголовной юриспруденціи, изобразить и критически разсмотритъ ученія сочиненія въ сихъ... отрасляхъ отечественнаго законодательства, указывая вмѣстѣ лучшую систему, которою въ преподаваніи сихъ двухъ предметовъ руководствоваться намѣренъ»¹.

На этотъ призывъ отвѣтилъ своимъ «Историческимъ обзорѣніемъ россійскаго гражданского и уголовного права»² А. Коровецкій, преподававшій уже нѣкоторое время русское право³ въ Виленскомъ университетѣ.

А. Коровецкій весьма вѣроятно положилъ въ основаніе своего «Историческаго обзорѣнія» тѣ начала, которыми руководствовался и раньше въ своемъ преподаваніи. Онъ стоитъ на почвѣ историко-догматическаго изученія права, прочно укоренившагося въ это время среди польскихъ юристовъ. «Знаніе законовъ, ихъ успѣховъ и измѣненій въ разныя времена, пишетъ А. Коровецкій, не только полезно, но и необходимо; ибо доставляетъ опытами пріобрѣтенные предметы для просвѣщеннаго законовѣдца и философа»⁴. «Въ безпрестанной перемѣнѣ нуждъ, мнѣній и обычаевъ народа... наука права сдѣлалась историческою... Исторія объясняетъ причины, по которымъ приняты разныя основанія, и, сверхъ того, открывая глазамъ нашимъ дѣйствія силы, одушевляющей всякія установленія, поставляетъ насъ въ возможность судить о пользѣ ихъ, и даетъ намъ средства предвидѣть цѣль грядущихъ измѣненій и преобразованій. Времена протекшія приготовили для мыс-

¹ Программа на кафедре Рос- сійскаго, гражданского и уголовного права и теоріи гражданского и уголовного судопроизводства, Вѣстн. Евр. 1828, окт., № 20, стр. 316 и сл.

² А. Коровецкій, Историческое обзорѣніе, россійскаго гражданского и уголовного права, Сынъ отеч. и Сѣв. арх., т. 8, Сынъ отеч. ч. 130, Сѣв. арх.

44, Спб. 1829, № 48, стр. 32—108. Ср. о назнач. этого труда слова А. Коровецкаго на стр. 82.

³ По словамъ А. Коровецкаго, онъ въ то время уже „около семи лѣтъ“ преподавалъ въ Виленскомъ университетѣ русское право, *Op cit.*, стр. 108.

⁴ Историческое обзорѣніе, стр. 85.

лящаго законовѣдца избыточные материалы, способствующие къ составленію науки законоположенія, философическихъ замѣчаній и полезныхъ заключеній»¹. Примѣняя приемы исторической школы къ изученію русскаго права, А. Коровецкій видитъ въ историческомъ изслѣдованіи русскаго права «руководство къ изученію духа и цѣли существующихъ узаконеній»². На пути осуществленія задачъ историческаго изученія приходится трактовать право «по догматическому, историческому и аналитическому или эксегетическому видамъ... Догматика имѣетъ въ виду обзорѣніе учрежденій и систематическое изложеніе оныхъ; исторія... объясняетъ древніе законы и политическія ихъ перемѣны; эксегетика, наконецъ, обнаруживаютъ смыслъ и духъ уставовъ... Она не только служитъ основаніемъ догматикѣ и исторіи, но и вообще всякій способъ изложенія есть эксегетическій болѣе или менѣе...»³.

Въ приѣмахъ изслѣдованія права, считаемыхъ А. Коровецкимъ рациональными, мы имѣемъ такимъ образомъ попытку направить юриста на истолкованіе памятниковъ законодательства въ видахъ открытія въ нихъ духа права извѣстнаго народа, попутно выяснить законы роста институтовъ права и, исходя изъ причинъ смѣны ихъ и самаго духа ихъ, подойти къ вопросу о созданіи права, наилучшимъ образомъ удовлетворяющаго реальнымъ нуждамъ и потребностямъ даннаго историческаго момента. Въ этомъ ученіи нельзя не видѣть попытки перенесенія на русскую почву ученій исторической школы въ Германіи.

Но наряду съ теченіями въ исторической разработкѣ русскаго уголовнаго права, проводниками которой являются, съ одной стороны, дерптская школа И. Неймана и, съ другой, западно-славянскіе юристы, отражавшіе ученія исторической школы въ Германіи, мы можемъ наблюдать какъ русскіе криминалисты-историки руководствуются и традиціями историческаго изученія права, восходящими еще къ концу XVIII в. и унаслѣдованными отъ А. Полѣнова и въ особенности С. Десницкаго. Съ проведе-

¹ Историческое обзорѣніе, стр. 87, 88.

² Историческое обзорѣніе, стр. 89. | и сл.

³ Историческое обзорѣніе, стр. 107

ніемъ въ разработку русскаго права именно этого теченія мы встрѣчаемся въ трудахъ И. Ѳ. Тимковскаго и К. Ф. Михаловскаго.

И. Тимковскій, профессоръ россійскаго законовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ съ 1803 г.¹, занимая кафедру «гражданскаго и уголовного судопроизводства», раздѣлялъ фактически эти предметы и читалъ уголовное право въ качествѣ самостоятельной дисциплины².

Къ сожалѣнію, труды И. Тимковскаго въ этомъ направленіи не могутъ быть приведены въ полную извѣстность и о характерѣ его ученій приходится дѣлать болѣе или менѣе достовѣрныя предположенія. То, однако, немногое, что о нихъ извѣстно, придаетъ имъ вполнѣ опредѣленную окраску, позволяющую говорить о И. Тимковскомъ, какъ ученомъ, стремившемся руководствоваться завѣтами первыхъ русскихъ догматиковъ историко-сравнительнаго направленія и, прежде всего, С. Десницкаго.

Илья Федоровичъ Тимковскій получилъ, по своему времени, блестящее общее образованіе³. Родившись въ Переяславлѣ въ семьѣ военнаго и получивъ домашнее воспитаніе, И. Тимковскій учился въ Переяславской семинаріи, ректоромъ которой состоялъ извѣстный своими обширными познаніями Варлаамъ Шишацкій, въ Кіевской духовной академіи и Московскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ онъ увлекся юриспруденціей. «Я налегъ болѣе, пишетъ о себѣ И. Тимковскій, на... римское право, сог-

¹ Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., X. 1893—1898, т. 1, стр. 520; Периодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія № 1, Спб. 1803, стр. 68.

² Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 154 и слѣд.

³ Біографическія свѣдѣнія о И. Тимковскомъ см. въ оставленныхъ имъ мемуарахъ, „Мое опредѣленіе на службу“ Москвит., 1852, № 17, стр. 1—26; № 18, 27—50; № 20, стр. 51—69, 1850; Н. Шугуровъ, Илья Федоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени, Кіевская стар., 1891, авг.,

сент., окт.; Рукописный трудъ проф. Харьк. унив. А. Рославскаго-Петровскаго, открытый хранителемъ Историч. архива И. Х. У. Е. Ивановымъ, л. 103; Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 519 и др.; т. 2, X. 1904, стр. 364 и др.; Е. Ивановъ, статья о И. Тимковскомъ въ Біографич. слов. проф. и преп., Юрид. факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія, X. 1908, стр. 185—191; Л. Загурскій, Опытъ исторіи юридич. фак. И. Х. У., стр. 8, 11 и др.

pus juris civilis и въ немъ пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно; изъ нашихъ законовъ, сравнительное право, и дѣйствительно эту мысль я обработалъ послѣ въ опытѣ систематическаго свода законовъ, за который въ августѣ 1802 г. пожалованъ царскою наградою»¹. Объ этомъ трудѣ извѣстно, что онъ былъ отпращенъ въ Комиссію составленія законовъ². Проф. А. Рославскій-Петровскій сообщаетъ о И. Тимковскомъ, что онъ «обучался россійскому законовѣдѣнію въ юнкерскомъ институтѣ» непосредственно до назначенія его въ Харьковъ въ 1803 г.³. Проф. Д. Багалѣй и Е. Ивановъ приводятъ, напротивъ, о немъ свѣдѣнія, что въ 1797 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ Сенатскій юнкерскій институтъ, гдѣ читалъ россійское законовѣдѣніе⁴. Въ томъ же трудѣ проф. А. Рославскій-Петровскій сообщаетъ о И. Тимковскомъ, что въ 1805 году онъ получилъ отъ Московскаго университета степень доктора правъ⁵.

Какъ мы уже сказали, точныхъ свѣдѣній о характерѣ преподаванія И. Тимковскимъ уголовного права не сохранилось. Въ одномъ изъ трудовъ проф. А. Рославскаго-Петровскаго⁶ мы находимъ указаніе, что И. Тимковскій преподавалъ своимъ слушателямъ «право гражданское и уголовное... вмѣстѣ съ исторіей

¹ И. Тимковскій, Мое опредѣленіе на службу, стр. 36. И. Тимковскій во время своего пребыванія въ Москвѣ интересовался римскимъ правомъ и былъ близокъ къ проф. Т. Баузе. И. Тимковскій пишетъ о послѣднемъ, что онъ „съ охотою антикварія обратилъ мое вниманіе въ обширности на ingenium practicum et applicativum“, Ор. cit., стр. 41 и сл.

² И. Тимковскій, Ор. cit., стр. 36. Ср. о трудѣ И. Тимковскаго „Систематическое расположеніе существующихъ до нынѣ въ Россіи законовъ“ Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № 1, Спб. 1803, стр. 68 и сл. Е. Ивановъ, Ор. cit., стр. 186, говоритъ о напечатаніи этого труда И. Тимковскимъ въ 1802 г.

Послѣднее представляется сомнительнымъ.

³ Рукоп. трудъ проф. А. Рославскаго-Петровскаго, л. 103.

⁴ Д. Багалѣй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 520; Е. Ивановъ, Ор. cit., стр. 186.

⁵ Рукоп. трудъ проф. А. Рославскаго-Петровскаго, л. 103. Всестороннюю оцѣнку И. Тимковскаго, какъ общественаго дѣятеля и педагога, см. Д. Багалѣй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 121 и сл., 187, 520, 541, 653 и др.

⁶ А. Рославскій-Петровскій, Объ ученой дѣятельности И. Х. У. въ первое десятилѣтіе его существованія, Ж. М. Н. Пр., ч. 87, Спб. 1855, отд. 5, стр. 12.

онаго». Это подтверждается и другими данными и вряд ли вообще можно сомнѣваться въ томъ, что исторія права была составной частью его курса ¹. Какъ понималась И. Тимковскимъ исторія права выясняется отчасти изъ оставленныхъ имъ трудовъ общаго характера и по русскому гражданскому праву.

Въ рѣчи «О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства» ² мы находимъ у И. Тимковскаго указанія на тѣсную связь законовъ съ условіями племенными и общественными. «Хотя положительныя основанія гражданскихъ законовъ весьма сходны между собою у всѣхъ народовъ, пишетъ И. Тимковскій, но въ соединенныхъ съ ними тѣснѣйшею взаимностью законахъ уголовныхъ, органическихъ и хозяйственныхъ всегда сильныя находятся разности; и чѣмъ менѣе сходства между народами, въ ихъ существенныхъ качествахъ, въ степеняхъ и родѣ промышленности и образованія; тѣмъ большее разстояніе законы ихъ раздѣляетъ.— Согласимся, что въ исправленіи и перемѣнахъ законовъ весьма благоразумно пользоваться опытностью и трудами законодательства другихъ державъ, весьма полезны предварительныя свѣденія въ ихъ правахъ» ³. Но еще болѣе отчетливо проводитъ И. Тимковскій мысль о необходимости сравнительно-историческаго изученія права въ духѣ С. Десницкаго, въ своемъ трудѣ «О помѣстьяхъ» ⁴. Въ главѣ «Начало помѣстнаго права въ Россіи» ⁵ И. Тимковскій пополняетъ неясныя свѣдѣнія о помѣстномъ правѣ въ Россіи данными изъ западно-европейской исторіи права⁶, а самое развитіе и исчезновеніе помѣстнаго права старается поставить въ

¹ Л. Загурскій, Опытъ исторіи юридич. факультета И. Х. У. (втор. доп. полв.) X. 1907, Зап. И. Х. У. 1906 г., X. 1907, кв. 3 - 4, стр. 5 и сл. Эти свѣдѣнія относятся къ 1806 г. Подъ 1807 г. мы читаемъ опять о „*historia juris et fori Rossici antiqui et recentioris*“ и „*systema illius juris ad principia legislationis applicatum*“...“ Только подъ 1809 г. мы видимъ „*jus Rossicum, quod hodie viget... secundum propria scripta*“.

² Рѣчи, говорен. въ торж. год. собр. И. Х. У., быв. 17 генв. 1808 г., стр. 3—28.

³ И. Тимковскій, О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства, стр. 22.

⁴ Рѣчи, говор. въ торж. собр. И. Х. У., быв. 30 іюня 1810 г., X. 1811.

⁵ Рѣчи, говор.... 30 іюня 1810 г., стр. 7 и сл.

⁶ Op. cit., стр. 10 и сл.

связь съ экономическими и вообще соціальными условіями быта русскаго народа ¹.

На почву историко-сравнительнаго изученія становится и другой преподаватель уголовного права въ Харьковскомъ университетѣ. питомецъ Москвы, К. Ф. Михаловскій². Въ его ученіяхъ чувствуется, въ свою очередь, вліяніе школы С. Десницкаго. Въ то время какъ И. Тимковскій выдвигаетъ въ своихъ историческихъ трудахъ смѣну институтовъ права у разныхъ народовъ въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій соціального характера, К. Михаловскій прибѣгаетъ къ сравненію различныхъ законодательствъ съ русскимъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Въ сопоставленіи германскаго и римскаго права съ русскимъ онъ видитъ лучшей путь къ изученію источниковъ русскаго права, но, кромѣ того, и способъ уяснить отдѣльные институты во всей ихъ полнотѣ.

Освѣщая съ исторической точки зрѣнія постановленія русскаго уголовного права, К. Михаловскій старается, прежде всего, разобраться въ тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми они сложились. Онъ склоняется къ мысли, что уголовные законы заимствованы славянами отъ германцевъ въ результатѣ сожителства съ ними на берегахъ Балтійскаго моря, а законы гражданскіе отъ римлянъ при помощи византійскаго вліянія. Послѣ оцѣнки разнаго рода соображеній о заимствованіи уголовно-правовыхъ постановленій Русской правды у народовъ германскаго племени, К. Ми-

¹ Ор. cit., стр. 53 и др. И. Тимковскому принадлежитъ, по словамъ его біографовъ, также трудъ „Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ російскими“, написанный въ 1809 г. Ср. Е. Ивановъ, Ор. cit., стр. 191.

² Біографическія свѣдѣнія о К. Ф. Михаловскомъ ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2, стр. 497, 587, 708; Краткій очеркъ ист. Харьк. унив. за перв. столѣтіе его существа (1805—1905), сост. профессорами Д. Багалъемъ, П. Сумцовымъ, В. Бузескуломъ, X. 1906,

стр. 63; Б. Поповъ, статья о К. Михаловскомъ въ Біографич. слов. проф. и препод., Юридическій факультетъ Харьк. унив., X. 1908, стр. 191—193.

Капитонъ Филипповичъ Михаловскій родился въ 1789 г. Воспитанникъ Московской академической гимназіи онъ въ 1808 г. поступаетъ въ Московскій университетъ. Въ 1819 г. К. Михаловскій становится магистромъ, а въ 1821 г. адъюнктомъ Харьковскаго университета по кафедрѣ гражданскаго и уголовного судопроизводства. К. Михаловскій скончался въ 1823 году.

халовскій, напр., замѣчаетъ: «нынѣ весьма справедливо удосто-
вѣрилось, что подѣ именемъ Вандаловъ надлежитъ разумѣть Ве-
недовъ, Славянъ балтійскихъ, жившихъ въ сосѣдствѣ со Сканди-
навами и Готами... и... что уголовные законы, содержащіеся въ
Ярославовой Русской правдѣ, заимствованы изъ древле Герман-
скихъ, или Готскихъ законовъ»...¹.

Уголовно-правовыя опредѣленія нашихъ старыхъ памятни-
ковъ законодательства К. Михаловскій считаетъ необходимымъ
истолковывать въ сопоставленіи съ варварскими правдами, напр.
Lex salica, и систематизируетъ изложеніе по такимъ рубрикамъ,
какъ: «смертоубійство», «увѣчье и раны», «воровство», «утайка»
и проч.².

Какъ ни скромны попытки И. Тимковскаго и К. Михалов-
скаго въ смыслѣ развитія завѣтовъ С. Десницкаго, но они пред-
ставляютъ несомнѣнный интересъ, какъ данныя, позволяющія го-
ворить объ извѣстной преемственности въ научныхъ методахъ раз-
работки русскаго права и идейномъ вліяніи С. Десницкаго на на-
шихъ послѣдующихъ юристовъ.

III.

Представители философскаго направленія въ наукѣ уго- ловнаго права.

Оттѣнки философской разработки уголовного права въ русской научной литера-
турѣ. — А. Естественно-правовыя конструкціи, черпающія свои послышки въ ра-
зумъ и его логическихъ заключеній. — В. Уголовно-правовыя ученія, опираю-
щіяся на естественно-правовую доктрину, стремящуюся къ преобразованію обще-
ственныхъ отношеній. — С. Сторонники психологическаго обоснованія уголовного
права. — D. Эклектическія построенія.

Оттѣнки философской разработки уголовного права въ русской научной литературѣ.

Чистыя естественно-правовыя конструкціи. — Преобразование доктрины естествен-
наго права въ соотвѣтствіи съ требованіями опредѣленныхъ гарантій для пре-

¹ К. Михаловскій, Рѣчь о началѣ и происхожденіи русскаго законодатель-
ства, въ „Рѣчахъ, произн. въ торж. собр. И. Х. У. 30 авг. 1823 г., X. | 1823, стр. 21, 22, 24.
² К. Михаловскій, Op. cit., стр. 19 | и др.

ступника и общества.— Уголовно-правовыя теоріи, углубленныя на психологической основѣ.— Естественно-правовыя ученія, ищущія опоры въ положительномъ правѣ и началахъ смѣшаннаго характера.

Силою обстоятельствъ была поставлена на очередь въ русской криминалистической литературѣ начала XIX в. обработка положительнаго права, и наличныя силы отвѣтили, хуже или лучше, на задачу момента. Но одновременно, не изсякла вѣра въ возможность полученія цѣлесообразныхъ директивъ для уголовного законодателя, практика и учителя права изъ указаній чистаго разума въ смыслѣ системы выводовъ, постулируемыхъ логически-оперирующей мыслью человѣка. Ученія эти, въ чистомъ своемъ видѣ, скоро теряютъ почву подъ ногами и вытѣсняются изъ научнаго оборота, чтобы уступить мѣсто болѣе положительно обоснованнымъ доктринамъ.

Аналогичное движеніе наблюдается и въ ходѣ развитія западной науки. Попытка отождествить общія уголовно-правовыя ученія естественнаго права, подсказанныя чистымъ разумомъ, съ дѣйствительными началами уголовного законодательства подвергается на западѣ крушенію по цѣлому ряду причинъ. Противъ теоретическихъ измышленій возникаетъ, прежде всего, реакція на почвѣ реальныхъ требованій, предъявляемыхъ политическими мыслителями, стремящимися къ преобразованію общественныхъ отношеній. Пересмотръ уголовно-правовыхъ ученій въ духъ приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ индивидуальной и общественно-политической цѣлесообразностью вызываетъ къ жизни рядъ положеній, которыя вносятся въ качествѣ поправокъ къ абстрактнымъ формамъ рефлексіи учителей естественнаго права и находятъ свое наиболѣе яркое проявленіе въ уголовно-правовыхъ ученіяхъ такихъ политическихъ писателей, какъ Беккарія, Филанжіери, Дидро, Вольтеръ и др.

Но обобщенія, данныя въ этой области, были, если и не односторонними, то во всякомъ случаѣ не достаточно углубленными. Они являлись боевыми отвѣтами на задачи момента, при формулированіи которыхъ забывали внимательно считаться съ рядомъ

особенностей и самой личности, и того исторического фона, на которомъ она выступала, какъ реальная величина. Эти особенности какъ бы приносились въ жертву или, вѣрнѣе, исчезали съ поля зрѣнія, въ видахъ достиженія главной цѣли, имѣвшейся въ виду. Подъ вліяніемъ большаго углубленія въ самое существо проблемы, которую предстояло разрѣшить криминалистамъ, должны были появиться попытки новой постановки цѣлаго ряда вопросовъ въ результатѣ болѣе детальнаго анализа психологій личности и историческаго фона дѣйствій индивида. Движеніе въ эту сторону сказалося въ формѣ болѣе полнаго использованія данныхъ личной психологій, какъ основанія для пересмотра уголовно-правовыхъ ученій, подсказанныхъ, прежде всего, если не исключительно, общественно-политическими соображеніями.

Въ литературѣ западно-европейской такой поворотъ криминалистической мысли сказалося весьма реально въ движеніи, родоначальникомъ котораго былъ отчасти Хр. Штельцеръ, но главнымъ выразителемъ и безспорнымъ главою А. Фейербахъ. Если первый далъ новыя конструкціи формъ виновности въ уголовномъ правѣ на почвѣ анализа индивидуальной психологій, то А. Фейербахъ выставилъ такіа рѣшенія проблемы вмѣняемости и наказанія, которыя вполне удовлетворяли запросы научной мысли въ области преступленія и наказанія и находились на уровнѣ современныхъ выводовъ психологій. Успѣхъ ученій А. Фейербаха былъ всецѣло обусловленъ глубиной изученія психическихъ особенностей личности, для которой предназначались уголовно-правовые запреты и приказы, возможностью вывести отдѣльные институты уголовного права изъ одного принципа и той изящной формой, въ которую ему удалось облечь свои ученія.

Привычность, руководящая поступками людей въ частной и общественной жизни, и извѣстный родъ историзма, дѣлающій невозможнымъ для человѣка вступленіе безъ раздумья и борьбы на путь новшествъ, всегда приводили къ тому, что всякая новая доктрина только тогда могла укорениться, когда она соответствовала въ нѣкоторой степени сложившемуся строю привычекъ и право-

вому укладу, реально существовавшему. Это положение было всегда угрозой для смѣлыхъ новаторскихъ попытокъ. Таковой именно попыткой въ области уголовного права являлись въ значительной мѣрѣ тѣ направленія въ естественно-правовой литературѣ, которыя внесла въ нее политическая школа и, въ частности, Беккарія. При такомъ положеніи можно было ожидать, что дѣло не ограничится частичной поправкой, которую внесли въ доктрину Беккарія, Х. Штельцеръ, А. Фейербахъ и др. Надо было ожидать, что возникнетъ болѣе или менѣе сильная реакція на почвѣ оживленія и обращенія въ могучій потокъ историческаго теченія въ разработкѣ уголовного права и что реакція эта выразится не только въ перенесеніи центра тяжести на разработку положительнаго права, но скажется въ сферѣ абстрактныхъ уголовно-правовыхъ ученій, въ формѣ нѣкотораго рода ассимиляціи ихъ съ правомъ положительнымъ. Съ необходимостью должны были возникнуть въ этой области ученія, которыя какъ бы нанизывали ихъ на положительное право и во всякомъ случаѣ внесли бы въ нихъ коррективы послѣдняго.

Въ западно-европейской наукѣ такое движеніе сказалось сравнительно рано въ томъ теченіи естественной юриспруденціи, которое отождествляло естественно-правовыя конструкціи съ обобщеніями права положительнаго. Но оно выразилось и въ другихъ формахъ: въ признаніи положительнаго и естественнаго права какъ двухъ областей, стоящихъ въ томъ взаимоотношеніи, что послѣднее возведено какъ бы на степень общей теоріи права, — дисциплины, дающей директивы для права положительнаго и являющейся въ своемъ существѣ продуктомъ смѣшаннаго содержанія. Съ одной стороны, эта общая теорія права надѣлена отвлеченными отъ самой дѣйствительности чертами, а съ другой, представляется синтезомъ и требованій разума, и психологіи, и нравственныхъ началъ, и, наконецъ, исторіи. Это теченіе реально сказалось въ западно-европейскихъ уголовно-правовыхъ ученіяхъ, строго разграничивающихъ область положительнаго права отъ теор-

рін и конструировавшихъ каждую изъ нихъ, если не вполне самостоятелно, то раздѣльно.

Русская юриспруденція, всегда черпавшая щедрою рукою на западѣ, не могла не отразить всѣхъ этихъ колебаній, и наша научная литература начала XIX в. представляетъ болѣе или менѣе полно всѣ эти теченія. Мы встрѣчаемся вмѣстѣ съ тѣмъ съ естественно-правовыми конструкціями въ чистомъ видѣ и системой уголовно-правовыхъ понятій, черпающихъ свои послылки въ чистомъ разумѣ и его логическихъ заключеніяхъ. Одновременно находятъ свое развитіе и ученія, подсказанныя соображеніями, игравшими рѣшающую роль для школы политическихъ писателей и, въ частности, Беккарии. Отражаются, далѣе, въ русской литературѣ, иногда путемъ механическаго перенесенія, и ученія психологической доктрины Х. Штельцера и школы А. Фейербаха, находившей свое основаніе въ анализѣ психическихъ чертъ личности. Наконецъ, на нашей уголовно-правовой литературѣ не могло не сказаться и то теченіе, которое ставило естественное право въ связь съ положительнымъ и давало естественно-правовыя конструкціи, заимствованныя на западѣ, стояція въ томъ или другомъ отношеніи къ положительному праву. Со всѣми этими отгѣнками, повторяемъ, мы встрѣтимся въ качествѣ разновидностей философской разработки уголовного права у насъ въ началѣ XIX в. Но несмотря на все свое разнообразіе, они, по самому существу своему, были выраженіемъ той идеи, что научная разработка права не можетъ быть построена на абстрактной почвѣ, должна воспринять въ себя элементъ права положительнаго и служить, кромѣ того, синтезомъ условій, въ которыхъ реально воплощается жизнь. Признаніе этого положенія и укорененіе его въ самыхъ разнообразныхъ формахъ въ доктринѣ позволяетъ намъ характеризовать порожденные имъ ученія, какъ такія, которыя, въ большей или меньшей степени, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ естественно-правовыхъ конструкцій въ той ихъ формѣ, въ которой они зародились вначалѣ.

А. Естественнo-правовыя конструкціи, черпающія свои послыки въ разумѣ и его логическихъ заключеніяхъ.

Л. А. Цвѣтаевъ.—В. С. Филимоновъ.—Г. Ѳ. Покровскій.—А. П. Куницынъ.—
Б. О. Рейтъ.—Н. Г. Бѣлоусовъ.—М. В. Вилевичъ.

Защитники криминалистическихъ воззрѣній, черпающихъ свои послыки въ разумѣ и его логическихъ заключеніяхъ, выступаютъ у насъ въ началѣ XIX в. съ доктринами, примыкающими, въ большинствѣ случаевъ, къ естественнo-правовымъ ученіямъ Канта и отчасти Вольфа.

Проводниками въ юридическую литературу уголовно-правовыхъ идей кантовской школы являются у насъ проф. Московскаго унив. Л. А. Цвѣтаевъ, В. С. Филимоновъ и переводные курсы Ф. Х. Рейнгарда, Снелля и Гер. Стршмень-Стройновскаго.

Въ трудѣ проф. Л. Цвѣтаева, посвященномъ естественному праву ¹, мы встрѣчаемся съ попыткой перенести на русскую почву криминалистическія ученія кантіанцевъ Шмальца и Буле ² «съ нѣкоторыми отмѣнами и отступленіями отъ ихъ мнѣній и плана» ³.

Понимая право естественное, какъ «науку.. почерпнутую изъ разума» и опирающуюся на «нравственную метафизику, которая опредѣляетъ... что такое есть право и обязанность», Л. Цвѣтаевъ исходитъ въ обоснованіи этой дисциплины изъ принципа: «не почитай челоуѣчества ни въ себѣ, ни въ другихъ за одно только средство, а всегда за цѣль» ⁴. При помощи этого начала онъ стремится разрѣшить проблему о томъ, что преступно и не преступно. «Оскорбленіе, пишетъ Л. Цвѣтаевъ, понимая подъ нимъ правонарушеніе вообще,

¹ Первые начала права естественнаго, изданныя для руководства учащих-ся, М. 1816.

Wissenschaft des natürlichen Rechts, Berl. 1831; O. Th. Buhle, Lehrbuch des Naturrechts, Göt. 1798.

² Труды Th. Schmalz'a, Das reine Naturrecht, Königsb. 1775, Das Recht der Natur, Königsb. 1792 и др. выдержали рядъ изданій, изъ которыхъ послѣднее вышло подъ заглавіемъ: Die

³ Л. Цвѣтаевъ, Первые начала, М. 1816, Пред.

⁴ Л. Цвѣтаевъ, Первые начала, М. 1816, стр. 6.

есть такое отрицательное или положительное дѣйствіе, чрезъ которое разумное существо употребляется какъ средство, или чрезъ которое нарушаются права онаго, какъ личныя, такъ и собственности»¹. Необходимостью сохраненія въ неприкосновенности основнаго принципа обусловливается и наказаніе, которое имѣетъ цѣлью «устрашать какъ преступника, такъ и его согражданъ»². Но наказаніе находитъ свое истинное основаніе, прежде всего, въ самомъ фактѣ нарушенія основнаго нравственнаго принципа. Наказаніе бываетъ максимальнымъ, меньшимъ и совершенно отпадаетъ въ зависимости отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ правонарушеніе — оскорбленіе.

Умышленныя правонарушенія требуютъ наказанія въ формѣ таліона. «Всякій оскорбленный имѣетъ право оскорбившаго умышленно наказать..., сдѣлать ему зло за зло имъ учиненное». «Неумышленные оскорбленія требуютъ также удовлетворенія, но не подлежатъ наказанію, развѣ оскорбитель отрекся сдѣлать удовлетвореніе». Право обороны Л. Цвѣтаевъ выводитъ изъ недопустимости правонарушенія, нарушающаго нравственный законъ. Онъ пишетъ: «мы имѣемъ право защищаться противъ нападающихъ на насъ...; мы имѣемъ право предупреждать оскорбленія, если намѣреніе учинить намъ злое обнаружено несомнѣннымъ образомъ..» Допустимо и нарушеніе правъ другого въ состояніи крайней необходимости, «если мы, оскорбляя чье меньшее право, сберегаемъ свое большее или важнѣйшее»³. Оставляя безъ измѣненія эти начала уголовного права, Л. Цвѣтаевъ дѣлаетъ попытки приспособить въ отдѣлѣ государственнаго права воззрѣнія Шмальца и Буле къ русской дѣйствительности не всегда, притомъ, безъ нарушенія основнаго принципа, который онъ провозглашаетъ исходнымъ⁴.

¹ Л. Цвѣтаевъ, Первыя начала, М. 1816, стр. 20.

² Л. Цвѣтаевъ, Первыя начала, М. 1816, стр. 58.

³ Л. Цвѣтаевъ, Первыя начала, М. 1816, стр. 20 и слѣд.

⁴ „Націю, пишетъ Л. Цвѣтаевъ, составляютъ два класса людей: помѣщичи

и жители. Помѣщичи суть тѣ, которые имѣютъ... участокъ земли..., а жители

суть тѣ, кои живутъ на земляхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ“⁴, стр. 43.

„Жители не могутъ имѣть голоса при перемѣнѣ правленія, а только одни помѣщичи“⁴, стр. 68.

Кантіанскія воззрѣнія положены въ основаніе уголовно-правовыхъ построеній и у В. Филимонова ¹.

«Всѣ отношенія человека, дѣйствующаго по законамъ моральнаго характера, можно назвать естественными», пишетъ В. Филимоновъ ². «Лица, совокупно живущія, по силѣ моральности характера, личность ихъ составляющаго, обязаны: всѣ, случающіяся между ними сношенія, рѣшать по законамъ практическаго разума...» ³ «Всякое требованіе лица, основанное на правилѣ практическаго разума есть: право...» ⁴ «Права естественныя, какъ корень законодательства, должны служить основаніемъ для всѣхъ прочихъ правъ...» ⁵. Въ нихъ заключаются и тѣ права, которыя возникаютъ на случай нарушенія правъ. Въ ряду послѣднихъ В. Филимоновъ останавливается на «правѣ защищенія», подробно регулируя предѣлы его допустимости ⁶, преступленіи убійства ⁷ и пр. Въ то же время В. Филимоновъ полагаетъ, что «право наказанія, законами опредѣляющееся..., относится къ праву положительному» ⁸.

На основахъ кантіанской философіи построены и переводные курсы естественнаго права Ф. Х. Рейнгарда ⁹, Снелля ¹⁰ и

¹ В. Филимоновъ, Система естественнаго права, Спб. 1811.—Биографическія данныя о Владимірѣ Сергѣевичѣ Филимоновѣ ср. Русскій биографическій словарь, Фаберъ-Цявловскій, Спб. 1901, стр. 110.

² В. Филимоновъ, Система естественнаго права, Спб. 1811, § 7, стр. 6.

³ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 10, стр. 7 и сл.

⁴ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 12, стр. 8.

⁵ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 140, стр. 87.

⁶ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 134, стр. 83, § 137, стр. 84.

⁷ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 138, стр. 84 и сл.

⁸ В. Филимоновъ, *Op. cit.*, § 138, стр. 85.

⁹ Вопросы уголовного права были особенно подробно освѣщены въ трудѣ Ф. Х. Рейнгарда: Естественное право, содержащее въ себѣ: 1) собственно такъ называемое естественное право чистое, 2) право прикладное, то есть: право частное, публичное и народное. Пер. съ лат., изд. Ив. Сычуговъ, Каз. 1816. Биографическія свѣдѣнія о Филиппѣ Христіанѣ Рейнгардѣ, профессорѣ Московскаго университета по кафедрѣ права естественнаго и народнаго, прибывшаго въ Россію въ 1803 г., и скончавшагося въ 1812 г. ср. Биографич. слов. проф. и преп. И. М. У., ч. 2, М. 1855, стр. 328 — 329; митроп. Евгеній, Словарь русск. свѣтск. писат., т. 2, М. 1845, стр. 142; Гр. Геннадіи, Справочный словарь, т. 3. М. 1907, стр. 243.

Тер. Стршмень-Стройновскаго ¹, изъ которыхъ въ особенности послѣдній былъ весьма распространеннымъ въ школьномъ обиходѣ начала XIX в.

Кантіанство въ доктринѣ уголовного права проникло и въ

Опредѣляя преступленіе, какъ „незаконное дѣяніе, которое есть таково, что законъ повелѣваетъ наказывать за оное“, § 123, стр. 70. Ф. Рейнгардтъ требуетъ отъ него умысленности. Послѣднее предполагаетъ знаніе, что „обида“ незаконна, § 118, стр. 68, § 213, стр. 99. Преступленіе наказуемо и на случай „нерадѣнія“, § 128, стр. 72, § 213, стр. 99, § 214, стр. 99, но ненаказуемо, когда является послѣдствіемъ casus'a, § 127, стр. 71 и слѣд., § 213, стр. 99. Субъектомъ преступленія можетъ быть только „существо свободное и покоренное нравственному закону“, не лишенному употребленія воли и разума“, § 131, стр. 72 и сл. Преступленіе предполагаетъ „внѣшнее дѣяніе, нарушающее права, кому либо принадлежащія“, § 124, стр. 70, и съ необходимостью влечетъ за собой наказаніе, § 125, стр. 71. Это послѣднее должно имѣть мѣсто и тогда, когда „преступленіе юридически не совершено, но уже предположено“, т. е. на случай „покушенія“, § 126, стр. 71. „Цѣль наказанія состоитъ, главнымъ образомъ, въ утвержденіи и сохраненіи силы закона, другія же цѣли можетъ оное имѣть потолику, поколико сіе совмѣстно съ главною цѣлью“, § 136, стр. 74 и сл. Наказаніе должно приближаться къ таліону, § 139, стр. 75, но „вѣрное и справедливое уравненіе наказанія съ преступленіемъ“ осуществляется лучше всего при помощи наказаній, „которыя различнымъ образомъ увеличены или уменьшены быть могли. Таково, напр., лишеніе свободы“, § 137, стр. 75.

¹⁰ Въ „Начальномъ курсѣ философіи,

соч. г. Снелля, съ нѣм. на рос. перевели... А. Лубкинъ и П. Кондыревъ, Каз. 1813, въ части 4-й „Правоученіе и право естественное“, Каз. 1814, мы находимъ отвѣты на уголовно-правовые вопросы „чистаго права разума“, стр. 116. „Ученіе о правахъ, читаемъ мы здѣсь, подобно какъ о должностяхъ, основывается на томъ высочайшемъ законѣ разума, что мы съ собою и другими людьми должны поступать не какъ съ простыми средствами, но какъ съ цѣлями для себя“, стр. 118. Съ точки зрѣнія этого нравственнаго правила за „поврежденіе.. человеческого достоинства“ позволено „обидчику нанести нѣчто злое, наказатъ его, дабы онъ отсталъ отъ своего намѣренія, дабы онъ и другіе въ томъ для предбудущаго видѣли примѣръ и онъ отъ нанесенія вреда, сколь возможно, былъ удержанъ“, стр. 122.

¹ Въ „Наукѣ права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и правъ народовъ... Тер. Стршмень-Стройновскаго, пер. съ польс. В. Аястасевича“, ч. I—IV, Сиб. 1809, весьма распространенной въ русскихъ областяхъ юго-западнаго края, исходнымъ пунктомъ для оцѣнки правонарушений были выставлены слѣдующія четыре положенія: 1) не отнимать и не нарушать ни чьей личной собственности, 2) не лишать никого природной свободы и не препятствовать никому въ оной, 3) не употреблять силы противъ другихъ людей, какъ только въ случаѣ природной защиты и 4) подавать взаимное пособіе другимъ людямъ, терпящимъ нужду“, стр. 23.

Ярославское высшихъ наукъ училище черезъ лекціи Гер. Покровскаго ¹.

Онъ преподаетъ естественное право ², пользуясь, главнымъ образомъ, руководствами Гофбауэра, Гүфеланда ³, Шмальца ⁴, Якоба ⁵, Рейнгарда ⁶ и др.

Г. Покровскій въ своихъ многочисленныхъ трудахъ затрогиваетъ кромѣ того вопросы нравственнаго воспитанія ⁷ въ качествѣ фактора, предупреждающаго пороки и преступленія ⁸, и проводить въ нихъ излюбленную энциклопедистами и, въ частности Гельвеціемъ, мысль, что «въ первые дни наши мы чистая бумага, на которой

¹ Биографическія данныя о Г. Покровскомъ ср. Рукописныя автобіографич. записки, найденныя нами въ Арх. Дем. юр. лиц., Дѣло № 129, 1824 г., л.л. 3 и 4; статья Н. Кувшинскаго въ Русск. біограф. слов., Плавильщиковъ-Приме, Спб. 1905, стр. 285—286. Неправильно указываетъ дату смерти г. Покровскаго (1833) Головщиковъ, Пав. Григ. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886), Яр. 1886, стр. 83 и сл.; Гр. Геннади, Справочн. слов., т. 3. М. 1907, стр. 160.

Гер. Покровскій родился въ 1774 г. По окончаніи семинаріи, онъ въ 1802 г. опредѣляется въ Московскій университетъ, въ 1805 г. „произведенъ кандидатомъ“, а въ 1809 г. занимаетъ кафедру естественнаго и народнаго правъ въ Демидовскомъ училищѣ и покидаетъ службу въ немъ только въ 1837 г.

² Ср. Catal. lect. et exercitationum in Athenaeo lit. Demidoviano... 1809—1810, p. 5; 1815—16, p. 10 et seq.; 1817—18, p. 7.

³ Арх. Дем. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части 1811, № 32, л. 115; 1812, № 35, л. 44; 1820, № 97, л. 32.

Hofbauer, Naturrecht aus dem Begriffe des Rechts entwickelt, Halle, 1793, 1798 и 1825, а также Unter-

suchungen über die wichtigsten Gegenstände des Naturrechts, Halle, 1795; Hufeland, Lehrsätze des Naturrechts, 2 Aufl. 1795 (nach Kant's principium).

⁴ Арх. Дем. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части 1810, № 31, л.л. 78 и 79, 88, 99, 100, 109; 1811 г., л. 46. Schmalz, Das reine Naturrecht, Königsb. 1792, Handbuch der Rechtsphilosophie, Halle 1808.

⁵ Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части 1818 г., № 78, л. 49. Jakob, Philosophische Rechtslehre oder Naturrecht, Halle, 1795 и 1802.

⁶ Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части 1822, № 106, л. 38, 44; 1824 г., № 345, л. 41. Ср. наше примѣч. 9, стр. 467 и сл.

⁷ Г. Покровскій, Разсужденіе о воспитаніи древнихъ народовъ, М. 1820, стр. 17, 18 и др.

⁸ Г. Покровскій, Разсужденіе о связи ученія Божественнаго съ человѣческимъ,—о необходимости ученія вообще,—о его методѣ, и о частной и общественной пользѣ, отъ него происходящей, М. 1821, стр. 17 и слѣд. Ср. также рѣчь „Разсужденіе о томъ, на что особенно должно обращать вниманіе въ дѣлѣ воспитанія юношества. М. 1834.

ничего не написано»¹. Г. Покровский отражает въ своихъ трудахъ и нѣкоторыя ученія Монтеスキе².

О преподаваніи Г. Покровскимъ началъ естественнаго уголовного права можно составить себѣ довольно ясное представленіе на основаніи его замѣтокъ³, до насъ дошедшихъ.

«Изъ естественнаго права, читаемъ мы подъ 1811 и 1812 г.г., по руководству Гуффеланда (прочитано) о пораженіи правъ другихъ, — объ обидѣ, объ оскорбленіи... на дѣлѣ и на словахъ,... о правѣ защищенія, о правѣ предупрежденія, о наказаніи...»⁴, «о прелюбодѣяніи»⁵. Въ 1820 г. мы застаемъ Г. Покровскаго читающимъ: «1) о насиліи; 2) о страхѣ; 3) о справедливомъ и несправедливомъ насиліи; 4) о справедливомъ и несправедливомъ страхѣ...»⁶. Вопросы уголовного права Г. Покровскій проходитъ въ связи съ нравственной философіей⁷. Позднѣе Г. Покровскій полагаетъ въ основаніе уголовно-правовой части своего курса руководство Ф. Х. Рейнгарда, излагая вопросы «о защищеніи себя противъ обидъ,.. о правѣ наказанія»⁸ и проч. О 1824 г. извѣстно, что Г. Покровскій наряду съ Ф. Рейнгардомъ проходитъ со слушателями «изъ уголовного права по руководству Бентама... первыя семь главъ...»⁹.

Свою лепту въ философскую разработку уголовного права въ духѣ кантаиства внесъ и А. П. Куницынъ¹⁰, преподававшій

¹ Г. Покровскій, Разсужденіе о связи ученія, М. 1821, стр. 11 и 15.

² Г. Покровскій, Разсужденіе о нѣкоторыхъ чертахъ, опредѣляющихъ степени благосостоянія людей и народовъ, М. 1832, стр. 15 и слѣд.

³ Ср. рукописн. Вѣдомости по учебной части Яросл. Выш. наукъ училища за 1811 г., № 32, за 1812, № 35, за 1814, № 44, за 1818, № 78, за 1820, № 97, за 1822, № 106, за 1824, № 345 и др.

⁴ Арх. Демид. юр. лица, Вѣдомости по учебной части 1811, № 32, л. 115.

⁵ Арх. Демид. юр. лица, Вѣдомости

по учебной части, 1812, № 35, л. 44; ср. также 1820, № 97, л. 32.

⁶ Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части 1820 г., № 97, л. 13.

⁷ Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части, 1820, № 97, л. 74.

⁸ Арх. Демид. лиц., Вѣдомости по учеб. части 1822, № 106, л. 38, 44, 1824, № 345, л. 41.

⁹ Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учеб. части, 1824, № 345, л. 41.

¹⁰ Біографическія свѣдѣнія о А. П. Куницынѣ ср. И. Селезневъ, Историческій очеркъ бывш. Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лица, за первое

въ Царскосельскомъ лицейѣ со времени его основанія въ 1811 г.

его 50-тилѣтіе съ 1811 по 1861 г. Спб. 1861, стр. 122 и сл.; Первое 25-тилѣтіе И. Спб. унив., ист. записка, читанная П. Плетневымъ, Спб. 1844, стр. 19; Гр. Геянади, Справочный словарь, т. 2, Берл., 1880, стр. 201; Русскій біографическій словарь, Кнаппе-Кюхельбекеръ, Спб. 1903, стр. 551—552.

Александръ Петровичъ Куницынъ, родившійся въ 1783 г. въ семьѣ духовнаго лица, воспитывался въ Тверской семинаріи и Спб. Педагогическомъ институтѣ и провель для усовершенствованія въ юриспруденціи нѣкоторое время за границей. Въ 1811 году онъ опредѣляется профессоромъ нравственныхъ наукъ въ Царскосельскій лицей и вскорѣ переходитъ въ Петерб. университетъ. Въ 1812 г. на кафедре правъ общихъ, которая по увольненіи его была замѣщена профессоромъ П. Лодіемъ, П. Плетневъ, Ор. cit., стр. 19. За свой трудъ „Право естественное“, ч. 1, 1818, ч. 2, 1820, А. Куницынъ былъ удаленъ отъ службы, а самая книга подвергнута уничтоженію „по принятой въ сей книгѣ за основаніе ложнымъ началамъ и выводимому изъ нихъ весьма вредному ученію, противорѣчащему истинамъ христіанства и клонящемуся къ испроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“, ср. И. Селезневъ, Ор. cit., стр. 125. А. Куницынъ принимаетъ вскорѣ дѣятельное участіе въ трудахъ Комиссіи составленія законовъ и обработкѣ труда „Основанія русскаго права“, ср. Bemerk. über das Buch Grundzüge des Russischen Rechts herausg. v. d. Commission zu Abfassung der Gesetze von Prof. Al. Kunizyn въ Jahrb. für Rechtsgelehrte in Russland, Riga, 1822, S. 120 u. f., а равно статью А. Куницы-

на: «Antwort auf die Antwort wider die Bemerkungen über die Grundzüge d. Russ. Rechts», Ор. cit., В. II, S. 105—156, Riga, 1824. Въ 1826 г. А. Куницынъ переходитъ во II отд. собст. Е. И. В. канц. въ качествѣ одного изъ редакторовъ П. С. З., причемъ на него возлагается составленіе свода законовъ уголовныхъ о публичныхъ преступленіяхъ. Одновременно онъ руководить студентами, слушающими лекціи во II отд., и посвящаетъ свое вниманіе исторіи права. Имъ написанъ оставшійся ненапечатаннымъ трудъ: „Историческое изображеніе судопроизводства въ Россіи до изданія Судебника“, И. Селезневъ, Ор. cit., стр. 126 и сл. Работая во II отд. соб. Е. И. В. канц., А. Куницынъ закончилъ въ 1836 г. „Полное собраніе духовныхъ узаконеній въ Россіи со временъ учрежденія св. Синода“. Выс. повел. 12 нояб. 1836 г. предписано было не издавать этого труда, ср. П. Майковъ, О Сводѣ законовъ Россійской имперіи, Спб. 1906, стр. 74 и сл. Остался ненапечатаннымъ и трудъ А. Куницына „Исслѣдованіе о государственныхъ доходахъ въ Россіи до времени Петра В.“, И. Селезневъ, Ор. cit., стр. 126 и сл. Напечатанъ А. Куницынымъ небольшой трудъ „О конституціи“, Сынъ отеч. 1818, № 18, ст. 202—211, эпиграфомъ къ которому поставлено имъ изреченіе изъ Тита Ливія, lib. VIII, c. 13 „Certe id firmissimum longe imperium est, quo obedientes gaudent“, а также „Наставленіе воспитанникамъ, читанное Ал. Куницынымъ“, Периодич. соч. о усп. народ. просв., № 32, Спб. 1812, стр. 334—342. А. Куницынъ скончался 1 іюля 1840 г. въ должности директора депар. духов. дѣлъ иностран. исповѣданій. За два года до смерти онъ былъ избранъ въ 1838 г.

и Петербургскомъ университетѣ въ ряду многихъ другихъ дисциплинъ и естественное право ¹.

Въ своемъ преподаваніи уголовного права А. Куницынъ ограничивался только общими вопросами ² и, весьма вѣроятно, не выходилъ за предѣлы того, что имъ дано въ «Правѣ естественномъ» ³.

А. Куницынъ смотритъ на естественное право, какъ на общую теорію, призванную дать приведенныя въ систему понятія для изученія права положительнаго. «Наука, пишетъ онъ, тогда... имѣетъ совершенный видъ, когда всѣ положенія оной составляютъ непрерывную цѣпь и одно объясняется другимъ. Наука права естественнаго весьма способна къ сему роду совершенства... Обнявъ силу и пространство..., могутъ понимать въ чемъ состоятъ права первоначальныя, а познаніе сихъ послѣднихъ руководствуетъ къ уразумѣнію правъ производныхъ» ⁴. При такомъ пониманіи естественнаго права изложеніе началъ права уголовного должно было выразиться у А. Куницына въ формулированіи только самыхъ общихъ понятій этой дисциплины по вопросамъ о томъ, что такое преступленіе, наказаніе, вина и проч. Эти ученія и даются А. Куницынымъ, какъ мы уже отмѣтили, въ духѣ кантіанства.

«Произвольное нарушеніе правъ другого, пишетъ А. Куницынъ, называется обидою» ⁵. «Зло, опредѣляемое виновнику дѣянія, называется наказаніемъ» ⁶; причиной наказанія является «учиненное противозаконное дѣло» ⁷. Изъ преступленія и нака-

почетнымъ членомъ Пет. университета, П. Плетневъ, Ор. cit., стр. 19.

¹ Ср. о многочисленныхъ курсахъ, возложенныхъ на А. Куницына въ Царскосельскомъ лицѣ, И. Селезневъ, Ор. cit., стр. 122 и сл.

² Объ этомъ преподаваніи уголовного права И. Селезневъ, Ор. cit., стр. 124, пишетъ, что оно „обнимало собой изъясненіе понятій объ ономъ, сужденіе о преступленіяхъ, о законахъ уголовныхъ, о примѣненіи законовъ и о наказаніяхъ“.

³ Право естественное, сочин. проф. Имп. лицея А. Куницынымъ, Спб.

1818, кн. 1-я и Спб. 1820, ч. 2. Трудъ этотъ представляетъ большую библиографическую рѣдкость. Въ экземпляръ Имп. публ. библ., которымъ мы имѣли случай воспользоваться, отсутствуютъ стр. 3—14 1-ой кн.

⁴ А. Куницынъ, Право естественное, кн. 1, Предув. I.

⁵ А. Куницынъ, Право, естественное, I, стр. 42.

⁶ А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 40 и 50.

⁷ А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 50.

занія А. Куницынъ вычеркиваетъ нравственный моментъ, понимая подъ первымъ нарушеніе права, а подъ наказаніемъ принужденіе «по закону разума», имѣющее заставить «человѣка поступать законно»¹. Содержаніе наказанія представляется А. Куницыну справедливымъ поставить въ границы «зла», причиненнаго преступленіемъ². Но наказаніе въ этомъ смыслѣ можетъ примѣняться только тогда, когда правонарушеніе происходитъ при условіи, что правонарушитель былъ «въ полномъ.. употребленіи разума... во время рѣшимости нарушить чужое право»³. Онъ называетъ цѣлый рядъ состояній, не удовлетворяющихъ этому условію⁴. Въ случаѣ, «если виновникъ дѣянія... предполагалъ оное какъ цѣль, пишетъ А. Куницынъ, и не былъ къ тому побуждаемъ посторонними причинами, то рѣшимость его нарушить чужое право называется злымъ умысломъ и подлежитъ полному вмѣненію»⁵. Если же «человѣкъ... рѣшился произвести такое дѣйствіе, изъ котораго произошло нарушеніе права безъ его намѣренія; то сіе называется неосмотрительностью, а самое нарушеніе права виною»⁶, подлежащей болѣе легкому наказанію. Видами неосмотрительности А. Куницынъ считаетъ невѣжество и заблужденіе⁷.

Нечего и говорить, что всѣ эти положенія не отличаются большой продуманностью. Устраняя моральный элементъ изъ преступленія и наказанія и основывая въ то же время наказаніе на возмездіи по закону разума, А. Куницынъ ставитъ на шаткую почву свое обоснованіе наказанія, такъ какъ не оговариваетъ, подобно Канту, что цѣлью и побужденіемъ при дѣяніяхъ долженъ быть самъ нравственный законъ. А. Куницынъ не затрогиваетъ даже вопроса о томъ, какъ можетъ быть осуществленъ въ практикѣ наказанія принципъ таліона, за который онъ высказывается,

¹ А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 50.
I, стр. 51, 52.

² А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 44.
I, стр. 41.

³ А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 45 и сл.
I, стр. 43.

⁴ А. Куницынъ, Право естественное, I, стр. 46.

⁵ А. Куницынъ, Право естественное,

⁶ А. Куницынъ, Право естественное,

⁷ А. Куницынъ, Право естественное,

въ какой связи стоятъ, далѣе, формы проявленія уголовно-правовой виновности съ общимъ началомъ вмѣненія и проч. Крайне слабости и опредѣленія умысла и неосторожности. Первое слишкомъ узко, такъ какъ исключаетъ возможность умышленной дѣятельности при соучастіи. Но въ то же время взгляды А. Куницына представляютъ извѣстный интересъ, какъ попытка къ созданію схемы, при помощи которой можетъ быть объединено и лучше изучено положительное право.

Наряду съ кантіанствомъ въ курсахъ естественнаго права продолжало у насъ въ началѣ XIX в. процвѣтать и вольфіанство. Изъ него, главнымъ образомъ, исходили въ своихъ чтеніяхъ Б. О. Рейтъ, Н. Г. Бѣлоусовъ и М. В. Биленичъ.

Въ своихъ лекціяхъ въ Харьковскомъ университетѣ Б. Рейтъ¹ въ 1814 г.² трактовалъ уголовно-правовые вопросы въ духѣ естественнаго права школы Вольфа, руководствуясь Мартини³, Гроссомъ⁴, отчасти Мейстеромъ⁵.

Въ томъ же направленіи преподавались начатки уголовного права въ «Нѣжинскомъ высшемъ учебномъ заведеніи имени кн. Безбородко» Н. Бѣлоусовымъ⁶. Этотъ даровитый преподаватель, о которомъ сохранились воспоминанія В. Кукольника⁷ и который въ разгаръ своей научной дѣятельности былъ устраненъ за воль-

¹ Біографическія данныя о Б. Рейтъ, род. въ 1770 († 1824), ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 546, т. 2, стр. 586; Е. Ивановъ, Статья о Б. О. Рейтъ въ Біограф. словарь проф. и препод., Юрид. факультетъ Харьк. унив., Харьк. 1908, стр. 272—274; Л. Загурскій, Опытъ ист. юрид. фак. И. Х. У., стр. 8 и др.

² Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 547, 563.

³ К. А. Martini, De lege naturali positiones, Vien. 1767, 1772, 1778, 1782; De lege naturali exercitationes sex, Vien. 1776 и 1780.

⁴ С. Н. Gros, Lehrbuch der philosophischen Rechtslehre oder des Naturrechts, 1802.

⁵ Ch. Fr. Meister, Bibl. juris naturae et gentium, Göt. 1749—51. Какъ и трудъ Гросса, онъ не свободенъ отъ вліянія кантовской доктрины.

⁶ Ср. Н. Лавровскій, Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832), Изв. ист.-фил. инст. кн. Безбородко, т. 3, 1879, Кіевъ, стр. 168 и слѣд. Біограф. свѣд. о Николаѣ Григорьевичѣ Бѣлоусовѣ, род. въ 1799 г. († 1854), ср. Гр. Геннадіи, Справочный словарь, т. 1, Берл. 1876, стр. 125; Русск. біограф. слов. Беганкуртъ-Бякстеръ, Сиб. 1908, стр. 656.

⁷ Ср. Е. Пѣтуховъ, Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, Ж. М. Нар. Просв. 1895, ч. 301, стр. 93 и сл.

подумство¹, полагають въ основаніе свсего курса трудъ Мартини². Съ нимъ конкурировалъ М. Билевичъ, пользовавшійся, по сохранившимся свѣдѣніямъ, и трудомъ А. Фейербаха³.

В. Уголовно-правовыя ученія, опирающіяся на естественно-правовую доктрину, стремящюся къ преобразованію общественныхъ отношеній.

В. Титаревъ.—К. Пауловичъ.

Въ русской уголовно-правовой литературѣ начала XIX ст. представлено не особенно богато теченіе, примыкающее къ попыткамъ вцесенія въ естественно-правовыя ученія поправокъ, подсказанныхъ стремленіемъ гарантировать отъ произвола личность преступника, секуляризировать понятія уголовного права, установить кругъ преступленій безъ допущенія опаснаго для развитія индивидуальности ограниченія свободы гражданъ и проч. Тотъ фактъ, что эти излюбленныя энциклопедистами идеи только изрѣдка культивируются нашими криминалистами начала прошлаго вѣка, находить, прежде всего, объясненіе въ политическихъ условіяхъ времени, не особенно благопріятствовавшаго развитію такого рода теченія, и въ томъ обстоятельстве, что хуже или лучше, фрагменты аналогичнаго міровоззрѣнія были уже ранѣе перенесены на русскую почву при помощи Наказа.

Съ уголовно-правовыми ученіями этой разновидности естественно-правовой доктрины, независимо отъ Наказа, мы встрѣчаемся только у двухъ криминалистовъ начала XIX в.: В. Титарева и К. Пауловича. Трудно приэтомъ сказать, не находятся

¹ Ср. подробности, Н. Лавровскій, Ор. сіт., стр. 196 и сл., а равно стр. 228.

² Ср. прим. 3, стр. 474. Антагонистъ Н. Бѣлоусова, М. Билевичъ доносилъ по поводу его преподаванія начальству, что „примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученіяхъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго, кото-

рое вопреки предписанію попечителя, читается Бѣлоусовымъ не по системѣ де Мартини, а по основаніямъ философа Канта и Шада“.

³ Н. Лавровскій, Ор. сіт., стр. 175. Біограф. данныя о Михаилѣ Васильевичѣ Билевичѣ ср. Русскій біограф. словарь, Бетанкуръ-Бякестеръ, Спб. 1908, стр. 35.

ли и они подь косвеннымъ вліяніемъ Наказа, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ немъ они почерпають рѣшимость выступить защитниками воззрѣній, идущихъ въ разрѣзъ со всѣмъ господствующимъ укладомъ.

Взгляды В. Титарева развиты имъ въ его диссертация «De legum poenarum sententia ac vi deque applicatione poenarum forensium»¹. Мы встрѣчаемся здѣсь съ рядомъ соображеній, не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ, что В. Титаревъ является сторонникомъ доктрины естественнаго права, подсказанной протестомъ противъ существующихъ историческихъ формъ уголовного законодательства. Въ тезисахъ труда В. Титарева чувствуется вліяніе Беккариа и знакомство съ трудами Монтескье и Бентама².

Причину суровости дѣйствующаго уголовного законодательства В. Титаревъ объясняетъ его приспособленіемъ къ наличному состоянію народа³. Но этимъ путемъ, думаетъ онъ, достигается въ сущности только безнаказанность⁴. Цѣлесообразное наказаніе предполагаетъ, по В. Титареву, прежде всего, быстроту, справедливость, полезность, опредѣленность и уравниность съ преступленіемъ⁵.

¹ Dissertatio inauguralis de legum poenarum sententia ac vi deque applicatione poenarum forensium, quam ad gradum juris utriusque doctoris consequendum in caesarea universitate, quae Charkoviae constituta est, publice defendendam conscripsit magister juris Basilus Titarew, Chark. 1815. Этого труда намъ не удалось видѣть. Тезисы диссертации В. Титарева напечатаны у Д. Вагалъя, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 2, стр. 723 и слѣд.

Краткія біографич. свѣдѣнія о В. Титаревѣ мы находимъ въ трудѣ Л. Загурскаго, Опытъ исторіи юрид. факультета И. Х. У., X. 1907, Зап. И. Х. У. 1907, кн. 1 и 2, стр. 29, 53 и 54. Здѣсь описанъ, между прочимъ, магистерскій экзамень В. Титарева въ 1814 г. и приведены темы „публичной лекціи, предложенной

ему факультетомъ“.

² Ср. отзывъ о трудѣ В. Титарева, какъ о работѣ „welche... grösstentheils gemeines Recht enthält“ у Fr. G. v. Bunge, Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literatur des russischen Rechts und der Rechtswiss. in Russland überhaupt, Krit. Zeitsch. f. Rechtswiss. und Gesetzgeb., 3 B. Heid. 1831, S. 127.

³ „... Ubi leges relatae ad statum populi praesentem, severae erant“.

⁴ „Impunitas scelerum nata est ex ipsa legum severitate“.

⁵ „Poenam, debita cum celeritate factam, justam utilemque esse, experientia docet. Certitudo atque crimini poenae aequiparatio fraenum fidissimum est, quo delicta praecaveri possunt“.

Съ большей полнотой и законченностью однородныя идеи представлены у проф. Харьковскаго университета К. Пауловича, научныя заслуги котораго въ области уголовного права были положительно не оцѣнены по достоинству не только его современниками, но еще и въ наши дни ¹. Весьма вѣроятно, что обстоятельство это находитъ свое объясненіе въ томъ, что главный трудъ К. Пауловича по уголовному праву «*De jure controverso legum criminalium*», X. 1816, сталъ болѣе всего извѣстенъ въ искаженномъ и сокращенномъ переводѣ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «О состязательныхъ истинахъ уголовныхъ законовъ». Самыя искаженія подсказаны, повидимому, попыткой придать труду К. Пауловича болѣе благонамѣренный характеръ.

К. Пауловичъ ², читавшій съ 1812 г. общее уголовное пра-

¹ Проф. Д. Багалъй въ своемъ Опытѣ исторіи Харьковскаго университета не высоко цѣнитъ способности и научный авторитетъ К. Пауловича. Ср. напр., т. 1, стр. 540. Распредѣляя профессоровъ Харьковскаго университета на „выдающихся лекторовъ, среднихъ и неудовлетворительныхъ“, Д. Багалъй въ послѣднюю категорію „совсѣмъ плохихъ“ отнесъ и К. Пауловича. Ср. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя столѣтія его существованія (1805—1905), сост. Д. Багалъемъ, Н. Сумцовымъ, В. Бузескулемъ, X. 1906, стр. 70 и сл. „Слабый профессоръ и слабый ученый и съ большими слабостями человѣкъ“ — вотъ тотъ приговоръ, который даетъ о К. Пауловичѣ проф. Д. Багалъй въ своемъ Опытѣ исторіи Харьк. унив., т. 2, стр. 811. Весьма нелестныя отзывы о К. Пауловичѣ его слушателей. Ср. Воспоминанія студента Н., цит. Д. Багалъемъ, Опытъ исторіи, т. 2, стр. 812 и С. Геевскаго, привед. Е. Ивановымъ въ статьѣ о К. Пауловичѣ въ Біограф. слов. проф. и преподав., X. 1908, стр. 169. Не всегда признавали научный авторитетъ К. Пауловича и его академическіе това-

рищи. Ср. судьбу его трудовъ «*Jus romanum in ordinem systematicum*» и «*Breve syntagma jurium cum veterum tum recentiorum populorum*», Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 2, стр. 342.

² Біографическія данныя о К. Пауловичѣ, ср. Рукоп. слов. проф. И. Х. У. А. Рославскаго-Петровскаго, л. 73; Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 508; Е. Ивановъ, Біографич. слов. проф. и преподав. Юридич. фак. X. у., X. 1908, стр. 166—170; Ив. Давидовичъ, статья о К. Пауловичѣ въ Русск. біограф. слов. Павелъ—Петръ, Спб. 1902, стр. 401—402; здѣсь сведена, между прочимъ, біограф. литература о К. Пауловичѣ; Гр. Геннади, Справочн. слов., т. 3, М. 1907, стр. 115.

Выходецъ Венгріи, Константинъ Павловичъ Пауловичъ род. въ г. Сегединѣ въ 1780 г., (Росл. - Петр., л. 73) и изучалъ въ Пештскомъ университетѣ физико-математическія, каноническія и историко-статистическія науки. Получивъ въ 1805 году степень доктора свободныхъ художествъ и философіи, онъ съ 1811 года становится адъюнктомъ Харьковскаго уни-

во ¹, излагаетъ сущность защищаемыхъ имъ взглядовъ на этотъ предметъ въ уже упомянутой рѣчи «De jure controverso legum criminalium» ². Проводя мысли, навѣяныя изученіемъ Беккарин, Вольтера, Дидро и нѣкоторыхъ другихъ энциклопедистовъ, К. Пауловичъ заимствуетъ только общій духъ ихъ ученій и выступаетъ самостоятельно при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ, связанныхъ съ коренными проблемами криминалистики.

Въ основаніе своихъ уголовно-правовыхъ ученій К. Пауловичъ кладетъ договорную теорію. Уголовное право, какъ порядокъ, предполагающій примѣненіе наказанія къ правонарушителю, становится возможнымъ, благодаря отказу членовъ общества отъ ряда благъ, въ видахъ лучшаго охраненія отъ посягательствъ наиболее цѣнныхъ интересовъ. Этимъ положеніемъ обуславливается, съ одной стороны, природа наказаній ³, которыя должны опредѣляться, и очерчивается, съ другой, кругъ того, что обнимается попятіемъ преступнаго.

Преступленіе въ этомъ смыслѣ предполагаетъ свободное внѣшнее дѣйствіе или бездѣйствіе, нарушающее правовой укладъ. Тяжесть преступленія зависитъ отъ степени опасности его для су-

верситета по римскому праву. По этому предмету и другимъ вопросамъ К. Пауловичемъ было издано нѣсколько трудовъ впоследствии на русскомъ языкѣ. Ср. Конспектъ римскаго правовѣдѣнія, сост. при Харьк. унив. К. Пауловичемъ, X. 1828 и Конспектъ или краткое обозрѣніе дипломатики вообще, X. 1829. Перу К. Пауловича принадлежатъ также нѣкоторыя произведенія ненаучнаго характера, перечисленныя, между прочимъ, въ замѣткѣ Л. Загурскаго, Біограф. слов., стр. 170.

¹ Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 546, а равно стр. 563.

² Adj. Paulovits, De jure controverso legum criminalium въ Рѣчахъ, произнесенныхъ въ торж. собр. И. X. У.

30 авг. 1816, р. 1—42. Л. Загурскій упоминаетъ о рукописныхъ трудахъ К. Пауловича: 18 fasciculos de jure criminali, utrumque lingua latina; Quatuor fasciculos de jure controverso; Elementa juris publici Rossici и др., Біограф. слов., X., 1908, стр. 170.

³ „Basis... et principium omnium legum est complexus eorum jurium, quibus et in quantum homines, pro salute et securitate sua tum privata, tum publica, renunciare possunt, ita quidem, ut illa tantum poenarum genera, quae ad tuendam libertatem et jurium securitatem necessaria sunt, adhibeantur“, De jure controverso, р. 4 и seq.

ществующаго правоваго строя ¹. Изъ понятія преступленія должно быть исключено нарушеніе должнаго въ смыслѣ нравственномъ ². Если этого не сдѣлать, то открывается легкая возможность для ловкаго тирана чинить всякія мученія гражданамъ ³. Да и кромѣ того, уголовно-правовая охрана не приспособлена для полезной службы на стражѣ нравственности. Нормамъ послѣдней соотвѣтствуютъ другіе способы защиты, а не угроза наказаніемъ ⁴. Изъ области преступнаго должно исключить и сферу грѣха. Если грѣховное дѣйствіе, не нарушающее открыто правъ другихъ, отождествлять съ преступнымъ, то граждане, отчаявшись въ свободной оцѣнкѣ, будутъ побуждаться къ дѣйствіямъ только страхомъ наказанія. Это поведетъ, въ свою очередь, къ полному порабощенію мысли, что не соотвѣтствуетъ достоинству человека и губительно для общаго блага. Вообще, думаетъ К. Пауловичъ, понятіе преступнаго цѣлесообразно ограничить только дѣйствіями, открыто грозящими обществу опасностью. Вся же остальная область ихъ должна быть предоставлена свободѣ и совѣсти каждаго, и законодателю лучше всего разсматривать такія дѣйствія, какъ святилище, котораго не должно касаться ⁵.

¹ „Omnis libera et externa actio, qua status juris turbatur, est delictum poenale; et ideo, quo majus est periculum, quod vel actione vel omissione status juris civium imminet, eo majus est jus puniendi“, Op. cit., p. 5.

² „... Si omnes actiones vitiosae legibus poenalibus coercendae essent, codex legum poenaliu in infinitum excresceret...“, Op. cit., p. 11.

³ „... Eo enim praetextu, quod omnes actiones vitiosae puniendae essent, ingenioso tyranno ejusque ministris nunquam deesset occasio, inflictis poenis, vel saltem terrore etiam optimos cives vexandi...“ Op. cit., p. 12.

⁴ „Verae enim virtutis radix est absoluta libertas. Omnis itaque actio etiam ad speciem honestissima, cujus incitamentum est solus metus aut sola spes, a virtute est penitus aliena“, Op. cit., p. 12.

⁵ „Si... omnia peccata... quibus aliorum jura aperte non laeduntur, poenis civilibus subjecta essent, cives sensim omnis dignitatis, quae in libertate sita est, sensu destituti, nullo alio incitamento, nisi terrore et spe, ad actiones impellerentur, et ad absolutam mentis servitutem deprimerentur, quo statu nihil potest esse nec homine indignius, nec salutis publicae perniciosius. Qua propter exceptis tantummodo illis actionibus, quibus salus civium in aper-

Въ примѣненіи къ наказанію К. Пауловичъ полагаетъ, что главнымъ масштабомъ при опредѣленіи его мѣры является принципъ, по которому оно должно быть достаточно для отвращенія опасности, грозящей частному или общественному благосостоянію; преступленіе этой мѣры несправедливо и бесполезно ¹. Наказаніе вмѣстѣ съ тѣмъ должно возрастать въ зависимости отъ силы побужденій, опредѣляющихъ къ совершенію преступленія въ томъ смыслѣ, что чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ значительнѣе должно быть наказаніе, имѣющее удержать отъ посягательства ². К. Пауловичъ высказывается за равенство наказаній, независимо отъ того, одинаково ли они тяжки для лицъ разнаго состоянія, имъ подвергаемыхъ ³. Вообще, думаетъ К. Пауловичъ, нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы качество наказанія опредѣлялось не степенью чувствительности правонарушителя, но соразмѣрялось съ тяжестью вреда и правилами субъективнаго вмѣненія ⁴. Наказаніе, кромѣ того, должно быть направлено противъ тѣхъ дефектовъ правонарушителя, которые обнаружались изъ факта преступленія: преступленіе изъ праздности должно караться работою, изъ алчности — денежной пеней и проч. ⁵.

tum conjicitur periculum, reliqua actionum sphaera cujuslibet libertati et conscientiae reliquenda est, et tamquam sacrarium considerandum, quod ingredi quilibet legislator perhorrescat...“ Op. cit., p. 12.

¹ „... Sequitur, illam tantum poenam approbari posse, quae ad evitendum periculum, cui securitas vel publica vel privata exposita esse potest, absolute necessaria et sufficiens est. Si poena enim major fuerit quam securitas civium exposcit, erit injusta, si minor, insufficientis et inanis“... Op. cit., p. 5.

² „... Quo fortiores sunt stimuli et elateres animi ad delictum determinantes, eo vehementiores et vivaciores debent esse poenae inde

absterrentes...“ Op. cit., p. 6.

³ „Nec audiendi sunt illi, qui asserunt, poenam eandem, cui et nobilis et ignobilis subiciatur, per se fieri inaequalem, quum nobilis propter suam educationem, et propter infamiam, quam incurrat, poenam multo gravius sentiat, quam ignobilis“... Op. cit., p. 8.

⁴ „... Observandum est, qualitatem poenae non a sensibilitate delinquentis, sed a damno securitati injuriam illato et regulis imputationis petendam et mesurandam esse...“ Op. cit., p. 8.

⁵ „... Regula admitti potest: uti morbi corporis, sic quoque morbi animi, scelera nempe, mediis contrariis curandi sunt“... Op. cit., p. 10.

Говоря объ отдѣльных мѣрахъ наказанія, К. Пауловичъ подвергаетъ ихъ уголовно-политической оцѣнкѣ въ смыслѣ пригодности ихъ осуществлять общія задачи кары.

К. Пауловичъ относится отрицательно, въ общемъ, къ смертной казни и допускаетъ ее только въ томъ единственномъ случаѣ, когда никакое другое наказаніе, даже пожизненныя работы, не представляется достаточнымъ. Экстраординарнымъ случаемъ, оправдывающимъ ея примѣненіе, К. Пауловичъ считаетъ, между прочимъ, преступленія карантинныя¹.

Тѣлесныя наказанія К. Пауловичъ рекомендуетъ примѣнять съ крайней осторожностью, указывая, что они разсчитаны на рабовъ, такъ какъ поражаютъ индивидуальность человѣка и отнимаютъ у него стыдъ².

Тюремное заключеніе представляется однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ наказаній, но требуетъ соединенія его съ работами и соблюденія классификаціи заключенныхъ³.

Пораженіе правъ, опредѣленное въ качествѣ наказанія, не должно быть безсрочнымъ, если только общество не хочетъ воспитывать въ своихъ нѣдрахъ враговъ и отнять у правонарушителя возможность исправиться⁴.

Къ наказаніямъ денежнымъ К. Пауловичъ относится отрицательно, допуская ихъ примѣненіе только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ⁵.

Изгнаніе К. Пауловичъ осуждаетъ, какъ мѣру, непригодную обезпечить вступленіе преступника на путь честной жизни и несправедливую по отношенію къ населенію, куда направляются из-

¹ К. Пауловичъ допускаетъ примѣненіе смертной казни въ томъ единственномъ случаѣ „cum nulla alia poena, nequidem perpetua captivitas, adaequata et sufficiens est“, Op. cit., p. 19 seq.

² „... Haec poena servilis est... characterem omnem et pudorem

eripiat“..., Op. cit. p. 20.

³ „... Videant curentque ne ex captivis quaedam quasi societas malefactorum formetur, ita quidem, ut peiores inde egrediantur, quam erant ingressi...“, Op. cit., p. 20.

⁴ Op. cit., p. 20.

⁵ Op. cit., p. 21.

гнанные ¹. Онъ сочувственно, однако, относится къ колонизаціонной ссылке ².

Въ своемъ трудѣ К. Пауловичъ освѣщаетъ и рядъ вопросовъ особенной части уголовного права, устанавливая для нея руководящіе принципы и изслѣдуя тѣ формы, въ которыя отливается примѣненіе этихъ началъ въ отдѣльныхъ категоріяхъ преступленій.

Систему преступленій особенной части К. Пауловичъ предлагаетъ строить на почвѣ невмѣшательства уголовного законодательства въ сферу личную въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ, поскольку этимъ не создается реальной опасности для общества. Онъ высказывается за свободу слова и совѣсти, какъ основу, на которой должны быть построены преступленія противъ печати, религіозныя, противъ половой нравственности и пром. Онъ полагаетъ, притомъ, что чѣмъ выше стоитъ образованность общества въ странѣ, тѣмъ большее количество разнообразныхъ дѣйствій можетъ быть предоставлено свободному усмотрѣнію гражданъ ³.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ К. Пауловичъ высказывается за то, чтобы религіозныя ереси, чародѣйство и колдовство не карались подъ видомъ преступленій, поскольку эти дѣянія не переходятъ въ нарушеніе правъ другихъ ⁴.

Половые посягательства, являясь дѣяніями безнравственными, не могутъ подлежать дѣйствію уголовного закона, если они въ то время не составляютъ реальной опасности для правъ другихъ ⁵. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это имѣетъ мѣсто, нужно избѣгать крайнихъ наказаній за совокупность вреда и нарушенія нормъ

¹ „Exilium, relegatio ex monarchia, provincia vel gubernio, aut alio loco habitationis si delinquenti dictetur, injuria infertur illis, ad quos mittitur delinquens, novis sceleribus in ignotos grassaturus: qui vero ex fragilitate et lenitate animi deliquit, ubi relegatus fuerit, facile ex desperatione ad illicita prolabetur media...“, Op. cit., p. 21.

² Op. cit., p. 21 seq.

³ „Huc spectant omnia instituta religiosa, moralia, literaria, omniumque artium cultura. Quo perfectior fuerit in aliqua natione institutio publica, quo salubriores jam fructus produxerit, eo plura actionum genera libertati conscientiae relinquere possunt...“, Op. cit., p. 13.

⁴ Op. cit., p. 13 seq.

⁵ Op. cit. ibid. et p. 24 seq.

морали и религiи. К. Пауловичъ считаетъ недопустимой смертную казнь даже за одинъ изъ тягчайшихъ видовъ половыхъ преступленiй—кровосмѣшенiе ¹.

К. Пауловичъ высказывается за устраненiе изъ уголовного кодекса самоубiйства, какъ преступленiя ², за привилегированiе дѣтоубiйства ³, осуждаетъ дуэль ⁴, искусно комбинируя доводы, говорящiе противъ ея допустимости.

Въ области имущественныхъ преступленiй К. Пауловичъ группируетъ детально случаи воровства и устанавливаетъ раціональные признаки его наказуемости ⁵.

Въ своемъ трудѣ К. Пауловичъ затрогиваетъ и принципы уголовного процесса, разрабатывая ихъ въ духѣ тѣхъ же началъ, что и право уголовное.

При оцѣнкѣ труда К. Пауловича «*De jure controverso legum criminalium*» нельзя не обратить вниманiя на то, что произведе-нiе это выступаетъ весьма яркимъ проявленiемъ уголовно-правовой мысли вѣка просвѣщенiя у тѣхъ его представителей, которые не останавливались передъ совершеннымъ переустройствомъ общественныхъ отношенiй. Защищая такiе взгляды, К. Пауловичъ не подвергаетъ ихъ измѣненiямъ, которыя произвелъ надъ ними Наказъ. И у Беккариа, и у Вольтера, и у Дидро К. Пауловичъ заимствуетъ то, что Наказъ, пользуясь первымъ, старался замѣ-стить доктриной компромисса. Духъ ученiй, основывающихъ идею государства на договорѣ и стремящихся обезпечить контрагентамъ соглашенiя наибольшую свободу, прiнимается К. Пауловичемъ въ основанiе своихъ построенiй со всѣми ихъ послѣдствiями. Стремленiе секуляризировать область права уголовного и выдѣлить

¹ „Utrum poena mortis contra incestum... utilis et necessaria sit? dubitare licet; id vero pro certo affirmari potest, etiam in casibus illis, quibus Moyses poenam mortis dictavit, nostra aetate ab ejus lege cum fructu legislatores recedere, ut plurima exempla docent...“, Op. cit., p. 25.

² Op. cit., p. 13—16, passim.

³ Op. cit., p. 25 seq.

⁴ Op. cit., p. 26 seq.

⁵ Op. cit., p. 23 seq.

изъ нея область морали, какъ сферу, регулируемую другими нормами, проходитъ красною нитью черезъ весь его трудъ.

Въ то же время изложеніе К. Пауловича не носитъ безусловно рецептивнаго характера. Онъ выдвигаетъ въ наказаніи элементъ исправительности въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлаетъ, напр., Беккарія и видитъ гарантію улучшенія преступника въ томъ, чтобы при опредѣленіи наказанія считаться съ мотивами, — съ побужденіями (stimuli) дѣятеля. Увлекаясь принципомъ равенства наказанія для всѣхъ сословій, К. Пауловичъ не подчеркиваетъ всего значенія индивидуализаціи наказанія, что мы видѣли, напр., у Сервэна и изъ нашихъ писателей у И. Лопухина. К. Пауловичъ съ большей опредѣленностью, чѣмъ Беккарія, относится отрицательно къ тѣлеснымъ наказаніямъ, подчеркиваетъ срочность правопораженія, какъ необходимый выводъ изъ исправительности наказанія, не придаетъ почти никакого значенія денежнымъ наказаніямъ, какъ карательной мѣрѣ, безусловно отрицательно относится къ изгнанію и высоко ставитъ колонизаціонную ссылку.

Принципы, на которыхъ К. Пауловичъ предлагаетъ построить преступленія религіозныя, противъ половой нравственности и свободы печати, обнаруживаютъ въ немъ криминалиста, проникшагося проповѣдью энциклопедистовъ и, ближайшимъ образомъ, Вольтера.

Въ общемъ, повторяемъ, въ трудѣ К. Пауловича мы имѣемъ вѣрную картину уголовно-правовыхъ идей, выдвинутыхъ во вторую половину XVIII в., и, ближайшимъ образомъ, стремленій, подсканныхъ сознаніемъ необходимости реформы уголовного права въ духѣ поставленія на первомъ мѣстѣ личности, требующей бережнаго отношенія къ ней государства въ его стремленіи преодолѣть преступность.

С. Сторонники психологическаго обоснованія уголовного права.

Хр. Ю. Л. Штельцеръ.—П. Д. Лодій.—В. К. Елпатьевскій.—Г. С. Гордѣенко.

Естественно-правовыя ученія въ формѣ принциповъ уголовного законодательства, приспособленнаго къ торжеству свободы и

независимости индивида въ государствѣ, подверглись въ Германіи конца XVIII в. болѣе детальной обработкѣ, на почвѣ углубленія ихъ и провѣрки съ точки зрѣнія психологическихъ законовъ, заложенныхъ въ чловѣкѣ.

Въ этомъ направленіи много сдѣлалъ Х. Ю. Л. Штельцеръ, которому суждено было связать свою дѣятельность и съ русской наукой. Въ началѣ XIX в., съ 1806 по 1812 г., мы застаемъ его въ Московскомъ университетѣ и, позднѣе, въ Дерптскомъ, проповѣдующимъ свои взгляды на роль психологіи въ дѣлѣ построенія уголовно-правовыхъ конструкцій, призванныхъ объяснить положительное право. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же идей мы встрѣчаемся въ германской литературѣ у А. Фейербаха въ его поискахъ объединяющаго начала для догматическихъ построеній и у А. Бауэра¹, вносящаго только нѣкоторыя поправки въ общій психологическій принципъ А. Фейербаха². Это теченіе криминалистической мысли нашло своихъ адептовъ и въ Россіи. Съ нѣскольکو своеобразной его защитой, ищущей опорныхъ пунктовъ въ болѣе старыхъ ученіяхъ, мы встрѣчаемся

¹ Въ примѣненіи къ уголовному праву А. Бауэръ не останавливается на началахъ чистаго естественнаго права, которое онъ понимаетъ какъ „durch die Vernunft gegebenen Rechtsgesetze“, А. Bauer, Lehrbuch des Naturrechts, Gött., 1825, § 7, S. 7, и строго отграничиваетъ его не только отъ положительнаго права, Op. cit., § 12, S. 13, но и отъ теоріи положительнаго права, въ которой видятъ „die geordnete Darstellung der Ergebnisse, welche aus einer Prüfung der Rechtmässigkeit und Zweckmässigkeit positiver Gesetzsgebungen sich ableiten lassen“, Op. cit., § 13, S. 15. Поскольку у А. Бауэра идетъ рѣчь объ уголовномъ правѣ, онъ трактуетъ его, прежде всего, какъ философію или теорію положительнаго права. Ср. А.

Bauer, Die Warnungstheorie, Gött. 1830, Vorg., S. V u. f. Онъ признаетъ притомъ, что о наукѣ уголовного права не можетъ быть рѣчи безъ сведенія ея къ одному верховному принципу. „Ohne ein höchstes Grundprincip gibt es keine wahre Wissenschaft des Strafrechts...., mithin auch keine Philosophie des positiven Strafrechts“, Die Warnungstheorie, Gött., 1830, ibid.

² О возраженіяхъ противъ теоріи психологическаго принужденія А. Фейербаха, которыя, какъ думаетъ А. Бауэръ, невозможны противъ его теоріи предостереженія, ср. Die Warnungstheorie, nebst einer Darstellung und Beurtheilung sämmtl. Strafrechtstheorien, Gött. 1830, § 46, S. 206—224.

у П. Лодія и на другихъ началахъ у В. Елпатъевскаго и Г. Гордѣенко.

Хр. Юл. Луд. Штельцеръ представляетъ собой одного изъ непосредственныхъ предшественниковъ А. Фейербаха. Значеніе научной дѣятельности Х. Штельцера до сихъ поръ не оцѣнено въ должной мѣрѣ въ отношеніи роли, сыгранной имъ въ дѣлѣ объединенія теорій естественнаго права съ разработкой положительнаго права усиліями практиковъ и въ особенности по обоснованію на психологіи коренныхъ проблеммъ теоріи уголовного права. Жизнь Хр. Штельцера сложилась крайне неудачно и онъ окончилъ ее въ Берлинѣ всѣми оставленный въ скромномъ званіи приватъ-доцента университета въ 1831 году ¹.

Въ эпоху его московской дѣятельности Хр. Штельцеръ читалъ въ ряду другихъ курсовъ «всеобщее право частное и уголовное съ присоединеніемъ критическаго разбора отступленій отъ онаго въ римскомъ и другихъ правахъ» ², «начатки уголовного

¹ Біографическія свѣдѣнія о Хр. Ю. Штельцерѣ см. въ Біографич. слов. проф. и преподав. И. М. У., ч. 2, 1855, стр. 633; С. Шевыревъ, Исторія И. М. У., стр. 392 и сл., 363, 404 и сл.; Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей И. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за столѣтїе его существованія (1802—1902), т. 1, стр. 553—557.

Хр. Штельцеръ родился въ Salzwedel'ѣ въ Altmark'ѣ 16 (или 17) февр. 1758, Біограф. слов. проф. Юр. ун., т. 1, стр. 553. Въ 1792 году онъ становится докторомъ, а въ 1795 году экстраординарнымъ профессоромъ въ Галле. Въ 1806 г. Хр. Штельцеръ назначается ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, въ которомъ остается до 1812 г. Онъ переходитъ въ 1813 году въ Дерптъ, не ужившись въ Москвѣ и навлекши на себя процессъ. Въ 1814 году, когда Хр.

Штельцеръ еще формально числился на службѣ въ Московскомъ университетѣ, съ него взята „полная квитанція“ въ томъ, „что никогда нигдѣ никакихъ просьбъ подавать не будетъ. Какую квитанцію долженъ онъ дать на нѣмецкомъ языкѣ, дабы сей коварный и злобный человекъ послѣ не имѣлъ отговорки, что по незнанію русскаго языка онъ требуемую далъ“, Біограф. слов. профес. Юрьев. унив., стр. 554. Въ Дерптскомъ университетѣ Хр. Штельцеръ былъ вскорѣ (въ 1815 г.) избранъ ректоромъ, но, замѣшанный въ извѣстномъ дѣлѣ о неправильномъ присужденіи докторскихъ степеней, былъ удаленъ изъ университета, Ор. cit., стр. 556. Въ 1820 году Хр. Штельцеръ былъ прив.-доц. при Берлинскомъ университетѣ. Онъ скончался 8 окт. 1831 г.

² Біограф. слов. И. М. У., ч. 2, стр. 633.

права», «уголовную психологию» по Галлю¹ и «философию уголовного права»². Хр. Штельцеръ издалъ въ то же время нѣсколько печатныхъ трудовъ, изъ которыхъ выясняется болѣе или менѣе отчетливо характеръ упомянутыхъ чтеній.

Курсъ Хр. Штельцера: «всеобщее право частное и уголовное съ присоединеніемъ критическаго разбора отступленій отъ онаго въ римскомъ и другихъ правахъ» воспроизведенъ въ его «*Elementa iurisprudentiae universalis*»³.

Подъ всеобщимъ Хр. Штельцеръ разумѣетъ право, построенное изъ соображеній чистаго разума и права, примѣняемаго въ жизни⁴. Обнимая права и обязанности всѣхъ культурныхъ народовъ⁵, оно распадается на право рациональное и положительное. Первое изъ нихъ «*ius rationale*» заключаетъ въ себѣ право «естественное» (*naturale*) и «гражданское» (*civile*). «Естественнымъ» правомъ руководствуются люди внѣ гражданского общества, «гражданскимъ» — живущіе въ обществѣ⁶. При изученіи нормъ послѣдняго можно ограничиться изученіемъ «естественнаго» права съ тѣми видоизмѣненіями, которыя предписываются высшимъ разумомъ въ интересахъ общества⁷. Въ этомъ смыслѣ изученіе всеобщаго права способно содѣйствовать уразумѣнію духа законодательства разныхъ народовъ и тѣхъ началъ чистаго разума, которыми они могутъ быть усовершенствованы⁸.

«*Elementa iurisprudentiae universalis*», по замыслу Хр. Штельцера, должны были обнять собой въ его изложеніи, въ пер-

¹ С. Шевыревъ, Ист. И. М. У., стр. 363.

² С. Шевыревъ, Ист. И. М. У., стр. 404 и сл.

³ *Elementa iurisprudentiae universalis; in usum praelectionum scripsit D. Chr. Iul. Steltzer, Mos. 1811.*

⁴ „Nihil mihi visum est... sublimius, quam totius iuris universalis principia tum e consuetudine, tum ex ipsa ratione colligere...“ *Elem. iurispr. univ., p. VI.*

⁵ „Jus universale intellegimus, quod omnium excultarum gentium jura et obligationes complectitur“, *Elem. iurispr. univ., p. 2, § 4.*

⁶ *Elem. iurispr. univ., p. 2, § 5.*

⁷ „In praeliminari iuris studio civilis nulla separandi ratio, sed satis est, ut, positis principiis iuris naturalis rationalis..., modificationes adiciantur, pro civitatis utilitate, a summa ratione decretae“, *Elem. iurispr. univ., p. 3, § 5.*

⁸ *Elem. iurispr. univ., p. 4, § 7.*

вой части, право «гражданское» частное, во второй—«право уголовное и церковное»¹. Последней не суждено было увидѣть свѣта, но тѣ начала уголовного права, которыя Хр. Штельцеръ понимаетъ какъ естественную теорію уголовного права, онъ развилъ въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ, обработавъ предметъ въ цѣломъ², а отчасти монографически.

Въ основаніе уголовного права Хр. Штельцеръ полагаетъ договорную теорію³, выводя изъ нея формы виновной отвѣтственности гражданъ за посягательства и право наказанія⁴.

Возникнувъ договорнымъ путемъ, формы воздѣйствія на дѣянія, нежелательныя для общества, получаютъ, какъ и сами посягательства, очертанія, соотвѣтствующія особенностямъ и дѣйствию человѣческой воли. Последняя, съ точки зрѣнія Хр. Штельцера, опредѣляется въ своемъ дѣйствіи разумомъ и сама по себѣ выступаетъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ продуктомъ разума⁵. Отсюда вытекаетъ то, что всѣ формы виновнаго отношенія къ преступнымъ послѣдствіямъ, хотя и проникнуты волевымъ характеромъ, но воля сама по себѣ не что

¹ Elem. iurispr. univ., praef., p. XI

² Хр. Штельцеру принадлежатъ два учебника по уголовному праву: Chr. Iul. Steltzer, Lehrbuch des deutschen Criminalrechts, Halle, 1793 и Allgemeine Grundsätze des peinlichen Rechts, I Th., Erf. 1788. Первый трудъ посвященъ, главнымъ образомъ, изложенію положительнаго уголовного законодательства Германіи, причемъ въ основаніе особенной части положена система des Allgemeinen Gesetzbuchs Preussens, Vor., S. II. Въ болѣе раннемъ трудѣ, Grundsätze, Х. Штельцеръ затрогиваетъ общія ученія уголовного права въ духѣ близкомъ къ ученіямъ естественнаго права.

³ „Das äussere Gesetz, пишетъ Хр. Штельцеръ, wurde die vertragsmässige Stimme der ganzen Nation, von ihr selbst verkündet, oder, Namens des Volkes, von einem

oder mehreren Stellvertretern desselben, in dessen Willen der Wille aller vereint war...“, Chr. Steltzer, Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, Halle, 1795, S. 2.

⁴ „Siesuchten durch äussere Gesetze den Willen der Vernunft sich gegenseitig anschaulicher zu machen, und verbanden, zur Stärkung der Aufmerksamkeit, Nichtbefolgung mit positiven Gefahren...“, ibid.

⁵ „Der Wille, пишетъ Хр. Штельцеръ, das heisst das Vermögen, seine Begehungen nach Begriffen von Mitteln und Zwecken zu bestimmen, nicht nur etwas Vernunftmässiges, sondern in allen seinen Successionen, ein Produkt der Vernunftseinmüsse“, Ch. Steltzer, Ueber den Willen, eine psychologische Untersuchung für das Criminalrecht, Leipz. 1817, S. 3.

иное, какъ порожденіе представленій, оцѣнваемыхъ разумомъ и избираемыхъ послѣднимъ, какъ возможное или необходимое. Воля, такимъ образомъ, является только результатомъ оцѣнки разумомъ хотѣній¹. Разлагая волю правонарушителя на элементы представленія, Хр. Штельцеръ думаетъ, что всѣ тѣ формы виновнаго отношенія къ дѣйствіямъ, которыя должны быть установлены въ интересахъ общества, сводятся въ то же время къ различнымъ комбинаціямъ представленій. Хр. Штельцеръ выступаетъ въ этомъ случаѣ первымъ представителемъ т. наз. *Vorstellungstheorie* въ опредѣленіи элементовъ умысла и на той же основѣ конструируетъ и вину неосторожную и характеризуетъ область вмѣняемаго вообще².

Экскурсъ, предпринятый Хр. Штельцеромъ въ область психологіи воли для установленія соответствующихъ задачамъ уголовнаго права формъ виновности, по самому замыслу своему, знаменуетъ положеніе начала уголовной теоріи въ смыслѣ обоснованія ея на данныхъ психологіи, очищенной отъ этики. Въ этомъ отношеніи Хр. Штельцеръ и выступаетъ непосредственнымъ предшественникомъ А. Фейербаха³. Независимо отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ Хр. Штельцеръ въ результатъ своего построенія ученія о формахъ виновности, мы встрѣчаемся въ его конструкціи съ попыткой поставить уголовно-правовыя ученія на психологическій базисъ и придать послѣднимъ характеръ, позволяющій обособить ихъ не только отъ общихъ ученій о правѣ въ духѣ школы естественнаго права, но

¹ Ch. Steltzer, Ueber den Willen, Leipz. 1817, S. 4. „Begehungen sind nur Erzeugnisse der Vorstellungen, worüber die Vernunft erst abspricht, aus denen sie erst das Nothwendige und das Mögliche bestimmt; und das Resultat ihres Urtheils über den Werth der Begehrung ist Wille (im objectiven Sinn)“.

² Ср. Ch. Steltzer, Ueber den Willen, Leipz. 1817, S. 159, 160—

163, 238 и. ан., гдѣ этотъ криминалистъ подробно развиваетъ свой взглядъ на природу умысла и неосторожности въ духѣ *Vorstellungstheorie*, а равно, S. 167—173, 249 и. ан., посвященные конструкціи ученія о вмѣненіи.

³ См. о предшественникахъ А. Фейербаха въ этой области, Г. Фельдштейнъ, Ученіе о формахъ виновности въ уголовномъ правѣ, М. 1902, стр. 23 и слѣд., прим. 20.

признать за ними роль доктрины, полагающей основание теории уголовного права, какъ самостоятельной дисциплины.

Договорная теорія, служащая для Хр. Штельцера основаниемъ, изъ котораго вытекаетъ право наказанія, даетъ ему въ связи съ психическими законами, наблюдаемыми имъ въ человѣкѣ, прочную почву для конструированія цѣлей наказанія. Процессъ проявленія воли обнаруживаетъ въ послѣдней дѣйствиіи представленій. Въ интересахъ общества это теченіе представленій при помощи наказанія можетъ быть регулировано въ томъ направленіи, какъ это желательно для общества, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы у людей не возникало стремленія нарушить правопорядокъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Хр. Штельцеръ усматриваетъ цѣль наказанія въ устрашеніи возможнаго правонарушителя и исправленіи дѣйствительнаго посягателя ¹. Исправленіе Хр. Штельцеръ понимаетъ не въ смыслѣ нравственпомъ, но чисто юридическомъ ². Въ то же время Хр. Штельцеръ полагаетъ, что и принципами устрашенія и исправленія не опредѣляется въ достаточной степени самая мѣра наказанія. Для установленія послѣдней необходимо еще считаться съ соображеніями справедливости ³. Это осуществляется въ томъ случаѣ, когда преступнику будетъ причинено страданіе, соотвѣтствующее выгодѣ, имъ извлеченной ⁴. При опредѣленіи наказанія по такому масштабу нужно исходить изъ нормы средняго человѣка, регулируемой въ отдѣльныхъ случаяхъ усмотрѣніемъ судьи ⁵.

Подвергая оцѣнкѣ отдѣльныя наказанія, Хр. Штельцеръ не

¹ Ch. Steltzer, Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, Halle, 1795, S. 2.

sens neues Criminalgesetz, Halle, 1795, S. 3.

² Ch. Steltzer, Kritik über des Freyherrn von Eggers Entwurf eines peinlichen Gesetzbuchs für die Herzogthümer Schleswig und Holstein; mit eingewebten Urtheilen über verschiedene Materien des Kriminalrechts, Alt., 1811, S. 5.

⁴ „... Das Leiden, welches aus der Strafe dem Verbrecher erwächst, so gross seyn müsse, als der Vorthail, welchen er zog“. Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, 1795, S. 42.

⁵ Ch. Steltzer, Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, Halle, 1795, S. 42, 43.

³ Ch. Steltzer, Kritik über Preus-

высказывается противъ допустимости смертной казни, въ которой онъ видитъ «ein nothwendiges Sicherungsmittel»¹.

Труды Хр. Штельцера изобилуютъ подробнымъ теоретическимъ и практическимъ анализомъ особенной части уголовного права. Для насъ достаточно будетъ указать, что именно въ этой области онъ защищаетъ ученія, характеризующія собою эпоху конца XVIII в. Онъ не склоненъ видѣть сущности религіозныхъ преступленій въ оскорбленіи самаго божества. «Deorum injuriae, припоминаетъ Хр. Штельцеръ афоризмъ Тацита, diis curae sunt»². Политическія преступленія, полагаетъ Хр. Штельцеръ, должно трактовать въ духъ кротости. Смертная казнь, даже за тягчайшіе виды ихъ, неумѣстна³, равно какъ и конфискація имущества⁴ и другія исключительныя постановленія, примѣняемыя къ этого рода деликтамъ.

Частный вопросъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ Хр. Штельцеръ подвергъ монографической обработкѣ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, время появленія котораго выпадаетъ на эпоху преподаванія имъ уголовного права въ Москвѣ⁵. Онъ касается въ немъ вопроса о классификаціи ранъ, по ихъ значенію для установленія состава преступленія и мѣры вѣнченія. Хр. Штельцеръ оперируетъ въ этомъ трудѣ съ рядомъ судебно-медицинскихъ опредѣленій и къ господствующему въ то время дѣленію ранъ на смертельныя и несмертельныя присоединяетъ группы: «vulnera absolute letalia et relative aut conditionatim letalia»⁶. Къ первымъ онъ относитъ и тѣ, которыя оказываются смертельными по индивидуальнымъ особенностямъ даннаго случая, ко вторымъ—раны сомнительныя и обусловившія смерть по причинѣ непримѣненія

¹ Ch. Steltzer, Kritik über des Freyherrn von Eggers Entwurf, Alt. 1811, S. 7 u. 13.

² Ch. Steltzer, Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, Halle, 1795, S. 80.

³ Ch. Steltzer, Op. cit., S. 129.

⁴ Ch. Steltzer, Op. cit., S. 130 u. f.

⁵ De apto vulnerum qualitatem definiendi modo, ad corpus delicti constituendum et imputationem decernendam, Oratio die 30 Junii 1808... habita a Ch. Steltzer.

⁶ De apto vulnerum qualitatem definiendi modo, p. 11.

должнаго врачеванія ¹. Изложеніе Хр. Штельцеръ ведетъ въ духѣ уясненія общей принципіальной точки зрѣнія и только попутно останавливается на опредѣленіяхъ права римскаго и германскаго².

Въ духѣ созданія изъ вольфіанскихъ ученій естественнаго права особой теоріи уголовнаго права и обоснованія ея при помощи психологическихъ данныхъ, работалъ у насъ въ началѣ XIX в. профессоръ Петербургскаго университета П. Д. Лодій ³.

Преподавая естественное право на основахъ вольфіанства и руководствуясь извѣстнымъ трудомъ К. Мартини «*De lege naturalī positiones*», Vien. 1782, а равно «Частнымъ естественнымъ правомъ», Спб. 1809, Цейллера, не лишеннымъ элементовъ кантіанства, П. Лодій заинтересовывается вскорѣ кризисомъ, переживаемымъ въ эту эпоху уголовнымъ правомъ, обособляющимся изъ системы общей юриспруденціи, и принимаетъ основы воззрѣній А. Фейербаха. Онѣ развиты въ заключительномъ трудѣ П. Лодія «Теорія общихъ правъ».

Принципамъ уголовнаго законодательства П. Лодій посвя-

¹ *Op. cit.*, p. 12.

² *Ср.*, напр., p. 18 *seq.*

³ Біографическія данныя о П. Д. Лодіи см. С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, Историч. записка сост. В. Григорьевымъ, Спб. 1870, стр. 10 и слѣд.; Первое двадцатипятилѣтіе имп. Спб. университета, Историч. записка, читан. рект. унив. П. Шлетневымъ, Спб. 1844, стр. 39 и слѣд.; А. Никитенко, Похвальное слово проф. П. Лодію, Сѣверная пчела 1829, іюнь; Гр. Геннади, Справочн. слов., т. 2, Берл. 1880, стр. 246—247; Энциклопедическій словарь, т. 17а, Спб. 1896, стр. 907.

Петръ Дмитриевичъ Лодій род. въ Мункачѣ въ Карпатской Руси въ 1764 г. Въ 1787 г. онъ выступаетъ какъ профессоръ философіи Львовскаго университета, въ 1801 г. переходитъ въ Краковскій университетъ, а отсюда приглашается въ

1803 г. въ Педагогическій институтъ въ Спб. на кафедру логики, метафизики и нравственной философіи. Съ преобразованиемъ института онъ переходитъ въ Спб. университетъ въ 1819 г., В. Григорьевъ, *Op. cit.*, стр. 5. Еще въ институтѣ на П. Лодія возложено было преподаваніе наряду съ правомъ естественнымъ и права уголовнаго, ср. В. Григорьевъ, *Op. cit.*, стр. 11. П. Лодію принадлежитъ переводъ „Частнаго естественнаго права“ Цейллера, Спб. 1809, первой части „Уголовнаго права“ А. Фейербаха, Спб. 1810, переводъ труда А. Фейербаха „*De crimine laesae majestatis*“ и оригинальныя произведенія: „Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго, Спб. 1815 и Теорія общихъ правъ, Спб. 1828. П. Лодій умеръ въ іюнь 1829 г.

щаетъ въ своей «Теоріи общихъ правъ» отдѣлъ «Объ уголовной судебной власти»¹, которымъ, повидимому, и ограничивается результатъ его самостоятельныхъ трудовъ въ этой области².

П. Лодій различаетъ въ правѣ законы положительные и естественные. Первые «происходятъ изъ дѣлоположеній или отъ воли верховнаго правителя»,—вторые «изъ сущности государства и однимъ разумомъ понимаются»³. Взаимоотношеніе этихъ областей П. Лодій представляетъ себѣ въ томъ видѣ, что принципы философскаго права являются теоріей положительныхъ законовъ, систематизирующей ихъ и намѣчающей пути ихъ развитія. Въ основаніе философскаго естественнаго права П. Лодія положены реальныя свойства человѣческаго духа, психологическая природа человѣка, въ чемъ и заключается причина обязательности и истинности этого права.

Преступленіе П. Лодій понимаетъ какъ «произвольное дѣяніе, по закону наказаніемъ впредь угрожаемое и правамъ другого противоборствующее». Оно предполагаетъ внѣшнее дѣйствіе, какъ «произвольное дѣянія исполненіе»⁴. Бороться съ преступленіемъ, полагаетъ П. Лодій, всего цѣлесообразнѣе тѣмъ путемъ, который идетъ навстрѣчу особенностямъ проявленія человѣческой, воли. Если при помощи уголовного закона, грозящаго наказаніемъ, побуждать человѣческую волю дѣйствовать въ желательномъ для общества направленіи, то такой путь «показывается предъ всѣми прочими средствами, употребляемыми къ преградѣ преступленій»⁵. Разъ наказанія устанавливаются въ видахъ психологическаго принужденія, то необходимымъ условіемъ использованія послѣдняго является предположеніе, что «поведеніе (наказываемыхъ) принимается основаннымъ на способности ихъ желанія»...⁶. Такъ какъ преступленіе представляется дѣйствіемъ опаснымъ для общества, то самый

¹ П. Лодій, Теорія общихъ правъ, Спб. 1828, стр. 115—178.

² П. Лодій, Теорія общихъ правъ, Спб. 1828, стр. III.

³ П. Лодій, Op. cit., § 3, стр. 3.

⁴ П. Лодій, Op. cit., § 128, стр. 115.

⁵ П. Лодій, Op. cit., § 131, стр. 119; ср. также § 134, стр. 122 и сл.

⁶ П. Лодій, Op. cit., § 147, стр. 137 и сл.

размѣръ вреда и опасности его не можетъ, въ свою очередь, не оказывать вліянія на размѣръ наказанія. «Чѣмъ большею опасностью преступленія угрожаютъ праву, тѣмъ большее количество наказанія будетъ противъ нихъ правомѣрное или законное»¹. «Гражданскому наказанію» могутъ подлежать, полагаетъ П. Лодій, въ противность А. Фейербаху², и нравственные лица на тотъ, однако, случай, когда это логически допустимо³. Каждый разъ должна быть установлена непосредственная связь между волей нравственнаго лица и посягательствомъ. «Одесатованіе и жребій», какъ пріемъ наказанія, представляются П. Лодію «средствами неприличными»⁴. Примѣненіе смертной казни къ физическимъ лицамъ П. Лодій считаетъ совершенно допустимымъ⁵. Скажемъ въ заключеніе, что рядъ положеній изъ общей теоріи наказанія П. Лодій заимствуетъ у вольфганца Мартина⁶.

Съ болѣе самостоятельными попытками обоснованія принципа уголовного права на психологіи мы встрѣчаемся въ началѣ XIX в. у нашихъ криминалистовъ В. К. Елпатьевскаго и Г. С. Гордѣенко. Оба они представляютъ интересъ въ томъ смыслѣ, что, хотя и идутъ по протореннымъ путямъ, но обосновываютъ опредѣленные начала иногда самобытнымъ путемъ на почвѣ доктрины естественнаго права того оттѣнка, которая послужила канвой и для А. Фейербаха. И В. Елпатьевскій и Г. Гордѣенко высказываютъ въ общемъ взгляды, опирающіеся на ученія Наказа.

В. К. Елпатьевскій⁷, преподававшій, по свѣдѣніямъ однихъ

¹ П. Лодій, *Op. cit.*, § 150, стр. 143.

² Ср. Г. Фельдштейнъ, Г. И. Солнцевъ, *Пред. къ Россійскому уголовному праву*, стр. XLVIII, прим. 1.

³ П. Лодій, *Op. cit.*, § 175, стр. 176 и сл.

⁴ П. Лодій, *Op. cit.*, § 175, стр. 178.

⁵ П. Лодій, *Op. cit.*, § 164, стр. 165 и сл.

⁶ П. Лодій, *Op. cit.*, § 161.

⁷ Біографическія свѣдѣнія о В. К. Елпатьевскомъ чрезвычайно скудны. Ср. Гр. Геннади, *Справочный словарь о русскихъ писателяхъ*, т. 1, Берл. 1876, стр. 342; П. Плетневъ, *Первое двадцатипятилѣтіе имп. Спб. унив.*, Спб. 1844, стр. 30; В. Григорьевъ, *С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія*, Спб. 1870, стр. 53; *Записки и дневникъ А.*

съ 1824 г., а другихъ съ 1829 г., въ Петербургскомъ университетѣ теорію уголовного права по А. Фейербаху и А. Бауэру¹, не оставилъ печатныхъ трудовъ. Мы имѣемъ тѣмъ не менѣе весьма точную записъ его лекцій подъ именемъ «Теоріи уголовного права»².

В. Елпатьевскій строго различаетъ философское уголовное право и положительное.

Первое выводится изъ идеи практическаго разума и, будучи приведено въ систему, составляетъ теорію уголовного права, «которой задача состоитъ въ положеніи твердаго основанія для нау-

Никитенко, т. 1, Сиб. 1893, стр. 200
Въ Арх. Петербург. унив. о В. К. Елпатьевскомъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній.

Василій Кондратьевичъ Елпатьевскій, родившійся въ 1789 г., былъ воспитанникомъ Петербургскаго университета. Нѣкоторое время онъ выступаетъ релатиторомъ лекцій проф. П. Лодія, П. Плетневъ, Ор. cit., стр. 30, но въ 1824 году начинаетъ читать самостоятельно, В. Григорьевъ, Ор. cit., стр. 53. Гр. Геннадіи, Справоч. слов., т. 1, 342, говоритъ о 1829 г., какъ времени, когда В. Елпатьевскій опредѣляется адъюнктомъ на кафедре права естественнаго, политическаго и народнаго. В. Елпатьевскій читалъ до 1836 г. теорію уголовного права. Онъ скончался въ 1854 г.

¹ В. Григорьевъ, Ор. cit., стр. 53; Гр. Геннадіи, Ор. cit., стр. 342.

² Курсъ В. Елпатьевскаго „Теорія уголовного права“ былъ открытъ нами въ собраніи университетскихъ лекцій конца 20-хъ годовъ, принадлежавшихъ Евг. Вас. Пассеку, окончившему около этого времени юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Е. Пассекъ, родившійся 1801 († 1842), ср. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, Изъ даль-

нихъ лѣтъ, т. 1, изд. 2, Спб. 1905, стр. 328, прим., былъ ученикомъ В. Елпатьевскаго и сохранилъ записки его лекцій въ фамильномъ архивѣ, принадлежащемъ нынѣ, благодаря содѣйствію Е. М. Иванова, Историческому архиву И. Х. У. Хотя „Теорія уголовного права“ не помѣчена именемъ В. Елпатьевскаго, врядъ ли можетъ быть какое нибудь сомнѣніе въ принадлежности ея именно ему. Въ ней замѣтны слѣды вліянія ученій А. Фейербаха и А. Бауэра,—тѣхъ авторовъ, которыми официально пользовался В. Елпатьевскій, и въ то же время совершенно невозможно предположить, чтобы „Теорія“ принадлежала или П. Лодію, выустившему въ 1828 году свою „Теорію общихъ правъ“, или С. Боголюбову (1824—1832), читавшему часто практической курсъ, или, наконецъ, Е. Врангелю, преподававшему съ 1832 г. въ духѣ историческихъ приемовъ И. Неймана. Да и вообще, „Теорія уголовного права“ не составлена позднѣе 1831 года, такъ какъ въ ней понадаются ссылки на томы П. С. З., помѣченныя 1830 г., и самымъ позднимъ литературнымъ указаніемъ (§ 8) является трудъ П. Дегая, вышедшій въ 1831 году.

ки уголовного права и законодательства»¹. «Положительное уголовное право, въ свою очередь, есть наука о дѣйствительныхъ правахъ..., основанныхъ на созданныхъ наказательныхъ законахъ»². Содержаніе этихъ двухъ областей В. Елпатьевскій представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ. «Философское составленіе и изложеніе теоріи уголовного права не только опытъ не дѣлаетъ излишнимъ, но даже требуетъ принятія онаго въ должное вниманіе и соображеніе»...³. Коренными вопросами, подлежащими рѣшенію въ теоріи уголовного права, является, прежде всего, «юридическое основаніе наказательной власти», а затѣмъ общія проблемы объ уголовномъ законѣ, преступленіяхъ и наказаніяхъ и условіяхъ примѣненія послѣднихъ⁴. Такая схема, по мнѣнію В. Елпатьевскаго, уже намѣчена въ Наказѣ Екатерины II⁵. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ теоріи уголовного права нужно опираться, кромѣ разума, на матеріаль, доставляемый, съ одной стороны, психологіей и практической философіей, а, съ другой, «исторіей государствъ, въ которыхъ образовались дѣйствующие законы, исторіей уголовныхъ законовъ, уголовными законодательствами разныхъ народовъ»⁶. Только въ результатѣ сведенія въ одно цѣлое всего этого могутъ быть добыты «общія начала права»⁷. Слѣдуетъ избѣгать того, думаетъ В. Елпатьевскій, чтобы «принимать за общія и неизмѣнныя истины и права постановленія извѣстныхъ народовъ, именно къ ихъ обстоятельствамъ приспособленныя»⁸. Нужно не забывать въ то же время, что задачей теоріи уголовного права не можетъ быть возведеніе «совсѣмъ готоваго зданія науки уголовного права». Она только полагаетъ ей основаніе, предоставляя остальное наукѣ положительнаго уголовного права⁹.

¹ В. Елпатьевскій, Теорія уголовного права, § 5, а также § 9. Ср. А. Feuerbach, Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts, 14 Aufl. Gies. 1847, § 2.

² Op. cit., § 2. А. Feuerbach, Lehrbuch, § 2.

³ Op. cit., § 17.

⁴ Op. cit., §§ 5, 12.

⁵ Op. cit., § 12. В. Елпатьевскій ссылается на ст.ст. 144, 198, 204, 209, 213, 159 и 192 Наказа.

⁶ Op. cit., § 7, А. Feuerbach, Lehrbuch., § 6, S. 23.

⁷ Op. cit., § 16.

⁸ Op. cit., § 16.

⁹ Op. cit., § 15.

Послѣдняя извлекаетъ свои выводы изъ дѣйствующихъ узаконеній и въ систематическомъ изложеніи распадается на три части. Первую «составляютъ всеобщія начала о наказаніи законопротивныхъ дѣйствій вообще».., вторая «... излагаетъ самыя преступленія съ ихъ наказаніями, опредѣленными въ законахъ верховною властью...; третья.. часть составляетъ... судопроизводство»¹. Въ то время какъ теорія уголовного права представляетъ значительное единообразіе, наука положительнаго права отличается «великою разнообразностью», которая «изъясняется.. изъ важнаго участія, которое климатъ, народный характеръ, обычаи, вѣра, образованіе, устройство государственное и обстоятельства времени имѣютъ... на уголовное законодательство...»².

Въ своей «Теоріи уголовного права» В. Елпатьевскій останавливается на ученіи объ уголовномъ законѣ, преступленіи, наказаніи и условіяхъ примѣненія послѣдняго, предпосылая всему этому вопросы о юридическомъ основаніи наказанія и его цѣляхъ, какъ моментъ, дающемъ жизнь всѣмъ остальнымъ институтамъ уголовного права.

Ученіе объ уголовномъ законѣ В. Елпатьевскій отчасти приурочиваетъ къ отдѣлу «Объ общихъ началоположеніяхъ для уголовного судьи»³. Здѣсь онъ подвергаетъ изслѣдованію принципъ «*nullum delictum sine lege poenali*»⁴, вопросы о толкованіи закона⁵, аналогіи закона и права и пр.⁶. Одновременно онъ отводитъ и самостоятельное мѣсто вопросу объ уголовномъ законѣ⁷.

Преступленіе В. Елпатьевскій опредѣляетъ въ связи съ основнымъ принципомъ уголовного права, какъ «дѣйствіе, угрожаемое посредствомъ закона наказаніемъ» или «дѣйствіе, противное уголовному закону или нарушеніе сего закона»⁸. В. Елпатьев-

¹ Op. cit., § 4; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 4, S. 4 u. f.

² Op. cit., §§ 29, 30.

³ Op. cit., § 218 и сл.

⁴ Op. cit., § 225.

⁵ Op. cit., § 227 и сл.

⁶ Op. cit., §§ 230, 231.

⁷ Op. cit., §§ 95—108.

⁸ Op. cit., § 134. Это является повтореніемъ въ существенной части словъ А. Фейербаха, опредѣляющаго преступленіе, какъ „eine unter einem

скій считаетъ недопустимымъ понятіе «естественнаго преступленія», какъ такового, противопоставляемаго имъ «гражданскому преступленію» въ смыслѣ дѣйствій, «которымъ сіе качество долженствовалъ бы сперва придать положительный уголовный законъ для того, чтобы почестъ оныя преступленіямъ»¹. Допущеніе «естественнаго преступленія» равносильно признанію существованія такихъ преступленій, для которыхъ не требуется уголовного закона². Необходимость послѣдняго, какъ психологическаго средства предупрежденія преступленія въ существованіи государства, служить у В. Елпатьевскаго «юридическимъ основаніемъ наказательной власти». Онъ приходитъ къ этому выводу слѣдующимъ путемъ.

Государство возникаетъ изъ договора³. Послѣдній «даетъ государству высшее достоинство, государственной власти юридическое основаніе и гражданамъ дѣйствительное побужденіе охотно повиноваться законамъ и учрежденіямъ государства»⁴. Государство имѣетъ своей цѣлью «водвореніе гражданского состоянія» и «первая и важнѣйшая обязанность властителя государства состоитъ во всестороннемъ попеченіи гражданского порядка... Онъ долженъ стараться... отвращать... и... нарушенія внутренней тишины и спокойствія, которыя могутъ происходить отъ его подданныхъ»⁵. Это можетъ осуществляться, прежде всего, при помощи общаго предупрежденія правонарушеній путемъ угрозы наказаніемъ⁶ по слѣдующему соображенію. Предупрежденіе можетъ рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если считаться съ «источниками происхожденія дѣйствій, нарушающихъ тишину и спокой-

Strafgesetze enthaltene Beleidigung oder durch ein Strafgesetz bedrohte, dem Rechte eines Anderen widersprechende Handlung⁴, A. Feuerbach, Lehrbuch, § 21, S. 45.

¹ Op. cit., § 141.

² Op. cit., § 147.

³ Op. cit., § 42; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 8, S. 36.

⁴ Op. cit., § 43.

⁵ Op. cit., § 48; это мѣсто почти

дословный переводъ текста А. Бауэра, Die Warnungstheorie, Gött. 1830., § 5, S. 16, а равно Lehrbuch des Strafrechts, Göt. 1833, § 9, S. 25, взятаго изъ перваго изданія Lehrbuch'a, 1827, § 8.

⁶ Op. cit., § 60—62; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 10, 11, 12, S. 37 и. f.; A. Bauer, Die Warnungstheorie, Gött. 1830, § 5, S. 18; Lehrbuch, Gott. 1833, § 11, S. 27.

«ствіе гражданъ». Но такими источниками являются, съ одной стороны, «чувственность» человека ¹, а съ другой, «ложное мнѣніе дѣйствующаго» ² и «недостатокъ надлежащей омотрительности» ³; считаясь съ ними, наказаніе можетъ играть роль предостереженія ⁴. Но если наказаніе въ качествѣ предостереженія цѣлесообразно, то это не значитъ, что оно и необходимо. Последнее, однако, вытекаетъ «изъ неоспоримой и дѣйствительно признанной недостаточности прочихъ средствъ, имѣющихъ цѣлю вообще предупрежденіе всѣхъ нарушеній гражданского порядка». Предостереженіе въ этомъ смыслѣ предполагаетъ не только «угроженіе наказаніемъ въ законѣ»..., но и «дѣйствительное предостереженіе гражданъ отъ учиненія таковыхъ дѣйствій», т. е. примѣненіе наказанія ⁵. «Предостереженіе», по мнѣнію В. Елпатьевскаго, кромѣ того, вполне «совмѣстно» «съ правами гражданъ». Оно не содержитъ въ себѣ никакого принужденія, «не ограничиваетъ нравственной и юридической свободы гражданъ» и «имѣетъ цѣлю одно остановленіе непопозволенныхъ дѣйствій» ⁶.

То же начало позволяетъ В. Елпатьевскому ближе подойти къ понятію наказанія. Оно должно быть «зломъ, угрожаемымъ въ законѣ, въ законѣ гражданскомъ положительномъ, а не законѣ религіи (и) нравственномъ, властителемъ государства для предостереженія подданныхъ отъ непопозволенныхъ дѣйствій, и въ случаѣ преступленія, по силѣ сего закона причиняемымъ» ⁷. Для болѣе полнаго осуществленія цѣлей, на него возлагаемыхъ, наказаніе должно сообразоваться съ реальными условіями дѣйствительности

¹ Op. cit., § 69; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 13, S. 38.

² Op. cit., § 71.

³ Op. cit., § 72.

⁴ Op. cit., § 74 и сл.

⁵ Op. cit., § 83, а равно § 88; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 14, S. 38.

⁶ Op. cit., § 85. Это исправленіе теоріи психологическаго принужденія А. Фейербаха подсказано В. Елпатьевскому взглядами А. Бауэра, который писалъ: „die Strafdrohung, als eine blasse

Warnung der Bürger von gemein-gefährlichen Handlungen... keinen Zwang, mithin keinen Eingriff in die Rechte der Bürger, sondern ist mit der Freiheit derselben völlig vereinbar...“, A. Bauer, Abhandlungen aus dem Strafrechte, B. 1, 1840, S. 12; Lehrbuch, Gött. 1833, § 13, S. 29 u. f.

⁷ Op. cit., § 109; A. Feuerbach, Lehrbuch, § 15, S. 39.

и согласоваться «съ правилами права и политики»¹. Последнее предполагает изменение наказанія въ зависимости отъ степени совершенія и участія и моментовъ внутренней виновности.

Въ области совершенія, В. Елпатьевскій различаетъ «совершившееся преступленіе», «оконченное покушеніе» и «неоконченное покушеніе».

«Совершившееся преступленіе, пишетъ онъ, виновнѣе покушенія къ преступленію...; виновность умалается съ маловажностью опасности и малоцѣнностью вреда... Оконченное же покушеніе тѣмъ виновнѣе, чѣмъ болѣе оно приближается къ своему окончанію. Оконченное же покушеніе бываетъ тогда, когда дѣйствитель все то сдѣлалъ, что съ его стороны нужно было для совершенія умышеннаго преступленія и при всемъ томъ еще не воспослѣдовало дѣйствіе, потребное къ понятію о семъ преступленіи.... Покушеніе бываетъ не окончено, когда дѣйствитель не все то сдѣлалъ, что съ его стороны нужно было для исполненія преступленія»².

Въ сферѣ соучастія В. Елпатьевскій исходитъ изъ того, что «непосредственное участіе виновнѣе посредственнаго, ... уговорное виновнѣе случайнаго»... Онъ раздѣляетъ поэтому участниковъ на «виновниковъ», «помощниковъ» и «потворщиковъ». Подъ первыми онъ разумѣетъ тѣхъ, «кто замыслилъ самое преступленіе и чья дѣятельность непосредственно устремлена была на совершеніе преступленія». «Помощникомъ» является тотъ, «который своимъ содѣйствіемъ способствуетъ токмо преступленію, другимъ лицомъ замышленному»; наконецъ, «потворщикомъ» является лицо, которое «токмо по совершеніи преступленія съ противозаконнымъ на-

¹ Op. cit., § 175. §§ 176—182. О мѣрѣ наказанія разсматриваемой самой по себѣ; §§ 183—191, О мѣрѣ наказанія дознаваемой изъ виновности дѣйствія; §§ 192—203, О мѣрѣ наказанія дознаваемой изъ внутренней виновности дѣйствителя; §§ 204—235, о правилахъ для употреб-

ленія мѣры наказанія.

² Op. cit., § 187. Эти слова В. Елпатьевского представляютъ собой дословный переводъ соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ А. Бауэра. Ср. A. Bauer, Abhandl. aus dem Strafrechte, B. 1, 1840, Von dem Versuche eines Verbrechens, § 5, n. A., S. 331 и n. B., S. 334.

мѣреніемъ участвуетъ либо въ дѣлъ, либо въ лицѣ преступника»...¹.

Вопросъ о вліяніи субъективной виновности и ея видовъ на наказаніе В. Елпатьевскій затрогиваетъ въ отдѣлѣ «О мѣрѣ наказанія, дознаваемой изъ внутренней виновности дѣйствителя».

Умысель, по В. Елпатьевскому, предполагаетъ, съ одной стороны, элементъ сознанія и, съ другой, волю дѣйствующаго. Въ умысель входитъ «во 1-ыхъ сознаніе качества дѣйствія какъ преступленія; во 2-ыхъ воля къ учиненію онаго»². В. Елпатьевскій различаетъ предумышленіе, какъ болѣе наказуемую форму по сравненію съ умысломъ аффектированнымъ. «Преступленіе, затѣянное или совершенное съ размышленіемъ, говоритъ онъ, виновнѣе учиненнаго въ сильномъ душевномъ волненіи»³.

Неосторожность В. Елпатьевскій рассматриваетъ какъ такое состояніе нарушителя, когда онъ «не имѣлъ противозаконной воли къ причиненію вреда, происшедшаго отъ его дѣйствія», и какъ такую форму вины, при которой «нарочито уменьшается виновность»⁴. В. Елпатьевскій различаетъ отдѣльные виды неосторожности: «близкую или неосторожную неосмотрительность» и «отдаленную и непосредственную неосмотрительность». Первая состоитъ въ томъ, что «виновный дѣйствительно предвидѣлъ, что изъ его дѣйствія можетъ произойти нежелаемое имъ послѣдствіе, противное наказательному закону, и не смотря на то, предпринялъ дѣйствіе». Этотъ видъ представляется формой болѣе наказуемой. «Отдаленная и непосредственная неосмотрительность» состоитъ въ

¹ Op. cit., § 188. О подраздѣленіяхъ „виновниковъ“, „помощниковъ“ и „потворщиковъ“ В. Елпатьевскій трактуетъ съ большей подробностью, полагая въ основаніе классификаціи характеръ ихъ умысла, ср. § 189—191. Дѣленіе В. Елпатьевского на „виновниковъ“, „помощниковъ“ и „потворщиковъ“ совпадаетъ съ понятіями „Urheber“, „Gehülfe“ и „Begünstiger“ у А. Фейербаха, Ср. Lehrbuch,

§§ 44—53, S. 80—97.

² Op. cit., § 193; А. Feuerbach, Lehrbuch, § 54, S. 99.

³ Op. cit., § 198. Это дѣленіе соответствуетъ принимаемымъ А. Бауэромъ понятіямъ „überlegter Vorsatz“ и „übereilter Vorsatz“, А. Bauer, Abh. aus dem Strafrechte, 1 B. 1840, Von der Verschuldung, S. 274 u. f.

⁴ Op. cit., § 200; А. Feuerbach, Lehrbuch, § 54, S. 99.

томъ, «что виновникъ могъ бы предусмотрѣть сію опасность своего дѣйства, но онъ оставилъ необходимое для того и требуемое закономъ употребленіе познавательной способности»¹. Кроме этого дѣленія В. Елпатьевскій различаетъ еще отбѣнки неосторожности по степени вѣроятности наступленія противозаконнаго послѣдствія².

Отводя огромную роль предостерегающему дѣйствию уголовного закона въ борьбѣ съ преступленіемъ, В. Елпатьевскій въ то же время не признаетъ за нимъ значенія единственнаго и исключительнаго средства.

В. Елпатьевскій возлагаетъ на «властителя» обязанность предупрежденія преступленій въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ понимаетъ подъ такими мѣрами, главнымъ образомъ, «народное воспитаніе»³, «установленіе благочинія» и мѣры противъ бродяжничества⁴.

Врядъ ли можетъ быть какое нибудь сомнѣніе въ крайней близости къ ученіямъ А. Фейербаха и А. Бауэра взглядовъ, развиваемыхъ В. Елпатьевскимъ.

Выставляя въ качествѣ верховнаго принципа уголовного права «основаніе наказательной власти» и обуславливая рѣшеніемъ его общій характеръ институтовъ уголовного права, В. Елпатьевскій остается на пути, намѣченномъ А. Фейербахомъ. Онъ очень часто принимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поправки, внесенныя А. Бауэромъ по вопросу о дѣйствіи предупрежденія, видахъ умысла, неосторожности, покушенія и проч. В. Елпатьевскій не забываетъ, однако, связи, которая существуетъ между ученіями А. Фейербаха и А. Бауэра, съ одной стороны, и доктриной Беккариа, съ

¹ Op. cit., § 201. Определенія эти представляютъ дословный переводъ со-ответственныхъ мѣстъ изъ А. Бауэра. Ср. А. Bauer, Abhandlungen aus dem Strafrechte, 1 B., Von der Verschuldung und deren Arten, § 12, n. I, S. 296 и n. 2, S. 297.

² Op. cit., § 202. Почти весь этотъ параграфъ представляетъ собой дослов-

ный переводъ текста А. Бауэра. Ср. А. Bauer, Abh. aus d. Strafr., 1 B. 1840, Von der Verschuldung und deren Arten, § 13, n. 4, S. 299 u. f.

³ Op. cit., § 54, § 83; ср. А. Bauer, Die Warnungstheorie, Gött. 1830, § 7, S. 20 u. f.

⁴ Op. cit., §§ 56, 57, 83; ср. А. Bauer, Op. cit., § 8, S. 23 u. f.

другой. Такъ какъ ученія послѣдняго отразились на Наказѣ, то именно въ этомъ памятникѣ, особенно по вопросамъ объ обоснованіи права на наказаніе ¹, о покушеніи ², о способахъ предупрежденія преступленій ³, В. Елпатьевскій видитъ первоисточникъ защищаемыхъ имъ взглядовъ.

Нѣсколько позднѣе В. Елпатьевскаго выступаетъ съ попыткой обособленія теоріи уголовного права на почвѣ положительнаго права и психологіи человѣка другой русскій криминалистъ Г. С. Гордѣенко⁴. Какъ и его предшественникъ, онъ не окончательно еще порываетъ съ естественнымъ правомъ и приурочиваетъ свои конструкціи къ теоретическимъ основамъ, которыя даетъ Наказъ. Впослѣдствіи Г. Гордѣенко вступаетъ на путь дальнѣйшаго развитія началъ, высказанныхъ имъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ трудовъ. Даже болѣе, только въ дальнѣйшемъ фазисѣ своей научной дѣятельности Г. Гордѣенко выступаетъ какъ сложившійся ученый.

Въ трудѣ Г. Гордѣенко «Разборъ основныхъ началъ науки уголовного права»⁵ сдѣлана попытка теоретическаго освѣщенія вопроса о понятіи и цѣли наказанія, какъ основанія для разрѣшенія текущихъ уголовно-политическихъ проблеммъ. Г. Гордѣенко строитъ свои взгляды, съ одной стороны, на психологіи преступника и съ другой, на почвѣ опытовъ уголовного законодательства.

Многія частины уголовного права, говоритъ Г. Гордѣенко, «разсѣяны въ указахъ, учрежденіяхъ и постановленіяхъ, утвержденныхъ самодержавною властью російскихъ государей и освященныхъ рукою времени»⁶. Но положительное законодательство не единственный источникъ «изложенія началъ науки уголовного

¹ Ор. cit., § 181 съ ссылкой къ ст. 225 Наказа, а равно § 184 съ ссылкой на ст. ст. 230—233 и 227 Наказа.

² Ор. cit., § 187, ст. 201 Наказа.

³ Ср. Ор. cit., § 54 о народномъ воспитаніи и ст. ст. 245 и 248 Наказа, § 56 о установленіи благотивія и § 57 о мѣрахъ противъ бродяжничества и соотвѣтственныя статьи Наказа.

⁴ Біографическія данныя о Г. С. Гордѣенко будутъ приведены ниже.

⁵ Разборъ основныхъ началъ науки уголовного права, сост. по назначенію этико-политич. факульт. И. Х. У. кандидатомъ Гавр. Гордѣенковымъ, Х. 1832.

⁶ Формально Г. Гордѣенко заимствуетъ это положеніе изъ Доклада, выс. конфирм. 1804 г. февр. 28 дня. Разборъ основныхъ началъ, стр. 16 и сл.

права»¹. Наряду съ нимъ должны быть поставлены «истины, открытыя и доказанныя наблюденіями знаменитыхъ государственныхъ людей»².

Подъ истинами этого рода Г. Гордѣенко понимаетъ обнаруженіе результатовъ примѣненія законодательства въ практической жизни,—тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ объ уголовно-политической пригодности опредѣленныхъ началъ уголовного законодательства. Г. Гордѣенко отмѣчаетъ, что уголовно-правовая практика, погрязшая «во мракѣ предрасудковъ, освященныхъ примѣрами вѣковъ», можетъ быть, исходнымъ пунктомъ для созданія «новой уголовной политики»³.

Созданная на почвѣ положительнаго права и уголовно-политическаго опыта теорія уголовного права можетъ явиться прочнымъ базисомъ для практики. «Практика, пишетъ Г. Гордѣенко, зависитъ отъ теоріи; она тѣмъ правильнѣе и совершеннѣе, чѣмъ опредѣлительнѣе и совершеннѣе сія послѣдняя»⁴.

Путь этотъ предполагаетъ дѣятельность въ соотвѣтствіи съ присущей человѣку способностью удерживаться отъ дѣйствій, угрожаемыхъ наказаніемъ, и въ соотвѣтствіи въ то же время съ тѣми свойствами наказанія, которыя обезпечиваютъ ему наибольшей успѣхъ. Въ уголовно-правовыхъ идеяхъ Наказа Г. Гордѣенко видитъ важнѣйшіе результаты усилій уголовно-политической мысли и считаетъ вполне приемлемыми тѣ взгляды, которые высказаны въ немъ по вопросамъ о понятіи⁵ и цѣляхъ наказанія⁶. Съ точки зрѣнія идей Наказа Г. Гордѣенко критикуетъ ученія германскихъ криминалистовъ⁷ по соотвѣтственнымъ вопросамъ и

¹ Г. Гордѣенко, *Op. cit.*, стр. 16.

² *Ibid.*, а также стр. 7 и слѣд.

³ *Op. cit.*, стр. 7 и сл.

⁴ *Op. cit.*, стр. 12 и слѣд.

⁵ *Op. cit.*, стр. 59 и стр. 49, 52, 54, 57 и др.

⁶ *Op. cit.*, стр. 42, 46 и др., стр. 76 и сл.

⁷ Въ трудѣ Г. Гордѣенко мы находимъ интересную по тому времени таблицу: „Классификація теорій уголовного права“, въ которой онъ даетъ схему разнообразныхъ ученій о цѣляхъ наказанія съ точки зрѣнія криминалистовъ конца XVIII в. и начала XIX в.

доказываетъ, что идеи Наказа о наказаніи лежатъ въ основаніи теоріи психологическаго принужденія А. Фейербаха¹.

Несмотря на то, что трудъ Г. Гордѣенко посвященъ только одному изъ вопросовъ теоріи уголовного права и самое рѣшеніе, предлагаемое имъ, далеко не оригинально, оно представляетъ значительный интересъ. Становясь на точку зрѣнія предупрежденія преступленій при помощи наказанія, Г. Гордѣенко предлагаетъ считаться съ міромъ реальныхъ фактовъ. Недостаточно строить наказанія въ соотвѣтствіи съ психологическими особенностями человѣка и тѣмъ опытомъ, который использованъ въ положительномъ законодательствѣ; нужно поставить оцѣнку пригодности наказанія въ связь и съ тѣмъ, къ чему въ дѣйствительности приводитъ та или другая мѣра. Точка зрѣнія Наказа удовлетворяетъ Г. Гордѣенко потому, что предлагаетъ внести въ карательную систему принципы гуманности и требуетъ предупрежденія преступленій независимо отъ наказаній.

Д. Эклектическія построенія.

І. Х. Финке.—Е. П. Манасеинъ.—І. М. Лангъ.—Х. А. Шлецеръ.—И. Д. Вильке.—Л. А. Цвѣтаевъ.—М. Я. Маловъ.—И. М. Наумовъ.

Стремленіе къ большому конкретизированію естественнаго права и возведенію его на степень общей теоріи уголовного права не могло ограничиться конструированіемъ его на началахъ, заложенныхъ въ психику человѣка и параллельнымъ изученіемъ положительнаго права. Можно было ждать и попытокъ, которыя носятъ менѣе опредѣленный характеръ и въ построенія отвлеченныя введутъ только частичные коррективы юридической дѣйствительности. Работа, основанная на комбинированіи права теоретическаго и положительнаго, привела къ значительному разнообразію соединеній. Она дала въ той формѣ, въ которую отлилась въ особенности въ германской литературѣ, богатый выборъ ученій. На этой

¹ Ор. cit., стр. 17 и сл.; 76 и сл., 48, 80 и сл.

почвѣ сложились въ послѣдствіи самыя разнообразныя приемы обработки положительнаго права, отодвинувшіе на задній планъ естественное право, какъ доктрину, не въ достаточной степени считающуюся съ реально-существующимъ правомъ. Не трудно видѣть, что именно въ этой разновидности ученій приходится сталкиваться съ большимъ числомъ доктринъ переходнаго типа, на половину порывающихъ съ прежними способами обоснованія теоріи права и избирающими путь компромисса.

Однимъ изъ наиболѣе старыхъ представителей въ русской юридической литературѣ обоснованія естественнаго права на положительной почвѣ, не порывающимъ и съ тѣми формами его, которыя оно получило у старыхъ учителей естественнаго права, выступаетъ И. А. (Юг. Христ.) Финке¹.

Вопросы уголовного права сильно привлекаютъ И. Финке² и находятъ отраженіе въ его «Естественномъ правѣ»³. По общему сво-

¹ Біографическія данныя о И. Х. Финке ср. Н. Загоскинъ, Ист. имп. Казанскаго унив., т. 1, стр. 246 и слѣд.; Біограф. слов. проф. и преподав. имп. Каз. унив., 1804—1904, ч. 2, Каз. 1904, стр. 82; В. Корсаковъ, статья о И. Х. Финке въ Русскомъ біографич. словарѣ, Фаберъ-Цявловскій, Спб. 1901, стр. 140—141.

Юг. Христ. Финке родился въ Геттингенѣ. Воспитанникъ Геттингенскаго университета и ученикъ Мейстера, Финке въ 1809 г. переходитъ въ Казанскій университетъ на кафедру права естественнаго, политическаго и народнаго при содѣйствіи извѣстнаго Мейнера, сыгравшаго такую значительную роль въ дѣлѣ организаціи русскихъ университетовъ въ началѣ XIX ст. И. Финке скончался въ Казани въ сент. 1814 г.

² Ср. свѣдѣнія, сообщаемыя Н. Загоскинымъ объ экзаменѣ Е. Грубера въ 1811 г., Н. Загоскинъ, Ист. Каз. унив., т. 2, стр. 368 и сл.

³ О руководствѣ „Естественнаго пра-

ва“ И. Х. Финке, напечатанномъ въ Казани въ 1816 году послѣ смерти автора, проф. Н. Загоскинъ сообщаетъ, что оно переведено съ нѣмецкаго языка, Н. Загоскинъ, Исторія Каз. унив., т. 1, стр. 249. Намъ удалось розыскать латинскій оригиналъ труда И. Х. Финке подъ заглавіемъ: „Institutiones juris naturae privati, publici et gentium conscripsit in usum auditorum suorum Jo. Chr. de Finke juris naturae et civilis Romani in universitate Caesarea Casanensi P. O. professor utriusque juris doctor, Cas. 1814, нѣсколько сокращенный по сравненію съ русскимъ текстомъ „Естественнаго права“. Ср. сопост. § 16 русск. пер. съ § 14 лат. рукописи, § 17 русск. пер. съ § 15 и др., свидѣтельствующія о тождествѣ въ большинствѣ случаевъ русскаго перевода и латинскаго текста рукописи. — Одновременно нами найдены записки И. Х. Финке по римскому гражданскому праву „Praecognita juris civilis Iustineanei“ и нѣкот.

ему характеру, этот трудъ, хотя и носитъ слѣды вліянія кантіанства, но существенно отъ него отклоняется, воспринимая и другія начала. «Каждое положеніе, пишетъ І. Финке въ своемъ «Естественномъ правѣ», старался я основать единственно на природѣ вещей», но тутъ же прибавляетъ: «изъ положительнаго правоученія занялъ я многія узаконенія и помѣстилъ ихъ между общими положеніями, дабы тѣмъ самымъ учебную свою книгу сдѣлать болѣе практической»¹. Придавши своему курсу эклектической характеръ², І. Финке стоитъ на точкѣ зрѣнія, что «право естественное различается отъ правоученія, политики и философіи положительнаго права»³. Въ то время какъ «нравоученіе опредѣляетъ... цѣли, къ которымъ воля... должна стремиться»⁴, «политика» — «приличныя средства», «къ достиженію какой нибудь цѣли...»⁵, а «философія положительнаго права» изслѣдуетъ положительное право «сообразно его цѣли и законамъ разума», «разбираетъ его по правиламъ, выводимымъ изъ примѣненія естественнаго права и политики и опредѣляетъ, такимъ образомъ, то, что должно принято быть»⁶, «естественное право» «законодателя руководствуетъ при опредѣленіи положительныхъ законовъ; онъ сообразуется съ нимъ, сколько требуетъ сего цѣль государства вообще или... особенныя потребности онаго»⁷.

Изслѣдуя преступленіе и наказаніе съ точки зрѣнія естественнаго права въ послѣднемъ смыслѣ, І. Финке останавливается

друг. труды его др. Появившись на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Естественное частное, публичное и народное право“, Каз. 1816, трудъ І. Х. Финке прошелъ черезъ руки Г. Солнцева, редактировавшаго переводъ. Ср. Н. Загоскинъ, Ист. Каз. унив., т. 2, Каз. 1903, стр. 25; Г. Фельдштейнъ, Гавр. Ил. Солнцевъ, пред. къ Росс. угол. праву Г. Солнцева, Яр. 1907, стр. XIII и сл., прим. О переводчикахъ труда І. Финке ср. также Н. Загоскинъ, Ист. Каз. унив.,

т. 1, стр. 298.

¹ І. Финке, Естественное частное, публичное и народное право, Каз. 1816, стр. II и сл.

² Ср. интересныя замѣчанія М. Магницкаго на книгу І. Финке у Н. Загоскина, Ист. Каз. унив., т. 3, стр. 487.

³ І. Финке, *Op. cit.*, § 7, стр. 7.

⁴ І. Финке, *Op. cit.*, § 15, стр. 7.

⁵ І. Финке, *Op. cit.*, § 16, стр. 8.

⁶ І. Финке, *Op. cit.*, § 17, стр. 8.

⁷ І. Финке, *Op. cit.*, § 23, стр. 12.

на вопросахъ объ основаніи права наказанія, цѣли наказанія, мѣрѣ наказанія въ зависимости отъ степени умышленности и проч.

Основаніемъ права наказанія, по І. Финке, является необходимость «предохраненія правъ всѣхъ его членовъ», осуществленная «угрозою наказаніемъ и точнымъ онаго исполненіемъ».

«Цѣль каждаго наказанія...—удержаніе отъ содѣланія преступленій»¹. Отсюда вытекаетъ взглядъ І. Финке, что «выборъ наказаній опредѣляется степенью дѣйствительности оныхъ» и «даже смертная казнь не противна праву, когда всякое другое наказаніе не будетъ достаточно»². Наказаніе должно опредѣляться въ соотвѣтствіи съ «мѣрой причиненнаго преступленіемъ нарушенія законовъ», «степенью умышленности»³ и проч.

Доктрину о введеніи началъ положительнаго права въ естественно-правовыя конструкціи принимаетъ и ученикъ І. Финке⁴—Е. Манасеинъ⁵ въ своихъ чтеніяхъ по уголовному праву въ Казанскомъ университетѣ. Онъ преподавалъ въ 1818—1819 г.г. и философію положительнаго права⁶ по Гуго. Е. Манасеину принадлежитъ, кромѣ того, трудъ «De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales, rossicas excerptas», до насъ не дошедшій, но,

¹ І. Финке, *Op. cit.*, § 223, стр. 138.

² І. Финке, *Op. cit.*, § 224, стр. 139.

³ І. Финке, *Op. cit.*, § 255, стр. 160 и слѣд.

⁴ Н. Загоскинъ, *Ист. имп. Каз. унив.*, т. 2, стр. 44.

⁵ Біографическія данныя о Е. П. Манасеинѣ ср. Біографическій словарь проф. и препод. И. К. У., 1804—1904, ч. 2, Каз. 1904, стр. 43 и сл.; Н. Загоскинъ, *Ист. имп. Каз. унив.*, т. 1, стр. 254; т. 2, стр. 44; Н. Агаѳоновъ, *Казань и казанцы*, I, Каз. 1906, стр. 24. Нѣкоторыя данныя о Е. Манасеинѣ приведены въ Запискахъ Дм. Ив. Киціани, *Русск. стар.* 1866, мартъ.

Елпидифоръ Петровичъ Манасеинъ

родился въ 1805 г. Въ 1811 г. онъ оканчиваетъ Казанскій университетъ, въ 1814 г. утверждается въ степени магистра правовѣдѣнія, а въ 1817 г. становится адъюнктомъ правовѣдѣнія. Въ 1821 г. Е. Манасеинъ покидаетъ университетъ. Н. Загоскинъ, *Ист. имп. Каз. унив.*, т. 2, стр. 45, говоритъ о 1818 г., какъ времени оставленія Е. Манасеинымъ Казанскаго университета. Е. Манасеинъ умеръ въ 1833 г.

⁶ Біографич. слов. проф. и преп. И. К. У., ч. 2, стр. 43 и сл. Н. Загоскинъ, *Ист. имп. Каз. унив.*, т. 2, стр. 45, говоритъ о преподаваніи Е. Манасеинымъ этого курса въ 1817—18 г.

какъ видно уже изъ его заглавія, комбиниравашій общіе теоретическія принципы съ началами положительнаго законодательства ¹.

Съ нѣскольکو инымъ пониманіемъ естественнаго права мы встрѣчаемся у профессора Харьковскаго университета І. М. Ланга, преслѣдующаго не только цѣль построенія естественнаго права на органической природѣ человѣка, но и сближеніе его съ положительнымъ правомъ въ опредѣленномъ историческомъ проявленіи.

Въ общемъ І. Лангъ ², читавшій въ Харьковскомъ университетѣ до 1814 года естественное, государственное и народное право ³, вводилъ въ свои лекціи и криминалистическій элементъ ⁴. Разсматривая человѣка какъ «organisches Naturproduct», подверженный неизмѣннымъ физическимъ законамъ, І. Лангъ приходилъ къ мысли, что не отъ людей зависитъ то или другое содержаніе права и примѣненіе юридическихъ понятій къ отдѣльнымъ случаямъ жизни и что естественное право должно являться наукой не только по своей формѣ, но и по содержанію ⁵. Въ такомъ естественномъ правѣ онъ видѣлъ цѣль, къ которой должно приближаться положительное право ⁶. Образцомъ послѣдняго было

¹ Этотъ рукописный трудъ Е. Манасеина представляетъ собой его магистерскую диссертацию, до насъ не дошедшую. Намъ не удалось видѣть и тезисовъ къ ней, напечатанныхъ въ Казани въ 1814 году. Е. Манасеину принадлежитъ также рукописный трудъ на латинскомъ языкѣ „Circa media probandi in processu criminali rossico“, представляющій собой публичную лекцію. Ср. о немъ Н. Загоскинъ, Ист. имп. Каз. унив., т. 2, стр. 44.

² Біографическія свѣдѣнія о Іос Лангѣ ср. Д. Багалъй, Опытъ исторіи, т. 1, стр. 499; В. Левитскій, Статья о І. Лангѣ въ Біограф. слов. проф. и преп., Юрид. факульт. Х. У., X. 1908, стр. 271—272.

³ Д. Багалъй, Опытъ исторія Харьк. унив., т. 1, стр. 546.

⁴ П. Дегаю, сдававшему въ 1813 г. экзаменъ на степень доктора правъ, І. Лангомъ были заданы вопросы: de jure cogendi, de pactis, de principiis legislationis criminalis, Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 1, стр. 603.

⁵ I. Lang, Ueber das Studium der juridischen und politischen Wissenschaften, въ Рѣчахъ, произн. въ торж. собр. Х. У. 30 іюня 1810 г., X. 1811. Въ этомъ трудѣ онъ выставялъ положеніе, что „im Systeme des Naturrechts... nur das ist Recht, was... aus der menschlichen Natur selbst, und ihrem Verhältnisse zu der Aussenwelt nothwendig hervorgeht“..., S. 72.

⁶ I. Lang, Ueber das Studium der juridischen und politischen Wissenschaften, X. 1811, S. 78.

въ глазахъ I. Ланга римское право, заслуживающее величайшаго вниманія правовѣда ¹.

Съ попыткой скорѣе механическаго, чѣмъ органическаго, соединенія нормъ права естественнаго и положительнаго мы встрѣчаемся у проф. Московскаго университета Хр. Авг. Шлецера ², преподававшаго въ срединѣ двадцатыхъ годовъ естественное право ³.

На смѣшеніе естественнаго права съ положительнымъ Х. Шлецеръ смотритъ какъ на практическую необходимость, совершенно не оправдываемую со стороны принципиальной. Такъ какъ, пишетъ онъ, «философія права еще очень мало усовершенствована и едва ли заслуживаетъ названія науки, то и принуждены замѣнить ее ученіемъ такой системы..., которую должно почитать самой совершенной...» ⁴. Въ качествѣ такой системы для уголовного права Х. Шлецеру кажется наиболѣе пригоднымъ право Сѣв. Германіи ⁵, на формулированіи принциповъ котораго въ видѣ краткихъ положеній, съ раздѣленіемъ ихъ на части общую и особенную, безъ употребленія, впрочемъ, этихъ терминовъ *in expressis verbis*, онъ и сосредоточивается. Эту догматическую часть Х. Шлецеръ восполняетъ историческими данными, различая «исторію отправленія уголовного правосудія» отъ «исторіи уголовного права, рассмат-

¹ Op. cit., S. 80. I. Лангу принадлежитъ также трудъ „Grundlinien der politischen Arithmetik“ и Рѣчь „Ueber politische Arithmetik“, произн. въ X. У. 30 авг. 1816 г.

² Біографич. данныя о Хр. Авг. Шлецерѣ ср. Біограф. словарь профес. и препод. И. М. У., ч. 2, 1855, стр. 627—630, 419.

Хр. Авг. Шлецеръ перешелъ въ 1801 г. изъ Дерптскаго университета въ Московскій въ званіи орд. проф. естественнаго права и политики. Въ 1826 г. Хр. Шлецеръ переѣхалъ въ Боннъ, гдѣ и оставался до конца жизни.

³ Ср. С. Шевыревъ, Ист. имп. Моск. унив., 1855, стр. 441. Хр. Авг. Шлецеру принадлежитъ рядъ трудовъ по

естественному праву, изъ которыхъ два были переведены на русскій языкъ В. Вельяминовымъ-Зерновымъ и С. Смирновымъ. Ср. Principes élém. du droit naturel, Dorp. 1804, Principes élém. du droit romain civil, de la législation criminelle, fondée sur le droit naturel public, M. 1808 и Начальныя основанія права римскаго гражданскаго и законоположенія уголовного, основаннаго на естественномъ правѣ и политикѣ, соч. на франц. яз. г. проф. Х. Шлецеромъ, пер. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, М. 1810, Естественное право Хр. Шлецера, пер. съ нѣмецк. проф. С. А. Смирнова. М. 1821.

⁴ Начальныя основанія, стр. 1 и сл.

⁵ Начальныя основанія, стр. III и сл.

риваемаго какъ наука»¹. Съ исторической частью Х. Шлецеръ соединяетъ экскурсы въ область исторіи русскаго уголовного права².

Начатки естественнаго уголовного права въ сооставленіи ихъ съ правомъ положительнымъ преподавались въ началѣ XIX ст. и въ «Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ» проф. И. Д. Вильке³.

Въ ряду многочисленныхъ учебниковъ, которыми онъ пользовался, и на которыя онъ указываетъ своимъ ученикамъ и ссылается въ отчетахъ, какъ напр., труды І. Доре-де-Бри⁴, вольфганца І. Даріеса⁵, послѣдователя Томазія Г. Келера, чаще другихъ встрѣчается курсъ положительной юриспруденціи вольфганца Д. Неттельбладта⁶.

Весьма вѣроятно, что послѣднимъ⁷ въ сопоставленіи съ данными русскаго законодательства⁸ И. Вильке и ограничивался въ своихъ чтеніяхъ по уголовному праву. «De jure criminali,

¹ Начальныя основанія, стр. 125.

² Объ исторіи уголовного права, какъ наукѣ, ср. Начальныя основанія, стр. 127.

³ Объ этомъ представителѣ кафедры естественнаго права въ русской литературѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Ср. К. Головицковъ, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, Яр. 1887, стр. 58. Нѣкоторыя данныя добыты нами изъ документовъ Арх. Демид. юр. лицей.

Иванъ Давыдовичъ Вильке род. въ 1768 году. Сынъ профессора правъ при Лейпцигскомъ университетѣ, онъ съ 1786 по 1790 г. состоитъ студентомъ Лейпцигскаго университета, а въ 1790 году получаетъ степень кандидата правовѣдѣнія. Въ 1793 году И. Вильке выѣзжаетъ въ Россію, гдѣ занимается частными уроками. Онъ назначается профессоромъ въ Ярославское вышнихъ наукъ училище въ 1804 г. Арх. Де-

мид. юр. лиц., дѣло 1809 г., № 5, лл. 60 и 61; форм. си. 1807, по арх. оп. № V, дѣло 1, л. 6. Увольненіе И. Вильке изъ Ярославскаго вышнихъ наукъ училища состоялось при загадочныхъ обстоятельствахъ по предложенію попечителя графа А. К. Разумовскаго, Арх. Демид. юр. лиц., дѣло 1809 г., № 5, л. 58.

⁴ I. F. Dauray de Brie, Theorie des lois sociales, Par. 1804.

⁵ Ioach. Georg Daries, Institutiones jurisprudentiae universalis, Iena 1754.

⁶ Hen. Koehleri, Juris socialis et gentium ad jus naturae revocati specimen VII, Francof. ad. M. 1738; Д. Неттельбладтъ, Начальное основаніе всеобщей естественной юриспруденціи, М. 1777, Арх. Дем. юр. лиц., Даевныя записки 1809 г., л. 95.

⁷ Ср. Арх. Демид. юр. лиц., Вѣдомости по учебной части за 1805 г., № 11, лл. 19, 20, 27.

⁸ „In lectionibus suis potissimum respiciet ad leges Imperii Russici a

пишетъ о своихъ чтеніяхъ И. Вильке, *breviter exposui*¹, отмѣчая въ то же время, что онъ соединяетъ преподаваніе уголовного права съ правомъ полиціи². Послѣднимъ И. Вильке занимался въ духѣ Билфельда³.

Съ разработкой вопросовъ уголовного права въ смыслѣ ученій геттингенской школы и приведенія въ соотвѣтствіе положеній естественнаго права съ исторіей и догмой положительнаго уголовного законодательства мы встрѣчаемся въ трудахъ проф. Московскаго университета Л. А. Цвѣтаева⁴. Въ эпоху расцвѣта своей научной дѣятельности онъ порываетъ въ значительной степени съ доктриной кантовской школы, которой придерживался въ своихъ первыхъ научныхъ опытахъ.

Л. Цвѣтаевъ въ общемъ уже довольно рано начинаетъ сознавать необходимость обоснованія общихъ теоретическихъ построеній въ правѣ на данныхъ положительнаго законодательства. Свой курсъ въ Московскомъ университетѣ по теоріи законовъ онъ ведетъ «съ примѣненіемъ къ законамъ русскимъ»⁵. Попытка дать

*Diva Russorum Imperatrice lata*⁴,
Вѣдомости по учебной части за 1805 г.,
№ 11, л. 27.

¹ Вѣдом. по учебной части за 1807,
№ 17, л. 27.

² Вѣдом. по учебной части за 1807,
№ 17, л. 39 И. Вильке останавливался и
на уголовно-процессуальномъ правѣ:
„de processu criminali, de diverso
modo in eo procedendi et de officiis
judicis criminalis“, Вѣд. по учебной
части за 1808, л. 17.

³ Арх. Демид. юр. лиц., Дневныя за-
писки, 14 дек. 1806 г., л. 41.

⁴ Біографическія свѣдѣнія о Л. Цвѣ-
таевѣ ср. Біографическій словарь проф.
и препод. И. М. У., ч. 2, М. 1855,
стр. 537 и сл.; Н. Барсуковъ, Жизнь
и труды М. П. Погодина, кн. 1, стр.
48; В. Водарскій, статья о Л. Цвѣ-
таевѣ въ Русск. біограф. слов., Фаберъ-
Цявловскій, стр. 455—456; здѣсь же
бібліограф. указ. о некрологахъ Л.

Цвѣтаева.

Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ родился
въ 1777 г. въ семьѣ священника. Во-
спитанникъ Славяно-греко-латинской ака-
деміи онъ въ 1795 г. поступаетъ въ
Московскій университетъ. Въ 1801 г.
Л. Цвѣтаевъ знакомится въ Геттингенѣ съ
лекціями Гуго и увлекается его приемами
обработки права. Посѣтивъ Францію, Л.
Цвѣтаевъ продолжаетъ развивать свои
познанія въ духѣ ученій своего гет-
тингенскаго учителя и проникается
интересомъ къ трудамъ представи-
телей школы энциклопедистовъ, ко-
торыми онъ, однако, пользуется съ
большой осторожностью. Профессоръ
теоріи законовъ 1805 году, Л. Цвѣ-
таевъ въ 1811 г. переходитъ на кафедру
правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ
народовъ. Л. Цвѣтаевъ скончался въ
февр. 1835 г.,

⁵ С. Шевыревъ, Ист. Моск. унив.,
1855, стр. 362.

обобщенія, покоющіяся на положительномъ законодательствѣ, проходитъ красной нитью черезъ многочисленныя работы Л. Цвѣтаева, выдержавшія рядъ изданій въ качествѣ учебниковъ для университетскихъ его слушателей. По существу своему, труды Л. Цвѣтаева не идутъ, однако, далѣе тѣхъ свѣдѣній, которыя даны представителями политической литературы, намѣчающими принципы законодательства въ видахъ реформы существующаго въ концѣ XVIII в. общественнаго строя. Л. Цвѣтаевъ сторонится въ то же время радикализма такихъ писателей, какъ Беккарія, Филанджіери и др., и остается только при томъ одностороннемъ запасѣ положительнаго матеріала, который ими приводится для ихъ спеціальныхъ цѣлей. Стараясь приспособить, въ свою очередь, этотъ матеріалъ къ русскимъ условіямъ, Л. Цвѣтаевъ приходитъ въ результатѣ къ выводамъ, лишеннымъ серьезнаго значенія и для его времени. Они покоются не на непосредственномъ изученіи источниковъ и носятъ случайный характеръ. Съ другой стороны, школа французскихъ писателей, идеямъ которой не чужды былъ Л. Цвѣтаевъ и одного изъ представителей которой — М. Бернарди¹ — онъ называетъ въ числѣ своихъ учителей, — школа, склонявшаяся къ развитію принциповъ историзма, унаслѣдованныхъ отъ Монтеסקье, не направила Л. Цвѣтаева на путь серьезной исторической работы. Онъ не пошелъ за ней въ этомъ направленіи, и элементъ историческій остался вычеркнутымъ изъ его произведеній.

Одинъ изъ раннихъ трудовъ Л. Цвѣтаева, появляющійся въ 1805 году, его «Слово о взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки»² несетъ на себѣ несомнѣнныя слѣды вліянія Монтеסקье, Ж. Ж. Руссо и идей энциклопедистовъ по во-

¹ Ср. M. Bernardi, De l'origine et des progrès de la législation française ou histoire du droit public et privé de la France, Par. 1816, — трудъ, о которомъ авторъ съ полнымъ основаніемъ заявлялъ: „J'ai parcouru toutes les parties du droit public et privé; je suis remonté jusqu'à leur source, et j'en ai suivi tous les développemens“,

Introd., ix.

² Слово о взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки въ день торж. празднов. И. М. У... пятидесятилѣтія отъ его основанія... іюня 30 дня 1805 г., говоренное Львомъ Цвѣтаевымъ“. Слово это приложено къ Теоріи уголовныхъ законовъ Л. Цвѣтаева.

просамъ о роли просвѣщенія, воспитанія и проч., На этой почвѣ у Л. Цвѣтаева проводится мысль о связи преступленія не только съ состояніемъ нравовъ общества, но и матеріальной стороной культуры. Пребываніе народовъ «въ естественномъ состояніи» рисуется Л. Цвѣтаеву какъ вѣкъ, когда «преступленія и злодѣянія, хотя не рѣже случались, но менѣе родовъ ихъ было»¹. Возрастая по мѣрѣ культуры въ числѣ, преступленія и обусловленные ими наказанія переживаютъ нѣкоторый процессъ развитія. Въ результатѣ распространенія просвѣщенія и «человѣколюбивыхъ» законовъ наказанія становятся умѣреннѣе, а преступленія пріобрѣтаютъ менѣе суровый характеръ². Воспитаніе гражданъ³ ведетъ къ благоустройству и обезпечиваетъ уменьшеніе преступленій и смягченіе наказаній.

На болѣе достовѣрно разработанный матеріаль положительнаго законодательства Л. Цвѣтаевъ старается опереться въ своемъ «Начертаніи теоріи законовъ»⁴. «Подобно пчелѣ, ищетъ онъ здѣсь о себѣ, полезное собиралъ.... отсюду; мудрыя Россійскія узаконенія, Римское право., Прусское и Французское уложеніе... были для меня важнѣйшими пособіями». Л. Цвѣтаевъ не забываетъ напомнить, что въ трудахъ его ему «Монтескье, Филанджіери, Бентамъ, Беккарія, Пасторе и нѣкоторые другіе весьма... вспомоществовали..»⁵. Положительно-правовой матеріаль Л. Цвѣтаевъ, черпаетъ, однако, прежде всего, изъ трудовъ «Бернардія, знаменитаго, какъ онъ выражается, нашихъ временъ французскаго законоискусника»⁶. Созданные на этой почвѣ труды Л. Цвѣтаева въ особенности по уголовному праву, какъ напр., его третья часть «Начертанія теоріи законовъ»⁷, вполнѣдствіи

¹ Слово Л. Цвѣтаева въ сборникѣ „Торжественныя рѣчи въ полувѣковой И. М. У. юбилей“, стр. 37.

² Слово Л. Цвѣтаева, стр. 39.

³ Слово Л. Цвѣтаева, стр. 43.

⁴ „Начертаніе теоріи законовъ, изданное... Львомъ Цвѣтаевымъ“, М. 1816 и др. изд.

⁵ Начертаніе теоріи законовъ, М. 1816, Пред., стр. II и сл.

⁶ Начертаніе теоріи законовъ, М. 1816, Пред., стр. I, а равно стр. 5.

⁷ Начертаніе теоріи законовъ, М. 1816. стр. 249—348, причемъ стр. 319—348 посвящены теоріи судопроизводства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

переработанная въ «Начертаніе теоріи уголовныхъ законовъ» М. 1825, являются скорѣе уголовно-политическими этюдами, чѣмъ научными трудами въ собственномъ смыслѣ.

Въ «Теоріи начертанія законовъ» Л. Цвѣтаева мы не находимъ ни углубленія теоретическихъ конструкцій уголовного права на почвѣ историческаго изученія уголовного законодательства, ни догматическаго анализа. Мы встрѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ видоизмѣненіе началъ, высказанныхъ отчасти криминалистами кантовской школы, но, главнымъ образомъ, Беккарией и Бентамомъ, въ ихъ приспособленіи къ условіямъ русской дѣйствительности. Въ еще болѣе значительной степени эти черты выступаютъ въ «Начертаніи теоріи уголовныхъ законовъ», М. 1825.

«Преступленіе, замѣчаетъ здѣсь Л. Цвѣтаевъ, въ пространномъ смыслѣ есть нарушеніе правъ общества и согражданъ и обязанностей къ нимъ»¹. Внешнее преступленіе основывается на томъ, что человекъ «имѣетъ волю, которой свобода никакими физическими склонностями не ограничивается, и разумъ, коего познанія о добрѣ и злѣ могутъ быть ясны и справедливы»². Въ основаніе наказанія преступленій справедливѣе всего положить принципъ таліона³, находящій свое оправданіе въ договорномъ происхожденіи государства⁴. Такъ какъ, однако, наказаніе тѣмъ же (*poena talionis*) «часто... невозможно или нелѣпо бываетъ...., должно при назначеніи наказанія имѣть въ виду начало его»⁵. Такой принципъ приводитъ Л. Цвѣтаевъ къ принятію въ качествѣ основанія наказанія цѣли послѣдняго «поражать.. болѣзненнымъ нѣкоторымъ образомъ.. дабы сіе напоминало и впредь преступнику о удержаніи себя отъ подобныхъ дѣлъ, а согражданамъ угрожало такимъ же послѣдствіемъ»⁶. «Цѣль наказанія, пишетъ Л. Цвѣтаевъ, есть троякая: 1-е достойное возмездіе за нарушеніе закона, 2-е удержаніе преступника впредь отъ подоб-

¹ Л. Цвѣтаевъ, Начертаніе теоріи уголовныхъ законовъ, М. 1825, стр. 7.

² Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 8 и сл.

³ Л. Цвѣтаевъ. *Op. cit.*, стр. 11 и

сл., стр. 16 и сл.

⁴ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 12.

⁵ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 17.

⁶ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 17.

ныхъ нарушеній закона и 3-е удержаніе его согражданъ отъ оныхъ внушеніемъ страха чрезъ наказаніе»¹.

Эти задачи наказанія, думаетъ Л. Цвѣтаевъ, разрѣшаются лучше всего, съ одной стороны, при помощи смертной казни, которая «правомѣрна и законна», но «должна быть употребляема за весьма важныя преступленія»², и, съ другой, практикой тѣлесныхъ наказаній и другихъ чувствительныхъ для правонарушителя мѣръ. «Сѣченіе, пишетъ Л. Цвѣтаевъ, потому одобряется, что удобно можетъ быть соразмѣряемо важности и величинѣ преступленій, и потому, что ближе къ натурѣ наказаній и человѣка; ибо причиняетъ боль чувствительную не увѣча его»³. Л. Цвѣтаевъ рекомендуетъ и клейменіе, которое «можетъ съ пользою употреблено быть для преступниковъ..., дабы ихъ можно было легко сыскивать, если спасутся бѣгствомъ, но клейменные не должны жить въ обществѣ»⁴. Л. Цвѣтаевъ считаетъ допустимымъ и тюремное заключеніе, которое «должно быть безнужное, однакожъ не избыточное, чего и честные, но бѣдные граждане не имѣютъ», а преступники «не должны быть смѣшиваемы, тѣмъ паче подсудимый съ осужденнымъ, несчастный должникъ съ грабителемъ»...⁵. Правопораженіе— «поносныя наказанія» Л. Цвѣтаевъ допускаетъ съ тѣмъ, «чтобъ они не противорѣчили мнѣнію публичному и чтобъ не часто употребляемы были»⁶. Въ общемъ наказаніе должно быть соразмѣрно съ преступленіемъ⁷, что не предполагаетъ, съ одной стороны, одинаковыхъ наказаній для разныхъ сословій⁸ и требуетъ съ другой, того, что «чѣмъ народъ грубѣе, тѣмъ наказанія могутъ быть жесточе»⁹. Наказанія должны поражать только преступника, быть опредѣленными, быстро налагаемыми¹⁰ и «съ пользою могутъ быть сопровождаемы нѣкоторыми обрядами, дабы поразить сильнѣе умы свидѣтелей оныхъ»¹¹.

¹ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 17 и сл.

² Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 45 и сл.

³ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 47.

⁴ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 48.

⁵ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 49.

⁶ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 50.

⁷ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 55.

⁸ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 57.

⁹ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 58.

¹⁰ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 61.

¹¹ Л. Цвѣтаевъ, Ор. cit., стр. 62.

Л. Цвѣтаевъ высказывается за самое широкое вознагражде-
ніе вреда, причиненнаго преступленіемъ, проектируя даже вслѣдъ
за Бентамомъ, чтобы «при недостаткѣ удовлетворенія со стороны
преступника.. удовлетворить изъ казны»,¹ и подробно обсуждаетъ
вопросъ «о средствахъ, предупреждающихъ преступленія». Онъ
полагаетъ, что «при грубыхъ нравахъ и наклонности къ поро-
камъ.. самое просвѣщеніе можетъ умножить преступленія», и пред-
лагаетъ въ качествѣ основной мѣры предупрежденія преступленій
«учредить воспитаніе на нравственныхъ правилахъ, имѣющихъ
цѣлію исправленіе воли и сердца, а не одно изощреніе ума и
памяти»².

Л. Цвѣтаевъ памѣчаетъ и планъ распредѣленія преступленій
въ особенной части. На первое мѣсто онъ ставитъ преступленія «про-
тивъ Бога и вѣры», «противъ верховной власти», а затѣмъ «про-
тивъ самаго общества», «противъ семейственнаго права», «про-
тивъ лица гражданина» и «противъ собственности его»³. Л.
Цвѣтаевъ проектируетъ наказаніе «невѣрія» и «вольнодумства»⁴,
припоминаетъ принципъ кантовской школы, что «каждый изъ по-
добныхъ намъ есть самъ собою цѣль и не можетъ быть сред-
ствомъ для частныхъ нашихъ пользъ» и дѣлаетъ отсюда выводъ,
что «мы не имѣемъ права на жизнь»⁵, чужую и свою, и на-
стаиваетъ на мысли, что «въ благоустроенныхъ обществахъ не
можетъ быть терпима та свобода книгопечатанія, которая бы
давала право писать, что угодно, противъ правительства, его чи-
новниковъ и частныхъ гражданъ».

Трактуюя вопросы криминалистики съ политической точки зрѣ-
нія, Л. Цвѣтаевъ, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ
взглядовъ, заимствуетъ довольно много и у Беккариа, и у кан-
тианцевъ. Въ то же время онъ постоянно приспособляетъ защищаемыя
имъ начала уголовного законодательства къ условіямъ нашей юриди-
ческой дѣйствительности, которую онъ не старается, однако, уяснить

¹ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 72.

² Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 76 и сл.

³ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 18 и сл.

⁴ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 20.

⁵ Л. Цвѣтаевъ, *Op. cit.*, стр. 31.

въ ея реальныхъ формахъ проявленія въ смыслѣ установленія историческаго процесса ея развитія и догматической ея природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поправки, которыя вноситъ Л. Цвѣтаевъ въ ученія естественно-правовой школы въ духѣ соглашенія ихъ съ положительнымъ законодательствомъ, пріобрѣтають характеръ чисто эмпирическихъ отвѣтовъ на запросы опредѣленнаго историческаго момента ¹.

Пріемамъ Л. Цвѣтаева подражаетъ въ своихъ научныхъ опытахъ М. Я. Маловъ ².

Преподавая въ Московскомъ университетѣ уголовное право (съ 1819 по 1831 г.) «съ примѣненіемъ къ російскимъ законамъ» ³, онъ повторяетъ, повидимому, только выводы своего учителя—Л. Цвѣтаева. Не обладая столь широкимъ образованіемъ, какъ послѣдній, М. Маловъ склоненъ притомъ придавать имъ безусловную авторитетность и въ результатѣ еще больше отдаляется отъ источниковъ, которыми пользовался Л. Цвѣтаевъ. Въ своихъ трудахъ М. Маловъ стоитъ на точкѣ зрѣнія рѣшающаго вліянія, оказываемаго религіознымъ воспитаніемъ на уменьшеніе преступности; не отрицая значенія «образованія умственныхъ и нравственныхъ нашихъ способностей», какъ средства обезпеченія благоустройства» ⁴, М. Маловъ убѣжденъ вообще, что «тщето

¹ Ср. характеристику криминалистическихъ трудовъ Л. Цвѣтаева въ статьѣ Г. Фельдштейна, Гавр. Ил. Солнцевъ, пред. къ Россійскому уголовному праву Г. Солнцева, Яр. 1907, стр. XXXVII и сл.

² Біографическія данныя о М. Маловѣ ср. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. М. У., ч. 2, 1855, стр. 22 и слѣд.; Гр. Геннади, Справочный слов., т. 2, стр. 427, библиограф. указ.

Михаилъ Яковлевичъ Маловъ род. въ 1792 г. Въ Біограф. слов. И. М. У. приведенъ 1790 г., какъ дата его рожденія. Она врядъ ли точна въ виду указанія М. Малова, что въ 1799 г. ему

было семь лѣтъ. Ср. Слово о благотворномъ вліяніи истинной нравственности на образованіе юношества, произнес. М. Маловымъ, М. 1830, стр. 5. Въ 1815 году М. Маловъ „по законномъ испытаніи“ утверждается въ степени магистра, въ 1819 г. становится адъюнктомъ, а въ 1828 г. экстраординарнымъ профессоромъ. М. Маловъ покидаетъ Московскій университетъ въ 1831 г. († 1849 г.).

³ С. Шевыревъ, Исторія И. М. У., стр. 443, 545.

⁴ М. Маловъ, Слово о благотворномъ вліяніи истинной нравственности, М. 1830, стр. 12 и слѣд.

будеть ожидать отъ наукъ вождельнѣйшаго плода, если посвятившіе себя онымъ не напитаются прежде небесными истинами, если... не очистятъ безпристрастно силъ своихъ... самоотверженіемъ или совершеннымъ истребленіемъ всякой личности»¹. М. Маловъ предъявляетъ къ оратору—учителю требованіе, чтобы онъ возсталъ «грозою и карою для преступника ожесточеннаго», «противъ невѣрія и вольнодумства» и сжигалъ «плевелы суесвятства и суетныхъ мудрствованій»². Идеаль судьи рисуется М. Малову въ видѣ лица, которое «чувствуетъ непрерывно... невидимое присутствіе Предвѣчнаго Отца...., единою рукою опирается на скрижаль законовъ, а другую, приложивъ къ груди своей, вопрошаетъ совѣсть: — и порокъ обличенъ и невинность торжествуетъ»³.

Съ проповѣдью необходимости сближенія положеній естественно-правовой доктрины съ началами положительнаго права, въ качествѣ пути, ведущаго къ созданію истинной теоріи права, выступаетъ въ нашей юридической литературѣ начала XIX в. и И. М. Наумовъ⁴.

¹ М. Маловъ, *Op. cit.*, стр. 15.

² М. Маловъ, *Op. cit.*, стр. 22.

³ М. Маловъ, *Op. cit.*, стр. 24 и сл.

⁴ Біографическія данныя о И. Наумовѣ довольно скудны. Ср. Гр. Геннади, *Справочный словарь*, т. 3. М. 1906, стр. 16—18; В. Ф., *Замѣчательный дѣятель прежняго времени*, Спб. 1869; Fr. Georg v. Bunge, *Versuch einer Geschichte des Studiums und der Literatur des russischen Rechts und der Rechtswissenschaft in Russland überhaupt*, *Krit. Zeitschr. f. Rechtswis. u. Gesetzgeb. des Auslandes*, Heidelb. 1830, 2 B., S. 450; Рѣчь по случаю Высоч. Е. И. В. соизволенія на существованіе въ Россіи Дома практическаго правовѣдѣнія для образованія стряпчества на защиту разумомъ законовъ, безсильнаго праваго противъ сильнаго неправаго и на истребленіе ябѣды—внутренней вражды въ граждан-

ствѣ, Спб. 1813; *Журналь Дома практическаго правовѣдѣнія по предмету образованія стряпчества*, 1813 г., изд. И. Наумовымъ, Спб. ч. 2; И. Наумовъ, *Мои мысли о Совѣстномъ судѣ*, Спб. 1832, съ приложеніемъ переизданной „Рѣчи“, стр. 45—64; И. Наумовъ, *Одобренія сочиненію о Совѣстномъ судѣ*, Спб. 1831.

Иванъ Мокѣевичъ Наумовъ († 1833) извѣстенъ, какъ основатель въ 1813 „Дома практическаго правовѣдѣнія“. Онъ возвышенно смотритъ на обязанности стряпчаго и требуетъ отъ послѣдняго, чтобы въ немъ были „обработаны и разумъ и сердце, дабы каждое его слово было правиломъ честности, каждое его предпріятіе польза и утѣшеніе огорченнаго или несчастнаго человѣка“, ср. *Журн. дома практ. правовѣд.*, Спб. 1813, ч. 2, стр. 118 и сл., „Мои мысли о Совѣстномъ судѣ“, Спб. 1832,

Стряпчій по професіи, И. Наумовъ отчетливо сознаетъ всѣ неудобства ознакомленія съ дѣйствующимъ законодательствомъ въ самомъ процессѣ его примѣненія или при помощи чисто внѣшней систематизаціи. «Юридическіе словари, пишетъ И. Наумовъ, памятники и указатель законовъ... подобны архиву нужному, но темному, въ которомъ надобенъ свѣтъ для приисканія полезнаго»¹. И. Наумовъ, полагаетъ, что лучшимъ путемъ къ изученію права является созданіе теоріи, опирающейся на положительное право, и «соглашенной съ св. писаніемъ, съ духомъ времени и съ цѣлію гражданскаго бытія»². Такую теорію И. Наумовъ отождествляетъ съ правомъ естественнымъ, которое «происходитъ отъ закона естественнаго»³.

Высшимъ обобщеніемъ права естественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ естественнаго закона является положеніе «любить жизнь»⁴. На естественномъ правѣ «любви» покоится цѣлый рядъ институтовъ, имѣющихъ своей задачей, «какъ защищеніе себя, такъ и покровительство другихъ»⁵. Естественное право поэтому

прил., стр. 32 и сл. Учрежденіемъ „Дома практическаго правовѣдѣнія“ И. Наумовъ полагалъ содѣйствовать, съ одной стороны, образованію стряпчихъ, а съ другой, оказанію юридической помощи частнымъ лицамъ, ср. Рѣчь, втор. изд., стр. 55, 61 и сл., Рѣчь, стр. 62. И. Наумовъ предлагалъ, между прочимъ, организацію стряпчества и при тюрьмахъ съ тѣмъ, чтобы „адвокатъ тюремный... имѣлъ бы право видѣть все производство дѣла въ судѣ“, ср. „Объ адвокатѣ или стряпчемъ при тюрьмахъ“ въ „Моихъ мысляхъ о Совѣстномъ судѣ“, стр. 33 и сл. Учрежденіе это просуществовало не долго, а въ 1818 г. навлекло на своего основателя процессъ. И. Наумовъ обрисовывается въ своихъ трудахъ энергичнымъ дѣятелемъ, не чуждымъ, впрочемъ, нѣкотораго искаательства, ср. „Одобренія сочиненію о Совѣстномъ судѣ“, Сиб. 1831, появив-

шіяся отдѣльно и приложенныя къ труду „Мои мысли“ и пр., стр. 65 и сл.

¹ И. Наумовъ, Практическое правовѣденіе для гражданъ, М. 1808, ч. 1, Введ., стр. I.

² И. Наумовъ, Начертаніе естественнаго права, принадлежащее къ первой части практическаго правовѣденія для гражданъ, ч. 1, М. 1808 и ч. 2, М. 1809, ч. 2, стр. 7. „Начертаніе естественнаго права“ И. Наумова переиздано имъ въ „Журн. дома практическаго правовѣдѣнія по предмету образованія стряпчества“, 1813, ч. 1, стр. 17—142, а нѣкоторыя главы „Начертанія“ выпущены въ свѣтъ въ формѣ отдѣльныхъ трудовъ. Ср., напр., О справедливости и несправедливости, Спб. 1812.

³ Начертаніе, ч. 1, стр. 1.

⁴ Ibid.

⁵ Начертаніе, ч. 1, стр. 14.

должно допускать въ извѣстныхъ границахъ оборону ¹ и запрещать самоубійство ², имущественныя посягательства ³ и пр. Но естественное право знаетъ не только такіе первичные, производные институты. Оно развивается и въ результатѣ общественнаго договора служить источникомъ новыхъ нормъ ⁴. Гражданинъ, нарушающій общественный договоръ, «опредѣляющій поведеніе гражданина», впадаетъ въ преступленіе ⁵. Такъ какъ «человѣкъ управляется своими намѣреніями», которыя не что иное, какъ «разположеніе души сдѣлать что либо» ⁶, то въ основаніи преступленія лежитъ намѣреніе, которое «всегда сопровождается познаніемъ того, что предпринимается» ⁷. «Безнамѣренность въ преступленіяхъ происходитъ или отъ печальности, или отъ невѣденія» ⁸. «Нечаянность, поясняетъ И. Наумовъ, есть случай, отъ котораго зависѣло преступленіе, и такое преступленіе есть невольное» ⁹; «невѣденіе есть недостатокъ познанія». Невѣденіе раздѣляется на извинительное и неизвинительное. «Извинительно оно тогда, когда не было удобства къ приобрѣтенію познанія. Неизвинительно оно тогда, когда при удобности приобрѣсть познаніе, не было на сіе обращено вниманія» ¹⁰. Преступленіе по невѣденію неизвинительному ведетъ къ наказанію меньшему, чѣмъ намѣренное, а «всѣ преступленія по извинительному невѣденію или по насилію здѣланныя, не подвергають человѣка наказанію по естественному закону справедливости» ¹¹. «Вредное намѣреніе,

¹ „Убивство, пишетъ И. Наумовъ, не должно происходить отъ защищенія противъ отнятія вещей, потому что вещи или возвращены, или другія вновь приобрѣтены быть могутъ“, Начертаніе, ч. 1, стр. 14.

² Человѣкъ „произведенъ на свѣтъ не съ ненавистью къ себѣ, но съ любовью“, Начертаніе, ч. 1, стр. 15.

³ Начертаніе, ч. 1, стр. 17.

⁴ Начертаніе, ч. 1, стр. 21, 35, а также Рѣчь, Спб. 1813, стр. 17 и сл.

⁵ Начертаніе, ч. 1, стр. 36. Пре-

ступленія И. Наумовъ, въ согласіи съ Наказомъ, дѣлаетъ на посягательства „противъ закона или вѣры“, „противъ нравовъ“, „противъ тишины и спокойствія“ и „противъ безопасности гражданъ“, *ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ Начертаніе, ч. 1, стр. 37.

⁸ *Ibid.*

⁹ Начертаніе, ч. 1, стр. 38.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Начертаніе, ч. 1, стр. 38 и сл.

не приведенное въ дѣйствіе, не подлежитъ суду гражданскому потому, что оно осталось въ душѣ безъ вреда обществу»¹.

Таковы тѣ выводы изъ основнаго принципа естественнаго права и общественнаго договора, которые И. Наумовъ дѣлаетъ примѣнительно къ уголовному праву. Если онъ не вноситъ въ нихъ элементовъ, свойственныхъ русской дѣйствительности, то не потому, что считаетъ это несовмѣстимымъ съ характеромъ своего естественнаго права, предполагающаго согласованіе и «съ духомъ времени и съ цѣлію гражданскаго бытія». Онъ полагаетъ, что всѣ эти начала осуществлены уже въ нашей юридической дѣйствительности. Въ тѣхъ отдѣлахъ естественнаго права, гдѣ И. Наумову приходится имѣть дѣло съ правомъ государственнымъ, онъ вноситъ соотвѣтственныя поправки².

Принципы естественнаго права служатъ, по И. Наумову, не только общими выводами, но одновременно и началами, способными содѣйствовать пониманію и изученію положительнаго законодательства. «Чтобъ знать, пишетъ онъ, разумъ законовъ гражданскихъ, власть судебную... необходимо знать право естественное»³. Но послѣднее должно быть восполнено «практическимъ правовѣдѣніемъ». «Подъ словомъ практическое правовѣдѣніе, пишетъ И. Наумовъ, разумѣется соединеніе теоріи съ практикою»⁴. «Мысленные чертежи... часто на самой практикѣ встрѣчаютъ въ приведеніи ихъ въ исполненіе невозможность.. Для достиженія сей цѣли необходимо знать... природу человѣка.. вліяніе на него обществитія.. степень его разума,... кругъ обстоятельствъ его жизни»

¹ Начертаніе, ч. 1, стр. 37.

² „Не естественно, читаемъ мы, напр., у И. Наумова, Начертаніе, ч. 2, стр. 3, чтобы въ народномъ правленіи существовали порядокъ и правосудіе: большинство голосовъ въ немъ есть насиліе несоглашающейся сторонѣ“.. „Дворянинъ обязанъ лично служить отечеству..., купецъ платитъ подать отечеству за то, что онъ подъ защитою дворян-

ствомъ безопасности отечества добываетъ богатство...“, Начертаніе, ч. 2, стр. 7.

³ И. Наумовъ, Журналь Дома практическаго правовѣденія, ч. 1, стр. 15 и сл.

⁴ И. Наумовъ, Журналь Дома практическаго правовѣденія, 1813 ч. 2, стр. 112 и сл.

и пр.¹. «Практическое прововѣденіе» въ этомъ смыслѣ распадается, по И. Наумову, на «правовѣденіе», «законоискуство» и «судовѣденіе». «Правовѣденіе есть познаніе поступковъ гражданина, согласны ли они съ закономъ,... законоискуство есть вѣрное примѣненіе поступковъ гражданина къ законамъ,... судовѣденіе есть познаніе, какимъ образомъ производятся въ судахъ дѣла всякаго рода»².

Фактически И. Наумовъ выдѣляетъ, прежде всего, изъ «практическаго правовѣденія» нѣчто вродѣ общей части. Онъ отводитъ въ нее вопросы «О родѣ правленія въ Россіи», о законахъ, «Произхожденіи оныхъ въ Россіи», дѣленіяхъ ихъ³ и проч. Понимая терминъ «законы гражданскіе» въ широкомъ смыслѣ, И. Наумовъ относитъ къ ихъ разновидности и законы уголовные⁴.

Свою классификацію законовъ, данную въ этой общей части, И. Наумовъ имѣлъ въ виду положить въ основаніе «правовѣденія», какъ «познанія поступковъ гражданина»; законамъ уголовнымъ должна была быть отведена четвертая часть его системы,⁵ не появившаяся въ законченномъ видѣ. Изъ нея обработанъ И. Наумовымъ только одинъ отдѣлъ, вышедшій въ формѣ труда «Раздѣленіе преступленій противъ права гражданскаго и уголовного»⁶, къ которому мы еще вернемся. Что касается другихъ частей «практическаго правовѣденія», т. е. «законоискуства» и «судовѣденія», то онѣ изложены И. Наумовымъ болѣе или менѣе полно подъ видомъ данныхъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ въ процессѣ ихъ историческаго развитія въ русскомъ правѣ⁷.

Въ своемъ «Раздѣленіи преступленій противъ права граж-

¹ И. Наумовъ, Ор. сіт., стр. 112 и сл.

² И. Наумовъ, Практическое правовѣденіе для гражданъ, М. 1808, ч. 1, стр. 1 слѣд.

³ Ср. Журналь Дома практическ. правовѣденія, 1813, ч. 1. Спб., стр. 1—56; о дѣленіяхъ законовъ, стр. 5 и сл.

⁴ Журналь Дома практическаго правовѣденія, Спб. 1813, ч. 1, стр. 6.

⁵ Практическое правовѣденіе для гражданъ, ч. 1, Предувѣдсмл., стр. 1.

⁶ Раздѣленіе преступленій противъ права гражданскаго и противъ права уголовного И. Наумова, Спб. 1813.

⁷ Ср. Журналь Дома практическ. правовѣденія, ч. 2, „Присудственныя мѣста и чины въ Россіи доннынѣ бывшіе“, §§ 50—83, стр. 61—93; „Предметы къ судебной власти относящіяся, кото-

данскаго и уголовного» И. Наумовъ рѣшаетъ нѣкоторые вопросы уголовного права, ведущіе къ освѣщенію практической стороны проблемы преступности. Онъ выясняетъ здѣсь вліяніе на преступность безнравственныхъ примѣровъ ¹ и отдѣльныя преступления предлагаетъ наказывать по соображенію съ «свойствомъ побудительныхъ причинъ» къ нимъ. «Безъ сего знанія, пишетъ онъ, понятія о преступленияхъ бываютъ смѣшаны, и мѣра наказанія превосходитъ мѣру надлежащаго» ². «Побудительныя причины» И. Наумовъ понимаетъ въ формѣ оцѣнки мотивовъ зависти, корысти, мщенія. Здѣсь же И. Наумовъ даетъ одновременно примѣрную схему дѣленія преступленій на гражданскія и уголовныя. Къ первымъ онъ относитъ «присвоеніе чужого имѣнія», «присвоеніе себѣ преимуществъ, другому принадлежащихъ», а къ «преступленіямъ уголовнымъ» причисляетъ «увѣчье личности», «отнятіе самой жизни» и проч. ³.

Нетрудно видѣть, что И. Наумову совершенно не удалось дать теоретическаго построенія дѣйствующаго законодательства ни въ его естественномъ правѣ, ни въ «практическомъ правовѣденіи», въ особенности примѣнительно къ области уголовной. Къ этой задачѣ И. Наумовъ подходилъ при помощи обобщеній права естественнаго, исправленныхъ выводами изъ нормъ положительнаго права. Но и этотъ пріемъ не послужилъ ему ключемъ къ изложенію въ систематическомъ порядкѣ дѣйствующаго права. Поскольку имъ это сдѣлано, ему пришлось вступить на проторенную дорогу распределенія дѣйствующаго права въ системѣ процессуальной, въ порядкѣ отдѣльныхъ учрежденій, вѣдающихъ тѣ или другія дѣла.

рые всѣ вмѣстѣ изъясняютъ образъ и правила судопроизводства», §§ 84 — 134, стр. 93—111. Вопросамъ судебного права посвященъ отчасти и трудъ И. Наумова, Изложеніе юридическихъ предметовъ для руководства къ познанію практическаго правовѣденія, Спб. 1812, въ особ. стр. 18 и др. и трудъ

„Мои мысли о Совѣстномъ судѣ“, Спб. 1832, стр. 16—29.
¹ И. Наумовъ, Раздѣленіе преступленій, стр. 10.
² И. Наумовъ, Раздѣленіе преступленій, стр. 16.
³ И. Наумовъ, Раздѣленіе преступленій, стр. 15 и сл.

IV.

Уголовно-правовыя ученія русскихъ политическихъ писателей.

Н. С. Мордвиновъ.—П. И. Пестель.—П. Г. Каховскій.—Н. И. Тургеневъ.

Русская дѣйствительность начала XIX ст. служитъ благоприятной почвой для дальнѣйшаго развитія политической мысли, зародившейся у насъ еще раньше. Все усиливавшееся культурное общеніе съ западомъ, освободительныя вѣянія первой половины царствованія Александра I, непосредственно ощущавшіяся въ кругу ближайшихъ сотрудниковъ императора, ростъ потребности въ образованіи, шедшій объ руку съ усиленіемъ дѣятельности высшей школы, могли только содѣйствовать дальнѣйшему развитію интереса къ вопросамъ государственнаго и общественнаго благоустройства. Находя непосредственную опору въ мѣропріятіяхъ по преобразованію нашихъ высшихъ учрежденій, русскіе политики увлекаются согласованіемъ опредѣлившихся къ этому времени политическихъ идеаловъ съ особенностями жизни страны. Они не минуютъ и вопросовъ реформы уголовно-правовой сферы, какъ связанной самымъ тѣснымъ образомъ съ общественнымъ интересомъ и защитой правъ личности въ государствѣ.

Политическія преобразованія, отчасти прерванныя, отчасти получившія иное направленіе вмѣстѣ съ наступившей реакціей во вторую половину царствованія Александра I, не остановили у насъ самаго процесса творческаго развитія политической мысли. Для кружка писателей и дѣятелей, выступившихъ къ самому концу этого царствованія и явившихся наиболѣе послѣдовательными представителями идеаловъ періода, пережитаго русскимъ обществомъ, вопросы надлежащаго истолкованія и реформы уголовного законодательства не теряютъ своего интереса. Они служатъ для этой группы лишь предметомъ внимательнаго обсужденія и на нихъ смотрятъ, какъ на одну изъ самыхъ существенныхъ сто-

ронъ общественной жизни, нуждающейся въ коренномъ преобразованіи.

Нельзя сказать, чтобы интересъ къ общественнымъ вопросамъ вызвалъ у насъ въ эту эпоху богатую переводную литературу. На русскомъ языкѣ появляются въ эту пору изрѣдка новые труды иностранныхъ авторовъ. Выходятъ только новые переводы произведеній Монтеस्कье¹ и Беккариа² и впервые появляются на русскомъ языкѣ уголовно-политическія работы Гер. Бентама³. Около этого времени проникаютъ въ нашу литературу и сочиненія, посвященные изложенію идей Говарда⁴ и трудъ о ссылкѣ Болинброка⁵.

Хотя идеи Монтеस्कье и Беккариа успѣли уже сказаться на трудахъ нашихъ политическихъ писателей XVIII в. отчасти непосредственно, отчасти черезъ Наказъ, онѣ не утрачиваютъ своего руководящаго характера. У нѣкоторыхъ нашихъ уголовныхъ политиковъ съ ними начинаютъ конкурировать идеи Гер. Бентама. Хотя, благодаря своей формѣ, послѣднія были мало приспособлены къ проведенію въ нашу жизнь, онѣ все же находятъ себѣ сторонниковъ. Ихъ не только раздѣляетъ, но и энергично осуществляетъ извѣстный государственный дѣятель адм. Н. С. Мордвиновъ⁶. Одновременно онъ содѣйствуетъ своими трудами и укорененію этихъ идей въ сознаніи общества.

¹ О существѣ законовъ, соч. Монтеस्कье, пер. съ франц. Дмитрій Языковъ, 4 ч., М. и Спб. 1809—1814.

² Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ; пер. съ итальян. на франц. А. Мореллетъ, съ франц. Дмитрій Языковъ; съ присовокупленіемъ примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ Мореллетомъ, Спб. 1803; О преступленіяхъ и наказаніяхъ пер. съ франц. Александръ Хрущовъ, Спб. 1806. Ср. о Д. Языковѣ, Д. Вантышъ-Каменскій, Словарь, ч. 3, Спб. 1847, стр. 579 и сл.

³ Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, съ предварительнымъ изложеніемъ началъ зако-

ноположенія и всеобщаго начертанія полной книги законовъ... соч. Геремія Бентама, изданное на франц. языкѣ съ дополненіями Степ. Дюмономъ; пер. съ фр. Михайла Михайлова, 3 ч. Спб. 1805—1811.

⁴ Историческое описаніе о наказаніи преступниковъ въ Филадельфіи, пер. съ нѣм. Сем. Венечанскій, М. 1799.

⁵ Мысли о ссылкѣ, изъ соч. славнаго лорда Беленброка. М. 1802.

⁶ Біографическія данныя о Н. С. Мордвиновѣ ср. В. Иконниковъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ, Спб. 1873, стр. 2, 572 и сл. и passim.; Н. Н. Мордвинова, Воспоминанія объ адмиралѣ Н. С. Мордвиновѣ, Спб. 1873; В. Иконни-

Основной чертой уголовно-политической программы Н. Мордвинова является устранение из области правосудия всего того, что представляется недопустимым в смысле этическомъ. Н. Мордвиновъ вѣритъ, что «сила и безопасность царствъ состоятъ... въ нравственныхъ опорахъ...; сокрушались они худыми началами, принимаемыми къ ихъ управленію... Коль скоро таковыя начала воздѣйствуютъ на потрясеніе... первыхъ основаній правосудія, то неминуемо возрождаютъ пагубное недовѣріе въ сердцахъ всѣхъ состояній народныхъ; а тогда само по себѣ должно уже разрушиться все, чѣмъ токмо управляются, возвышаются и утверждаются имперіи»¹.

Этическій критерій диктуетъ Н. Мордвинову отрицательное отношеніе къ дѣйствіямъ, которыя, хотя сами по себѣ и дозволены, но не безразличны въ смыслѣ моральномъ. Доносъ, съ точки зрѣнія Н. Мордвинова, если и не можетъ рассматриваться самъ по себѣ какъ преступленіе, не долженъ служить

ковъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ, Русск. стар. 1872, т. 5, стр. 33—43; В. Семеvскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 51, 55, 168, 481, 492 и сл., 559, 568 и др. *passim*; Гр. Геннаді, Справ. слов., т. 2, Берл. 1880, стр. 342—343, приводитъ библиогр. указ. литературы о Н. Мордвиновѣ. Объ отношеніяхъ Н. Мордвинова къ Бентаму ср. А. Пыпинъ, Русскія отношенія Бентама, Вѣстн. Евр. 1869, апр., стр. 785 и сл.

Николай Семеновичъ Мордвиновъ род. въ 1754 г. († 1845). Занимая при Екатеринѣ II и Павлѣ I отвѣтственные посты, онъ подвергся при послѣднемъ гоненіямъ и только воцареніе Александра I сдѣлало для него возможнымъ вступленіе на широкое поприще государственной дѣятельности. Значеніе Н. Мордвинова въ особенности возрасло съ возвышеніемъ М. Сперанскаго. Членъ Государственнаго совѣта и предсѣдатель Департамента государственной экономіи,

онъ теряетъ почву подъ ногами съ ссылкой своего единомышленника. Въ 1820-хъ годахъ Н. Мордвиновъ снова занимаетъ видное положеніе, которое удерживаетъ долгое время и въ царствованіе Николая I, безъ особаго, однако, вліянія на ходъ дѣлъ. Приверженецъ англійскихъ учрежденій, Н. Мордвиновъ въ своихъ многочисленныхъ мнѣніяхъ, подававшихся имъ въ Государственномъ совѣтѣ и становившихся достояніемъ широкой гласности, проводилъ рядъ мыслей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ уголовной практики и законодательства.

¹ Н. Мордвиновъ, Мнѣніе 25 сент. 1811 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. росс. 1860, кв. 2, стр. 228 и сл. Въ этихъ взглядахъ много общаго съ положеніемъ Монтескье, l. VIII, с. 11, абз. 1: „lorsque les principes du gouvernement sont une fois corrompus les meilleurs lois deviennent mauvaises et se tournent contre l'état“.

основаніємъ для отягощенія участи тѣхъ, противъ коихъ онъ направляется. Безправственнымъ путемъ не должно быть установлено преступленіе. «Донось, пишетъ Н. Мордвиновъ, подвергающій мучительнѣйшему наказанію ближняго своего...., доказываетъ въ сердцахъ ожесточеніе, погашеніе послѣдней искры любви и... дѣйствіе злобы и мщенія»¹.

Тотъ же этический моментъ служитъ Н. Мордвинову критеріемъ при оцѣнкѣ карательной системы въ цѣломъ и отдѣльныхъ, составляющихъ ее мѣръ: смертной казни, наказаній изувѣчивающихъ, болевыхъ и проч.

Съ проповѣдью необходимости смягченія жестокости карательной системы мы встрѣчаемся въ запискѣ Н. Мордвинова, относящейся ко времени царствованія Александра I и представленной, повидимому, въ Комиссію составленія законовъ². Опираясь на Наказъ³, Н. Мордвиновъ настаиваетъ на общемъ преобразованіи русской карательной системы въ духѣ отмѣны значащейся въ Уложеніи 1649 г. смертной казни, ограниченія наказанія кнутомъ, смягченія каторжныхъ работъ и усиленія практики ссылки. Н. Мордвиновъ проектируетъ, притомъ, въ замѣну уменьшенія жестокости, придать исполненію наказанія нѣкоторый публичный характеръ. Онъ предлагаетъ приводить преступниковъ «на публичныя мѣста, какъ бы приговоренныхъ къ смерти, облаченныхъ въ саваны, съ горящими въ рукахъ свѣщами и предшествуемыхъ священниками»⁴.

¹ Мнѣніе 13 дек. 1820 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, кн. 2, стр. 6 и сл. Ср. также соображенія о той роли, которую слѣдуетъ отвести доносу въ системѣ организованнаго правосудія въ „Мнѣніи... по произшествію, бывшему въ Кіевской губерніи и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ, Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, кн. 1, стр. 12 и сл. Въ этихъ взглядахъ Н. Мордвинова можно видѣть вліяніе

Беккариа, отрицательно относившагося къ доносу, ср. Вес., р. 67 и слѣд.

² Текстъ этой записки озаглавленной: „Мысли о успѣхѣ и точности въ судопроизводствѣ и о умѣреніи наказаній за вины и преступленія“ помѣщенъ въ Чт. въ имп. об. ист. и др. рос. 1859, кн. 2, стр. 134—152.

³ Ср. Ор. cit., стр. 148—150.

⁴ Ср. Мысли о успѣхѣ и проч., стр. 150 и слѣд.

Н. Мордвиновъ безусловный противникъ смертной казни ¹.

Онъ приходитъ къ отрицанію ея необходимости, прежде всего, на основаніи доводовъ нравственнаго порядка. «Человѣкъ, пишетъ онъ, не одаренный всесовершенствомъ, поступаетъ ли согласно съ правотою совѣсти своей, когда присвоаетъ себѣ то право, которое единому Всесовершенному токмо Существоу принадлежитъ?.. Окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть вреднымъ, не есть ли жертва бесполезная и невинная...»². Но въ то же время Н. Мордвиновъ считаетъ смертную казнь недопустимой вообще «при существованіи законовъ и при правленіи, соединенными всего народа желаніями утвержденномъ». Онъ ссылается въ подкрѣпленіе этого мнѣнія на точку зрѣнія Наказа, развитую въ ст. 210 и др. ³, искусно пользуясь тѣмъ осколкомъ мнѣнія Беккаріи о юридической недопустимости смертной казни съ точки зрѣнія договорнаго происхожденія государства, который уцѣлѣлъ въ Наказѣ Н. Мордвиновъ въ числѣ общихъ доводовъ противъ смертной казни выдвигаетъ и ея неустрашительность ⁴, иллюстрируя, въ большинствѣ случаевъ, отдѣльные доводы Беккаріи примѣрами.

Общіе доводы противъ смертной казни Н. Мордвиновъ подвергаетъ и спеціальной оцѣнкѣ примѣнительно къ русскимъ усло-

¹ Взгляды по этому вопросу развиты въ „Мнѣніи адмирала Мордвинова о смертной казни“ 23 окт. 1824 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, к. 4, стр. 26—28, и „Дополнительныхъ статьяхъ къ мнѣнію адмирала Мордвинова о смертной казни“ 13 генв. 1825, Ор. сіт., стр. 29—36. Ср. о судьбѣ „Мнѣнія“ Н. Мордвинова о смертной казни въ Государственномъ совѣтѣ, В. Иконниковъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ, Слб. 1873, стр. 376 и сл.

² Дополнительные статьи, стр. 29 и слѣд.

³ Дополнительные статьи, стр. 31.

⁴ „... Лишеніе свободы, правъ гражданскихъ и каторжная работа составляютъ наказанія, удерживающія людей

отъ преступленій болѣе, нежели смертная казнь.—Воинъ идетъ на смерть, ставя грудь противу пуль и ядръ за малый знакъ почести въ петлицу;... но никто... не повергнетъ ни жизни, ни благосостоянія своего, естли бы, наравнѣ съ смертію, каторга ему предстояла... Сію же мысль можно отнести и къ самоубійству. Самоубійцы предають себя смерти, но никто еще не предавалъ себя каторгѣ.. Гдѣ часто казнятъ, тамъ день казни, для развратныхъ, бываетъ днемъ удачнаго мошенничества и не служитъ для порочныхъ исправленіемъ...“ Дополнительные статьи, стр. 32 и слѣд. Здѣсь Н. Мордвиновъ воспроизводитъ главные доводы Беккаріи, ср. Вес., р. 80 и слѣд.

віямъ. На этомъ пути онъ приходитъ къ выводу, что «при настоящей степени благочинія, при усовершенствованіи гражданскихъ законовъ и учрежденій, при сближеніи всѣхъ сословій въ правахъ и взаимныхъ нуждахъ и обязанностяхъ, при внутренней стражѣ и сильнѣйшей дѣятельности правительства... заговоры, бунты и возмущенія менѣе опасны, нежели за полвѣка тому назадъ оныя быть могли»¹. Н. Мордвиновъ не допускаетъ смертной казни и за тягчайшія политическія преступленія, соглашаясь только на то, чтобы въ дѣйствительно чрезвычайныхъ случаяхъ могли опредѣляться наказанія, выходящія изъ предѣловъ обычныхъ².

Н. Мордвиновъ подымаетъ свой голосъ и противъ допустимости кнута, какъ орудія наказанія. «При кровавомъ, паче отвратительномъ, зрѣлищѣ такового мученія, пишетъ онъ о наказаніи кнутомъ, пораженные ужасомъ зрители приводимы бываютъ въ то иступленное состояніе, которое не дозволяетъ ни мыслить о преступникѣ, ни рассуждать о содѣянномъ имъ преступленіи»³. Н. Мордвиновъ при оцѣнкѣ наказанія кнутомъ не ограничивается указаніемъ на то, что отъ этой мѣры нельзя ждать благопріятнаго результата въ смыслѣ удержанія массы отъ впаденія въ преступленія. Онъ подчеркиваетъ и жестокость такого наказанія, его неравномѣрность и полную неприспособленность служить средствомъ исправленія⁴.

¹ Мнѣніе адмирала Н. Мордвинова о смертной казни, стр. 26 и слѣд.

² „... Противу случаевъ покушенія на жизнь Государя, или кого либо изъ Императорской фамиліи, также на бунтъ и возмущеніе народа, слѣдуетъ поставить самую высшую казнь, какія въ разрядѣ наказаній исчислены, кромѣ смертной казни, или противъ сихъ высочайшей степени преступленій не рассуждено ли будетъ написать въ общихъ словахъ, что, по примѣру двухъ, бывшихъ въ царствованіи императрицы Екатерины II, чрезвычайныхъ случаевъ,

назначаемы будутъ и чрезвычайные суды, и по разсмотрѣнію таковыхъ судовъ, будетъ опредѣлена преступникамъ и казнь, выходящая изъ предѣловъ общеузаконенныхъ мѣръ наказанія?..“ Мнѣніе адмирала Н. Мордвинова, стр. 27 и слѣд.

³ Мнѣніе адм. Н. Мордвинова о кнутѣ, орудіи наказанія, Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, кв. 4, стр. 23—25.

⁴ „Кнутъ, пишетъ Н. Мордвиновъ, по долговременности своего дѣйствія, по глубокимъ язвамъ, имъ содѣлываемымъ, и

Столь же отрицательно Н. Мордвиновъ относится къ клейменію преступника не только въ виду болѣзненности этой мѣры наказанія, но того противорѣчія, которое создается въ жизни допущеніемъ мѣръ вѣчныхъ, не считающихся съ тѣмъ, что цѣль наказанія можетъ уже оказаться достигнутой и, кромѣ того, въ виду невознаградимости этой мѣры ¹.

Вслѣдъ за Іер. Бентамомъ Н. Мордвиновъ склоняется къ мысли, что наилучшимъ средствомъ наказанія является рационально поставленная тюрьма ² и соглашается съ Беккаріей, что не слѣдуетъ соединять наказаній съ полнымъ лишеніемъ преступника правъ и подвергать оправданныхъ какому либо ограниченію ³.

Въ области соразмѣренія наказанія съ тяжестью преступленія Н. Мордвиновъ подчеркиваетъ всю важность приведенія въ соотвѣтствіе кары съ мотивами дѣйствій правонарушителя. Если мотивы непозорнаго характера ⁴, если они совпадаютъ съ естественными

по преданію преступника на волю палача, въ умѣренности или жестокости наказанія, не долженствовалъ бы быть орудіемъ исправительнаго наказанія...“
Мнѣніе адм. Мордвинова о кнутѣ, стр. 24.

¹ Мнѣніе адм. Мордвинова о неклеяменіи лица у преступниковъ 12 дек. 1824 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, кн. 4, стр. 21 и сл. „... Съ отложеніемъ кнута, писалъ здѣсь Н. Мордвиновъ, должны мы отмѣнить и постановленіе клеймъ на лицѣ... Сія одушевленная часть гѣла не долженствовала бы быть мѣстомъ поруганія, тѣмъ болѣе, когда единожды положенное пребываетъ неизгладимымъ. Люди, понесшіе наказаніе, бываютъ иногда невинно пострадавшими..., непорочность коихъ, въ послѣдствіи времени въ полной мѣрѣ правосудіемъ признаваема бываетъ... Истинные... преступники суть также человѣки, существа нравственныя, одаренныя совѣстью и раскаяніемъ, и сія свыше вдохновенныя воз-

бужденія въ величайшихъ злодѣяхъ нерѣдко возрождаютъ чувства добродѣтели...“.

² Ср. соотвѣтственное „Мнѣніе“ адм. Н. Мордвинова 12 іюня 1825 г., вкратцѣ изложенное у В. Иконникова, *Op. cit.*, стр. 367 и *Oeuvres de I. Bentham*, t. 2, Brux. 1829, *Theorie des peines et des récompenses*, ch. V, *Examen de l'emprisonnement*, p. 34 et seq. Ср. также, t. 1, Brux. 1829, *Principes du code pénal*, 3-me part., ch. VI, *Du choix des peines*, p. 177 и *Panoptique*, p. 248, 262 и др.

³ Ср. изложеніе у В. Иконникова „Мнѣнія“, помѣщеннаго въ 3 т. рукописныхъ мнѣній Н. Мордвинова, *Op. cit.*, стр. 154. Ср. *Вес.*, p. 23 et seq.

⁴ Мнѣніе.. по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ 31 генв. 1821 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859, кн. 1, стр. 9—17. Ср. рядъ другихъ „Мнѣній“

побужденіями, заложенными въ челоуѣкѣ, то наказаніе подлежитъ смягченію ¹.

Но и при опредѣленіи наказанія челоуѣчнаго и закономѣрнаго Н. Мордвиновъ выступаетъ сторонникомъ взгляда, что мѣра кары не можетъ увеличиваться органами суда, не имѣющими подъ рукой непосредственныхъ данныхъ о преступленіи ² и что вообще судебное преслѣдованіе должно имѣть мѣсто только тогда, когда существуютъ достаточныя гарантіи, что событіе преступленія можетъ быть установлено съ полной достовѣрностью ³.

Н. Мордвиновъ требуетъ, въ согласіи съ Наказомъ, и того, чтобы при уголовномъ вмѣненіи ставить лицу въ вину непременно опредѣленныя дѣйствія, а не одни слова, даже при тягчайшихъ преступленіяхъ. По поводу состава преступленія оскорбленія Величества Н. Мордвиновъ пишетъ: «если слова наказуемы будутъ наравнѣ съ дѣлами; если, безъ ясныхъ доказательствъ, два свидѣтеля, изустно обвиняющіе, достаточны будутъ для обвиненія въ оскорбленіи Величества, то кто въ нижнемъ и въ высшемъ состояніи, съ превосходными достоинствами и вѣрностью испытанной, безъ опасенія невиннымъ почестъ себя можетъ?...» ⁴.

Уголовно-политическія идеи, развиваемыя Н. Мордвиновымъ, не представляютъ особенныхъ трудностей въ смыслѣ возведенія ихъ къ источникамъ и вліяніямъ, подъ которыми онѣ сложились.

Съ формальной стороны мы встрѣчаемся въ нихъ съ положеніями Наказа, фактически прилагаемыми къ русской дѣйствительности. На послѣдній Н. Мордвиновъ очень часто ссылается непосредственно. Фактъ этотъ представляетъ тотъ спеціальныи интересъ, что служитъ свидѣтельствомъ вліянія Наказа на нашу уго-

въ изложеніи В. Иконникова, Графъ Н. Мордвиновъ, Спб. 1873, стр. 356 и слѣд., а равно 284 и сл.

¹ Мнѣніе... 31 генв. 1821 г. стр. 13.

² Мнѣніе адм. Н. Мордвинова 9 ноября 1820 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1858, кн. 2, стр. 8. Ср. и другія „Мнѣнія“ по этому вопросу, приведенныя у В. Иконникова, Графъ Н. С.

Мордвиновъ, Спб. 1873, стр. 280 и сл.

³ Ср. мнѣніе 29 авг. 1817 г. въ изложеніи В. Иконникова, Ор. cit., стр. 207.

⁴ Мнѣніе адм. Н. Мордвинова объ оскорбленіи Величества, 13 дек. 1820 г., Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1859 г., кн. 2, стр. 6 и слѣд.

ловно-судебную практику. Приходится признать, что дѣла, доходившія до Государственнаго совѣта, очень часто получали такое направленіе и рѣшеніе, которое находилось въ соотвѣтствіи съ директивами, преподанными Наказомъ.

Но это не значитъ, конечно, что уголовно-политическія воззрѣнія Н. Мордвинова сложились непосредственно и исключительно подъ вліяніемъ Наказа. Противникъ схоластики и поклонникъ опытнаго метода въ наукѣ¹, человекъ, стоявшій близко къ филантропу и тюремовѣду Говарду² и Іер. Бентаму, Н. Мордвиновъ приходилъ въ своей жизни къ извѣстнымъ взглядамъ путемъ глубокаго изученія самой сущности явленій. Его идеалы складывались на почвѣ сознанія, что та или другая мѣра оказывается наиболѣе дѣйствительной для достиженія практическихъ цѣлей, къ которымъ приходится стремиться. Нѣтъ ничего удивительнаго, если защитники политики наказаній, ведущихъ къ наибольшей пользѣ и наказываемаго, и общества, вызывали идейное и фактическое сочувствіе Н. Мордвинова. На этой почвѣ онъ принимаетъ идеи Монтескье и Беккари, относится съ интересомъ къ трудамъ испанскаго утилитариста Гаспара-де-Ховелланоса, автора труда «*Identité de l'intérêt général avec l'intérêt individuel*»³, и преклоняется передъ Іер. Бентамомъ. Практическій путь, предлагаемый послѣднимъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, покоющійся на изученіи мотивовъ преступной дѣятельности, находитъ сторонника въ лицѣ Н. Мордвинова⁴. Исправленіе преступника, какъ наиболѣе дѣйствительный способъ покончить съ зломъ преступленія, въ свою очередь, привлекаетъ Н. Мордвинова. Когда Іер. Бентамъ доказывалъ, что исправить преступника гораздо полезнѣе въ смыслѣ выгоды, чѣмъ

¹ Ср. о взглядѣ Н. Мордвинова на Закона, В. Иконниковъ, Графъ Н. Мордвиновъ, Спб. 1873, стр. 75.

² Ср. Воспоминанія Н. Мордвиновой, стр. 13 и слѣд.; цит. по В. Иконникову, *Op. cit.*, стр. 573 и слѣд.

³ Ср. объ этомъ испанскомъ юристѣ, противникѣ пытокъ, поборникѣ тюрем-

ной реформы, († 1811), В. Иконниковъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ, Спб., 1873, стр. 73 и слѣд.

⁴ Ср. *Theorie de peines criminelles* par Ier. Bentham, trad. de l'Ang. par Saint-Aubin, Par. 1797, p. 189 et seq.

обезвредить его какимъ нибудь механическимъ способомъ ¹, то для Н. Мордвинова это не могло не быть рѣшающимъ доводомъ для защиты именно этой цѣли наказанія прежде всего. То же должно сказать о гуманности наказанія, понимаемой Іер. Бентамомъ, какъ логическій выводъ изъ необходимости экономіи наказаній въ видахъ ихъ дѣйствительности ². Требованіе сопровожденія наказанія извѣстными обрядами, какъ средство соединить гуманность съ примѣрностью наказанія—эта излюбленная мысль Іер. Бентама —³, въ свою очередь, не можетъ не быть убѣдительнымъ для Н. Мордвинова по практическому складу его ума.

Вообще можно безъ преувеличенія сказать что взгляды Іер. Бентама являются въ большинствѣ случаевъ ключемъ къ правильному пониманію уголовно-политическихъ идей Н. Мордвинова, разсѣянныхъ въ его многочисленныхъ «Мнѣніяхъ».

Вопросы уголовной политики культивировались и въ томъ кружкѣ русскихъ дѣятелей конца 20-хъ годовъ XIX ст., который выступилъ носителемъ и преемникомъ идей ближайшихъ сподвижниковъ Александра I въ началѣ его царствованія. Съ измѣнившимися въ центрѣ взглядами на необходимость и принципы реформы нашего государственнаго и общественнаго быта, идеи эти стали достояніемъ болѣе тѣсныхъ и менѣе оффиціальныхъ группъ, хотя и продолжали пользоваться нравственнымъ автори-

¹ „Il est bien plus aisé de s'assurer qu'on retiendra le coupable, en le mettant hors d'état de nuire, que par le moyen de la réforme. Mais le premier des sec modes a contre lui de faire une trop grande dépense de peine; car il n'y a aucune manière sûre de mettre un homme hors d'état de faire du mal, sans en même-temps le mettre à un grand degré hors d'état de faire du bien, soit à lui-même, soit aux autres“... Theorie des peines criminelles par Іер. Bentham, trad. de l'Ang. par Saint-Aubin, Par. 1797, p. 201 et seq.

² Op. cit., p. 203.

³ Op. cit., p. 204. „On rend un mode de punition plus exemplaire en augmentant la souffrance apparente, on le rend plus économique en diminuant la souffrance réelle“. Ср. также Oeuvres de I. Bentham, t. 1, Brux., 1829, Principes du code pénal, 3-me part., ch. VI, p. 176 и 4-me part., ch. IX, p. 206 et seq. „C'est la peine réelle, замѣчаетъ Бентамъ, qui fait tout le mal; e'est la peine apparente qui produit tout le bien. Il faut donc tirer de la première tout le parti possible pour augmenter la seconde. L'humanité consiste dans le semblant de la cruauté“, p. 206.

тетомъ у огромнаго большинства представителей культурнаго общества.

Мы остановимся въ нашемъ изложеніи только на наиболее видныхъ представителяхъ уголовно-политической доктрины этого направленія, а именно на П. И. Пестелѣ, П. Г. Каховскомъ и Н. И. Тургеневѣ, такъ какъ въ лицѣ ихъ эти ученія были наиболее послѣдовательно развиты и достигли высшаго своего проявленія.

У П. И. Пестеля ¹, мы встрѣчаемся, помимо выясненія политики мѣръ наказанія, съ изслѣдованіемъ основныхъ элементовъ преступленія, отражающимъ довольно точно естественно-правовыя ученія германской доктрины конца XVIII ст. Начала уголовного законодательства, которыя онъ защищаетъ въ своихъ трудахъ ², неизбежны, по его мнѣнію, для рациональной организаціи нашего строя.

Желательный укладъ Россіи П. Пестель представляетъ себѣ въ образѣ порядка, основаннаго «на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ»³, предъ которыми должны быть равны всѣ граждане ⁴. Справедливость закона предполагаетъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ «кореннымъ свойствамъ природы человѣческой» и

¹ Біографич. данныя о П. И. Пестелѣ ср. Н. Сильванскій, Пестель передъ верховнымъ судомъ, Былое, 1906, февр., стр. 121—155; мартъ, 206—231; Н. Павловъ-Сильванскій, П. И. Пестель, Русск. біограф. словарь, т. Пав.-Петръ, Спб. 1902, стр. 599—615. Здѣсь же приведены бібліограф. указ. литературы о П. Пестелѣ; В. Семевскій, Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в., Былое, 1906, мартъ, стр. 151—203; В. Р-въ, Павелъ Ивановичъ Пестель, Энци. слов. т. 23, Спб. 1898, стр. 429; В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 500 и сл., 543 и сл., 583 и сл. и

мн. др. passim.

П. Пестель родился въ 1793 г. Онъ былъ воспитанникомъ Пажескаго корпуса и ученикомъ акад. Германа († 13 іюля 1826).

² П. Пестелю, кромѣ Русской правды, сыгравшей огромную роль въ его процессѣ, принадлежатъ отчасти стоящіе съ ней въ связи: „Записка о государственномъ правленіи“ и „Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія, соч. Русскаго гусара, 1820.

³ П. Пестель, Русская правда, Спб. 1906, стр. 8.

⁴ П. Пестель, Ор. cit., стр. 59 и сл., 100, 166.

опредѣлялъ «природныя обязанности и права частныхъ лицъ»¹, ведущія «къ цѣли общественнаго благоденствія»². Законы эти, думаетъ П. Пестель, неизмѣнны, заложены въ людяхъ «Всевышнимъ существомъ» и «независимы отъ всякой воли человека»³. Точный и справедливый законъ, для достиженія своей цѣли, долженъ быть систематично⁴, ясно и просто изложенъ, по возможности, съ приведеніемъ его мотивовъ⁵.

Въ общей системѣ такихъ законовъ, постановленія уголовныя играютъ существенную роль. Они указываютъ «наказаніе за неисполненіе законовъ, опредѣляютъ послѣдствія для гражданъ, происходящія отъ нарушенія ими обязанностей своихъ и правъ ближнихъ, дополняютъ посредствомъ вещественной необходимости нравственную и принуждаютъ къ сей послѣдней всѣхъ и каждаго». Законы уголовные предполагаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, описаніе признаковъ дѣяній, подвергаемыхъ наказанію, а, съ другой, установленіе соотвѣтствующихъ имъ наказаній. Анализъ содержанія уголовныхъ законовъ и приводитъ П. Пестеля къ рѣшенію вопросовъ о сущности и реквизитахъ преступленія, понятіи наказанія, его основаніи, цѣляхъ, свойствахъ, видахъ и проч.

Преступленіе П. Пестель опредѣляетъ, какъ «дѣяніе, коимъ члены гражданскаго общества могутъ нарушать обязанности свои и права своихъ ближнихъ», влекущее за собой наказаніе⁶.

Только частное физическое лицо, какъ таковое, можетъ выступить возможнымъ виновникомъ преступленія. Сложныя единицы, общество и государство, не могутъ совершать преступленій, и если органы ихъ впадаютъ въ послѣднія, то дѣлаютъ это, какъ частныя лица. «Законы, пишетъ П. Пестель, о нарушеніяхъ, совершающихся представителями разнаго рода государственныхъ учрежденій, наказывающіе таковыя преступленія, касаются частныхъ лицъ». «Сіи преступленія происходятъ... отъ того, что... на-

¹ Ор. cit., стр. 100, 165, 166.

² Ор. cit., стр. 165.

³ Ор. cit., стр. 166.

⁴ Ор. cit., стр. 164.

⁵ Ор. cit., стр. 99, 168, 170.

⁶ Ор. cit., стр. 181 и сл.

ходятся порочныя качества и зловредныя намѣренія, которыя суть произведенія природы человѣческой и... имѣютъ свой источникъ въ оной природѣ, а не въ званіяхъ, отъ правительства... налагаемыхъ»¹.

Но не всякое противозаконное дѣяніе, совершенное лицомъ, можетъ влечь за собой наказаніе и является преступленіемъ. «Преступленіе, пишетъ П. Пестель, состоитъ въ нарушеніи закона, соединенномъ съ волею оный нарушить. Воля есть та способность, посредствомъ которой человѣкъ рѣшается дѣйствовать по влеченію страстей и приговорамъ разсудка;... надобно желать и понимать, дабы имѣть волю»². Въ тѣхъ случаяхъ, когда воля нѣтъ на лицо, не можетъ имѣть мѣста уголовное вмѣненіе. «Одни вольныя дѣянія, законамъ противныя, должны быть признаны преступленіями»³. Послѣднимъ противопологаются поступки «вовсе невольныя», которые «раздѣляются на два вида: такіе, при коихъ совсѣмъ воли не существуетъ и такіе, при коихъ она дѣйствовать не можетъ. Первые производятся людьми, не имѣющими свободной воли, какъ-то дѣтьми, сумасшедшими, малоумными и т. п. Вторые производятся людьми, не знающими велѣній законовъ или принужденными къ чему нибудь насильственными средствами, когда дѣйствуютъ они уже единственно въ видѣ орудій»⁴. Кромѣ дѣяній «вовсе невольныхъ», П. Пестель различаетъ «поступки сложно невольныя». Къ этой категоріи онъ причисляетъ такіе, «при коихъ воля ограничивается принужденіемъ, и такіе, при коихъ она ограничивается незнаніемъ»⁵. Къ первымъ онъ относитъ случаи крайней необходимости, въ которой онъ видитъ обстоятельство, исключая наказуемость по тому основанію, «что гражданскіе законы должны стараться внушать нравственное совершенство, но не должны... наказывать того, который не имѣетъ довольно силы, дабы до сего совершенства достигнуть»⁶. Вторымъ видомъ «сложно невольныхъ поступковъ» П. Пестель счи-

¹ Op. cit., стр. 164.

² Op. cit., стр. 181.

³ Op. cit., стр. 182.

⁴ Op. cit., стр. 182.

⁵ Op. cit., стр. 182.

⁶ Op. cit., стр. 182.

таеть тѣ, въ коихъ воля «ограничивается незнаніемъ». Онъ причисляетъ сюда дѣйствія, совершаемыя въ состояніи опьяненія, которыя въ зависимости отъ обстоятельствъ обсуждаются различно¹.

Выставляя критеріемъ уголовного вмѣненія свободную волю и различая вмѣненіе уголовное отъ вмѣненія гражданскихъ послѣдствій въ томъ смыслѣ, что въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто «злостная воля»², П. Пестель считаетъ «преступленіями» только вольныя дѣянія, законамъ противныя»³, и подводитъ подъ нихъ «поступокъ.., который сопровождается бываетъ съ познаніемъ цѣли и сопряженныхъ съ оною обстоятельствъ и послѣдствій»⁴. Но между вольными дѣяніями должно различать нѣсколько «степеней»⁵. Одна изъ этихъ послѣднихъ «заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона, соединенное съ намѣреніемъ нарушить оный»⁶. Другая степень—«нарушеніе закона безъ прямого намѣренія нарушить оный». Форму проявленія злостной воли въ первомъ и второмъ случаѣ П. Пестель раздѣляетъ на три степени⁷. Въ области намѣренной вины эти три степени обнимаютъ собой въ порядкѣ возрастающей наказуемости случаи дѣйствованія «при сильномъ волненіи», «съ хладнокровіемъ и разсудкомъ» и комбинаціи, «когда преступленіе сопровождается бываетъ съ жестокостью»⁸. Въ области вины «безъ прямого намѣренія» П. Пестель различаетъ въ порядкѣ убывающей наказуемости степени: «когда... возможность нарушить законъ... превышаетъ возможность достигнуть желаемой цѣли безъ его нарушенія», «когда сіи двѣ возможности равны или очень мало разнствуютъ» и «когда возможность достигнуть какой нибудь цѣли безъ нарушенія закона превосходитъ возможность нарушить законъ при достиженіи желаемой цѣли»⁹.

¹ Ор. cit., стр. 182 и слѣд.

² Ор. cit., стр. 171.

³ Ор. cit., стр. 182.

⁴ Ор. cit., стр. 181.

⁵ Ор. cit., стр. 184.

⁶ Ор. cit., стр. 186.

⁷ Ор. cit., стр. 186.

⁸ Ор. cit., стр. 187.

⁹ Ор. cit., стр. 186.

Въ моментѣ воли П. Пестель ищетъ и обоснованіе рѣшенія вопроса объ отвѣтственности при покушеніи и критерій распредѣленія отвѣтственности на случай соучастія.

«Одна воля, замѣчаетъ П. Пестель, безъ изъявленія оной, не есть преступленіе, и потому не можетъ никто быть наказанъ за одни зловредныя мысли или намѣренія»¹. На случай проявленія воли въ дѣйствіи «надлежитъ разсмотрѣть качество проступка, изъявляющаго оную волю». Если эти «изъявленія» «допускаютъ еще перемену воли», какъ, напр., слова, угрозы и проч., то не должны подлежать наказанію, если только сами по себѣ не составляютъ правонарушенія. «Но если качества изъявленной воли суть такого рода, что... заключаютъ въ себѣ неизмѣнную рѣшимость..., тогда изъявленіе зловреднаго намѣренія должно быть наказано наравнѣ съ самымъ преступленіемъ», т. е. совершеніемъ².

Обстоятельства, позволяющія опредѣлить степень наказанія въ соотвѣтствіи съ характеромъ «злостной воли», поставленныя въ связь съ значеніемъ для общества учиненнаго, достаточны, по мнѣнію П. Пестеля, для рѣшенія вопроса о распредѣленіи отвѣтственности при соучастіи³.

Опытъ оцѣнки объективнаго значенія, учиненнаго, въ отношеніи вреда, угрожающаго отъ него обществу, П. Пестель дѣлаетъ въ формѣ классификаціи преступленій «по качеству». На этомъ пути онъ различаетъ дѣянія, направляющіяся противъ «существованія» государства и «благоденствія» его. Къ первымъ онъ относитъ преступленія политическія, убійство, увѣчье и проч. и посягательства противъ «общественнаго состоянія гражданъ». Преступленіями противъ «благоденствія», частнаго и общественнаго, П. Пестель считаетъ посягательства противъ собственности, чести, семейныхъ отношеній, противъ судебного порядка и проч.⁴.

¹ Ор. cit., стр. 183.

² Ор. cit., стр. 183.

³ Ор. cit., стр. 187.

⁴ Ср. подробную таблицу, Ор. cit., стр. 185 и слѣд.

Столь же детально изслѣдуются П. Пестелемъ и вопросы наказанія. Онъ оставляетъ въ сторонѣ обоснованіе наказанія на договорной теоріи происхожденія государства, какъ лишенной фактической почвы, и исходитъ изъ того, что наказаніе является однимъ изъ средствъ воздѣйствія на человѣческую волю, которое не дѣлаетъ, однако, еще невозможнымъ преступленія ¹. Какъ таковое, оно находитъ истинное обоснованіе въ своей полезности и справедливости и постольку же оно допустимо ². П. Пестель порываетъ въ этомъ смыслѣ съ традиціями школы энциклопедистовъ и склоняется въ значительной мѣрѣ къ точкѣ зрѣнія Іер. Бентама.

Наказаніе имѣетъ цѣлью «удержать другихъ людей отъ подобныхъ преступленій ³, исправить, если возможно, самаго преступника ⁴ и поставить его въ невозможность нарушать впредь спокойствіе и благоденствіе общества и частныхъ онаго членовъ» ⁵. Эти цѣли наказанія требуютъ, чтобы оно имѣло опредѣленные свойства. Оно должно быть «неизбѣжно» ⁶ и слѣдовать какъ можно въ скорѣйшемъ времени ⁷, быть вознаградимымъ ⁸, одинаковымъ для всѣхъ состояній ⁹, не жестокимъ ¹⁰, соответствующимъ преступленію ¹¹ и пр. П. Пестель—не сторонникъ строгой индивидуализаціи наказанія въ виду того, что считаетъ нужнымъ сообразовать его «съ дѣйствіемъ на постороннихъ людей». Этой сторонѣ его П. Пестель готовъ принести въ жертву цѣли частнаго предупрежденія въ смыслѣ исправленія правонарушителя ¹².

¹ *Op. cit.*, стр. 101.

² *Op. cit.*, стр. 191.

³ *Op. Ves.*, р. 46.

⁴ Усматривая въ исправленіи одну изъ цѣлей наказанія, П. Пестель находитъ весьма вѣроятно подѣ влияніемъ воззрѣній Іер. Бентама. *Op. Ier. Bentham, Theorie des peines criminelles*, р. 201 и слѣд.

⁵ *Op. cit.*, стр. 100, 188. Можно предположить, что эти поправки П. Пестель вноситъ въ свой трудъ подѣ влияніемъ комментарія на Беккарію Дидро. *Op. Notes de Diderot, Ves.*, р. 46.

⁶ *Ves.*, р. 102 et seq.

⁷ *Ves.*, р. 98, 100 и др.

⁸ *Op. cit.*, стр. 100 и сл., 189. *Op. Ier. Bentham, Oeuvres*, t. 1, Brux. 1829, *Principes du code pénal*, 3-me part., ch. VI, *Du choix des peines*, р. 177.

⁹ *Op. cit.*, стр. 189; *Ves.*, р. 125 et seq.

¹⁰ *Op. cit.*, стр. 190; *Ves.*, р. 75.

¹¹ *Op. cit.*, стр. 67, 188; *Montesquieu*, l. XII, с. 4, абз. 8 и 12; *Ves.*, р. 101, 184.

¹² *Op. cit.*, стр. 67, 189.

Основнымъ свойствамъ наказанія не удовлетворяетъ смертная казнь, которая не обладаетъ, главнымъ образомъ, вознаграждаемостью¹ и переступаетъ границы необходимой суровости². Въ общемъ, П. Пестель одобряетъ всѣ тѣ наказанія, которыя «производятъ самое сильное впечатлѣніе на другихъ людей и заключаютъ между тѣмъ самое меньшее количество страданія для преступника»³. Мѣрой наказанія въ то же время П. Пестель выставляетъ начало, чтобы страданіе, имъ причиняемое, превышало благо, ожидаемое преступникомъ отъ правонарушенія⁴.

П. Пестель не высказывается безусловно противъ тѣлесныхъ наказаній, требуя только опредѣленія ихъ по суду и публичнаго ихъ примѣненія⁵, не въ качествѣ общей мѣры, но специальной, допустимой, напр., въ войскахъ⁶.

Взгляды П. Пестеля на вопросы уголовного права представляютъ собой, въ особенности въ той части, гдѣ у него идетъ рѣчь о политикѣ наказаній, попытку комбинирования самыхъ разнообразныхъ критеріевъ, выставляемыхъ политическими писателями конца XVIII в. Это объясняется тѣмъ, что П. Пестель стремится къ созданію системы, соответствующей русскимъ условіямъ. Онъ

¹ Op. cit., стр. 101. Здѣсь на П. Пестеля оказали, повидимому, вліяніе соображенія Ier. Bentham, Oeuvres, t. 2, Brux. 1829, Théorie des peines et des récompenses, liv. 2-me, ch. XIV, Examen de la peine de mort, въ особ. р. 67 и t. 1-er, Principes du code pénal, 3-me part., ch. VI, p. 177 et 184.

² Op. cit., стр. 188. Мысли П. Пестеля о смертной казни развиты имъ въ его трудѣ „Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія, соч. русскаго гусара, 1820. Ср. В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 543, Вес. р. 80.

³ Ier. Bentham, trad. par Saint-Aubin, р. 204 и слѣд.

⁴ П. Пестель, Русская правда, Спб., 1906, стр. 188. Ier. Bentham, trad. par Saint-Aubin, р. 206.

⁵ П. Пестель, Записка о государственномъ правленіи, В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 583 и сл.

⁶ За безусловную недопустимость тѣлесныхъ наказаній высказывался декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ, а также В. Ѳ. Раевскій и М. Ѳ. Орловъ. Ср. В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 113 и слѣд. Точка зрѣнія П. Пестеля на тѣлесныя наказанія находитъ, повидимому, опору въ отношеніи къ нимъ Монтеスキе, l. VI. с. 18, абз. 2.

идеть къ этой цѣли въ той части его предложеній, которыя предусматриваютъ опредѣленные, неизмѣнныя, начала для общей части уголовного кодекса и выработку номенклатуры преступленій.

Ученія другихъ русскихъ политическихъ писателей не достигаютъ такой степени законченности какъ взгляды П. Пестеля. Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ идетъ рѣчь объ организаціи системы наказаній, согласной съ духомъ государства, гарантирующаго своимъ подданнымъ наибольшую степень гражданской свободы и гуманнаго обращенія.

Съ такими взглядами мы встрѣчаемся, напр., у П. Г. Каховскаго ¹ въ его разсужденіяхъ о смертной казни и принципахъ надлежащей организаціи тюремнаго заключенія.

Противъ смертной казни П. Каховскій выдвигаетъ, главнымъ образомъ, возраженія на почвѣ ея юридической недопустимости и существенности для наказанія исправленія правонарушителя. «Можетъ ли смерть быть наказаніемъ, пишетъ онъ, когда она есть необходимое условіе человѣческаго бытія, и не каждый ли изъ насъ при самомъ еще рожденіи приготовленъ къ оной?» «Законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать ², и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію» ³.

Мѣрой наказанія, способной разрѣшить въ наиболѣе полной степени его задачи, представляется П. Каховскому тюремное заключеніе, организованное по рациональной системѣ, принятой въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Къ характеристикѣ условій, положенныхъ въ основаніе послѣдней, П. Каховскій подходит путемъ

¹ Біографическія данныя ср. у П. Щеголева, Петръ Григорьевичъ Каховскій, Былое, 1906, янв., стр. 129—166; февр., стр. 183—212.

² Вес., р. 76. „Quel peut être ce droit que les hommes se donnent, d'égorger leur semblable? Ce n'est certainement celui sur lequel sont

fondées la souveraineté et les lois“.

³ П. Щеголевъ, *Op. cit.*, янв., стр. 141. Авторъ пользуется здѣсь рукописными матеріалами, хранящимися въ Госуд. архивѣ. Ср. также В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 577.

критики русских тюремных порядковъ, по которымъ преступники не подвергаются классификаціи, не организуются тюремныя работы, не принимается должныхъ заботъ гигиеническаго характера, а надзоръ за заключенными поручается «преступникамъ еще большимъ» и проч. ¹.

Аргументы П. Каховскаго противъ смертной казни заимствуются имъ въ той ихъ части, въ которой онъ настаиваетъ на юридической недопустимости смертной казни, у Беккариа, и весьма вѣроятно у Гизо ².

Съ оценкой роли репрессіи въ области борьбы съ политическими преступленіями и стойкой защитой недопустимости отступленія отъ общихъ началъ уголовного права въ примѣненіи къ нимъ мы встрѣчаемся у другого политическаго писателя начала XIX в., Н. И. Тургенева ³. Взгляды послѣдняго сохранились въ дошедшихъ до насъ отчасти рукописныхъ, отчасти печатныхъ его работахъ ⁴.

Н. Тургеневъ, проводитъ, прежде всего, мысль, что строгостью наказаній нецѣлесобразно предупреждать политическія пре-

¹ П. Щеголевъ, *Op. cit.*, стр. 141 и слѣд.

² F. Guisot, *De la peine de mort* P. 1822, nouv. ed. Brux. 1838.

³ Біографическія данныя о Н. И. Тургеневѣ, род. 1789 († 1871), ср. В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, стр. 194 и сл., 205 и сл., 215 и сл., 557 и сл. и мн. др. *passim.*; В. Семевскій, Николай Ивановичъ Тургеневъ, *Энци. слов.*, т. 34, Спб. 1902, стр. 106—113; Записки Свербеева, М. 1899, т. 1; Г. Балицкій, Образецъ „человѣка“, Н. И. Тургеневъ, прилож. къ изд. „Россія и русскіе“, М. 1907, стр. I—XXXII; А. Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александръ

рѣ I, Спб. 1908, стр. 577 и слѣд.; М. Вишницеръ, Геттингенскіе годы Н. И. Тургенева, Минувшіе годы, №№ 5—6.

⁴ *La Russie et les Russes*, Brux. 1847; русскій переводъ этого изданія, еще не оконченный, въ „Библіотекѣ декабристовъ“, вып. 2 и 5, М. 1907; О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ въ Россіи, 1860; рукописный трудъ „Мысли о возможныхъ исправленіяхъ російскаго судопроизводства“; извлеченія изъ него приведены у В. Семевскаго, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, стр. 559 и сл.; неоконченный трудъ „Уголовное уложеніе“, извлеч. ср. В. Семевскій, *Op. cit.*, стр. 573 и сл., и др.

ступленія. «Если нельзя отрицать, пишет онъ, что правительствамъ удастся, такимъ образомъ, внушить страхъ, то нужно признаться также и въ томъ, что имъ никогда не удавалось предупредить возстанія. Свобода, какъ и религія, имѣетъ своихъ мучениковъ и будетъ ихъ имѣть еще»¹. Но еще менѣе цѣлесообразно дѣлать для политическихъ преступленій какія либо исключенія вродѣ наказанія виновниковъ за голый умыселъ². Это не только несправедливо, но вредитъ развитію мирныхъ путей усовершенствованія и толкаетъ на путь крайностей. Н. Тургеневъ заявляетъ себя сторонникомъ безнаказанности въ политическихъ преступленіяхъ и добровольно оставленнаго намѣренія. «Если человѣческіе законы, пишетъ онъ, не должны наказывать за намѣренія, то это потому, что намѣренія, какъ бы преступны они ни были, могутъ быть свободно оставлены по различнымъ мотивамъ. Когда отказываются отъ какого нибудь намѣренія, не приводя его въ исполненіе, тогда закону нечего съ нимъ дѣлать»³. «Отказаться отъ какого нибудь намѣренія, замѣчаетъ Н. Тургеневъ, не означаетъ ли это сознаться, что выполненіе его невозможно»⁴.

Изъ карательныхъ мѣръ Н. Тургеневъ считаетъ необходимымъ ограниченіе тѣлесныхъ наказаній⁵. Онъ сторонникъ тюремнаго заключенія и высказываетъ о немъ рядъ мыслей, приведенныхъ еще въ Наказѣ⁶. Въ американскихъ тюремныхъ системахъ Н. Тургеневъ видитъ образецъ, достойный подражанія⁷.

¹ Н. Тургеневъ, Россія и русскіе, М. 1907, ч. 1, стр. 123.

² Н. Тургеневъ, *Op. cit.*, стр. 121, 123.

³ Н. Тургеневъ, *Op. cit.*, стр. 142 и сл.

⁴ Н. Тургеневъ, *Op. cit.*, стр. 148.

⁵ Ср. В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб. 1909, о дневникѣ Н. Тургенева, относящемся къ 1816 году, гдѣ онъ проводитъ мысль о необходимости уничто-

женія кнута, допущеніи клейменія преступниковъ и опредѣленіи тѣлесныхъ наказаній по суду. Мысль о допустимости тѣлеснаго наказанія несовершеннолѣтнихъ высказывается, по словамъ В. Семевскаго, *Op. cit.*, стр. 574, въ трудѣ Н. Тургенева „Уголовное уложеніе“, оставшемся неоконченнымъ, *ibid.*

⁶ В. Семевскій, *Op. cit.*, стр. 574.

⁷ В. Семевскій, *Op. cit.*, стр. 577.

V.

Итоги развитія науки уголовного права въ Россіи въ
первыя три десятилѣтія XIX в.

Общій характеръ научнаго развитія начала XIX в.—Роль кодификаціонныхъ работъ въ догматизаціи русскаго уголовного права.—Значеніе популярно-юридической литературы для опытовъ научной догмы.—Успѣхи историческаго изученія права.—Общая тенденція теоретическихъ конструкцій въ области уголовного права.—Уголовно-политическая программа дѣятелей конца царствованія Александра I.

XVIII в. въ исторіи науки уголовного права въ Россіи отмѣченъ попытками перенесенія къ намъ западно-европейскихъ ученій естественнаго права и усиліями заложить основаніе догматическихъ работъ. Одновременно онъ характеризуется появленіемъ пионеровъ историческаго изученія права и сторонниковъ идей, отводящихъ видное мѣсто реформѣ дѣйствующаго законодательства въ духѣ освобожденія личности и рациональной борьбы съ преступностью.

Первыя десятилѣтія XIX в. являются эпохой, когда начинанія эти приносятъ первые серьезные плоды и нѣсколько приближаются къ разрѣшенію поставленныхъ задачи. Этотъ результатъ достигается прежде всего при помощи увеличенія запаса знаній о нашемъ юридическомъ прошломъ и благодаря болѣе полному использованию имѣвшагося уже ранѣе въ распоряженіи русскихъ ученыхъ матеріала. Время Александра I представляется эпохой, когда благодаря необычно благоприятнымъ условіямъ, въ которыя было поставлено у насъ культивированіе науки,—благодаря въ частности расширенію и улучшившейся постановкѣ юридической школы,—достигается не только обособленіе и конструированіе догмы нашего уголовного законодательства, но общія естественно-правовыя ученія пріобрѣтаютъ характеръ теоріи уголовного права и создается опредѣленная уголовно-политическая программа, подготовленная предшествующими усиліями политическихъ писателей второй половины XVIII в.

Самымъ крупнымъ результатомъ этого короткаго, но интенсивнаго періода въ развитіи нашей науки, являются успѣхи въ

области обработки положительнаго уголовного права, которые, по самому существу своему, объясняются ростомъ творческой работы и обусловлены усовершенствованіемъ научныхъ методовъ и приведеніемъ въ извѣстность матеріала русскаго права.

Въ успѣхахъ догматической обработки нашего уголовного права видную роль сыграли кодификаціонныя работы и, главнымъ образомъ, усилія представителей русской популярно-юридической литературы. Оба эти фактора содѣйствовали тому, чтобы могли быть использованы въ надлежащей мѣрѣ успѣхи въ области философскаго конструированія уголовного права. Если теоретическія построенія всегда могли быть восприняты въ качествѣ готовой схемы, то для плодотворнаго приложенія такой схемы требовалась предварительная работа не только въ смыслѣ механическаго собранія матеріала, но и умѣнія примѣнить теоретическую конструкцію къ исторически сложившемуся праву.

Кодификаціонныя работы, предшествоующія трудамъ по составленію Свода, не смотря на то, что только съ появленіемъ послѣдняго оказались достигнувшими своей цѣли, значительно подвинули впередъ догматизацію нашего уголовного законодательства. Кодификаціонныя работы Комиссіи составленія законовъ, хотя и много пострадали отъ случайныхъ колебаній, вызывавшихся переменной лицъ, стоявшихъ во главѣ этого учрежденія, и всякихъ постороннихъ вліяній, въ конечномъ результатѣ привели къ положительнымъ результатамъ. Опредѣлился не только инвентарь нашего уголовного законодательства, но и самое содержаніе его было введено въ опредѣленныя теоретическія рамки. Труды, затраченные Комиссіей составленія законовъ на извлеченіе изъ нашего уголовного законодательства опредѣленныхъ началъ, не смотря на то, что послѣднія унаслѣдованы отъ эпохи господства естественно-правовыхъ ученій и попадаютъ еще въ Наказъ Екатерины II и отчасти въ западно-европейскихъ кодексахъ, не лишены значенія для догматизаціи русскаго положительнаго уголовного законодательства. Параллельно шла работа и по суммированію непосредственно дѣйствовавшаго у насъ въ

разное время уголовного законодательства. Проект 1813 года въ значительной части своихъ постановленій опирается на положительную почву, и въ основѣ его лежатъ извлеченія изъ Уложенія и указовъ, расположенныя по рубрикамъ. «Сводъ существующихъ законовъ о уголовномъ правѣ» является, въ свою очередь, одной изъ работъ, содѣйствовавшихъ уясненію нашей догмы.

На развитіе догматической обработки нашего уголовного законодательства наряду съ кодификаціонными попытками оказали вліяніе и популярно-юридическіе труды, достигающіе въ до-сводную эпоху своего расцвѣта. Для надлежащей оцѣнки ихъ роли важно имѣть въ виду, что косвенно они содѣйствовали и усиленіямъ кодификаціонныхъ работъ, а перенесенные въ область академическаго преподаванія, служили главнымъ источникомъ свѣдѣній о положительномъ правѣ.

Образцы русской популярно-юридической литературы сложились путемъ медленнаго прогресса въ дѣлѣ собранія и систематизаціи постановленій русскаго законодательства. Преслѣдуя вначалѣ цѣль составленія хронологическихъ сборниковъ нашего законодательства, составители этого рода трудовъ вскорѣ перешли къ исключенію законовъ отмѣненныхъ, къ указанію взаимной связи отдѣльныхъ постановленій, систематизаціи ихъ по предмету и проч. Этимъ путемъ представители популярно-юридической литературы сдѣлали возможной и научную разработку нашего уголовного законодательства, подготовивъ для нея почву. Въ поискахъ системы, покоящейся на удобораспознаваемыхъ моментахъ и пригодной въ тоже время для людей незнакомыхъ съ внутреннимъ различіемъ отдѣльныхъ категорій права, представители популярно-юридической литературы сосредоточились на распредѣленіи нашего законодательства по отдѣльнымъ учрежденіямъ, примѣняющимъ тѣ или другія постановленія нашего законодательства. Этотъ путь не могъ не привести къ тому, чтобы институты нашего уголовного законодательства трактовались какъ возможное содержаніе процессуальнаго права, какъ простая иллюстрація функцій, отправлявшихся самими разнообразными органами, на которыхъ лежала обязанность

примѣненія дѣйствующаго матеріальнаго уголовного права. Къ послѣднему представители этой вѣтви юридической литературы подходили со стороны судопроизводственной, какъ бросающейся прежде всего въ глаза и выступающей реальной санкціей существующихъ постановленій. Приемы популярно-юридической литературы становятся въ то же время излюбленнымъ способомъ обученія праву въ юридической школѣ и замѣняютъ собой всякую другую классификацію постановленій нашего права по признакамъ, лежащимъ въ основаніи внутренней природы разнообразныхъ опредѣленій. Своего высшаго проявленія приемы внѣшней систематизаціи права достигаютъ въ тѣхъ построеніяхъ, въ которыхъ, съ одной стороны, обобщаются признаки, лежащіе въ основаніи самыхъ нормъ права, а, съ другой, не теряютъ своего руководящаго значенія и внѣшнія особенности той или другой категоріи юридическихъ опредѣленій. Образцами такой систематизаціи является, напр., попытка Зах. Горюшкина разграничить отдѣльныя наслоенія права въ процессѣ его постепеннаго образованія безъ использованія различія между отдѣльными категоріями по характеру интересовъ, ими ограждаемыхъ и самому способу ихъ защиты, — попытка П. Соколова обособить уголовно-правовыя постановленія, какъ такія, которыя являются охранительными нормами по отношенію ко всѣмъ остальнымъ опредѣленіямъ права, и нѣкоторыя другія. Съ переходомъ къ систематизаціи матеріала законодательства на основаніи признаковъ внутренняго его содержанія популярно-юридическая литература утрачивала основную свою особенность и назрѣвалъ моментъ для перехода къ построенію научной догмы и использованію въ этихъ цѣляхъ успѣховъ теоретическаго изслѣдованія, поскольку оно покоилось на положительномъ фундаментѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ насущныхъ потребностей содѣйствуетъ культивированію научной догмы. Нужды преподаванія, состояніе уголовного законодательства и потребности практики побуждаютъ заняться ея разработкой. Эта послѣдняя, вполне естественно, не могла не отразить на себѣ тѣхъ условій, въ которыя было поставлено у насъ и отчасти на западѣ развитіе теорети-

ческой юриспруденціи въ области права уголовнаго. Россія второго десятилѣтія XIX в. находилась еще подъ вліяніемъ конструкцій, развитыхъ въ Наказѣ, но въ то же время успѣла ознакомиться и отчасти перенести на нашу почву опыты нѣмецкой научной догмы уголовнаго права, возникшіе въ Германіи въ результатѣ взаимодѣйствія теоретической и практической юриспруденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ первые опыты научной догмы русскаго уголовнаго права, естественно, носятъ у насъ печать доктрины Наказа, съ одной стороны, а въ наиболѣе совершенныхъ своихъ проявленіяхъ приближаются къ работамъ нѣмецкихъ догматиковъ. Труды русскихъ криминалистовъ-догматиковъ, съ одной стороны, тѣсно связаны съ теоретическими построеніями Наказа, напр., у О. Горегляда и П. Гуляева, а съ другой, съ опытами научной догмы А. Фейербаха и К. Грольмана. Г. Солнцевъ, на долю котораго выпала роль перваго русскаго догматика, сумѣлъ въ то же время возвыситься до нѣкоторой самостоятельности и блестящимъ образомъ по своему времени разрѣшить задачу сведенія русскаго уголовнаго законодательства къ началамъ, систематически между собой связаннымъ и точно выражающимъ характеръ дѣйствующаго права. По пути, проложенному Г. Солнцевымъ, пошелъ у насъ С. Протасовъ и пошелъ бы цѣлый рядъ другихъ научныхъ работниковъ, если бы наукѣ уголовнаго права въ Россіи суждено было развиваться естественнымъ путемъ и безъ произвольныхъ уклоненій въ разныя стороны въ зависимости отъ условій русской жизни, ставившихъ наукѣ опредѣленныя границы въ формѣ созданія препятствій, дѣлающихъ невозможными одни теченія и искусственно поощряющихъ другія.

Научно-догматическая разработка нашего уголовнаго законодательства въ то же время не могла получить должнаго развитія безъ историческаго освѣщенія нашего права, безъ предварительнаго анализа пережитыхъ имъ формъ. Попытками подойти къ этой сторонѣ вопроса были отчасти усилія изслѣдователей древностей нашего права. Слишкомъ, однако, отрывочныя по существу и слишкомъ случайныя эти попытки любителей изученія русской старины не пополнили соотвѣтственнаго пробѣла въ ученой обработкѣ права.

Только первое тридцатилѣтіе XIX ст. является эпохой, когда разрабатываются въ болѣе широкомъ масштабѣ данныя, пригодныя для пониманія нашихъ старыхъ памятниковъ уголовного законодательства. Къ этому времени юридическія древности заинтересовываютъ болѣе обширный кругъ изслѣдователей, суммируются, и дѣлается попытка обнаружить сущность историческаго процесса развитія русскаго уголовного законодательства во всемъ его объемѣ въ связи съ изслѣдованіемъ причинъ, обусловившихъ его современное состояніе. Дѣлается попытка и намѣтить тѣ пути, которыми русское уголовное законодательство должно развиваться въ будущемъ. Проведеніе этого теченія въ научную разработку русскаго уголовного права, поскольку оно въ дѣйствительности имѣло мѣсто, выпало на долю ученыхъ, почерпнувшихъ въ непосредственной близости къ опытамъ западной науки руководящіе приемы для такой работы.

Первое тридцатилѣтіе XIX в. является временемъ, когда затрачивается много усилій и на созданіе наряду съ разработкой положительнаго права такой системы уголовно-правовыхъ ученій, которая постулируется логически оперирующей мыслью человѣка. Такъ какъ эти попытки въ ихъ наиболѣе отвлеченномъ построеніи всегда приводили къ ряду несоотвѣтствій, то сторонники такихъ системъ стараются внести въ нихъ рядъ поправокъ, подсказанныхъ юридической дѣйствительностью и детальнымъ изслѣдованіемъ реальной природы человѣка и общества. Взятые въ цѣломъ, опыты философскаго конструированія уголовного права, поскольку они представлены въ русской наукѣ, носятъ рецептивный характеръ и большинство ихъ разновидностей совпадаетъ съ отбѣнками ученій, сложившихся на западѣ.

Если политическіе писатели XVIII вѣка намѣтили рядъ смѣлыхъ реформъ въ области уголовного правосудія, то было вполнѣ естественно, что люди, воспринявшіе ихъ идеи, подвергнутъ пересмотру вытекавшія изъ нихъ практическія предложенія. Начало XIX в. дѣйствительно и отмѣчено опытами практической оцѣнки тѣхъ взглядовъ на реформу уголовного права,

которые были высказаны Монтескье, Беккарией и др. Между тѣмъ какъ у старыхъ русскихъ послѣдователей ихъ вопросы реформы уголовного законодательства носятъ характеръ общихъ академическихъ разсужденій, дѣятели эпохи конца царствованія Александра I, восполняя эти взгляды трудами такихъ мыслителей, какъ Гер. Бенхамъ, дѣлаютъ усилія придать высказаннымъ воззрѣніямъ формулировку, наиболее соотвѣтствующую, по ихъ мнѣнію, практическимъ задачамъ момента, и обрабатываютъ ихъ въ формѣ опредѣленной уголовно-политической программы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эпоха формальнаго завершения кодификаціи уголовного законодательства, сліянiя философской и догматической его обработки и развитiя историческаго изученiя уголовного права.

I. Эпоха Николая I въ исторiи русской уголовной юриспруденціи.—II. Главныя теченiя въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовного законодательства.—III. Представители уголовно-политическихъ идей эпохи появленiя Свода законовъ.—IV. Состояніе науки уголовного права къ началу шестидесятыхъ годовъ XIX в.

I.

Эпоха Николая I въ исторiи русской уголовной юриспруденціи.

Необходимость выдѣленiя царствованiя Николая I въ самостоятельный періодъ въ исторiи уголовной юриспруденціи въ Россіи.—Общiя политическія условiя.—Реформа университетовъ.—Общее значеніе Полнаго собранiя законовъ и Свода для развитiя научно-юридической литературы.—Судьбы политической литературы.—Исчезновеніе популярно-юридической обработки положительнаго права.—Ростъ историческаго изслѣдованiя права.—Характеръ философской и догматической обработки уголовного права.

Сознаніе потребности въ юридическомъ образованiи и упорядоченiи нашего права вызвало въ царствованіе Александра I развитіе нашей высшей юридической школы и кодификаціонныя

работы. Хотя послѣднія и не были доведены до конца, онѣ сыграли извѣстную роль въ догматической разработкѣ нашего права. Еще плодотворнѣе была для этой цѣли дѣятельность юридической школы. Достигнутые въ этой области результаты находятся въ самой тѣсной связи съ общественными условіями, въ которыхъ находилась страна, и выступаютъ съ своеобразнымъ блескомъ. Послѣдній сохраняется нѣкоторое время и съ измѣненіемъ тѣхъ условій, при которыхъ онѣ стали возможны. Неуклонное направленіе общественной жизни по определенному руслу въ царствованіе Николая I сдѣлало, однако, свое дѣло и въ корнѣ измѣнило условія, которыя должны были отразиться на состояніи нашей науки вообще и юриспруденціи въ частности. Цензурный гнетъ, реформа университетовъ и направленіе кодификаціонныхъ работъ въ царствованіе Николая I, не говоря уже о другихъ проявленіяхъ общей атмосферы эпохи, не могли не видоизмѣнить въ корнѣ характера нашей науки и не придать ей того своеобразнаго отпечатка, который побуждаетъ выдѣлить время Николая I въ самостоятельный періодъ.

Строгое запрещеніе выступать съ критикой рациональности существующаго порядка ¹, ограниченіе права отлучекъ за границу ² и крайнее стѣсненіе самостоятельности университетовъ создаютъ для развитія науки тяжелую атмосферу. Ими фактически подавляется возможность творческой научной работы. Но наиболѣе губительны были для русской науки мѣры, непосредственно предпринятыя для преобразованія юридической школы.

¹ Цензурный уставъ, проведенный въ министерство адм. Шишкова отличался не только крайней суровостью, но и устававлявалъ презумпцію неблагонадежности каждой выходящей книги. Ср. Н. Шильдеръ, Императоръ Николай первый, т. 2, Спб. 1903, стр. 35. Въ свою очередь новый цензурный уставъ 22 апр. 1828 г. не улучшилъ положенія и исторія цензуры, начинающаяся съ него и продолжающаяся во все царствованіе Николая I, есть рядъ, то ослабѣвающихъ, то воз-

растающихъ стѣсненій, приурочиваемыхъ обыкновенно къ моментамъ политическихъ движеній на Западѣ, Н. Шильдеръ, *Op. cit.*, 465, 491, 497, 509 и мн. др.

² Лицамъ моложе двадцати пяти лѣтъ были совершенно запрещены отлучки изъ Россіи; для взрослыхъ создавались прямая или косвенная препятствія. Ср. Записки и дневникъ А. Никитенко, т. 1, стр. 463.

Университеты, благодаря организациі, полученной ими въ царствованіе Александра I, не были еще, не смотря на всѣ гоненія, ими испытанныя въ концѣ 20 хъ годовъ, учрежденіями, совершенно неспособными къ возрожденію и непригодными стать центрами критическаго отношенія къ надвинувшейся реакціи. Полное лишеніе ихъ такой возможности было поставлено въ эпоху Николая I ближайшею цѣлью. Въ такомъ пути видѣли надежнѣе обезпеченіе прочности режима и не колебались вступить на него цѣной значительнаго ограниченія круга преподаваемыхъ наукъ, гоненія на профессоровъ ¹, введенія въ высшую школу желѣзной дисциплины ², а равно пресѣченія свободнаго доступа въ университетъ всѣмъ ищущимъ высшаго образованія ³. Жизнь университетовъ удерживалась въ опредѣленныхъ рамкахъ путемъ крутыхъ мѣропріятій административнаго характера. Законодательную санкцію сложившіеся въ университетахъ порядки получили въ формѣ Устава 26 іюля 1835 года, но и послѣ его появленія не прекращались новыя ограниченія въ области преподаванія ⁴, попытки сокращенія «нѣкоторыхъ частей преподаванія, относящагося до наукъ юридическихъ и политическихъ», и непрестанныя заботы о томъ, чтобы было «положено начало... очищенію университета» и «уменьшенію числа студентовъ» ⁵. Какъ далеко шли новыя ограниченія въ развитіе Устава 26 іюля 1835 года можно видѣть уже изъ того, что по силѣ

¹ Ср. о репрессіяхъ по отношенію къ профессорамъ эпохи тридцатыхъ годовъ, Записки и дневникъ А. Никитенко, Спб. 1893, т. 1, стр. 376.

² Ср. примѣры въ Запискахъ и дневникѣ А. Никитенко, т. 1, Спб. 1893, стр. 215 и 217.

³ Ср. о мѣрахъ ограниченія доступа въ университеты въ концѣ 20-хъ годовъ Н. Шильдеръ, Имп. Николай I. т. 2, Спб. 1903, стр. 32 и слѣд.

⁴ Ср. о гоненіяхъ на философію въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ духѣ ограниченія ея логикой и психологіей съ предоставленіемъ преподаванія профессорамъ

богословія, Выс. утв. 26 янв. 1850 г. докладъ кн. Ширинскаго, Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 11, стр. 23 и слѣд.

⁵ Ср. Докладъ 20 окт. 1848 г. гр. С. Уварова, напеч. у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, Спб. 1896, стр. 151, а равно Наставленіе ректору и деканамъ... 24 окт. 1849 г., Русск. стар. 1872, т. 6, стр. 448—450. Ср. рядъ данныхъ по этому вопросу у И. Бороздина, Исторія Россіи въ XIX в., М. 1909, вып. 5, стр., 372 и сл. а также С. Рождественскій, Историч. обз. дѣят. Министерства Народн. Просвѣщ. Спб. 1902, стр. 253 и сл.

этого законодательнаго акта было и безъ того предоставлено право попечителю слѣдить за «прилѣжаніемъ и благонаравіемъ» профессоровъ и преподавателей и удалять «неблагонадежныхъ»¹, а на профессоровъ возлагалась обязанность «благонамѣреннаго» преподаванія². Мало того, самый кругъ преподаванія значительно сокращался. Уничтожена была «каѳедра умозрительной и практической фило-софіи», а равно «права естественнаго», допущено преподаваніе государственнаго права въ связи съ «общимъ обзорѣніемъ системы законовѣдѣнія»³, уничтожена «каѳедра права знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ» и въ ряду предметовъ преподаванія появляется «фехтованіе», «музыка», «танцованіе» и «верховая ѣзда»⁴.

Общій духъ царствованія Николая I сказался и на характерѣ кодификаціонныхъ работъ. Завершеніе ихъ, отождествлявшееся современниками съ окончательнымъ уясненіемъ нашей догмы и даже разрѣшеніемъ задачи преподаванія права, не могло не отразиться на характерѣ нашего научнаго развитія и притомъ постольку, поскольку окончаніемъ ихъ осуществлялись цѣли, преслѣдовавшіяся нашими юристами. Сводъ и тѣсно связанное съ нимъ Полное собраніе законовъ выступили работами, которыя не имѣли въ виду внести новыхъ началъ въ наше законодательство. Они сами по себѣ были логическимъ послѣдствіемъ установившагося режима и предназначались выступить въ роли наладіума его.

Большинство изслѣдователей⁵ склоняется къ мысли, что

¹ Общій уставъ импер. рос. унив. 26 іюля 1835 г., ст. 48.

² Ст. 85.

³ Ст. 12, и. 1.

⁴ Ст. 16.

⁵ На эту точку зрѣнія становились, напр., изъ нашихъ старыхъ ученыхъ еще Г. Гордѣнко. Ученое законовѣдѣніе, писалъ онъ, „начинается въ полномъ его значеніи съ изданіемъ Свода; теперь только можно помышлять объ учебныхъ книгахъ и твердомъ образованіи нашего

юношества въ отечественныхъ законахъ“, Г. Гордѣнко, О законодательномъ достоинствѣ Свода законовъ Россійской имперіи, X. 1835, стр. 28. Въ значительной части этотъ трудъ Г. Гордѣнко и въ особенности приведенное мнѣніе, воспроизводитъ Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, не цитируя его; ср. стр. 98, Обзоръ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ А. Орловъ, О современномъ юридическомъ образованіи въ Россіи, Соврем. 1850, т. 21, стр. 87—

только послѣ появленія Полнаго собранія законовъ и Свода у насъ стало возможна и осуществилась научная разработка права. Въ дѣйствительности этотъ взглядъ не болѣе какъ выраженіе несбывшихся надеждъ составителей этихъ памятниковъ ¹. Н. Коркуновъ, говоря о догматическихъ работахъ по государственному праву въ нашей литературѣ, справедливо, на нашъ взглядъ, указываетъ, что «Сводъ законовъ не могъ не остановить развитія зародившейся литературы государственнаго права... Неблагопріятныя условія для развитія научной дѣятельности въ теченіи второй четверти нынѣшняго (XIX) столѣтія... должны были и дѣйствительно привести къ полному упадку догматической разработки государственнаго права» ². Сказанное имъ вполне примѣнимо и къ области догматической разработки уголовного права, которая не могла не страдать отъ того, что при помощи Свода была замѣщена и вытѣснена догматизація историческихъ наслоеній нашего права и приведеніе его въ научную систему. Мы увидимъ, какъ благодаря общей совокупности условій, въ которыя была поставлена научная разработка права въ Николаевскую эпоху стала невозможной начавшаяся въ нашей литературѣ плодотворная работа и свелось въ конечномъ результатѣ къ ничтожной величинѣ значеніе Свода, какъ памятника, который немедленно, gebis

96. „Только Сводъ законовъ, пишетъ онъ, въ самое короткое время далеко подвинулъ у насъ юридическое образованіе... Число ученыхъ юристовъ съ каждымъ годомъ растетъ“, стр. 95. Въ томъ же смыслѣ высказывается С. Березкинъ. Только со времени появленія Полн. собр. зак. и Свода, пишетъ онъ, „явилась возможность строго научной обработки отечественнаго права“, Сперанскій, какъ кодификаторъ, Од. 1889, стр. 10.

¹ Взглядъ этотъ раздѣлялся прежде всего М. Сперанскимъ. Ср. Извлеч. изъ Всепод. доклада 23 янв. 1828 въ трудѣ Я. Баршева, Историческая записка о содѣйствіи Вт. отд. с. Е. И. В. кан-

целярія развитію юридич. наукъ въ Россіи, Спб. 1876, стр. 8. О значеніи Свода въ качествѣ образца научной систематизаціи ср. Ор. сіт., стр. 25; одинъ изъ управлявшихъ Втор. отд. кн. С. Урусовъ полагалъ, что если „заняться составленіемъ указателя наиболѣе основательныхъ статей изъ современныхъ юридическихъ журналовъ всего ученаго міра вмѣстѣ съ указаніемъ тѣхъ статей Свода..., къ которымъ первыя относятся ..., то наше законодательство и наука, а съ ними и весь юридическій міръ, получатъ пандекты...“ Ор. сіт., стр. 26.

² Н. Коркуновъ, Разборъ Русск. гос. права И. Андреевскаго и др., Сборн. госуд. зн., т. 3, стр. 9 и слѣд.

sic stantibus, долженъ былъ поднять уровень нашей научной литературы.

Политическая литература въ томъ смыслѣ, какъ она опредѣлилась къ концу Александровскаго періода, стала совершенно невозможной, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и ея роль въ качествѣ фактора, питающаго прогрессъ уголовно-правовой доктрины. Только къ концу царствованія Николая I, когда появляются первые признаки будущаго оживленія, зарождаются стоящіе съ ней въ преемственной связи уголовно-политическіе опыты по вопросамъ организациі тюремнаго заключенія и статистическаго изученія преступности. Но возникновеніе этой отрасли уголовно-правовой литературы, поскольку оно имѣетъ научное значеніе, всецѣло должно быть приписано устраненію въ нѣкоторой мѣрѣ условій, задержавшихъ ея развитіе, и меньше всего приписано общему характеру эпохи, непосредственно послѣдовавшей за Сводомъ.

Одной изъ особенностей этой эпохи является и исчезновеніе популярно-юридической литературы. Она утратила свое значеніе съ появленіемъ Полнаго собранія законовъ и не могла не лишиться всякой роли въ дѣлѣ догматизациі нашего права.

Если вліяніе кодификаціонныхъ работъ эпохи Николая I губительно отразилось на нѣкоторыхъ отрасляхъ нашей юридической литературы, то въ то же время ощущается нѣкоторое оживленіе интереса къ историческому изученію права. Было бы, однако, ошибочно приписать этотъ результатъ большей доступности историческихъ матеріаловъ нашего права. Большинство историческихъ работъ совершенно не затрагивало развитія нашего права въ эпоху, матеріалы для которой были сгруппированы въ Полномъ собраніи законовъ. Ростъ историческаго изученія права находитъ, повидимому, свое объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ обстоятельстве, что по общимъ условіямъ эпохи никакой другой видъ разработки права не могъ осуществляться съ такой относительной свободой.

Философская разработка права, отрѣшенная отъ догматическихъ работъ, теряетъ на западѣ въ концѣ первой половины

XIX в. всякую почву. Она замѣщается философскими приемами обработки положительнаго права, сторонниковъ которой мы наблюдаемъ въ нашей криминалистической литературѣ еще въ концѣ первыхъ десятилѣтій XIX в. Вполнѣ понятно, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится русская юриспруденція эпохи появленія Свода, когда, съ одной стороны, затруднена критика и даже свободное изложеніе дѣйствующаго права, монополизованнаго Сводомъ и, съ другой, подвергается гоненію философія, естественно было обратиться къ рецепціи философско-догматическихъ конструкцій, бывшихъ въ ходу на западѣ. Богатство разновидностей послѣднихъ позволяло подборъ системъ, не расходящихся съ условіями нашей общественной жизни, а нѣкоторыя изъ этихъ конструкцій по своему характеру допускали и оправданіе тѣхъ формъ права, которыя были фиксированы въ Сводѣ и его вѣрномъ отраженіи—Уложеніи 1845 года. Въ результатъ такого положенія мы встрѣчаемся въ эпоху, непосредственно слѣдующую за Сводомъ, съ рядомъ опытовъ философско-догматическаго трактованія уголовного права, въ которыхъ разработка нашего права совершенно устранена, но за то проводятся взгляды, которые или вообще соотвѣтствуютъ условіямъ того времени или отражаютъ очертанія западной, преимущественно германской, догмы уголовного права.

II.

Главные теченія въ разработкѣ русскаго положительнаго уголовного законодательства.

А. Догматическія работы, связанныя со Сводомъ законовъ уголовныхъ и Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г.—В. Главныя теченія въ философско-догматической обработкѣ уголовного права.—С. Историческая школа русскихъ криминалистовъ.—Д. Судьбы научно-догматической разработки русскаго положительнаго уголовного права.

А. Догматическія работы, связанныя со Сводомъ законовъ уголовныхъ и Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 года.

Приемы составленія Свода законовъ уголовныхъ. Историческая связь ихъ съ

трудами практиковъ.—Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. и характеръ работъ по его составленію.

Нельзя сказать, чтобы въ нашей литературѣ былъ выясненъ во всей подробности ходъ работъ по созданію Свода законовъ 1832 г. Еще до сихъ поръ главнымъ источникомъ свѣдѣній о трудахъ, предшествовавшихъ ему и подготовившихъ его, являются данныя, представленныя творцомъ Свода—М. Сперанскимъ. Между тѣмъ огромный интересъ этого момента въ исторіи нашей кодификаціи не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ знакомитъ насъ съ путями самой значительной попытки догматизаціи нашего права. Этотъ интересъ только увеличивается отъ того, что къ Своду законовъ уголовныхъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ Уложеніе 1845 г., до сихъ поръ являющееся главнымъ источникомъ нашего дѣйствующаго уголовного законодательства.

Извѣстно, что въ основаніе общей схемы Свода были положены теоретическія соображенія М. М. Сперанскаго ¹, дошедшія до насъ въ оставленныхъ имъ произведеніяхъ.

Въ своемъ «Краткомъ руководствѣ къ познанію отечественныхъ законовъ», начатомъ въ 1838 г. и оставшемся неоконченнымъ,

¹ Біографическимъ свѣдѣніямъ о М. М. Сперанскомъ, род. 1772 († 1839), посвящена у насъ обильная, по количеству трудовъ, литература. До послѣдняго времени отсутствуетъ, однако, трудъ, который бы объяслялъ весь накопившійся матеріалъ по этому вопросу. Изъ біографій М. Сперанскаго, можно указать на незначительный трудъ Ѡ. Дмитріева, О заслугахъ графа Сперанскаго, Ж. М. Нар. Просв. 1852, ч. 75, стр. 9—16, и работы: М. Лоциновъ, Графъ Сперанскій, Русск. вѣстн. 1859, окт., стр. 337—378; 527—576; М. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, т. 1 и 2, Сиб. 1861, гдѣ приведена и иностранная біографическая литература о М. Сперанскомъ, ср. Предисл., стр. IV и слѣд., а біографическія данныя сосредоточены въ т. 1, ч. 1, стр. 1—87, ч. 3 и 4, стр. 1—310 и др.; Ѡ. Дмитріевъ, Сперанскій, М. 1863; Ѡ. Дмитріевъ, Сперанскій и его государственная дѣятельность, Русск. арх. 1868, стр. 1527—1656,—трудъ почти совпадающій съ предыдущимъ; Ф. Каразинъ и П. Савваитовъ, Графъ М. М. Сперанскій, Русск. стар. 1872, т. 5, стр. 68—83; 468—472; С. Березкинъ, Сперанскій какъ кодификаторъ, Од. 1889; А. Филищовъ, Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства первой половины XIX в., Русск. мысль 1889, апр., стр. 1—21, въ особ. стр. 4—9; А. Филищовъ, Сперанскій, какъ кодификаторъ русскаго права, Русск. мысль 1892, окт., стр. 195—221. Біографическимъ даннымъ о М. Сперанскомъ посвященъ кромѣ того рядъ статей въ справочныхъ изданіяхъ.

М. Сперанскій отводитъ «законамъ полиціи» и «законамъ суда какъ исправительнаго, такъ и уголовнаго» мѣсто нормъ, охраняющихъ правовый порядокъ ¹. «Гдѣ союзъ, пишетъ М. Сперанскій, тамъ есть права и обязанности; поему въ государствѣ есть права и обязанности государственныя, и есть права и обязанности гражданскія» ². «Твердость этихъ союзовъ... требуетъ во-первыхъ общаго надзора за непремѣннымъ исполненіемъ законовъ, во-вторыхъ мѣръ исправленія и наказанія въ случаѣ ихъ нарушенія: отсюда два разряда законовъ... законы полиціи и законы суда какъ исправительнаго, такъ и уголовнаго» ³. «Дѣйствіе внѣшней власти, пишетъ въ другомъ мѣстѣ М. Сперанскій ⁴, есть двойко: 1) надзоръ и предупрежденіе нарушенія права,—дѣйствіе полиціи; 2) возстановленіе права, когда оно нарушено,—дѣйствіе суда» ⁵. Объединяя въ понятіи «суда» право матеріальное и формальное, М. Сперанскій настаиваетъ на томъ, что «сколько есть правъ, столько можетъ быть и виновныхъ нарушеній, а слѣдовательно столько есть родовъ преступленій» ⁶. Такъ какъ не всякое нарушение права является, однако, преступленіемъ, то М. Сперанскій даетъ признаки отграниченія неправды уголовной отъ гражданской, усматривая ихъ въ «нарушеніи чуждаго права при извѣстности его, съ насиліемъ или обманомъ» ⁷.

Взглядъ на уголовное законодательство, какъ на совокупность опредѣленій, охраняющихъ остальные законы, представляется для

¹ М. Сперанскій, Руководство къ познанію законовъ, Спб. 1845, стр. 45 и сл.

² Ор. cit., стр. 41.

³ Ор. cit., стр. 45 и сл.

⁴ Ср. Бесѣды съ Е. И. Выс. наслѣд. цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ съ 12 окт. 1835 г. по 10 апр. 1837, изд. имп. Русск. историч. общ., Спб. 1880, стр. 416—425.

⁵ Бесѣды, стр. 417.

⁶ Бесѣды, стр. 418. М. Сперанскій дѣлаетъ здѣсь попытку перечислить отдѣльныя категоріи преступленій по раз-

личію правъ, которыя они нарушаютъ Ор. cit., стр. 418 и сл.

⁷ Бесѣды, стр. 417. Здѣсь же высказаны М. Сперанскимъ его взгляды на формы уголовной вины. „Въ рѣшимости, говоритъ онъ, различаются три обстоятельства: умышленность, неосторожность и случайность. Во всякомъ преступленіи предполагается умыселъ; но обвиняемому всегда предоставляются всѣ способы доказывать неосторожность или случайность“..., Ор. cit., стр. 423. О понятіи „замысла“, „покушенія“ и „совершенія“ ср. стр. 424.

русской юридической мысли идеей, использованной отчасти Зах. Горюшкиным и въ особенности П. Соколовым¹. М. Сперанскій полагаетъ ее въ основаніе системы² Свода, принимая, что уставы благочинія и законы уголовные выступаютъ какъ разрядъ законовъ государственныхъ, охраняющихъ государственный и гражданскій союзы и права, вытекающія изъ нихъ³.

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ системѣ расположенія частей Свода законовъ уголовныхъ, нужно отмѣтить, что попытка привести въ соотвѣтствіе дѣленія Свода законовъ уголовныхъ съ отдѣльными частями и томами Свода несомнѣнно чувствуется, но только въ рѣдкихъ случаяхъ осуществлена фактически. Одновременно легко поддается наблюденію, что составныя части Свода законовъ уголовныхъ тѣсно примыкаютъ къ рубрикамъ, укоренившимся въ Уложеніи 1649 г., Артикулѣ воинскомъ и Проектахъ времени Елизаветы⁴. Только первый раздѣлъ «О существѣ преступленій

¹ Ср. выше стр. 353 и слѣд. и 361 и слѣд.

² Ср. ея изложеніе у А. Филиппова, Сперанскій какъ кодификаторъ русскаго права, Русск. мысль 1892, окт., стр. 217 и сл. и у В. Латкина, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи, Спб. 1899, стр. 100 и слѣд. О планѣ составленія Свода ср. также П. Майковъ, О Сводѣ законовъ Россійской имперіи, Спб. 1906, стр. 47 и сл.

³ В. Латкинъ, *Op. cit.*, стр. 100 и слѣд.

⁴ Раздѣлъ второй Свода законовъ уголовныхъ „О преступленіяхъ противу вѣры“, третій „О преступленіяхъ государственныхъ по первымъ двумъ пунктамъ“ и четвертый—„О преступленіяхъ противу правительства“ сохраняютъ традиціонный порядокъ Уложенія 1649 г. Артикула воинскаго, Проектовъ времени Елизаветы и Пресекта 1813 г., ср. примѣч. 1 на стр. 55 настоящаго труда. Въ тоже время эти раздѣлы служатъ какъ бы уголовной санкціей къ т.т. I и II Свода. Содержаніе III тома Свода—

Уставъ о службѣ государственной под- сказываетъ пятый раздѣлъ Свода законовъ уголовныхъ „О преступленіяхъ чиновниковъ по службѣ“. Раздѣлъ шестой „О преступленіяхъ противъ безопасности жизни и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ“, обвиняющей собой посягательства личныя, служебныя проступки, укрывательство бѣглыхъ и мн. др. дѣянія, лишены вообще самостоятельнаго значенія и соединяетъ массу самыхъ разнообразныхъ законодательныхъ опредѣленій, восходящихъ въ большинствѣ случаевъ къ Уложенію 1649 г. и Артикулу воинскому. Раздѣлъ седьмой „О преступленіяхъ противъ уставовъ о повинностяхъ, Уставовъ казеннаго управленія и благоустройства“ является совокупностью охранительныхъ нормъ по отношенію къ т.т. IV — VIII Свода. Раздѣлъ „осьмый“ „О наказаніяхъ за преступленія противу правъ семейственнаго состоянія“ по своему назначенію долженъ соотвѣтствовать т. IX Свода, содержащему законы о состояніяхъ. Раздѣлъ девятый „О наказаніяхъ за про-

и разныхъ родахъ казней и наказаній», обнимающей 181 статью, составленъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ положеніями французскаго Code pénal 1810 г. Въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію, что, по существу, расчлененіе матеріала нашего уголовного законодательства идетъ по путямъ, освященнымъ приѣмами нашей старой законодательной практики. Но то же самое приходится принять, если обратиться къ техникѣ составленія свода законовъ уголовныхъ и, слѣдовательно, къ самымъ приѣмамъ догматической обработки, въ немъ примѣненнымъ.

Насколько выясненъ въ настоящее время ходъ работъ по составленію свода законовъ уголовныхъ, онъ заключался въ постепенной переработкѣ и сокращеніи историческихъ обзорѣній движенія и перемѣнъ уголовного законодательства¹, далеко, притомъ, не полныхъ и опредѣлившихся еще до окончанія трудовъ по составленію Полнаго собранія законовъ². Эти историческія обзорѣнія для тѣхъ частей законодательства, для которыхъ они были составлены³, группировали матеріалъ нашего права по царствованіямъ⁴. Что касается уголовныхъ законовъ, то, по свидѣтельству П. Майкова⁵, историческое обзорѣніе ихъ, помимо расчлененія на законы матеріальные и процессуальные, распадалось въ части, посвященной первымъ, на шесть раздѣловъ⁶. Раздѣлы эти не

тивоестественное удовлетвореніе плотскихъ страстей“ воспроизводитъ по идеѣ рядъ постановленій изъ Артикула воинскаго и Проекта Елизаветы, ср. прим. 1, стр. 55, выше. Раздѣлъ десятый, поскольку онъ не носитъ случайнаго характера и не объединяетъ такія разнообразныя дѣянія, какъ подлогъ, постановленія „О запрещенной и азардной игрѣ“ и проч., предназначенъ служить сакціей по отношенію къ законамъ гражданскимъ X т. свода Наказаніяхъ за лживые поступки“, посвященный лжесвидѣтельству, лживымъ доносамъ, ябедѣ, подлогамъ „при переносѣ дѣла на апелляцію“ и проч. имѣ-

етъ несомнѣнную тенденцію обнять собой преступленія противъ отправленія правосудія и созданъ по образцу гл. 22 Артикула и отчасти Проектовъ Елизаветы.

¹ Ср. М. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, Спб. 1861, т. 2, стр. 314 и слѣд.

² М. Корфъ, *Op. cit.*, т. 2, стр. 315.

³ П. Майковъ въ своемъ трудѣ „О Сводѣ законовъ Россійской имперіи“ находитъ серьезныя основанія сомнѣваться въ томъ, были ли составлены историческія обзорѣнія по всемъ частямъ нашего законодательства, *Op. cit.*, стр. 40.

⁴ Ср. П. Майковъ, *Op. cit.*, стр. 41.

⁵ *Ibid.*

⁶ „Раздѣлъ первый — о преступле-

совпадаютъ или по числу, или по своему характеру вполне съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ въ Сводѣ законовъ уголовныхъ, и чрезвычайно близки къ системѣ Проекта 1813 г.¹ Фактъ этотъ не можетъ не свидѣтельствовать, что въ основаніе историческихъ обзорѣній, появившихся съ такой быстротой уже въ 1827 году², были положены матеріалы, собранные еще въ Комиссіи составленія законовъ по системѣ отчасти Уложенія 1649 года и отчасти Наказа. Въ задачу нашего труда не входитъ самая оцѣнка правильности догматической сводки, выполненной М. Сперанскимъ, но несомнѣнно, что работа его упростилась въ значительной степени отъ использованія того, что было сдѣлано до него, и въ отношеніи приѣмовъ ея выступаетъ такой же канцелярской сводкой, игнорирующей анализъ законодательныхъ опредѣленій по существу, которая характеризуетъ и большинство старыхъ попытокъ догматизаціи нашего права³.

Въ большинствѣ постановленій Свода законовъ уголовныхъ приходится видѣть компиляцію, созданную путемъ механическаго устраненія, съ одной стороны, дѣйствительно отмѣненнаго, а, съ другой, и всего загромождающаго тотъ или другой отдѣлъ,—компиляцію, приводящую въ концѣ концовъ къ формуламъ, не приспособленнымъ для примѣненія къ наиболее обычнымъ въ жизни случаямъ. Такой чисто внѣшній способъ догматизаціи нашего уголовного права могъ очень мало содѣйствовать уясненію точекъ зрѣнія послѣдняго на отдѣльные институты. Онъ не обобщалъ законодательныхъ постановленій по ихъ

віяхъ и наказаніяхъ вообще, второй—о преступленіяхъ государственныхъ, третій—о преступленіяхъ противъ тишины и благосостоянія государства, четвертый—о преступленіяхъ противъ правъ личныхъ, шестой—противъ собственности“, П. Майковъ, Ор. cit., стр. 41 и сл.

¹ Ср. выше, стр. 317, прим. 1.

² Ср. М. Корфъ, Ор. cit., т. 2, стр. 315.

³ Еще М. Корфъ совершенно основательно указывалъ на малую освѣдомленность М. Сперанскаго въ области научной

юридической литературы, ср. Жизнь графа Сперанскаго, т. 1, Сиб. 1861, стр. 154; то же подчеркиваетъ и Н. Коркуновъ въ своемъ трудѣ „Теоретическія воззрѣнія Сперанскаго на право, Сборн. статей, 1877—1897, Сиб. 1898, стр. 99. Нѣсколько иной взглядъ проводитъ на теоретическую подготовку М. Сперанскаго С. Березкинъ въ своей рѣчи „Сперанскій какъ кодификаторъ“, Од. 1889, стр. 6. Онъ видитъ въ немъ, главнымъ образомъ, государствовѣда и цивилиста.

внутреннему содержанию и духу, а суммировалъ опредѣленные редакціи. Въ результатъ исчезъ въ Сводѣ законовъ уголовныхъ цѣлый рядъ казуистическихъ постановленій, но не появилось въ ихъ замѣну общихъ принциповъ, да и недостигнуто было дѣйствительное разграниченіе нормъ процессуальныхъ и матеріальныхъ, тѣсно переплетенныхъ въ нашемъ старомъ правѣ. Процессуальный характеръ носятъ, напр., статьи Раздѣла перваго гл. IV «О мѣрѣ наказаній по мѣрѣ вины»¹, равно какъ и рядъ другихъ статей². Постановленія, предусматривающія отдѣльные преступленія, редактируются часто въ формѣ, не достигающей той главной цѣли, для которой они должны предназначаться. Раздѣла шестого гл. II «О смертоубійствѣ» даетъ, напр., опредѣленія смертоубійства³ и правила наказанія соучастниковъ въ этомъ преступленіи⁴, цѣлый рядъ казуистическихъ статей, но не даетъ статьи о наказаніи за умышленное убійство единичнаго лица и проч.

На стезѣ, проложенной Сводомъ законовъ уголовныхъ, остаются и составители Проекта уложенія 1845 г.⁵ Это съ ясностью слѣдуетъ изъ общаго направленія подготовительныхъ работъ.

Извѣстно, что редакторами Проекта были «собраны и приведены въ систематическій порядокъ всѣ... дѣйствующія въ имперіи узаконенія, которыя по предмету своему принадлежатъ къ составу Новаго Уложенія о наказаніяхъ»⁶, и составлено «Сравнительное обозрѣніе... уголовныхъ законовъ нѣкоторыхъ иностранныхъ европейскихъ державъ... въ формѣ таблицъ, извлеченныхъ изъ Уложеній»⁷. Кромѣ

¹ Св. зак. угол., т. XV, 1832, кн. пер., ст.ст. 102, 103, 105, 107, 108, 109, 110, 111 и мн. др.

² Св. зак. угол., т. XV, 1832, кн. пер., ст. 501, 763 и др.

³ Св. зак. угол. т. XV, 1832, кн. пер., ст. 330.

⁴ Св. зак. угол. т. XV, 1832, кн. пер., ст. 322, 334, 335.

⁵ Ср. изъ трудовъ, относящихся къ этому вопросу, кромѣ объяснительной записки, Mittermaier, Das neue russische Strafgesetzbuch, Kritische Zeit-

schrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, Heidelb. 1847, H. 2, S. 267 u. f.; Н. Таганцевъ, Уложеніе о наказаніяхъ. Его характеристика и оцѣнка, Журн. гражд. и уг. пр. 1873, янв., стр. 1—32.

⁶ Общая объяснительная записка, стр. XXVIII.

⁷ Op. cit., стр. XXIX. Составителями Уложенія 1845 г. было приготовлено, между прочимъ, „Сравнительное обозрѣніе уголовной статистики имперіи на основаніи отчетовъ Министерства юсти-

того, были предприняты работы по опредѣленію «общихъ нравственныхъ началъ, которыя надлежитъ имѣть постоянно въ виду при начертаніи самыхъ постановленій уложенія, то есть къ означенію, въ возможной постепенности какъ преступленій и проступковъ, такъ и соотвѣтствующихъ имъ наказаній»¹.

Серьезнымъ опытомъ догматизаціи нашего уголовного права могло быть только собраніе дѣйствующихъ узаконеній, представлявшееся осевнымъ матеріаломъ, надъ которымъ работали составители². Вѣроятность достоинствъ этого собранія могла только увеличиваться оттого, что, по словамъ составителей Проекта, наравнѣ съ использованием матеріала законодательнаго было сдѣлано и «систематическое извлеченіе изъ практическихъ замѣчаній на постановленія XV т. Свода Законовъ, представленныхъ Министру Юстиціи Уголовными судами имперіи». Но уже изъ самаго описанія редакторами Проекта хода работъ становится яснымъ, что, по существу, имѣлась въ виду не научная переработка матеріала нашего права, но провѣрка и дополненіе данныхъ Свода законовъ уголовныхъ, безъ измѣненія системы этого памятника³. Редакторы стоятъ на той же точкѣ зрѣнія на уголовные законы, что и составители Свода⁴; въ распредѣленіи матеріала они стремятся къ тому, чтобы «было допускаемо сколько можно менѣе отступленій отъ порядка, который принятъ въ XV томѣ Свода законовъ имперіи»⁵, и заботятся, прежде всего, о томъ, что-

ціи за 1834—1840 годы“, *ibid.*, п
„по возможности совершенно полное ис-
численіе всѣхъ преступленій и проступ-
ковъ съ налагаемыми за нихъ наказа-
ніями“. Последнему, дана форма синоп-
тической таблицы, въ коей показаны...
преступленія одно за другимъ по мѣрѣ
ихъ важности, но въ трехъ раздѣлахъ...
противъ правительства..., противъ об-
щественнаго порядка и... противъ част-
ныхъ лицъ и собственности, и потомъ
слѣдующія за нихъ наказанія“, *Op. cit.*,

стр. XXVII и слѣд., а равно составленъ
„Опытъ историческаго обозрѣнія нашего
уголовнаго законодательства“, *Op. cit.*,
стр. XXIX.

¹ Общая объяснительная записка къ
Проекту Уложенія о наказаніяхъ уго-
ловныхъ и исправительныхъ, вт. изд.
Спб. 1871, стр. XXVII.

² Объяснительная записка, стр. XXXIV.

³ Объяснител. записка, стр. XXVIII.

⁴ Ср. Объяснит. зап., стр. XLI и сл.

⁵ Объяснит. зап., стр. XXVII.

бы «посредствомъ отдѣльныхъ... исправленій... устранить всякую... неточность»...¹

Остальные подготовительныя работы редакторовъ Проекта 1845 года были трудами, непосредственно приспособленными къ практической цѣли кодификаціи², и въ общемъ не имѣли самостоятельнаго значенія.

В. Главныя теченія въ философско-догматической обработкѣ уголовного права.

Сліяніе философской и догматической обработки права въ западной наукѣ и рецепція этихъ ученій русскими юристами.—1. Криминалисты-гегеліанцы.—

2. Историко-философская школа.—3. Представители эклектизма.

Философская обработка положительнаго уголовного права въ тѣхъ ея формахъ, въ которыхъ она проникла къ намъ въ Александровскую эпоху, успѣла возвыситься въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своихъ до степени теоріи уголовного права, воспринявшей въ себя рядъ началъ, отвлеченныхъ непосредственно отъ дѣйствовавшаго на западѣ права. Въ то же время эпоха, непосредственно предшествовавшая Своду, дала опыты примѣненія философскихъ конструкций къ догматическимъ работамъ по уголовному праву. Этому послѣднему теченію не суждено было привиться у насъ въ ближайшія десятилѣтія. Одновременно въ нашемъ научномъ обиходѣ фиксировались философско-догматическія конструкции, выросшія на почвѣ обработки западнаго права и усиленно утилизировавшія философію, какъ способъ обработки положительнаго права. Чрезвычайно разнообразныя по своей структурѣ и выводамъ, ученія эти усердно воспринимаются нашими криминалистами и придаютъ всей эпохѣ, слѣдующей за появленіемъ Свода, своеобразный характеръ. Философія выступаетъ въ ней на службѣ догмы, но догмы западнаго права. Въ качествѣ таковой культивируется она

¹ Объяснит. зап., стр. XXXIII.

² Ср. списокъ преступленій выработанный редакторами Проекта 1845 г. по рубрикамъ, намѣченнымъ еще въ Наказѣ и развитымъ въ Проектѣ 1813 г., ср. выше примѣч. 27 и прим. 1 на стр. 317, и построенный на различеніи преступленій противъ правительства, общественного порядка и преступленій противъ частныхъ лицъ и собственности.

въ нашихъ юридическихъ школахъ и въ литературѣ. Наша юриспруденція сосредоточивается вмѣстѣ съ тѣмъ почти исключительно, на вопросахъ, занимающихъ германскихъ юристовъ. Догматическія работы по русскому праву становятся исключеніемъ.

Тридцатые годы XIX ст. являются въ германской литературѣ временемъ, когда вытѣсняется постепенно кантіанство въ качествѣ совокупности ученій, способныхъ удовлетворительно конструировать уголовно-правовыя понятія и привести ихъ въ соотвѣтствіе съ формами, въ которыя воплощено положительное право. Кантіанство отступаетъ на задній планъ передъ ученіями гегеліанцевъ, открывающими въ этой доктринѣ черты, вполне приспособленныя къ природѣ отношеній, съ которыми приходится считаться криминалисту.

1. Криминалисты-гегеліанцы.

П. Г. Рѣдкинъ.— А. И. Палюмбецкій.—Р. Шипкинъ.—Н. Полетаевъ.—Приложеніе принциповъ гегеліанской философіи къ историческому изученію уголовного права: Ф. Деппъ и И. А. Максимовичъ. Н. С. Власьевъ.

Сводя законы реального міра къ діалектическому процессу развитія мысли, Гегель видитъ въ правѣ проявленіе духа. Имѣя исходною точкой свободную волю, право — не что иное какъ проявленіе и бытіе ея. Несправедливость есть противоположеніе праву и послѣднее можетъ быть восстановлено уничтоженіемъ отрицающей его особенной воли. Преступленіе, въ свою очередь, какъ отрицаніе права въ особенной волѣ правонарушителя, постулируетъ отрицаніе этой послѣдней въ соотвѣтствіи съ діалектическимъ закономъ развитія воли и влечетъ за собой наказаніе, какъ логически необходимое уничтоженіе неправа, проявившагося путемъ обмана или насилія. Какъ ни произвольны были эти формулы абсолютнаго идеализма, онѣ выдвигали на первый планъ моментъ воли, разсматривавшійся долгое время какъ главнѣйшее движущее начало преступленія, и имѣли для криминалиста ту притягательную силу, что позволяли, благодаря своей растяжимости, давать рѣшенія главнѣйшихъ про-

блеммъ теоріи уголовного права. Съ точки зрѣнія абстракцій гегеліанцевъ сравнительно просто рѣшались вопросы объ основаніи права наказанія, отграниченія неправды уголовной отъ гражданской, о субъективной виновности и проч. и обезпечивалось для этихъ ученій прочное мѣсто въ теоріи уголовного права. Гегеліанство стало, вмѣстѣ съ тѣмъ, излюбленной системой цѣлаго ряда представителей криминалистики и укоренилось подъ вліяніемъ этого и въ нашей ученой литературѣ.

Дань гегеліанству долженъ былъ заплатить цѣлый рядъ нашихъ криминалистовъ той эпохи, которая парализовала развитіе свободныхъ знаній и вынуждена была вращаться въ циклѣ узко понятыхъ религіозно-этическихъ устоевъ. Въ гегеліанствѣ не могло не привлекать нашихъ ученыхъ и то, что оно обращалось прежде всего къ изслѣдованію развитія существующаго, отодвигая на задній планъ его критику и измѣненіе, и провозглашало разумность дѣйствительнаго въ ту пору, когда движеніе впередъ было фактически невозможно.

На точкѣ зрѣнія гегеліанства въ рѣшеніи основныхъ проблемъ теоріи уголовного права стоятъ два самыхъ видныхъ юриста Николаевской эпохи П. Г. Рѣдкинъ и А. И. Палюмбецкій и цѣлый рядъ менѣе значительныхъ.

П. Рѣдкинъ ¹ пользовался, какъ извѣстно, огромнымъ авторитетомъ у нѣсколькихъ поколѣній молодыхъ юристовъ и ученія, защищаемыя имъ, представляются, въ значительной степени, убѣжденіями опредѣленной эпохи въ нашей юридической школѣ ².

Отвѣта на вопросы о связи преступленія съ наказаніемъ и ихъ внутренней сущности П. Рѣдкинъ ищетъ въ принципиальныхъ взглядахъ на природу правовыхъ явленій. Онъ не считаетъ возможнымъ идти за исторической школой въ ея пониманіи существа

¹ Біографическія данныя о Петрѣ Григорьевичѣ Рѣдкинѣ, проф. Московскаго и впоследствии Петербургскаго унив., род. въ 1808 († 1893), ср. Н. Коркуновъ, Сборникъ статей 1877—1897, Спб. 1898, стр. 108—119. ² Здѣсь же указана литература о П. Рѣдкинѣ. О переходѣ П. Рѣдкина въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ на сторону позитивизма, ср. Н. Коркуновъ, *Op. cit.*, стр. 116 и сл.

права. П. Рѣдкинъ не вѣритъ въ то, что она, «освободивши право отъ личнаго произвольнаго сужденія, дала ему дѣйствительность, сообщила силу самостоятельной жизни, которая развивается изъ рода въ роль, помощію своего собственнаго внутренняго стремленія, не имѣя нужды въ философскомъ началѣ, привходящемъ извнѣ»... Онъ думаетъ напротивъ, что историческая школа «основою своего ученія поставляетъ неразумность права»¹ и не затрудняется предпочесть этому построенію тѣ начала права, изъ которыхъ помощію логическихъ законовъ могутъ быть выведены его частности и особенности.² Необходимость наказанія представляется П. Рѣдкину какъ «исполненіе внутренней справедливости» и «сущности самаго преступленія». Последняя, по его мнѣнію, открывается «не иначе какъ посредствомъ полнаго логическаго развитія всего права, начиная отъ самаго первѣйшаго коренного его начала и восходя до той ступени его развитія, на которой раскрывается понятіе преступленія»³. Право П. Рѣдкинъ считаетъ «всегда пребывающимъ, и потому истинно-положительнымъ, истинно-дѣйствительнымъ», а въ преступленіи видитъ «неправо, какъ безсильное отрицаніе этой положительности». Какъ само въ себѣ ничтожное, преступленіе «должно и во внѣ проявиться ничтожнымъ.., должно быть уничтожено, отрицаемо...»⁴ и логически приводитъ къ наказанію. Необходимое отрицаніе преступленія, замѣчаетъ П. Рѣдкинъ, «... отрицаніе отрицанія есть наказаніе въ собственномъ смыслѣ»...⁵ Рѣшая въ этомъ духѣ основныя проблемы уголовного права, П. Рѣдкинъ подчеркиваетъ субъективный характеръ его институтовъ. Такъ какъ воля является движущимъ началомъ преступленія, обращающимъ его въ проявленіе неправа, то обусловливаемое преступленіемъ наказаніе должно направляться

¹ П. Рѣдкинъ, О Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ, Юрид. зап. 1841, М. т. 1, стр. 315 и слѣд.

² П. Рѣдкинъ, О Гейдельбергскомъ юрид. фак., Юрид. зап. 1841, М. т. 1, стр. 315.

³ П. Рѣдкинъ, Объ уголовной кодификаціи, Юрид. зап. 1842, М. т. 2, стр. 423.

⁴ П. Рѣдкинъ, Ор. cit., стр. 426 и слѣд.

⁵ П. Рѣдкинъ, Ор. cit., стр. 427.

прежде всего противъ воли дѣйствующаго ¹, а воля вообще—играть рѣшающую роль для дѣла уголовного вмѣненія ².

Общіе философскіе принципы преступленія и наказанія, какъ ихъ понимаетъ П. Рѣдкинъ, не представляются съ его точки зрѣнія осуществленными въ полной мѣрѣ въ каждомъ положительномъ законодательствѣ. Только въ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ начинаетъ сказываться, по его мнѣнію, полное единство общихъ (философскихъ) и особенныхъ (историческихъ) началъ уголовного права ³. Это единство имѣетъ мѣсто тогда, когда «уголовное законодательство... обращаетъ вниманіе на всѣ особенныя обстоятельства и потребности страны, гдѣ оно должно дѣйствовать, на общественное мнѣніе, нравы и обычаи народа, для котораго оно дается, словомъ на все то, что составляетъ историческій элементъ общественной жизни» ⁴.

Въ воззрѣніяхъ П. Рѣдкина нельзя не чувствовать попытки признать, что въ предѣлахъ осуществленія раскрытія принциповъ права возможно извѣстное разнообразіе, обусловливаемое не абсолютными началами, но особенностями, присущими той или другой конкретной обстановкѣ.

Движеніе въ сторону отклоненія отъ строгихъ началъ діалектическаго конструированія сказывается къ тому у П. Рѣдкина и въ сочувствіи, которое онъ проявляетъ къ способамъ борьбы съ преступленіемъ помимо наказанія. Благодаря П. Рѣдкину въ началѣ 40-ыхъ годовъ появляется на русскомъ языкѣ трудъ Штрасса, «О причинахъ преступленія и средствахъ противодѣйствія къ ихъ увеличенію», останавливающійся на уясненіи огромнаго значенія для преступности бѣдности ⁵, роскоши ⁶, алкоголизма ⁷, дурного воспитанія ⁸, отсутствія патроната ⁹ и наглядно обна-

¹ П. Рѣдкинъ, *Op. cit.*, стр. 430.

² П. Рѣдкинъ, *Op. cit.*, стр. 423—432 *passim*.

³ П. Рѣдкинъ, *Op. cit.*, стр. 433.

⁴ П. Рѣдкинъ, *Op. cit.*, стр. 432.

⁵ С. Ф. Strass, *Ueber die Ursachen der Verbrechen und die Mittel der Vermehrung derselben zu steuern,*

Verl., 1840, русск. пер. въ *Юр. зап.* П. Рѣдкина, т. 2, М. 1842, стр. 201 и сл., 206.

⁶ *Op. cit.* стр. 214 и сл.

⁷ *Op. cit.*, стр. 203 и др.

⁸ *Op. cit.*, стр. 209 и сл.

⁹ *Op. cit.*, стр. 215 и сл.

руживающій, что преступленію, какъ неправу, должно противопоставлять не одно только наказаніе, но и мѣры, оправдываемыя соображеніями цѣлесообразности.

Защитникомъ идей гегеліанства въ нашемъ академическомъ преподаваніи уголовного права являлся въ теченіи ряда десятилѣтій и профессоръ Харьковскаго университета А. И. Палюмбецкій¹.

Воспитавъ рядъ поколѣній русскихъ юристовъ на идеяхъ, которымъ онъ былъ вѣренъ всю жизнь, А. Палюмбецкій оставилъ сравнительно мало печатныхъ работъ. Главный трудъ его — курсъ уголовного права сохранился въ рукописи² и даетъ вполне надежные опорные пункты для сужданія о характерѣ преподаванія уголовного права этимъ послѣдователемъ нѣмецкой философской школы сороковыхъ годовъ.

Усматривая въ правѣ одно изъ явленій моральнаго порядка и не проводя рѣзкой разграничительной черты между правомъ и нравственностью, А. Палюмбецкій исходитъ изъ положенія, что «право есть форма или видъ нравственности. Все, что въ субъективной формѣ составляетъ мораль, является правомъ, когда мораль дѣлается объективно-обязательной»³. Уголовное право въ частности представляется объективнымъ проявленіемъ морали въ формѣ уголовного закона.

¹ Біографическія данныя о А. И. Палюмбецкомъ ср. Краткій очеркъ исторіи Харьковского университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), сост. Д. Багалъемъ, Н. Сумцовымъ и В. Бузескуломъ, Харьк. 1906, стр. 130, 140, 145, 187, 204 и др.; Л. Загурскій, Опытъ исторіи юрич. факультета И. Х. У., Харьк. 1908, стр. 40 и сл., 47, 70 и др.; А. Фатѣевъ, статья о А. Палюмбецкомъ въ Біографич. слов. професс. и преподав., Харьк. 1908, стр. 292—295, а также Рукописные матеріалы, извлеч. Д. Багалъемъ изъ Архива минист. нар. просв., стр. 704—5, 632—3, 827—9 и друг.

Александръ Ивановичъ Палюмбецкій, род. 1811 г. († 1897), съ 1838 г. посвящаетъ себя преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ, которую оставляетъ только въ 1876 году. Наряду съ уголовнымъ правомъ, читавшимся А. Палюмбецкимъ съ перерывами съ 1843 г., а съ 1852 г. постоянно, онъ преподавалъ и энциклопедію права въ духѣ гегеліанства.

² Рукописный курсъ А. Палюмбецкаго хранится въ Юридическомъ кабинетѣ И. Х. У. въ подлинникѣ.

³ Ср. R. Köstlin, System des deutschen Strafrechts, Tüb. 1855, § 1, S. 1.

Существо идеи права и отрицаніе этой идеи въ процессѣ ея развитія опредѣляютъ собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самый порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ излагать вопросы уголовного права. Такъ какъ «преступленіе... существуетъ тогда, когда единичная воля отторгается отъ всеобщей въ ея объективномъ бытіи», то моменты «содержанія» правонарушенія, его «формы» и «соединенія» этихъ признаковъ образуютъ наиболѣе подходящую схему для изложенія предмета. Ученіе о «содержаніи» правонарушенія совпадаетъ у А. Палюмбецкаго съ изложеніемъ вопроса о сущности уголовного правонарушенія, ученіе о «формѣ» сводится къ вопросу о преступномъ «дѣйствіи—Handlung» и, наконецъ, ученіе о соединеніи этихъ элементовъ выступаетъ въ формѣ доктрины объ «общемъ составѣ преступленій»¹.

Существо преступленія А. Палюмбецкій «въ отличіе отъ несправедливости гражданской» усматриваетъ въ «сознательномъ нарушеніи права или намѣренномъ уклоненіи индивидуальной воли отъ всеобщей, разумной, уничтожаемомъ посредствомъ наказанія»². Въ случаѣ гражданской неправды А. Палюмбецкій видитъ только отдѣленіе «отъ общей воли, но еще безъ опредѣленнаго сознанія о ея отношеніи, и въ увѣренности правоты»³. «Несправедливость, пишетъ А. Палюмбецкій, въ какомъ бы видѣ она не обнаруживалась, должна быть уничтожаема», но «уничтоженіе происходитъ здѣсь посредствомъ вознагражденія произведеннаго вреда»⁴. Наряду съ гражданской «несправедливостью» и преступленіемъ возможно и такое противоположеніе единичной воли всеобщей, разумной, когда «воля, по роду своего проявленія, можетъ представлять только возможность нарушенія права». Эти случаи влекутъ за собой «только полицейскія мѣры предупрежденія»⁵.

¹ Здѣсь нельзя не видѣть использованія системы изложенія принятой Р. Кестлиномъ въ его System des deutschen Strafrechts, Tüb. 1855, Erstes Kap. S. 3 u. f., Zweit. S. 119 u. f., Drit. Kap. S. 363 u. f.

² R. Köstlin, Neue Revision, Tüb. 1845, S. 27 u. f.

³ R. Köstlin, Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts, Tüb. 1845, § 3, S. 30 u. f.

⁴ R. Köstlin, Neue Revision, § 5, S. 31 u. f.

⁵ R. Köstlin, Neue Revision, § 5, S. 31.

«Проступки, пишет А. Палюмбецкій въ одномъ изъ своихъ печатныхъ произведеній, останавливаются на одной возможности преступленія; такого рода нарушенія не могутъ сливаться съ преступленіями по отсутствію въ нихъ правонарушенія... Нѣтъ и причины считать такія правила произвольными въ виду мотива запрещенія, т. е. устраненія возможности правонарушеній»¹.

Предметъ преступленія А. Палюмбецкій усматриваетъ въ «субстанціи самаго права». «Существо преступленія, пишет онъ, состоитъ не въ нарушеніи закона, но въ заключающемся тамъ нарушеніи самой идеи (субстанція) права»²; нарушеніе же конкретнаго бытія права «только измѣняетъ понятіе преступленія»³.

Отдѣлъ о «дѣйствіи—Handlung» обнимаетъ у А. Палюмбецкаго вслѣдъ за Р. Кестлиномъ вопросы о вмѣняемости дѣяній, покушеніи, совершеніи и, наконецъ, соучастіи, которое онъ приурочиваетъ къ проблеммѣ о дѣйствующемъ субъектѣ⁴.

Въ основаніе вмѣняемости у А. Палюмбецкаго положена свободная воля дѣйствующаго. «Всякое преступленіе, пишет онъ, состоитъ въ уклоненіи особенной воли отъ всеобщей,—бываетъ произведеніемъ единичной воли, которая противопоставляетъ себя намѣренно правиламъ объективно нравственнаго міра»⁵.

Въ томъ случаѣ, когда «случившееся было... предметомъ хотѣнія воли, тогда послѣдствія дѣянія называются умысленными, а отношеніе ихъ къ волѣ умысломъ, подъ которымъ разумѣтся и направленіе послѣдней къ дѣятельности»⁶. Умыслу А. Палюм-

¹ А. Палюмбецкій, Рецензія на Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права А. О. Кистяковскаго, Сборн. гос. зн., т. 5, Спб. 1878, стр. 51.

² Н. Hälschner, System des preussischen Strafrechts, I Th., Bonn, 1858, S. 218 u. f.

³ Н. Hälschner, System, I Th., 1858, S. 220 u. f.

⁴ R. Köstlin, System des deutschen Strafrechts, 1855, S. 119—363.

⁵ „Воля и свобода, пишет А. Палюмбецкій въ своемъ разборѣ Эlemen-

тарнаго учебника А. Кистяковскаго, стр. 53, суть понятія тождественныя“. Ср. возраженія А. Палюмбецкаго противъ допустимости понятія „законсообразной воли“ въ его разборѣ Курса Н. Таганцева, Сборн. госуд. зн., т. 7, 1879, стр. 69.

⁶ Почти дословный переводъ словъ Н. Hälschner'a, System des Preussischen Strafrechts, I Th., Bonn, 1858, § 32, S. 122. „Wofern... das Geschehene das Gewollte ist..“ и т. д.

бецкій противопоставляетъ «случай», который является «событіемъ, находящимся въ противорѣчїи и съ знаніемъ и волею». ¹. Неосторожность же онъ конструируетъ какъ такое состояніе, при которомъ «участіе воли заключается въ отсутствїи вниманія, съ помощью котораго человѣкъ въ состояніи бываетъ сосредоточить свои мысли на предметъ, рассмотретьъ правильно всѣ стороны предназначеннаго дѣйствія и избѣжать заблужденія» ².

Покушеніе А. Палюмбецкій усматриваетъ въ тѣхъ случаяхъ, „когда воля хотѣла большаго, чѣмъ случилось» ³, причемъ оконченнымъ считаетъ его тогда, «какъ скоро дѣйствующимъ предпринято было все, что казалось ему необходимымъ для совершенія преступленія, но не наступило послѣдствіе, которое составляетъ его окончаніе» ⁴.

Отдѣлъ о «соучастїи» составленъ у А. Палюмбецкаго, главнымъ образомъ по Р. Кестлину и А. Бернеру. Участіе въ преступленїи А. Палюмбецкій представляетъ себѣ въ формѣ виновничества и пособничества и сосредоточивается, главнымъ образомъ, на анализѣ перваго.

«Для понятія виновника (*auctor delicti*, *Urheber*), пишетъ А. Палюмбецкій, необходимо съ объективной стороны существованіе причинной связи между дѣяніемъ и послѣдствіемъ, составляющимъ преступленіе ⁵. Поэтому виновникъ долженъ быть причиною нарушенія, хотя и не безусловною, потому, что всякое дѣяніе, для того, чтобы быть достигнуто его результатъ, предполагаетъ рядъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, какъ побочныхъ причинъ.... Что касается до субъективной стороны, то здѣсь требуется не только..., чтобы виновникъ рѣшался свободно на его преступленіе, но главное и то, чтобы онъ, когда идетъ рѣчь объ умысленныхъ преступленіяхъ, имѣлъ въ виду непосредственно самое преступленіе, старался бы осуществить въ немъ свое соб-

¹ R. Köstlin, System, § 60, S. 159. | S. 175—6; R. Köstlin, System, § 81,

² Ср. A. Berner, Grundlinien der | S. 214.

criminalistischen Imputationslehre... | ⁴ R. Köstlin, System, § 85, S. 241
Berl. 1843, § 2, S. 248. | u. f.

³ Ср. A. Berner, Imputationslehre, | ⁵ R. Köstlin, System, § 90, S. 257.

ственное, ему принадлежащее намерение, смотрѣлъ бы на это преступленіе, какъ на свое собственное дѣло»¹.

Въ отдѣлѣ общаго ученія о преступленіи, носящемъ заголовокъ «Составъ преступленія», А. Палюмбецкій затрогиваетъ вопросы о раздѣленіи преступленій, значеніи для состава «незнанія закона» и проч.; и въ этой части трудъ его носитъ такой же компилятивный характеръ съ перевѣсомъ непосредственныхъ заимствованій у Р. Кестлина.

Теорію наказанія Б. Палюмбецкій затрогиваетъ въ нѣкоторыхъ своихъ монографическихъ работахъ, не представляющихся, однако, сколько нибудь самостоятельными изслѣдованіями. Вопросы, связанные съ тюремнымъ заключеніемъ, привлекали, повидимому, больше всего вниманіе А. Палюмбецкаго². Имъ посвященъ одинъ изъ лучшихъ трудовъ его «О происхожденіи и распространеніи пенитенціарной системы»³. Исправленіе преступника разсматривается здѣсь какъ одна изъ главнѣйшихъ цѣлей наказанія. Въ исправительности уголовной кары А. Палюмбецкій видитъ элементъ наказанія, «необходимый для полноты его идеи, хотя и подчиненный другимъ, главнымъ видамъ законодателя при осуществленіи уголовной власти»⁴. «Исправленіе, думаетъ А. Палюмбецкій, возможно для всѣхъ преступниковъ»⁵ и то наказаніе представляется наиболѣе совершеннымъ, которое дѣлаетъ его осуществимымъ. Тюремное заключеніе, въ глазахъ А. Палюмбецкаго, въ отношеніи исправительнаго вліянія на преступника далеко оставляетъ за собой всѣ остальные наказанія, и исторія приѣмовъ тюремнаго воздѣйствія на заключенныхъ представляетъ

¹ Ср. Köstlin, System, § 90, S. 257.

² Въ трудѣ Джонъ Говардъ и состояніе тюремъ въ Европѣ въ концѣ XVIII ст., Юридич. зап., т. 5, стр. 129—176, А. Палюмбецкій пересказываетъ извѣстный трудъ Dixon'a, John Howard and the prison-world of Europe, Lond. 1850, и даетъ главнымъ образомъ біографію Говарда, а не характеристику и критику его идей по реформѣ тюремнаго заключенія. Вместо

того, чтобы прослѣдить ходъ развитія и успѣха идей Говарда, А. Палюмбецкій описываетъ подробности его пребыванія въ Россіи, Op. cit., стр. 176.

³ О происхожденіи и распространеніи пенитенціарной системы, Рѣчь, напис. для произнесенія въ торж. собр. И. Х. У. 30 авг. 1854 проф. А. Палюмбецкимъ. Харьк. 1854.

⁴ А. Палюмбецкій, Op. cit., стр. 6.

⁵ А. Палюмбецкій, Op. cit., стр. 103.

огромный интерес¹. Изъ разныхъ типовъ тюремной организаціи А. Палюмбецкаго привлекаетъ тотъ, который прибѣгаетъ къ распредѣленію заключенныхъ на отдѣльныя категоріи по степени вѣроятности ихъ исправленія съ сокращеніемъ наказанія на случай хорошаго поведенія². А. Палюмбецкій одинъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ указываетъ на цѣлесообразность созданія особыхъ учрежденій для малолѣтнихъ преступниковъ, ссылаясь на опытъ Англіи³ и отмѣчаетъ важность тюремнаго патроната⁴. Въ основаніе своихъ работъ по тюрьмовѣдѣнію А. Палюмбецкій полагаетъ труды Бомона и Токвилля⁵, Дюкнесо⁶, Миттермайера⁷, Телькампа⁸ и др.

По общему направленію работъ А. Палюмбецкаго легко видѣть, что онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ догматическую разработку положительнаго права. Въ общую часть онъ вводитъ только бѣглыя справки о положеніи того или другого вопроса въ нашемъ законодательствѣ. Въ особенной части, если судить по отчетамъ А. Палюмбецкаго⁹, онъ давалъ «ученіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ... въ порядкѣ и на основаніи Уложенія». Это равносильно тому, что вопросы эти почти не освѣщались съ научной точки зрѣнія и врядъ ли изложеніе А. Палюмбецкаго имѣло цѣнность въ виду той пропасти, которая отдѣляла его отъ практической стороны юриспруденціи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мы открываемъ слѣды теоретическихъ построеній А. Палюмбецкаго въ области особенной части, они носятъ характеръ проникнутыхъ гегеліанствомъ конструкцій, далекихъ не только отъ соответствія съ догмой русскаго уголовного права, но стремящихся, прежде всего, къ согласо-

¹ Ср. А. Палюмбецкій, *Op. cit.*, стр. 10.

² А. Палюмбецкій, *Op. cit.*, стр. 42.

³ А. Палюмбецкій, *Op. cit.* стр. 66.

⁴ А. Палюмбецкій, *Op. cit.*, стр. 44.

⁵ Beaumont et Toqueville, *Système pénitentiaire aux États-unis*, 1837.

⁶ Ducpetiaux, *De progrès et de l'état actuel de la reforme pénitentiaire*, 1837—8.

⁷ Mittermaier, *Der neueste Zustand*

der Gefängnisseinrichtungen in England und englische Erfahrung über Einzelhaft и др.

⁸ Tellkamp, *Ueber die Besserungsgefängnisse in Nordamerika und England*, 1844.

⁹ Ср. рукописные матеріалы, извлеч. проф. Д. Багалъемъ изъ Арх. мин. нар. просв., стр. 704 и сл., 829 и др.

ванію тезисовъ той философской доктрины, для оправданія которой они выставлены ¹.

Въ общемъ А. Палюмбецкій со своими, иногда дословно заимствованными у криминалистовъ-гегеліанцевъ ученіями общей части, выступаетъ типичнымъ представителемъ той эпохи въ русской наукѣ, когда догматическая разработка права считалась подрывающей авторитетъ закона и вообще излишней. Определенія Свода и ближайшимъ образомъ Уложенія 1845 г., какъ источниковъ, отразившихъ все прошлое нашего права и систематизировавшихъ его, должны были, по мысли руководящихъ сферъ, замѣстить собой теорію положительнаго законодательства и служить одновременно руководствомъ и для практики, и для изученія дѣйствующаго права.

Съ аппаратомъ гегеліанской философіи и послѣдовательнымъ приложеніемъ его къ основнымъ проблемамъ криминалистики мы встрѣчаемся и въ работѣ Р. Шишкина «О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ связи съ началомъ наказанія вообще» ², въ которой затронуты между прочимъ вопросы о сущности преступленія и наказанія и задачахъ послѣдняго.

«Понятіе о наказаніи, пишетъ Р. Шишкинъ, исходитъ изъ понятія о правѣ. Право—одна изъ формъ нравственности,—нравственность въ ея внѣшнемъ проявленіи. Право заключается въ совершенномъ единствѣ отдѣльной воли со всеобщою или воли отдѣльнаго лица съ разумною волею въ ея внѣшнемъ проявленіи въ государствѣ. Сознательный разрывъ отдѣльной волею этого единства составляетъ преступленіе» ³. «Наказаніе—уничтоженіе преступленія должно заключать въ себѣ два момента: 1-й объективный: возстановленіе нарушеннаго права..., 2-й субъективный—

¹ Ср., напр., взглядъ А. Палюмбецкаго о „насиліи“, которое онъ разсматриваетъ какъ „общую форму преступленій противъ свободы воли“ Ср. рукописный разборъ „Руководства“ Н. Неключдова, относящійся къ 1876 году. Ср. тамъ же взглядъ на обиду и пр.

² Р. Шишкинъ, О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ связи съ началомъ наказанія

вообще, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, Сиб. 1860—1861, вып. 10, стр. 47—61 и вып. 11, стр. 35—77.

³ Р. Шишкинъ, *Op. cit.*, вып. 10, стр. 47. Это представляетъ почти дословный переводъ отдѣльныхъ положеній R. Köstlin'a *Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts*, Tüb. 1845, § 1, S. 21 и § 2, S. 27.

уничтоженіе преступной вины, которое должно быть направлено противъ душевнаго состоянія преступника чрезъ посредство тѣла— для устрашенія его, а въ лицѣ его и другихъ, отъ дальнѣйшихъ преступленій, а равно и для его исправленія»¹.

Эти задачи уголовной кары наводятъ Р. Шишкина на мысль, что во всякой системѣ наказаній есть извѣстный элементъ, обусловленный въ ней не только состояніемъ преступника, но и жизнью и правами народа, къ которому послѣдній принадлежитъ². При оцѣнкѣ тѣлесныхъ наказаній, эта сторона вопроса пріобрѣтаетъ, думаетъ Р. Шишкинъ, особое значеніе, такъ какъ въ оправданіе ихъ можно сослаться на то, что уголовное законодательство «должно... знакомиться и принимать въ себя народныя воззрѣнія на... институты права»³. Правильное пониманіе соотношенія общаго и особеннаго, какъ предмета уголовного правовѣдѣнія, должно, однако, предостеречь отъ принятія такого положенія. «Основныя начала юридическихъ учрежденій, пишетъ Р. Шишкинъ,... одни и тѣ же, потому что исходятъ изъ одного великаго источника—разума, правды...; право... уголовное должно имѣть своей задачей: изученіе этихъ общихъ, философскихъ началъ и особенностей... и, изучивъ право съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія—философской и сравнительно-исторической, содѣйствовать.. ясному пониманію и точному усвоенію началъ права народомъ»⁴.

Примыкая самымъ тѣснымъ образомъ къ взглядамъ корифеевъ гегеліанства, Р. Шишкинъ дѣлаетъ попытку изученія съ ихъ масштабомъ русской правовой дѣйствительности. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Но она въ общемъ не велика, если при-

¹ Р. Шишкинъ, *Op. cit.*, вып. 10, стр. 48. R. Köstlin, *Neue Revision*, § 7, S. 38 и R. Köstlin, *System des deutschen Strafrechts*, Tüb. 1855, § 117, S. 388.

² Р. Шишкинъ, *Op. cit.*, вып. 10, стр. 49 и сл. Источникомъ этихъ воззрѣній Р. Шишкина могло послужить наблюдение Р. Кестлина, что „als spezifischer Gesichtspunkt für die Einrichtung der Strafe... tritt die pädagogische Tendenz im Ganzen nicht in dem Strafrechte des Staats, sondern in dem der Familie, der Schule und der Kirche auf“, R. Köstlin, *System*, § 117, S. 389.

³ Р. Шишкинъ, *Op. cit.*, вып. 11, стр. 73.

⁴ Р. Шишкинъ, *Op. cit.*, вып. 11, стр. 73. Ср. взгляды Р. Кестлина на историческое и сравнительное изученіе права, *System*, S. IV u. f. passim.

нять во вниманіе, что онъ не пошелъ далѣе освѣщенія единичнаго вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Дань гегеліанству въ своихъ наиболѣе раннихъ работахъ отдалъ и Н. Полетаевъ, не оставшійся, впрочемъ, въ теченіе своей довольно продолжительной научно-литературной дѣятельности безусловно вѣрнымъ этимъ ученіямъ. Выступивъ въ эпоху перелома въ исторіи русской общественной жизни въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, отразившемся и на характерѣ приемовъ разработки уголовного права, Н. Полетаевъ только подтверждаетъ своими позднѣйшими трудами положеніе, что не только извѣстныя идеи вызываютъ переходъ къ новымъ формамъ общественной жизни, но что опредѣленные состоянія послѣдней вытѣсняють системы, ихъ не оправдывающія.

Вліяніе гегеліанской философіи еще чувствуется въ раннихъ теоретическихъ работахъ Н. Полетаева, появляющихся въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Для него не подлежитъ тогда сомнѣнію, что «идея вѣчнаго права, являясь во времени и пространствѣ, воплощается въ различные образы», которые «корнями своими» упираются «въ область философіи»¹. Эти черты «вѣчнаго права» заставляютъ его видѣть въ наказаніи «актъ справедливости», такъ какъ «преступленіе», какъ нарушение права въ его сущности», требуетъ «безусловнаго отрицанія»². Виновность представляется Н. Полетаеву въ расчлененіи на три формы, среди которыхъ «*impetus*» играетъ роль самостоятельнаго вида³. Вмѣняемость въ эту пору отождествляется Н. Полетаевымъ съ свободой воли⁴, а основаніемъ допустимости необходимой обороны выступаетъ то, что «сталкивается право съ неправомъ, причемъ послѣднее, конечно, является ничтожнымъ предъ первымъ, можетъ быть слѣдовательно, отражаемо силою»⁵. Слѣды гегеліанства почти незамѣтны

¹ Н. Полетаевъ, Прикосновенность къ преступленію, Ж. М. Ю. 1862, т. 14, кн. 10, стр. 45.

² Ibid.

³ Н. Полетаевъ, Прикосновенность къ преступленію, стр. 62.

⁴ Н. Полетаевъ, Прикосновенность къ преступленію, стр. 48.

⁵ Н. Полетаевъ, Необходимая оборона, Ж. М. Ю., 1863 г., т. 18, кн. 10, отд. 1, стр. 22.

въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Н. Полетаева ¹, которыя должны быть разсмотрѣны въ связи съ другими теченіями въ исторіи нашей науки.

Представители гегеліанства въ русской криминалистикѣ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, видѣли главную свою задачу въ рѣшеніи теоретическихъ проблемъ уголовного права и созданіи какъ бы суррогата научной догмы. Но гегеліанство, какъ система, имѣло и другую сторону. Въ качествѣ попытки дать отвѣтъ на природу сущаго, ему предстояло доказать истину своихъ ученій на самомъ ходѣ міровой исторіи. Криминалисты-гегеліанцы считали одной изъ своихъ ближайшихъ задачъ обнаруженіе того, что историческій процессъ развитія уголовного права протекалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ постулатами ихъ доктрины, и эта сторона ихъ ученій вызвала рядъ подражателей и въ нашей литературѣ. Поскольку русскіе историки-гегеліанцы остаются послѣдовательными, они сосредоточиваютъ свое вниманіе не столько на изученіи прогресса уголовно-юридическихъ институтовъ, сколько на развитіи идеи права въ тѣхъ ея фазисахъ, которыя оправдываютъ ихъ доктрину.

Представителями этого теченія, хотя не всегда послѣдовательными, выступили у насъ Ф. Делпъ и И. Максимовичъ, а нѣсколько позднѣе и притомъ въ духѣ полного соотвѣтствія съ правовѣрнымъ гегеліанствомъ Н. Власьевъ.

«Правда, пишетъ Ф. Делпъ ², есть нравственность въ ея объективномъ существованіи... Правда... содержитъ въ самомъ своемъ понятіи требованіе непрерывнаго осуществленія..., уничтоженія ея отрицаній со стороны воли частной. Въ этомъ заключается юридическое основаніе.. наказанія, которое есть отрицаніе

¹ Они не замѣтны почти уже въ его работѣ „Фальшивая монета“, Ж. М. Ю. 1864, т. 19, кн. 2, отд. 4, стр. 249—298, а также въ лучшемъ его трудѣ „Граница наказуемости покушенія“, Юрид. вѣстн., изд. П. Калачовымъ, 1863, вып. 41, стр. 29—64, гдѣ онъ становится на точку зрѣ-

нія объективной теоріи, ср. стр. 34 и др.
² Ф. Делпъ, О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, историческо-юридическое разсужденіе юридическому факультету имп. Сиб. унив. для полученія степени магистра уголовного права, Сиб. 1849.

«отрицанія правды»...¹. Історія показанія въ русскомъ уголовномъ правѣ, по мнѣнію Ф. Делпа, не составляетъ исключенія изъ процесса развитія осуществленія идеи правды, и отдѣльныя стадіи, ею пережитыя въ формѣ періода частной мести, появленія обычая «выкупать у обиженнаго свою вину» и эпохи публичнаго наказанія, служатъ послѣдовательными проявленіями признапія необходимости отрицанія неправды²; при этомъ каждая стадія представляется «достиженіемъ только относительнаго достоинства въ осуществленіяхъ идеи правды»³.

Понимая въ такомъ смыслѣ развитіе идеи наказанія въ исторіи русскаго права, Ф. Делпъ, въ виду невозможности конструировать этотъ процессъ въ полномъ соотвѣтствіи съ постулатами гегеліанства, оперируетъ въ дѣйствительности съ чисто фактическимъ изложеніемъ данныхъ изъ исторіи нашихъ наказаній.

Опираясь съ русскимъ матеріаломъ въ той формѣ, какъ онъ опредѣлился у Эв. Тобина⁴ и, съ данными германскаго права, приведенными у Wilda въ его «Strafrecht der Germanen», Ф. Делпъ видитъ въ нашемъ правѣ проявленіе обычаевъ или самостоятельно зародившихся, или воспріятыхъ у германцевъ на почвѣ одинокихъ условій соціального быта⁵. На спорность точки зрѣнія Ф. Делпа, что русское уголовное право до Уложенія 1649 г. не знаетъ иныхъ источниковъ права, кромѣ обычая, указано было въ свое время еще Н. Калачовымъ⁶. Послѣдній отмѣтилъ и то, что Ф. Делпъ упускаетъ изъ виду цѣлый рядъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось русское уголовное право и, въ частности, факторъ византійскій⁷, несмотритъ, далѣе, туземное вліяніе основъ родового быта⁸ и игнорируетъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ памятниковъ⁹.

¹ Ф. Делпъ, *Op. cit.*, стр. 5 и сл.

² Ф. Делпъ, *Op. cit.*, стр. 6 и сл.

³ Ф. Делпъ, *Op. cit.*, стр. 9.

⁴ Ф. Делпъ, *Op. cit.*, стр. 16 и сл. *passim*, стр. 22.

⁵ Ф. Делпъ, *Op. cit.*, стр. 12 и слѣд., стр. 61 и слѣд.

⁶ Ср. Н. Калачовъ, Дополненіе къ

разсужденію г. Делпа о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, *Арх. историко-юрид. свѣд.*, относящ. до Россіи, кн. 3, Сиб. 1861, отд. 4, стр. 13.

⁷ Н. Калачовъ, *Op. cit.*, стр. 15.

⁸ Н. Калачовъ, *Op. cit.*, стр. 18.

⁹ Н. Калачовъ, *Op. cit.*, стр. 32.

На основахъ гегелевской философіи исторіи и при помощи гегеліанской конструкціи уголовно-правовыхъ понятій подвергаетъ историческому изслѣдованію русское уголовное право и И. А. Максимовичъ ¹. Главными памятниками его преподаванія въ 1842—1869 г.г., проникнутаго, по словамъ его учениковъ, сознаниемъ необходимости уяснить историческія основы русскаго положительнаго уголовного права ², являются труды «О развитіи идеи преступленія» ³ и «Объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи» ⁴.

Историческій процессъ развитія нашего уголовного права представляетъ собой, съ точки зрѣнія И. Максимовича, осуществленіе идеи правды или справедливости и свидѣтельствуетъ объ отрицаніи свободныхъ дѣяній человека, противопологающихся общему нравственному закону путемъ отрицанія права въ формѣ несправедливости «ошибочной или безсознательной» и «сознаваемой или намѣренной?» ⁵.

Въ послѣднемъ случаѣ несправедливость обнаруживается «подъ видомъ обмана или подлога» и «насильственнаго оскорбленія или нарушенія права» и, являясь «совершеннымъ пренебреженіемъ къ правдѣ, къ закону», выступаетъ какъ преступленіе. Оно «въ существѣ своемъ есть дѣяніе, противорѣчащее самому себѣ, уничтожающее само себя;... а какъ противорѣчіе это заключается... въ произволѣ преступника, то оно можетъ и должно быть уничтожено не иначе, какъ уничтоженіемъ этой особенности въ волѣ преступника, уничтоженіемъ его произвола, чрезъ обращеніе произвольнаго его дѣянія на него самаго по закону возмездія...» ⁶.

Преступленіе начинается тамъ, гдѣ имѣются признаки «обмана» и «насилія» ⁷, но остальные его элементы развиваются

¹ Біографическія данныя объ Иванѣ Андреевичѣ Максимовичѣ, род. въ 1810 г., ср. К. Троцина, Лицей кн. Безбородко, изд. Г. Кушелевымъ-Безбородко, Спб. 1859, стр. 124 и слѣд.

² Ср. К. Троцина, Ор. сіт., стр. 125.

³ И. Максимовичъ, Рѣчь о развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ русскаго законодательства. Кіевъ, 1845.

⁴ И. Максимовичъ, Рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи, Кіевъ, 1853.

⁵ И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 4 и слѣд.

⁶ И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 5 и слѣд.

⁷ И. Максимовичъ, Рѣчь о развитіи идеи преступленія, стр. 11.

только постепенно. Вначалѣ раскрывается «одна внѣшняя сторона преступленія» ¹, за ней слѣдуетъ внутренняя ², въ формѣ требованія сознанія совершаемаго при условіи свободной воли дѣйствующаго ³. Параллельно преступленія приобрѣтають публичный характеръ ⁴, начинаетъ преобладать общій интересъ надъ частнымъ ⁵ и внутренняя сторона надъ внѣшней ⁶.

Наказаніе, въ свою очередь, проходитъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ стремленіи къ конечной цѣли своего осуществленія въ формѣ «частной мести за преступленіе... и платы вознагражденія», «системы устрашенія или публичной мести» и, наконецъ, наказанія «юридическаго въ тѣсномъ значеніи этого слова», выражающаго собою стремленіе (сдѣлать) преступника безвреднымъ, нравственно лучшимъ и для государства полезнымъ» ⁷. Наказаніе при этомъ, какъ возмездіе, должно являться «лишеніемъ преступника принадлежащихъ ему правъ въ количествѣ, равномъ количеству имъ самимъ нарушенныхъ правъ», а тожество это «должно быть внутреннее..., состоящее въ равномъ количествѣ наказанія съ преступленіемъ по ихъ тягости, т. е. по внутреннему ихъ достоинству или цѣли» ⁸.

Общая картина развитія у насъ понятія преступленія и наказанія подтверждаетъ, по мнѣнію И. Максимовича, процессъ развитія нравственнаго закона. Попутно И. Максимовичъ, не стѣсняясь въ деталяхъ съ формулой гегеліанства, изслѣдуетъ положительныя черты нашего законодательства и особенно подробно останавливается на изложеніи исторіи отдѣльныхъ наказаній вплоть до Уложенія 1845 года со стороны соотвѣтствія ихъ опредѣленнымъ преступленіямъ ⁹.

¹ И. Максимовичъ, Рѣчь о развитіи идеи преступленія, стр. 14.

² И. Максимовичъ, Ор. cit., стр. 22 и слѣд.

³ И. Максимовичъ, Ор. cit., стр. 43, 56 и др.

⁴ И. Максимовичъ, Ор. cit., стр. 25 и слѣд.

⁵ И. Максимовичъ, Ор. cit., стр. 36.

⁶ И. Максимовичъ, Ор. cit., стр. 60 и слѣд.

⁷ И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 8 и слѣд. passim.

⁸ И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 7.

⁹ И. Максимовичъ даетъ въ заключеніе своего труда обширную таблицу

Догматическое значеніе труда И. Максимовича только увеличивается отъ того, что въ своихъ «Примѣчаніяхъ о примѣненіи статей по Уложенію о наказаніяхъ»¹ авторъ даетъ анализъ составовъ преступленій по Уложенію 1845 г., влекущихъ за собой тождественныя наказанія.

Съ приложеніемъ гегелевской философіи къ объясненію нашей исторіи уголовного права мы встрѣчаемся и у Н. С. Власьева².

Исходя изъ того, что историческое изученіе права должно совершаться при помощи «перенесенія въ наши историческія изысканія системъ и возрѣній уже готовыхъ, хотя выработанныхъ по явленіямъ быта намъ чуждаго»³, Н. Власьевъ видитъ въ процессѣ развитія идей уголовного вмѣненія въ русскомъ правѣ проявленіе «логическаго развитія», подвигающагося при помощи «отмѣнъ»⁴. «Цѣль историческаго изслѣдованія, пишетъ онъ, должна... заключаться въ томъ, чтобы показать во всѣхъ періодахъ, прожитыхъ человѣчествомъ, бодно и то же нравственное существо, руководимое вѣчнымъ и неизмѣннымъ побужденіемъ осуществить во внѣшней жизни въ возможной полнотѣ свое нравственное содержаніе»⁵. Право, съ точки зрѣнія Н. Власьева, является формой нравственности и сущность его сводится къ «тождеству частной воли съ общею»⁶. Понятіе «неправа», «неправды» онъ опредѣляетъ какъ «прекращеніе тождества частной воли съ общею», допускающее три «степени», причемъ на послѣдней, предпо-

наказаній по Уложенію 1649 г., Воинскому артикулу, Своду законовъ и Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. съ указаніемъ тѣхъ разновидностей преступленій, за которыя они опредѣлялись. Таблица эта и понынѣ по своей полнотѣ и точности не утратила практическаго значенія, И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 173—249.

¹ И. Максимовичъ, Объ уголовныхъ наказаніяхъ, 1853, стр. 250 и слѣд.

² Біографическія данныя о Н. С. Власьевѣ ср. Двадцатипятилѣтіе имп. Новорос. унив., историч. записка А.

Маркевича, Од. 1890, стр. 481 и сл.

Николай Сергѣевичъ Власьевъ, род. въ 1833 г., воспитанникъ Московскаго университета; онъ выступалъ съ 1854 г. въ качествѣ адъюнкта Ришельевскаго лицея и въ 1865 году переходитъ въ Новороссійскій университетъ на кафедру энциклопедіи и исторіи философіи права. Н. Власьевъ умеръ въ 1872 г.

³ Н. Власьевъ, О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, Моск. 1860, стр. 11.

⁴ *Op. cit.*, стр. 24, 39 и др.

⁵ *Op. cit.*, стр. 34.

⁶ *Op. cit.*, стр. 40.

лагающей «сознательное отпаденіе и созпательное устаиваніе въ противорѣчїи съ общею волей, частная воля дѣлается преступною»¹. «Такъ какъ неправо уголовное, преступленіе, существуетъ, главнымъ образомъ, для самой частной воли, слѣдовательно за предѣлами внѣшней сферы, то оно требуетъ своего прекращенія и въ этой дальнѣйшей сферѣ... въ воздѣйствїи на самую частную волю» и ведетъ къ наказанію.² Анализируя моменты преступленія, опредѣляющіе собой наказаніе и входящіе въ сужденіе о томъ, «есть ли и въ какой мѣрѣ въ существующемъ во впѣ нарушеніи права виновное дѣяніе»³, Н. Власевъ устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ реквизиты уголовного вмѣненія, придерживаясь, главнымъ образомъ, взглядовъ на эти вопросы Р. Кестлина и А. Бернера⁴.

Отдѣльные моменты въ исторїи русскаго уголовного права Н. Власевъ ставитъ въ связь съ постепеннымъ развитіемъ идеи уголовного вмѣненія, мыслимаго логически, и видитъ въ томъ и другомъ процессъ, въ общемъ, полное соотвѣтствіе. Н. Власевъ констатируетъ въ то же время, что уже Русская правда далека отъ исключительно объективнаго взгляда на преступленіе и что ею признается значеніе злой воли виновнаго⁵. Постепенно въ нашемъ правѣ только возрастаетъ признаніе существенности для мѣры вмѣненія внутренней стороны преступленія, что замѣтно на памятникахъ періода Судебниковъ⁶. Такъ какъ понятіе преступленія достигаетъ полнаго своего раскрытія только при государственной формѣ общежитія и въ періодъ Уложенія 1649 г. мы имѣемъ дѣло съ переживаніемъ этой стадїи, то только въ немъ, думаетъ Н. Власевъ, «процессъ развитія нашего древняго уголовного права заключился признаніемъ общеразумныхъ началъ вмѣненія»⁷, хотя и не завершился окончательно.

¹ Ор. cit., стр. 41.

² Ор. cit., стр. 42.

³ Ор. cit., стр. 46.

⁴ Ор. cit., стр. 46 и слѣд.

⁵ Н. Власевъ; Ор. cit., стр. 188 и слѣд.

⁶ Ор. cit., стр. 209.

⁷ Ор. cit., стр. 238.

2. Историко-философская школа уголовного права.

И. Н. Давиловичъ. — Г. С. Гордѣнко. — Д. М. Семеновскій. — А. С. Жиряевъ. —
П. Д. Колосовскій. — А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ.

Историческіе экскурсы гегеліанцевъ, направленные на подтвержденіе истинности ихъ идеалистическихъ посылокъ, не могли создать прочнаго базиса для теоретическаго конструированія уголовного права. Вполнѣ естественно, что опыты эти не могли оставить не только стремленія культивировать изученіе исторически существовавшаго права внѣ масштабовъ гегеліанства, но и разнаго рода попытокъ комбинированія историческаго изученія съ философскими построеніями, въ основаніе которыхъ были положены самыя разнообразныя начала. Ближайшимъ образомъ, попытка взаимнаго восполненія философскихъ построеній, независимо отъ ихъ особенностей, съ исторической обработкой уголовного права имѣла для криминалистовъ много привлекательнаго. Этимъ путемъ думали придать философскимъ построеніямъ не только положительную почву, но и болѣе пригодныя для осуществленія въ практической жизни свойства.

Однимъ изъ представителей такого теченія выступаетъ въ германской литературѣ начала XIX в. Эд. Генке. Онъ опредѣленно указываетъ на необходимость союза философскихъ приемовъ разработки правъ съ историческими. Въ этомъ сочетаніи онъ видитъ единственное средство избѣжать недостатковъ философскихъ приемовъ, приводящихъ, съ одной стороны, къ разобщенности теоретическаго права съ правосознаніемъ народа, дѣйствительными потребностями практической жизни и проч. и, съ другой, — спасеніе отъ увлеченія историческимъ изученіемъ права, ограничивающагося истолкованіемъ устарѣвшихъ памятниковъ уголовного законодательства.

Кто знаетъ, пишетъ Эд. Генке¹, что настоящее можетъ быть уяснено только на почвѣ прошедшаго, отнесется съ полнымъ уваженіемъ къ изученію историческаго прошлаго. Но положительное право въ своемъ необработанномъ видѣ, не видоизмѣненное судеб-

¹ Ed. Henke, Handbuch des Criminalrechts, 1 Th., Berl. 1823, S. XII.

ной практикой и воздѣйствиємъ теоріи, не можетъ соответствовать современнымъ требованіямъ. Должно стремиться въ виду этого къ тому, чтобы объединить и примирить юридическую дѣйствительность и теорію и обнаружить связь между прошедшимъ и настоящимъ ¹, не забывая потребностей современнаго момента ².

Аналогичные взгляды на задачи разработки права возникаютъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ теченій въ западной наукѣ и у насъ.

«Чтобы... достигнуть возможной степени совершенства, писалъ у насъ К. Неволинъ, философія должна вступить въ тѣсный союзъ съ исторіей. Исторія представляетъ намъ такое множество законодательствъ...., что философіи остается только этотъ грубый матеріалъ очищать отъ разнородной примѣси, и, отдѣляя необходимое отъ случайнаго, общее отъ частнаго, принимать всеобщее и необходимое въ свою систему» ³.

Не отрицая того значенія, который имѣлъ призывъ К. Неволина къ историко-философской разработкѣ нашего права, нужно не забываясь въ то же время, что большинство представителей историко-философской школы въ нашей криминалистической литературѣ шло по путямъ, проложеннымъ трудами западныхъ криминалистовъ.

Наиболѣе раннимъ защитникомъ историко-философскаго направленія въ изученіи русскаго уголовного права выступаетъ у насъ И. Н. Даниловичъ ⁴.

¹ Ed. Henke, Op. cit., S. XIV.

² Ed. Henke, Op. cit., S. XV.

³ К. Неволинъ, Энциклопедія законовѣдѣнія, Кіевъ, 1839, т. 1, стр. 633.

⁴ Біографич. данныя объ И. Н. Даниловичѣ ср. Бумаги проф. А. Рославскаго-Петровскаго, Истор. арх. И. Х. У., лл. 23, 24; Краткій очеркъ ист. Харьк. унив. за первыя сто лѣтъ его существованія, сост. Д. Вагалѣемъ, Н. Сумцовымъ и В. Бузескуломъ, Х. 1906, стр. 63; Д. Вагалѣй, Опытъ ист. Харьк. унив., т. 2, стр. 735, 353, 612,

1112 и сл.; Н. Максимейко, Біограф. слов. проф. и препод. Х. У., Харьк. 1908, стр. 231—233; М. Владимірскій-Будановъ, Исторія имп. унив. св. Владиміра, т. 1, Кіевъ, 1884, стр. 127 и слѣд.; М. Владимірскій-Будановъ, Біографич. слов. проф. и препод. имп. унив. св. Владиміра, стр. 147—173; Вит. Шульгинъ, Ист. унив. св. Владиміра, Спб. 1860, стр. 151 и слѣд., 163; Біограф. слов. проф. и препод. И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 287—290; Гр. Геняди, Спра-

Уголовное право не было главнымъ предметомъ занятій И. Даниловича и въ то же время областью, мало отмѣченной въ его печатныхъ трудахъ. По сохранившимся свѣдѣніямъ, онъ полагалъ въ основаніе своего курса уголовного права воззрѣнія Эд. Генке¹, а самыя чтенія его пользовались необычнымъ успѣхомъ². О послѣднихъ со словъ М. Владимірскаго-Буданова извѣстно, что И. Даниловичъ посвящалъ ихъ, кромѣ содержанія XIV и XV т. Свода законовъ, «литературѣ и исторіи уголовного права, а главное содержаніе науки иллюстрировалъ сравнительно-историческими свѣдѣніями, какъ по русскому, такъ и по... законодательствамъ древне-римскому и германскому»³. В. Шульгинъ, говоря, въ свою очередь, о характерѣ курса уголовного права, читавшагося И. Даниловичемъ, отмѣчаетъ, что детальное объясненіе Свода законовъ уголовныхъ онъ сопровождалъ общими теоретическими понятіями и сравнительно-историческими данными по иностраннымъ законодательствамъ⁴. Эти общія указанія получаютъ болѣе опредѣленный характеръ въ сопоставленіи ихъ съ тѣмъ, что сохранилось въ небольшомъ трудѣ И. Да-

вочн. слов., т. 1, Берл. 1876, стр. 279; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. Погодина, Спб. 1893, кн. 7, стр. 254 и слѣд.

Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, род. въ 1787 г., былъ воспитанникомъ Виленскаго университета. Съ 1822 г. онъ преподаетъ въ немъ въ качествѣ профессора русскаго гражданскаго и уголовного права. Въ 1825 году И. Даниловичъ переходитъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ занимаетъ кафедру русскаго и провинціального права. Въ тридцатыхъ годахъ И. Даниловичъ принимаетъ видное участіе въ работахъ по составленію Свода провинціальныхъ законовъ для губерній присоединенныхъ отъ Польши и вскорѣ переходитъ въ открывающійся университетъ св. Владиміра на кафедру уголовного права, занимавшуюся имъ до

1839 года. Отсюда онъ назначается въ Московскій университетъ и преподаетъ здѣсь законы благоустройства и благотворенія и мѣстное право западныхъ губерній до 1842 г. И. Даниловичъ скончался въ 1843 г., оставивъ обширное количество трудовъ, главнымъ образомъ, по исторіи литовскаго права, частью неизданныхъ и по нынѣ, а частью утраченныхъ еще при его жизни. Ср. Н. Барсуковъ, *Op. cit.*, стр. 254 и слѣд.

¹ Ср. Краткій очеркъ ист. Харьк. унив., Харьк. 1906, стр. 63.

² Д. Багалъй, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 2, стр. 612.

³ М. Владимірскаго-Буданова, Біографич. слов., стр. 162.

⁴ Вит. Шульгинъ, Исторія унив. св. Владиміра, Спб. 1860, стр. 152.

ниловича, посвященномъ методологiи и исторiи науки уголовного права.

Уясненiе преступленiя и наказанiя, какъ предмета «ученаго уголовного законовѣдѣнiя»¹, достигается, по мнѣнiю И. Даниловича, только въ томъ случаѣ, когда явленiя эти изучаются со стороны того, что даютъ положительные законы. Послѣднiе обнимаютъ собой не правовыя постановленiя опредѣленной эпохи. «Всѣ перiоды чело-вѣческой образованности, пишетъ И. Даниловичъ, находятся въ неразрывной между собой связи и служатъ взаимнымъ себѣ дополненiемъ. Каждый изъ нихъ, порознь взятый, представляетъ одну сторону идеи правосудiя, которой цѣлость составляетъ созерцанiе множества соединенныхъ перiодовъ»². На этомъ пути приходится обращаться «... къ историческимъ изслѣдованiямъ» и «извлеченiю изъ нихъ началъ для уголовныхъ сводовъ». Такой путь «въ образованiи уголовной науки» предпочтительнѣе «... нежели отвлеченными философскими мечтами» устанавливать положенiя уголовного кодекса³. И. Даниловичъ рекомендуетъ въ то же время избѣгать оправдыванiя только того, что можетъ получиться въ результатѣ изслѣдованiя фактически существовавшаго. Вмѣстѣ съ Росси онъ считаетъ возможнымъ противопоставить сторонникамъ исторической школы положенiе, «que l'histoire est l'auxiliaire essentiel de la science, mais qu'elle n'est pas la science»...⁴. Опираясь на историческое изученiе памятниковъ положительнаго законодательства, думаетъ И. Даниловичъ, слѣдуетъ видѣть въ нихъ не исходную точку зрѣнiя, но данныя, подлежащiя усовершенствованiю въ духѣ началъ чело-вѣческой природы и существующихъ потребностей.

Тѣ же взгляды, въ дальнѣйшемъ своемъ развитiи, легли въ основанiе уголовно-правовыхъ воззрѣнiй ученика И. Даниловича— Г. С. Гордѣенко, унаслѣдовавшаго отъ своего учителя и руководящiе принципы Эд. Генке. Комбинированiе философскихъ на-

¹ И. Даниловичъ, О ходѣ уголовного законовѣдѣнiя вообще и преимущественно въ Германiи, Журн. Мин. нар. просв., ч. 14, Спб. 1837, стр. 340.

² И. Даниловичъ, Ор. cit., стр. 341.

³ И. Даниловичъ, Ор. cit., стр. 374.

⁴ И. Даниловичъ, Ор. cit., стр. 375.

чалъ и историческаго опыта въ формѣ уголовной политики, какъ отрасли уголовного правовѣдѣнія, стремящейся «по особенностямъ историческаго момента и мѣстнымъ условіямъ осуществить идеаль права»¹, играетъ для Г. Гордѣнко² роль отправной точки зрѣнія въ его преподавательской дѣятельности и отчасти научныхъ трудахъ по уголовному праву.

Неудовлетворенность Г. Гордѣнко абстрактными формулами естественнаго права, хотя и сказывается въ немъ довольно рано, но долго не находитъ себѣ опредѣленнаго выраженія. Для него несомнѣнно, что «право есть нѣчто дѣйствительное...; его система должна основываться не на однѣхъ логическихъ категоріяхъ, но на дѣйствительныхъ, положительныхъ основаніяхъ человѣческой жизни»³. Въ поискахъ за началами, могущими восполнить право разума, Г. Гордѣнко склоненъ даже присоединиться къ протесту

¹ Ed. Henke, Handb. d. Criminalr. I Th., Berl. u. Stet., 1823, § 29, S. 154.

² Біографическія данныя о Г. С. Гордѣнко ср. Рукописная автобіографическая замѣтка въ Дѣлѣ Сов. И. Х. У. 1844, № 423, л. 1; Рукописные матеріалы для составленія біографическаго словаря Г. С. Чирикова, хранящ. въ Историч. архивѣ И. Х. У., л. 31; Дѣло Сов. И. Х. У. 1838 г., № 46, л. 13, о профессорѣ Г. Гордѣнко, л. 7, о его докторскомъ диспутѣ; 1841 г., № 41, л. 2, 7, 10, 23, о его заграничной поѣздкѣ; 1849 г., № 42, л. 3, о смерти Г. Гордѣнко; Рукописные матеріалы, извлеч. проф. Д. Багалѣмъ изъ Арх. минист. народ. просв., стр. 769—773; Д. Багалѣй, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2, стр. 578, 495, 591, 613 и слѣд., 704; Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), сост. Д. Багалѣмъ, Н. Сумцовымъ и В. Бузескуломъ, Харьк. 1906, стр. 140, 145, 71, 63, 151;

Отчетъ о состояніи И. Х. У. за 1844—45 г., стр. 27—52; Л. Загурскій, Опытъ исторіи юр. факульт. И. Х. У., Харьк. 1907, Зап. И. Х. У. 1907, кн. 1, стр. 19 и слѣд., 35 и слѣд.; Е. Ивановъ, статья о Г. Гордѣнко въ Біографическомъ словарѣ профессоръ и преподавателей, Харьк. 1908, стр. 222—4.

Гавріиль Степановичъ Гордѣнко род. въ 1805 г. Съ 1831 года онъ преподаетъ русское гражданское и уголовное право. Въ 1842—4 гг. онъ предпринимаетъ заграничное путешествіе, во время котораго основательно знакомится съ состояніемъ науки уголовного права въ главнѣйшихъ университетахъ западной Европы. Г. Гордѣнко умеръ въ 1849 г., успѣвъ пріобрѣсти восторженныхъ поклонниковъ своего ученаго таланта. Ср. Воспоинаія Н., цит. у Д. Багалѣя, Опытъ исторіи Харьк. унив., т. 2, стр. 613, а также, стр. 591.

³ Г. Гордѣнко, Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе въ Россіи въ настоящее время? Харьк. 1838, стр. 77, а также стр. 81.

противъ ученій естественнаго права, заявленному защитниками религиозныхъ началъ и въ частности философіей Штала ¹. Уроки И. Даниловича ² и Эд. Генке ³ вскорѣ дадутъ Г. Гордѣнко болѣе надежное основаніе для формировація воззрѣній на задачи изученія права. «Существеннымъ способомъ къ познанію догматовъ права», пишетъ онъ въ концѣ 30-ыхъ годовъ, является «историческое ученіе» ⁴. Но историзмъ не долженъ ограничиваться изслѣдованіемъ опредѣленныхъ фактовъ. Историческое изученіе, пишетъ Г. Гордѣнко, «...должно раскрыть и объяснить намъ не одни проявленія права въ различныя времена, ... но и тѣ самыя жизненныя начала, которыя скрываютъ въ себѣ зародышъ и причину сихъ явленій» ⁵, даютъ возможность «разгадать единство и цѣлость права» ⁶, его общія начала. Послѣднія Г. Гордѣнко отождествляетъ съ философскимъ элементомъ и считаетъ его «господствующимъ въ уголовномъ правѣ, котораго сущность составляютъ вѣчныя идеи права и правосудія, проливающія свѣтъ на всякое его положеніе» ⁷. Въ то же время историческія начала не только при конструированіи *de lege ferenda*, но и въ изученіи дѣйствующаго права должны, по мнѣнію Г. Гордѣнко, преобладать. «Организмъ государства, пишетъ онъ, ... не есть одна мечта воображенія..., ни даже произвольное установленіе, которое можно, по прихоти, измѣнять, перестраивать, предположивъ себѣ какую нибудь цѣль, но это организмъ дѣйствительный, имѣющій свою собственную природу, изъ которой должны проистекать законы его развитія, изъ которой познается и самая цѣль его»...⁸. Г. Гордѣнко вѣритъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ

¹ Г. Гордѣнко, *Op. cit.*, стр. 93.

² Ср. автобіограф. замѣтку Г. Гордѣнко, *Дѣло Сов. И. Х. У.* 1844, № 423, л. 1.

³ Г. Гордѣнко, Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе, стр. 93.

⁴ Г. Гордѣнко, Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе, стр. 23.

⁵ Г. Гордѣнко, *Op. cit.*, стр. 36.

⁶ Г. Гордѣнко, *Op. cit.*, стр. 24.

⁷ Г. Гордѣнко, *Op. cit.*, стр. 25 и слѣд.

⁸ Г. Гордѣнко, О законодательномъ достоинствѣ Свода законовъ, стр. 17 и слѣд. Ср. также, стр. 19 и слѣд., 28. Рядъ мыслей, высказанныхъ въ этомъ трудѣ о Сводѣ, является дословнымъ воспроизведеніемъ текста Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, Спб. 1833. Ср. Г. Гордѣнко,

возможность и необходимость создания национальной системы уголовных законов»¹; онъ считаетъ нужнымъ полагать въ основаніе ея истины, которыя обнаруживаются не только путемъ изученія наряду съ законодательствомъ судебной практики², но и путемъ сравнительнаго изученія права³ и изслѣдованія природы преступника съ точки зрѣнія судебно-медицинской⁴.

Г. Гордѣнко не оставилъ, насколько намъ извѣстно, законченнаго курса своихъ чтеній по уголовному праву⁵. Одна изъ раннихъ работъ его «О необходимой оборонѣ вообще и въ при-
мѣненіи къ правамъ римскому и россійскому»⁶, осталась въ рукописи⁷. Руководствуясь имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными, можно считать, что въ основаніе особенной части своихъ чтеній Г. Гордѣнко полагалъ систему Свода, а въ общей придерживался труда Эд. Генке⁸, останавливаясь и на вопросахъ уголовной политики въ связи съ уголовной статистикой, какъ понималъ ихъ Миттермайеръ⁹. Нѣкоторый свѣтъ на характеръ чтеній Г. Гордѣнко и пониманіе имъ уголовной политики бросаетъ составленный имъ отчетъ о заграничной его поѣздкѣ¹⁰. Понимая

Ор. cit., стр. 27 и слѣд. и Обзорѣніе, стр. 97 и слѣд.

¹ Г. Гордѣнко, Въ чемъ должно состоять ученое уголовное законовѣдѣніе въ Россіи, Харьк. 1838, стр. 77.

² Г. Гордѣнко, Ор. cit., стр. 47 и др., 53 и сл.

³ Г. Гордѣнко, Ор. cit., стр. 73, а равно 27.

⁴ Г. Гордѣнко, Ор. cit., стр. 56 и слѣд., а равно 61.

⁵ Изъ рукописнаго отчета за 1845 г., Дѣло Сов. И. Х. У. 1845, № 216, л. 109, извѣстно, что слушатели Г. Гордѣнко „упражнялись въ составленіи подробныхъ журналовъ каждой прочитанной лекціи...“

⁶ Л. Загурскій, Опытъ исторіи юр. фак. И. Х. У., Харьк. 1907, Зап. И. Х. У. 1907, кн. 1, стр. 35.

⁷ Рядъ документовъ о Г. Гордѣнко

хранится въ библіотекѣ Харьковского университета и въ силу завѣщанія владѣльца ихъ можетъ быть вскрытъ только по истеченіи извѣстнаго времени.

⁸ Ср. Обзорѣніе преподаванія предметовъ въ И. Х. У. на 1843—4 уч. г., Харьк. 1845, стр. 14.

⁹ Мы читаемъ въ рукописномъ отчетѣ за 1845 г., Дѣло Сов. И. Х. У. 1845, № 216, л. 109: „было обращено, въ большей противъ прежнихъ курсовъ мѣрѣ, вниманіе на уголовную политику и уголовную статистику, и на практическое изъясненіе положеній науки...“

¹⁰ Говоря въ своемъ отчетѣ о прослушанныхъ имъ курсахъ, изученіи тюремнаго дѣла и проч. Г. Гордѣнко отмѣчаетъ, что „результаты... наблюденій—сколько они полезны отечественному правовѣдѣнію, входятъ въ составъ

уголовную политику въ смыслѣ дисциплины, дающей директивы для уголовного законодательства, Г. Гордѣнко повторяетъ вслѣдъ за Миттермайеромъ, что «взглядъ на уголовное право и уголовное законодательство управляется всегда уголовною политикою: вопросъ объ употребленіи въ государствахъ смертной казни рѣшается... уголовно-политическими соображеніями; наказанія, наносящія невозвратный позоръ, и наказанія пожизненныя не должны имѣть мѣста, какъ не политическія; мѣра наказанія не должна быть ни въ какомъ случаѣ выше мѣры нравственной отвѣтственности, — можетъ быть ниже этой послѣдней, по требованію уголовной политики»¹. Послѣдняя должна оперировать при помощи статистическаго метода, дающаго возможность при его усовершенствованіи рѣшать важнѣйшіе вопросы уголовной политики «съ точностью ариметическихъ задачъ»². Изучая мѣры тюремнаго воздѣйствія и разные типы его, Г. Гордѣнко смотритъ на нихъ какъ на средство «удержанія нравственной заразы», полагая, что борьба съ преступностью на почвѣ опыта уголовной статистики должна вестись, главнымъ образомъ, при помощи другихъ средствъ.

Въ общемъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что характеръ преподаванія Г. Гордѣнко, какъ человѣка, весьма чутко относившагося къ успѣхамъ уголовного права, постепенно мѣнялъ свои черты. Мы видѣли уже, что отъ увлеченія психологической теоріей, Г. Гордѣнко перешелъ къ историко-философскому трактованію проблемъ уголовного права и что перспективы уголовной политики, какъ дисциплины, основанной на статистикѣ, вытѣсняють у него фактическую разработку уголовного права въ направленіи, которое онъ считалъ незадолго передъ тѣмъ правильнымъ. Во время своего заграничнаго путешествія Г. Гордѣнко слушаетъ самыхъ разнообразныхъ представителей науки, начиная отъ комментатора Ienill'я до Шеллинга и Штала включительно, и ученія каждаго оставляють извѣстный слѣдъ на его міровоззрѣніи.

годовыхъ курсовъ“, читаемыхъ имъ и Гордѣнко, стр. 52.

„получающихъ отъ того новое развитие“, Отчетъ о состояніи И. Х. У. за 1844—45 ак. г., Свѣд. о поѣздкѣ Г. Гордѣнко, стр. 52.

¹ Ср. Отчетъ о состояніи И. Х. У. за 1844—45 ак. г., X. 1845, стр. 34

² Ср. Отчетъ, стр. 35.

Преобладающимъ тономъ во взглядахъ Г. Гордѣенко на способы обработки уголовного права ¹ является, однако, все таки мнѣніе о цѣлесообразности историко-философскаго трактованія его въ духѣ Эд. Генке и И. Даниловича.

На сторону историко-философскаго метода въ правѣ уголовномъ, какъ приѣма, обезпечивающаго пригодность предложеній объ усовершенствованіи права и лучшей способъ положительнаго его изученія, становится и проф. Демидовскаго лица по кафедрѣ права російскаго публичнаго, гражданскаго и уголовного» Д. М. Семеновскій ².

Съ половины 30-хъ годовъ Д. Семеновскій въ своемъ преподаваніи уголовного права руководствуется въ общей части историко-философскими приѣмами, а въ особенной—системой Свода³. Особенности его воззрѣній обрисовываются довольно отчетливо изъ «Рѣчи о ходѣ и дѣйствіи законодательства на благосостояніе общественное», М. 1838, и «Рѣчи о характерѣ уголовного законода-

¹ Ср. Отчетъ о состояніи И. Х. У. за 1844—45 ак. годъ, Х. 1845, стр. 28. 43 и слѣд.

² Біографическія свѣдѣнія о Д. М. Семеновскомъ ср. Автобіографическая записка, Арх. Демид. юр. лиц., Дѣло 1847, № 59; К. Головицковъ, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886), Яр. 1887, стр. 84.

Дмитрій Михайловичъ Семеновскій, родившійся въ 1800 г., воспитанникъ Кіевской духовной академіи, Главнаго педагог. инстит. и Петербургскаго университета. Въ 1826 г. онъ назначается въ Демидовское высшихъ наукъ училище профессоромъ естественнаго и народнаго права. На этомъ поприщѣ онъ отдалъ дѣль рутинѣ, преподавая свой предметъ по учебникамъ Мартенса и Лодія. Памятникомъ этой эпохи жизни Д. Семеновскаго является его трудъ „Разсужденіе о началѣ происхожденія гражданскихъ обществъ“, М. 1827;

онъ становится здѣсь на точку зрѣнія критики естественнаго права, какъ несоответствующаго религіознымъ ученіямъ. Д. Семеновскій возражаетъ Пуффендорфу и Руссо по вопросу о происхожденіи общества положеніями изъ Библии. Первичной формой общества онъ считаетъ „супружескую чету“, созданную по волѣ Бога, ср. Ор. cit., стр. 4, а „причиною соединенія людей въ гражданское... общество“—божественный промысль, стр. 5 и сл. Съ переходомъ на кафедру російскаго права въ началѣ тридцатыхъ годовъ Д. Семеновскій рѣзко мѣняетъ свои воззрѣнія. Онъ покидаетъ службу въ 1847 г. Ср. Арх. Дем. юр. лиц., Дѣло 1847, № 59, л.л. 1 и 2.

³ Арх. Дем. юр. лиц., Списокъ студентовъ отъ 3 іюня 1835 г., л. 12, гдѣ упоминается о преподаваніи Д. Семеновскимъ „права російскаго уголовного“ и Списокъ отъ дек. 1835, л.л. 57 и 58, къ которому приложены конспекты читавшихся имъ курсовъ.

тельства извѣстнѣйшихъ древнихъ народовъ и отечественнаго — русскаго», М. 1845.

Въ первомъ изъ этихъ трудовъ Д. Семеновскій опредѣляетъ свое отношеніе къ естественному праву и развиваетъ начала своего метода. Онъ оспариваетъ возможность удовлетворительнаго рѣшенія вопросовъ права при помощи науки «права разума», такъ какъ «величайшая справедливость виѣшняя или юридическая можетъ быть, въ то же самое время, и величайшею несправедливостью или обидою въ нравственномъ отношеніи»¹. Только право положительное, сильное своей реальностью, оказывается наиболее дѣйствительнымъ средствомъ для упроченія безопасности и благосостоянія² государства. Изучать положительное право слѣдуетъ въ направленіи «философско-догматико-историческомъ», которое «черезъ сравненіе законодательства всѣхъ временъ и народовъ, строить... прочнѣе и благонадежнѣе, чѣмъ многія системы предшествовавшія»³.

Образецъ того, какъ понимаетъ Д. Семеновскій этотъ пріемъ обработки уголовного права, онъ даетъ въ своей «Рѣчи о характерѣ уголовного законодательства извѣстнѣйшихъ древнихъ народовъ и отечественнаго русскаго», М. 1845.

Положительное уголовное право cadaго народа, полагаетъ Д. Семеновскій, обуславливается въ своемъ развитіи, прежде всего, «вѣчнымъ закономъ правды и справедливости..., общимъ для всего человѣчества»⁴. Обнаруженіе этого начала въ уголовномъ законодательствѣ и представляется той задачей, которая возлагаетъ на изслѣдователя обязанность пользоваться въ своихъ работахъ философскимъ методомъ. Но «законъ правды и справедливости» въ правѣ cadaго народа выступаетъ въ своеобразномъ проявленіи, обуславливаемомъ особенностями, среди которыхъ данному на-

¹ Д. Семеновскій, О ходѣ и дѣйстви законодательства на благосостояніе общественное, М. 1838, стр. 10, а равно стр. 8 и 13, гдѣ онъ выставляетъ соображенія принципиальныя и политическія противъ естественнаго права.

² Д. Семеновскій, *Op. cit.*, стр. 6.

³ Д. Семеновскій, *Op. cit.*, стр. 8.

⁴ Д. Семеновскій, Рѣчь о характерѣ уголовного законодательства извѣстнѣйшихъ древнихъ народовъ и отечественнаго русскаго, М. 1845, стр. 4.

роду приходилось жить и развиваться. Если это справедливо относительно всякой отрасли положительного права, то принцип изменчивости особенно резко проявляется на правѣ уголовномъ, рельефно отражающемъ «бытъ народовъ съ ихъ предрасудками и мудростью, невѣжествомъ и просвѣщеніемъ, безсиліемъ и могуществомъ, суевѣріемъ и религіозностью»¹. Благодаря историческому фону уголовного права, иногда тождественные, по внѣшнему виду, институты могутъ вызываться къ жизни разными условіями, и, наоборотъ, разнообразныя формы—служить выраженіемъ однихъ и тѣхъ же началъ². Изучая уголовное право, нужно умѣть открывать общія философскія идеи его въ томъ историческомъ сочетаніи, въ которомъ онѣ выступаютъ. Для пониманія положительнаго уголовного законодательства эти особенности не менѣе цѣнны всеобщихъ философскихъ основъ, такъ какъ даютъ ключъ къ его систематизаціи и изученію. Въ примѣненіи къ ходу развитія русскаго уголовного законодательства Д. Семеновскій намѣчаетъ отдѣльныя стадіи, имѣ пережитыя, въ зависимости отъ условій, при которыхъ оно развивалось и задачъ, которыя ему ставились. Выводы Д. Семеновскаго обнаруживаютъ, что для него не прошли безслѣдно труды Эверса и Рейца, и вмѣстѣ съ ними онъ старается объяснить каждую эпоху въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ въ связи съ условіями общественнаго и государственнаго быта и стремленіемъ осуществить общій законъ правды и справедливости, лежащій въ основаніи уголовного права³.

Съ опытомъ приложенія къ русскому уголовному праву историко-философскаго приѣма выступаетъ у насъ и А. С. Жиряевъ⁴.

¹ Д. Семеновскій, *Op. cit.*, стр. 3.

² *Op. cit.*, стр. 6 и слѣд.

³ Характеристику русскаго уголовного законодательства съ точки зрѣнія началъ, положенныхъ въ его основаніе, ср. для времени, предшествующаго Уложенію 1649 г., *Op. cit.*, стр. 34 и слѣд.; объ эпохѣ Уложенія и Петра В. ср. стр. 35 и слѣд.

⁴ Біографическія данныя о А. С. Жиряевѣ ср. *Обзоръ дѣятельности имп. Дерптскаго унив. на память о 1802—1865 г.*, Дерп. 1866, стр. 130; П. Пусторослевъ, статья о А. Жиряевѣ въ *Біограф. слол. проф. и препод. имп. Юрьевскаго, бывш. Дерптск., унив. за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)*, Юр. 1902, стр. 594—6; В. Григорьевъ, *Имп. Спбургскій универси-*

Уже въ одной изъ своихъ раннихъ работъ, посвященной вопросу «О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ при одномъ и томъ же преступленіи», Дерп. 1850, А. Жиряевъ высказываетъ мысль, что въ уголовномъ правѣ мы встрѣчаемся съ проявленіемъ фило-софскихъ началъ, постигаемыхъ приѣмами логическаго изслѣдова-нія ¹, но измѣняющихся въ правѣ cadaquo отдельнаго народа подъ вліяніемъ цѣлей, которыя ставятся уголовному законодательству. Только подъ воздѣйствіемъ историческихъ условій право принимаетъ опредѣленную форму догматическаго проявленія ². Эта природа уголовного права налагаетъ на изслѣдователя обязанность освѣ-щать его институты со стороны философской и исторической и «судо-бопрямѣнности выведенныхъ а priori началъ къ практикѣ» ³, дѣлая въ то же время невозможнымъ окончательное рѣшеніе кри-миналистическихъ проблемъ. Последнее недостижимо, думаетъ А. Жиряевъ, «какъ невозможенъ заключительный выводъ изъ всемір-ной исторіи, пока еще существуетъ на землѣ родъ человѣческій» ⁴.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же взглядовъ мы встрѣ-чаемся въ курсѣ уголовного права А. Жиряева ⁵. Въ наукѣ, по-лагаетъ онъ здѣсь, должно различать двѣ области: философію уго-ловнаго права и науку положительнаго уголовного права. Первая «раскрываетъ начала, почерпнутыя изъ разума и въ особенности

тетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, Спб. 1870, стр. 158; Гр. Геннади, Справоч. слов., т. 2, Берл. 1880, стр. 6.

Александръ Степановичъ Жиряевъ род. въ 1815 г. Воспитанникъ Глав-наго педагогическаго института, онъ послѣ довершенія своего научнаго обра-зованія за границей съ 1846 года за-нимаетъ кафедру русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ. Въ 1850-хъ годахъ появляются первыя работы А. Жиряева по русскому уголовному праву и процессу. Въ 1856 году онъ пере-ходитъ въ Петербургскій университетъ на кафедру гражданскаго права. 12 дек. того же года А. Жиряевъ скон-

чался. Его курсъ уголовного права по-явился въ посмертномъ изданіи.

¹ А. Жиряевъ, О стеченіи нѣсколь-кихъ преступниковъ при одномъ и томъ же преступленіи, Дерп. 1850, стр. 19 и слѣд.

² А. Жиряевъ, *Op. cit.*, стр. 22, 24 и др., 30 и слѣд.

³ А. Жиряевъ, *Op. cit.*, стр. 31.

⁴ А. Жиряевъ, *Op. cit.*, стр. 6.

⁵ А. Жиряевъ, Уголовное право, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ 1863, вып. 31, стр. 1—46; вып. 32, стр. 1—36; вып. 34, стр. 1—42; вып. 35, стр. 1—29; вып. 38, стр. 1—20; вып. 41, стр. 1—28; вып. 42, стр. 1—33.

изъ отвлеченнаго разсмотрѣнія задачи государства вообще». Она прослѣживаеъ развитіе идеи справедливости «независимо отъ особеннаго политическаго, гражданскаго и нравственнаго состоянія какаго либо государства». Но одного такого приѣма недостаточно для пониманія явленій, входящихъ въ кругъ уголовного права. Исторія народовъ, знакомство съ ихъ духомъ, стремленіями и цѣлями придаетъ уголовному праву опредѣленный характеръ и намѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пути для «наиболѣе согласнаго съ государственными цѣлями и интересами образа дѣйствованія уголовно-законодательной власти»¹. Философскій элементъ, представляя извѣстный запасъ принциповъ, въ связи съ историческимъ долженъ дать направленіе уголовному законодательству и опредѣлить собой уголовную политику, какъ общую дисциплину.

Наряду съ «философіей уголовного права» въ этомъ смыслѣ криминалисту приходится имѣть дѣло съ «совокупностью дѣйствующихъ въ данномъ государствѣ постановленій права, относящихся къ преступленіямъ и наказаніямъ». Наука положительнаго уголовного права должна, въ свою очередь, «обнимать собою всѣ три... элемента уголовного права; философію, политику и положительную часть уголовного права, ибо сія послѣдняя образуется подъ вліяніемъ двухъ первыхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ становится необходимымъ «при изложеніи науки уголовного права... соединять три методы: философскую, историческую и догматическую»². Для науки положительнаго уголовного права возникаетъ, по мнѣнію А. Жиряева, необходимость «вывести... основныя истины уголовного права.., изложивъ и положительное ученіе права относительно сихъ всеобщихъ истинъ» и «представить подробную систему отдѣльныхъ преступленій съ ихъ правомѣрными послѣдствіями, развивая оную также путемъ философскаго анализа», каждый разъ примѣняясь къ положительному законодательству и соображаясь съ началами уголовной политики и особенностями «историческаго быта даннаго народа»³.

¹ А. Жиряевъ, Уголовное право, вып. 31, стр. 7.

31, стр. 4 и слѣд.

³ А. Жиряевъ, Уголовное право, вып.

² А. Жиряевъ, Уголовное право, вып. 31, стр. 7.

Нельзя сказать, чтобы сложная программа разработки уголовного права, намѣчаемая А. Жиряевымъ, отличалась особенной послѣдовательностью и ясностью. Разгадки и осуществленія этой схемы приходится искать не въ «Уголовномъ правѣ» А. Жиряева, оставшемся неоконченнымъ и появившемся только въ посмертномъ изданіи. А. Жиряевъ не далъ изложенія, вполнѣ уясняющаго содержаніе, съ одной стороны, «философіи уголовного права» и, съ другой, «науки положительнаго уголовного права», выступающей съ почти однородными элементами. «Уголовное право» А. Жиряева, по замыслу автора, есть, повидимому, опытъ изложенія науки русскаго положительнаго уголовного права, изъ котораго обработана только теоретическая часть ¹.

Взгляды А. Жиряева на приемы изученія уголовного права развились подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ трудовъ І. Ф. Г. Абега ². Послѣдній также считаетъ науку положительнаго права только одной изъ частей криминалистики наряду съ философіей и исторіей уголовного права ³. Наука положительнаго уголовного права должна обнимать при этомъ, независимо отъ философіи и исторіи уголовного права, «die verschiedenen Seiten der Philosophie, der Geschichte und des Systems des dogmatisch-practischen Rechts» ⁴ и только въ такомъ случаѣ считается со всей совокупностью подлежащихъ ея изученію явленій.

Своеобразный процессъ роста философскихъ идей, обусловленный опредѣленными историческими данными, видитъ въ уголовномъ законодательствѣ П. Колосовскій ⁵.

¹ Ср., напр., обзоръ разныхъ основаній примѣненія наказанія въ разные эпохи русскаго уголовного права, вып. 31, стр. 41 и слѣд.

² I. Fr. H. Abegg, System der Criminalrechtswissenschaft, Königsb. 1826, отд. Ueber die wissenschaftliche Behandlung des Criminalrechts, а также Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft, Neust. 1836.

³ I. Abegg, Lehrbuch, 1836, § 1, S. 2.

⁴ I. Abegg, Lehrbuch, 1836, Vorw., S. VI; § 3, S. 4; I. Abegg, Lehrbuch, 1836, § 31, S. 49 u. f. „Eine solche, durch das Wesen des positiven Rechts selbst gebotene Verbindung ist... nicht eine gemischte Methode, sondern die einzig wahrhafte Methode“, Op. cit., S. 50.

⁵ Біографическія данныя о Павлѣ Дмитриевичѣ Колосовскомъ, род. въ 1834 г., адъюнктъ кафедры уголовного права въ унив. св. Владиміра въ 1858

Въ правѣ, по его миѣнію, господствуетъ, прежде всего, идея справедливости ¹. Подобно тому, какъ «источникъ каждаго понятія... лежитъ въ живомъ человѣкѣ, въ его жизни» ², такъ и право представляетъ смѣну разнообразнаго содержанія, «подчиненнаго вліянію обстоятельствъ и народнаго разума» ³ и находящагося подъ воздѣйствіемъ «идеи справедливости». Въ связи съ этимъ, уголовное право, какъ предметъ изученія, опредѣляется философскими и историческими началами, а «философія и исторія находятся съ собою въ такой тѣсной связи, что онѣ являются какъ двѣ различныя величины, одна другую обусловливающія»...⁴. Философскій элементъ, поскольку онъ примѣняется къ вопросу о томъ, «какъ и что... должно быть примѣнено къ практическому употребленію», опредѣляетъ направленіе уголовной политики ⁵. Съ этой точки зрѣнія въ вопросѣ о наказаніи, напр., предстоитъ уяснить его общія свойства, «раскрыть понятіе о немъ въ различныхъ моментахъ—исторически», подчинить ихъ «контролю» и сообразить ихъ «съ духомъ времени и требованіемъ справедливости» ⁶.

Въ своемъ трудѣ «Очерки историческаго развитія преступленій противъ жизни и здоровія по русскому праву», М. 1857, П. Колосовскій дѣлаетъ попытку прослѣдить по «историко-органическому методу» ⁷ общія начала въ процессѣ постепеннаго развитія нашего до-петровскаго уголовного законодательства ⁸. Освѣтивъ формы, въ которыя отливаются у насъ опредѣленныя, присущія нашему праву, идеи, дѣлается возможнымъ удовлетворительно разрѣшить уголовно-политическія задачи въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ условіяхъ.

году, ср. А. Кистяковскій, Біограф. слов. проф. и препод., Кіевъ, 1884, стр. 276 и слѣд.

¹ П. Колосовскій, Изъ юридической переписки, Юрид. журн., изд. П. А. Салмановымъ 1860, № 4, отд. 3, стр. 271.

² П. Колосовскій, *ibid.*

³ П. Колосовскій, Историческій очеркъ реформы тюремныхъ заведеній, Юрид. журн. изд. П. А. Салмановымъ 1860—

1861, № 2, стр. 57.

⁴ *Op. cit.*, стр. 59.

⁵ *Op. cit.*, стр. 58.

⁶ *Op. cit.*, стр. 60.

⁷ П. Колосовскій, Очеркъ историческаго развитія преступленій противъ жизни и здоровія, М. 1857, стр. 8.

⁸ Ср., напр., *Op. cit.*, стр. 30, 76, 84 и др.

Той же задачей П. Колосовскій задается и въ другихъ своихъ работахъ историческаго характера. Въ трудѣ «Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію царя Алексѣя Михайловича», 1859 г.¹, П. Колосовскій находитъ возможнымъ констатировать, что процессъ юридическаго вмѣненія проходитъ и у насъ тѣ же стадіи, что и у другихъ народовъ, хотя и совершается нѣсколько медленнѣе². Начиная съ отысканія опредѣленнаго принципа въ той формѣ, какъ онъ сложился въ представленіи криминалиста-философа, П. Колосовскій при изученіи исторіи уголовного законодательства прослѣживаетъ отдѣльные фазисы проявленія его и стремится дать этимъ путемъ прочное основаніе для уголовно-политическихъ предложеній³. Такъ какъ въ Уложеніи 1649 г., по мнѣнію П. Колосовскаго, «субъективный... элементъ... получаетъ характеръ основнаго начала»⁴, то онъ не затрудняется признать, что «Уложеніе кладетъ... прочную основу и указываетъ послѣдующему законодательству тотъ правильный и широкій путь, по которому оно должно неуклонно слѣдовать..»⁵. Представители исторической школы совершенно правильно съ ихъ точки зрѣнія возражали П. Колосовскому, что онъ «приступилъ къ разсмотрѣнію Уложенія какъ будто съ преднамѣреннымъ желаніемъ отыскать въ немъ зародыши началъ, развившихся въ настоящее время», что онъ «не обращаетъ должнаго вниманія на историческое ихъ построеніе»⁶ и проч. Но эти критики забывали, что П. Колосовскій преслѣдовалъ въ своихъ историческихъ работахъ, главнымъ образомъ, конструктивныя цѣли и старался использовать опытъ исторіи, прежде всего, въ видахъ уголовно-политическихъ. Наряду съ данными историческаго опыта, въ качествѣ почвы для уголовно-правовыхъ конструкцій, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ П. Колосовскій начинаетъ выдвигать и факты, какъ онъ выражается,

¹ П. Колосовскій, Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, Арх. историч. и практич. свѣд., относящ. до Россіи, 1859, кв. 3, стр. 60—104.

² Op. cit., стр. 62.

³ Op. cit., стр. 60 и слѣд., 62.

⁴ Op. cit., стр. 64.

⁵ Op. cit., стр. 104.

⁶ Д. М. Разборъ труда П. Колосовскаго: Вмѣненіе смертоубійства по Улож., ц. Алексѣя Михайловича, Ж. М. Ю. 1860, т. 3, кв. 1, отд. 3, стр. 160 и слѣд.

«судебно-медицинскіе» и «условія климатическія»¹, въ формѣ моментовъ, опредѣляющихъ черты уголовного законодательства.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ идей историко-философскаго изученія уголовного права мы встрѣчаемся въ трудахъ А. П. Чебышева-Дмитріева². Послѣдніе далеко, однако, несвободны и отъ воздѣйствія другихъ теченій въ разработкѣ уголовного права.

Уголовное право, съ точки зрѣнія А. Чебышева-Дмитріева, какъ совокупность законодательныхъ опредѣленій и наука о нихъ, зиждется, съ одной стороны, на почвѣ всеобщей правды и справедливости, постигаемой «инстинктивно»³, и, съ другой, «коренится въ потребностяхъ того общества, для котораго оно назначается»⁴. Наука, которой предстоитъ изучить преступленіе и наказаніе не только со стороны проявленія въ нихъ вѣчныхъ началъ права и справедливости, имѣетъ уяснить, главнымъ образомъ, связь преступленія и наказанія съ общественными условіями, отъ которыхъ они непосредственно зависятъ. «Можно сказать безъ преувеличенія, пишетъ А. Чебышевъ, изъ числа всѣхъ совершенныхъ преступленій, по крайней мѣрѣ, половина является не столь-

¹ П. Колосовскій, О значеніи возраста въ области уголовного вмѣненія, Арх. историч. и практич. свѣд., относящ. до Россіи, 1859, кн. 1, прил. 7, стр. 3, 6 и др. Ср. также П. Колосовскій, Замѣтки по поводу помѣщ. во 2-й кн. Юрид. журн. статьи г. Д. (Чебышева-Дмитріева) „Очеркъ теоріи уголовного права“, Юрид. журн. 1860, № 3, стр. 96—98, по вопросу о вліяніи на вмѣненіе старости.

² Біографическія данныя о А. П. Чебышевѣ-Дмитріевѣ ср. Арх. Демид. юрид. лиц., Дѣло 14 іюля 1858, № 566; В. Григорьевъ, Императ. СПетербург. унив. въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, Спб. 1870, стр. 335 и сл., стр. 405; Біографич. слов. профес. и преподав. Казан. унив., ч. 2, Каз. 1904, стр. 84 и слѣд.; А. Кистяковскій, Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора А. П.

Чебышева-Дмитріева, Унив. изв., Кіевъ, 1877, № 5, стр. 51—62.

Александръ Павловичъ Чебышевъ-Дмитріевъ род. въ 1835 году. Онъ воспитанникъ Московскаго университета и еще въ качествѣ студента былъ близокъ къ славянофильскому кружку А. Хомякова. Въ 23-лѣтнемъ возрастѣ А. Чебышевъ назначается профессоромъ Демидовскаго лицея. Черезъ годъ, въ 1859 г., А. Чебышевъ занимаетъ въ Казани кафедру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, а въ 1864 г. переходитъ въ Петербургскій университетъ. А. Чебышевъ скончался въ 1877 году.

³ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, Вступительная лекція, чит. въ Казан. унив. 6 сент. 1860 г., Юридич. журн., изд. П. А. Салмановымъ, 1860, окт., № 2, стр. 66.

⁴ Ibid.

ко позорнымъ клеймомъ для преступника, сколько скорбнымъ укоромъ обществу»¹. Могучая роль общественныхъ условій въ дѣлѣ преступленія очерчиваетъ для наказанія определенную сферу, въ которой можно успѣшно оперировать при его посредствѣ², и уголовное право, какъ наука, должно уяснить, въ какихъ случаяхъ представляется болѣе цѣлесообразнымъ дѣйствовать при помощи наказанія. На вопросъ о томъ, какими приѣмами должна пользоваться наука уголовного права, чтобы развиваться правильнымъ путемъ, А. Чебышевъ не затрудняется отвѣтить, что наиболѣе серьезную услугу должно оказать въ этой области комбинированіе философскихъ приѣмовъ съ историческими. «Судебная статистика, пишетъ А. Чебышевъ, представляетъ богатые матеріалы, но ими однимъ нельзя довольствоваться». «Исторія должна служить исходной точкой для законодателя и криминалиста... При каждомъ родѣ и видѣ преступленій и наказаній необходимо знать народныя вѣрованія, мнѣнія, убѣжденія, ихъ зарожденіе, развитіе, упадокъ, ихъ причины и связь съ другими сторонами народной жизни»³. Историко-философское изученіе уголовного права, которое и у западныхъ его представителей, и у нашихъ ученыхъ, какъ Г. Гордѣенко, А. Жиряевъ, П. Колосовскій и др., должно было дать указанія для общаго направленія уголовного законодательства, для уголовной политики, получаетъ, такимъ образомъ, въ истолкованіи А. Чебышева нѣсколько иной характеръ. Говоря объ историческомъ приѣмѣ изученія, онъ начинаетъ понимать исторію, какъ проявленіе определенныхъ факторовъ, придающихъ устойчивое направленіе уголовному законодательству и измѣняющихъ объемъ того, что подлежитъ изученію криминалиста. Критикуя воззрѣнія исторической школы въ уголовномъ правѣ, А. Чебышевъ замѣчаетъ: «господствовавшая доселѣ историческая школа, которой начало положено Савиньи, скользитъ болѣе по одной поверхности юридическихъ явленій, не опредѣляя ихъ фізіологіи, природы. Историческая школа... указала на одни источники права, на однѣ внѣшнія, види-

¹ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, Вступительная лекція, 1860, стр. 69.

² *Op. cit.*, стр. 70.

³ *Op. cit.*, стр. 72.

мыя формы, которыми обозначается процессъ юридическихъ идей въ пространствѣ и времени. Но здѣсь еще не видно внутренней стороны юридическихъ отношеній;... мы видѣли тѣло, но не знали духа»¹. А. Чебышевъ полагаетъ, что вслѣдъ за Герингомъ настала пора сознать несостоятельность абстрактно-философской и абстрактно-исторической школы и положить основаніе реальной, «физиологической» школѣ на почвѣ историко-философскаго изученія явленій преступленія и наказанія².

На пути уясненія связи преступленія и наказанія съ историческимъ прошлымъ народа, какъ почвѣ для созданія рациональной уголовной политики, А. Чебышевъ выполнилъ рядъ работъ, которыя, если и не обезпечиваютъ за нимъ имени основателя социологической школы, то заставляютъ во всякомъ случаѣ видѣть въ немъ одного изъ ея предвозвѣстниковъ.

А. Чебышевъ, отчасти подъ вліяніемъ труда Штрасса, останавливается на изученіи вліянія, которое оказываютъ на преступность страны такіе факторы какъ бѣдность³ и извѣстныя общественныя настроенія въ формѣ «повальныхъ нравственныхъ болѣзней». На фонѣ извѣстныхъ переходныхъ состояній общества, замѣчаетъ А. Чебышевъ, возникаютъ эпидеміи преступленій, противъ которыхъ бессильны угрозы уголовного закона⁴, и которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что уголовное право можетъ цѣлесообразно бороться съ преступностью только тогда, когда будетъ служить отраженіемъ «народныхъ потребностей и стремленій»⁵. А. Чебышевъ сознавалъ, что эти обобщенія только ничтожная доля того, что можно дать въ дѣйствительности съ точки зрѣнія изслѣдованія причинъ преступности. «Наука должна довольствоваться тѣмъ, писалъ онъ, чтобы наблюдать и анализировать явленія, изучать ихъ отношенія и открывать зако-

¹ *Op. cit.*, стр. 73.

² *Op. cit.*, стр. 75.

³ *Op. cit.*, стр. 68 и слѣд.

⁴ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О характерѣ уголовного права и современномъ состояніи уголовного правовѣдѣнія, Ж.

М. Ю. 1865, т. 23, кн. 1, отд. 1, стр. 93.

⁵ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О характерѣ уголовного права, стр. 101 и слѣд.; ср. также, стр. 100.

ны»¹. Но созданіе науки уголовного права на прочномъ фунда-
ментѣ изученія реальныхъ формъ преступленія и наказанія тре-
буетъ предварительныхъ работъ. «Если мы, говоритъ онъ, по мѣрѣ
силъ, въ потѣ лица, готовимъ почву, засѣваемъ ее, то не на
насъ лежитъ вина, если всходъ, цвѣтъ и плодъ отъ брошеннаго
сѣмени достанется уже не намъ»².

Допустимость наказанія представляется А. Чебышеву оправ-
даніемъ положенія, что при помощи непосредственнаго воздѣйствія
на нарушителя можно достигать полезныхъ результатовъ. «Нака-
заніе, пишетъ онъ, поражая преступника за совершенное имъ дѣй-
ствіе, въ то же время должно быть полезно для государства. Пол-
ная безцѣльность наказанія оскорбляетъ наше чувство и несо-
мѣстна съ мудрыми, благими законами природы. Конечная цѣль
человѣка—благо и все существующее мы должны разсматривать
какъ средство къ достиженію этой цѣли»³.

Нельзя сказать, чтобы та же точка зрѣнія была послѣдова-
тельно развита А. Чебышевымъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Его
лучшій трудъ «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петров-
скому праву»⁴ не ставитъ себѣ цѣлью уясненіе природы пре-
ступленія въ нашемъ старомъ правѣ въ связи съ разнообразными
сторонами народной жизни и изслѣдованіе того, поскольку пере-
житыя формы соотвѣтствовали въ дѣйствительности тѣмъ усло-

¹ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О харак-
терѣ уголовного права. стр. 98.

² А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О харак-
терѣ уголовного права, стр. 102.

³ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О правѣ
наказанія, Рѣчь, произнес. въ торж.
собр. Демид. лиц. 29 ноября 1859,
Яр. 1859, стр. 74. Въ своей истори-
ческой части это самое раннее произве-
деніе А. Чебышева совершенно неса-
мостоятельно и представляетъ сокращен-
ный пересказъ труда F. C. Herr'a Dar-
stellung und Beurtheilung der deut-
schen Strafrechts-Systeme, Heidelb.
1843—1845. Мѣстами упомянутый
трудъ А. Чебышева-Дмитріева является

простымъ переводомъ безъ указанія ис-
точника заимствованія. Ср., напр., А. Че-
бышевъ, Op. cit., стр. 9, о Шмидѣ и F.
Herr, 1 Abth., 2 Ausg., Heidelb. 1843,
S. 30 u f. отъ словъ „man kann
die Prämissen zugeben“; стр. 10, о
Кавтѣ и F. Herr, Op. cit., S. 10,
начиная со словъ: „allein gerade darin
besteht das Gefährliche“; стр. 20, о
Гегелѣ и F. Herr, Op. cit., S. 179 и
мн. др.

⁴ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступ-
номъ дѣйствіи по русскому до-петров-
скому праву, Учен. зап. имп. Казан.
унив., 1862, т. 1, Каз. 1862, стр.
1—242.

віямъ, при которыхъ онѣ сложились. Въ этомъ трудѣ А. Чебышева отчасти чувствуются гегеліанскія тенденціи.

Онѣ проявляются не только въ принятіи А. Чебышевымъ цѣлаго ряда положеній Н. Власьева ¹, но и въ самой теоретической схемѣ, къ которой прибѣгаетъ А. Чебышевъ въ своемъ трудѣ и которую онъ заимствуетъ, главнымъ образомъ, у Бернера ². А. Чебышевъ принимаетъ гегеліанскія ученія по вопросу о разграниченіи неправды уголовной отъ гражданской ³ и въ преступномъ дѣйствіи видитъ проявленіе единичной воли, противопологающей себя волѣ общей; съ точки зрѣнія этой же конструкціи онъ рѣшаетъ вопросы о самоубійствѣ, состояніи принужденія, необходимой оборонѣ и проч. ⁴ Мало того, самую послѣдовательность фазисовъ развитія уголовного вмѣненія въ русскомъ уголовномъ правѣ А. Чебышевъ строитъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ постулатами гегелевской философіи исторіи ⁵.

Несмотря на гегеліанскія предпосылки труда, А. Чебышевъ продолжаетъ оставаться въ немъ, въ большинствѣ случаевъ, на прочномъ фундаментѣ изслѣдованія реальной исторіи институтовъ уголовного права и дѣлаетъ попытку возсоздать по каждому отдѣльному разряду преступленій, въ особенности въ эпоху Уложенія 1649 г., соотвѣтственные составы ⁶. По скольку шла рѣчь о другихъ источникахъ

¹ Ср. А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи, стр. 3 и слѣд.

² Ср. А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи, *ibid.*

³ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи, стр. 24. Эту точку зрѣнія А. Чебышевъ защищалъ еще въ своемъ трудѣ „О правѣ наказанія“. Признавая разграниченіе гегеліанцевъ „недостаточнымъ“, А. Чебышевъ все же находитъ, что „въ ихъ замѣчаніи много правды“, *Op. cit.*, стр. 70.

⁴ А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи, стр. 230 и др.

⁵ Періодъ Русской правды представляется А. Чебышеву какъ время, когда „въ понятіи преступленія стояла на первомъ планѣ субъективная сторона....

Внѣшняя сторона (преступное дѣйствіе) имѣла значеніе только въ качествѣ указателя на свойство внутренней стороны... Византійское право, при посредствѣ духовенства, вноситъ иной взглядъ на преступленіе, который можетъ быть названъ объективно-юридическимъ.... Законодательство, въ теченіе времени отъ Русской правды до Судебниковъ, не отказываясь отъ воззрѣнія на преступное дѣйствіе, какъ матеріальное зло, начинаетъ видѣть въ немъ сверхъ того зло формальное и нравственное“, О преступномъ дѣйствіи, стр. 241.

⁶ Ср. А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи, о преступленіяхъ религіозныхъ, противъ государя и государства, стр. 205 и сл.; о состави-

нашего уголовного законодательства, А. Чебышевъ допустилъ рядъ погрѣшностей, объяснявшихся отчасти произвольнымъ толкованіемъ буквы памятниковъ, но еще въ большей мѣрѣ исключеніемъ изъ поля изслѣдованія ряда источниковъ ¹.

Очень близкими къ гегеліанской доктринѣ являются и ученія, развитыя А. Чебышевымъ въ его трудѣ «Очерки теоріи уголовного права» ². Главное вниманіе здѣсь посвящено ученію о преступленіи ³. Въ отдѣлѣ, трактующемъ теорію наказанія, А. Чебышевъ выдвигаетъ на первый планъ, какъ основной элементъ кары уголовной, осуществленіе отвлеченнаго начала справедливости и сближаетъ наказаніе съ «естественной реакціей противъ нарушителя законовъ физической или духовной жизни» ⁴. Мѣстами А. Чебышевъ дѣлаетъ попытки излагать дѣйствующее русское уголовное право, но не идетъ обычно дальше сухого перечня статей ⁵. Тѣ историческія справки, которыя А. Чебышевъ иногда приводитъ, не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи съ задачами историческаго изученія права, намѣченными въ его руководящихъ трудахъ.

3. Представители эклектизма.

Г. Л. Фогель.—Н. В. Ратовскій.—З. О. Богородскій.—П. Д. Калмыковъ.—
Н. Маевскій.—С. И. Баршевъ.

Эпоха, начинающаяся у насъ съ появленіемъ Свода, какъ время, когда уголовное право становится предметомъ спеціального

теляхъ подложныхъ актовъ и документовъ и о фальшивыхъ монетчикахъ, стр. 207 и сл.

¹ Ср. Н. Калачовъ, Разборъ сочиненія г. Чебышева-Дмитріева „О преступномъ дѣйствиіи по русскому до-петровскому праву“, 32-е присужд. учрежд. П. Н. Демидовымъ награждъ 5 іюня 1863 г., стр. 129 и слѣд., стр. 131 и слѣд., стр. 134 и др.

² Очеркъ теоріи уголовного права, Юридич. журн. 1860—1861, изд. П. А. Салмановымъ, № 1, стр. 1—50; № 2, стр. 76—138; № 4, стр. 238—270;

№ 5, стр. 293—324; № 6, стр. 353—372.

³ Ср. Определеніе преступленія въ духѣ гегеліанской доктрины, Ор. cit., № 1, стр. 22.

⁴ Ор. cit., № 4, стр. 238 и слѣд.; ср. определеніе наказанія, № 5, стр. 293.

⁵ Ор. cit., № 2, стр. 92 и слѣд., 104 и др. Значительно большее вниманіе удѣляетъ догмѣ нашего права А. Чебышевъ въ своемъ трудѣ О покушеніи, Спб. 1866.

преподаванія въ нашихъ университетахъ и имѣются не только опыты заимствованія, но и вступленія на путь самостоятельной работы, не могла не дать въ области криминалистики цѣлаго ряда эклектическихъ построеній. Послѣднія были вполне естественны, какъ попытка сочетанія разнообразныхъ философскихъ ученій, догматическихъ опытовъ и разнородныхъ фрагментовъ уголовно-политическихъ системъ. Общія условія научной работы въ Николаевскую эпоху заставляютъ, однако, въ то же время предполагать, что на эклектическихъ построеніяхъ, по самому существу своему, не требующихъ единства руководящихъ началъ, отразятся наиболее полно ученія, стремящіяся примирить научные выводы съ существующимъ режимомъ, оправдать его наиболее рѣзко бросающіяся въ глаза стороны и иногда даже подвести подъ существующіе порядки теоретическій фундаментъ. Русскій эклектизмъ, какъ цѣлое, не является исключительно проникнутымъ отрицательными чертами приспособленія науки къ политическимъ требованіямъ времени. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ даетъ сочетаніе разнообразныхъ элементовъ, подсказанное однимъ исканіемъ научной истины, и съ такими чертами мы встрѣтимъ его у криминалистовъ эпохи Свода вродѣ Г. Л. Фогеля, С. О. Богородскаго, П. Д. Калмыкова и нѣкоторыхъ другихъ. Но наряду съ ними намъ придется отмѣтить и криминалистовъ-эклектиковъ, выступающихъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ апологетовъ существующаго режима.

Въ трудахъ Г. Л. Фогеля ¹ мы встрѣчаемъ попытку совмѣщенія догматическаго изученія уголовного права ² съ конструированіемъ на данныхъ опыта системы, отличной отъ исторически унаслѣдованнаго права.

¹ Біографическія данныя о Г. Л. Фогелѣ ср. Біографическій словарь проф. и препод. имп. Каз унив., 1804—1904, ч. 2, Каз. 1904, стр. 82 и слѣд.

Густавъ Львовичъ Фогель, род. въ 1805 г., воспитанникъ Кенигсбергскаго университета. Онъ переходитъ въ 1828 г. въ качествѣ адъюнкта правовѣдѣнія въ Казанскій университетъ, въ 1837 году

официально занимаетъ кафедру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ и покидаетъ ее только въ 1859 году.

² Г. Фогелю принадлежитъ также нѣсколько чисто историческихъ работъ. Въ трудѣ „Артикулъ 135 уголовного уложенія имп. Карла V, постановленія позднѣйшихъ, до конца XVIII ст. германскихъ мѣстныхъ законодательствъ и

Какъ догматикъ Г. Фогель стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости систематизаціи нормъ положительнаго права ¹, вызываемой потребностью болѣе легкаго его усвоенія. Этотъ видъ изученія предполагаетъ, однако, восполненіе его рядомъ положеній, покоящихся на разумной цѣлесообразности и обусловливаемыхъ, съ одной стороны, психологической природой правонарушителя, а съ другой, тѣми полезными цѣлями, которыя можетъ ставить борьба съ преступленіемъ разумъ. Образецъ такого идеальнаго построенія Г. Фогель даетъ въ трудѣ «Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher, als das sicherste Mittel den Zweck der Strafgesetzgebung zu erreichen» ². Этотъ трудъ является, повидимому, развитіемъ работъ Г. Фогеля: «Ueber das Verhältniss des Rechts zur Moral», 1829, и «De vero fine poenae», 1830, оставшихся въ рукописномъ видѣ и не дошедшихъ до насъ ³.

Цѣлесообразная борьба съ преступностью предполагаетъ, по мнѣнію Г. Фогеля, не одно только рационально поставленное тюремное заключеніе и использованіе наказаній, устрашающихъ и обезвреживающихъ преступника другими способами. Она должна вестись одновременно и при помощи широкой системы мѣръ предупреж-

воззрѣнія практики касательно самоубійства“, Сборн. уч. статей, напечат. профес. ими. Каз. унив. въ память пятидесятилѣтія его существованія, т. 2. Каз. 1857, стр. 310—351, Г. Фогель доказываетъ тожество арт. 4 Устава воинскаго съ арт. 106 С. С. С., арт. 162 съ 130 С. С. С. и т. д., но не возвышается до пониманія характера этихъ заимствованій, сдѣланныхъ черезъ другіе сборники. Г. Фогель находитъ даже возможнымъ утверждать, что Петръ В. „зналъ лучшія сочиненія тогдашнихъ германскихъ криминалистовъ и пользовался ими“, *Op. cit.*, стр. 313. Изъ другихъ историческихъ работъ Г. Фогеля ср. „Опытъ возстановленія текста и объясненія Правды русской“, Уч. зап. Каз.

унив. 1848, II.

¹ Ср. Программы для испытанія студентовъ имп. Каз. унив. по окончаніи 1830—1831 ак. г., Каз. 1831, Российское уголовное право, стр. 28 и сл.; ср. также Программы, 1831—1832, Каз. 1832, стр. 27 и слѣд.

² Учен. зап., изд. ими. Каз. унив., 1834, т. 1, стр. 293—327.

³ Г. Фогель упоминаетъ въ своихъ трудахъ, что имъ составленъ обзоръ и критическая оцѣнка уголовно-правовыхъ теорій, который, однако, насколько намъ извѣстно, не появился въ печати. Ср. G. Vogel, *Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher*, S. 295, Anmerk.

денія, обнимающихъ собой заботы о нравственномъ воспитаніи ¹, устраниеніи праздности, нищенства ² и алкоголизма ³.

Изъ школы Г. Фогеля вышелъ Н. В. Ратовскій ⁴. Независимо отъ систематизированія постановленій положительнаго права, онъ въ дошедшемъ до насъ трудѣ его «О покушеніи» ⁵ старается дать и рациональную конструкцію этого института, покоющуюся на психологическихъ соображеніяхъ и доводахъ практической цѣлесообразности. На этомъ пути Н. Ратовскій склоняется къ субъективной теоріи покушенія ⁶ и высказывается за наказуемость покушенія съ негодными средствами ⁷ и надъ негоднымъ ⁸ объектомъ ⁹.

Эклектизмомъ, граничащимъ съ безпринципной компиляціей, были проникнуты чтенія и труды по уголовному праву С. О. Богородскаго ¹⁰.

Лекціи его представляютъ собой въ общей части сокращенное изложеніе распространенныхъ въ Германіи того времени ученій, а

¹ G. Vogel, Op. cit., S. 315 u. f.

² G. Vogel, Op. cit., S. 318 u. f.

³ G. Vogel, Op. cit., S. 323 u. f.

⁴ Біографическія данныя о Н. В. Ратовскомъ ср. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. Каз. унив. (1804—1904), ч. 2, Каз. 1904, стр. 70 и слѣд.

⁵ Н. Ратовскій, О покушеніи на преступленіе, разсужденіе сочиненное... для полученія степени магистра законовѣдѣнія, Каз. 1842.

⁶ Н. Ратовскій, О покушеніи, Каз. 1842, стр. 24.

⁷ Н. Ратовскій, Op. cit., стр. 42 и слѣд.

⁸ Н. Ратовскій, Op. cit., стр. 45.

⁹ Н. Ратовскій, Op. cit., стр. 80 и слѣд., 87 и слѣд., 91 и слѣд., 93 и слѣд., 99 и слѣд.

¹⁰ Біографическія данныя о С. О. Богородскомъ ср. А. Кистяковскій, статья о С. Богородскомъ въ Біографич. слов. профес. и преподав. имп. унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 52—60; А. Кистяковскій, С. О. Богородскій и

его ученая дѣятельность, Ж. М. Ю. 1863, № 9, стр. 505—540; Вит. Шульгинъ, Исторія унив. св. Владиміра, Спб. 1860, стр. 75 и слѣд.; М. Владимірскій-Будановъ, Исторія имп. унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 135, 242, 449 и др.

Савва Осиповичъ Богородскій род. въ 1804 г. Онъ воспитывался въ Ярославской семинаріи и Петербургской духовной академіи. Отправленный за границу въ 1829 году вт. отд. с. Е. И. В. канцеляріи, онъ возвращается въ 1832 году. Около этого времени С. Богородскимъ написанъ трудъ „О философіи уголовныхъ законовъ у древнихъ и новыхъ народовъ“, до насъ не дошедшій и послужившій С. Богородскому докторской диссертацией. Съ уходомъ И. Даниловича въ 1838 году С. Богородскій занимаетъ въ Кіевѣ кафедру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, на которой съ небольшимъ перерывомъ остается по день своей смерти въ 1857 году.

въ особенной—пересказъ статей Свода и, позднѣе, Уложенія 1845 года въ легальной системѣ ¹. По словамъ М. Владимірскаго-Буданова, С. Богородскій «не имѣлъ собственныхъ и установившихся воззрѣній...; на разныхъ страницахъ можно встрѣтить противорѣчивыя положенія, высказанныя разными корифеями нѣмецкой учености» ². По мнѣнію проф. А. Кистяковскаго ³, имѣвашаго въ своемъ распоряженіи бумаги С. Богородскаго, самая обширная часть курса послѣдняго «философія уголовного права была составлена по сочиненію Геппа «Darstellung und Beurtheilung der deutschen Strafrechts-Systeme 1843—1845. Другія части его курса также носятъ печать заимствованій».

Самый крупный трудъ С. Богородскаго «Очеркъ исторіи уголовного законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в.» ⁴, появившійся въ посмертномъ изданіи, въ которое вошла и рѣчь С. Богородскаго, произнесенная имъ въ 1852 году ⁵, представляетъ собой попытку изложенія внѣшней исторіи уголовного права у отдѣльныхъ европейскихъ народовъ со включеніемъ законодательства процессуальнаго ⁶. С. Богородскій не сводитъ воедино общихъ чертъ законодательствъ отдѣльныхъ государствъ, чисто внѣшними приѣмами систематизируетъ излагаемый матеріалъ и придаетъ своему труду характеръ собранія конспектовъ справочнаго характера. Онъ не только не останавливается на причинахъ перемѣны направленія уголовного законодательства и не видитъ въ движеніи его проявленія какихъ нибудь опредѣленныхъ началъ, но даетъ только краткія характеристики кодексовъ и законовъ, въ которыхъ исчезаетъ иногда самое существенное ⁷.

¹ Ср. М. Владимірскаго-Буданова, Исторія, стр. 449.

² Ibid.

³ А. Кистяковскій, статья о С. Богородскомъ въ Біограф. слов., стр. 57 и слѣд.

⁴ С. Богородскій, Очеркъ исторіи уголовного законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в., т. 1, К. 1862;

т. 2, К. 1862.

⁵ Объ успѣхахъ уголовного законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в., произн. 10 іюня 1852 г.

⁶ Ср. напр., Очеркъ исторіи, т. 2, стр. 127 и сл.

⁷ Ср. разборъ этого труда С. Богородскаго у А. Кистяковскаго, Ж. М. Ю. 1863, т. 17, кн. 9, стр. 511, 519.

Эклектизмомъ нѣсколько иного типа проникнуты взгляды на уголовно-правовые вопросы П. Д. Калмыкова ¹.

Въ главномъ трудѣ этого криминалиста—его «Учебникъ» ², появившемся въ изданіи А. Любавскаго ³, мы имѣемъ образецъ комбинированія самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, не всегда допускающихъ соглашеніе, и проявленіе извѣстной двойственности, не позволяющей автору конструировать понятія и институты уголовного права на почвѣ дѣйствующаго уголовного законодательства. Данные послѣдняго выступаютъ у П. Калмыкова въ формѣ фактическихъ справокъ, не всегда стоящихъ въ соотвѣтствіи съ защищаемыми имъ теоретическими ученіями. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что для обобщеній своихъ П. Калмыковъ утилизируетъ, прежде всего, если не исключительно, чисто рационалистическія начала ⁴.

Уголовное право, какъ наука, представляется П. Калмыкову совокупностью истинъ «философскихъ, историческихъ и практическихъ». Первыя выводятся «изъ самой идеи божеской правды, а такъ какъ эта идея живетъ въ человѣкѣ, то... изъ законовъ духовной и тѣлесной природы человѣка» ⁵. Рядомъ съ этимъ эле-

¹ Биографическія данныя о Петрѣ Давыдовичѣ Калмыковѣ, род. 1808 г. († 1860), посвятившемъ себя первоначально классической филологіи и только впоследствии заинтересовавшемся юридическими дисциплинами, главнымъ образомъ, правомъ уголовнымъ и государственнымъ, ср. В. Григорьевъ, Имп. Спбургскій университетъ, стр. 149, 111 и 130; П. Плетневъ, Первое двадцатипятилѣтіе имп. Спб. унив., стр. 104 и слѣд.; Записки и дневникъ А. Никитенко, т. 1, Спб. 1893, стр. 331, 359 и др.; А. Любавскій, Введеніе къ изд. Учебника уголовного права П. Калмыкова, Спб. 1866, стр. 2—6; И. Тютчевъ, Въ Училищѣ правовѣдѣнія въ 1847—1852 г.г., Русск. стар. 1885, дек. стр. 671; К. Арсеньевъ, Воспоминанія объ Училищѣ правовѣдѣнія

1849—1855, Русск. стар. 1886, стр. 213.

² Лично П. Калмыковымъ издана изъ криминалистическихъ трудовъ его только „Программа уголовного права“, Спб. 1848, въ которой онъ придерживается, главнымъ образомъ, легальной систематизаціи матеріала нашего дѣйствующаго уголовного права примѣнительно къ Уложенію 1845 г.

³ Учебникъ уголовного права проф. П. Д. Калмыкова, изд. А. Любавскимъ, Спб. 1866.

⁴ К. Арсеньевъ, Ор. cit., стр. 213.

⁵ П. Калмыковъ, Учебникъ, стр. 8 и слѣд., а также стр. 16. „Для философіи уголовного права, пишетъ П. Калмыковъ, главнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ служитъ человѣческая природа... слѣдовательно антропологія въ обширномъ смыс-

ментомъ науки уголовного права выступаютъ опредѣленія положительнаго права, которыя П. Калмыковъ отождествляетъ съ «историческими истинами». Совокупность истинъ философскихъ и историческихъ образуютъ собой «теорію уголовного права»¹. Одной «теоріи» однако, думаетъ П. Калмыковъ, недостаточно для существованія науки. Последняя дополняется умѣніемъ примѣнять уголовные законы. «Искусство прилагать знаніе къ дѣлу есть практика», а потому практическій элементъ уголовного права состоитъ въ практическомъ примѣненіи къ дѣлу, «истинъ философскихъ и историческихъ»².

Теоріи уголовного права, слагающейся изъ «философіи уголовного права» и «положительнаго уголовного права» присуща извѣстная двойственность³. Эта теорія можетъ излагаться «догматически и исторически». «Догматическое изложеніе философіи уголовного права есть систематическое изложеніе философскихъ истинъ уголовного права въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ данное время сохраняются въ сознаніи мыслителей и ученыхъ; историческое ея изложеніе есть повѣствованіе о томъ, какимъ образомъ эти философскія истины у различныхъ народовъ произошли и развились». «При догматическомъ изложеніи положительнаго уголовного права должны быть изложены въ извѣстной системѣ дѣйствующіе уголовные законы; при историческомъ его изложеніи должно быть указано происхожденіе этихъ законовъ и постепенное ихъ измѣненіе, усовершенствованіе или отмѣна»⁴.

Уголовная практика обнимаетъ собой уголовную практику въ тѣсномъ смыслѣ и уголовную политику. Первая заключаетъ въ себѣ «правила искусства приводить въ исполненіе и примѣнять существующіе законы» и затрогиваетъ область уголовного процесса.

Уголовная политика, въ свою очередь, есть «искусство уголовного дѣла, (т. е. анатомія, фізіологія, патологія, медицина и психологія)... также исторія рода человѣческаго. Къ этимъ главнымъ источникамъ присоединяются еще другіе источники второстепенные, какъ то положительные уголовные законы и юридическіе уголовные обычаи

всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ“, Ор. cit. стр. 16.

¹ Ср. также Ор. cit., стр. 13.

² Ор. cit., стр. 9.

³ Ор. cit., стр. 13.

⁴ Ор. cit., стр. 13 и слѣд.

законодательства, то есть искусство улучшать существующіе уголовные законы и составлять новые» и «искусство... управления судебной уголовной частью»¹.

Только въ интересахъ преподаванія цѣлесообразно раздѣленіе уголовного права въ тѣсномъ смыслѣ уголовного судопроизводства, причемъ первое представляется «изложеніемъ философскихъ и положительныхъ правилъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ»². Въ общей части «уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ» «должны быть соединены въ одно органическое цѣлое общія понятія, заимствованныя изъ философіи уголовного права и изъ положительнаго уголовного права»³. Въ особенной же части слѣдуетъ изложить только понятія, извлеченныя изъ положеній нынѣ дѣйствующаго русскаго уголовного права»⁴.

П. Калмыковъ считаетъ такимъ образомъ желательнымъ объединеніе теоріи уголовного права и положительнаго законодательства только для практическихъ цѣлей преподаванія. Исходя изъ того, что уголовное право конструируетъ свои институты, главнымъ образомъ, на основаніи общихъ философскихъ, хотя и очерпнутыхъ изъ опыта соображеній, онъ отводитъ положительному праву значеніе, какъ онъ выражается, второстепеннаго источника, — значеніе справокъ, отбѣняющихъ выводы философскаго права. Правда, въ особенной части дѣло мѣняется и она должна отражать собой, прежде всего, положительное право, но за то она и перестаетъ быть тѣмъ составнымъ элементомъ, которому присущъ характеръ безусловной научной истины. Усовершенствованіе положительнаго права П. Калмыковъ предоставляетъ практикѣ и не ставитъ его въ связь съ болѣе глубокимъ познаніемъ истинъ теоріи уголовного права. Вообще философскій элементъ въ этой дисциплинѣ представляется П. Калмыкову подтвержденнымъ меньшимъ переменамъ, характеризующимся извѣстнымъ постоянствомъ въ противоположность случайности положительнаго права. Въ этомъ предпочтеніи философскаго элемента и взглядѣ, что невоз-

¹ Ор. cit., стр. 14 и слѣд.

² Ор. cit., стр. 15.

³ Ор. cit., стр. 15.

⁴ Ор. cit., стр. 15 и слѣд.

можно ихъ органическое объединеніе, нельзя не чувствовать переживанія вѣры въ возможность рационалистическаго уголовного права, проистекающаго изъ существа человѣка, изъ «антропологіи», изъ директивъ, предустановленныхъ самой природой человѣка.

Если мы обратимся къ ближайшему анализу ученій философскаго права П. Калмыкова, то увидимъ, что оно, по существу, не отличается единствомъ и проникнуто попыткой построить его изъ самыхъ разнообразныхъ обломковъ философскихъ системъ, въ которыхъ преобладаетъ, однако, тотъ духъ человѣчности, который характеризуетъ уголовно-правовыя ученія политическихъ писателей конца XVIII в.

Для освѣщенія особенностей ученій П. Калмыкова достаточно остановиться на его общихъ взглядахъ на природу преступления, элементы послѣдняго и основаніе права наказанія.

Въ преступленія П. Калмыковъ усматриваетъ видъ родоваго понятія несправедливости, уклоненіе отъ идеи о томъ, что само въ себѣ справедливо и въ качествѣ такового установлено Богомъ¹. П. Калмыковъ признаетъ въ то же время, что неправда «въ союзѣ людей между собою» «состоитъ въ нарушеніи положительнаго закона» и предполагаетъ «нарушеніе юридической обязанности, полезной для всего гражданскаго общества въ такой степени, что нарушеніе ея не можетъ быть уничтожено иными средствами, какъ угрозою уголовного наказанія и приведеніемъ угрозы въ исполненіе»². Нарушеніе юридической обязанности П. Калмыковъ понимаетъ при томъ въ смыслѣ посягательства на право или отдѣльнаго лица, или общества³.

Въ этомъ опредѣленіи П. Калмыковымъ понятія преступленія чувствуется уже въ полной мѣрѣ эклектизмъ его построений. Взятое у А. Фейербаха и видоизмѣненное внесеніемъ поправки въ томъ смыслѣ, что преступленіе обнимаетъ собой не одни только посягательства на право другого лица, опредѣленіе это стремится въ одно и то же время конструировать преступленіе, какъ дѣйствіе вредное

¹ Op. cit., стр. 24.

² Op. cit., стр. 25.

³ Op. cit., стр. 26.

для общества¹, и какъ неправду—несправедливость, представляющуюся отблескомъ нарушенія Богомъ установленнаго порядка. П. Калмыковъ забываетъ, что если стать на защищаемую имъ точку зрѣнія, то представляется непослѣдовательнымъ устранять изъ преступленія тѣ его элементы, которые онъ *in expressis verbis* вычеркиваетъ изъ области преступнаго, т. е. область грѣховнаго и безнравственнаго вообще². Вѣдь можетъ статься, что и поступки послѣдняго рода не могутъ быть устранены другимъ путемъ какъ угрозой уголовного наказанія и приведеніемъ ея въ исполненіе. Да и самая поправка, которую П. Калмыковъ вноситъ въ опредѣленіе А. Фейербаха, не имѣетъ большого значенія уже потому, что въ области публичной не можетъ быть рѣчи о строго юридическихъ обязанностяхъ по отношенію къ обществу, такъ какъ это предполагало бы, въ свою очередь, и права индивида по отношенію къ обществу, стоящія въ полномъ соотвѣтствіи съ возлагаемыми на него обязанностями. Съ другой стороны, всякое посягательство на право отдѣльнаго лица, съ которымъ имѣетъ дѣло уголовное право, является *eo ipso* нарушеніемъ въ большей или меньшей мѣрѣ общественнаго интереса.

Такимъ же эклектизмомъ, не всегда послѣдовательнымъ, проникнуто и ученіе П. Калмыкова объ основаніи права наказанія. Здѣсь довольно рельефно и совершенно неожиданно по общему складу его міровоззрѣнія выступаетъ гегеліанская доктрина съ ея идеалистическими предпосылками, которую онъ старается примирить съ взглядами А. Фейербаха.

Наказаніе, пишетъ П. Калмыковъ, «необходимо, потому что безъ него правда (въ смыслѣ объективномъ) не могла бы существовать въ государствѣ. Преступленіе есть... сопротивленіе воли частнаго человѣка общей разумной волѣ, выраженной въ законѣ; такимъ образомъ, вслѣдствіе преступленія происходитъ въ обществѣ

¹ Преступленіе, пишетъ въ другомъ мѣстѣ П. Калмыковъ, „заключаетъ въ себѣ зло для цѣлаго общества“. Если обязанность полезна для цѣлаго общества, то нарушеніе ея является для него вреднымъ“, *Op. cit.*, стр. 27.

² *Op. cit.*, стр. 24 и слѣд.

столкновение двухъ воль или силъ, которыя не могутъ быть уравновѣшены. Поэтому возстановленіе порядка въ обществѣ можетъ произойти только черезъ уничтоженіе злой воли преступника. Наказаніе служитъ вещественнымъ доказательствомъ того, что преступленіе должно быть преслѣдуемо и уничтожаемо»¹. вмѣстѣ съ тѣмъ П. Калмыковъ ставитъ цѣлью наказанія, съ одной стороны, то, чтобы оно служило «возмездіемъ зломъ за зло» и, съ другой, содѣйствовало «искупленію вины преступника». Первая цѣль вызывается необходимостью воздать преступнику мѣрою, которая должна «имѣть сходство, внутреннюю аналогію съ преступленіемъ» и равняется «злу преступленія по количеству и по качеству»². Наказаніе, кромѣ того, «имѣетъ цѣлью изгладить и искупить вину преступника въ отношенія къ собственной его волѣ, что возможно только при уничтоженіи ея преступнаго направленія...; наказаніе должно убѣдить нарушившаго правду, въ ничтожности и несправедливости его дѣянія»³.

Путемъ, ведущимъ къ достиженію этихъ цѣлей, П. Калмыковъ считаетъ воздѣйствіе на преступника страхомъ наказанія. «Болѣе удовлетворительное средство, пишетъ П. Калмыковъ, состоитъ въ дѣйствованіи на преступника страхомъ и предупрежденіемъ; это есть зло чувственное, которое является и юридически справедливымъ, ибо преступникъ, совершая противозаконный поступокъ, высказываетъ преобладаніе въ себѣ чувственности надъ разсудкомъ»⁴.

Не трудно видѣть, что эклектизмъ, примиряющій цѣли возмездія и полезности, опираясь при томъ каждый разъ на предположенія, другъ друга исключаютія, не въ силахъ дать вѣрнаго отвѣта на вопросы теоріи уголовного права. Оправданіе наказанія неизбѣжною возмездія и искупленія вины преступника въ смыслѣ уничтоженія зла преступленія въ волѣ дѣйствующаго не можетъ быть примирено съ воздѣйствіемъ страхомъ наказанія, подѣ

¹ Op. cit., стр. 147.

² Op. cit., стр. 148.

³ Op. cit., стр. 150.

⁴ Op. cit., стр. 150.

угрозой котораго находятся и лица, не впавшія еще въ преступленіе.

Однородный эклектизмъ мы встрѣчаемъ у Н. Маевского, затрагивающаго вопросы матеріальнаго уголовного права въ трудѣ, посвященномъ, главнымъ образомъ, процессу ¹. Взгляды П. Калмыкова объ отсутствіи принципиальной границы между этими областями побуждаютъ Н. Маевского признать, что такъ какъ «главный предметъ слѣдствія и суда... есть личность преступника, которая разсматривается... въ отношеніи къ преступленію, т. е. къ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ оно совершено» ², то судопроизводство обусловлено тѣми правилами, «которые даны наукою уголовного права для опредѣленія виновности преступника» ³. Остановливаясь на такихъ вопросахъ какъ «Значеніе и опредѣленіе преступленія», «Лица, могущія дѣлать преступленія», «Вмѣняемость и вмѣненіе», «Причины, уничтожающія или значительно ослабляющія силу разумѣнія» ⁴ и проч., Н. Маевскій трактуетъ ихъ въ духѣ П. Калмыкова ⁵.

Представителемъ эклектизма въ нашей уголовно-правовой литературѣ выступаетъ и проф. Московскаго университета С. И. Баршевъ ⁶.

Опредѣляя задачу изслѣдователя въ области уголовного правовѣдѣнія, С. Баршевъ отмѣчаетъ, что при изложеніи общихъ началъ этой дисциплины нельзя руководствоваться одними только отвлеченными соображеніями. «Отдѣльное изложеніе общихъ на-

¹ Н. Маевскій, Выдержки изъ лекцій о слѣдствіяхъ военно-уголовныхъ, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1862, вып. 29, стр. 1—17; вып. 30, стр. 1—52.

² Н. Маевскій, Ор. cit., вып. 29, стр. 9.

³ Н. Маевскій, Ор. cit., вып. 29, стр. 17.

⁴ Н. Маевскій, Ор. cit., вып. 30, стр. 2 и слѣд., 9 и слѣд.

⁵ Ср. опредѣленіе понятія преступленія у Н. Маевского, стр. 5, и П. Кал-

мыкова, Учебн., стр. 25 и 31, а въ особенности вопросъ о вмѣняемости и вмѣненіи, Н. Маевскій, Ор. cit., стр. 10 и слѣд., П. Калмыковъ, стр. 40 и слѣд., стр. 64 и слѣд.

⁶ Біографическія данныя о С. Баршевѣ ср. Г. Фельдштейнъ, Профессоръ С. И. Баршевъ, „учитель“ русскихъ криминалистовъ, Юрид. зап., изд. Дем. юр. лиц., № 1, отд. отт., стр. 4 и слѣд. Ср. Ор. cit., о научныхъ трудахъ С. Баршева, passim.

чалъ уголовнаго законовѣдѣнія, свидѣтельствуеть С. Баршевъ, было... болѣе вредно, нежели полезно для него и особенно для практики, отъ того, что вслѣдствіе исключительно философскаго направленія вѣка, оно обыкновенно не основывалось ни на чемъ, кромѣ разума, который былъ тогда не только единственнымъ судьей, но и источникомъ и въ уголовномъ законовѣдѣніи, даже и въ уголовныхъ законодательствахъ»¹. У С. Баршева наблюдается, такимъ образомъ, отрицательное отношеніе къ конструированію общихъ началъ криминалистики съ точки зрѣнія «естественнаго» права. С. Баршевъ не ограничивается однимъ отрицаніемъ. Онъ старается преподать и положительныя указанія. Онъ думаетъ, что общія начала уголовнаго права должны быть утверждены на прочныхъ основаніяхъ исторически существовавшаго и дѣйствующаго права. С. Баршевъ опредѣленно высказывается за то, чтобы принципы уголовно-правовой науки извлекались прежде всего «изъ исторіи и опыта»². Въ теченіи своей многолѣтней научной дѣятельности С. Баршевъ проводилъ, однако, какъ разъ противоположныя начала, и только въ позднѣйшихъ своихъ работахъ по методологіи уголовнаго права старается обосновать ихъ теоретически. Указывая на то, что должно отвести видное мѣсто въ качествѣ элемента уголовнаго права философіи, С. Баршевъ смотритъ на послѣднюю, какъ на дисциплину, которая должна восполнить недостающее въ положительныхъ законодательствахъ³ и необходимую для того, чтобы «постигнуть самое внутреннее существо ихъ». Эклектизмъ С. Баршева на почвѣ философской обработки уголовнаго права проявляется, главнымъ образомъ, въ сочетаніи самыхъ разнообразныхъ, по своимъ исходнымъ пунктамъ, ученій, если только они въ конечномъ результатѣ не противорѣчатъ духу русскаго дѣйствующаго уголовнаго права и этико-религіозному обоснованію криминалистики.

¹ С. Баршевъ, Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, М., 1841, стр. 1.

² Ср. Лекціи, чит. С. Баршевымъ въ 1865—6 г. Литогр. изд. С. Лео-

нова, стр. 4.

³ С. Баршевъ, Взглядъ на науку уголовнаго законовѣдѣнія. Ж. М. нар. просв. 1858, т. 98, отд. II, стр. 161.

Во всѣхъ своихъ трудахъ С. Баршевъ энергично защищаетъ взглядъ, стремящійся расширить область преступнаго и наказуемаго далеко за предѣлы противоправнаго въ собственномъ смыслѣ. «... Право человѣческое, пишетъ С. Баршевъ, состоитъ въ тѣсной связи съ правомъ божескимъ....; послѣднее есть то неизблемое основаніе, на которомъ утверждается первое»¹. Игнорированіе этико-религіозной стороны преступленія, думаетъ С. Баршевъ, есть въ сущности нежеланіе «постигать той стороны преступленія, которая... вполне раскрываетъ и объясняетъ его свойство»².

Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ³ С. Баршевъ сѣтуетъ на отторженіе уголовного права отъ всякаго религіознаго и нравственнаго начала. У С. Баршева, идетъ, притомъ, рѣчь не о защитѣ путемъ уголовного права интересовъ религіозныхъ и нравственныхъ, что вполне объяснимо и допустимо, но всѣ вождельнія его обращаются къ тому времени, когда «религія, нравственность и право вовсе не отдѣлялись другъ отъ друга,—всякое право исходило непосредственно отъ самаго Бога, имъ было освящаемо и хранить его значило быть нравственнымъ и добрымъ»⁴. Тождество юридическаго и моральнаго элемента представляется для С. Баршева столь безспорнымъ и реальнымъ, что онъ считаетъ нужнымъ искать именно въ немъ необходимое основаніе для рѣшенія вопросовъ уголовного права, возбуждающихъ какое-либо сомнѣніе. Именно благодаря тождеству юридическаго и моральнаго, С. Баршевъ приходитъ, напр., къ выводу о томъ, что согласіе лишаемаго жизни не можетъ оказывать сколько нибудь существеннаго вліянія на наказуемость лица, его убивающаго,⁵ и рѣшаетъ рядъ вопросовъ объ условіяхъ, при которыхъ можетъ имѣть мѣсто уго-

¹ С. Баршевъ, Общія начала I, стр. 4 и сл. О вмѣненіи, стр. 9 и сл.

² С. Баршевъ, Общія начала I, стр. 5 и слѣд.

³ С. Взглядъ на науку уголовного законовѣдѣнія, Ж. М. Н. просв., 1858 г., т. 98, стр. 153—172.

⁴ С. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 156 и слѣд. Въ этомъ сближеніи преступленія

въ смыслѣ юридическомъ и моральномъ С. Баршевъ въ значительной степени слѣдуетъ за Jarcke, *Handb. d. gem. deutsch. Strafrechts*, I. B., Berl. 1827, S. 97 u. ff.

⁵ С. Баршевъ, Спорный юридическій вопросъ, Русск. вѣст. 1863, авг., стр. 784—793; ср. стр. 791.

ловное вмѣненіе. Эти ученія С. Баршева запечатлѣны притомъ печатью непосредственнаго заимствованія у нѣмецкихъ криминалистовъ¹.

Ученіе объ умыслѣ, которое выставляетъ отъ своего имени С. Баршевъ, не только заимствовано имъ у проф. Ярке, но представляетъ собой въ частяхъ дословное воспроизведеніе ученія указанного нѣмецкаго криминалиста, восполненное нѣкоторыми положеніями А. Фейербаха².

Ученіе С. Баршева о неосторожности³ не носитъ характера непосредственнаго заимствованія и является комбинированіемъ ученій А. Фейербаха съ взглядами Эд. Генке.

Нѣкоторыя оригинальныя черты С. Баршевъ старается внести въ ученіе о покушеніи. Примѣненіе бѣльшаго или меньшаго наказанія при покушеніи, думаетъ онъ, должно зависѣть: .., «отъ свойства внѣшняго дѣйствія, въ которомъ покушеніе обнаруживается...; отъ причинъ, по которымъ оно оставляется и... отъ степени его близости или отдаленности отъ совершенія»⁴. Первое условіе С. Баршевъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе виновника можетъ или не заключать само въ себѣ никакого преступленія, или быть уже само по себѣ преступленіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ С. Баршевъ усматриваетъ какъ бы двойную вину и потому требуетъ двойнаго наказанія, по сравненію съ первой комбинаціей, съ допущеніемъ, однако, нѣкотораго смягченія по соображеніямъ гуманности⁵. Что касается наказуемости покушенія въ зависимости отъ причинъ, по которымъ оно оставляется, то здѣсь С. Баршевъ различаетъ случаи дwoякаго рода. Иногда имѣетъ мѣсто добровольный отказъ отъ совершенія преступнаго дѣйствія, иногда же дѣйствіе не приводитъ къ посягательству потому, что встрѣчаются непреодолимыя препятствія⁶. Мотивируя

¹ Ср. Г. Фельдштейнъ, Проф. С. И. Баршевъ, „учитель“ русскихъ криминалистовъ, стр. 10 и слѣд.

² Ср. Г. Фельдштейнъ, *Op. cit.*, стр. 16 и слѣд.

³ С. Баршевъ, *Общія начала I*, стр. 104.

⁴ С. Баршевъ, *Общія начала II*, стр. 129; 0 мѣрѣ наказаній, стр. 69 и сл.

⁵ С. Баршевъ, *Общія начала II*, стр. 129 и слѣд.; 0 мѣрѣ наказаній, стр. 70 съ ссылкой на Henke, *Handbuch*, S. 535.

⁶ С. Баршевъ, *Общія начала II*, стр. 130 и слѣд.; 0 мѣрѣ наказаній, стр. 71 и слѣд.

ненаказуемость добровольно оставленнаго покушенія, С. Баршевъ пользуется аргументаціей Эд. Генке, но долженъ признать, что ...«удивительно, какъ могло сдѣлаться почти всеобщимъ такое мнѣніе, несправедливость котораго такъ очевидна уже и съ перваго взгляда, а доказательства такъ слабы, что не выдерживаютъ никакой критики»¹. «Только одно наше законодательство, продолжаетъ С. Баршевъ, которое къ счастью осталось болѣею частию недоступнымъ для теоретическихъ толковъ, справедливо признаетъ, что и добровольно оставленное покушеніе не должно быть освобождено отъ наказанія»². С. Баршевъ, высказывается, впрочемъ, за меньшее наказаніе преступленія добровольно оставленнаго по сравненію съ покушеніемъ воспрепятствованнымъ. По вопросу о наказуемости т. наз. приготовительныхъ дѣйствій С. Баршевъ полагаетъ, что «законодательство тогда бы само поощряло къ преступленію, когда бы оно уже напередъ, завѣдомо всѣмъ, избавляло отъ наказанія тѣхъ, которые дѣлаютъ приготовленія къ преступленію, и такимъ образомъ облегчаютъ его совершеніе, а не тогда, когда бы уже и за это назначало соразмѣрно строгое наказаніе»³. При этомъ С. Баршевъ думаетъ, что наказаніе, которымъ угрожаетъ законъ за простое приготовленіе, «должно быть несравненно менѣе, нежели за совершеніе, даже и за дальнѣйшее покушеніе»⁴.

Болѣе подробное развитіе отдѣльныхъ сторонъ ученія о покушеніи мы находимъ въ одной позднѣйшей работѣ С. Баршева⁵. Въ этомъ трудѣ онъ затрогиваетъ, главнымъ образомъ, вопросъ о покушеніи съ негодными средствами.

Для рѣшенія его С. Баршевъ устанавливаетъ общую принципиальную точку зрѣнія. Онъ отмѣчаетъ, что при опредѣленіи степени наказанія рѣшающую роль должны играть «различные оттѣнки безнравственности, которые преглядываютъ въ каждомъ

¹ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 134; О мѣрѣ наказаній, стр. 77.

² С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 135.

³ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 155.

⁴ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 155.

⁵ С. Баршевъ, Къ ученію о покушеніи, Московскія универс. извѣстія, 1865, N 4, стр. 255 - 267.

преступномъ дѣйствіи»¹ и приходитъ къ выводу, что «ложно... то, что покушеніе съ недостаточными средствами ненаказуемо... Покушеніе существуетъ всегда, какъ скоро есть намѣреніе совершить преступленіе. Ведетъ же или не ведетъ это дѣйствіе къ совершенію преступленія, для понятія и наказанія покушенія все равно»². Достаточно, слѣдовательно, согласно извѣстному школьному примѣру, помолиться о смерти другого, чтобы провиниться въ покушеніи на его жизнь.

Ученіе о соучастіи, которое развиваетъ С. Баршевъ³, носитъ въ общемъ зачаточный характеръ. По личному признанію нашего криминалиста, оно покоится на тѣхъ-же началахъ, что и постановленія Свода законовъ 1832 г., на стр. 40 какового С. Баршевъ и ссылается, не указывая отдѣльныхъ статей.

Съ оригинальными чертами выступаетъ у С. Баршева институтъ необходимой обороны. Самая постановка его глубоко не-

¹ *Op. cit.*, стр. 259.

² *Op. cit.*, стр. 262.

³ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 155, 161. Нѣсколько болѣе детальное развитіе ученія о соучастіи С. Баршевъ даетъ только нѣсколько позднѣе въ своемъ трудѣ О подстрекательствѣ, Ж. М. Ю. 1868, т. 35, стр. 385—404. Здѣсь по поводу одного процесса, имѣвшаго мѣсто въ Голштиніи, онъ дѣлаетъ попытку опровергнуть господствовавшій, по его словамъ, въ германской наукѣ его времени взглядъ о томъ, что всякое подстрекательство и, въ частности, неудавшееся, является дѣйствіемъ, „которое само по себѣ могло бы произвести преступленіе, и, слѣдовательно, подлежитъ наказанію за преступное покушеніе“, стр. 390. „Попытка къ подстрекательству, утверждаетъ С. Баршевъ, не можетъ быть признана даже и вообще покушеніемъ“ стр. 389. „Подстрекательство, продолжаетъ онъ, ни въ какомъ случаѣ не подвигаетъ преступленія ни на одинъ шагъ впередъ. Какъ бы настойчиво оно ни было продол-

жаемо, къ самому совершенію преступленія оно никогда не прибавитъ ничего. Да и прямой связи между нимъ и преступленіемъ нѣтъ никакой“, стр. 390. „Пока“, развиваетъ свою мысль С. Баршевъ, подстрекнутый еще не сдѣлалъ ничего вслѣдствіе подстрекательства, подстрекатель отвѣчаетъ лишь за то, что подстрекнулъ, разумѣется само собой, если въ дѣйствующихъ законахъ и самое подстрекательство, независимо отъ его послѣдствій, запрещается подъ страхомъ наказанія. Запрещается же и самое подстрекательство подъ страхомъ наказанія почти во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣлается особенно опаснымъ образомъ. Вопросъ о подстрекательствѣ, добавляетъ С. Баршевъ, вообще чрезвычайно спорный въ области уголовного права“ стр. 391. Мы видимъ, такимъ образомъ, что С. Баршевъ относится съ колебаніемъ къ вопросу о томъ, считать ли подстрекательство видомъ соучастія.

правильна. Исходя изъ того, что свобода есть единственное основаніе юридическаго вмѣненія, С. Баршевъ приходитъ къ выводу, что тамъ, гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ и вмѣненія, нѣтъ, слѣдовательно, по тому же соображенію, и наказуемости при защитѣ, предполагающей наличность нѣкотораго рода вынужденности. Оборону С. Баршевъ допускаетъ только при защитѣ нѣкоторыхъ благъ. Мало того, онъ отрицаетъ совершенно оборону противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ власти¹ и условно расширяетъ ее для опредѣленныхъ категорій обороняющихся. Недопущеніе обороны чести С. Баршевъ распространяетъ не только на случай обиды словесной, но съ нѣкоторыми оговорками и на «обиду дѣломъ»; онъ пишетъ: «...на вопросъ, возможна ли необходимая оборона противъ обидъ дѣломъ и можетъ ли она простираться до убійства оскорбителя, нельзя отвѣчать утвердительно вообще, но должно всегда обращать вниманіе при рѣшеніи его на самое свойство случая... Такимъ образомъ очевидно само собою, что слуга, который убиваетъ господина за то только, что онъ даетъ ему одну или двѣ легкихъ пощечины, не можетъ оправдаться тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это для защищенія своей чести, даже, если бы господинъ былъ неправъ, между тѣмъ какъ господинъ, если бы ему дана была пощечина слугою, можетъ по крайней мѣрѣ извинять этимъ убійство слуги»².

Въ своемъ стремленіи принять на себя образъ стойкаго защитника религіи и нравственности С. Баршевъ развивалъ соответственные взгляды и въ вопросѣ объ основаніи права наказанія. С. Баршевъ выступаетъ энергичнымъ защитникомъ абсолютной или, какъ онъ выражается, «отрѣшенной» доктрины. Въ оправданіе ея онъ приводитъ, между прочимъ, этико-психологическія соображенія. «Мысль о наказаніи, какъ о возмездіи, пишетъ С. Баршевъ, такъ глубоко напечатлѣна въ сознаніи человѣка, что

¹ Ср. по этому вопросу соответственный отдѣлъ въ статьѣ Г. Фельдштейна, О необходимой оборонѣ и ея отношеніи къ такъ назыв. правомѣрному самоуправству“, Ж. М. Ю. 1899 г. № 5.
² С. Баршевъ, О вмѣненіи въ правѣ, стр. 23.

и тогда, когда бы ему удалось прежде увѣрить себя въ несправедливости этой мысли, въ минуту, когда наказаніе должно быть выполнено надъ нимъ самимъ, онъ обыкновенно не видитъ въ немъ ничего болѣе, кромѣ возмездія»¹. Настаивая, однако, на томъ, что наказаніе не можетъ быть объясняемо никакою внѣшнею цѣлью, С. Баршевъ перѣшается утверждать, что государство не должно преслѣдовать при помощи карательныхъ мѣръ какихъ-либо полезныхъ или, какъ онъ выражается, «земныхъ» цѣлей. «Напротивъ, пишетъ онъ, какъ всѣ земныя учрежденія имѣютъ извѣстную цѣль, такъ и наказаніе можетъ и должно служить государству для извѣстныхъ цѣлей. Но этихъ цѣлей оно достигаетъ... мимоходомъ. Въ существѣ же своемъ наказаніе остается и въ государствѣ тѣмъ же, что оно всегда и вездѣ есть и должно быть, т. е. возмездіемъ за преступленіе, которое основывается на нравственномъ законѣ справедливости, лежащемъ въ основаніи всякаго нравственнаго порядка»².

Отдѣльныя карательныя мѣры С. Баршевъ считаетъ необходимымъ приравливать къ особенностямъ страны, въ которой ихъ надлежитъ примѣнять. «Въ наукѣ практической, каково уголовное право, не должно высказывать ни одного положенія, не прислушиваясь къ опыту; иначе легко дойти до нелѣпости»³. На этомъ пути С. Баршевъ выступаетъ убѣжденнымъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній, удовлетворяется постановкой тюремнаго заключенія въ современной ему Россіи и высказывается за смертную казнь⁴.

Особенная часть уголовного права въ обработкѣ С. Баршева⁵ посвящена, главнымъ образомъ, изложенію постановленій Уложенія 1845 г., снабженнаго въ ту эпоху цѣлымъ арсеналомъ тѣлесныхъ наказаній. Разсуждая о какомъ-нибудь преступленіи и

¹ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 98.

² С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 108.

³ С. Баршевъ, Общія начала II, стр. 80.

⁴ Ср. Г. Фельдштейнъ, Профессоръ.

С. И. Баршевъ, стр. 27 и слѣд.

⁵ С. Баршевъ, Чтенія по предмету уголовного законодательства, часть особенная. О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ особенности, Моск. 1850, лит. изд.

рѣшая вопросъ о томъ, есть ли основаніе заносить его въ уголовный кодексъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, каковъ долженъ быть, съ рациональной точки зрѣнія, его составъ, С. Баршевъ обычно добавляетъ: «всѣ эти начала осуществлены въ Уложеніи»¹. С. Баршевъ совершенно игнорируетъ генезисъ отдѣльныхъ преступленій и исключаетъ сравнительный пріемъ изученія. Если къ этому прибавить, что онъ излагаетъ въ высшей степени поверхностно условія состава отдѣльныхъ преступленій даже по Уложенію и не цитируетъ совершенно его статей, то не трудно представить себѣ, какое практическое значеніе могли имѣть его чтенія для юридическаго развитія слушателей. И въ особенной части С. Баршевъ доказываетъ неизбѣжность религіозной и этической точекъ зрѣнія въ уголовномъ правѣ и настаиваетъ на возможности поступательнаго развитія при помощи послѣдовательнаго расширенія уголовной репрессіи. «Весьма важно, пишетъ С. Баршевъ..., чтобы всякое право, которое признаетъ государство, находило нужную и своевременную защиту и охраненіе; но не также ли важно и необходимо и то, чтобы никто не смѣлъ ненаказанно нарушать и законъ нравственный, и чтобы и къ религіи всѣмъ и каждый питали должное уваженіе? И безнравственное государство едва ли можетъ устоять долго»...². Охрану путемъ уголовного закона религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ С. Баршевъ понимаетъ, притомъ, не въ смыслѣ защиты интересовъ отдѣльной личности или общества, но, прежде всего, по соображеніямъ, которыя постулируютъ и религія, и этика. «... Богъ и религія, говоритъ С. Баршевъ, могутъ быть оскорбляемы человѣческими дѣйствіями, въ Богѣ они могутъ даже возбуждать чувство мести...» «Этотъ взглядъ, продолжаетъ онъ, не выдуманъ людьми, и высказанъ прямо въ откровенномъ христіанскомъ ученіи...»³. На этой почвѣ построено С. Баршевымъ ученіе о религіозныхъ, государственныхъ и другихъ категоріяхъ преступленій.

¹ С. Баршевъ, Чтенія, стр. 244.

² С. Баршевъ, Чтенія, стр. 14 и сл.

³ С. Баршевъ, Чтенія, стр. 15.

Охрану религіи С. Баршевъ понимаетъ въ узкомъ смыслѣ огражденія православныхъ вѣрованій отъ порицанія ¹.

С. Баршевъ относится съ полнымъ одобреніемъ къ «совершенному уравненію покушенія съ совершеніемъ и одинаковому наказанію сообщниковъ» ² въ преступленіяхъ государственныхъ, и всякая политическая цѣль, по С. Баршеву, синонимъ вредной цѣли. «... Всѣ тайныя общества, пишетъ онъ, сходбища и скопщца», которыя «вообще имѣютъ какую нибудь политическую цѣль... противозаконны и должны подлежать то болѣе, то менѣе строгому наказанію, смотря по обстоятельствамъ» ³. Если С. Баршевъ рѣшается корить Уложеніе 1845 г., то исключительно за излишнюю мягкость. Онъ съ уваженіемъ обращаетъ свой взоръ къ болѣе старымъ памятникамъ нашего законодательства, вродѣ Артикула воинскаго и Морскаго устава, находя въ нихъ стороны достойныя подражанія и во всякомъ случаѣ благоговѣнія ⁴.

Изъ отдѣловъ особенной части С. Баршевъ обработалъ монографически вопросъ о мошенничествѣ ⁵. Это единственная работа, въ которой онъ останавливается на критическомъ разборѣ соотвѣтственныхъ статей русскаго уголовного законодательства ⁶.

При оцѣнкѣ научнаго значенія трудовъ С. Баршева, прежде всего, напрашивается заключеніе, что въ лицѣ его мы имѣемъ, въ сущности, дѣло съ эклектикомъ, подбиравшимъ конструкціи, которыя казались ему наиболѣе подходящими подъ условія момента. Онъ совершенно въ то же время не задается цѣлью научной обработки матеріала русскаго уголовного права. Еще современникъ С. Баршева проф. Лешковъ справедливо упрекалъ его за то, что онъ «... нашель возможнымъ разсматривать преступленія... и разсуждать объ нихъ въ абстрактѣ, безъ помощи положительныхъ

¹ С. Баршевъ, Чтенія, стр. 32, 38.

² С. Баршевъ, Чтенія, стр. 80.

³ С. Баршевъ, Чтенія, стр. 147 и слѣд.

⁴ Ср., напр., по вопросу о наказуемости самоубійства, стр. 183 и слѣд.,

passim, Чтенія С. Баршева.

⁵ С. Баршевъ, Объ обманѣ въ юридическомъ отношеніи, Русск. вѣстн. 1871, май, стр. 81—104.

⁶ Ср. Г. Фельдштейнъ, Профессоръ С. И. Баршевъ стр. 33.

установленій закона»¹. С. Баршевъ игнорируетъ одновременно съ догматической и историческую разработку русскаго уголовного права. Въ области теоретическихъ построений С. Баршевъ выступаетъ не самостоятельнымъ работникомъ, но компиляторомъ определенной группы уголовно-правовыхъ учений, притомъ компиляторомъ, не всегда отчетливо различающимъ между чужимъ и своимъ². Въ область самостоятельнаго мышленія С. Баршевъ вступаетъ только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Попытки видоизмѣненія заимствованныхъ учений³ онъ дѣлаетъ почти исключительно въ примѣненіи къ вопросу объ отдѣльныхъ карательныхъ мѣрахъ. Съ особенной любовью онъ воспользовался здѣсь тѣмъ принципомъ, что начала уголовно-правовой науки должны извлекаться на первомъ планѣ «изъ исторіи и опыта». Заимствуя весьма много у Генке и Ярке и отчасти у Фейербаха, воспользовавшись, помимо указанного нами уже въ своемъ мѣстѣ, почти всецѣло отдѣломъ труда Генке, трактующимъ о вліяніи на вмѣненіе душевныхъ болѣзней⁴ и проч., С. Баршевъ не слѣдуетъ, однако, за Генке въ его отрицательномъ отношеніи къ вопросу о смертной казни⁵, къ тѣлеснымъ наказаніямъ⁶, не проникается тѣмъ омерзениемъ, съ которымъ Генке говоритъ о палачѣ⁷, не раздѣляетъ его взглядовъ на границы необходимой обороны⁸ и проч. С. Баршевъ самостоятеленъ, вообще, поскольку идетъ рѣчь о приниженіи идеологіи уголовного права.

С. Историческая школа русскихъ криминалистовъ.

А. Поповъ.—Н. Д. Иванішевъ.—Н. И. Ланге.—Я. И. Баршевъ.—А. М. Богдановскій.—В. А. Линовскій.—Эв. С. Тобинъ.—Н. В. Калачовъ.

Изученіе уголовного права съ точки зрѣнія задачъ исторической школы не достигло на родинѣ этого направленія—въ Гер-

¹ Ср. разборъ книги С. Баршева, сдѣланный В. Лешковымъ въ Москвитянинѣ 1841 г., ч. VI, стр. 388.

² Ср. Г. Фельдштейнъ, Профессоръ С. И. Баршевъ, стр. 40 и слѣд.

³ Ср. Г. Фельдштейнъ, Профессоръ С. И. Баршевъ, стр. 42 и др.

⁴ Ср. С. Баршевъ, О вмѣненіи, стр. 28—39 и Henke, Op. cit., S. 315—329.

⁵ Henke, Op. cit., S. 416.

⁶ Henke, Op. cit., S. 429.

⁷ Henke, Op. cit., S. 430 и ф.

⁸ Henke, Op. cit., S. 205, а равно 214.

маніи сколько нибудь широкаго развитія ¹. На пути его всегда стояло извѣстное несоотвѣтствіе между очередными задачами уголовного законодательства и тѣмъ, что представляло собой его прошлое. Вполнѣ естественно, однако, что эпохи, когда считалось почему бы то ни было цѣлесообразнымъ отодвинуть на задній планъ вопросы реформы въ духѣ радикальнаго измѣненія дѣйствующаго законодательства, являлись временемъ, благопріятнымъ для оживленія изученія пережитыхъ формъ. Съ вполнѣ определенными консервативными тенденціями въ области урегулированія нашего уголовного законодательства мы встрѣчаемся въ эпоху составленія Свода и Уложенія 1845 г. Необходимымъ послѣдствіемъ этихъ условій должно было явиться нѣкоторое оживленіе въ области историческаго изученія права. Оно и дѣйствительно сказалося въ формѣ стремленія истолковать наши законодательные памятники съ цѣлью вскрыть особенности національнаго духа ихъ постановленій. Начиная съ сороковыхъ годовъ, мы встрѣчаемся съ все новыми попытками привить у насъ этотъ типъ разработки права и воспользоваться тѣми результатами, къ которымъ привели изслѣдованія въ духѣ ученій исторической школы въ Германіи, предпринятая въ области славянскаго законодательства. Въ то же время историки наши вновь перерабатываютъ матеріаль, создавшійся на почвѣ болѣе старыхъ опытовъ историческаго изученія и не только не расстаются съ старыми приѣмами, но культивируютъ историческое изученіе права съ самыхъ разнообразныхъ новыхъ точекъ зрѣнія.

Изслѣдователемъ русскаго уголовного права, работы котораго не утрачиваютъ непосредственной связи съ усиліями любителей русской старины и преслѣдуютъ не уясненіе общаго духа нашего уголовного законодательства, но установленіе смысла отдѣльныхъ

¹ На иной точкѣ зрѣнія стоитъ F. Biener въ трудѣ *Ueber die historische Methode und ihre Anwendung auf das Criminalrecht*, Neues Archiv des Criminalrechts, Hal. 1828, B. 10, Hef. 3, S. 476 u. f. Онъ вѣритъ, однако, болѣе въ плодотворность примѣненія метода исторической школы въ будущемъ, чѣмъ ссылается на его успѣхи въ прошломъ и настоящемъ.

постановленій, выступаєть у насъ въ началѣ сороковыхъ годовъ А. Поповъ.

Если въ трудѣ «Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву», М. 1841, А. Поповъ порываетъ съ легальной системой и распредѣляетъ статьи на отдѣлы, посвященные внѣшней исторіи Русской правды¹, «общимъ понятіямъ о преступленіи и наказаніи»² и т. д., то онъ все же по существу остается толкователемъ опредѣленныхъ постановленій, не замѣчающимъ за внѣшней оболочкой ихъ ни общаго духа заключающагося въ нихъ права, ни настоящихъ очертаній отдѣльныхъ институтовъ. А. Поповъ только сопоставляетъ разнообразныя толкованія В. Татищева, И. Болтина, отчасти Штрубе и Эверса и др. и выбираетъ изъ нихъ наиболѣе вѣроятныя³.

Задачу уясненія общаго духа и характера отдѣльныхъ институтовъ уголовного права на раннихъ ступеняхъ его развитія ставить себѣ у насъ очень опредѣленно Н. Д. Иванишевъ⁴. Онъ исходитъ изъ того, что «законодательство каждаго отдѣльнаго народа... можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ»⁵, и поэтому работы по исторіи нашего уголовного права должны вестись параллельно съ изученіемъ законодательствъ другихъ славянскихъ народовъ. Н. Иванишевъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе исторіи права по отдѣльнымъ

¹ А. Поповъ, Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву, М. 1841, стр. 1—32.

² А. Поповъ, *Op. cit.*, стр. 33—88.

³ А. Поповъ, *Op. cit.*, стр. 54 и сл. о вирѣ, стр. 58 и сл., стр. 43 и сл.

⁴ Біографическія данныя о Н. Д. Иванишевѣ († 1874) ср. статью А. Романовича-Словатинскаго въ Біограф. слов. проф. и препод. унив. св. Владиміра, стр. 207—224 и Предисловіе къ изд. Сочиненія Н. Д. Иванишева, Кіевъ, 1876, стр. I—V; М. Владимір-

скій-Будановъ, Исторія имп. унив. св. Владиміра, стр. 244 и слѣд.; И. Собѣстіанскій, Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридического быта древнихъ славянъ, X. 1892, стр. 150 и слѣд.

⁵ Н. Иванишевъ, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою, Кіевъ, 1840, Соч. Н. Д. Иванишева, Кіевъ, 1876, стр. 5.

институтамъ или, какъ онъ выражается, по «юридическимъ понятіямъ»¹.

Въ трудѣ «О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и другихъ, славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою», мы встрѣчаемся съ попыткой тщательнаго изслѣдованія института мести и виры у славянъ. Охарактеризовавъ признаки германской виры², и изучивъ постановленія богемскаго, моравскаго, сербскаго, польскаго, литовскаго и русскаго законодательствъ по этому вопросу, Н. Иванишевъ приходитъ къ заключенію, что существо платы за убійство различно въ правѣ германскомъ и славянскомъ. «Количество платы въ древнемъ россійскомъ законодательствѣ, пишетъ онъ, сообразно съ общими славянскими началами и въ противность германскимъ законодательствамъ, не опредѣляется закономъ сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго, но назначается истцомъ, и представляется судьямъ на утвержденіе»³. Далѣе, «одинъ только ближайшій родственникъ убитаго имѣетъ право мести, а не весь родъ убитаго, какъ въ германскихъ законодательствахъ»⁴ и пр.

Н. Иванишевъ не далъ въ своихъ трудахъ законченной обработки главнѣйшихъ институтовъ русскаго уголовного права. Тѣмъ не менѣе труды его въ этой области далеко не лишены были значенія. Работая въ духѣ завѣтовъ чешской школы историковъ-юристовъ, Н. Иванишевъ занялъ не только самостоятельное положеніе въ рѣшеніи занимавшихъ его вопросовъ⁵, но оказалъ и несомнѣнное вліяніе на позднѣйшіе труды изслѣдователей нашего древняго уголовно-юридическаго быта.

Вліяніе Н. Иванишева особенно чувствуется на трудахъ Н.

¹ Н. Иванишевъ, *Op. cit.*, стр. 6.

² Н. Иванишевъ, *О платѣ за убійство*, стр. 24 и сл.

³ Н. Иванишевъ, *О платѣ за убійство*, стр. 70.

⁴ Н. Иванишевъ, *О платѣ за убійство*, стр. 74. Ср. общія положенія о различіи опредѣленій германскаго и славян-

скаго права по вопросу о мести и платѣ за убійство, стр. 77 и слѣд.

⁵ Ср. объ отношеніи трудовъ Н. Иванишева объ отвѣтственности за убійство въ славянскомъ и германскомъ правѣ къ изслѣдованіямъ Палацкаго, И. Собѣстіанскій, *Op. cit.*, стр. 138 и слѣд. и 140.

Ланге ¹. Посвящая свое вниманіе такимъ вопросамъ, какъ понятіе личности въ нашемъ древнемъ правѣ ², настаивая на самостоятельности постановленій Правды и ихъ независимости отъ сходныхъ опредѣленій германскаго права, Н. Ланге шелъ по путямъ, проложеннымъ Н. Иванишевымъ ³.

Съ призывомъ къ разработкѣ русскаго уголовного права въ духъ ученій исторической школы въ Германіи выступаетъ у насъ въ сороковыхъ годахъ профессоръ Петербургскаго университета Я. И. Баршевъ ⁴.

«Законодательство, пишетъ Я. Баршевъ, должно быть точнымъ выраженіемъ юридической жизни народа; оно должно облечь въ букву закона начала правды, присущей народу» ⁵; «уголовному праву предлежитъ. . обнимать и выражать законъ уголовной правды въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ народѣ въ тотъ или другой періодъ его жизни» ⁶. Право народа, кото-

¹ Н. Ланге, О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву, Журн. Мин. нар. просв., 1859, ч. 102, отд. 2, стр. 161—224; Н. Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, Арх. историч. и практич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 1, прил., 1859, стр. 1—64; кн. 3, прил., 1859, стр. 65—128; кн. 5, прил., 1860, стр. 129—226; кн. 6, прил., 1861, стр. 227—303. Начиная съ 60-ыхъ годовъ появляется рядъ работъ Н. Ланге, носящихъ иной характеръ и посвященныхъ истолкованію дѣйствующаго уголовного законодательства. Ср. Н. Ланге, Замѣтки относительно опредѣленія наказаній за нѣкоторыя преступленія, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, Спб. 1860—1861, вып. 8, стр. 33—41, посвященные вопросамъ „Объ опредѣленіи наказаній за повтореніе преступленій“, а также Н. Ланге, О 2233 ст. Уложенія о наказаніяхъ, Юрид. вѣстн. 1860—1861, вып. 14, и О покушеніи на преступленіе по дѣламъ печати, Ж.

М. Ю. 1868, т. 35, стр. 182—8.

² Н. Ланге, О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву, стр. 222.

³ Н. Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, стр. 290 и слѣд. Ср. оцѣнку общихъ выводовъ Н. Ланге у А. Стоянова, Рѣчь, сказ. 11 ноября 1862 г., Юрид. вѣстн. изд. Н. Калачовымъ, 1862, вып. 26, стр. 79—86 и Грыцько, Арх. ист. и практич. свѣд. 1863, кн. 5, стр. 31.

⁴ Біографическія данныя о Я. И. Баршевѣ ср. В. Григорьевъ, Имп. Спбуртскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, Спб. 1870, стр. 130 и 160; С. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь, т. 2, Спб. 1891, стр. 205—6.

⁵ Я. Баршевъ, О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовного, въ особенности русскаго права, Спб. 1846, стр. 50 и слѣд.

⁶ Я. Баршевъ, Ор. cit., стр. 53 и слѣд.

рое законодателю предстоит формулировать, развивается «въ началѣ народной жизни само собой» «подобно первоначальному образованию языка»¹. Съ теченіемъ времени «порядокъ отвергается въ народный обычай. Обычаю приходитъ на помощь практика»², которая «представляется... живымъ голосомъ права»³. Практика должна сохранить свое значеніе «и въ самомъ блестящемъ періодѣ законодательства»⁴. Это находитъ свое объясненіе въ томъ, что «практика дѣйствуетъ на образование права не только тѣмъ, что истолковываетъ законъ..., но и тѣмъ, что открываетъ и передаетъ право, котораго не находится въ законахъ»⁵.

Трудно сказать, насколько эти идеи нашли себѣ дѣйствительное осуществленіе въ преподаваніи Я. Баршева⁶, но несомнѣнно что, однородныя стремленія лежатъ въ основаніи усилій и другихъ нашихъ историковъ-криминалистовъ, сдѣлавшихъ попытку непосредственно подойти въ своихъ трудахъ къ разрѣшенію этихъ проблемъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ А. Богдановскій⁷ провозглашаетъ основной задачей криминалиста раскрытіе «процесса внутренняго перерабатыванія идей въ умственной лабораторіи народа» и уясненіе «понятій народа, насколько они выражаются въ его правѣ, о различныхъ направленіяхъ воли человѣческой, о мѣрѣ, способѣ и образѣ воздаянія за различныя обнаруженія этой воли»⁸.

Предпринимая соотвѣтственное изслѣдованіе, А. Богдановскій считаетъ цѣлесообразнымъ сосредоточиться, прежде всего, на томъ раннемъ моментѣ въ исторіи нашего права, когда въ немъ еще не тронуты чуждыми вліяніями національныя начала. Онъ отожд-

¹ Я. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 47 и слѣд. | ср. В. Григорьевъ, *Op. cit.*, стр. 160.

² Я. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 101.

³ Я. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 66.

⁴ Я. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 81 и слѣд.

⁵ Я. Баршевъ, *Op. cit.*, стр. 84 и др. въ особ. 87.

⁶ Объ общемъ характерѣ преподаванія Я. Баршева съ 1835 по 1857 г.

⁷ Біографическія данныя о А. М. Богдановскомъ, род. въ 1832 г. ср. А. Маркевичъ, Двадцатипятилѣтіе имп. Новороссійскаго университета, историч. записка, Од. 1890, стр. 527—531.

⁸ А. Богдановскій, Развитие понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго, М. 1857, Пред., стр. 1.

дествляетъ это время съ до-петровской эпохой въ нашемъ правѣ, «когда законодательство наше развивалось исключительно само-бытно, когда юридическія идеи образовались и выражались подъ угломъ зрѣнія, исключительно народнаго»¹.

Легко видѣть, что задача, которую намѣтилъ себѣ А. Богдановскій, была совершенно не разрѣшима, по крайней мѣрѣ для того времени, когда онъ ее ставилъ. Едва ли не главной причиной недоступности разрѣшенія ея было то, что для уясненія процесса возникновенія уголовно-правовыхъ идей до-петровской эпохи въ нашемъ правѣ приходилось пользоваться такими источниками, которые только отчасти являлись отраженіемъ нашего стараго обычнаго права. Не говоря уже о томъ, что на такихъ памятникахъ какъ Договоры съ греками, Уставъ Ярослава о церковныхъ судахъ, Уложеніе 1649 г. и др. рельефно отразилось вліяніе чуждыхъ національному духу юридическихъ взглядовъ, отсутствовало въ значительной мѣрѣ матеріалъ, позволявшій разграничить заимствованное отъ развившагося органически на почвѣ мѣстныхъ условій. При томъ состояніи знаній о прошломъ русской культуры, которое характеризуетъ середину XIX в., оставалось только или выставить предположеніе, что преемственность въ развитіи уголовно-правовыхъ идей нашего права совпадаетъ съ историческимъ процессомъ ихъ хода у другихъ народовъ, или ждать дальнѣйшаго накопленія знаній о нашемъ юридическомъ прошломъ. А. Богдановскій пошелъ по первому пути, какъ сдѣлалъ еще до него въ аналогичныхъ обстоятельствахъ В. Линовскій. Мы увидимъ, однако, позднѣе, что и медленный путь постепеннаго накопленія матеріаловъ имѣлъ у насъ своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ.

Въ трудѣ «Исслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича», Од. 1847², В. Линовскій³, поскольку онъ стремится возстановить начала, ру-

¹ А. Богдановскій, Ор. сіт., стр. 2 и слѣд. новскомъ, род. въ 1818 г. († 1863), ср. І. Михневичъ, Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевского лица съ 1817 по 1857 г., Од. 1857, стр. 84 и слѣд.; М. Владимірскай-Будановъ, Ис-

² Годичный актъ въ Ришельевскомъ лицѣ 22 Іюня 1847, Од. 1847.

³ Біографическія данныя о В. А. Ли-

ководившія составителями Уложения 1649 г., переходить въ дѣйствительности къ открытію въ немъ принциповъ, которые возникли на почвѣ конструктивной работы западной философской мысли и отчасти хода развитія западнаго законодательства. В. Линовскій видитъ въ Уложеніи 1649 г. «въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ», который «со всею возможною полнотою излагаетъ сущность запрещенныхъ дѣйствій и со всею подробностью опредѣляетъ наказанія». Онъ полагаетъ далѣе, что составителями Уложения руководило стремленіе «основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды и справедливости, а не на временныхъ и преходящихъ»¹, и что большинство тонкихъ понятій, выработавшихся въ наукѣ уголовного права примѣнительно къ отгѣпкамъ вины, покушенія, соучастія и проч., нашло себѣ реальное и сознательное воплощеніе въ его на внѣшній видъ мало обработанныхъ положеніяхъ².

Отсутствіе серьезныхъ успѣховъ въ области исторической разработки нашего уголовного законодательства находило отчасти свое объясненіе въ бѣдности матеріаловъ, съ которой приходилось считаться изслѣдователямъ. Выполненіе этой очередной задачи принимаетъ на себя рядъ учреждений, а изъ нашихъ ученыхъ, главнымъ образомъ, Эв. Тобинъ и Н. Калачовъ.

Первый³ изъ нихъ выступаетъ съ изданіемъ критически обработанныхъ источниковъ русскаго права⁴ и нѣсколько ранѣе

торія имп. университета св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 250; Гр. Геннади, Справоч. слов., т. 2, Берл. 1880, стр. 241.

¹ В. Линовскій, Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексея Михайловича, Ор. 1847, Введ., стр. I.

² Строгую критику трудъ В. Линовскаго нашелъ въ статьѣ Я. Есиповича, Литературная характеристика Уложения 1649 г., Ж. М. Ю. 1859 г., кн. 1, отд. 1, стр. 5—7, 14 и др.

³ Біографическія данныя о Эв. Тобинѣ, род. 1811 г. († 1861), ср. М.

Дьяконовъ, статья о Эв. Тобинѣ въ Біограф. слов. профес. и препод. имп. Юрьевскаго, бывш. Дерптскаго, унив. за сто лѣтъ его существованія (1802—1902), т. 1, Юр. 1902, стр. 592—4.

⁴ Ew. Tobien, Sammlung kritisch bearbeiteten Quellen der Geschichte des russischen Rechts, B. 1, Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands, Dorp. 1845; B. 2, Die ältesten Gerichtsordnungen und das älteste allgemeine Land-Recht, Dorp. 1846, Ср. разборъ въ Inland 1845, № 12, S. 187—190.

съ монографическими трудами по отдѣльнымъ институтамъ русскаго уголовного права ¹.

Попытку сведенія своихъ работъ воедино Эв. Тобинъ дѣлаетъ въ «Lehrbuch des gesammten russischen Rechts», В. I и II, оставшемся въ рукописномъ видѣ и не затронувшемъ области уголовного права ², а въ примѣненіи къ послѣднему въ своемъ «Взглядѣ на основныя начала русскаго уголовного законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845 г.» ³.

Настаивая на мысли, что въ процессѣ развитія русскаго уголовного права всегда оставалась господствующей «народная основа права» ⁴, Эв. Тобинъ считаетъ въ то же время несомнѣннымъ, что оно не было свободнымъ отъ вліянія философіи, проводникомъ которой являлось высшее духовенство ⁵. Въ основаніе различенія отдѣльныхъ фазисовъ развитія русскаго уголовного права Эв. Тобинъ полагаетъ характеръ и цѣль уголовныхъ наказаній ⁶. Конструктивные труды Эв. Тобина далеко, однако, не имѣютъ того значенія, которое справедливо признается за его изданіями памятниковъ русскаго законодательства.

Въ еще большей мѣрѣ это должно быть признано относительно Н. В. Калачова ⁷, который выступилъ неутомимымъ соби-

¹ Ew. Tobien, Nonnula de vi, quam jus romanum in jus russicum temporibus antiquissimis habuerit, Dorp. 1838; Ew. Tobien, Die Blutrache nach altem russischen Rechte verglichen mit der Blutrache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen, Dorp. 1840.

² Оба тома трактуютъ вопросы государственнаго права, Die Verfassung und Verwaltung Russlands, и были представлены около 1845 г. во вт. отд. соб. Е. И. В. канц., гдѣ и были олобренены къ печати. Трудъ Эв. Тобина, Введеніе въ исторію русскаго права, Ж. М. нар. просв. 1845, ч. 48, отд. 2, стр. 65—80, даетъ только чисто

внѣшнюю характеристику исторіи русскаго права какъ предмета преподаванія.

³ Рѣчь, произн. 21 апр. 1846 г., Ж. М. нар. просв. 1847, ч. 54, отд. 2, стр. 165—192, пер. А. Л.

⁴ Эв. Тобинъ, Взглядъ на основныя начала русскаго уголовного законодательства, 1846, стр. 169.

⁵ Эв. Тобинъ, Op. cit., ibid.

⁶ Эв. Тобинъ, Op. cit., стр. 171.

⁷ Біографическія данныя о Н. В. Калачовѣ, род. 1819 († 1885), ср. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. М. У., ч. 1, М. 1855, стр. 366—376; М. Шимановскій, Николай Васильевичъ Калачовъ,

рателемъ памятниковъ нашего законодательства, данныхъ судебной практики и юридическихъ обычаевъ, какъ матеріала, необходимаго для исторической разработки права.

Появленіе основанныхъ Н. Калачовымъ въ 1850 г. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», и въ 1859 г. «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», равно какъ связаннаго съ ними «Юридическаго вѣстника» въ 1860 г., сыграло въ нашей литературѣ роль крупныхъ событій и приблизило къ разрѣшенію проблемму уясненія матеріала нашего уголовного права. Богатыя данныя о древне-русскихъ процессахъ, дѣловыхъ бумагахъ старой Россіи и проповѣдь необходимости изученія русскаго обычнаго права и судебныхъ рѣшеній, какъ составной части нашего юридическаго быта, ¹ дѣлаютъ изданія Н. Калачова особенно цѣнными.

Въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя исторіи русскаго уголовного права и вліяній, подъ которыми оно развивалось, Н. Калачовъ выступилъ въ своихъ трудахъ о Русской правдѣ ² и Кормчей ³. Въ то же время Н. Калачовъ сдѣлалъ опытъ истолкованія уголовно-правовыхъ постановленій не только нашего древняго права ⁴, но отчасти и новѣйшаго ⁵.

Од. 1885; Некрологъ Н. В. Калачова, Русск. стар. 1886, янв., стр. 257—260; Н. Василенко, статья о Н. Калачовѣ въ Энци. слов., т. 14, стр. 7 и слѣд.

¹ Н. Калачовъ, Объ отвращеніи обычнаго права къ законодательству, Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г., стр. 119—128. Ср. также Программу разработки началъ русскаго гражданскаго права, по Своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ, Юрид. вѣстн. 1867—68 г., кн. 4, стр. 3—47.

² Н. Калачовъ, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской правды и Текстъ Русской правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, М. 1846.

³ Н. Калачовъ, О значеніи Кормчей

въ системѣ русскаго права, М. 1847; Н. Калачовъ, Дополненіе къ разсужденію г. Делпа о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, Арх. ист.-юрид. свѣд., относ. до Россіи, кн. 3, Спб. 1861, отд. 4, стр. 5—35.

⁴ Н. Калачовъ, О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича, Юрид. зап., изд. П. Рѣдкинымъ, т. 1, 1841, стр. 47—160; Объ уголовномъ правѣ по Судебнику царя Іоанна Васильевича, Юрид. зап., т. 2, 1842, стр. 306—408; Н. Калачовъ, Разборъ сочиненія г. Чебышева-Дмитріева: „О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву“, 32-ое присужд. учрежд. П. Н. Демидовымъ награждъ 5 іюня 1863 г., стр. 123—135.

⁵ Н. К.—ъ, Новое Уложеніе о на-

Д. Судьбы научно-догматической разработки русского положительного уголовного права.

Историко-сравнительное направление: П. И. Дегай, А. Д. Любавский.—Догматики-практики: П. А. Мулловъ, К. К. Арсеньевъ и др.—В. Д. Спасовичъ, какъ догматикъ-теоретикъ.

Высота уровня научно-догматической разработки является въ известной степени мѣриломъ успѣховъ науки уголовного права. Если систематическое построение дѣйствующихъ опредѣленій въ формѣ общихъ понятій, отвлеченныхъ отъ положительнаго права и способныхъ, въ свою очередь, служить началами, изъ которыхъ могутъ быть выведены отдѣльныя его положенія, представляется только одной стороной уголовного правовѣдѣнія, то тѣмъ не менѣе весьма существенной. Даже если исключить изъ научной догмы изложеніе соображеній, которыя должны лечь въ основаніе усовершенствованія дѣйствующаго права въ смыслѣ изслѣдованія путей, которыми они могутъ быть осуществлены, то и тогда научная догма не можетъ не предполагать использованія цѣлаго ряда разнообразныхъ данныхъ, соприкасающихся съ преступленіемъ и наказаніемъ и ихъ обуславливающихъ. Научная догма не имѣетъ серьезнаго значенія, если не связана съ общими философскими принципами права, не соединена съ критикой цѣлесообразности отдѣльныхъ постановленій и институтовъ дѣйствующаго права и не стремится привести въ соотвѣтствіе эти послѣдніе съ природою отношеній, которыя имѣется въ виду регулировать.

Эпоха въ развитіи науки русского уголовного права; наступающая съ появленіемъ Свода, поразительно бѣдна опытами догмы. Мы только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемся съ разрозненными усиліями въ этомъ направленіи, и наиболѣе плодотворныя изъ нихъ выпадаютъ на самый конецъ 50-хъ годовъ. Что касается приемовъ, примѣняемыхъ нашими догматиками, то они представляютъ собой отчасти модификацію путей уже пройденныхъ. Мы наблюдаемъ, ближайшимъ образомъ, новыя усилія создать остовъ юридическихъ понятій для казанійхъ уголовныхъ, Отч. зап. 1846, | № 9, ч. 48, отд. 1, стр. 1 и слѣд.

русской правовой действительности при помощи обобщения исключительно западных законодательных определений. В уже сложившихся институтах иностранного законодательства в историческом процессе его развития некоторые криминалисты ищут канвы, на которую может быть нанесено наше право и могут получить надлежащую формулировку обобщающие его принципы. — Другие представители нашей криминалистики не вѣрятъ въ возможность построения этимъ путемъ догмы и продолжают держаться за букву русскаго законодательства, которое они пытаются истолковать независимо отъ масштабовъ западнаго права, пользуясь въ лучшемъ случаѣ отдѣльными наудачу взятыми постановленіями западныхъ законодательствъ, какъ наиболее подходящими къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находится Россія. По существу мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ сравнительнымъ приѣмомъ изученія, но онъ не носитъ характера систематическаго изслѣдованія законодательства въ процессѣ его историческаго роста и покоится на простомъ сопоставленіи аналогичныхъ институтовъ. — Наконецъ, болѣе серьезной попыткой созданія научной догмы русскаго уголовного права являются у насъ усилія криминалистовъ, старающихся извлечь эту догму путемъ логическаго обобщенія отдѣльных постановленій нашего права, провѣрить ее при помощи общихъ философскихъ началъ, но не игнорировать въ то же время ея частной природы и исключительно ей присущихъ особенностей.

Если для перваго теченія въ научно-догматической обработкѣ можно принять съ нѣкоторыми оговорками названіе историко-сравнительнаго направленія, то для сторонниковъ другихъ двухъ теченій наиболее соответственнымъ представляется именовавіе ихъ догматиками-практиками и догматиками теоретиками.

Научная обработка догмы уголовного права предполагаетъ, какъ мы видѣли, установленіе общихъ началъ, къ которымъ могло бы быть возведено положительное право. Такъ какъ послѣднее въ моменты извѣстнаго культурнаго развитія принимаетъ у разныхъ народовъ близкія по своимъ очертаніямъ формы, то вполне есте-

ственно стремленіе подойти къ научному конструированію не приведеннаго въ систему положительнаго права при помощи обобщеній, извлеченныхъ изъ соотвѣтственныхъ законодательствъ другихъ народовъ.

Въ нашей литературѣ подобная попытка была предпринята въ срединѣ сороковыхъ годовъ П. Дегаемъ¹. Въ своемъ «Взглядѣ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ»², П. Дегай оцѣниваетъ всю важность изученія основныхъ чертъ западно-европейскаго уголовного права для созданія общихъ очертаній науки. «Автономическіе, туземные законы, пишетъ П. Дегай, порождаютъ науку законодательства; ... она не стѣсняется предѣлами мѣстности..., отдѣляетъ общее отъ частнаго, постоянное отъ временнаго... и..., усвоивая полезное, достигаетъ до окончательнаго ея развитія.»³. Созданная этимъ путемъ теорія, думаетъ П. Дегай, если притомъ обобщенія будутъ дѣлаться на почвѣ права народовъ близкихъ другъ другу по быту, будетъ теоріей истинной потому, что «теорія... тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ тѣснѣе связана съ опытомъ»⁴.

Въ части труда, появившейся въ печати, П. Дегай даетъ только внѣшнюю исторію западно-европейскаго права, излагая ее по группамъ народовъ. Въ одну изъ нихъ онъ относитъ уголовное право народовъ юга и запада, у которыхъ наблюдается преобладаніе римскаго права, въ другую—право народовъ сѣвера, гдѣ «первенствовали туземные автономическіе законы» и въ послѣднюю—право народовъ «средней части Европы, которыхъ уголовные кодексы представляютъ сліяніе означенныхъ элементовъ»⁵.

¹ Біографическія данныя о П. И. Дегаѣ, Ср. Л. Загурскій, Опытъ исторіи юридическаго факультета И. Х. У., Зап. И. Х. У., кн. 1 и 2, стр. 45—52; Гр. Геннади, Справочн. слов., т. 1, Берл. 1876, стр. 283 и слѣд.; Энциклопед. слов. т. 10, Спб. 1893, стр. 255 и слѣд.

² П. Дегай, Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ, Библ. для чт. 1845 г., т. 69, стр. 35—96 и отд. изд. Спб. 1845. Окончаніе этого труда, обнимающаго три части, дошло до насъ въ рукописномъ видѣ. (Румянц. муз. № 2609).

³ П. Дегай, Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ, Спб. 1845, стр. 3.

⁴ П. Дегай, Ор. cit., стр. 4.

⁵ П. Дегай, Взглядъ, Библ. для чт. т. 69, стр. 37.

въ Европѣ, Библ. для чт. 1845 г., т.

Наибольше существенной стороной труда П. Дегая являются отдѣлы, посвященные «сравненію узаконеній о каждомъ преступленіи, установленныхъ и изложенныхъ во второй и третьей части сего сочиненія», оставшіеся въ рукописномъ видѣ ¹. Давая здѣсь обобщенія, вытекающія изъ реального юридическаго уклада западныхъ народовъ, П. Дегай полагаетъ, что онъ изслѣдуетъ въ то же время матеріаль, вскрывающій характеръ народовъ, такъ какъ «положительный законъ, какъ выраженіе дѣйствительнаго быта, какъ признаніе, событіями вынужденное, открываетъ съ достоверностью народный характеръ. Сравнительная исторія законодательства, добавляетъ П. Дегай, есть лучшая исторія рода человѣческаго» ². Естественнымъ продолженіемъ труда П. Дегая было бы изложеніе русскаго уголовнаго права, но эта задача осталась не выполненной.

На историко-сравнительный базисъ опирается въ догматическихъ работахъ по русскому уголовному праву и А. Д. Любавскій. Этотъ путь представляется ему цѣлесообразнымъ въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность отыскать источникъ институтовъ, наблюдающихся въ русскомъ уголовномъ правѣ, и объяснить ихъ наибольше законченнымъ и точнымъ образомъ.

Примѣромъ того, какъ понимаетъ А. Любавскій примѣненіе историко-сравнительнаго приѣма на службѣ догматическихъ работъ, служить его трудъ «О дѣтоубійствѣ» ³. Только путемъ историко-сравнительнаго изученія А. Любавскій устанавливаетъ признаки послѣдняго преступленія, а равно приходитъ къ заключенію, что дѣйствующее русское уголовное законодательство не стоитъ по данному вопросу въ связи съ опредѣленіями нашего стараго права и

¹ Рум. музей, № 2609. Вторая и третья часть труда П. Дегая обнимаютъ собой въ раздѣлѣ I „Основныя начала уголовнаго законодательства“, въ раздѣлѣ II „О каждомъ родѣ преступленій въ особенности“. Система, которой слѣдуетъ П. Дегай, въ общей части нѣсколько отклоняется отъ укоренившейся къ тому времени на западѣ, между прочимъ, край-

ней дробностью дѣленій и возвращеніемъ по нѣскольку разъ къ одному и тому же понятію.

² П. Дегай, Взглядъ, Спб. 1845, стр. 100.

³ А. Любавскій, О дѣтоубійствѣ, Юрид. вѣств. 1863, вып. 37, стр. 1—29.

находится «подъ вліяніемъ общегерманскаго права»¹. Тѣми же приемами А. Любавскій руководствуется въ своихъ догматическихъ дополненіяхъ къ учебнику П. Калмыкова.

Догматиками, преслѣдующими преимущественно практическую задачу установленія единообразной судебной практики, выступаютъ у насъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-ыхъ годовъ П. А. Мулловъ², К. К. Арсеньевъ и нѣкоторые другіе. «До послѣдняго времени, пишетъ П. Мулловъ, у насъ преимущественное вниманіе обращалось въ юридической литературѣ на теорію права и на исторію русскаго законодательства. Но теперь, вмѣсто того, вниманіе, главнымъ образомъ, начинаетъ сосредоточиваться на разсмотрѣніи нашего положительнаго, нынѣ дѣйствующаго законодательства»³. П. Мулловъ полагаетъ, притомъ, что дѣйствующее право не можетъ исчерпываться постановленіями писаннаго уголовнаго закона и должно, прежде всего, быть пополнено положеніями права обычнаго и судебной практики⁴.

Къ изложенію нашей догмы П. Мулловъ подходитъ путемъ монографическаго трактованія отдѣльныхъ вопросовъ, не всегда, правда, затрогивающихъ самыя существенныя стороны нашего права. Въ трудахъ «Женщина какъ подсудимая и преступница по русскому законодательству»⁵ и «Вліяніе ссылки на бракъ по русскимъ законамъ»⁶ П. Мулловъ подвергаетъ систематизаціи тѣ постановленія, въ которыхъ женщина выступаетъ въ иномъ положеніи по сравненію съ мужчиной. Въ другихъ своихъ догматическихъ трудахъ П. Мулловъ затрогиваетъ вопросы объ истреб-

¹ А. Любавскій, *Op. cit.*, стр. 4, 12.

² Біографическія данныя о Павлѣ Андреевичѣ Мулловѣ, род. въ 1832 г. († 1893), ср. *Энциклопед. слов.*, т. 20, Спб. 1897, стр. 175.

³ П. Мулловъ, *Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ*, Ж. М. Ю. 1862, т. 11, кн. 1, стр. 29.

⁴ П. Мулловъ, *Op. cit.*, стр. 30, 32.

⁵ П. Мулловъ, *Женщина какъ подсудимая и преступница по русскому законодательству*, Ж. М. Ю. 1861, т. 7, кн. 3, отд. 1, стр. 540—586.

⁶ П. Мулловъ, *Вліяніе ссылки на бракъ по русскимъ законамъ*, Ж. М. Ю. 1861, т. 8, кн. 5, отд. 1, стр. 245—284.

ленія плода ¹, о понятіи пристанодержательства, укрывательства ² и проч.

Нѣсколько позднѣе съ трудами догматическаго характера выступаетъ въ нашей литературѣ К. К. Арсеньевъ ³. Онъ чаще, чѣмъ П. Мулловъ, прибѣгаетъ къ сопоставленію нашего права съ западнымъ, стремясь при помощи этого приѣма уяснить степень цѣлесообразности его опредѣленій.

Наиболѣе существенные вопросы нашего дѣйствующаго уголовного законодательства затрогиваетъ трудъ К. Арсеньева «О предумышленномъ и непредумышленномъ убійствѣ» ⁴. Сосредоточивъ свое вниманіе на стличительныхъ чертахъ предумышленія, К. Арсеньевъ видитъ ихъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что моменты реализаціи умысла, съ одной стороны, и сформированія его, съ другой, представляются несовпадающими ⁵. К. Арсеньевъ еще до принятія въ нашемъ законодательствѣ раздѣленія непредумышленія въ примѣненіи къ убійству на комбинаціи умысла внезапнаго и состоянія зацальчивости и раздраженія предлагаетъ внести эти отѣнки ⁶. Вмѣстѣ съ тѣмъ, К. Арсеньевъ останавливается на уясненіи содержанія въ нашемъ правѣ понятія умоизступленія, безпамятства, опьяненія ⁷, нѣкоторыхъ спе-

¹ П. Мулловъ, Вопросъ изъ судебной медицины, Ж. М. Ю. 1861, т. 10, кн. 10. отд. 1, стр. 102 и слѣд.

² П. Мулловъ, Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и волвореніе, Арх. ист. и практич. свѣд., относящ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, 1859, кн. 3, прилож. 2, стр. 8—14. Ср. также П. Мулловъ, Замѣтка о 2233 ст. Уложенія о наказаніяхъ, Юрид. вѣст., изд. Н. Калачовымъ 1860—1861, вып. 12, стр. 1 и слѣд.; вып. 3, стр. 40 и слѣд.

³ Біографическія данныя о К. К. Арсеньевѣ ср. С. Венгеровъ, Критико-біографич. слов. русскихъ писателей и

ученыхъ, Спб. 1889, т. 1, стр. 788—802; Энциклоп. слов., Спб. 1890, т. 2, стр. 175.

⁴ К. Арсеньевъ, О предумышленномъ и непредумышленномъ убійствѣ, Ж. М. Ю. 1861, т. 10, кн. 10, отд. 1, стр. 61—92.

⁵ К. Арсеньевъ, О предумышленномъ и непредумышленномъ убійствѣ, стр. 72 и слѣд.

⁶ Ср. К. Арсеньевъ, Ор. сіт., стр. 85 и слѣд.

⁷ Ср. К. Арсеньевъ, О примѣненіи 104, 108 и 118 ст. Уложенія о наказаніяхъ, Ж. М. Ю. 1861, т. 8, июнь, стр. 511—519.

ціальнихъ случаевъ соучастія ¹, покушенія ² и проч.

Примѣру П. Муллова и К. Арсеньева слѣдуютъ у насъ В. Андреевъ ³, Я. Серебрянный ⁴, П. Дротаевскій ⁵, М. Бульмерингъ ⁶ и нѣкот. др.

Ни одному изъ этихъ криминалистовъ не можетъ быть, однако, приписана сколько нибудь серьезная роль въ дѣлѣ насажденія у насъ научной догмы уголовного права. Работы, принимавшіяся ими, касаются обыкновенно только отдѣльныхъ разрозненныхъ вопросовъ, а болѣе серьезныя попытки, не идуть дальше постановки задачи и подготовительныхъ работъ для изложенія догмы нашего уголовного законодательства. Только въ лицѣ В. Д. Спасовича русская криминалистика получаетъ юриста, благодаря которому научная догма нашего уголовного права вступаетъ въ новый фазисъ ея болѣе глубокаго развитія.

¹ К. Арсеньевъ, О смягченіи наказанія несовершеннолѣтнимъ, вовлеченнымъ въ преступленіе совершеннолѣтними, Ж. М. Ю. 1861, т. 8, апр., стр. 93—109, и О вліяніи родственныхъ и тому подобныхъ отношеній на мѣру вины и наказанія преступниковъ, *ibid.*, стр. 109—124. Ср. основныя положенія по этимъ вопросамъ, стр. 108 и слѣд. и стр. 124. Съ этими трудами К. Арсеньева связана статья И. Ш., О вліяніи родственныхъ и другихъ отношеній на мѣру вины и наказанія преступниковъ, Ж. М. Ю. 1861, т. 9, стр. 279—292 и другой трудъ К. Арсеньева, О вліяніи родственныхъ отношеній на мѣру вины и наказанія преступниковъ, *ibid.*, т. 10, кн. 12, отд. 1, стр. 485—6.

² К. Арсеньевъ, О примѣненіи ст. 2189 Уложенія О наказаніяхъ, Ж. М. Ю. 1861, т. 8, июнь, стр. 519—523, О покушеніи на зажигательство.

³ В. Андреевъ, О наказаніяхъ за повтореніе преступленій, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1860—61, вып.

3, стр. 54—9.

⁴ В. Серебрянный, Случай изъ русской уголовной практики, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1860—61, вып. 12, стр. 6—43. Этотъ трудъ посвященъ вопросу о вліяніи по нашему праву разстройства умственныхъ способностей на уголовное вмѣненіе.

⁵ П. Дротаевскій, Пьянство какъ причина, уменьшающая наказаніе, Ж. М. Ю. 1862, т. 14, кн. 10, отд. 1, стр. 107—112. Авторъ критикуетъ соответственныя положенія Уложенія и защищаетъ начало, по которому „пьянство должно служить причиною, уменьшающею наказаніе, соразмѣрно большому или меньшему участию сознанія и воли“, ср. *Op. cit.*, стр. 110.

⁶ М. Бульмерингъ, О самоубійствѣ, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1860—1861, вып. 5, стр. 35—45. Авторъ раздѣляетъ точку зрѣнія, по которой самоубійство должно разсматриваться какъ преступленіе, приводя въ пользу этого рядъ доводовъ, ср. стр. 37, 41, 42.

В. Д. Спасовичъ¹, род. 1829 († 1906) г., адъюнктъ и профессоръ по кафедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ съ 1858 по 1861 г. въ Петербургскомъ университетѣ, былъ не только криминалистомъ, но писателемъ и дѣятелемъ, оставившимъ замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей общественности. Событія, побуждавшія В. Спасовича къ переходу отъ одной сферы дѣятельности къ другой, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ переломомъ и настроеніями, наблизившимися въ нашей жизни конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ. Независимая научная дѣятельность, о которой онъ мечталъ въ молодыхъ годахъ, не вязалась съ общимъ переходнымъ характеромъ эпохи. Какъ моментъ преобразованій и подъема общественнаго самосознанія, время, въ которое онъ выступилъ, намѣчало для сильныхъ духомъ людей каждый разъ новыя перспективы. В. Спасовичъ отзывался на эти колебанія, и можно безъ преувеличенія сказать, что идеи и дѣятельность его не только отражаютъ этапы нашего общественнаго развитія, но иногда даютъ ключъ къ ихъ правильному разумѣнію.

Какъ юристъ, В. Спасовичъ понималъ то огромное значеніе, которое играетъ въ идеологіи общества созданіе права, вполне отвѣчающаго сознаннымъ потребностямъ. Путемъ, наиболее дѣйствительнымъ образомъ ведущимъ къ этой цѣли, онъ считаетъ практическое изученіе дѣйствующаго права и возведеніе его къ общимъ положеніямъ. Только на такой основѣ могутъ быть созданы, по его мнѣнію, юридическія конструкціи, отвѣчающія потребностямъ общества.

¹ Біографическія данныя о В. Д. Спасовичѣ, ср. В. Григорьевъ, Императорскій Спбургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія, Спб., 1870, стр. 161, 48; Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. Каз. унив. (1804—1904), ч. 2, Каз., 1904, стр. 76; В. Спасовичъ, Пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета, въ сборн. „За мно-го лѣтъ“, Спб. 1872, стр. 1—44; А. Кони, Статя о В. Спасовичѣ въ Энциклоп. слов., т. 31, Спб. 1900, стр. 141—5; А. Кони, Очерки и воспоминанія, Спб. 1906; В. Набоковъ, В. Д. Спасовичъ, Право, 1906, № 41, стр. 3149 и сл.; М. Винаверъ, Спасовичъ; Право, 1907, № 2, стр. 81—103, № 3, стр. 161—172.

Критическое изученіе дѣйствующаго права обнимаетъ, по представленію В. Спасовича, оцѣнку его съ точки зрѣнія причинъ, вызвавшихъ то или другое опредѣленіе, и пригодности достигать намѣченныя цѣли. «Слѣдуетъ читать въ законѣ, пишетъ В. Спасовичъ,... между строками, а именно причины его появленія, мѣсто его въ системѣ права и вѣроятныя послѣдствія, которыя должны повлечь за собой его примѣненіе»¹. Добытые критическимъ путемъ результаты должны конструироваться въ формѣ юридическихъ понятій. Последнія могутъ противорѣчить иногда на первый взглядъ справедливости, но въ дѣйствительности служатъ наиболѣе надежными и устойчивыми принципами для регулированія общественныхъ отношеній. Это находятъ свое объясненіе въ томъ, что опредѣленныя юридическія формулы, какъ выражается В. Спасовичъ, «имѣютъ удивительную тягучесть и не разрушаются съ исчезновеніемъ вызвавшихъ ихъ къ жизни обстоятельствъ»². Положенія, извлеченныя изъ права и воплощенныя въ юридическія конструкции, дѣлаютъ возможнымъ выводъ изъ нихъ цѣлаго ряда послѣдствій, постулируемыхъ жизнью и составляющихъ устойчивыя основы, которыя трудно замѣнить чѣмъ нибудь инымъ³.

Если созданіе юридическихъ конструкцій является путемъ, при помощи котораго можетъ достигаться наиболѣе дѣйствительное учитываніе сознанныхъ обществомъ потребностей, то изученіе уголовного права предполагаетъ, прежде всего, ознакомленіе съ входящими въ его содержаніе юридическими понятіями. Юристу В. Спасовичъ ставитъ опредѣленную задачу «осмыслить положительный законъ, свести законодательство во всемъ его объемѣ къ немногимъ кореннымъ юридическимъ идеямъ»⁴, а въ наукѣ уголовного права видитъ, прежде всего, «систематическое изложеніе коренныхъ общихъ началъ отправленія уголовного правосудія, из-

¹ В. Спасовичъ, Обзоръ перемѣнъ въ | стр. 311.

законодательствѣ уголовномъ, начиная | ³ Ср. В. Спасовичъ, Теорія взлома, съ новаго изданія Свода законовъ | стр. 314 и слѣд.

1857 г., Вѣкъ 1861, № 5, 154.

² В. Спасовичъ, Теорія взлома, | ⁴ В. Спасовичъ, Учебникъ уголовного права, т. 1, Спб. 1863, стр. 2. сборникъ „За много лѣтъ“, Спб. 1872,

влеченныхъ логическою дѣятельностью ума изъ извѣстнаго какого-нибудь законодательства». Наука уголовного права, съ точки зрѣнія В. Спасовича, перерабатываетъ «сырой матеріаль, кучу накопившихся въ теченіи времени узаконеній», «подмѣчаетъ общее и коренное и превращаетъ въ стройную систему понятій даннаго народа или всѣхъ народовъ о правосудіи уголовномъ, образовавшуюся подъ вліяніемъ всѣхъ условій историческаго существованія этихъ народовъ и отражающую всѣ характеристическія особенности ихъ духа»¹. Научно-догматическій приѣмъ изученія уголовного законодательства приводитъ въ результатъ къ формуламъ, которыя, какъ продуктъ человѣческаго духа, восходятъ къ общимъ законамъ природы человѣка и общества и могутъ быть выведены «изъ природы человѣка и общества»². Начала, на которыхъ покоится уголовное правосудіе и которыя учителя уголовного права склонны были считать абсолютно данными³, въ глазахъ В. Спасовича, вытекаютъ изъ качествъ, присущихъ человѣку. Проявляясь въ правѣ, какъ продуктъ отвлеченія и обобщенія, они «становятся идеєю справедливости»⁴. Путемъ постепеннаго обобщенія отдѣльных положеній положительнаго права, путемъ сведенія ихъ къ управляющимъ ими припципамъ, В. Спасовичъ приходитъ къ своимъ взглядамъ на существо преступленія, наказанія и ихъ взаимное соотношеніе.

Преступленія представляются В. Спасовичу дѣянiями, «кои... несовмѣстны съ общежитіемъ и не могутъ быть охранены другими менѣе насильственными средствами»⁵. Наказаніе—не что иное

¹ Учебникъ, стр. 3.

² Учебникъ, стр. 10.

³ Учебникъ, стр. 50.

⁴ Ibid., стр. 50. Въ своей рѣчи передъ диспутомъ въ Петербургскомъ университетѣ В. Спасовичъ, характеризуя свой „Учебникъ“, замѣчаетъ: „я старался доказать, что.. вѣчная идея безусловной правды и справедливости вовсе не существуетъ внѣ человѣка, не имѣетъ реальнаго бытія, что она—только выраженіе дѣйствительныхъ отношеній и

явленій, сознанныхъ умомъ“... Ср. Диспутъ г. Спасовича, Ж. М. Ю. 1864, т. 19, кн. 1, отд. 4, стр. 206 и сл.

⁵ Учебникъ, стр. 66, 69, 84. С. Баршевъ въ своемъ разборѣ Учебника В. Спасовича, Русск. вѣстн. 1864, т. 50, апр., стр. 786 и сл., считалъ ученіе В. Спасовича о преступленіи под-сказаннымъ естественно-правовыми теоріями и противорѣчащимъ положительному характеру уголовного права.

какъ «охраненіе закона положительнаго, посредствомъ исключенія изъ общества тѣхъ, чья совѣсть разошлась, судя по ихъ дѣйствіямъ внѣшнимъ, съ совѣстью общественною...», или посредствомъ испытанія и примиренія съ обществомъ...»¹. Наказаніе соотвѣтствуетъ преступленію только въ томъ случаѣ, когда оно находится въ согласіи съ объективнымъ значеніемъ учиненнаго, «свойствомъ породившихъ его мотивовъ» и всей личностью преступника². Въ философскихъ началахъ, которыя привносилъ В. Спасовичъ въ подобнаго рода уголовно-правовыя конструкціи, онъ видѣлъ объединяющій элементъ, позволяющій обратить науку уголовного права въ стройное цѣлое, въ основѣ котораго лежатъ постановленія положительнаго права³. вмѣстѣ съ тѣмъ, В. Спасовичу пришлось выдѣлать въ самостоятельный отдѣлъ изложеніе принциповъ русскаго уголовного законодательства, такъ какъ оно естественно не могло быть примирено съ тѣми философскими формулами, которыя онъ фактически подставлялъ вмѣсто догмы.

Но и помимо этого, конструкціи, защищаемыя В. Спасовичемъ, не всегда свободны отъ противорѣчій. Достаточно для иллюстраціи послѣдняго положенія указать на отношеніе В. Спасовича къ вопросу о покушеніи съ негодными средствами и къ комбинаціямъ неудавшагося подстрекательства. Принимая положеніе Бара, что «ошибка въ выборѣ средствъ не извиняетъ преступника и не уничтожаетъ вѣнненія»⁴, В. Спасовичъ не допускаетъ въ то же время обсужденія неудавшагося подстрекательства, какъ дѣйствія, подлежащаго уголовной отвѣтственности⁵.

Научно-догматическая разработка вопросовъ особенной части русскаго уголовного права нашла себѣ мѣсто въ рядѣ моногра-

¹ Учебникъ, стр. 66.

² Учебникъ, стр. 66.

³ Очевидно необоснованнымъ представляется тотъ упрекъ, который дѣлалъ въ свое время В. Спасовичу А. Кистяковскій, въ своемъ разборѣ Учебника, Ж. М. Ю. 1863, т. 17, кн. 7, отд. 3, стр. 207, что онъ только мелькомъ касается русскаго уголовного

права.

⁴ Учебникъ, стр. 137.

⁵ Учебникъ, стр. 171 и слѣд. Ср. критику нѣкоторыхъ болѣе чѣмъ спорныхъ положеній В. Спасовича о допустимости необходимой обороны противъ сумасшедшаго у Н. Полетаева въ трудѣ Необходимая оборона, Ж. М. Ю. 1863, т. 18, кн. 10, отд. 1, стр. 22.

фическихъ работъ В. Спасовича и его судебныхъ рѣчахъ, представляющихъ собой иногда весьма тщательно продуманные этюды по отдѣльнымъ вопросамъ нашего уголовного законодательства ¹.

Еще въ 1859 году въ своемъ изслѣдованіи «О воровствѣ кражѣ» ² В. Спасовичъ, истолковывая соотвѣтственныя постановленія нашего права путемъ историческаго ³ и сравнительнаго приѣма⁴, приходитъ къ открытію въ русскомъ правѣ теоретическихъ понятій, примѣняющихся въ немъ точно такъ же, какъ и въ законодательствахъ другихъ народовъ ⁵. На томъ же пути В. Спасовичъ остается и въ другихъ своихъ раннихъ работахъ по вопросамъ особенной части, которыя интересны какъ послѣдовательное перенесеніе въ нашу науку приѣмовъ научной догмы ⁶.

III.

Представители уголовно-политическихъ идей эпохи появленія Свода законовъ.

Уголовно-политическая мысль въ эпоху Николая I.—Условія, вызвавшія ея возрожденіе въ концѣ 50-ыхъ годовъ.—Тюрьмовѣды, статистики и писатели по вопросамъ рациональной борьбы съ преступностью.

Представители уголовно-политической мысли съ широкими взглядами на реформу уголовного права стали совершенно невозможны въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за Сводомъ. Уложеніе 1845 г., выступивъ какъ улучшенное изданіе Свода законовъ уголовныхъ, завершило собой съ формальной стороны процессъ консолидированія нашего уголовного законодательства и въ связи съ недопущеніемъ культивированія идей, предлагавшихъ сколько нибудь серьезную критику существовавшей системы, сы-

¹ Ср. примѣры у А. Юни, Спасовичъ какъ судебный ораторъ и ученый въ статьѣ о В. Спасовичѣ въ Энцикл. слов., стр. 143.

² В. Спасовичъ, О воровствѣ—кражѣ, Ж. М. Ю. 1859 г. т. 1, кн. 2, отд. 1, стр. 1—38.

³ Ср. *Op. cit.*, стр. 2 и слѣд.

⁴ *Op. cit.*, стр. 10 и слѣд.

⁵ Ср. напр., вопросъ о наказуемости кражи при взломѣ, *Op. cit.*, стр. 24 и слѣд. *passim*.

⁶ В. Спасовичъ, О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по Уложенію о наказаніяхъ 1845 г., Ж. М. Ю. 1860, т. 3, кн. 1, стр. 3—44.

грало роль могильнаго камня надъ творческимъ развитіемъ уголовно-политической мысли. Вся эпоха царствованія Николая I представляется временемъ поразительно бѣднымъ на проявленіе даже самыхъ скромныхъ попытокъ освѣщенія вопроса объ измѣненіи уголовно-правовой рутины. На протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій можно отмѣтить только два-три труда, посвященныхъ вопросамъ политики наказаній. Но и эти произведенія или восхваляютъ существующую карательную систему¹, или пытаются уяснить историческое прошлое отдѣльныхъ наказаній².

Только вмѣстѣ съ тѣмъ какъ съ приближеніемъ къ концу пятидесятихъ годовъ для Россіи занимается заря эпохи реформъ появляются труды на уголовно-политическія темы. По характеру своему, они, однако, существенно отличаются отъ того, что можно было наблюдать въ до-сводную эпоху. Вызванные къ жизни тѣми ударами, которые были нанесены дѣйствующей карательной системѣ въ смыслѣ ограниченія практики тѣлесныхъ наказаній, они стараются только усиленно отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ могутъ быть замѣнены осужденныя самой жизнью мѣры воздѣйствія на преступника. На этомъ пути и правительство, и общество обращается къ поискамъ суррогатовъ отмѣненныхъ мѣръ наказанія и силой вещей подходитъ къ освѣщенію уголовно-политическаго значенія тюремнаго заключенія.

¹ Типичнымъ образцомъ этого рода литературы является трудъ „Тюрьмы, рабочіе дома и поселенія для ссыльных“, Библ. для чт., 1842, т. 52, стр. 104—128. Констатируя, что „устрашеніе преступника принято нынче единственнымъ началомъ мудраго уголовного законодательства“, Ор. cit., стр. 105, авторъ видитъ усовершенствованіе уголовного наказанія въ введеніи для казни „нѣмой безчувственной машины“ и проектируетъ устройство „машины для простого сѣченія... потому что въ наказаніи ... человѣкъ долженъ наносить другому продолжительное страданіе, не вникая ни сто- намъ, ни жалобамъ, ни мольбамъ“,

стр. 109. „Плеть и розга, продолжаетъ авторъ, удовлетворяютъ всѣ существенныя требованія теоріи“, стр. 127. „Но самое вредное вліяніе наказанія... бываетъ тогда, когда наказаніе состоитъ въ заточеніи, потому что такого рода наказаніе тянется дольше и исполнители тутъ многочисленнѣе...“, стр. 110.

² Ср., напр., трудъ И. Собѣщанскаго, „Опытъ историческихъ изысканій о тюремномъ заключеніи въ Россіи, Ж. Мин. внутр. дѣлъ 1849, ч. 25, стр. 237—262, въ которомъ дѣлается попытка дать исторію русской тюрьмы въ эпоху, предшествующую царствованію Екатерины II.

Наряду съ оцѣнкой пригодности тюремнаго заключенія въ той или другой его организациі появляются и первыя попытки изученія размѣровъ преступности путемъ статистическихъ приѣмовъ. Отсутствие органовъ, приспособленныхъ къ собиранію соответственныхъ данныхъ, приводитъ къ необходимости пользоваться данными западной уголовной статистики, какъ опорными пунктами для уголовно-политическихъ мѣропріятій. Опыты сводки данныхъ судебной статистики, извѣстные и прежде въ практикѣ правительственныхъ учрежденій, привлекаютъ и частныхъ изслѣдователей, посвящающихъ себя не только разработкѣ такого рода данныхъ, но отчасти и собиранію ихъ.

Постепенно въ результатѣ ближайшаго ознакомленія съ различными формами тюремнаго заключенія созрѣваетъ извѣстное охлажденіе къ этой мѣрѣ. Оно питается отчасти недоступностью рациональной тюремной реформы при русскихъ условіяхъ, но отчасти и выводами зарождающейся уголовной статистики, направляющей уголовно-политическую мысль въ сторону признанія цѣлесообразности борьбы съ факторами преступности личными и общественными при помощи другихъ средствъ.

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ характеристикѣ трудовъ русскихъ тюремовѣдцовъ эпохи конца 50-хъ годовъ, намъ предстоитъ отмѣтить, что большинство ихъ носитъ характеръ справочнаго матеріала для тюремной реформы.

Главную массу работъ по организациі тюремнаго заключенія даютъ въ нашей литературѣ разнаго рода компилятивные труды. Они посвящены или описанію отдѣльныхъ тюремныхъ системъ¹, или историческому развитію тюремнаго дѣла на западѣ въ связи съ изображеніемъ тюремныхъ порядковъ въ отдѣльныхъ странахъ. Часто труды эти сопровождаются нѣкоторыми выводами о пре-

¹ Ср., напр., А. Лакіеръ, Система условнаго освобожденія преступниковъ въ Англіи, Ж. М. Ю., 1863, т. 16, кн. 5, отд. 1, стр. 313—348 и кн. 6, стр. 583—606. Статья эта, подписанная А. Лакіеромъ, представляется переводомъ-пересказомъ труда The Ticket of leave System, помещеннаго въ Quaterly Review, 1863, jan., и описывающаго англійскую и ирландскую тюремныя системы.

имуществахъ общаго заключенія, основаннаго на классификаціи преступниковъ по возрасту, характеру преступленія и соединеннаго съ тюремными работами¹, или указаніями положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ одиночной системы.

Къ этимъ полусамостоятельнымъ опытамъ непосредственно примыкають въ нашей литературѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ многочисленныя работы, посвященныя простому описанію отдѣльныхъ тюремныхъ учрежденій или на основаніи непосредственнаго ихъ осмотра, или исключительно литературныхъ данныхъ². Болѣе общія задачи преслѣдуютъ работы Н. Ламанскаго, П. Ткачева и

¹ В. Бартенева, Ж. М. Ю., 1860, авг., изложеніе трудовъ Эберти; 1862, т. 13, кн. 8, отд. 1, стр. 239—258, изложеніе организаціи каторги во Франціи на основаніи труда Lepelletier de la Sarthe, *Système pénitentiaire, Bagnes*, 1857 и 0 тюремномъ заключеніи, *ibid.*, стр. 228 и слѣд.

² Не претендуя на исчерпывающій перечень этихъ трудовъ, мы отмѣтимъ только главнѣйшіе изъ нихъ:

Трудъ—Тюремныя заведенія во Франціи, Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1859, ч. 34, отд. 2, стр. 1—18, даетъ описаніе французскихъ тюремъ въ отношеніи хозяйственной организаціи и исправительнаго режима, ср. въ особ. стр. 2 и слѣд.; А. И., Тюрьмы въ Парижѣ, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, Спб. 1860—1861, вып. 8, стр. 60—71, представляютъ собой описаніе тюремъ Conciergerie, Mazas и др.; работа А. И., Одиночная тюрьма въ Бруксаль, Юрид. вѣстн. 1860—1861, вып. 15, стр. 31—64, составлена на основ. труда I. Füsslin'a, *Das neue Männerzuchthaus in Bruchsal*. Работа эта направлена къ устраненію предубѣжденія противъ одиночнаго заключенія; А. И., Тюрьмы въ Савктъ-Галленѣ и Мюнхенѣ, Юрид. вѣстн., 1862, № 1 (19), стр. 29—54; А. И., С. Галленское общество надзора надъ освобожденными арестантами, Юрид.

вѣстн. 1862, № 2 (20), стр. 53—59; въ послѣднемъ трудѣ проводится, между прочимъ, мысль объ огромномъ значеніи дѣятельности частныхъ лицъ въ области покровительства освобожденнымъ, ср. стр. 54; М. Зарудный, Парижскія тюрьмы, Ж. М. Ю. 1862 т. 11, кн. 1, отд. 1, стр. 67—80; Путевыя замѣтки о тюрьмахъ и уголовныхъ наказаніяхъ въ Англіи, Русск. вѣстн., 1860, т. 29, сент., стр. 376—393; Англійскіе суды, Русск. вѣстн., 1860, авг., стр. 481—502, 604—630; И. Бѣлавѣнецъ, Устройство тюремъ въ Сѣверныхъ штатахъ Америки, Морской сборн. 1862, № 4, стр. 100—105, представляетъ собой описаніе обурнскон системы заключенія; С. С., Извлеченіе изъ писемъ о военно-уголовныхъ законодательствахъ и военныхъ учрежденіяхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, Морск. сбор. 1862, № 3, стр. 161—184; № 4, стр. 350—358, описываетъ, главнымъ образомъ, тюремныя системы, принятыя во Франціи, стр. 172 и сл. и Англіи, стр. 354 и слѣд.; д-ръ Отсоличъ, Замѣтки о тюрьмахъ, Морск. сборн. 1862, № 6, стр. 248—295. даютъ отчетъ о тюремныхъ учрежденіяхъ Пруссіи, Вел. Герц. Баденскаго, Бельгіи, Франціи и Австріи и подчеркивають значеніе тюремнаго патронажа, ср. напр., стр. 288 и др.

въ особенности К. Яневича-Яневскаго, но въ основѣ и ихъ лежитъ, прежде всего, конкретный тюремный опытъ запада.

Н. Ламанскій въ цѣломъ рядѣ очерковъ выдвигаетъ вопросы тюремной политики, какъ очередныя для русской дѣйствительности. Онъ даетъ не только исторію тюремнаго дѣла и описаніе мѣръ, выработавшихся благодаря постепенному усовершенствованію приѣмовъ тюремнаго воздѣйствія на заключенныхъ, но ставитъ эти данныя въ связь съ обширнымъ цифровымъ матеріаломъ, дающимъ основу для сужденія о результатахъ тюремнаго опыта, главнымъ образомъ, Франціи ¹. Н. Ламанскій не считаетъ въ то же время вопроса объ организаціи тюремнаго заключенія исчерпывающимъ задачи уголовного политика. Тюрьма, рационально поставленная, — только одинъ изъ путей планомѣрной борьбы съ преступленіемъ, которая должна вестись на почвѣ изученія особенностей преступника ². При выборѣ наиболее рациональной системы тюремнаго заключенія Н. Ламанскій рекомендуетъ исходить изъ принциповъ классификаціи заключенныхъ, воспитанія малолѣтнихъ въ особенныхъ заведеніяхъ ³ и широкаго привлеченія общественныхъ силъ къ обсужденію вопросовъ реформы уголовного законодательства ⁴. По существу, наиболее совершенной системой тюремнаго воздѣйствія на преступника представляется Н. Ламанскому ирландская система, какъ болѣе подходящая и къ природѣ человѣка, и къ устройству общественныхъ отношеній ⁵. Но, какъ мы уже сказали, никакая тюремная система, по мнѣнію Н. Ламанскаго, не можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ, способнымъ избавить об-

¹ Нест. Ламанскій, Тюремное заключеніе во Франціи, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1862, вып. 22, стр. 51—74; вып. 23, стр. 42—59; вып. 24, стр. 56—79.

² Н. Ламанскій, Практическія основанія тюремной реформы, Юрид. вѣстн. изд. Н. Калачовымъ, вып. 38, стр. 21—45; вып. 39, стр. 1—26, ср. вып. 38, стр. 26.

³ Н. Ламанскій, Практическія осно-

ванія тюремной реформы, Юрид. вѣстн., 1862, вып. 38, стр. 28 и слѣд.

⁴ Н. Ламанскій, *Op. cit.*, вып. 39, стр. 14, 8.

⁵ Н. Ламанскій, предисл. къ переводу труда Гольтцендорфа Ирландская система, въ особенности переходныя заведенія, до отпущенія арестантовъ на свободу, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1864, вып. 44, стр. 6.

щество отъ преступности. Это объясняется тѣмъ, думаетъ онъ, что «всякое преступленіе... является продуктомъ сложныхъ, многообразныхъ причинъ, коренящихся либо въ натурѣ человѣка, либо въ постороннихъ, внѣшнихъ вліяніяхъ и обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ его произвола». Цѣлесообразная борьба съ преступностью предполагаетъ поэтому предварительное изученіе явленій преступности «съ помощью психологическихъ и статистическихъ данныхъ», изученіе мотивовъ преступленій, разнородныхъ способовъ совершенія послѣднихъ, изслѣдованіе дѣйствія, оказываемаго наказаніемъ на преступника, и проч. ¹

По существу, эти воззрѣнія Н. Ламанскаго являются возрожденіемъ идей Бентама, вновь всплывающими въ тотъ моментъ, когда открывалась возможность трактовать уголовно-политическіе вопросы. Непосредственнымъ источникомъ взглядовъ Н. Ламанскаго представляются труды Ип. Блана ².

Вопросы режима воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ занимаютъ изъ нашихъ тюрьмовѣдовъ начала 60-хъ годовъ, главнымъ образомъ, П. Ткачева³, А. Пассека и отчасти д-ра Отсолича ⁴.

Въ трудѣ «Рабоче-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ» ⁵ П. Ткачевъ останавливается на томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ для роста преступности недостаточно внимательное отношеніе къ молодому поколѣнію⁶. Онъ сосре-

¹ Н. Л(аманскій), Статистика самоубійства, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1862, вып. 30, стр. 77.

² Ср. Hipp. Blanc, Du suicide en France, Par. 1862.

³ П. Ткачеву принадлежитъ попытка исчисленія на основаніи отчетовъ Комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ состава и числа заключенныхъ, ср. Современное положеніе нашихъ тюрьмъ, Ж. М. Ю. 1863, т. 17, кн. 9, стр. 473—488, а равно изложеніе данныхъ о французскихъ тюрьмахъ конца XVIII и начала XIX ст. въ трудѣ:

„Тюрьмы во Франціи, ихъ историческое развитіе и современное положеніе“, Ж. М. Ю., 1863, т. 18, кн. 11, отд. 1, стр. 289—316.

⁴ Отсоличъ, Замѣтки о тюрьмахъ, Морск. сборн., 1862, № 6, стр. 259 и слѣд.

⁵ П. Ткачевъ, Рабоче-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ, 1864, вып. 43, стр. 25—59.

⁶ П. Ткачевъ, Op. cit., стр. 27 и слѣд.

доточивается при этомъ, главнымъ образомъ, на уясненіи приемовъ и способовъ¹, съ помощью которыхъ осуществляется перевоспитаніе малолѣтнихъ преступниковъ въ странахъ, имѣющихъ по этому вопросу продолжительный опытъ².

Въ трудѣ А. Пассека «Очеркъ исторіи наказаній малолѣтнихъ преступниковъ и развитіе исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ во Франціи»³, мы наряду съ попыткой уясненія причинъ дѣтской преступности, которую онъ объясняетъ общественными условіями⁴, находимъ описаніе режима исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ во Франціи въ процессѣ постепеннаго видоизмѣненія и развитія политики наказанія по отношенію къ малолѣтнимъ⁵.

Наиболѣе значительнымъ писателемъ во вопросамъ политики наказанія выступаетъ въ концѣ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ К. Яневичъ-Яневскій.

Знатокъ и поклонникъ Гер. Бентама, давшій въ нашей литературѣ лучшее изложеніе криминалистическихъ его идей⁶, К. Яневичъ-Яневскій оставилъ рядъ очерковъ, посвященныхъ, главнымъ образомъ, принципамъ рациональной тюремной организаціи, приуроченной къ русскимъ условіямъ и общимъ началамъ цѣлесообразной карательной системы. К. Яневичъ-Яневскій рекомендуетъ въ послѣдней области, прежде всего, смягченіе лишеній, которымъ подвергается преступникъ, не въ видѣ особой милости и проявленія филантропическихъ чувствъ, но какъ свойство наказанія, неизбѣжно обусловленное его главной цѣлью—служить дѣлу исправленія наказываемаго⁷, и какъ необходимое послѣдствіе труд-

¹ П. Ткачевъ, Ор. cit., стр. 30 и слѣд., 33, 44, 53 и слѣд. и др.

² П. Ткачевъ, Ор. cit., стр. 57 и др.

³ Современникъ, 1863, сент., стр. 155—204.

⁴ А. Пассекъ, Очеркъ исторіи наказаній малолѣтнихъ преступниковъ и развитіе исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ во Франціи, стр. 164.

⁵ А. Пассекъ, Ор. cit., стр. 156 и

сл., 161 и слѣд.

⁶ Ср. К. Яневичъ-Яневскій, Бентамъ и значеніе его въ области юридико-политическихъ наукъ, Юрид. зап., изд. П. Рѣдкимымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ, т. 4, Спб. 1860, стр. 237—295.

⁷ Ср. К. Яневичъ-Яневскій, Объ указныхъ знакахъ, Юрид. зап., т. 3, Спб. 1859, стр. 101 и слѣд.

ности изслѣдованія преступника и преступленія со стороны психологической. «Незнаніе наше, пишетъ К. Яневичъ-Яневскій, налагаетъ на насъ обязанность быть, по крайней мѣрѣ, снисходительными и гуманными»¹. Одобряя все то, что вытекаетъ изъ принципа исправительности наказанія, К. Яневичъ-Яневскій высказывается за самую широкую практику давности преслѣдованія и наказанія².

Въ своихъ трудахъ, посвященныхъ организаціи тюремнаго заключенія въ соотвѣтствіи съ общими началами исправительнаго наказанія, К. Яневичъ-Яневскій высказываетъ рядъ мыслей, не утратившихъ и понынѣ своего значенія.

Въ своемъ «Общемъ обзорѣ литературы исправительныхъ наказаній и военно-исправительныхъ тюремъ за границею»³ К. Яневичъ-Яневскій приводитъ мнѣнія, высказывавшіяся въ западной литературѣ для уясненія «различныхъ сторонъ вопроса о тюрьмахъ въ иностранныхъ законодательствахъ, сравнительно съ положеніемъ онаго въ современной наукѣ»⁴. Онъ смотритъ на эту работу какъ подготовительный приѣмъ для изученія тюремнаго дѣла на западѣ и необходимое условіе тщательнаго изслѣдованія опытовъ западной тюремной организаціи.

Съ своими взглядами на рациональную постановку тюрьмы К. Яневичъ-Яневскій знакомитъ въ трудѣ «О порядкѣ устройства военно-тюремнаго заключенія, съ точки зрѣнія теоріи и практики»⁵. Мы встрѣчаемъ здѣсь рядъ мыслей и указаній по

¹ Ср. К. Яневичъ-Яневскій, Мысли объ уголовной юстиціи, съ точки зрѣнія психологіи и фізіологіи, Юрид. зап., т. 5, Спб. 1862, стр. 342. К. Яневичъ-Яневскій высказывается за важность изученія психологіи преступника, ср. *Op. cit.*, стр. 334—338, развивая эту мысль въ духѣ взглядовъ F. Noellner'a, *Criminalpsychologische Denkwürdigkeiten*, Stuttg. 1859, но идя въ сущности по пути, проложенному Іер. Бентамомъ.

² К. Яневичъ-Яневскій, *Объ уголов-*

ной давности, въ особенности по русскому праву, Юрид. зап., т. 5, Спб. 1862, стр. 127 и слѣд.

³ Морск. сборн. 1862, № 9, стр. 89—96.

⁴ К. Яневичъ-Яневскій, *Op. cit.*, Морск. сборн., 1862, № 9, стр. 89.

⁵ Трудъ этотъ былъ напечатанъ первоначально въ Морскомъ сборникѣ за 1864 и переизданъ въ Ж. М. Ю. 1864, т. 19, кн. 3, отд. 1, стр. 493—572.

вопросамъ тюремнаго дѣла, покоющихся на тщательномъ изученіи литературныхъ мнѣній и непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью западной тюрьмы въ связи съ безпристрастной оцѣнкой результатовъ самыхъ разнообразныхъ формъ организаціи тюремнаго заключенія ¹.

Усматривая въ тюрьмѣ мѣру воздѣйствія на заключеннаго, которая должна оставить въ наказанномъ «спасительный страхъ», К. Яневичъ-Яневскій приходитъ къ выводу, что нежелателенъ одинъ общій типъ заключенія для всей разнообразной массы нарушителей правопорядка. Типъ заключенія долженъ видоизмѣняться «по свойству преступленія и личному характеру преступника» ². Но это не устраняетъ необходимости въ анализѣ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ можетъ слагаться тюрьма въ рациональной ея постановкѣ и которые являются орудіемъ ея исправительнаго воздѣйствія. Эту сторону вопроса К. Яневичъ-Яневскій затрогиваетъ, на пути изслѣдованія составныхъ элементовъ отдѣльныхъ пенитенціарныхъ системъ. Онъ оцѣниваетъ послѣдовательно значеніе разобщенія заключенныхъ, — вопросы, связанные съ организаціей труда тюремныхъ сидѣльцевъ, религіознымъ и нравственнымъ ихъ воспитаніемъ и проч. ³. К. Яневичъ-Яневскій не относится безусловно отрицательно къ системѣ одиночнаго заключенія, которое, по его мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не утратило въ извѣстныхъ предѣлахъ и понынѣ своего уголовно-политическаго значенія ⁴. Об-

¹ Болѣе спеціальныи характеръ носитъ работа К. Яневича-Яневскаго „О мѣстѣ и значеніи тюремнаго заключенія въ системѣ иностранныхъ военно-уголовныхъ законовъ, Морск. сборн. 1864, № 2, стр. 205—224. Обсуждая вопросъ о пригодности тюремнаго заключенія въ качествѣ мѣры, замѣняющей другія формы взысканій въ военномъ быту, К. Яневичъ Яневскій высказывается за полную цѣлесообразность такого порядка, Ор. cit., стр. 209 и рекомендуетъ помѣщать воен-

ныхъ арестантовъ „въ общихъ гражданскихъ тюрьмахъ, но отдѣльно отъ прочихъ содержащихся“, Ор. cit., стр. 221.

² К. Яневичъ-Яневскій, О порядкѣ устройства военно-тюремнаго заключенія, съ точки зрѣнія теоріи и практики, Ж. М. Ю., 1864, т. 19, кн. 3, отд. 1, стр. 495.

³ К. Яневичъ-Яневскій, Ор. cit., стр. 498 и слѣд.

⁴ К. Яневичъ-Яневскій, Ор. cit., стр. 501 и слѣд.

суждал вопросъ о постановкѣ тюремнаго труда, К. Яневичъ-Яневскій освѣщаетъ эту проблемму со стороны рабочаго времени, выбора работъ, порядка распредѣленія прибыли отъ нихъ и проч.¹. Выводы К. Яневича-Яневскаго по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ не всегда имѣютъ общее значеніе, такъ какъ онъ приурочиваетъ ихъ къ надлежащей постановкѣ у насъ военно-тюремнаго заключенія.

Тюрьмовѣды начала 60-хъ годовъ, сосредоточиваясь на вопросахъ постановки у насъ тюремнаго дѣла, оцѣниваютъ уголовно-политическую пригодность тюрьмы, главнымъ образомъ, со стороны приспособленности этой мѣры къ задачѣ перевоспитанія преступника, — къ исправленію его. Они относятся совершенно отрицательно къ такимъ карательнымъ мѣрамъ, какъ смертная казнь и тѣлесныя наказанія, прежде всего, потому, что при помощи ихъ не достигается перерожденія индивидуальности преступника. Идеи этого рода мы встрѣчаемъ у цѣлаго ряда менѣе видныхъ писателей, чѣмъ отмѣченные нами до сихъ поръ. Ихъ проводитъ, напр., М. Бульмерингъ въ своей «Теоріи исправленія преступниковъ»². Онъ исходитъ изъ положенія, что основной причиной, побуждающей правонарушителя къ совершенію преступленія, является ложное нравственное направленіе его³ и вѣрить въ то, что наиболѣе дѣйствительнымъ путемъ «исправленіе достигается наставленіемъ и обученіемъ преступника, лишеннаго свободы»⁴. М. Бульмерингъ главнымъ рычагомъ исправленія считаетъ рационально организованную тюремную школу, построенную на началахъ безусловной обязательности ея посѣщенія и введенія въ кругъ преподаванія предметовъ, способныхъ заинтересовать заключенныхъ и расширить ихъ умственный кругозоръ⁵.

Пробудившаяся у насъ подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій и отчасти почина правительства уголовно-политическая мысль

¹ К. Яневичъ-Яневскій, *Op. cit.*, стр. 522 и слѣд.

² Ж. М. Ю. 1862, т. 11, кн. 2, отд. 1, стр. 259—276.

³ М. Бульмерингъ, *Теорія исправленія преступниковъ*, стр. 258.

⁴ М. Бульмерингъ, *Op. cit.*, стр. 266.

⁵ М. Бульмерингъ, *Op. cit.*, стр. 275.

не всегда требует пересозданія существующей организаціи тюремъ на началахъ, заимствованныхъ на западѣ. Подымаются голоса и за устраненіе только самыхъ неприглядныхъ сторонъ нашего тюремнаго быта въ формѣ оздоровленія самыхъ помѣщеній, предназначенныхъ для заключенныхъ, лучшаго использованія затрачивающихся на содержаніе тюремъ средствъ и проч. Иногда такія предложенія сопровождаются описаніемъ дѣйствительнаго состоянія нашихъ мѣстъ заключенія ¹.

Нѣсколько ранѣе возрожденія интереса къ вопросамъ тюремной политики, еще въ эпоху появленія Свода законовъ, начинаетъ у насъ сознаваться роль, которую могутъ сыграть точныя цифровыя данныя о размѣрахъ и условіяхъ преступности въ качествѣ матеріала, необходимаго для болѣе цѣлесообразнаго отправленія уголовной юстиціи. Мы видѣли уже, какъ Коммиссія Уложенія 1845 г. ² предпринимаетъ на основаніи отчетовъ министерства юстиціи нѣкоторыя сводки цифровыхъ данныхъ съ цѣлью получить представленіе о размѣрахъ преступности въ странѣ. Тѣмъ не менѣе время, предшествующее концу 50-хъ годовъ, не служитъ эпохой, когда сознается важность уголовной статистики въ качествѣ приѣма изученія причинъ преступности, могущаго быть полезнымъ при выборѣ средствъ противо-дѣйствія ей. Статистическіе опыты этого времени не носятъ характера трудовъ, которые могутъ быть положены въ основаніе уголовно-политическихъ расчетовъ, и ограничиваются въ большинствѣ случаевъ суммированіемъ данныхъ моральной статистики запада, а отчасти и Россіи ³. Къ концу пятидесятихъ годовъ

¹ Ср., напр., А. Забѣлинъ, По вопросу объ улучшеніи тюремъ, Русск. вѣстн. 1863, т. 44, стр. 353—395, въ особенности стр. 353 и слѣд., 356 и слѣд., а также П. Масловъ, Замѣчанія и предположенія по вопросу объ улучшеніи тюремнаго заключенія въ Россіи, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ 1864 г., выш. 44, стр. 1—42. П. Масловъ проектируетъ улучшеніе кадровъ служащихъ въ тюрьмахъ, стр. 30,

болѣе тщательное подраздѣленіе отдѣльныхъ категорій содержащихся подъ стражей, стр. 31, поднятіе умственнаго уровня заключенныхъ, стр. 32, правильную постановку религіознаго воспитанія, стр. 34, дисциплинарной отвѣтственности сидѣльцевъ и проч.

² Ср. выше стр. 564 и слѣд., прим. 7.

³ Изъ работъ этого рода можно указать на труды акад. Веселовскаго,

мы присутствуемъ при попыткахъ использованія данныхъ русской уголовной статистики, поскольку о ней можетъ быть рѣчь, для полученія выводовъ о причинахъ, «отъ которыхъ можетъ зависѣть уменьшеніе или увеличеніе количества преступныхъ дѣяній»¹. Дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи были сдѣланы А. Хвостовымъ надъ данными англійской уголовной статистики². Сопоставляя послѣднія, А. Хвостовъ приходитъ къ заключенію объ увеличеніи числа преступленій въ зимніе мѣсяцы, о меньшей вѣроятности впаденія въ преступленіе лицъ, получившихъ образованіе и проч.³ Вскорѣ А. Хвостовъ въ сотрудничествѣ съ П. Орловымъ привлекаетъ для провѣрки своихъ заключеній и матеріалъ русской статистики, и почти одновременно та-же работа производится надъ довольно случайнымъ матеріаломъ и Хр. Козловымъ.

Въ совмѣстномъ трудѣ А. Хвостова и И. Орлова «Матеріалы для уголовной статистики Россіи»⁴ мы находимъ попытку свести высоту преступности въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Россіи къ вліянію политическихъ условій⁵ и поставить ее въ связь съ степенью образованности⁶, занятіями населенія⁷, условіями жизни въ большихъ центрахъ, влекущими за собой роскошь, праздность, малое развитіе брачной жизни и проч.⁸.

Опыты нравственной статистики Россіи, Журн. Мин. внутр. дѣлъ 1847, и цѣлый рядъ статей, воспроизводящихъ данныя западно-европейской уголовной статистики. Ср., напр., Отношеніе грамотности къ преступленіямъ во Франціи, Библиот. для чтенія 1850; Статистическія свѣдѣнія о преступникахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Моск. вѣд. № 144; О преступности въ Англіи и Франціи, Библ. для чт. 1854, № 10; Сравнительныя таблицы преступленій въ Англіи и Франціи, Соврем. 1857, № 12 и нѣкот. др.

¹ Обзоръ дѣятельности уголовныхъ судовъ Франціи за 1857 годъ, представляющее переработку труда французскаго юриста-статистика Фриголе.

² Ср. А. Хвостовъ, Очеркъ уголов-

ной статистики Англіи и княжества Валлійскаго за 1858 г., Ж. М. Ю. 1859, т. 2, кн. 6, стр. 8—112.

³ А. Хвостовъ, Очеркъ уголовной статистики Англіи и княжества Валлійскаго, стр. 94 и 105.

⁴ А. Хвостовъ и И. Орловъ, Матеріалы для уголовной статистики Россіи, Ж. М. Ю. 1860, т. 6, кн. 10, отд. 1, стр. 35—62.

⁵ А. Хвостовъ и И. Орловъ, Матеріалы для уголовной статистики Россіи, стр. 46.

⁶ А. Хвостовъ и И. Орловъ, *Op. cit.*, стр. 47.

⁷ А. Хвостовъ и И. Орловъ, *Op. cit.*, стр. 47 и слѣд.

⁸ А. Хвостовъ и И. Орловъ, *Op. cit.*, стр. 48.

Почти одновременно предпринятая попытка Хр. Козлова сопоставляет нѣкоторыя данныя о движеніи преступности среди опредѣленныхъ классовъ населенія (у государственныхъ крестьянъ)¹.

Съ болѣе точнымъ матеріаломъ оперируетъ въ видахъ установленія законовъ развитія преступности С. Барановскій въ трудѣ «Криминальная статистика Финляндіи»². Приходя къ заключенію, что преступность въ Финляндіи за періодъ 1642—1847 г.г. понижается, какъ «естественное слѣдствіе неоспоримыхъ успѣховъ образованія, гражданственности и народнаго благосостоянія»³, С. Барановскій пытается установить факторы, содѣйствовавшіе развитію отдѣльныхъ категорій тяжкихъ преступленій: разбоя⁴, дѣтубійства⁵, противъ половой нравственности⁶ и проч., и констатировать тѣсную зависимость пьянства и преступности⁷.

Тѣ же вопросы затрогиваютъ работы Л. Н., прослѣживающаго на основаніи данныхъ французской и англійской статистики⁸ вліяніе на преступность, главнымъ образомъ, характера дѣйствующаго законодательства⁹, пола¹⁰, образованія¹¹ и нѣкоторыхъ другихъ условій.

Возрождающаяся у насъ уголовно-политическая мысль въ концѣ 50-хъ годовъ ставитъ на очередь и болѣе общій вопросъ о лучшихъ путяхъ предупрежденія преступленій. Литература, посвященная этой проблемѣ, не представляется особенно обширной, отличается крайнимъ разнообразіемъ исходныхъ точекъ зрѣнія, но свидѣтельствуесть о стремленіи къ созданію положенія вещей, болѣе

¹ Хр. Козловъ, Числовыя данныя для нравственной статистики народа, Записки имп. Казанск. экономического общества 1859, № 2, стр. 27 и слѣд.

² С. Барановскій, Криминальная статистика Финляндіи, Экономистъ 1862, изд. И. Вернадскимъ, кн. 5 и 6, стр. 113—142.

³ С. Барановскій, Ор. cit., стр. 114.

⁴ С. Барановскій, Ор. cit., стр. 115.

⁵ С. Барановскій, Ор. cit., стр. 116.

⁶ С. Барановскій, Ор. cit., стр. 118

и слѣд.

⁷ С. Барановскій, Ор. cit., стр. 120 и слѣд.

⁸ Л. Н., Статистика преступленій въ Европѣ, Юрид. вѣстн., изд. Н. Калачовымъ 1863, вып. 35, стр. 92—103; вып. 37, стр. 67—79.

⁹ Л. Н., Ор. cit., стр. 95.

¹⁰ Л. Н., Ор. cit., стр. 99 и слѣд., стр. 70 и слѣд.

¹¹ Л. Н., Ор. cit., стр. 99 и слѣд., стр. 72.

или менѣе расходящагося съ существующими порядками, и о использовании ряда данныхъ о личныхъ и общественныхъ факторахъ преступности.

Представители этого теченія не вѣрятъ, прежде всего, въ достиженіе цѣлей превенціи при помощи наказаній, опредѣляющихся въ соотвѣтствіи съ критеріями дѣйствующаго права. Они выдвигаютъ вопросъ о пересмотрѣ этихъ критеріевъ въ качествѣ моментовъ, служащихъ необходимымъ предположеніемъ извѣстной опасности лица. Уголовные политики конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ предлагаютъ, чтобы признаки, подчеркиваемые закономъ не носили абстрактнаго характера и восполнялись данными, почерпнутыми изъ болѣе глубокаго ознакомленія съ бытовой стороной правонарушеній. Такая тенденція приводитъ ихъ иногда къ предложенію классифицировать отдѣльныя категоріи правонарушителей и наказывать ихъ въ соотвѣтствіи съ принадлежностью къ той или другой разновидности, а иногда къ требованію измѣненія только масштаба наказанія. Общей особенностью этихъ работъ является ихъ отрывочность, недоведеніе до конца высказанныхъ въ нихъ идей въ смыслѣ указанія тѣхъ юридическихъ формъ, въ которыя могли бы воплотиться тѣ или другія предложенія. Не трудно отмѣтить нѣсколько типичныхъ для этого направленія работъ.

К. Поппе ¹, подчеркивая тѣ «стороннія причины», которыя вызываютъ явленіе бродяжничества, отмѣчаетъ ненадежность критеріевъ, по которымъ его оцѣниваетъ уголовный законъ; онъ указываетъ на необходимость изученія психологически-бытового фона этого общественнаго явленія ²,—цѣлесообразность изслѣдованія типовъ русскихъ бродягъ ³ и только въ соотвѣтствіи съ этими данными предлагаетъ бороться съ явленіемъ бродяжничества ⁴.

И. Селивановъ въ трудѣ «О вмѣняемости въ наказаніяхъ» ⁵ проводитъ мысль, что только то наказаніе можетъ предупредить

¹ К. Поппе, О бродяжествѣ въ Россіи, Ж. М. Ю. 1860, т. 4, кн. 5, отд. 1, стр. 213—226.

² К. Поппе, Ор. cit., стр. 217, 219 и слѣд.

³ К. Поппе, Ор. cit., стр. 218 и сл.

⁴ К. Поппе, Ор. cit., стр. 225 и сл.

⁵ И. Селивановъ, О вмѣняемости въ наказаніяхъ, Наше время 1862, № 250, 18-го ноября.

совершенство будущихъ преступленій со стороны наказаннаго, которое считается «не со степенью вреда, причиненнаго обществу, но со степенью злоумышленія, руководившаго преступникомъ». «Злоумышленность, поясняетъ свою мысль И. Селивановъ, это есть задатокъ того вреда, котораго общество должно ожидать отъ него въ будущемъ и, въ чувствѣ самосохраненія, стараться отъ него защищаться». «Взять одинъ фактъ дѣянія, не изслѣдуя причины, его произведшей, въ духѣ и сознаніи преступника, — значило бы уклониться отъ цѣли наказанія, которое должно состоять не столько въ возмездіи, сколько въ предупрежденіи преступленія».

Взгляды И. Селиванова интересны, какъ образецъ пониманія преступности въ смыслѣ явленія, обусловливающагося индивидуальными факторами, и могутъ рассматриваться, какъ зародышевая форма ученія о личномъ состояніи преступности, получившемъ развитіе въ нашей позднѣйшей криминалистической литературѣ.

Съ оцѣнкой того значенія, которое имѣетъ въ подавленіи преступности ея предупрежденіе, мы встрѣчаемся въ трудѣ «О мѣрахъ противъ воровства, грабежа и другихъ нарушеній имущественной и личной безопасности»¹.

Въ борьбѣ съ преступностью авторъ отводитъ только скромную роль уголовной репрессіи. «Всякая строгость, пишетъ онъ, тамъ только будетъ справедливостію, гдѣ все сдѣлано и для народнаго образованія и для предупрежденія зла». Но, съ другой стороны, «гдѣ общество все сдѣлаетъ для образованія и воспитанія народнаго, тамъ строгость и жестокость наказаній вовсе не будутъ нужны и не будутъ имѣть смысла»². Предупрежденіе преступленій въ связи съ системой умѣренной репрессіи является необходимой принадлежностью благоустроеннаго общества. Наряду съ образованіемъ и надлежащимъ воспитаніемъ народа предупрежденіе достигается не механическимъ пресѣченіемъ преступности³, но въ большей степени тѣмъ нравственнымъ воздѣйствіемъ, кото-

¹ Зритель 1861, № 1, стр. 2—9; № 2, стр. 48—56.

² Зритель 1861, № 1, стр. 8.

³ Op. cit., стр. 7.

рое оказывается на индивида цѣлесообразно поставленными общественными союзами, будетъ ли то семья, община или какія нибудь другія формы проявленія коллективной жизни. Моральное вліяніе такихъ союзовъ въ смыслѣ фактора, предупреждающаго преступность, «можетъ равняться вліянію образованія..., можетъ до поры до времени замѣнять его..., можетъ выполнить дѣло предупрежденія...»¹.

IV.

Состояніе науки уголовного права къ началу шестидеся- тыхъ годовъ XIX в.

Результаты, достигнутые въ области догматической обработки положительнаго уголовного права.—Общее направленіе уголовно-политической мысли.

Уже довольно рано центральной задачей русскихъ криминалистовъ становится разработка нашего положительнаго права. Эпоха, непосредственно слѣдующая за Сводомъ, не вписываетъ блестящей страницы въ исторію этихъ попытокъ. Это приходится констатировать, не смотря на то, что общее состояніе нашего права въ виду завершения кодификаціи представляетъ для догматическихъ работъ большія преимущества сравнительно съ началомъ XIX ст.

Опыты практическаго освѣщенія и теоретическаго конструирования догмы вытѣсняются въ нашей литературѣ и академическомъ преподаваніи ростомъ рецепціи западныхъ философско-догматическихъ ученій. Послѣднія привлекаютъ вниманіе нашихъ криминалистовъ какъ такія, которыя пригодны служить суррогатомъ догматическихъ работъ по русскому уголовному праву. Этимъ путемъ открывается къ намъ доступъ доктринъ криминалистовъ-гегеліанцевъ. По своему консервативному характеру послѣдняя оказывается вполне подходящей къ существующему строю и по-

¹ *Op. cit.*, стр. 9; ср. также стр. 56.

лучаетъ безпрепятственное развитіе.—Наряду съ гегеліанствомъ наши криминалисты интересуются и историко-философскими опытами разработки западнаго права, которые они стараются ввести въ обиходъ русской науки. Такъ какъ такой способъ обработки предполагаетъ конструированіе нашего права на національныхъ основахъ и изслѣдованіе прошлаго въ качествѣ основы настоящаго и отчасти будущаго, то политическая атмосфера Николаевской эпохи не создаетъ особенныхъ препятствій для развитія этого направленія. Но разрѣшеніе задачъ историко-философской разработки права, могло быть осуществимымъ только при условіи предварительнаго выполненія ряда историческихъ работъ. Если не создано положительнаго фундамента въ видѣ установленія неизмѣнной зависимости между рациональными принципами уголовного законодательства и историческимъ ихъ выраженіемъ, то самое направленіе это не можетъ дать ожидаемыхъ отъ него плодовъ и приводитъ неизмѣнно къ результатамъ, неимѣющимъ серьезнаго значенія. Это и случилось съ русскими криминалистами историко-философскаго направленія, которые даже въ лицѣ наиболее блестящаго изъ нихъ—А. Чебышева-Дмитріева должны были возвратиться къ схемѣ криминалистовъ-гегеліанцевъ, оперировавшихъ больше съ постулатами собственныхъ идеалистическихъ ученій, чѣмъ съ реальными фактами исторической жизни.—Еще менѣе плодотворны были для догматической разработки нашего уголовного права опыты нашихъ эклектиковъ. Стараясь комбинировать догматическое изученіе съ самыми разнообразными философскими началами, они ограничивались пересказомъ статей закона и составленіемъ въ одно призрачное цѣлое обломковъ рационалистическихъ ученій, доктрины политическихъ писателей конца XVIII в. и вообще самыхъ разнообразныхъ конструкцій, выросшихъ на почвѣ запада. Иногда наши эклектики, преслѣдуя узко-политическія цѣли, нисходили къ исправленію идеальныхъ началъ уголовного правовѣдѣнія отрицательными чертами дѣйствующаго права и старались не только достигнуть этимъ путемъ оправданія суще-

ствующихъ порядковъ, но и придать имъ санкцію высшей рациональности.

Въ конечномъ результатѣ и опыты эклектизма не могли привести къ систематизаціи дѣйствующаго права, уясненію его основъ и созданію надлежащихъ директивъ для его усовершенствованія.

Неудача всевозможныхъ попытокъ обобщенія нашего дѣйствующаго права при помощи использованія общихъ философскихъ конструкцій, проникнутыхъ единствомъ началъ или собранныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ системъ и иногда сопоставленныхъ съ историческими чертами отдѣльныхъ законодательствъ, не могла не привлечь вниманія къ изслѣдованію права въ духѣ германской исторической школы. На этомъ пути русскимъ криминалистамъ не удалось, прежде всего, подвергнуть изученію имѣвшійся матеріалъ на сколько нибудь значительномъ пространствѣ его развитія. Опыты нашихъ историковъ-криминалистовъ сосредоточивались, по общему правилу, на истолкованіи только наиболее раннихъ моментовъ въ исторіи нашего уголовного законодательства. Очень часто притомъ они подходили къ разрѣшенію намѣченной задачи при помощи масштабовъ и понятій, выработавшихся въ западной философской доктринѣ. Наиболее ощутительнымъ результатомъ усилій представителей русской исторической школы, могло явиться при этихъ условіяхъ только формулированіе задачъ историческаго изученія и собираніе самаго матеріала для будущей обработки. Только эта сторона ихъ дѣятельности и представляется въ дѣйствительности наиболее цѣнной и не потерявшей значенія и для нашего времени. Но въ этихъ скромныхъ результатахъ, не смотря на общій ростъ историческаго изученія, всего меньше можно было усмотрѣть разрѣшеніе задачъ, поставленныхъ на очередь потребностью въ догматической обработкѣ для цѣлей преподаванія права, практическаго его примѣненія въ судахъ и творческаго развитія на національныхъ началахъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ малой производительности разнообразныхъ попытокъ подойти къ изученію права съ философской и исто-

рической точекъ зрѣнія должны были явиться вообще незначительные успѣхи научной догмы нашего уголовного права. Но послѣднее явленіе имѣло и другія, болѣе непосредственныя причины. Нельзя было ждать сколько нибудь серьезныхъ успѣховъ науки права при режимѣ, больше всего опасавшемся за колебаніе основъ, нашедшихъ свое воплощеніе въ Сводѣ законовъ уголовныхъ и Уложеніи 1845 г. Только къ тому моменту, когда измѣняются взгляды на непререкаемость догмы, суммированной изъ отжившихъ и случайныхъ постановленій нашего права, становится возможнымъ изложеніе послѣдняго, освѣщенное критическимъ къ нему отношеніемъ. Въ самомъ концѣ Николаевской эпохи, съ началомъ ея паденія, появляется у насъ свободная оцѣнка началъ, извлеченныхъ изъ нашего дѣйствующаго права, и становится вмѣстѣ съ тѣмъ возможной творческая научная обработка нашего права на почвѣ критеріевъ, уцѣлѣвшихъ подъ ударами философской критики и доказавшихъ свою жизненность въ процессѣ развитія западнаго права. Но работники на этомъ поприщѣ еще только пачинаютъ свою дѣятельность и результаты ея выпадаютъ на долю позднѣйшаго времени.

Научно-догматическіе труды, какъ построеніе существующаго права, критика опредѣлившихся формъ и очертаніе болѣе совершенныхъ, къ которымъ предстоитъ перейти, предполагаютъ въ качествѣ естественнаго дополненія разрѣшеніе ряда вопросовъ о томъ, какими путями могутъ быть достигнуты сознанныя, но не осуществленныя еще цѣли. Для отвѣта на эти трудныя, главнымъ образомъ, практическія задачи приходится считаться съ самыми разнообразными сторонами жизни человѣка въ обществѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что не всегда при данныхъ условіяхъ то или другое стремленіе можетъ быть непосредственно воплощено въ опредѣленную юридическую формулу и получить очертаніе юридического института.

Современный опытъ свидѣтельствуетъ, что дѣло отысканія практическихъ путей борьбы съ преступленіемъ подвигалось наиболѣе успѣшно впередъ подъ вліяніемъ роста дисциплинъ, освѣщающихъ

вопросы преступленія и наказанія съ точки зрѣнія соотношенія ихъ съ самыми разнообразными явленіями, оказывающими на нихъ вліяніе. Сознаніе этого возможно далеко не на всѣхъ стадіяхъ развитія науки уголовного права. Тотъ просторъ, тѣмъ не менѣе, который предоставленъ былъ изслѣдующему уму въ нашемъ обществѣ конца XVIII и начала XIX в., позволялъ ему подходить къ критикѣ существующихъ уголовно-правовыхъ порядковъ и искать отвѣтовъ на уголовно-политическія проблемы. Режимъ Николаевской эпохи дѣлалъ рѣшительно невозможнымъ обсужденіе тѣхъ сторонъ законодательства, которыя соприкасаются съ политической жизнью страны и предусматриваютъ опредѣленные границы и формы уголовной репрессіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, почти въ корнѣ уничтожилъ эту вѣтвь юридической литературы. Возрожденіе уголовно-политической мысли наблюдается у насъ только тогда, когда ликвидируется хоть въ нѣкоторой степени тяжкій гнетъ, тяготѣвшій надъ страной. Уже при первыхъ шагахъ раскрѣпощенія духа поднимаются вопросы о томъ, какую организанію цѣлесообразнѣе всего придать отдѣльнымъ наказаніямъ, какими путями достигается лучше всего предупрежденіе преступленій и какіе новые критеріи для измѣренія преступности могутъ быть выставлены вмѣсто тѣхъ, которые предусмотрѣны въ дѣйствующемъ правѣ. Нѣкоторое развитіе получаетъ и изученіе связи преступленія съ степенью образованности, обеспеченностью отдѣльныхъ классовъ населенія и алкоголизмомъ. На всѣ эти вопросы даются, однако, только отвѣты, далеко не исчерпывающіе поставленныхъ проблемъ и пригодные только въ качествѣ исходныхъ пунктовъ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

А.

Абеггъ I. Ф. Г. (I. Fr. H. Abegg)—599.
 Августинъ бл.—243.
 Агафоновъ Н. — 382, 383, 387, 389--391, 508.
 А. И.—652.
 Алейниковъ Ан. (депутатъ)—271, 274.
 Александръ I—9, 81, 225, 233, 237, 293—295, 297—301, 303, 304, 306, 309, 312, 430, 431, 525, 527, 528, 534, 543, 545, 551, 552, 554.
 Александръ II—560.
 Алексѣй Михайловичъ—19, 23—25, 28, 29, 33, 37, 51, 145, 148, 158, 191, 198, 205, 227, 253, 254, 313, 327, 328, 330, 433, 580, 581, 601, 634, 635, 637.
 Алексѣй царевичъ—43, 73, 146.
 Алехинъ Н. М.—385, 427, 446, 448.
 Апаньевскій—312.
 Анастасевичъ В.—468.
 Андерсъ Э.—449.
 Андреевскій И.—164, 251, 556.
 Андреевъ В.—644.
 Аничковъ И.—334, 338.
 Анна Иоанновна—64, 192, 205, 268.
 Ададуровъ—191.

Аристовъ Н.—297, 298.
 Арсеньевъ К.—612, 638, 642—644.

Артемьевъ А. А.—143, 166, 174—177.

Б.

Бабичевъ А. К.—334, 338, 344, 346.

Багалъй Д.—345, 346, 430--432, 456, 457, 459, 474, 476--478, 509, 571, 576, 587, 588, 590.

Байеръ (Bayer)—79, 190, 191.

Бакмейстеръ (H. L. Ch. Backmeister)—84, 164, 174, 189, 338.

Балицкій Г.—543.
 Балугьянскій М. А.—309.

Бантышъ - Каменскій Д.—43, 51, 189, 224, 225, 232, 242, 246, 254, 526.

Бантышъ - Каменскій Н. Н.—43, 94, 95.

Барановскій С.—661.
 Барсуковъ Н.—224, 225, 512, 554, 588.

Бартеневъ В.—652.
 Бартеневъ П.—216.

Баршевъ С. И.—177, 607, 618—628, 647.

Баршевъ Я.—556, 628, 632, 633.

Баръ—648.

Баскаковъ—121, 125, 131.

Баторій Стеф.—301.

Баузе (Bause Th.)—34, 35, 207—213, 457.

Баумейстеръ—43, 94, 95.

Бауэръ А. (A. Bauer)—495, 498—502.

Башиловъ—168.

Безбородко кн.—297.

Безгицъ Ив.—101, 102.

Безобразовъ В. П.—25.

Бекенштейнъ—56, 79—81, 150, 155.

Беккария (Beccaria)—99, 103—107, 109, 111

—124, 126, 128—130, 135—139, 141, 215,

216, 220—223, 231, 239—241, 254, 257,

289, 297, 356, 413, 414, 419, 461, 463, 464, 476,

478, 483, 484, 502, 513—515, 517, 526, 528,

529, 531, 533, 540, 542, 543, 551.

Беллингсгаузенъ И. Ѳ.—427, 451, 452.

Бемеръ Юг. Сам. Фр. (Böhmer)—365.

Бентамъ (Bentham)—420, 470, 476, 514, 515,

517, 526, 527, 531, 533, 534, 540, 541, 551,

654—656.

Березкинъ С.—556, 559, 563.

II.

- Бернарди М. (Bernardi)—513, 514.
 Бернеръ А. Ф. (A. Berner)—103, 574, 585, 606.
 Бессеръ—309.
 Билевичъ М. В.—465, 474, 475.
 Билфельдъ (Bielfeld)—110, 114, 125, 136—138, 512.
 Билярскій—82, 166.
 Биронъ—151, 268.
 Биенер F.—629.
 Б—ій—447, 448.
 Благовѣщенскій А.—1, 31, 32, 95.
 Бланкъ П.—103.
 Бланъ Ип. (Hipp. Blanc)—654.
 Блюментростъ—74—76.
 Бобровскій П—51—53, 60, 61.
 Богдановскій А.—430, 628, 633, 634.
 Боголюбовъ С. Г.—334, 338, 344, 447, 495.
 Богородскій С. О.—607, 608, 610, 611.
 Болинброкъ—526.
 Болтинъ И. Н.—246, 248, 251—254, 428, 429, 433—435, 630.
 Болховитиновъ прот. (митр. Евгений)—430.
 Бомонъ (Beaumont)—576.
 Бороздинъ И.—554.
 Брикнеръ А.—101, 103, 265.
 Бриссо-де-Варвилъ (Brissot de Warville)—420.
 Бровцынъ Гр. (деп.)—273.
 Брэккеръ (Brockker E. G.)—451.
 Бузескулъ В.—346, 459, 477, 571, 587, 590.
 Булгаковъ Макс.—40, 43, 44.
 Буле (O. Th. Buhle)—465, 466.
 Буличъ Н.—380, 382—387, 390, 391, 440, 445.
 Бульмерингъ М.—644, 658.
 Бунге (Bunge Fr. Georg)—1, 76, 303, 369, 476, 519.
 Б. Ф.—519.
 Бѣлавѣнецъ И.—652.
 Бѣликовъ С.—103.
 Бѣлоусовъ Н. Г.—465, 474, 475.
 Бѣляевъ—199, 348, 357.
 Бэконъ—533.
- В.**
- Василенко Н.—637.
 Василий Ивановичъ—34.
 Васильевскій—345.
 Васильевъ И. В.—427, 429, 435—439.
 Веденскій Евф.—243.
 Веденѣевъ В. (деп.)—284.
 Вейдс—60.
 Величковскій—39.
 Вельяминовъ - Зерновъ В.—510.
 Венгеровъ С.—174, 338, 632, 643.
 Венечанскій С.—223, 234, 526.
 Вернадскій И.—661.
 Верховскій К.—28.
 Веселаго Ѳ.—92.
 Веселовскій акад.—659.
 Вешняковъ Ц.—200—202.
 Вильгаузенъ—53.
 Вилъке И. Д.—505, 511, 512.
 Винаверъ М.—645.
 Виниусъ Анд. Анд.—50.
 Винклеръ I. Г. (Winkler)—83, 85, 86, 90, 91, 95.
 Винсгеймъ—152.
 Вишневскій Гедeonъ еписк.—45.
 Вишницеръ М.—543.
 Вильда (Wilda)—581.
 Владимірскій—382.
 Владимірскій-Будановъ М.—1, 21, 24, 26—28, 59, 72, 103, 155, 450, 587, 588, 610, 611, 630, 634.
 Владиміръ кн.—159.
 Власьевъ Н. С.—567, 580, 584, 585, 606.
 Водарскій В.—512.
 Воейковъ А.—232.
 Воыньскій А. П.—261, 265, 268.
 Вольтеръ—215, 461, 478, 483, 484.
 Вольфъ—75, 86, 169, 247, 248, 465, 474.
 Востоковъ А.—54.
 Врангель Е. В.—427, 446—448, 495.
 Вяземскій П. А. кн.—224.
- Г.**
- Гавріилъ архим.—378, 379, 382, 385, 388.
 Гавріилъ (Шетровъ) митроп.—100, 214, 242—246.
 Галль—487.
 Гельшнеръ (Hälschner Н.)—573.
 Гаснаръ-де-Ховелланосъ—533.
 Гегель—567, 605.

III.

- Геевскій С.—477.
 Гейманъ—92.
 Гейнекцій І. Г.—93, 208—214, 392.
 Гелльфельдъ—392.
 Гельвецій (M. Helvetius)—216, 218, 221, 222, 226, 469.
 Генке Эд. (Ed. Henke)—364—368, 586—592, 594, 621, 622, 628.
 Геннади Гр.—83, 96, 169, 174, 177, 193, 208, 232, 242, 325, 335, 338, 348, 371, 374, 382, 435, 467, 469, 471, 474, 477, 492, 494, 495, 518, 519, 527, 587, 597, 635, 640.
 Геннадій еп. новгород.—15.
 Генцъ (F. C. Herr)—605, 611.
 Герберштейнъ С.—145, 147, 433.
 Германъ акад.—535.
 Гернетъ М. Н.—380.
 Герценъ А.—225, 232.
 Герье В.—72.
 Гизо (Guizot)—543.
 Глазовъ М. (деп.)—271.
 Глазуновъ—331.
 Глобичъ—317.
 Глюкъ Эрнстъ—56, 74, 392.
 Гмелинъ (Gmelin)—420.
 Говардъ—223, 231, 526, 533, 575.
 Гэнеръ (Goener N. F.)—103, 312.
 Голиковъ—43.
 Голицынъ кн.—382.
 Головщиковъ К.—469, 511, 594.
 Голохвастовъ Д. П.—36.
 Голльманъ (Hollmannus)—94, 95.
 Гольтцендорфъ—653.
 Гордѣенко Г.—100, 296, 311, 369, 370, 484, 486, 494, 503—505, 555, 586, 589—594, 603.
 Гореглядъ О.—100, 311, 321, 362, 371—374, 392, 549.
 Городискій А. (Кистяковскій)—99, 103.
 Городчаниновъ Г.—309, 387—390.
 Горюшкинъ З.—203, 233, 334, 338—340, 347—359, 361, 548, 561.
 Гофбауэръ (Hofbauer)—469.
 Градовскій А.—164.
 Григорій XIII—301.
 Григорій св.—243.
 Григорьевъ В.—344, 369, 447, 448, 492, 494, 495, 596, 602, 612, 632, 633, 645.
 Гриммъ Як.—433.
 Грольманъ К. (Grolman)—365, 367, 368, 378, 379, 381, 398, 415—418, 421, 423, 549.
 Гроссъ Хр. (C. H. Gros)—56, 76—79, 474.
 Гротъ Я.—215.
 Груберъ Е.—506.
 Грыцько—632.
 Гуго—508, 512.
 Гуго Гроцій—73, 74.
 Гуляевъ П. Н.—362, 374—377, 549.
 Гундлингъ—93, 398.
 Гуфеландъ (Hufeland)—469, 470.
 Гюйсенъ (Huysseu F.) бар.—190.
- Д.
- Дабеловъ - Дядьковскій—83, 178, 183.
 Давидовичъ Ив.—477.
 Давиловичъ И.—453, 586, 587, 588, 589, 591, 594, 610.
 Даріесъ І. (Daries)—511.
 Дегай П.—1, 33, 431, 495, 508, 638, 640, 641.
 Демидовъ П. Г.—469, 511, 594, 607.
 Деппъ Ф.—567, 580, 581, 637.
 Десницкій С. Е.—32, 65, 66, 143, 166, 168, 169, 174, 177—188, 203, 427, 455, 456, 458, 459, 460.
 Дидро—461, 478, 483—526, 540.
 Дильтей Ф. Г.—56, 82—86, 169, 174.
 Дитяинъ И.—25, 51.
 Диксонъ (Dikson)—575.
 Д. М.—601.
 Дмитриевъ Ѳ.—559.
 Дома (Domat)—254.
 Доре-де-Бри (Daugay de Brie I. F.)—511.
 Дротаевскій П.—644.
 Думашевскій А.—355.
 Дьяконовъ М.—16, 17, 19—23, 449, 635.
 Дюкпесо (Ducpessaux)—576.
 Дюмонъ Ст.—526.
- Е.
- Евгеній митр.—42, 43, 83, 85, 96, 169, 174, 177, 195, 207, 208, 210, 211, 232, 242, 247, 250—252, 263, 329, 371, 430, 435, 467.
 Екатерина I—74, 75, 192, 205.

IV.

Екатерина II—1, 48,
49, 63, 82, 93, 99, 100—
104, 107, 117, 121, 164,
170, 178, 200, 203, 205,
215, 223, 225, 228, 230
—233, 242—247, 254,
263, 285, 297, 358, 372,
409, 410, 496, 527, 530,
546, 650.

Елисавета Петровна
—205, 216, 225, 228,
242, 243.

Елпатовскій В. К.—
100, 484, 486, 494—
503.

Engelbrecht G.—146.

Erman A.—216, 224.

Есиновичъ Я.—24, 635.

Ефремовъ П. А.—215,
216, 225, 228, 242, 243.

Ж.

Жиряевъ А. С.—586,
596—599, 603.

З.

Забѣлинъ А.—659.

Забѣлинъ И.—24.

Завадовскій гр.—299,
312.

Загоскинъ Н.—19—21,
25, 26, 28, 29, 346, 377,
378, 381—388, 391,
440, 446, 447, 450—
452, 506—509.

Загурскій Л.—431, 456,
458, 474, 476, 478, 571,
590, 592, 640.

Закревскій Н.—39, 41,
43, 46.

Зарудный М.—652.

Зарудный С.—99, 103,
138, 139.

Зиновьевъ—215.

Золотницкій В. Т.—
56, 96—98.

И.

Ивановъ Е.—430, 456,
457, 459, 474, 477,
495, 590.

Иванишевъ Н. Д.—
628, 630—632.

Игорь—437.

Иконниковъ В.—34, 41,
46, 526, 529, 531—533.

Илинскій—191.

Ильинскій—312.

Имгоффъ Ф. Л. М. (Im-
hoff)—143, 145—149.

Инокентій—243.

И. Ш.—644.

I.

Иенуль (Ienull)—593.

Иерингъ—604.

Иоаннъ Алексѣевичъ
—41.

Иоаннъ Васильевичъ
—24, 34, 39, 159, 250,
251, 435, 637.

Иосифъ патр.—45.

К.

Кавелинъ—26.

Кадлецъ К.—452.

Калайдовичъ К.—435.

Калась—215.

Калачовъ Н.—24, 51,
195, 196, 232, 236, 326,
328, 330, 331, 337, 577,
580, 581, 597, 607, 618,
628, 632, 635, 636, 637,
643, 644, 652—654,
659, 661.

Каллиграфъ Влад.—12,
46, 47.

Калмыковъ Вл.—178,
183.

Калмыковъ П. Д.—607,
608, 612—618, 642.

Канзій (Cansius)—
94, 95.

Кантъ—465, 473, 475,
605.

Капустинъ—83, 85.

Каразинъ Ф.—559.

Карамзинъ Н. М.—427,
429—431, 433.

Каринъ—215.

Карль V—51, 52, 608.

Карякинъ П. (деп.)—
271.

Каховскій П. Г.—525,
535, 542, 543.

Келеръ Г.—511.

Кеммерихъ (Kemm-
erich)—365.

Кипіани Д. И.—508.

Кистяковскій А.—103,
573, 600, 602, 610,
611, 648.

Клейнъ—398.

Клейншродъ (Klein-
schrod)—366, 368.

Клоссиусъ—34.

Ковалевъ Ив. (деп.)—
273.

Кожевниковъ Ив.—53.

Козловъ Хр.—660, 661.

Cosseius—183.

Колосовскій П. Д.—
586, 599—603.

Кондыревъ М. (деп.)—
283.

Кондыревъ П.—468.

Кони А.—645, 640.

Корбъ—434.

Коренковъ—215.

Коркуновъ Н.—64, 74,
92, 164, 178, 183, 348,
355, 556, 563, 568.

Коровецкій А. (Коро-
вицкій)—193, 195, 197,
311, 326, 328, 330, 331,
356, 357, 361, 368, 371,
377, 427, 453—455.

Корсаковъ В.—506.

Корфъ бар.—190.

- Корфъ М.—559, 562, 563.
 Кестлинъ Р. (Köstlin
 . R.) —571—575, 577,
 578, 585.
 Кошихинъ Гр. (Селиц-
 кій)—12, 36—38.
 Крамаренковъ В.—215.
 Краффтъ Г.—82.
 Кретшмеръ—398.
 Кроковскій Іоас.—12,
 43, 44, 47.
 Krugerus—95.
 Кувшинскій Н.—469.
 Куглеръ—167.
 Кукольникъ В.—474.
 Кулябко С. П.—382, 390.
 Куникъ А.—76, 247.
 Кунцынъ А. П.—307,
 308, 465, 470—474.
 Куракинъ А. В. кн.—
 168.
 Кутузовъ—215.
 Кушелевъ-Безбород-
 ко Г.—582.
- Л.
- Лаваль гр.—309.
 Лавровскій Н.—474,
 475.
 Лакіеръ А.—651.
 Лалаевъ—65, 93.
 Ламанскій Н.—652—
 654.
 Ламбинъ П. П.—268.
 Лангансъ Ф.—193—
 198, 329.
 Ланге Н. И.—430, 628,
 632.
 Лангеръ К. Г.—143,
 166, 169—178, 181,
 183, 184.
 Лангъ І. М.—505, 509,
 510.
 Лапно - Данилевскій
 А.—1, 203, 254, 255.
 Ларіоновъ Аѳ. (деп.)—
 271, 274.
- Латкинъ В.—47, 56, 72,
 73, 304.
 Лебедевъ Вас.—155.
 Левитскій В.—509.
 Лейбницъ—47, 56, 72,
 73, 304.
 Леклеркъ—252.
 Леоновъ С.—619.
 Леонтьевъ Ал.—189,
 438.
 Lepelletier de la
 Sarthe—652.
 Lermnier M.—73.
 Леруа—152.
 Лешковъ В.—15, 39,
 169, 170, 265, 627, 628.
 Линовскій В.—25, 430,
 628, 634, 635.
 Липинскій М.—103, 299.
 Л. Н. 661.
 Лодій П.—308, 369, 471,
 484, 486, 492—495,
 594.
 Ломоносовъ М.—73,
 82, 166.
 Лонгиновъ М.—215,
 243, 559.
 Лопухинъ И. В.—100,
 214, 232—241, 484.
 Лопухинъ кн.—312.
 Лоттеръ—190.
 Лубкинъ А.—468.
 Лубяновскій Ѳ. П.—
 232, 348.
 Лудмеръ Я.—451.
 Лучинскій Г.—254.
 Львовъ П.—435.
 Любавцевъ Ст. (деп.)—
 283.
 Любавскій А.—612,
 638, 641, 642.
 Людовикъ XIV—52.
- М.
- Маблн—225.
 Магницкій М.—307—
 309, 380, 382, 385—
 388, 390, 391, 447, 507.
- Маевскій Н.—607, 618.
 Майковъ П.—311, 346,
 471, 561—563.
 Максимейко Н.—587.
 Максимовичъ И.—430,
 567, 580, 582—584.
 Максимовичъ Л.—318,
 325—328.
 Маловъ М. Я.—505, 518,
 519.
 Мальбланкъ—398.
 Мальгинъ Т.—435.
 Манасинъ Е. П.—505,
 508, 509.
 Маркевичъ А.—584,
 633.
 Мармонтель—243, 246.
 Мартенсъ—594.
 Мартини К. А. (Mar-
 tini)—474, 475, 492,
 494.
 Мартосъ А.—242, 243,
 246.
 Масловъ П.—659.
 Матвѣевъ Ан. Ар.—51.
 Мацѣевскій В. (Ma-
 cieiowski W. A.)—
 303, 402.
 Мауерберг бар.—145.
 Мейнерсъ—293, 305,
 506.
 Мейстеръ (Ch. Fr. Mei-
 ster)—398, 474, 506.
 Мельницкій Н.—65,
 92, 93.
 Миллеръ Ф. Ф.—74, 75,
 77, 79—82, 94, 151,
 152, 164, 166, 190—
 192, 247.
 Милюковъ П.—15, 41,
 169, 247.
 Минихъ—64, 192.
 Мироновъ Н. (деп.)—
 273.
 Миславскій Аѳ.—263.
 Михайловъ Ив. Ив.—
 382, 390, 391.
 Михайловъ М.—526.

VI.

<p>Михайловъ Онисимъ — 53.
Михаловскій К. Ф. — 427, 456, 459, 460.
Михневичъ І. — 634.
Minzloff R. — 145.
Mittermaier (Миттермайеръ) — 1, 76, 367, 419, 564, 576, 592, 593.
Могила Петръ — 39, 41, 42.
Монтеस्कье — 104—106, 108—111, 113, 116—118, 121—127, 129—139, 178, 184, 214, 215, 225, 231, 240, 254, 260, 261, 289, 297, 413, 414, 470, 476, 513, 514, 526, 527, 533, 540, 541, 551.
Мордвиновъ Н. С. — 525—534.
Morelette A. — 104, 221, 222, 526.
Morgenstern M. — 146.
Морковъ И. А. — 334—336.
Морошкинъ Ѳ. — 24, 39, 178, 340, 341, 450.
Мужилловскій — 44.
Муловъ П. А. — 638, 642—644.
Muuart de Vouglans — 254.
Мютель І. Л. (Müthel) — 373.</p>	<p>Нейманъ И. Е. — 303, 427, 429, 439—452, 455, 495.
Неключовъ Н. — 103, 577.
Несвижскій кн. — 215.
Нестеровъ В. дьякъ — 50.
Несторъ — 248.
Неттельбладтъ Дав. — 83—90, 169, 356, 398, 511.
Неустроевъ П. (деп.) — 274.
Никитенко А. — 492, 494, 553, 554, 612.
Николай І. — 9, 527, 552—555, 557, 649, 650.
Никольскій — 387.
Н. И. X. — 331.
Новиковъ В. — 223, 231.
Новиковъ Н. Ив. — 232, 242, 243.
Новосильцевъ — 312.
Ноеллеръ F. — 656.
Нѣмчиновъ Ив. — 268.</p>	<p>Павелъ митр. — 46.
Павловскій Левъ — 164.
Павловъ-Сильванскій Н. — 265, 535.
Палацкій — 631.
Палюмбецкій А. И. — 567, 568, 571—577.
Панинъ Ник. гр. — 101.
Пантелѣевъ Л. — 102.
Пассекъ А. — 654, 655.
Пассекъ Е. В. — 495.
Пассекъ Т. П. — 495.
Пасторе — 514.
Паткуль — 74.
Паузе І. В. — 74.
Пауловичъ К. (Paulovitsch) — 100, 475, 477—484.
Пекарскій П. — 41, 42, 44, 45, 72, 74—76, 80, 81, 150—153, 155, 159, 164, 247, 263.
Пестель П. И. — 525, 535—542.
Пестовъ Ив. — 327.
Петровъ Ек. — 327.
Петръ Великій — 1, 8, 39, 41, 43, 48—52, 59, 60, 61, 71—75, 145, 204, 205, 207, 263, 268, 276, 297, 308, 327, 392, 596, 609, 633.
Петръ II — 80, 192, 205.
Плянкевичъ Н. — 86.
Платнеръ — 224.
Платонъ митр. — 243.
Платоновъ И. — 451.
Плетневъ П. — 344, 471, 472, 492, 494, 495, 612.
Плясовъ М. — 307, 309.
П(обѣдоносцевъ) К. — 195—197, 326, 328, 330, 331, 333, 334, 337.
Погодинъ М. — 247, 266, 512, 554, 588.
Покровскій Гер. — 309, 465, 469, 470.</p>
Н.		
<p>Н. студ. — 477, 590
Набоковъ В. — 645.
Наполеонъ І — 305.
Нарышкинъ С. — 165.
Насакинъ — 215.
Наумовъ И. М. — 505, 519—524.
Невзоровъ М. — 232.
Неволдинъ К. — 587.</p>	<p style="text-align: center; padding: 10px 0;"> <h3 style="margin: 0;">О.</h3> </p> <p>Овсякинъ Ан. (деп.) — 274.
Одоевскій — 26.
Оларій — 147.
Олегъ — 437.
Олинъ — 332.
Ольга кн. — 159.
Орловъ А. — 555.
Орловъ И. — 325, 332, 333, 660.
Орловъ кн. — 101.
Орловъ М. Ѳ. — 541.
Остерманъ — 79.
Отсолничъ — 652, 654.</p>	П.
П.		
Павелъ І — 225, 233, 246, 298, 301, 527.		

VII.

- Полетаевъ Н. — 567, 579, 580, 648.
 Поликарповъ Бор.—95.
 Поликарповъ Ѳ.—45.
 Полонскій П.—369.
 Полѣновъ А. Я.—143, 166—168, 181, 455.
 Полѣновъ В. А.—242.
 Полѣновъ Д.—50, 102, 103, 167, 168, 269.
 Пономаревъ П.—382, 383, 387, 390, 391.
 Поповъ А.—628, 630.
 Поповъ Б.—459.
 Поповъ Н.—247, 308, 309, 384, 389.
 Поповъ П.—204.
 Поппе К.—662.
 Посошковъ Ив.—261, 265—269.
 Правиковъ А. — 325, 329, 330, 331, 333, 348.
 Правиковъ Ѳ. — 325, 329, 330, 331, 333, 334, 337, 338, 345, 348.
 Прокоповичъ Теоф.—43, 94.
 Протасовъ С. А.—362, 425—427, 549.
 Протопоповъ — 528, 531.
 Прянишниковъ—312.
 Пусторослевъ П.—596.
 Пуффендорфъ—74, 77, 78, 83, 85, 94, 182, 308, 594.
 Пшеничный—312.
 Пыпинъ А. Н.—294, 295, 298, 306, 527, 543.
 Пѣтуховъ Е. В.—302, 449, 474.
- Р.
- Радищевъ А. Н.—100, 214, 215, 216, 224—232, 241, 312.
 Радищевъ П. А.—224, 226.
 Раевскій В. Ѳ.—541.
 Разумовскій А. К.—511.
 Раковіескі І. (И. Раковецкій)—452, 453.
 Ратовскій Н. В.—607, 610.
 Р—въ В. - 535.
 Рейнгагдъ Ф. Гр.—385, 465, 467—470.
 Рейтъ Б.—465, 474.
 Рейхмутъ—56, 74.
 Рейцъ А.—39, 303, 427, 429, 439, 449—451, 596.
 Репнинъ Н. В.—301.
 Ресслеръ—93.
 Рождественскій С.—554.
 Розенгеймъ М.—60.
 Рознатовскій Еф.—215.
 Романовичъ - Слова-тинскій А.—164, 630.
 Рославскій - Петровскій Е. А.—430, 456, 457, 477, 587.
 Росси—589.
 Рубановскій—215.
 Румовскій—447.
 Руничъ Д.—307, 309.
 Руссо Ж. Ж. (Roussseau)—214, 216, 217, 220—223, 289, 513, 594.
 Рѣдкинъ П. Г.—567—570, 637, 655.
 Рюрикъ—1, 39, 175.
- С.
- Саввантовъ П.—559.
 Савиньи—603.
 Салмановъ П. А.—600, 602, 607.
 Сандуновъ Н. Н.—334 338, 340—342, 344, 345.
 Саповичъ—44.
 Свербеевъ—543.
 Селезневъ И. — 447, 470—472.
 Селивановъ И.—662, 663.
 Семевскій В.—527, 535, 541—544.
 Семеновскій Д. М.—586, 594—596.
 Серванъ (Servin) — 215, 240, 241, 420, 484.
 Сергѣевичъ В. И.—25, 26, 103, 105, 269.
 Сергѣевскій Н.—53, 54.
 Серебрянный Я.—644.
 Сильвестръ—36.
 Славинецкій Ел.—46.
 Смирновъ С.—45—47, 334, 338, 342, 343, 510.
 Смитъ Адамъ—183.
 Смотрицкій Мелетій—44.
 Снегиревъ И. М.—208, 347.
 Снелль—465, 467, 468.
 Снядецкій Ив.—453.
 Соболевскій А. И.—15.
 Собѣстіанскій И.—247, 251, 429, 630, 631.
 Собѣщанскій И.—650.
 Соколовъ П.—347, 361, 362, 548, 561.
 Солнцевъ Г. И.—51, 100, 195, 307, 308, 311, 325, 356, 361, 362, 370, 373, 374, 377—426, 440, 447, 494, 507, 518, 549.
 Солнцевъ Ил.—382.
 Соловьевъ С. — 247, 249, 251, 252, 254, 260.
 Спасовичъ В. Д.—638, 644—649.
 Спасскій А.—331.
 Спасскій Н. Т.—334, 338, 344, 345.
 Сперанскій М.—203, 319, 325, 444, 527, 556, 559—563.

Срезневскій—385.
 С. С.—652.
 Stahl S. (Шталь)—86,
 591, 593.
 Станиславскій А.—1,
 33.
 Stintzing R. (Штинт-
 цингъ)—322, 323.
 Столыпинъ—383.
 Стояновъ А.—73, 82,
 86, 87, 632.
 Струк—209.
 Стритеръ I. Г.—433.
 Строевъ Вл.—24, 25.
 Стросвь П.—435.
 Стршмень-Стройнов-
 скій Iер.—465, 468.
 Суворинъ А.—225.
 Суворовъ П.—382, 390,
 391.
 Сумароковъ—244.
 Сумцовъ Н.—346, 459,
 477, 571, 587, 590.
 Сухомлиновъ М.—75,
 76, 94, 153, 166, 224—
 230, 242—246, 305,
 306, 308, 309, 312,
 430, 431.
 Сухопрудскій Ив. (деп.)
 —272, 280.
 Сычуговъ И.—385, 467.

Т.

Таганцевъ Н.—373,
 378, 415, 448, 564, 573.
 Тарановскій Ө.—73,
 103, 429, 451.
 Татищевъ В. Н.—175,
 246—252, 428, 429,
 433—435, 630.
 Тацитъ—491.
 Teichmann—209.
 Телькампфъ (Tel-
 камpf)—576.
 Теттау—65, 92, 93.
 Тилли—382.

Тимковскій И.—339,
 427, 431, 456—460.
 Тимофеей іеромонахъ—45.
 Тимьянскій В.—389,
 390.
 Титаревъ В.—431, 475,
 476.
 Титманъ К. А. (Tit-
 mann)—366, 368,
 441—443.
 Тихонравовъ—207,
 208, 211.
 Ткачевъ П.—652, 654,
 655.
 Тобинъ Э. (Tabien
 Ew.)—303, 450, 581,
 628, 635, 636.
 Токвилль (Тоқuevil-
 le)—576.
 Толмачевъ (деп.)—277.
 Толстой Д.—60, 64, 82,
 92, 153.
 Томазіи—73, 82, 248,
 293, 304, 364, 511.
 Тредіаковскій—191.
 Трейтлингеръ—167.
 Третьяковъ М.—435.
 Трипольскій—215, 240.
 Троцина К.—582.
 Трубецкой кн.—215.
 Туйковъ Н. В.—381,
 385.

Thimigius—95.
 Турбинъ С. И.—268.
 Тургеневъ Н. И.—525,
 535, 543, 544.
 Тышкевичъ Ал.—44.
 Тютчевъ П.—612.

У.

Уваровъ С.—554.
 Ульианъ—172.
 Унгернъ-Штерибергъ
 —450.
 Урбихъ—72.

Урениусъ Як. (деп.)—
 284.
 Урусовъ С.—556.
 Успенскій Ал.—178,
 180.
 Успенскій Г. П.—427,
 429—435.
 Ушаковъ С.—334, 336.
 Ушаковъ Ө. В.—100,
 214—224, 240, 241.

Ф.

Фатѣевъ А.—571.
 Федоровичъ Г. Ф.—
 143, 166, 167.
 Фейербахъ П. А.—223,
 317, 362, 365, 367—
 371, 392, 395, 398, 418
 —423, 462—464, 485,
 486, 489, 492, 494—
 499, 501, 502, 505, 549,
 615, 616, 621, 628.
 Фельдштейнъ Г.—51,
 102, 107, 117, 308, 384
 —386, 390—392, 425,
 440, 447, 489, 494, 507,
 518, 618, 621, 624, 625,
 627, 628.
 Фефиловъ Еф. (деп.)—
 —271.
 Фикъ Генрихъ—75, 80.
 Филимоновъ В. С.—
 465, 467.
 Филиповъ А.—17—
 23, 25—27, 29, 559,
 561.
 Филофей митр.—59.
 Финке I. X. (Финкъ)—
 385, 445, 505—508.
 Фишеръ Юг.—167, 309.
 Фіалковскій А.—325,
 331.
 Filangieri (Филанд-
 жіери)—420, 461, 513,
 515.
 Флетчеръ—434.

IX.

Флюгъ—92.
 Фогель Г. (Vogel G.)
 —51, 607—610.
 Фойхтъ—145.
 Фонъ-Визинъ М. А.—
 541.
 Фриголе—660.
 Фроманн Joh. Heing.
 —1, 32, 146.
 Füsslin I.—652.

Х.

Хавскій П—194, 196,
 197, 325—328, 330,
 332, 348 356.
 Хавскій Т.—325, 327,
 328, 332.
 Ханылевъ С.—347, 359
 —361.
 Хвостовъ А.—660.
 Хомяковъ А.—602.
 Хотинскій М.—302.
 Храповицкій А. В.—
 225.
 Хрущовъ Ал.—526.

Ц.

Зашагій—1, 76.
 Цвѣтаевъ Л.—345, 465,
 466, 505, 512—518.
 Цебриковъ—369.
 Цейллеръ—492.

Ч.

Чебышевъ-Дмитріевъ
 А. П.—430, 586, 602—
 607, 637, 665.
 Челщевъ (Щели-
 щевъ)—215.
 Чернышевъ гр.—151,
 152.

Чечулинъ Н.—99, 102,
 103, 105, 109, 110, 112,
 114, 117, 118, 120, 122,
 124, 125, 126, 130, 131,
 136, 358.
 Чириковъ Г. С.—590.
 Чулковъ, М.—193, 195
 —198, 329, 331, 333,
 334, 348.
 Чупровъ Ив. (деп.)—
 271.

Ш.

Шалфѣевъ Н.—22, 23,
 27, 31.
 Шарлотта-Христина-
 Софія—146.
 Шевыревъ С.—82—84,
 169, 178, 486, 487, 510,
 512, 518.
 Шеллингъ—593.
 Шершеневичъ Г.—1.
 Шешковскій С.—226.
 Шигинъ—225.
 Шиллеръ—93.
 Шильдеръ Н.—553, 554.
 Шимановскій М.—636.
 Ширинскій кн.—554.
 Шишацкій Варл.—456.
 Шинкинъ Іак.—268.
 Шинкинъ Р.—567, 577,
 578.
 Шинковъ адм.—553.
 Шлецеръ А. Л.—247,
 345, 429; X. А.—505,
 510, 511.
 Шмальць (Schmalz)
 —465, 466, 469.
 Шмидъ—605.
 Шпилевскій—25, 429,
 430.
 Штекгардтъ—309.
 Штельцеръ X. Ю. Л.
 (Steltzer)—364, 365,
 462—464, 484—492.

Штрассъ (C. F. Strass)
 —570, 604.
 Штригтеръ (Стри-
 теръ)—74, 77, 79, 81.
 151, 152, 192.
 Штрубе-де-Пирмонтъ
 (Струбе) Ф. Г.—143,
 150—167.
 Штюбель X. (Stübel
 Ch. C.)—365, 366, 368.
 Шугуровъ М.—166—
 168.
 Шугуровъ Н.—456.
 Шулгинъ В.—453, 587,
 588, 610.
 Шумахеръ—75.

Щ.

Щебальскій П.—103.
 Щеголевъ П.—542, 543,
 Щедринъ Ал.—337.
 Щербаковъ А.—325,
 333, 334.
 Щербатовъ М. М.—246,
 248, 252—261, 428,
 433, 435.

Э.

Эберти—652.
 Эверсъ И. Ф. Г.—427,
 429, 449—451, 596,
 630.
 Энгау—398.

Ю.

Юстиніанъ—34, 79,
 167, 170, 213.

Я.

Языковъ Д.—526.
 Якобъ Л. А.—318.

Х.

Якобъ Л. Г. (Л. Н. Гасов) — 310, 311, 317 — 321, 469.	Ярославъ кн. — 158, 159.	Теодоръ Иоанновичъ — 21.
Якушкинъ В. — 224.	Яснинскій М. — 103.	Теоктистовъ — 308, 382, 387, 388.
Яневичъ-Яневскій К. — 653, 655 — 658.	Θ.	Теофанъ патр. — 40.
Яновскій А. — 178.	Θедоровъ А. А. — 334, 338, 344, 346, 347.	Θома св. — 243.
Яновъ — 215.	Θеодоръ Алексѣевичъ 45, 46.	
Ярке (Гарске) — 620, 621, 628.		

Замѣченныя опечатки.

Стр.:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	prosus	prosus
9	дѣятелей времянъ	политическихъ писателей, предшествовавшихъ
10	просмотръ	просторъ
20	судебниковъ	Судебниковъ
60	учрежденій	учрежденій
64	кадетовъ	кадетъ
80	1900	1900
129	дословне	дословно
152	писали	писали
191	Арадуорову	Ададуорову
277	онымъ	онымъ
293	матеріала	матеріала
310	и связанныя	и связанныя
—	усилія и	и усилія
315	уголовнаго права	уголовнаго права“
321	Anmerkungen	Anmerkungen
323	литертуры	литературы
336	собранъ	собранъ
349	то, что	то, что
352	„догматической	динамической
—	отвенено	отведено
374	приходится	приходится
411	неумышленности	неумышленности
571	сужданія	сужденія
581	дѣйствительности	дѣйствительности
584	системъ	системъ
—	человѣчествомъ, тоодно	человѣчествомъ, одно
586	правъ	права
633	несомнѣнно что,	несомнѣнно, что
655	начала	началъ
657	затрогиваетъ,	затрогиваетъ